Владимир
СВЕРЖИН

КРУЖЕВО
НОРНЫ

Владимир
СВЕРЖИН

КРУЖЕВО НОРНЫ

Владимир
СВЕРЖИН

Владимир
СВЕРЖИН

Владимир
СВЕРЖИН

КРУЖЕВО НОРНЫ

ТРЕХГЛАВЫЙ ОРЕЛ

•

ВСЕ ЛОРДЫ КАМЕЛОТА

•

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ВОСВОЯСИ

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
С24

Компьютерный дизайн С.В. Шумилина

Свержин, В.
В19 Кружево Норны: Трехглавый орел. Все лорды Камелота. Крестовый поход восвояси : [сб.] / Владимир Свержин. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — 1086, [2] с.

ISBN 978-5-17-047802-6 (ООО «Издательство АСТ») (С.: Под Дозоры)
ISBN 978-5-9713-6643-0 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
Серийное оформление А.А. Кудрявцева

ISBN 978-5-17-047738-8 (ООО «Издательство АСТ») (С.: БМФ)
ISBN 978-5-9713-6632-4 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

Владимир Свержин — популярный отечественный фантаст, автор знаменитого приключенческо-иронического сериала о похождениях сотрудников Института Экспериментальной Истории Вальдара Камдила и его хитроумного напарника по прозвищу Лис, чья профессия — странствовать по параллельным реальностям и восстанавливать нарушенную историческую справедливость.

В эту книгу вошли три романа сериала — «Трехглавый орел», «Все лорды Камелота» и «Крестовый поход восвояси».

Альтернативная история Средневековья никогда еще не была такой забавной!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© В. Свержин, 2007
© ООО «Издательство АСТ», 2007

ТРЕХГЛАВЫЙ ОРЕЛ

Часть скандала обычно остается в тени, и это всегда его лучшая часть.

Правило тени

Пролог

Самое время посмотреть, что можно сделать из этого полена?

Папа Карло

Взвился лиловый плащ, блеснув золотым шитьем, взвился, пугая пламя на свечах, будто бы обещая явление кролика из шляпы фокусника, да так и опал никчемной дорогостоящей тряпкой, не явив миру обещанный сюрприз и, что самое главное, даже не коснувшись моего клинка.

— Ну и что это было? — Я болезненно поморщился и поднял шпагу. — Милостивый государь, если бы на моем месте была ваша барышня и ей внезапно стало дурно, тогда бы вы могли помахать над ней своим плащом подобным образом, Соберитесь, черт возьми!

Мой оппонент виновато шмыгнул носом и украдкой бросил взгляд на ряд стульев у стены зала, где в ожидании своей участи томились пятеро таких же, как и он, кадетов оперативного состава Международного Института Экспериментальной Истории.

— Показываю еще раз! Наблюдайте внимательно. Вас, господа, это тоже касается. — Я кивнул в сторону остальных учеников. — Итак, ангард!

Наши клинки сошлись и зазвенели, то встречаясь, то вновь расходясь в страстном

своем желании достать противника. Вот и пробил час, вот он, долгожданный выпад! Моя рука, сжимающая плащ, рванулась вперед змеей, обвивающей ветку, и в тот же миг я развернулся влево, уводя ее прочь. Жалобно звякнул об пол вырванный из руки противника клинок, и взгляды кадетов сошлись на нем. Всех, кроме того, что стоял напротив меня. Он философски созерцал выгнувшуюся стальную полосу моей шпаги, упирающуюся в стеганый кожаный колет как раз напротив его сердца.

— Все понятно? — В ответах кадетов не было слышно уверенности, но это как раз было в порядке вещей. Чтобы до конца понять премудрости фехтовального искусства, их надо почувствовать, пропустить через себя. Я поглядел на смущенные лица учеников, почему-то стараясь припомнить время, когда и у меня была такая вот нелепо хлопающая глазами физиономия. Да, давненько, лет двадцать назад. — Ладно, господа кадеты, взяли оружие, разобрались по парам. Не торопитесь, каждое ваше движение должно быть осмысленным...

— Браво, браво! — Эти слова, произнесенные слегка насмешливым тоном, сопровождались жидкими аплодисментами.

Я бросил хмурый взгляд в сторону нарушителя дисциплины. Он стоял у входа в зал, безукоризненно элегантный и благоухающий смесью дорогущего одеколона и виски «Блэк Джон Уокер». Видение моего фехтовального детства вновь предстало передо мной во всей своей незаурядной красе. Видение это звали Джозеф Рассел. С тех пор как мы когда-то такими вот же вислоухими щенками стояли друг напротив друга с клинками в руках, время прибавило ему титул Двадцать третьего герцога Бедфордского и должность представителя ее величества в стенах нашего славного Института.

— Мальчики, порезвитесь пока сами, — бросил он кадетам, уже стоящим в ожидании сигнала со шпагами и масками в руках. — У вашего учителя возникло неотложное дело, — закончил герцог тоном, не допускающим возражений.

Я только молча пожал плечами. Спорить с лордом Расселом было так же бесполезно, как уговаривать компьютер танцевать качучу. Что-то около года назад он вот таким же образом возник в форте Норич, где в меру сил своих трудился я, обучая будущих лейтенантов королевской морской пехоты рукопашному бою и работе с оружием, и увез меня, как в горах Кавказа увозят невест отважные джигиты.

Судя по тому, что с тех пор их светлость ни разу не соизволил спуститься ко мне в зал и лишь изредка обрушивался на мою холостяцкую хижину в закрытом институтском городке, у меня действительно внезапно возникло какое-то срочное дело. А потому я лишь пожал плечами, велел кадетам продолжать тренировку и отсалюто-

вал шпагой наместнику королевы, выражая готовность следовать за ним в любом направлении.

— Со свечами это ты хорошо придумал, — помолчав немного, произнес Рассел, когда мы с ним уже шли по коридору. — Пусть привыкают к необычной освещенности. Свечи, мебель, там это все пригодится.

— Где там? — не совсем понимая, о чем идет речь, осведомился я.

Честно сказать, за время работы в Институте я так толком и не разобрался, чем же, в конце концов, занимаются люди в этом странном заведении. Первое время я шарахался от живописных персонажей, бродящих по тенистым аллеям институтского парка. Все эти бородачи в тогах а-ля Цезарь, толкующие о скачках Дерби с вельможами императора Наполеона, все эти дамы в кринолинах, жующие на ходу сандвичи, все это подозрительно напоминало мне лечебницу для душевнобольных. Но ко всему привыкаешь. Тем более что мои робкие попытки разузнать побольше об учреждении, в котором довелось работать, наталкивались на стену куда как более непроницаемую, чем та, что отделяла административно-служебный корпус, где находился мой зал, от остального институтского корпуса.

Сотрудник службы внутренней безопасности, приведший на обучение одну из первых партий кадетов, на мой вопрос, кому и для чего понадобилось учить этих, вполне уже взрослых мужчин владеть алебардой, двуручным мечом и фальшионом, кинув косой взгляд на две красные полосы, украшавшие висевший у меня на груди бейдж, кратко отрезал: «Не положено!» «Ну а уж коль не положено, так, стало быть, и не съедено. А если не съедено, значит, на то причины есть. Ну и зачем же тогда мне это нужно? Не стану же я на самом деле есть причины». Как говорил один мультяшный и обаятельный дракончик.

Так вот, поскольку есть причины мне вовсе не улыбалось, а другую достойную работу пришлось бы еще поискать, причем с гадательным успехом, я умерил свою жажду знаний, оставляя времени и случаю удовлетворить мое законное любопытство.

— Так где — там? — повторил я вопрос, так и не дождавшись ответа от Джозефа на предыдущий.

— М-м... Как бы тебе это объяснить... В прошлом.

Я понял, что мои подозрения о психиатрическом уклоне нашего Института были-таки небезосновательны.

— Где?.. — переспросил я, надеясь, что эхо в коридоре страдает дефектом дикции.

— В прошлом, — вновь подтвердил услышанное Рассел. — Точнее, не совсем в прошлом. В иных мирах. Впрочем, объяснить это невозможно. Скоро сам все увидишь.

Глава 1

Уходя на тот свет, гасите этот.

Плакат электрокомпании

Я сидел в глубоком кожаном кресле в кабинете моего старинного друга Джозефа Рассела и, созерцая стакан налитого мне балентайна, пытался смириться с мыслью, что на этом свете я уже не жилец. Мысль была какая-то угловатая и потому в голове не укладывалась.

— Послушай меня, тридцатилетний капитан. — Джозеф поставил на инкрустированную столешницу бокал с той силой, с какой ставят печати на судебный приговор. — Что тебе, собственно говоря, не ясно? Когда-то ты узнал, что в мире существуют люди, кроме твоей родной семьи. Потом оказалось, что за стенами твоего родового гнезда тоже не бушуют волны Мирового океана. Ты знаешь, кроме Британской империи, на свете существует еще пара государств. Тебя это смущает?

Я отрицательно покачал головой.

— Великолепно! — обрадовался Рассел. — Тогда я тебе открою страшную тайну. Кроме нашей планеты, вокруг Солнца вращается еще дюжина.

— Меньше, — с сомнением в голосе поправил я. После услышанного я бы не уди-

вился, если бы количество планет Солнечной системы действительно превышало известное мне со школьной скамьи число.

— Тебе даже это известно?! — Двадцать третий герцог Бедфордский явно был не против поиздеваться над бывшим однокашником. — Просто восхитительно! Тогда что же, собственно говоря, тебя смущает в существовании параллельных миров? Ты что, фантастику не читал?

— Да нет, читал. Но все же... параллельные миры, путешествия во времени... Как-то это все... — Я сделал неопределенный жест рукой, словно пытаясь выкрутить лампочку из накалявшейся атмосферы кабинета.

— У-у-у... — простонал старина Зеф. — Бисмарк, по-моему, сказал, что русские долго запрягают, но быстро ездят. Так вот, вестфольдинги долго стоят, выясняют, что это у саней выпирает спереди, а потом быстро-быстро тащат их волоком в гору. Вальдар, смирись! Это так потому, что это так и никак иначе. Параллельные миры существуют, и доступ в них возможен. Всем, что с этим связано, вот уже несколько лет занимается наш Институт.

Я вздохнул и смирился. В конце концов, не верить лорду Расселу у меня не было никаких оснований, да и есть ли в общем-то разница, где выполнять приказ. Как гласил девиз нашей прославленной части: «Любая операция, в любое время, в любом месте». Видимо, мое согласие явственно отразилось на лице, поскольку соблюдавший до того паузу представитель ее величества облегченно вздохнул и улыбнулся:

— Так-то лучше. Ладно, пока наших высоколобых разработчиков где-то носит, я тебя слегка введу в курс дела. Последнюю четверть века ты себе представляешь? Времена Георга?

— В общих чертах, — кивнул я.

— Не волнуйся, — обнадежил меня Зеф. — Умники, которые должны сейчас сюда прийти, сделают эти черты вполне себе частными. Но я о другом. В Лондоне, при дворе Георга III, не нашего, а из соседнего мира, есть ценный стационарный агент. Сейчас, в силу необходимости, его надо перевести в Россию. На какой срок точно — никто сказать не может. Может быть — месяц, может — полгода. Больше вряд ли, но всякое случается. Путь из Лондона в Санкт-Петербург, сам знаешь, неблизкий. Превратности бывают всякие, да и задание на месте у нашего агента довольно щекотливое. А потерять этого «стаци» для нас глобальный провал. В общем, нужен человек твоих дарований. Так что, господин капитан, вы назначаетесь телохранителем, матерью родной и тенью нашего агента одновременно. Остальное вам объяснят разработчики. Вопросы ко мне есть? — отчеканил Рассел деланно командирским тоном.

— Да, сэр! — поддержал я его игру. — Мое владение русским языком оставляет желать много лучшего.

— Ты не волнуйся, — обнадежил меня Двадцать третий герцог Бедфордский, — у нас этим вопросом асы занимаются. Так что там тебя поймет и ныне дикий тунгус, и друг степей калмык. Хотя, убей меня бог, не знаю, чем один от другого отличается.

Нашу беседу прервал писк селектора, несколько странно смотревшегося на столе работы Роберта Адама.

— Ваша светлость, — произнес приятный женский голос с поверхности стола, — к вам мистер Стивен О'Брайан из отдела перспективных разработок.

— Поздравляю, мой дорогой друг, — ободрил меня Рассел. — Вот и по твою душу Мефистофель прибыл. Добро пожаловать в цех. — И далее, нажав кнопку селектора: — Спасибо, Дженифер, пусть заходит.

Признаться, я не спал полночи в предвкушении чего-то необычайного, почти магического, надеясь, что момент, который мой «крестный» Стивен О'Брайан буднично именовал «переброской», станет одним из ярчайших впечатлений моей жизни. Увы, реальность развеяла весь этот романтический туман. То есть, конечно, до того мне никогда не приходилось ездить в лифте вместе с конем, но более никаких чудес. А самое противное, наверное, то, что вопреки моим ожиданиям кабина даже не тронулась с места. После десятиминутного стояния в четырех облицованных пластиком стенах возникший невесть откуда механический голос заявил: «Внимание оперативной группе! Вы прибыли в конечный пункт маршрута переброски. Подготовьтесь к выходу!» Вслед за этим одна из облицовочных панелей с тихим шипением отъехала в сторону, являя моему взору вполне себе банальный дисплей с не менее банальной клавиатурой, только почему-то с цветными клавишами. «Нажмите кнопку «один». Это красная кнопка, самая левая на клавиатуре». «Да они что здесь, совсем меня за идиота держат?!» — возмутился я про себя, вдавливая означенную кнопку, украшенную прекрасно различимой единицей. На дисплее моментально высветилась надпись: «Обработка информации». То же самое сообщил мне и «дух лифта», очевидно намекая на мою полную безграмотность. Я смирился с этой чрезмерной опекой и стал ожидать дальнейших наставлений. Между тем обработка информации завершилась, и голос радостно заявил: «Температура воздуха снаружи шестнадцать с половиной градусов по Цельсию, ветер северо-восточный, десять метров в секунду...» Далее следовали влажность и давление ртутного столба и

уж совсем, на мой взгляд, не кстати уровень химического и радиационного загрязнения атмосферы. Резюмировав все названное, машина облегченно выдохнула: «Доступ открыт. Нажмите кнопку «два», зеленую, вторую слева». На месте метеосводки зажглась надпись «Внешний обзор», и медленно по кругу поползли виды окрестных ландшафтов. «В радиусе ста ярдов форм разумной жизни не обнаружено», — радостно подытожила камера перехода, позволяя мне наконец открыть шлюз. Не знаю уж, что там переживал Колумб, разглядевший на горизонте полоску обещанной ему древними картами земли, но у меня было ощущение какого-то подвоха.

Как и обещал мой разговорчивый лифт, разумной жизни поблизости не наблюдалось, зато наблюдался поросший вереском четырехугольный двор полуразрушенного замка, судя по архитектуре, времен еще короля Эдуарда I.

Оставив своего скакуна свободно пастись в заросшем высокой травой дворе, я осмотрелся и, выбрав из пяти башен ту, которая показалась мне наиболее соответствующей первоначальному замыслу архитектора, сбросив камзол, начал взбираться на нее, надеясь получше оглядеть местность, в которой волей то ли судеб, то ли начальства мне довелось очутиться. Состояние башни было плачевным. Цепляясь за выбоины, служившие явным свидетельством грохотавшей здесь некогда артиллерийской бомбардировки, перескакивая с обрушенных ступеней на торчавшие из стен дубовые, все еще неплохо сохранившиеся балки, ежеминутно рискуя сломать себе шею, я все-таки достиг верхней галереи. Вид, открывавшийся оттуда, вполне бы порадовал ценителя дикой первозданной природы. Футов двести внизу, под скалой, которую венчал замок, катила свои волны река. Далее на берегу, сколько видел глаз, тянулись густые лиственные леса. Лишь совсем вдалеке более угадывались, чем виделись какие-то шпили. Единственным напоминанием о том, что замок не выстроен специально для того, чтобы быть декорацией моему эффектному появлению, был мост, не широкий, но вполне добротный, переброшенный через реку в том месте, где когда-то находился его подъемный предок. Развалины мостовой башни, уже более напоминающей беспорядочную каменистую осыпь, все еще виднелись неподалеку в зарослях высоких, почти в человеческий рост папоротников.

Я примостился между зубцами и приготовился ждать, пытаясь на глазок отыскать отличия этого мира от моего собственного. Времени было предостаточно, по словам О'Брайана, проводник должен был прийти на встречу в течение часа после десантирования. На дворе стояло раннее утро, и хотя солнце поднималось все выше, од-

нако ветер и утренняя прохлада делали свое дело. Я уже изрядно продрог и начал было подумывать спуститься за камзолом, когда увидел малюсенького с моей высоты человечка, вынырнувшего из леса прямо к мосту.

— Вот и мой гид, — пробормотал я себе под нос и начал спуск.

Когда связной появился в проеме у ворот, я был уже на земле и ожидал его во всеоружии. Теперь у меня была возможность разглядеть его более подробно. Это был коренастый мужчина лет, возможно, сорока, одетый в черный камзол с простыми костяными пуговицами, черную треуголку, да и вообще все его одеяние не радовало глаз буйством расцветок. В руках у него был короткий охотничий штуцер. Завидев меня, он несколько напрягся и поудобнее перехватил свое оружие.

— Прошу прощения, сэр, — неспешно произнес он, не сводя с меня пристального взгляда. — Я Питер Редферн, слуга лорда Баренса, хозяина здешних мест. Крестьяне сообщили, что в развалинах замка скрывается какой-то дворянин. Я пришел узнать, кто вы и что вам здесь нужно.

Закончив эту фразу, пришелец перевел взгляд с меня на моего вороного красавца коня и, чуть помедлив, снова на меня. Признаться, новость, сообщенная мне Питером Редферном, повергла меня в шок. Не успел я, можно сказать, переступить порог этого мира, так невесть откуда взявшиеся в такую рань крестьяне запеленговали мое появление и, помчавшись опрометью куда следует, пригнали сюда местного шерифа или кто он там, бог его знает.

— Мое имя Камдил, лорд Камварон. — Я гордо вскинул голову, стараясь придать своему голосу тон, каким, по моему мнению, в восемнадцатом столетии закоренелый лорд должен был общаться с назойливым простолюдином. Однако рука нашей милости, картинно упертая в бедро, крепко сжимала небольшой жилетный пистолетик, ибо, как гласил мой боевой опыт, различие в титулах и званиях никоим образом не влияет на меткость стрельбы.

— Ну слава богу, милорд, — облегченно вздохнул Редферн. — Ваш дядя послал меня за вами. — Он поклонился, прижав руку к груди, и добавил заговорщицким тоном: — Надеюсь, вас никто не видел?

— Но вы же сами сказали... — недоумевающе начал я.

— А, пустое. — Питер махнул рукой. — Простите, милорд, просто, добираясь сюда, я нигде не видел ваших следов, вот и заподозрил, уж не один ли вы из тех, кого король Георг послал с приказом вас изловить, — вновь переходя на заговорщицкий тон, продолжил он. — С тех пор как вы закололи герцога Гамильтона, кругом только

и слышно о том, что вас следует изловить и для острастки другим обезглавить. Вы же знаете, как наш король Георг относится к дуэлям, а тут еще отец фаворитки сына, красавчик Гамильтон!

Я ошалело отвел взгляд в сторону, чтобы скрыть свои чувства. Диаметр моих глаз при этом, пожалуй, был близок к диаметру тунеля под Ла-Маншем. Ничего себе история! Быть приговоренным к смерти еще до «рождения»! Интересно, какие еще сюрпризы приготовили мне почтеннейшие господа разработчики?

— Пойдемте скорее, — заторопил меня верный слуга моего «дядюшки». — Хозяин ждет вас в лесу неподалеку в охотничьем домике.

— Откуда известно, что убийство Гамильтона дело моих рук? — спросил я, вскакивая в седло.

— Ну-у, милорд, — Редферн посмотрел на меня сочувствующе, — вы были слишком неосторожны. Драгуны прочесали рощу и обнаружили недалеко от места дуэли шляпу, украшенную гербом Камдилов. Да и торговец пряностями, проезжавший в тот час по дороге, описал дворянина без шляпы, который выскочил из леса и ускакал прочь на вороном коне. Приметы разосланы по всей стране. — Он еще раз смерил меня внимательно-пытливым взглядом. — И... я бы не рекомендовал вам, милорд, останавливаться возле полицейских постов.

— Позвольте спросить, милорд, — обернулся ко мне Редферн, когда мы, спустившись со скалы, углубились в лес, — вы прибыли в старый замок еще вчера?

— Да нет, — покачал головой я. — С чего ты взял?

Тропа, по которой мы ехали, казалось, была еле намечена среди густого подлеска, однако то там, то сям в траве виднелись тесаные камни, наводя на мысль, что когда-то здесь была проезжая дорога.

— Судя по тому, что следов не было, я решил, что вы ждете меня со вчерашнего дня, — чуть помедлив, словно прислушиваясь к руладам какого-то дрозда, ответил Питер. — Думал, может, вы провели ночь среди этих развалин. Вот и хотел узнать, не беспокоил ли вас ночью дорвичский каменотес.

— Кто? — Я непонимающе вскинул бровь.

— Неужели милорд не слышал эту историю? — искренне удивился мой провожатый. — Говорят, дело обстояло так: замок этот, как вы сами изволили видеть, построен в незапамятные времена, вроде бы еще до того, как Вильгельм Завоеватель пришел в эту землю. Жил в здешних местах могущественный лендлорд, имя которого даже в те времена произносили шепотом, а уж до наших дней оно и подавно не дошло. Был он силен, сказочно богат, однако нрав имел

жестокий и яростный. И слух ходил в этих местах, будто все богатство и могущество здешнего господина оттого, что отдал он душу некоему могущественному магу. Сколько благородных рыцарей он тут сгубил, сколько деревень разорил — и не сосчитать. Защитник же Британии король Гарольд собрал большое войско и пришел под стены Дорвича. Долго штурмовали, да все без толку. Стены у крепости высокие, а самого лорда Дорвича ни меч, ни стрела не брали. И вот сыскался в войске Гарольда, уж и не знаю, то ли маг совсем молодой, а может, ученик мага. Пробрался он ночью в крепость, затаился, стал выжидать. И тут как раз мимо него проходили сам лорд Дорвич и его злополучный маг. А на груди у мага цепь с черным таким медальоном. Кинулся молодой-то, видать, магическим своим зрением углядел, что вся сила лорда в этом медальоне заключена, схватил цепь, сдернул ее с шеи, и тут вспышка, бах, винтом в землю ушел. Ну, старый-то маг тоже не промах, он вдогон похитителю послал заклятие, которое не дает ему покинуть стен замка. А лорд Дорвич тут же рухнул замертво, да так больше никогда и не встал. Крепость, понятное дело, вскоре сдалась на милость победителю, магу отрубили голову. Да только с тех пор местные жители утверждают, что по ночам в замке раздается звон, словно цепь звенит, и грохот, будто кто-то ломает стену. Говорят, лорд Дорвич свою душу ищет, а маг все из замка на волю рвется. Такая вот история.

Я не стал объяснять Редферну, что, по моим наблюдениям, замок построен лет через двести пятьдесят после описываемых событий. Тем более что на живописной полянке перед нами возникло то, что мой проводник скромно именовал охотничьим домиком.

Дядя Джордж ожидал меня в кабинете, увешанном охотничьими трофеями. Из-за обилия оленьих, кабаньих и медвежьих голов я никак не мог отделаться от мысли, что пол-леса сбежалось для того, чтобы послушать наш разговор. Мой ближайший родственник — высокий грузный мужчина лет пятидесяти с небольшим, черты лица имел величественные и гордые, но, я бы так сказал, требовательные. Глядя на него, казалось, что стоит ему открыть рот, как тут же воздух огласится повелениями и приказами. Смерив меня долгим изучающим взглядом, он прошелся по комнате, выглянул за дверь и, убедившись, что Редферна поблизости нет, безапелляционно заявил:

— Ну, и кто это вас так вырядил?

Я вскользь осмотрел себя, пытаясь понять, что же вызвало неудовольствие моего будущего подопечного. Фиалковый камзол, шитый россыпью мелких золотых соцветий, если и не являлся предметом моей внутренней гордости, то все же, на мой взгляд, был весьма импозантен.

— Не понимаю, — не унимался лорд Баренс, — я каждый месяц отсылаю на базу свежайшие модные журналы. Им что, лень заглянуть туда, прежде чем послать нового агента? Это же парижская мода двухмесячной давности! При английском дворе так никто не носит. — Он немного помолчал, опираясь на трость черного дерева с серебряным набалдашником, и добавил, немного смягчившись: — Ладно, в конце концов, вы же у нас глубокий провинциал.

«Вот и познакомились», — подумал про себя я.

— Не обижайтесь. — Заметив мою реакцию, лорд Джордж неожиданно улыбнулся. — Это упрек не вам. В секторе материального обеспечения всегда дел невпроворот. Специалистов хороших не сыщешь, а работы все больше и больше. У нас тут одна Мария-Антуанетта Французская меняет моды едва ли не по два раза в день. Английский двор ей, конечно, уступает, но сдаваться не намерен.

Лондонские щеголи уже неделю как носят новое изобретение наших модельеров — называется фрак. Так что, сами понимаете, дорогой племянник, ваше расшитое ботаническими изысками платье здесь уже безнадежно устарело. Быть может, для кого-то вопрос достоверности костюма и мелочь, но только не для меня. Вы до зачисления в оперативный состав где работали?

— Был капитаном коммандос. Затем тренером, сначала на флоте, потом в Институте. Преподавал фехтование и рукопашный бой. У меня это первый... опыт.

— Понятно, — усмехнувшись, кивнул Баренс. — А я работал в группе натурализации. Делал сказки разработчиков былью. Чтобы концы с концами сходились. А до того в МИ-6, под дипломатическим прикрытием. Пока один из наших не продал списки агентуры. Пришлось временно погибнуть, чтоб не раздувать скандала.

Наше уединение нарушил Редферн, принесший серебряное блюдо с легким завтраком. Своевременная совместная трапеза способствовала налаживанию контакта.

— Итак, вы Вальдар Камдил, мой племянник, — мягко рокотал дядюшка, отослав своего камердинера. — Вы единственный сын моей несчастной сестры Анны, умершей в прошлом году.

Я кивнул, давая понять, что история моей здешней жизни мне в общих чертах известна.

— Наша семья была против этого брака, — не обращая на меня внимания, продолжал лорд Баренс. — Ваш отец, лорд Реймонд, был ярым якобитом. Да-да, он был за Стюартов и сложил голову, оставив сестру в положении. Понятное дело, что вы не помните своего отца... Детство и юность вы провели в Йоркшире в имении своего дяди Освальда, адмирала флота его величества. Но большую часть этого времени ваш дядя плавал в море, пока в прошлом месяце не пошел

на дно. Однако незадолго до смерти он выхлопотал для вас место лейтенанта в гвардейском полку первого лорда адмиралтейства герцога Олбанского. Вы прибыли в Лондон, чтобы представиться его величеству, как подобает новопроизведенным офицерам гвардейских полков, но ввязались в ссору с Гамильтоном. Думаю, ссора ни у кого не вызовет особых вопросов, тем более что покойный не пропускал ни одной юбки, а йоркширское поместье Гамильтонов находится поблизости от вашего «родового гнезда».

— Позвольте вопрос. — Я втиснулся в речь светского льва, в то время как он, сделав паузу, набирал в легкие воздуха. — Что это еще за история с Гамильтоном?

— История как история, — пожал плечами лорд Джордж. — Гамильтон убит на дуэли. Понятное дело, не вами. Зная о дуэли, я заранее позаботился о том, чтобы навести на вас подозрения. И можете мне поверить, если бы был убит его противник, за вами охотились бы с не меньшим рвением.

— Но зачем?.. — все еще не понимая, какой смысл обвинять меня в убийстве неизвестного мне джентльмена, спросил я.

— Ну, мой дорогой, это уж совсем просто, — усмехнулся мой заботливый дядюшка. — Мы с вами отправляемся в Россию. Страну, населенную народом любопытным и романтическим. Страну, где многие века вопросы чести решались челобитной государю, где лишь двенадцать лет назад запрещены телесные наказания дворянства. А потому дуэль для них пока еще блюдо деликатесное. Быть принятым в Петербурге как путешествующий с целью убиения скуки племянник посланника короля Георга — это одно. А как скрывающийся от возмездия герой громкой дуэли — совсем другое. А потому я советую вам, мой милый родственник, придумать какую-нибудь слезоточиво романтическую байку о любовных терзаниях сердца молодого. Как гласит тамошняя пословица, в России битых любят. Но хватит об этом. Сегодня я отправляюсь в Лондон. Вы пока останетесь здесь. Дней через пять корвет королевских военно-морских сил «Феникс» отправляется из Дувра в Санкт-Петербург. Я пришлю сюда Редферна с выездными документами на имя моего секретаря. Он проводит вас на корабль. А пока что располагайтесь. Здесь неплохая библиотека. Полистайте любовные романы, быть может, в них найдется что-нибудь и для вашей истории. — Произнеся это, лорд Баренс взял со стола изящный бронзовый колокольчик и вызвал своего камердинера. — Готовь коней, Питер. Мы уезжаем.

— Все? — поинтересовался камердинер.

— Нет, только мы вдвоем. Надеюсь, молодому джентльмену не составит больших усилий обойтись несколько дней без слуг. До скорой встречи, мой милый. Дом в вашем распоряжении. Здесь непло-

хой винный погребок, однако прошу вас не слишком усердствовать в его опустошении. Отношения с Францией последнее время ухудшились, так что хорошего вина в Англии днем с огнем не сыщешь. — Он грациозно поклонился и вышел.

Оставшись один, я подошел к книжному шкафу и достал ближайший том. Это были поэмы Александра Поупа. По старой итонской привычке я открыл книгу на первой попавшейся странице и, не глядя, ткнул пальцем в одну из строф:

Так смертные отчаяньем грешат
И сразу же торжествовать спешат,
Как скоро отойдет победа в тень
И проклят будет этот славный день.

Занятное предсказание.

Глава 2

Наши дороги абсолютно безопасны. Опасны только люди на этих дорогах.

Франк Риццо, мэр Филадельфии

Корвет Гренд Флита Георга III «Феникс» скользил по мелкой зеленовато-серой ряби Па-де-Кале, плеща по ветру двадцатиярдовым вымпелом с тройным британским крестом. Позади осталось трехдневное путешествие с Редферном по Англии в закрытом экипаже с баронским гербом Баренсов на дверце. Королевство из окна кареты выглядело каким-то бутафорским, словно крупная голливудская киностудия решила снимать исторический фильм на британской натуре. Встречаемые нами люди не проявляли ровно никакого интереса к тому, что они проживают в конце восемнадцатого века, и это почти смешило меня. Ждавший приезда лорда Баренса корвет только усилил терзавшее меня чувство бутафорскости и нереальности происходящего. Я видел подобный корабль в морском музее в Вулидже и теперь никак не мог смириться с отсутствием налета времен на корвете. Он был абсолютно новый. Просто до безобразия новый. Парусник времен Георга III просто физически не мог быть таким новым.

Прибыв на корабль еще до рассвета, я разместился в каюте своего дяди и получил разрешение от их милости подремать с дороги

пару часов. Пара часов растянулась на четыре. Я спал бы и дальше, но топот десятков матросских ног, свист боцманских дудок и крики команд заставили меня проснуться, едва корабль вышел в море. Волнение не превышало двух баллов. Утренний бриз надувал паруса, будто бы пытаясь убедить нас, что все это путешествие будет такой вот неспешной прогулкой. Побродив некоторое время по кораблю, я вернулся на ют, где располагалось наше временное пристанище, надеясь, что расторопный Редферн уже позаботился о завтраке. Но моим надеждам не суждено было сбыться. И не то чтобы верный Питер не слышал призывного урчания, доносившегося из моей утробы. Остановленный несокрушимым повелением хозяина, он, глядя куда-то поверх моей головы, заявил, что завтрак велено подавать через час, а милорд немедленно желает побеседовать со мной.

Наша беседа затягивалась.

— Полное имя Карла III?

— Карл Эдуард.

— Год высадки в Шотландии?

— 1745-й.

— Сколько удерживался у власти?

— Одиннадцать месяцев. Мой отец, лорд Реймонд, командовал полком конных карабинеров в бригаде Дугласа. Погиб двенадцатого ноября во время стычки в Чезел-Корт.

Этот экзамен, начатый специальным посланником короля Георга за час до завтрака, длился уже час после него. Несколько раздосадованный устроенной мне проверкой, я старался отвечать четко и быстро. Аксиома о том, что начальство любит четкие и быстрые ответы, сидела в моем мозгу еще со службы в коммандос.

— Хорошо, хорошо, — похвалил меня наставник, — но вот что тебе еще следует знать, так сказать, в порядке общей эрудиции: Карл III Стюарт, прозванный также Рыцарь с Красным Плюмажем, являлся великим магистром всех шотландских, французских и немецких масонских лож тамплиерского толка. Твой отец был близок к нему. Я думаю, можно утверждать, что он тоже имел высокую ступень посвящения. Запомни это хорошенько. Там, куда мы прибудем, это, возможно, пригодится.

— Позвольте вопрос, милорд.

— Да, слушаю тебя.

— Для чего это нужно?

— Для чего? — Лорд Баренс посмотрел на меня неожиданно устало. — Мой дорогой, я, конечно, высоко ценю заботу Института о моей особе, но можешь мне поверить, в этом путешествии я подвергаюсь едва ли большей опасности, чем когда бы то ни было в этом

мире. Я и сам неплохой солдат и не нуждаюсь в телохранителях. Мне нужен человек, который сознательно понимает, что он делает, и смог бы помочь в исполнении возложенной на меня миссии.

— Если не секрет, что это за миссия, милорд?

— От вас не секрет, коллега. Мы должны спасти от разгрома нашу российскую резидентуру. Возможно, для этого вам придется стать масоном.

— Кем? — удивленно переспросил я.

— Вольным каменщиком, искателем универсума, адептом тайного знания, будь оно неладно!

Я представил себя в нелепом фартуке с мастерком и циркулем в руках, и мне стало не по себе от бредовости увиденного.

В дверь тихо постучали.

— Вы позволите? — На пороге возник юнга, выполняющий роль вестового у командира корвета. — Капитан Гуль велел передать вам, что на горизонте паруса неизвестного судна.

— И что теперь? — Лорд Джордж сурово сдвинул брови у переносицы. — Капитан полагает, что это капер мятежников?

— Вряд ли, милорд. Это одномачтовое судно, скорее всего лихтор или же прам. В такой бадье не покаперствуешь.

— Чего же тогда нужно капитану?

— По приказу первого лорда адмиралтейства мы должны досматривать все корабли в наших водах, дабы пресечь подвоз продовольствия и боеприпасов мятежникам, а также для недопущения контрабанды товаров, обозначенных в списке, предоставленном министерством финансов, — заученно протараторил паренек, старательно воспроизводя речь капитана. — Капитан велел уточнить, следует ли ему продолжать путь далее или же он должен выполнить приказ адмиралтейства?

— Ладно, — Баренс махнул рукой, — пусть досматривает. Надеюсь, это не займет много времени.

— Слушаюсь, милорд, — выпалил юнга, взлетая вверх по трапу с ловкостью мартышки.

— Я думаю, тебе стоит на это взглянуть. Ты должен пропитаться местными впечатлениями. Иначе вся экипировка, все познания, все это — лишь до первой серьезной проверки. — Он подцепил к поясу шпагу с расписной фарфоровой рукоятью и золотым эфесом, столь модную в последние десятилетия этого века, и насмешливо произнес: — Ну что, мой верный телохранитель, не угодно ли вам сопроводить меня на палубу?

Я молча отвесил поклон, демонстрируя готовность следовать за моим принципалом хоть к черту на рога.

Когда мы вышли на палубу, судно, которое капитан собирался осчастливить досмотром, было уже совсем явственно видно.

— Лихтор под голландским флагом, — пояснил, подходя к нам, капитан Гуль. Он склонил голову, приветствуя своего высокопоставленного пассажира. — Надеюсь, вас ничего не беспокоит, милорд?

Чрезвычайный посланник открыл было рот, однако грохот орудийного выстрела помешал ему ответить на вопрос капитана. Заслышав сигнал остановиться, на лихторе начали поспешно убирать гафель, оставляя для маневров лишь пару стакселей. Быстроходный корвет резво сокращал дистанцию, разделявшую нас. Лихтор лег на параллельный курс, готовясь встречать гостей. Расстояние все сокращалось. В подзорную трубу я уже мог наблюдать выражение лиц матросов, снующих по палубе. На мой взгляд, матросов было многовато, пожалуй, даже чересчур для такой утлой посудины. Закончив возню с такелажем, они начали строиться вдоль борта, лишь трое еще были заняты у якорной лебедки. Внезапно над бортом суденышка, противоположном нам, показалась голова еще одного матроса. Он выжался и, перевалив через фальшборт, спрыгнул на палубу. Очутившись на деревянной тверди, он что-то крикнул своим сотоварищам. Спустя несколько секунд я увидел, как побежал по валу лебедки якорный канат.

— По-моему, они что-то привязали к якорю, — поделился я с Баренсом своими наблюдениями.

— Ерунда, — отмахнулся мой подопечный, — что они туда могут привязать? Какая-нибудь мелкая контрабанда? Десяток монет и чей-нибудь краденый брегет? Это не наши заботы.

Мы сошлись бортами, после чего прозвучала команда спустить трап, и двое мужчин, одетых скорее добротно, чем со вкусом, поднялись на палубу нашего корабля. На боку у них болтались дешевые пехотные шпаги, долженствующие, видимо, означать их возвышенное, с точки зрения команды лихтора, звание. Гости склонились в почтительном, хотя и неумелом поклоне, ожидая дальнейших распоряжений нашего капитана.

— Я Роберт Гуль, — громогласно произнес тот, принимая приличествующую случаю горделивую позу. — Капитан флота его величества короля Георга III, командир корвета «Феникс». По приказу лорда адмиралтейства я обязан досмотреть ваше судно. Прошу назвать ваши имена, название судна, порт приписки и порт следования. А также огласить наличие груза на борту вашего судна.

— Ваша позволяет, мистер, Хенц Ван Вейден, шкипер на лихтор «Зваан». Моя лихтор Роттердам плыть Гавр. Груза на борту моя нет.

Роберт Гуль досадливо посмотрел на стоявшего рядом лорда Баренса.

— Пардон муа, ма капьтен, — видя досаду на лице капитана, произнес молчавший дотоле спутник голландского шкипера. — Парле ву франсе?

— Уи, — отозвался лорд Баренс, понимая по выражению глаз капитана, что с французским он знаком не более, чем Ван Вейден с английским. — Кес ке се?

— Тре бьен, — улыбнулся француз. — Мое имя Жан Поль Дюруа. Я штурман шхуны «Екатерина де Ла-Марш», вышедшей неделю назад из Ла-Рошели. Шхуна принадлежала судовой компании Жерома Вуази. Вот судовой журнал моего судна. — Он расстегнул клапан большого кармана на своем камзоле и достал из него нечто, отдаленно напоминавшее походный судовой журнал. Судя по внешнему виду, некоторое время ему пришлось поплавать отдельно от своего корабля. — Третьего дня шхуна наскочила на камни у Фаутрок, однако, благодарение Господу, большая часть экипажа спаслась. Продав остатки груза, которые нам удалось выловить, мы зафрахтовали этот лихтор и теперь добираемся во Францию, чтобы предъявить документы в страховую компанию.

Капитан Гуль выслушал перевод слов француза, кивнул и взял протянутые ему останки судового журнала. Название судна довольно явственно угадывалось на обложке, все же остальное, на мой взгляд, было не по зубам даже самому завзятому любителю ребусов. Перелистнув для проформы несколько слипшихся листов, капитан «Феникса» кивнул стоявшему поодаль боцману:

— Возьмите трех матросов и проверьте лихтор.

— Есть, сэр, — выпалил ярый служака и стремглав бросился выполнять приказания.

Шкипер лихтора между тем достал из рукава длинную голландскую трубку и стал тщательно набивать ее табаком.

— Господин капитан, — нарушил молчание улыбчивый француз, — я понимаю. Быть может, моя просьба не совсем уместна, но если вас не затруднит оказать нам такую любезность, и я, и вся наша команда были бы весьма вам благодарны.

— О чем идет речь? — выслушав перевод, сухо отрезал командир «Феникса».

— Видите ли, — начал было штурман... и запнулся, чтобы выслушать перевод. — Видите ли, лихтор мало приспособлен для перевозки такого количества людей. Увы, у нас не было денег на что-либо лучшее. К тому же он еле плетется, а впереди блуждающие мели Сейбла. Вы не хуже меня знаете, сэр, что это самое коварное место во всей Атлантике. Очень не хотелось бы вновь очутиться на бревне посреди океана. К тому же морские обычаи велят оказывать помощь

потерпевшим бедствие. Если бы ваша милость согласилась принять на борт мою команду, наша благодарность не знала бы границ. Я не богатый человек, сэр, но у меня есть кое-какие сбережения, и я готов заплатить вам, если вы доставите нас на континент. Там мы уже сами доберемся до места. Вам все равно надо будет пристать к берегу, скоро начнет темнеть, а идти в потемках через Сейбл рискованно даже для такого прекрасного корабля, как ваш.

Выслушав перевод, капитан Гуль вопросительно посмотрел на лорда Баренса:

— В общем-то штурман прав, милорд. Идти через Сейбл ночью очень опасно. Быть может, действительно...

— Нет, — прервал его рассуждения лорд Баренс, мгновенно становясь надменным вельможей и не давая капитану даже закончить фразу. — Мы не будем брать французов на борт и не будем приставать к берегу. Тем более к французскому. Если Сейбл так опасен, как вы о том говорите, лучше мы станем на якорь в проливе и с рассветом двинемся дальше.

Я посмотрел на наших гостей. Вероятно, мне показалось, но, по-моему, оба они были разочарованы.

— Это невозможно, — сообщил им мой дядюшка.

— Увы, увы, мсье, — печально вздохнул штурман.

А в это время над фальшбортом «Феникса» появился мощный торс боцмана, отправленного для досмотра. Спрыгнув на палубу, он подошел на положенное расстояние к капитану, кинул ладонь к глазам и четко отрапортовал:

— Сэр, корабль проверен. Ничего запрещенного к перевозке на борту нет. Жду дальнейших приказаний, сэр!

— Заканчивайте досмотр и поднимайтесь на борт, — скомандовал капитан Гуль и продолжил, повернувшись к шкиперу: — Вы можете продолжать путь.

Тот молчал, глядя на нас оловянными глазами и пыхтя своей глиняной трубкой.

— Благодарю вас, капитан, — склонился в поклоне француз, выслушав слова лорда Баренса. — Если позволите, еще один вопрос. В проливе полно каперов да и просто джентльменов удачи, а им все равно, кого грабить, англичанина или голландца. Не позволите ли вы, сэр, держаться вблизи корвета, вряд ли какой-нибудь негодяй осмелится лезть на ваши пушки.

— Хорошо, — пожал плечами наш капитан. — Хотя я готов поставить все свое месячное жалованье против груза вашей шхуны, что вы не удержитесь за корветом и получаса.

Штурман еще раз поклонился, сделал знак своему флегматичному спутнику и направился к трапу.

Убавив паруса, «Феникс» осторожно продвигался вперед, то и дело промеряя глубину лотом, опасаясь коварных блуждающих мелей Сейбла, на которых нашло свою гибель такое количество кораблей, что Великая Армада рядом с ними могла сойти за небольшую парусную регату.

— Вам не показалось, милорд, — спросил я Баренса, когда мы, заскучав от неизменных морских пейзажей, спустились в каюту, — что эта парочка прекрасно понимала английскую речь?

— Мой молодой друг, — лорд Джордж покровительственно положил мне руку на плечо, — я полагаю, вы имеете в виду штурмана, который начал говорить, не выслушав мой перевод? Его напарник, по-моему, слабо владеет даже родным языком. — Мой дядюшка иронически улыбнулся. — Конечно же, я заметил это, но все, кто сколько-нибудь долго плавает в этих местах, знают пару десятков фраз на любом из языков побережья. Понять, о чем идет речь между мной и капитаном, было отнюдь не сложно.

Я покачал головой:

— И все же что-то здесь не так...

— Браво, племянничек, браво! — насмешливо бросил дядя Джордж, отстегивая шпагу и усаживаясь в обитое атласом золоченое резное кресло. — Насколько я могу судить, в годы своей юности вы явно зачитывались приключениями капитана Блада и ужасного пирата Флинта. Вынужден вас разочаровать: их время окончилось больше века тому назад. Каперы североамериканских мятежников действительно встречаются в этих водах в большом количестве. Обычно они ходят на шхунах или бригантинах. Эти корабли быстры и маневренны, имеют в лучшем случае до десяти — пятнадцати пушек, но по боевой мощи не идут ни в какое сравнение с корветом. Тем более вы же сами видели, команда лихтора — безоружный сброд. Не с ножами же они на нас полезут? Полноте, не смешите меня.

Вдохновленный такой отповедью, я поспешил заткнуться, тем более что Питер Редферн, очевидно, повинуясь усвоенному раз и навсегда распорядку дня своего господина, принес на серебряном подносе бутылку хереса, бокалы и легкую закуску. Однако, невзирая на сказанное и выпитое, сомнения все же не оставляли меня. Я был новичком в этом мире, и все странное казалось мне вдвойне странным. «Итак, к якорю они привязали мешок с какой-нибудь мелкой контрабандой или же своими сбережениями. Что же, вполне может быть. Как ни крути, досмотр — процесс не самый приятный. Матросов на лихторе было десятка три. Хотя, насколько я по-

мню, экипаж лихтора человек пять — шесть, плюс человек десять — двенадцать экипаж шхуны. Считай не считай, а лишнего народа на лихторе не меньше дюжины. Но может быть, это была очень большая шхуна? Или же в Англии нашлись еще желающие срочно попасть на континент. Предполагаемое знание штурманом английского... Это мне дядюшка популярно объяснил». Я вновь шаг за шагом стал вспоминать прошедшую встречу, мысленно прокручивая перед собой каждую минуту визита. Несостыковки отыскались очень быстро, хотя, увы, все они могли быть также объяснены естественными причинами: короткие пехотные шпаги, болтавшиеся на боку у наших гостей, насколько я знал, оружие не популярное в среде моряков, предпочитавших длинные кортики или тесаки. Возможно, конечно, что было, то и нацепили. Тогда почему и голландский шкипер, и штурман с французской шхуны?

Но можно предположить, что обе шпаги принадлежат голландцу и одна из них штурману была выдана специально для парада. Может такое быть? Почему нет. Но тут возникает следующая проблема: странно промокший судовой журнал «Екатерины де Ла-Марш». Почему текст внутри журнала размыт, а название подмокло, но вполне читаемо? Возможно, он оказался в воде в развернутом виде, обложкой вверх. А можно было журнал так держать в воде специально, скажем, чтобы не дать прочитать какие-либо записи? И, наконец, последнее: погода весь сегодняшний день стояла жаркая. Перехваченный нами лихтор не был военным кораблем, однако, когда мы подошли к «Зваану», весь народ на его палубе был аккуратно одет в рубахи. Быть может, тоже для парада или же команде было что прятать под этими рубахами? На все вопросы могло быть два ответа — разумный, но это было по части лорда Баренса. И, на мой взгляд, правильный, потому что такое количество «но» на милю пути невольно настораживало. Решив придерживаться своей линии, я достал из рундука коробку палисандрового дерева с гербом Камдилов на крышке и, найдя потайной гвоздик, нажал его. Чуть слышно звякнула пружина, и коробка медленно открылась, наигрывая при этом первые аккорды «Помилуй меня, Господи». Внутри этой «музыкальной шкатулки» хранился подарок моего друга Рассела к «боевому крещению» — пара чудесных пистолетов работы богемского мастера Питера Голба. Что бы там ни говорил мой дорогой дядюшка, сегодня был шанс испытать их в деле.

В мою «секретарскую» каморку, примыкавшую к апартаментам посланника, заглянул Редферн, чтобы поинтересоваться, не угодно ли мне чаю.

— Послушай, Питер, — произнес я, перехватив удивленный взгляд камердинера, созерцавшего мои военные приготовления. — У

меня к тебе личная просьба. О ней не обязательно говорить дяде Джорджу, но уж поверь мне, повредить ему она никак не может. Будь добр, вечером заряди свой карабин и будь начеку. На всякий случай.

Почтительно выслушав мои рекомендации, слуга отвесил надлежащий поклон и, произнеся «Непременно, ваша милость», поспешил удалиться.

Время катилось к ужину, и мне недолго осталось ждать, чем завершится спор между здравым смыслом лорда Баренса и моей манией преследования.

Когда стемнело, мы стали на якорь. Освещаемый мерцающим пламенем кормовых и топовых фонарей, корвет тихо покачивался, чуть подпрыгивая на невысоких волнах, сбивая с них искрящуюся в лунном свете пену. Убаюканный стуком волн о борт корвета и мерными шагами вахтенных, я задремал, сидя в кресле. Мне снился сон впервые за время моего присутствия в здешних краях на подобающую времени тему. Я сидел на берегу за каким-то нагретым солнцем валуном, наблюдая сквозь склонившиеся над рекой ветви шалости стайки ундин, резвящихся у колеса полуразвалившейся водяной мельницы. Надо признать, это зрелище доставляло мне удовольствие. Во всяком случае, наполовину. То есть я имею в виду на верхнюю половину. Хихикающие русалки, громко хлопая хвостом по мельничному колесу, скатывались по нему вниз и, поднимая каскад брызг, плюхались в воду. «А-а-а», — вскрикнула одна из них, с легким всплеском исчезая в волнах. Я поморщился во сне. При явных женских признаках ундины, вскрик у нее был неожиданно мужского тембра... Мужского тембра?! Глаза мои распахнулись сами собой, вырывая сознание из полудремы.

На столе ярко горела масляная светильня, играя бликами на букетном дамаске пистолетных стволов. Сквозь переплет каютного окна пробивался свет кормового фонаря. Я вскочил, опрокидывая стул, и бросился к иллюминатору. Борт о борт с «Фениксом» неспешно погружался в воду злосчастный лихтор. С него по веревкам на нашу палубу одна за другой поднимались темные фигуры. «Ну, вот вам и привет от старика Флинта, — быстро возвращаясь к столу и хватая пистолеты, пробормотал я. — Пожалуй, пора вмешаться». Я кинулся наверх, едва не споткнувшись о ноги Редферна, спавшего у дверей каюты своего хозяина. В руках у него был зажат уже знакомый мне штуцер. Стоило мне задеть верного слугу, как дрема его моментально улетучилась. Ствол карабина стал угрожающе подниматься на уровень моей груди.

— Тише, Питер, это я, — прошипел я сдавленным от волнения голосом. — Буди дядю. Поднимайте экипаж. На борту пираты, —

бросив это, я опрометью бросился на палубу. Но стоило мне ступить по ней лишь шаг, как кто-то тяжелый обрушился на меня сверху сзади, обхватывая руки и выбивая один из пистолетов.

— Этого живьем, — услышал я.

Глава 3

Свинец — чрезвычайно сильнодействующее средство. Лишь несколько граммов, и вы беседуете с ангелами.

Полковник Кольт

Захват, удерживающий кольцом мои плечи и грудь, никак нельзя было назвать слабым. По всей видимости, негодяй, заключивший меня в свои объятия, уже считал плененным этого расфуфыренного дворянчика, некстати вылезшего на палубу подышать ночным воздухом. Я резко вскинул вверх руки, подобно крыльям взлетающей птицы, и крутанулся на месте, ставя свою левую ногу на пути отступления нижних конечностей нападавшего. Полет бедолаги был недолог и закончился, судя по звуку, нежданным столкновением со столбиком, поддерживающим навес кормовой надстройки. В тот же миг соратник моей жертвы, видимо, спешивший на помощь, вынырнул из полутьмы буквально в трех шагах от меня. Повинуясь не столько велению разума, сколько годами наработанному рефлексу, я тут же нажал спусковой крючок пистолета, находившегося как раз на уровне лба несчастного. Он грохнулся на палубу, не издав ни звука. Не скажу, чтобы я испытал при этом спазмы желудка, угрызения совести и тому подобные беллетристические вольности. Единственное, что промелькнуло у меня в мозгу, было короткое и четкое: «Второй». Но схватка продолжалась. И третий душегуб, размахивая абордажным тесаком, мчался навстречу неприятностям. Я блокировал его атаку предплечьем и, проведя свою руку ему под мышку, резко вздернул вверх. Бедняга взвыл от боли в плечевом суставе, но тут же смолк, получив удар по лбу окованной железом рукоятью пистоля. Четвертому повезло еще менее. Перелетев через брошенное ему под ноги обмякшее тело третьего, он чуть ли не носом уткнулся в мой сапог. Удар каблуком в основание черепа навсегда лишил его возможности совершать подобные ночные визиты. Нож, внезапно вылетевший из

темноты, чиркнул по бедру, обжигая болью. «Проклятие!» — процедил я, до скрежета сжимая зубы. Боль не исчезла, но как-то перестала восприниматься, поскольку бой не может быть закончен, пока противник не повержен. Или же покуда ты жив.

К тому моменту, когда до отвращения знакомый голос прокричал: «Этот мой!», рядом со мной на палубе валялись еще двое пострадавших. Эти слова были произнесены на чистейшем английском языке, и, судя по всему, те, кому они предназначались, не нуждались в переводчиках. Давешний штурман Жан Поль Дюруа стоял передо мной, сжимая уже знакомую пехотную шпагу. В мерцающем свете фонарей я видел, как играет на его губах саркастическая ухмылка. «Француз» сделал пару махов своим оружием, словно проверяя его управляемость, и стал в стойку. И тут наконец у меня появилась возможность обнажить свой клинок. Мы сошлись и зазвенели сталью, внезапными финтами и ложными атаками прощупывая оборону противника. У пресловутого Дюруа было, как минимум, два преимущества: обе ноги прекрасно его слушались, а кроме того, он явно более меня привык сражаться на раскачивающейся корабельной палубе. Однако в остальном мои шансы были предпочтительнее. За спиной «француза» не было фехтовальной школы маэстро Николя Ле Фонтэ.

Парировав квартой атаку противника, я перевел его клинок вниз и, превозмогая боль, наступил ногой на лезвие. Вырванный из руки Дюруа эфес звякнул о палубу, но в тот момент, когда я уже занес шпагу для завершающего удара, за спиной моей грохнул выстрел, страшная боль обожгла мне плечо, бросила вперед, и я рухнул, сбивая с ног мнимого штурмана, последним усилием воли прижимая шпагу к его горлу. Следующий выстрел, прозвучавший спустя мгновение после первого, я скорее почувствовал, чем услышал.

Туман в моей голове время от времени взрывался яркими вспышками, давая мне возможность вновь и вновь прожить и прочувствовать короткие минуты последнего боя. На этот раз я видел схватку как бы со стороны, точнее, с разных сторон, словно отснятую на пленку десятком скрытых камер. В покадровом повторе я видел, как приходит в себя сброшенный мною с плеч коренастый «голландец», как ползет он на четвереньках по палубе, едва не попадая рукой под каблук моего сапога... Именно в этот момент Дюруа делает свой злосчастный выпад, очевидно, надеясь если не поразить меня, то опрокинуть через спину шкипера. И в тот миг, когда шпага пиратского вожака выворачивается из его пальцев, напарник «француза» подхватывает оброненный мной в самом начале боя пистолет... Я вижу пламя выстрела. Вижу, как в упор спускает курок своего карабина выскочивший

из-за двери Редферн и мертвый уже пират в конвульсиях дергается на палубе, пачкая ее кровью из разорванных внутренностей... Вижу весь дальнейший бой, хотя не знаю, как я могу его видеть, и до тошноты страдаю от удушливого запаха лаванды, пропитывающего картину боя. Внезапно палуба вновь погружается в туман, и передо мной в рваной пелене этого тумана появляется лицо патриарха Чжоу-И, великого мастера Ю Сен Чу. «Бой — это всего лишь бой, — назидательно говорит он, качая головой с забранными в хвост длинными седыми волосами, — но это только бой и ничего, кроме него. Заполни его собой, заполни полностью. Не оставляй противнику даже самого малого места проявить свою волю. Только так ты сможешь победить, не сражаясь». Туман рассеивается, и мастер Ю Сен Чу неспешно и задумчиво проходит по палубе корвета, объятого смертельной схваткой, проходит, не замечая мелькающих клинков, пуль и пламени пожара, лезущего вверх по вантам. Дойдя до фальшборта, он чинно переступает через него и растворяется в ночи. А запах лаванды все преследует меня, неотвязный, как комариная стая. Я почти задыхаюсь и изо всех сил сжимаю пальцы в кулак, силясь преодолеть подступающую дурноту...

— Посмотрите, миледи, он разорвал подушку, — слышу я сквозь бред. — Сжал пальцы и разорвал ее.

Голос, которым произнесены эти слова, мне незнаком, но я готов поклясться, как только смогу говорить, что никто из экипажа «Феникса» так разговаривать не может. Так произносят слова девушки от шестнадцати до осьмнадцати годов, вырастая из девичьих платьев и не дорастая еще до женских.

Не знаю уж, как там мертвецы с монетами, положенными на глаза, но я поднимаю свои веки так, будто каждое из них прижимает шестнадцатифутовое ядро.

— Смотрите, смотрите, миледи! Он наконец очнулся!

Сквозь дымку я вижу двух девушек, склонившихся над моей постелью. Судя по очертанию фигур, передо мной госпожа и ее камеристка. Во всяком случае, платье а-ля сигнальный буй наводило меня на мысль о светском статусе одной из моих «сиделок». Я с тоской вспомнил виденные мною в изрядном количестве портреты красавиц XVIII столетия: все те губки бантиком, глупенькие кукольные глазки и щеки, за которыми можно было хранить запас продовольствия на черный день. В родовом поместье моих предков таких милашек была целая стена. Однако до конца времени этих фарфоровых кукол оставалось еще лет двадцать, и лежать все эти годы, не размыкая глаз, не было никакой возможности. Я сделал над собой усилие, стараясь навести резкость во взгляде. Не знаю, то ли худо-

жества всех этих маэстро мазка были неудачной глупой местью вздорным кокеткам, то ли мне уж так везло, но обе сидевшие у моего скорбного одра барышни были весьма хороши собой. Особенно ежели вдруг смыть с них обязательные напластования туши, пудры и румян. Однако полагаю, подобная мысль, выскажи я ее, показалась бы здесь святотатством.

— Милорд пришел в себя, — констатировала служанка, озаряя каюту неожиданно радостной улыбкой. Насколько я мог судить, она вообще была девушкой простой и жизнерадостной.

— Сходи позови лорда Джорджа, Вирджиния, — произнесла ее госпожа голосом глубоким и бархатистым. — Скажи, что его племянник очнулся.

— Слушаюсь, мадам. — Камеристка присела в неизменном книксене и поспешно исчезла за дверью.

Пользуясь случаем, я нагло уставился на хозяйку апартаментов, стремясь получше разглядеть ее, вычленить основное из-под слоя модных художеств. Мне тяжело описывать словами женскую красоту. На мой взгляд, все эти воспевания формы носа, цвета губ и величины ушей лишь жалкое блеяние, неспособное и в малой мере передать впечатление от действительно красивого лица. Такое впечатление подобно молнии. А можно ли описать в подробностях и красках эту самую молнию, особенно когда она попадает в тебя? Единственное, что действительно обращало на себя внимание, были, конечно же, глаза. Серые, как туман, но не грязный смог заводских предместий, а утренний туман где-нибудь на берегу озера, готовый исчезнуть и открыть взору наблюдателя и раннюю синеву воды, и свежую зелень листвы, покрытую росой. Все это было во внимательно глядевших на меня глазах неизвестной красавицы. И все же если действительно считать глаза зеркалом души, то жили в этой душе какая-то печаль и тревога, непереводимые на язык слов да, вероятно, и невысказанные самое себе. Мне было лестно думать, что прекрасная дама тревожится обо мне, однако оснований для этого не было ровным счетом никаких.

— Я жив. — Попытка произнести эти слова в полный голос и даже с некоторой иронией закончилась провалом. Губы едва шевельнулись, будто после сильного мороза.

— Несомненно, милорд.

— Когда б я умер, мне вряд ли бы сыскалось место в раю. А встретить такого ангела в аду — вещь невозможная. — Произнеся подобный комплимент, я почувствовал, что вновь теряю сознание. По всей видимости, самочувствие мое не располагало к столь длительным беседам.

— Он забылся, милорд. — Слова эти долетели до моего сознания, покрытого пеленой слабости, заставляя вновь вернуться в мир живых. — Если пожелаете, можно дать ему нюхательную соль.

— Благодарю вас, герцогиня, но, похоже, он уже приходит в себя. — Рокочущий голос, которым были произнесены эти слова, несомненно, принадлежал моему дядюшке. — Добрый день, мой мальчик, — громыхнул он, увидев, что я открываю глаза.

— Добрый день, — прошептал я.

— Я вас оставлю, господа. Мне необходимо сделать кое-какие распоряжения. Если вам что-нибудь понадобится, вызывайте прислугу. Доктор обещал быть через четверть часа.

Она грациозно поднялась и поплыла к выходу, шурша шелками своей юбки. Мне отчего-то вспомнилось, что подобный фасон назывался «взволнованным», но быть может, я путал и его величали «удивленным».

Поза, в которой я лежал, доставляла мне массу неудобств. Уж и не знаю, сколько я валялся вот так, уткнувшись носом в батистовую подушку, но все мое тело затекло и было тяжелым и непослушным, будто чужим. Попытка повернуться на бок отозвалась резкой болью, и я, застонав, был вынужден отказаться от этой мысли.

— Лежи, лежи. — Заметив мое движение, лорд Баренс сделал останавливающий жест рукой. — Ну что, телохранитель, — он улыбнулся, — ты свою работу выполнил отменно. Уж прости меня, старого дуралея.

— За что?

— За то, что я в тебе сомневался. Засиделся тут, глаза замылились, просмотрел уловку. Знаешь, кстати, кого ты в плен-то взял?

Памятуя неудачную попытку повернуться, я отказался от желания пожать плечами и лишь тихо прошептал:

— Нет.

— Это сам Джон Пол Джонс. Своего рода легенда. Первый капитан американских повстанцев. Он один пустил на дно наших кораблей более, чем все остальные каперы вместе взятые. И можешь мне поверить, если бы ты доставил Джон Пол Джонса в Лондон, всю оставшуюся долгую жизнь жил бы безбедно и каждый твой выход в свет сопровождался бы фанфарами и барабанным боем.

Я закрыл глаза, представляя себе эту картину, и меня отчего-то начало подташнивать. Впрочем, возможно, этому виной была лаванда, которой надушено белье.

— Жаль, не судьба, — утешил меня дядюшка. — Пока ты тут отдыхал, представитель местного губернатора потребовал выдать капера французским властям.

— Французским?

— Ах, ну да! Я забыл тебе сказать. Мы во Франции. Во время схватки один из негодяев бросил факел в картуз с порохом возле орудия. Пушку сорвало с лафета, но это еще полбеды: огонь охватил снасти. В общем, мы едва дошли до Кале. Недели полторы-две «Феникс» не сможет выйти в море, а учитывая то, что он в руках у французов, пожалуй, и того больше. Так что Пол Джонса пришлось отдать.

— Почему?

Лорд Баренс тяжело вздохнул:

— Французы предъявили ему обвинение в захвате и уничтожении шхуны «Екатерина де Ла-Марш», а любой корабль, в особенности военный, капитан которого не желает выдавать властям человека, обвиненного королевской судебной палатой в пиратстве, сам считается пиратским. Так что в противном случае мы бы потеряли и корабль, и корсара, и собственную свободу. — Он немного помолчал. — Я, впрочем, не верю во французские обвинения. Скорее всего шхуна ожидала пиратов у английских берегов. Что с ней произошло — это уже второй вопрос. Но вряд ли американский капитан стал бы захватывать судно страны, которая так усиленно помогает его родине. Вернее всего дело обстояло так. Три месяца тому назад, когда фрегат «Пионер», которым командовал Джон Пол Джонс, налетел на камни в районе Ярмута, капитан и часть экипажа спаслись. Их поместили в ярмутскую каторжную тюрьму, но мятежники не стали дожидаться отправки в Австралию и организовали побег. Вряд ли он был случайностью или оплошностью охраны. Скорее всего не обошлось без помощи извне. Вероятно, шхуна ждала беглецов в каком-нибудь глухом заливчике, но, не зная вод, села на камни. Тут-то и подвернулся им под руку злосчастный лихтор. Впрочем, это лишь мои домыслы. Правду мы уже не узнаем.

Ладно, утомил я тебя тут своими разговорами, — махнул рукой дядюшка. — Сейчас доктор пожалует. Леди Элизабет утверждает, что это какое-то европейское светило. Да, мой дорогой племянник, кстати, — лорд Баренс назидательно поднял указательный палец, — я должен вам напомнить. В следующий раз, если вам срочно понадобится со мной связаться, вы свободно можете использовать символ веры, который находится у вас на груди. В общем-то, он для того и предназначен.

Я обреченно вздохнул в подушку. Прибор, замаскированный под символ веры, позволял видеть глазами напарника, слышать его ушами, а уж передача мыслей на расстоянии для него и вовсе было делом заурядным. С непривычки, в спешке, я начисто забыл о нем.

— Ладно, выздоравливай, — напутствовал меня мой родственник. — Нечего залеживаться, у нас с тобой еще много дел.

Он вышел, прикрыв за собой дверь. Я остался в одиночестве, получив наконец возможность рассмотреть комнату, в которой на-

ходился. Она была невелика, а если учесть количество вычурной позолоченной мебели в стиле позднего рокайля, то, пожалуй, даже мала. Более всего она напоминала мне этакий городок в табакерке. И что уж было совсем противно, меня не оставляло странное ощущение, будто комната слегка покачивается. Впрочем, это ощущение вполне оправдывалось моим болезненным состоянием. Стараясь справиться с подступающей дурнотой, я вновь прикрыл глаза, расслабляясь и впадая в благостную полудрему.

Скрипнула дверь, и я услышал знакомый уже шорох юбок. «Герцогиня, — подумал я. — А может быть, Вирджиния?» Но мне почему-то больше хотелось, чтобы это была герцогиня. Я не стал открывать глаз, набираясь сил для предстоящей встречи с лекарем. Признаться, подобные встречи всегда требовали у меня много сил, не столько физических, сколько духовных.

Подойдя к моему ложу, девушка расположилась в кресле, стоявшем подле него. Спустя мгновение я почувствовал, как смоченный какой-то душистой настойкой платок касается моего лица. Дверь скрипнула.

— Ваша светлость, — произнес мелодичный голосок Вирджинии. — С вашего позволения маркиз Пелигрини прибыл, чтобы осмотреть раненого.

— Да-да, зови скорее, — услышал я взволнованный голос той, кого Вирджиния называла светлостью.

«Значит, все-таки герцогиня», — подумал я, почему-то радуясь этому факту.

Маркиз Пелигрини не заставил себя долго упрашивать. Он появился в моей золоченой каморке, едва юная Вирджиния успела ее покинуть.

— Добрый день, граф, — негромко произнесла хозяйка, едва закрылась дверь.

— И я рад приветствовать вас, ваша светлость.

Что и говорить, чувствовал я себя отвратительно, но с головой у меня вроде бы все было в порядке. Спасибо Джон Пол Джонсу, я даже не бился ею о палубу во время падения. А потому новомодная манера именовать маркизов графами увлекла меня настолько, что я прислушался, стараясь не пропустить ни одного слова.

— Итак, моя дорогая герцогиня, что это за таинственный юноша, ради которого вы просите меня срочно приехать в Кале?

Таинственный юноша едва сдержался, чтобы не хмыкнуть. Дотоле ему не доводилось слышать подобного титула для тридцатилетних мужчин, а уж из уст барышни, которой самый неотесанный чурбан не мог бы дать больше двадцати двух, и подавно.

— О, это настоящий герой! Он спас английский корвет от пиратов. Шестерых из них убил голыми руками, а их вожака, знаменитого Джон Пол Джонса, уже раненный, взял в плен.

По моим подсчетам, количество убитых мною в ночной стычке не превышало двух. Остальные же ограничились травмами различной тяжести. Порой, если видение меня не обманывало, тяжести явно недостаточной. Что ж, впредь урок. Реальность этого мира более не вызывала у меня сомнений. Ни в малейшей степени. Что же касается количества моих жертв, боюсь, что до прибытия в Санкт-Петербург людская молва доведет их до общей численности экипажа лихтора. Интересно при случае узнать, какие крылатые слова припишут мне при этом историки.

— Не бог весть какая заслуга, — хмыкнул маркиз Пелигрини. — Джон Пол Джонс сражается за независимость своей родины от кучки чопорных лордов с полубезумным королем во главе. И в этом деле справедливость, несомненно, на его стороне. Впрочем, как вы сами знаете, граф Алессандро Калиостро лечит больных, а кто они, короли или погонщики мулов, не его забота.

Ах вот оно что! Так вот какого лекаря ко мне сюда пригласили! Ну что ж, пациент либо умрет, либо выживет. А если выживет, то либо умрет, либо будет жить. Я уткнулся носом поглубже в подушку, чтобы скрыть свои эмоции.

— Кстати, ваш герой богат?

— Полагаю, что нет. Но он племянник лорда Баренса, чрезвычайного посланника короля Георга в России. А Баренсы — весьма богатый род.

— Чрезвычайного посланника в России, — повторил маркиз Пелигрини, вдруг оказавшийся совсем даже не маркизом. — Это хорошо. Сам Господь посылает его нам навстречу.

Казалось, он начисто забыл о меркантильной составляющей своего вопроса.

— Вы говорите, моя дорогая Бетси, что лорд Баренс спрашивал о возможности плыть в Петербург на вашей яхте?

— Да, граф. — Герцогиня, казалось, не заметила фамильярного обращения к себе, как будто это была норма, принятая в их общении.

— Прекрасно. Я думаю, вы предоставите ему такую возможность. Кстати, ваша светлость, я привез письмо от морского министра, дающее вам право поднять французский флаг на своей яхте. Вы можете выходить в море хоть сию минуту. Прошу вас все же дождаться, пока я сойду на берег, — пошутил Калиостро. — Завтра, знаете ли, я должен быть в Митаве.

— Но, граф, Митава...

— Вы полагаете, Митава слишком далеко от Кале? Пустое, я там буду завтра. — Я услышал тихий мелодичный звон открывающихся часов. — Точно, завтра к вечеру. Однако давайте же займемся вашим раненым героем. Передайте лорду Баренсу, что это лечение обойдется ему в пятьдесят гиней. Это самое меньшее, на что я могу пойти, — пояснил Калиостро. — И то только из почтения к вам, сударыня.

— Благодарю вас, граф, — произнесла герцогиня своим глубоким нежным голосом. — Я действительно многим обязана этому человеку.

«Вот так новость!» — подумал я и тут же открыл глаза, почувствовав рядом с собой резкий запах нюхательной соли.

— Добрый день, милостивый государь. — Человек, стоящий передо мной, был невысокого роста, хорошо сложен, хотя говорить об этом определенно из-за фасона длинного камзола было тяжеловато. Высокий лоб его, если верить физиономистам, выдавал незаурядный ум, а черные блестящие глаза, казалось, отражали игру страстей в душе моего лекаря. Я прошептал ответное приветствие, стараясь выдавить улыбку на лице, но, видит Бог, получилось кривовато. — Давайте посмотрим, что там у вас.

Нимало не стесняясь присутствовавшей здесь герцогини, он откинул покрывало и занялся моими ранами. Я увидел, как леди Бетси поспешила отвернуться, смущенная моим непарадным видом, но, судя по тому, что в муранском зеркале я наблюдал ее тонкое лицо с печальными серыми глазами, она тоже пристально следила за происходящим на ложе.

— Рана ноги не опасна, — подытожил свои наблюдения Калиостро, — глубокий порез, не более. С плечом, конечно, хуже: пуля прошла над лопаткой и вышла около ключицы. На наше счастье, жизненно важные органы не задеты; чуть влево — вы могли остаться без руки, ну а чуть правее — моя помощь вам и вовсе не потребовалась бы. И все же вы в большом долгу у того, кто столь своевременно обработал ваши раны. Пролежи вы на палубе чуть подольше — истекли бы кровью. Однако потеря ее все же большая. Но организм у вас сильный. — Граф вновь окинул меня взглядом. — Можно даже сказать, очень сильный, так что, думаю, ничего страшного не произойдет. Я дам вам чудодейственный бальзам, вы будете смачивать им повязку. В Петербурге, думаю, вы уже сможете не только ходить, но и гарцевать на лошади. Вы ведь любите лошадей?

— Да, — прошептал я.

— Вот и прекрасно, я тоже. Совершеннейшие творения Господни. Пока же ваши лучшие лекарства, не считая, конечно, моего бальзама, — покой, свежий морской воздух и обильная еда. Побольше мяса, красного вина и шоколада.

Герцогиня кивнула, словно приняв к сведению распоряжения лекаря. Я представил себе мясо-шоколадную диету — под красное вино получилось неплохо.

— А сейчас, — он протянул мне маленький стаканчик, наполненный темной жидкостью, — вы примете лечебный отвар и уснете, а я пока обработаю ваши раны.

На всякий случай прикинув для себя, что вряд ли успел досадить чем-либо Калиостро, а следовательно, шансы целенаправленной отправки меня к праотцам довольно малы, я согласился принять налитую мне лекарем микстуру и вскоре погрузился в яркий цветной сон.

...Я шел сквозь каменную толщу. Шел, раздвигая плечом гранитные глыбы, и они поддавались, будто восковые. Я пробовал бежать — ноги мои вязли и еле вытаскивались из размякшей горной породы. В руке моей была цепь с медальоном. При каждом шаге она звенела, будто увешанная сотней маленьких серебряных колокольчиков, и тот, кто шел за мной, всегда и неотвязно шел за мной, слыша этот звон, шаг за шагом приближаясь ко мне в недрах скальной толщи. Чувствуя близость его, я менял направление, по-заячьи стараясь запутать следы... И каждый раз вдали передо мной вставала девушка в длинном до пят темном плаще... И каждый раз она отворачивалась, словно пряча от меня свое лицо, и исчезала, не оставляя даже следов на каменной пыли. И лишь взгляд серых глаз, подобный утреннему туману над дремлющим весенним озером, преследовал меня вновь и вновь, исчезая и появляясь за моей спиной.

Глава 4

Господь сотворил землю на глазок. Циркуль, мастерок и отвес придумали масоны, чтобы сбить всех с верного пути.

Папа Климент XII

Калиостро не обманул, здоровье мое шло на поправку. Через три дня я уже без посторонней помощи мог выходить на палубу, и палисандровая трость, подаренная лордом Баренсом, придавала мне вполне вельможный вид, хотя высокое искусство ходить с тростью с изяществом настоящего денди было почти непостижимо для чело-

века наших дней. Глядя, как естественно и в то же время необъяснимо вальяжно пользуется своей тростью лорд Баренс, я готов был удавиться от зависти, понимая, что для достижения подобных результатов мне еще понадобятся месяцы упорных тренировок.

Специально для меня герцогиня повелела вынести на палубу одно из роскошных голленхаудтовских кресел, чтобы я мог беспрепятственно любоваться морскими пейзажами, глотая при этом рекомендованный доктором свежий йодистый воздух. Море было спокойным и чистым, лишь пару раз, будто и не замечая нас, вдали проносились косые паруса люгеров, которые поэтичные французы именуют «Шас марэ» — охотники за приливами. Были ли это каперы, контрабандисты или же, наоборот, те, кто ловил каперов и контрабандистов, оставалось неясным, да и не слишком нас волновало. Снаряженная кечем двухмачтовая яхта герцогини «Сельвания» оказалась прекрасной бегуньей, и было любо-дорого взглянуть, как она несется вперед на перегонки с попутным ветром, разрезая форштевнем тяжелые волны Северного моря.

Я сидел, откинувшись в кресле, разрабатывая раненую руку. Со стороны, должно быть, смотрелись экзотично все те петли и спирали, которые описывал ладонью в воздухе раненый джентльмен. Битый час уже таким вот образом я дирижировал хором крикливых чаек, носившихся над мачтами, когда на палубе появилась наша гостеприимная хозяйка. Неспешно подойдя ко мне, она пресекла мою попытку подняться, чтобы приветствовать ее, и, вежливо осведомившись о моем здоровье, прошла мимо. Честно говоря, меня бы значительно больше обрадовало, если бы ее светлость предпочла мое общество серым волнам, по которым скользил ее взор. Но, похоже, герцогине было не до меня. Я вдоволь успел налюбоваться видом леди Кингстон со спины, когда над палубой вдруг заголосила серебряная боцманская дудка, требуя у экипажа немедля приступить к выполнению очередной команды капитана. Леди Элизабет вздрогнула, словно вырванная этим звуком из мира своих грез, и испуганно оглянулась.

— Это всего лишь сигнал матросам, — произнес я, радуясь возможности завязать беседу.

— Да-да, конечно, — рассеянно кивнула она. — Просто внезапный звук... — Герцогиня замолчала, словно теряя интерес к нашему разговору. Но испуганная напряженность во всем ее облике оставалась прежней.

— Вас что-то тревожит? — поинтересовался я.

— Тревожит? Нет. Все прекрасно... но меня отчего-то это совсем не радует, — вздохнула герцогиня.

— Отчего же?

— Скажите, милорд Вальдар, — словно не слыша мой вопрос, произнесла леди Кингстон, — вам бывает страшно?

— Бывает, — усмехнулся я. — Но, как большинство вестфольдингов, я тугодум, лишенный воображения, а потому зачастую успеваю среагировать на опасность быстрее, чем испугаться.

— А мне страшно, — печально сказала она, глядя куда-то в пространство. — Мне снятся страшные сны. Мне снятся зеркала, в которых я не отражаюсь, и какие-то люди, которых я точно знаю, но не могу вспомнить ни их имен, ни кто они. — Она замолчала, глядя на море, и я тоже молчал, не зная, что ей ответить.

— Ну что вы, ваша светлость, — промямлил я, пытаясь как-то разрядить обстановку.

Вопрос леди Бетси застал меня врасплох:

— Скажите, конечно, если это не секрет, что было причиной вашей дуэли с герцогом Гамильтоном?

— Я...

— Беседуете? — заглушая мои вялые попытки наплести с три короба дерюжных кружев, спросил, подходя к нам, лорд Баренс.

— Мы разговаривали о погоде, — мило улыбаясь, ответила красавица, глядя в глаза моего дядюшки так, будто ее слова были истинной правдой.

— *Она спрашивала тебя о Гамильтоне?* — внезапно услышал я у себя в мозгу, в то время как мой галантный дядя, прижав руку к груди, склонялся в традиционном поклоне.

От неожиданности я чуть не подпрыгнул. С непривычки весьма странное ощущение слышать в голове чужую речь. Особенно когда на твоих глазах человек, беседующий с тобой, произносит совершенно другие фразы.

— О да. Погода воистину прекрасная. — Лицо лорда Джорджа выражало полное доверие словам собеседницы: и всем вместе, и каждому в отдельности.

— *Да,* — ответил я «дяде» по мыслесвязи.

— *Имей в виду, лорд Гамильтон первый любовник этой почтенной леди. Еще в те незапамятные времена, когда она была просто фрейлиной королевы-матери и просто Елизаветой Чедлэй, он бросил ее, едва добился своего.*

Мы все трое дружно молчали, любуясь игрой волн, и если наше с Баренсом молчание было довольно многословно, молчание нашей хозяйки было весьма красноречиво.

— Пожалуй, я спущусь к себе, — вздохнув, произнесла она. — Здесь становится слишком свежо, вы не находите, лорд Джордж?

— Вы правы, миледи. Но я еще постою. Люблю морской воздух. Уж не помню, кто сказал, что истинного англичанина он пьянит не хуже вина, но сказано верно.

Выслушав вдохновенный монолог королевского посланника, герцогиня грациозно склонила головку, оставляя нас наедине.

— Послушай, Вальдар, — понизив голос до полушепота, начал секретный агент, — ты, конечно, полная деревенщина, но некоторые вещи о нашей спутнице тебе следует знать. Потому что в Англии об этом знают почти все. Уж во всяком случае, те, кто имеет отношение ко двору. Ты помнишь, сколько лет было герцогу Гамильтону, которого ты не без моей помощи «отправил на тот свет»?

— М-м... сорок шесть? — неуверенно произнес я, проведя экстренные археологические раскопки в недрах своей памяти.

— Сорок семь. Но это не суть важно. Так вот, Елизавете Чедлэй сейчас, должно быть, сорок пять.

— Сколько?! — переспросил я, приподнимаясь от неожиданности в кресле.

— Ты не ослышался, сорок пять. Подожди, я к этому еще подойду. Так вот, Гамильтон обольстил юную фрейлину, как я уже говорил, и бросил самым подлым образом. Однако это не помешало ей через пару лет сочетаться тайным браком с неким капитаном Геруэем, младшим братом графа Бристольского. Причина подобной таинственности понятна: выйдя замуж, девушка не могла больше состоять в свите королевы в звании фрейлины, а приданого, которое мог дать за своей дочерью полковник Чедлэй, вместе с жалованьем ее мужа далеко бы не хватило для светского образа жизни. Впрочем, по слухам, брак не задался. Крошка Бетси уехала путешествовать в Европу, одно время даже была близка с императором Фридрихом, но довольно скоро вернулась в Англию и весьма настойчиво начала требовать расторжения брака. Геруэй вроде бы был против, но в один прекрасный день из церковной книги исчез лист с записью о браке, а вскоре к прелестной мисс Чедлэй посватался престарелый герцог Кингстон. Не знаю уж, насколько был счастлив этот брак, но спустя два года все свое состояние Кингстон оставил безутешной вдове. Причем, отметь, забыв при этом всех своих многочисленных родственников. До единого. Те скрипели зубами, но сделать ничего не могли. До той поры, пока сама наша хозяйка не подбросила им козырь для встречной атаки... Причем какой! Примерно через год после герцога Кингстона скончался граф Бристоль. Титул и изрядное состояние покойного унаследовал младший брат, уже известный нам капитан Геруэй. Но и ему не повезло: он тяжело заболел, и врачи считали, что дни его сочтены. И вот тут-то сыскался пропавший лист из церковной книги. Как вы думаете, где он был?

— У герцогини.

— Конечно же, — утвердительно кивнул лорд Баренс. — Теперь она претендовала и на возможное наследство нынешнего графа Бристоля.

Я слушал, удивленно открыв глаза. Уж как-то все это не сочеталось с милым и нежным обликом леди Бетси.

— Не знаю уж, каким путем родственникам герцога Кингстона стало известно о проделках этой милой леди, — продолжал наш наставник, — но факт остается фактом. Безутешная вдова получила судебный иск за двоемужие. Руководствуясь духом закона, а может быть, и не только им, высокий суд лишил леди Чедлэй герцогского титула, оставив ее, впрочем, законной графиней Бристольской. Однако все состояние, завещанное супруге престарелым герцогом, осталось в ее руках как назначенное лично ей, а не женщине, носящей титул герцогини Кингстонской. Вот так-то. Но спустя некоторое время выздоровел неизлечимо больной Геруэй, что вовсе не обрадовало нашу спутницу, поскольку нынешний граф Бристольский обещался преследовать свою бывшую супругу в суде, пока в конце концов не упечет ее в Ньюгейтскую тюрьму, даже если ему придется потратить на это все свое время и состояние. В результате этого светского скандала чрезвычайный посланник короля Георга с племянником плывут под французским флагом в Санкт-Петербург на борту роскошной яхты герцогини Кингстон. В далекий сказочный Санкт-Петербург, где бурые медведи бродят меж вызолоченных дворцов и где никто даже не подозревает о решениях английского суда верхней палаты, выкинувшего нашу любезную хозяйку за пределы светского общества. — Дядя развел руками, завершая свою речь.

— Да, но сорок пять лет?.. — Я вновь вернулся к вопросу, который, признаться, занимал меня более, чем дрязги из-за какого-то наследства и прежние амурные похождения прелестной герцогини.

— Здесь мы подходим к самой странной части истории Бетси Чедлэй. По слухам, курсирующим при дворе, месяца два тому назад, быть может, чуть более, стареющая красавица прошла полный курс омоложения у известного мага и великого копта, магистра всего и вся, ну, в общем, у самого Калиостро. Результат, как ты видишь, превосходит всякие ожидания.

— Такое возможно?! — недоумевающе глядя на Баренса, пробормотал я.

Тот пожал плечами:

— Жить в мире, не веря в то, что считается общепризнанным, крайне неблагодарное занятие. Я знаю, что у нас там, за зыбкой стеной этого мира, — он сделал неопределенный жест рукой, словно

причисляя нас к воинству ангелов, — в лабораториях проводятся опыты подобного рода: кто-то что-то блокирует в гене, и организм перестает стареть, а еще есть клонирование, силиконы, золотая проволока под кожу. Кстати, говорят, подобным методом пользовалась еще доброй памяти царица Клеопатра. Для меня же все это непроходимые джунгли. Сегодня понятно только одно. Всякий просвещенный человек знает, что омоложение — процесс непростой, трудоемкий, но вполне возможный. И Калиостро в этом самый большой спец. Бетси Чедлэй тому прекрасный пример. И не она одна.

— Кстати, дядя Джордж, я все забываю вам сказать, что доктор, который лечил меня в Кале, был именно граф Алессандро Калиостро.

— И ты молчал? — нахмурился лорд Баренс. — Мой мальчик, запомни, о подобных людях надо докладывать, даже если их появление на первый взгляд ничего не значит или же обусловлено естественным ходом событий. Их появление всегда что-нибудь да предвещает. Это аксиома. Ты что-нибудь слышал из того, что он говорил?

— Да... Пожалуй, да... — Я мучительно напряг память, стараясь получше вспомнить все происходившее в каюте во время визита доктора. Но надо сказать, данный им отвар отнюдь не способствовал усилению моей памяти. — Он едет в Петербург, кажется, через Митаву... По-моему, вы очень интересуете его. И еще, — я замолчал, перепроверяя в уме правильность моих наблюдений, — он разговаривал с леди Чедлэй так, — я запнулся, подбирая слова, — будто они не просто близко знакомы.

— Ну, это-то как раз понятно. Я думаю, после омоложения связь у них более чем тесная.

— Прошу прощения, милорды. — Питер Редферн, невозмутимо чинный, словно эталон английского камердинера, возник рядом с нами, будто фигура все отмеряющего времени на башенных часах городской ратуши. В руках у него был инкрустированный золотом небольшой складной столик черного дерева. — С вашего позволения, час завтрака. — Он установил передо мной свою поклажу и дал знак одному из дожидавшихся команды слуг принести второе кресло для лорда Баренса.

Приказание было выполнено молниеносно, и спустя мгновение он уже оглашал список блюд, выстраиваемых перед нами на столешнице.

— Поросенок, жаренный по-французски а-ля Пьерфон с арахисовым соусом, куропатка с артишоками и верченые куртусаны с чесноком и грецким орехом по-ангулемски...

Похоже, предлагаемое нам меню ограничивалось только площадью стола, а впереди еще ждал десерт и карта вин. Я с ужасом пред-

ставил себе пьяного толстяка, страдающего сахарным диабетом, тяжело переваливающегося вниз по трапу в сиятельном Санкт-Петербурге, и эта картинка меня не порадовала. Полагаю, что Калиостро, выписывающий мне эту диету, имел в виду нечто другое. К тому же перехваченные мною взгляды матросов, бросившихся по команде капитана подбирать стаксель, навели меня на мысль, что обзаводиться брюхом, пожалуй, рановато. И уж, во всяком случае, небезопасно. Однако пока что голодный бунт на яхте, казалось, не намечался, и мы продолжали свою трапезу, сопровождая ее неспешной беседой.

— Итак, мой мальчик, — вещал лорд Баренс, довольный сытным завтраком и тонким букетом вин, — я хочу рассказать тебе о масонах. Быть может, это и не лучшая тема для разговора за завтраком, но это будет тебе полезно, раз уж нам придется иметь с ними дело. Должен сразу предупредить, что всемирный масонский заговор, о котором голосят разного рода умники, на мой взгляд, абсолютный бред.

— Как и нападение Джон Пол Джонса? — поспешил вставить свою шпильку я.

— Полноте, дорогой племянник, — усмехнулся лорд Джордж, отмахиваясь от моего замечания. — Здесь совсем другое дело. Вся беда или же, наоборот, счастье в том, что ни масоны, ни уж тем паче приписываемые им собратья иудеи не способны прийти к единому мнению даже по самому малому, самому ничтожному вопросу. Заставь их обсуждать количество лучей звезды Давида и можешь мне поверить: те, кто будет настаивать на шести, останутся в меньшинстве.

Масонов много. Действительно очень много. В наш век, прости, в наш восемнадцатый просвещенный век, для цивилизованного человека не быть масоном почти то же, что не уметь писать. С тех пор как Вольтер вышел победителем из схватки с Всевышним, с тех пор как он сделал его немодным, масонские ложи — единственный путь духовных исканий для большей части мыслящих людей. Кстати, в Ложу «Девять Сестер», которую осчастливил своим членством вышеупомянутый Вольтер, входит еще ряд людей, чьи имена пока что неизвестны, но скоро им суждено загреметь по всему миру.

— Например?

Лорд Баренс посмотрел на солнце сквозь золотистое шенонсо, игравшее в хрустальном бокале:

— Не правда ли, дивный цвет? — Он пригубил вино и замолчал, вслушиваясь в его вкус. — Прекрасное вино! Чуть больше солнца, чем в Англии, чуть другая земля, и в результате такое прекрасное вино. По легенде, его приготовили для возлюбленной короля Генриха II Дианы де Пуатье, смешав виноград из Анжу и Вуврэ. Говорят, в этом вине один из секретов неувядающей молодости прелестной

фаворитки. В шестьдесят лет она пленяла всех свежестью кожи и безупречно округлой формой груди. — Он усмехнулся, возвращаясь мыслью к братьям масонам. — Однако вернемся к нашим баранам. Вы хотите имена? Пожалуйста. Бенджамин Франклин, вы его должны помнить по пятидесятидолларовой купюре, Кондорсэ, Дантон, Камилл де Мулен, там же, кстати, и братья Монгольфьеры. К сведению, Робеспьер, Мирабо и прочие друзья народа тоже в курсе символического значения циркуля и молотка. Да что там, весь командный состав американской армии, начиная от главнокомандующего и заканчивая низшими офицерскими чинами, принадлежит к числу масонов. А то, что уже вошло в историю как «бостонское чаепитие», и подавно совершено в перерыве заседания масонской ложи. Но я повторяю, все это не потому, что такова политика масонских лож, а потому, что легче отыскать негра среди предков английской королевской фамилии, чем немасона среди современных просвещенных людей. Вся их секретность — дым, отчасти ради игры в высокие тайны, отчасти для придания себе значимости, обычно в собственных же глазах. Революционность вовсе не черта масонства. Не верите? Тогда возьмите, к примеру, Пруссию, где одно только упоминание о правах и свободах приводит власть в состояние дикой ярости. Там в масонах, почитай, все дворянство, включая Фридриха II.

— А что же Россия?

— Россия? — переспросил лорд Баренс, как видно, собираясь с мыслями, чтобы получше объяснить положение дел в местах, куда лежал наш путь. — Конечно же, эта зараза не обошла и ее. Насколько я знаю, в Россию ритуалы вольного строительства завез император Петр вместе с другими иноземными диковинами. Понятное дело, я говорю не о покойном муже нынешней императрицы, а его предке. Он же организовал и первую ложу в Кронштадте. Впрочем, там масонство не получило широкого распространения. Вероятно, европейский мистицизм далек славянскому духу, но факт остается фактом, российское масонство в сравнении с европейским и американским — детский лепет. Кучка любопытствующих сановных франтов в ожидании фокусника. Кстати, фокусник, похоже, туда уже направляется.

— Вы имеете в виду Калиостро?

— Его самого, друг мой, его самого. Но нас сейчас волнует совершенно другое. Я уже говорил тебе об этом. Под крышей одной из петербургских лож работает наша резидентура. Долгое время это было идеальное прикрытие. Таинственность, высокие звания, масонский храм, где наши успешно оборудовали камеру перехода. В общем, лучше не придумаешь. Но буквально месяц назад российский адмирал и мастер Ложи «Аристея» граф Алексей Орлов, брат

фаворита государыни, привез в Санкт-Петербург некую очаровательную самозванку, которую я пару лет назад знавал в Париже под именем графини де ла Тремуйль. Теперь она выдает себя за дочь императрицы Елизаветы и гетмана Разумовского.

Все было бы ничего, если бы в любовном чаду граф Орлов не высказался в таком духе, что, мол, посадили на престол одну императрицу, можем посадить и другую. Он, видимо, забыл, что у стен есть уши. А у них, кроме ушей, оказался еще и длинный язык. Думаю, излишне говорить, что среди людей, приведших Екатерину на престол, было изрядное число масонов. Поэтому государыня довольно долго мирилась с наличием близ трона всех этих архитекторов царствия Божия. Впрочем, не благоволя им. Однако теперь у нее появился повод присмотреться к ним получше, и то, что она увидела, ее, прямо скажем, не обрадовало.

Беда не в том, что молодые люди, нацепив передники, изукрасив свой наряд символами мертвой головы и стройинвентарем, игрались в наследников убиенного строителя Соломонова храма, дедушки Хирама. И не в том, что они пытались постичь законы мироустройства, деля свое время между мистериями и оргиями. В конце концов, все это всходы посеянного самой же Екатериной вольтерьянства. Беда в том, что все без исключения российское масонство имело посвящение германское, шведское или французское. В общем, как принято говорить там у нас, вероятного противника.

Постарайтесь понять, это весьма важно — Екатерина не природная правительница России. У нее здесь нет корней, нет своего клана, готового поддержать каждое ее начинание. По большому счету, ее права на российский престол более чем иллюзорны. Она бесприданница из крошечного Ангальт-Цербстского герцогства. Это младшая ветвь Асканийского дома. Ее величество великолепно помнит, что брак, приведший ее на трон, это результат политической игры императора Фридриха, наперсника императрицы Елизаветы Лестока, французского посланника де Шатарди и вице-канцлера Бестужева. Она казалась самой смирной, самой безопасной кандидатурой на роль супруги внука основателя Российской империи, к тому же обладающего правом на датскую корону и Гольштейнское герцогство, запирающее выход из Балтийского моря. Вы помните, как рвалась к власти тихоня Фике и как ее получила? То, что теперь делает эта женщина в России, — вещь неслыханная. Перед ее деяниями меркнут даже петровские реформы.

Что же сегодня получает Екатерина от российского масонства? Поддержку? Вовсе нет. Она получает агентов влияния, способных открыть замыслы чересчур самостоятельной императрицы всем возможным врагам. Простит она такое? Да никогда!

— А как же наша ложа? — улучив паузу в страстном монологе лорда Баренса, поспешил спросить я.

Чрезвычайный посланник поморщился:

— Вопрос остается открытым. Скорее всего мы постараемся придать этому творению чуждого, то есть нашего, разума иную форму. Ну и, конечно же, самые верноподданнические устремления. Девиз сезона: «Свобода есть вдохновенное служение Вышнему. Служа другому — истощаюсь».

Заглушая последние слова моего собеседника, пронзительно заныла боцманская дудка:

— Убрать винджсейл! Приготовиться к повороту оверштаг!

Я посмотрел за борт. Волны, по которым неслась «Сельвания», казалось, посерели, словно кто-то выстирал в них гору грязного белья.

— Меняем галс, — отметил лорд Баренс. — Входим в проливы. Гиблое место. Придется брать лоцмана. Кстати, Вальдар. — Лорд Баренс посмотрел на меня со странно хитрым выражением. — Чувствуешь ли ты небывалый подъем и прилив сил?

Я посмотрел на него удивленно:

— Не то чтобы очень.

— А зря! Сними шляпу, мой мальчик. Мы входим в воды Вестфольда.

Услышав эту тираду, я прочувствованно уставился на горизонт, стараясь представить себе, как вылетает из-за какого-нибудь встречного островка дракар моих могучих предков под черно-алыми парусами. Однако вдали не было видно ни острова, ни фьорда, ни самого малого захудалого парусника.

Глава 5

С тех пор как Петр Великий прорубил окно в Европу, отбоя нет от форточников.

Вице-канцлер Бестужев

Эту страну мои давние предки величали Гардарика — гряда городов. Величали с почтением и охотно шли на службу к здешним государям, укрепляя державу россов и овевая свои имена вечной славой.

Прямо по курсу «Сельвании» лежал Санкт-Петербург, откуда отдаленный потомок этих вольных конунгов планировал грозить шведам через прорубленное в Европу окно. Все на «Сельвании» готовились к торжественному прибытию. Яхта украшалась словно для адмиральского смотра. Слепила глаза позолота, плескали по ветру вымпела, и чуть голубоватые паруса из Нима сменили просоленную ветром и морскими брызгами рабочую походную парусину. Я уже вполне окреп, и лишь рука, по-прежнему висящая на перевязи, напоминала о недавних передрягах.

Проникаясь царившим вокруг возбуждением, я старался представить, чем встретит меня Северная Пальмира. Представить то, что должно было составлять мою будущую работу. Спокойнее всех казался лорд Баренс. Только ритмичное постукивание тростью о палубу выдавало его волнение. Все ближе и ближе была петровская столица Российской империи. Когда же марсовый закричал, что на горизонте виден град Петра, он последний раз стукнул тростью и поспешил удалиться в каюту, дабы принять соответствующий высокому статусу вид.

Уже вышел наперерез нам, бороздя Маркизову лужу, патрульный бриг из Кронштадта. Уже виднелся в подзорную трубу ангел на крепостном шпиле и кресты на храме у входа в Неву.

— Господи боже мой! — послышалось внезапно за моей спиной. — Так ведь это же Никола Морской.

Я едва удержался, чтобы не обернуться. Голос, пробормотавший эти слова, был вполне знакомым. Не стоило даже оборачиваться. Он принадлежал Питеру Редферну. Первоклассному английскому слуге Питеру Редферну. Вот только слова эти были произнесены на чистейшем русском языке. Система «Мастерлинг», которой был оснащен мой символ веры, позволяла мне судить об этом вполне определенно. Я скосил глаза на выдраенный до блеска иллюминатор, в котором отражался Питер, и то, что я увидел, поразило меня не менее, чем то, что я услышал. Камердинер лорда Баренса истово осенял себя крестным знамением. Насколько я мог судить, исконно православным. Я активизировал мыслесвязь:

— *Дядя, у меня для вас странная новость.* — Думаю, удивление в голосе читалось даже по телепатической связи. — *Есть основания предполагать, что ваш камердинер, как бы это так точнее выразиться...*

— *Гони его сюда,* — возмущенно рыкнул лорд Баренс. — *Я тут не могу выбрать, какой камзол лучше надеть. У меня до сих пор парик не пудрен, а его где-то носит!*

— *Дядя, он русский!*

— Это еще не повод для того, чтобы забывать о своих обязанностях! Гони его сюда, бездельника! Погоди... Как русский?! Ты ничего не путаешь? Он же канадский француз!

Признаюсь, тут пришла моя очередь удивляться.

— Ладно, позже разберемся, — вернул меня к действительности лорд Баренс. *— Гони его сюда! Русский он или нет, а одеться-то мне надо.*

Прерывая нашу неслышную чужому уху беседу, грохнула пушка с Петропавловской крепости, потом еще одна и еще одна, отвечая на наш салют национальному флагу России. Когда умолкла крепость, канониры «Сельвании» вновь засуетились у пушек, спеша еще семнадцатью залпами поведать дружественной столице о прибытии чрезвычайного посланника. Когда наконец утихла канонада, яхта чинно, я бы даже сказал, высокомерно подошла к пирсу, где в ожидании брошенных с борта швартовых уже замерли вышколенные матросы гвардейского экипажа. Английская набережная едва вмещала зевак, собравшихся посмотреть швартовку роскошной иностранной яхты. Почетный караул оттеснял их от берега, давая нам дорогу. Над всем этим людским скопищем висел возбужденный многоголосый гул, время от времени разрываемый резкими щелчками кнутов. Это сидящие на козлах кучера отгоняли чересчур любопытствующих бездельников от карет нашего кортежа.

Первым на трапе появился лорд Джордж, в кои-то веки сменивший элегантный редингот почтенного немолодого джентльмена на сверкающий в лучах солнца вызолоченный малиновый камзол с кисточками а-ля «полонез» и синюю ленту с красными полосами по краю английского ордена Святого Георгия.

— У них тут абсолютная безвкусица, — прошептал он мне через плечо. — Ты сам увидишь, как одевается их знать. Чем ярче, тем лучше. Побольше золота, побольше шитья — иначе они не понимают. Даже в Париже так уже не носят лет пять. Так что ты со своим прошлогодним вкусом прослывешь у них франтом.

— Господи, неужто дома, — услышал я за спиной тихое бормотание Редферна.

— Послушай, Вальдар, — начал лорд Баренс, когда мы, сопровождаемые конным эскортом, мчались в карете к особняку английского посольства. — Положение дел следующее: сейчас мы отправляемся в посольство. Затем, отобедав, едем в Царское Село. Там по будним дням находится императрица вместе со своим двором. Постарайся понравиться государыне, поскольку тебе придется просить ее покровительства. Я разговаривал с послом. Сегодня он, так и быть, закроет глаза на твое присутствие в стенах посольства, но не

более. Не забывай, тебя надлежит задержать и препроводить в Лондон под стражей.

Я кивнул головой, давая понять, что помню о своем «злодействе». Карета стучала колесами по дощатому уличному настилу, щелкал бич, погоняя запряженную цугом четверку, и за окошками мелькали мосты и каналы Северной Венеции. Петербург Петербургом, но попадать в Тауэр с билетом в один конец мне вовсе не хотелось. Впрочем, кажется, Тауэр в эти годы не использовался в качестве тюрьмы, но в корне это дела не меняло.

— У нашей герцогини в этом городе куплен особняк, — продолжал лорд Баренс. — Зная ее вкусы, можно предполагать, что в нем при желании свободно расквартируется гренадерская рота. Постарайся убедить ее в том, что там должно найтись место для тебя. Думаю, это получится. Поверь моему опыту. — Лорд Баренс хмыкнул. — Мне отчего-то кажется, что тебе предстоит пережить бурный роман с этой пожилой леди. — Он испытующе посмотрел на меня.

Я попытался с возмущением отвергнуть грязные инсинуации, но дядя решительно прервал речь защиты:

— Пустое, мой дорогой. Твои амуры и купидоны меня в целом не касаются, но с герцогиней Кингстон случай особый. Я хочу, чтобы ты как можно внимательнее следил за ее связями, знакомствами, причем не только светскими.

— Милорд, — возмущенно начал я. — Мне претит ремесло шпиона!

— Стоп, стоп, стоп! Не так бурно, — прервал мои излияния лорд Джордж. — Чувства твои понятны, но к работе они отношения не имеют. Вам, сударь, я рекомендую подумать о другом. Герцогиня Кингстон — дама, конечно, очаровательная, но цель ее поездки сюда лично для меня не очевидна. Можно утверждать лишь одно: она напрямую связана с предстоящим визитом твоего давешнего лекаря. Я готов поспорить на что угодно, Калиостро едет в эти края отнюдь не любоваться российскими пейзажами. Здесь что-то должно произойти. А волны от этого «чего-то» могут быть такие, что какие-нибудь слаборазвитые цивилизации по соседству просто смоет.

Карета остановилась, давая возможность слугам отворить кованые створки ворот английского посольства.

— Да, кстати, — бросил мне дядюшка, отсутствующим взглядом глядя на вытянувшихся у ворот лакеев. — Напомни мне после приема у государыни поговорить с Питером о его русских корнях.

Все те же мы, весь мир для нас чужбина.
Отечество нам Царское Село.

Стихи эти всю дорогу от Санкт-Петербурга до летней резиденции императрицы крутились у меня в голове. Насколько я помнил, великий русский поэт, обессмертивший сии места, еще не родился, но, возможно, уже существовало то, что вело его рукой, когда он писал эти строки.

Признаться, меня распирало любопытство, ожидание какого-то чуда. И в тот момент, когда мы подъехали к главным воротам, я понял, что оно происходит. Не веря глазам своим, я высунулся из кареты, чтобы лучше рассмотреть золоченое чугунное кружево, которое здесь попросту именовали воротами. Высоченные гвардейцы, дежурившие у въезда во дворец, поначалу напряглись, заметив мое движение, но, поняв, что послужило ему причиной, приняли вид настолько довольный, как будто именно они в часы досуга сплели этот непревзойденный шедевр кружевного искусства.

— То ли еще будет, — заверил меня многоопытный придворный. И он не обманул.

Короткое северное лето, которое все тот же русский гений назвал карикатурой южных зим, государыня Екатерина обычно проводила в Царском Селе, лишь изредка наведываясь в столицу для неотложных официальных дел и торжественных молебнов. Надо отдать ей должное, она любила и умела жить со вкусом. Возможно, наверстывая упущенное в небогатом детстве и безрадостной юности, она возводила сказочные дворцы, представляя себя в них, видимо, сказочной же королевой. Впрочем, эта милая фантазия никоим образом не мешала ей рукою твердой и властной держать бразды правления великой державой.

Сегодня их императорское величество ожидала к себе на ужин посла Англии, чрезвычайного посланника дорогого кузена Георга с племянником и сиятельную герцогиню Кингстон, которая вроде бы как приходилась родней английскому королевскому дому. Правда, узнав о последнем приглашении, посол Британии собрался было заявить решительный протест, но, сообразив, что поливать грязью спутницу чрезвычайного посланника означает бросать тень на него самого, сказался незнанием щепетильных нюансов истории похождений Элизабет Чедлэй.

Итак, нас ожидал ужин, что на языке дипломатии означало вовсе не совместную трапезу, а неофициальную личную встречу на фоне столов, ломящихся от яств. Официальный прием в честь прибытия чрезвычайного посланника ожидался лишь через два дня в Зимнем дворце.

Пройдя мимо караула лейб-гренадерского полка, мы по парадной лестнице поднялись наверх, где уже несли стражу кавалергарды в

алых мундирах, серебряных кирасах и касках, увенчанных черными плюмажами. Обилие перьев делало их неуловимо похожими на индейцев. Прошествовав мимо этих молчаливых гигантов, замерших навытяжку с карабинами в руках, мы очутились в парадной белой столовой, где уже собралось общество, ожидавшее выхода государыни. Едва мы переступили порог залы, к нам подлетел, я бы даже сказал подпорхнул, церемониймейстер, спеша указать «место в строю». Все это неумолимо напоминало мне какое-то театральное действо, причем единственными зрителями его были сами актеры. Конечно, если не считать господ кавалергардов. Впрочем, и они старательно играли роль живых статуй, казалось, даже не мигая от усердия. Оглядевшись с нескрываемым интересом, я прошел к камину, желая со стороны взглянуть на собравшихся в этих роскошных декорациях действующих лиц.

Камин горел не столько для обогрева помещения, сколько для того, чтобы не дать расползтись по нему появлявшейся под вечер сырости, вообще свойственной здешнему климату. Заметив этот маневр, лорд Баренс поспешил присоединиться ко мне, желая в свободную минуту дать последние наставления и рекомендации начинающему царедворцу.

— Посмотри на этого красавца в форме шефа кавалергардского корпуса — это невенчанный муж императрицы граф Григорий Орлов. Оч-чень влиятельная особа. Хотя с недавнего времени, судя по донесениям наших агентов, между «супругами» наметилась какая-то прохладца. И все же я бы советовал обратить на него внимание. Он совсем не промах, и сбрасывать его со счетов было бы неразумно. Вот этот, справа от него, который так мило разговаривает с Орловым, — российский канцлер Панин. Приглядитесь к нему внимательнее, коварство у него написано на лбу большими буквами, и его не спрячешь ни под каким париком. Его, более чем кого бы то ни было из окружения императрицы, можно назвать злым гением России. Он состоит на жалованье у всех европейских монархов. Это не мешает ему оставаться весьма влиятельным человеком, воспитателем наследника цесаревича и любовником государыни. Кроме того, он славится гаремом, не уступающим размерами и роскошью гарему египетского султана.

А вон тот подполковник Преображенского полка со шрамом...

Я не успел узнать, чем же знаменит указанный подполковник, когда расторопные церемониймейстеры спешно бросились расставлять гостей в расписанном порядке, а воздвигнутый у дверей гофмаршал в мундире, будто облитом золотом, трижды стукнул об пол своим жезлом.

— Ее императорское величество Екатерина II, императрица и самодержица Всероссийская, Московская, Киевская, Владимирская и Новгородская, царица Казанская, царица Астраханская...

Выровнялись шеренги, четко звякнули карабины кавалергардов, все актеры предстоящей мизансцены смиренно замерли в ожидании появления примадонны.

— ...Царица Сибирская, царица Грузинская, государыня Псковская, великая княгиня Смоленская, Литовская, Волынская, Подольская... — заученно вещал гофмаршал.

Полное перечисление титулов давало время, чтобы проголодаться, даже если перед началом их оглашения ты плотно поел. Разумная мера перед ужином. Я представил себе императрицу, ждущую окончания этого экзамена по географии, и мне отчего-то стало ее жалко. Надеюсь, список городов и губерний, входящих в ее владения, она все же слушала сидя.

Наконец усердный служака дошел до любимого мной титула «и прочая, прочая, прочая», и вслед за этим, подобно чертику из табакерки или, как говаривали древние римляне, «богу из машины», пред страждущие очи приглашенных к ужину явилась сама великая государыня.

Она была немолода, и я бы вовсе не назвал ее красивой. Насколько я мог судить, и в прежние времена тоже. Но было в ней что-то такое, что делало ее выше всех только что названных титулов. Победительная улыбка, которой она одаривала собравшихся, и твердый взгляд серо-голубых глаз, безусловно, выделяли ее среди находящихся в зале дам. Вслед императрице с сафьяновой папкой под мышкой торжественно вышагивал невысокий плотный мужчина с круглым лицом и хитрыми глазами.

— *Безбородко,* — пояснил по мыслесвязи лорд Баренс. — *Своего рода тень Екатерины. Известен прилежанием и чистописанием. Особенно ценен императрице умением складно формулировать ее мысли. Отменный казнокрад, но, впрочем, всегда блюдет интересы государыни, как свои. Или наоборот, кто его разберет. Полезный человек. У нас для него припасена пара картин Сальваторе Розы. Я уже повелел их ему доставить. Надеюсь, что сей достойный государственный муж это оценит. А в общем, мой тебе совет: всегда отмечай коллекционеров среди патриотов. Далее дежурные генералы,* — комментировал мой дядя. — *Вот этот красавец в завитом парике со звездой Александра Невского на груди — князь Александр Васильчиков. Полная пустота. Пожалуй, если бы на известный предмет мужского достоинства можно было вешать звезды, все остальные части тела ему были бы без нужды. Впрочем, о звезде Александра Невского мне еще не докладывали.*

Слева от него генерал-майор князь Головин. Храбрец, служака. Для придворного чересчур прямодушен. Не думаю, чтобы он надолго задержался в свите. Не его стихия.

Между тем процессия, возглавляемая императрицей, все более приближалась к нам. Государыня то и дело останавливалась возле застывших в почтительном поклоне гостей, одаривая то одного, то другого милостью августейшего приветствия.

— Екатерина прошла мимо Орлова, не останавливаясь, — прошептал мой дядя. — Примечательный знак.

Следом за дежурными генералами шествовала женская группа поддержки.

— Графиня Брюс с фрейлинами, — пояснил дядя. Он собирался сказать что-то еще, но их величество резко затормозила перед посланником, одаривая его, на мой взгляд, вполне искренней улыбкой.

— Лорд Баренс, я рада вновь видеть вас в России, — на французском с легким немецким акцентом начала императрица. — Вы долго не навещали нас, друг мой.

— Увы, ваше величество, — тон моего дяди был сладок, как мед, — воля моего короля не дает мне счастья видеть вас столь часто, как бы мне того хотелось.

Довольная комплиментом Екатерина благосклонно кивнула.

— А кто сей джентльмен?

В эту секунду грохнул выстрел. С противоположной стороны зала и чуть левее меня. Заученным до автоматизма движением я шагнул вперед и развернулся в сторону выстрела, обнажая шпагу. Чего-чего, а стрельбы на императорском ужине я никак не ожидал. Но в кого бы ни целился неизвестный мне стрелок, он не должен попасть в моего подопечного.

Дамы взвизгнули, мужчины схватились за шпаги. Движения присутствующих как бы замедлились, и я увидел, как в мою сторону опускаются карабины кавалергардов. Я замер, пытаясь понять, что же произошло. Внезапно зала взорвалась хохотом и аплодисментами. Нормальное восприятие происходящего вновь стало возвращаться ко мне.

— Браво! Браво! Он закрыл собой императрицу!

За колышущейся шпалерой придворных я заметил кавалергардского капрала с мраморно-холодным выражением лица, волокущего за ухо расфранченного мальчишку лет двенадцати. Ухо у юнца было того же цвета, что и кавалергардский мундир, но тем не менее терзаемый сохранял стоическое молчание, не скрывая при этом явного удовольствия произведенным переполохом.

— Пажи куролесят, — услышал я за спиной чей-то голос. — Кто-то из кавалергардов задремал, а этот, ишь, шельма, стащил патрон — и в камин. Уж сколько раз их за это драли!

Я сконфуженно послал шпагу в ножны и бочком-бочком занял свое место в шеренге.

— Прошу простить меня, ваше величество. — Я склонился в поклоне, надеясь, что пудреный парик закрывает характерное покраснение ушей.

— Доблесть, молодой человек, в прощении не нуждается. И все же, — она повернула голову к моему дяде, — дорогой лорд Баренс, представьте смельчака.

— Ваше величество, это мой племянник Вальдар Камдил, лорд Камварон. Он прибыл вместе со мной в Россию, дабы искать покровительства у вашего величества.

— Неужели моему дражайшему кузену королю Георгу не нужны подобные храбрецы?

— Все дело в том, ваше величество, что мой племянник был чересчур усерден в решении вопросов чести.

Императрица смерила меня слегка насмешливым взглядом.

— Ну что ж, мы обдумаем ваши слова. — Она кивнула, выражая высочайшее удовольствие, и прошествовала далее.

Императорская тень в лице Безбородко притормозила возле чрезвычайного посланника и, получив из его рук опечатанный королевскими печатями пакет, двинулась вслед государыне. Лишь только взгляды, которыми обменялись дипломатические «зубры», отчего-то навели меня на мысль, что господин секретарь является искренним почитателем итальянской живописи.

Я не стану описывать ужин. Мне не дано обладать памятью голландских живописцев и запоминать вид и размещение блюд, установленных на столе, а все лежавшее на этих блюдах исчезало с такой скоростью, что я едва успевал сообразить, что это было. Когда гофмаршал скомандовал сворачивать трапезу, я был уже на излете. Мне уже были до боли понятны все эти пухлые ручки и толстые щечки на придворных портретах. «Так жрать нельзя, — корил я себя, давая обет завтра не притрагиваться к пище. — А то ведь скажут, приехал из голодной Англии в Россию отъедаться, а я, как-никак, того... невольник чести. Надо поддерживать форму».

Жезл церемониймейстера вновь загрохотал по паркету, призывая придворных принять участие в следующем акте сегодняшнего представления.

— Ломбер ее величества! — произнес жезлоносец с видом таким торжественным, будто сообщил присутствующим о высадке инопланетян посреди Дворцовой площади.

Сытые и довольные участники спектакля вновь выстроились в шпалеры, ожидая вызова к карточному столу. Впереди на правом

фланге я увидел шефа кавалергардов, расправившего плечи, словно стремясь закрыть собой весь строй.

— Григорий Григорьевич, — обратилась к нему императрица с улыбкой любезной, как повестка в суд. — Мой дорогой граф, у меня для вас важное поручение. Мне кажется, полуденная пушка стреляла сегодня совсем не громко. Сходили бы, душа моя, разобрались, в чем дело. Вы ведь у нас генерал-фельдцехмейстер.

Я увидел, как вспыхнуло гневом лицо недавнего фаворита.

— Я счастлив служить вашему величеству! — сцепив зубы, процедил он, улыбаясь недобро. — Но деяние это столь велико и столь ответственно, что я осмелюсь просить себе в помощники дежурного генерала вашего — князя Васильчикова. Дабы дать ему возможность геройством своим в этом деле оправдать звезду, коей вы изволили нынче украсить его грудь.

Екатерина насмешливо посмотрела на Орлова, затем, через плечо, на побледневшего Васильчикова:

— А и то, князь, сходите, развейтесь.

Затем, напрочь теряя интерес к эскападам Орлова, она скользнула взглядом далее и остановила его на преображенском подполковнике.

— Первым моим партнером в игре будет Григорий Потемкин, вторым — лорд Джордж Баренс, третьей я желаю видеть графиню Брюс.

Представление было окончено, этикет соблюден, и с этого момента начиналась произвольная программа. Отыскав среди толпы придворных герцогиню Кингстон, я предложил ей руку, и мы отправились осматривать достопримечательности дворца. Что и говорить, кроме моего «дражайшего дядюшки», это было единственное лицо, знакомое мне здесь, и, признаться, смотреть на это лицо мне с каждым днем становилось все приятней и приятней.

— Это ее возлюбленный, — услышал я за спиной негромкую русскую речь. — Непонятно, то ли она уехала за ним из Англии, то ли он за ней.

— Ну что вы! — произнес другой голос. — Конечно же, она. Говорят, он ужасный дуэлист, и уж точно известно, что он заколол на дуэли бывшего любовника этой прелестной молодой особы, герцога Гамильтона.

— Да ну!

— Вы же сами слышали, что говорил его дядя. Этот смельчак весьма рьян в вопросах чести.

— Говорят, герцогиня несметно богата, — поменял тему первый голос.

— Воистину несметно, — отвечал второй. — Вы бы видели, какую коллекцию картин она привезла в подарок государыне.

— Да, стоило бы за ней приударить.

— Не рекомендую, дорогой мой. Весьма не рекомендую.

Мы вышли из залы, и продолжения разговора я уже не слышал. Мы бродили по дворцу рука об руку, беседуя ни о чем, и я был рад, когда леди Бетси первой завела речь о поселении меня во флигеле своего дома. Я с радостью принял это предложение, и, сказать по правде, не только из-за дядюшкиных рекомендаций. Быть может, он и был прав, обвиняя герцогиню во всех смертных грехах, но чувства мои подсказывали совсем другое, и теперь у меня появлялся шанс самому выяснить правду.

Связь включилась как-то неожиданно. Вдруг передо мной предстал небольшой уютный кабинет с ломберным столом посередине, вокруг которого с картами в руках расселась уже знакомая мне четверка игроков. Внезапно дверь комнаты резко распахнулась, и в нее спиной вперед влетел гофмаршал, явно теснимый превосходящими силами противника.

— *Не велено пускать, не велено,* — жалобно твердил придворный.

— *Пшел вон, каналья,* — рявкнул на него появившийся следом Орлов и, схватив беднягу за грудки, выкинул его из комнаты.

— *Чему обязана, граф,* — ледяным тоном осведомилась Екатерина, не поднимая глаз от карт.

— *Пушка велела вам передать, что отныне будет палить во все жерло. Токмо дежурный генерал ваш, князь Васильчиков, в сей славной баталии тяжко ранен, ибо, запнувшись о камень ножкой, пребольно ударился головой о лафет.*

— *Благодарю вас за добрые вести, граф,* — все в той же интонации отвечала императрица. — *Я вас более не задерживаю.*

Орлов забористо выругался и вышел, хлопнув за собой дверью.

— *Вальдар,* — попросил меня лорд Баренс. — *Распорядись, чтобы Редферн приготовил нашу карету. Не думаю, чтобы после этого визита игра продолжалась долго. А когда публика начнет разъезжаться, кареты битый час не дождешься.*

Связь исчезла. Я достал часы и, посмотрев на них, покачал головой с укоризной.

— Время позднее. Пора возвращаться.

— Но еще совсем светло, — возразила мне очаровательная спутница.

— Это белые ночи. Здесь летом белые ночи, — поспешил я блеснуть эрудицией.

Отловив ближайшего лакея, я послал его отыскать слугу лорда Баренса и велеть ему прийти сюда. Лакей почтительно поклонился и бросился выполнять поручение. Поговорив еще немного с герцо-

гиней и заверив, что завтра же поутру не премину воспользоваться ее гостеприимством, я спустился вниз на свежий воздух.

Картина, представшая моему взору, была странна. Питер Редферн с достоинством высокооплачиваемого английского камердинера спешил на зов хозяина. Видимо, задумавшись, он едва не столкнулся с грузным мужчиной в адмиральской форме. Редферн посторонился было уступить дорогу и вдруг отпрянул как ужаленный и, зайцем соскочив с парковой дорожки, укрылся за высоким постаментом одной из статуй. Даже не заметив этого, адмирал прошествовал мимо, и я смог вполне отчетливо рассмотреть его. Ничего наводящего ужас в облике неизвестного флотоводца, на мой взгляд, не наблюдалось. Пыхтя, как паровой катер, адмирал прошел мимо меня и скрылся за дворцовой дверью.

— Питер! — окликнул я камердинера.

— Да, сэр! — ответил тот, появляясь из-за статуи.

— Готова ли карета?

— Да, сэр!

— Мы отправляемся через пять минут.

— Да, сэр! Слушаюсь, сэр! — ответил он, глядя на меня остекленевшими глазами.

Глава 6

Говорите умно. Враг подслушивает.

Станислав Ежи Лец

Наша карета резво неслась в сторону Петербурга. Помнится, по этой вот дороге пешком, то ли для того, чтобы сэкономить деньги на кучере, то ли стараясь надышаться вволю, гулял уже упоминавшийся мною великий русский гений. Во всяком случае, так рассказывала мисс Элейн Трубецкая, преподававшая у нас в Итоне химию. И по совместительству, для желающих российскую словесность. Образ поэта, вышагивающего многие версты с тростью, залитой свинцом, с детства накрепко врезался в мою память.

— Ну, каковы твои успехи? — поинтересовался лорд Баренс, когда мы выехали из парков, окружающих Екатерининский дворец.

— Леди Бетси предоставляет в мое распоряжение флигель своего дома.

— Это хорошо, — кивнул мой дядя.

— Честно говоря, я, как ни смотрю, не могу представить себе за ней всех тех преступлений, о которых вы говорили.

— Зато я, дорогой племянник, очень хорошо могу представить, как ваше сердце наполняется трепетанием при взгляде на прелести объекта вашей разработки. Послушай, Вальдар, я уже говорил и готов повторить: она приехала сюда не просто так. И Калиостро едет сюда не просто так. Даже если предположить, что, вернув герцогине молодость, он вверг ее в клинически невинное состояние, значит, ему так нужно. Дай бог, чтобы замыслы этого шарлатана ограничивались какими-либо финансовыми операциями. Однако, судя по последним его странствиям среди европейских монархов, здесь может быть совсем другая игра. — Он задумался, вероятно, пытаясь мысленным усилием проникнуть в коварные планы графа Калиостро. — Да, кстати. — Лорд Баренс расстегнул карман камзола. — На, подари при случае герцогине. — Он высыпал в ладонь пригоршню крупных розовых жемчужин. — Мой сегодняшний выигрыш, — пояснил лорд Джордж. — У нее этого добра навалом, но все равно будет приятно. Она любит жемчуг и бриллианты, а ты зарекомендуешь себя галантным кавалером, а не только лихим рубакой.

Связь активизировалась внезапно. Впрочем, она всегда включалась без предупреждения, заставляя меня с непривычки дергаться.

— Пройдет, — заметив мое рефлекторное движение, махнул рукой мой первый номер. — Послушаем, что агентура сообщает.

— *Хохол, сколько можно тебя ждать!* — раздался раздраженный голос, судя по характерному акценту, явно принадлежащий Екатерине.

— *Прошу простить меня, ваше величество, я готовил бумаги для доклада.*

— Наш агент Безбородко?! — ошарашенно прошептал я, словно опасаясь, что нас могут подслушать.

— Это была бы большая удача. Но нет. Кроме того, ты же сам видишь, наш агент только слышит происходящее, иначе дал бы картинку. Порадуемся тому, что есть.

— *Что у тебя там?* — продолжала императрица.

— *Румянцев докладывает из Бендер, что, невзирая на Кучук-Кайнарджикский мир и многие славные победы русского оружия, турецкая Порта в сих местах имеет недобрые замыслы и резоны к дальнейшему ведению войны. А посему он просит выделить солдат и средства для усиления днестровской крепостной линии, а также напоминает о намерении вашего величества направить отдельный*

корпус для приведения в российское подданство полученного нами по договору Крыма.

— Хорошо, завтра же соберем военную коллегию. Из Польши что?

— После взятия Суворовым Краковского замка явное восстание подавлено, но французы продолжают интриговать и слать своих эмиссаров, а разрозненные отряды инсургентов таятся в лесах как самой Польши, так и в Литве, Белоруссии, Волыни и Подолии. К тому же полякам, как и туркам, помогает Австрия.

— Что ж ей-то нейметься?

— С одной стороны, при австрийском дворе, видимо, считают, что часть Польши, доставшаяся им по договору, не так хороша, как бы хотелось. А с другой — усиление России при вашем правлении вообще не дает спать европейским монархам. Пожалуй, лишь Георг III является последовательным другом вашего величества.

— Георг III? — Слова Безбородко явно отвлекли императрицу от своих мыслей. — Да, но об этом после. Сейчас недосуг. Значит, в Польше все еще неспокойно. Изловлен ли Карл Радзивилл?

— Никак нет, государыня-матушка. И он, и граф Огинский пребывают в Париже, где живут в большом фаворе под крылом короля Людовика.

— Идиот! — Комплимент Екатерины своему коронованному собрату был отвешен явно от чистого сердца. — *Я понимаю, что Польша — это всего лишь задворки Франции, но как бы его величеству не пришлось на себе почувствовать, насколько пагубно давать покровительство разного рода мятежникам. Пламя в карман не спрячешь. Я не удивлюсь, если в один прекрасный день все эти повстанцы примутся и за самого покровителя. Каковы новости о Пугачеве?*

— Бунтовщик отбит из-под Оренбурга, но ушел в степи, где поимка его представляет большие трудности.

— Медленно, Безбородко, медленно! Подумайте, кем можно заменить Суворова в Польше, пусть отправляется на Яик. Завтра доложите мне перед военной коллегией ваши соображения.

— Слушаюсь, ваше величество.

— Хорошо. Что у нас еще?

— Разыскание по делу о злоумышлениях братьев Орловых. Достоверно известно, что граф Григорий Григорьевич содержит на свой кошт тысячу гвардейских солдат, кои готовы действовать по единому его слову. Известно также, что хвастал он в присутствии Александра Кирилловича Разумовского, мол, за месяц они могут сместить ваше величество с трона.

— А тот что?

— Ответствовал, что вздернуть Орлова можно и в неделю.

— Славный ответ. Отличить молодца.

— Также известно от верных лиц, что Орлов имеет беседы с иерархами Церкви, в которых поносит ваше величество, называя себя верным защитником православия.

— К долгополым, значит, Гришка подался. Ну и быть ему самому долгополым! Я ему сие «православие» припомню. Что полюбовница братца его рассказывает? — Тяжелый вздох, раздавшийся в кабинете, казалось, был явственно слышен и без связи через версты, нас разделявшие.

— Утверждает, что она дочь Елизаветы Петровны и, стало быть, прямая государыня всея Руси. Обещает отречься от власти в вашу пользу, ежели вернут ее к законному супругу графу Алексею Орлову.

— А Алехан что же?

— В Острове из конюшен не вылезает. В разъяснении своем написал: мол, вез передать ее в руки вашего величества; венчал их ложно поп-расстрига из команды флагмана; ну и, мол, предан...

— Ах каков подлец! Самозванка-то покрепче, чем он, духом будет. Ладно, продолжай дознание. С Орловых глаз не спускать! В Остров вели послать команду преображенцев, пусть поберегут героя. Хотя постой, днями он сам здесь явится. Чесму праздновать будем. Но людей вели к нему приставить. Что там наши искатели вечной истины? Отыскали свою исконную мудрость?

— С позволения вашего величества, наш человек докладывает, что бывший гофмейстер герцога Брауншвейгского господин фон Рейхель, мастер масонский, привезший в Россию шведскую систему строгого повиновения, ведет переговоры с действительным статским советником Елагиным о соединении восемнадцати российских лож под единым уставом.

— Строгого повиновения, конечно же? Дабы умники наши, сами того не ведая, работали на дядю Фрица? Пожалуй, это уж слишком!

— К этому следует добавить, ваше величество, что известный маг, прорицатель и великий магистр граф Калиостро более недели тому появился в Митаве, творил там всякие чудеса и якобы изъявлял желание далее ехать в Санкт-Петербург.

— Что этому шарлатану здесь надо-то?

— Не могу знать, ваше величество.

— А должен бы. На то я тебя секретарем и держу. Узнай и доложи. Ладно, давай сообщай, о чем пишет наш дорогой кузен король английский. Вижу, не терпится тебе.

Судя по паузе, наступившей после этого вопроса, Безбородко явно замялся, подыскивая слова.

— Видите ли, ваше величество. Король Георг III просит у вас помочь ему военной силой против американских мятежников.

— Что же это у него, солдаты перевелись?

— Дело в том, что генералы, коих Георг посылает в колонии, такие же масоны, как и те, кто воюет против них на стороне повстанцев.

— Вот тебе и еще один резон, чтобы искоренить сие вредное семя. Так чего же хочет от нас Георг?

— Ваш кузен обещается заплатить по двадцать пять соверенов за каждого конного и по десять за пешего. Плюс к этому он готов взять на себя все расходы по снаряжению похода. А это составляет...

— Ты толком говори! Расчеты я и сама вести умею.

— Король Георг просит двадцать тысяч казаков для подавления мятежа.

— Это он верно придумал. Среди казаков масонство не в заводе. Да только где я ему двадцать тысяч казаков-то сыщу. Они, поди, не на грядках растут...

— Король Георг обещает широкие морские привилегии для России. К тому же он пишет, что король Франции Людовик XVI тайно помогает инсургентам оружием и людьми.

— Морские привилегии для России вещь полезная. Ежели Англия для нас навигацкий акт отменит, из того большая польза проистекать будет. Да и Людовику нос укоротить не мешало бы, чтобы не совал его в чужие дела. Да только казаков где взять? Хотя... — Екатерина помедлила. *— Есть тут у меня одна мысль. Бредовая, но отчего бы не попробовать?*

Даже по закрытой связи было слышно, что мысль, пришедшая в голову императрице, была весьма ей по вкусу.

— Что, если мы в Америку отошлем Емельку Пугачева с его разбойниками? А вдобавок еще и своих масонов отдадим. С правом казнить их лютой смертью, коли брыкаться станут.

Безбородко явно был ошеломлен подобным предложением.

— Мысль великая, государыня, — придя в себя, выдавил он. *— Да вот только как сие предприятие свершить?*

— Это твоя забота, голубь мой. Думай. Завтра мне свои соображения изложишь. Есть ли еще дела?

— Никак нет, ваше величество.

— Тогда свободен. Да, вот еще что: найди-ка Циклопа, пусть сходит к князю Васильчикову да выгонит его из дворца. Пускай тот катит в Москву и впредь до моего повеления не возвращается. И вот, — Екатерина сделала паузу, видимо, обдумывая слова, *— ра-*

зузнай-ка мне поболе о том английском офицере, который меня на балу собой закрыть тщился. Как там его, то бишь?

— Вальдар Камдил, ваше величество, лорд Камварон.

— О нем самом, душа моя. А теперь иди, я нынче притомилась.

Связь исчезла так же внезапно, как и появилась, видимо, наш соглядатай был вынужден срочно покинуть свой наблюдательный пункт.

— По-моему, у тебя есть шанс занять место фаворита, — задумчиво произнес Баренс. — Что ж, это дает нам определенные выгоды.

При этих словах все съеденное нынче взбунтовалось и начало поступательное движение к горлу. Я лихорадочно затряс руками, не имея возможности иным способом продемонстрировать свое несогласие.

— Милорд, может, мне лучше вернуться в Англию? Там меня всего лишь обезглавят, — выдавил я, когда ко мне снова вернулся дар речи.

— Успеешь, мой дорогой, пока ты нужен здесь. К тому же это всего лишь мои предположения и место в императорской постели тебе еще никто не предлагал. А сейчас помолчи. Мне нужно обдумать услышанное.

Он задумался и до возвращения в английское посольство не проронил ни слова.

Полночь висела над городом ровным серым покрывалом, и вдоль прешпекта дул ветер, сгибая деревья и пропитывая листву невской сыростью.

— Однако уже поздно, — задумчиво глядя на циферблат своих часов, отметил лорд Баренс.

Восковые свечи неслышно оплывали на бронзу канделябра, скрывая белым занавесом наготу резвящихся нимф.

— Я думаю, можно выпить по рюмочке коньяка и ложиться в кровать. Надо непременно сказать Редферну, чтобы он положил туда грелки. Терпеть не могу спать в холодной и сырой постели. Кстати, тебе рекомендую тоже позаботиться об этом. — Лорд Джордж поднялся и достал из пузатого голландского буфета бутыль с прозрачной темно-янтарной жидкостью. — Прекрасный французский коньяк, — мечтательно глядя на содержимое сосуда, произнес мой дядя. — Остается только жалеть, что у нас не умеют делать таких великолепных напитков. Теперь возьмем кусочек лимона, посыплем его тертым шоколадом — это лучшая закуска к коньяку. Как говорит один мой знакомый: сие есть единственный резон, оправдывающий существование Франции. — Он разлил жидкость по рюмкам. Со стороны могло показаться, будто, неспешно повествуя мне о ритуале поглощения спиртного, Джордж Баренс присутствует в каждом произнесенном слове, но я имел возможность наблю-

дать его уже довольно долго и потому мог биться об заклад, что истинные мысли моего дяди все еще не вернулись из Царского Села.

— Милорд, — произнес я, дождавшись, пока его милость выпьет свой коньяк и закусит его лимоном, — надо что-то делать с Редферном.

— Что именно, друг мой?

Я даже несколько растерялся.

— Ну-у... поговорить. Узнать, что он скрывает.

— А зачем? Каждый человек что-то скрывает. У каждого в шкафу свой скелет. У одних это скелет канарейки, у других это скелет слона. Во многом это зависит и от объема шкафа, который вы себе можете позволить. Ты думаешь, он шпион? — продолжал наставительно мой дядя. — Я весьма сомневаюсь в этом. Но предположим, что ты прав. И что же? Он видел, что ты его разоблачил. Ему остается либо бежать, но сие затруднительно — дом хорошо охраняется; либо убить вас, меня, остальную прислугу, посла, его секретаря, стражу... Сие тоже не назовешь поступком большого ума. Но если он честный человек, силой обстоятельств вынужденный скрывать свое истинное лицо, — можете мне поверить, мой дорогой Вальдар, он сам придет сюда, чтобы все рассказать, ибо больше идти ему некуда. А как я понял из ваших слов, опасность, представшая пред ним, выше его сил. Хотите лучше узнать человека, испытайте его доверием. Если желаете, можем держать пари, что я прав.

В дверь негромко постучали.

— Вы позволите, ваша милость? — На пороге возник Редферн, несколько бледный, но по-прежнему старательно играющий роль вышколенного слуги. — Милорды, ваши постели согреты. Я пришел узнать, не будет ли каких указаний?

— Нет, Питер, ты свободен, — скучающим тоном ответил лорд Баренс.

Редферн стоял, переминаясь с ноги на ногу, все более и более бледнея.

— Что-то случилось, друг мой?

Камердинер набрал в грудь воздуха, немного задержал, выдохнул резко, словно выдавливая из себя последние сомнения, и заговорил отрывисто, будто выбрасывая лопатой из погреба души фразу за фразой:

— Покаяться хочу... О жизни своей поведать... Чтоб по правде... И делайте со мной, что хотите.

— Не бойся, Питер, — успокоил его мой дядя. — Здесь никто не желает тебе зла. Говори.

— Имя мое, данное при крещении, Петр Ребров. Отец мой, Ермолай Ребров, казаковал, да был убит где-то в Туретчине. Я сызмальства был в услужении у господ Разумовских, казачком. А как сестра

Кириллы Григорьевича замуж вышла за Ефима Федоровича Дарагана, так я ему достался. У него уже в гайдуки выбился, очень он меня отмечал. Да вот беда, положила на меня глаз хозяйка и начала обхаживать и так и этак. Ефиму Федоровичу, понятное дело, о том донесли. Он осерчал люто, да и велел записать в рекруты. Выпала мне доля служить в этих местах на бриге «Ганимед». Сначала был матросом, потом командир корабля капитан-лейтенант фон Ротт узнал, что я справный слуга, и записал к себе вестовым. Полгода жил я, горя не знал, но вот однажды зашли мы в город Гамбург, чтобы снасти поправить — нас перед тем как раз изрядно штормом потрепало. Сошел я на берег, побродил, посмотрел. Решил выпить. Нашел около порта какой-то кабак и только собрался пропустить кружку-другую пива, глядь, а в уголке наш капитан с каким-то незнакомым господином шепчется. Я прислушался: говорили они по-французски, а я-то французский язык с малолетства знаю... Так вот, этот господин все расспрашивал нашего командира про какие-то новые морские орудия да рассматривал бумаги, которые перед ним капитан положил. Потом он дал ему кошелек с золотыми монетами. Фон Ротт открыл было его, начал считать, да тут меня заприметил. Ка-ак подскочит, словно ужаленный! Я через столы, через лавки — к двери, фон Ротт за мной. И дружок его вместе с ним. Тот господин-то попроворней был, совсем почти догнал, зажал у какого-то забора в тупике. Хотел в меня из пистоля пальнуть, да, видать, кремень у него сбился, отвел Господь беду... Я тут камень с земли подхватил, по темечку господину хорошему приложил — и ну через забор, только меня и видели. На корабль, понятное дело, сунуться поопасался. На следующий день по всему Гамбургу объявления. Мол, я вор-душегуб, похитил корабельную казну, к тому же убил немецкого дворянина, коей вместе с капитаном тщился меня поймать. Насилу утек из Гамбурга на французском корабле. Поступил денщиком на службу к французскому офицеру, капитану де Шатобюссону. С ним и до Канады добрался. Прожили мы там с ним три года, да вот послали нас как-то держать форт на реке Святого Лаврентия. А форт, тьфу, так, одно название: пять хижин да частокол. Нас полсотни человек, а припасов, считай, нет. Что могли, мы добывали: охотились, рыбу ловили, а как зима настала, совсем нам каюк пришел. Решили возвращаться в Монреаль, да только никто не дошел. И тут вновь меня бог спас. Вы нашли, обогрели, вылечили. Я вам по гроб жизни обязан. — В глазах у Редферна, преданно смотревшего на лорда Баренса, стояли слезы...

— Тот адмирал сегодня в Царском Селе и был фон Ротт? — спросил я, пытаясь избавить Петра Реброва от тяжких объяснений.

— Он самый, — кивнул головой тот.

— Ну, вот и славно, — как ни в чем не бывало улыбнулся Баренс. — Теперь все стало ясно, а это уже хорошо. Ты среди друзей и можешь не волноваться, мы вовсе не намерены тебя выдавать. Если даже вдруг фон Ротт узнает тебя, это ерунда. Ты представитель пятого поколения Редфернов, состоящих на службе у лордов Баренсов. Ну а насчет самого твоего адмирала мы постараемся придумать что-нибудь полезное и для нас, и для Российской империи. Пока же пойди проверь, не остыли ли постели, и пора спать, друзья мои. Как говорят здесь, в России: утро вечера мудренее.

Когда утро начинается с доброго отеческого пинка, день обещает быть особенно мудреным.

— Вставайте, Вальдар, каникулы закончились. Работы непочатый край.

Я продрал глаза и, не поймав взглядом домашнего электронного циферблата, утвердился в мысли, что трудовые будни продолжаются.

— Вставай, вставай! — поторопил меня лорд Баренс. — Нечего здесь вылеживаться. Ночью спать надо.

Я был полностью согласен с дядей, с одной лишь поправкой: утро — время после сна, вечер — время перед сном. А те часы, которые лорд Джордж именовал «ночью», у меня отчего-то мало ассоциировались со сном, особенно в условиях белых ночей.

— Кофе... — жалобно простонал я.

— Еще не намололи, — ободрил меня мой нежный родственничек. — Ничего, в городе попьешь. Так, сейчас ты берешь свой лейтенантский патент и движешься в адмиралтейство. Напиши прошение на высочайшее имя о включении тебя в списки офицеров флота ее величества. Да, и вот еще что, запомни, тебе ровно ни о чем не говорит имя Филиппа Стефенса.

— Оно мне действительно ни о чем не говорит, — признался я.

— А зря. Это секретарь первого лорда адмиралтейства, в полку которого ты имеешь честь состоять, и руководитель военно-морской разведки Англии. Можешь не сомневаться, если Екатерина поручила Безбородко узнать о тебе побольше, то вопрос о причастности твоей к людям Стефенса непременно встанет.

— Понятно. Стефенс — секретарь первого лорда адмиралтейства, но я, увы, не могу вспомнить его даже в лицо. А уж то, что он шеф морской разведки, для меня и подавно новость, — согласно пробурчал я.

— Вот так-то лучше. Дальше, когда ты освободишься в адмиралтействе, ты спустишься по Невской перспективе до Садовой улицы. Увидишь, там строится здание Гостиного Двора, повернешь на-

право, дойдешь до дома статского советника Стесселя. У него снимает этаж отставной драгунский полковник Нетишицкий. Зайдешь к нему, передашь пакет. Это письмо великого магистра масонских лож Англии герцога Бьюкема, упрекающего наших масонов за чересчур самостоятельную линию и отказ от повиновения первоначальным конструкторам ложи. Быть может, это хоть косвенно поможет им уйти из-под удара. На словах передай все то, что ты слышал вчера о масонах в кабинете Екатерины.

— Из кабинета, — поправил я.

— Какая разница, — досадливо поморщился лорд Баренс. — Главное, чтобы никто из ложи, которую представляет Нетишицкий, не участвовал в учредительном собрании, что созывают фон Рейхель, Елагин и, возможно, Калиостро.

— Понял.

— И еще одно, постарайся не забыть. Как я уже говорил, за тобой, вероятно, будут следить. Когда ты выйдешь из адмиралтейства, обязательно купи «Санкт-Петербургские ведомости». Они продаются как на русском, так и на французском. Там есть объявление, что отставной полковник Нетишицкий, квартирующий в доме статского советника Стесселя, предлагает господам офицерам прекрасных верховых и вьючных коней различных пород. Он известный конезаводчик, так что официальная версия твоего посещения: покупка пары лошадей. Когда все это исполнишь, возвращайся сюда, все уже будет готово к переезду. Надеюсь, ты помнишь, что на ближайшее время твой основной пост у ног прекрасной дамы?

— Дядя! — Я скривился и стал выглядеть еще более кисло, чем выглядел до того.

— Ладно, я умолкаю, но ты поспеши. Да приведи себя в порядок, вид у тебя преужасный.

Я поспешил. Я привел себя в порядок и побывал в адмиралтействе: написав, сдав, выслушав и вновь что-то написав. И все это время в моем мозгу крутилось: «На тридцатом году жизни, после тяжелого непродолжительного сна, не приходя в сознание, приступил к работе...»

— Покупайте газету «Санкт-Петербургские ведомости»! Выстрел в Царском Селе! Английский офицер спасает императрицу! — услышал я буквально у своего уха вопли бойкого мальчишки, размахивающего свежей газетой. «Господи, воистину газета — это черновой набросок истории. Интересно, что же я там такого совершил?» Обменяв грязно-зеленый медяк на лоскут не менее грязной бумаги, я с немалой радостью для себя узнал, что некий англи-

чанин Вальтер Камодин, прибывший в свите английского посла, своей грудью защитил матушку императрицу от выстрела злоумышленника, родом турчанина. Оный сейчас изловлен и в Петропавловской крепости допрашивается. «Турок-то откуда взялся?» — вздохнул я, переворачивая «Нувель де Санкт-Петербург» в поисках нужного объявления. Оно было на месте, как и обещал мой дядюшка.

Общение с полковником Нетишицким не было ни бурным, ни долгим. Приняв пакет и выслушав в полном молчании ценные инструкции, он проводил меня до двери и заявил громко, вероятно, чтобы было слышно на лестнице:

— Лошади ваши, сударь, завтра к полудню готовы будут. Жду вас в Манеже, сами оцените.

После этого полковник сложил вместе три пальца правой руки и резко кинул их от левого плеча вниз. Я недоуменно посмотрел на этот жест и поднял руку, сжатую в кулак «Рот Фронт». Быть может, движение мое его удовлетворило, быть может, он счел меня посвященным другой системы, но, во всяком случае, без дальнейших пятикратных подпрыгиваний и похлопываний себя ладонями по ушам он выпустил меня из дому и запер дверь.

Признаться честно, на этом мой завод кончился. Я понял, что если в ближайшие десять минут не выпью чашечку кофе, никакая пинковая тяга не сдвинет меня с места. А потому, решив, что ближайшие десять минут вряд ли способны что-то изменить в ходе истории, я отправился вверх по Невскому, туда, где красовалась недвусмысленная вывеска: «Кофейный дом «Четыре фрегата».

Держа в руках дымящуюся чашечку ароматного кофе, ощущая ее тепло, я чувствовал, как жизнь вновь возвращается ко мне. Зажмурив глаза от удовольствия, я медленно, глоток за глотком, впускал в себя живительную силу арабского кофе, сдобренного кардамоном. И весь мир со всеми его дворцовыми дрязгами и масонскими заговорами отступил куда-то в непроглядную даль, почти что сгинул.

Внезапный шум прервал мою медитацию. Шум полуразбойный, полусветский, будто банда французских головорезов захватила это уютное местечко.

— Отчего же это соискатель младшего офицерского чина не приветствует генерал-фельдцехмейстера российской армии?

Давешний шеф корпуса кавалергардов высился надо мной, гордо уперев руки в боки и полупрезрительно мерил меня взглядом.

— Расскажите-ка нам, господин Камодин, от каких таких турок вы спасали нашу императрицу?

— Турки? — переспросил я. — Полная ерунда. Что же касаемо приветствия, я все еще не состою в российской службе, а потому оставляю за собой право здороваться с людьми, мне лично известными. А впрочем, здравствуйте, если хотите.

— Что, вы меня не знаете?! — прогремел генерал, явно пропуская мимо ушей мои последние слова. — Я граф Орлов.

— Должно быть, очень лестный титул, — пожал плечами я. — Но я не отношусь ни к орлам, ни к страусам, ни к перепелкам, ни к какой другой пернатой живности. А потому прошу простить, мне недосуг с вами разговаривать.

— Что?! Вы меня вызываете?! — Кулаки фаворита грохнули об стол, заставляя блюдечко взмыть вверх.

— Отнюдь. — Я отхлебнул из недопитой чашки. — Вы же видите, мне не до того.

— Тогда я вас вызываю! — взревел Орлов.

— А это уж как вам будет угодно. Желаете прямо здесь и сейчас или же я могу допить свой кофе?

Думаю, мое хамское спокойствие вконец обескуражило любимца Екатерины.

— Вам выбирать, — рыкнул он, но уже на два тона ниже.

— Думаю, это дело секундантов. Впрочем, вот с секундантом у меня как раз... — Я не успел договорить.

— Если вам, сударь, будет угодно, я бы почел за честь для себя выступить вашим секундантом.

Человек, произнесший эти слова, был одет в гусарский мундир, и усы стрелками на тонком лице придавали ему вид дерзкой удали, особенно среди прочих присутствующих лиц, выбритых до синевы.

— Принимаю ваше предложение с благодарностью. — Я встал, склоняя голову. — Лейтенант Вальдар Камдил, лорд Камварон.

— Лейб-гвардии гусарского государыни императрицы эскадрона поручик Никита Ислентьев.

— Ну что ж, граф, вопрос с секундантом разрешился сам собой. Для вас же, я думаю, это будут сущие пустяки. Осталось решить вопрос с оружием. Признаться, я не особо люблю нынешние шпаги. Это какие-то недопалаши, фехтование на них не доставляет никакого удовольствия. Кроме того, даже если я изукрашу шрамами ваше лицо, ваше сиятельство, вы все равно не станете похожи на Григория Потемкина. — Орлов вскинулся было, видимо, готовый идти в рукопашную, но остановился, лишь заскрежетав зубами. — Надеюсь, итальянские рапиры вас устроят?

— Вполне, — не разжимая зубов, процедил он.

— Что ж, тогда ваши люди легко могут найти меня в доме герцогини Кингстон у Измайловского моста.

Глава 7

Но лица многие перед моим лицом
К моей руке имели уваженье.
Ведь то, что для нее всего лишь продолженье,
Для них уже является концом.

Сирано де Бержерак

«Скажи-ка, дядя, — примерно так начинался мой страстный монолог, повествующий прямому начальству о невскороспектном кофепитии. — Ведь недаром...»

Недаром, так уж недаром! Молчание лорда Баренса казалось затишьем перед бурей, и я мог лишь смутно догадываться, к каким черепно-мозговым травмам может привести буря на канале закрытой связи.

— Господи, и зачем тебе это было нужно? — с интонацией шекспировского трагика произнес лорд Джордж. — Мой дорогой, постарайся понять — ты не должен следовать за событиями, ты должен их формировать. Причем именно так, как это выгодно для решения нашей общей задачи. Я понимаю все резоны Орлова — он считается первым дуэлистом в городе и никому этой славы отдавать не намерен.

— Да я в общем-то и не настаиваю.

— На твоем счету, как минимум, две эффектные выходки: убийство на дуэли герцога Гамильтона и пленение Джона Пол Джонса...

— Я никому не рассказывал, — пробовал было втиснуться я в речь посланника.

— Редферн рассказывал в Царском Селе, в людской. Наверняка Орлову уже известно о «Фениксе». Причем дух повествования, полагаю, тот же, что и в сегодняшней заметке о тебе в «Ведомостях». Ты уже читал?

— Довелось, — вздохнул я. — Думаю, рассказ о том, как я ударом левой пятки потопил линейный корабль пиратов, произвел на Орлова грандиозное впечатление.

— Это уж не извольте сомневаться. Ладно, давай посмотрим, удастся ли извлечь из этого приключения какую-либо пользу. Вариант твоей гибели, думаю, рассматривать не стоит.

— И на том спасибо.

— Не за что. Твое ранение нам тоже мало что дает. Так, теперь предположим ранение Орлова. Здесь возможны варианты развития игры. Если Екатерина действительно охладела к своему фавориту, то для нее это удачный способ отделаться от него без лишнего шума.

— Или же наоборот — воспылать любовью.

— Тоже возможный расклад. В таком случае я тебе не завидую. Никакая защита от турецкого нашествия здесь уже не поможет. Надеюсь, мне удастся вытащить тебя из казематов Петропавловской крепости, но как агент ты будешь не просто паленый, а печенный в угольях. Кстати, если ты убьешь Орлова, этот же вариант для тебя более чем вероятен. Так что постарайся ограничиться ранением, и по возможности не слишком тяжелым, чтобы не вызвать у императрицы приступ жалости, с одной стороны, и на какое-то время вывести графа из игры — с другой. Быть может, это и сработает.

— И что?

— В таком случае между тобой и императрицей может возникнуть незримая связующая нить. Ты можешь стать, как бы это лучше выразиться, офицером для особо щекотливых поручений. Ты прямо создан для этой роли: немногословный, не слишком умный, без собственных интересов, к тому же отважный и мастерски управляющийся с оружием. Как любят выражаться романисты — верная рука, верная шпага королевы. Хотя свою верность государыне тебе еще предстоит доказать.

Колкость лорда Баренса по поводу моих умственных способностей была не слишком корректна, но, думаю, утверждение о том, что я назубок знаю всю таблицу умножения и читал Пушкина в подлиннике, не смогло бы поколебать его предвзятого отношения. Но, как ни считай, выбор был невелик: либо Екатерине понравится результат сегодняшней дуэли и победитель получит приз за отличное фехтование, либо участь моя будет горька, как салат из алоэ. Согреваемый подобными размышлениями, я добрался наконец до особняка герцогини Кингстон, где обещал находиться вплоть до прихода секундантов.

Леди Кингстон приняла меня радостно, но, как мне показалось, это была радость ребенка, надолго оставленного одного дома и дождавшегося наконец прихода взрослых. Герцогиня была любезна и грациозна, она была восхитительна, но все же в фигуре ее чувствовалась напряженность. Так молодая актриса, зная назубок играемую роль, боится сбиться и выйти из образа.

— Я решила сегодня ввечеру устроить бал в честь своего приезда в Россию. Иллюминация, фейерверк, танцы до упаду! Все молодое и веселое в Петербурге должно быть на моем балу. Вы любите балы, Вальдар? — возбужденно пропела она, кружась, будто в танце, по залитой солнцем парадной зале.

— Нет, — признался я, качая головой. — Слишком ярко, слишком шумно, слишком много людей.

— Ну да, я все время забываю, что вы росли в провинции, — останавливаясь, мило улыбнулась леди Кингстон. — Но полноте, мой дорогой, все это в прошлом. Ныне вы находитесь при одном из самых блистательных дворов Европы. Пожалуй, я должна стать вашей учительницей: привить вам хорошие манеры, придать вам должный лоск. Поверьте, вы можете стать самым блестящим кавалером. — С деланной суровостью она погрозила мне пальчиком. — Запомните, милорд, сегодня вечером у вас первый урок. И не смейте отказываться. Я не приму вашего отказа.

Мысль моя моментально унеслась лет на пятнадцать назад в стены Итона. Когда-то меня уже учили хорошим манерам. Склонившись и сделав шляпой росчерк изысканный, как каллиграфический иероглиф мастера дзен, я заворковал по-французски с притворным вдохновением и придыханием:

— Сударыня, благодарность столь переполняет мою душу, что слова просто не в силах выразить глубину и нежность чувств, которые ваша речь разбудила во мне. Я недостоин ваших трудов, ибо лишь пение ангелов, коим сопровождается всякий ваш шаг, может быть той наградой, которая заслужена вами по праву. И если служение мое, та малая лепта, которую я могу принести вам, удостоено будет единого вашего благосклонного взгляда, то я и саму жизнь свою готов положить на алтарь служения вам как истинному свету моего бытия! — В конце этой фразы у меня закончился воздух в легких, иначе я мог продолжать нести подобную галиматью еще довольно долго. — Бетси, вы хотите слышать от меня такие речи?

— Нет, — вздохнув, покачала головой леди Чедлэй, вдруг принимая вид спокойный и серьезный. — Они вам действительно не к лицу. Но увы, при дворе свои законы.

— Вряд ли я долго задержусь при дворе. Сегодня я подал прошение в адмиралтейство с просьбой о зачислении меня во флот ее императорского величества.

— Неутомонный, вы вновь бредите морем!

Слава богу, я не бредил вообще и морем в частности, но если выбирать между придворным чириканьем и открытым морем, второе, на мой взгляд, было предпочтительнее. Постучавшись, в гостиную вошла юная служанка герцогини:

— Милорд Вальдар, к вам пришел какой-то гусарский поручик Никита. Он говорит, что выступает вашим секундантом.

— Спасибо, Вирджиния. Попроси его войти.

— Слушаюсь, сэр, — присела она в изящном книксене.

Вирджиния вновь исчезла за дверью.

— Вальдар, вы с кем-то дуэлируете? Боже, когда же вы успели? — В голосе герцогини чувствовалась неподдельная тревога.

— По дороге сюда я зашел выпить чашечку кофе. Ну вот, слово за слово...

— О боже! Всего лишь чашечку кофе! И кто же ваш противник? — все так же возбужденно бросила леди Чедлэй.

— Граф Григорий Григорьевич Орлов.

— Несчастный! Ведь это же фаворит императрицы! — в ужасе воскликнула моя наставница светских манер.

Я развел руками:

— Другие меня сегодня еще не вызывали.

— Господи, вы погубите себя, — произнесла она, переходя на полушепот. — Но как бы то ни было, постарайтесь выйти победителем. Если же случится непоправимое, вы можете рассчитывать на мою поддержку. Я богата, я помогу вам бежать из этой страны.

— Миледи, — улыбнулся я. — Не странно ли думать о бегстве, даже не вступив в бой.

— Главное — возвращайтесь, — как-то очень тихо проговорила она.

К месту дуэли мы прибыли минут за пятнадцать до назначенного срока. Лодочник, ожидавший клиентов на берегу Невы, исподлобья взглянув на двух господ, просивших перевезти их на остров Голодай и затем вернуться за ними через час, утвердительно кивнул головой. Всю дорогу к острову он не проронил ни слова, усердно налегая на весла и шумно выдыхая при каждом гребке. Целковый, выданный мной по настоянию поручика Ислентьева, должен был, видимо, напрочь отбить память у нашего перевозчика. Я сильно в этом сомневался, но, как объяснил мне по дороге мой новый приятель, маршрут, проложенный благородными господами к этому острову, не оставлял у лодочников сомнений в целях «прогулки».

Орлов появился вскоре после нас, сопровождаемый парой спутников.

— Мой секундант, — представил он небрежно, — контр-адмирал Герман фон Ротт.

Об этом он мог и не говорить. Спутать тучную фигуру бывшего командира брига «Ганимед» с чьей-либо еще на такой дистанции было весьма проблематично. Адмирал, по-видимому, небольшой любитель пеших прогулок, отдувался и вытирал пот со лба и щек платком величиной с небольшой парус. Второй спутник Орлова был мне незнаком.

— Доктор Магире, — представил Орлов, обращаясь к Ислентьеву. — Советую вам, господа, быть с ним как можно более обходительными.

Следуя совету противника, я как можно любезнее поприветствовал ученого эскулапа.

— Хотел найти для милорда англиканского священника, да вот беда, его нынче в Петербурге не сыскалось.

— Благодарю за любезность, — поклонился я, глядя на фон Ротта. По дуэльному кодексу всякое общение между враждующими сторонами должно было вестись через секундантов. — Будьте любезны, адмирал, передайте графу, что я католик, так что его хлопоты излишни. Однако начнем, пожалуй.

— Безо всякого сомнения, — прогрохотал Орлов.

— Не угодно ли будет вам, господа, решить дело миром? — пробасил фон Ротт.

Я отрицательно покачал головой и начал расстегивать камзол.

— Никогда! — вторил мой противник, вслед за мной сбрасывая свое расшитое галуном одеяние и оставаясь в одной рубахе.

— Что ж, если вы не желаете примириться, извольте выбирать оружие. — Секундант Орлова развернул плащ, принесенный с собой, демонстрируя собравшимся две прекрасные итальянские рапиры. После этого он подошел ко мне, давая право первому выбрать оружие.

Я взял ближайшую в левую руку и пару раз взмахнул клинком в воздухе. Плечо ответило ноющей болью. Я поморщился. Заметив мою гримасу, фон Ротт остановился и, согласно дуэльному статуту, произнес:

— Насколько мне известно, недавно вы были ранены. Быть может, сударь, желаете отложить дуэль?

Я внутренне зааплодировал:

— Благодарю вас, но это излишне. Я чувствую себя вполне нормально. К тому же рапира в моей правой руке не облегчит участи его сиятельства. — Согласитесь, ну как было в подобной ситуации не процитировать любимого Атоса!

Ангард! Мы сошлись, и клинки зазвенели. Воистину, выбирая для дуэли рапиру, я изрядно осложнил Орлову предстоящий бой. Тот был прирожденный шпажист. Сильный, быстрый, постоянно атакующий. В той же манере фехтовал мой добрый друг Джозеф Рассел, беспрестанно нанося противнику все новые и новые удары, заставляя его отступать, защищаться, терять контроль над боем и, в конце концов, пропускать роковой удар. Но сейчас в наших руках были рапиры, а не шпаги, — оружие тонкое и коварное, заставляющее грубую физическую силу отступать перед филигранной техникой и превращающее поединок между мастерами в схватку умов, а не мускулов.

Привыкший к более тяжелой шпаге, Орлов атаковал широко и мощно, бездумно тратя имевшиеся в явном избытке силы. Я уже неоднократно мог поразить его, поскольку, увлекшись атакой, противник начисто игнорировал защиту, спохватываясь каждый раз,

когда очередное мое действие грозило прекратить наш поединок. Признаться, ранить его не составляло большого труда, но мне нужно было другое. Мне нужна была не банальная дуэль с выигравшим и проигравшим, а нечто такое, что выбивалось из ряда вон, что могло быть темой для салонных пересудов. Ибо, каковы бы ни были законы, но все, что выходит за рамки обычного, судится особо. А потому я выжидал.

Но вот рапира Орлова нацелилась мне в правую ногу, и он начал движение вперед, обозначая атаку. Сделав вид, что купился на эту нехитрую уловку, я закрылся второй защитой, по-испански вывесив руку. Конечно же, никакой клинок парировать мне не удалось, его там попросту не было. Заранее обрадованный близкой победой, Орлов перевел клинок вверх и сделал резкий выпад, желая пронзить мою ни в чем не повинную грудь. Это была оплошность. В тот же миг я повернул запястье, закрываясь терцией, и, разворачиваясь на правой ноге, подшагнул к Орлову. Внешняя сторона ладони моей левой руки скользнула под клинок Орлова у самой гарды, вслед за этим я резко повел свой клинок вниз в сторону графа. Это была одна из «домашних заготовок», тех самых тайных приемов, которыми маститые учителя фехтования награждали любимых учеников. Клинок Орлова развернулся у него в руке так, что навершие рукояти оказалось дюймах в трех от меня. Я с размаху налег на него грудью. Орлов взвыл. Острие его собственного клинка пронзило внутреннюю часть бедра, прошло ногу насквозь, выйдя чуть выше колена. В ярости граф дернулся было вперед, но затормозил, ощутив, как впивается в горло кончик моей рапиры.

— Полагаю, достаточно. — Я убрал оружие от шеи своего противника. — Доктор, делайте свое дело. Благодарю вас, господа. — При этих словах я вернул рапиру хозяину, сопровождая свое движение неизменным: — Всегда к вашим услугам.

Замерший было в оцепенении фон Ротт при этих словах пришел в чувство и, отбросив рапиру, подскочил к раненому графу. Я пожал плечами и кивнул своему секунданту:

— Пойдем, пожалуй. Нас здесь больше ничто не задерживает.

К берегу мы возвращались молча. «Фон Ротт, оказывается, близкий приятель Орлова, — думал я. — Занятный альянс. Надо бы побольше узнать об этом адмирале. Вряд ли подобные люди могли сблизиться по сходству характеров. Здесь что-то другое. Скорее всего некое общее дело».

В особняк герцогини я вернулся как раз к обеду. Это было очень удачно, поскольку, как я успел отметить, хорошее фехтование весьма способствует развитию аппетита. Невзирая на все мои попытки

залучить в гости поручика Ислентьева, на сей раз мне пришлось обойтись без сотрапезника. Сославшись на срочные дела, он поспешил откланяться, оставив меня в ожидании последствий сегодняшнего поединка. Я не успел дойти до десерта, как последствия уже стучались в ворота особняка леди Бетси.

— Вы можете уйти через сад, — тихо сказала леди Бетси, глядя в окно столовой на присланный за мной наряд, маячивший у дома.

— Конечно, могу, — заверил ее я, соображая, успею ли съесть пирожное до ареста. — Вот только зачем?

— Безумный, вас бросят в тюрьму, вам отрубят голову!

— Вот это вряд ли. Со времен Петра Великого подобные развлечения здесь не в моде. А насчет тюрьмы дело темное. Одно можно сказать наверняка: попытка бегства будет играть не в мою пользу.

— Так вы подчинитесь? — с ужасом в голосе прошептала герцогиня, и мне почему-то показалось, что ужаса в ее тоне значительно больше, чем должно быть при аресте доброго знакомого.

— Порою для того, чтобы победить, нужно убедить противника в том, что побеждает он. А кроме того, поверьте мне, милая Бетси, уйти из здешней тюрьмы чуть тяжелее, чем со званого обеда у императрицы. Вы ведь устраиваете сегодня бал, насколько я помню? — улыбаясь, произнес я, стараясь своей спокойной интонацией вернуть покой в мятущуюся душу этой, как считал мой дядя, прирожденной интриганки.

— Да, но...

— Оставьте «но». Я надеюсь присутствовать на вашем балу.

Произнеся это, я активизировал мыслесвязь и начал спускаться вниз по лестнице, туда, где ждал меня прапорщик с четверкой солдат.

— *Мой дорогой дядя, надеюсь, я не отвлекаю вас от срочных дел?*

— *Вальдар, мальчик мой, рад тебя слышать. Извини, заработался. Который там час? О, почти три. Ну ничего. Рассказывай, как там твоя дуэль?*

— *Да в общем, вполне пристойно,* — обнадежил я высокочтимого родственника. — *У меня ни одной царапины, Орлов ранил себя в ногу.*

— *Ранил себя в ногу?..*

— *Да. Ближайшее время он вряд ли сможет бегать, и уж что совсем точно, будет абсолютно бесполезен Екатерине в постели.*

— *Он что, себе...* — недоумевающе начал лорд Баренс.

— *Нет-нет, с этим все в порядке,* — вновь успокоил я дядю. — *А с процессом лежания у него будут трудности.*

— *Вот так история! Ладно, посмотрим, что будет дальше.*

— *Немного дальше уже есть,* — заверил я, выходя к своему конвою.

— Ладно, не волнуйся. Если что, я тебя вытащу, — встревоженно зарокотал лорд Джордж, глядя моими глазами на делегацию встречающих.

— Вы лейтенант Вальдар Камдил? — отчеканил прапорщик, стараясь казаться грозным.

— К вашим услугам.

— У меня есть предписание военного коменданта города разоружить вас и доставить на гарнизонную гауптвахту вплоть до дальнейших распоряжений. Вашу шпагу, сударь!

— Пожалуйста, — с деланным безразличием кинул я, с явным недоумением разглядывая лица сопровождающих лиц. — Господа, вы намерены идти до гауптвахты пешком? Если вы не против, я распоряжусь, чтобы нам подали экипаж. К тому же, — обратился я к прапорщику, — вы можете отпустить солдат в казарму. Я даю вам слово дворянина, что никуда не убегу.

Французский прапорщика был плоховат, но, похоже, он понял суть моей пламенной речи. Во всяком случае, на гауптвахту в экипаже мы поехали вдвоем.

— Кстати, дядя, — начал я, когда повозку в очередной раз тряхнуло на ухабе. *— У меня для вас небольшая новость.*

— Ну-ка, ну-ка!

— Фон Ротт, оказывается, большой приятель графа Григория Орлова. Во всяком случае, секундантом его сегодня был именно он.

— Вот как! Весьма занятно. — В тоне моего дядюшки чувствовался неподдельный интерес. *— Я уже начал наводить по нему справки. На сегодняшний день контр-адмирал Герман фон Ротт занимает должность главноначальствующего всей береговой артиллерией Финского залива. То есть по статусу своему он один из ближайших подчиненных нашего генерала-фельдцехмейстера. Но если он не просто подчиненный, а еще и друг, то это... Да, очень может быть. Представим себе на минутку, Алексей Орлов возвращается в Санкт-Петербург во главе своей эскадры, имея при этом на борту самозванку, о которой упоминала Екатерина. Помнишь, ту, которую Орлов вроде бы обещался посадить на престол.*

— Помню, конечно.

— Отлично. Государыня скорее всего ждет прихода эскадры Алексея в Зимнем дворце. Повод достойный, чтобы выехать из Царского Села в столицу. И вот тут-то ловушка захлопывается! С Невы на Зимний дворец глядят пушки эскадры, а со стороны города нажимает тысяча гвардейских солдат, которая, по словам Безбородко, финансируется из кармана Григория Орлова. Не является же

в самом деле Григорий Григорьевич создателем благотворительного фонда в помощь неимущим гвардейцам!

— А фон Ротт?

— А фон Ротт отвечает за береговые батареи и Петропавловскую крепость. Сырой порох, пьяные канониры, некондиционные ядра, черт его знает, что там должно было быть. Сейчас это уже не важно. План не сработал.

— Ты полагаешь, что здесь был заговор?

— Я полагаю, здесь есть заговор. Отчего не сработал первый вариант, необходимо узнать. Это может многое объяснить. Но наверняка заговорщики предусматривали и другие сценарии. А это уже совсем интересно. Теперь учти следующее. Ты своей ловкой рапирой скорее всего внес в планы этих господ изрядную коррективу. Такой поворот событий у них вряд ли был предусмотрен. Если фон Ротт действительно таков, как мы о нем думаем, то, вероятно, сейчас он должен начать дергаться, стараясь залатать прореху в паутине. А когда противник суетится, ему нужно только помочь споткнуться, чтобы он расшиб себе лоб. Это славно. Заговор — это как раз то, что нам нужно. Если перевести интерес императрицы в нужное русло, думаю, ей некоторое время будет не до масонов. Выйдешь с гауптвахты, займешься подготовкой разоблачения фон Ротта.

— А герцогиня Кингстон? — спросил я с тайной надеждой. Мне очень не хотелось шпионить за этой милой женщиной.

— А что герцогиня Кингстон? — непонимающе остановился лорд Баренс. *— Она на тебе.*

Санкт-петербургская гауптвахта была не самым уютным местом северной столицы. В сравнении с гауптвахтой форта Норич, куда я как-то загремел за драку с патрулем, это были просто нечеловеческие условия. Но все же мой офицерский чин и благородное происхождение давали право на кое-какие льготы. Пол камеры был вымыт, нары заменены койкой с вполне пристойным тюфяком, а уж то, что в камере не было кондиционера и до ветру пришлось тащиться под конвоем ярдов за сто, так и в императорском дворце подобные удобства были немногим лучше. Пока же от нечего делать я завалился на тюфяк и задремал в ожидании дальнейших действий «царских сатрапов».

То, что пошла связь, я понял, когда картинка во сне вдруг перестала соответствовать произносимому тексту. Я резко сел, стряхивая остатки дремы.

— ...Генерал-поручик Бибиков, ваше величество, на мой взгляд, вполне мог бы заменить Суворова в Польше, — слышался приглушенный голос Безбородко.

— Бибиков? Чем же он так хорош? Коли я не ошибаюсь, это тот самый генерал, который командовал при Ларге одним из каре Румянцева?

— Истинная правда, ваше величество. Андрей Аполлинариевич генерал знающий и основательный. Коли идти надо, ему, пожалуй, за Суворовым не поспеть, но ежели стоять крепко, тут лучше его и не сыщешь.

— Ну что ж, хорошо, пусть будет Бибиков. Подготовь к вечеру рескрипт. По Емельке что?

— По повелению вашего величества я скудостью ума своего обмыслил...

— Ладно, душа моя, не томи, говори толком!

— Коли вы, ваше величество, хотите Пугачева с войском за море спровадить, то посылать против него Суворова смысла нет. Генерал «Вперед!» от него и духу не оставит.

— Так что же, его в Польше держать?

— Ан нет, ваше величество! Для ляхов — честь велика, для нас — толку чуть. Пусть отправляется на Яик.

— Да ты ж сам только-только говорил, что нельзя ему идти против Пугачева!

— И впредь говорить буду. Пусть Александр Васильевич отправляется на Яик, да только малой скоростью. И чтоб с фокусами своими и причудами, дабы слава его впереди за сто верст бежала. Пусть супостат, еще и не встретившись с Суворовым, уже потери от него имеет. Оно среди бунтовщиков завсегда так: народу много, да смельчаков мало. А своя рубашка до тела ближе. Вы же тем временем повелите из гусарских и верных вам казачьих полков охотницкие команды сформировать. Коли враг ушел в степи и боя не ищет, так и мы их искать не будем. Сейчас главное из степей Пугачева не выпустить. Пусть охотницкие команды крутятся близ разбойников, что оводы вокруг мерина, да жалят побольнее: лошадей уводят, колодцы засыпают, посты да разъезды бьют. Без воды, без коней да без глаз ему в степи несладко придется. А тут еще, не ровен час, Суворов объявится. Вот здесь-то мы ему лазейку и покажем. Оно ж не зазря говорят, ваше величество, что загнанная в угол крыса бросается на кота. Пусть себе выходит, да только туда, куда мы пожелаем.

— Что ж, толково. А далее-то что?

— А далее след послать к Емельке верного человека, дабы он договорился о тайной встрече.

— С кем же, душа моя?

— Человек должен быть солидный, известный, доверием вашим облаченный да с широкими полномочиями.

— Не себя ли, голубь, имеешь в виду?

— Да что вы, матушка-императрица, я в переговорных каверзах не изощрен. Вот ежели бы графа Панина, к примеру?

— Ох, не любишь ты его, хохол. Знаю, что не любишь!

— Да что вы, ваше величество, токмо о пользе отечества забочусь.

— Экий заботник выискался. Ладно, обдумаю я, кому с Емелькой говорить. План же хорош. Хитер ты, бестия!

— Токмо...

— Полно, оставь свои «токмо»! Токуешь тут, как глухарь. Поведай лучше, что там за конфузия у графа Григория Орлова нынче вышла?

— С тем шел, ваше величество. Стало быть, вот как дело было: тот самый английский лейтенант, о коем вы велели справки навести, сегодня поутру, сдав патент свой офицерский в адмиралтейство, зашел в кофейню «Четыре фрегата» кофе выпить. Тут как раз случился и граф Григорий, пребывающий в буйстве. Он начал кричать на англичанина, почему, мол, тот его не приветствует, однако лейтенант вел себя спокойно и рассудочно и драки вовсе не искал. Тогда граф Орлов вызвал Камдила на поединок, коий сегодня в час пополудни и состоялся на острове Голодай.

— И чем же дело закончилось? Я слышала, граф Григорий в ногу ранен?

— Верно, ваше величество. Да вот закавыка. — Безбородко явно замешкался, подыскивая слова. *— Граф, того... сам себя в ногу ранил.*

— И такое может быть? — В голосе Екатерины слышался неподдельный интерес.

— Может, ваше величество. Коли оружием владеть так, как сей лейтенант владеет.

— Да точны ли эти сведения?

— Вне всякого сомнения, государыня. Их офицер принес, за Камдилом наблюдать приставленный. Состоящий при тайной канцелярии лейб-гвардии гусарского эскадрона вашего поручик Никита Ислентьев.

Я выругался. Крепко и забористо. Так что мне могли позавидовать самые просоленные боцманы в ближайшей портовой таверне. Нет, ну каков стервец! А впрочем, чего же, собственно говоря, было ожидать? Неужто, попробуй племянник русского посланника поступить на английскую службу, его не снабдили бы хвостом. И все же Никита, Никита...

— Где сейчас лейтенант сей пребывает? — Голос Екатерины был суров и тверд, так что я начал подумывать о вариантах экстренного прощания с этими гостеприимными стенами.

— На гарнизонной гауптвахте, ваше величество. Ожидает вашего приговора.

— Вот что, хохол. Поединок, хоть и преступление, не может быть судим обыкновенными уголовными законами. А потому велю немедля отпустить храбреца! Завтра же пусть прибудет в Царское Село к двум часам. Желаю его видеть и разговаривать. А графу Григорию Григорьевичу передайте, что мы в большом волнении из-за его раны пребываем. Скажите ему также, что для скорейшего излечения его сиятельству нужен чистый сельский воздух, а потому пусть едет в имение свое и пред мои очи без вызова не является.

— Слушаюсь, государыня.

— А по пути отыщи моего флаг-капитана Верейского да укажи ему: пусть яхту к походу готовит. В Петергоф пойдем. Парад делать будем в честь пятилетия Чесменской победы.

Глава 8

Штирлиц знал наверняка. Но
Наверняк об этом не подозревал.

Из записок партагеноссе

Я устроился на своем тюфяке поудобнее, ожидая, когда дежурный офицер отворит дверь моей камеры с сакраментальной фразой: «Милорд, вас ждут из подземелья». Отсутствие телефона стоило мне еще часов трех тюремного заключения, но не биться же головой о врата моей темницы с криком: «Я знаю, императрица повелела меня отпустить!» Томясь в ожидании, я выдернул соломинку из тюфяка и, найдя место попыльнее, начал играть сам с собой в крестики-нолики. В этот день мне явно везло, победа каждый раз оставалась за мной.

— Ау, племянничек! Ты там еще не заскучал? — раздался на канале мыслесвязи бодрый голос лорда Баренса.

— Не то слово, — признался я. *— Тоска зеленая!*

Дядя хмыкнул:

— Ну ничего. То, что ты сейчас увидишь, думаю, тебя повеселит.

— Что такое, вы едете в цирк?

— Скорее цирк едет ко мне. Весь вечер на манеже герцогиня Кингстон собственной персоной.

— Милорд, откуда такая нелюбовь? В конце концов, леди Чедлэй не сделала вам ничего дурного. А сейчас она пытается помочь ваше-

му племяннику. Тем более герцогиня же не знает, что у нас прямая связь, и полагает, что вы не знаете об аресте.

— Мой мальчик, вот уж воистину, посмотрите на герцогиню моими глазами и, как выражаются на Востоке, слушайте и не говорите, что вы не слышали.

В этот миг возникший перед глазами лорда Баренса Редферн доложил голосом, полным достоинства:

— Милорд, к вам леди Элизабет Чедлэй, герцогиня Кингстонская.

— Проси войти ее светлость.

Элизабет Чедлэй вплыла в кабинет лорда Баренса с той гордостью, с которой входит в торговый порт красавец крейсер.

— Миледи, — на мой взгляд, несколько излишне чопорно поклонился дядюшка.

— Милорд. — Бетси слегка склонила головку, приветствуя соотечественника. Хотя назвать ее в эту секунду «Бетси» язык как-то не поворачивался. Это была герцогиня Кингстон, графиня Бристольская и уж не знаю, кто еще, но никак не моя милая Бетси с ее ночными кошмарами и слегка печальной улыбкой.

— Я знаю, милорд, что меня не рады видеть в особняке посольства, но причина, по которой я была вынуждена пренебречь этим, весьма важна. И в первую очередь для вас.

— Слушаю вас внимательно, ваша светлость.

— У меня для вас плохие новости, милорд. Ваш племянник сегодня дрался на дуэли с графом Григорием Орловым. Граф ранен, а лорд Камварон заключен под стражу.

— Да, мне уже известно об этом печальном событии.

— И что вы намерены предпринять? — В тоне герцогини льда наличествовало больше, чем в антарктических морях.

— Я уже предпринял ряд шагов, — не замечая холодности в ее словах, ответил мой дядюшка.

— Не выходя из своего кабинета?

— Сударыня, мне лучше знать, как и что я должен делать.

— Милорд, арестован английский лорд, человек, подсудный только равным себе, дворянин древнего знатного рода. Более того, арестован ваш родственник. Ему грозит тюрьма, а возможно, и смерть. Вы же толкуете о каких-то шагах! На дуэли ранен фаворит императрицы. Вы понимаете, что это означает?

— Несомненно.

— И сидите здесь?!

— Миледи, я польщен, что вас так заботит судьба моего племянника. Однако...

— Однако мне вспоминается бал герцога Уэстморлендского восемь лет назад и ваши пылкие признания. Мне бы не хотелось ду-

мать, что сегодняшняя бездеятельность продиктована мелочной ревностью.

— Вы забываетесь, герцогиня! Я делаю свое дело так, как нахожу нужным. И не вам указывать мне, что и как надлежит делать. Вы ожидали, что я поведу солдат, охраняющих посольство, на штурм гарнизонной гауптвахты? Или же поеду в Царское Село падать в ноги императрице Екатерине?

— Лично я намерена сейчас же ехать к ней и просить за сэра Вальдара. Необходимо добиться хотя бы замены заключения на гауптвахте содержанием под домашним арестом. И если вы не желаете помочь мне в этом, я буду действовать сама.

— Воля ваша, герцогиня. Однако хочу вас успокоить, предпринятые мною шаги уже дали результаты. Еще до ночи Вальдар будет на свободе. Так что всецело можете заниматься вашим нынешним балом.

— Надеюсь, что это правда, милорд. Но если к вечеру лорд Камварон не появится в моем доме, я оставляю за собой полное право действовать так, как сочту нужным. А теперь прощайте. — Она гордо повернулась и направилась к выходу. *— Видимо, заботы о благе государства не дадут вам возможности присутствовать на сегодняшнем балу. Очень расстроена. Не смею вас больше задерживать,* — добавила она, обернувшись у самой двери.

— Благодарю вас, миледи. Вы очень любезны.

Герцогиня Кингстон вышла так же быстро, как и вошла, и прощальный шорох ее платья был схож с шорохом ветра в свежих буреломах.

— Ну вот и поговорили, — вздохнул лорд Баренс.

— Дядя, а вы действительно ухаживали за Бетси восемь лет назад?

— Я светский человек и вел себя, как подобает придворному кавалеру, — отпарировал лорд Джордж.

— Значит, было дело, — усмехнулся я. *— И потому вы ее так не любите? Она сказала вам «нет»?*

— Она сказала мне много слов, но суть не в этом. Из всех людей на Земле она любит только себя. И ее действия подчинены этому всепоглощающему чувству. Можешь мне поверить, с тех пор как мы познакомились лет девять тому назад, она изменилась только внешне. То, что она решила поиграть с тобой в высокие чувства, нас вполне устраивает. Но не путай галантные игры с настоящей любовью. Чувства в ней не больше, чем в скелете динозавра. И не вздумай сам влюбляться! Беды не оберешься. Ладно, купидонами займешься по выходе из-за решетки, пока же вернемся к делам менее прелестным, но более актуальным. На повестке дня адмирал фон Ротт.

— Появилась новая информация?

— Пока нет. Хотя верный человек следует за ним по пятам. Сейчас адмирала нет в городе, он уехал в Петергоф. Вроде бы должен вечером вернуться.

— Петергоф? — переспросил я.

— Да, а что, тебе это кажется странным?

— Нет. На днях там будет военно-морской парад, значит, и салют с берега тоже ожидается. Фон Ротт выполняет свои обязанности, только и всего. Если, конечно...

— Именно что «если»! Я полагаю абсолютно достоверным, что заговор Орловых существует. Первый сценарий с треском провалился. Ты думаешь, в честь этого Орловы дадут приказ распустить организацию и пойдут на поклон к императрице?

— Очень сомневаюсь. Хотя и не совсем понимаю, чего они еще добиваются.

— Власти, но власти гарантированной. Без оглядки на того, кто эту власть может дать, а может и отнять. Последняя ступенька перед троном — место очень опасное: с одной стороны, высоко падать, а с другой — всегда хочется усесться повыше. Григорий Орлов уже хотел женить на себе Екатерину, но она обвела его вокруг пальца. Орловы попытались было сменить императрицу, она снова поломала им все планы. Какие есть еще варианты?

— Уничтожить Екатерину и посадить Павла?

— Вполне может быть. В этом веке в России это самый популярный способ престолонаследия.

— Но Павел вроде бы не слишком расположен к Орловым, — попытался возразить я.

— Думаю, на этот счет у них есть свои соображения, и нам о них пока ничего не известно. Но мне кажется, что ожидающееся появление Калиостро в этот момент в Петербурге весьма показательно. Быть может, конечно, совпадение, а если нет? Если между Орловыми и великим магистром есть связь? Скажем, по тем же масонским каналам. Павел в отличие от своей матери человек, весьма поддающийся влиянию, а уж мистическому влиянию и подавно. Ну а кто умеет напускать туман и внушать необходимые идеи лучше, чем Калиостро? Такая связь может существовать, но вот существует ли она — нам неизвестно. А потому вернемся к заговору. Из руководства его мы знаем только троих: Орловых и фон Ротта. Но скорее всего есть и другие. Орловы сейчас удалены из столицы.

— Я думаю, граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский прибудет в Петергоф на празднество.

Лорд Баренс помолчал.

— Видимо, ты прав. Тогда все сходится. Во время парада флот проходит мимо императорской яхты, которая стоит на якорях. Для береговой батареи разнести в щепы подобную мишень — плевое дело.

— Значит, фон Ротт...

— Скорее всего да. Готовит праздничный «салют». Интересно, как они планируют действовать дальше? — Он на какое-то время замолчал, очевидно, обдумывая возможные сценарии, и наконец произнес: *— Вот что, друг мой, бомбардировка яхты — дело вполне возможное. Нам от такого поворота событий никакой выгоды нет. А потому, полагаю, надо начинать действовать.*

— Каким образом? — спросил я недоуменно.

— Вывести из обращения фон Ротта. Это — твоя работа.

— Да, но...

— «Но» оставишь в камере, когда будешь выходить. Лучше всего, если фон Ротт напишет чистосердечное признание и сдаст всех, кого знает. Каким образом ты этого добьешься, меня не интересует. Одно могу порекомендовать: если кто тебе в этом деле и в силах помочь, то это ваш, сударь, сегодняшний знакомец из тайной канцелярии.

Когда я покинул застенки, уже начинало темнеть. Хотя, если учесть манеру солнца в этих краях светить круглосуточно, вернее было бы сказать, перестало светать. Взяв извозчика, я отправился на Обводной канал в казармы лейб-гвардии гусарского эскадрона. У ворот мне пришлось изобразить плохой русский язык, поскольку, судя по всему, никакая иная речь дневальному была недоступна.

— Ай момент, мусью! — выпалил он, исчезая за дверью караульного помещения.

Поручик Ислентьев не заставил себя долго ждать.

— Вы на свободе, сударь? — с радостным недоумением воскликнул он.

Я кивнул:

— Если вы не заняты, то, может быть, пойдем прогуляемся по берегу. У меня к вам есть разговор.

— Да? — Лицо поручика приняло серьезный вид и слегка побледнело.

— Откуда вы знаете, мой дорогой друг, что я вообще был в заточении? — как можно более небрежно спросил я, когда мы неспешно зашагали гравиевой дорожкой по берегу канала.

— Видите ли, — замялся Ислентьев, — слухи в городе расходятся быстро.

— Вот даже как, слухи. Ну полно врать-то, — улыбнулся я. — Вас это не красит. А у меня отбивает охоту с вами говорить. — Лоб по-

ручика начал покрываться испариной. — Как вы знаете, я действительно был арестован, но вот теперь на свободе. Понятное дело, я не бежал из-под стражи, меня выпустили. Ну и, конечно же, дело не обошлось без помощи моего дядюшки, который, как вам хорошо известно, чрезвычайный посланник английского короля. Думаю, не надо вам говорить, дорогой мой, что у дяди весьма обширные связи в высшем свете.

— Полагаю, да, — тихо согласился Ислентьев.

— Так вот, о том, что о дуэли донесли вы, мне доподлинно известно. Более того, мне доподлинно известно, что, невзирая на усы и гусарский мундир, вы состоите при тайной канцелярии и по ее поручению были приставлены ко мне соглядатаем.

— Вы хотите, чтобы я дал вам удовлетворение? — собираясь с духом, промолвил Ислентьев. — Я готов. Прошу вас только об одном одолжении: позвольте мне отписать прощальное письмо родителям.

Я остановился.

— Послушайте, Никита. Вы что, всерьез решили, что я собираюсь вас убить?

— Да, — обреченно вздохнул поручик.

— Ну вот еще глупости! У меня и в мыслях этого не было. Я просто избавляю вас от печальной необходимости врать мне в глаза. Мне остается только поблагодарить господ из тайной канцелярии за то, что они прикрепили ко мне столь приятного молодого человека. Хотя, признаться, я действительно считаю это ремесло малосочетающимся с дворянским званием.

Никита печально вздохнул.

— Конечно, вы правы, милорд. Но видите ли, мое дворянство лишь легкая дымка. Вот вы — английский лорд, вы знатны и богаты, и, несомненно, ремесло шпиона несовместимо с вашей честью. Конечно же, вы не станете выслеживать и доносить, как это приходится делать мне.

«Ох, не судите, да несудимы будете», — пронеслось у меня в голове. Задачу следить за леди Кингстон с меня никто не снимал.

— Постарайтесь понять меня правильно, — между тем продолжал гусар. — Я вовсе не пытаюсь оправдываться. Оправдания этому нет. Я пытаюсь объяснить, что привело меня на сей путь. Начать, если позволите, придется несколько издалека.

Мой дед, Джон Исленд, перебрался в Россию в царствие Петра Великого, за пять лет до его смерти. Он был корабельным мастером, а корабельные мастера в ту пору были в большом почете у императора. Вскоре дед перевез в Россию свою семью. Здесь же родился мой отец, названный в честь императора Петра, который был крест-

ным отцом ребенка. Государь повелел отца моего записать курсантом навигацкой школы, с тем чтобы по достижении возраста он учился морским наукам. Писался он вначале Петром Исландьевым, да в дипломе писарь перепутал и записал Ислентьевым. С тех пор мы Ислентьевыми и повелись. Отец долгой и беспорочной службой выслужил себе чин, а по чину и дворянство. Ныне он помощник коменданта в Выборге. Я же большую часть жизни своей провел с матушкой, которая, надо сказать, была дочерью хозяина портовой гостиницы в Ревеле. Детство и юность мои там, в Ревеле, и прошли. Пока отец плавал, мать с детьми у деда жила, по хозяйству помогала. Сами понимаете, имения-то у нас никакого, а детей девять душ. Всех обуй, одень, накорми, в люди выведи. Меня вот отец в лейб-эскадрон пристроил. Надеялся поближе ко двору, авось удастся зацепиться получше. Да видать, не судьба. Жизнь в гусарах стоит дорого, денег чуть, вот и выбирай: либо здесь в долговую яму с головой залазь, либо переводись в армейский полк и труби там лет двадцать пять до пенсиона, подыхая от тоски. Только и надейся, что представится возможность славно сложить голову. А как-то раз меня в тайную канцелярию вызвали да выложили на столе векселя, что я сдуру да по пьяни подписывал у ростовщиков, спрашивают: «Как платить намерен? Срок тебе двадцать четыре часа». А платить-то мне и нечем, жалованья едва на жизнь хватает. Потыкался я в разные стороны, да куда там! Хоть в петлю лезь, а в долговой сидеть, это ж сраму не оберешься. Тут они и говорят: будут тебе и деньги, и карьера, а от тебя-то всего требуется наблюдать и сообщать куда следует. На своих, на гусар, я доносить отказался, а они мне говорят: «И не надо вовсе. На что нам гусары? О них только глухой не знает. Ты, — говорят, — языками иностранными владеешь, вот иноземцами и займешься».

— И что? — спросил я.

— Вот и занимаюсь, — развел руками Ислентьев. — Стараюсь в донесениях своих быть честным и напраслину на людей не возводить. Да только кому это интересно.

— Мне это интересно. А то, что «напраслину» в докладе своем не возводил, про то мне ведомо. И на том тебе спасибо.

— Вы действительно не держите на меня зла? — оторопело произнес поручик.

— Отнюдь. Вы служите отечеству на том посту, на который оно вас поставило. И я полагаю, пусть лучше подобные посты занимают честные люди и патриоты своей страны, а не мошенники, лишенные человеческих чувств.

— Это правда?

— Правдивей некуда.

— Вы не представляете, как я вам благодарен! — Ислентьев схватил мою руку, видимо, пытаясь выразить всю глубину обуревавших его чувств.

— Полноте, — остановил его я. — Я в общем-то пришел за другим.

— Я слушаю вас, милорд. — Голос поручика моментально обрел деловой тон. — Чем могу быть вам полезен?

— Я бы желал вновь видеть вас своим ассистентом.

— Вы опять собираетесь дуэлировать? — Брови Никиты удивленно поползли вверх.

— В некотором роде. Хотя в чистом виде дуэлью это не назовешь. Человек, который не так давно спас мне жизнь, просил отдать долг чести одному нашему недавнему знакомому.

— Кого вы имеете в виду?

— Контр-адмирала Германа фон Ротта.

— Секунданта графа Орлова?

— Его самого, — кивнул я. — Много лет тому назад он, тогда еще не адмирал, ложно обвинил в убийстве и грабеже ни в чем не повинного человека, заставшего его в тот момент, когда он продавал врагу российские военные секреты. Я знаю это наверняка. Кроме того, я знаю наверняка, что сегодня адмирал фон Ротт злоумышляет против императрицы Екатерины и вместе с братьями Орловыми желает лишить ее трона, а может, и самой жизни. — Глаза Ислентьева заметно округлились. — Для меня отдать долг чести — святая обязанность. Для вас же случай открыть заговор против Екатерины — великолепная возможность для успешной карьеры.

— Полагаю, это не шутка? — тихим голосом поинтересовался начинающий контрразведчик.

— Да уж какие тут шутки!

Ислентьев в молчании прошел по берегу ярдов двадцать, по-видимому, обдумывая положение.

— Милорд Вальдар, поймите меня правильно. Я верю вам целиком и полностью, но если вдруг вы ошибаетесь или же если вину контр-адмирала фон Ротта не удастся доказать, лорд Камварон отделается легкими неприятностями, вроде той, что была сегодня. В конце концов, вы сможете уехать в Голландию, Францию, Америку, куда угодно. Для бедного же поручика Ислентьева неудача такого предприятия — конец всего.

— Я понимаю вас, — кивнул я. — Поэтому с фон Роттом мы будем разговаривать один на один. Вас же я прошу быть моим ассистентом, то есть находиться за дверью, которую я оставлю приоткры-

той, и внимательно слушать все, что будет происходить. Думаю, вы сами сможете решить, когда следует войти.

— Ну что ж, — улыбнулся поручик, — была не была. Я в вашем распоряжении.

Дворецкий, отворивший тяжелую дубовую дверь, с недоумением поглядел на двух незнакомых господ, явившихся в неурочный час в гости к его хозяину.

— Дома ли господин адмирал? — как можно любезнее произнес я, словно собираясь пригласить его на диспут о поэтике произведений Вольтера.

— Его превосходительство недавно прибыли и сейчас отдыхают. Не велели беспокоить.

— И все же, дорогой мой, побеспокойте вашего господина. Передайте ему, что прибыл Вальдар Камдил, лорд Камварон, и что он, то есть я, страстно желает обсудить с их превосходительством кое-какие вопросы чести.

— Слушаюсь, — немного помедлив, проговорил дворецкий. — Как прикажете доложить вашего спутника?

— Не стоит о нем докладывать. Он подождет меня в доме.

— Слушаюсь, ваша честь.

Возвращения дворецкого мы ждали довольно долго. Мы успели изучить весь холл и порадоваться художественному вкусу хозяина дома. Насколько я понимал в оценке антиквариата, совокупная стоимость одних только китайских ваз, украшавших лестницу, ведущую на второй этаж, вплотную приближалась к стоимости восьмиорудийной батареи.

— Контр-адмирал ждет вас, милорд, — поклонился мне дворецкий. — Прошу вас следовать за мной. А вы, господин поручик, можете подождать в гостиной.

Мы поднялись по лестнице. Как я и предполагал, кабинет примыкал к гостиной, так что неудобств с размещением Ислентьева не было.

Фон Ротт встретил меня, сидя за объемистым письменным столом. Аккуратность, с которой были разложены по нему деловые бумаги, казалась настолько странной рядом с причудливыми резными завитками столешницы, что я невольно улыбнулся.

— Признаться, я не ожидал вашего визита, — начал мой визави. — Собственно говоря, чем обязан?

— Дела чести, мой адмирал. Исключительно дела чести.

Внимательные голубые глаза фон Ротта прорезались среди пухлых щек, переходящих в лоб.

— Вот как? — недоуменно воскликнул он. — Если вы полагаете, что ваш сегодняшний арест как-то связан со мной, то можете мне поверить, я здесь ни при чем.

— О, полноте! — махнул рукой я. — Банальная ошибка. Передо мной уже извинились. Комендант просто был не в курсе... Впрочем, что это я? — Я чуть помедлил, чтобы насладиться произведенным эффектом. Соображательные способности фон Ротта напряглись, как снасти во время шторма: он мучительно пытался понять, о чем же таком был не в курсе комендант Санкт-Петербурга, если в тот же день с извинениями отпустил никому не ведомого иностранца, ранившего на дуэли самого Григория Орлова. — Я пришел сюда совсем по другой причине.

— Я слушаю вас, милорд.

— Вы позволите. — Я вытащил кошелек из кармана камзола. — Вот это просили передать вам. — Кошелек лег на столешницу перед адмиралом.

— Что это? — удивленно спросил фон Ротт.

— Посмотрите сами, — улыбнулся я. — Пусть это будет для вас небольшой сюрприз.

Мой собеседник развязал кошелек и вывалил на стол его содержимое.

— Рубли?

— Да, — кивнул я. — Здесь ровно тридцать сребреников. Можете не пересчитывать.

— Что?! — гневно сдвинул брови адмирал.

— Человек, который просил передать вам эти деньги, говорил что-то о судовой казне брига «Ганимед». И еще он просил передать вам привет от Петра Реброва.

— Что?! — вновь взревел гостеприимный хозяин. — Вон отсюда! Наглец! Я не знаю никакого Петра Реброва!

— Полноте, господин контр-адмирал, вы знаете Петра Реброва. В адмиралтейской коллегии хранится список экипажа брига «Ганимед», в котором значится это имя, причем как раз в то время, когда вы были командиром корабля. А вот доклада Петра Реброва о том, как вы продали таблицы стрельб из «единорогов» агенту иностранной державы, в тайной канцелярии еще нет, но он там будет. Вместе с надлежащими доказательствами. — Конечно же, я блефовал. Никаких доказательств у меня не было и быть не могло. Но фон Ротту об этом было ничего не известно. А будучи артиллеристом, то есть человеком, привыкшим иметь дело с числами, он уже сложил как дважды два, что попал в цепкие лапы английской разведки. А уж что могла нарыть по этому поводу английская разведка, известно лишь одному богу.

— Вы пришли меня шантажировать? — все так же нелюбезно поинтересовался фон Ротт, выхватывая из-под шлафрока пистолет. — Глупо, чертовски глупо. Если даже Петр Ребров жив, в чем лично я не уверен, все равно он остается дезертиром. И то, что он видел, никому ничего не докажет — ему никто не поверит. А вас я просто убью. Скажу, что вы были английским шпионом и пытались меня подкупить. Конечно же, денег в ваш кошелек я добавлю...

Мысленно я похвалил выдержку поручика Ислентьева, ибо появление его в эту минуту ломало бы всю игру. Конечно же, фон Ротт уже наговорил себе на вполне весомый приговор, но, по мне, он мог сказать много больше. Я слушал его слова как музыку, потому как с каждой произнесенной фразой петля вокруг шеи бравого адмирала затягивалась все туже и туже. Картинно подняв руки, я с восторгом внимал пылкой речи гневливого собеседника. Хотя, признаться, пистолетный ствол, направленный в мою сторону, был не самым приятным моментом этой сцены. Надежда была лишь на то, что сначала наш сумрачный германский гений выговорится и только потом нажмет на спусковой крючок. Хотя, что мудрить, мне совсем не улыбалось словить грудью птичку, готовую вылететь из железного дупла этого прусского дуба. Тем более что у меня уже был готов ответный спич. В тот момент, когда я поднял руки, из небольшого кармашка, вшитого в левый рукав камзола, выпал маленький жилетный пистолетик, закрепленный на прочном шнуре. Подобный «последний довод королей» был заранее предусмотрен для бесед, требующих веских аргументов, и сейчас он ждал своей секунды.

— Господин адмирал, — улыбаясь как можно слаще, произнес я. — Можно назвать вам, как минимум, три причины, чтобы не нажимать спусковой крючок. Первая: даже если вы меня убьете, Петр Ребров останется жив и дезертиром его не признают, ибо в любом краю, в любом положении на пользу Отечества супротив его врагов умышлял. К тому же документы, подтверждающие вашу измену, останутся в целости и сохранности и будут предъявлены в тайную канцелярию еще до того, как меня похоронят. Второе: вы приняли меня за английского шпиона, а это ошибка. Там, за дверью, — я перенес вес тела на правую ногу, указывая рукой в то место, где находится дверь, — ждет офицер тайной канцелярии. Он слышал наш разговор от первого до последнего слова и под присягой подтвердит, что вы безо всякого принуждения, по своей воле сознались в измене. И третье и последнее состоит в том, — я ускорил темп речи, — что я, — небольшая пауза, — выстрелю первым.

При этих словах я рухнул влево в нижнюю стойку, резко выбрасывая руку вперед. Под собственным весом мой пистолетик выле-

тел прямо в ладонь. Оружие «последнего шанса» было готово к стрельбе.

Конечно же, мое действие было чистейшей провокацией. Стоило мне заявить адмиралу, что я выстрелю первым, он тут же нажал спусковой крючок. Я искренне надеялся на то, что мой оппонент был все же артиллеристом, а не ганфайтером. А потому попытается словить ускользающую цель, довернув в сторону противника запястье с пистолетом. Попасть в таком случае можно исключительно случайно, а вот повредить руку при выстреле — вне всяких сомнений. Выстрел грянул, и зеркало, находившееся мгновение назад за моей спиной, осыпалось вниз градом блестящих осколков. Фон Ротт взвыл, роняя пистолет и хватаясь за вывихнутую кисть.

На пороге комнаты возник поручик Ислентьев с обнаженной саблей в руке. В другой он держал бронзовую бляху на цепочке, предваряющую вопрос о цели его внезапного визита.

— Простите, адмирал, я ошибался, — скорбно произнес я, принимая подобающую джентльмену позу. — Вы быстрый стрелок. Неловкий, но быстрый. Во всем же остальном, как видите, я вас не обманул.

Фон Ротт перевел взгляд с бляхи тайной канцелярии на меня, мучительно сжал губы в страдальческой гримасе.

— Оставьте пафос, вы еще не в застенках. Итак, у нас налицо измена родине, попытка устранения свидетеля матроса российского флота, попытка убийства офицера российского флота и... — Я сделал эффектную паузу. — Герман, простите, не знаю, как вас по батюшке. Самое интересное для тайной канцелярии: попытка государственного переворота, намечающаяся, если не ошибаюсь, на день Чесменского парада.

— Что за глупости вы говорите? — мрачно кинул фон Ротт.

— Не надо строить из себя идиота, — пожал плечами я. — Как вы думаете, почему я нахожусь сейчас перед вами, вместо того чтобы сидеть в Петропавловской крепости? А раненный мною сегодня Григорий Орлов по указу императрицы малой скоростью направляется в имение, где ждут его, можете мне поверить, весьма худые вести. Вы проиграли, фон Ротт, полностью и окончательно. Спасти вас от петли может только чистосердечное признание. Причем желательно до того, как его дадут все остальные участники заговора. Вы понимаете, о чем я говорю?

Адмирал молча кивнул. В дверях показался дворецкий с алебардой и несколько слуг с кочергами и метлами. Переполошенные выстрелом, они спешили на подмогу своему хозяину.

— Пшли вон, собаки! Тайная канцелярия! В Сибири сгною! — с неожиданным напором рявкнул мой ассистент.

Увидев бляху в руках Ислентьева, подмога поторопилась обратиться в бегство, дабы не искушать судьбу. Усмехнувшись неудаче деблокирующего маневра противника, я вновь обратился к адмиралу:

— Итак, послушайте мое предложение. Вы пишете чистосердечное признание о своем участии в заговоре, сообщаете все, что вы знаете на эту тему, без изъятия и добровольно, но, понятное дело, в сопровождении поручика, следуете в тайную канцелярию. Мы же со своей стороны в этом случае обещаемся забыть все остальные ваши грехи, что дает вам реальный шанс выпутаться из этой истории с наименьшими потерями.

— Разрешите я сяду, — обреченно выдавил фон Ротт.

— Хорошо, только без глупостей. Я не промахнусь.

На губы фон Ротта наползла кривоватая улыбка.

— В это я верю. — Усевшись, он подвинул к себе лист бумаги, чернильницу и, морщась от боли в правой руке, начал писать.

Покаянные записки фон Ротта отняли значительно больше времени, чем я рассчитывал. Герцогиня уже явно ожидала меня на балу, и несвоевременное мое на нем появление вполне могло грозить бедствиями и разрушениями ни в чем не повинной российской столице. Судя по беседе ее светлости с моим дядюшкой, настроена она была более чем решительно.

— Никита, — спросил я Ислентьева. — Ты сам здесь управишься?

— Я думаю, да.

— Вот и славно. Тогда я должен ехать дальше. Сейчас главное, чтоб Алексей Орлов не узнал о нашем визите до времени, — громко произнес я, рассчитывая донести слова не столько присутствующим в кабинете, сколько прятавшемуся за драпировкой дворецкому. — Нельзя его спугнуть.

Бал удался. Остатки сливок общества, вынужденные киснуть в Петербурге посреди лета, привязанные к городу либо делами службы, либо семейными обстоятельствами, беспорядочно бродили анфиладами особняка, представляя возможность собравшимся любоваться богатыми коллекциями минералов, носимых на груди, на шее, в волосах, в ушах, на запястьях и, быть может, даже на лодыжках, но любоваться этим изыском мешал фасон платьев. По танцевальной зале гордо дефилировали высокопоставленные защитники отечества, слепя глаза обилием высоких наград, так что попади на сегодняшнее празднество какой-нибудь астроном, он был бы подавлен и обескуражен таким количеством звезд, обретающихся не на своем месте.

Слухи в этом городе действительно распространялись быстро. Стайка кавалеров от корнета до ротмистра включительно, окружавшая герцогиню, заметно стаяла при моем появлении. Тем более что у благородного общества в этот момент сыскалось новое развлечение. Какой-то светский остряк незаметно засунул кусочек лимбургского сыра в карман камзола престарелого сенатора, и тот едва ли не волчком теперь крутился по праздничной зале, пытаясь отделаться от преследовавшего его гнусного запаха. Шутка имела грандиозный успех.

— Милорд Вальдар. — Леди Кингстон благосклонно склонила головку, озаряя меня дежурной улыбкой. — Я весьма рада вас видеть.

— Я обещал быть, ваша светлость. — Поклон мой был шедевром поклонного искусства. Думаю, не здесь, так в Китае такое должно было существовать. — Я не мог обмануть ваших ожиданий.

— Вы очень любезны, друг мой. — Герцогиня подала мне руку для поцелуя. Я приложился к ней губами, оставаясь до конца галантным кавалером.

Во всей этой встрече был какой-то подвох. Не то чтобы что-то в ней было неправильно, но в словах и жестах хозяйки торжества я не чувствовал чего-то до боли необходимого. Искренности, что ли? Впрочем, вздохнув, я списал это на бальную суету.

— Милорд Вальдар, — услышал я голос ее светлости. — Я была бы весьма рада, если бы вы написали несколько строк в моем альбоме. — Она протянула руку, почти повелевая сопровождать ее к столику, где на обозрение гостей была выставлена своеобразная книга отзывов и замечаний, обтянутая пурпурным сафьяном. — Посмотрите, — прошептала она, перелистывая страницы, проложенные тончайшей рисовой бумагой, — здесь расписывались замечательные люди. Вот это рука Вольтера, вот Поуп, это Дидро. Я вам потом как-нибудь расскажу о нем массу забавных вещей. Это написал король Георг, батюшка нынешнего короля Георга. А вот здесь автограф императора Фридриха. Да, обратите внимание, вот этот сонет посвятил мне лет девять назад ваш дядюшка. Прелестные стихи.

Я скользнул взглядом по альбомному листу. Рядом с ровным, как шеренги солдат на плацу прусского императора, росчерком моего дяди красовался вполне отчетливый чернильный отпечаток пальца.

— Он так волновался, — пояснила леди Кингстон, замечая, куда направлен мой взгляд, — что посадил кляксу на столе, а я, когда брала альбом, сразу не заметила. Рукав, пальцы — все перепачкала. Конфуз был необычайный, — нежно ворковала она, улыбаясь своим воспоминаниям. — Однако все это было очень давно. Надеюсь, вы порадуете меня чем-нибудь?

— Постараюсь, миледи.

— Тогда не буду вам мешать. Полагаю, попозже вы пригласите меня танцевать. Я оставляю для вас любой танец по вашему выбору. — Она помахала мне пальчиками и удалилась, сопровождаемая шлейфом кавалеров.

Чужой души потемки — словно ночь,
Однако ночь темна лишь до рассвета, — выводил я, —
Когда ж душа дорогу ищет к свету,
Она потемки изгоняет прочь...

Мажордом появился на пороге залы и, грохнув посохом об пол, протяжно объявил о прибытии новых гостей:

— Граф и графиня Калиостро!

Глава 9

Либо вы часть проблемы, либо вы часть ее решения.

Элдридж Кливер

Атмосфера всеобщего ликования, воцарившаяся в зале, наводила меня на грустные мысли. Из-за своей толстокожести я никогда не мог понять восторга, который охватывает толпу в связи с приездом очередной знаменитости. Впрочем, женщины, туго затянутые в корсеты, и сами по себе находились в полуобморочном состоянии, а уж подобная новость и подавно вызывала резкий прилив крови к голове со всеми вытекающими отсюда медицинскими последствиями. Заразить же своим настроением мужчин для прекрасных дам и вовсе дело пустяковое.

Дождавшись окончания рукоплесканий, я активизировал связь:

— Дорогой дядя, у меня для вас радостная новость...

— Фон Ротт раскололся?

— Да, раскололся. Сейчас пишет добровольную явку с повинной. Но я не об этом.

— А о чем же?

— Граф Алессандро Калиостро с супругой изволили пожаловать в Санкт-Петербург.

— Как это, изволили пожаловать? Он же вчера еще был в Митаве?! — недоуменно выпалил лорд Баренс.

— Сведения императрицы устарели, он уже здесь.

— Проклятие! Я ожидал его через неделю, не раньше. Значит, общее собрание представителей масонских лож ожидается со дня на день.

— Вероятно, вы правы.

— Что ж, расклад не самый лучший, но будем играть с тем, что есть. Постарайся не терять его из виду...

— О милорд Вальдар! — Калиостро стоял рядом со мной, глядя с вежливым интересом. — Я рад видеть вас в добром здравии. Насколько я могу судить, мой бальзам пошел вам на пользу.

— Благодарю вас, граф, — поклонился я. — Ваше лекарство буквально вернуло меня к жизни.

— Лечит природа, я только помогаю ей.

Публика вновь впала в состояние истеричного восторга. Никогда еще беседа доктора с пациентом не производила такого фурора.

— Господа, господа! — прервал ликующих мой целитель. — Я прошу простить меня и мою супругу, мы весь день были в дороге и сейчас желали бы отдохнуть. Все же, кто надеется продолжить беседу о человеческих возможностях, о тех бесценных дарах, которыми награждает нас природа и которые мы отчего-то стараемся не замечать, милости прошу завтра в вечеру в дом действительного статского советника Елагина.

— Однако его превосходительство в отъезде, — послышался чей-то неуверенный голос.

— Вы, несомненно, правы, — улыбнулся неизвестному доброхоту великий посвященный. — Но завтра утром в девять часов пятнадцать минут он вернется домой и, узнав от вас о моем приезде, решит устроить вечер в мою честь.

Публика ахнула, автоматически переключая свое внимание на собеседника Калиостро. Десяток независимых наблюдателей готовы были поклясться, что тот никогда не выезжал из России и не водил знакомство с таинственным гостем герцогини Кингстон и, соответственно, не мог находиться с ним в предварительном сговоре.

— И все же, господа, я вынужден сейчас откланяться и временно похитить у вас очаровательную хозяйку праздника. Еще раз прошу простить меня. — Калиостро поклонился с непередаваемым изяществом и предложил герцогине свою тонкую аристократическую руку. Та, глядя на графа взглядом почти завороженным, последовала за ним с радостью, точнее, с каким-то странно-радостным выражением на лице, как будто наклеенным и потому неподвижным. В душе моей шевельнулась ревность обиженного ребенка, наблюдающего, как кого-то другого гладят по голове. Невзирая на присутствие здесь очаровательной итальянки, именовавшейся супругой графа, я бы, может,

заподозрил наличие тайной любовной связи между Калиостро и леди Кингстон, но во всем облике, в походке, в выражении лица герцогини было что-то неправильное, неуловимо странное, так что сама мысль о любовной страсти казалась здесь безумной.

— *Что-то здесь не так,* — передал я. — *Герцогиня смотрит на Калиостро, как влюбленный кролик на галантного удава.*

— *Да, я видел,* — медленно произнес Баренс, наблюдавший сцену появления магистра тайных наук моими глазами. — *Возможно, он гипнотизирует леди Чедлэй. Но для чего? Непонятно. Во всяком случае, на это следует обратить внимание. И вот еще что,* — Баренс немного помолчал, обдумывая слова, — *я в тебе не сомневаюсь, но, будь добр, когда общаешься с Калиостро, держи связь включенной: и тебе надежней, и мне спокойней.*

Побродив еще немного по особняку, пытаясь симулировать светскую жизнь, я поспешил покинуть общество и удалиться в выделенный мне флигель, поскольку желание обнять подушку после столь насыщенного трудового дня подавляло все остальные.

Проснулся я довольно поздно. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь густую зелень сада, сквозь цветное витражное стекло, не били поутру в глаза, требуя немедленного подъема, как сержант в казарме новобранцев, а тихо гладили лицо, ненавязчиво напоминая, что большинству людей в светлое время суток подобает заниматься делами, а не валяться в постели. Особенно в преддверии приема у императрицы. Подогреваемый этой мыслью, я подскочил как ошпаренный, хватая часы, лежавшие на столике у кровати. Слава богу, времени было еще вдосталь, но поспешить стоило. Слуга-француз, приставленный ко мне герцогиней, услышав резкий скрип барской койки, решил возможным потревожить меня своим присутствием.

— Прикажете умывание, мсье?

Понятное дело, я приказал.

— Вы знаете, мсье Елагин прибыл домой ровно в девять часов пятнадцать минут и, узнав, что его сиятельство граф Калиостро прибыл в столицу, немедленно велел послать к нам с сообщением, что вечером их превосходительство будут счастливы устроить прием в честь графа Калиостро. — По обыкновению большинства французов, мой новый слуга закрывал рот, только пережевывая пищу и во сне, да и то не всегда. — Говорят, о приезде господина Калиостро Елагину действительно сообщил тот самый мсье, на которого вчера указал граф. Утром их экипажи встретились на Литейном, и господин Елагин пожелал узнать, что нового происходит в городе.

— Чудеса, да и только, — пробормотал я.

— О да! — чему-то радуясь, ответил француз, подавая мне полотенце. — Но после того чуда, которое совершил граф Калиостро с нашей госпожой, стоит ли удивляться подобным мелочам!

Я насторожился. Я всегда настораживаюсь, когда речь заходит о вещах, мне не понятных. А если речь идет о волшебстве, то пусть меня назовут грубым солдафоном, я склонен видеть подвох до той поры, пока не удостоверюсь в обратном.

— А ты давно служишь у герцогини? — как можно безразличнее спросил я.

— Не очень, мсье. Их светлость перебрались из Англии во Францию месяца за полтора до своего омоложения и тогда же наняла всех слуг.

— Что, неужели не осталось никого из тех, кто прислуживал ей в Англии? — Пока что мой интерес не выходил за рамки светской беседы. Допрашивать слуг с пристрастием мне было не с руки, но и без того картинка открывалась довольно занятная. Конечно, ни один закон не запрещает менять слуг хоть по три раза на дню, но все же, год за годом живя рядом с кормилицами, няньками, камеристками, камердинерами, конюхами и садовниками, невольно начинаешь воспринимать их как членов семьи, и выгнать их на улицу вот так вот одним движением руки дело не самое обычное.

— Наверное, те неприятности, которые свалились на нашу добрую госпожу, были из-за плохих слуг, — видя мое удивление, поспешил пояснить француз.

Объяснение было простое и понятное: подкуп слуг издавна был любимым видом времяпрепровождения знати, не уступая даже псовой охоте. И все же это было бы слишком просто, слишком лежало на поверхности, чтобы быть правдой. В высшем свете не бывает коротких путей.

— А откуда ты знаешь, что у герцогини в Англии были неприятности?

— Да я и не знаю, ваша честь, — пожал плечами мой собеседник. — Но к чему герцогине, да еще такой богатой, да имея в родстве самого короля, уезжать из страны в такую глушь. Вот вы же, мсье, не просто так из Англии уехали?

Крыть было нечем — действительно, не просто так, а потому я поспешил сменить тему разговора.

— А скажи, милейший, — спросил я, принимая из рук француза протянутый мне шлафрок, — как же все-таки ее светлость омолаживали?

— Не могу знать, ваша честь. Герцогини не было сорок дней с небольшим, а потом она вернулась, ну точь-в-точь как тот портрет,

что у их светлости в кабинете висит. — Обойдя вокруг меня, как вокруг рождественской елки, слуга убедился, что платье сидит безукоризненно, и, довольно прищелкнув пальцами, произнес: — Прикажете ваш утренний кофе? Я пойду распоряжусь.

Связь включилась, когда я резвой рысью уже въезжал в Царское Село и впереди уже маячили чугунные решетки Екатерининского парка, словно огораживающие сказку от яви.

— *С чем пожаловал, душа моя?* — раздался знакомый мне уже голос императрицы.

— *Срочное донесение из тайной канцелярии, ваше величество.*

— *Давай говори, что там такое?*

— *Вчера в ночь туда явился контр-адмирал Герман фон Ротт в сопровождении поручика Ислентьева с повинной об участии своем в заговоре против вас, ваше величество.*

— *Экий конфуз! Никогда досель заговорщики в тайную канцелярию сами повинную голову не несли.*

— *Адмирал балаболит о глубоком раскаянии, да только под утро у дачи графа Алексея Орлова-Чесменского, что в Петергофе, задержали дворецкого фон Ротта. У того выпытали, что вчера вечером к адмиралу приходили двое. Один из них по описанию вроде Ислентьев, другой — как бы не ваш Камдил.*

— *Вот так новость. Наш пострел везде поспел. Экий резвун! С чего бы это его на ночь глядя к фон Ротту понесло? Ладно, пусть он сам нам поведает. Ты, душа моя, послал за ним?*

— *Послал, ваше величество. Сразу на гауптвахту и послал. Вот с минуты на минуту должен быть.*

— *Ладно. О чем там фон Ротт нам доносит?*

— *Пишет, что был против вас составлен заговор, чтобы либо женить вас, ваше величество, на графе Григории Орлове, либо же, покусившись на вашу жизнь, усадить на трон Павла.*

— *Тьфу ты, бестолочь! Не приведи господь! Орловым-то что за дело до Павла? Там Панин уже корнями в землю врос.*

— *Так ведь как хитро умыслили, ваше величество! Во время Чесменского парада должны были подать знак, и ежели б решено было на убийство ваше посягнуть, то секунд-майор, который в Петергофе береговой батареей командует, должен был яхту орудийным огнем потопить. А тут надлежало случиться и Орлову с кавалергардами. Понятное дело, батарею бы захватили, а майор бы сознался под пыткой, что открыть огонь ему Панин повелел. Злодей как раз в панинской масонской ложе состоит...*

— *Опять масоны?!* — Было слышно, что Екатерина возмущенно заходила по кабинету.

— Здесь следует отличить, ваше величество, ложи рейхелевские от всех прочих. Рейхелевские, а панинская из таких, спят и видят Павла на царство посадить. У елагинских этого нет. Вот здесь и нужно между них раздор внести. Плетьми против масонов бороться смысла нет... — начал Безбородко.

— Хорошо. Обдумай, доложишь мне свои мысли на сей счет, — прервала Екатерина. *— Что еще Орловы умышляли?*

— Так вот, под шумок, покуда никто не разобрался, Панину голову с плеч долой как убийце государыни, сторонников его в каземат, а Павлу выбор: либо править, но с ними, либо же самозванку на престол.

— Вот оно как! А коли б женить меня захотели?

— Тогда бы пушки стреляли мимо. Да только Панину все равно б голову снесли в защиту государыни.

— Хитры, канальи. Да и мы не дураки. Фон Ротта пытать, пусть всех, кого знает и подозревает, отдаст. С Алехана Орлова глаз не спускать, а ежели вдруг к фон Ротту в гости пожалует, пусть его там встретят. Да дворецкого в дом верни, он его наверняка в лицо знает. Орлова взять живьем! Я с ним вместе, — она помедлила, *— на этой яхте парад принимать буду.*

Слушая эти слова, я уже поднимался по дворцовой лестнице, и серебряно-красные статуи кавалергардов в едином движении сомкнули передо мной карабины, требуя назвать свое имя. Я назвался, и кавалергарды, сверившись с заученным с утра списком, открыли мне двери.

— И вот еще что, душа моя, — услышал я. В ту же секунду звук исчез. Немало удивленный этим, я постучал пальцем по символу веры, желая восстановить контакт. Звука не было.

Я переступил порог приемной. Кроме меня, здесь был еще один человек: тот самый кавалергардский капрал с суровым лицом мраморной статуи, терзавший ухо шаловливого пажа на недавнем императорском ужине. Мы посмотрели друг на друга с нескрываемым подозрением.

— Вальдар Камдил, лорд Камварон, — назвался я. — На два часа мне назначена аудиенция у ее величества.

— Соблаговолите подождать, — отчеканил капрал. — Ее величество заняты неотложными государственными делами. — Произнеся это, он замер, словно механическая кукла Якова Брюса, почти полностью закрывая собой вход в кабинет государыни и оставляя меня один на один с ее многочисленными высокохудожественными изображениями, развешанными на стенах.

Картины в массивных золоченых рамах, бывшие основным украшением приемной, отражали различные периоды жизни ее величе-

ства, дочери Ангальт-Цербтского герцога Софии-Фредерики-Амалии: от скромной Фике в поношенном платьице до императрицы Екатерины в бриллиантовой короне, стоимость которой многократно превышала стоимость родительских владений государыни. Впрочем, художники не поскупились на лесть самого разнообразного толка высокой покровительнице изящных искусств. Вот их величество в форме лейб-гвардии Преображенского полка, словно готовая повести гренадеров против неприятеля; вот она в аллегорическом виде покровительницы наук с зеленью на голове; вот в наряде а-ля рюс, этакая себе добрая бабушка в собольей кацавейке... Конечно, во всех портретах было что-то общее, пожалуй, даже сравнивая изображения друг с другом, можно было предположить, что на них написано одно и то же лицо. У меня не было никаких претензий к мастерам кисти, увековечивавших в своих творениях императрицу, было два малюсеньких «но»: ни один из этих шедевров не походил на портрет юной принцессы, давным-давно нарисованный Гроотом, зато все они очень мало походили на реальную живую Екатерину.

Я уставился на портрет Фике, от нечего делать стараясь представить себе, какой на самом деле была государыня в годы юности. Мне она отчего-то напоминала одну мою давнюю знакомую, баронессу Пантей д'Эпонейл, служившую фрейлиной при дворе нашей королевы. Во всяком случае, будь я режиссером, я бы не преминул пригласить ее на роль молодой Екатерины, доведись мне снимать фильм об этих временах.

Стоп! Я уставился на картину так, будто Амалия-Фредерика позаговорщически подмигнула мне с полотна. Что-то такое говорил мне сегодня болтливый француз о схожести леди Чедлэй с собственным портретом? Человек, похожий на портрет, и портрет, похожий на человека, вовсе не одно и то же. Особенно если речь идет о заказном парадном портрете. А что, если Калиостро тоже нашел кого-то на роль герцогини вместо того, чтобы возвращать почтенной леди годы ее безвозвратно ушедшей юности? Да нет, абсурд! Ее узнают старые поклонники и знакомые, она знает об интимных делах многолетней давности, у нее тот же почерк, в конце концов. Почерк, почерк, почерк... Я вспомнил сонет моего дядюшки в альбоме леди Чедлэй и чернильное пятно рядом с ним. Вот что мне нужно! Можно быть сколько угодно похожей на портрет, можно даже знать практически все о жизни человека, можно овладеть его манерой двигаться, его почерком, но отпечатки пальцев поменять нельзя. Вот так-то! Об этом знаю я и не знает Калиостро. И если отпечатки пальцев в альбоме и у нынешней герцогини совпадают, то я готов поверить в омоложение, в вечную жизнь и в то, что сам Калиостро пре-

вращается по ночам в крылатого дракона и преодолевает расстояние от Митавы до Санкт-Петербурга со скоростью реактивного истребителя.

А если нет, выходит, наша очаровательная герцогиня — коварная лживая тварь на службе у мошенника Калиостро, а сам я круглый идиот с мозгами в нижних полушариях. Да уж, выбор не из легких.

— Лорд Камварон, — услышал я за спиной трубный глас кавалергардского капрала, — ее величество ждет вас.

Я чуть было не поделился с бравым служакой удивлением, что не слышал, как вышел из апартаментов Безбородко, но, быстро сообразив, что в общем-то мне ничего не известно о наличии секретаря в кабинете императрицы, благодарно кивнул и вошел в предупредительно открытую дверь. Ее величество ожидали меня, сидя в глубоком кресле с книгой, будто прервав для встречи со мной чтение любимого Вольтера. Я вытянулся, как портняжный метр, и щелкнул каблуками, давая дилинькнуть шпорам. Все как учили: взгляд отважно-глуповатый, глазами поедать начальство.

— Проходите, проходите, лейтенант. Эк вы грохочете, в самом деле.

Я сделал два четких шага вперед, строго следя за тем, чтобы носок моего сапога был строго параллелен полу.

— Ну что, молодец. — Екатерина, похоже, подбирала слова для начала разговора. Она глядела на меня пытливо, словно пытаясь понять, кто перед ней: боевая машина, какой я кажусь, или же это только притворство. Я не стал облегчать ей задачу. — В службу нашу просишься?

— Так точно, ваше величество! — гаркнул я.

— Экий ты, братец, шумный, — поморщившись, произнесла она. — Не ори, будто тебя режут.

— Слушаюсь, ваше величество, — ответил я, понижая тон.

— Ну что, лейтенант, поведай нам о себе. — Екатерина откинулась в кресле, приготовившись слушать печальную повесть о моих похождениях.

— Прошу простить меня, ваше величество, — вновь пробарабанил я, — в моей жизни нет ничего такого, что бы могло привлечь внимание вашего величества.

— Эк ты заладил: величество, величество. Сама знаю, что величество. И скромничать нечего, чай, офицер, а не красна девица. О подвигах твоих нам уже известно. В Англии герцог Гамильтон, в море известный капер Джон Пол Джонс, а здесь вчера Григорий Орлов. Ловок ты, лейтенант, шпагой махать.

— Я защищал свою жизнь и честь, ваше величество.

— Ой ли! — усмехнулась Екатерина. — Ни за что не поверю, что сам в драку не лез. Ну да ладно, это все дела былые. А вот скажи-ка мне, лейтенант, вчера ввечеру к контр-адмиралу фон Ротту ты ходил?

— Так точно, ваше величество, — выпалил я. — Сопровождая поручика Ислентьева.

— Вот оно как! И с чего это вам вздумалось к нему в гости идти?

— Ваше величество, прежде чем рассказать вам о причинах, побудивших меня на подобные действия, я прошу у вас милости. Милости не для себя, но для человека, спасшего мне жизнь; для человека, коего злодейство фон Ротта лишило чести и Родины.

— Ну, коль нет на нем вины, то и наказания, стало быть, нет. А уж за верность и заслуги и подавно награждать следует.

— Ваше величество, камердинером моего дяди... — Тут я поведал Екатерине историю Петра Реброва, по возможности живописуя его приключения, странствия и старания вернуться домой и открыть преступления командира «Ганимеда». — Однако, ваше величество, поручик Ислентьев, офицер вашей тайной канцелярии, еще до нашего с ним знакомства подозревал о злоумышлениях адмирала фон Ротта против вашего величества. И когда я поведал ему о прежнем злодействе адмирала... Мы пришли к нему в дом на свой страх и риск, дабы не дать негодяю возможность свершить коварный замысел.

— За чаркой водки, поди, решали? — усмехнулась Екатерина. — Ну да ладно, победителей не судят.

— Ваше величество, — чуть помедлив, произнес я. — Я дал слово чести Герману фон Ротту, что ежели он чистосердечно сознается в своем участии в заговоре, то былая его вина не будет помянута.

Взгляд Екатерины помрачнел и приобрел ледяную холодность.

— Ты, голубь, за тайную канцелярию впредь слово чести не давай. Коли правда то, что ты говоришь, предательством фон Ротта немалый вред Государству Российскому нанесен. Но памятуя заслугу твою, так и быть, будь по-твоему. Коли об этом просишь, пусть сие будет твоя награда.

— Благодарю вас, ваше величество. Никакой другой награды мне не надобно.

Екатерина усмехнулась и поглядела на меня еще более заинтересованно, чем прежде:

— Так уж и не надо! Или ты всю жизнь в лейтенантах сидеть намерен?

— Я воин, ваше величество, и честно выполняю свой воинский долг. Награждать же за это — не мое дело.

— Что ж, толково говоришь. Да, судя по всему, ты храбр и честен. Будет у меня к тебе дело. Справишься — быть тебе в чинах и в милости. Ну а нет, милость моя тебе уже не понадобится.

— Никто из рода Камдилов не чурался опасности. Недаром девиз нашего рода «Верная рука».

— Славно, — покачала головой Екатерина, — весьма славно. Тогда слушай. Надлежит тебе ехать в лагерь мятежника Емельяна Пугачева, отвезти ему тайный пакет и, коль решится он оставить злодейство, тайно же доставить его для переговоров в указанное место. До ставки полковника Михельсона дам тебе конвой, после с толмачом поедешь. В толмачи же тебе назначу дружка твоего, поручика Ислентьева. Емельке можешь передать, что на время переговоров я обещаю сохранить его жизнь и свободу. Коли орда разбойная стоять будет, то и я велю огня не открывать. Ну а ежели не согласится, скажи, что впредь пощады никому не будет, всех велю казнить лютой смертью. — Екатерина произносила фразы со скоростью орудийных залпов, и мне виделось, как эти слова-ядра долетают до цели, рвутся на множество осколков, калеча и унося жизни в пестрых рядах пугачевской босоты. Я стоял словно оглушенный, стараясь не показать свое изумление столь неожиданной новостью. У меня както в голове не укладывалось, что можно вот так вот взять и послать с заданием величайшей государственной важности человека, пусть даже заведомо храброго, но все же едва знакомого. Тем более при таком широком выборе кандидатур. Но не высказывать же свое удивление перед лицом императрицы.

— Готов служить вашему величеству! — четко произнес я, вновь становясь во фрунт.

— Вот и славно, — кивнула государыня. — Утром зайдешь к Безбородко за бумагами и завтра же, с возможной скоростью, в путь. А теперь ступай, недосуг мне с тобой разговаривать, — кинула она, теряя ко мне интерес. — Аудиенция окончена.

— *Все слышал,* — едва я покинул кабинет, раздался у меня на канале голос лорда Баренса. — *Что и говорить, положение у тебя ахово. Вот уж не ожидал, что Екатерина решит послать тебя к Пугачеву. Резоны, конечно, у нее есть: человек ты здесь для всех чужой, если что — тебя не хватятся; отважен; оружием владеешь. Ежели кому-то здесь и верен, то непосредственно самой Екатерине, а не кому другому. Да и из столицы вас, сударь, удалить нужно. Своего провала Орловы тебе вовек не простят, а силы у них немалые.*

— *Забавная манера спасать от мести людей, посылая их волку в зубы.*

— *Императорская манера. Так погибнешь не за понюшку табаку, а этак — может, службу сослужишь. Разницу ощущаешь? Но риск, конечно, велик и у Екатерины, и у тебя. Хотя ей-то что, ну окажешься ты английским шпионом, ну передашь мне тайный па-*

кет с приглашением Пугачева на конспиративную встречу, ну и что? Что я дальше с этой информацией делать буду? Внутренние маневры государственной политики. А вот тебя, пожалуй, Пугачев может вздернуть еще до того, как найдет в своем войске грамотея, который сможет прочитать, что написано в послании.

— Или да, или нет, или может быть.

— Ладно, не храбрись. Лишнее геройство нам сейчас не нужно. Сейчас вызовем базу, узнаем, есть ли у нас свои люди среди пугачевцев. Вряд ли Институт подобное народное движение оставил без присмотра. Приготовились, начали: База Европа-Центр. Биорн вызывает Базу Европа-Центр.

— Я База Европа-Центр, — раздался на канале мелодичный женский голос. *— Слушаю тебя, Биорн.*

— Скажи-ка мне, дорогуша, есть ли у нас агентура в армии Пугачева?

— Атаман Лис, — отвечала дежурный оператор. *— Командует отрядом из запорожских и слобожанских казаков, входит в пугачевский штаб. Грубиян,* — добавила она, помолчав, явно от себя.

— Спасибо, мисс, больше вопросов нет. Отбой связи. Ну что ж, Вальдар, видишь, все не так фатально. Запросим у Института разрешение на связь, а дальше уж придется тебе поработать самому. Я, конечно, постараюсь помочь, но возможности мои не безграничны. По месту разберешься. Вопросы есть?

— Вопросов нет, — сообщил я. *— Имеется подозрение.*

— Какое?

— Мне отчего-то кажется, что Калиостро не омолаживал герцогиню Кингстон, а попросту подменил девушкой, похожей на нее в молодости.

— Да нет, это вряд ли. Просто здесь не совсем все так же с магией, как в нашем мире, вот и все. Я же общался с герцогиней Кингстон до омоложения и уверяю тебя, это одна и та же женщина. Так играть невозможно.

— И все же, дядя, нельзя ли достать что-нибудь с отпечатками пальцев Элизабет Чедлэй?

— А зачем тебе?

— Хочу сравнить их с теми, что когда-то оставила их светлость в альбоме возле вашего сонета.

— Что ж, на обеде у Елагина, быть может, представится такая возможность, — немного подумав, ответил лорд Баренс. *— Ладно, ты сейчас куда?*

— К Ислентьеву. Надо сообщить ему о предстоящей увеселительной прогулке.

— Хорошо. Я буду у Елагина. Освободишься — приезжай.

* * *

Связь заработала несколько часов спустя, когда мы с Никитой успели уже не только обсудить все прелести предстоящего путешествия, но и заранее выпить за упокой наших душ. Ни он, ни я не предполагали подобного исхода вчерашнего кавалерийского наскока на фон Ротта. Нельзя сказать, чтобы поручик был особо рад свалившемуся на него известию, но что делать, когда делать нечего.

В доме же Елагиных в это время добротно, по-русски обедали, так, будто собирались насытиться на всю оставшуюся жизнь.

— *Вы говорите,* — вещал кому-то Калиостро, — *что мир таков, каким мы его ощущаем. Но то, что мы видим, слышим, чувствуем, — это всего лишь те условные границы, которые мы сами с детства себе воздвигаем. В мире же нет линии горизонта, нет времени, которое можно было бы отмерять часами, да и сам этот мир всего лишь один из многих похожих на него миров.*

— *А он, часом, не из наших?* — поинтересовался я.

— *По штатам не проходит.*

— *А откуда же он тогда все это знает?*

— *А бог их, масонов, разберет, откуда они что знают. Прими как данность — знают, и все.*

— *Человек способен делать многое,* — продолжал свою пламенную речь великий копт. — *Он способен пронзать время, подобно стреле. Способен обращать в живые организмы бездушный камень. Вы позволите,* — он подошел к пожилой даме, смотревшей на него с нескрываемым восторгом, — *сударыня, пожалуйте вашу брошь.*

Бриллиантовая брошь с изумрудами, красовавшаяся на груди у престарелой прелестницы, потянула, пожалуй бы, гиней на триста. Дама, завороженно глядя на мага, протянула ему свое украшение. Он взял его в ладонь, показал всем, сжал руку в кулак и вновь разжал ее минуты через две. Желтая, как лимон, канарейка вспорхнула с его ладони, и, конечно же, никакой броши там больше не было. Публика взорвалась овациями.

— *В детстве нечто подобное я видел в цирке,* — неуверенно начал я.

— *Н-да, славная была вещица, дорогая.*

— *Человеческие возможности практически безграничны,* — прокомментировал исчезновение броши граф Калиостро, словно забывая как о самой драгоценности, так и о ее хозяйке. — *Будьте добры, подайте мне графин с водой и маленький столик,* — требование его было исполнено незамедлительно, — *теперь мне нужна помощница. Вот вы, сударыня, не желаете?*

— *А-а...* — пролепетала сударыня лет семнадцати, не отводя от Калиостро взгляда, полного восторга и ужаса.

— *Вижу, что желаете. Не бойтесь, я не заточу вас в этот сосуд, как персидского джинна. Пойдемте,* — произнес он.

Барышня послушно переместилась вслед за заклинателем.

— *Внимательно смотрите на воду,* — приказал он, усаживая девицу напротив графина, наполненного прозрачной жидкостью. — *Задумайте лицо, которое вам достоверно известно.*

— *Задумала,* — почти прошептала подопытная.

— *Теперь смотрите внимательно и говорите, что вы видите.*

— *Я вижу карету...* — в состоянии транса медленно произнесла девушка. — *Она мчится... Совсем близко отсюда...*

— *Можете ли вы видеть человека в карете?*

— *Да. Это мужчина. Он одет в преображенский мундир. Да-да, я вижу его. Это Григорий Потемкин. Он направляется сюда.*

Всхлип общего удивления прервало появление дворецкого:

— *Его превосходительство генерал-поручик и Преображенского полка подполковник...*

— *А, полноте, ступай! Здорово, брат Иван!* — Вошедший в залу гигант в мундире преображенца не глядя отстранил исполненного почтения дворецкого и с видом человека, привыкшего быть везде как дома, вошел в залу. — *В Царском Селе сегодня скука смертная, а у тебя, я слышал, какой-то заезжий фокусник представление дает. Вот, решил заехать.*

— *...Милорд.* — Граф Калиостро, воспользовавшись сутолокой, возникшей по приезде высокого гостя, обратился к лорду Баренсу. — *Вам бы лучше отправиться домой. У вас очень больной вид, возможно, проблемы с аппендиксом. Поспешите призвать хорошего врача.*

— *Вальдар, ты слышал, что говорит это медицинское светило? Ты знаешь, на этот раз я склонен ему верить. У меня действительно весь вечер чертовски болит живот. Либо меня отравили, но зачем и кому это здесь надо; либо сам Калиостро наколдовал, но это тоже маловероятно; либо это действительно аппендицит, черт бы его подрал. Срочно езжай в посольство, я сейчас буду там. Меня надо эвакуировать на Базу. Подставлять свой живот местным эскулапам — нет уж, благодарю покорно. Поторопись, Вальдар, время не ждет.*

Я летел по ночному Петербургу на своем верном жеребце, не соблюдая никаких правил дорожного движения, если таковые уже были изобретены. Как обычно, связь включилась в самый неподходящий момент, когда я перепрыгивал через какую-то канаву. Благодарение Господу, я удержался в седле, но со стороны это, должно быть, смотрелось курьезно.

— Ну, что еще стряслось?

— Государыня, Орлов...

— Что Орлов? Какой из Орловых? Толком говори, хохол!

— Ваше величество, Алехан Орлов днем в дом адмирала фон Ротта прислал человека, да его не пустили, сказали, мол, адмирал болен. Так ввечеру Алехан сам заявился.

— И что же, взяли его? — громыхнула императрица голосом тяжелым, как грозовая туча.

— Конфузия вышла, ваше величество. Граф Орлов перебил всю засаду и умчался в неизвестном направлении.

Глава 10

Господь сотворил женщину, и в райском саду всем сразу стало мало места.

Из Блаженного Августина

Мы ехали в Колонтарево. Ночной Петербург, освещенный редко и тускло, мало способствовал прогулкам. Невзирая на самые суровые меры, разбойники, обитавшие в лесах, вплотную подступавших к городу, нередко захаживали на прешпекты в поисках добычи. К тому же зарядил мелкий дождь, обычный в это время для таких широт, и я с тревогой думал, как поведет себя карета с лордом Баренсом, когда мы выедем за заставу. Дорога, и в столице-то не слишком ухоженная, в часы дождя там становилась фортификационным заграждением. Калиостро не соврал, моему дяде становилось все хуже. Он тихо стонал, лежа в карете, и Редферн, словно заправская сиделка, хлопотал возле своего господина, готовый, кажется, держать его на руках, чтобы хоть как-то компенсировать тряску, в наших условиях неизбежную.

Колонтарево — небольшое село в пяти верстах от Санкт-Петербурга в сторону Царского Села — было облюбовано Институтом для российской резидентуры. Его хозяин, служивший где-то при дворе, числился масоном высокого посвящения и в имении своем устроил масонский храм, главной тайной которого была, конечно же, камера перехода.

Мы уже выехали за заставу, когда дядя, открыв глаза, позвал своего камердинера:

— Питер, я пробуду в Колонтарево недели две, не меньше. После операции надо будет прийти в себя. Ты поедешь вместе с Вальдаром.

— Но, ваша милость... — попробовал было возразить Редферн.

— Не спорь, — прервал его лорд Джордж. — Здесь очень суровый лекарь, тебя ко мне и близко не подпустят, а Вальдару ты сейчас нужнее. Ты Россию знаешь, да и в жизни повидал немало. Если что — выкрутишься. Питер, я тебе поручаю своего племянника. Ты знаешь, у меня нет детей и он мне как сын. Береги его.

Мне было грустно слушать эту прочувственную речь. С одной стороны, меня не могли не тронуть его слова, с другой, я понимал, что Редферна необходимо куда-то спровадить. Объяснять фокусы с исчезновением хозяина, словно броши в руке Калиостро, будет, пожалуй, тяжеловато.

— Это мой приказ, — завершил монолог лорд Баренс. Он застонал и, забывшись, откинулся на подушки.

— Слушаюсь, ваша милость, — с явной неохотой ответил преданный слуга.

Вот наконец указатель на столбе оповестил нас, что мы въезжаем в Колонтарево. Многоголосый лай собак, извещавших местных жителей о нашем приезде, позволил мне насчитать дворов до семидесяти. Господский дом отделялся от села небольшой липовой рощей, посаженной, может быть, лет пятьдесят назад. Аккуратная аллея, ведшая через рощу к воротам усадьбы, была посыпана щебнем, хрустевшим под колесами и щелкавшим по днищу кареты барабанной дробью.

В господском доме не заставили себя ждать. Ворота открылись, едва мы приблизились к ним, и слуги, явно предупрежденные о цели предстоящего визита, уже ждали с носилками в руках.

— Хозяин где? — крикнул я, выскакивая из кареты.

Дворня смерила меня взглядом и откровенно промолчала.

— Я спрашиваю, где хозяин? — рявкнул я еще громче.

Слуги помогли Редферну уложить лорда Баренса на носилки, но вновь не проронили ни единого звука.

— Не стоит кричать, — услышал я голос громкий и гулкий, как вечевой колокол. — Они все немые. Я хозяин.

Я оглянулся на говорившего. Он стоял на лестнице перед домом, придерживая входную дверь. У него было росту изрядно за шесть футов, богатырское сложение и резко очерченное лицо римской статуи.

— Позвольте представиться. Кавалергардского корпуса капрал и Екатеринославских кирасир капитан Василий Колонтарев. — Он сделал знак слугам внести лорда Баренса в дом.

Ну конечно же, конечно же, «предчувствия его не обманули»! Передо мной был давешний страж кабинета государыни.

— Вот же некстати угораздило, — мрачно произнес он. — Я едва успел с караула смениться. С дежурным прапорщиком насилу договорился, чтобы отпустил, но к утру я должен быть во дворце. Не дай бог, опоздаю, неприятностей не оберешься. Пойдемте, лорд Камварон. Слуги, конечно, немые, но в масонский храм мы его с вами понесем сами. Не хватало еще, чтобы они на камеру перехода наткнулись.

Слуги капитана Колонтарева в полной тишине пронесли лорда Баренса через дом, спустились в подземелье и поставили носилки возле стены, сложенной из грубо отесанных каменных блоков. Резидент сделал им прощальный жест рукой, и они, толкая друг друга, опрометью бросились вверх по лестнице так, будто последнего надлежало принести в жертву невиданному чудовищу, живущему за стеной.

— Грубый камень есть символ внешнего мира — мира профанов, — произнес резидент. — И его надлежит обрабатывать. — Он подошел к стене, надавил на один из блоков, тот повернулся, демонстрируя скрытое металлическое кольцо. Конечно же, Колонтарев за него потянул, и, конечно же, стена мягко повернулась вокруг оси, только где-то в ее глубине послышался звук уходящей вниз железной цепи. Мы внесли лорда Джорджа в потайной храм, и дверь так же мягко затворилась за нами. — Вот видишь, — продолжал хозяин поместья, — здесь стены неотесанны, как и снаружи, но потолок поддерживают квадратные колонны из отшлифованного камня. Это символ ученичества.

Помещение, следовавшее за «прихожей», было покрыто матерчатыми драпировками и, что самое противное, имело потолок, заставлявший нас идти, согнувшись в три погибели. Освещено оно было более чем скудно: под потолком висел металлический треугольник с тоненькими свечечками по углам.

— Свет трисиянный, — пояснил мой «экскурсовод».

Картинка, представшая моему взору при трисиянном свете, имела характер явно медицинско-кладбищенский: в одном углу был расположен черный стол, украшенный парой берцовых костей и непременным черепом. Глазницы черепа мерцали голубовато, очевидно, подсвеченные горящим спиртом. Здесь же находились песочные часы и раскрытая книга, судя по толщине, то ли поваренная, то ли Библия. Из противоположного угла на нас взирал гренадерского роста скелет с табличкой на груди. «Ты сам таков будешь» — гласила надпись на ней. Что ж, спорить с подобным утверждением было затруднительно, уже сейчас я чувствовал в себе что-то родственное этой человеческой арматуре. Оставшиеся два угла, конечно же, не

нарушали единство стиля. В каждом из них пристроилось по гробу, правда, один из них был гостеприимно распахнут, а во втором уже пристроился полуразложившегося вида мертвяк, судя по отсутствию запаха, явная фальшивка. «Здорово они тут веселятся, — подумал я. — Стивен Кинг отдыхает».

— Труден путь добродетели, — ни с того ни с сего брякнул Колонтарев.

— Да я и не спорю. А уж с носилками в руках и подавно.

Мы покинули кладбищенскую залу и стали спускаться еще ниже по скользким ступеням.

— Вы это что, специально? — Мой тяжкий вздох мог бы разжалобить стены.

— А как же! — обнадежил меня проводник. — Уставы гласят: елико возможно, должно теснить путь испытуемого, вести его против всех свирепствующих стихий на испытания духа и воли его.

— Стихии ожидаются? — безнадежно спросил я. Признаться, мысль прыгать с носилками в горящее кольцо или нырять вместе с ними пусть даже в небольшой водопад меня отнюдь не грела.

— Нет, сегодня включать не будем, — покачал головой кавалергард.

— Уж и на том спасибо.

Мы наконец добрались до очередной двери, с вырезанной фосфоресцирующей надписью, прочитав которую я решил повернуть обратно. «Вход воспрещен злому вольнодумцу, рабу пороков и страстей. Для злобных сердцем властолюбцев, сынов неги, сластолюбцев не растворятся врата масонской ложи» — гласила она. Забыли приписать: «Выгул собак запрещен» и «Только для белых». Капрал пнул ногой дверь, она с грохотом открылась, убеждая нас тем самым, что ни к одной из вышеупомянутых категорий людей мы не относимся.

— Вот мы и у цели, — прокомментировал резидент. — Кстати, посмотри: круглые колонны и стены из полированного камня — символ мастерства.

Я, конечно, бросил взгляд в указанном направлении, но, честно говоря, центнер лорда Баренса настолько занимал мое внимание, что до полировки камней мне не было никакого дела. Мы поставили носилки у стены. Василий Колонтарев взял со стола, расположенного посреди ложи, короткий жезл, изукрашенный магическими значками, и навел его на стену, словно пульт дистанционного управления. Впрочем, таким пультом жезл на самом деле и являлся. Стена с тихим шипением ушла в сторону, открывая знакомую уже обстановку камеры перехода.

— Ну что, заносим? — произнес мой напарник, кладя жезл.

Мы подхватили носилки и поставили их на пол камеры. Я хотел сказать что-нибудь на прощание моему наставнику, но, накачанный обезболивающим, он заснул, и я не решился его беспокоить. В конце концов, вскоре после операции он снова будет здесь, а вот где будет носить меня, одному богу известно.

— Может, переночуешь? — спросил меня хозяин, когда мы оставили за спиной святилище вольных каменщиков.

Я покачал головой.

— Никак не получается. Завтра в Петербурге дел выше головы. К тому же я ушел из дома еще до обеда, отправляясь на аудиенцию, и с тех пор от меня ни слуху ни духу. Боюсь, что герцогиня Кингстон, зная мою манеру ведения дел, уже весь Петербург на уши поставила. А вот Редферн пусть переночует, а поутру возвращается. По таким дорогам ночью, да еще во время дождя лучше не ездить. Впрочем, они и днем-то не намного лучше.

— Ну, как знаешь, — развел руками Колонтарев. — Пойдем на конюшню, подберем тебе доброго коня, чтобы не стыдно было галопировать по нашим дорогам. Ну и... закусим на дорожку чем бог послал.

Я выехал в Петербург и проклял все. Неверную погоду Северной Венеции, чрезмерную русскую кухню, способную живо превратить здорового человека в масонский экспонат, то хлюпающее под ногами скакуна нечто, именующееся русской дорогой. Епанча, призванная защищать меня от дождя, промокла в считанные минуты. Даже не промокла, а просто всосала висевшую в ночном воздухе сырость. Не знаю, водились ли в этих краях волки, но думаю, стук моих зубов, сопровождающий эту, с позволения сказать, скачку, мог начисто отбить у них охоту приближаться к дороге на расстояние прямой слышимости. Дождевая взвесь висела над землей, опускаясь сверху низкими свинцовыми тучами и вползая наверх не то туманом, не то паром, не то уж черт знает чем.

Когда где-то впереди послышался грохот падающей повозки, я невольно похвалил себя за решение оставить Редферна в имении Колонтарева. Вслед за грохотом и треском падения послышался смачный каскад отборной местной ругани, способный разозлить и обидеть сколь угодно добродушного невидимого хозяина этой дороги. Я не слишком знаком с тем, что ученые называют фольклором, и уж во всяком случае, с фольклором российским. Но у нас в Англии всегда железно соблюдалось правило: никогда ни за что не ругать дорогу, уж во всяком случае, вслух, если, конечно, желаешь добраться до цели. Судя по высказываниям, доносившимся до меня, неизвестные до цели добираться явно не собирались.

Я подъехал поближе. Запряженный двуконь возок торчал из кювета, демонстрируя вынужденным зрителям пару перемазанных грязью колес. Еще одно колесо унылого вида кучер пытался вытащить из-под опрокинутой повозки. Зрителем, в прямом смысле этого слова, был один лишь я, остальные присутствующие — четверо драгун во главе с офицером — являлись прямыми участниками дорожной драмы.

— Ты и ты, — орал взбешенный офицер. — Быстро в лес. Срубите пару молодых деревьев да наберите хворосту под колеса бросать. Шевелитесь, канальи! Будете возиться, запорю! А вы, два идиота, что стали пнями, быстро поднимайте повозку! Ставь колесо, козья морда! — рычал он.

— Вам нужна помощь, сударь? — спросил я на безукоризненном русском, полагая, что в данный момент из всех иностранных слов в памяти бравого вояки остались только бранные.

— Проваливай, прохвост! — выкрикнул тот, не удостаивая меня даже взглядом.

Он в два шага преодолел дистанцию, отделявшую его от дверцы кареты, рывком распахнул ее и буквально выкинул молодую женщину в длинном темном платье с грубым капюшоном на голове.

— Мои драгуны будут надрываться, а ты отдыхать?! А ну пошла вон, стерва! Помокни-помокни, небось не сахарная.

Несчастная пролетела, скользя в грязи, разделявшее нас расстояние и едва удержалась на ногах, уткнувшись лицом в круп моего коня.

— Помогите, мсье, — пролепетала она по-французски. — Я жертва произвола. Они убьют меня.

Я не заставил себя упрашивать. Не люблю, когда тиранят женщин, тем более молодых и красивых. И когда меня обзывают прохвостом — тоже не люблю. Одной рукой подхватив хрупкую фигурку бедной арестантки, другой я обнажил шпагу и от души двинул, словно кастетом, в ошеломленное лицо караульного офицера. Он рухнул, не охнув, мордой в грязь. Я что было сил дал шпоры дареному коню, надеясь оторваться как можно далее, пока драгуны сообразят, что произошло и что им надлежит предпринять в этакой обстановке.

Колонтарево вновь встречало нас лаем собак и немыми слугами.

— Решил-таки вернуться? — с порога спросил меня хозяин поместья. — Ба, да ты не один! *Вальдар, кто это?* — услышал я на канале связи. — *Где ты ее нашел, она же в кандалах?!*

— *Я ее не нашел, а отбил у драгун. А вот кто она, поинтересоваться не успел.* Василий, мы промокли до костей. Нам нужно об-

сохнуть и, — я посмотрел на руки незнакомки, скованные массивной цепью, — пожалуй, сменить одежду.

— Нет, ну я тебя понимаю, она прехорошенькая, но все-таки... похитить заключенную, зачем тебе эти неприятности? Сударыня, прошу простить моего друга. Он, видимо, так отсырел, что забыл представить меня вам. Здешний помещик Василий Колонтарев.

— Графиня Елизавета Орлова-Чесменская, — по-французски, но как-то певуче, на итальянский манер, ответила наша гостья.

Я едва сдержался, чтобы не сесть в изнеможении на ступеньки. Моя связь с семьей Орловых казалась неразрывной, как «нежные» отношения между Англией и Шотландией. Однако арестовывать супругу за грехи ее мужа, по мне, — некоторый перебор.

— Вальдар, ты знаешь, кого похитил?!

— Увы, прекрасно слышал, уши на месте. Жену графа Орлова.

— Уши твои подадут государыне на завтрак запеченными в тесте вместе с твоими мозгами. Если, конечно, кто-то узнает о твоей выходке. Ты что, до сих пор не понял, это же та самая самозванка... Ну, помнишь, я передавал. Претендентка на трон Екатерины! Проходите, проходите, сударыня. Садитесь поближе к огню. Сейчас слуги принесут инструменты, и мы позаботимся о ваших браслетах. Для нас честь принимать вас у себя, ваше сиятельство. *Вальдар, что ты намерен делать дальше? Если станет известно, что самозванка была здесь, российской резидентуре кранты.*

— Что же ты предлагаешь, по этому поводу выгнать ее?

— Ты с ума сошел! Она дойдет до первого поста, а дальше дай нам бог добежать до камеры перехода.

— Попробую ее спрятать, — неуверенно начал я, лихорадочно размышляя над возможностью такого маневра. Думаю, попытка скрыть в кармане зажженную сигарету была бы куда успешней.

— Попробуй, попробуй. Но ты меня извини, я вынужден сообщить об этом в Институт. Побег самозванки сам по себе факт из ряда вон выходящий, а с нашей помощью и подавно. Ох, ну и задал ты задачку!

Вернулся слуга, посланный за инструментом, и хозяин занялся освобождением пленницы от оков.

— Я весьма благодарна вам, господа, — проговорила-пропела графиня Орлова. — Вы спасли не только мою жизнь, но и мою честь. И дали мне еще одну возможность очистить свое имя от той грязи, которой замарала его самозванка, сидящая на троне.

— Ну, пошло-поехало! Нажил ты себе, Вальдар, геморрой на задницу. Ты, брат, этих конвоиров в лицо запомнил? На тот случай, если тебе придется их искать.

— Зачем? — недоумевая, поинтересовался я.

— *Чтоб вернуть похищенное. Мол, извините, ошибочка вышла, не ту свистнули.* Всегда рад служить вам, сударыня, — пробасил кавалергард, разжимая одно из колец кандалов. — Прошу вас, вы свободны.

— Я была бы весьма обязана вам, господа, если бы вы оказали мне еще одну услугу. — Девушка потупила глазки. — Если, конечно, это возможно.

— О, все, что в наших силах! — растекался в любезностях Колонтарев.

— Мне нужно попасть к мужу. Граф Алексей Орлов несметно богат. Поверьте, он сумеет наградить вас по-царски.

— При всем нашем желании, сударыня, мы никак не можем вам помочь. — Лицо резидента приняло выражение безмерной печали.

— Но почему? — Теперь в глазах освобожденной стояли слезы.

— Сегодня граф Алексей Орлов бежал в неизвестном направлении.

— Бежал?! — ошарашенно повторила наша собеседница. — Но отчего, что произошло?

— Попытка переворота, сударыня. Ваш муж злоумышлял против императрицы.

— Он хотел свергнуть Екатерину, — завороженно произнесла Орлова, — значит, он не забыл, он еще любит меня! Я должна немедленно ехать к нему.

— Но куда? Никто не знает, где он находится, — прервал наступательный порыв нашего трофея мой коллега.

— Ах да! — Она вздохнула и провела рукой по лбу.

— *Вальдар, у тебя есть некий шанс, что называется, на первый случай. Я тут прикинул, поскольку бегство Орлова и похищение его супруги произошли с разрывом всего в несколько часов, организацию побега, рупь за сто, повесят на него. Ты пока вне подозрений. Надеюсь, никто из стражей не разглядел тебя в лицо?*

Я старательно восстановил сцену похищения: двое драгун направлялись к лесу; еще двое плюс возница возились с другой стороны; офицер едва ли успел разглядеть меня, да и, думаю, после моего удара он не скоро сможет связно мыслить.

— *Полагаю, нет. Тем более я обращался к офицеру по-русски, а официально я этим языком не владею.*

— *Тогда, вероятно, сейчас твою добычу следует спрятать в Петербурге, там ее искать менее всего будут. Волна схлынет, что-нибудь придумаем.* Ладно, — он махнул рукой, — обсыхайте, а я пойду распоряжусь подыскать вам новые платья. Да велю разбудить твоего Редферна. А вам, сударыня, с дороги не мешало бы согреться изнутри и перекусить.

Я уже начал дремать, удобно расположившись у камина, чувствуя, как по всему телу расползается дурманящее тепло. Веки становились все тяжелее, и звуки, раздававшиеся в гостиной, уже воспринимались составной частью сна, когда сквозь разноцветную пелену, окутывающую мозг, внезапно пробился голос Редферна. Я бы, может, также принял его за сонную иллюзию, но, во-первых, голос камердинера казался донельзя удивленным, а во-вторых, разговаривал он явно по-русски:

— Милость Господня, святые угодники! Не сплю ли я? Панночка Лизавета Кирилловна, точно ли вы это?

Глаза мои распахнулись сами собой. Питер Редферн стоял на коленях перед графиней Орловой, в каком-то детском восторге сжимая руки перед грудью.

— Да-а, да, — неуверенно произнесла она по-русски, звучавшем в ее устах еще более непривычно, чем французский. — Эт-то мое имя. Но кто вы йесть, не помнью? Я знаю вас?

— Да где ж вы меня упомните, Лизавета Кирилловна! Я ж вас еще вот таким вот дитятей знавал. Вам, почитай, годов-то и пяти не было. Я у дяди вашего, Ефима Федоровича, в гайдуках служил. А я вас сразу признал. Глаза-то ваши забыть невозможно, они ж у вас что море, то ясные голубые, а как сердиться изволите — серые, точно шторм. Господи, Лизавета Кирилловна, радость-то какая! — Он всплеснул руками, выражая крайнюю степень восторга.

— *Василий,* — вызвал я нашего кавалергарда. — *Ты знаешь, тут выходит странная вещь. Получается, мадам Орлова не то чтоб сильно самозванка.*

— *То есть?..* — непонимающе откликнулся Колонтарев.

— *Мой камердинер величает нашу «узницу замка Иф» Елизаветой Кирилловной и, похоже, всерьез считает ее дочерью Разумовского.*

— *А ему-то почем знать?*

— *Лет двадцать тому назад он служил и у самого Разумовского, и у его шурина, или как тут у вас называется муж сестры.*

— *Охренеть! Ну что ж, свидетельство весьма ценно для историков, но в нашем случае оно ровным счетом ничего не меняет. В нашем восемнадцатом веке законное право на престол само по себе значит не слишком много. Слабо верится, что Екатерина, выслушав твоего камердинера, тут же бросится передавать госпоже Орловой бразды правления. Но в донесении об этом факте я обязательно упомяну.* А сейчас, друзья мои, пора отправляться в дорогу, — произнес гостеприимный хозяин, входя в комнату. — Карета готова, дождь почти утих, переодевайтесь и в путь. Да храни вас бог, — добавил он уже значительно менее мажорно.

До Петербурга мы добрались без приключений. Правда, у самой заставы пришлось спрятать беглянку в объемистый ящик под сиденьем, после чего я хлебнул изрядный глоток из прихваченной в имении бутылки рома и старательно изобразил из себя в дым пьяного офицера. Когда часовой попытался заглянуть вовнутрь кареты, я приоткрыл глаза и, воздев вверх правую руку, патетически изрек на высоком языке Шекспира:

— Солдаты, Отечество ждет от вас подвига! Я верю, что каждый из вас честно выполнит свой долг!

Мой английский был недоступен караульному, и он явно не смог оценить возвышенности произнесенной фразы. А потому лишь недоуменно смерил меня взглядом и кинул кратко:

— Проезжайте!

И мы проехали.

В окнах особняка у Измайловского моста ярко горел свет. Я поморщился. Признаться, у меня была надежда отложить объяснение с герцогиней Кингстон до утра, но, судя по всему, этот вариант не проходил. Заслышав стук в калитку, сторож отворил ее так быстро, будто все это время ожидал нашего появления.

— Прошу вас, ваша милость, и... вас, сударыня. — Взгляд его был недвусмысленно удивленным. Я мог не сомневаться, что о приезде невесть откуда взявшейся дамы тотчас же будет доложено их светлости.

Пройдя по саду, мы наконец добрались до моего флигеля. Слуга-француз встречал нас на пороге.

— О мсье, вы наконец вернулись! Ваш друг приехал незадолго до вас, он ждет в кабинете. Мсье говорит, что вы будете очень рады его видеть. — Он замер, глядя на графиню Орлову с тем же недоумением, что несколько минут назад сторож. — Прошу прощения, мадам, я не сразу вас заметил, — в почтительном поклоне склонился француз. — Мадам остается... здесь ночевать?

Я не успел дать ответ. Дробный топот каблучков, раздавшийся на крыльце, прозвучал для меня почти так же, как для приговоренного барабанная дробь перед усечением головы.

— Господи, Вальдар, ты наконец вернулся! Я вся извелась. — Герцогиня в накинутом легком плаще ворвалась в мои апартаменты, подобно тому самому канзасскому вихрю, унесшему в страну Оз фею летающего домика. Бетси влетела и застыла на пороге. Я стоял между двух Елизавет и беззвучно, про себя, спешил реализовать право загадывать желание. «Господи, — молил я, — упаси и избавь от женского скандала. Господи, пусть уж лучше меня арестуют за причастность к заговору Орловых».

— Милорд Вальдар, — произнесла герцогиня Кингстон голосом, способным заморозить урожай шампанских вин в означенной провинции, — соблаговолите представить меня вашей гостье.

— Прошу прощения... ваша светлость. Сударыня, — обратился я к своей спутнице, — я рад представить хозяйку этого дома леди Элизабет Чедлэй, герцогиню Кингстон. Ваша светлость, хочу вам также представить и вашу гостью. Графиня Елизавета Орлова-Чесменская, урожденная Разумовская.

— Моя гостья? — Глаза Элизабет Чедлэй удивленно расширились. Похоже, этот титул она восприняла значительно быстрее, чем все прочие орловско-чесменские регалии. — Вы не находите, сударыня, что сейчас не самое время для гостей?

Я обреченно воздел очи горе, и мне показалось, что сквозь потолок, сквозь крышу, сквозь пелену дождевых туч я увидел Всевышнего, безнадежно разводящего руками. Остановить женщину, желающую поскандалить, может лишь отсутствие достойной публики. Увы, в данном случае она присутствовала. Герцогиня смерила свою тезку тем легким неуловимым взглядом, которым обмениваются боксеры на ринге, оценивая готовность противника к бою.

— Прошу простить меня, герцогиня, — делая вид, что не замечает колкости хозяйки, начала Орлова, — лишь по воле злой судьбы я ступила на порог вашего дома.

Что ж, ответ тоже был хорош, а уж особо хорош был тон, которым произносились эти слова. Мне не довелось лично быть знакомым с дедушкой подопечной, но я хорошо представляю себе фразу: «Здесь будет город заложен», — с такой вот интонацией. Я посмотрел на ее лицо: действительно, Редферн не соврал, глаза, еще недавно совсем голубые, казались серо-стальными, как балтийские волны.

— Злая судьба, — понижая голос почти до шипения, повторила леди Кингстон. — И чем же она так зла?

Я вдохнул побольше воздуха, как будто готовясь шагнуть в море с утеса. Кто-то из древних заметил, что самый короткий путь — прямой, а уж куда ведет этот путь, мне предстояло сейчас узнать.

— Бетси, — начал я, — графине грозит ужасная опасность. Я вырвал Елизавету Кирилловну из лап драгун, когда ее везли в кандалах на пытку, а может быть, и на смерть...

Я отключил зрение и слух и весь превратился в голос. Уж не знаю, каким соловьем я разливался, живописуя похищение «самозванки» и заговор ее мужа, но когда зрение мое вновь включилось, на сердце у меня отлегло. Бетси Чедлэй глядела на меня обиженно, но это была родная домашняя обида, а не тот смертоносный хлад, который сквозил в словах и взглядах герцогини Кингстон лишь несколько минут назад.

— На тебя, Боже, уповаю, — прошептал я, — да не посрамлюсь я вовек.

— Вальдар, вы безумец, — печально вздохнув, произнесла Бетси обреченно. — Я знаю, когда-нибудь вы сломаете себе шею. Но не хочу, чтобы это случилось так скоро. — Сказав это, она вновь вздохнула и повернулась к Орловой. — Сударыня, раз уж злая судьба привела вас в этот дом, я полагаю необходимым разместить вас с возможным комфортом. Пойдемте со мной, я прикажу приготовить вам спальню в особняке. Спокойной ночи, Вальдар. Надеюсь, утром мы продолжим нашу беседу.

— Надеюсь, — негромко произнес я вслед удаляющимся дамам.

Слуга-француз, пережидавший бурю в спальне, робко выглянул из-за двери.

— Стели постель, — скомандовал я. — Устал чертовски.

— Да, мсье, но ваш друг...

— Ах черт. Что еще за друг в такой час?! — поморщился я, направляясь к кабинету.

Тонкий запах виргинских сигар, выбивавшийся из-под двери, я бы узнал из сотен других. У меня нехорошо заныло под ложечкой. Так капитан корабля, мучительно ведший судно сквозь штормовые волны в тихую гавань, у самого входа в нее замечает под форштевнем клыки подводных скал. Я вновь вдохнул побольше воздуха и толкнул дверь кабинета.

— Браво! Браво! Браво! — Джозеф Рассел развалился в кресле, по-американски возложив ноги на письменный стол, и пускал в потолок дымовые кольца, стараясь продеть одно в другое.

— Рад видеть тебя, Зеф, — промямлил я.

— А уж я-то как рад, ты себе просто не представляешь, — неторопливо ответил мой добрый друг голосом, не предвещавшим ничего хорошего. — Послушай, брат мой, начальство тебя явно недооценивало. Ты ж у нас универсальный солдат на все случаи жизни, Рэмбо — последняя свекровь. Если у Института вдруг когда-либо возникнет вопрос, чем бы заняться, им только стоит послать тебя, и можно даже не заключать пари, проблемы будут обеспечены.

— Послушай, но... — начал было я.

— Нет, это ты меня послушай. Ты что это здесь вытворяешь?! Ты что, в сказку попал, принц недоделанный, драконоборец? Ты сегодня едва-едва не провалил глобальную резидентскую сеть. Ты знаешь, сколько в это все вложено сил, денег, времени? Сколько человеческих жизней за этим стоит? Ты знаешь, какие последствия может иметь для этого мира, да и для всех остальных, твоя сегодняшняя выходка?

— Не знаю, — честно признался я.

— Ну какого ж рожна лезешь, если не знаешь?! — Рассел сбросил ноги со стола и, встав, заходил по кабинету диким тигром. — Ладно, знаток, скажу честно, последствий этих еще никто не знает, даже представить себе не может. Так что утри слезу. Сейчас этим займутся разработчики, потом подключат отдел мягких влияний или, не дай боже, ликвидаторов. Спасибо, брат, благодаря тебе никто без работы не сидит.

Я насупился:

— В конце концов, я не просил переводить меня в оперативный состав.

— Правильно, не просил. Это я просил, чтоб ты, дорогой мой, наконец делом занялся. Ты меня под монастырь подводишь, ты это понимаешь?

Я вздохнул и промолчал. Рассел остановился и махнул рукой:

— Ладно, черт с тобой, прорвемся. Что я тебе скажу: чемодан без ручки ты себе откопал преизряднейший. Царевну твою нельзя ни здесь оставлять, ни отпускать в одиночное плавание. Придется тебе ее к Пугачеву тащить. Как именно — сам придумаешь, не маленький. Впредь будь осмотрительней. В напарники тебе даем нашего агента у Пугачева Сергея Лисиченко, тоже не бог весть что, но все же у него вторая операция. Старшим назначаешься ты. Но если завалишь дело, тебя ждет глад, мор и сорок казней египетских или сколько их там есть. Да, кстати, — сказал он, значительно смягчаясь, — от Баренса тебе привет. Операцию ему сделали, завтра-послезавтра доставят в Колонтарево. Пусть там отлеживается. Между прочим, Баренс тебя почему-то хвалит. Я ему, правда, еще не рассказывал о твоем благородном порыве. Ну да ничего, даст бог, научишься. Скажи, в этом доме есть что-нибудь выпить? В горле пересохло, как в орудийном стволе после канонады.

Обрадованный окончанию разноса, я послал слугу в винный погреб, и мы выпили за мое боевое крещение, будь оно трижды неладно.

В четвертом часу утра я вышел во двор проводить Рассела.

— А вкус твой хвалю, — похлопал меня по плечу на прощание Рассел. — Знаешь, кого освобождать. Впрочем, герцогиня тоже хороша, особенно когда не строит из себя герцогиню. — Он помахал рукой и скрылся за калиткой.

Я направился в сад и, уткнувшись лицом в развилку какого-то раскидистого дерева, стал ждать, когда земля замедлит свое вращение, потому как успеть за ней на такой скорости было выше моих сил.

— Ты привез? — услышал я в нескольких шагах от себя голос Калиостро.

— Да, ваша милость. Точь-в-точь похожа.

Глаза мои открылись сами собой. О магических способностях моего целителя я уже был наслышан и потому не слишком удивился, увидев графа в двух экземплярах, особенно учитывая количество коньяка, плескавшегося у меня в желудке. Но все же манера великого магистра беседовать с самим собой несколько настораживала.

— Она ждет в гостинице, ваша милость. Готова поступить на службу.

— Хорошо, завтра утром приведешь ее сюда. Да только так, чтобы никто не видел.

— Слушаюсь, мессир, — низко поклонился сам себе граф Калиостро. — Сделаю все в лучшем виде.

Глава 11

Если две ошибки не принесли результата, попробуй третью.

Ричард Никсон

Спалось мне плохо. Мне снились Калиостры. Они в большом количестве бродили по Петербургу, беседуя друг с другом, и каждый встречный прохожий при ближайшем рассмотрении тоже оказывался великим магистром. На Дворцовой площади толпа масонов сооружала нечто вроде египетской пирамиды.

— Здесь будет дворец государыни, — интимно сообщил один из подошедших строителей.

Нет, право, соревноваться с Расселом в возможности принятия спиртного внутрь занятие препаскудное. Я заворочался в постели, пытаясь ощутить, все ли на месте. Организм ответил резкой головной болью, сдавливающей виски и заставляющей глазные яблоки вылезать из орбит. Нечего сказать, славно погуляли. Интересно, который сейчас час? Народ еще спит или я тут в рядах последних? Вопрос этот не давал мне покоя, отодвигая на задний план ударную масонскую стройку, но сил открыть глаза и добраться до часов я в себе не чувствовал.

— *Как сбежала?!*

— *Ваше величество, вы же вчера велели перевезти ее в Царское Село, дабы иметь ее под рукой, а по пути неведомые злодеи перебили охрану и освободили самозванку.*

— В живых кто остался?

— Так точно, ваше величество. Все живы. Токмо в синяках.

— Тем хуже для них. Они меня еще молить о смерти будут! В Петропавловку их, в карцер, под замок! Да пусть Шувалов людишек своих пошлет установить, не было ли заговора отпустить эту польскую гадюку. Где там этот старый хрыч Шувалов? Ни на кого нельзя положиться.

— Граф Александр Иванович ожидает вызова внизу.

— А что же это он внизу сидит? Неужто боится, что зашибу? Сюда зови!

— Слушаюсь, ваше величество.

Связь исчезла и восстановилась через несколько минут, присоединяя к уже знакомым мне голосам Екатерины и Безбородко еще один, низкий, с заметной одышкой.

— Ну что, Шувалов, — грозно вопрошала императрица, *— заперся там у себя в подвалах. Выпытываешь, о чем Гришка Орлов с попами лясы точит? А что под носом творится, того уже не замечаешь?*

— Так, ваше величество, — начал было оправдываться начальник тайной канцелярии, *— вот же ж третьего дня только заговор фон Ротта открыли.*

— Ты ври-ври, да не завирайся. Заговор фон Ротта твой поручик с английским лейтенантом, на нашу службу поступившим, с пьяных глаз раскрыли. А дарагановскую потаскуху как проморгали?! Как Алехана Орлова упустили? Ты мне об этом поведай, а то экий молодец выискался, заговор он нашел! Скажи лучше, сколько человек нападали на конвой самозванки?

— Драгуны божатся, что два десятка. А вот возница твердит, что вроде бы один.

— А сам ты что думаешь?

— Я место осмотрел, ваше величество, вот как бог свят, не было двух десятков.

— Значит, все-таки один. — Екатерина мрачно замолчала.

— Тоже вроде бы как не выходит. Там конных, пожалуй, десяток толклось. Ищем, ваше величество, по всей округе люди мои землю роют. Как в дым ушли, никто не видел, никто не знает.

От возмущения я даже несколько пришел в себя. Какие кони, какой десяток? Что за гнусные приписки!

— Значит, плохо ищете, — оборвала его императрица. *— А вот скажи мне как на духу, сам-то что мыслишь? Хватило б у кого сил да куражу в одиночку конвой разметать?*

— Ваше величество, есть у меня мысль, да только...

— Что — только?! Что ты жилы мне тянешь! Толком говори.

— А не сам ли Алексей Григорьевич жену свою отбил? Как понял, что о заговоре ведомо, решил: была не была... Силушка-то небось немереная, да и отважен зело. Нет у меня, матушка, веры в его рассказы о попе-расстриге, который их ложно обвенчал. Если бы мы его тогда в Кронштадте с корабля не ссадили, много бы он дел лихих натворить мог.

— Ты мне прежними заслугами в глаза не тычь, итак помню. Думай лучше, что теперь-то делать? Я и сама мыслю — самозванку Орлов похитил, боле некому. Как полагаешь, что далее учинит?

— Уж вестимо, каяться-то не придет, — хмыкнул Безбородко.

— Либо затаится где, либо в чужие страны бежать.

— Старый ты дурень, Александр Иванович, по всему видно, дурень. Или ты Орловых не знаешь? Станут они таиться, держи карман шире! Не по их это нутру, прятаться по щелям да дрожать. За то и отличала.

— Ну, стало быть, за море подадутся.

— Опять врешь! С пустыми руками им за морем делать нечего.

— Ваше величество, — вновь вмешался в разговор Безбородко, *— в прошлом году граф Алексей Орлов купил близ Ниццы поместье Вельфранш. Кстати, с бухтой, удобной для якорной стоянки.*

— А раньше-то ты чего молчал, хохол? Вот же ж дурья башка! Ни на кого нельзя положиться. Ладно, бежать им, значит, есть куда. Но все равно с бабой, что с гирей, бегать несподручно. Ты вот что, старый черт, все порты, все выезды из державы перекрыть наглухо. По дорогам патрули да заставы. Орловых с девкой вернуть. Да гляди, живьем брать. Я о другом помышляю: не решил ли Алексей к яицкому разбойнику с поклоном податься? У него ума хватит, да и лихости тоже, — поразмыслив, добавила Екатерина. *— Этот случай всех злее будет. Туда гляди особо пристально, чтобы мышь не проскочила. Все, ступайте. Но смотри, голуба Александр Иванович, не поймаешь лиходеев, пошлю мышей ловить.*

Голоса в моей голове исчезли так же внезапно, как и появились. Нечего сказать, хорошая политинформация на больную голову. Ладно, судя по тому, что Безбородко сейчас в Царском Селе, у меня в запасе есть еще часа три, и провести их надо так, чтобы не было мучительно стыдно за пропойно проведенную ночь. Учитывая же, что объяснения по поводу невесть откуда взявшейся красотки мне еще предстоят, идея попадаться на глаза герцогине Кингстон, во всяком случае с утра, грела меня не более, чем балетные тапочки на Северном полюсе.

Дверь спальни тихонько приоткрылась.

— Ваша милость, пришел камердинер вашего дяди, спрашивает, какие будут распоряжения на его счет.

— Распоряжения? — Я свесил ноги с кровати, пытаясь окончательно прийти в чувство. — Сейчас. Пусть подождет. Неси сюда умывание. Да вели заварить мне кофе покрепче и коньяка туда плеснуть, если, конечно, что-то осталось.

— Слушаюсь, ваша милость. — Слуга скрылся за дверью, давая возможность подгулявшему господину принять господский вид.

Умывание, кофе и легкая разминка вдохнули в меня если не жизнь, то хотя бы возможность двигаться и связно излагать свои мысли. Редферн ждал меня во дворе, беседуя с прислугой о ценах, о погоде и о похождениях хозяев.

— Пошли, — качнул я многострадальной головой. — По дороге поговорим.

Мы вышли на улицу, где ждал нас пригнанный Питером экипаж.

— На Васильевский, — скомандовал я. — В двенадцать коллегий.

Возница щелкнул кнутом, и мы тронулись в путь.

— Послушай, Питер, — поинтересовался я, когда мы отъехали от особняка герцогини Кингстон, — у тебя есть жена?

Лицо Редферна начало густо краснеть, будто я спросил его о чем-то неприличном.

— Как на духу, ваша милость... три. Одна во Франции, одна в Канаде и одна в Англии.

— Оч-чень хорошо, — задумчиво произнес я. — Коран разрешает четыре. Осталось тебя только записать в турки.

— Да вы что говорите, милорд, как же можно?!

— Ладно, по эту сторону границы Аллах не видит, — махнул я рукой. — Будем тебя женить.

— Господи Иисусе! И на ком же? — Неподдельное удивление на лице Редферна было смешано с таким же интересом.

— Елизавету Кирилловну помнишь?

— А то как же!

— Вот на ней.

— Да помилосердствуйте, батюшка! — Питер, казалось, готов был рухнуть на колени прямо здесь, на полу кареты. — Как же можно? Она же дочь Кириллы Разумовского и, — Редферн перешел на шепот, — государыни Елизаветы. А я кто? Голота казацкая.

— Ты почтенный английский камердинер, а она беглая узница. Так что тут я особой разницы не вижу, — продолжал издеваться я.

— Да ведь она ж того, я слыхал, замужем.

— Так ведь и ты женат. Причем, заметь, неоднократно.

Аргументы Петра Реброва, похоже, исчерпались, и лицо его приобрело вид отрешенной обреченности.

— Ладно, чего пригорюнился. Никто тебя по-настоящему женить не собирается. Спасать ее нужно, понимаешь? Раз уже взялись за дело, бросать его нельзя.

— Это вы верно говорите, ваша милость, — с воодушевлением подхватил Редферн. — За что Елизавету Кирилловну в темнице держать? Поди, не воровка какая-то.

— Да уж, здесь дело посерьезнее будет. Она, видишь ли, возжелала себе законный престол вернуть, а за такие преступления государи всегда по полной мере отвешивали, не важно, была на эту тему статья в Уголовном кодексе или нет. Отсутствие закона не освобождает от ответственности. А теперь вот что выходит: к мужу ее везти нельзя, он сам в бегах. Так отпускать — ее схватят. И меня отошлют во глубину сибирских руд хранить какое-то терпенье. Герцогине она тоже ко двору не пришлась.

— И то правда. Слуги рассказывают, что их светлость на ночь к опочивальне Лизаветы Кирилловны стражу приставила. — Камердинер перешел на заговорщицкий тон. — Я думаю, ваша светлость, она ее к вам ревнует.

— Увы, я тоже так думаю, — усмехнулся я. — В общем, положение безвыходное. Придется брать твою знакомую с собой.

— Куда же, милорд? — искренне удивился Питер. — Разве мы куда-то едем?

— А как же, дорогой мой. Обязательно. Сегодня-завтра едем к Пугачеву с поручением Екатерины.

— Великий Боже! Да как же это вас угораздило?

Я пожал плечами:

— Угораздило. Но учти, с нами будет толмач из тайной канцелярии да конвой, так что мне ее открыто везти никак нельзя. Поэтому записать ее придется как миссис Редферн. Кухарку, что ли? Хотя я вряд ли решусь есть стряпню, которую она приготовит.

— Подъезжаем, ваша милость! — крикнул возница.

— Во всяком случае, Питер, поздравляю с женитьбой.

Секретарь Безбородко принял меня любезно, но, как бы сказать, автоматически.

— Александр Андреевич еще не вернулся от государыни, — произнес он, складывая губы в заученную улыбку. — Вам назначено, и он вас обязательно примет. Соблаговолите подождать. — Завершив эту тираду, служитель, видимо, счел свою миссию оконченной и указал мне на ряд кресел, стоявших у стены. — Пожалуйте, должно быть, он скоро приедет.

Проделав все это, секретарь вернулся к занятию, прерванному моим появлением, — промыванию свежеобглоданных светских костей. Его собеседник, человек среднего возраста с объемистой пап-

кой под мышкой, говорил оживленно, пытаясь при этом жестикулировать, каким-то чудом не давая упасть принесенным бумагам.

— Вчера к Елагиным, — услышал я русскую речь, — ближе к вечеру приехал Потемкин.

— Говорят, Калиостро предсказал его приезд?

— Да, я сам был тому свидетелем! Но это еще что! Кажется, Потемкин всерьез имеет виды на жену графа Лоренцию.

— Да ведь он же только-только стал фаворитом государыни. Как же можно так дразнить ее величество? Да и с Калиостро связываться глупо, того и гляди, лихо накличешь.

— Ха! Калиостро как раз и не очень-то возражает. Ему в Петербурге великая поддержка нужна, вот он и думает добиться благосклонности Циклопа, подложив ему свою жену.

— А правда ли, что граф Калиостро добивается аудиенции у императрицы?

— Чистейшая правда. Всем известно, — говоривший понизил голос, — что Екатерина уже не молода, а аппетиты по мужской части у нее, говорят, по-прежнему будь здоров. Так вот, по слухам, Калиостро открыл секрет возвращения молодости.

— Да возможно ли это? — недоверчиво произнес секретарь.

— По всему выходит, возможно. Я слыхал, герцогиня Кингстон с нашей государыней одногодки. А ты б видал ее на вечере у Елагиных! Ах какая женщина!

— Умерь свои восторги, — шикнул на него хранитель «высочайшей» двери. Он покосился на меня и что-то оживленно зашептал на ухо своему собеседнику. Я сидел, полузакрыв глаза, с отсутствующим видом, стараясь не особо двигать головой, чтобы не вызвать новый приступ боли.

— Неужто самого Орлова ранил?!

— Ранил?! Он так все обернул, что Орлов сам себя своим же клинком проткнул.

— Да уж, такого лучше во врагах не держать. А здесь-то он чего?

— Государыня его к Пугачеву посылает, а вот чего ради — неведомо.

— Видать, за Орлова отомстить решила. Порешит его Емелька, как бог свят, порешит.

Беседа прервалась звонком колокольчика, и расторопный секретарь тотчас же скрылся за дверью.

— Милостивый государь, — сообщил он, возвращаясь, — Александр Андреевич ждет вас.

Из кабинета Безбородко я вышел спустя десять минут, груженный тайным пакетом, подорожной, высочайшим предписанием ме-

стным властям оказывать мне полное содействие и шифрованным пропуском для Пугачева, если тот решится вступить в переговоры. Но, что самое забавное, вышел я уже в звании премьер-майора и флигель-адъютанта ее величества. Неплохой карьерный рост для человека, лишь вчера принявшего присягу. Право же, такими темпами, учитывая количество возможных заговоров, у меня была отличная перспектива до конца года сделаться фельдмаршалом.

Домой я возвращался с черного хода. У меня было предчувствие, что во флигеле меня ждет засада в лице герцогини Кингстон и... я не был еще морально готов к тому, что могло произойти.

Отослав Редферна с бумагами в свои апартаменты, я направил стопы к обиталищу Калиостро, надеясь, что кудесник не даст мне умереть и в этот раз. «Не может быть, — думал я, проходя мимо окон великого магистра, — чтоб у него в походной аптечке не было ничего от головной боли». Сквозь задернутые плотные шторы за оконным стеклом не пробивался ни единый звук. «Интересно, его сиятельство изволит отсутствовать или же наш маг боится солнечного света?» Сопровождаемый такими мыслями, я взошел на крыльцо и постучал. Ответа не последовало. «Знать, не судьба». Я вздохнул, но для верности толкнул дверь. Она была не заперта. «Занятно, — криво усмехнулся я. — Что ж, предположим, что граф меня просто не услышал».

Я вошел во флигель. В коридоре было сумрачно. Я не любил таких мест, они напоминали мне «коридоры смерти» в тренировочном лагере коммандос. За каждым углом, за каждой дверью там ждал подвох, каждое неправильное движение обещало в лучшем случае ушибы и ссадины, а в худшем... Впрочем, слава богу, от худших случаев мне все же удавалось уходить.

Войдя, я сделал шаг вперед и в сторону, убирая свой корпус из дверного проема. Все имеющиеся в наличии органы чувств включились мгновенно, отслеживая вероятную опасность. Чуть слышный шорох, раздавшийся за дверью, был достаточен, чтобы мозг отдал команду: «Пошел!» Я крутанулся вокруг своей оси, перенося вес тела на правую ногу и уходя от возможного удара. Он действительно был нанесен, и, окажись моя голова в том месте, где была долю секунды назад, я бы еще долго не помышлял о пилюлях. Но головы на траектории удара не оказалось к немалому удивлению неизвестного противника. Однако удивление было кратковременным, правая моя рука сомкнулась на его запястье, а левая, в которой уже находился славный «деринжер», метнулась туда, где, судя по пропорциям человеческого тела, должна была находиться колодка для шляп. Там она и оказалась. Тычковый удар стволом пистолета в лож-

бинку под носом произвел должный эффект на нападавшего. Присоединенное к голове туловище попыталось обмякнуть, но, подхваченное мною за горло, прекратило свою попытку. В тот же миг у нас появились зрители, очевидно, привлеченные шумом борьбы. Они выскочили из кабинета, вероятно, намереваясь поучаствовать в устраиваемом мне жарком приеме. Пистолетный ствол, направленный на них, очевидно, привел злодеев к решению не испытывать судьбу, и они начали медленно поднимать руки. Связав грабителей для верности шнурами от штор, я принялся осматривать место преступления. Их улов был немал, но странен. Похоже, неизвестные мне жулики были не просто ворьем, но ворьем интеллектуальным, своего рода собирателями автографов. Конечно, они прихватили ряд ценных вещиц, но как-то наспех, без разбора, оставляя на месте вещи куда более ценные. Зато ларец с бумагами Калиостро привлек самое пристальное внимание этих, с позволения сказать, домушников. Особое же внимание привлек пакет, подписанный графу Григорию Орлову, начертанный, если верить надписи на пакете, рукою графа Сен-Жермен. «Час от часу не легче, — скривился я. — Этакой шарады мне еще не хватало. Черт, и Баренса нет, посоветоваться не с кем. Однако недурно! Похоже, кто-то из этих воров читает по-французски, ведь смогли же они понять, что написано на конверте...» Размышления мои прервал какой-то глухой стук, доносившийся из шкафа. «Черт возьми, неужто они упрятали туда графа с Лоренцией? Вдвоем им там должно быть тесновато». Не выпуская пакета из рук, я отворил дверцу. Слава богу, никого из хозяев флигеля в нем не было. В шкафу находилась милая девушка, по всей видимости, камеристка Лоренции, некстати застигнутая грабителями в доме. Кляп во рту и веревка, соединявшая запястья с лодыжками, были не лучшими украшениями для юной барышни, как, впрочем, и отделения шкафа не лучшим местом для времяпрепровождения.

— Добрый день, сударыня, — поздоровался я, вынимая кляп и принимаясь за веревки. — Вы не могли бы поведать, что тут произошло?

Девушка посмотрела на меня внимательно, явно пытаясь сообразить, что я от нее хочу. Судя по всему, мой французский был ей недоступен. Я тяжело вздохнул. Конечно, благодаря системе «Мастерлинг» мне не составляло труда ни говорить, ни понимать на любом из известных здесь языков, но вот объяснить подобное полиглотство со стороны полудикого обитателя среднеанглийской глубинки было бы большой проблемой. Барышня глядела на меня, хлопая глазами, мучительно пытаясь осознать и осмыслить происходящее.

— Где граф Калиостро? — вновь задал я вопрос.

Ключевое слово — Калиостро, — по-видимому, вывело бедолагу из состояния ступора. Ее прорвало. За минуту я узнал о ней и о ее семье, о Митаве, о работе горничной столько, что вполне мог заняться жизнеописанием несчастной девицы. Одного мне узнать так и не удалось: куда подевался великий магистр или, на худой конец, где у него походная аптечка. Сделав ей знак замолчать, я на пальцах показал, что отправляюсь за подмогой, и поспешил откланяться. Девица тут же принялась ставить на место стулья и приводить в образцовый немецкий порядок развороченную обыском обстановку.

«Кого-то она мне напоминает, — думал я, проходя по коридору. — Что-то такое знакомое в ней есть. Губы, нос, линия лба, где-то я все это видел». Один из спеленатых мною любителей автографов уже пришел в себя и лежал на животе, стараясь не шевелиться, чтобы не удавиться перекинутым через горло шнуром. Что и говорить, поза у него была весьма неудобная, и сам он напоминал гигантское пресс-папье, но это уж у каждой профессии свои неудобства. Он посмотрел на меня недобро, явно не радуясь нашему знакомству. «И все же кого-то она мне напоминает. — Я вышел на крыльцо. — Ну да, конечно, — от неожиданности я хлопнул себя по лбу, — леди Эпонейл, фрейлину королевы. — Сделав еще пару шагов, я замер в недоумении. — Нет, не может быть! Назад!»

Во флигеле стало значительно светлее, занавеси были раздернуты, впуская в комнаты солнечные лучи. Девушка хлопотала в спальне, укладывая сброшенное с кровати покрывало. Заслышав шаги, она подняла голову. Фантастика! Передо мной была Фике, юная Ангальт-Цербтская принцесса, точно сошедшая с портрета. Оценив обалдевший вид незнакомца, служанка Калиостро как-то кокетливо улыбнулась, очевидно, считая причиной моего возвращения свою неземную красоту. Выглядел я, должно быть, по-дурацки. «Господи, ну почему нет Баренса! Вот уж кто бы порадовался моему открытию, а то ведь и поделиться не с кем. Ведь что же это получается: секрет молодости до омерзения прост? Граф Калиостро попросту меняет жертву на свою сообщницу, имеющую явное портретное сходство с ней, но лет на двадцать — двадцать пять моложе. Тогда, выходит, Бетси, готовая чуть ли не на штурм темницы ради вызволения меня из беды, — хладнокровная сообщница убийства? Ведь куда-то же надо девать оригинал, чтобы на его место подсунуть копию. Значит, все-таки ее слова, ее поступки — ложь, умелое притворство?» От таких мыслей голова у меня разболелась еще сильнее. Признаться, я чуть не плакал от обиды. «Нет, не может быть! Бетси Чедлэй, выходившая меня словно родного после ранения, милая прелестная Бетси не может быть такой».

Я захлопнул дверь спальни. Очухавшийся разбойник попробовал было поднять голову, но тут же уронил ее, получив удар ногой в лицо. «Нет, черт возьми, я все-таки должен это понять! Нужен отпечаток пальца. Тогда все станет ясно! Ах, дьявол, Баренс не успел». Я размашисто шагал к особняку, не разбирая дороги, готовый, кажется, искрошить в труху любого, кто станет у меня на пути. «Интересно, быть может, мой новый напарник знает, как в восемнадцатом веке проводится дактилоскопическая экспертиза». Я активизировал связь.

— *Я Вальдар Камдил, вызываю Лиса.*

— *Але, капитан, я весь внимание,* — раздалось у меня в мозгу. Жизнерадостный тон моего нового напарника явно не походил на нравоучительную речь лорда Баренса. — *Рассел мне вчера сообщил, что ты мой новый начальник. Говори скорее, чего надо, а то мы тут как раз решили солитера подкормить.*

— *Послушай, Лис, ты имеешь представление о дактилоскопии?*

— *Тю, конечно. Я еще до службы, по малолетке, на рояле как-то сыграл.*

Мне показалось, что либо из-за отдаленности объекта пошаливает связь, либо мой новый напарник настолько увлекся мыслью о трапезе, что просто не понял смысл моего вопроса.

— *Я говорю об отпечатках пальцев.*

— *Шеф, не томи, барашек стынет. Я ж тебе говорю, приходилось мне играть на рояле.*

Я выругался сквозь зубы, но, вспомнив, что детство Лиса протекало за железным занавесом, решил, что, видимо, для того чтобы получить допуск к обучению музыке, там нужно было оставить свои отпечатки пальцев в ближайшем отделении милиции, а то и в КГБ.

— *Короче, капитан, с кем ты решил играть в Шерлок Холмсов?*

Да, добиться серьезности от моего будущего соратника будет тяжеловато.

— *Какая разница, ты ее не знаешь.*

— *Дело твое, шеф. Она что, молода, хороша собой?*

— *Да.*

— *Тогда нет ничего проще. Вечером мажешься чернилами и на ночь заваливаешься к ней в койку. Утром забираешь простыню всю в отпечатках. Чего уж там отпечатается, сам разберешь.*

Я выругался значительно громче.

— *Спасибо за совет.*

— *Ой, да чуть шо, обращайся.*

— *Приятного аппетита. Отбой связи.*

Входная дверь от моего рывка распахнулась так, что я не удивился бы, сорвись она с петель. Лакеи, обладавшие кошачьей способностью угадывать настроение хозяев, спешили укрыться в безопас-

ное место, страшась попасть под горячую руку. Лишь только дворецкий, преисполненный значимостью своего дела, преградил мне дорогу, закрывая собою дверь гостиной, из-за которой доносились звуки клавикорда.

— Их светлость велели передать...

— Проваливай, старый осел! — Я сгреб ливрею на его груди и отшвырнул несчастного от двери. — У тебя во флигеле Калиостро валяются связанные грабители. Прикажи их убрать.

Я влетел в комнату, едва не проломив дверь.

— Что вам угодно, милорд?! Кто вам дал право врываться? — Леди Кингстон гордо вздернула подбородок, давая понять, что шаткое перемирие, заключенное нынче ночью, уже почило в бозе.

— Пошли! — процедил я, рывком поднимая герцогиню и таща ее за собой. — В кабинете есть чернильный прибор?

— Что происходит? — Леди Чедлэй безуспешно пыталась вырвать руку из захвата. — Отпустите немедленно! Вы делаете мне больно!

— Вы мне тоже.

Чернильница в кабинете нашлась. Я опрокинул ее на стопку бумаги, украшенную гербовой связкой Кингстонов и Чедлэев.

— Что вы вытворяете? Вы сошли с ума? Потрудитесь объясниться!

— Сейчас потружусь. А что касается моего безумия, то я сейчас настолько в своем уме, что даже противно. Прошу вас, герцогиня, — прорычал я сквозь зубы, — обмакните палец в чернила.

— Как вы смеете что-то требовать от меня?!

— Макайте палец, — прошипел я, едва сдерживаясь, чтобы силой не ткнуть пальцы ее светлости в чернильную лужу.

— Я повинуюсь насилию, — бледнея от гнева, произнесла она. — Но должна вам сказать, что вы...

— Об этом после. Где ваш альбом? Ага, вот он. — Я схватил альбом, лежавший на кофейном столике, и начал быстро перелистывать его, ища давнишний сонет лорда Баренса. — А теперь приложите палец вот сюда, — скомандовал я, указывая место рядом с отпечатком на рисовой бумаге.

— Вы сумасшедший, лорд Камварон, и вы... не джентльмен. — Она приложила палец туда, куда я указывал.

— Мое джентльменство оставим для другого раза.

— Можете не сомневаться, милорд, другого раза не будет.

Я взял альбом в руки и подошел к свету. Чернила на пальце немного подсохли, делая оттиск вполне четким. Сердце мое облилось кровью и едва не захлебнулось в ней. С какой бы радостью сейчас я объявил себя сумасшедшим параноиком, кретином и неврастеником, но, увы, сомнения были излишни: передо мной были два совершенно разных отпечатка пальца.

— Поглядите сюда, сударыня. Вот этот отпечаток вы оставили когда-то в Англии до омоложения. Вот этот сейчас. Сравните их и потрудитесь объяснить, почему они не совпадают.

— Прошло столько лет, — обескураженно начала леди Кингстон, от неожиданности теряя весь запал своего гнева. — Вы же понимаете...

— Рисунок этих отпечатков неизменен от младенчества до старости. Можете проверить как-нибудь на досуге.

— Я не желаю ничего проверять! Я Элизабет Чедлэй, герцогиня Кингстон, и вовсе не обязана давать вам отчет в чем бы то ни было. Прощайте, милорд Вальдар. Надеюсь, более мы с вами не увидимся.

Я поклонился и повернулся на каблуках, собираясь выйти. На стене передо мной висел портрет Бетси Чедлэй в костюме Весны с венком полевых цветов в волосах. Я мог бы держать пари на все, что угодно, что красавица, изображенная на полотне, и есть та женщина, которая сверлила сейчас взглядом мой затылок. Я был готов поставить на это все, даже заранее зная, что проиграю.

Распахнув дверь кабинета, я зашагал прочь, мечтая лишь об одном — поскорее выехать из этого города, и чем дальше, тем лучше.

— Послушайте, сударь, — раздалось у меня за спиной, — спуститесь в сад. Мне нужно поговорить с вами.

Голос принадлежал графине Орловой. В пылу борьбы я как-то даже позабыл о ней, но, видно, забывчивость в данном случае была односторонней.

— Мсье Вальдар, — начала она, когда мы очутились в саду, — я даже не успела толком поблагодарить вас за спасение.

— Ерунда, — отмахнулся я. Вступать в куртуазные беседы у меня не было ни времени, ни желания, тем более что голова раскалывалась чем дальше, тем больше.

— Вовсе не ерунда. Я понимаю, что, освободив меня, вы поставили себя в очень затруднительное положение. Обстоятельства мои сейчас таковы, что я вынуждена скрываться, не имея надежды даже на помощь своего мужа, графа Алексея Орлова. Все, что мне остается, — искать помощи у верных друзей. — Она проникновенно посмотрела мне в глаза глазами синими, как море на рекламном проспекте туристической фирмы. — Я хочу открыть вам тайну. Невзирая на то что мой муж в стране человек известный, я происхожу из рода куда как более знатного, чем он. Я дочь покойной императрицы...

— Я знаю, дальше что?

— Если вы поможете мне, — несколько сбившись и теряя темп, проговорила Орлова, — вы можете претендовать...

— Сударыня, сегодня же, как только прибудет конвой, я отправляюсь в ставку Пугачева с поручением императрицы Екатерины. В

полученной мною подорожной вы значитесь как кухарка и супруга моего камердинера, Питера Редферна, или, если вам удобно, Петра Реброва. Если вы еще раз произнесете хоть слово о своем происхождении, я объявлю вас умалишенной и запру в сумасшедший дом. Если вы согласны, готовьтесь к отъезду и вспоминайте все, что вы когда-либо слышали о приготовлении пищи. Если нет, даю слово, убью вас прямо здесь и закопаю в этом саду. Со своей стороны, могу обещать, что постараюсь в меру своих возможностей доставить вас к мужу, невзирая на то что в силу обстоятельств эта встреча не сулит мне ничего хорошего. Выбор за вами. Это все, на что вы можете рассчитывать.

— Я согласна, — мрачно заявила внучка Петра Великого и, глянув на меня презрительно, гордо прошествовала к дому.

Я сжал виски руками, пытаясь унять боль. Господи, ну должно же быть здесь что-нибудь придумано на этот случай! Какие-нибудь народные средства, в конце концов? У Лиса, что ли, спросить?

— Я весь внимание, капитан. Шо творится? Необходимо конспиративно взять анализ мочи и кала?

— О Господи, не тарахти, и без того голова разламывается. В этом мире есть что-нибудь от головной боли?

— Ага, — убежденно ответил мой напарник. *— Гильотина.*

— Не помешало бы, — вздохнул я. *— Да только ее еще не изобрели.*

— Экая жалость! Ну ничего, приезжай к нам, батюшка Емельян Федорович подобные операции делает без применения технических средств.

— Спасибо за приглашение. Сегодня же выезжаю.

Глава 12

Сотрешь три посоха о тропы,
Ища души своей приют.
Там, за околицей Европы,
У Лукоморья на краю.

Я

Питер Редферн ждал во флигеле с вещами, готовыми к погрузке. Заметив меня, он взял в руки изрядных размеров глиняную кружку, наполненную до краев прозрачной буроватой жидкостью.

— Что это, Питер? — нервно буркнул я.

— Квас, сэр, — почтительно ответил камердинер. — Лучшее средство от той головной боли, которая вас нынче мучает.

Я буквально выхватил емкость из рук Питера и начал жадно вливать в себя ее содержимое.

— С вашего позволения, милорд, мы уже готовы отправляться. Штаб-ротмистр Ислентьев прислал денщика сообщить, что конвой ждет вашего приказа тронуться в путь. Позвольте совет, милорд. Коль вы желаете ехать сегодня, вам следует поспешить. Не то придется ночевать посреди леса. Почтовые станции стоят в полудне пути друг от друга, а других мест, где можно остановиться на ночлег, вы поблизости вряд ли найдете.

— Мы едем немедленно. — Я поставил опустевшую кружку на стол. Боль потихоньку начала отступать, все еще пульсируя в висках, однако давая возможность мыслить довольно ясно. — Спасибо, Питер, ты меня буквально спас.

— Всегда к вашим услугам, милорд.

— Да, вот еще, скажи, ты готовить умеешь?

— Да, милорд. Вы уже пробовали мою стряпню на яхте у леди...

— Вот и прекрасно. Постарайся по дороге научить этому свою супругу. Не дай бог, в дороге не успеем добраться до постоялого двора, не хотелось бы умереть от заворота кишок.

— Слушаюсь, сэр. Хотя, если изволите заметить, приготовление пищи не слишком пристойное дело для женщины такого знатного рода.

— Гнить в каземате еще непристойнее. Потому пойди поторопи свою дорогую жену, собирать ей особо нечего. Да вот еще, следует докупить каких-нибудь платьев попроще, петербургские фасоны ей не по чину. И в путь.

— Даже не попрощавшись?

Я грустно усмехнулся.

— Полагаю, прощание уже состоялось. Так что, Питер, поспеши.

Мы выехали из Петербурга часа через полтора. Два десятка ахтырских гусар, сопровождавших посольство, гарцевали на невысоких буланых лошадках, возбуждая неподдельный восторг у жителей столицы и крестьян своими расшитыми золотым шнуром ментиками, экзотическими киверами, похожими на удлиненные турецкие фески, и начерненными, как смоль, усами, торчащими в разные стороны, словно шпаги. Зеваки провожали наш конвой до самой заставы, строя невероятные догадки на его счет. Воистину, гусары — не лучшая компания для конспиративной поездки. Но выбора не было.

Наш отряд хорошей рысью двигался в сторону Москвы, чтобы где-то на полдороге сменить коней на корабль и по каналу, прорыто-

му велением Петра, идти в Волгу и далее, до Казани, где нынче находилась ставка полковника Михельсона. Дорога обещала быть однообразной и тоскливой, но это, впрочем, беда всех дорог, особенно когда путешествуешь по казенной нужде, то есть слишком быстро для того, чтобы изучать местные нравы, и слишком медленно, чтобы забить время в пути из пункта А в пункт Б какой-нибудь очередной голливудской ерундой.

Солнце медленно тянулось по небу на запад, и вечер крался за нами серым мохнатым волком, норовя преградить дорогу. Как и предрекал Редферн, почтовая станция показалась вдали, когда уже совсем смеркалось. Я отдал приказ останавливаться на ночлег. Дневная жара наконец-то спала, уступая место вечерней прохладе. Я ощутил себя много лучше. То ли лечебная настойка, которой поил меня Питер, то ли чистейший лесной воздух наконец-то истребили проклятую головную боль, и теперь, невзирая на пройденный путь, я чувствовал себя удивительно свежим, словно вырвавшимся из какого-то каменного плена. «Все уходит, — говорил великий мастер Ю Сен Чу, — все уходит, потому что жизнь — это движение, а остановка — это смерть. И когда все уходит своим чередом, нет повода грустить. Надо радоваться, что все идет именно так. Тот же, кто идет, обратив глаза вспять, не двинется вперед и не вернется назад. Он остановится и, следовательно, умрет. Иди вперед, мой мальчик, и путь в десять тысяч ли начнется у тебя под ногами».

Я горько усмехнулся. Сердце мое горело огнем. Душа рвалась обратно в особняк у Измайловского моста, как будто там оставалось еще что-то недосказанное и недопонятое, а тело устремлялось вдаль, куда-то к мифической Гиперборее, где, по уверениям древних, обитают одноглазые люди, разъезжающие на диких лошадях, и где рождается северный ветер, несущий в дуновении своем холодную смерть.

— Ты сегодня грустный, Вальдар, — подъехал ко мне штаб-ротмистр Ислентьев, посверкивая новыми знаками различия и звеня чеканной уздечкой своего жеребца. — Что-то случилось?

— Да нет, — покачал головой я, — просто неважно себя чувствую. Съезжу погуляю, развеюсь.

— Один? — Ислентьев удивленно поднял брови.

Я показал на пистолеты в ольстредях и клинок у пояса.

— Не волнуйся, с разбойниками я как-нибудь управлюсь, а заблудиться в лесу мне с детства не удавалось.

Никита вздохнул.

— Видишь ли, у меня поручение везде следовать за тобой, не оставляя одного. А кроме того, разбойники — это полбеды. Даже волки,

кабаны и медведи, которых в здешних местах тьма-тьмущая, тоже не беда, а вот коли леший тебя водить начнет, тогда пиши пропало.

Я уставился на своего приятеля так, будто он сообщил мне, что дальше мы поедем на автобусе.

— Друг мой, что ты такое говоришь? Какой леший?

— Тс-с, ты его громко не зови, у него в лесу везде уши. Поверь мне, Вальдар, не стоит тебе никуда ехать. Особенно сегодня ночью.

Я смотрел на него с нескрываемым интересом.

— А чем сегодняшняя ночь отличается от вчерашней?

— Сегодня особенная ночь. — Он тронул шпорами бока своего коня. — Послушай, Вальдар, ты мне друг, и поэтому я не стану висеть у тебя на ногах жерновом. Но вот тебе крест, сегодняшнюю ночь лучше провести на постоялом дворе. А уж тем более, — он улыбнулся, — нам еще следует обмыть новые чины. Вы не забыли, господин премьер-майор?

— Благодарю за напоминание, господин штаб-ротмистр! Ну что ж, заказывайте банкет. Я скоро присоединюсь к вам.

Я посмотрел вслед удаляющемуся Ислентьеву. Двор почтовой станции был уже забит нашими гусарами, спешившими заняться своими лошадьми и оттого более сейчас озабоченными стойлами, овсом, водой и уж никак не особенностями этой ночи. Я подозвал Редферна, суетившегося во дворе с нашими вещами.

— Что сегодня за ночь, Питер? — поинтересовался я, гарцуя на своем скакуне.

Редферн поднял на меня удивленные глаза.

— Ночь? Ночь сегодня особая, купальская. Да вам-то откуда о том известно, милорд?

— Расскажи подробнее. Было бы известно, у тебя не спрашивал бы.

— Да вы сами вслушайтесь, милорд: трава стонет, в деревьях сок гудит, дикий зверь к доброму человеку ластится. Сегодня земля родит, — произнес он, переходя на полушепот. — На папоротнике жарцветок расцветает. Уж коли кто его найдет, у того самое заветное желание исполнится. А кто в руке его удержит, тот клады сквозь землю видеть будет и в чужих устах всяко слово неправды распознавать.

Я вздохнул:

— Сказки это. Все эти эльфы, цветущие папоротники, говорящие звери, все это — сказки.

— Вестимо, милорд, сказки, — пожал плечами Редферн. — Правду говоря, мне самому не доводилось видеть цветущий папоротник. Да и с эльфами беседовать тоже не приходилось. Токмо вы ухо к земле приложите да послушайте. Здесь что сказка, а что быль, всяк для себя решает.

Постоялый двор, находившийся за высоким забором в паре шагов от почтовой станции, буквально гудел от наплыва гостей. Привлеченная приездом двух дюжин расфранченных усачей, сюда сбежалась вся молодежь слободки, выросшей вокруг станции. Разбитные девицы лукаво косились на гусар, одаривая их взглядами томными, как венецианские ночи. Молодые парни завистливо разглядывали богатую форму, завороженно слушая серебряный звон шпор и бряцание сабель. С разрешения гусарского поручика, командира нашего конвоя, вечером были устроены танцы, и бравые кавалеристы лихо отплясывали нечто, на мой непросвещенный взгляд, изрядно напоминающее технику ударов и уходов неизвестного мне боевого искусства. Как мне удалось узнать, именовалось все это гопак.

Не принимая участия в общем веселье, мы, господа офицеры, проводили время за картами, понятное дело, не географическими. Играли в штос, игру примитивную до безобразия и дающую разминку более рукам, чем голове. Судя по кучке монет, громоздившейся возле гусарского поручика, сомневаться в ловкости его рук не приходилось. Загаданная карта ложилась на его сторону с завидным упорством, словно намагниченная. Перехватив умоляющий взгляд Редферна, я начал терять интерес к игре и в задумчивости воззрился на танцующих. Все было как всегда. Лихие амуры били своими стрелами в податливые женские сердца, как в туза навскидку, и то там, то здесь в темных углах, едва освещаемых оплывшими свечами, золотое шитье ментиков соседствовало с цветастыми платками, а нежное воркование и вздохи, тихие в каждом отдельном случае, вскоре грозили заглушить музыку.

Но все же было в этом вечере нечто странное. Сначала как-то незаметно, будто сами собой, из постоялого двора куда-то исчезли все местные парни. Потом, словно спохватываясь, одна за другой начали пропадать и девицы. С явной неохотой они высвобождались из пылких гусарских объятий и спешили к дверям, на ходу поправляя измятые сарафаны. На лицах наших усачей было написано явное разочарование.

— Куда они все? — спросил я Ислентьева, указывая на очередную барышню с толстенной, в руку, светлой косой, бросившую на произвол судьбы бравого гусарского вахмистра.

— Купальская ночь, — пожал плечами Никита. — Кстати, поручик, — обратился он к начальнику конвоя, — пора давать отбой. Иначе гусары тоже удерут в лес. Сами понимаете, купальская ночь.

— Вы правы, господин штаб-ротмистр. — Поручик встал из-за стола и подал знак безутешному вахмистру сворачивать увеселения. — Эх, оженить бы клопов со светляками. И на свечи тратиться

не надо было б, и давить их куда как сподручнее. — Он почесал затылок, предчувствуя прелести ночевки на здешних тюфяках.

— Либо сейчас мы заставим их спать, либо завтра в путь не двинемся, — пояснил мой толмач. От таких разъяснений ситуация понятней мне не стала.

Право слово, я чувствовал себя полным идиотом, но, невзирая на все усилия, понять, что происходит вокруг, мне не удавалось.

От мрачных раздумий меня отвлекло появление нового лица, от вида которого они стали еще мрачнее. «Вот уж действительно, прошлое гонится за нами и никому не удается уйти от него», — пробормотал я. Человек, зашедший в светлицу, явно искал меня, да и кого еще было искать в этих местах кучеру герцогини Кингстон.

— Ваша милость, их светлость просит вас пожаловать к ней в карету. Она желает говорить с вами.

Ислентьев посмотрел на меня испытующе.

— Хорошо, иду, — кивнул я.

Признаться, не люблю я этих встреч-послесловий, когда уже все сказано и все точки расставлены. Но, видит бог, всякий раз что-то неведомое тянет вновь услышать звук любимого голоса, вновь заглянуть в любимые глаза в поисках иной правды. Как будто есть она, эта иная правда. Я накинул на себя камзол, снятый во время игры, и последовал за кучером, с каждым шагом все более и более желая вернуться и все же невольно ускоряя движения, чтобы опять увидеть ее.

Дверца кареты была отворена.

— Ваша светлость. — Я поклонился, прижимая к груди треуголку. — Надеюсь, дорога была приятной? Признаться, не ожидал вас здесь увидеть.

— Милорд Вальдар, — произнесла леди Кингстон и замолчала, словно не зная, что говорить дальше.

Мы молчали, глядя друг на друга, понимая, что кто-то из нас должен первым прервать молчание, но чувствуя, почти зная, что каждое слово, произнесенное в эту минуту, будет звучать фальшиво, подобно оловянному шиллингу.

— Милорд Вальдар, — вновь повторила герцогиня, — вы уехали прочь, даже не поблагодарив меня за гостеприимство. Вы оскорбили меня своими нелепыми подозрениями, своим поведением, недостойным дворянского звания. — Она вновь замолчала. — И я... я хочу сказать вам... что не люблю вас и... и не желаю больше видеть.

Я стоял молча, стараясь не вслушиваться в слова, чтобы самому не сорваться на бессмысленные речи, стоял, жадно глядя в глубь кареты, где странным колдовским блеском горели глаза любимой женщины, как бы, черт возьми, ее ни звали! Я смотрел в эти глаза в поисках той самой иной правды и, кажется, видел ее.

— Пойдем. — Я требовательно протянул руку, помогая леди Чедлэй покинуть карету. — Пойдем, Бетси.

Она безропотно повиновалась, словно всю дорогу только и ждала, когда я протяну руку ей навстречу.

— Вдохни этот воздух, — тихо произнес я. — Он такой удивительно пьяный. Ты чувствуешь?

— Просто ты напился со своими друзьями офицерами, а теперь все валишь на воздух, — грустно глядя на меня, произнесла она. — Ты бежал из дома с этой...

— Прошу тебя, оставь. Я не хочу сейчас говорить ни о чем, что связано не с нами. Сегодня купальская ночь. Я не знаю, что это значит, но чувствую, что это важно. Пошли. Кроме нас с тобой, здесь нет никого. Все это тени из другого мира. Сейчас мы уйдем из него, и пусть там останутся наши имена и титулы. Все это мишура, всего этого нет, только мы с тобой реальны. Ты и я.

— Да, Вальдар, воздух действительно пьянит. Ты чувствуешь? Он пахнет вишней. — После моей сумбурной речи глаза Бетси волшебно сияли, отражая свет далеких звезд.

Я никогда не отличался сильным обонянием и с трудом бы мог отличить запах персика от запаха той же вишни. Но в этом воздухе действительно стоял какой-то дивный аромат, вобравший в себя, казалось, сам дух жизни и творения.

— Куда мы идем? — спросила она, вкладывая свою маленькую ручку в мою ладонь.

— Не знаю. Когда дойдем, мы узнаем об этом наверняка. Я чувствую, сегодня нельзя запираться в скорлупе стен. Эта ночь действительно дивная, и, куда бы ни пошли, мне кажется, она сама положит дорогу нам под ноги. Пошли за луной, милая.

Мы шли вдоль обочины дороги по колено в траве, словно жемчугом усыпанной росой, упорно не желая сворачивать на истерзанный копытами и колесами шрам тракта. Вокруг нас что-то чвикало, сверчало, где-то в лесу раздавалось уханье филина, но почему-то сегодня оно казалось не зловещим, как обычно, а каким-то разухабистым, словно крючконосый разбойник пустился вприсядку, словно гусары нынче на постоялом дворе. Ветви дерева преградили нам путь. От них веяло теплым сладковатым тягучим и нежным запахом. Я приподнял одну, освобождая дорогу любимой. Не знаю почему, но мне не хотелось расставаться с этим ароматом. Я отломил маленькую веточку, украшенную несколькими листиками и незамысловатым пахучим соцветием, и протянул ее своей спутнице.

— Представь себе, что это букет роз.

Она улыбнулась немного печально и провела кончиком указательного пальца по клейким треугольным листочкам.

— Это липа.

Мы не заметили, как свернули на тропинку, и теперь шли, углубляясь все дальше и дальше в лес, и тропка, по которой мы ступали, казалась волшебным клубком, разматывающимся перед нами. Внезапно путеводная нить оборвалась. Речушка, да что там, просто широкий ручей, весело скакавший меж кустов подлеска куда-то вдаль, жизнерадостно журча и рассыпаясь брызгами о замшелые валуны, был непреодолимой преградой для одетой в длинное платье Бетси.

— Ну что, идем дальше или поищем другой путь?

Она отрицательно качнула головой:

— Другого пути нет, идем дальше.

— Тогда держись.

Я легко подхватил ее на руки и шагнул в воду. Поток был неглубоким, но скользкие камни на дне таили неприятные сюрпризы, заставляя то и дело балансировать, чтобы сохранить равновесие.

— Ты замерзла? — спросил я, едва мы с моей драгоценной ношей преодолели узкую полоску прибрежного ила. — Ты вся дрожишь.

— Нет, Вальдар. Мне страшно.

— Страшно? — В моем лексиконе это было ключевое слово. Оно действовало на меня так же, как команда «Фас!» на вышколенного пса. И в тот же миг мой мозг, отрешаясь от поэтичности сегодняшней ночи, начал анализировать все возможные источники опасности — от комаров до вероятных в этих местах разбойных ватаг. Никакой опасности, во всяком случае поблизости, не было, даже ночные кровососы, казалось, пребывали сегодня в на редкость благодушном настроении. — Но отчего?

— Я не знаю, не могу понять. Мое прошлое... Я вспоминаю, будто смотрю картинки. Я хорошо помню кормилицу, помню парк возле дома, где любила кататься на пони, я помню герб над воротами, но... это не герб Чедлэев. Я слышу голоса по ночам. Они зовут меня, родные и близкие, но... я не помню, кому они принадлежат. — Бетси плотнее прижалась ко мне, словно ища защиты.

— А герб, ты не помнишь, что там за герб? — спросил я, хватаясь за эту тоненькую ниточку.

— Я каждую ночь пытаюсь его разглядеть, и иногда мне кажется, что еще мгновение, и я узнаю его. Но нет, я не вижу этот герб... Я словно Робинзон Крузо на острове, полном людоедов. И тут появляешься ты, такой сильный и храбрый. Рядом с тобой я чувствовала себя спокойно, мне казалось, что ты можешь защитить меня, и вот... Сегодня ты врываешься и говоришь мне, что я — это не я. Быть может, ты прав. Но до этого дня я была герцогиней Кингстон, леди Чедлэй, а теперь кто? Ведь получается, что теперь у меня нет своего

имени и все, что окружает меня, это обрывки чужой жизни, которую я доживаю, словно донашиваю чужие обноски.

Вековые дубы, между которых вилась наша тропка, расступились, выпуская нас на ярко освещенную поляну. Я посмотрел на небо. Призрачного света луны явно не хватало, чтобы устроить здесь подобное зарево.

— А это еще что? — Я начал озираться, пытаясь понять, откуда идет неведомое сияние.

Могучий дуб-исполин, выкорчеванный когда-то свирепой бурей, лежал с противоположной стороны поляны, воздев к небу одеревеневшие щупальца своих корней. Было что-то жуткое в этой поверженной мощи, но то, что освещало все окрест, находилось именно там, под бугристым комлем мертвого дерева. На душе было жутковато, но тропа вела именно туда. Мы не спеша осторожно приблизились к источнику света. Небольшой куст папоротника тянулся из земли, и с каждой секундой между листьев его загорались все новые ярко-алые цветочки-огоньки.

— Какая красота! — прошептала Бетси.

— Это цветет папоротник. Хотя, насколько я знаю, такого быть не может.

— Это чудо.

— Редферн говорил, что тот, кто отыщет этот цветок, сможет загадать любое желание, даже самое сокровенное. А тот, кто удержит его в руках, откроет для себя любые клады, лежащие в земле.

— Не надо его рвать. Он так красив! — Бетси склонилась над цветком. — А желание, — она печально вздохнула, — мне бы узнать, кто я на самом деле.

— Я бы тоже этого очень хотел, — согласился я.

В ту же секунду где-то рядом послышался сдавленный смешок, потом еще один с другой стороны.

— Клад, они не захотели клад!

Смех повторился, и я увидел, как из-за толстой ветки ближайшего дерева на меня глянуло улыбающееся девичье лицо. Оно тут же исчезло, но из-за другого дерева выглянуло еще одно, потом еще.

— Одно желание, вы слышали, у них одно желание! В коло их, в хоровод! Пусть покружатся с нами!

Девицы одна за другой начали возникать вокруг нас словно из ниоткуда. Я мог бы поклясться, что минуту назад здесь не было ни одной живой души. Я знаю толк в засадах и наверняка бы услышал, попытайся кто-нибудь приблизиться к поляне.

Девицы были абсолютно нагие, лишь поверх распущенных длинных зелено-желтых волос красовались венки из лесных цветов и ли-

стьев липы, украшенные драгоценными красными каплями вишневых ягод.

— Покружим их, сестрицы!

Лесные красавицы набросились на нас, тормоша, щекоча и срывая одежду. Обычно я слабо ощущаю щекотку, но, черт возьми, это было очень щекотно! Одна из девиц в суматохе схватила мой символ веры и тут же отдернула руку, словно обжегшись.

— Господи, капитан, ну шо тебе не спится. Не знаю, как у вас, но у нас тут глубокая ночь. Вау! — Крик лисовского восторга чуть не сорвал мою черепную коробку. *— Что это у тебя там происходит? Где ты набрал столько бабья? Ничего себе пикничок! Это где ж сейчас так устраиваются?*

— Лис, извини, я не хотел.

— Ба, капитан, я уже, кажется, не сплю. Это что, русалки?

— Русалки живут в воде, а эти какие-то лесные, дикие.

— Ага, сейчас. Вот бы я на тебя посмотрел, если бы ты попытался русалку-перуницу в воду затолкать. Кстати, ценная мысль, уху можно прямо в озере варить.

— А если серьезно, ты можешь сказать, что здесь творится?

— Да я же и говорю, обычные русалки. Сегодня же купальская ночь, вот они и веселятся. Я надеюсь, ты там не один по лесу шатаешься?

— Нет.

— А, ну тогда расслабься и получай удовольствие. Приятно отдохнуть. До связи. Утром расскажешь, чем все закончится.

Связь отключилась. Голова моя шла кругом, и в глазах мелькали красные огоньки папоротника, зеленоглазые русалки и милое лицо Бетси, заливисто смеющейся и абсолютно счастливой.

Мы пришли в себя только утром под радостное пение птиц, приветствующих восход солнца. Одежды на нас было не более чем на русалках, и головка Бет покоилась на моем плече. Очнувшись ото сна и оценив свое положение, она густо, до пунцовости, покраснела и, пытаясь как-то прикрыться, бросилась собирать разбросанную по поляне одежду. Передо мной была герцогиня Кингстон, волею чар занесенная на русалочью поляну. Казалось, в ней не осталось ровным счетом ничего от той девушки, с которой ночью мы нашли цветущий папоротник.

— Проводите меня к карете, милорд, — произнесла она ледяным тоном. — Невзирая ни на что, надеюсь, вы сохранили остатки благородства, — жестом, исполненным достоинства, она подала мне руку, — и не воспользуетесь моей минутной слабостью.

Карета леди Элизабет Чедлэй ожидала там же у постоялого двора, где мы ее и оставили. Но теперь рядом с ней стояла еще одна, на дверце ее красовался овальный итальянский щит, увенчанный графской короной. В гербовом поле из пламени выходил расправляющий крылья феникс. «Сгорая — рождаюсь» — гласил девиз на ленте вокруг щита.

— Граф Калиостро, — как-то испуганно произнесла Элизабет Чедлэй. — Я не думала, что он поедет за мной.

Завидев нас, идущих по дороге, великий магистр распахнул дверцу кареты и соскочил на землю с истинно неаполитанской живостью.

— Миледи, — раздраженно начал он, едва раскланявшись со мной, — с вашей стороны было весьма неосмотрительно отправляться в путь без охраны. Здешние дороги небезопасны. С вашего позволения, я буду счастлив сопроводить вас обратно в Петербург.

Не дожидаясь ответа, он бросился к нам, буквально оттесняя меня от леди Чедлэй, спеша помочь ей забраться в карету.

— Да, милорд Вальдар, — Калиостро повернулся ко мне, едва моя спутница оказалась в карете, одаривая меня улыбкой в тридцать два карата, — я еще не поблагодарил вас за ту неоценимую помощь, которую вы оказали в спасении моего имущества. Не окажись вы рядом... Кстати, что привело вас в мой флигель?

— Искал средство от головной боли, — буркнул я.

— Средство от головной боли? Ну конечно... А не знаете ли вы, что искали у меня грабители?

Роль простака пока что меня вполне устраивала. Конечно же, грабители искали во флигеле нечто ценное, вряд ли бы они пришли туда в поисках смысла жизни. А вот что для них было ценно — это другое дело. Я пожал плечами, словно пытаясь вспомнить список похищенных вещей.

— М-м... Золотая табакерка с изумрудами, пара бонбоньерок, серебряный ножичек для резки бумаг... Да, вот еще! Инкрустированный ларец из черного дерева.

Калиостро побледнел:

— Вы точно видели, что они брали ларец?

— Абсолютно точно.

— Вместе с бумагами?

Вернее было бы сказать, что коварные похитители собирались стащить бумаги без ларца, обратно в ларец я сложил их собственноручно, но это были детали, посвящать в которые столь занятого человека мне показалось неуместным. Великий магистр грязно выругался себе под нос на звучном неаполитанском диалекте. Похоже, грамотность жуликов его решительно не устраивала.

— Еще раз благодарю вас, — кивнул он и, заскочив в карету герцогини, сделал знак отправляться.

Я стоял на дороге и смотрел вслед удаляющимся экипажам. Ярдов через сто карета Бетси остановилась, она вышла и, подойдя к дереву, свешивающему свои ветви прямо на дорогу, отломала одну из них. Экипажи вновь тронулись и исчезли вдали, лишь ветер пробежался по листве, как пианист по клавишам, и стих, оставляя после себя дурманящий запах липы.

Глава 13

Если женщина не сдается, она побеждает, если сдается, диктует условия победителю.

Карел Чапек

Кареты исчезли вдали, а я стоял, глядя вслед, понимая, что теряю что-то очень важное, теряю, быть может, безвозвратно. Граф Калиостро, которого язык не поворачивался назвать злым гением, все еще был у меня перед глазами. Мне никак не удавалось понять, что в действительности представляет собой этот человек. Я был благодарен ему и за себя, и за Баренса и потому не мог держать на него зла, но в то же время чувствовал, да нет, знал, что их отношения с Бетси Чедлэй окутывает жуткая тайна, что он имеет какую-то странную, загадочную власть над ней и в той игре, которую ведет великий магистр, жизнь девушки, да и любая другая жизнь, значит что-то лишь в том случае, если может быть использована для достижения ему одному ведомых целей. Я не сомневался, что Бетси Чедлэй не та, за кого себя выдает, я не сомневался, что стараниями графа она и сама не в силах вспомнить, кем была на самом деле. Я был уверен, что вся эта комбинация с ее омоложением и дальнейшим прибытием в Россию была только ходом для того, чтобы поближе подобраться к Екатерине. Псевдо-Фике, обнаруженная мной во флигеле Калиостро, не оставляла сомнений в том, какая участь ожидала государыню, доверься она россказням о возврате юности и подпусти к себе хитроумного итальянца на расстояние прямой слышимости. Но что нужно было этому человеку? Власть над Россией? Богатство? Вряд ли. Ведь не стала же девушка, занявшая место герцогини Кингстон, холодной и расчетливой авантюристкой, какой мне описывал ее лорд Баренс. Смогла бы

бедная горничная из Митавы убедительно подменить государыню? Ни за что бы не смогла. Значит, конечная цель была где-то глубже. Но где? Власть как таковая не слишком интересовала непоседливого маэстро тайных знаний, она была очень обременительна для него. Деньги? Тоже не похоже. После ряда удачных авантюр он ничуть не нуждался в средствах, к тому же авторитет, которым пользовался Калиостро в масонских кругах, предоставлял ему практически неограниченный кредит. Тогда что же? Ответа не было. Пыль уже улеглась, а я все смотрел на дорогу в ожидании чуда.

— Ваша милость, вы уже на ногах? — Редферн, чисто выбритый, как подобает образцовому слуге, стоял возле меня в ожидании распоряжений. Увлеченный своими мыслями, я не заметил, как он подошел. — Прикажете нести умывание? — спросил он. — Вода уже нагрета.

— Да, — вздохнул я. — Гусары поднялись?

— Поднялись, ваша милость. Через час можем выступать. — Он чуть помедлил, собираясь возвращаться на постоялый двор. — Их светлость уехали?

Я молча кивнул.

— Больше не серчают?

Я невольно усмехнулся. Если бы все было так просто!

— Ну, вот и славно, — улыбнулся в ответ Редферн. — Знать, Лада все сладила.

— Пошли в дом, Питер. — Я похлопал по плечу верного камердинера. — Действительно, пора умываться, завтракать и отправляться в путь. Он у нас еще ой какой неблизкий.

Когда мы выехали с постоялого двора, солнце еще едва виднелось над верхушками деревьев. Голубое, без единого облачка небо обещало жаркий полдень, и нам следовало поспешить, чтобы пройти побольше до наступления полуденного зноя. Тем более что расстояния, казавшиеся вполне заурядными для коренного жителя Российской империи, мне, выросшему в стране, которую за неделю можно проехать из конца в конец, казались настолько нереально огромными, что невольно думалось о нескончаемости нашей экспедиции, о долгих месяцах, которые придется провести в дороге. Мы шли короткой рысью, чтобы не утомлять коней понапрасну, и я, отключившись от меланхоличного созерцания окрестных пейзажей, вновь и вновь возвращался к событиям последних дней, стараясь найти их внутреннюю логику.

— Вальдар, — произнес скакавший рядом штаб-ротмистр Исленьев.

Я очнулся от своих мыслей и обернулся к нему:

— Да, слушаю тебя.

— Все не решаюсь у тебя попросить. — Никита замялся.

— О чем же?

— Ну, понимаешь, мы довольно долго будем в пути. — Он запнулся, явно все еще не решаясь изложить свою просьбу, и потому начиная издалека. — На привалах все равно нечего делать, мы бы могли... Если тебе, конечно, не трудно...

— Никита, да о чем ты, в самом деле?

— Я хотел бы брать у тебя уроки фехтования, — собравшись с духом, выдохнул Ислентьев.

— Хорошо, — пожал плечами я. — И это все?

— Да, — обрадованно кивнул мой приятель. — Ты не представляешь, как меня обяжешь. Сам ведь наверняка знаешь, у полковых наставников многому не научишься, а там, куда мы едем, без этих умений можно сразу в гроб ложиться.

Я не стал расстраивать своего соратника известием о том, что там, куда мы едем, укладывают в гроб и с этим умением, тем более работа учителя фехтования была мне куда ближе, чем та роль, которую теперь приходилось исполнять. Да и форму надо поддерживать, и на привалах действительно чем-то заниматься — в общем, со всех сторон удачное предложение. Я повернулся к Ислентьеву:

— По рукам. Но у меня к тебе встречная просьба. Я тебе фехтование, а ты мне русский язык.

— По рукам, — улыбнулся тот.

— Кстати, — оглянулся я, уже окончательно выведенный из своих раздумий. — А куда подевался наш бравый поручик?

— Ржевский, что ли? Да вон он, сзади у повозки рассказывает жене твоего камердинера, как вместе с Румянцевым гнал турок аж до самого Константинополя.

Я недовольно поморщился. Черт возьми, гусарские заезды в сторону «наследницы престола» никак не входили в мои планы. Некухарское происхождение мадам Орловой было настолько явственно, что ставило под угрозу всю операцию по ликвидации последствий моей собственной благородной глупости.

— Тебе что-нибудь известно об этом поручике?

— О да! В легкой кавалерии его знает каждый. Смельчак, рубака, за Кагул был награжден, да креста не получил: дуэлировал с румянцевским адъютантом. Вместе с Суворовым ходил на Туртукай и опять наградой обойден, но тут уже из-за какой-то амурной истории.

— Понятно, — вздохнул я. Плакала моя легенда, рыдала Ниагарским водопадом. — Зови-ка сюда этого храбреца, нечего ему честной женщине кружить голову.

Ислентьев подал знак поручику приблизиться, и тот, явно извинившись, дал шпоры коню. Я тяжело вздохнул — это был недобрый знак. Даже если сам Ржевский еще не понял, что его собеседница не та, за кого себя выдает, в душе он уже сознает ее ровней себе.

— Господа, не правда ли, чудная погода! — Поручик явно был в отменном настроении, отчего, казалось, усы у него топорщились с особым шиком и султан на кивере торчал навстречу небесам незыблемым символом мужественности. — Я вот помню, стояли мы в Бессарабии в одном селении, там у местного помещика была дочь... Точнее, у него было две дочери, но за второй волочился мой друг корнет Азаров.

— Поручик, я хочу поговорить с вами.

— Слушаю вас, господин премьер-майор.

— Вам не следует вести беседы с этой женщиной.

— Но дама скучает! — моментально понимая, о ком идет речь, возразил начальник конвоя. — Я всего лишь развеял ее скуку парой светских анекдотов. Вот, кстати, один препикантный...

— Ничего, даме полезно поскучать, — прервал я его.

Поручик поглядел на меня подозрительно:

— Надеюсь, она не ваша аманта*?

— Нет, — покачал я головой. — Она жена моего камердинера, и я желаю, чтобы она таковой оставалась и впредь.

— Ну конечно, — радостно согласился офицер. — Я вовсе не собираюсь на ней жениться. Хотя хороша, видит бог, как хороша! Я так понял, она недавно замужем за вашим камердинером?

— Поручик, какое, собственно говоря, вам до этого дело?

— Да нет никакого. Так, знаете ли. Задумался о превратностях жизни. Тот, кому достаются в жены такие красавицы, должен иметь крепкие клыки, если не хочет иметь крепкие рога. — Он захохотал, радуясь своей шутке. — А ваш Питер уже не молод...

Я нахмурился. Похоже, мысли моего собеседника уже приобрели четкую направленность, и это была направленность в койку на ближайшем постоялом дворе.

— И все же, поручик, повторяю вам еще раз, я не желаю вас видеть рядом с этой женщиной. Я не желаю, чтобы вы разговаривали с ней, и уж тем более не желаю, чтобы вы пытались совратить ее. Можете воспринимать это как приказ. Если же вас что-то не удовлетворяет, я готов дать вам сатисфакцию в первый же день после выполнения данного мне поручения.

Признаться, я не надеялся, что поручик тут же примется неукоснительно выполнять приказ, как и не надеялся запугать его

---

* Аманта — любовница, возлюбленная.

возможной дуэлью. Передо мной был человек явно не той породы, которую вообще можно было чем-то запугать, но что еще я мог сделать?

Оставив Ржевского под наблюдением толмача, я пересел из седла в походный возок, в котором ехала Елизавета Кирилловна.

— Сударыня, насколько я понимаю, вы собираетесь погубить и меня, и себя. Зачем вы флиртуете с поручиком? Вы хотите, чтобы он понял, что вы такая же кухарка, как я министр финансов? Не забывайте о своем положении.

— Вы странный человек, господин премьер-майор. Сначала я сочла вас своим другом, коль скоро вы помогли мне освободиться из рук палачей узурпаторши, но вышло иначе. Вы сами взяли меня в плен и теперь содержите как пленницу. Вы говорите, что мой супруг бежал, и тут же обещаете доставить меня к нему. Почему я должна вам верить? Быть может, это какая-то дьявольская уловка Екатерины? Она мастерица на всякие коварства. А вы, насколько я успела понять, ее величества флигель-адъютант, — произнесла она тоном, которым в лондонских кабаках окликают гулящих женщин. — Быть может, вам поручено было изобразить похищение, чтобы не дать истинным друзьям помочь мне.

— Каким еще друзьям? — досадливо бросил я.

— Неужели вы думаете, что у родной внучки императора Петра в этой стране не найдется верных людей, готовых рисковать своей жизнью ради ее свободы?

Я пожал плечами:

— Пока что всем этим рискую я.

— Я вам не верю, — надменно произнесла «пленница». — И потому оставляю за собой право выбирать себе друзей.

— О Господи! — вздохнул я. — Вот уж воистину, ни одно благодеяние не остается безнаказанным. Сударыня, что бы я ни сказал, вы все равно не желаете меня слушать. Если вы не верите, что я вам не враг, — воля ваша. Доказывать что-либо я не намерен. Скажу вам лишь одно: если замечу, что вы пытаетесь обольстить поручика или еще кого-нибудь из конвойной команды, — в ближайшем городе сменю весь конвой, и впредь буду делать то же самое в каждом гарнизоне, пока мы не доберемся до места. — Я собирался еще что-то сказать, но в этот момент включилась связь.

— *Говори, хохол, с чем на этот раз пожаловал.*

— *Ваше величество, известный граф Калиостро, маг и целитель, третьего дня прибывший в Санкт-Петербург, просит назначить ему день аудиенции.*

— *Что надобно мошеннику?*

— Сие мне неведомо. Но в своем прошении он пишет, будто обладает великими секретами, кои для вашего величества большой интерес иметь могут.

— Что еще за секреты?

— О том лишь Калиостро ведомо. Но вот что хочу сказать: вчера на Вторую Адмиралтейскую из особняка герцогини Кингстон сволокли трех грабителей, коих ваш флигель-адъютант Камдил словил в покоях означенного графа. Так через два часа туда пожаловал человек от генерал-поручика Потемкина и всех троих с собой увез. Вот я и думаю, не те ли самые секреты любезный Григорий Александрович в дому у Калиостро искал.*

— Секреты, секреты... Своих секретов, что ли, не хватает! Чего Камдила-то к Калиостро понесло?

— Так графов флигель рядом стоит. Они оба в особняке герцогини Кингстон проживают.

— Вот оно что. Но Камдил-то вестимо. Как я слыхала, у него с герцогиней амуры. А Калиостро чего там поселился?

— Так ведь, с позволения вашего величества, он же ж того... ее светлость вновь в девицу превращал. Она ж с вашим величеством одного года...

— Молчи, дурак! — послышался обиженный окрик Екатерины. Это был окрик возмущенной женщины и уж никак не великой государыни. Да и кому приятно сознавать, что одногодка твоя выглядит юной девушкой, когда ты уже не в силах прятать морщины у глаз и отвисающие щеки.

— Прошу прощения, ваше величество, я не хотел...

— А правду ли рассказывают, будто бы Григорий Потемкин на супругу графа глаз положил?

На канале воцарилась гробовая тишина.

— Ну, что молчишь? Язык проглотил? — возмущенно прикрикнула императрица.

— Говорят люди, — с неохотой произнес Безбородко, *— да мало ли, что говорят.*

— А что они говорят?

— Мол, у Елагина весь вечер он от нее не отходил, а давеча графа с супругой к себе приглашал, как раз в то время, когда воры у того дом шуровали.

— Вот оно как. У Елагина вечер, кажись, позавчера был? Это когда у Потемкина так голова болела, что он из Царского уехал? Экий прохвост! Вот что велю: в аудиенции отказать, Калиостро из Пе-

---

* На Второй Адмиралтейской находилось полицейское управление.

тербурга выслать вместе с супругой. Коли хочет в России быть, пусть в Москву отправляется, тамошних дураков морочить. А как он есть великий магистр масонский, Шувалову скажи, чтоб присмотр за ним учинил, и коли что за ним сыщется, — в острог его немедля.

— Слушаюсь, ваше величество.

— Далее докладывай. Об Орловых что? О самозванке?

Безбородко шумно вздохнул.

— Орловых, ваше величество, покуда не сыскали, но заставы на всех дорогах стоят. Все порты, все границы перекрыты. Да вот слух тут один есть...

— Что за слух?

— В народе говорят, будто Орловы покойного супруга вашего и не убивали вовсе, а, наоборот, бежать ему помогли. Вот я и думаю, коли так, то, видать, Орловы и впрямь к мятежнику подались.

— Измену еще более тяжкой изменой прикрывают, канальи! Изловить и казнить изменников! — Она мрачно замолчала, и могущественный кабинет-секретарь боялся проронить слово, страшась нарушить это молчание. *— А что, Камдил уже выехал?* — спросила она резко, безо всякого перехода.

— Еще вчера, матушка-императрица. Ваше приказание выполнил в точности.

— Сразу видно, англичанин. А то у наших сегодня это завтра, а завтра на той неделе. Что ж, хорошо. Дай бог дорогу молодцу. А о девке Орловской что?

— Вроде бы граф Александр Иванович ее уже изловил и самолично к вам с докладом собрался. Я лишь знаю...

Связь прервалась, видимо, кто-то посторонний был пропущен за «кавалергарды», лишая возможности Василия Колонтарева далее транслировать утреннюю сводку новостей.

Я удивленно посмотрел на свою спутницу. Глаза на ее тонком лице были какого-то нереально фиолетового цвета, но в остальном с ней все было нормально, и никаких ищеек тайной канцелярии поблизости не наблюдалось, не считая, конечно, Ислентьева. Но его заподозрить было не в чем.

Дальше мы ехали молча, духота в возке становилась все более нестерпимой, и я уже начал клевать носом, убаюканный мерным покачиванием, когда в окошке появилась довольная улыбающаяся физиономия Ржевского. Поручик появился со стороны Лизаветы Кирилловны, и, видимо, потому брови на его лице тут же начали вытанцовывать канкан, и усы вытянулись, словно стрелка компаса. Мадам Орлова по достоинству оценила этот жест, одаривая поручика обворожительной улыбкой.

— Сударыня, а что, господин премьер-майор спит?

— Господин премьер-майор не спит, — внятно произнес я. — Если вы хотите ко мне обратиться, будьте любезны подъехать с другой стороны.

— Вот же змеюка английская, — продолжая улыбаться, произнес Ржевский на «непонятном» мне русском языке. — Зарядить бы тебе в ухо, чтоб не пыжился. — Он тронул поводья, чуть придерживая коня, и через мгновение оказался у моего окошка.

— О чем вы только что говорили? — осведомился я по-французски.

— Я только хотел сообщить вам, что солнце в зените и пора бы уже делать привал.

— Хорошо, — кивнул я и добавил по-английски: — А желание заехать мне в ухо я тебе, кобелю, припомню при первой возможности.

— Простите, ваше высокоблагородие, не понял?

— Я говорю, что нам необходимо беречь солдат и коней и незачем тащиться по жаре.

— Так точно, господин премьер-майор! — выпалил поручик, глядя на меня с подозрением, и, дав шпоры коню, скомандовал привал.

Пережидая полуденный зной, мы расположились в лесной тени на небольшой поляне. Ислентьев, пользуясь моментом, притащил пару рапир, загодя прихваченных из Петербурга, и мы зазвенели клинками. Действительно, штаб-ротмистру было чему учиться. Он был горяч, суетлив и оттого, к немалому своему огорчению, то и дело ловился на вполне простые приемы.

— Движения короче, — командовал я, — не размахивай руками, как ветряная мельница! Береги силы. — Ислентьев отступал, стараясь пунктуально выполнять мои указания, но через минуту вновь начинал отмахиваться оружием от мух, теряя логическую нить поединка. — Не так, Никита, опять не так! Прочувствуй, проживи каждое движение — оно не должно быть случайным. Фехтование подобно поэтической беседе, говорят, подобные были весьма популярны во времена Франсуа Вийона. Первый, кто не находит достойную рифму к последней строке строфы своего противника, кто не может продолжить состязание своей строфой, проигрывает. Ты снова горячишься! Подумай, что следовало сделать при такой атаке?

— Взять парад квартой? — виновато вздохнул Ислентьев.

— Можно и квартой, — согласился я. — Но лучше соединить кварту с обратным батманом. И вот когда твой клинок скользит по клинку противника, начинай поднимать кисть вооруженной руки вверх по дуге. — Мы проделали все сказанное. — Вот видишь, куда направлен мой клинок?

— В горло, — негромко произнес штаб-ротмистр, казалось, завороженный видимой простотой движения.

— Теперь тебе остается только дослать руку вперед. — Я коснулся острием клинка шеи ученика. — Понятно? Давай попробуй сам. Только, ради бога, не горячись. — Я взял клинок и согнул, проверяя его гибкость. — Вот послушай, что говорил великий испанский учитель дон Хайме д'Астарлоа: «Фехтование — это искусство, а не ссора между простолюдинами. Если настоящий джентльмен вынужден убить, то сделает это самым безупречным образом в защиту своей чести и достоинства». — Я чуть усмехнулся, вспоминая, что знаменитый учитель еще не появился на свет и даже дедушка его, которому суждено будет погибнуть в боях против Наполеона, еще вряд ли получил звание мальтийского рыцаря. — Все понятно? Начали!

В эту секунду прорезалась связь. От неожиданности я отпрянул, заставляя противника на выпаде тянуться за мной, и резким ударом по сильной части клинка от гарды вниз вышиб его из рук Ислентьева. Честно говоря, демонстрировать свое превосходство над учеником в такой манере было признаком дурного тона. Но, черт возьми, кто знал, что Лису придет в голову возникнуть на канале связи именно в этот миг. Нехорошо, конечно, но никак не могу привыкнуть к подобным внезапным вторжениям в мое сознание.

— Опаньки! Это шо, на вас уже напали или ты все еще дуэлируешь? — с места в карьер начал мой напарник.

— Ни то ни другое, — недовольно отозвался я. *— Обычный урок фехтования.*

— А-а, а я уже было решил, что ты собираешься сэкономить кормовые деньги за счет уменьшения количества едоков в конвое.

— Нет, — вздохнул я. *— Но, похоже, к тому идет.*

— Давай угадаю! Это из-за той крали, которую ты спер у Катьки? Мне Рассел рассказывал.

— Увы, ты прав.

— Говорят же вам, от ля фам добра не шерш. Ну да ничего, давай я тебе анекдот на эту тему расскажу. К поручику Ржевскому подходят в офицерском собрании, спрашивают: «Поручик, а правда ли, что вы стрелялись из-за женщины?» А он: «Нет. Это князь стрелялся из-за женщины, а я из-за дерева».

— Ха-ха, очень смешно. Как раз с поручиком Ржевским мне, похоже, и предстоит дуэлировать.

На том конце канала воцарилась гробовая тишина. За время паузы вполне мог родиться целый выводок дураков.

— Не, капитан, шо, правда? Без балды?! — наконец прервал молчание Лис.

— *Без чего?* — переспросил я.

— *Живой поручик Ржевский?* — не отвечая на вопрос, продолжил напарник.

— *Во всяком случае, пока еще живой.*

— *Офигеть!*

— *Да в чем дело-то?* — недоуменно спросил я.

— *Ой, капитан, ты не поймешь, ты дикий. Это ж, можно сказать, кумир всей моей юности. Слушай, у меня к тебе глобальная просьба, не убивай его, хорошо? Лучше мне его подари. Охренеть! Дома расскажу, что с самим поручиком Ржевским водку трескал, народ от зависти повыздохнет. Он у нас как бы национальный герой.*

Подобная постановка вопроса меня несколько обескуражила. То есть ходить под знаменами Пугачева за пару веков до собственного рождения — это нормально, а вот с каким-то безвестным поручиком водки выпить — предел мечтаний. Воистину, загадочна русская душа. Особенно когда она украинская.

— *Послушай, но, может, это не тот Ржевский, может, какой другой? Мало ли отпрысков данного рода служат Отечеству в рядах вооруженных сил, и практически все они прошли через младшие обер-офицерские звания.*

— *Ты его, главное, сюда доволоки, там разберемся.*

— *Хорошо, постараюсь. А теперь расскажи, чего ради ты меня вызывал.*

— *А, ну да. Я хотел тебе сообщить, что только что в штабе императора Петра III прошел военный совет, и мы решили идти на Казань, потому как здесь уже все, к хреням, съели. Так что Джавгета на Сухом Ручье нет.*

— *Кого?*

— *Не обращай внимания, еще один национальный герой. Ежели встретишь, не убивай. Тоже тащи сюда. Все, отбой связи. Жду привета, как соловей лета.*

Связь исчезла, и, освободив мозг от посторонних шумов, я задумчиво уставился на Ислентьева, уже вновь стоявшего с рапирой в руке, удивленно взирая на меня.

— Все нормально?

— Да-да, — кивнул я, окончательно приходя в себя, — можем продолжать. Ангард!

Солнце уже начинало скатываться на запад, прокладывая себе путь сквозь невесть откуда взявшиеся перины облаков, и, конечно же, как все, кто прокладывает себе путь сквозь перины, оно оставляло в них изрядную долю своего жара, давая нам возможность нор-

мально дышать. Я ехал в возке рядом с гордо молчавшей претенденткой на престол и каждый раз гневно хмурился, когда герой здешнего эпоса вновь появлялся за окошком госпожи Орловой, желая то осведомиться, не будет ли каких приказаний, то сообщить, что до постоялого двора осталось еще десять верст. Мне оставалось лишь мрачно зыркать на него, глубоко сожалея, что лисовская просьба лишает меня возможности претворить в жизнь данное Лизавете Кирилловне обещание оставить ее фатоватого ухажера в ближайшем гарнизоне. Еще я благодарил небеса за то, что обед у гусар состоял из куска хлеба и ломтя мяса, прихваченных на ночной стоянке, иначе бы пришлось приставлять к кухарскому делу нашу синеокую красавицу.

— Ну-с, любезный граф Александр Иванович, рассказывай, что у вас там за виктория?

Голос Екатерины вывел меня из задумчивости, и я вновь уставился на петровскую внучку, стараясь предугадать, что собирается поведать государыне глава тайной канцелярии.

— Ваше величество, мои люди с ног сбились, ища беглянку. Хитро, стерва, притаилась, едва сыскали.

— Да ты толком говори: где сыскали, кто похитил, каковы планы заговорщиков.

— Сыскали близ Ораниенбаума на даче инженерного поручика Ганецкого. Похищение сие, слава богу, не Орлов измыслил, а ляхи, коим самозванка сулит вновь возродить Речь Посполитую.

— Всех ли взяли?

— Увы, ваше величество, девку изловили, только она, видать, с расстройства в уме помешалась. Одного ляха, с нею бывшего, живьем взяли. Поручик, когда в двери вломились, сам себе пулю в лоб пустил. Да по всему видно, что ляхов-то больше было. Деньги, оружие, еда, все о том говорит. Но на даче их не было. Мы засаду там оставили, глядишь, кто попадет.

— Хорошо, уважил. Девку назад в Петропавловку, в каземат. Ляха заставь говорить, хоть все жилы из него вытяни. Кто сие дело организовал, что еще злоумышляют, кто во главе мятежников стоит и где скрывается, все выпытай. Ладно, об Орловых что?

— Ищем, ваше величество.

— Плохо ищете, коли еще не сыскали. Верно ли, что слух в народе пущен, будто Орловы Петру III бежать помогли?

— Верно, государыня. — Из кабинета Екатерины донесся печальный вздох.

— Ну так, стало быть, Орловы к разбойнику подались. Там их искать и след.

— А коли они слух пустили, чтобы с толку нас сбить? Мы все силы на Яик пошлем, а они-то как раз морем из России и утекут.

— Мудро говоришь, Александр Иванович, да только я Гришку с Алеханом знаю, не таковы они, не по их уму. Цепляйся за хвост да держи покрепче, так всю лису из норы и вытянешь. Ищи, кто слухи распускал, они наверняка знают, куда и как Орловы подались. — Она ненадолго задумалась. *— А жену Алехана ты вот что, в каземат не сажай, пусть в Петропавловке живет, но с уважением. О том же, что она умом повредилась, — никому ни слова. При случае будет чем с Алексеем Григорьевичем поторговаться.*

На канале связи послышался встревоженный голос Колонтарева:

— Вальдар, что такое? Ты что, оставил свою боевую подругу в Питере?

— Да нет, — я включил картинку, *— вот она сидит. Интригует против меня, в общем, занята своим обычным делом.*

— А Шувалов тогда кого поймал? Ляхи какие-то появились. Поручик застрелился. Что это еще за балаган?

— Ума не приложу. Ты вроде поближе, попробуй разузнать. Одно тебе точно могу сказать — эта самозванка со мной. А сколько их всего у Шувалова припасено, вопрос не ко мне.

— Ладно, я тут сам порою. Да, чуть не забыл, привет тебе от дяди. Он уже здесь, в Колонтарево, приходит в себя после операции.

— Ему от меня также. Скажи, что очень соскучился, не хватает мне его тут очень...

— Это он уже понял. Ладно, продолжаю давать сводку с полей.

— ...давеча удалось взломать шифр, коим французский посол де Керберон свои депеши в Париж секретил. Отныне мы можем всю его переписку читать, точно Священное Писание.

— Что ж, дельно. Представь доклад мне по сему вопросу. А о Калиостро что слыхать?

— Сегодня днем вернулся в Санкт-Петербург. По его словам, ездил за город на пикник. Тогда же ему было вручено предписание покинуть столицу.

— И что, собирается?

— Матушка-императрица...

— Ну, говори, что замолк?

— Матушка-императрица, Калиостро уже покинул город.

— Экий быстрый. И куда же он подался?

— Сие неведомо, ваше величество. Видать, ему и вправду сам нечистый помогает. Он покинул город из всех семи застав одновременно.

Глава 14

Мы всегда готовы прийти на выручку. Была бы выручка.

Девиз налетчиков

— ...Как докладывает посол вашего величества князь Барятинский, в Тулоне, ожидая приказа отплыть в Америку, стоит эскадра адмирала д'Эстена. На судах нагружено знатное количество ружей, бомб, шесть мортир крупного калибра, есть инструменты для раскаления ядер, парусные полотна и на полгода провианта.

— Велика ли эскадра?

— Десять линейных кораблей и семь фрегатов.

— Да, сила немалая. Король Людовик, стараясь побольнее укусить Джона Буля, того и гляди сам себя за хвост цапнет. Сколько, ты говоришь, он уже передал инсургентам через сочинителя Бомарше?*

— Один миллион ливров, ваше величество, и еще один намеревается передать в самом скором времени.

— Денег король Людовик не жалеет. А каков государственный долг Франции?

— По сведениям генерального контролера финансов французского двора — один миллиард двести пятьдесят миллионов ливров. Однако же, по более верным сведениям, кои перед королем оглашать не решились, в полтора раза больше. Так что, выходит, в год его величество тратит налоги как бы на три года вперед.

— Что и говорить, рачительный хозяин. Но долго ли так жить сможет? А ведь все ему неймется, глупый осел. Как он не поймет, — поддерживать мятежников, даже если мятеж против твоего кровного врага, дело глупое и весьма опасное. Мятежные идеи заразны, как чума. Ты думаешь, я не сочувствую колонистам? Сочувствую. Они мне ближе и понятнее, чем их полоумный сюзерен Георг III. Да, они, безусловно, правы, говоря, что введенные королем налоги убивают торговлю, что невозможно управлять страной, сидя за морем, что колониальные чиновники неизбежно становятся рвачами и взяточниками, но дело-то не в этом! Чего добьются мятежники, пытающиеся утвердить свою независимость силой оружия? Долгих лет войны? Опустошения своей земли? Вероятного поражения и расправы с зачинщиками в назидание остальным? Скажи, хохол, в этом и состоит их хваленая масонская мудрость?

---

* Джон Буль — общее название англичан конца XVIII века.

— Но, ваше величество...

— Я тебе больше скажу. Быть может, Господь отметит правых, и инсургенты возьмут верх. Сколько будет стоить им эта война? Десятой доли потраченных в пороховой дым денег хватило бы, чтобы купить весь английский парламент и заставить его проголосовать за дарование независимости в обмен на лояльность!

Допустим, что Вашингтон и его приспешники победили. Что же им досталось? Громадный долг, который необходимо отдавать банкирам, а отдавать нечем? Так что, помяни мое слово, пойдет их свобода и независимость в заклад, как старое платье в лавку ростовщика. В высокой политике, хохол, прыгать нельзя, но след продвигаться вперед неспешными шагами. Отсутствие верховной власти не превращает толпу рабов в народ. Еще Руссо говорил, что свобода может быть лишь между людей обеспеченных и образованных. Нищета же у власти — это разбой, и по-иному быть не может. Я и сама превыше всего ценю свободу. Свобода — душа всего, без нее все мертво. Я хочу, чтобы повиновались законам, но не рабов. Рабство есть политическая ошибка, которая убивает соревнование, промышленность, искусство и науки, честь и благоденствие. Но свободным человеком невозможно стать по приказу, по чьей-то высочайшей воле. До свободы сердцем, умом, душой дорасти надо. И лишь единение сознательных граждан с государем, отечески пекущемся о народном благе и устройстве государства, есть залог достижения свободы. Все же остальное — заговор тщеславных дураков и хитрых заимодавцев...

Мы путешествовали по России третью неделю, давно сменив пыльный разбитый тракт на убаюкивающую мерной качкой голубую речную дорогу с красивым названием Волга.

— ...И долго бился Вольга Святославович со злыми татаровями, пока совсем из сил не выбился. И видят татарови, не могут они одолеть витязя Вольгу, да и Вольга знает, что, сколько бы он ордынских голов ни поснимал, все новые гонители земли Русской на место павших встают. И стали тогда рядить Вольга Светлый витязь и ордынский главный хан Эх Горей, далее им битву вести или же миром разойтись. И порешили, что хан более на Русь не пойдет и всем детям и мурзам своим о том заповедует, а Вольга с того дня не будет наезжать в степь улусам разор чинить. На том по рукам и ударили. И провел тогда Вольга мечом по земле черту от далекого моря Хвалынского до края земли Русской. Да измолил Перуна-батюшку хранить ту границу от вражьего набега. Но только он успел молвить те слова, коварный Эх Горей, узревший, как устал витязь Вольга, решил злодейски свое слово нарушить и по злобе великой вогнал он кинжал в спину витязя. Да только Перун-великий — страж всякой правде, и

за всякое вероломство он казнил молнией огненной. Увидал он злодейство Гореево, метнул молнию да поразил хана в пепел. А земля под его ногами разверзлась, и потекла по следу, оставленному богатырским мечом, вода чистая да свежая. А како Вольга Святославович, князем Святославом взращенный, матери и отца своих не знавший, был сын и защитник земли Русской, то, говорят, будто сие Русь-матушка по Вольге плачет. И на нашем-то берегу воля вольготная, а по ту сторону черная степь детей и внуков хана Эх Горея.

Ветеран вахмистр, сидевший в кругу гусар на широкой скамье у борта нашей барки, закончил свое повествование, демонстрируя всем желающим разницу между высоким русским и степным татарским берегами реки. Я лениво повернул голову туда, куда указывала рука вахмистра: там, на степном берегу, то появляясь, то вновь скрываясь за полосой прибрежных камышей, мелькало два десятка всадников на удивительно малорослых лошадках. По виду их вполне можно было принять за недобитых витязем Вольгой ордынцев, во всяком случае, луки и стрелы в колчанах наводили именно на эту мысль. Впрочем, нынешние ордынцы вели себя спокойно, не проявляя к нам, казалось, ни малейшего интереса.

— Вальдар, тебе не кажется, что они нас преследуют? — облокачиваясь на фальшборт, спросил подошедший Ислентьев.

Я покачал головой:

— Вернее было бы сказать, что они нас сопровождают. Хотя вряд ли по приказу государыни.

— Но они так скачут уже третий день.

Я кивнул:

— Но за это время они не предприняли никаких демаршей против нас, да и вообще никоим образом не пытались привлечь наше внимание. Похоже, они просто наблюдают за нами. Хотя зачем им это нужно, я затрудняюсь тебе сказать.

— Кстати, вон погляди. — Ислентьев повернулся назад, указывая на поросший лесом утес, нависавший над рекой со стороны, отбитой славным витязем для славян. Там, на самой круче утеса, среди деревьев, просвеченных вечерним солнцем, ясно вырисовывались силуэты еще двух всадников. Конечно, лиц их было не видать, но по посадке, да и по конной стати они ничуть не походили на степняков.

— Да, занятно. Интересно, это еще кто такие? Надо сказать поручику.

— Он уже знает. — Ислентьев отвернулся от всадников, стараясь скрыть свою заинтересованность. — Это он их заметил.

— Неужели он отвлекся от синих глаз миссис Редферн, чтобы обозреть окрестности? — съязвил я.

— Зря ты так, — пожал плечами Никита. — Не знай я о твоих амурах с герцогиней Кингстон, решил бы, что ты ее ревнуешь. Ржевский боевой офицер и дело свое знает. Все карабины заряжены, по единому свистку солдаты готовы отражать нападение. А уж что любезничает с красивой женщиной, так извини, брат, на то они и гусары. Сам вишь, силком ее к Ржевскому никто не тянет.

Я видел. Я уже который день наблюдал эту игру, в которой мышка искренне считала, что она кошка, и при всякой возможности наворачивала круги вокруг приманки. «Миссис Редферн» была изысканна и утонченна, не говоря ни «да», ни «нет», она томила сердце гусара сладостным «может быть», каждый вечер давая слышать ему свое дыхание и каждое утро вновь заставляя начинать с дальних подступов. Я бы искренне любовался этой старой, как мир, игрой, когда б не знал, что она направлена против меня и в конечном итоге победа госпожи Орловой грозит всем нам неисчислимыми бедами. Ни я, ни Питер не могли поведать влюбленному гусару, сколько верст он провел в пути, ведомый за нос, тем более что и сам Питер был недалек от клинической влюбленности, спеша исполнить, да что там, упредить малейшее желание своей «законной супруги». Поручик же, казалось, готов был отдать жизнь за благосклонный взгляд моей кухарки. И, что самое скверное, не только свою.

Уже смеркалось. Наш эскорт исчез из виду, то ли отстав, то ли просто скрывшись за линией горизонта, а мы продолжали неспешно идти вниз по реке в сторону Казани, не имея никакой возможности ускорить этот процесс.

— А что, до вечера куда-нибудь приплывем или опять ночь на берегу? — спросил я, обращаясь к Ислентьеву.

— Лоцман говорит, что до жилья еще далековато. А потемну нынче лучше не идти. Здесь река поворачивает — течение сильное, мели.

— Значит, опять у костра комаров кормить, — вздохнул я.

— У костра их как раз поменьше.

— Мне и этих хватает. Ладно, есть тут место, удобное для стоянки?

— Лоцман говорит, что имеется. Там и коней есть где выпасти, и самим стать.

— Далеко?

— Да верст шесть еще.

Я вздохнул и посмотрел на него. Если скорость барки решительно не изменится, к берегу мы пристанем не ранее чем через час, то есть совсем в сумерках. Ну да делать нечего, в сумерках так в сумерках.

— Хорошо, Никита. Иди скажи кормщикам, если дойдем до места за полчаса, получат по целковому. А нет, сами по темноте будут лагерь ставить.

— Ладно, — пожал плечами толмач, давая понять, что целковые не имеют отношения к скорости тихоходного агрегата. Конечно, он был прав, но, как говорят в России, попытка не пытка. Я устремил взгляд в сторону заката, стараясь не думать ни о чем, дожидаясь, когда наконец наше прогулочное судно догуляет до места стоянки.

Как и предсказывал лоцман, дойти посветлу нам все же не удалось. Разложенные костры, конечно, были хорошим подспорьем в ночной тьме, но все же лагерь пришлось ставить почти наугад, стараясь по возможности не скособочить колья солдатских шатров да покрепче поставить походные коновязи.

Пока гусары возились с устройством ночлега, я стоял на берегу, глядя, как в бледном свете луны катит свои мелкие волны широченная река. Отчего-то вспомнился давешний сказ ветерана вахмистра о славном витязе Вольге Святославовиче. Быть может, вот так же он или какой другой былинный богатырь стоял на этом высоком берегу, высматривая в ночи, не идут ли набегом на землю Русскую злые татары.

Мне показалось, что неподалеку на берегу, возле разлапистой ольхи с торчащими из земли корнями, свисающими над обрывистой бездной, я разглядел могучую фигуру в длинном плаще, также наблюдающую за рекой. «Да нет, — я потряс головой, чтобы отогнать марево, — пустые фантазии. Хватит с меня русалок. Черт его знает, что взбредет в голову здешним былинным ратоборцам, встреть они на своей территории этакую партию иноземцев. Помню я их нравы, чуть что, хвать булаву шестипудовую и давай по сторонам крушить. Как там налево махнул — улочка, направо — переулочек. Уж спасибо, обойдемся пока без подобного градостроительства». Я еще раз посмотрел в сторону старой ольхи: мираж исчез. Однако чувство чужого присутствия все же не оставляло меня.

У костра над котелком уже колдовал Питер, готовя наш ужин. В самом начале пути мне как-то пришла в голову мысль заставить куховарить псевдожену камердинера, но эта попытка натолкнулась на такое стойкое сопротивление со стороны Редферна, что я вынужден был отступить. А потому Питер старательно пекся о наших желудках, его же жена-кухарка, не обращая особого внимания ни на супруга, ни на хозяина, о чем-то оживленно беседовала со штабротмистром Ислентьевым.

— О Господи, не было печали, — процедил я. — Похоже, графиня решила подыскать себе еще одну жертву. Ох, не нравится мне это.

Выстрел грянул со стороны выпаса, за ним еще один, и отчаянный вопль «Тревога!» окончательно покончил с сонным покоем летней ночи. Гусары, кто в чем, хватали оружие, спеша прийти на по-

мощь своим боевым товарищам. Впереди всех, с обнаженной саблей и пистолетом в руке, бежал поручик Ржевский в полузастегнутых чапчирах и полоскавшей по ветру белой рубахе.

— Черт, прекрасная мишень, — процедил я сквозь зубы.

Похоже, поручика это не волновало, он был храбрецом из тех, о ком слагают легенды, правда, по большей части посмертно.

— За мной, гусары! — орал он во все горло. — Круши басурманов!

Со стороны выпаса послышались еще два выстрела и приглушенный сабельный звон. Судя по звукам, долетавшим оттуда, дело уже дошло до рукопашной, и, стало быть, попытка увести наших коней не удалась.

Неподалеку от бегущего в сторону боя поручика я заметил Ислентьева, также рвущегося вступить в схватку с врагом, как, впрочем, и подобает истинному гусару.

— Ко мне, штаб-ротмистр! — рявкнул я, заставляя Никиту остановиться. Он повиновался с явной неохотой. — Я сказал, ко мне! — Ислентьев в отчаянии опустил саблю и побрел в мою сторону, сшибая ею на ходу закрытые головки одуванчиков. — Вы забываете, что у вас здесь совсем иная роль. Возьмите денщиков, пусть зарядят все оставшееся в наличии огнестрельное оружие, и организуйте оборону лагеря.

— Слушаюсь, господин премьер-майор, — вяло ответил толмач, глядя на меня с нескрываемой досадой.

— Никита, я все понимаю, но твое место здесь.

Со стороны выпаса донеслась беспорядочная стрельба, крики и отдаляющийся конский топот.

— Они их преследуют, — с отчаянием в голосе произнес мой толмач.

— Господин штаб-ротмистр, извольте выполнять приказание!

Ислентьев козырнул и направился вооружать оставшихся в лагере денщиков. Отдавать какие-либо команды Редферну было излишне. Привыкший в своей жизни стрелять не менее, чем заваривать чай, он уже облюбовал себе позицию возле нашего возка, снарядившись, как минимум, четырьмя пистолетами и широкой абордажной саблей, с которой, как мне было известно по рассказам Баренса, он управлялся весьма ловко.

Шум схватки все более отдалялся. Глядя на денщиков, собирающих в солдатских шатрах оставленные впопыхах пистолеты, я начинал уж было подумывать, что моя предосторожность чрезмерна, но тут молоденький первогодок денщик Ислентьева, шуровавший шомполом в стволе, внезапно выронил оружие и стал неловко заваливаться набок. Из груди его торчала короткая оперенная стрела.

«Господи, этак они могут перебить нас на выбор, даже не высовываясь!» — ужаснулся я.

— Ислентьев и ты, как там тебя, подальше от костров! Немедленно!

Ислентьев, рванувшийся было на помощь своему денщику, остановился, и в тот же миг еще две стрелы, пущенные из темноты, вонзились в ствол дерева, возле которого он находился. Еще шаг, и обе они попали бы в голову моего друга. Он выстрелил наугад, в ночную тьму, откуда прилетели стрелы, и я услышал вскрик боли. В ту же секунду Никита отпрыгнул за дерево, спеша укрыться от новых пернатых сюрпризов. Но это было неудачное укрытие: за стволом послышалась какая-то возня, из-за дерева, сцепившись, выкатились две неясные фигуры. Я возблагодарил небеса, на одном из них, в свете догорающего костра, отливало золотом шитье гусарского доломана, четко обрисовывая фигуру штаб-ротмистра.

Я вскинул свой богемский пистоль, выцеливая контуры неведомого врага, и начал медленно вдавливать спусковой крючок. В этот миг неизвестный окончательно оседлал Ислентьева и приподнялся с ножом в руке, чтобы нанести завершающий удар. Я чуть довел ствол вверх и увидел словно в замедленной съемке, как опускается кремень, как бежит искра по пороховой полке и из пробитого лба негодяя вылетают брызги буро-красной крови.

Следующий пистолет я разрядил тотчас же в упор. Новая мишень появилась откуда-то из-за шатра и бросилась ко мне, что-то яростно крича и размахивая кривой саблей. Несчастный не добежал, но это был первый, кто бросился в атаку. За ним последовали и другие. Мы стреляли, стараясь превзойти самое себя в скорости заряжания, отчаянно рубились, теснимые явно превосходящими силами, на каждом шагу оставляя лежать на земле новых убитых и раненых. Пал изрубленный вражескими саблями денщик Ржевского, отбивавшийся, словно дубиной от трех наседавших врагов прикладом пустого карабина. Раненый Ислентьев сидел, привалясь спиной к стволу дерева, полузакрыв глаза и с каждой минутой теряя все больше и больше крови. В руках он сжимал по пистолету, но то ли они уже были разряжены, то ли у Никиты не хватало сил выстрелить. Он сидел не шевелясь, и ночные гости, сочтя его мертвым, продолжали с остервенением нападать на нас с Питером, словно последнюю цитадель удерживающих возок с Елизаветой Орловой.

Клубы сладковатого порохового дыма заволокли поляну, мешая ориентироваться в суетливой неразберихе схватки. Какие-то тени, мечущиеся по поляне среди догорающих костров, то и дело выныривали из дымной пелены, оказываясь живыми, причем весьма недружелюбно настроенными людьми.

— Слева, милорд! — услышал я голос Питера и тут же, опускаясь, ушел в скрутку, рубя наотмашь туда, откуда, по словам Редферна, грозила опасность. Раздался чавкающий звук, клинок вошел во что-то мягкое, и бегущие под завесой ноги начали подламываться в коленях. Но уже новый враг бежал навстречу мне. Я протянул руку, хватая падающего противника, и направил тело навстречу его, пока что еще живому, собрату. Рядом послышался звон клинков. Судя по всему, у Редферна больше не было возможности заряжать свои пистолеты. Но можно было не сомневаться, что одолеть Редферна в эти минуты было невозможно: за его спиной в повозке находилась Елизавета Кирилловна, а стало быть, прежде чем добраться до нее, Питера надо было убить трижды.

...Четыре выстрела ударили залпом из лесу со стороны реки, потом еще четыре. Пули были посланы на редкость метко и, что самое главное, в наших врагов. Я повернул голову, чтобы лучше разглядеть, откуда пришла неведомая подмога... В этот момент прозвучал новый залп. Три пули явно предназначались нападающим, и, к немалому огорчению последних, они их нашли, а вот четвертая... Четвертая пробила мою треуголку. Не вздумайся мне повернуть голову, на месте височной впадины, похоже, уже красовалась бы височная скважина. «Хорошие у нас союзники, — прошептал я себе под нос, — душевные».

Со стороны выпаса вновь раздался до боли знакомый голос Ржевского: «За мной, гусары! Круши их в потрох!» Стук копыт и молодецкий посвист, сопровождавший гусарскую атаку, приближался. Остатки разбойной братии врассыпную бросились в лес, оставляя на наше попечение своих убитых и раненых. Мы победили, но я даже представить боялся, какой ценой.

Ржевский осадил своего скакуна прямо посреди поляны. Вслед за ним из темноты вылетели еще три кавалериста. Пожалуй, знай нападавшие, какой «могучий» отряд идет нам на выручку, они бы умерили прыть своего отступления.

— Три тысячи чертей! — Поручик соскочил с коня. — Я гляжу, вы тут без нас изрядно повеселились. — Он обвел взглядом место побоища. — Ничего себе!

— Спасибо, поручик, вы как нельзя вовремя. — Я крепко пожал руку Ржевскому и посмотрел на гусар, все еще гарцующих на своих явно возбужденных схваткой жеребцах. — А где остальные?

— Те, кто цел, собирают раненых и убитых. — Ржевский досадливо махнул рукой. — Басурманы затащили нас в засаду. Их было в полтора раза больше, чем нас!

— И вы что?

— Я бросил гусар в сабли. Мы их рассеяли. Но, видит бог, они соберутся опять, и тогда жди беды.

— Какие потери у нас?

— Восемь человек ранены, шестеро убиты. Еще одна такая стычка, и нас некому будет хоронить. Да и у вас, я вижу, обстановка не лучше.

Я кивнул:

— Денщики убиты. Ислентьев, похоже, все же ранен. Питер его сейчас перевяжет. У нас с ним ерунда, царапины. Вас, я вижу, тоже зацепило. — На боку белой рубахи поручика расплывалось кровавое пятно.

— Пустое, — поморщился он. — Пулей обожгло.

— Против нас, слава богу, огнестрельного оружия не было.

— Там было, но немного. Это татары или башкиры, черт их разберет. Все одно, пугачевское отродье. Но скажите, господин премьер-майор...

— По имени, — прервал я его. — Просто по имени.

— Хорошо. Вальдар, на подъезде сюда я слышал оружейные залпы. Кто это стрелял?

Я покачал головой:

— Не имею ни малейшего понятия.

— Странно все это. Какие-то неизвестные союзники? — Ржевский повел пистолетным стволом в сторону леса.

— Быть может, и союзники. — Я поднял с земли пробитую треуголку и вставил палец в обожженное пулевое отверстие. — Вопрос, чьи? Одна из пуль явно была пущена в мою голову.

— Возможно, случайность? — предположил поручик, разглядывая изуродованную шляпу.

— Случайность то, что она в нее не попала.

— Ваше высокоблагородие, — обратился ко мне тот самый вахмистр, повествовавший вчера на барже о схватке Вольги Святославовича с басурманами. — Что прикажете делать с ранеными и убитыми?

— Раненых перевязать, — скомандовал я, — убитых в реку.

— Быть может, схоронить? — неуверенно начал гусар.

— Мне неизвестен татарский похоронный обряд. Вам, думаю, тоже, — отрезал я. — А подкармливать здешнее зверье человечиной я не намерен. В реку! Ржевский, наших похорони здесь. Везти их по такой жаре до ближайшего города — последнее дело. Сверху насыпьте побольше камней. Выставь посты да пошли кого-нибудь проверить барку.

— Да что с ней станется! Вон они, красавцы, угребли на середину реки. Все как полагается.

* * *

Полдня пути прошло без приключений. Потрепанные гусары зализывали раны, мадам Орлова принимала деятельное участие в перевязках, похоже, нисколько не смущаясь ни кровью, ни искаженными болью лицами солдат. Я был благодарен ей за помощь, и, надо сказать, присутствие на нашем плавучем лазарете женщины, а уж тем более столь красивой женщины, весьма дисциплинировало раненых бойцов. К великому сожалению, лишь трое из них могли продолжать путь дальше, раны же остальных требовали скорейшего медицинского вмешательства, невозможного в наших условиях.

Ближе к полудню на высоких волжских кручах показались купола церквей уездного города с романтическим названием Туров. Лет сто тому назад, в годы разинской вольницы, Туров лишился своих деревянных крепостных стен, сожженных пожаром, и теперь, в предчувствии нашествия нового супостата, пытался наверстать упущенное время и вновь превратиться в крепость. Судя по тому, что я мог видеть с реки, это удавалось ему весьма условно. Стоило Пугачеву переправиться выше или ниже по течению, и обращенные к Волге наспех возведенные укрепления не представляли бы для него никакой опасности.

Мы пришвартовались у пирса, на котором дежурили два воинственных старца с алебардами, и я, взяв с собой Ислентьева и велев Питеру заняться погрузкой провианта на баржу, отправился объясняться с городскими властями.

— Помилосердствуйте! — взывал к моей совести седовласый капитан, командир местного гарнизона. — Ваше высокородие, господин городничий, хоть вы ему скажите, город-то с чем останется?! Я ж эту охотницкую команду с бору по сосенке набирал. У нас же сил, тьфу, три пушчонки, с которыми еще царь Петр на шведов ходил, инвалидная рота да полусотня конных калмыков! А те еще бог весть куда повернут, коли недобрая разбойников пугачевских принесет. Вы же сами видите, господа, в округе неспокойно. — Он указывал на моего толмача, наводившего оторопь на местную публику окровавленной повязкой на голове.

Городничий только разводил руками, указ матушки-императрицы гласил однозначно четко: «Всемерно оказывать содействие безо всякого изъятия в средствах».

— Авось пронесет. Авось и не придет супостат.

В таких препирательствах прошло часа три, пока наконец провиант и фураж для нашей команды не был отпущен, пули и огненное зелье из арсенала выписаны, раненые гусары помещены в гош-

питалию и два десятка местных «охотницких стрелков, егерскому бою обученных», готовы были поступить под начало командиру нашего конвоя. Удовлетворенные достигнутым результатом, мы откушали чем бог послал в дому городского головы и отправились к месту, отведенному нам для расквартирования.

Ржевский встречал нас у порога квартиры.

— Беда, господин премьер-майор, беда, — нервно начал он, теребя темляк своей сабли и явно не зная, куда девать руки.

Сердце мое опустилось вниз, как подводная лодка при приближении самолетов противника.

— Что случилось? — выпалил я.

— Миссис Редферн похитили.

— Как похитили?! — От волнения я чуть не стал заикаться. — Да ты понима...

Что ему следовало понимать, Ржевский так и не узнал. Я осекся, сознавая, что по-прежнему не могу добавить колоритных штрихов к портрету сердечной зазнобы бравого гусарского поручика.

— Господи, как Питеру-то сказать! — причитал он.

— Рассказывай толком, что произошло?

— Миссис Редферн попросила меня сопровождать ее в модную лавку, надеясь присмотреть себе новое платье... Сами понимаете, в пути...

— Да-да, продолжай.

Двух платьев, купленных по пути госпоже Орловой, для всякой женщины было действительно маловато.

— В лавке госпожа Редферн начала подбирать себе обнову, а я остался в сенях ждать ее. Тут вламывается какой-то невежа улан и давай на меня орать, что, дескать, я любовник его жены, что он этого так не оставит и что жена его сейчас там, у модистки, и он туда непременно войдет.

— Ну а ты?

— Я его, понятное дело, не пустил. Слово за слово, он обещал прислать сюда своих секундантов.

— Ну а дальше?

— Я стучусь к модистке — тишина. Толкаю дверь — она заперта. Выбиваю, заскакиваю: окно настежь, модистка сидит привязанная к стулу, рот заткнут какой-то тряпкой, а миссис Редферн и след простыл! Я девушку развязал, она говорит: примеряли платье, когда двое неизвестных заскочили через окно, ее чем-то по голове огрели и уволокли миссис Редферн. Я вот думаю, как бы это не наши ночные гости.

— Угу, — кивнул я, сжимая зубы и стараясь взять себя в руки. — Какого полка, говоришь, был улан?

— Поручик Санкт-Петербургского уланского.

— Ржевский, в гарнизоне этого захолустья нет никаких улан! А уж санкт-петербургских и подавно.

— Так, выходит, она с каким-то уланом сговорилась, — бледнея и сжимая кулаки, начал гусар. Похоже, сейчас в нем бушевала ревность, причем ревность двухголовая — одна голова угрызала его по поводу того, что англицкая красавица вообще предпочла кого-то другого, другая же терзала душу тем, что зазноба предпочла ему улана.

— Сговорилась, Ржевский, сговорилась, — отворачиваясь, чтобы не выдать своих чувств, бросил я. — И тебя и меня, как детей, провела. Но какова стерва!

— А Питеру что скажем? — явно мучимый запоздалыми угрызениями совести, вздохнул поручик.

— Оставь. Я сам с ним поговорю.

— *Капитан,* — как обычно, резвым аллюром вломился в мое сознание Лис. — *Вы до Турова уже добрались?*

— *Добрались,* — хмуро ответил я.

— *Это хорошо. Тогда, если твои окна выходят на реку, можешь в него платком помахать, а я из своих кущарей полюбуюсь.*

— *Как-нибудь в другой раз. Поведай-ка мне, чьи это башибузуки здесь буянят?*

— *Мои,* — радостно отозвался Лис. — *Но не волнуйся, раз ты в Турове, мы город брать не будем.*

— *И на том спасибо. А скажи, вчера ночью на нас, часом, не твои люди наскочили?*

— *Не-а! Шо я, враг самому себе?! То Айберген-хан со своими нукерами развлекается. У него стволов не хватает, вот и ломится, куда ни попадя. Много вы вчера народу положили?*

— *В сумме человек тридцать, да десяток раненых сюда сдали.*

— *Понятно. Теперь он, наверно, в степь уйдет. У него так, навскидку, десятка два всадников осталось. Но я не по этому поводу звоню. Я так понимаю, ты сегодня в городе ночуешь?*

— *Похоже на то.*

— *Вот и славно. Пойдешь вниз по реке в сторону Казани, увидишь утес.*

— *Здесь много утесов.*

— *Этот примечательный. Это не утес, это мыс, и если приглядеться, то даже не мыс, а недополуостров. Песню слышал, есть на Волге утес, чем-то диким порос? Так вот, это о нем. Его еще Разинским величают. Правда, здесь Разинских утесов до хрена, такое ощущение, будто батька-атаман только тем и занимался, шо шастал по утесам и думал на них думу.*

— *Чертовски интересное замечание, дальше что?*

— А шо дальше? Как увидишь утес, ломись туда, будем там вместе думу думать, как тебе лучше у императора Петра III уединенцию получить.

— Хорошо. Да, вот еще, у меня есть к тебе просьба. Ты тут все равно без толку по округе носишься.

— Я не ношусь. Я в разведке.

— Бог с ней, с твоей разведкой! У меня Орлова сбежала с какими-то уланами. Возможно, поляками. Ты уж прихвати ее с собой, если вдруг встретишь.

— Да, шеф, ну ты даешь! — послышалось на канале после некоторой паузы. *— Ладно, не томись, душа, сыщем твою дважды беглянку. Бу-га-га, Орлова сдернула с уланами!! Все, отбой. Усем пить спирт!*

Глава пятнадцатая

Все страны, что утратили легенды,
Обречены окоченеть навек.

Патрис де ла Тур дю Пен

Я уже битый час сидел на утесе, ожидая появления Лиса. Однако, кроме белок, носившихся по стволам корабельных сосен, да меня, здесь не было ни одной живой души. Оставляю на откуп попам вопрос, есть ли душа у белок, мне же до этого не было ровным счетом никакого дела. Внизу, посреди раскинувшейся до горизонта реки, в ожидании моего сигнала стояла барка, и я почти чувствовал, как, напряженно глядя на Разинский утес, покусывает ус поручик Ржевский, как нервничает Редферн, вынужденный отпустить своего великовозрастного «дитятю» одного на встречу с непонятным «нашим человеком». Мне пришлось выдержать целую баталию, прежде чем отправиться сюда.

— Да как же вы один, батюшка? — убеждал меня Питер.

— Ничего, — отмахивался я, — справлюсь.

— Это опасно, — утверждал поручик. — Возьмите хоть пяток стрелков.

Я отрицательно мотал головой:

— У меня высочайшие инструкции.

— Я пойду с вами, господин премьер-майор, — стараясь подняться с лежанки под парусиновым навесом, настаивал Ислентьев. — Куда же вы без толмача.

— Господин штаб-ротмистр, — командным тоном заявлял я, — вам след лежать. Сотрясение мозга не шутка, ваши головокружения недобрый знак. В ближайшую пару недель вам вообще лучше не подниматься. А без толмача я обойдусь, наш человек владеет французским.

Нелегкая носила «нашего человека» бог весть где, и я уныло ходил по краю утеса, надеясь, что бродящий силуэт заметен с воды. Пейзаж был великолепен, но тосклив, и моя рука уже потянулась к символу веры, чтобы вызвать Лиса, когда экстренный выпуск новостей развеял скуку ожидания.

— *Прибыл по вашему зову, матушка-государыня,* — раздался на канале связи властный мужской голос весьма приятного тембра.

— *Не называй меня матушкой, чай, люди не слышат. А наедине, душа моя, тебе это не приличествует. Скажи-ка мне лучше, готовы ли списки господ офицеров, кои в масонских ложах состоять имеют?*

— *Готовы, Катенька.*

Ба, да это же сам князь Потемкин Таврический, человек и броненосец. Правда, еще не князь и не Таврический, но, судя по известной мне практике чинопроизводства, здесь это просто дело десяти минут.

— *Как характеризуются по службе?*

— *Всяко. Масонская премудрость в бою таланта не прибавляет.*

— *Подготовь мне дела их, лично просмотреть желаю. А что с ассамблеей вольных каменщиков слышно?*

— *Так ведь, Катя, Калиостро, который на ассамблею председателем был зван, из столицы сквозанул, аж пятки засверкали. А Елагин с Рейхелем благодаря мудрым советам, коими мы их через верных людей потчевали, друг с другом так расплевались, что дело чуть до дуэли не дошло. Насилу разняли.*

— *А все ли ложи на ассамблее присутствовали?*

— *Да в том-то и дело, что не все. Пять лож от участия в сей постыдной комедии отказались, не желая в угоду чьим-то амбициям сворачивать с пути истинного знания. А вот еще прошение от мастера стула Ложи «Клио», отставного полковника Нетишицкого.*

— *Что пишет?*

— *Пишет, что, разочаровавшись в масонских мистериях и поиске тайных знаний, желает он ложу распустить, а для пользы Отечества ищет открыть клоб, в коем бы достойные люди благородного звания могли бы благотворительностью, совместным увеселением и разумным исканием сообща приумножать свои деяния. Пишет, что куплен для устройства сего клоба у бывшего аглицкого банкира Гарнера дом на Галерной улице и что за счастье он имел бы первым членом и покровителем вас, ваше величество, видеть,* — иронично завершил Потемкин.

— Ты зря, Гришаня, насмехаешься. Мысль здравая, и для других масонов, пожалуй, что месмеровский магнит будет. Быть ли мне шефом тому клобу, я еще поразмыслю, но по-свойски доведи, что сию идею приняла благосклонно. И вот что еще, разузнай, правда ли сей полковник с масонством решил порвать или же какую каверзу удумал.

— Навряд, Кать. Преданный тебе секретарь его передал письмо, кое тот от аглицкого великого магистра получил. Там англичанин полковника по всей матери кроет за то, что он не желает в общую дуду дудеть и хочет искать свою тропку.

Вот и выпалила та самая винтовка, которую в первом акте на стену вешают. Не зря меня, видать, Баренс к Нетишицкому с письмецом посылал. Знал, выходит, кому оно в самом деле предназначается. Лишь бы не выяснили, кто именно господину полковнику пакет доставил. Незачем мне свое честное имя «пачкать» связью с масонами.

— Хорошо, свет мой, будем считать, что со здешними масонами на первых порах разобрались. Теперь курляндцы остались.

— А с ними-то что?

— Так ведь Калиостро с супругой... да-да, с супругой, и неча так глядеть, все про тебя, охальника, знаю... обратно в Митаву подались. Ему тамошнее масонское общество желает корону Курляндскую поднести. Чего, стервец, удумал! Я ему покажу корону! Жбан ему пивной на голову посадить велю вместо короны!.. Да, кстати, душа моя, все у тебя спросить собираюсь, да все как-то не с руки: это ты людишек посылал графские покои почистить?

— Матушка-императрица!

— Не величай меня матушкой! И рожу не криви, знаю, что ты. А искал чего?

— По правде говоря, немало интересного там сыскалось.

— Ну-ну, Гриша, давай говори, не томи.

— Да чего там токмо не было! Письмо от герцога Брауншведского господину фон Рейхелю; письмо от герцога Орлеанского действительному статскому советнику Елагину; от графа Сен-Жермен графу Григорию Орлову; от великого магистра Мальтийского рыцарского ордена цесаревичу Павлу... Ну, прям не человек, а какая-то почтмейстерская контора.

— И что же в письмах тех?

— Так ведь, ваше величество, тут как раз случился ваш новый флигель-адъютант и все дело поломал.

— Да, ловок шельма. За то и ценю.

— Ума б ему поболее, — недовольно буркнул Потемкин.

— Ты об его уме не пекись, он мне без надобности. Ловкость же и верность свою он мне на деле доказал. И, полагаю, еще докажет. А

вот ты, душа моя, о бумагах графовых повинен был мне сообщить немедля.

— Да что докладывать-то? Писем у меня на руках не осталось, а граф в тот же вечер из Петербурга утек. Бумаги же его, полагаю, сей же час после обыска в пепел обратились. Камдил-то наверняка Калиостре рассказал, что воры похитить у него намеревались.

— Ладно, прощаю тебя. Да только, видит бог, не верю я, Гриша, что ты токмо за политическими депешами людишек на графову квартиру посылал. Признавайся, чего искал?

— Да Катя!

— И нечего катькать, а то я тебя не знаю. Ну, говори — что? Рецепт варки золота? Эликсир юности?

— Всяко было, — вздохнул сконфуженный Потемкин.

— Гриша! Ну, я понимаю Орлов, неуч-верхохват, но ты же в университете обучался, должен бы понимать: невозможно из свинца золото варить, хоть ты сам с головы до ног ртутью облейся! Бредни вся эта премудрость!

— А Кингстоншу-то омолодил!

— Омолодил, — грустно вздохнула Екатерина, *— твоя правда. А ты бы, значит, хотел, чтобы и я омолодилась? Молчи, молчи, по глазам вижу, что хотел бы... Я и сама хотела бы, да и кто ж того не хочет! Но только странность одна имеется: я по всей Европе разведать велела о людях, коих Калиостро омолаживал. Так вот, все они, без изъятия, через год, от силы полтора, либо умирали от неведомых болезней, либо в уме повреждались.*

— А вон Кингстонша жива-здоровехонька. Да хороша, как маков цвет.

— Так ведь и года еще не прошло с тех пор, как он ее молодой сделал. Поживем — увидим, что с ней станется. Пока же господин шарлатанов великий магистр пусть посидит в Митаве. Неча ему в столице воду мутить. Ладно, — вздохнула императрица, *— совсем ты меня растревожил. Ступай, одна хочу побыть. После вернешься. И вот еще что, не забывай, Гриша, что ты Военной коллегии вице-президент, полки Суворову на Волгу снаряди лучшим образом, сам мне за них ответишь. Смотри, чтобы ни в чем недостатка не было. Да не тяни, отправляй поскорее. А теперь ступай.*

Ветер продолжал шуметь в соснах, и белки, подозрительно глядя на меня своими круглыми черными глазками, носились вокруг, выскакивая порой чуть ли не из-под ног.

— О, капитан, насилу пробился, — раздался на канале связи жизнерадостный голос Лиса. *— К тебе, шо в Дом советов, не дозвонишься! С кем это ты там болтал?*

— Новости слушал, — отмахнулся я. *— Где тебя носит? Я уже устал ждать.*

— Ой, да нэ журыся, кумэ, усё будет пучком!

— Как? — непонимающе переспросил я.

— Каком книзу. У меня для тебя тоже новость есть. Идя навстречу многочисленным заявкам руководства, в качестве мелкого подхалимажа в честь долгожданной встречи я возвращаю вам портрет, в смысле оригинал.

— Лис, ты с утра ничего не пил? — подозрительно начал я.

— Не-а, — обнадежил меня мой напарник, *— я с вечера еще не останавливался. Ну, это к делу не относится. Ты мне тетку импортную, одна штука, заказывал?*

— Гм-м. — Я все никак не мог привыкнуть к лисовской манере излагать оперативную информацию. *— Заказывал. Только она... гм-м... не импортная, а, как это у вас говорится, изготовлена на экспорт.*

— То все мелочи. Так вот я тебе ее щас доставлю в подарочной упаковке.

— Это она?

— Она-она, все, как ты описывал. Девушка 90—60—90 ищет приключений на нижние девяносто. Так вот, здесь она их уже нашла.

— Точно она?

— Ты шо, меня за дурака держишь? — обиделся Лис. *— Я ее спросил: как звать? Она — Лизавета. Я ей тогда: Камдила знаешь? Она говорит — знаю. Так шо не извольте сомневаться. Опять же, мужики с ней были, и один действительно в военной форме. Только не улан.*

— Хорошо, давай тащи ее сюда.

Лис намеревался еще что-то сказать, но нашу беседу прервал какой-то натужный скрип, сдавленное кудахтанье, и на вершину утеса, взметывая целый фейерверк опавшей хвои, выползло нечто, при ближайшем рассмотрении оказавшееся покосившимся от времени деревянным срубом на двух четырехпалых куриных лапах. Впрочем, лапы более напоминали страусиные в укороченном варианте, а еще точнее, мощные ходули какой-то доисторической птицы, название которой я никак не мог вспомнить.

Изба, едва не зацепив меня, добрела до самого обрыва и замерла, странно балансируя на одной ноге. «Сейчас вниз бросится, — ошалело глядя на бродячее строение, подумал я. — Это надо же, довели жилище!» Кто довел, я не успел уточнить. Небо вдруг локально потемнело, сосны изогнулись, и что-то темное со страшным свистом, напоминающим свист падающей авиабомбы, рухнуло с небес на камни. Я поспешил укрыться за соснами, не желая, чтобы это что-то случайно упало мне на голову. Однако, к моему удивлению,

перед самой землей спускаемый аппарат резко затормозил, начисто игнорируя законы аэродинамики, и приземлился вполне мягко.

Пожилая леди, находившаяся в спускаемой капсуле, по-моему, мало переживала из-за негерметичности своего агрегата и колоссальной перегрузки, возникшей при столь стремительном спуске. Мадам ступила на земную твердь, откинула в сторону шест с пучком веток на конце и, уперев руки в боки, гневно обратилась к самоходной избе:

— Ну, и куда ты забрела, короед тебя заешь! А ну-ка повернись ко мне передом, к лесу задом, когда я с тобой разговариваю! — Строение оживленно закудахтало и начало переминаться с ноги на ногу. — Давай, давай, пошевеливайся! — командовала хозяйка халабуды. — Ты где, кстати, баню оставила? — Изба вновь оживленно закудахтала. — Ага, она тебя внизу дожидается, ей с утиными лапами по кручам карабкаться неудобно. А тебе, значит, удобно?! — Старуха гневно нахмурилась, но вдруг осеклась и начала нервно принюхиваться. — Чую-чую, человеческим духом пахнет. — Она вновь потянула носом воздух. — Не русским. Не хохляцким. Не татарским. Козья морда, даже не шотландским! Хотя не-ет, на шотландский немного похоже.

Последнее утверждение потрясло меня более всего увиденного. Вот уж не ожидал, что вот так, на нюх, можно определить слабую примесь шотландской крови.

— А ну выходи, кто бы ты ни был! — неожиданно мощно рявкнула «фея бродящего домика».

Она вновь вооружилась своим шестом и оскалила в недоброй ухмылке тридцать два отменных зуба, не оставлявших ни малейшего сомнения в ее плотоядности. «Элиссон Гросс»*, — прошептал я про себя и, выступая из-за дерева, обнажил свои богемские стволы. Над утесом нависла тягостная пауза. Старая колдунья настороженно глядела на пистолеты. Я, не менее настороженно, ловил каждое ее движение, не имея ни малейшего представления, чего ждать в подобной ситуации от такой милой леди.

— Покачаюся, поваляюся, человечьего мяса поевши, — тихо начала старая ведьма, перехватывая поудобнее свою дубину и делая шаг в мою сторону.

Я вскинул один из пистолетов и нажал спусковой крючок. Шишка, свисавшая с ветки над головой старухи, разлетелась вдребезги, осыпая ее дождем коричневатых обломков. Элиссон Гросс остановилась.

---

* Элиссон Гросс — английский аналог Бабы-яги.

— Стрелять будешь? — с каким-то отчаянием в голосе спросила она.

— Если не договоримся — обязательно, — заверил ее я.

— Ладно, — она опустила метлу, — давай договариваться. Говори, зачем пришел?

— Прошу прощения, мэм, но я давно здесь стоял. Это вы, с позволения сказать, пришли.

— И то верно, — задумчиво произнесла колдунья, признавая правоту моих слов.

— Вау! — раздался возбужденно-радостный голос моего напарника. — Да никак Бабуся-ягуся! Какими судьбами, бабушка? — Лис возбужденно всплеснул руками, отпуская при этом влекомую за собой «девушку 90—60—90». Это было опрометчивое решение, несчастная тут же рухнула без чувств. Забыв обо всем, я бросился к ней на помощь. Казацкий атаман, похоже, не обратил на этот маневр ни малейшего внимания, всецело увлеченный негаданной встречей. — А я еще смотрю, что это за строение там внизу крякает?

— Крякает? А, не обращай внимания, — ответила Лису та, кого он называл Бабусей-ягусей. — Это моя баня в гору вскарабкаться не может.

— Шо, правда баня? Без балды? — Глаза оперативного сотрудника весело вспыхнули. — С горячей водой и березовыми вениками? С кваском?

— А как же, милок! Как же без них-то? Только оно, как добрый молодец приходит, сразу кулаком об стол: накорми его, напои, баньку истопи, спать положи... А чуть что не по их — враз пойдут все крушить, только щепы летят! А что б приветить бабусю — так этого не дождешься.

— Мадам, нема базару! Щас все тут станет, как лист перед травой.

— Какого базара? — не поняла его собеседница.

— Ой, да здесь никакого базара на полста верст вокруг. Но это ерунда. Ща мы вашу баньку в два пинка сюда затолкаем. У вас это, чан-самовар есть?

— Есть, — встрепенулась бабуся.

— Ну тогда чего воду в ступе молоть? Чай ваш, баранки наши. Ты, бабуля, за водой не слетаешь?

— Ой, не будем молоть, яхонтовый мой. Она ж тогда в воздух не поднимется! А за водой, это мы сейчас по-быстрому.

Я не вслушивался в беседу Лиса с местным фольклорным элементом. В состоянии полного ошаления я сидел над девушкой, находившейся в глубоком обмороке, и думал, какая нелегкая занесла ее в эти края. Ее действительно звали Елизаветой, и она действительно

знала Вальдара Камдила, с той лишь разницей, что это была не Елизавета Орлова, а Елизавета Чедлэй, герцогиня Кингстон.

— ...Ну, так как еще может быть между земляками?

— А мы что, земляки?

— Бабуся, ну ты спрашиваешь! Ты ж под Миргородом стояла?

— Погоди, погоди, это там, где Диканька, что ли?

— Ну.

— Стояла, конечно.

— Так вот я с тех мест.

— Ой, голуба моя, касатик, — проговорила со всхлипами старушка. — До чего ж приятно в этих диких краях земляка встретить! Ой, да сейчас мигом самовар поставим, пир горой закатим.

Она кинулась поднимать свое спусковое устройство, годившееся, видимо, и на роль маломерного летательного аппарата. «Мадам» заскочила внутрь капсулы и собралась совсем уже было оттолкнуться от земли своим шестом, но, внезапно поймав меня взглядом, остановилась и, склонив голову набок, произнесла чуть ли не торжествующе:

— А девка-то у тебя, добрый молодец, помороченная.

— «Из-за острова на стрежень, — во всю мочь луженой глотки орал Лис, — на простор речной волны...»

Когда чай закончился, Сергей задумчиво поскреб затылок и, заявив, что встречу необходимо сполоснуть, умчался куда-то вниз по склону. Через полчаса он вернулся, волоча бутыль с прозрачной жидкостью, в которой, подобно золотым рыбкам в аквариуме, плавали стручки красного перца.

— Доставай, бабка, разносолы, — скомандовал Лис. — Понеслась душа по кочкам! — Затем, победно обведя общество взглядом, налил доверху пустые чайные чашки жидкостью из бутыли и предложил: — Ну что, вздрогнули?

И мы вздрогнули. Меня так дрожь не отпускала еще минут десять. Думаю, что и впредь, когда я буду вспоминать этот напиток, эффект наверняка повторится. По всей видимости, в спешке он спутал алкоголь, пригодный к принятию вовнутрь, с топливом для летательного аппарата Бабуси-ягуси. Сейчас Лис сидел, распоясавшись, и с явным удовольствием горланил удалые разбойные песни.

Пришедшая в себя Бетси Чедлэй сидела на ларе рядом со мной, то есть буквально вжавшись в меня, и глядела на все происходящее глазами круглыми, как у японцев в их собственных мультиках.

— «Выплывают расписные острогрудые челны», — вдохновенно выводил мой напарник.

Мощный гудок вроде тех, какими обмениваются при встрече пароходы, огласил округу. На глазах трезвеющий Лис осекся на полуслове и начал нашаривать рукоять лежавшей на скамье сабли.

— Что это было, бабуся?

— Ой, касатик, да ты не беспокойся, — замахала на него руками хозяйка, — не думай ничего плохого. Это гусли-самогуды, прах их побери. И ведь что обидно, все гусли как гусли, сидишь, бренчишь струнами, душу веселишь... у кого она, конечно, есть. А эти, будь они неладны, чуть песню услышат, давай гудеть, словно расшалившийся домовой в печной трубе.

— И много у тебя, бабуся, такого добра припасено?

— Да осталось еще кое-что с былых времен, — махнула рукой колдунья. — Вон, видишь, у порога сапоги валяются. Это не простые сапоги, семиверстные. Кто их наденет, семь верст одним махом пробежит.

— А почему только семь?

— Больше не выходит, подметки стираются. Или вот еще. — Она отогнула клюкой угол изрядно потертого коврика, на котором стоял стол.

На оборотной стороне ковра красовалась надпись «Самарканд». Одурманенный алкогольными парами, витавшими в избушке, я начал размышлять, что означает слово «арканд» и что он может сам, а что не сам.

— Это ковер-самолет, — сообщила колдунья, — но ведь что, шельмец, удумал: сам летает, метлой в избу не загонишь, а чуть кто чужой, бац на пол и... половичок половичком.

— Стеснительный, — посочувствовал Лис. Ковер под ногами слабо шевельнулся.

— Лежи уж, — прикрикнула на него бабуля. — Что еще? А вот, — она полезла на печь, — это, чтоб вы знали, меч-кладенец. — Старуха, с натугой кряхтя, вытащила нечто, завернутое в холстину.

— Положи, положи, родная, и не надрывайся, — поспешил ей на помощь Лис, подхватывая бабусю и ее сверток. — Ого! — с невольным почтением произнес он, принимая из рук леди бесценную поклажу. — Пуда два, не меньше.

— Ровно два пуда два фунта, — уточнила Баба-яга. Сережа трепетно положил сказочный меч на стол и начал разворачивать холстину. Оружие имело крайне неудобную литую бронзовую рукоять в странных выступах и впадинах и с парой трехглавых драконов на месте крестовины. Квадратный в сечении клинок имел три дюйма толщиной и сохранял ее от пяты до рубленного под прямым углом острия. Одним словом, что-то из тех мечей, какие любят изображать в руках у перекачанных дуболомов нерадивые иллюстраторы фантастических книг.

— Да, не про нас оружие. — Лис попробовал было взмахнуть мечом, но, решив не позориться, положил на место.

— Вот и все так кладут, — подытоживая увиденное, сообщила хранительница сокровищ. — Оттого и «кладенец» называется. Вот намедни, лет сто назад, заходил добрый молодец из шотландских краев, с Кощеем Бессмертным драться. Звали его странно. Не по-мужски — Дунькой. Кажись, Дунька Мак-Ладан... или Мак-Лапоть, точно не помню. Ему предлагала — не взял. А самого-то сабля, тьфу, мне вовсе не понравилась. Рукоять у нее длинная, оберучная. Я ему еще говорю: «Куда ж ты, голуба, на Кощея идешь, когда саблю в одной руке удержать не можешь?» А он в ответ: «Ты меня, старая, не учи, это не сабля, это кота...» Сейчас верно не скажу, но что-то про кота говорил. Ей уже, мол, две тысячи лет. Ее лично для меня выковали, хотя таких тогда еще и не делали вовсе...

Но, правда, что мудрить, Кощею он голову снес. Такое там началось! Все горит, взрывается, Кощеев дворец вдребезги, что стеклянный, искры во все стороны! В самого Дуньку молнии лупят... я от страху чуть из ступы не вывалилась. Проще уж было по старинке утку с зайцем ловить да иглу ломать. Эх, — Баба-яга горестно подперла подбородок рукой, — уходит времечко, мало нас осталось. Отовсюду нам гонения и притеснения. Хочу теперь за Урал-камень идти. Там, говорят, леса нехоженые, тропы нетоптаные. Да вот на тебе, в Вольгин-ров уперлась, не перейти тебе, не перелететь. — Она уронила на стол слезинку и вновь горестно вздохнула.

— Тю, — возмутился Лис, — ты шо, подруга? Тебе на ту сторону надо? Так я тебя вместе с барахлом на челнах мигом перекину. У меня ж в отряде все нашенские, что ж они, родной Бабе-яге не помогут? Да за милые веники!

— Ой, надежа-касатик, уж и не знаю, как и благодарить тебя!

— Благодарить, говоришь? Да об чем речь, какие же счеты между своими. Хотя... что ты там сказывала, мол, у Вальдара девка помороченная?

— А помороченная и есть. Чужое слово на нее положено, чужое имя ей дадено, чужая душа ее душу гложет.

— А могла бы ты, бабулечка, этот морок прочь отогнать?

— Дело нелегкое, — вздохнула ведьма. — Морок на ней сильный. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Попробую заклятием черно слово одолеть, да что из этого выйдет? — Она развела руками. — Да ты не бойся, девица-красавица, зла я тебе не причиню. Мы с тобой один хлеб ломали, теперь, почитай, как сестры родные.

Я взглянул на испуганную Бетси, на ее «сводную сестру», стараясь понять, что мне следует предпринять в этой ситуации.

— Ты, добрый молодец, дурного в голову не бери, мое слово крепкое. Ступайте-ка пока на двор, лесным духом подышите. Негоже вам видеть, что здесь делаться будет.

Мы вышли.

— Ну что, Вальдар, кто не рискует, тот не пьет шампанское?

— Судя по тому, что мы сегодня пили, риск — это не для нас, — огрызнулся я.

— Да нэ журись, кумэ. — Напарник положил руку мне на плечо. — Пройдуть годы, усэ наладится. Боишься, что Баба-яга слова своего не сдержит? Не бойся, это же Русь, здесь слово — закон. И никакие иные законы для Руси не писаны.

— Ладно, — махнул рукой я, пытаясь отвлечься от мрачных мыслей. — Лучше расскажи, что у нас о Пугачеве слышно.

Из окна доносились завывания колдуньи:

— Посреди Окиян-моря выходила туча грозная с буйными ветрами, что ветрами северными, подымалась метель со снегами, нагонялись волны на высок терем, вылетали орлы черны на широк дол, выходила красна девица к загорному студенцу...

— ...В душе Пугачев уже готов к переговорам. Его надо немного дожать, но этого я сделать не могу, не вызывая подозрений. Отправляться можем хоть сейчас, но, сам понимаешь, какая вожжа этому ядреному самодержцу под мантию попадет, никому не известно. Он сейчас лютует дико. Чувствует, что хвост прищемили. Я, конечно, подстрахую, но основная работа все-таки на тебе.

Я безмолвно смотрел на своего напарника. Да, мы были знакомы прежде. В самом начале моей институтской карьеры я видел эту высокую, худую, на редкость подвижную фигуру у себя на тренировках. Если не ошибаюсь, он учился работать с парными короткими мечами, только тогда лицо его было гладко выбритым, теперь же его украшали усы и борода. Но забыть этот хитрый взгляд и эту переносицу в форме латинской буквы S было невозможно.

— ...Умываю я красну девицу из загорного студенца ключевой водой; стираю я с красной девицы все узороки с призороками, отмахиваю я от красной девицы зловещих воронов с воронихами, с ворончатами; отгоняю от красной девицы ее заклятого врага, что того врага, что заронил призорокив в ее тело белое, в ее сердце ретивое, что того врага, что затмил очи ясны...

— Нет, — покачал головой я, — сегодня я с тобой не пойду. Надо дотащить конвой до Казани. Да там, считай, день-два. На круг дней пять выходит.

— Хорошо, я буду ждать тебя в степи за Казанью в полудне пути. Постарайся не задерживаться, не то батьку без меня родимчик хватит. Уйдет за Хвалынское море, ищи его потом!

Я кивнул.

— ...А буде кто покусится порушить мой заговор, ино ему провалиться в бездны преисподние, в яму угольную, а красной девице быть подобру-поздорову.

Как только отзвучали эти слова, над утесом повисла тишина. Мы с казачьим атаманом напряженно глядели на затворенную дверь избушки. Она все не открывалась и не открывалась. Наконец дверь тихо заскрипела, и на пороге появилась красная от напряжения Баба-яга.

— Хух, — сказала она, вытирая рукавом пот со лба. — Нет, голуби мои, так ничего не получится.

— Что с Бетси? — выпалил я.

— Спит, голуба сердешная. Впервые за многие и многие недели спит спокойно. Да только дело здесь не шутейное: смерть в ногах у нее сидит, того и гляди, к изголовью переберется. Одним заклинанием здесь не обойтись. Смерть на краткий миг обмануть можно, прогнать ее никому не удавалось.

— Так что же делать?

Старуха пожала плечами:

— В домовину ей надо. Трижды на три дня.

— Это в гроб, что ли? — прошептал я.

— В него, касатик. Чтоб ни света белого, ни звука малого.

— Неужели нельзя иначе?

— Нельзя! — нахмурилась колдунья. — Из жизни в жизнь без смерти за сорок дней перешла. К себе обратно путь через смерть лежит: девять дней самый малый срок.

— Да ведь...

— Не умрет, — словно читая мои мысли, покачала головой ведьма. — Жар-цветок ваши слова слышал. Лада за вас слово молвила. Вы сердцем едино загадали — жива будет. Да вот только тебе, добрый молодец, от того прок малый.

Глава 16

Отпечатки перста Божия никогда не идентичны друг другу.

Станислав Ежи Лец

Бетси Чедлэй спала на печи, закутанная в одеяло. Судя по умиротворенному выражению ее лица, спала она действительно спокойно, как-то по-детски посапывая носом.

— Мадам, — обратился я к Бабе-яге, — надеюсь, что вы можете сотворить чудо. Когда Бетси проснется, я постараюсь убедить ее остаться с вами. Полагаю, она меня послушает. Но позвольте узнать...

Я замялся. Мне было известно, кто наложил чары на девушку, известно, во всяком случае, я подозревал, для чего было затеяно все это «омоложение»... Но каким образом удалось Калиостро сделать то, что он сделал?

Меня не оставляла мысль, что нам еще предстоит встретиться лицом к лицу, и подготовиться к предстоящей встрече надлежало весьма тщательно. Уж больно непрост был мой предстоящий противник. Но, как говорится, цель и фигуранты преступления были установлены, теперь следствию осталось выяснить способ его совершения. А дальше, полагаю, его сиятельство ожидали множественные разочарования в жизни, возможно даже несовместимые с оной.

Однако спрашивать колдунью о методах ее работы, пусть даже не ее, а, так сказать, коллеги, было, по-видимому, не слишком разумно. Кто же станет делиться секретами фирмы с первым встречным?

— Мой друг хочет узнать, — видя мое замешательство, вклинился в разговор Лис, — что за злой колдун нашу красну девицу зачаровал и какого рожна ему это было нужно?

— Ну, какого рожна надо было, я сказать не могу, — развела руками Яга, — а вот образ чародея неведомого, если хотите, я вам выведу.

— Было бы очень любезно с вашей стороны.

— Ну, касатики, это я мигом. — Старуха суетливо подскочила к столу. — Где тут оно у нас? — Она вытащила блюдце из-под одной из чашек и посмотрела его на свет. — Не оно... Тоже не оно, — отставила она в сторону второе блюдце. — А вот и оно! — Бабуся-ягуся поставила посреди стола блюдце, на мой взгляд, ничем не отличавшееся от своих собратьев. Простенькое такое блюдечко с голубой каемочкой. — Так, это есть. Теперь... Где ж фрукта-то? А! — Бабуся подняла вверх палец. — Вспомнила! — Она подняла крышку ларя, на котором за чаем сидели мы с Бетси, и углубилась в изучение его содержимого. — Кстати, если интересуетесь, — она вытащила из ларя пару вставных челюстей, на мой взгляд, вполне обычных, хотя и несколько крупноватых, — зубы-самоеды, есть вот еще путы-самовязы...

— Бабусь, не отвлекайся, — попросил, улыбаясь, Лис. — Все эти папиросы-самокрутки оставим до следующего раза.

— Да-да, касатик. Вот оно, мое пригожее, вот оно, мое славное. — С этими словами пожилая леди извлекла из забитого волшебным хламом ларя крупное желтое яблоко, прекрасно сохранившееся, несмотря на такой странный способ хранения. Закрыв крышку, она положила яблоко на блюдечко и заговорила нараспев, слегка

подвывая: — Яблочко золотое, чистым соком налитое, прокатись-пройдись по кругу, все поведай мне, как другу, что было да как оно было, где бы оно ни было. Выведи мне злого ворога, наложившего мороки тяжкие на красну девицу.

Послушное заклинанию яблоко завертелось на блюдце, словно стирая белую глазурь со сверхплоского экрана его донышка.

— Мелковата посуда, — вздохнул Лис. — На Западе, бабуся, в таких случаях уже давно блюдами для торта пользуются.

— Ну уж прости, родимый, — развела руками Баба-яга, — чем богаты, тем и рады.

На экране разворачивалось действие. Малюсенький Калиостро сопровождал в уединенную башню старинного замка величественную, богато одетую женщину, неуловимо похожую на Бетси. «Вернее было бы сказать, что Бетси похожа на нее», — подумал я, невольно ловя себя на мысли, что по-прежнему продолжаю думать о ней как о настоящей герцогине Кингстон.

— А шо, звука нет? — вмешался Лис.

Картинка сменилась другой: та самая дама в каком-то странно расслабленном состоянии восседала в глубоком кресле, безвольно уронив руки на подлокотники. Перед ней, испуская клубы разноцветного дыма, стояли восточные курильницы, у ног ее с блюдом тропических плодов в руках сидела девушка в длинном, до пят, темном одеянии с непроницаемо густой чадрой на лице. Вокруг горело множество свечей. Невозможно было определить, день там или ночь, поскольку в комнате не было ни одного окна. Дама что-то произносила, рот ее беззвучно открывался, и, хотя слов не было слышно, казалось, что говорит она словно во сне. Выражение ее лица оставалось неизменным и будто бы отсутствующим.

— Так чего, со звуком совсем никак? — не мог угомониться Лис. — Паршиво. Дедовская техника, вернее сказать — бабовская. Ладно, — он подсел ко мне, — посмотрим без звука.

Изображение на экране вновь сменилось. Граф Калиостро вел девушку в чадре по какому-то темному каменному тоннелю, едва направляя ее движение своей рукой. Мне показалось, что чадра непроницаема с обеих сторон и несчастная напрочь не видит, куда ступает. В конце концов тоннель закончился, и великий магистр со своей спутницей выбрались на освещенную солнцем поляну с полуразрушенным гротом «а-ля руина» из тех, что любят устанавливать в глубине дворцовых парков. Он поставил девушку посреди поляны и рывком сорвал с нее чадру.

— Бетси, — прошептал я.

— Так ведь это же этот! — тыкая пальцем в блюдечко, возбужденно воскликнул Лис. — Ну, граф Радопи! Нет, какие-то другие

болгарские сигареты. Ну, тот офицер, который с подругой твоей ехал. Вспомнил! Полковник гишпанской службы граф Феникс.

— Лис, ты ничего не путаешь? Это Калиостро. И он сейчас должен быть в Митаве, — всполошился я.

— Про Митаву вашу я ничего сказать не могу, а этот ТУ-134 заперт у бабки в баньке. А по поводу Калиостро тебе, Вальдар, конечно, виднее, но в подорожной черным по белому написано: граф Феникс с женой.

— Лис, он там один или с казаками?

— Ну да, с ребятами. Нешто я цельного полковника одного оставлю?

— Его надо скорее привести сюда, иначе он непременно сбежит.

— Ты шо, с головой поссорился? Куда он убежит?! Там туча казаков, шо им какой-то гишпанский граф!

— Я же говорю — это Калиостро! Ему казаков усыпить, что тебе тост сказать!

— Кроме шуток? То-то я смотрю, когда я за бутылем бегал, они у меня какие-то квелые ходили. Ну я и велел его в баньке запереть, от греха подальше, — засуетился Лис. — Тогда действительно спешить надо.

— Да не волнуйтесь вы так, яхонтовые мои! Не сбежит ваш пленник. Коль слова волшебного не знает, банька его нипочем не выпустит. Она же на добрых молодцев рассчитана, а этот-то что, тьфу, смотреть не на что. Куда ему из баньки-то выйти!

— А что за волшебные слова, милая? — возбужденно бросил Лис, стоя уже на пороге.

— Слова-то простые, да редкий добрый молодец до них своим умом доходит.

— Не томи, милая. Цигель, цигель, ай-лю-лю!

— Земной поклон тебе, бабусенька, за баньку. — Бабуля поясно поклонилась, едва не касаясь рукой пола. — Только вы уж, соколы мои, никому про те слова заветные не сказывайте, не то заговор менять придется.

— Звезда ты моя ясная. — Он чмокнул губами, изображая поцелуй. — Не скучай, мы скоро будем.

Богатырский храп оглашал округу. Казаки спали вповалку, казалось, сваленные сном на полуслове.

— Блин! — Лис обвел недоуменным взглядом картину морального разложения своего отряда и грязно выругался. — А подать сюда девицу, шамаханскую царицу. — Он пнул сапогом под ребра ближайшего к нему казака с картинным оселедцем и длинными усами, закинутыми за уши. Тот спал, держа в руках недопитую чарку с

топливом для ступы, но, невзирая на полное отсутствие присутствия, ни одна капля драгоценного пойла не вылилась из емкости, зажатой в натренированной руке. Получив изрядный пинок под ребра, казак с явной натугой открыл один глаз и тут же опрокинул чарку себе в глотку. — Что у вас тут происходит, в дышло, в бога, в душу мать?! — набросился на него Лис.

— Ось бисова душа. — Сечевик, которому выпитое дало силу открыть и второй глаз, уставился на спящих товарищей. — Уси сплять, хай им грець! Пане атаманэ, та що це диется?!

— Шо диется? Казаков буди!

Мы с Лисом бросились к баньке, переминавшейся чуть поодаль на утиных лапах.

— Да я зараз, пане атаманэ, — неслось нам вслед, — тильки трохи того...

Что «того», узнавать нам было недосуг. Из бревенчатого строения доносились мерные тяжелые удары, словно кто-то всем весом своего тела с разбега пытался выбить дверь. С тем же успехом можно было таранить лбом Великую Китайскую стену.

— Эй, сиятельство! — крикнул, переходя на французский, Лис. — А ну, не балуй! Тоже мне, моду взял, казенные бани крушить. Это, может быть, единственная баня на всю округу. Я, можно сказать, из уважения к твоему титулу и званию тебя первым запустил. Мои хлопцы, почитай, вот уже две недели не мылись, а ты, вша тебя заешь, двери ломаешь! Хочешь выйти, так и скажи.

В маленьком банном окошке появилось изможденное лицо Калиостро. Насколько я мог понять, в приступе самообороны волшебная баня успела изрядно истопиться и температура внутри, должно быть, достигла критической величины.

— По-моему, я про эту баньку уже читал, — поскреб макушку Лис. — По-моему, Баба-яга в ней жарила добрых молодцев, которые не умели молвить доброго слова. Вальдар, тебе жареный Калиостро зачем-нибудь нужен?

— Нет.

— Тогда действуй, да поскорее.

Я забарабанил в оконце, стараясь привлечь к себе внимание обезумевшего от жара великого магистра:

— Монсеньор! Остановитесь немедленно!

Калиостро рухнул на лавку, явно обессиленный борьбой, и выдавил из себя по-итальянски, но не по-итальянски медленно:

— Это конец.

— Нет, это всего лишь двери. Запоминайте слова: «Земной поклон тебе, бабусенька, за баньку». И постарайтесь говорить без акцента, банька понимает только по-русски.

Спустя мгновение сраженный в неравной схватке с баней копт выпал из дверей на заботливо подставленные руки моего напарника.

— С легким паром, батюшка, — сладкозвучно пропел ему пан атаман. И продолжил далее, резко меняя в тоне: — А теперь слушай меня, Феникс недожаренный. У моего друга есть к тебе пара вопросов. Если ты будешь отвечать на них невнятно, на тебя снизойдет редкое счастье лично познакомиться с хозяйкой этой бани. Боюсь, она сегодня еще не ужинала.

— Мсье Вальдар, — взмолился граф, раскрасневшийся под цвет шаровар, которые носила добрая половина лисовского отряда. — Заберите меня отсюда, я умоляю вас. Вспомните, мой бальзам даровал вам выздоровление, когда вы лежали на яхте Элизабет Чедлэй на волосок от гибели.

— Я за тем сюда и пришел, — отрезал я. — Лис, займись пока своими казаками.

— А... Там еще свита, лакеи, камеристки — их куда девать?

— Пусть отправляются в Казань. Заберите у них все ценное, постращайте и отпустите, — командным, не терпящим возражения тоном произнес я.

— Есть, — включаясь в игру, козырнул Лис. — Как прикажете, ваше высокоблагородие. Эй, — он подозвал ближайшего казака, уже отметившего свое пробуждение порцией перцовки, — скачи в курень. У полона все ценное забрать, карету оставить. В карете одну лошадь, какую поплоше. Да гоните их в тычки в сторону Казани.

— Лис, — обратился я, — там должна быть такая юная девушка лет семнадцати, зовут Вирджиния. Вы уж с ней помягче. И коней, будь добр, все-таки оставь.

— Все слышал? — гаркнул на своего подчиненного Лис. — Тогда давай, дуй ветром.

— Пойдемте, граф, погуляем. — Я взял Калиостро под локоть. — У нас есть о чем поговорить.

Калиостро подозрительно посмотрел на меня:

— Однако я вас недооценил.

— Ничего, бывает, — махнул рукой я.

— Это ваш отряд? — вновь задал вопрос граф Феникс.

— В каком-то смысле да.

— Я не могу понять, кто вы есть на самом деле? Вы шпион?

— Это не важно. Речь все равно пойдет о другом.

— О чем же?

— О вас, дорогой граф. С момента нашей первой встречи я узнал о вас много странных вещей, которые, вероятно, интересовали бы меня исключительно в качестве курьеза, но теперь они вплотную коснулись моей личной жизни.

— Вот как, — усмехнулся Калиостро, уже вполне взявший себя в руки. — И что же это?

— Сейчас расскажу, — кивнул я. — Давайте так, сначала буду говорить я, а потом вы. И, пожалуйста, без утайки. Вы же сами прекрасно понимаете, я скажу не все, что знаю, и если что-то из того, что скажете вы, не будет соответствовать тому, что мне известно, поверьте, участь ваша будет горька.

Итак, я оставлю в стороне ваши масонские похождения, они интересуют меня в малой степени. Разве что ваша связь с фон Рейхелем, за спиной которого здесь стоит Панин, а по ту сторону Балтики император Фридрих. У всех у них навязчивая идея поменять на троне слишком самостоятельную Екатерину на туповатого, страдающего мистицизмом царевича Павла.

— Если вы действительно собираетесь остаться в России, не забывайте, что это ваш будущий император.

— Я же сказал, мне это не интересно. Занятно другое. В какой-то момент планы этой троицы совпали с вашими. Заметьте, именно совпали. И вы решили помочь сим малопочтенным господам поменять действующую императрицу на ее омоложенный макет.

— Вы так считаете?

— Я видел двойника Фике у вас во флигеле.

— Ну и что?

— Ровным счетом ничего. Как и прибытие практически вместе с вами в Петербург омоложенной герцогини Кингстон. Но если вы забыли, граф, я вынужден вам напомнить, что герцогиня Кингстон до омоложения и после него — это две разные женщины. Именно эту судьбу вы уготовили и императрице.

— Вы так думаете? — Калиостро удивленно поднял брови.

— Нет, я это знаю. И заметьте, я могу это доказать. А еще я могу вам напомнить о некой заброшенной башне в Средней Франции. Точнее, о подземелье под ней. — Магистр остановился, будто пораженный молнией. — Я вижу, вы вспомнили.

— Это она вам сказала? — бледнея, выдавил из себя «граф Феникс».

— Нет, к сожалению, она мне не могла этого сказать. Но не один вы, ваше сиятельство, накоротке с духами и умеете заглядывать в прошлое.

Вероятнее всего, дело обстояло следующим образом: вы познакомились с Бетси Чедлэй, точнее, тогда Бетси Геруэй, во время ее путешествия по Европе и быстро стали ее доверенным лицом, не так ли?

— Так, — не сводя с меня настороженных глаз, кивнул собеседник.

— Не буду утверждать, что вы помогли ей женить на себе престарелого герцога Кингстона. Не буду утверждать, что вы помогли ему скорее отправиться в лучший мир, хотя, надо сказать, во время кончины престарелого герцога вы были в Англии. Я проверял. Но вот завещание, оставляющее все Элизабет Чедлэй, наверняка ваших рук дело. Поправьте меня, если я не прав.

— Да, — усмехнулся Калиостро, — пришлось немного поработать нотариусом. Но вот дальнейшая выходка Элизабет с ее первым мужем — это уже все дело ее собственных рук. Поверьте, она была ангельски красивой, жадной, склочной стервой. В омоложенном варианте Бетси Чедлэй куда как лучше.

— Быть может. Но Элизабет Чедлэй. А бедная девушка, которую вы лишили самое себя, которую вы томили сорок дней в подземелье, одурманивая тайными снадобьями, погружая ее в чужую жизнь, в чужие воспоминания, о ней вы подумали? Вы же знаете, что все так называемые омоложенные жертвы умирают или сходят с ума через год, от силы полтора.

— Процесс несовершенен. Сами понимаете, путь знаний тернист, но это путь, и его необходимо пройти. А девушка, — он вновь усмехнулся, — я обещал ей, что через сорок дней преданной службы я сделаю ее сказочно богатой. Элизабет же я обещал, что спустя сорок дней она вновь будет такова, как на портрете, сделанном в ее двадцать лет. По сути, я не обманул ни одну из них. Поверьте, юная Екатерина-Фике вполне была бы счастлива замужем за Григорием Орловым, если бы не ваша шпага и не происки нового фаворита императрицы.

— Здесь вы просчитались, это я вам говорю абсолютно точно.

— Вероятно, вы правы, — вздохнул Калиостро. — Я чувствовал что-то подобное. Был миг, когда следовало повернуть, и я пропустил его. Азарт большой игры пьянит сильнее, чем любое тайное снадобье. Ты упиваешься победой, постоянной и непременной победой, но потом... потом бывает страшно оглянуться назад. Однако есть тот, кто видит все. И его не обмануть даже мне. В день, когда я так скоропалительно покинул Санкт-Петербург, я видел вещий сон...

Из темноты, из полного мрака явилась фигура, окруженная ярким сиянием. Я знал, кто это. Это был мой учитель, наставник в магической мудрости Альтотас. Старец гневно посмотрел и сказал: «Граф, взгляните в свое сердце. Вспомните свои деяния. И только если сочтете, что ни одно из них не было продиктовано корыстью, тщеславием, гордостью или властолюбием, только тогда их продолжайте. Я говорю, — продолжил Альтотас, — от имени всех тех, чьим попечением вложена в вас та магическая сила, которой вы обладае-

те. Граф Калиостро, не увлекайтесь честолюбием, не участвуйте в интригах политических или корыстных, не дурачьте бедных глупцов, ища себе дешевой славы. Надейтесь только на Того, чье Царство — сила и слава, не губите себя. Прошу вас, послушайтесь».

Я хотел было возразить, что все действия мои направлены на благо бедному люду, что, дурача пустоголовых вельмож, я вношу в мир естественный порядок, но старец исчез. Оторопь моя прошла, и я решил проверить, не оставила ли меня моя сила. Я велел свече на комоде потухнуть — она потухла, велел загореться — она зажглась. Я было успокоился, но внезапно услышал звон, от которого проснулся. Моя шпага лежала на полу, сломанная пополам, и конец ее указывал в том направлении, в котором ускакали вы. Это был знак. Я понял, что мне необходимо ехать сюда. Все это было предначертано. Хотя, признаться, я не слишком рад нашей встрече. Я недооценил вас, очень недооценил.

— Бывает, — махнул рукой я. — Скажите, граф, вы можете снять заклятие с той девушки, вы можете вернуть ей прежнюю судьбу?

— Нет, это не в моих силах.

— Ну что ж, тогда наш разговор был содержательным, но прошел впустую. — Я развел руками. — Вашим замыслам не суждено сбыться, это вы сами понимаете. Для меня же вы бесполезны. Я отдам вас атаману, но в память о моем излечении, даю слово, он сохранит вам жизнь. Лишь один вопрос, надеюсь, он вас не затруднит. Как настоящее имя той, кого вы сделали Элизабет Чедлэй?

— Элен Фиц-Урс. Девушка из рода древнего, но обедневшего еще во времена Войны роз. Однако я сомневаюсь, что вам поможет знание ее имени. Это движение невозможно обратить вспять.

— А сие уже не ваша забота, — раздраженно отрезал я, видя, с каким безразличным спокойствием Калиостро ставит крест на судьбе своей невинной жертвы. — Лис, — окликнул я, — забирай Феникса, он твой пленник. Рекомендую тебе продать его мировому масонству. Да смотри не продешеви, за его голову немало отсыпать могут.

— Вот, буду я связываться с масонами! От их вареного золота волосы вылазят и зубы сами изо рта выпрыгивают. У меня получше мысль есть, — подходя совсем близко к Калиостро и кладя ему руку на плечо, сообщил Лис. — Я его, блин, к чародеям отвезу, к волхвам на перековку.

— Куда? — не понял я.

— На перековку. Ну, знаешь, молотом по... серпу.

— К каким еще волхвам? Каким молотом?

— Отвечаю по порядку. Молотом — пудовым. Волхвам — обычным. Из горной Венедии, что на Урал-камне. Они еще при князе Владимире туда уходить стали. А уж когда благодаря Батыю и иже с

ним Православная церковь усилилась, им и подавно одна дорога в горную Венедию осталась. Это уже потом они словом колдовским вход в свой край запечатали, так что незваным туда не войдешь. Я пробовал, пустое дело. Чуть подходишь, ужас пробирает аж до костей, шагу ступить невозможно. Но сами они оттуда выходят: людей лечат, будущее предсказывают, погоду заклинают. Вот им Калиостро и подарим. Пусть себе на нем опыты ставят. Ну что, — обратился он к Калиостро, — пошли, граф. Будешь хорошо себя вести, я попрошу волхвов не делать из тебя наглядное пособие.

Появление сигнального огня на барже приняли с воодушевлением.

— Я, наверно, пойду, — глядя, как барка снимается с якоря и направляется к берегу, заявил Лис. — Шо мне тут стовбычить? Не ровен час, пересечемся. Схожу лучше своих подгоню. Бабуле, опять же, надо помочь собраться — все через Волгу путь не близкий. За девицу не беспокойся, Ягуся за ней присмотрит. А как ты на тот берег переправишься, она уже вскоре и в себя придет. Если что, я позабочусь, чтобы твоя зазноба до Казани добралась, там ее как раз и слуги ждать будут...

— Да, спасибо, Лис, — как-то невпопад ответил я.

— Да ну, капитан, не грусти! Все обойдется. — Лис слегка пнул меня кулаком в плечо, желая вывести из состояния тоскливого оцепенения, в котором я находился после разговора с Бетси Чедлэй. Мне удалось уговорить ее на «операцию», но никогда еще с начала моего путешествия я не чувствовал себя таким разбитым и таким выжатым.

— Как! — встретил меня на барке возмущенный поручик Ржевский. — Ты там пил и не пригласил выпить нас! Разве друзья так поступают?!

— Что-то случилось? — глядя на мрачное выражение моего лица, перебил его Ислентьев. — На тебе лица нет.

— Все нормально, — покачал головой я. — Встреча прошла удачно. А сейчас мне просто надо отдохнуть.

Казань встречала нас шумом и цветастым многолюдством. На свой восточный манер она старательно пыталась походить на Петербург, что, впрочем, получалось у нее довольно слабо, и всякий раз соседство позднего барокко с тощими мусульманскими минаретами вызывало ощущение абсурда.

Мундирный чиновник в окружении халатных, в смысле разодетых в халаты, восточных торговцев, зарегистрировавший на пирсе наше прибытие, пытался объяснить, как проще добраться до штаб-квартиры полковника Михельсона. Однако слова его тонули в мно-

гоголосом шуме халатников, наперебой пытавшихся всучить вновь прибывшим свои разномастные товары. Воздух оглашался криками «Якши», «Бакшиш бар» и тому подобной, дикой для европейского уха речью. Отчаявшийся перекричать купцов, чиновник безнадежно махнул рукой в сторону городских ворот, как бы давая понять, что там у нас появится шанс найти нормального проводника.

Расталкивая плечами неугомонных торговцев, мы с Ржевским шагали по пыльной дороге туда, где у древних ворот Казанского кремля виднелась полосатая будка городовой стражи. Пожалуй, я бы не отказался от экскурсии по Казани, особенно же меня интересовал Свияжск, крепость, по воле царя Ивана Грозного, возведенная и перевезенная сюда за много миль от первоначального места постройки. Я еще в детстве читал об этом чуде в «Истории фортификации» Креймса и теперь страстно желал увидеть его воочию.

Остановивший нас около ворот седой как лунь унтер козырнул незнакомым офицерам, осведомляясь о цели нашего прибытия, и, узнав, куда мы направляемся, поспешил прийти к нам на помощь. Он крикнул смену и повел нас цветастым лабиринтом, величаемым здесь городскими улицами. Это было очень кстати, ибо, насколько я знал восточные города, заблудиться в хитросплетении их улочек и закоулков было проще простого и, прямо скажем, не всякий заблудившийся находил когда-либо дорогу назад.

Михельсон принял нас радушно. Прочитав адресованный ему пакет, он удивленно поднял на меня свои по-детски голубые глаза и спросил с неподдельным изумлением:

— Как, господин премьер-майор, вы намерены отправиться дальше в степь без сопровождения?

— Такова воля государыни, — пожал плечами я.

— Но помилуйте, это действительно очень опасно! Навряд ли аксельбанты флигель-адъютанта спасут вас от расправы, если вы попадете в руки кого-либо из пугачевских атаманов.

— Разве у меня есть выбор? Я должен ехать в степь и выполнить данное мне поручение. Со мной надлежало отправиться толмачу, штаб-ротмистру Никите Ислентьеву, но он ранен в стычке с бандитами. Слава Богу, с его обязанностями вполне может справиться мой камердинер. Он вполне сносно владеет русским языком.

— Да, история. Знаете что, давайте поступим так: на днях в степь отправляется отряд поручика Державина, которому предписано изловить бунтовщика. Езжайте вместе с ним.

Я покачал головой:

— Это противоречит данному мне заданию.

Михельсон развел руками:

— Ну, как знаете. Но на сегодня вы мои гости, тем более что губернатор нынче дает бал в честь своего дня ангела и будет весьма расстроен, ежели узнает, что флигель-адъютант ее величества, прибыв в город, не пожелал остаться на праздник.

— Почту за честь, — кивнул я, понимая, что сегодня в степь соваться без толку, поскольку Лис меня там будет ждать только завтра.

— Располагайтесь, господа офицеры. — Он вызвал дежурного адъютанта. — Милейший, позаботьтесь о расквартировании конвоя. Да, чуть не забыл! Дорогой мой поручик, у меня к вам будет просьба личного свойства.

— Рад служить, ваше высокородие!

— Тут, господа, вот какой карамболь получается. Одной очень знатной и, заметьте, поручик, очень красивой даме, вдове графа фон Лимбург-Штирумского, необходимо добраться до имения, расположенного в семидесяти верстах отсюда. Сами понимаете, поручик, дать ей солдат из вверенных мне войск я не могу, а вы со своим отрядом формально пока не состоите под моим началом и вполне могли бы ее сопроводить.

На губах Ржевского явно обозначилась самодовольная улыбка коренного гусара:

— Ваше предложение мне весьма лестно, господин полковник. Я с превеликой радостью провожу вдову графа, как там его... к ней в имение. Особенно если она действительно так хороша, как вы говорите.

— Поручик! — Лицо Михельсона приняло притворно гневное выражение. Насколько я мог судить, в молодые годы сегодняшний полководец тоже служил в кавалерии.

— Простите мое любопытство, — вмешался я, — по-моему, сейчас не самое удачное время для разъездов. Что могло заставить столь знатную даму тащиться в такую даль?

— Понимаете, какое дело, двоюродный брат ее сиятельства граф Скарбек оставил по своей смерти имение равными долями ей и своему племяннику, молодому графу Скарбеку. Сейчас тот желает выкупить долю тетушки, вот она и решила посмотреть, что продает. У них там в Германии и слыхом не слыхивали о Пугачеве. Впрочем, у нас пока спокойно. Ну что, поручик, договорились?

— Всегда к вашим услугам, господин полковник! Особенно насчет дам.

Полковой оркестр играл мазурку. Привыкшие к подобному исполнению местные дамы и кавалеры умело вычленяли ритм из оглушительного каскада звуков и легко кружились по залу в свое немалое удовольствие. Губернатор, настроенный через заезжего флигель-адъютанта приобщиться к столичным новостям и тайнам при-

дворной жизни, не отпускал меня от себя ни на шаг, потчуя все новыми блюдами местной кухни и требуя взамен все новых рассказов.

— Вот попробуйте губадью, дорогой мой, это необычайно вкусно. Внутри пирога слоями расположены кырт, ну, такой особый творог, рис, яйцо и мясо, и все это залито прекрасным топленым маслом. Попробуйте, пальчики оближете!

Действительно было вкусно, однако есть в количествах, навязываемых мне его превосходительством, было задачей не для среднего желудка.

Дворецкий губернатора, выполнявший роль церемониймейстера, судя по манере выкликать гостей, из бывших фельдфебелей, вошел в праздничную залу и рявкнул во всю мощь своих тренированных легких:

— Его сиятельство граф Александр Скарбек и ее светлость графиня Бетти фон Оберштайн-Пиннинберг.

При звуке первого имени мы с Ржевским повернули головы в сторону дверей, при звуке второго... При звуке второго в залу вошли носители этих громких титулов: неизвестный мне мужчина лет двадцати пяти в форме поручика Санкт-Петербургского уланского полка и... Господи, зачем одной женщине столько имен?! Елизавета Разумовская-Дараган-Орлова фон Оберштайн-Пиннинберг, она же, до недавнего времени, миссис Редферн.

Мой взгляд упал на Ржевского, стоявшего в кругу молодых офицеров. Можно было спорить, что сегодня он больше не сможет съесть ни кусочка. Рухнувшую от изумления челюсть пришлось бы поднимать с пола руками. Извинившись перед губернатором, я по длинной дуге отправился навстречу старой знакомой.

— Все нормально, поручик, — шепнул я, проходя мимо Ржевского, — все идет по плану. Не обращайте внимания.

— Ага, — кивнул поручик, глядя на мою бывшую кухарку взглядом с плаката «Водка и здоровье несовместимы!». Да, надо отдать должное, с момента нашего скоропостижного расставания девушка немало изменилась, да и платье, которое сейчас было надето на ней, вряд ли являлось тем самым, приобретенным в модной лавке города Турова.

Оркестр вновь заиграл что-то танцевальное.

— Сударыня, вы позволите пригласить вас? — спросил я, подходя к несостоявшейся императрице и склоняя голову в изысканном поклоне. В глазах Елизаветы мелькнуло замешательство, моментально сменившееся насмешливым азартом.

— Господин премьер-майор, никак не ожидала вас здесь видеть, — она подала мне руку, — но, признаться, рада. Очень рада.

Я мельком глянул на улана, стоявшего рядом с графиней: губы его подергивались, рука была засунута за лацкан уланского колета. «Наверняка у него там пистолет, — с досадой подумал я. — Интересно, сколько еще в этом зале господ, нащупывающих в данный момент рукояти спрятанного под одеждой оружия?»

Оркестр наяривал котильон. Взявшись за руки, мы с сиятельной графиней пошли по залу.

— Сударыня, всего несколько дней мы в разлуке, а вы опять успели выйти замуж и даже овдоветь. Примите мои соболезнования.

— Ну что вы, господин премьер-майор, это излишне. Титулы, которые вы сейчас слышали, достались мне от моего первого мужа Филиппа-Фердинанда, графа Лимбург-Штирумского, номинантного герцога Шлезвиг-Гольштейна и Гольштейн-Шадмбурга, князя Северной Фризии и Вагрии, наследника Гольдерна, графства Зутфен, господина Виш, Борколоэ, Темен и многое другое. Вы же знаете манеру этих германских князьков записывать себе в титул все имеющиеся в их владениях мызы.

Я кивнул.

— Ай-ай-ай! И когда он умер?

— Признаться... давно о нем ничего не слышала. Возможно, он еще жив. Но вряд ли об этом известно в Казани. Да и кого в этом городе могут интересовать подобные мелочи.

— Вы правы, сударыня, — вздохнул я.

— Надеюсь, господин премьер-майор, у вас нет желания вспоминать сейчас здесь, на балу, о моем втором муже? Боюсь, вас не поймут, если вы вдруг решите заявить, что я графиня Орлова.

— Ну что вы! Как только такое могло прийти вам в вашу красивую головку? Я не буду говорить ни о том, что вы Елизавета Разумовская, ни о том, что вы жена графа Орлова-Чесменского. Правда, я могу сказать, что вы беглая жена моего камердинера — миссис Редферн.

— Не стоит, господин премьер-майор. Вряд ли вы успеете произнести эту фразу до конца. Однажды вам удалось увернуться от пули, направленной в голову, но тогда это была только одна пуля. Вы готовы отдать свою жизнь за сомнительное удовольствие узнать с того света о том, что меня арестовали? Хотя при чем тут я? Вы пытались оклеветать честную женщину, а какой-то мой слишком горячий поклонник решил, как бы это выразиться, не доводить дело до дуэли.

Мы смотрели, нежно улыбаясь, как будто готовые заключить друг друга в объятия.

— Вы мне угрожаете, сударыня?

— А вы бы чего хотели, сударь? Не знаю, быть может, вам доставляет странное удовольствие возить в роли кухарки законную наследницу императорского престола, но вряд ли это пристойно для

меня. Поэтому, мой дорогой господин Камдил, для всех будет лучше, если наши дороги вновь разойдутся. И теперь, надеюсь, навсегда.

Я согласно склонил голову... «Конечно, навсегда. Тем более что завтра я с Редферном отправлюсь в степь к Пугачеву, а вы в сопровождении поручика Ржевского тоже отправитесь... Вопрос только — куда? Об этом я поручику поведаю чуть позже».

— Господин губернатор, господин полковник! — В залу, едва не сбив с ног дворецкого, влетел запыленный драгунский прапорщик, с трудом державшийся на ногах от усталости. — Сегодня утром отряд более трехсот сабель при двух пушках захватил Шатум-базар и, сбив заставу, ушел в степь.

— Чей отряд? — Лицо полковника Михельсона побледнело от ярости.

— Ваше высокородие, поручик Державин велел передать, что во главе отряда был граф Алексей Орлов. С ним его братья и множество офицеров.

— Проклятие! Откуда они здесь взялись?!

— Сударыня, как видите, я обещал отвезти вас к мужу и, невзирая на ваше сопротивление, все-таки выполнил обещанное. Так что послушайте моего совета, вам не стоит ехать в имение, отправляйтесь лучше вслед своему супругу. И, главное, не берите себе в Казани конвой.

Глава 17

Коса отточена и смерть груба,
Но нет, не кончена моя судьба.

Элина Макропулос

Казань бурлила. Взрыв бомбы на бульваре в час воскресного гулянья не вызвал бы паники большей, чем сообщение о захвате Орловыми Шатум-базара и о дальнейшем выступлении его на соединение с разбойником Пугачом. Слухи, самые нелепые и невероятные, ширились по городу, превращая отряд мятежных братьев в многотысячную армию, а разгром команды поручика Державина из двадцати пяти драгун и шестисот ополченцев — едва ли не в крах войск, верных императрице. Обычная в таких случаях вещь. Господа обыватели с невиданной легкостью готовы были поверить самому невероятному, самому дикому слуху. Уже считалось едва ли не само со-

бой разумеющимся, что вор и разбойник Емелька Пугачев — действительно чудом спасшийся законный государь всея Руси и что братья Орловы, известные своим геройством, действуя по уговору с ним, когда-то помогли государю бежать из рук коварной супруги. По тому же уговору остались при изменщице, демонстрируя ей свою верность и тем самым занимая ключевые посты у подножия трона, и вот теперь, по зову государя, они бросили ее без поддержки и вновь встали под знамена его величества, ведя с собой едва ли не большую часть российского войска.

Бегство людей из Казани достигло невиданных размеров. Все те, кто не был связан долгом службы, те, кто мог позволить себе купить хоть какую-то повозку, какого-то самого завалящего коня, спешили оставить город, опасаясь расправы буйного в гневе «императора». Что и говорить, стоило бы в эти дни появиться у окраины Казани самому пустяковому пугачевскому разъезду, и Казань бы пала. Пала бы, невзирая на все старания энергичного полковника Михельсона, демонстрировавшего едва живому от ужаса губернатору полную готовность Казани не только к обороне, но и к активным наступательным действиям. Напрасно отважнейший Иван Иванович сотрясал воздух не по-германски страстными речами, доказывая, что измена придворных, пусть даже самого высокого ранга, это всего лишь измена и не более того. В глазах губернатора Орловы были едва ли не полубогами, а Михельсон — вчерашним подполковником Санкт-Петербургского карабинерного полка, опытным офицером, но не более того. Слова его тратились впустую, не гася пожара, а лишь подливая масла в огонь.

В действительности же, как утверждали свидетели разгрома, дело в Шатум-базаре обстояло следующим образом. В этом городке, известном своей конной торговлей, после удачного боя с киргиз-кайсаками отдыхала команда поручика Державина. В воскресный день здесь началась ярмарка, кроме того, тут же был расположен сборный пункт волжского ополчения, а потому мало кто обратил внимание, что с самого утра в город верхом и на повозках съезжаются неизвестные, при саблях и карабинах, а некоторые даже и с пиками. Когда же с колокольни местной церкви ударил колокол, неурочным звоном тревожа люд, с возов, стоявших как раз напротив казармы внутренней стражи, полетело наземь сено, а под ним, закрепленные на импровизированных лафетах, таились до срока два артиллерийских орудия. На базарной площади послышались выстрелы. Всполошенные ими драгуны, расквартированные в казармах, бросились на улицу: их встретила картечь в упор. Судя по всему, Орловы спешили и потому не стали выискивать живых и добивать раненых. Они лишь разоружили оставшееся без командования ополчение и увели с собой в

степь все пригнанные на ярмарку в Шатум-базар табуны. Впрочем, среди очевидцев находились такие, что утверждали, будто коней угнали не братья, а цыгане знаменитого на всю Россию орловского хора, примкнувшие к любимому хозяину где-то в пути. Так ли это было или нет, сказать трудно, да в общем-то и не имело особого смысла проверять сию курьезную информацию. И без того было ясно: какими бы мизерными ни были потери в Шатум-базаре, для армии Екатерины эта стычка обернулась грандиозным поражением. Все количество жертв исчислялось шестью убитыми и тремя десятками раненых. Людская молва похоронила сотни и безропотно отдала стратегическую инициативу Пугачеву.

Понятное дело, в создавшейся суматохе никто и не заметил, как в неизвестном направлении исчезла звезда прошлого бала графиня фон Оберштайн-Пиннинберг. Никому не было дела до заезжей графини, как, впрочем, и до ближайшего соседа.

— Проклятие! — Полковник Михельсон в неистовстве метался по своему кабинету, готовый, кажется, растерзать всякого подвернувшегося под руку. — Этот шельма губернатор настаивает, чтобы я вывел все войска в степь, оставив в городе лишь инвалидную команду. Он пытается выставить меня из города, чтобы иметь возможность сдать его разбойникам без боя. Он хочет лишить нас базы, принудить либо сдаться, изнурив войско бессмысленным дальним переходом, либо принять бой на крайне невыгодных позициях, не имея позади обеспеченного тыла.

Ближайшие помощники Михельсона, кавалерийский начальник полковник граф Меллин и подполковник Гагрин, возглавлявший пехоту, слушали командующего в полном молчании, готовые подписаться под каждым его словом. Допущенный на совещание благодаря своим флигель-адъютантским аксельбантам, я тоже благоразумно помалкивал, понимая, что стоит мне поведать храброму воину о цели моей поездки к Пугачеву, и вопрос об обороне Поволжья, не говоря уже о каких бы то ни было наступательных действиях, можно было бы считать закрытым. Когда высоким политикам приходит в голову светлая мысль в корне изменить ход войны, честным военачальникам остается лишь пустить себе пулю в лоб, чтобы впредь избежать объяснений о бессмысленно пролитой крови. А потому я молчал.

— *Здравствуй, дорогой племянничек.* — Голос моего дражайшего дяди звучал, как обычно, спокойно и насмешливо. — *Как там у вас дела?*

— *Сказать «плохо» — значит не сказать ничего.*

— *Да?! И что же у вас происходит?*

— Орлов перешел Волгу и с отрядом движется на соединение с Пугачевым. Его дражайшая супруга ушла из-под нашей опеки и движется на соединение с ним. Казань в панике. Губернатор, похоже, всерьез подумывает, не присягнуть ли Пугачеву, а для пущей убедительности своей доброй воли готов подставить Михельсона с войском под полный разгром.

— Все это очень интересно, дорогой мой, — неспешно проговорил лорд Баренс с какой-то скрытой досадой. *— Однако в твоих рассуждениях кроется одна большая ошибка: ты начал слишком близко воспринимать местные, причем в данном случае узкоместные, проблемы. До Михельсона и его войска, поверь мне, тебе нет никакого дела. До казанского губернатора тем более. Орловы и Дараган — куда как интереснее. Это в корне может изменить общую расстановку сил. Да, с Орловыми, похоже, Екатерина просчиталась. Как говорится, превратности метода.*

— В каком смысле? — не понял я.

— В прямом, мой дорогой племянник. Не забывай, Екатерина — просвещенная государыня и хорошо изучила опыт своих предшественников. А потому она прекрасно знает, что оборотная сторона фаворитизма — поглощение фаворитом властителя, его вознесшего. В Византии, скажем, это был вполне обычный путь к трону. Чтобы избежать подобной неприятности, монарху необходимо время от времени отдавать фаворита на растерзание толпе, обвинив его во всех возможных грехах и тем самым отводя от себя угрозу вспышки накопившегося народного гнева.

Екатерина дарит щедро и возносит высоко, но никогда не забывает обрушить вчерашнего баловня судьбы в тот самый момент, когда несчастному кажется, что он уже ухватил бога за бороду. При этом государыня оставляет отвергнутому надежду на то, что все еще может измениться. Чем в принципе гарантирует лояльность оставленных фаворитов, среди которых иногда встречаются весьма полезные для государства люди. С Орловыми она немного опоздала. Совсем чуть-чуть. Они уже успели почувствовать себя вершителями судеб России, а вкус абсолютной власти — все равно что вкус крови для вампиров: единожды попробовав, остановиться невозможно. Отошли их Екатерина на год, на полгода раньше, они бы, пожалуй, сейчас спокойно жили, как подобает богатым вельможам, но теперь... Теперь вся их жизнь подчинена законам большой игры. А будет ли служить им для достижения цели Пугачев или же зеленые человечки с Марса, им, по большому счету, безразлично. Они уже сами по себе слишком крупные фигуры.

Но я хотел поговорить с тобой о другом. Меня интересует, куда подевались наши старые приятели герцогиня Кингстон и граф Ка-

лиостро? Насколько я понял, они тоже отправились по твоим следам. Я так гляжу, в этом сезоне поездки на Волгу вообще популярны в петербургском высшем свете.

— Видит бог, это не моя заслуга, — парировал я колкость лорда Баренса. *— Отвечаю по порядку. Герцогиня Кингстон или, точнее сказать, герцогиня Кингстон номер два, потому как при рождении обладательница этого титула получила имя не Элизабет Чедлэй, а Элен Фиц-Урс, находится на расколдовке или расколдовывании, не знаю, как правильно, в избушке Бабы-яги.*

— Где?! — Удивление в голосе моего дяди не могли скрыть ни расстояния, ни общее для английских джентльменов правило ничему не удивляться.

— В избушке на курьих ножках. Есть тут такая избушка на курьих ножках, в ней живет Баба-яга. Так вот там сейчас находится миссис Элизабет Чедлэй с целью обратного превращения в мисс Элен Фиц-Урс.

На канале связи воцарилось молчание.

— Ты это серьезно?

— Абсолютно, — произнес я с тайным злорадством оттого, что мне удалось шокировать невозмутимого дядю Джорджа. *— Но это еще не все. Граф Калиостро, плененный отрядом нашего агента атамана Лиса, направляется, как мне было сказано, на перековку к венедским волхвам.*

— Господи, час от часу не легче! А эти-то откуда взялись?

— Я так полагаю, они здесь уже давно. По словам Лиса, с раннехристианских времен.

— Да, занятный поворот. Хорошо бы знать, что из этого может выйти. Ну да ладно, поживем — увидим. Будь добр, по возможности информируй меня об их судьбе. И вот еще что, если ты еще не забыл, я до сих пор нахожусь на службе короля Георга III. Я понимаю, что Екатерина пытается подсунуть его величеству порченый товар и решить за его счет ряд своих проблем. По-хорошему мне, как верному слуге английской короны и до сего дня весьма толковому дипломату, надлежало бы объяснить государыне, что дураков в Форин Офисе не держат. Но Институт рекомендует не вмешиваться в ход событий, а потому я должен разработать вразумительное объяснение тому, что может произойти, когда выяснится, каких казаков мы экспортировали в колонии. Если, конечно, Пугачев вообще согласится туда плыть. Следовательно, будь добр, держи меня в курсе своих переговоров. В моих условиях обладание информацией может решить очень многое. Предупрежден — следовательно, вооружен.

— Хорошо, дядюшка. Все, что смогу.

— *Благодарю тебя, мой дорогой.*

Связь отключилась.

— Господин премьер-майор, вы сами видите, обстановка изменилась в корне. Вряд ли вам следует отправляться... — Михельсон посмотрел на своих помощников, словно оценивая, можно ли при них называть конечную точку моего путешествия. — Отправляться в лагерь к Пугачеву. Разбойник не сдастся. Сейчас он стал сильнее, чем когда-либо. Мне тут крайне не хватает опытных и отважных офицеров. Я дам вам отряд. Мы должны связать Орловых стычками и преследованием, не дав им соединиться с Пугачевым. А я же постараюсь оттянуть основные силы разбойников за собой и держать их в напряжении до той поры, пока подойдет Суворов.

Я покачал головой.

— Почел бы за честь, ваше высокоблагородие, но не имею такой возможности. Я обязан выполнить приказ государыни.

— Да, вы правы, друг мой, — с горечью в голосе произнес Михельсон. — Вы честный и благородный офицер. Но видит бог, здесь бы вы были полезны, а там ваша смерть станет еще одной бессмысленной жертвой. И все же храни вас Господь, господин премьер-майор. Отправляйтесь в путь, не смею вас задерживать.

Неповторима ночная степь. Невозможно описать многообразие ее пряных запахов, все эти шорохи, стрекотание, залитое светом нереально огромной полной луны. Мы с Редферном двигались сквозь высокие, не ведавшие покоса травы, уже сухие из-за палящего степного солнца, ехали не спеша, радуясь ночной прохладе, то и дело вспугивая какую-то живность, буквально выскакивающую из-под копыт и уносящуюся вдаль с шумом, достойным крупного зверя.

— *Але, капитан, ты там далеко?*

— *Вот спросил!* — отозвался я. — *Откуда я знаю? Я же не вижу, где ты находишься.*

— *Я тут на кургане стовбычу, шо скифская баба. В смысле — мужик. Ты курган уже видишь?*

Я начал всматриваться в горизонт, пытаясь разглядеть что-либо, способное сойти за курган. Слева впереди действительно маячила какая-то возвышенность. Я указал Питеру направление движения, и мы тронулись дальше навстречу нашему агенту.

— *А, все, я вас вижу!* — радостно завопил Лис. — *Сейчас мы будем. У меня с собой два десятка казаков из моих. Официально мы тебя берем у полон. Они вас, сэр, уже видели, так что не боись, драки не будет. Я им растолковал, что мы тут, как говаривал атаман Бурнаш, не яблоками торгуем, а политику делаем. Поэтому отно-*

ситься к вам будут с возможным почтением. Но, сам понимаешь, у меня в отряде восемь сотен и в каждой человек сто пятьдесят — двести. Не объяснять же всем, что ты у нас чрезвычайный и полномочный посол к едрене матери, то есть к ейному, в смысле к нашему, батьке. Так что жди, сейчас будем.

— *Хорошо,* — согласился я, выключая связь и подгоняя шенкелями своего вороного жеребца.

Мы проехали еще несколько минут в полном молчании, слушая звуки ночной степи. Какая-то птица, всполошенная нашим появлением, крикнула резко и тревожно, словно спеша предупредить сестер о близкой опасности, я оглянулся, пытаясь рассмотреть нарушительницу спокойствия... Волосяной аркан с тихим змеиным шипением взвился из травы позади меня, и петля его, обхватив мне плечи, затянулась стремительно, как кольца удава.

«И-и-и-и-ях-ха!» — разнеслось над степью. Жуткий пронзительный клич степняков-ордынцев, леденящий кровь своим первобытно-звериным звучанием. Я чуть замешкался, пытаясь понять, зачем нужен Лису такой экзотический способ моего пленения. Это промедление вполне бы могло погубить меня. Пятеро всадников на приземистых полудиких лошадках, в мохнатых остроконечных шапках, надвинутых по самые глаза, вынырнули из густых трав и, погоняя нагайками своих коней, понеслись в направлении, явно противоположном моему изначальному. Я вылетел из седла, как вылетает привязанный к дверной ручке зуб при соответствующем рывке, и, хотя густотравье слегка смягчило удар, моя спина сполна ощутила всю прелесть приземления и последующего движения в роли саней-волокуш.

В ту секунду, когда неизвестные всадники, заарканив свою добычу, погнали коней, спеша исчезнуть в ночной мгле, ехавший позади меня Питер, похоже, пришел к выводу, что все происходит не совсем так, как я ему обещал. Корректное пленение, о котором говорил Лис, явно не включало в себя ни арканов, ни столь экзотического способа перемещения по степи. Недолго думая, он завалился набок, а через секунду из-под брюха его лошади ударил выстрел. Разбойник, к луке седла которого был примотан аркан, взмахнул руками и откинулся в седле. Остальные тут же бросились врассыпную, еще ниже пригибаясь к конским холкам, чтобы по возможности уменьшить площадь мишени.

Это была всего лишь уловка: исчезнув из поля зрения моего меткого спутника, ордынцы развернут коней и, обойдя, атакуют с четырех сторон. Я знал это, но ничем не мог помочь Питеру. Мне самому приходилось уповать на его помощь. Я слышал, как с жутким воем бросились в контратаку степняки, но испугать Питера им было не под

силу. Он мчался вслед за мной, не обращая внимания на преследователей. На мое счастье, легконогие гусарские лошади быстрее неприхотливых местных лошадок, и потому минуты три спустя я уже лежал на земле, едва переводя дыхание после своего короткого, но столь содержательного путешествия. Питер, с саблей в одной руке и пистолетом в другой, гарцевал около, готовясь принять, быть может, последний в своей жизни бой над телом поверженного господина.

Мерный стук множества копыт потряс землю. Возможно, к разбойникам шло подкрепление, но мне хотелось верить в лучшее.

— Это Лис, — прошептал я, теряя сознание.

— ...Э-э, атаман, это наш пленник. Пугач обещал за офицера десять ружей дать.

— Ты шо буровишь, чуркестан немытый! Я этого золотопогонника уже неделю пасу.

Не знаю, долго ли я был без сознания и долго ли длился спор над моим бренным телом, но видно было, что высокие договаривающиеся стороны уже готовы схватиться за сабли и довести друг друга до полного консенсуса. Поведя глазами из стороны в сторону, я увидел Редферна. Проинструктированный заранее, он без сопротивления сдал оружие примчавшемуся на звук выстрела Лису и теперь стоял, спешившись, в ожидании разрешения спора.

— Питер, — окликнул я. — Помоги встать.

Камердинер бросился ко мне, помогая подняться и растягивая петлю аркана.

«Славно начинается моя дипломатическая миссия», — с досадой подумал я, опираясь на руку камердинера и стараясь принять строго вертикальное положение. В голове мутилось, и земля коварно пыталась ускользнуть из-под ног.

— У-у, как все плохо, — пробормотал я себе под нос, делая небольшой шаг в сторону Лиса. — Господин атаман! Я — флигель-адъютант императрицы Екатерины, премьер-майор Вальдар Камдил. Следую в ставку Пугачева с пакетом от государыни. Передаю себя в ваши руки и поручаю вам свою судьбу, полагаясь на воинское благородство и военный обычай, — произнес я по-французски, давая знак Редферну переводить.

При этих словах я вытащил свою шпагу и протянул ее Лису. Сказать по правде, для того способа передвижения, каким странствовал я после падения с лошади, шпага не лучшая спутница. На том месте, где рукоять соприкасалась с бедром, я ожидал увидеть изрядных размеров синяк в форме этого злополучного эфеса. Но в целом это нисколько не снижало драматизма мизансцены.

— Ну шо, малахай нечесаный, съел? — Лис сложил пальцы в древнеязыческий знак, отпугивающий нечистую силу. — Нако-ся, выкуси!

Собеседник Лиса, по всей видимости, старший среди нападавших, обвел взглядом казаков и, сочтя невозможным решать вопрос с позиции силы, зло выругавшись, развернул своего конька.

— Я тебя еще найду, песий сын! — выкрикнул он по-татарски.

— Давай-давай! Устанешь от жизни, обращайся, — напутствовал его Лис. — Ну шо, посол, залезай на кобылу, поехали посылаться.

Как на Черный Терек ехали казаки,
Ехали казаки, сорок тысяч лошадей.
И покрылся берег, и покрылся берег
Сотнями порубанных, пострелянных людей, —

во всю мощь своего зычного голоса выводил Лис.

Эх, любо, братцы, любо, —

подхватывали за вожаком казаки, —

Любо, братцы, жить.
С нашим атаманом
Не приходится тужить.

Отряд шел по степи, оглашая окрестности зычной казачьей песней, словно давая понять, что всякому чужому, всякому неосторожному путнику следует убраться с дороги, едва заслышав ее, и не искушать судьбу, и так без труда поддающуюся искушению. «Любо, братцы, любо», — горланили казаки, и никому из них не было ровным счетом никакого дела до того, что на Черный Терек поедут в лучшем случае их дети, а то и внуки. Какая, к черту, разница! Зато как душевно.

— *Ну и видок у тебя, капитан,* — передал Лис, кидая косой взгляд. — *Самый что ни на есть посольский.*

Отсутствие зеркала освобождало меня от чересчур острых впечатлений и переживаний по поводу собственной внешности. Приходилось верить Лису на слово, тем более что боль от многочисленных ушибов, ссадин и царапин наводила на мысль, что мой напарник вовсе не преувеличивает свое впечатление.

— *Ну ничего,* — успокоил меня он. — *Может, так оно и лучше. Жальче выглядишь.*

— *Неужели все так плохо?* — мрачно спросил я.

— *Мне не хочется тебя расстраивать, но с момента чудесного оживления у императора Петра Федоровича появилась дурная при-*

вычка вешать всех встречных офицеров. Где он этого набрался, ума не приложу, как-никак сам в прошлом хорунжий. Нет, конечно, есть шанс выжить, присягнув на верность государю, но, зная тебя, боюсь, что ты на такое не пойдешь.

— Не пойду, — согласился я. *— Присяга — вещь священная.*

— Ну это все условно. У нас с тобою здесь работа такая, что присягать можно, все равно как здороваться.

— Я офицер, и для меня это не условность. По приказу ее величества нашей королевы я командирован работать в Институт. Волею ее же я прислан сюда. Я и так сделал допущение, присягнув в этом мире императрице Екатерине, но более никому присягать не намерен. Офицерское слово чести нельзя давать кому попало и когда вздумается.

— Катись ты к черту! — неожиданно зло выругался Лис. *— Фон-барон выискался.*

На канале связи воцарилось молчание, длившееся довольно долго. Потом Лис вновь заговорил:

— Я тоже офицер... Из бывшего великого и могучего, навеки сплотившего. Ладно, оставим. Может, ты и прав, но наши шансы это не увеличивает. Могу тебе предложить другой трюк, слабенький, конечно, но авось сыграет. Скажи Пугачеву, что ты родом из Гольштейна.

— Зачем? — непонимающе поинтересовался я.

— Вальдар, ну ты серый, шо дым! Емелька же у нас кто — Петр III, в девичестве гольштинский принц. Вот он и делает вид, что жалует своих земляков. Во всяком случае, поволжских немцев наши практически не трогают. Будешь такой себе Вальдар фон Камдил. Шо, хреново? Напой ему песен, шо ты буквально у сестры его батюшки был любимый камер-паж... Не важно — что, главное, убедительно. Главное, чтобы он тебя выслушал, потому как с пьяных глаз может решить сначала повесить, а потом судить. Если же согласится выслушать, у тебя появляется шанс. В принципе Пугачев вовсе не так уверен в своей немереной крути, как старается показать. За последние месяцы у него не было ни одной сколько-нибудь серьезной победы. А вот по холке ему в Оренбурге настучали так, что до сих пор чешется. Опять же, жрать нечего, боеприпасов — поршинка за поршинкой гоняется с дубинкой. Со здешним людом не пожируешь, сами едят через раз. Вот и мечется, как блоха по загривку. Ну а тут еще из Польши Суворов подтягивается, от турок армия идет. В общем, жизнь у Емельян Иваныча безрадостная.

— Мне есть чем его порадовать, — криво усмехнулся я. *— К нему переметнулись братья Орловы, и сейчас они движутся в его*

сторону где-то в этой же степи с отрядом в триста сабель при двух пушках, с обозом оружия, табунами коней и цыганским хором.

— М-да. — Лис нахмурился. *— Куш не малый. Особенно хор. Вот веселуха начнется!*

Лис замолчал.

— Я вижу, мысль о приходе нового подкрепления тебя отчего-то не слишком радует. Ну что ж, тогда тебя, может, обрадует сообщение о том, что жена Алексея Орлова, наследная великая княгиня Елизавета, так сказать, кузина твоего чудом спасшегося сюзерена, тоже сейчас где-то в этих местах и движется в том же направлении, что и мы.

— Господи. — Лис страдальчески возвел очи к небу. *— Ну что за внеочередной съезд проклятием заклейменных! Сделай, пожалуйста, так, чтобы кто-нибудь из них не доехал. А если несложно, чтобы не доехал никто.*

Им осталась доля
Да казачья воля.
Мне ж осталась черная
Горючая земля.
Эх, любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить!
С нашим атаманом
Не приходится тужить.

Дворец «императора Петра III» не входил в число шедевров европейского зодчества. Впрочем, в число шедевров азиатского зодчества он тоже не входил. Даже самый пристальный взгляд не нашел бы отличия между этим дворцом и тривиальным постоялым двором, изрядно замусоренным и загаженным от долгого постоя «государевой свиты». То здесь, то там и во «дворцовом парке» валялись пьяные в виде «героическом» от обилия навешанного на себя оружия, но абсолютно неприглядном. Все это как-то не вязалось с теми сторожевыми разъездами, которые мы встречали в степи на подходе к ставке, и четко выставленными караулами у стен оной. Сам Пугачев, стриженный под горшок бородатый мужчина в немецком платье, подпоясанном золототканым кушаком, сидел за выскобленным столом и мрачным взглядом взирал на расстеленную перед ним штабную карту. Рядом на скамье сидел вислоусый казак с листом бумаги и пером в руках.

— Пиши, Мамай, мой указ. Отселя наступать будем. — Пугачев положил на карту пятерню, под которой вполне мог скрыться не только лагерь мятежников, но и средней руки уезд.

— Ваше величество. — В обеденную залу, где располагалось штабное помещение, заскочил вихрастый юноша с парой турецких

пистолей за поясом. — Атаман Лис, то есть я хотел сказать, вашего штаба генерал-поручик Закревский вернулся из степи с полоном.

Я удивленно посмотрел на Лиса.

— Это что, — обнадежил меня тот. — У нас тут полон двор выходцев с Катькиного двора. Чернышев есть, Орлов свой доморощенный, Панин, от сыночка родненького, кровиночки, комары его заешь, приперся. Ничего, что в грамоте не силен, а его императорского высочества цесаревича учитель. Я вот — Закревский. А шо, красивое фамилиё. Радуйся, что не Мазепа.

— А-а, енерал-поручик! — Пугачев поднялся из-за стола, раскрывая объятия. На боку его блистала драгоценными каменьями персидская сильно изогнутая сабля, уж века два, наверное, украшавшая чей-то ковер. — Здорово, чертов сын! Где это тебя носило? Я без тебя тут в штабе, как без рук.

— За Волгу ходил, разведывал, что да как, — кланяясь, ответил Лис. — Рекогносцировка называется.

— Набрался ты по семинариям умных слов, да не до них сейчас, — мрачнея, произнес «государь». — Что там за Волгой?

— Суворов идет, батюшка. С ним сила великая.

— Велю составить, — Пугачев подпер кулаком свою лобастую голову, — листкрип к Суворову с повелением не идти войной на законного государя, но повернуть оружие своей армии супротив женки моей, самозванки.

— Мудро придумано, ваш личество, — согласно кивнул Лис, — ой как мудро! Да только тут одна закавыка есть. А ну как изменщик Михельсон не допустит гонцов ваших до Суворова? Он что волк по степу рыщет. Мы сейчас шли, его отрядов без счета. Кабы нас поменьше было, поди б, уж и не свиделись.

— И то верно. — Мрачнея еще более, Пугачев грохнул кулаком об стол. — Все пути-дороги немчина нам перекрывает. Изловлю вражину — велю конями рвать.

— Ваш личество, пущай пока Михельсон гуляет. Все равно ему далеко не уйти. А я вам тут покуда из степу гостинчик привез.

— Спасибо, Лис, уважил. — Император возложил длань на плечо своего генерал-поручика. — Подавай сюда свой гостинец. Давно уже зрю, что офицерика какого-то полоном приволок.

Лис сделал мне жест приблизиться.

— Стал бы я вас от великих дел из-за какого-то офицерика отвлекать, сам бы повесил. А то не просто офицерик, ваш личество, то флигель-адъютант супружницы вашей. Говорит, к вам шел.

— Гм. — Пугачев уставился на меня, оценивая мою внешность, словно обработанную газонокосилкой. — Здорово ты его отделал.

Что ж, флигель-адъютанты у нас еще на суку не болтались. Зачем пожаловал? — по-прежнему ощупывая меня взглядом, осведомился «император».

Я смотрел на него с отсутствующим выражением лица, делая вид, что не понимаю ни единого слова, сказанного им.

— Он из голштинцев, ваш личество, по-русски ни бельмеса не разумеет, — ответил за меня Лис. — Велите, я с ним по-французски побеседую.

— Давай, енерал, — согласно кивнул лже-Петр, довольный тем, что Лис не предложил ему пообщаться со мной по-немецки. — Ты у нас языки превозмогши.

— Слушаюсь, ваш личество. — Лис склонил голову в поклоне.

Он повернулся ко мне:

— Вальдар, ну что ты отморозился? Государево величие очи застит? Говори что-нибудь, а я уж буду переводить.

— Как я буду говорить, когда считается, что я его не понимаю? Расскажи этому пижону, что меня зовут Вальдар Камдил и что у меня к нему пакет от императрицы.

— Ваш личество, он говорит, что зовут его Вальдар фон Камдил, что служит он вашей женке и от нее письмо вам привез.

— Опять письмо?! — грозно напыжившись, изрек Пугачев. — Снова небось пардону просить будет. Не бывать тому! Не будет ей моего пардона, пока не покается и, воле моей послушная, не согласится вновь со мною править!

Внимательно выслушав пламенную речь государя, Лис кивнул и начал переводить:

— Ну ты сам слышишь, шо этот государь морозит. Сам понимаешь, ему по крути выступить надо, хотя перед кем он здесь распинается, ума не приложу.

— Ты у него все-таки спроси, чего мне с пакетом делать. Я его что, зря через всю Россию вез?

— Тю! Мог бы мне его при первой нашей встрече отдать, все равно величество в грамоте, шо свинья в апельсинах. — Он повернулся к «государю». — Господин премьер-майор спрашивает, что ему делать с пакетом, который он вам доставил?

— Ладно уж, пусть дает, раз привез.

— Пусть не изволит волноваться, себе не оставлю.

Я начал расстегивать рубашку, где в специальном нагруднике, надетом на тело, хранился пакет, опечатанный красным воском императорских печатей.

— А еще господин офицер просит вам сказать, что мальчишкой имел счастье лицезреть вас в Голштинии на параде, который вы изволили принимать.

Мне пришлось скосить глаза в сторону, чтобы не выдать удивления по поводу вольности перевода. Взгляд мой пал на штабную карту, украшавшую стол. Не нужно было быть великим географом, чтобы опознать земли, на ней обозначенные. «Карта земель Мекленбург-Шверен и Мекленбург-Стрелец» — гласила крупная надпись. Я сделал вид, что мучительно пытаюсь расстегнуть нагрудник, стараясь скрыть предательскую улыбку. Не знаю уж, насколько это удалось, но спустя пару минут пакет перекочевал «в собственные руки».

— Свет тут нынче что-то плохой, — небрежно взяв депешу, брякнул «государь-император», — потом почитаю, когда свечей поболе принесут. Так говоришь, он меня в прежние дни во славе видел? — Пугачев исподлобья покосился на нежданного свидетеля своего величия. Понятное дело, все это было неприкрытой ложью, хотя бы потому, что ни он, ни я ни разу не были в Голштинии. — Что ж, истинно говорит али смерти избежать хочет, все одно. Коли хочет мне верой и правдой служить, пусть на верность присягнет. Тогда запишу его к тебе в отряд казаком, а уж коли выслужится, то, может, при штабе писарчуком оставлю.

— Вальдар, я тебя прошу, убавь свой гонор. Ты же видишь, монарх, так сказать, изрядно принял на грудь, а потому напрочь бескрышный. Он тебя повесит, что два пальца об асфальт. Ну если хочешь, можешь рассказать считалку хоть про Шалтай-Болтая, а я ему переведу как присягу. Ты только кивни согласно.

Я посмотрел на Пугачева, в своем маскарадном костюме пытавшегося изобразить гордое величие. Комок подступил к горлу от мысли о том, что сейчас может произойти, стоит мне отказаться. Комок стоял в горле, мешая дышать и не желая сглатываться. Я понимал, что Лис абсолютно прав и что подобной присяге грош цена, но все мое естество бунтовало против этого. Я бы умер от разрыва сердца раньше, чем смог наклонить голову. Я шагнул вперед, навстречу Пугачеву. Глаза его недобро зыркнули, и он схватился за эфес сабли.

— Нет, — четко произнес я по-русски.

— *Ну ты кретин!* — раздалось у меня в голове. — *Ты что, не соображаешь, тебя же сейчас повесят! Что ты вытворяешь?!*

— *Лис, я потомок вестфольдских конунгов. Мой род существует уже более девятисот лет. Я не мо-гу присягнуть этому шуту гороховому. Понимаешь, не мо-гу.*

— *Не понимаю.*

— Повесить негодяя! — прорычал сквозь зубы Пугачев. — Здесь же во дворе. Немедля.

Я четко развернулся на месте, щелкнув каблуками.

— Ну каков стервец! Мне бы таких поболе... — послышалось за моей спиной.

Глава 18

Настоящий честолюбец даже собственный эшафот рассматривает как макет пьедестала.

Талейран

Высокое дерево, произраставшее в углу двора, как видно, не раз выполняло малопочтенную роль виселицы. Толстая ветка, торчавшая из ствола почти под прямым углом, была отполирована частым трением об нее веревки и оттого смотрелась особо зловеще, напоминая своей обглоданностью о неминуемой смерти. Меня вывели на крыльцо, и шатавшиеся без дела по двору казаки и крестьяне, увидев очередного офицера в изодранном мундире, начали безмолвно, с ленивой скукой на лице кучковаться вокруг дерева в ожидании скорого зрелища.

— Тю, ты ба, уже хтось веревку спер! — услышал я чью-то неторопливую речь. — А поутру висела.

— То Петро потянул. Он кушак в карты продул, ему штаны перепоясать нечем было.

— А-а. — Первый говоривший закивал головой. — Тоды понятно. Ну ничего, ща Матвей Рванов придет, у него еще есть. А нет, так он ее с Петра вместе со штанами сдерет.

Судя по дружному хохоту окружающих, шутка имела успех.

— Тять, а тять! — К одному из говоривших подбежал мальчонка лет двенадцати. — А правду бают, что у мертвяков, когда их вешают, язык вываливается?

— А ты погоди чуток, ща этого хлыща повесят, сам увидишь.

Я отвернулся от говоривших. Не то чтобы при мысли о предстоящей гибели меня охватывал неумолимый ужас, леденящий тело и душу. Я готов был умереть достойно. Но, черт возьми, подобная беседа могла начисто отбить всякую охоту умирать! Когда все веселятся, отчего бы не повеселиться самому, и уж если доведется лечь на этом дворе, то, как подобает вестфольдингу: в бою, с оружием в руках. Мой заветный деренжер все еще находился в рукаве, подобно запасному тузу у записного картежника, а это, при удачном раскладе, давало шанс на один выстрел. Там, глядишь, дело дойдет до драки, и саблю раздобуду, дайте только дорваться. А пока меня с ней положат, я столько дел здесь наделаю, у валькирий от переноски трупов грыжа сделается.

— Рванов идет, Рванов идет, — послышалось шушуканье среди толпы.

Я покосился туда, откуда слышался говор. Человек, которого с затаенным ужасом оглашала толпа, действительно мог вызвать оторопь у кого угодно. Ростом примерно шести с половиной футов, он не казался слишком высоким. Ширина плеч и мощный торс скрадывали его гигантский рост. Густая черная борода, начинавшаяся у самых глаз, полностью скрывала щеки, а красная кумачовая повязка на манер пиратской закрывала лоб до черных нависших бровей. Однако нос Матвея Рванова был выставлен на всеобщее обозрение, и его вид не оставлял сомнений в происхождении прозвища. Вырванные напрочь ноздри прямо свидетельствовали о том, что прячут под собой борода и повязка — выжженные государевы клейма «вор», «разбойник», «душегуб». Палач шел через толпу, спешащую расступиться перед ним, неся на плече толстый чурбак длиной футов пять. Дойдя до дерева, он поставил свою ношу на землю и, поглядев вверх, туда, где должна была болтаться петля, укоризненно покачал головой. Затем в полном молчании развернулся и вновь пошел куда-то на задний двор через расступающуюся в суеверном ужасе толпу.

— Ну шо, капитан, веселишься? — Тон Лиса был безрадостен. *— Будут какие-нибудь дельные предложения?*

— В целом — нет. Думаю устроить на прощание небольшой салют, а там бог, храня корабли, да помилует нас.

— Ты ба! На стихи потянуло! Значит, еще не совсем спекся. Ладно, что ты называешь салютом?

— У меня в рукаве пистолет. Негусто, конечно, но для переполоха хватит.

— А лучше бы у тебя в рукаве пулемет был. Ну да, чем богаты... Я тоже о чем-то подобном думал. На институтском задании можно, конечно, поставить крест, но не отдавать же тебя на съедение за твой неизбывный аристократизм. Я Редферна твоего переодел и вооружил, затешется в толпу, в нужный момент свои пять копеек вставит. Мои казачки, опять же, подтянутся. Они уже погуляли, соображают туго. Крикну, что наших бьют, авось получится. Авось суматоха поднимется. Авось в суматохе выскочим. Авось потом в степи затеряемся. — Лис тоскливо вздохнул. *— В общем, ударим могучей кучкой по русскому бунту, бессмысленному и беспощадному.*

— Матвей возвращается, — донеслось до меня.

— Ну, значить, счас начнут.

— А как думаешь, — произнес первый голос, — будет этот офицерик в ногах валяться, у государя жизнь вымаливать али нет?

— Не-а, этот не будет. Гляди, как зыркает, что твой бирюк.

— А поспорим, что будет.

— И на че спорим?

— Да хоть на три щелчка.

— И то, давай.

— *В общем, Вальдар, ты понял. Готовность номер раз — стреляем, нападаем, исчезаем. Бог не фраер — правду видит. Повоюем.*

Два дюжих казака, подхватив меня под руки, поволокли с крыльца. Я не сопротивлялся, позволяя подручным палача делать свое дело.

— Государь, — пронеслось по толпе, — государь.

Пугачев все в том же германском платье, но теперь с головой, покрытой треуголкой пехотного образца, шитой серебряным галуном, вышел на крыльцо, окруженный группой таких же искателей приключений, символизирующих собой императорскую свиту. Он сделал знак, и ожидавший в стороне конюх поспешил подвести к нему мощного солового коня, скорее всего взятого из-под убитого кирасира. Вслед за ним на коней вскочили и придворные, которым вместе с «государем» надлежало проехать несколько шагов от крыльца до места казни.

Единственным, кажется, кого не заинтересовал торжественный выезд, был Матвей Рванов. Он не спеша проверил, ладно ли закреплена веревка, для верности подергав ее несколько раз; не шатается ли мой пьедестал, и так же молча, как делал все до этого, подпихнул меня к чурбаку, подставляя руку, чтобы помочь мне вскарабкаться наверх. Затем он вскарабкался следом, и мы оказались наверху колоды, тесно прижатые друг к другу. У меня возникло непреодолимое желание врезать бывшему каторжнику кулаком в промежность, поскольку стоять и ждать, ощущая, как скользит по горлу пеньковая веревка, обжигая, словно раскаленный железный обруч, было нестерпимо.

«Не спеши, — уговаривал я себя. — Сейчас Пугачев подъедет поближе. Стрелять надо в него, так больше шума. Еще немного. К чему волноваться, подъедет Лис, распределим цели...» Стараясь успокоиться, я поискал в толпе глазами Редферна. Он стоял неподалеку, держа в руках свой неизменный штуцер, и лицо его, обветренное за годы странствий, казалось фарфорово-белым. Губы Питера беззвучно двигались. «Наверно, молится», — подумал я, отводя глаза. Картина не успокаивала. Толпа расступилась, словно пресловутое библейское море, пропуская ко мне взлелеянного народной мечтой «императора» со свитой.

Лис, долженствующий выполнять при последней нашей беседе с его казачьим величеством роль толмача, держался чуть сзади самозванца, выбирая подходящий момент для начала атаки.

— Ну че, майор, не передумал? По-прежнему не желаешь мне присягать? — Рука Пугачева была гордо уперта в бок, и весь его вид должен был символизировать царственное величие. Но эта кирасирская лошадь, чересчур крупная для коренастой фигуры «государя»,

немецкое партикулярное платье, перепоясанное золотым кушаком, нелепая пехотная треуголка, персидская сабля на боку... Я не мог удержаться от невольной улыбки, сраженный карнавальным видом самозваного помазанника Божия.

— Гляди-ка, лыбится! — послышалось в толпе.

Пугачев посмотрел на меня подозрительно, явно не понимая причину моей несвоевременной радости.

— Ну-ка, енерал, переклади господину охфицеру мой вопрос. Да узнай, чёй-то он щериться вздумал.

— Шеф, ну ты вопрос понял. А насчет улыбок, действительно, веди себя серьезнее, тебя все-таки вешают.

Я убрал улыбку с лица.

— Прости, Лис, но в этаком наряде твой император — настоящее пугало огородное. Пугач, да и только.

— Ваш личество, майор отвечает, что и рад бы присягнуть своему императору, но сие ему не позволяет сделать воинский долг. Он говорит, что ежели б дожил до дня, когда ваша женка покается и признает за вами главенство, он бы первым поспешил принять присягу вашему личеству. А насчет же улыбки, по его словам, воину не подобает умирать в слезах.

— Храбёр, храбёр. И бает складно. Но коли этому майору жизнь пощажу без присяги, то и другим, поди, придется ее оставлять, а сего допустить невозможно.

— Ваше величество, государь-надежа! — Питер Редферн, в казачьем кафтане окончательно превратившийся в Петра Реброва, пробился сквозь толпу и рухнул на колени перед Пугачевым. — Разреши слово молвить.

— Говори, казак. — «Император» удивленно воззрился на своего подданного.

— В защиту сего офицера хочу слово сказать. Я его долго знаю. Вы, государь, по мудрости своей вешаете кровососов, которые кровь бедного люда пьют. Майор же этот отродясь простого человека не обидел. У него-то и имения нет, он лишь храбростью своей перебивается. Явите милость, великий государь, сохраните жизнь ему, этим вы снищите почтение у сотен других, таких же, как и он, честных воинов, кои решат присягнуть вам, когда узрят в милосердии и величии.

— *Слушай, капитан, это шо за адвокат Плевако? Где ты такого нашел? И тебе из-под коня на звук с полста шагов пулю в цель послать, и за словом в карман не лезет. Еще бы такой вот суд присяжных, мы бы с тобой горя не знали. Это ж по штуцеру у каждого — двенадцать стволов получается!*

— *Между прочим, твой земляк.*

— *А, ну тогда ясно, у нас это...*

— Встань, казак, — нахмурив брови, произнес Пугачев. — Слова твои я выслушал. Желает ли еще кто вступиться за охфицера?

— Вешай, государь! На веревку барина! — разнеслось из толпы. — Попили нашей кровушки!

— Сам слышишь, что народ решил, — хмуро отрезал «император». — А ты, майор, желаешь ли сказать что на прощание, али, может, просить о чем?

Лис автоматически перевел мне сказанное Пугачевым, и пальцы его сжались на рукояти сабли. Я представил себе, как стремительным рывком выхватывает клинок «енерал-атаман». Голова «императора» и веревка, тянувшаяся от толстой ветки к моей шее, окажутся на траектории его движения почти одновременно. Я представил себе, как покатится под ноги коня бесшабашная пугачевская башка, как встанет на дыбы соловый кирасирский кракен и начнется по всему двору такое, что не приведи Господь!

— *Командир, ты готов?*

— *Готов. Начинаем по счету «три». Пугачев на тебе, я беру того, что справа. А пока переводи.* Мне было поручено задание, и, насколько сие было возможно, я его выполнил. Мне не о чем просить вас. — Я воздел руки к небу, и пистолет, как ему надлежало, выпал из своего кармашка. — *Раз.* — Я прошу у Всевышнего даровать мне достойную смерть. — *Два.* — Я начал опускать руки...

— Уланы, уланы в степи! — пронеслось над постоялым двором.

— Откуда здесь уланы? — повернулся к наблюдателю Пугачев, казалось, теряя ко мне всякий интерес.

Привлеченная возможностью нового зрелища, толпа начала стремительно таять, спеша занять места на бревенчатых стенах, окружавших ставку. Я скрестил руки на груди, продолжая стоять на своем неказистом эшафоте в ожидании дальнейших распоряжений. Моя горделивая поза не была признаком надменного спокойствия, как могло показаться со стороны. Я просто осознавал, что закрепленный на шнуре пистолет тут же выскользнет из рукава, стоит мне опустить руку. «Кого, интересно, черт принес? — думал я. — Орловы, Елизавета или же отряд Михельсона, решивший налетом на ставку покончить с разбойным главарем? — Пока что, наблюдая пугачевцев, вглядывающихся в степную даль, я не мог дать себе ответа на этот вопрос. — Если это Михельсон, — я скосил глаза на по-прежнему равнодушно торчавшего возле моего эшафота палача, — обязательно начнется заварушка. Тогда я точно успею всадить пулю в голову этому страхоидолищу, и будь что будет. Ну а если нет, значит, продолжим с того места, на котором закончили».

— А ну-ка, дай мне подзорную трубу! — скомандовал Пугачев, обращаясь к наблюдателю. — Эвона! Правда уланы. Один, два, три...

Восемь человек. Только это, кажись, не Катькины. Это ляхи. А с ними вроде как баба.

— Вы позволите, ваш личество. — Лис протянул руку за подзорной трубой.

— На-ка, глянь. Ты у нас глазастый, может, еще чего углядишь.

Мой напарник приложил окуляр подзорной трубы к глазу.

— Ого... Вот оно как. — Он склонился к «августейшему» уху и что-то оживленно зашептал. Пугачев выслушал слова своего советника и, резко развернувшись, уставился на него в упор, так, будто он сообщил, что тот и в самом деле является чудом спасшимся убиенным Петром Федоровичем.

— Ты че, енерал, белены объелся?

— Да шоб мне пьяным не бывать! — выпалил Лис и размашисто перекрестился. — Вот как бог свят!

— Моя сестра?!

— Двоюродная, с вашего позволения.

— А не брешешь?

— Об чем речь, ваш личество, она ж дочь нашего гетмана и тетушки вашей, императрицы Елизаветы. Нешто я гетманскую-то дочку не узнаю. Да и майор мне о том говорил.

— Что говорил?

— Что она сюда едет.

— И ты молчал?!

— Так, ваш личество...

— Вот вечно вы так! Не енералы, а псы дикие! Нет, чтоб сначала офицера как след допросить, только дай повесить! А ну, Закревский, вели отворять ворота. Да объяви войску, что ко мне сестра пожаловала. Будем парад делать.

Я продолжал стоять на колоде, как тот самый нерукотворный памятник себе, воспетый поэтами. Правда, сомневаюсь, чтобы друг степей калмык или же киргиз от этого стояния внезапно воспылал ко мне любовью. Но в общем-то и не они решали мою дальнейшую судьбу.

Ворота распахнулись. Под зычные крики «Ура!» на запыленной долгим перегоном белой кобылице во двор въехала великая княгиня Елизавета Кирилловна, и, пожалуй, в эту минуту она действительно являла собой прекрасный образчик великой княгини. Вслед за ней в колонну попарно скакали восемь улан в конфедератках, лихо заломленных набекрень, с корабелами у пояса. «Ура!» — вновь разнеслось над двором. Пугачев, опять запрыгнувший в седло своего кракена, не спеша подъехал к ее высочеству, останавливая своего тяжеловоза подле самой морды белой арабской кобылицы. Глаза их встретились. Я бы дорого дал, чтобы иметь возможность поближе

наблюдать эту невероятную сцену. Не признанная никем носительница императорской крови братается с признанным всеми самозванцем. Увидев такое раз в жизни, уже есть о чем рассказывать внукам. Увы, взору моему представлялась лишь спина бывшего хорунжего. Помедлив чуть-чуть, Пугачев спрыгнул наземь и протянул обе руки Елизавете Кирилловне, помогая ей спуститься. Она вложила свои изящные ладошки в широкие лапищи атамана и легко спрыгнула наземь.

— Ну, здравствуй, брат, — негромко произнесла княгиня.

— Здравствуй... сестра, — вторил ей Пугачев...

Большие театральные подмостки насквозь пропитались слезами из-за отсутствия на них этой парочки. Я был почти готов поверить, что разлученные злодейкой-судьбой родственники после долгих лет скитаний наконец-то вновь обрели друг друга. Каким тоном это было сказано! Брависсимо! Бьен шарман!

Они раскрыли объятия и, обнявшись, облобызались по-русски троекратно.

Я вызвал Баренса.

— Добрый день, дядюшка. Сообщаю последние новости из пугачевской ставки. Елизавета Разумовская соединилась с Пугачевым.

— Понятно. А как Орловы?

— Орловых пока нет. Но им идти дальше, к тому же у них обоз. А эти голубки, вот они, сами поглядите. — Я включил картинку.

Двор вновь огласило мощное «Ура!». Император, очевидно пытаясь повторить виденную когда-то галантную сцену, подал «высокородной гостье» свою давно не мытую клешню и неспешным шагом повел ее к крыльцу своего «Летнего дворца».

— Ну а ты там что сейчас делаешь?

— Ну-у, как сказать? Если все пойдет так, как идет, то меня повесят.

— Ты что?! Прекрати немедленно!

— Пробуем, — обнадежил я своего дядюшку. *— Если удастся, я сообщу.*

— Я хочу представить вам, дорогой брат, бравых офицеров, которые сопровождали меня в столь опасном и дальнем путешествии. Ротмистр Михал Доманский, хорунжий граф Александр Скарбек, хорунжий Кшиштоф Тышкевич... — Названные шляхтичи один за другим поднимались в седлах и обнажали сабли, приветствуя брата своей вельможной панны. — А... — Она наткнулась взглядом на мое гордое изваяние, красующееся с петлей на шее поверх весьма шаткого постамента. — Дорогой брат, вы собираетесь повесить этого достойного офицера?

— Я вешаю всех офицеров, если они мне не приносят присягу на верность, — обнадежил великую княгиню Пугачев.

— Я прошу помиловать его, если такое возможно. Шпага этого премьер-майора принесла мне свободу. Она же защитила меня от разбойников по пути к вам.

— Закревский! — рявкнул Пугачев. — Почему я об этом до сих пор ничего не знал?!

— Виноват, ваш личество! — поедая глазами начальство, заученно выпалил Лис. — Дурак, исправлюсь!

— То-то же, что дурак! Сними молодца. Не могу же я вешать спасителя своей сестры. Да держи его под неусыпным надзором. Не то, енерал, сам знаешь! — Пугачев поднес к лисовскому носу свой молотообразный кулак. — С тебя спрошу!

Шум, доносившийся из штабной избы, достигал сарая, в котором был размещен я. Не знаю, служил ли он гарнизонной гауптвахтой или же просто от случая к случаю использовался для содержания тех, кому не сыскалось места в «дворцовых покоях», но в целом это сооружение представляло весьма слабую преграду для человека, всерьез решившего его покинуть. Пока что у меня не было такого желания. После отмены приговора я внезапно почувствовал дикую усталость, чугуном навалившуюся мне на плечи, и при первой же возможности рухнул в сваленную здесь прелую солому, стараясь хоть немного унять бившую меня нервную дрожь и, быть может, задремать. Но поди засни под аккомпанемент этакого светского раута.

— *Капитан, ты там еще не спишь?* — услышал я вызов Лиса.

— *Пытаюсь, но безуспешно.*

— *Не спи, замерзнешь. Послушай лучше, что передает, как это говорится, наш собственный корреспондент в ставке.*

Перед моими глазами появилась картинка казачьего разгула, сравниться с которой может лишь разгул гусарский, но только в особо похмельной форме. Судя по глазам государевой кузины, подобные масштабы проявления верноподданнической радости ей были внове. Выросшая в странствиях по Европе, она и представить себе не могла, как далеко может зайти человек по стезе беспробудного пьянства. Впрочем, сам «император» и несколько его особо доверенных «енералов» все еще держались, подобно утесам, в бушующем море браги.

— *Дорогой брат,* — обратилась к Пугачеву новоприобретенная родственница. — *Я хочу сообщить вам прекрасную весть.*

Емелька уставился на соседку, мучительно пытаясь вспомнить, что вообще эта женщина делает в штабном помещении. Затем, очевидно, выловив в памяти нужный образ, согласно кивнул:

— Говори.

— Мой муж, граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский, со своими братьями и с большим отрядом направляются сюда на соединение с вами. Они уже в полудне отсюда. Я вызвалась ехать вперед, чтоб предупредить вас.

— Орловы? — «Государь» задумался. *— А он,* — перст с давно не стриженным ногтем вытянулся в сторону какого-то глыбообразного казака, спавшего, уронив голову на стол, *— он тогда не Орлов. Он — Потемкин.*

— Прикажете глаз выбить? — вмешался Лис.

— А? Зачем? — «Император» непонимающе уставился на своего советника.

— Так у Потемкина-то один глаз, а у Федьки — два.

— Вот и пущай у Катькиного будет один, а у нашего, скоко ему от бога полагается. Ты, енерал, соображай, о чем говоришь. И то, вот ты все сидишь да пьешь, а депешу, что мне супружница со своим флигелем прислала, до моего сведения ишо не довел.

— Так это мы враз, — обнадежил «государя» Лис. Он достал из сапога привезенный мною пакет и ловко сломал печати. *— Так, понятно,* — напарник углубился в чтение, и перед моими глазами замелькали строчки письма, *— вот оно, значит, как...*

— Ты че там, енерал, буквицу к буквице лепишь? Ты до меня доводи!

— Ща усе буде. Батько, шо за всирачка? В общем, так, Катька тебе пишет, шо глубоко кается и шо без мужика в хате-то не власть. Зовет тебя встренуться без подвоха. На икону божится, шо умысла злого в голове не держит, и просит только шоб армия твоя людишкам разор не чинила, за то и своим полкам прикажет супротив тебя, государь, не идти. А коли согласишься, проводником тебе тот премьер-майор назначен.

Что и говорить, упражнения Безбородко в изяществе эпистолярного жанра пропали даром. Емельке так никогда и не удалось узнать, как умно, тонко, дипломатично склонял его к тайной встрече кабинет-секретарь ее величества. Весь его отточенный слог уложился в пяток небрежно брошенных Лисом фраз.

— Ну вот, — Пугачев довольно погладил усы, *— говорил я тебе, не попрет Катька против этакой силищи, кишка у нее тонка. Запросит пардону, дурья голова. А ты мне талдычишь: вешать майора, вешать! А кто б нас к Катьке повел — ты, что ли?*

— Но Пиотр, одумайтесь! — Похоже, Елизавету Кирилловну не слишком обрадовала перспектива вояжа вновь найденного братца в объятия коварной супруги. *— Сие предприятие весьма опасно...*

— *Что-о-о!* — Пугачев, грохнув кулаком об стол, поднялся. — *Ты меня, казака, стращать вздумала!* — Брови «императора» сошлись над переносицей, как грозовые тучи, так что, казалось, из глаз его того и гляди ударит молния. — *Государя сваво стращать!*

— *Я знаю Екатерину, наверняка это ловушка.*

— *Молчи, женщина!* — взревел окончательно выведенный из себя самозванец.

— *Твой день Восьмое марта,* — добавил по мыслесвязи Лис.

— *Закревский, пиши листкрип! Завтра же пойдем с Катькой переговоры говорить. А майору вели от моего имени крест выдать за добрую весть.*

— *Какой крест, батюшка?* — поспешил уточнить Лис. — *Ваш или какой покрасивше?*

— *А какой в сундуке у меня сыщешь, такой и вручи.*

— *Слушаюсь, государь,* — поклонился Лис.

Связь отключилась. Минут через пятнадцать Лис был у меня. От моего напарника изрядно несло перегаром, но тем не менее он вполне еще мог вязать лыко в морской узел любой сложности.

— Капитан, в смысле майор, от имени и по поручению, — начал он, явно радуясь поводу в очередной раз покуражиться. — От лица службы, а также от других, менее привлекательных частей ее тела я послан... — Лис замолчал. — Капитан, ну шо у тебя за манера лыбиться в ответственных случаях. Где тебя, блин, воспитывали? Ты при дворе или кто? Я послан, в смысле прислан, императором, чтобы вручить тебе высокую правительственную награду.

Невольным свидетелем всего происходившего был мой верный камердинер, урвавший из казачьего котла пайку для своего непутевого господина. Он уже на своем опыте имел возможность убедиться, что между мной и Лисом существуют какие-то странные непонятные отношения, но уразуметь до конца их суть, похоже, было выше его сил. Он ошалело переводил взгляд с меня на Лиса и обратно, пытаясь осознать, что здесь все-таки происходит.

— В общем, Петр тебя велел наградить крестом. Я тут у него в сундуке порылся, поискал покрасивше, чтоб на твоем мундире хорошо смотрелся, а то с его медяшкой на людях сраму не оберешься. Так шо носи на здоровье. — Он вытащил из кармана своего генеральского кафтана крест на лиловой муаровой ленте с розеткой и бантом, напоминающий мальтийский, но с золотыми шариками на концах и с лилиями между сторонами креста. В центральном медальоне его стоял рыцарь в золотых доспехах с мечом у пояса в лазурном, подбитом серебром плаще.

— Послушай, Лис, но это же офицерский крест Святого Людовика. Один из высших французских военных орденов. Где вы его взяли?

— Где взяли? Я же уже говорил — в сундуке. У батьки там много всяких крестов. Послушай, Вальдар, — мгновенно становясь серьезным, произнес Лис. — Я понимаю, что тебе претят чужие награды, но хотя бы раз послушай меня. Если Пугачев увидит, что ты его крест не носишь, он опять впадет в буйство и решит, что ты им брезгуешь. А у него по этому поводу в голове такие тараканы заводятся, «райдом» не выведешь. Он опять начнет тебя вешать, а приезда родственников больше, я так полагаю, не ожидается.

— Господа, вы позволите? — На пороге моего скромного обиталища подобно волшебному видению, запоздавшему ангелу-хранителю, прибывшему убедиться, что я до сих пор еще жив, возникла моя царственная спасительница.

— О, прошу прощения, премьер-майор, у вас гостья. — Лис снова перешел на свойственный ему шутовской тон. — Сударыня, ваш паладин чуть не пал один. Оставляю вас, оставляю. Петруха, за мной! — Он махнул рукой моему камердинеру и добавил, поворачиваясь ко мне: — Вечером я к тебе еще зайду сказку рассказать о Бабе-яге, избушке на курьих ножках и злом волшебнике, чтобы тебе спалось лучше. А крестик, ваше высокородь, все-таки надень. Глядишь, защитит тебя сей талисман от злого разбойника. — Он подтолкнул недоумевающего Петра Реброва к двери и сам последовал вслед за ним.

Немая сцена длилась несколько минут. Мы смотрели друг на друга, не решаясь начать разговор, словно подыскивая слова. Не думаю, чтобы в душе госпожи Орловой, в каких-то неведомых ее уголках, таилось нежное чувство ко мне. Скорее здесь было другое. Как сказал когда-то один умный человек: «Ни один военный план не выдерживает прямого столкновения с реальностью». То же было и здесь: образ Пугачева, этакая себе смесь Зорро с Ринально Ринальдини, растаял вмиг давеча в штабной избе. Ожидая увидеть себя наконец-то царицей, Елизавета Разумовская внезапно оказалась заложницей собственного титула и происхождения. Вокруг нее бушевала людская стихия, безразличная к отдельным людским судьбам. Моя гостья понимала, не могла не понимать, что повели завтра Пугачев вздернуть и ее со свитой, как нынче меня, и та же толпа, что сегодня горланила «Ура!», встречая сестру «императора», завтра с ленивым интересом будет ожидать, как выбьет из-под ее ног чурбак безмолвный нелюдь Матвей Рванов. В этом бушующем море я был для нее, быть может, злом. Но злом знакомым, и потому она хвата-

лась за меня, как тонущий средь Атлантики негр за мачту потопленного штормом корабля работорговцев.

— Поздравляю вас с высокой наградой, господин премьер-майор, — наконец находя слова, произнесла Елизавета Кирилловна.

— Благодарю вас, — поклонился я. — Однако крест — это пустое. Сегодня вы спасли мне жизнь, и, поверьте, такого не забывают.

— Мне бы не хотелось связывать вас благодарностью. Вы спасли меня, я спасла вас — мы квиты. Далее вы можете поступать, как сочтете нужным, не оглядываясь на сегодняшнее событие.

— И все же...

— Вы абсолютно свободны. Сожалею, но за время, прошедшее с нашего знакомства, мы не стали друзьями, а потому я не хочу, чтобы вы каким-то образом считали себя обязанным мне.

— Сударыня, — заметил я, — но в то же время я не стал и не пытался стать вашим врагом. Все, что я делал, было направлено лишь на обеспечение нашей общей безопасности. Откуда мне было знать, что ваши друзья все это время находились рядом...

— Я пыталась рассказать вам об этом, господин премьер-майор, но вы слушали только себя. Судьба иногда подкидывает очень странные случайности. Порою от них можно впасть в отчаяние, если не знать, что все в жизни делается с какой-то неведомой нам целью.

— О чем вы, Елизавета Кирилловна? — недоумевая, спросил я.

— О чем? — переспросила она. — Конечно, никто не мог подозревать, что тюремная карета, в которой меня повезут, по дороге соскользнет в кювет и потеряет колесо. Конечно, никто не мог предполагать, что в этот момент по этой же дороге будете проезжать вы и что при этом окажетесь настолько благородны, что, невзирая на суровую кару, которая теперь грозит вам за мое освобождение, решите отбить меня у конвоя. Но мои друзья знали, что в тот вечер меня должны были перевозить в Царское Село. Подкупленный тюремщик известил их об этом. Они организовали засаду на дороге и ждали появления повозки. Поверьте, все это отличные наездники и превосходные рубаки, они бы отбили меня у драгун. Но появились вы и опередили их. Нас проследили до имения, в котором вы расковали меня и взяли экипаж. Признаться, ни я, ни они толком не поняли, что произошло. Я и представить себе не могла, что вы действуете по собственному умыслу. Естественно, и друзья мои были сбиты с толку. Они решили, что вы посланы моим мужем. Да и я, узнав, что вы не поляк, в первое мгновение подумала то же самое. Потом мы перебрались в особняк этой сумасшедшей герцогини Кингстон.

— Я попрошу... — начал я резко.

— Извините меня, Вальдар. Мы, женщины, редко бываем справедливы друг к другу. Но она приставила к моим дверям стражу, так, как будто считала, что я ночью убегу к вам во флигель.

— Это ревность, — развел руками я.

— Из-за этой ревности графу Скарбеку пришлось лезть по водосточной трубе на крышу, а с крыши, через форточку, в мои покои. Сначала я подумала, что это вы, и очень перепугалась.

— Ну что вы, сударыня. Я тогда был занят совсем другими вещами. — Мне вспомнилась последняя попойка с Расселом.

— Утром по вашему виду я это поняла. Я пригласила вас тогда в сад, чтобы познакомить с друзьями, договориться, что делать дальше. В порту меня ждало голландское судно. У друзей были готовы документы для меня, в которых я значилась госпожой Шолль, но вы не выслушали и потащили сюда.

— Да, простите. Я был слишком взвинчен.

— Ничего. Я ведь и сама намеревалась когда-нибудь встретиться с Эмилианом Пухачевым, но я и представить себе не могла, что это будет так... — Она замолчала, видимо, вновь переживая события сегодняшнего дня. — Мне жаль, что я заставила вас понервничать, и все же я рада, что мне удалось приехать сюда не вашей пленницей, а великой княгиней. Тем более что в результате это помогло спасти вам жизнь. Теперь, когда и вы, и я свободны, предлагаю начать с чистого листа, и... Мне было бы приятно видеть вас своим другом.

— Почту за честь, — медленно произнес я. — Почту за честь везде, где это не будет противоречить моему долгу.

Дверь моей халупы распахнулась, и в проем вдвинулась пьяная образина:

— Их личество... Желают сестру свою... И енерала... В штабе. — Выдохнув это, гонец начал сползать на землю поперек двери.

Судя по бутыли, сжимаемой им в руках, он явно выпил больше, чем мог, но меньше, чем хотел. Я помог «царевой сестре» перебраться через уснувшего «сторожевого пса», и мы побрели через двор к ставке. Оказывается, меня уже в генералы произвели. Быстро это у них тут делается. И двух месяцев не прошло, как я прибыл в Россию лейтенантом. Баренсу, что ли, похвастаться? Я активизировал связь.

— Дорогой дядя, я вам не помешаю?

— О мальчик мой! Судя по тому, что ты все еще разговариваешь, тебя не повесили.

— На редкость верное замечание. Вместо этого меня произвели в генералы и наградили крестом Святого Людовика.

— Гм-м, поздравляю тебя. Я так полагаю, это означает перемену в политическом курсе?

— Что-то в этом роде. Пугачев решил ехать к Екатерине.

Глава 19

Короче: был солдат, а не поэт он
И на Олимп ворвался с пистолетом.

Гийом дю Вентре

Костерок в степи потрескивал, жадно пожирая накошенную саблями солому. Вода в котелке все никак не закипала, несмотря на старания Лиса, и мы сиротливо ждали, когда же можно будет выпить по чашечке привезенного мной растворимого кофе.

— Лётал я вчера к твоей зазнобе, — щурясь на огонь, медленно говорил мой напарник. — Бабуся-ягуся говорит, что все идет нормально. Еще денька три, и будет как новая. Чернухи на нее навешали, верблюду хребет сломать можно, но коли Ягуся сказала, что беду руками разведет, стало быть, так тому и быть. А после того как девица из домовины встанет, надо будет ей в семи водах искупаться, в семи росах омыться, тогда вся наветь и чернуха с нее, что пыль, сойдет.

— Спасибо, Лис. Очень тебе обязан.

— Ой, да чуть шо — обращайся! Какие проблемы? Я только одно тебе сказать хочу. Расколдовать-то твою герцогиню расколдуют, дело ясное. Но вот что за человек она окажется, это уж, извини, все претензии в лигу сексуальных реформ. Оно только в сказках: скинула царевна лягушачью кожу, и сразу тебе эталон красной девицы в полный рост.

— Доживем — увидим, — пожал плечами я. — Что сейчас загадывать.

— И то верно. — Лис подбросил в костер еще одну охапку соломы. — Да закипит эта вода когда-нибудь или нет?!

Я молча откинулся на спину и, заложив руки за голову, бесцельно уставился в небо — огромный черный плащ, изъеденный звездной молью.

— А от Калиостро что-нибудь слышно?

— Да что с ним станется? Отвезли его мои ребятишки к волхвам.

— Бежать не пробовал?

— Ты знаешь, нет. Более того, когда я ему о волхвах поподробнее растолковал, он даже обрадовался. Да и волхвы его тоже под белы руки приняли, как будто ждали. Хотя кто их знает, что им ведомо, а что нет. У них обычно для простого люда отдельный сруб стоит, и те, кто к волхвам приходит, в срубе ждут, когда они появятся. Неделю можно ждать, месяц. Некоторые так и уходят несолоно хлебавши. А тут только я Калиостро до сруба довез, выходит оттуда старец в белом

одеянии, в руках посох, борода по пояс, на меня и казаков моих и не глянул. А графа взял за руку, как ребенка, да повел к себе.

— Куда к себе? — не понял я.

— Я-то почем знаю. Ты думаешь, я у волхвов в гостях чаи гонял?

— А что?

— Да так, ничего. Был я как-то около входа на плато Путоран, где у волхвов, так сказать, штаб-квартира. Что тебе сказать? Я вроде бы человек не робкого десятка. И здесь, и дома во всяких переделках бывал. Так вот, у меня колени от ужаса подгибались у входа на это плато. Я шагу ступить не смог.

— Почему? — Я с недоумением посмотрел на напарника.

— По кочану. Потому что волхвы вход в свой дом на замок закрыли. И без ключа туда лучше не подходить.

— И все равно я ничего не понимаю. Кто такие эти волхвы? Откуда они взялись? Чем они, в конце концов, занимаются? Ты можешь внятно объяснить, что это за диковина?

— «Да кто вы такие, откуда взялись? Дружина взялась за нагайки». Так, давай по порядку. Кто они такие? Достоверно этого не знает никто. Самое простое объяснение: жрецы древних славянских богов. Не знаю, насколько тебе это что-то объясняет. С одной стороны, они близки с друидами: те же священные дубы, сбор омелы, разговор с животными, понимание души камней. С другой, насколько я понял, они огнепоклонники, как и зороастрийцы. — Лис произнес это слово с некоторым трудом, стараясь не ошибиться в выговоре. — Я сам, честно сказать, не силен в этой религии, но один умный человек из наших говорит, что от этого астризма у них очень много. Одно могу сказать наверняка: глядя в огонь, они успешно предсказывают будущее, причем случаи, когда бы они ошибались, мне неизвестны. Ты Пушкина читал?

— Читал, — кивнул я.

— Помнишь у него: «Волхвы не боятся могучих владык, и княжеский дар им не нужен. Правдив и свободен их вещий язык и голосу вышнему дружен»? Так вот, это про них.

— Понятно, — вновь кивнул я.

— А откуда они здесь взялись? — продолжал атаман буйной запорожской ватаги. — Как и все остальное, что связано с волхвами, все, что можно о них сказать, — из области догадок. Здесь надо сделать экскурс в историю. Ты, вообще, в курсе того, как крестили Русь?

Я постарался оживить в памяти свои скудные запасы по истории русского Православия.

— Так, в общих чертах. Кажется, княгиня Ольга ездила креститься в Константинополь, потом ее внук, кажется, Владимир, кре-

стился в Крыму, вернулся в свою столицу, если не ошибаюсь, тогда это был Киев, и крестил всех там в реке.

Лис хмыкнул.

— Молодец, садись, пять. Для высшего образования хватит. Впрочем, можешь оставаться лежать. Все правильно, но абсолютно не по делу. В христианизации Руси божественного не больше, чем в новогоднем выпуске «Плейбоя». Голый политический расчет. Княгиня Ольга, дочь псковского лодочника, крестилась для того, чтобы обеспечить себе поддержку Византии в борьбе против желающих отобрать у нее великокняжеский стол. Насколько это повлияло на ее мировоззрение, судить тяжело, но если хотя бы треть того, что о ней рассказывают, правда, то Джек Потрошитель рядом с этой милой дамой вполне может претендовать на должность епископа. Со святым равноапостольным князем Владимиром и того веселее. Он ведь байстрюк, или, по-вашему, бастард. Прав на престол у него было, я думаю, не больше, чем у тебя на трон любой из нынешних Скандинавских стран. Но разве могут такие мелочи остановить человека, который всерьез решил расчистить себе место под солнцем? Благополучно угробив сводных братцев, этот истинный внучек своей бабули вдруг обнаружил, что трон-то у него хромоногий, того и гляди из-под задницы выскользнет. И тут великий князь сделал трюк, по изяществу не знающий себе равных. Вместо того чтобы тупо мочить родственников, желающих подвинуть его на княжеском столе, он уволил с должности главного бога Сварога и в приказном порядке назначил на вакантную должность Перуна.

— И что это ему дало? — спросил я, поднимаясь на локте, чтобы лучше слышать лекцию о малоизвестной мне славянской истории.

— Сварог — отец всего сущего. Естественно, большинство простого люда как поклонялись ему, так и продолжали поклоняться, невзирая на княжий указ. Но это не слишком огорчило Владимира, поскольку вполне согласовывалось с его планами. Ведь Перун, по сути, бог узкоспециальный, бог дружины, а потому под знамена будущего святого равноапостольного начали стекаться дружинники, которых этот культ устраивал выше крыши. Именно это и требовалось киевскому князю. Дружину свою он холил и лелеял, что называется, кормил из рук, и потому, когда ему пришла в голову мысль пустить Перуна в свободное плавание вниз по Днепру, подавляющая часть войска и глазом не моргнула, узнав, что на роль господа назначен новый кандидат. Тем более, от них самих никто не требовал ни верить во все эти ближневосточно-византийские байки, ни, уж тем более, следовать обозначенным там правилам.

От них требовалось загнать народ копьями в воду для последующего крещения; требовалось разрушать капища и выжигать священ-

ные рощи; требовалось убивать волхвов, силы которых они и сами побаивались, и надо сказать, что с возложенной миссией дружинники вполне справлялись. Тогда-то и начался исход волхвов с Руси, тогда-то и начала Русь терять свою душу. — Лис грустно посмотрел на костер. Острые его языки лизали черное брюхо котелка, безжалостно расправляясь с очередным пучком соломы. И в этом играющем пламени мне отчего-то виделась вырубленная из толстого бревна голова с соломенными усами, пожираемая безжалостным огнем.

— Вода закипела, — сообщил Лис, осторожно снимая палку, на которой висел котелок. — Давай кофе пить.

— А дальше-то что было? — спросил я, держа в руках дымящуюся кружку из выдолбленной древесной капы.

— Дальше? — по привычке переспросил Лис. — Возможно, со смертью Владимира эксперимент века бы успешно провалился. Ну посуди сам, если, скажем, жителей Лондона загнать в Темзу, продержать их там полчаса, а затем сообщить, что они теперь все поклонники культа Вуду, они тебе сильно поверят?

Я отрицательно покачал головой, представляя себе нарисованную Лисом картину.

— Вот и славяне восприняли свое крещение как глупую шутку. Но, правда, когда их начали почем зря казнить за то, что они продолжали молиться своим богам, они поняли, что шутка затянулась и дальше может затянуться так, что им нечем будет дышать. К их несчастью, следующий великий князь всея Руси тоже был байстрюком и в смысле скверности характера был точной копией своего папашки. Кстати, смерть последнего наступила в результате расстройства, когда он собирался с дружиной подавлять мятеж дорогого сыночка, решившего прокинуть старика отца на тему уплаты налогов.

Но, несмотря на эти мелкие разногласия финансового толка, князь Ярослав, прозванный за свое лиходейство Мудрым, во всем продолжал линию, намеченную покойным папенькой. Но его невинные проделки на благородном пути христианизации Руси — это отдельная история. Он тут развлекался во всю прыть. Факт остается фактом: вместо свободного гордого народа, где самый последний бедняк считал себя потомком великих богов, на зачищаемой территории начало вырисовываться стадо рабов Божьих. Ну а когда ежедневно наблюдаешь этого самого бога приколоченным к кресту, понятное дело, основную масть держит старший надсмотрщик. Сиречь великий князь.

Но и это бы все ничего, и это бы переварила Русь. В конце концов, человеческий век краток, а традиции народные живучи. Однако на беду России, изрядно ослабленной вбиванием в нее христиан-

ских добродетелей, случилось татаро-монгольское нашествие. Уж тут попы отвели себе душу. На месте современных служителей культа я бы за упокой души Батыя и иже с ним ежедневно пудовые свечи ставил и в поминальник записывал. Поскольку выяснилось вдруг, что при дворе ханов Золотой Орды крутую мазу держат христиане, правда, несторианского толка, но в данном случае речь шла о сверхприбылях, и мелкие богословские разногласия роли не сыграли. Церковь стала посредником между Ордой и народом. Более того, она стала держать крышу, обеспечивая безопасность от набегов за весьма изрядные отчисления. Кто знает, сколько бы это продолжалось, если бы Иван Калита не оттяпал этот лакомый кусок себе. Когда же век Золотой Орды кончился, Православная церковь вышла на первый план как самая богатая, авторитетная и мощная организация в государстве. — Лис замолчал, отхлебывая из чашки ароматный напиток. — Ну а волхвы шли-шли и со временем добрались сюда. Отсюда их, похоже, не скоро выкурят. И поверь, более светлых и мудрых людей мне до сих пор встречать не доводилось. Так что если говорить о Калиостро, я бы сам не прочь поменяться с ним местами. Вот только меня они к себе не пускают.

Ночную тьму разорвало ржание коня.

— Кого-то несет, — пробормотал Лис, обнажая саблю и прикладывая ухо к земле. — Всадник. Похоже, один. От ставки скачет. Никак нас ищут.

— Милорд Вальдар, господин атаман! — послышалось из темноты. — Это я, Питер.

— Что тебе? — отозвался я.

— Ну слава богу, — выкрикнул мой камердинер. — Насилу вас отыскал. Хорошо, костер увидел.

— В чем дело? — Лис был явно недоволен, что наши вечерние посиделки прерваны столь бесцеремонным образом.

— Пугачев за вами велел послать. Сказал, совет держать будем.

— Какой, к чертям, совет. Ночь на дворе, а он с вечера так набрался, что единственный совет, который ему можно дать, это пойти и проспаться.

— Все верно, господин атаман, да только тут такое дело... — Редферн наконец вынырнул из темноты в круг, освещаемый нашим костерком.

— Какое еще дело, говори, не томи.

— Орловы пришли. Ну, Емельян-то Иванович со вчерашнего соображает туго, его среди ночи разбудили, а он взгляд в одну точку свести не может. Жбан рассола всосал и велел военный совет созывать. Так что, господа, пожалуйте в ставку.

Лис покосился на недопитый кофе.

— Вот же ж принесло середь ночи. Ладно, Петруха, загаси костер. Пошли, Вальдар, коней седлать.

Штабная изба «их личества» была явно переполнена. Отсутствие резины при постройке ее стен весьма затрудняло задачу принять всех тех, кто по своему положению и званию считал себя обязанным присутствовать на заседании этого военного совета. Рядом с кафтанами пугачевских «енералов» виднелись яркие уланские куртки конфедератов и парадные по такому случаю мундиры офицеров, сопровождавших братьев Орловых. Со стороны, должно быть, очень занятно было бы взглянуть на эту пеструю компанию, оценить те взгляды, которые кидали друг на друга участники исторической встречи, услышать те слова, которые шептались сквозь зубы при этих самых взглядах. К сожалению, нам не дано было ограничиться ролью созерцателей. Невзирая на многолюдство и нервозную атмосферу, царившую в избе, Пугачев все медлил открыть военный совет, очевидно, ожидая появления моего напарника.

— А-а, а вот и енерал Закревский, — радостно воскликнул он, увидев входящего в залу Лиса.

Похоже, по разумению «императора» ученый, «превозмогший языки», Лис должен был служить буфером, своеобразным переводчиком между «государем» и его внезапно образовавшимися подданными. Я втиснулся вслед за атаманом, стараясь по стеночке спрятаться за чужими спинами, однако мне это не удалось.

— И ты иди ко мне, флигель. Тут у тебя, поди, много знакомцев есть.

Ну, насчет знакомцев Пугачев несколько погорячился, но вот одного я уже видел воочию. Его тяжело было не заметить. Он сидел за столом подле «императора», могучий и плечистый. Впрочем, как и его братья, сидевшие рядом. Звался он Григорий Орлов, и ему не нужно было привешивать чужих титулов и регалий для того, чтобы придать своему имени сусального блеска. Я увидел, как насупилось его лицо, как сжались пудовые кулаки при моем появлении. Похоже, за недели, прошедшие с момента нашей встречи на острове Голодай, генерал-фельдцехмейстер не проникся ко мне дружескими чувствами. Не склонный долго рассматривать своих врагов, он попытался было вскочить, однако рука старшего брата бестрепетно вернула его в прежнее положение. Григорий что-то шепнул Алехану, тот заинтересованно поглядел на меня и отвел глаза в сторону.

— Коли кто не знает, господа мои енералы, сие есть братья Орловы, коим я спасением живота своего обязан. — Пугачев прочув-

ствованно посмотрел на именитых цареубийц, и те, не менее прочувствованно, изобразили на лицах полное согласие с тезисами предыдущего оратора. На некоторое время публика была полностью деморализована всплеском беспричинного энтузиазма. Когда же шум утих, «государь» вновь взял слово. — Как все вы знаете, сегодня мы сильны, как никогда, но завтра сила наша возрастет безмерно. Узрев истину, полки и целые корпуса повернут оружие супротив моей коварной супружницы, дабы вернуть нам наш законный трон. А посему хочу спросить вас, братья мои енералы, и вы, любезные графья Орловы, любо ли далее нам лить кровушку русскую или же сойтись мне вновь с Катькой да решить миром все, что у народа поднакопилось да на сердце наболело?

— Нет веры самозванке! — заорал кто-то из каторжных господ.

— Веди нас, отец родной, на столицу! — поддержали его другие. — Изведают супостаты казацкой сабельки.

М-да, похоже, перспектива кровопролития рассматривалась разбойной вольницей как нечто само собой разумеющееся. Я посмотрел на Орловых: щека Алексея нервно дернулась при упоминании супостатов, но в целом он был абсолютно спокоен. Григория же идея разбойника Емельки «вновь сойтись» с Екатериной, похоже, на удивление не порадовала. Он вновь нахмурился и вновь получил напоминание от старшего брата сохранять спокойствие.

— А ты, мой верный Закревский, что скажешь?

Лис подпер рукой голову.

— А что я могу сказать, государь батюшка? На все твоя воля. Я токмо вот о чем мыслю — путь до столицы не близкий. Коли с боями его идти — ворога немало ляжет, да и своих хоронить придется частенько. Здесь мы сила, а пока до Петербурга дотянемся, много ли от той силы останется?

— Ко мне вся Русь придет, — напыжился было «император».

— О том я и говорю, батюшка. Как же не пойти мужику под твои знамена. Да только вот закавыка: русский мужик коли куда на богомолье ходил — уже землетопом считается, а так его от родной печи в ближний лес калачом не заманишь. Так что, чтобы, взявшись за вилы, пошел он за тобой, а не супротив тебя, как ему сейчас Катька талдычит, должно тебе, государь-надежа, явить свой светлый лик темному люду. Пусть узрят тебя в царственном сиянии, сие посильнее «прелестных» грамот будет. Не зря, поди, на Руси кажут: лучше один раз увидеть, чем сто — услышать. Коли решишься на переговоры — пол-России тебя своими очами узреть сможет. И ежели удумала Катька западню на тебя устроить — не токмо яицкое войско, вся земля Русская за государя своего поднимется.

— Умно баешь, Закревский, умно.

— Да будя тебе потешаться, государь. Я токмо резоны твои енералам нашим растолковываю.

— Добро. А граф Орлов что по сему думает?

— В куски шматовать Катерину! — Из-за дальнего края стола вскочил глыбообразный казак с висячими усами.

— Сиди уже. Шматовать. Ухами слухай, я Орловых спрашиваю, а ты — Потемкин.

— Че? — Удивленный казак захлопал глазами. — Че, правда, что ли?

— Я че, по-твоему, брешу?! — Пугачев грохнул кулаком об стол.

— Прости, батька, недотемкал сдуру, — пробормотал казак, усаживаясь на свое место.

— Так что все же граф Орлов нам скажет?

Алексей Орлов, глубокомысленно закрывший нижнюю часть лица ладонью, чтобы скрыть предательский смешок, окончательно овладел собой и начал неспешно:

— Господа, цель любой войны состоит вовсе не в том, чтобы убить больше солдат противника. Будь наш государь Петр III тем разбойником, каким его пытаются представить при дворе, я бы вместе с вами, почтеннейшие генералы, ратовал за поход на столицу. Но искусство императора состоит не в том, чтобы с саблею в руке побеждать противника, сие дело его военачальников, а в том, чтобы знать, когда и зачем следует начать войну и каким образом закончить ее на выгодных для державы условиях. Я знаю государя уже много лет и потому беру на себя смелость полагать, что, как обычно в таких случаях, его царственная мудрость возобладает над воинской отвагой.

— Да предлагаешь-то ты что? — крикнул кто-то из дальнего угла штабной избы.

— А ну цыц, паскуда! — гаркнул на него Пугачев. — Не видишь, что ли, кто говорит? — В помещении нависла гнетущая тишина.

— Я полагаю, что сейчас наиболее благоприятный случай начать переговоры.

— А коли западня вновь? — не удержался от реплики кто-то.

— Западня, — улыбнулся Орлов, — это всегда палка о двух концах. Вы полагаете, что Екатерина может устроить ее для своего супруга? Возможно, это и не лишено резона. Но кто мешает нам организовать западню для самой Екатерины? Не забывайте об этом, господа. А посему я и мои братья за переговоры. — Орлов сел на место.

Прения возобновились вновь. Запах мозговой опрелости, смешанный с запахом пота и браги, висел в тесном помещении, так что в нем мог свободно парить даже не топор, а вязанка стрелецких бердышей.

— Все! — рявкнул вконец утомленный «государь», перекрывая голосом бурные дебаты своих не в меру разошедшихся «енералов». — Сейчас от вас толку нет. Идите спать, да после того обдумайте, вести ли нам переговоры али нет. Ввечеру вновь вас соберу. Каждому по слову дам, токмо «любо» али «не любо». А пока идите все, почивайте.

Я побрел в свою каморку, в которой не было даже котелка над огнем, нарисованного на куске старой холстины, и завалился спать на уже обжитую охапку сена, но кусок старого холста, пожалуй, был бы сейчас весьма кстати, перед рассветом здесь обычно прохладно. Словно читая мои мысли, в сарайчике возник Питер с конской попоной в руках.

— Вот, я принес вам, ваша милость. Укройтесь, все теплее будет...

Я не дал Редферну развить свою мысль. За тонкой дощатой стенкой, отделявшей сарайчик от двора, слышалась негромкая французская речь. Один из голосов был мне уже знаком довольно давно, второй я услышал только сегодня, но эти повелительные интонации я бы вряд ли смог столь быстро забыть.

— Алексей, — с отчаянием в голосе говорила Елизавета Разумовская, — как ты не понимаешь, он наша единственная опора. Мы поднимаем его — он защищает нас. Ему нельзя ехать в Санкт-Петербург. — Я усмехнулся. Встреча «венценосных супругов» планировалась под Москвой, но об этом, кроме меня, Екатерины и, вернее всего, Безбородко, никто не знал. — Там его наверняка будет ожидать засада.

— Вот и славно, — насмешливо отвечал ей Орлов. — Я полагаю, именно так все и будет. Ну скажи на милость, зачем тебе нужен этот немытый разбойник? Ты же не считаешь его всерьез своим братом?

— Конечно, нет! О чем ты говоришь?! — возмущенно отозвалась его супруга.

— Вот видишь. Нам нужен не Емелька Пугачев, а светлый образ народного государя. Мы должны заставить его ехать на эту чертову встречу. Пусть он отправляется туда, пусть возьмет с собою своих советников, пусть они сложат голову на плахе. Их не будет, но останется память. И вот ради этой памяти мы и поведем полки... За тебя, дорогая. В любом случае Пугачев никудышный полководец, рано или поздно его разобьют. И можешь мне поверить, не приди мы, этот час был бы уже близок. Когда во главе армии встану я, все изменится. Мы не пойдем на Москву или Петербург. Этот шут Закревский был прав, говоря, что такая длинная дорога послужит могилой для армии. Нет, мы сделаем по-другому. Мы отрежем от России Сибирь, отрежем Яик, татарские степи вновь станут непроходимой границей. Вот тогда мы и посмотрим, чего будут стоить хваленые богатства России без этих земель. И вот тогда-то, обосновавшись здесь, мы сможем помышлять и о походе на столицу.

— Твой план грандиозен, любимый, но...

Голоса отдалились. Я уже не мог расслышать продолжения беседы.

«Хитер Алексей Григорьевич, хитер, — усмехнулся я. — Да вот Лиса зря шутом обозвал. На эту швабру лучше не наступать, лоб расшибешь. А планы твои... Сейчас подумаем и о них, вот только прикрою глаза...» Я закрыл глаза и провалился, буквально рухнул в сон.

— Алло, капитан! Тут тебе шо, дом отдыха? Недремлющий брегет уже давно звонит обед, а ты все дрыхнешь.

Я открыл глаза и потряс головой, чтобы отогнать сон.

— Да, сейчас встаю. Что там в ставке?

— Дым коромыслом. Пьянству бой, б...у гёрл. Цыгане соловьями заливаются, а ручки у них скоро будут такие позолоченные, что они без посторонней помощи их от земли оторвать не смогут. Ладно, хватит валяться, давай вали сюда, нам с тобой еще сегодня на вечер надо парламентское большинство обеспечить. Вставай, отец родной, ты у нас лорд или зачем? В этой вашей палате небось бывал?

— Так, мельком.

— Ну ничего, твой парламентский опыт и мои непарламентские выражения наверняка принесут нам победу.

Я окончательно проснулся и отправился искать Редферна. Перспектива участвовать в военном совете, пусть даже и таком военном совете, небритым мне вовсе не улыбалась. Вся надежда была на Питера. Небольшая речушка, протекавшая в этих местах, изрядно обмелела от летней жары, да и войско, стоявшее на ее берегах, выпивало за день много больше, чем выбрасывали наполняющие ее родники, а потому проблема достать воды для умывания, а уж тем более для бритья здесь была вовсе не шуточной. В глазах казаков это был явно неоправданный перерасход драгоценной влаги. Но Петр Ребров не был бы Питером Редферном, если бы не добыл все необходимое для приведения в порядок «их», то есть моей милости даже посреди Сахары.

Через полчаса я, изрядно посвежевший и приведенный в порядок, отправился в гости к своему лихому напарнику для обсуждения предстоящих дебатов.

— А, господин премьер-майор, — услышал я за спиной. — Давно не виделись. Рад поздравить вас с новым званием. — Григорий Орлов обошел вокруг меня, рассматривая мой наскоро приведенный в надлежащий вид флигель-адъютантский мундир. — Поздравляю, поздравляю. — Он щелкнул пальцем по наконечнику аксельбантов. — А побрякушки-то эти, чай, в моей кровушке вымочены.

«Как же, — невольно готовясь к драке, подумал я, — еще и в кровушке фон Ротта. Знали бы вы, чьими молитвами вас сюда занесло, думаю, дуэлями бы дело не ограничилось».

— Господин генерал, вы вновь ищете ссоры? Не рекомендую. У вас еще есть время подумать. Я еще не принимался за свой кофе. — Я резко наклонил голову и щелкнул каблуками. Лицо Орлова стремительно начало багроветь.

— Да я!..

— Гришка, а ну не балуй! — раздался с крыльца резкий властный голос Алехана. — Нашел время! — Алексей Орлов, вышедший из штабной избы, был значительно менее красив, чем его фаворитствовавший братец, но внутренняя сила и несгибаемая воля, читавшиеся на лице, выгодно отличали адмирала среди братьев, да и среди всех пришедших с ним офицеров. — Ступай к братьям, — резко скомандовал он, и Григорий, метнув на меня на прощание недобрый взгляд, начал подниматься по ступеням. Перед дверью он обернулся, собираясь, очевидно, что-то сказать. — Иди, Гриня, иди. После поговорим. — Алехан легонько подтолкнул его в спину, явно спеша остаться со мной наедине, насколько вообще можно остаться наедине в этом людском муравейнике. — Милорд Вальдар, — улыбка Орлова была обаятельна, так улыбаются сильные люди, не умеющие заискивать, — вы позволите называть вас по имени?

— Да, ваше сиятельство, почту за честь.

Орлов начал неспешно спускаться ко мне, и на птичьем языке придворных этикетов сей жест — спуск знаменитого адмирала к безвестному премьер-майору — означал высочайшую степень почтения, почти что знак равенства между ними.

— Простите моего брата, дорогой мой. — Орлов взял меня под локоть. — Он хороший человек и может быть верным другом, но чересчур горяч. Я уверен, со временем, когда вы узнаете друг друга лучше, от вашей пустой ссоры не останется и следа.

— Поверьте, граф, я не питаю к нему вражды. Я лишь отстаиваю свою честь.

— Да-да, конечно. — Орлов, казалось, пропустил мой комментарий мимо ушей. Насколько я мог понимать, интересовало его совсем другое. Но пока что он не знал, как подступиться к занимавшему его вопросу. — Милорд Вальдар, я хотел бы выразить вам свою безмерную благодарность за то, что вы сделали для меня и моей супруги.

— Я поступил, как подобает дворянину. Я не мог видеть, как на моих глазах негодяй в офицерском мундире избивает женщину. — Алехан покосился на меня, словно не веря ни единому моему слову.

— Конечно, но когда...

Ворота постоялого двора отворились сами собой, и по праздношатающейся публике, занятой повседневной суетой, прокатился суеверный шепот: «Волхвы, калики перехожие...» Мы с Орловым не-

вольно повернулись в сторону ворот. Не знаю, как мой собеседник, но я-то на своей шее испытал, как хорошо поставлена у Пугачева служба оповещения. На этот раз сторожа не проронили ни звука, так, будто волхвы возникли перед постоялым двором прямо из-под земли. Впрочем, кто их знает, может, именно так оно и было.

Три старца в беленых льняных одеяниях, подпоясанных вервием, опираясь на сучковатые деревянные посохи, вошли во двор, и мне показалось, что куда-то подевалась вся многодневная нервозность, все напряжение. Ушла куда-то, растаяла накопившаяся в людях злоба.

— Кто это? — почему-то прошептал Орлов, глядя на старцев.

— Волхвы, — вторя ему, чуть слышно ответил я.

Старцы с длинными седыми волосами и бородами до пояса прошли через двор в полном молчании. Затем двое из них пошли в обход штабной избы, туда, где, как я уже знал, находился походный лазарет, а один остался стоять перед крыльцом, словно чего-то ожидая. Долго ждать ему не пришлось. Завязывая на ходу шитый золотом кушак, из «царевого дворца» выскочил взлохмаченный заспанный самодержец, явно всполошенный приходом волхвов.

— Здрав будь, велик отче, — почтительно взглянув на старца, в пояс поклонился Пугачев, едва не задевая бородой струганые доски крыльца.

— И тебе по здраву, Омелий. Слово мое слушай: ступай, сыне, к граду Москве. С тех земель в далек край путь твой проложен. Да будет дорога тебе скатертью.

— К Москве? — недоуменно произнес Орлов.

— К Москве, — еще более недоуменно подтвердил я.

Глава 20

Открыв сомкнуты негой взоры,
Россия вышла в неглиже
Навстречу утренней Авроры,
Готовой к выстрелу уже.

И. Губерман

Жребий был брошен вместе с остальными доспехами при попытке обратно перейти Рубикон. Уж не знаю, какой парад устраивал великий Цезарь, собираясь упразднять римскую демократию,

но высокое посольство «императора Петра III», очевидно, всем своим видом должно было свидетельствовать о величии и могуществе разбойного государя. Избранные «енералы», сменившие невероятные зипуны и иные, еще более экзотические одежи на вполне пристойные кафтаны, явно позаимствованные в сундуках разоренных усадеб, восседали на чистокровных аргамаках, поигрывая драгоценными уздечками. Грудь каждого из них была украшена «царевыми» наградами, среди которых мне удалось разглядеть и какие-то прусские медали, и петровские целковые с сердитым профилем мнимого дедушки самозваного монарха. Были здесь и какие-то медные, наспех сделанные кресты, явно оригинального дизайна, и польские награды на уланских тужурках шляхетского отряда.

Гарцующий на своем соловом кракене совершенно трезвый Пугачев раздавал последние указания остающимся в ставке военачальникам:

— ...Пошли гонцов в башкирские степи Салавату Юлаеву. Поведай ему, что тут было, да вели собирать своих конников воедино и сюда идти. По атаманам пошли, передай, что ежели войска стрелять не будут, то и нам негоже. Пусть у воды укрепятся да эстафетой со ставкой связь держат. С Орловых глаз не спускать! Если, паче чаяния, неладное случится, их военный опыт вам весьма полезен будет.

— Но, государь-надежа...

— Не перебивай царя, Чика! Знаю, о чем говорю. Опасность не шутейная, но волхв зря говорить не будет.

— Да что, батька, волхв, — не унимался безутешный атаман.

— Ты думаешь, что говоришь?! — прикрикнул на него Пугачев. — Кабы не волхвы, ты бы по сей день в колодках парился да под кнут спину подставлял. Так что исполняй, как я велю. Все, прощевай, пора отправляться. Старшим тебя оставляю, но с тебя же потом и спрошу. Так что попусту не лютуй и жди от меня вестей.

По рядам «царской свиты» прокатился тихий шепоток: «Волхвы идут!» Седобородая троица шествовала мимо строя, как бы принимая парад, шествовала, постукивая своими длинными клюками, не обращая, кажется, никакого внимания на яркое восточное великолепие готового к маршу отряда. Я уже знал, что все, связанное с волхвами, окружено здесь ореолом безмерного почитания, и потому был момент, которого я никак не мог понять. Путь, насколько я себе представлял, им лежал не близкий. Но никому из пугачевцев не приходила в голову мысль предложить своим высоким гостям ежели не коней, то хотя бы телегу. Волхвы шли мимо строя, глядя вдаль, словно окружающая их действительность была миражем, легкой, ничего не значащей дымкой. Внезапно самый старший, тот, что разгова-

ривал с Пугачевым, остановился напротив меня и, взглянув невероятно, непередаваемо синими глазами шестнадцатилетнего юноши, произнес:

— Чужу живу взяв, самому живе не быть. Вовек скитаться тебе, а свою не найти. — Едва старец умолк, вокруг меня зазвенели серебристым малиновым звоном сотни маленьких колокольчиков. Этот звон я уже когда-то слышал в бреду на яхте герцогини Кингстон. Так звенели колокольцы на цепи с талисманом, в котором была заключена душа лорда Дорвича, уносимая магом в толщу скалы. — А ты, — расслышал я сквозь звон, волхв обернулся к Лису, — твоя доля...

Больше я не слышал ни слова. Я видел, как движутся губы старца, как меняется выражение лица моего напарника, но ни слова, ни ползвука не доносилось до моего слуха.

Волхв умолк, хотя мне и странно утверждать подобное, повернулся и зашагал в степь. Спутники его последовали вслед за ним все с тем же отрешенным выражением на лицах. Весь отряд пугачевской свиты с почтительным молчанием глядел вслед удаляющимся каликам перехожим. Они шли, постепенно уменьшаясь, и наконец исчезли. Но я готов был биться об заклад, что они именно исчезли, а не скрылись за горизонтом.

— Ну что замерли, как неживые! — стряхивая оцепенение, рявкнул Пугачев, поднимаясь в стременах и указывая рукой с перначом на запад. — Понеслась душа в рай. Поехали! Песельники, запевай!

Пошли девки да покупаться, —

загремели песельники.

Пошли девки да покупаться,
Пчелушка, пчелушка,
Чудо-чудо-чудо-мушка,
То ж была, верно, лужка,
Гоп, гоп, гоп! —

подхватили остальные, и почетный эскорт двинулся в путь.

Ночью мы стояли в степи. Я дремал, положив седло под голову, укрывшись попоной, и сквозь сон слышал, как близ мерцающих костров что-то заунывно тянули цыгане.

— Вальдар, — потряс меня за плечо Лис. — Вставай, пора.

— Куда? Зачем? — непонимающе возмутился я. — Ночь на дворе.

— Ты шо, капитан, умом подвинулся?! А бабусю проведать? Или ты хочешь, чтоб твоя зазноба вместе с ней за Урал-камень откочевала? Давай просыпайся!

— Да. — Я подскочил. — Сейчас, только Редферна разбужу.

— Слышь, ты, эксплуататор трудового казачества, на кой ляд он тебе там сдался? Пусть спит. Он с этаким хозяином еще днем намаяться успеет. Седлай коня, поехали.

Мы выехали минут через десять. А вот сколько ехали, я толком даже не смог разобрать. Как говорится, ехали они себе долго ли, коротко ли, а вдруг глядь: стоит средь моря ковыльного, средь горечи полынной избушка на курьих ножках. С банькой. Стоят себе, с ноги на ногу переминаются. Понятное дело, столько верст без обувки протопать, какие же ноги столько выдержат, намозолились, бедные. Соскочил с коня добрый молодец атаман Лис да и крикнул во всю богатырскую моченьку:

— Эй, бабуля-джан, встречай дорогих гостей! Да командуй своей избой, а то она битый час будет разбираться, где тут ближайший лес.

Заслышав появление моего напарника, лапчатый дуэт начал резво поворачиваться в сторону Лиса своими входными отверстиями.

— Батюшки-светы! — Баба-яга в цветастом платке, наверняка недавно подаренном моим заботливым другом, всплеснула руками, встречая нас в дверях. — И добрый молодец Лис, и добрый молодец Воледар здесь. Заходите, голуби мои яхонтовые, уж и заждались вас. Мы с Аленушкой все глаза проглядели, уж и пирожков вам испекли, и щей наварили. Заходите, родимые.

Мы соскочили из седел прямо в избушку, не пользуясь грубо сколоченным деревянным трапом, служившим для соединения жилища с бренной землей в часы стоянки. Та, кого Баба-яга ласково называла Аленушкой, ждала нас с ароматным поджаристым пирогом на чистом белом полотенце. Отвесив поклон, она протянула нам пирог.

— Добро пожаловать, гости дорогие, — произнесла Элен Фиц-Урс на чистейшем английском. Я смотрел на свою старую знакомую и никак не мог надивиться произошедшей перемене. Дело было не в том, что английская аристократка одета в костюм русской красавицы. Нет, и длинный, до земли, сарафан, и шитый жемчугом кокошник очень были ей к лицу, невзирая на неславянские черты этого самого лица, но было в девушке что-то совершенно новое, какое-то ощущение покоя, исходившее от нее, неведомая доселе глубина, появившаяся в серых, но уже не туманных глазах.

— Как костюмчик? — услышал я за спиной шепот Бабы-яги.

— Мирово! — восхищенно отозвался Лис.

— Мой, — похвалилась хозяйка. — Поди, тыщу лет не надевала, а все как новый. Садитесь ужинать, гости дорогие. Чай, путь был не близкий.

Мы не заставили себя упрашивать и с охотой отведали и наваристых щец, и безумно вкусного курника и, невзирая на рекомендации лучших собаководов не есть после заката, чувствовали себя вполне благополучно. Распоясавшись, довольный ужином Лис привалился к печи и затянул: «Ой, мороз, мороз, не морозь меня».

«Не морозь меня, моего коня», — подхватили в один голос Баба-яга и Элен Фиц-Урс. Правда, Элен пела на английском, но, похоже, присутствующих сей мелкий факт нисколько не смущал.

— Бабуля, — спросил я, когда песня закончилась, — вы знаете английский язык?

— О чем ты баешь, сокол ясный, язык у меня один. — Баба-яга радостно высунула то, что обычно рекомендуется держать за зубами.

— Так как же тогда вам удается понять, что говорит Элен?

Хозяйка уставилась на меня, как на внезапно приболевшего.

— Дык как, понятное дело — головой.

Мне оставалось лишь вздохнуть. Как объяснить суть языковых барьеров фольклорному элементу, отсиживавшемуся в лесных чащобах во время сокрушения Вавилонской башни и смешения языцев.

— Ладно, бабуленька родимая, пора нам ехать, — вздохнул Лис. — У тебя хорошо, а дорога еще предстоит дальняя.

— Ну да, ну да, — засуетилась бабуля. — А вот, Аленушка, дам я тебе клубочек заветный.

— Он нам короткую дорогу укажет? — оживился Лис.

— Да нет, — как-то удивленно протянула Баба-яга. — Чего это мотку шерсти вам тропу торить? А вот на зиму носки связать — сносу им не будет. А для дороги я гостинцев собрала. — Она протянула нам березовый туесок, наполненный разнообразной снедью. — Присядем на дорожку, — грустно вздохнула она. — Ну, в добрый путь, детоньки. — Кончиком цветастого платка бабуля смахнула непрошеную слезу. — Ступайте с миром. Отгоню от вас зверя дикого, гада ползучего, тучу черную, весть недобрую. Когда еще свидимся.

Лис подвел Элен свою заводную лошадь.

— Кстати, атаман, — подъехал я к своему напарнику, — как ты себе представляешь езду на лошади в сарафане?

— М-да. — Лис покосился на Элен, на седло стоявшей рядом с ним кобылы и вновь на девушку. — Фасончик не для конных прогулок, — он что-то прикинул в уме, — хотя ща мы тут такое учудим, парижские кутюрье от зависти удавятся. — Мой напарник соскочил наземь и обнажил саблю. — Сударыня, простите мне мою вольность... но не могли бы вы раздвинуть ноги?

Мисс Фиц-Урс начала стремительно краснеть, чего я никак не мог ожидать от прежней Бетси Чедлэй.

— Уверяю вас, никакой похабщины, сплошная высокая мода.

Девушка обреченно закрыла глаза и повиновалась, а спустя минуту подол сарафана уже свисал четырьмя отдельными лоскутами, которые Лис любовно связывал между собой по два.

— Жаль, конечно, бабулину обновку, да что поделаешь, не пехом же телепать из-за этого сарафана. Вот, прошу вас, мисс, прекрасная юбка-брюки.

— Еще один вопрос, Лис, как мы будем объяснять появление Элен в лагере?

— Вальдар, ты меня утомил. Ты шо, Британская энциклопедия, кому-то что-то объяснять? Где взял, где взял? Нашел. Посадим в обозе в мой возок и посмотрим, какая падла сунется спрашивать.

— Пожалуй, ты прав, — усмехнулся я. — Что ж, в диких нравах тоже есть свой резон.

— Милорд Вальдар, — негромко позвала меня Элен. — Я бы хотела поговорить с вами.

Я посмотрел на Лиса, тот понятливо кивнул и дал шпоры своему коню, вырываясь вперед. Некоторое время мы скакали молча, видимо, моя спутница подбирала слова для начала разговора, не решаясь высказать что-то сокровенное. Мне не хотелось торопить ее. Подобное молчание не может быть вызвано обычным кокетством.

— Я хотела сказать вам, — начала она и вновь замолчала. — Я хотела сказать, что очень благодарна за все. Вы так много сделали для меня.

— Что-то не так? — произнес я, давая возможность герцогине начать говорить о том, что ее действительно тревожило.

— Понимаете, — вздохнула она. — Вы очень любезный, очень достойный кавалер, и Элизабет Чедлэй, та Элизабет Чедлэй, которой я была полтора месяца назад, действительно искренне полюбила вас. И я, поверьте, я тоже испытываю к вам самые нежные чувства. Но дело в том, что теперь я обрела не только свое прежнее имя, но и прежнюю жизнь. А здесь, в этой жизни, у меня есть определенные обязательства.

Я отвернулся, чтобы скрыть усмешку. Скорее всего обязательства были каким-нибудь юным студиозом, бедным как церковная мышь и пылким, словно мифическая саламандра. Не может быть, чтобы у такой красивой юной особы не оказалось подобного ухажера. Они есть всегда, большеглазые придурки с манной кашей в голове, взывающие к Луне и грозящие продать душу дьяволу за один благосклонный взгляд. Впрочем, что это я, это может быть вполне достойный джентльмен, способный составить счастье прекрасной девушки, особенно с таким капиталом. Да черт возьми, что ж такое,

к чему вся эта дурацкая ревность? Я сам-то что могу ей дать? Не сегодня-завтра, подобно джинну из бутылки, на дороге возникнет Джозеф Рассел и прикажет нам с Лисом сворачивать свои дела и убираться вон из этого мира. У меня, знаете ли, тоже в той жизни есть некоторые обязательства — одних счетов, поди, полный ящик. Но все же, все же, все же... Мне крайне редко нравились воздыхатели любимых женщин. Такая, знаете ли, беда.

— Я прошу вас, дайте мне время разобраться в своих чувствах, время оглядеться в этой жизни.

— О чем речь, — усмехнулся я. — Сколько вам будет угодно.

— Конечно, после того, что было между нами на русалочьей поляне, мне было бы странно просить вас стать мне братом. Хотя бы пока. Но...

— Как скажете, сударыня, — перебил я Элен. — Все будет так, как вы пожелаете.

— О, благодарю вас, милорд. Я не сомневалась в вашем благородстве.

— Пустое, — отмахнулся я. — Мы с Лисом довезем вас до Казани, там находятся ваши слуги и карета. А пока мы постараемся вас устроить как можно удобнее в повозке пугачевского обоза, и, я надеюсь, вы не выдадите своего инкогнито.

— Пугачевского обоза? — недоуменно переспросила Элен Фиц-Урс.

— Да. Моя миссия прошла успешно. Пугачев согласился на переговоры с Екатериной.

— Я не сомневалась в вас. Вы всегда добиваетесь своего.

Я грустно улыбнулся — знать бы, что здесь свое.

Мы приближались все ближе и ближе к Волге. Уже носились над нашими головами прожорливые чайки, готовые отвлечься от рыбной ловли ради охоты за объедками, и кое-где в ложбинах, там, где во время разливов река стояла особо долго, вокруг невзрачных, а порой и вовсе высохших луж высились целые поля засушенного камыша.

— Сегодня до вечера в Казани будем, — произнес Пугачев, обращаясь к «енералу» Закревскому.

— Казань — город славный, — отозвался Лис. — Это ж сколько его царь Иван долбил, покуда не одолел.

— Твоя правда, атаман, — согласился Пугачев. — Сам ведь знаешь, татары — народ отважный. С «алла» на пики лезут.

— А вот тебе, государь, верные люди говорят, губернатор хотел Казань без боя сдать.

— Похвально. Надо будет отметить его верность, — кивнул «император».

— Золотые слова. Верность в наши дни вещь не частая. Ее, для примера другим, поощрять нужно, — проникновенно произнес мой напарник. — Да только, — он выдержал паузу, — и измену примерно карать надо, коли уж о верности печемся.

— Ты это о чем, Закревский?

— Как же ж о чем? Губернатор-то, чай, у Катьки на службе состоит, а она его не для того туда сажала, чтобы он губернские города без боя сдавал.

— Ты о чем говоришь, енерал! — возмутился Пугачев. — Он ведь не татарам каким, а мне, государю своему, ключи отдать собирался!

— Конечно, тебе, надежа. Ты бы вон послал Тимир-батыра с его отрядом к казанским стенам на разведку, а губернатор ему как раз и ключи на подушке в руки: «Нате, — мол, — пользуйтесь!» — вот бы и получилось как раз, что крепость русскую он татарам сдал. А то негоже.

— Да к чему ты ведешь-то, хитрые твои глаза?

— Какая уж тут хитрость. Губернатор-то город тебе собирался передать, еще не зная, что ты и в самом деле государь-надежа. Он же тебя разбойным атаманом почитает, а стало быть, то как раз не верность царю своему, а форменная, как есть, измена Отечеству. А за измену злую и тыщу батогов мало будет.

— Толково говоришь, енерал, толково. Ну, дак приедем в Казань, разберемся, батогами али крестом губернатора жаловать. — Пугачев замолчал, обдумывая сказанное советником, а тот отъехал чуть в сторону, чтобы не мешать «государю» в столь нелегком деле, и запел печально-распевно:

Ой, не вечер, да не вечер.
Мне малым-мало спалось.
Мне малым-мало спалось,
Ой, да во сне привиделось.

Внезапно песня Лиса прервалась на полуслове. Он приложил ладонь к глазам, заслоняясь от солнца, и крикнул:

— Ну-ка, батька, глянь. Верховые скачут. Никак, то наша передовая сторожа. Уж не случилось ли чего?

Пугачев поднял вверх правую руку, и колонна остановилась. Затем, словно по команде, крылья ее начали разворачиваться вправо и влево, а шедшие за всадниками возы один за другим стали занимать заранее отведенное место в огромном круге вагенбурга. «Лихо это у них получается, — подумал я, глядя на перестроения обычно бесша-

башного казачьего войска. — Без суеты, давки, все четко и естественно». Пугачевцы стояли в степи, полностью готовые к бою менее чем через пять минут после начала перестроения. Оставалось лишь отдать команду, и опустились бы в линию острые казацкие пики первой шеренги. Блеснули бы в воздухе отточенные сабли второй и понесся бы над мчащейся галопом удалой казацкой лавой многоголосый клич: «Сарынь на кичку!»

Всадники приближались наметом, явно не жалея ни себя, ни коней, спеша сообщить государю новости. Как видно, не самые приятные.

— Государь, — задыхаясь от быстрой скачки, выдавил из себя первый из всадников, приближаясь к Пугачеву, — Михельсон в степи, прямо перед нами. Вся армия.

Разбойный атаман глянул на меня недобро и поудобнее перехватил витую плеть.

— Ну что, флигель, в засаду завел?

— *Вальдар, что бы это значило?* — послышался в голове голос Лиса.

— *Не имею представления,* — честно признался я. — *Видимо, губернатор таки вытолкал Михельсона в степь. Если это так, то Иван Иванович, должно быть, искренне считает, что на него движется все пугачевское войско. И этот отряд для него лишь авангард.*

— *Ага, авангард с обозом. Это ты хорошо придумал.*

— *В любом случае он не знает, что Екатерина посылала меня склонить Пугачева к переговорам, и ему надо отвезти подписанный императрицей пропуск, иначе сечи не избежать. Михельсон готовится дорого продать свою голову.*

— *А ты не думаешь, что твой переводчик из тайной канцелярии привез Михельсону совсем другой приказ? Ежели Пугачев пойдет на переговоры, перехватить его в степи и провести, как это говорится, первый тур.*

— *Об этом мы сейчас узнаем,* — заверил я. — *Во всяком случае, попробовать стоит.*

В руке у Пугачева блеснула кривая персидская сабля с витиеватыми золотыми арабесками на клинке.

— Государя своего предал! — Он начал наезжать на меня, явно собираясь получше рассмотреть мое внутреннее устройство.

— Погодь, отец родной! — Лис развернул своего коня на месте, вклинился между нами. — Дай флигелю слово молвить. Чай, Михельсон еще не в уши дышит. Если что, успеем его в куски порубать.

Я мысленно поблагодарил Лиса за заступничество.

— Ладно, говори, — смилостивился Пугачев, как-то враз теряя лютость. Похоже, он окончательно свыкся с мыслью о предательстве и теперь готов был спокойно и размеренно принимать решения: драться, отступать или же обманным маневром пытаться оставить за собой войска императрицы и устремиться к беззащитной Казани.

— Ну что, Вальдар, пан или пропал, — обратился ко мне Лис, вновь беря на себя роль толмача. — Где там твой пропуск?

Я начал расстегивать рубаху, под которой в заветном нагруднике хранился подписанный государыней документ.

— Лис, постарайся объяснить Пугачеву, что сегодняшняя встреча ему ничем не грозит. Что войска еще не знают о заключении перемирия. Скажи, что твой, с позволения сказать, государь мог не согласиться на переговоры, и тогда бы война продолжалась. И объясни, что это разумная предосторожность, но не более того.

— Попробую, — пожал плечами Лис. — Ладно, давай свой мандат. — Он протянул руку за пропуском. — Быть может, бройлер-мутант на печати его в чем-то убедит.

Пугачев принял из рук своего советника документ, недоверчиво осмотрел его со всех сторон, разве что не попробовал на вкус, затем вернул его и произнес задумчиво, обращаясь к Лису:

— Ну что ж, если то, что ты мне перевел, — правда, то сей листкрип до Михельсона довести надо. Ты, Лис, возьми с собой десяток всадников половчее да этого флигеля. Мы покамест вас тут подождем. А за вами сторожа проследит. Коли живы вернетесь, слава вам будет великая. Ну а уж коли в землю ляжете, будьте покойны, кровушка ваша сегодня же сторицей отомстится.

— Слушаюсь, государь, — склонил голову мой напарник. — Эй, Макар, — он обернулся к ближайшему казаку своего полка, — нука мухой сгоняй в обоз, сыщи чистую нательную рубаху да привяжи на пику, парламентерами пойдем.

Казак развернул коня и помчался к сомкнутым в кольцо возам.

— Ну что, Вальдар, нам остается надеяться, что их величество императрица Екатерина не решила использовать одного знакомого нам заезжего англичанина в качестве червячка на крючке.

Полковые каре с развевающимися знаменами и полевыми орудиями в углах построений были выстроены посреди степи и прикрывались с флангов колоннами драгун и завесой туземной легкой конницы, которую даже святой Петр вряд ли смог бы отличить от пугачевской. Заметив несущихся к боевым порядкам всадников с импровизированным белым флагом, первые линии стрелков опус-

тили поднятые было ружья к ноге, ожидая надлежащей команды. Навстречу нам из драгунской колонны вылетел отряд не больше нашего и помчался наперерез, стараясь, чтобы встреча произошла на дистанции ружейного выстрела от михельсоновских каре. Вот наконец мы встретились.

— С кем имею честь? — с подозрением глядя на нас, осведомился юноша в форме драгунского поручика.

— Флигель-адъютант императрицы, премьер-майор Камдил, — отрекомендовался я.

— Миргородского казачьего полка сотник Сергей Лис, — вслед за мной небрежно бросил Сережа.

— О, простите, господа, я принял вас за пугачевцев, — извинился офицер. — Разрешите представиться: адъютант полковника графа Меллина поручик Сеславин.

— Поручик, — уточнил я, — я действительно флигель-адъютант императрицы, но все мое сопровождение — пугачевцы.

— Как так? — недоуменно смерил меня взглядом поручик. — Вы пленены?

— Нет. — Я достал выданный мне Безбородко пропуск, предписывающий военным и гражданским начальникам не чинить препятствий в движении яицкого казачьего атамана Емельяна Ивановича Пугачева с войсковой старшиной, коий по велению ее величества государыни императрицы направляется к Москве.

— Этого не может быть, — не веря своим глазам, прошептал поручик. — Как же так?

— И тем не менее сие правда. — Я взял пропуск из рук ошеломленного драгуна. — Будьте любезны, проводите меня и мой эскорт к полковнику Михельсону.

Ровно через десять минут ситуация повторилась с разницей лишь в звании недоумевающего офицера.

— Вальдар Реймондович, возможно ли это? Что бы сие могло означать?

— Большой политик, — развел руками я. — Не нам его обсуждать. Наше дело — неукоснительно выполнять свой долг.

— Вы правы, друг мой, совершенно правы. Но все же это какое-то, какой-то... — Он не нашелся, что сказать, и, махнув рукой, отъехал, чтобы скрыть внезапно подступившие к глазам слезы.

Казань встречала войска. Они возвращались без победы, но в глазах провинциальных мадам и мамзелей окутанные военной славой с ног до головы, подобно танцовщице, исполняющей танец семи покрывал. «Ура!» — кричало местное население, встречая зелено-

красные мундиры стрелков, марширующих по центральной улице с примкнутыми к ружьям штыками. «Ура!» — встречали они синие кафтаны драгун. «Ура! — неслось над флюгерками пугачевских пик. — Да здравствует государь император! Да здравствует императрица Екатерина!»

— Эк встречают. — Пугачев склонился к верному «енералу Закревскому», как обычно, скакавшему по леву руку от него. — Любит меня народ. Вишь, как любит!

— Так об чем речь, — ухмылялся Лис. — Этому народу только дай кого полюбить. Эт-то ты, ваш личество, еще с губернатором не беседовал. Тот просто аж на дерьмо изошел из любви к тебе.

— Эх, голова ты, Лис, а слова говоришь нехорошие. Все «дерьмо», «дерьмо». Вон народ-то как ликует. А о губернаторе не напоминай, я и сам помню. Н-но, поехали!

«Ура! Ура!» — не стихало вокруг.

— Ты что ж, сучий сын, — кулак Пугачева врезался в губернаторское ухо, — города сдаешь?! Царевых полковников в тычки выгоняешь?! — Могучая атаманская рука подхватила увесистую тушку сановника и приподняла ее над полом. — Я ж тебя, лиходея, в железа закую, своей собственной рукой кнутом запорю!

— Да я ведь... — пытался оправдываться истязаемый.

— Я что тебе, псу зазорному, велел слово молвить?! Молчи, боров смердящий! В Урал-камень с кайлом пойдешь, душа твоя каторжная!

— Пойдемте, Иван Иванович, пойдемте. — Я начал тихо подталкивать полковника Михельсона к двери. — Пугачев тут сам управится. А когда их превосходительство очухается, негоже им помнить, что вы неподалеку были, когда ему «Петр III» свое высочайшее неудовольствие выражал. Обязательно ведь в тайную канцелярию донос настрочит. — Мы вышли из кабинета.

— ...И вот тогда Наташа спрашивает: «Поручик, где вы пропадали?» — слышался из зала восхищенный голос Лиса. — А вы ей в ответ: «Мадемуазель, я спешил обнять своего старого друга, с которым сегодня же вечером надеюсь познакомить и вас».

— Да ну что вы, сотник, все было совершенно не так! Никакой Наташи Ростовой там и в помине не было. Как сейчас помню, девушку звали Татьяна Ларина. Ни по какой нужде я не выходил. А друг... Да, действительно, поутру с депешей прискакал мой старый друг князь Лобанов-Ростовский. Днем он должен был находиться в штабе, а ввечеру пожаловать ко мне в гости. Не пойму, что тут смешного? Вот лучше послушайте, что я вам расскажу...

Глава 21

Дипломатия — искусство поглаживать пса, пока не нацепишь на него ошейник.

Флетчер Кнебель

Уж и не знаю, как себе представляла императрица секретную доставку Пугачева со старшиной к месту переговоров. Даже если не учитывать природных дарований Лиса, в котором талант шоумена бодрствовал двадцать четыре часа в сутки и который превращал однообразно унылые дорожные будни в весьма живописное времяпрепровождение, даже не учитывая этого, тяжело не заметить кортеж, растянувшийся вместе с обозом едва ли не на полторы версты.

Несшиеся перед нами фельдъегеря, доставлявшие эстафетой государыне мое донесение об успешном окончании миссии, упреждали градоначальников, что с Пугачевым заключен мир и что идущее на них войско вовсе не собирается брать города на копье. В честь чего те выкатывали на площадь бочки с вином, вырезали стада баранов и потчевали вчерашних извергов и супостатов по-русски до отвала. Не встречая помех, Пугачев двигался к Москве, и над колонной его развевалось золотое ораниенбаумское знамя Петра III, уж неведомо как попавшее в руки самозванца. Два тарча, расположенных в груди российского орла, склонившего головы под непропорционально большой короной, несли гербы российский и голштинский, причем их грамотность не оставляла сомнений, что в руках у «императорского» знаменщика не дешевая подделка, а безусловный оригинал. Мы двигались по России, повсеместно встречаемые возбужденными толпами, демонстрировавшими свою любовь, хотя скорее не к Пугачеву, а к зрелищам вообще. И с каждым днем заветная Москва становилась все ближе и ближе.

Я проводил свои дни, чередуя занятия языком с Ислентьевым с фехтовальными упражнениями, обреченно отгонял стаи мух и слепней, сожалея, что Господь не сподобился снабдить человека хвостом для этих целей, и мрачно принимал приветы от Элен Фиц-Урс, привозимые изредка Лисом.

— Что такой грустный, господин офицер? — Широкобедрая цыганка в пестром одеянии, расцветкой напоминающем клумбы персидского сераля, остановилась рядом со мной во время одного из привалов. Посмотрев пристально жгучими черными глазами, она усмехнулась одними губами: — Отчего голову повесил?

— Устал, — кратко кинул я первое, что пришло на ум.

— Веру обмануть хочешь? — продолжала улыбаться цыганка. — Скажи я тебе сейчас слово сокровенное, еще сто верст без устали проскачешь.

Я со вздохом полез в карман за монетой, очевидно, отделаться от орловской солистки пустыми фразами было невозможно. Годы, проведенные близ сановных особ, приучили эту веселую братию рассматривать всякого дворянина, а уж тем паче офицера, как свою законную добычу.

— Возьми. — Целковый на моей ладони был достаточной платой за молчание бесцеремонной вымогательницы.

— Ха, нужен мне твой рубль! — Цыганка смела монету с руки. — Вот видишь, он есть. А вот, — она накрыла монету краешком своего платка, — и нет его. Забудь про деньги. Захочешь отдать, сам отдашь, я у тебя просить не буду. Слушай лучше, что скажу. — Она вцепилась в мою руку и начала водить по ней отточенным ногтем. — Дорога тебе лежит дальняя, да интерес казенный. Но это ты, чай, и без меня знаешь. А вот на сердце у тебя девица-красавица. Любит она тебя шибко, да на душе у нее еще один молодец. Оттого и у самой покоя нет, и тебе не будет. А хочешь, скажу, чем все разрешится?

— Нет, — отрезал я, мрачнея. — Оставь меня, ступай своей дорогой.

— Как знаешь, как знаешь, — змеисто улыбаясь, произнесла гадалка, не спуская с меня пристального взгляда. — Ты сам судьбе своей хозяин.

Я вновь сунул руку в карман, надеясь очередным безвозмездным воздаянием оградить себя от дальнейших откровений. Карман был пуст. Когда я лез за первым целковым, там, по минимуму, был еще десяток. Каким образом исчезли монеты, так и осталось для меня загадкой.

— Запомни, бриллиантовый мой, — разворачиваясь на ходу, кинула цыганка, — девица твоя от тебя никуда не уйдет, а вот ты от нее...

И снова были походные будни, снова слепни, фехтование и цыганские песни на привалах.

— *Здравствуй, дорогой племянничек.* — На канале закрытой связи послышался голос лорда Баренса. — *Как там у вас дела?*

— *Мы шествуем,* — отозвался я, ответив на приветствие.

В последние дни мой дядюшка не баловал меня своими беседами, лишь изредка возникая на канале закрытой связи, чтобы уточнить то численность яицкого казачьего войска, то качество конного состава, то наличие артиллерийского парка и множество тому подобных нюансов, которые могли пригодиться ему для пояснитель-

ной записки о боеспособности армии вероятного союзника, предназначенной для его величества короля Георга III.

Особенно он напирал на необходимость уточнения количества стычек с «дикарями» с подробным изложением численности сторон, хода боев и их результатов. Спору нет, лорд Баренс должен был выглядеть в глазах своего мнительного сюзерена виртуозным дипломатом, доставляющим исчерпывающую информацию, но я в результате его скрупулезности мог уже спокойно читать лекции по истории яицкого казачьего войска начиная от 9 июля 1591 года, когда впервые упоминались в летописях яицкие казаки в количестве пятисот сабель, и вверх: о схватках с ногайцами и каракалпаками на реке Утве, об усмирении башкирских бунтов, о похождениях яицких казаков на Кавказе и в сибирской линии. Думаю, Георг III, проводивший большую часть времени среди своих садов, молочных ферм и огородов, был бы весьма удивлен, узнав, что, кроме мифических диких, казаков в России имеются еще более дикие и уж совсем мифические народы, с которыми казаки сражаются. Впрочем, для него это все обозначалось ничего не значащим словом «орда», которая представлялась, вероятно, чем-то стихийным, вроде градобития или урагана.

Привыкнув за последнее время к интересу моего дядюшки к нюансам истории, нравов и быта вольного казачества, я уже приготовился услышать от него что-либо вроде: сколько мяса и хлеба в среднем съедает один пугачевец, причем желательно с раскладкой по должностям, но вместо этого на канале раздалось:

— Я в общем-то собираюсь с тобой попрощаться.

— Как это, — не понял я, *— попрощаться? А я? Вы что же, собираетесь оставить меня здесь?*

— Несомненно. А что тебя, собственно, смущает?

— Но ведь у меня было задание. Я обязан был охранять вас, а по окончании вашей миссии в Петербурге я полагал, что должен вернуться в Институт, — недоуменно проговорил я.

— Так оно и было в самом начале. Но ты же сам приложил усилия, чтобы все изменилось. Теперь у тебя собственное задание. И, надо сказать, ты хорошо с ним справляешься. А мои дела в России завершены, как королевские, так и институтские. Резидентура спасена: вчера один, скажем так, преданный друг за умеренное вознаграждение доставил мне копию списка господ офицеров и чиновников, состоящих в масонских ложах и подлежащих отправке вместе с Пугачевым в Америку, если дело, конечно, сладится; либо увольнению, штрафованию и ссылке в дальние пределы России для прохождения дальнейшей службы, если все пойдет не так, как предполагает Ека-

терина. Наших там, слава богу, нет. А клуб потихоньку становится на ноги, он уже получил название аглицкого, и патронирует его сам Потемкин. По делам моего посольства тоже все хорошо. Но тут мне как раз самое время уезжать.

— Почему? — не понял я.

— Посуди сам, я добился принципиального согласия Екатерины на посылку казаков, чего прежде никому не удавалось. Я добился посылки российской военной флотилии для охраны транспортного конвоя. Это немаловажный факт, учитывая, сколько людей, лошадей и пушек, я уже не говорю о фураже, провианте, боеприпасах и всем остальном, надлежит перевезти. Подобная экспедиция по своим масштабам вещь неслыханная, а потому возможность, хотя бы частично, разгрузить Гренд Флит — немалая удача.

Остались детали. Правда, в них и кроется вся каверза, задуманная Екатериной. Но подписывать договор с императрицей будет посол. Я же тем временем повезу победные реляции в Лондон. Ну а когда все вскроется, у меня будет готовый виновник провала. Это по его недосмотру государю Георгу поставили некондиционных казаков. Что я мог сделать, находясь в это время в Лондоне?

— А если он вдруг досмотрит?

— Ну что ты, — ласково обнадежил меня мой наставник в вопросах дипломатии и придворной интриги. *— Это настолько маловероятно, что почти невозможно. Посол Англии слишком высокого мнения о своем статусе в России, чтобы проверять анкетные данные каких-то там казаков. Тем более что под победной реляцией стоит и его подпись. Стало быть, он не пожелает останавливаться на полпути, доказывая тем самым, что все время до этого попросту бездельничал, забыв о возложенных на него обязанностях. Господину послу остается только надеяться, что где-нибудь посреди Атлантики Пугачева одолеет британский патриотизм, или же весь флот уничтожит внезапный ураган, или же казаки, прибыв в другое полушарие, чудом переменятся и станут агнцами в душе и львами на поле боя. Какой из вариантов тебе кажется наиболее вероятным?*

— Увольнение посла без выходного пособия.

— Увы, мне тоже. Но, с одной стороны, может, все еще будет не так фатально, а с другой, — как говорят французы, такова жизнь.

Я вздохнул. Мне было искренне жаль посла. Он был весьма обаятельным вельможей, не слишком подходящим для дипломатических баталий, однако вполне достойно представляющим своего монарха при дворе императрицы Екатерины II. Оставалось надеяться на наличие у бедолаги богатого родового поместья, где бы в тиши аллей «дикого» английского парка он мог, вздыхая, вспоминать, как

коварно провел его лорд Джордж Митчел Уэлли барон Баренс. Полагаю, к тому времени он уже поймет, что дядя Джордж его попросту подставил.

И все же мне было грустно. С одной стороны, я уже потихоньку начал осваиваться на новой работе. Думаю, теперь, прежде чем освободить несчастную девушку, сопровождаемую драгунами, я бы непременно проверил документы, причем не только у нее, у драгун, у кучера, но даже у лошадей. Но я чувствовал, что мне будет не хватать энциклопедических познаний дядюшки во всем, что касалось хитросплетений высокой политики, интриг и прочих аксессуаров подковерной борьбы. Словно почувствовав мое настроение, лорд Джордж произнес:

— Не грусти. Если хочешь, я расскажу тебе одну маленькую восточную притчу. Где-то далеко в пустыне был крошечный оазис: колодец, немного кустарников и огромная пальма, буквально закрывавшая весь оазис своими листьями. Рядом с этой пальмой рос маленький побег нового дерева. Каждое утро он смотрел на пальму и понимал, что это самое большое, самое прекрасное, что суждено увидеть ему в жизни. День за днем продолжалось так, пока однажды к оазису не подошел караван, идущий неведомо откуда и неведомо куда. Вообще караваны редко посещали этот оазис. Он был настолько мал, что не мог предоставить ни воды, ни крова десяткам верблюдов и людям, их сопровождающим. Но этот караван пришел. Быть может, он сбился с пути в песчаную бурю, а может быть, так был проложен его путь, но люди и животные на ночь расположились здесь, чтобы отдохнуть и запастись водой. Ночи в пустыне холодные, людям нужно было согреться и отведать горячей пищи, которой они не ели уже много дней, а потому они срубили красавицу пальму и сожгли ее в кострах. Утром караван ушел, и маленькая пальма едва не почернела от горя, увидав, что сталось с ее великолепной соседкой. Она бы наверняка заплакала, если бы умела плакать. Но пальмы не плачут, хотя и страдают не меньше людей. Маленькая пальма понимала, что теперь неумолимый зной высушит колодец, убьет кустарники, да и самой ей, лишенной влаги, не долго осталось. И она сказала, ведь известно, что и звери, и растения общаются между собой, она сказала: «Не бойтесь, я смогу защитить вас». И потянулась вверх, навстречу солнцу, стараясь как можно шире раскинуть свои листья. Так она и стояла, закрывая своей тенью и колодец, и кустарники вокруг. А путники, изредка проходившие мимо, восклицали: «О аллах! Как быстро выросла эта пальма. Видать, соседка не давала ей расти». А через некоторое время караван возвращался обратно. И когда караван-баши узрел, что оазис прикрывает пальма еще выше, еще краше прежней, он ахнул: «Это чудо!» И только пальма не могла понять, о каком чуде идет речь.

Как может она, такая чахлая и невзрачная, сравниться с той красавицей, что когда-то погибла в кострах. Потому что в памяти она все равно оставалась больше и прекрасней ее, хотя все видевшие в один голос утверждали, что в мире больше нет такой высокой, стройной и прекрасной пальмы...

— И что же, караван-баши не срубил ее на дрова для уставшего каравана? — усмехнулся я.

— Об этом притча умалчивает, но резон в твоем вопросе есть. Не стоит быть одиноко стоящим поленом, когда кому-то из сильных мира сего необходимо срочно развести костер. Но притча все же о другом. А потому, дорогой племянничек, расти и помни обо мне. Не думаю, чтобы мы расставались надолго. Быть может, тебе еще суждено поработать под моим началом, но сейчас сосредоточься на выполнении своей миссии. Колесо запущено, императрица, в предчувствии грязного пасквиля, который через несколько лет, очевидно, напишет ее бывший паж господин Радищев, совершает инспекционную поездку из Петербурга в Москву. Все идет именно так, как должно идти. Будь готов действовать активно.

Ну и мой тебе, так сказать, прощальный совет: всегда будь в гуще событий, влезай в проблемы с головой, даже если для этого кое-какие из них тебе придется организовывать самому. Умение добывать и манипулировать информацией в сочетании с умением уходить из-под удара — первейшие добродетели нашей профессии. А пока же прости, если что не так. Возникнут трудности — связывайся. Ну и конечно, удачи тебе, дорогой племянник.

Связь отключилась. Ехавший рядом штаб-ротмистр Ислентьев пытался растолковать мне, что «делай дело» и «делать дело» это не одно и то же и что глаголы след изменять по определенным правилам. Я согласно кивал, делая вид, будто слушаю его объяснения.

— Капитан, ты там не заснул? — услышал я в голове голос Лиса.

— Да нет, а что?

— Посмотри на обочину дороги.

Я поглядел туда, куда сказал мой напарник. Резная стрелка, красовавшаяся на воткнутом в землю шесте, неумолимо свидетельствовала: «До Москвы 50 верст». Стало быть, согласно высочайшему предписанию, нам надлежало размещаться лагерем в ближайшем селении и ждать фельдъегеря, который и должен был сообщить, где и когда состоится встреча «высоких сторон».

Вот уже четвертый час Емельян Пугачев ходил из угла в угол барской хоромины, в которой разместился его штаб, нервно постукивая витой нагайкой по голенищу сапога. Фельдъегеря не было.

Посланные вперед лазутчики обнаружили в нескольких верстах полки императрицы, но видно было, что и они не собираются пока что двигаться с места. Во всяком случае, в ближайшее время. Над кострами кипели котлы с солдатской кашей, расседланные кони как ни в чем не бывало паслись на лесных лужайках. Словом, ничего не говорило о какой-либо боевой активности.

Хозяин имения, после долгих моих уверений наконец сообразивший, что его не будут вешать над воротами усадьбы, был в меру радушен, однако тщательно фиксировал в особой книжечке каждую съеденную пугачевцами курицу, каждый литр пива, каждую кадку квашеной капусты, надеясь впоследствии получить из казны компенсацию по такому тарифу, будто все зарезанные куры залпом несли ему золотые яйца. Солнце уже клонилось к закату, а фельдъегеря все не было. Время от времени Пугачев бросал на меня гневные взгляды, словно подозревая в сокрытии посланца императрицы от его грозных глаз. Долгожданные всадники появились много позже, когда люди, привыкшие сверять свои часы с восходом и закатом, уже дремали, примостившись кто где в самых диковинных позах. Ночь — лучшее время для светских увеселений. Переговоры, по всей видимости, числились в их ряду где-то между плац-парадом и карнавалом. Наш путь лежал в Царицыно, московскую резиденцию государыни.

— А хитра Катька, — хмыкнул Лис, когда мы выезжали со двора. Сопровождавший Пугачева, так сказать, от лица союзников ротмистр Михал Доманский покосился на пугачевского советника, стараясь понять, в чем тот увидел хитрость императрицы. — Ведь нарочно государя здесь томиться заставила, чтобы тот хладность рассудка потерял, сомнениями истерзался да чтоб его с устатку в сон клонило. Видать, не шуточный разговор пойдет, коль на такие уловки пускается.

— Закревский, — гневно прикрикнул на Лиса Пугачев, — государыню тебе повелеваю именовать не охальным прозвищем, но именем почтительным — Екатерина Алексеевна.

— *Слушаюсь, государь!* — выпалил Лис, и у меня в мозгу прорезалось: — Запомните, к его святейшеству обращаться не «батя», не «отец» и даже не «пахан», а только «папа».

— *Ржевскому расскажешь,* — огрызнулся я, удивляясь, как умудряется Лис веселиться в такие моменты.

— *Обязательно,* — парировал Лис. — *Если, конечно, по окончании переговоров нас не пригласят на экскурсию к лобному месту.*

— *Полагаю, не пригласят,* — вздохнул я. — *Но кто знает, как оно пойдет.*

* * *

В Царицынском дворце нас уже ждали. Многочисленная стража безмолвно пропустила конвой во двор, накрепко закрыв ворота, как только последний всадник нашего отряда въехал на территорию дворца. Не знаю, собиралась ли Екатерина напугать Пугачева количеством приведенных с собой войск и слаженностью их движения, или же она всерьез готовилась к возможному штурму, но у меня создалось такое впечатление, что во дворце было расквартировано не менее гвардейской бригады. Прибавить сюда тех, кто ожидал приказов в окрестных лесах, что и говорить, неплохая подготовка к дипломатической встрече на высшем уровне.

У входа в залу дорогу нам преградил преображенский караул во главе с самим Потемкиным, сменившим мундир преображенского подполковника на роскошный, шитый золотом генерал-аншефский.

— Господа, прошу вас сдать оружие.

Пугачев и Доманский гневно схватились за сабли, Лис вопросительно поглядел на меня.

— Мы пришли сюда говорить, а не сражаться. — Потемкин сделал останавливающий жест солдатам, начавшим было склонять свои ружья с примкнутыми штыками. — Отставить! — Он вытащил свою шпагу вместе с ножнами и передал ее ближайшему преображенцу. — Надеюсь, все здесь смогут разговаривать, не прибегая к саблям и пистолетам? — Он толкнул дверь в залу, словно приглашая входить.

Пугачев с соратниками нехотя начали расставаться с оружием, что-то недовольно бурча себе под нос.

— Господин премьер-майор, вы назначены в наряд при императрице. Прошу вас также следовать в залу. Отдайте свою шпагу преображенцам.

Я исполнил приказ и, вновь напуская на себя отсутствующий вид Железного Дровосека, прошествовал на отведенное мне место по праву руку за креслом государыни. Мне оставалось только желчно завидовать всем остальным, собравшимся в этой зале. Для них возле широкого письменного стола, по разные стороны оного, были выставлены удобные мягкие кресла. Мне же надлежало простоять на своих двоих всю беседу, хлопая глазами, как механическая кукла.

По ту сторону дверей щелкнули слитно поднимаемые «на караул» ружья, и вошедший церемониймейстер заученно провозгласил малый титул императрицы, намекая тем самым на неофициальный статус переговоров. Впрочем, кроме меня и Потемкина, этот намек, думаю, не понял никто. Государыня в бриллиантовой короне, в робе

и юбке, усыпанных драгоценными камнями, сверкала и переливалась, словно елка в нью-йоркском Рокфеллер-Центре. Я увидел, как восхищенно расширились глаза Михаила Доманского, как напряженно сжались в щелочку грозные очи Пугачева и как прищурился Лис, прикидывая, как бы половчее срезать один-другой камешек с платья императрицы. Следовавший за Екатериной Безбородко занял свое место за столом слева от государыни. Я поспешил отодвинуть ее высокое кресло, помогая сесть. Опустились на свои места вставшие при появлении императрицы всея Руси Пугачев с советниками, и переговоры начались.

— Доброй ночи, господа. Приступим сразу к делу.

— И тебе доброй ночи, Катерина Алексеевна. Зачем позвала?

— Господин атаман, не хочу попусту тратить ни мое, ни ваше время, а потому буду говорить кратко. Не знаю, насколько полно вы представляете себе то положение, в котором находились, сидя в волжских степях, однако же можете мне поверить, оно безрадостно.

— Так ведь и ты, государыня, досель там не слишком радовалась, — скривив небрежную ухмылку, произнес Пугачев.

— Господин атаман, не перебивайте меня, — отрезала Екатерина. — Оно безрадостно. И с тех пор как вы выехали к Москве, стало еще хуже. У меня нет времени втолковывать вам все тонкости той военной ошибки, которую вы допустили. Если желаете, по окончании беседы граф Потемкин растолкует вам, что к чему. Но я хочу говорить о другом. Упорство, с которым вы сопротивляетесь царским войскам, конечно, не вызвало у меня к вам особой любви, но снискало уважение. А потому я хочу сделать предложение, которое послужит прекрасной возможностью вам сохранить свою голову и головы большей части вашего войска, мне — прекратить бессмысленное кровопролитие в пределах моей империи. На помощь извне рассчитывать вам более не приходится. Сидящий рядом с вами господин Доманский может это подтвердить. Так что тщательно подумайте, если вдруг решите дать отрицательный ответ.

— Покудова, Екатерина Алексеевна, я еще никакого предложения не слышал. К чему об ответах-то судачить?

— Хорошо, — кивнула Екатерина. — У моего кузена короля Англии возникли большие неприятности в заморских колониях. Он просил меня о помощи, понимая, что своими войсками мало чего сможет достичь. Король умоляет прислать ему казаков, зная, что лучше воинов ему не сыскать. Вы же, Емельян Иванович, на деле доказали свою воинскую доблесть и отвагу. Ваше имя поднимает в бой тысячи людей, потому я не вижу среди казаков никого, кто бы справился с этим делом лучше вас.

— Быть может, и так, государыня-матушка. — Взгляд Пугачева блуждал по свечам на установленных у дверей канделябрах. — Да только к чему нам за море идти? Нам и за Волгой благодать.

— Я вам уже сказала, ваша благодать за Волгой закончится, как только вы отступите на татарский берег реки. Я давала вам гарантию, что вы беспрепятственно доедете до Москвы и вернетесь обратно к Волге. Что же будет дальше — одному богу ведомо.

Пугачев ухмыльнулся.

— Ну что ж, смерти я не ищу, но и страшиться ее казакам не пристало. А уж коли сложу голову в степных ковылях, то, чаю, граф Алексей Григорьевич Орлов с супругой своей за мою смерть достойно вашему величеству отплатят.

К сожалению, я не мог в эту минуту видеть лица Екатерины, Потемкина и Безбородко, а Лис не догадался включить связь на изображение. Однако представляю, что сейчас делалось в душах этой троицы.

— Без вас, — безразлично произнесла Екатерина. — Вы спрашивали, что вам за дело до плавания за море? Отвечу. Все, кто пойдет туда вместе с вами, получают полную амнистию, оформленную соответствующим законодательным актом. Все, кто пойдет туда вместе с вами, получают жалованье, как кадровые солдаты и офицеры английской армии, а это немало. Вы же, являясь, так сказать, войсковым атаманом, будете получать деньги по чину полного кавалерийского генерала. Это целое состояние. Кроме того, мы позабудем вашу гнусную попытку выдать себя за моего покойного мужа и в документах вы будете значиться под именем князя Заволжского. Мы обеспечим вам вооружение, провиант, снаряжение для армии, опытных офицеров и полное право казнить и миловать в вашем корпусе. Скажу вам также, что земли, о которых идет речь, обширны и мало обжиты. У вас есть полная возможность осуществить свои мечтания и построить жизнь всех тех, кто пойдет за вами, так, как вы почитаете должным. Вот вам мои предложения. В противном случае вас ожидает разгром, смерть и забвение. Обдумайте услышанное. Завтра ввечеру пришлете свой ответ с уже знакомым вам моим флигель-адъютантом. Засим, господа, я считаю беседу оконченной. На дальнейшие вопросы вам ответит генерал-аншеф граф Потемкин. Прощайте. — Она встала и удалилась в сопровождении своего секретаря так же гордо и величественно, как и появилась. В самых дверях императрица остановилась и бросила через плечо: — Господин премьер-майор, следуйте за мной.

Продолжая исполнять роль самодвижущегося истукана, я промаршировал вслед за государыней, стараясь не слушать мерзкое хихиканье Лиса на канале закрытой связи.

— Выше ногу! — измывался мой напарник. *— Носочек, носочек тяни! Нет в тебе надлежащей четкости. Не стоять тебе в почетном карауле у тела вождя. Совсем на пугачевских вольных хлебах выправку потерял.*

— Лис, прекрати зубоскалить. Лучше помоги своему вождю трудового народа принять мудрое решение. Потому, как мне кажется, что Екатерина Пугачеву правду говорит.

— Да это не извольте сомневаться! Ты мне лучше вот что скажи: если Потемкину намекнуть, чтоб он нам взятку дал, он поведется? Или как? Ну, ты ему при случае намекни, что если мы с генерал-аншефом найдем общий язык, то по-быстрому Емельян Иваныча спровадим в Русь Заморскую родну землицу отвоевывать. А нет, так можем и здесь выездное заседание Золотой Орды организовать. Москва рядом, настоящий буйный налицо, а уж кого пограбить, всегда найдется...

— Постой, Лис, как ты назвал?

— *Кого?* — не понял мой напарник.

— *Америку как ты назвал?*

— *Русь Заморская. А что?*

— Да нет, ничего. Славное название.

— Ты думаешь? Ну что ж, тогда в этом ключе и будем окучивать батюшку. А с Потемкиным ты все же перетри вопрос об умеренном вознаграждении лояльным советникам. А то знаю я это государственное обеспечение: если с каждого отпущенного рубля на нас пятак истратят, и то слава богу. Деньги же на путевые издержки, полагаю, нам еще понадобятся. Не все ж институтскую бухгалтерию трусить.

— Господин премьер-майор. — Екатерина, покинувшая залу переговоров, резко изменилась в лице, словно сбросила маску, и вся мраморная хладность ее исчезла вмиг. — Я желаю задать вам несколько вопросов.

Дойдя до рабочего кабинета, ее величество, похоже, уже была готова взорваться от ярости. Она так резко сорвала с головы корону, что казалось, собиралась запустить ею в оробевшего Безбородко. — Скажите, господин премьер-майор, правда ли, что братья Орловы добрались до Пугачева?

— Так точно, ваше величество! — выпалил я. — Все пятеро с изрядным отрядом и при пушках.

— Так, понятно, — мрачнея еще более, проговорила императрица. — А была ли среди них женщина, которую Алексей Орлов именовал своей женой?

— Никак нет, ваше величество! — гаркнул я.

— Что? — переспросила Екатерина, боясь ослышаться.

— Никак нет! Женщина, кою Алексей Орлов именовал своей супругой, прибыла полуднем раньше с отрядом польских улан, во главе которого стоял ротмистр Михал Доманский, сопровождавший нынче Пугачева на переговорах.

— Ляхи, — чуть ли не прошипела императрица. — Ну, они у меня попляшут! Ступай-ка пока, майор, за дверь да жди моих приказаний.

Я четко развернулся на каблуках и промаршировал в приемную. Преображенцы, несшие стражу императорских покоев, покосились на меня недоверчиво, но перечить дежурному флигель-адъютанту, застывшему у чуть приоткрытой двери в ожидании вызова, не стали. Раз стоит, значит, нужно. Я застыл в позе ожидания, подмеченной некогда у Колонтарева, и включил трансляцию.

— *Иди сюда, хохол!* — послышалось из кабинета. — *Ты что это, сучий сын, в портьеру спрятался?!*

— *И никуда я не спрятался, ваше величество. Просто к окну отошел подышать. Душно у вас тут.*

— *Я тебе устрою — душно! Ты у меня через раз дышать будешь! Кто докладывал, что самозванку изловили?*

— *Так то, матушка-государыня, того... Шувалов в тайной канцелярии, видать, не ту словил.*

— *Это как так «не ту словил»? Коли она одна-то всего и была?*

— *Не могу знать, ваше величество.*

— *А обязан. На то ты у меня здесь и посажен. Видать, тебя в другое место посадить надо.*

— *Не губи, государыня-матушка! Нет в том моей вины. Шувалов на обман решился.*

— *Без тебя знаю, что Шувалов. Посылай фельдъегеря в столицу, пусть встречает, каналья. Заместо кота теперь будет.*

— *Ну а с изменниками-то что делать?* — чувствуя, что гроза пронеслась мимо, уже по-деловому начал Безбородко.

— *Что делать?* — Екатерина на минуту задумалась. Судя по голосу, к ней уже вернулось самообладание, а стало быть, и привычное ей холодное коварство. — *Графа Алексея Григорьевича Бобринского ко мне пришли. К отцу поедет, переговоры вести.*

— *Так ведь молод еще для переговоров-то.*

— *Коли уже офицер, так и не молод. Ум у него мой, а лицом и статью в отца пошел. Никто лучше него с Орловыми не договорится. Коли жизнь хотят сохранить, пусть с Пугачевым за море плывут, не желаю их на своих землях терпеть. И чтобы имени Орловых впредь более не слышно было. Узнай в герольдии, есть ли какой знатный род из пресекшихся, к которому их приписать можно. Пусть их именем отныне именуются. Буде же не согласятся, пусть расскажет, что ни сил, ни часу не пожалею, лишь бы покарать нового Ма-*

зепу. А коли поймаю, с иудиной медалью на шее в Маркизовой луже велю потопить. Да, и вот еще что... Это мимо Бобринского. Поразмысли, как сделать так, чтобы изменщики Орловы с Пугачевым из России ушли да до берегов колоний аглицких не добрались.

— Слушаюсь, ваше величество. Ну а коли, поразмыслив, не пожелает ваш новоиспеченный князь за море идти?

— А ты, хохол, должен сделать так, чтобы он пожелал.

«Ну что ж, — усмехнулся я. — Похоже, лисовский вопрос о компенсации «путевых издержек» можно считать решенным».

Глава 22

При плохой игре необходимо иметь хорошую мину. А лучше не одну.

Книга юных полевых командиров

Возвращение «царя-батюшки» живым с семейной встречи пугачевцы уже считали немалой дипломатической победой. Поднявшись с петухами, они радостно приветствовали появление своего предводителя, демонстрируя любовь и преданность беспорядочной пальбой и размахиванием саблями. Лис, подобно CNN, транслировал возвращение «государя», довольно едко комментируя увиденное:

— Вглядись в эти лица, капитан. Вот они, завтрашние конкистадоры и кондотьеры, покорители Скалистых гор и потоптатели бескрайних прерий, участники первого трансатлантического похода за зипунами. Отныне персы с турками могут спать спокойно. Я шо тот Пострадамус, буквально зрю в будущее насквозь. Я вижу басурманов, которые отбирают у моли свои вонючие халаты и от досады сжевывают их сами. Ты только представь себе наших молодцев в джинсах с лампасами и сомбреро с развевающимися шлыками! Эх, дожить бы до времени, когда столицу всевеликого Миссисипского казачьего войска назовут Лисовом, или лучше Закревским, или Лисово-Закревским. Капитан, ну шо ты молчишь, придумай, как назвать столицу Миссисипского казачьего войска.

— Санкт-Петербургом.

— Почему? — обескураженно поинтересовался мой друг.

— Потому, что там суждено родиться будущему герою американского эпоса Тому Сойеру.

— Да, — огорчился Лис, *— нельзя оставлять угнетенный американский народ без национального героя. Нехай себе рождается. Сосредоточимся на Потомаке.*

Сбор казачьей старшины всегда дело неспешное. Пока выборные «енералы» и «полковники» доели свои щи с пампушками, пока вкусили казенного зелья для мысленного разогреву, пока добрели до барской усадьбы и расселись кругом, кто на что успел, прошло не менее часа.

— Ша! — рявкнул Лис, перекрывая голоса собравшихся «полевых командиров». *— Ша, громада! Шо вы бубните, как бабки на привозе. Ща царь речь толкать будет!*

По этой команде гомон стал в два раза громче. То ли старшина оскорбилась словечком «бубните», то ли обрадовалась, что батька атаман по возвращении от императрицы все еще сохранил способность разговаривать. Пугачев картинно вошел в «зал заседаний», стараясь манерой и движением походить на виденную ночью императрицу. Он занял свое место, обвел взглядом собравшихся и, помолчав для солидности что-то около минуты, начал:

— Добрый день, господа енералы. Не хочу тратить ни своего, ни вашего времени, а потому сразу к делу. А оно у нас жуть како серьезное.

— Говори, государь! Давай, батька! — понеслось по «залу».

— Тихо, в бога, в душу! — прикрикнул Пугачев. *— Ща буду речь держать.* — Собравшиеся притихли, любуясь царственными манерами своего монарха. *— Значить, стренулись мы с Катькой. Она, как есть, в ноги мне повалилась, умоляла все обиды, кои она чинила, за-ради Господа простить. И впредь богом клялась не творить зла и неправедности на Руси. Я от всех от вас по доброте душевной отпустил ей обиду злую. Женка все-таки.* — Зал завороженно молчал, внимая пугачевским бредням. *— Вон Закревский сбрехать не даст,* — кивнул головой «император».

— Не дам, батька, не дам, — радостно согласился Лис. *— Коли ты соврешь, я зараз покраснею.*

Пугачев подозрительно поглядел на своего советника. До красноты ему было еще далеко, примерно эдак жбан горилки.

— Так вот, — продолжал докладчик. *— Повинилась мне Катерина во многих грехах своих, кои я здесь сказывать не буду. Почто из избы сор выносить? А токмо один из них всех горше, и вина за то на Катьке немалая. Прогуляла она, пробоярила исконные наши заморские вотчины и дедины. Закревский, как то бишь они именуются?*

— Русь Заморская, государь-надежа.

— Точно.

— Ой, чулы б вы, браточки, як там ныне кляти ворогы именують наш родимый остров Буян. Ньюфаундленд, — произнес Лис с мерз-

кой гримасой, будто сплевывая ненароком попавшего в рот таракана. — *Повбывав бы!*

— *Слыхали, шо енерал бает! Поругание и запустение в исконных наших землях.* — В уголках глаз Пугачева блеснули слезы, скупые, как профсоюз ростовщиков. — *Катька сама хотела было туда сунуться, да кишка у нее тонка. Братана своего позвала, короля аглицкого, — тоже жидковат. Нет в них могутной русской силушки,* — поднимая голос до очень «фортэ», гремел Пугачев. — *Нет в них хороброго духа русского, войска настоящего. А кто лучшее в мире войско?*

— *Мы!* — рявкнула завороженная старшина.

— *Кого пуля страшится, перед кем сабля трусится?*

— *Пред нами!* — горланили казаки.

— *Кто един, как пальцы в сжатом кулаке?* — Пугачев поднял сжатый кулак вверх, не то угрожая небесам, не то подсказывая старшине искомую разгадку.

— *Мы!* — в экстазе ревели его сподвижники.

— *Пока мы едины, мы — непобедимы!* — казалось, уже сам заведенный своим шаманством, выпевал Пугачев. — *Освободим от лютого ворога отчины и дедины! Омоем ворожьей кровушкой сабли наши острые!*

— *Любо!* — орали атаманы. — *Любо, государь! Любо!*

— *Ну что, Вальдар, можешь приезжать за ответом. Да не забудь там напеть кому надо про особые заслуги.*

— *А у кого какие вопросы есть, опосля на них ответит мой енерал-аншеф Закревский.* — Пугачев развернулся и, не прощаясь, вышел из зала.

— *Ну что,* — резюмировал увиденное Лис, — *как говаривал дедушка Ленин: «Мысль, овладевшая массами с особым цинизмом в извращенной форме, должно быть, очень дельная мысль».*

Потянулись серые будни, день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем. Каждодневная суета подготовки к отправке за море экспедиционного корпуса князя Заволжского. Под этим именем Пугачев значился во всех официальных документах, хотя в герольдии, похоже, не спешили записывать сей гордый титул в число других княжеских родов. Впрочем, насколько мне было известно, подобная вольность в обращении с титулами в почти родном мне XVIII веке была в порядке вещей. Тот же Калиостро менял себе титулы, словно парики. Да и что Калиостро, будущий наследник российского престола цесаревич Павел, совершавший не так давно свадебное путешествие по Европе, скрывал свое имя за многозначительным титулом графа Северного.

Дело шло своим чередом. Контуры предстоящей авантюры становились все более реальны. Оставленный Екатериной надзирать за подготовкой экспедиции, я сбивался с ног в разъездах по России, стараясь выбить хорошее оружие в Туле, добротные холсты в Иваново, верховых коней в Малороссии и многое, многое другое, без чего нашествие на североамериканские колонии столкнулось бы с массой неразрешимых проблем.

К моей радости, наша команда, как говорится, играла в полном составе. Как видно, сочтя устоявшийся коллектив вполне работоспособным, Екатерина оставила мне Ислентьева с Ржевским. И если первый изображал по городам и весям грозное и недреманное око тайной канцелярии, второй оказался практически незаменим в решении неразрешимых задач. Главное было поставить перед ним задачу и не говорить, что она неразрешима. Успех был гарантирован.

Частенько заезжал носившийся по тем же нуждам, но уже от лица князя Заволжского Лис, иной раз весьма помогая справляться с щекотливыми ситуациями, то и дело возникавшими при общении с почтенным российским купечеством.

— Вальдар, — ворвавшийся в мою комнату аншеф Закревский едва не сбил с ног Редферна, несшего поднос с чаем, — ты сегодня на склад заходил?

— Нет, — покачал головой я. — Еще не успел. С утра были торговцы с зерном. Пытались меня убедить, что для лошадей подмокший овес даже полезнее, чем обычный.

— Ну и как успехи?

— Я велел Ржевскому попробовать накормить этим овсом лошадей из экипажей этих купцов. А поскольку животные такую, с позволения сказать, овсянку есть отказались, я их счел больными и до полного излечения оставил при особой экспедиции.

— А экипажи? — На лицо Лиса наползла злорадная улыбка.

— Лис, ты что, нас за разбойников держишь? Экипажи были абсолютно здоровы, как и конская сбруя. Мы их купцам честно вернули. Ржевский купцов в сбрую запряг и кнутом к городским воротам прогнал. Я к ним обещал после обеда зайти, остальных коней проверить, не заболели ли? Если, конечно, нормальный овес не отыщется.

— Ну а купцы что?

— Ну, известно что, в тайную канцелярию доносы пишут. Ислентьев этими доносами, почитай, всю зиму печь вместо дров топил.

— Что ж, неплохо. Ну, я к тебе вот с какой бедой. Прибыла сегодня на склад партия мундирной ткани солдатской кондиции по пятаку аршин. Что тебе сказать! Я не могу себе представить, на какую диету надо посадить моль, чтобы она отважилась жрать эдакое дерьмо. Само в руках расползается. Уж и не знаю, где второй гиль-

дии купец Прокопий Захарович Череповатов этакое сокровище откопал.

— Господи, — вздохнул я, принимая из рук Редферна чашку с ароматным, свежезаваренным чаем. — Ну когда же здешние купцы поймут, что торговать честно значительно выгодней?

— Вальдар, ты совсем какой-то англичанин. А как же священный принцип: «Не нажухал — день пропал»? Ты пораскинь мозгами: вот пришли сегодня купцы втуливать тебе с говна пенку. Почему они это сделали? Потому что ты: а) иностранец, б) военный и в) состоишь на государевой службе, следовательно, личного интересу в деле не имеешь. Человек втройне темный и в торговле фишку не рубящий. Ну, прогнал ты их кнутом по городу, ну, экспроприировал лошадей. Дело, конечно, святое. Но шо мы имеем на выходе? Купцы убедились, что ты неотесанный дикарь и вести торги по понятиям не умеешь. Нормальный овес у них, может, и сыщется, хотя не факт, но где-нибудь как-нибудь они тебя все равно кинут. Теперь им известно, что голая проходка здесь не катит, тут надо придумывать кидалово похитрее.

— И что же ты предлагаешь?

— Элементарно, Ватсон! Надо развести купцов на бабки. Если ты их выставишь из монет, они поймут, что имеют дело с серьезным уважаемым человеком с понятиями. А то гусары, тайная канцелярия! Ты бы еще пушки сюда привез!

— Хм... И как ты себе это представляешь? — Я недоверчиво покосился на напарника, понимая, что лично мне подобные игры с купцами не сулят ничего хорошего.

— Как себе представляю? Буквально воочию. Если вы мне немного поможете, то нынче же вечером я обещаю торжественное разведение лоха ушастого плюс отменный ужин за счет потерпевшей стороны.

— Что ж, я весь в твоем распоряжении.

— Вот и славно. А теперь, как говаривал классик российской словесности Достоевский устами Родиона Раскольникова: «Самое время нарубить бабок».

Побледневший слуга в ситцевых шароварах, онучах и фисташковой лакейской ливрее, обшитой потрепанным желтым галуном, доложил, едва не глотая слова от благоговения:

— *Генерал-аншеф, светлейший князь и многих орденов кавалер Закревский.* — Произнеся это, и.о. лакея отодвинулся от двери и сложился под прямым углом, словно подставляя свою спину под шляпу и перчатки входящего генерала.

— *Да полноте.* — Лис, картинно опираясь на трость и придерживая изрядной длины шпагу, вошел в купеческий особняк, более

всего напоминавший большую двухэтажную избу с аттическим портиком о шести колоннах и резным крыльцом за этими колоннами. — *Я сегодня попросту, без чинов.* — С этими словами мой напарник протянул оробевшему слуге свою треуголку и шикнул: — *Пшел вон.*

Пятясь задом, тот поспешил ретироваться, чтобы не сердить вельможного генерала. Расшитый золотом мундир Лиса был щедро осыпан орденами разных стран и народов. По всей видимости, мой друг не преминул повесить на себя все, что оставалось в заветном пугачевском сундучке.

— *Ты ли купец Прокопий Захариев Череповатов?*

— *Я, ваша светлость,* — поклонился дородный хозяин, пытаясь половчее напялить пудреный парик на свою голую шишкастую лысину.

— *Вот и славно. Что ж, принимай гостя, купец. Дело у меня к тебе есть.*

— *Эй, Прошка!* — крикнул купец, не сводя завороженного взгляда с переливающихся всеми цветами радуги звезд и крестов на генеральской груди. — *Вели самовар ставить. Да хозяйке скажи, чтоб собрала нам с высоким гостем закусить. Да пошевеливайся!*

— *Это верно,* — милостиво склонил голову Лис. — *Закусить с дороги первейшее дело.* — Он уселся в высокое резное кресло, из которого только перед этим встал хозяин, и указал ему на табурет против себя: — *Садись, мон шер.* — Купец, все еще не пришедший в себя от появления в своем доме столь знатного господина, неуверенно присел на краешек, словно ожидая услышать команду «смирно». — *Знаешь ли ты, кто я?*

— *Прощения просим у вашей светлости, не оповещен. Никак губернатор наш?*

— *Тьма ты деревенская! Губернатор... Бери выше! Я самого государя нашего начальник штабу и ближайший советник.*

Мир, внезапно заключенный между Екатериной и Пугачевым, внес в народные умы полную сумятицу. Никто уже не мог сказать наверняка, является ли вчерашний разбойник Емелька Пугач буйным казачьим атаманом, светлейшим князем Заволжским или же таки чудом спасшимся государем Петром III. Но споры спорами, а в России издавна принимали по одежке. Одежка же у моего напарника, невзирая на маскарадность, имела вполне царственный вид.

— *Так... а... Рад служить... Чем обязаны столь именитому гостю? Чего изволите-с?*

— *Слышал я, что у тебя, брат, сукна первостатейного взять можно. Чтоб в заморском походе господам генералам не срамно было перед ворогом показаться.*

— Ваша правда, ваше превосходительство. Хоть всю Москву обойдите, хоть до Питера доедьте, а лучше, чем у меня, все равно сукна не сыщете.

— Ну, этих песен, брат, я знаешь сколько слыхал! Оно ложь не вошь, за волос не цепляется. Ты мне сперва товар покажи, а уж потом нахваливай. Да токмо помни, не ты один на Руси купец, не у тебя, так у другого сукно куплю. Батюшка-государь повелел, чтоб сукно качества было на-и-луч-шего, — Лис поднял указующий перст к потолку, *— а потому желает он среди купцов по чести конкурс провести, чей товар краше да дешевле.*

— Так не извольте сумлеваться, — засуетился купец, предвкушая возможные барыши. *— У меня товар наипервейший люкс.*

— Ты давай товар лицом кажи, а не словами вешай. Государь наш батюшка не скуп, но к качеству зело придирчив. Платит царь добре: хошь серебром, — Лис извлек из кармана пригоршню целковых, *— хошь ассигнациями,* — жестом фокусника он явил из другого кармана пачку аляповатых купюр, *— а хошь государевым векселем.*

— Серебром бы, серебром бы, батюшка.

— Да что ты мелешь, купец? Нешто я у тебя уже товар беру, что ты мне о деньгах толкуешь? Я с тобой во-още говорю.

— Прошка! — чуть не надрываясь, проорал оживившийся при виде денег купец. *— Где там тебя, шельмеца, носит?*

Давешний лакей, но уже без ливреи, в кумачовой простой рубахе, подпоясанной вервием, влетел в комнату на зов хозяина и вновь сложился пополам.

— Ну-ка, слетай на склад да принеси отрез самого лучшего офицерского сукна наипервейшего сорта. Какого колеру изволите, ваше высокопревосходительство?

— Синего, аки майское небо.

— Все слышал? Беги бегом, да чтоб в пути не останавливался, ворон не считал, не то вожжей получишь.

— Так вот я о чем толкую. Как государь решил состязание промеж купцов устроить, так и говорит мне: «Желаю я найти купца, честного да крепкого. А уж коли сыщешь такого, велю его назначить поставщиком двора во веки вечные».

— Да неужто? — всплеснул руками Череповатов.

В комнату вплыла дородная дама с не менее дородным самоваром в руках и вальяжно прошествовала мимо Лиса к столу, слегка покачивая на ходу необъятными бедрами и демонстрируя восхищенной публике все три своих роскошных подбородка.

— Это Глашенька, супруга моя, — возбужденно запричитал купец. *— Поклонись его светлости, дуреха.*

Женщина, которой по комплекции кланяться было явно не с руки, попыталась исполнить просьбу мужа, но получившееся назвать поклоном можно было весьма условно.

— Пошла вон, чухонка. Учишь тебя, учишь! Никакого высокого понятия не имеешь, как с господами разговаривать.

Лис безучастно следил за этой сценой, постукивая тростью об пол.

— А вот откушайте пока. Чаек душистый, только-только закипел. Вот прянички печатные, пирожочки капустные прямо из печи. Отведайте, ваша светлость, не побрезгуйте.

Чаепитие уже близилось к концу, когда в комнату ввалился запыхавшийся от быстрого бега Прошка с отрезом ткани под мышкой.

— Как вы изволили, Прокопий Захарович, самая, что ни на есть разнаипервейшая.

Череповатов принял сукно у слуги и, осмотрев, протянул генерал-аншефу:

— Полюбуйтесь, ваша светлость. Не сукно, а загляденье! Руками его пощупайте, такого даже в Гамбурге не сыщете. — По-видимому, Гамбургом заканчивались географические познания предприимчивого торговца и в его представлении Гамбург казался местом, где можно найти все, что душа пожелает.

— Да, неплохое сукнецо. — Лис небрежно пощупал предлагаемый товар. *— В Копенгагене я, правда, встречал и получше, не говоря уж о Рейкьявике. Но в Гамбурге действительно лучше не сыщешь. В общем, думаю, господам генералам на первый случай хватит. Если, конечно, в цене сойдемся.* — В голосе моего напарника послышалось клацанье кассового аппарата.

— Об чем речь, господин фельдмаршал, я ж для батюшки-царя...

— Враз родил богатыря, — транслировал мне Лис по каналу закрытой связи. *— Вальдар, приготовься. Как только мы сходимся на цене, я говорю «идет» и ты появляешься.*

— ...Вот как для себя. Двадцать копеек за аршин.

— Чего-чего?! Прокопий, может, тебя еще усыновить за эти деньги?! Да ты белены объелся! Ты шо, не знаешь, шо в Роттердаме таким сукном уже диваны обивают? Оно ж у тебя без люрекса!

— Без чего? — не понял Череповатов.

— Темнота ты, как есть темнота. В люрексе он самый блеск. А генерал без блеска, что петух без перьев. Желаешь гривенник за аршин, на том и сойдемся.

— Не губите, княже, сам по осьмнадцати копеек брал. Отцом клянусь!

— Э, купец! Хоть божись тут, хоть не божись, почем я знаю? Может, у тебя отца-то никогда не было. А уж коли осьмнадцать копеек платил, сам себе злобный дурак. Никто тебе в мошну силой

не лез. По-европейски тебе говорю, такого сукна уж, почитай, нигде не носят. Еще чуток поторгуешься и полцены не вернешь. Десять копеек с грошем за аршин — моя последняя цена.

Торг продолжался еще довольно долго. За это время я выяснил, что подобные ткани уже не в ходу у китайского императора, что Папа Римский никогда бы не согласился шить себе сутану из такого сукна, и много других подробностей из жизни великих и малых мира сего.

— *Ну ладно,* — махнул рукой купец. — *Только из почтения к вашим боевым наградам. Хоть режьте меня, а меньше не могу. Двенадцать копеек.*

— *От же ж языкатый, бисов сын.* — Лис укоризненно потряс пальцем. — *Умеешь уговаривать. Двенадцать копеек, по рукам. Идет.*

Услышав заветную команду, я выскочил из возка, в котором ожидал своего часа, и, стараясь по пути состроить как можно более грозную физиономию, преувеличенно громко затопал по ступеням купеческого крыльца.

— К кому изволите? — Дремавший в сенях Прошка попытался преградить мне дорогу.

— Я т-тебе дам «изволите»! Я тебя счас самого изволю вдребезги и пополам! — прорычал я, не разжимая зубов и для острастки бешено вращая глазами.

Дверь в светлицу распахнулась, открытая лакейской спиной, и вслед за рухнувшим слугой картинно, словно статуя Командора в спальню донны Анны, вломился я, сжимая в одной руке обнаженную шпагу, в другой, словно тореадорскую мулету, чахлый обрывок ткани неопределенного цвета и неопределяемого качества, которым нынче порадовал нас Лис.

— А-а-а, — прогремел я, — вот ты где-е-е! Отродье бешеной гиены! Ты что же это, злодей, императорский заказ ни в грош не ставишь? На мундиры солдат ее величества ветошь поставляешь? Да я тебе сейчас. — Я театрально взмахнул клинком, словно отгоняя назойливых мух, и заскрежетал зубами. Врожденная кровожадность отпечаталась на моем лице так же ясно, как дневная сенсация в вечернем выпуске «Таймс».

— Как вы разговариваете с почтенным купцом, господин майор? — Лис резко встал и грохнул тростью об пол.

— Не вмешивайтесь, ваша светлость! Я исполняю службу императрицы, и я вспорю этому мошеннику брюхо.

— Нет, я вам не позволю этого сделать! — Лис патетически извлек клинок из ножен. — Быть может, это какая-то ошибка и вы убьете невинного человека! Господин премьер-майор, сколько можно убивать?! Ваши руки по локоть в крови!

Я, широко взмахнув, аккуратно щелкнул концом шпаги по фарфоровому чайнику, венчающему самовар. Как и ожидалось, он разлетелся на десяток осколков, забрызгивая все вокруг густой заваркой.

— Что вы себе позволяете, майор! — Лис извлек из ножен свою шпагу.

Наши клинки скрестились.

— Господин генерал, я помню, что вы для меня сделали, но этот человек вор. Как вы можете защищать его?

— Спрячьтесь пока, — через плечо кинул Лис, — и ничего не говорите. Почтеннейший купец, вы что, с ума сошли — связываться с майором Камдилом? Да это же один из опаснейших людей в России.

— Дык что же мне делать-то? — пролепетал Череповатов, стараясь забраться под стол.

— Молчите, я попробую с ним договориться миром.

Мы радостно прыгали по комнате, опрокидывая табуреты, светильни, круша мебель и приводя в полную негодность посуду.

— Капитан, давай заканчивать, а то заикание при оглашении финансовых расчетов ведет к неминуемым ошибкам в оплате.

— Полностью согласен.

— Тогда придумай какую-нибудь концовку покрасивше.

— Значит, так, я сейчас тебе наношу рубящий в левое плечо, ты смещаешься влево и становишься на одной линии с самоваром. Потом я делаю выпад, ты разворачиваешься и пропускаешь клинок мимо себя. Он пробивает самовар и в нем застряёт. Ты резко бьешь по сильной части моей шпаги, я скорбно остаюсь без оружия, и ты продолжаешь свой монолог. Идет?

— Идет.

— Тогда поехали на раз, два, три!

Спустя мгновение все было кончено, лишь толстый туляк-самовар с торчащей шпагой в боку стоял, обреченно повесив свой краник-нос.

— Господин премьер-майор, — горделиво вещал Лис. — Как видите, победа за мной. Я требую от вас не чинить зла этому достойному человеку. — Он повел рукой в сторону Череповатова, примостившегося под столом.

— Вы правы, господин генерал-аншеф. Я не стану убивать его. Я вызову поручика Ржевского, он закует негодяя в кандалы да свезет в тайную канцелярию. Я разорю его, пущу по миру! У ворот острога милостыню просить будет!

Последняя угроза, похоже, подействовала лучше остальных. С неожиданной ловкостью купец метнулся из-под стола и обвил руками длинную генеральскую ногу.

— Спасите, батюшка! Христом богом молю, спасите!

— Встань, купец, — поднял его Лис. — Я всегда был на стороне справедливости. Господин премьер-майор, вы мне доверяете? — Я развел руками. — А вы, господин купец?

— Да вот как бог свят! — Череповатов широко перекрестился на икону.

— Тогда я рассужу вас по чести. Подождите меня, господин истец, мне надлежит выслушать ответчика.

— Я буду ждать вас! — произнес я как можно более грозно, вытаскивая клинок из пробитого самовара и окатывая стол струей крутого кипятка.

— Пойдемте, господин купец, в соседнюю комнату, поговорим.

На подгибающихся ногах купец потащился за Лисом.

Понятное дело, стена — не проблема для закрытой связи, поэтому дальнейшую сцену я наблюдал так же живо, как и ту, в которой только что принимал участие.

— *Да, брат.* — Лис мощно опустил свою длинную руку на плечо обалдевшего торговца. — *Ты, видать, и впрямь головой не горазд, коли решил самого Камдила обмишурить.*

— *Да ваше высочество,* — Череповатов вновь осенил себя крестным знамением, — *Христом богом клянусь — нет моей вины. Видать, приказчики напутали.*

— *Приказчики, говоришь? Ха! А на дыбе кто висеть будет, тоже приказчики? Ежели Камдил и впрямь за Ржевским уже послал, погляди на эти стены в последний раз. Запомни их такими, не видать тебе их боле.* — Лис участливо похлопал купчину по загривку. — *Погубит, как есть погубит.*

— *Государь мой батюшка, да неужели такое возможно? богом прошу, не выдавайте!*

— *Не выдавайте?! Да как же я тебя не выдам? Я ж из службы государевой, а он у государыни Екатерины Алексеевны... для особых поручений приставлен. Ощущаешь — для особых. Правда, есть за ним один должок.* — Лис неопределенно покрутил рукой в воздухе.

— *Спасите, господин генерал-аншеф!* — Череповатов снова начал сползать по Лису вниз. — *Век за вас молить буду. По гроб жизни буду обязан.*

— *Ладно, ладно.* — Лис милостиво поправил сползший с купеческой лысины парик. — *Уж и не знаю, чем ты мне так понравился, но замолвлю за тебя словечко. Да только давай сперва наши с тобой дела дорешаем, а то бог весть, как еще вечер пойдет, а мне завтра уже ко двору отправляться надо. Государь от меня вестей ждет. Так что уж ты, брат, будь добр, отпиши своим приказчикам, чтобы*

они по указанному образцу моему ординарцу отгрузили по полной мере. У тебя этого сукна сколько на складе?

— Да кто его знает, мерить надо.

— Ну, тыщ двадцать аршин будет?

— Да, поди, будет.

— Вот и пиши. Значит, задаток я тебе дал. — Указательный палец Лиса уперся в грудь купца.

— А-а-а?.. — всхлипнул торговец тканями.

— Что, разве не дал? — Лис, хмурясь, потянулся не то к карману, не то к рукояти шпаги. *— Вот ведь память дырявая.*

— Как же, дали, ваша светлость, дали, — засуетился Череповатов.

— Вот и мне кажется, что дал. Но если что, ты только скажи, я ж тебе верю.

— Все дали, батюшка, даже с излишком. — Купчина запустил руку за пазуху и вытянул оттуда свернутую в трубочку, перевязанную грубой нитью пачку ассигнаций. *— Вот, ваша светлость, сто рублев излишку.*

— Шо, разве сто? — Лис взял деньги и посмотрел сквозь трубочку на купца, как через подзорную трубу. *— А мне чудилось, поболе было?*

— Ой, запамятовал, господин генерал-аншеф, вот же еще сто. — Он вытянул еще одну трубочку, родную сестру первой.

— Вот что я в тебе, Прокоп, ценю, это то, что ты честный человек. Именно такой государю Петру III и нужен, — прочувствованно произнес Лис, готовый прослезиться от избытка эмоций. *— Только ты уж не забудь в поручении своем написать, что половину денег в задаток ты уже получил.*

— Помилосердствуйте, батюшка, — чуть ли не навзрыд произнес купец, вписывая, однако, в поручения приказчикам требуемые строки.

— А? — Бравый генерал-аншеф сделал вид, что прислушивается к моим шагам в соседней комнате. *— Что-то больно он тих. Как бы не умыслил чего. Ты, брат, еще не знаешь, на какие каверзы этот майор мастер. Я тебе как-нибудь на досуге расскажу.*

Купец горестно вздохнул и поставил подпись под безоговорочной капитуляцией.

— Так, теперь вели черным ходом кому-нибудь выйти на улицу да кликнуть моего ординарца. Он там, в экипаже, ждет перед домом.

— Как изволите, ваша светлость.

Ровно через пять минут в апартаменты за стеной, гордо разворачивая плечи, вошел Петр Ребров, позванивая колодкой медалей, судя по которым, он принимал активнейшее участие и в войнах Петра, и в Елизаветинском походе на Берлин, и едва ли не в праздновании 300-летия дома Романовых.

— *Вот, держи.* — Лис протянул «своему ординарцу» записку несчастного купца. — *Поедешь на склад моего друга Прокопия Захарыча да получишь по этому письму материю для мундиров. Сейчас отрез тебе дам. Да ничего не спутай. И расплатись, как положено. Денег у тебя хватит?*

— *Хватит, ваша светлость!* — отчеканил Петр Ребров.

— *На вот тебе, на всякий случай.* — Лис влез в карман и ссыпал в сложенные лодочкой ладони ординарца выданное ему мною казенное серебро. — *Ступай, да не скупись. Быстро погрузят — каждому по целковому.*

— *Слушаюсь, ваша светлость!* — выпалил «служака», поедая глазами начальство.

— *Возьми в светлице отрез и аллюр три креста на склад. А ты, Прокоша, молись. Сейчас из кичи тебя вынимать будем.*

Пятнадцать минут мы тарахтели с Лисом по-французски. Мой напарник оживленно махал руками, я стучал кулаком об стол. Через пятнадцать минут в хоромы купца Череповатова приехал Ржевский с конвоем для «дальнейшего препровождения». За чуть приоткрытой дверью светлицы послышался сдавленный стон.

— Ступайте, поручик, — властно произнес я. — Мы уже во всем разобрались.

Спустя еще пятнадцать минут мы уже вовсю выпивали и закусывали за обещанным Лисом обильным столом за деньги потерпевшего.

Еще два часа спустя, растроганный гостеприимством сердобольного хозяина, я подписал бумагу, что не имею претензий к качеству товара, поставленного купцом Прокопием Захарьевым Череповатовым. Все это сопровождалось рассуждениями Лиса и без пяти минут «поставщика двора» о том, что одевать солдат в новые мундиры — это почти то же, что зарывать деньги в землю, что за морем оставшиеся в живых все равно переоденутся в заморское, что армия и сейчас не голая. К ночи эти разговоры переросли-таки в концессию, согласно условиям которой я не замечал, какое дерьмо грузят на мои склады, а взамен мы с Лисом получали по двадцать пять процентов от разницы немедленно с условием, что почтеннейший купец получает заказ на поставку мундирного сукна для всего экспедиционного корпуса.

Расставались мы лучшими друзьями, и Прокопий Захарович долго махал нам вслед, прижимая к груди патент на звание «поставщика его императорского величества», выписанный Лисом прямо за праздничным столом.

Следующее утро у «лучшего друга» Лиса началось прескверно. Ни свет ни заря, вышибая ногой дверь, в его спальню ворвался генерал-аншеф, бряцая шпагой, наградами и помахивая в воздухе кус-

ком той самой рвани, которую бедолашный купец неосторожно завез ко мне на склад.

— Ты что ж это, каналья, творишь! — грохотал он, сотрясая стены сруба. — Я тебя, каналья, спасаю, из петли вынимаю! Я тебе, сволоте, верю, дело с тобой веду, а ты и меня, как майора, надурить решил! В остроге сгною! С ядром на ноге ходить будешь! — Лис метнул в лицо купцу, пребывающему в предынфарктном состоянии, принесенную грязно-голубую ряднину. — Вот тебе «поставщик»! — Он схватил лежащий возле кровати Череповатова заветный патент и, разорвав его в клочья, швырнул в жерло голландки. — Сиди, жди, паскуда, за деньгами моими полиция придет!

Лис вышел, громко хлопнув дверью.

Продолжение истории я узнал уже от Никиты Ислентьева, которому надлежало поставить торжественную точку в нашем образцово-показательном наказании торговца. На следующий день после описываемых событий я умчался по делам дальше, имея в кармане изрядный запас «оборотных средств». Лис тоже отбыл по казенной надобности. Несчастный же купец еще неделю трясся в ожидании полиции. Когда же он наконец убедился, что никаких репрессивных мер не последует, то затребовал к себе старшего приказчика и, узнав от него, что ординарец премьер-майора забрал двадцать тысяч аршин первостатейного сукна, расплатившись государственным векселем, взвыл и начал биться головой об стол. Придя в себя, Череповатов кинулся к моему складу, но застал там только Ржевского с командой, загружающего последнюю повозку драгоценной материи. Вид гусарской сабли перед носом и поток отборной ругани заставил «потерпевшего» спасаться бегством в указанном поручиком направлении, сиречь в приемную тайной канцелярии, где его и встретил с распростертыми объятиями штаб-ротмистр Ислентьев.

— Из ваших объяснений я ничего не понял, — прохаживаясь по кабинету, кинул он, не глядя на купца, чтобы не расхохотаться. — Вы говорите, что премьер-майор Камдил взял у вас сукно по шести копеек вместо пяти за аршин. Так чем же вы недовольны? Я вот смотрю, господин премьер-майор вполне доволен покупкой.

— Но вексель... — страдальчески выдавил Череповатов.

— А что вексель. Чем это вас не устраивает государственный вексель? Хотя дайте-ка, я погляжу на него поближе. Да-а, действительно, странный вексель, — продолжал он, беря вексель из рук купца. — Подпись неразборчива, бумага бледновата. Где вы, говорите, его взяли?

— Господин премьер-майор изволили расплатиться, — пролепетал растерявшийся Череповатов.

— Да ты соображаешь, что несешь?! — Усы Ислентьева встали торчком. — Премьер-майор Камдил — офицер для особых поручений при государыне, — сообщил он, опуская голос до трагического шепота. — Одно его слово — и ты на каторге. А не сам ли ты, Василий Захарьев Череповатов, сей вексель нарисовал да историйку выдумал, чтоб у казны денег своровать? А ну, отвечай! — грозно нахмурился Никита, потрясая платежным обязательством. — Кто надоумил? Кто сообщники?

— Помилосердствуйте! — взвыла жертва аферы, пускаясь наутек.

Уж и не знаю, как до широких купеческих масс доходила информация об этом похождении господ офицеров, но впредь, как и говорил Лис, вести дела с ними стало много проще. «Не то череповато будет», — шептались между собой купцы.

Глава 23

Если у вас много времени и нечем заняться, попробуйте выбросить бумеранг.

Данди Крокодил

Весна в России наступает поздно, но все же наступает. Пришел апрель, и непролазная грязь на дорогах с каждым днем все более начала превращаться в пыль, и вскоре по ним, вздымая копытами клубы этой пыли, в подготовленный нами митавский лагерь двинулось отдохнувшее за мирную зиму войско его величества императора Петра III, «князя Заволжского». День ото дня я получал все новые известия о продвижении экспедиционного корпуса, не уставая удивляться организованности столь дальнего марша. Буквально на глазах неукротимая разбойная вольница превращалась в могучую регулярную армию.

Минула пасхальная неделя, однако ожидавшегося в эти дни отпуска так и не получилось. День отправки был все ближе, а количество проблем и вопросов, требующих немедленного решения, возрастало, словно снежный ком.

В этой сутолоке и суете мы как-то между делом восприняли приказ о производстве меня в подполковники, а Никиты, соответственно, в ротмистры. Все это было, конечно, лестно, но не выходило из

ряда вон. Сказывалась близость ко двору. Иные гвардейские офицеры, известные не столько боевыми подвигами, сколько изяществом на балах, получали и по два чина в год.

Был представлен к повышению и Ржевский, однако пришедшая в Петербург слезная жалоба курляндских дворян на многие обиды от сего офицера испытанные, вновь затормозило производство в чин. Не могу сказать точно, в чем заключались обиды, одно знаю наверняка: жены жалобщиков явно были не согласны со своими мужьями.

Прибытие Пугачева в лагерь ожидалось уже со дня на день, а потому мы почти круглосуточно пропадали, инспектируя будущие бивуаки, командуя расстановкой шатров, коновязей, артиллерийских парков, проверяя, удобны ли пути подвоза, выдержат ли десятки тысяч ног, копыт и колес старинные, изящные, как на картинке, курляндские мостики.

Расположенный между Митавой и Ригой военный лагерь был готов принять двадцатитысячную армию. Вернее, ее численность была что-то около двадцати двух тысяч, включая все присылаемых и присылаемых офицеров, имевших несчастье принадлежать к масонским ложам. В ожидании подхода основных сил эти офицерские вольностроительные батальоны отдавали должное местному пиву и курляндским красоткам, вводя повсеместно такую свободу нравов, что благонамеренное бюргерство буквально осаждало мою квартиру, требуя максимально ускорить отплытие экспедиционного корпуса за море.

— Добрый день, дорогой племянничек, — раздалось у меня в голове, когда я, уставший, возвращался в свои апартаменты в доме местного предводителя дворянства Герхарда фон Рёкке. *— Как ваши дела?*

— С переменным успехом. Если все пойдет нормально, в первых числах мая мы отбываем.

— Прекрасно! Король Георг уже замучил меня вопросами, когда наконец обещанные казаки высадятся в колониях. Похоже, у него это новая мания. Он всерьез считает, что появление корпуса князя Заволжского моментально положит конец бунту, и потому требует максимально ускорить процесс отправки десанта. Так что даже стоянку в Англии его величество считает излишней роскошью. Жаль, был бы рад с тобой повидаться.

— Раньше мая армия все равно с места не тронется. Разве что Господь пошлет сонмы ангелов, чтобы перенести ее в Америку. Мои же полномочия заканчиваются с отправкой корпуса. Что будет далее — неизвестно. Во всяком случае, никаких распоряжений на этот счет у меня нет. Вероятнее всего, я остаюсь на берегу. Так что в любом случае в ближайшее время мы вряд ли сможем встретиться.

— *Увы, увы, увы! Кстати,* — словно вспоминая что-то важное, продолжил он, меняя тон с делового на светский, — *недавно я встречался с нашей общей знакомой Элизабет Чедлэй, или как там ее теперь, Элен Фиц-Урс. В любом случае герцогиней Кингстонской.*

— *Да, и что?* — напрягся я. После краткого, какого-то смазанного прощания под Москвой, когда омытая в семи водах и семи росах Бетси Чедлэй поспешила оставить пугачевский обоз и умчаться в столицу, я не слышал о ней почти ничего. Говорили, что она покинула Санкт-Петербург буквально в считанные дни после своего возвращения, что ее видели то во Франции, то в Англии, то в Голландии. Ничего конкретного, одни лишь общие слова «жива, здорова».

— *Если ты не возражаешь, я не буду рассказывать все в подробностях. Она выкупила бывший замок Фиц-Урсов в Девоншире, сейчас отстраивает его согласно новым вкусам. Отыскала некоего молодого дворянина по имени сэр Артур Номенсленд, утверждает, что была с ним помолвлена, что любит его страстно и никого, кроме него, что скоро должна быть их свадьба, после чего они решили перебраться на материк.*

— *И как тебе этот самый Артур Номенсленд?* — мучаясь недобитой ревностью, поинтересовался я.

— *Да как тебе сказать? Дворянин себе и дворянин. Молодой, красивый, образованный, на тебя немного похож, но поглаже. Понимаю, что в устах дипломата это должно звучать странно, однако не могу сказать о нем ничего дурного.*

— *Надеюсь, Элен будет с ним счастлива,* — с горечью вздохнул я, собираясь закрыть тему.

— *Уж какое-то время точно будет,* — хмыкнул многоопытный лорд Баренс. — *Во всяком случае, до той поры, пока острые впечатления от путешествия в Россию не превратятся в воспоминания, а затем в ностальгию. Что будет дальше, кто знает? Нежные чувства от времени порою становятся только крепче и глубже, совсем как старые вина. Пока же их светлость сообщила, что хотела бы написать вам, сэр, большое письмо, но, увы, не знает адреса, а потому интересуется, нельзя ли воспользоваться услугами нашего посла в России. Я объяснил ей, что это было бы неловко, что в последнее время ты, вероятно, мало бываешь в Петербурге, а указать какой-либо адрес, по которому тебе можно писать, пока не представляется возможным.*

— *Пусть уж пишет прямо Екатерине. Когда в очередной раз заступлю дежурным флигель-адъютантом, может, и получу весточку.*

— *Кроме того, Элен просила передать тебе при оказии, что если ее первенцем будет мальчик, она непременно назовет его Вальдаром.*

Я лишь печально вздохнул, не зная, что и ответить на столь лестное предложение.

— *Понимаю,* — услышав мой вздох, усмехнулся дядюшка, — *ты бы хотел, чтоб и фамилия у первенца была Камдил, но уж извини, с этим вряд ли что-то выйдет. Несмотря на то что в нашей работе женщины вообще и все связанные с ними амурные дела — обязательный элемент программы, любовь, не обессудь, непозволительная роскошь. В институтских стратегмах для нее места нет. Ладно,* — ощущая мою печаль, кинул лорд Джордж, — *бог с ними, с прекрасными дамами. Давай поговорим о чем-нибудь приятном. Например, о боеспособности пугачевского корпуса. Насколько я понял во время зимних квартир, Орловы изрядно над этим поработали...*

Перед дверью моих покоев в доме фон Рёкке я слегка притормозил. Ожидавший в прихожей почтенный краснолицый бюргер, утиравший пот со лба и щек кружевным батистовым платочком, при моем появлении вскочил со стула и бросился вперед, словно собираясь заключить меня в объятия.

— Чем обязан? — сурово поинтересовался я, внутренне понимая, что незваный посетитель наверняка явился с очередной жалобой. Такие вот гости стали уже неотъемлемой частью моих вечеров, хотя обычно их было больше.

— Ваше высокоблагородие, господин подполковник! — Бюргер поклонился, стараясь придать своим тучным телесам видимость благородной осанки. — Мое имя Генрих Вайскирхен, я член городского магистрата города Риги...

— Хорошо, хорошо, — кивнул я, прерывая ожидавшийся поток должностей и почетных званий, призванный убедить меня в важности гостя. — Что привело вас на ночь глядя в такую даль?

— Ваше высокоблагородие, я приехал к вам с жалобой на поведение одного из ваших подчиненных.

— Кого же именно?

— Поручика Ржевского.

Я отвел глаза. Если бы все жалобы на бравого гусара, полученные мной за последние месяцы, были написаны на бумаге, боюсь, что рукопись по толщине своей превосходила бы историю Курляндии.

— И что же он натворил? — осведомился я.

— Он опозорил меня на всю Ригу! Видите ли, намедни в моем дому был бал в честь семнадцатилетия моей дочери Гретты, поручик был на него зван...

Подробное описание проступка грозило затянуться надолго. За именем поручика следовал долгий список высоких гостей, почтивших дом Вайскирхенов своим присутствием.

— Милейший, я полдня не слезал с коня и очень устал. Не могли бы вы говорить покороче?

— Да-да, конечно, — осекся член магистрата. — Так вот, за обедом означенный поручик опрокинул соусник на скатерть тончайшего голландского полотна.

— Нехорошо, — согласился я.

— Вот и я говорю, нехорошо, — обрадовавшись моей поддержке, повысил голос благородный отец семейства. — Моя дочь Гретта сделала господину Ржевскому замечание. Она сказала ему: «Поручик, вы не слишком-то ловки за столом».

— Простите гусара, — вздохнул я. — Походы, бивуаки. Ночевки на постоялых дворах, а то и вовсе под открытым небом. Где уж тут сохранить светские манеры.

— Да я бы и простил, — бюргер прижал руку с батистовым платочком к груди, — хотя скатерть обошлась мне в пятнадцать талеров...

— Так что же тогда?

— Поручик смерил мою дочь предерзким нескромным взглядом и заявил во всеуслышание: «Да, мадемуазель. Стол не моя мебель. То ли дело койка!»

Я отвернулся, пытаясь скрыть смешок. Это было очень похоже на Ржевского.

— И чего же вы хотите от меня? — произнес я сурово, справившись наконец с предательской улыбкой.

— Я хочу, чтобы вы приняли меры!.. — Посетитель грозно потряс жирным кулачком перед лицом. — Я требую этого!

— Непременно, — кивнул я. — Самые жестокие. А теперь позвольте мне пройти. Я очень хочу умыться с дороги и поужинать.

— Так я могу надеяться?

— Безусловно.

Я взялся за дверную ручку и прислушался. Из комнаты доносилось то ли пение, то ли речитатив.

— Господин полковник. — Маленькая аккуратненькая горничная, прибиравшая в моих апартаментах, заметив, что беседа окончена, появилась как из-под земли. — Вас дожидается граф Калиостро. Зная ваше давнее знакомство, я осмелилась пустить его. Я правильно сделала? — Девушка присела в книксене.

Я кивнул не глядя. Да и что там было глядеть, девушка была бесцветна, как водяной знак на затертой купюре. Мне было известно, что «граф Калиостро-два» находится в Митаве, что вместе с Лоренцией он время от времени устраивает сеансы чревовещания, демонстрируя нехитрые фокусы вроде поджигания политой спиртом руки и хождения по битому стеклу. Знал я также, что данный носитель громкого имени — лишь слабая тень, двойник истинного великого магистра.

Очевидно, проинструктированный Лоренцией о нашем знакомстве, он каждый раз приветливо раскланивался при встрече, а иной раз даже приглашал на свои ассамблеи. Мне было недосуг развенчивать любимца митавской публики, да и, признаться, я не видел особого смысла мешать обманываться желающим быть обманутыми. Потому визит его сиятельства несколько удивил меня. Прежде за ним такого не водилось.

Я толкнул дверь и вошел. Граф действительно что-то напевал, стоя у окна и глядя на проезжающие мимо экипажи. Услышав мои шаги, он обернулся.

— Вы? — Я подошел поближе, боясь верить своим глазам.

Калиостро был без парика. Его волосы, иссиня-черные при первой нашей встрече, теперь были изрядно седы. Но, главное, теперь на лице его не было невидимой, но словно бы ощущаемой маски высокомерного всепобеждающего шарлатанства. Передо мной был самый что ни на есть истинный граф Алессандро Калиостро, Джузеппе Бальзамо, граф Феникс, маркиз Пелигрини, или как там его назвали при рождении.

— Как видите — я, — грациозно поклонился великий магистр.

— Признаться, не ожидал, — ответил я на приветствие моего гостя. — Давно о вас ничего не было слышно. Какими судьбами?

— Действительно давно. Однако значительно меньше, чем думаете вы, и значительно больше, чем показалось мне. А судьба?.. Своей судьбой или же, если хотите, нашей общей.

— И все же, чем обязан, граф? — спросил я, приглашая нежданного философа присесть.

— Ничем, — улыбнулся он, — просто я хотел сказать, что еду вместе с вами в Америку.

— А отчего вы вдруг решили, что я туда поеду? — Я непонимающе уставился на оракула.

— Послезавтра вечером, милорд Вальдар, вы получите пакет от государыни с предписанием следовать вместе с эскадрой, не упуская из виду братьев Орловых и князя Заволжского.

— Вы разыгрываете меня, граф? — настороженно спросил я.

— Вовсе нет, — покачал он головой. — Однажды я уже был в том дне. Когда-то, очень давно.

Я молча смотрел на графа, не ведая, что и ответить. Зная Калиостро, я внутренне был готов не верить ни единому его слову, воспринимая все таинственные выкрутасы его речи в качестве абстрактного словесного мусора, но взгляд... Его темные итальянские глаза были чисты, как воздух морозной ночью, поневоле заставляя вслушиваться в смысл сказанного. Конечно, мне приходило в голову, что нечто подобное может произойти. Что Екатерина отошлет своего

свежеиспеченного флигель-адъютанта с глаз долой, куда-нибудь туда, где оному будет проще держать язык за зубами. Но чтоб вот так вот... У меня не было сомнений, граф знал, о чем говорил.

— Желают ли господа ужинать? — заглянула в мои апартаменты горничная.

— Да, дорогая, — кивнул Калиостро. — Господин подполковник очень устал за сегодняшний день, а потому не забудь прихватить бутылочку хорошего коньяка. Так что, милорд Вальдар, записывайте меня волонтером. Не бойтесь, я не буду вам обузой. Мои медицинские познания вам известны, к тому же я неплохо разбираюсь в военном деле. Тем более что мой патент испанского полковника может быть весьма полезен, когда через два года Испания вступит в войну против Англии на стороне Франции.

В последнюю неделю апреля армия Пугачева начала прибывать в митавский лагерь. Здесь ее ждал двухнедельный отдых и дальнейшая отправка в неведомую доселе Русь Заморскую — землю, где реки текут молоком, где краюхи хлеба растут на деревьях и где, по уверению местных сказителей, до сих пор скитается, не слезая с боевого коня, могутный казак Илья Муромец. Уж и не знаю, кто был автором этой байки, но, прохаживаясь вечером между казацкими кострами, я четырежды слышал складную историю о том, как прогнал хоробрый богатырь Илья Муромец Тугарина-царя за море-окиян да обвалился под копытами его гром-коня каменный мост, держащий земли, да с тех пор и нет пути назад защитнику земли Русской от злого ворога.

Насколько я мог понять, под мостом, держащим земли, подразумевался гипотетический перешеек на месте нынешнего Берингова пролива, поскольку до того маршрут отступления Тугарина-царя пролегал через леса темные, реки широкие, мимо озера хрустального да гор огненных, по снежному полю в зелен край.

С каждым днем войск в лагере становилось все больше. Встречая идущие ровным строем с песней казачьи полки, я не мог не дивиться произошедшему за последние месяцы чуду. Особое же удивление ждало меня, когда в один прекрасный день мне довелось присутствовать на учебных стрельбах пугачевской артиллерии, возглавляемой бывшим генерал-фельдцехмейстером России, бывшим фаворитом государыни Григорием Орловым.

Еще недавно двадцать четыре разнокалиберные пугачевские пушки, вывезенные из захваченных крепостиц, стреляли больше для шуму, чем в цель. Теперь же выросшая почти в три раза корпусная артиллерия, состоявшая из двенадцати- и шестнадцатифунтовых единорогов и пудовых мортир, выполняла сложнейшие маневры, как со-

провождая огнем движение полевых частей, так и массируя огонь батарей на заранее указанных целях. Я любовался, как лихо снималась с передков конно-артиллерийская батарея, в упор осыпая картечью условного противника, как сквозь еще не рассеявшийся дым с гиком и свистом бросалась в атаку неудержимая казачья лава.

Григорий Орлов, еще недавно преуспевавший в паркетных маневрах, в одной рубахе, без камзола, носился меж батарей от орудия к орудию, что-то объясняя, указывая, беседуя с новоявленными канонирами и фейерверкерами. Казалось, он был абсолютно счастлив своим положением и менее всего сейчас напоминал вчерашнего придворного баловня. Наличие же рядом с ним молодого поручика графа Алексея Бобринского, похожего на генерал-фельдцейхмейстера как две капли воды, прибавляло ему сил и без того немереных.

Калиостро не соврал, через два дня после нашей встречи взмыленный фельдъегерь привез из Петербурга пакет с именным приказом, в котором его высокоблагородию подполковнику Камдилу оказывалась высокая честь представлять ее императорское величество при экспедиционном корпусе князя Заволжского, особо при этом надзирая за известными мне персонами. «Вот уж не было печали», — пробормотал я, прочитав высочайшее повеление.

— Участь самой толстой крысы, — похлопал меня по плечу Лис, — затыкать собой пробоину в судне. Обычно после этого корабль перестает тонуть. Шо я тебе скажу: между молотом и наковальней было бы спокойней.

Я с укором посмотрел на боевого товарища. Можно подумать, мне самому это было неизвестно!

Вскоре вся армия уже находилась в лагере. В порту Риги уже покачивались на волнах десятки прибывших английских транспортов, мы ждали лишь прихода обещанной Екатериной эскадры сопровождения для того, чтобы отправиться в путь.

По вечерам в офицерском собрании, просторном, специально для этой цели выстроенном блокгаузе, скапливалась критическая масса казачьей старшины и приданное ей в усиление масонствующее офицерство. Лишенное привычных десятков частных повозок в обозе, оно как-то удивительно воспряло духом и перестало напоминать барствующих сибаритов при армии. Как я успел заметить, это вообще удивительная черта русской армии: умение переходить едва ли не в одно мгновение из состояния декоративного в состояние боеспособное.

В офицерском собрании была разрешена карточная игра. Однако, невзирая на это разрешение и на общее карточное поветрие, дело не шло. Слово за слово, понтировка перерастала в импровизированные военные советы. Порой оживленно вещавшие перед

внимательной аудиторией ораторы, сопровождавшие свои речи бурной жестикуляцией, так и продолжали сжимать в кулаке игральные карты. Так было и в этот день.

— ...При благоприятной погоде, а летом погода в Атлантике на этих широтах обычно благоприятна, мы прибудем на место приблизительно через два — два с половиной месяца. Можем ли мы рассчитывать, что к этому времени Салават Юлаев уже преодолеет Берингов пролив? — вещал граф Орлов-Чесменский, вычерчивая на висевшей тут же навигационной карте пути следования нашей эскадры.

— А что с Салаватом Юлаевым? — Я наклонил голову поближе к уху сидящего рядом Лиса.

— А что с ним станется, все в порядке. Когда в последний раз виделись, был вполне здоров, — не оборачиваясь, бросил Лис.

— Я имею в виду, что еще за история с форсированием Салаватом Юлаевым Берингова пролива?

— Вальдар, ну ты какой-то странный! Сам посуди: ваш кинг Жора в своей разнарядке на поставку двадцати тыщ экземпляров казаков, видимо, по рассеянности ни словом не упомянул о башкирах. Поэтому Салавату, так сказать, загранпаспорт не оформили, отчего он впал в великую грусть и толкнул речь, что, поскольку Земля круглая, мы пойдем другим путем, так сказать, по следам дедушки Ильи Муромца.

— Кстати, откуда взялось сказание о похождениях Ильи Муромца на Северо-Американском континенте?

— Как это откуда взялось? — удивленно взглянул на меня мой напарник. — Народ сложил. В моем лице. Надо же было Салавата столкнуть в нужное русло. Идея оставаться один на один с Катериной Алексеевной, всея Руси самодержицей, его, похоже, вовсе не радовала.

— Но ведь там Сибирь! Какой может быть поход?

— Ага, белые медведи бьются с бурыми на улицах сибирских городов за недоглоданный кусок человеческой берцовой кости. Ты что думаешь, во времена Чингисхана в тех местах были проложены шоссейные дороги? Вряд ли. А Орда шастала туда-сюда со скоростью неимоверной. Да что Орда! Казаки на Камчатку ходили с завидной регулярностью. А в годы нашей Гражданской войны Красная армия Колчака задницей в самый Тихий океан уперла. Тоже, кстати, не по небу прилетела.

Так что дойдет Салават до Америки, не боись. А в Канаде его местные власти до колоний, что называется, за ручку доведут и еще вслед платком махать будут. Чтобы только не возвращался. Единственное, о чем беспокоюсь, с тем наступательным порывом, с кото-

рым башкиры двинулись в путь, по дороге он спокойно может стать основателем новой династии китайских императоров. Тут уж действительно как в древних былинах: налево пойдешь — попадешь в Русь Заморскую, направо — в Империю Поднебесную, а прямо — Великий Тихий океан, но он нам и за так не нужен.

— Вальдар Реймондович. — Я отвлекся от разговора с Лисом, чтобы обернуться на зов. Стоявший у карты Алексей Орлов явно ждал моего ответа.

— Слушаю вас, ваше сиятельство.

— Не могли бы вы пригласить сюда вашего ординарца, господина Редферна. Я бы хотел узнать у него, насколько судоходна река Святого Лаврентия.

В последние дни авторитет Питера, единственного среди нас жившего на далеком континенте, возрос многократно. К моему удивлению, его ответы были дельны и обстоятельны, так, как будто он намеренно изучал места предстоящего похода.

— Да, конечно, — кивнул я, делая знак дежурному вестовому, ожидавшему у выхода распоряжений господ офицеров. Он вскочил, собираясь бежать за нашим экспертом по Руси Заморской, распахнул дверь и едва не столкнулся с высоким стройным мужчиной в адмиральском мундире.

— Добрый вечер, господа, — приятным мягким голосом поздоровался вошедший на великолепном французском. — Прошу простить меня, граф, я невольно слышал ваш вопрос. Спешу вас уверить, река Святого Лаврентия вполне судоходна, во всяком случае, до Монреаля. Извините, господа, поскольку меня здесь некому представить. — Он обвел зал взглядом, и наши глаза на долю секунды встретились. Я мог представить этого человека, но, честно говоря, не сразу, а только после того, как вновь обрел бы способность ясно мыслить и говорить. — Я представлю себя сам, — продолжал вошедший. — Вице-адмирал российского флота Джон Пол Джонс. К вашим услугам.

Насколько я понимаю, упоминание о российском флоте было сделано специально для меня. Впрочем, мундир не оставлял сомнений в этом факте. И все же передо мной был мой давешний знакомый, североамериканский капер, год тому назад плененный на палубе королевского корвета «Феникс».

— Мне оказана честь, — продолжал Пол Джонс, — возглавлять эскадру, которая будет сопровождать караван до берегов Северной Америки. И можете мне поверить, господа генералы и офицеры, вряд ли в российском флоте есть человек, имеющий более опыта плавания в водах Атлантики, а уж тем более у берегов тех земель, куда направляетесь вы.

— Эт-то уж точно, — пробормотал я, не спуская с лица адмирала завороженного взгляда.

— Ты что, его знаешь? — заметив мое состояние, поинтересовался Лис.

— Да, — кивнул я. — Очень близко. Последний раз, когда мы виделись, его извлекли из-под меня и заковали в ручные и ножные кандалы.

— Вот как интересно! И что же натворил этот почтеннейший? Чего ж ему под тобой-то не лежалось?

— Пытался захватить корвет, на котором я плыл в Россию.

— Ага, ну, судя по тому, что приплыл ты не на корвете, а на яхте нашей подруги Бетси, отчасти затея ему удалась. Что ж, весьма солидная рекомендация. Большой души козырек. Ну и как, ты думаешь, он намерен ознаменовать эту встречу?

Я пожал плечами:

— Коварство этого человека мне доподлинно известно, как и его актерский талант. В его отваге у меня нет даже тени сомнения. О его дерзости и искусстве морехода в Англии ходят легенды, но все это хорошо, если он будет на нашей стороне, и может быть фатальным, если Пол Джонс пойдет против нас. Но откуда он здесь взялся? Последнее, что я о нем слышал, было намерение французского суда упечь его за решетку за захват французской шхуны.

— Читай Библию, Вальдар, там все сказано. По приказу коронованной головы левая рука старательно не знает, что делает правая. Французская Фемида, как и большинство других французских женщин, неравнодушна к обаятельным мужчинам. Так что заключение в тюрьме твоему знакомому заменено ссылкой в Россию, где, как мы помним, белые медведи борются с бурыми...

— Да-да, помню. И все же я хотел бы знать, откуда здесь взялся этот, с позволения сказать, адмирал. — Я вызвал Колонтарева: — *Добрый вечер, Андрей.*

— *О Вальдар! Давно не было тебя слышно.*

— *Прости, весь в делах. Сам понимаешь, не сегодня-завтра отплываем. У меня к тебе как раз по этому поводу есть вопрос.*

— *Я весь внимание.*

— *Не знаешь ли ты, откуда взялся в России адмирал Джон Пол Джонс, командующий нашим эскортом?*

— *М-м... Тут я тебе мало чем могу помочь. Если вопросы, связанные с ним, и обсуждались с Екатериной во дворце, то не в мое дежурство. У меня информация самая поверхностная. Бывший пират, но это тебе самому известно. Вроде бы в Россию приехал из Голландии, но это, что называется, на уровне слухов. С каких таких заслуг Ека-*

терина его сразу произвела в адмиралы, для меня самого загадка, однако факт остается фактом. Что еще? Прибыл он, по-моему, в сентябре, а в октябре императрица послала его под Очаков командовать эскадрой. Да только там вышел глобальный скандал: командовавший до этого командор Алексиано пришел в дикую ярость, когда узнал, что его подчиняют вчерашнему пирату. Ряд боевых капитанов, твоих соплеменников на российской службе, и вовсе отказались повиноваться изменнику родины. Для них ведь все восставшие колонисты — изменники родины. В общем, еще немного, и флот бы разделился на две части и пошел топить друг друга почем зря. Так что Пол Джонса из-под Очакова отозвали. А не так давно он получил назначение в вашу эскадру. Говорят, что перед этим у Пол Джонса была аудиенция у ее величества, но в любом случае не здесь, а либо в адмиралтействе, либо в Зимнем дворце. Мне об этом ничего не известно.

— А возможно ли узнать?

— Попробую, но обещать ничего не могу, — неуверенно ответил резидент.

— Ну что ж, и на том спасибо. Отбой связи.

— Пятнадцать человек на сундук мертвеца, — под нос себе напевал Лис. — Йо-хо-хо, и бутылка рому!

— Чему ты, собственно говоря, радуешься? — перебил я его.

— Мал-чик, ты ро-ман-тик, — на манер механической куклы произнес аншеф Закревский.

— Ты о чем? — собрался было возмутиться я.

— Ну как же, а «пиастры, пиастры!», капитан Флинт? Ну посуди сам, у нас с тобой эксклюзивный вояж с пиратами.

Я сжал губы, демонстрируя несогласие с лисовским восторгом.

— Капитан, да не боись! Управимся мы с тобой с этим Билли Бонсом. Ну это же какая веселуха! Эх, тебе не понять!

Через несколько дней под звуки салюта наш флот уходил в море. На берегу оставалась многочисленная толпа курляндских бюргеров, вздохнувших с нескрываемым облегчением после того, как последний из кораблей выбрал якорную цепь и поднял кливер. Безутешное племя местных дам и девиц, среди которых особым отрядом выделялись заплаканные подруги поручика Ржевского, было готово, кажется, броситься в воду, чтобы стоящие у фальшборта покорители неведомых далей могли еще хоть мгновение полюбоваться их тонкими и не слишком тонкими ручками, машущими вслед кораблю кружевными платочками. Ну что ж, учитывая, что ближайшие недели нам предстоит созерцать лишь морские пейзажи, это была довольно дельная мысль.

На берегу оставался цыганский хор графа Орлова. На кораблях им не было места. И ни сколоченные за последние месяцы состояния, ни вольная, данная на прощание Алексеем Орловым своим любимцам, кажется, не могли унять громогласную печаль ромал от расставания с любимым покровителем.

Мы уходили все дальше от берега, и, не знаю почему, в голове моей крутилась старинная поговорка: «Люди делятся на живых, мертвых и плывущих в море».

Глава 24

«Гулять, так гулять!» — сказал Моисей и завел свой народ в пустыню.

Из апокрифов

Я стоял у фальшборта, наблюдая однообразный бег волн, клочковатую пену, разлетающуюся из-под штевня флагманского корабля. Однообразная картина, повторяющаяся день за днем. Вот уже которую неделю я не видел ничего, кроме этих волн, этой эскадры, этих лиц. В голове моей вертелись аккорды композиции Вангелиса «Крестовый поход в небеса». Кажется, под эту музыку в фильме Колумб причаливал к берегам Нового Света. Сейчас мы шли практически тем же путем и почти с теми же целями, и движение наше разительно напоминало крестовый поход.

Десятки кораблей десанта плюс флотилия сопровождения — со времен золотых галеонов Атлантика не видела подобной эскадры. Сказать по правде, Екатерина не особо расщедрилась, снаряжая эскорт. По существу, один лишь флагманский линейный корабль «Торжество Богородицы» был современным боевым кораблем, полностью укомплектованным командой. Еще же три линейных корабля, на одном из которых, «Великом князе Святославе», держал свой флаг Алексей Орлов-Чесменский, плавали еще во времена Елизаветы, а то и ранее. То же можно было сказать и о сопровождавших эскадру фрегатах. В одном из них по характерной резьбе мне удалось опознать турецкий корабль, явно предназначенный для плавания в теплых морях, оставшиеся же три более всего напоминали переоборудованные германские купцы, явно бывшие моими сверстниками. Но все же, невзирая ни на что, эскадра продолжала двигаться на запад, все более приближаясь к Руси Заморской.

Я перевел взгляд туда, где на месте второго флагмана шел «Князь Святослав» с братьями Орловыми на борту. Перед отплытием Джон Пол Джонс любезно предлагал им также перебраться на «Богородицу», говоря, что для него было бы чрезвычайно лестно идти вместе со столь прославленным адмиралом. Однако Алексей Орлов не менее любезно отказался, ссылаясь на то, что два адмирала на одном корабле — это слишком много для успешного командования.

«Объекты моего наблюдения» разделились, но здесь, кроме «государя-императора», находился и сам адмирал Джонс, и здравый смысл подсказывал, что следить в этой эскадре надо именно за ним. Но, невзирая на мою предубежденность, поведение вчерашнего пирата не вызывало ни малейших подозрений. Он был обаятелен и мил, как придворный французский кавалер, и, не знай я в общих чертах послужной список этого джентльмена удачи, пожалуй, невозможно было бы устоять перед обезоруживающей светскостью нашего флагмана.

— Вы все еще злитесь на меня, милорд? — Джон Пол Джонс не спеша, будто по бульвару, подошел ко мне, поигрывая инкрустированной тростью из черного дерева.

— С чего вы взяли? — кинул я через плечо, едва обернувшись.

— Ну что вы, полноте, я же не слепой.

— Просто у меня мрачный замкнутый характер, — прокомментировал я слова адмирала.

— О да. О вашем характере мне довелось много слышать и во Франции, после той знаменательной ночи, когда я имел несчастье с вами познакомиться, и позже в России. И все же — вы просто злитесь.

— Ну, предположим, что злюсь. Что из того?

— Да в общем-то ничего. Это ваше право. Но давайте посмотрим на вещи по-другому. Отрешитесь от впечатлений нашей первой встречи. Жизнь удивительная штука. Старик Шекспир, едва-едва начертавший лоцию ее течений, мелей и подводных скал, признан всеми великим драматургом. Но она, как и море, богаче любой лоции. И неожиданностями, и опасностями, и, слава Всевышнему, радостями.

Одна из этих радостей — встретить достойного противника. Большая часть людского племени невыносимо скучна, безразлично, идут эти люди за вами или против вас. Они ужасно потеют, когда боятся, и запах их пота настолько противен, что даже находиться рядом с ними в этот момент невыносимо мерзко. А боятся они, увы, почти всегда. Люди, подобные вам, мне да еще кое-кому из тех, кто плывет с нами, — совсем иного сорта. Мы словно специи, придаем вкус пресной жизни. А потому найти достойного противника — это почти счастье.

— Что ж, тогда смею вас уверить, я и впредь готов доставлять вам его в любых количествах, — усмехнулся я.

— Никто не знает, в чем измеряется счастье. Но одно я вам могу сказать наверняка. Вдвойне удача, когда достойный противник превращается в соратника. Заметьте, я не говорю — друга, вряд ли это возможно. Во всяком случае, пока. Но соратника...

Посудите сами, я никогда не был вам врагом. Нам не повезло с обстоятельствами знакомства, это правда, однако мои действия не были направлены против вас лично. Я был капером, и мне нужен был корабль. Тот, на котором плыли вы, подходил как нельзя лучше. Но бог свидетель, даже в ночь, когда мы с вами так близко познакомились, я не желал, чтобы столь достойный противник пал жертвой оголтелых головорезов. На свою беду, я не ошибся. — Губы адмирала сложились в ностальгическую улыбку. С таким выражением лица вспоминают школьные драки поседевшие отцы семейств, встречаясь на традиционных встречах выпускников.

Я тоже помнил ночь на «Фениксе». Это было мое крещение, своеобразный пропуск в мир, казавшийся мне почти что сказкой. И каждый раз при этом воспоминании у меня начинало ныть простреленное плечо. К сожалению, я еще не приобрел светской манеры безмятежно смотреть в глаза тем, кого еще недавно собирался проткнуть шпагой.

— И все же, — продолжал Джон Пол Джонс, — вы не можете отрицать, что и вам, и мне эта ночь принесла определенные выгоды. Вы, прибыв в Россию в ореоле мученика и героя, приобрели вполне заслуженную славу, которая помогла вам столь быстро подняться от беглого лейтенанта до подполковника и флигель-адъютанта императрицы. В определенном смысле и мне она помогла стать из беглого каторжника адмиралом российского флота. Вы не находите, что наши судьбы чем-то связаны. Даже то, что сейчас мы вместе плывем к берегам Америки, тоже предопределено. Мы с вами одной породы, милорд Вальдар.

— Судно на горизонте! — закричал марсовый. — Лево по борту, шесть кабельтовых, двухмачтовый голландец.

— Ну-ка посмотрим, — моментально забывая о нашем разговоре, встрепенулся адмирал. Лицо Пол Джонса приняло хищно-веселое выражение, какое, я уверен, бывало у него перед неистовым абордажем. Он вытащил из кармана подзорную трубу и повел ее в направлении, указанном наблюдателем. — Да, действительно голландец. Похоже, держит курс на Бермуды. Капитан Хансен, прикажите купцу остановиться и пошлите команду проверить, что там у него в трюмах, — скомандовал Джон Пол Джонс.

— Вы уверены, господин адмирал, что это входит в наши обязанности?

— Милорд, мы находимся в зоне военных действий. Вы можете силой мысли определить, кто находится на борту этого голландца, да и голландец ли это вообще? Мало ли кто может поднять нейтральный флаг. Это вполне может быть американский капер или наблюдатель, посланный проследить передвижения эскадры. Надеюсь, вы не хотите, чтобы на берегу, когда мы до него дойдем, вас встречали не салютом, а брандкугелями*?

— Не всегда даже осмотр помогает отличить капера от обычного рыбака, — произнес я, внутренне соглашаясь с доводами Пол Джонса. Тот улыбнулся, вспоминая старую посудину, уныло плетущуюся за гордым корветом королевских военно-морских сил.

— Вы правы. Но можете мне поверить, мои люди понимают в повадках господ этой породы много больше, чем все джентльмены из адмиралтейства вместе взятые. Я недаром лично подбирал матросов на «Богородицу». Так что не сомневайтесь, если перед нами американский капер, я об этом непременно узнаю.

Грохнула пушка, настоятельно требуя у встречного голландца спустить паруса и встать на якорь. Клубы сладковатого порохового дыма поползли над шканцами**, медленно тая в воздухе.

— А вы, милорд, подумайте над тем, что я вам сказал. Засим прошу меня простить, я должен проинструктировать командира трофейной команды. — Пол Джонс слегка приподнял свою шляпу, и, повернувшись, не спеша направился туда, где у борта уже строилась шеренга самозваных «таможенников».

Нет ничего противнее ожидания подвоха. Невзирая на все уверения Пол Джонса в искреннем почтении к моей особе, я даже не подозревал, я знал, что подвох должен быть. Иначе к чему бы Екатерина назначила флагманом именно его, первого капера Америки? Но подвоха все не было. Во всяком случае, все мои усилия найти его были тщетны.

Я старался следить за каждым шагом адмирала, но, кроме несомненного мастерства прирожденного флотоводца, не видел ровным счетом ничего. Мы ловко поймали ветер, который, словно приговоренный, послушно надувал наши паруса, ловко переходили из течения в течение, сменив Канарское на Антильское, его, в свою очередь, на Северное Пассатное, надеясь в конце концов попасть в Гольфст-

---

* Брандкугель — артиллерийский снаряд, два ядра, скрепленных цепью. Употреблялись для уничтожения такелажа и снастей кораблей противника.

** Шканцы — часть верхней палубы корабля между грот- и бизань-мачтой.

рим, чтобы подняться по нему до Ньюфаундленда, «исконно русского острова Буяна». Чтобы затем по реке Святого Лаврентия зайти в тыл, мягкое подбрюшье североамериканских мятежников. Впрочем, сами мятежники всем плывущим виделись смутно, представляясь некой помехой в становлении Руси Заморской, не более того.

Конечно, ловя ветер и течения, мы делали немалый крюк, спускаясь едва ли не до берегов Африки, но, имея дело с океаном, приходилось помнить, что лишь карандаш по карте может идти прямо. Кораблю же, для того чтобы идти быстрее, необходимо учитывать и ветер, и течения, и сезонные шторма, и не менее сезонную сушь, в которую как раз попали и мы. Что уж тут поделаешь, природа не подряжалась заботиться о людях.

Глядя на страдания мучимых жаждой людей, Пол Джонс велел увеличить дневной рацион воды на пятьдесят граммов.

— Вот здесь, — он показывал на карту, — мы зайдем на Санта-Анну, или Сантану, как называют его португальцы. У нас будет великолепная возможность передохнуть пару дней, а заодно пополнить запасы воды и продовольствия.

— Кому принадлежит Сантана? — поинтересовался я, как всегда, ища подвох в действиях флагмана.

— До недавнего времени — испанцам. Теперь, если не ошибаюсь, по договору 1770 года, острова перешли к Португалии. Однако и те, и другие нейтральны. По моим расчетам, если мы дойдем до Санта-Анны в положенное время, у нас останется запас воды еще на четыре дня. Этого вполне хватит для возможных неожиданностей.

Высокое собрание, в том числе и адмирал граф Орлов-Чесменский, чей авторитет в вопросах мореходства был для меня непререкаем, согласилось с доводами Джона Пола Джонса, и я остался при своих пустых подозрениях в томительном ожидании подвоха. Все, что мне оставалось, разглядывать итальянскую карту маэстро Бьянко, лохматыми кляксами изображавшего островную гряду Сантана, Сальваджио и Сатанаксио, ища объяснения очевидной хитрости нашего флагмана. Ответа не было.

Я уже знал карту наизусть, но все мои познания носили, так сказать, общий характер. Так, скажем, мне удалось узнать, что последний из островов гряды изначально именовался Сант-Анаджио, то есть Святого Афанасия на языке басков, однако итальянский картограф, очевидно, введенный в заблуждение созвучием, придал названию этого поросшего лесом гористого островка дьявольски зловещее звучание. Само по себе занятно, но не более. Я с маниакальным упорством изучал эту карту, не находя ничего, что бы могло навести на мысль о грозящей опасности.

Остров Санта-Анна, куда мы направлялись, был довольно велик. На нем, если верить мессиру Бьянко, имелась небольшая крепостица, католическая миссия и городок с тем же названием, что и остров. Всего же, согласно упомянутым на карте данным, население острова составляло порядка пятидесяти тысяч жителей, главным образом аборигенов, отличавшихся радушным и добрым нравом и занятых рыбной ловлей и собиранием плодов. Я мучительно искал подвоха, но его не было. Так шел день за днем, Сантана была все ближе, и мысль о том, что скоро, хоть на день, мы сможем ступить на земную твердь вместо качающейся палубы, наполняла нас радостью почти истерической, что в общем-то понятно всякому, кто неделю за неделей наблюдал вокруг себя волны, волны и еще раз волны.

Ночь была безлунной. Вернее, тоненький огрызок ночного светила застрявшим ястребиным когтем торчал в черном небе, но света от него было не больше, чем от золотого шитья адмиральского мундира. Сантана была уже совсем близко. Мы не дошли до нее засветло, а с наступлением темноты эскадра стала на якорь, опасаясь подводных скал, имевшихся в изобилии, если верить все той же карте в прибрежных водах.

— Вставайте, милорд, вставайте! — тряс меня за плечо Редферн.

— Да что такое? Что случилось? — Я подскочил, выхватывая из-под подушки заряженные пистолеты, с которыми ни на минуту не расставался с начала похода.

— Мы снимаемся с якоря.

Я потряс головой, стараясь навести резкость.

— Эскадра?

— Да нет же, — недослушав меня, перебил Питер. — «Богородица» уходит одна. Адмирал велел погасить все огни и сейчас дрейфует по течению, не ставя парусов.

— Что еще за новости?! — Я вскочил и начал быстро одеваться. — Беги буди наших.

— Его превосходительство генерал Закревский и его благородие поручик Ржевский еще не ложились. Они уже оповещены. Графу Калиостро его слуга передаст, а их величество изволят спать без задних ног, так что и добудиться не могут. С вечеру рому перебрамши, — пояснил мой Питер.

— Ладно, — бросил я, надевая протянутый Редфернорм камзол. — Давай зови всех, кто уже на ногах, будем держать военный совет.

— Слушаюсь. — Камердинер поклонился и исчез за дверью.

«Так, — я начал мерить каюту, шагая из угла в угол, — значит, без каверзы все же не обошлось. Похоже, Джон Пол Джонс решил

бежать к своим, да еще с подарочком в виде линейного корабля и нашего злополучного «императора». Хорошо еще, что Орловы не согласились идти на «Богородице», не то конец бы настал эскадре». В каюту, поправляя на ходу абордажные перевязи, увешанные десятком короткоствольных крупнокалиберных пистолетов, вломились Лис с Ржевским.

— Ну, как тебе все это нравится, Вальдар? — с порога бросил мой напарник.

— Никак, — отрезал я.

— Как по-вашему, господин подполковник, куда мы направляемся? — поинтересовался Ржевский.

— Мы сейчас несколько восточнее Лонг-Айленда, вероятно, туда мы и пойдем. Вот, смотрите, — я ткнул пальцем в лежавшую на столе карту, — мы примерно здесь, вот Лонг-Айленд. Меньше недели пути.

— Без воды? — внезапно выпалил поручик.

От него я ожидал этот вопрос менее всего. Насколько мне удалось заметить, отсутствие или наличие воды никоим образом не затрагивало интересов славного гусара, а винный погреб «Богородицы» мог еще довольно долго снабжать экипаж живительной влагой, правда, в ее алкогольном варианте.

— Вам -то что за беда, поручик, — хмыкнул я. — До Лонг-Айленда придется помучиться с вином.

— Не придется. — Дверь каюты вновь открылась, и на пороге появился граф Калиостро. Раскланиваясь на ходу с присутствующими, он подошел к столу. — На Санта-Анну Пол Джонс, конечно же, не пойдет. Там завтра будет вся эскадра. Но на соседних островах тоже есть вода.

— Судя по карте — нет, — буркнул я.

— Если верить карте, земля плоская. Однако, милорд, вы не хуже меня знаете, что это не так.

— Что, правда? И давно? — ужаснулся Ржевский.

— Да ты не бойся, — утешил его Лис. — Она в общем-то плоская, только по краям везде закругляется.

— А-а, — облегченно вздохнул обалдевший рубака. — Ну, тогда еще ничего.

— Господа, не время заниматься космогонией, — бросил Калиостро.

— Кого гонией?.. — непонимающе поинтересовался вконец обалдевший поручик.

— Не важно, — Лис положил руку на плечо друга, — я тебе потом объясню.

— Что будем делать, господа? — спросил я.

— Ваше сиятельство, — Лис заговорщически посмотрел на Калиостро, — помните бабулину баньку? — Калиостро невольно поежил-

ся. Видимо, это воспоминание не доставляло ему радости. — А нельзя ли команду корабля, как тогда моих казачков, отправить баиньки?

Великий магистр отрицательно покачал головой:

— Увы, не имею права. Это бы нарушило магическое равновесие и естественный порядок вещей. Можете мне поверить, господин генерал, я уже сполна расплатился за прежние шалости с Великими Законами.

— А жаль, — вздохнул Лис. — Управлять кораблем мы, конечно бы, не смогли, но уйти на шлюпках к «Святославу» — это влегкую.

— На флоте есть старинный обычай, — начал я, понимая, что среди прочих сухопутных салаг, в силу своей прошлой принадлежности к морской пехоте, являюсь самым большим водоплавающим волком. До морского, увы, мне все же было далековато. — Когда решаются подобные вопросы, все присутствующие на борту офицеры, начиная с младшего по званию, высказывают свое мнение.

Ржевский обвел глазами собравшихся и, убедившись, что ниже его чином в каюте никого нет, подкрутил свой длинный ус и произнес гордо:

— Я предлагаю атаковать.

Предложить что-либо более странное и нелепое, казалось, было невозможно. Команду на «Богородицу» подбирал сам Джон Пол Джонс, а потому, даже считая с нами и нашими слугами, на стороне атакующих получалось не более тридцати человек. Если, конечно, русские матросы, входившие в экипаж, смогли бы поддержать наш натиск. Да и то, кто знает, что там творится в голове у этих самых матросов?

С палубы послышался звук боцманской дудки, призывающий экипаж на палубу.

— Паруса будут ставить, — прислушиваясь, произнес Лис. — Значит, уже отошли достаточно далеко. Не боятся, что их услышат.

— Следующее слово ваше, господин подполковник, — напомнил мне Калиостро.

— Я поддерживаю господина поручика. Конечно, у нас не хватит сил для общей атаки, но нападение — это то, чего от нас сейчас меньше всего ждут. Полагаю, необходимо сделать вылазку и захватить адмирала Джонса. Даже если нам не удастся заставить его повернуть корабль, мы сможем отвлечь мятежников от того, что будет происходить за бортом.

— А что будет происходить за бортом?

— На корме принайтован разъездной ял. Думаю, нам необходимо предупредить графа Орлова об измене флагмана. Если мы сможем отвлечь внимание команды, вероятно, нам удастся спустить ял на воду.

— Но кто же пойдет на такой утлой лодчонке в открытое море? — Лицо Калиостро передернулось. Видимо, мысль оказаться один на один со стихией, без компаса и всех остальных навигационных инструментов, вовсе не поднимала ему настроение.

— Судя по тому, что вы спрашиваете, кто пойдет на шлюпке, — начал Лис, — сама атака не вызывает у вас возражений. Относительно же того, кто пойдет на яле, отвечаю: я пойду.

— Но эскадра уже довольно далеко. А пока дело будет сделано, если нам, конечно, удастся его успешно завершить, она и вовсе затеряется. Мы ведь не знаем, в каком направлении сейчас идет «Богородица».

— Это уж не извольте сомневаться. Часок на веслах, и такое количество котлов с кашей я за сто верст нюхом учую, — пообещал Лис.

Уж и не знаю, как там на лисовский нюх, но в том, что мой напарник разыщет эскадру, я был свято уверен. При помощи навигационной системы Базы отыскать в пятидесятимильном квадрате эскадру в восемь десятков кораблей так же просто, как рессору в стоге сена, имея магнит.

— Согласен, — кивнул я. — Ты и Редферн. Он старый моряк и с веслами умеет управляться лучше всех нас, вместе взятых. А теперь, господа, давайте обдумаем план атаки.

— За дверью два караульных, — шепотом сообщил Питер, охранявший вход по нашу сторону линии фронта.

— Ну что ж. — Мы с Калиостро переглянулись. — Если правда, что человека в раю погубило любопытство, здесь оно его и подавно погубит, — усмехнулся великий магистр. — Начнем. — Он поднял голос: — Нет, ни за что! Пол Джонс обязательно должен знать это!

— Вы изменник, граф! Клянусь, прежде чем вы ступите еще хоть шаг, вам придется скрестить со мной клинок!

Мы выхватили шпаги и начали усердно стучать одной об другую. Дверь тихонечко скрипнула, и в щель просунулась голова одного из стражников. Приклад питеровского штуцера что есть силы опустился на любезно подставленный затылок. Несчастный начал беззвучно оседать. Второй караульный, видя, что сотоварищ внезапно потерял равновесие, инстинктивно попытался было подхватить его и тут же уперся взглядом в два шпажных клинка у собственного горла.

— Тащи его сюда, — прошептал я. — Только очень тихо.

Через минуту оба наших неусыпных аргуса, подобно поленьям, лежали в моей каюте, а их места с карабинами в руках уже занима-

ли Лис и поручик Ржевский. За дверью в качестве оперативного резерва притаился Редферн, а дальше в коридоре Калиостро руководил нестроевой командой, заряжавшей все имеющееся в нашем распоряжении огнестрельное оружие, чтобы при случае создать на палубе эффект бесперебойной, едва ли не автоматической стрельбы.

Еще спустя пару минут я шел по палубе от юта к капитанскому мостику, неспешно созерцая суетящихся на реях матросов, поворачивающих паруса под ветер. Казалось, никому не было до меня дела. Я сложил руки на груди, нащупывая под расстегнутым камзолом рукояти пистолей. Порядок. Выхватить их в нужный момент не составляло никакого труда.

Как я и предполагал, Джон Пол Джонс вместе с капитаном, штурманом и вахтенным офицером находился на капитанском мостике. Занятые своим делом, они заметили меня, только когда под моими ногами заскрипели ступени трапа.

— А, милорд Вальдар, — начал адмирал, — вас, должно быть, разбудили...

Не говоря ни слова, я выхватил пистоли из-под камзола и спустил курки не целясь, почти в упор. Капитан и штурман рухнули, обливаясь кровью. Разряженные пистолеты тут же полетели в лицо вахтенному офицеру. Он отступил, рефлекторно пытаясь закрыться рукой. Этого мгновения мне было достаточно, чтобы «туз из рукава» мягко лег мне в ладонь и шпага, тускло поблескивая сталью, уперлась в живот адмирала.

— Не надо, — прошептал я, замечая движение руки Пол Джонса к эфесу. — А вы, любезный, — мой взгляд упал на уже пришедшего в себя вахтенного, готового, кажется, отдать жизнь за любимого командира, — убирайтесь.

— Ступайте, — мягко, без тени испуга, даже с некоторой, едва заметной, насмешкой произнес адмирал. — Нам с милордом Камдилом нужно немного посекретничать. Господин подполковник, — глядя на истекающих кровью офицеров, произнес Пол Джонс, когда мы остались на мостике одни. — У вас странная манера приветствовать собратьев по оружию.

— Не менее странная, ваше превосходительство, чем посреди ночи сниматься с якоря и, погасив огни, уходить не прощаясь.

— А по какому, собственно говоря, праву, господин подполковник, вы требуете ответа у первого флагмана эскадры?

— По праву представителя ее величества в экспедиционном корпусе. Однако если вас что-то смущает, господин адмирал, по возвращении вы тут же можете отдать меня под суд.

Над капитанским мостиком повисла гнетущая тишина. Вокруг, на палубе, привлеченные выстрелами, уже немалой толпой собрались вооруженные матросы, явно в большинстве своем сочувствующие моему собеседнику. Пол Джонс молчал, вглядываясь в предрассветный сумрак.

— Поверните корабль, адмирал, — прорычал я. — Иначе я убью вас.

— И не подумаю, — пожал плечами флотоводец. — Неужели вы думаете, что я, исконный американец, человек, снискавший себе славу под флагом борьбы за независимость, приведу орду чужеземцев к себе на родину? Чем вы меня пугаете — смертью? Да пожалуйста! Вопрос только в том, долго ли вы и ваши друзья проживете после этого.

— Пожалуй, вы правы, адмирал, — склонил голову я. — Но эскадра дойдет и без вас, и без меня. У нас же есть тема для конфиденциальной беседы. Давайте отойдем в менее людное место, где никто не помешает нам вести переговоры, как подобает джентльменам.

— Ну, это вы джентльмен, — начал Пол Джонс.

— Адмирал, сейчас мы с вами спокойно и без глупостей отправимся на ют и вместе поищем выход из создавшейся щекотливой ситуации. Мне не хотелось бы огорчать ваше благодарное отечество столь невосполнимой потерей. Не думаю, чтобы моя смерть его утешила. Так что пойдемте. Да, вот еще что, прикажите русским матросам с оружием в руках собраться на юте. Ну и, полагаю, старшему офицеру не составит труда заменить выбывшего капитана, пока мы с вами будем вести переговоры.

— Ну что ж, — улыбнулся Пол Джонс, — будь по-вашему.

Двенадцативесельный баркас отвалил от борта «Богородицы» и, слитно работая веслами, направился к острову, нависающему на горизонте угрюмыми скалами над полосой прибоя.

— Велите держать правее, милорд. Там вход в небольшую бухточку. Отсюда ее не видать, вон тот мыс ее загораживает. — Джон Пол Джонс ткнул пальцем в сторону обрывистой скалы, над которой кружили стаи птиц, уже поднявшихся на утреннюю рыбалку. — На мой взгляд, вы зря предпочли высадку на острове почетному плену. Понимаю, вас тешит надежда, будто господин Закревский и ваш камердинер смогут отыскать адмирала Орлова. Но даже если это им удастся, в чем лично я очень сомневаюсь, вряд ли их удача вам поможет.

Я слегка коснулся символа веры на груди, активизируя связь.

— Лис, послушай и прими к сведению. Похоже, флагмана пробило на откровения.

— Завсегда с удовольствием. Все равно мы тут тупо веслами машем. Кстати, что там у вас за посторонние шумы?

— Это не шумы, — поморщился я. *— Это император храпит.*

— Вот ведь каков богатырь, — неведомо чему обрадовался Лис. *— У него отчины и дедины из-под носа уводят, а ему все нипочем, знай сопи себе в две дырки. Ладно, как дела с Пол Джонсом?*

— Прежде чем ваши гонцы достигнут эскадры, она дойдет до Санта-Анны. А там у графа Орлова вполне может возникнуть шанс прибавить к титулу Чесменский титул Сантанский. Так что некоторое время его светлости будет не до вас. Но даже если он решит вас после всего этого отыскать, ему понадобится несколько дней. А у местных аборигенов в отличие от жителей Санта-Анны на редкость мерзкий нрав. Почти как у вас, милорд.

— Спасибо на добром слове.

— Ну что вы, всегда к вашим услугам. Но в отличие от вас у них есть еще одна малоприятная черта. Они, как бы это помягче выразиться, весьма своеобразно решают проблему нехватки мяса.

— Вы хотите сказать, что они каннибалы?

— Ну да. — Лицо Пол Джонса расплылось в обворожительной улыбке. — Оно, знаете ли, что народ, то закон. Поэтому мой вам дружеский совет. Видите на мысе строение? Посмотрите в трубу, будет лучше видно. Остатки старого испанского форта. Туземцы туда не суются. Это место для них табу. Во время штурма крепостных стен испанцы положили несколько десятков дикарей, так что теперь руины считаются злыми. Укройтесь там, быть может, и дождетесь подхода Орлова. Правда, с водой здесь туго. Местные жители в сезон дождей собирают ее в специальные углубления, выдолбленные в камнях, собирают росу, высасывают влагу из листьев. Одним словом, безрадостная жизнь. Однако Господь милостив. Быть может, кто-то из вас и выберется из этой передряги. Да велите матросам грести быстрее, у меня нет оснований задерживаться на этом уютном островке, и я не хочу пропустить отлив и утренний бриз.

— Все слышал? — угрюмо промолвил я, слушая измывательства Пол Джонса. *— Насчет «грести быстрее» это и к тебе относится.*

— Да я бы и рад, — хмыкнул Лис. *— Вот только не могу найти, где заводится мотор на нашем катере. Ты не подскажешь?*

— Не волнуйтесь, милорд. Когда я в следующий раз буду проходить мимо сих мест, непременно высажусь справиться о вашей судьбе. И если вдруг по какой-либо причине граф Орлов не придет, я похороню останки по христианскому обычаю.

Талейран: А, *колокола! Мы побеждаем.*

Жак Боном: *Кто это «мы», мой князь?*

Талейран: *Ни слова! Завтра я вам скажу, кто мы.*

Я стоял среди руин старого испанского форта, венчавшего мыс, наблюдая, как ловко маневрирует в волнах прибоя баркас Пол Джонса, и из головы моей не шла минута нашего прощания.

— ...Вы, наверное, считаете меня изменником, милорд? — насмешливо спросил адмирал, устанавливая мачту. — Должен вас разочаровать: я чист как перед своей родиной, так и перед императрицей Екатериной. Именно она велела мне сделать все возможное, чтобы эскадра не дошла до берегов Америки.

— Вы лжете, — угрюмо бросил я. — Императрица не могла желать гибели кораблям собственного флота.

У меня не было сомнений в том, что государыня желает отделаться одним махом и от Орлова, и от Пугачева, и от самозванки, к величайшему сожалению оной, имеющей прав на престол, во всяком случае, не менее самой императрицы. Но уничтожать такое количество людей, боевые корабли — это слишком.

— Фи, господин подполковник, в нашем мире самая изощренная ложь уступает в замысловатости чистой правде. Станет ее величество жалеть изменников, будь то вчерашние сановники или же голозадые казаки? А уж до этой плавучей рухляди, купленной и зафрахтованной на английское золото, ей и подавно нет никакого дела. Можете мне поверить, английская казна всегда отличалась скупостью, но даже из этих крох государыня сохранила для своих фейерверков большую часть. Я восхищаюсь российской императрицей — ни одна женщина до сего дня не вызывала у меня столь возвышенных чувств. Когда мы с ней встретились, она спросила: «Господин Джонс, знаете ли вы, для чего я дала вам адмиральское звание?» — «Вероятно, вы повелите мне вести эскадру Пугачева в Америку», — ответил я. «Вы правы, — сказала она, — Но я хочу, чтобы эскадра не дошла до нее. Вы понимаете меня?» — «Конечно, — согласился я. — Мне эта мысль тоже пришла в голову, как только я узнал о предстоящей экспедиции». — «Вот и великолепно». — Императрица сочла было вопрос решенным.

Но видите ли, милорд, у меня тоже есть свои принципы, и первый из них гласит: патриотизм должен быть оплачен. Бесплатная любовь к родине, впрочем, как и всякая другая бесплатная любовь, расслабляет неблагодарное Отечество и в конечном счете обходится слишком дорого.

Так вот, Екатерина сочла было аудиенцию оконченной и собралась уходить, а потому я поспешил задать единственный вопрос, который волновал меня: что в результате получу я? Видимо, ее величество не думала прежде над этим вопросом, потому как ляпнула абсолютно несуразную глупость: «Вы получите прекрасный корабль, немалую сумму денег и славу спасителя Отечества у себя на родине». Полагаю, что императрица не считала меня полным идиотом, иначе она бы не решила поручить мне столь деликатное и рискованное предприятие, просто ей хотелось поторговаться, и она не спешила называть истинную цену. Я, конечно же, подыграл государыне. «Мадам, — сказал я. — И то, и другое, и третье в любом случае будут моими в ходе операции. Это не результат ее, а всего лишь следствие. Меня же интересует, какова моя доля в этом пироге». — «Чего же вы хотите?» — гордо произнесла императрица, делая вид, что до крайности изумлена моей нескромностью. Жаль, что вы не видели этого выражения лица. Вы бы по достоинству оценили благородное негодование ее величества. Угадайте, что я у нее попросил?

— Мою голову, — вздохнул я.

— Верно, друг мой, вашу голову. Не то чтобы вы были мне ненавистны, вовсе нет. Но обиду нельзя спускать никому. Как говаривал судовой капеллан на «Пионере», Царствие Небесное им обоим, если какой-нибудь ублюдок стукнул тебя по правой щеке, подставь ему и левую, чтобы впредь не быть таким недоумком и не подставлять морду для битья.

— И Екатерина подарила вам жизнь своего флигель-адъютанта?

— Не сомневаясь ни минуты. А вы полагали, что могло быть иначе?

— Признаться, да.

— Напрасно, друг мой, напрасно. Вы странный человек, милорд Вальдар. С одной стороны, знатный дворянин старинного рода, а с другой — человек, начисто лишенный интуиции царедворца. Запомните, хотя, думаю, вам это больше никогда не понадобится, сильные мира сего ненавидят героев, которые у них ничего не просят. Этим самым они как бы равняют себя с ними, что в глазах владык абсолютно недопустимо. И в этом, милорд, ваша роковая ошибка. А теперь, дорогой мой, помогите мне, пожалуйста, оттолкнуть баркас от берега да поспешите добраться до развалин на мысе, если хотите еще какое-то время побороться за свою жизнь. Засим прощайте, господин подполковник, полагаю, мы больше никогда не увидимся.

* * *

...И вот теперь я стоял среди руин, наблюдая, как ловко управляется с баркасом верный сын Америки и России, высматривая, не появятся ли раньше времени на горизонте мачты «Богородицы».

По условиям соглашения линейный корабль должен был вновь подойти к острову не ранее чем через два часа, тем самым гарантируя нас от неприятных сюрпризов. Но кто знает, что могло прийти в голову раздосадованным каперам.

— Не нравится мне это место, — вздохнул поручик Ржевский, сидевший возле меня на камне и обрабатывавший оселком клинок своей сабли. — Уж очень все напоминает игру в прятки: раз, два, три, четыре, пять, я иду искать, кто не спрятался, я не виноват. Вернется сейчас господин адмирал, высадит десант, и будет нам всем полный ататуй. Мы на этой свалке, что прыщ во лбу — со всех сторон видны.

— Вы правы, — кивнул я. — Но пока «Богородица» не пришла, надо осмотреться и хотя бы примерно наметить, куда идти.

— А куда здесь идти? Куда ни кинь, везде глухомань.

— *Вау, капитан! Шо это у вас за картина? «На севере диком стоит одиноко сосён»?*

— *Лис,* — укоризненно начал я.

— *Ладно, ладно, из уважения к твоей породистости — не сосён, а могучий дуб.*

— *С чего это ты такой радостный?* — возмутился я прибауткам своего напарника.

— *Вдали видны мачты эскадры. Судя по направлению движения, они держат курс на Санта-Анну. Я запросил Базу, если скорость хода эскадры сохранится, они будут у острова не более чем через полчаса.*

— *Лис, родной!* — взмолился я. — *Налегайте на весла. Я уверен, что на острове засада.*

— *Эка невидаль,* — горько усмехнулся генерал-аншеф Закревский. — *Кто же сомневается? Да только все равно мы грести быстрее не сможем, мы и так еле выгребаем. Чай, вместо сердца не пламенный мотор.*

— *Лис, ребятки, в ваших руках спасение эскадры,* — чуть не плача от бессилия, попросил я. — *Быстрее!*

— *Весла в наших руках,* — раздраженно бросил мой напарник. — *Некогда мне с тобой лясы точить. Отбой связи.*

— Хорошо, поручик, спускаемся. Полагаю, нам следует пробиться через джунгли и подняться на пик. Там можно оборудовать вре-

менный лагерь, пока Орлов не дойдет до острова. Там же, кстати, можно устроить и маяк.

Я не стал рассказывать Ржевскому, что эскадру на Санта-Анне, возможно, ожидает западня. Кто знает, быть может, все еще было не так фатально, как мне казалось. К чему прежде времени убивать надежду. Не важно, когда и откуда придет спасение, главное в такой ситуации занять всех делом, иначе спасать будет некого. Но чего-чего, а дел для нас тут еще было воистину непочатый край.

— Спускаемся, — скомандовал я.

Поручик сделал знак сопровождавшим нас матросам, и мы начали свой путь к подножию, где ожидал остальной отряд добровольных робинзонов.

Подсчет припасов давал неутешительные результаты. Их могло хватить в лучшем случае дня на три при самом скудном рационе. Особо же туго было с водой. Двадцатипятилитровый анкерок с баркаса — вот все, чем пожаловал нас адмирал Джонс.

— Ближе к вечеру должен начаться ливень, — словно читая мои мысли, произнес Калиостро, глядя в небо. — Судя по духоте, в воде у нас скоро недостатка не будет.

Я покосился на оракула и только тяжело вздохнул. Что я мог сказать великому магистру? Все хорошо ко времени и к месту. Наш путь лежал через непроходимые дикие джунгли, кишащие уж черт знает какой живностью, к которой я по злобе относил и обещанных Пол Джонсом каннибалов. Перспектива же ко всем прочим радостям получить бесплатный душ Шарко на неизвестно какой срок меня и вовсе не радовала.

— Мы пойдем на пик, — угрюмо бросил я. — Попробуем найти какую-нибудь пещеру над джунглями. В низине оставаться нельзя.

— Верно, — подтвердил Калиостро. — Только это не пик. Это остатки вулканического конуса. Футов девятьсот, поди, будет, — смерив взглядом высившуюся над непроходимыми джунглями гору, сообщил он.

Я тяжело вздохнул. Мне было абсолютно безразлично, пик это или остатки вулкана, но вот то, что мессир Бьянко был целиком прав, сменив этому клочку суши благопристойное имя святого Афанасия на зловещее Сатанаксио, для меня было ясно как божий день.

— Вот дьявольщина! Закревский, кто у нас тут лазит? Это где же адмирал таких клопов себе наискал, разъядрит его в тудыть!

До сей поры мирно дрыхнувший всея Великая, Малая и Заморская Руси император подскочил на импровизированных носилках, где покоилось его беспробудное тело, и начал усердно тереть щеку.

— У-у, ядрена-матрена! — выдохнул он, пытаясь сфокусировать зрение и хватаясь другой рукой за землю, чтобы не упасть. — Эт-то что это тут у нас? — Он обвел окрестность полубезумным взглядом. — Это я где? Это я что, уже в раю? — Пугачев безуспешно попытался встать. — Тогда почему клопы?

— Скорее в аду, — хмыкнул я, ловя заваливающегося набок атамана и помогая ему принять подобающее монарху вертикальное положение.

— Так это чё, ад? — уж не знаю почему, радостно воскликнул Емельян Иванович. — Ну, тогда еще ничего. Поживем. — Он довольно развел свои широкие плечи и потянулся, приветствуя новый день. — Эх, благодать Господня! Птички вон, опять же, поют. — Он ткнул в трещавшего на соседнем дереве разноцветного попугая. — Эка курица кривоносая... Да, кстати, о кривоносых, куда подевался Закревский?

— Спешит на лодке к Орлову предупредить, что Пол Джонс нас предал и эскадра движется прямо на засаду.

— Ах, чертово охвостье! — Грозный атаман схватился за саблю. — Ну, я до него еще доберусь! Ничего, Лис успеет. Он завсегда успевал.

Увы, я сомневался в том, что обычно успевающий повсюду «енерал-аншеф» поспеет и в этот раз, но не хотел расстраивать «государя» такими мелочами.

— У-у, башка как болит, — пожаловался он мне. — Есть у нас чего-нибудь выпить?

— Вода, — бросил я, — пока совсем немного. Но господин лекарь, — в походе я не слишком афишировал имя великого магистра, поступившего волонтером в наш обоз, — утверждает, что скоро ее будет более чем достаточно...

— У меня вот есть, — сознавая тяжесть положения Петра III-бис, произнес Ржевский, доставая из кармана камзола плоскую серебряную флягу.

— Благодетель, — задыхаясь от нетерпения, вымолвил Пугачев, вырывая флягу и быстро откручивая крышку. — Ну, сударь, — он довольно крякнул, чувствуя, как расходится по жилам казенное зелье, — спас ты меня, брат, спас. Жалую тебя за то капитаном. — Я только хмыкнул, отсутствие женщин и наличие водки явно шло на пользу карьере бравого поручика. Вот только какое значение имела теперь эта самая карьера? — Ну, что у нас тут? — оглядываясь уже явно просветлевшим взором, спросил «государь».

— Остров, тьма всяких гадов, дикари-людоеды... Того и гляди ливень ударит.

— Всего-то! — усмехнулся Пугачев. — Тьфу! Было бы о чем тужить! А ну-тка, капитан, строй коробку. В гору идти будем. Трое

спереди прорубаются. По шестеро сбоку. Да трое сзади. Вы, — он ткнул денщикам Калиостро, Ржевского и своему, — понесете воду, порох и свинец. Господин лекарь со своим сундуком сам управится. Вы, господа офицеры, да я с пистолями пойдем за рубщиками во главе коробки. С боков трое задних, да последние, что спину прикрывают, идти карабины на руку. Рубщикам меняться по устатку. Все, братья мои, строиться. Пошли.

Матросы, расставляемые по местам Ржевским, послушно обнажали абордажные сабли, брали на руку карабины, даже и не думая задаваться вопросом, по какому такому праву командует этот беспробудный выпивоха. Но, честно говоря, ни у меня, ни, похоже, у Ржевского тоже не возникла мысль не повиноваться или хотя бы даже оспаривать эти четкие и в общем-то вполне дельные приказы. Что же до их экзотичности, то, как говорят в войсках, решение принятое и исполняемое считается условно правильным.

Мы тронулись в путь, прорубаясь сквозь какие-то лианы и чертовы доисторические папоротники, стуком и криками отгоняя змей, отпугивая зверье и пытаясь сколько возможно держать указанный «императором» строй.

— Видал я как-то разлив на Дону после дождя, — куда-то в пространство кинул «государь Петр Федорович», поводя перед собой пистолями. — Дрянное, я вам скажу, было дело.

— *Капитан, прости, я сделал все, что мог,* — раздался в моем мозгу отчаянный голос Лиса. — *Смотри.*

Корабли медленно, явно опасаясь подводных камней, входили в гавань Санта-Анны. На мачте «Великого князя Святослава» быстро поднимался под самый клотик сигнал «требуется лоцман». Крепость, стоявшая на берегу гавани, казалась вымершей, словно «Летучий голландец». Но что это была за крепость! Она совсем не напоминала то строение из пальмовых стволов и местного камня, развалины которого красовались на Сатанаксио. Это было превосходное укрепление вобановского начертания, могучим бастионом, словно замком, запиравшее вход и выход их бухты. Вслед за «Святославом» в воды Санта-Анны вошел линейный корабль «Рюрик», за ним один за другим два фрегата, и повернуться в гавани стало невозможно. Я с ужасом понял, что сейчас произойдет. Но казалось, что на кораблях никто и не замечает, в какую ловушку они угодили. От борта «Святослава» неспешно отвалил вельбот и направился в сторону пирса. Абсолютно пустого пирса под стенами крепости. Внезапно над белокаменными куртинами протяжно угрожающе запела труба. На пустом дотоле шпиле взвился флаг Испании с львами и башнями, словно по мановению волшебной палочки, бойницы крепости ощетинились жерлами пушек, и слитный залп десятков крепостных орудий потряс округу.

За ними последовал страшный грохот, взрывы и ответный бортовой залп кораблей эскадры. Бухту заволокло дымом, сквозь который ранеными змеями пробивались языки пламени. За первым залпом последовали другие, окончательно скрывая происходящее от глаз. Все, что я мог видеть, был дедовский линейный корабль «Егерсдорф», засыпавший ядрами внешний фас бастиона со стороны моря. Транспорты, лишенные единого руководства, под прикрытием оставшихся двух фрегатов да пары бригантин старались отойти подальше от острова, неловко маневрируя и едва не сталкиваясь друг с другом. Но, как видно, этому дню суждено было быть записанным непроницаемо-черными буквами в летописи нашего отчаянного предприятия. Из многочисленных бухт и бухточек Санта-Анны, словно стая пираний, почуявших кровь, поодиночке, по трое, по пятеро стали выходить небольшие хищного профиля кораблики, спеша где под парусом, а где и на веслах подойти поближе к сгрудившимся транспортам. Вот одно из этих суденышек со всего маху врезалось в борт транспорта, с него на палубу полетели крючья, намертво вонзаясь в жертву. Несколько моряков экипажа спрыгнули за борт, и суденышко запылало, спеша перебросить свое пламя на обреченный транспорт.

— *Брандеры,* — с болью в голосе прошептал я.

Придя в себя от первоначального оцепенения, транспорты начали отплевываться из своих чахлых пушчонок, умудряясь порой поджечь ту или иную посудину. Но вот еще один транспорт вспыхнул словно спичка, за ним еще один и еще. Море наполнилось людьми, прыгавшими с бортов, ища спасения от огня в волнах. Между людских голов виднелись морды лошадей, вырвавшихся из стойл, но это была лишь иллюзия спасения. То тут, то там водную гладь рассекали акульи плавники, предвещая скорую гибель в океане бегущим из пламени пожара.

Я едва не задыхался от ужаса, наблюдая, как, маневрируя, идут по головам обреченных оставшиеся на плаву транспорты. Я видел, как выстроившиеся тремя шеренгами у бортов казаки буквально сносят огнем своих ружей экипажи с открытых палуб брандеров, тут же передавая разряженное оружие в заднюю шеренгу и подхватывая уже заряженное, чтобы произвести новый залп. Я видел, как сталкивались потерявшие управление брандеры, как вышедший на боевую позицию фрегат «Беспокойный» буквально в щепки разносит юркий каперский люгер, уже лишившийся одной из мачт. Надо всем этим кружилась, не оседая, копоть, горящие снасти вылетали будто сами собой из черных клубов дыма, падая на соседние корабли, и испуганные людской кровожадностью чайки пытались подняться как можно выше, как можно дальше от происходящего в безоблачное синее небо.

— Эй, флигель! Под ноги смотри! — окликнул меня Пугачев. — О чем размечтался?

Яркая полосатая змеюка фута в два выскользнула у меня из-под сапога и, извиваясь, метнулась в джунгли. Мы прорубались сквозь чащобу вот уже битый час, но мне казалось, что мы все еще едва отошли от берега. Наш отряд, как фреза, врезался в первозданную сельву, устилая путь останками срубленных растений, но чащоба, казалось, смыкалась за нашими спинами, будто и не замечая нанесенного урона. Под ногами что-то чавкало, вокруг жужжало и жалило, мы все уже выбились из сил, задыхаясь от душного сладковато-пряного воздуха, стоявшего буквально стеной.

— Посмотрите, — внезапно произнес Ржевский, указывая на лиану, заковыристым сучком прикрепленную к стволу дерева, — я готов поклясться, что это дело рук человека.

— Вы правы, поручик, — мягко, словно экскурсовод, одобряющий познания туриста, произнес Калиостро. — Несомненно, это дело рук человека. Сучок не отломлен, а срублен. Хотя и не металлическим орудием. Посмотрите на след сруба: топор не разрезал, а как бы разрывал волокна.

— Ну и что нам с того? — пробурчал «государь», явно нуждающийся в очередной дозе горячительного.

— Мы находимся возле тропы, по которой ходят местные аборигены, — пояснил граф. — Вы позволите? — Он чуть подвинул Ржевского и приложил ладонь к лиане. — Да, безусловно. Тропа вон там. — Калиостро показал рукой направление чуть правее нашего первоначального.

— Ну и что же? — хмыкнул я. — Она приведет нас в поселок людоедов. Не думаю, чтоб там нас ждали с распростертыми объятиями. Во всяком случае, их радость по поводу появления гостей будет весьма своеобразной.

— Это они вам сами сказали? — насмешливо посмотрел на меня Калиостро.

— А что тут говорить? — поддержал меня Ржевский. — В кои-то веки обед сам придет.

— Пустое, — отмахнулся великий магистр, — мало ли что наговорят на людей. Государь, — он повернулся к Пугачеву, — в полумиле отсюда находится довольно благоустроенный поселок, где местные жители вполне радушно смогут нас принять.

— Ты че мелешь, лекарь?! — непонимающе буркнул атаман. — Они же людей жрут!

— Нет смысла спорить о разности культурных традиций, — вздохнул Калиостро. — Но я вам гарантирую, что нас они не тронут.

— А коли таки слопать захотят?

— Что ж, тогда пусть первым буду я.

— А одного-то, поди, на всех не хватит, — вздохнул Ржевский.

Внезапно джунгли вокруг нас огласились каким-то шипением, клацаньем и щелканьем, и из-за деревьев, подобно сказочным то ли гномам, то ли эльфам, стали появляться раскрашенные смуглокожие крепыши с копьями, дубинами и луками в руках. С эльфами их роднила безбородость, а с гномами — квадратное телосложение и внешняя угрюмость.

— А вот и проводники прибыли, — усмехнулся Ржевский, вскидывая пистолеты. — Боялись, что граф дорогу не найдет.

Наша коробка сомкнула строй, готовясь к обороне. Однако дистанция, разделявшая нас и количество собравшихся едоков, оставляла разве что шанс превратиться в корм для туземцев после хорошей драки. Что ж, и на том спасибо. Уж очень не хотелось дожидаться в каком-нибудь грязном загоне времени очередного ужина.

Но, похоже, удивленные нашим появлением дикари все еще не решались нападать. Один из них, покрытый какими-то насечками и татуировками с ног до головы, подобно японскому якудзе, вышел вперед и угрожающе зашипел на разные лады, застрекотал, да и вообще начал издавать такие звуки, которым и названия-то в обыденной жизни не было. Я почувствовал, как раскаляется от перегрева система «Мастерлинг», пытаясь перевести в словесную форму знаковую речь аборигенов. «Большая рыба... мужчина... мужчина... мужчина... мужчина... не человек... ходить...» Пока я пытался понять, что говорит неизвестный оратор, Калиостро вышел вперед, раздвинув шеренгу матросов, и что-то зашипел в ответ местному говоруну. Но как-то беззлобно, по-доброму. Они вновь обменялись шипением и присвистами, затем Калиостро вытянул вперед руку ладонью вверх, и тут началось такое!..

Я едва не поседел от пережитого кошмара. Джунгли зашипели. Но это не были звуки слышанной нами дотоле речи аборигенов, это было самое что ни на есть настоящее змеиное шипение. А вслед за этим сверху, снизу, с боков, откуда-то из-под земли, с веток деревьев, лиан, из-под корней поползли змеи. Змеи разной длины и окраски, большие и малые, ядовитые и питоны в неисчислимом количестве. Мы все замерли, как кролики на съезде удавов, но гады ползучие, похоже, попросту не замечали людей. Они окружили нас кольцом и устроили какую-то дикую вакханалию, какую-то бесовскую пляску, свиваясь и развиваясь, переплетаясь друг с другом и повисая на ветвях, наподобие праздничной гирлянды. Только огромный, более чем трехъярдовый бушмейстер, копьеголовый, как все бушмейстеры, с россыпью темных пятен по светло-коричневой с розо-

вым отливом чешуе, обвился вокруг ног Калиостро, мягко, будто лаская, поднялся по его телу на плечи и замер в блаженном покое, положив голову на ладонь Калиостро.

Оглушенные увиденным туземцы один за другим бросались ниц, словно встретив живого бога. Впрочем, мы все тоже были близки к этому состоянию, и от скоропалительного падения на землю нас, пожалуй, удерживало лишь количество кишащих едва ли не под ногами змей. Давешний оратор, оторвав нос от земли, что-то быстро зашелестел, опасаясь, однако, поднять глаза на великого магистра.

— Господа, этот джентльмен спрашивает, не угодно ли будет нам посетить, я так понял, мое святилище, чтобы верховный жрец его народа мог оказать гостям подобающие почести.

— От-тчего не пройти, — выдавил Пугачев, окончательно трезвея и нащупывая рукой затылок, чтобы почесать его. — Только ты, лекарь, товось, аспидов с дороги прибери. Не ровен час, раздавим кого.

— Капитан, ты не поверишь, но, похоже, мы побеждаем! — Лис стоял на палубе «Князя Святослава» рядом с командовавшим боем Алексеем Орловым-Чесменским, наблюдая, что называется, во все глаза: свои и мои.

На берегу бухты, подобно мертвому киту, выставив из воды истерзанный правый борт и поросшую водорослями подводную часть ниже ватерлинии, лежал линейный корабль «Рюрик». По правую руку от «Святослава» матросы баграми и абордажными саблями срывали горящие снасти, стараясь не дать расползтись пожару. Но пушки уже не стреляли, и уносимый ветром пороховой дым становился все реже, позволяя видеть над бастионом развевающееся белое знамя. Испанский флаг уже исчез, лишь обломок флагштока огрызком кости торчал над стеной, напоминая о былом величии. На самой же куртине сбилась в кучу толпа абсолютно голых бородачей с саблями в руках, радостно приветствующих российский флагман. Один из них и размахивал тем самым белым флагом, который мы наблюдали.

— *Это кто?.. Это что?..* — спросил я, дивясь подобному новшеству в ритуале сдачи крепостей. — *Это в смысле того, что с них больше нечего взять?*

— *Капитан, ну ты и впрямь валенок какой-то. Это же казаки. А голые, потому что в одежде плавать неудобно. Не веришь, сам попробуй.*

— *А откуда они там взялись?*

— *Как это — откуда? Как говорили у нас в совке: завелись. Ты же понимаешь, когда пушки палить начали, им на этих лоханках стало невыразимо грустно, и от той тоски они начали бросаться в*

воду. Без одёжи. Но с саблями в зубах. А потом, выбравшись на берег, покумекали да и решили зайти спросить у хозяев, с чего, собственно говоря, такой кипиш. Ну а поскольку с этой стороны все были заняты, то братэлы подошли со стороны острова.

— Без штурмовых лестниц?

— Нет, с пожарными машинами! Конечно, без лестниц. Откуда в эскадре штурмовые лестницы? На кораблях веревок набрали, пару пальм завалили, в общем, зашли на стены. А перед собой, исключительно для увещевания свихнувшихся по жаре испанцев, погнали монахов из местной миссии. Как видишь, с Божьей помощью обо всем договорились. О, вон и хозяин ласковый плывет. — Он показал пальцем на разукрашенную парусную лодку, отваливающую от пирса. Уж и не знаю, откуда она взялась, честно говоря, мне было не до того. Я увидел ладонь своего напарника, перемотанную окровавленной тряпкой, и у меня тоскливо сжалось сердце. Мне отчего-то вспомнилось веселье Лиса в вечер появления адмирала Джонса в лагере под Митавой. Да уж, что и говорить, повеселились изрядно.

— Ну а с караваном что?

— Ты знаешь, тоже как-то с Божьей помощью. Сначала из бухты удалось выйти одному из фрегатов, и они устроили каперам похохотать, а потом на горизонте показалось с десяток вымпелов наших отставших транспортников. Очевидно, нападавшие приняли их за подкрепление, потому как деру дали, шо наскипидаренные. Хотя, если серьезно, потери колоссальные. Ладно, об этом потом, давай-ка лучше поглядим на акт приемки сдачи объекта.

Разукрашенная лодка причалила к борту «Святослава», и на палубу поднялся высокий кабальеро в парадной испанской форме, с торчащими черными усами на смертельно бледном лице.

— Я хочу видеть Джонс Пол Джонса, — на ломаном французском произнес он. *— Я дон Эстебан Ферейро Гомес граф де Кампоферрато, комендант Санта-Анны.*

— Здесь нет адмирала Джонса, — с нескрываемым удивлением ответил ему граф Орлов-Чесменский.

— А кто же тогда командует эскадрой? — бледнея, кажется, еще больше, едва не задыхаясь, проговорил испанец. *— Кому я должен сдать свою шпагу?*

— Какого черта! К чему мне ваша шпага? Я граф Орлов. И я хотел бы знать, отчего вдруг вам пришло в голову открывать по нам огонь?..

— Нет, капитан, ну ты понял, как эта сука Пол Джонс нас подставил. Ладно, родной, продержись еще чуток, я сейчас быстренько найду, шо в этом гадюшнике может еще передвигаться своим ходом, и по-быстрому рулю к тебе.

— Не спеши. Тут Калиостро в раж вошел. Туземцы от него в немом восторге. Если что, я свистну.

Там, где кончались джунгли, и то, что называлось тропой, шло в горы, аборигены внезапно перешли с бесшумного крадущегося шага на приплясывание, оглашая округу ритмичным подвыванием: «Оу-оу-оу! Оу-оу-у!» Калиостро с бушмейстером на плечах, несомый на руках четверкой наиболее крепких дикарей, кидал на нас извиняющиеся взгляды, словно стараясь дать нам понять, что подобный способ передвижения ему и самому малоприятен.

Вверху между валунов и живописных складок застывшей лавы виднелся вход в небольшую пещеру. Те четверо, что несли великого магистра, в своих завываниях перейдя почти на шепот, поднесли его сиятельство к темному провалу и, трепетно поставив его на скальную твердь, опрометью бросились вниз, увлекая за собой все остальное племя. Замерев у самой кромки леса за нашими спинами, они, очевидно, ожидали чего-то по меньшей мере ужасного.

Из глубины пещеры послышалось угрожающее шипение. Однако после того, что нам сегодня довелось услышать, это было жалкое подобие настоящего звука. Бездарный дилетантизм. Спустя мгновение из тьмы на свет вышел некто в весьма живописном костюмчике, сработанном, насколько я мог понять, из кожи невесть откуда привезенной анаконды. Толстый хвост тянулся за ним ярдов на пять, и мощная удавья морда, надетая в качестве капюшона, наводила на мысль, что при жизни хозяйка костюма принадлежала именно к этому отряду пресмыкающихся. И все же, на мой взгляд, изысканный Калиостро с бушмейстером на плече смотрелся эффектнее.

Жрец, а я полагаю, это был именно жрец, увидав нежданного гостя, начал что-то шипеть и чирикать, оживленно жестикулируя, но, похоже, и тут великий магистр не желал ему уступать. Не знаю уж, о чем они там общались, но когда граф выхватил висевшую на поясе шпагу, мы невольно насторожились, готовые следовать его примеру. Но наш высокоученый соратник, похоже, не спешил применять клинок по прямому назначению. Он подошел к скале, приложил к ней ладонь, наклонил голову, словно прислушиваясь, чуть сдвинул руку, опять прислушался, затем приставил клинок острием к камню, вытащил из-за пояса пистолет и, словно молотком, ударил им по шпаге. Удар был не сильным. Словно волшебный жезл, шпага вошла в камень, а затем, выбивая из стены куски базальта, словно кровь из пронзенной груди, на волю вырвалась кристально чистая струя воды.

— Чудо, — прошептал я и, будто сумасшедший, бросился обнимать Пугачева, Ржевского, матросов и туземцев, ставших как-то сразу близкими и родными.

* * *

Раскрашенная морским змеем лодка стремительно неслась, рассекая волны, под шипящие звуки боевого марша племени. Вслед за ней мчались еще две такие же, разве что чуть поменьше первой. Сердцем вестфольдинга я великолепно чувствовал, какой животный ужас должны были вселять в души жителей соседних островов эти утлые лодчонки. Они были родными братьями наших дракаров — кораблей-драконов, и, честное слово, я чувствовал к ним странную, почти родственную приязнь.

— Граф, — спросил я у живого бога племени шикоба, — у меня к вам два вопроса, если, конечно, позволите.

— Конечно, друг мой, — произнес Калиостро, поглаживая голову свернувшегося у его ног змея. — Спи, спи, все хорошо.

— Во-первых: на каком языке вы общались с местными жителями, и второе: откуда вы узнали об источнике?

— Ну, с источником все просто. Как я уже говорил, гора, с которой мы имели дело, потухший вулкан, соответственно, на вершине находится кратер. Судя по растительности, дожди здесь регулярные, следовательно, чаша кратера должна быть заполнена водой. Правда, это озеро считалось табу, видимо, оттого, что отравлено вулканической серой. Мне нужно было лишь найти точку напряжения в горной породе, а остальное вы видели. Можете не сомневаться, гора сама по себе идеальный фильтр, и вода чистая. А насчет языка, — он пожал плечами, — после жизни у волхвов само так получается: они говорят — я понимаю; я говорю — они понимают. Впрочем, думаю, вы об этом кое-что знаете.

«Интересно, что это такое известно графу о моих языковых способностях? — подумал я. — То есть да, я, конечно, разговаривал по-русски с Лисом на берегу Волги, но... Господи, Лис!»

— Ну, Сережа, как вы там? — Я включил связь.

— Да лучше всех, вот только никто не завидует. Тебя едем выкупать.

— В каком смысле?

— В военно-морском. К нам тут с неофициальным вражеским визитом пожаловал их превосходительство бывший флагман.

— Что?!

— Что-что, что видишь! — Лис включил картинку.

«Торжество Богородицы» покачивался на волнах, развернувшись бортом с открытыми пушечными портами в сторону входа в гавань. От корабля к берегу двигался роскошный адмиральский катер, на котором виднелась высокая элегантная фигура Пол Джонса.

Навстречу ему от берега, прикрываясь орудиями «Святослава» и одного из фрегатов, шел катер адмирала Орлова, на котором в числе других официальных лиц находился Лис. Они встретились на полпути от острова до «Богородицы».

— *Что вы хотите?* — не приветствуя Пола Джонса, начал Орлов.

— *Я желаю, чтобы вы остались на этом острове. Вы искали место, где можно начать новую жизнь, попытаться устроить мир по-своему? Пожалуйста, берите Санта-Анну. Это райский уголок. К чему вам искать чего-то другого? Да что Санта-Анна?! Берите весь архипелаг, я дарю вам его!*

Лицо Орлова передернулось.

— *Я не нуждаюсь в ваших подарках, господин Джонс! Я всегда поступал и впредь буду поступать так, как считаю нужным. Если я решил идти к берегам Нового Света, значит, именно это я и сделаю.*

— *Уменьшите свой пыл, адмирал. Я понимаю, что вам нет дела до соглядатая, приставленного императрицей, но станут ли повиноваться казаки, если узнают, что вы не пожелали спасать их великого государя? А только я знаю, где его искать.*

— *Это шо, адмирал, вы имеете в виду ту задрипанную развалюху на мысе острова Сатанаксио?* — ни с того ни с сего вмешался в беседу вершителей судеб Лис. — *Так это ж мухлеж. Они оттуда уже давно тю-тю.* — Пол Джонс уставился на моего напарника, стараясь скрыть удивление.

— *Кстати, капитан, а ты сейчас где?*

— *На трех пирогах подплываю к Сантане.*

— *Ну ты могута, на трех-то пирогах сразу!* — поспешил вставить шпильку Лис. — *Скоро будешь?*

— *Минут через десять, от силы пятнадцать.*

— *Что вы такое говорите, господин генерал?* — нахмурился Пол Джонс.

— *А что, разве у меня что-то с дикцией? Хорошо, постараюсь говорить почетче. Вальдар Камдил, держа шпагу у вашего брюха, заставил вас высадить русских и лекаря на острове Сатанаксио. Вы предполагаете, что они находятся в развалинах испанского форта. Так вот, сообщаю официально — их там нет. Более того, пройдет еще несколько минут, и они появятся здесь живые и невредимые.*

— *Вы блефуете,* — бледнея, произнес Пол Джонс.

— *Возможно. Давайте спорить. Скажем, на «Богородицу».* — Он протянул руку каперу и бросил, обращаясь ко мне: — *Капитан, гони быстрее, ты мне все кино портишь!*

Орлов вопросительно посмотрел на моего напарника, стараясь понять, что происходит. Не знаю, что увидел граф в глазах генерала

Закревского, но тут на лице его появилась заговорщицкая улыбка, и, махнув рукой, он бросил небрежно:

— *Ну что, адмирал, спорим? «Богородица» против Америки.*

Не успело еще смолкнуть эхо этих слов, как пироги, весело работая веслами, появились из-за острова. На носу первой, в ожерельях из змеиных шкур и с венками на головах, стояли Калиостро и «государь-император».

Пол Джонс вскочил, хватаясь за борт, чтобы не вывалиться. Затем обессиленно рухнул на свой адмиральский табурет и, не глядя на россиян, крикнул своей команде:

— Гребите!

— Эй! Адмирал хренов! — напутствовал ему вослед Орлов. — Куда гребите? Проиграл — плати. Освободите «Богородицу», канальи!

Глава 26

Не связывайся с теми, кому нечего терять. Поединок будет неравным.

Балтасар Грациан

Скрипя, как несмазанная телега, «Великий князь Святослав» продвигался вперед, все ближе и ближе к берегам Америки. Двухнедельная стоянка в Санта-Анне, вызванная необходимостью хоть как-то привести в порядок эскадру, подлечить раненых и похоронить убитых, не прибавила энтузиазма ни рядовым казакам, ни их командирам. Пару раз я перехватывал взгляд Алексея Орлова, и, честно говоря, мне было жутковато видеть мрачный огонь, горящий в этих глазах. Казалось, внутри его бушует вулканическая лава, ища возможность вырваться наружу и сокрушить все вокруг.

Граф считал себя виновником произошедшего. Он изволил почивать с любимой супругой, когда с рассветом вахтенный начальник обнаружил исчезновение «Богородицы». Капитан же корабля, до этого плавания вот уже много лет исполнявший обязанности коменданта заштатного порта, не решившись тревожить флагмана, сам повел корабль, а за ним всю эскадру в зубастую пасть Санта-Анны. Результаты такой подобострастности были ужасающи.

Казалось, только Господнему покровительству можно было приписать нашу конечную победу. Не удайся казакам их безрассудный

штурм, не задержи мы «Богородицу» близ Сатанаксио, не подойди вовремя отставшие от общего строя транспорты, и столь гордо начавшееся плавание, безусловно, завершилось бы в водах безызвестных испанских островов.

Господь даровал нам победу, но девять кораблей были полностью уничтожены, семнадцать годились лишь на то, чтобы послужить для починки остальных, все же державшиеся на плаву получили различные повреждения и нуждались в ремонте. Однако главным все же были не корабли: мы потеряли почти восемь тысяч ранеными и убитыми. Вот так вот глупо и без всякого смысла, захватив никому не нужную испанскую крепость, что, конечно же, отнюдь не улучшало наших отношений с Испанией. Я часто вспоминал слова Калиостро о том, что нам еще понадобится его патент испанского полковника, когда эта держава вступит в войну. Что ж, повод к войне был уже налицо.

— ...Так вот, ты представляешь, что этот гад учудил?! — шумел Лис, наливая себе очередной стакан жуткого пойла, именуемого им «Лисовым напием». — За два дня до нас в Санта-Анну пришел неизвестный голландец, и некий матрос, родом испанец, сообщил коменданту, что огромная эскадра под командованием знаменитого Джон Пол Джонса идет захватывать архипелаг. А у испанцев здесь, так сказать, секретная военная база. Тут тебе и провиант, и боеприпасы, и мастерские, ну, база, одним словом. Вот этот самый дон и решил сыграть с нами в национальную игру «Родина или смерть». А я так думаю, что голландец, который на Санта-Анну заходил, как раз тот самый, которого Пол Джонс досматривал. Он его, видать, на остров и отправил. Если только вообще этот голландец действительно голландец, а не наблюдатель, которого американеры нам навстречу послали. Уж больно мы как-то спокойно шли.

Эту историю я слышал от Лиса уже в десятый раз. Он все не мог успокоиться, начиная свое повествование анализом нашей неудачи и заканчивая, к моменту опустошения весьма вместительной бутыли, обещаниями найти подлюку и оторвать ему то, что черт между ног приделал. Не в силах больше выслушивать грозные речи своего напарника, я оставил его изливать наболевшее новопроизведенному капитану, вернее, ротмистру Ржевскому и поднялся на палубу к свежему воздуху.

Эскадра продолжала свой путь. Конечно, теперь ни о каком походе к реке Святого Лаврентия речи уже не было. Большинство наскоро залатанных кораблей до нее бы просто не дошли. К тому же, ко всем нашим бедам, теперь, после Санта-Анны, едва ли не каждый день нам приходилось отражать наскоки каперов, сопровождавших караван, подобно волчьей стае, преследующей стадо оленей. Они опа-

сались соваться под тяжелые орудия линейных кораблей и фрегатов, но тут же появлялись на горизонте, стоило только одному из потрепанных английских транспортов замедлить ход или остановиться. Их отгоняли, и они исчезали, не принимая боя, но вскоре появлялись вновь, норовя огнем своих орудий пустить на дно или хотя бы изрядно повредить десантные суда. Нельзя сказать, чтобы это им совсем не удавалось. День ото дня мы несли новые потери, небольшие, но регулярные. Теперь нам было не до Святого Лаврентия, нам необходимо было пристать к материку так скоро, как только возможно.

— Земля! — Когда-то этим криком началась история европейского покорения нового континента. Теперь страница книги судеб перевернулась, и новая строка в истории Америки тоже началась кличем «Земля!». Все, кто был на кораблях, вывалили на палубы, чтобы своими глазами наконец увидеть долгожданную Русь Заморскую, так долго прятавшуюся за горизонтом.

Корабли начали медленно приближаться к берегу, опасаясь отмелей.

— Вот и пришли, — вздохнул, радостно улыбаясь, Алексей Орлов, спускаясь с капитанского мостика. — Слава тебе, Господи! — Он размашисто перекрестился и кивнул Пугачеву, во все глаза поедавшему вожделенную землю. — Ну что, государь-надежа, вот она, твоя землица. Вступай во владение.

— Да-а-а, — прошептал тот, не сводя зачарованного взгляда с холмов, видневшихся за кромкой полосы прибоя, — велика ты, Русь Заморская, казачья сторонка. — «Император» повернулся к графу Орлову. — Как сей берег величают?

— Северная Каролина, ваше величество.

— Как? — переспросил Пугачев. — Не по-нашенски звучит. Караульна будет. Гей! — крикнул он во всю мощь своего луженого горла. — Вот она, земля наша! За дело, казаче! Закревский! Волоки штандарт. Желаю первым на землю нашу ступить.

— Мы не сможем подойти к берегу вплотную, — начал объяснять Орлов. — Судя по береговой линии, там слишком мелко.

— Тогда вели спускать лодки. Че ж нам, до зимы тут сидеть, ждать, пока лед станет?

— Дорогой брат, — обратилась к Пугачеву Елизавета Кирилловна, дотоле молча слушавшая беседу «родственников», — вам пришлось бы очень долго ждать. Здесь лед не станет никогда.

— Это как? — непонимающе посмотрел на нее «государь». — А зимой?

Госпожа Орлова обменялась с супругом насмешливыми взглядами.

— И зимой тоже.

За время нашего путешествия мне почти не доводилось видеть бывшую пленницу. Лишь только на Санта-Анне я видел ее помогающей Калиостро врачевать раненых казаков и матросов. Порой до меня доносились адресованные ей соленые словечки моряков, недовольных присутствием женщины на корабле, но вернее всего это была лишь дань традиции, а не реальная озлобленность. Сестра государя была выше мелких упреков.

— Шлюпки на воде, государь! — послышался крик одного из пугачевских командиров.

— Ну, с богом! — Емельян Иванович потянул саблю из ножен. — За мной, казаки! Здесь нас ждет земля и воля! — Он подошел к брошенному за борт трапу. — Закревский, флигель да лекарь мой пойдут со мной. Ржевский, возьми десяток стрелков, охранять меня будешь. А ты, аншеф, держи знамя, великий час настает. — Он вздохнул, словно собираясь с силами, и, махнув рукой, начал спускаться по трапу в качающийся у борта адмиральский катер.

Прибойная волна подхватила легкое суденышко. Шлюпки, наполненные десантом, двинулись к берегу. И над головой стоящего на носу императора взвился золотой флаг со знакомым мне орлом. Хотя... Я пригляделся и даже протер глаза от неожиданности.

— Лис, что это? — прошептал я, все еще не веря увиденному. Мои познания в геральдике взбунтовались все разом, отказываясь признавать открывшееся мне зрелище.

— Трехглавый орел, — гордо произнес аншеф Закревский. — Священный символ Руси Заморской. Отныне и впредь.

Я охнул и, словно ища сочувствия, посмотрел на Редферна, стоявшего за моей спиной. Однако в его глазах, обращенных к полоскавшемуся по ветру стягу, читался только немой восторг. Казалось, что он был готов сражаться и умереть под этим знаменем, не желая иного воздаяния, кроме славы нелепого трехголового мутанта.

Берег был все ближе. Уже видны были деревянные домики, приткнувшиеся то там, то сям по гребням холмов, церквушка и небольшой деревянный пирс на сваях и покачивающиеся вблизи него рыбачьи лодки.

Льется песня на просторе.
Не грусти, не плачь, жена.
Штурмовать далеко море
Посылает нас страна, —

переполняемый чувствами, затянул Лис. И слова этой песни, разносимые над десантными шлюпками, были встречены бурей восторга так, будто они вырывались из сердца каждого, кто плыл сейчас к

желанной земле. Катер Пугачева ткнулся носом в прибрежный песок, и «император», приняв у начальника своего полевого штаба развевающийся штандарт, ловко соскочил за борт. Вода доходила ему почти до колен, однако, не обращая на это никакого внимания, «государь» зашагал к берегу и, дойдя до суши, воткнул древко знамени в мокрую землю. Затем, преклонив колени, он коснулся губами зачерпнутой в пригоршню землицы и, встав, огласил замершим в ожидании казакам:

— Ходи, казаче, выгружайся. Здесь жить будем.

Разгрузка шла полным ходом, когда за холмистой грядой ударили барабаны и у крайних домов поселка развернутой шеренгой начали появляться люди в военной форме с ружьями наперевес.

— Кто такие? — глядя на нежданных гостей, поинтересовался у меня Пугачев.

— Судя по цвету мундиров, это солдаты континентальной армии.

— И чего хотят? — Пугачев взял поданную Лисом подзорную трубу и начал пристально разглядывать приближающуюся под барабанный бой стрелковую линию.

— Драки ищут, — прокомментировал увиденное Закревский.

— Это завсегда пожалуйста. Сколько нас сейчас на берегу?

— Человек до пятисот наберется, — доложил пугачевский генерал-аншеф. — Кавалерии маловато, не больше тридцати сабель, а пушек вообще нет.

— Плохо, но че делать, — нахмурился император. — Орлов нам своими пушками не поможет?

— Никак нет, государь. Там, где он сейчас стоит, до берега ему не достать. А ближе подойти — корабельная осадка не позволяет.

— Ну да ладно, Закревский, горе — не беда, — махнул рукой Емельян Иваныч. — Кулака у человека два, а морда-то одна, так что бить сподручней, чем получать. Авось отмашемся. Ты, аншеф, займись высадкой. Кому лодок не хватает, пусть вплавь добираются. Ты, флигель, командуй теми, кто уже высадился. Полчаса продержишься, мы здесь великой силой соберемся, кому хошь голову свернем. Давай действуй. Посмотрим, чему моя женка своих охфицеров учила. Ржевский, кавалерию на тебя оставляю.

— Слушаюсь, ваше величество, — гордо расправляя плечи, выпалил тот.

— Давай, брат, надеюсь на тебя. Ну а ты, лекарь, сховайся покуда где-нибудь. Для тебя здесь после боя работы хватит.

Калиостро согласно склонил голову, и покоящийся на его плече бушмейстер дружелюбно зашипел, выражая поддержку словам «государя».

— Да, Закревский, — Пугачев повернулся к Лису, уже направлявшемуся в сторону пирса, — в первую очередь распорядись переправить пушек да пушкарей. Ну а теперь с богом, друзья мои! Вломим басурманам!

Наше положение было неутешительным. Как доложили посланные разведчики, в долине за холмами скопилось не менее двух тысяч человек, судя по разнообразию одежды, местной милиции, и что-то около семисот солдат регулярной армии. Если прибавить к этому выгодную позицию, которую занимал противник, то полчаса, которые предстояло выстоять, вполне могли оказаться последними в нашей жизни. Надежда была лишь на то, что Пугачеву и Лису действительно удастся собрать на берегу значительные силы до того, как американские войска вдребезги разнесут импровизированный заслон.

— Видите эти домики, — командовал я, — занимайте их. Стреляйте из чердаков, окон, откуда только можно. Один стреляет, другой заряжает. Залповый огонь запрещаю. Цельте в знаменщиков, офицеров, словом, в тех, кто лучше одет. Убивать не обязательно. Ваша мишень — руки и ноги. Раненый — не мертвый, он своими воплями больше паники создает. А чтобы в тыл его утащить, двое здоровых нужно. Отстреливайте трубачей и барабанщиков, всех, кто может отдавать или передавать команды. Если близко подойдут или патроны кончатся, отходить на фланги. Коли ничего другого не останется — в сабли возьмем супостата. Тем же, кто не в дому, стрелять с колена или лежа, укрываясь за камнями, заборами, за всем, где можно укрыться. Врассыпную бой не принимать. Ждать приказа к атаке.

Спешенные казаки стремительно занимали отведенные им позиции. Со мной в качестве тактического резерва осталась только конная команда Ржевского да десяток стрелков пугачевского конвоя. Я не сомневался ни в мужестве, ни в боевой ловкости тех, кому предстояло сейчас принять первый удар, но этот отряд был своеобразным последним моим козырем в предстоящей битве. И пока что, увы, не только последним, но и единственным.

Американцы приближались. Их шеренги уже спустились с дальних холмов и, старательно держа строй, подходили все ближе и ближе. Десять шагов, еще десять... Грохотавшие барабаны задавали мерный такт грозному шествию, внушая невольную мысль о неотвратимости гибели, о бессмысленности сопротивления этой несокрушимой силе. И все же я знал, я был уверен, что с нашей стороны против войска исправно шагающих вчерашних фермеров и лавочников стоит отряд прирожденных бойцов, которым нечего терять и в головах которых нет даже места для мысли о сдаче, бегстве и тому

подобных глупостях. Строй американцев, или американеров, как величал их Лис, был уже на дистанции ружейного выстрела. Еще немного, еще десяток шагов...

— Огонь! — скомандовал я. Завывший протяжно казачий рожок разнес мою команду над холмами. Дробно затрещали казачьи выстрелы, выбивая из строя то одного, то другого марширующего. Грохнул им в ответ залп континенталов, затем еще один и еще. Казалось, невзирая на потери, американеры готовы идти без остановки до самого берега, чтобы скинуть нас в воду. Что вся наша пальба для них, словно град для танка. Они маршировали, и в громких их криках уже слышалось предчувствие победы. Славной победы над неведомым врагом.

Но предчувствиям не всегда дано сбываться. Покачнулось и рухнуло знамя со свернувшейся змеей, готовой к броску. Кто-то вновь подхватил его, но тоже упал наземь лицом вниз, придавливая собой древко. Грохот выстрелов заглушал крики раненых, но в редкие секунды затишья их жуткие вопли доносились до нас так же явственно, как слова отдаваемых мной команд:

— Перенесите огонь на левый фланг, похоже, там управление уже потеряно. Дожимайте, заставьте их отступить.

Стрельба не стихала, каждый миг унося новые и новые жизни с обеих сторон. Американеры попятились и начали отступать, стараясь, однако, удерживать линию. Это, безусловно, был первый успех, но говорить о какой-либо победе было еще очень рано. И словно в подтверждение моих слов с холма, ярдах в ста от нас, ударила пушка. Взрыв разнес ограду одного из рыбацких домиков. Следующий превратил в кучу мусора сарай около него.

— Вилка, — прошептал Ржевский, стоявший рядом со мной.

Третье ядро пробило крышу импровизированного форта, и ее обломки взметнулись вверх вместе с языками пламени.

— Четыре орудия, — доложил Редферн, рассматривавший в подзорную трубу батарейную позицию на холме.

Между тем новые артиллерийские залпы рушили уже соседний домик, заставляя оставшихся в живых казаков отступить, покинув убежище, уже переставшее быть таковым.

— Черт подери, — пробормотал я, — однако кто-то там весьма недурственно стреляет.

— Вальдар, разреши-ка, я ее... — Он сделал жест руками, больше имеющий отношение к любовным играм, чем к боевым действиям. — Шоб аж дым из ушей пошел.

— Давай, ротмистр, — кивнул я. — Из ушей пусть идет, а из пушек ни-ни.

Лицо Ржевского приняло радостно-возбужденное выражение.

— За мной! — закричал ротмистр, поднимаясь в стременах. — Круши басурманов! — Он крутанул саблей над головой, и три десятка казаков в едином порыве полоснули нагайками своих коней, устремляясь вслед за Ржевским.

— Ура! — ревели они. — Круши басурманов! Сарынь на кичку!

Я хорошо представлял себе, как суетится сейчас орудийная прислуга, разворачивая пушки в сторону нежданной атаки, как забиваются в стволы картечные заряды, как тлеют готовые к делу пальники. Я представлял все это воочию и молил бога о ерунде, о крошечной заминке, камешке в сапоге, паре секунд, чтобы пущенная в упор картечь не скосила этот отчаянный кавалерийский отряд, ставший для нас сейчас последней надеждой. Однако вряд ли Господь прислушивается к мольбам воюющих сторон, быть может, оттого, что слишком редки в них голоса, просящие не победы, но мира.

Басовито гаркнула шестнадцатифунтовая служительница бога войны, выплевывая из своего чугунного жерла навстречу атакующим смертоносный картечный веер, и несколько казаков вылетели из седел, кто знает, убитые или раненые. Нам оставалось лишь радоваться, что наскоро повернутое орудие стреляло без должной наводки и потому потери были довольно малочисленными. Будь у артиллеристов в запасе еще хотя бы минута, и никому из всадников не избежать гибели. Но Ржевский был уже на батарее, а вслед за ним на нее ворвались и остальные пугачевцы, сокрушая безнадежное сопротивление орудийной обслуги стальными молниями сабель.

Однако пока сражение не закончено, весы богини победы редко остаются пустыми. Подобно новой напасти, сквозь расступившийся строй американской пехоты на позиции наших стрелков вниз по склону конь о конь вынеслось два эскадрона драгун континенталов. Выкинув вперед руки с тяжелыми палашами, они мчались вперед, крича что-то яростное, но невнятное в общем шуме. Казаки медленно отступали, отстреливаясь на каждом шагу, но вряд ли взятых с собой боеприпасов им могло хватить надолго. Еще немного, и мне бы пришлось идти на ту самую атаку в сабли, откуда мало кто выходит, не получив достойных отметин, если только вообще выходит.

Я обнажил клинок, готовясь отдать приказ, готовясь повести этих неустрашимых воинов, быть может, в последнюю атаку...

Ядро ударило в самую гущу драгунского строя, за ним еще два. «Ну, слава богу, — Питер подал мне подзорную трубу, чтобы лучше разглядеть происходящее, — видать, Ржевский додумался использовать заряженные пушки». Но вслед за третьим ядром последовало четвертое. «Что такое? — Я недоуменно посмотрел на гребень хол-

ма, откуда била батарея. — Неужели Ржевскому удалось самому зарядить орудие, навести его... да как навести!» Ядра падали не впереди, не сзади, а точно в гущу всадников, вырывая клочья из плотного строя. Драгуны смешались, пытаясь повернуть на ходу, и тут...

Мы выстояли наши полчаса. Я посмотрел на свой брегет: мы выстояли сорок пять минут, и, словно победные фанфары в нашу честь, ударили во фланг поворачивающимся драгунам орудия с берега. «Ура-а-а-а!» — донеслось со стороны моря, и несколько сотен всадников, развернувшись лавой, устремились на континенталов. Впереди всех на своем соловом кракене мчался Пугачев, рядом с ним скакал Лис, и над головами у них развевалось золотое знамя с трехглавым орлом.

— Бегут, бегут американеры! — закричал стоящий у меня за спиной Редферн, готовый, кажется, пуститься в пляс при виде улепетывающих без оглядки драгун.

Строй американских войск окончательно разрушился, и континенталы, еще совсем недавно так гордо вышагивающие в атакующей линии, бежали теперь, бросая оружие, тщась обогнать казачьих коней. А вслед за Пугачевым неслась крылатая богиня победы, но и она не поспевала за безудержным натиском могутного атамана.

Вечерело. Высадка армии государя-императора подходила к концу, и в местной церквушке, менее всего пострадавшей от бушевавшего над округой свинцового града, на военный совет собирался старший командный состав нашего войска, чтобы подвести итоги первого боя в вожделенной Руси Заморской. В поселок потихоньку, по одному и семьями, стали возвращаться его обитатели, как обычно, спрятавшиеся в лесах при виде чужих кораблей на горизонте. Они горестно охали, увидев дымящиеся развалины на месте домов, ворча, собирали разметанный взрывами домашний скарб, деловито забивали чопики в продырявленные стены и, убедившись в дружелюбном настрое казаков, спешили обменять припрятанную копченую и вяленую рыбу на нитки, сукно и водку.

— Как сию деревню величают? — спросил одного из рыбаков Пугачев.

Я перевел ему вопрос.

— Слайбич, — поклонился рыбак, понимая, что человек, вопрошающий его, должно быть, весьма важная персона.

— Злой бич? — усмехнулся «государь». — Что ж, и то верно. Недобрым бичом нас сей берег встретил. Ну да ничего, коли уж мы на землю сию ступили, обратно не уйдем. Битва при Злом биче за нами осталась.

Рыбаку, похоже, все было глубоко безразлично, и то, за кем остался этот клочок суши, и то, под чьей властью ему теперь находиться. Он смерил безразличным взглядом боевой штандарт, развевавшийся посреди лагеря, и отправился, покуривая голландскую трубку-носогрейку, проверять, цела ли его лодка.

Серьезный разговор все еще не начинался. Все ждали Алексея Орлова, задерживающегося на «Святославе», и потому присутствующие страстно спорили о том, что предстоит предпринять далее, и горячо, наперебой обсуждали детали прошедшего боя.

— Что-то подозрительно англичан не слышно, — вставил я. — По идее, они должны быть где-то рядом.

Григорий Орлов, дотоле весело и бесшабашно рассказывавший сидевшему тут же Ржевскому, как, увидав атаку ротмистра на батарею, они с канонирами, как есть, прыгнули за борт и, добравшись до берега вплавь, мчались затем, положив язык на плечо, чтобы поддержать огнем пушек отступающих стрелков, осекся на полуслове и, посмотрев на меня, хмыкнул:

— Были твои англичане, не беспокойся. Стою я в одной рубахе, мокрый до костей, навожу орудие, вдруг на тебе, приезжает такой себе павлин краснокафтанный. От спеси чуть не лопается. Говорит, что золотыми сыплет, каждое слово считает, чтоб лишнего не передать. Я, говорит, адъютант генерала Гоу, какой-то там чертов майор. Кто у вас тут старший? Я ему отвечаю: «Я старший». Он меня взглядом смерил, как в лавке оценил, паскуда, торгашья душа. Говорит: «Я хочу видеть вашего начальника. У меня для него приказ от генерала». Я осерчал, кричу ему: «Какой такой приказ? Докладывай точно. Я начальник артиллерии граф Орлов». А он мне: «Генерал Гоу велел вашему корпусу двигаться в юго-западном направлении до берега реки Кейп-Фир на соединение с корпусом Корнуоллиса».

— Ну а ты ему? — Лис хитро посмотрел на меня, предчувствуя, что, судя по отсутствию на этом военном совете англичан, ответ графа был достоин войти в анналы военной дипломатии.

— Ну а что я? — нахмурился Орлов. — Осерчал я на этого петуха расфуфыренного. Чего это вдруг какие-то генералы мне указывать начали, и говорю адъютанту довольно-таки пристойно: «Передайте лично от меня вашему генералу Гоу «go away» (пошел вон)».

— А он?

— Он за палаш схватился.

— А ты? — не унимался Лис.

— А я его банником поперек хребта навернул. Хлипкие у них тут банники, с первого раза пополам треснул, — пожаловался начальник пугачевской артиллерии. — Так что потом Ржевский с казаками этого майора и эскорт его, поди, версты полторы гнали.

— Значит, вопрос с англичанами можно считать закрытым, — подытожил я. — Что ж, может, так оно и лучше. Вопросы, кто за кого, отпали сами собой. — Я хотел еще что-то добавить, но не смог. Голос, возникший в моей голове, потребовал внимания так же настоятельно, как внезапно вылезший гвоздь из сиденья стула. Судя по взгляду Лиса, его эта напасть тоже не обошла стороной.

— *Эй, вы, герои войны против независимости,* — безапелляционно заявил голос, — *пожалуйте в ближайший к пирсу дом на исповедь. Епитимью на вас накладывать буду.*

Я невольно поперхнулся. Это был голос Джозефа Рассела, Двадцать третьего герцога Бедфордского.

Глава 27

И в положении меж двух огней
есть своя выгода. Во всяком случае,
не замерзнешь.

Джордано Бруно

Окна в хижине, где располагалась наша «исповедальня», были выбиты и затянуты кусками парусины. Рыбацкая семья, обитавшая в нем, увидев нежданных важных гостей, как-то бочком поспешила покинуть свое жилище, явно не до конца доверяя благожелательности невесть откуда взявшихся завоевателей. На полу хибары лежало несколько умирающих американцев, над которыми хлопотал Рассел в коричневом доминиканском одеянии и парике с тонзурой. Впрочем, весь этот маскарад мог ввести в заблуждение разве что голодного туземца с острова Сатанаксио. Холеное лицо Двадцать третьего герцога Бедфордского и его безукоризненная военная выправка так же вязались с монашеским одеянием, как кавалерийские сапоги с балетными пачками.

— Где вас черти носят? — набросился на нас служитель культа в выражениях, явно не подобающих его духовному сану. Со стороны, должно быть, выглядело весьма забавно, как безвестный бедный монах распекает высокопоставленных офицеров за опоздание.

— Извини, военный совет, — начал было я.

— Я тоже дам тебе совет, — перебил меня старина Зеф. — Быть может, не такой военный, но зато полезный. К тебе, Лис, он тоже относится. Если вы тут выполняете задание Института, то будьте

добры помнить, что для вас главное, а что второстепенное. Я вас прождал не меньше двух часов. Все это время мобильная подводная камера переброски ждет меня у берега в состоянии готовности. А это, должен вам заметить, обходится в изрядный шиллинг...

Делать было нечего. Объяснять Расселу, что мы не могли по его вызову встать и откланяться, сообщив, что нас ожидает представитель Института, было бесполезно. Он просто не желал нас слушать. А потому нам не оставалось ничего другого, как изобразить на лицах полнейшее смирение и предоставить свою дальнейшую участь воле начальства.

— Дьявольщина! В жизни своей не отпускал столько грехов, — успокоенный нашей безропотностью, произнес герцог Бедфордский, знаменуя окончание начальственного аутодафе. — Ладно, к делу.

— Ага, — кивнул Лис, — к делу. Как говаривал один знакомый следователь, приобщая конверт с червонцами к своему карману.

Зеф метнул на него гневный взгляд.

— Шутки в сторону, господа офицеры. Я вас, конечно, поздравляю с сегодняшней победой. Главным образом, с тем, что вы остались живы. Жаль, не успеем это отметить. А я, кстати, прихватил пару бутылок прекрасного «Хенесси». Но да бог с вами, оставлю, выпьете на досуге. Сейчас же ситуация складывается буквально следующим образом: в связи с ожидающимся прибытием вашей армады в местных верхах произошел явный разброд и шатание. На данный момент дела у американцев идут неважно, в апреле к генералу Гоу подошло свежее подкрепление, и его войска нанесли мятежникам ряд ощутимых поражений. Вы же своим прибытием и вовсе мешаете континенталам все карты. Как докладывает твой дядюшка, Вальдар, группа видных представителей Конгресса уже прислала в Лондон некоего Томаса Карстена, мастера одной из здешних масонских лож, с целью поиска путей примирения, а быть может даже, и почетной капитуляции.

— А мы тут при чем? — возмутился я, собираясь заявить, что отъезд мистера Карстена в Англию к нашим действиям не имеет ни малейшего отношения.

— При исполнении служебных обязанностей, — отрезал Рассел. — Теперь они у вас будут таковы: запоминайте, это ваше новое задание. Поскольку из-за вашей экспедиции срывается подписание Декларации Независимости, а Институт считает, что в этом мире она должна быть подписана, на вас возлагается личная ответственность за то, чтобы все было завершено в кратчайшие сроки. Естественно, с необходимым Институту результатом.

— Всего-то! — хмыкнул Лис. — Может, нам еще стоит тут побороться за права человека или, скажем, за гуманное отношение к животным? Пусть ваша светлость только прикажет, мы ща тут мигом всех коней в мустанги перепишем.

— В ваши прямые обязанности это не входит. В свободное от работы время — пожалуйста, — парировал выпад моего напарника Рассел. — А с Декларацией Независимости не затягивайте. Желательно, чтоб к осени ее уже подписали.

— Точно, — не удержался от обычной своей колкости Лис. — Чтоб маленькие американские детишки, придя первого сентября в школу, на первом же уроке смогли насладиться ее текстом.

— Все, джентльмены, — пропуская мимо ушей слова Лиса, произнес Джозеф, — время идет, камера перехода простаивает. Проводите-ка меня лучше через посты. И вот что еще: можете сообщить своему «государю-императору»: по донесениям нашего канадского резидента, Салават Юлаев благополучно пересек Аляску и движется по Канаде в сторону Великих озер. В его армии более пятидесяти тысяч человек, причем полный Ноев ковчег: башкиры, буряты, тува, китайцы, манчжуры, чукчи, в общем, где шел, там и подбирал. Согласно последней информации, в Канаде к нему почти в полном составе уже примкнули аджибуэи, ассинибойны и кри равнин. Союз делаверов также готов поддержать армию «Свободных людей», как они себя величают.

— Какой впечатлительный мальчик, — внезапно усмехнулся этим известиям Лис, — а всего лишь стоило процитировать ему Фауста:

Жизнь и годы прошли недаром,
Ясен предел мне мудрости земной.
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой.

— Джентльмены, летние ночи коротки, скоро начнет светать. Самое время возвращаться, чтобы не создавать ненужных легенд.

— Ненужных легенд не бывает, — вздохнул Лис, толкая дверь рыбачьей лачуги. — Ненужная бывает правда, но это к делу не относится.

Проснулся я оттого, что кто-то тряс меня за плечо.

— Милорд, — будил меня Редферн, — государь велел вызвать вас в штаб. Там английский офицер дожидается. Его величеству толмач нужен.

— Да, — пробормотал я, усаживаясь на койке, сооруженной Питером из пустых ружейных ящиков и заботливо покрытых им при-

хваченным со «Святослава» тюфяком. Поверх тюфяка он любовно стелил тончайшее итальянское белье, заботливо стираемое при каждой появляющейся возможности. — Передай, что я сейчас иду.

Я был в церквушке минут через десять. Вставшее из-за горизонта солнце уже освещало холмы вчерашней битвы, спящий лагерь, лазарет, в котором под руководством Калиостро не смыкая глаз трудились имевшиеся в корпусе лекари, одним словом, все, что унаследовал день сегодняшний от вчерашнего. Новым в этой картине было, пожалуй, лишь скопление красных драгунских мундиров близ церквушки, в которой располагался штаб. Я прошел мимо рослых кавалеристов, весело обсуждавших между собой «дикость» одеяния новых союзников, и проследовал в ставку, где уже ждали меня Пугачев и представитель британского командования.

— Вы говорите по-английски? — спросил он, недоверчиво поглядывая на мой российский флигель-адъютантский мундир.

— Я англичанин. Во всяком случае, по рождению.

— О, приятно увидеть в таком месте соотечественника. Я полковник Эшли Сазерленд из штаба генерала Корнуоллиса. Я послан его превосходительством, чтобы урегулировать досадный инцидент, произошедший между майором Хокинсом и каким-то артиллерийским офицером корпуса князя Заволжского. А также для того, чтобы передать князю Заволжскому план его дальнейшей передислокации с маршрутом движения вплоть до соединения ваших войск с армией генерала Корнуоллиса.

Я пожалел, что не обладаю переводческим даром Лиса, потому как дословный текст речи этого напыщенного полковника вкупе с надменной манерой поведения вполне могли привести незадачливого британца в то самое состояние, от которого меня некогда спас удачный приезд графини Орловой-Чесменской. Я перевел слова английского посланника весьма близко к тексту, прибавив от себя лишь, что генерал Корнуоллис рад приветствовать корпус князя Заволжского и лично его начальника, а также категорично «предписанный» маршрут на более приемлемое «предлагаемый». Однако, похоже, это не сильно помогло. Пугачев нахмурился, и я уже по себе знал, что могло означать подобное выражение августейшего лица.

— Это че ж такое выходит, — начал он негромко, — какая-то рачья душа мне указывать норовит, что я повинен делать? Эй, Мамай, — крикнул он сидевшему тут же казаку, выполнявшему при Пугачеве функции писарчука и ординарца, — ну-тка лети, побуди старшину. А ты, енерал, — он ткнул мне пальцем в грудь, — переведи-ка пока остолопу мой титул. Дабы знал, с кем говорит.

— Его императорское величество, — начал я, — государь всея Великая, Малая и Заморская Руси, и далее, далее, далее, герцог Голштейн-Готторский Петр Федорович.

Оглушенный титулом полковник, похоже, с трудом переваривал сыпавшийся град географических названий и связанных с ними знаков владетельного права. Как всякий английский дворянин, он вполне четко представлял себе архитектуру иерархической лестницы и, похоже, понимал, что мраморные перила на этаже, занимаемом Пугачевым, не идут ни в какое сравнение с дубовыми, за которые суждено держаться ему.

— А где же князь Заволжский? — недоуменно поинтересовался англичанин.

— Это была всего лишь уловка, чтобы скрыть отъезд государя из России, — пояснил я.

Между тем в церкви начали собираться разбуженные Мамаем генералы, ночевавшие тут же, в домике священника.

— Вот это, — продолжал рекомендовать я, — граф Орлов-Чесменский. Думаю, деяния этого адмирала вам хорошо известны. Это его брат, граф Григорий Орлов, в прошлом генерал-фельдцейхмейстер России, теперь командир артиллерии здесь. А вот этот худощавый джентльмен с перебитым носом — генерал-аншеф Закревский, начальник штаба армии государя.

— Прошу прощения, позвольте узнать также и ваше имя.

— Я Вальдар Камдил, лорд Камварон...

— Постойте, постойте! Лейтенант Камдил из полка первого лорда адмирала герцога Олбанского? Насколько я помню, вы бежали из Англии после какой-то громкой дуэли? Еще с прошлого года в штабе лежит приказ о вашем аресте в случае появления в колониях.

Я невольно усмехнулся, представляя себе попытку полковника арестовать меня посреди пугачевского лагеря.

— Чего этот индюк там лопочет? — повернулся ко мне государь всея Заморская Руси, настороженный нашей беседой с Сазерлендом.

— Он попросил меня представить ему входящих, а сейчас интересуется моим именем и званием.

— Так ты не тушуйся, прямо ему и говори: нашему величеству генерал-адъютант и войска нашему генерал-поручик... ну имя свое, поди, сам знаешь. — Произнеся это, Пугачев удовлетворенно отметил, что вся старшина в сборе, и начал вдохновенно, не дожидаясь перевода моих чинов и званий: — Братья мои и други! Прошу простить, что побудил вас в столь ранний час. Но желаю, чтоб вы все своими глазами видели и своими ушами слышали, какую каверзу над нами учинить хотят. Ни для кого из вас не секрет, что плыли мы

сюда издалёка затем, чтобы рукою твердою отвоевать у супостатов вольный край, Русь Заморскую. Сей же аглицкий полковник с лескрипом к нам послан, будто повинны мы идти под знамена аглицкие и во всем енералам тамошним повиноваться.

Я едва успевал переводить Эшли Сазерленду «государевы» слова, по возможности смягчая формулировки. Англичанин кивал головой, как китайский болванчик, слушая речь «государя». В зале послышалось недоброе ворчание, но, похоже, на моего подопечного оно не произвело никакого впечатления.

— Также он желает, чтобы выдали мы головой доблестного нашего енерала и друга моего любезного Григория Орлова за то, что он какого-то ихнего офицерика поперек спины банником согрел.

— Да-да, — подтвердил радостный полковник. — А также генерал Корнуоллис требует, чтобы вы прислали в его штаб всех захваченных офицеров-мятежников.

— Чего?! — возмутился «император», выслушав мой перевод. — Чего этот недоносок требует? — Зал уже открыто шумел, и я начал всерьез опасаться расправы и над посланцем, и над драгунами его конвоя.

— Из задницы пусть своих пленных выковыривает!

Внезапно шум стих, и глаза присутствующих обратились к проходу между скамьями. По нему, опираясь на посох, в котором я без труда узнал древко сержантской алебарды, шел великий магистр. Он был в белоснежном сюртуке, шитом золотым галуном, без парика, и я невольно отметил про себя, что с первого нашего знакомства, да и с Митавы, граф изрядно поседел. Лишь темные глаза его смотрели ясно и неожиданно светло для этих почти черных итальянских угольев. Обвившийся вокруг посоха бушмейстер блаженно дремал, не обращая ни малейшего внимания на людские передряги.

— Государь, — промолвил Калиостро негромко, но в наступившей тишине его слова, казалось, были слышны в самом дальнем углу зала. — Я пришел просить вас за четырех офицеров континентальной армии, попавших в плен во вчерашнем сражении. Отпустите их. Если желаете, я готов дать слово, что они больше не поднимут против вас оружие.

Пугачев посмотрел на войсковую старшину, на посланника, затем вновь на Калиостро.

— Поступай с ними по своему разумению, — промолвил он, почтительно глядя на ученика волхвов. — А ты, — Петр III гневно свел брови на переносице и обернулся к Сазерленду, — скачи отсюда, покуда я не осерчал. Да передай енералам своим, пущай подале от меня держатся. Не бывать тому, чтобы казаки под их яр-

мом ходили. А коль совета моего не послушают, волей своей клянусь, отведают супостаты острой сабельки. Кровью умоются, идолы! Точно слово мое передай, а коли соврешь — самого разыщу да шкуру велю с живого спустить! С тем и ступай, откуда пришел, да боле не возвращайся. Выпроводи их, Вальдар, да проследи, чтобы наши путем не зашибли, — бросил мне Пугачев, явно теряя всякий интерес к незадачливому посланнику. — Я же с вами, други, хочу поговорить вот о чем...

— Послушайте, милорд Вальдар, — начал полковник Сазерленд, когда я уже разворачивался возвращаться в лагерь, — вы военный человек, а потому не можете не понимать, что экспедиция российского царя обречена на провал. Сколько бы вас ни было сейчас, ваша армия растает в стычках, как снег на солнце. У вас нет здесь базы, где бы вы могли пополнить свои припасы, нет людских резервов... На что вы надеетесь?

Я пожал плечами, собираясь было ответить, что все эти проблемы вполне разрешимы, но посланец Корнуоллиса, видимо, воспринял мой жест как признание верности его слов и поэтому продолжил, не дожидаясь ответа:

— Послушайте, милорд. Вы английский дворянин знатного рода. Какое дело вам до всех этих русских дикарей? Я понимаю, что угроза ареста — это почти непреодолимое препятствие для возвращения на родину, но полагаю, если вдруг генерал-адъютант Камдил согласится помочь своей стране, король бы по достоинству мог оценить подобную услугу. — Он пристально посмотрел на меня, словно ища ответа в глазах собеседника.

— Послушайте, полковник Сазерленд, — начал я, теребя уздечку своего коня, — вы парламентер и потому вернетесь в расположение армии Корнуоллиса невредимым. Во всяком случае, с моей стороны. Но вот что я вам скажу: за год, проведенный мною вне Англии, я повидал немало дикарей: и в российских степях, и на островах Атлантического океана, но все же самым мерзким, самым отвратительным дикарем являетесь вы — надутый чванливый боров.

— Что?! — взревел Сазерленд, хватаясь за палаш.

— При первом же случае буду к вашим услугам. А теперь избавьте меня от своего присутствия, сэр. — Я развернул скакуна и погнал его галопом в сторону костров пугачевского лагеря.

— ...Пиши, Мамай, — доносилось из церквушки, когда я, поднявшись на невысокое крылечко, входил внутрь. Казацкая старшина, включившая в себя теперь и Орлова, и ссыльное масонствующее офицерство, шумела, бурно выражая согласие с речью «императора». — Сего числа, сего года от Рождества Христова я, всея Заморская Руси государь и правитель, отныне и впредь повелеваю: всякий

живущий в этой земле буде пожелает быть вольным — волен. Всякий, кто тому чинить препоны осмелится — против государя злодей и преступник, и покаран должен быть безо всякой пощады. Всякому вольному человеку дарую казацкие привилегии и священное отныне и впредь право стоять за волю свою оружно против супостата любого, кто на нее посягать осмелится...

— *А вот теперь,* — услышал я в голове слова Лиса, — *можно уже поговорить о правах человека.*

Наш путь лежал на северо-запад через Северную Каролину, Вирджинию и Пенсильванию в сторону Великих озер, навстречу армии Салавата Юлаева. Время от времени у нас происходили стычки то с англичанами, то с континенталами, однако преимущественно с мелкими разрозненными отрядами местного ополчения, будь то войска Конгресса или же лоялисты*.

Правда, случалось и так, что вышедший нам навстречу отряд внезапно выкидывал белый флаг и какой-нибудь капитан или майор, спросив предварительно, здесь ли его сиятельство граф Калиостро, неожиданно предлагал свои услуги в качестве проводника, а то и вовсе прося дозволения вступить под знамена с трехглавым орлом. Пугачев вначале непонимающе косился на лекаря, но в конце концов любопытство взяло верх, и, разглядывая очередное пополнение, «император» в лоб поинтересовался у своего лейб-медика, чем вызвана такая популярность.

— Они масоны, — пояснил великий магистр, — а среди масонов мое имя пользуется большим уважением.

— А-а, — понимающе кивнул Емельян Иванович. — А кто такие эти масоны?

— Вольные каменщики, — пояснил Калиостро, не вдаваясь в подробности.

— Славное дело, — одобрил «император». В его голове, очевидно, сложился образ зодчего, своею волей странствующего по свету и воздвигающего по договору дома, крепости и храмы. — Как здесь осядем, нам еще много строиться придется. А среди наших-то эти самые каменщики есть?

— Да почитай все, кого Екатерина с вами отослала, — усмехнулся граф.

— Да неужто? — изумился «государь». — А вот поди ж ты! Это хорошо, коли у барина дело в руках есть. С делом, брат, нигде не пропадешь. А каменщики — вещь хорошая. Война кончится, новую жизнь строить будем.

---

* Лоялисты — жители колоний, выступавшие на стороне Георга III.

Более, кажется, этот вопрос властителя Руси Заморской не тревожил, лишь иногда, пожимая руку очередному франкмасону, он бормотал недоуменно:

— Надо же, как люди живут! Каменщик, а ручки мяконькие. И как это они умудряются?

Мы двигались все дальше, все ближе были Аппалачи, через которые нам необходимо было перевалить. Этот маневр вызывал у меня немалые опасения. Наш маршрут пролегал через штаты, в эти времена населенные почти третью всех проживающих в колониях переселенцев. Вопреки предсказаниям полковника Сазерленда, армия не таяла, а разбухала, как на дрожжах, пополняемая белой беднотой, неграми с плантаций и индейцами, впервые после начала колонизации вновь ощутившими себя хозяевами этой земли. Армия росла и теряла свою организованность, становясь все более и более аморфной.

Что и говорить, из этого пополнения индейцы были, несомненно, лучше всех, их боевому духу, умению сражаться и применяться к местности могла позавидовать любая регулярная воинская часть. Белые приходили с семьями, принося порой дедовские мушкеты, негры чаще всего ограничивались длинными кривыми ножами для резки табака, но и те, и другие были одинаково необучены, неорганизованны и, что самое противное, вовсе не горели желанием воевать плечом к плечу.

Наша армия теряла ход, обрастая неподъемными обозами, словно днище корабля водорослями. Вчерашние поручики командовали батальонами, а то и полками, а верховное командование ломало себе голову, где раздобыть фураж для коней, продовольствие и боеприпасы, которые таяли так же быстро, как увеличивался численный состав войск. К тому же на всем пути следования у нас постоянно возникали трения с богатыми плантаторами, до того благополучно снабжавшими и англичан, и Освободительную армию, а теперь пребывавшими явно не в восторге от необходимости кормить еще и невесть откуда взявшегося императора Руси Заморской. Впрочем, здесь были и исключения.

У самых предгорий в ставку прискакал адъютант бригадира Ржевского, посланного на разведку с передовым отрядом, с сообщением, что на плантации Эвандерсфилд нас ожидают с распростертыми объятиями и готовы предоставлять пищу, кров и все необходимое столь долго, сколь мы сочтем нужным. Однако, когда, проделав немалый путь, мы прибыли на означенную плантацию, объятия, похоже, уже захлопнулись.

— Где хозяин? — спросил я пожилого негра-слугу, встретившего нас у входа в богатый плантаторский дом, более походивший на мавританский дворец.

— Полковник Джеймс Эвандерс погиб, сражаясь против англичан, более года назад. Его вдова, миссис Мерилин Эвандерс, изволят почивать.

— Да? — Я недоуменно посмотрел на солнце, только начавшее клониться к западу. — А где офицер, прибывший сюда с отрядом? — Я указал на казаков и индейцев-чероки, отдыхавших на широкой дворцовой веранде.

Негр-дворецкий, кажется, несколько смешался, но моментально нашел слова для ответа:

— Господин бригадный генерал тоже изволят почивать. И просили, если возможно, до утра не беспокоить.

Наш наблюдательный пункт находился на скале в отрогах Аппалачей, давая возможность любоваться прекрасным видом равнин, раскиданных то там, то здесь табачных плантаций и рощ, отделяющих одно владение от другого. В тени деревьев ютились лачуги рабов, возделывавших эти опаленные солнцем почвы. Тонкими синими жилками через поля тянулись оросительные каналы, полные мутной воды, в которой, подобно гнилым бревнам, таились покрытые зеленой ряской аллигаторы. Однако сегодня вид равнины не радовал. Вдали, близ горизонта, поднимая клубы пыли, в нашем направлении двигалась плотная красная масса полков армии генерала Корнуоллиса.

— Хорошо идут, — следя в подзорную трубу за передвижением противника, произнес Пугачев. — Сколько их там будет? — Он повернулся ко мне, ожидая ответа.

— Согласно данным разведки, — доложил я, — противник насчитывает шесть тысяч кавалерии, преимущественно драгун, восемь тысяч пехоты, в том числе хемпширский гренадерский полк, считающийся одним из лучших пехотных полков британской армии, около сорока орудий различных калибров, плюс ко всему этому тысяч до шести лоялистов. Но здесь что-то определенное сказать трудно, они уходят, приходят...

— Ясно, — махнул рукой «император». — Совсем как наше ополчение — гонору много, а толку чуть. — Он вновь приставил к глазу подзорную трубу. — Но определенно хорошо идут. Закревский! — позвал он начальника своего штаба.

— Слушаю тебя, государь. — Лис, дотоле дремавший на солнышке, подскочил, будто все это время только и ждал вызова «императора».

— Надо остановить супостатов. Негоже, ежели они у нас повиснут, что ухан на медвежьем загривке, когда мы через ущелье к переправе пойдем. Как там бишь река эта называется?

— Потомак, — не отрываясь от подзорной трубы, бросил начальник пугачевской артиллерии.

— Точно, Потомак, — кивнул Емельян Иванович. — Чудное название.

— Уже сделано, — отрапортовал Лис. — Легкоконная бригада генерала Доманского встретит англичан во-он в той роще. — Лис ткнул пальцем в зеленеющую далеко впереди полосу буков. — Я приказал Михалу пропустить голову колонны и атаковать арьергард, не ввязываясь, однако, в серьезный бой.

— Зря ты, Лис, ляха на такое дело послал, — вздохнул Пугачев. — Уж я-то знаю, эти коли ввяжутся в сечу, так их за уши волоком не оттащишь.

— А уж коли бежать начнут, так только горы и остановят, — буркнул в ответ мой напарник, подобно всем запорожским казакам не особо жаловавший шляхту.

— Может, и так, — примирительно произнес Пугачев. — Только Михал не из тех, что бегают. Как бы всерьез в драку не ввязался. Ладно, — он махнул рукой, — посмотрим. Раз уж послал, так послал. Ржевский из разведки не возвращался?

— Никак нет. Он с чероки утром пошел переправу проверять, да пока нету, — доложил начальник штаба.

— Я думаю... м-м, государь, — начал Григорий Орлов, — атаки улан Доманского будет недостаточно. Это, может быть, и заставит Корнуоллиса остановиться на ночь, но завтра утром он вновь бросится в погоню. И если к тому моменту мы еще не переправимся через Потомак, а мы скорее всего этого сделать не успеем, даже если начнем движение ночью, он разметает наш обоз и повиснет у нас на хвосте, как те собаки, что англичане для боя с быками разводят.

— Я поддерживаю мнение графа Григория Григорьевича, — произнес я, — на мой взгляд, арьергардного боя не избежать.

— А вот скажи мне, Камдил, — повернулся ко мне Пугачев, — какого рожна англичанам здесь надо?

Силой воли я сделал вдумчивое лицо, чтобы скрыть предательскую улыбку. Думаю, Корнуоллиса, Гоу и им подобных вопрос, какого рожна здесь надо невесть откуда взявшемуся русскому царю, занимал ничуть не меньше.

— Англичане — народ практичный, — пояснил я. — Они вложили в освоение этих земель немалые деньги и желали бы получить с этих денег прибыль.

— Ну а американеры?

— Американеры тоже народ практичный. Они считают, что поскольку им выпало здесь родиться, то земля эта безраздельно принадлежит им, а стало быть, никакого резона делиться прибылями нет.

— А мы тоже народ практичный. Мы здесь никаких прибылей не ищем. Мы сюда пришли жизнь сделать такою, какова она Богом от века положена. И в том вся наша выгода, весь наш резон. Земля, вода, воздух — они Божьи и человеку Господом в дар даны. Ни одна живая душа ими владеть права не имеет. Потому как все люди единого Бога дети и все его дар с благодарностью, с земным поклоном принимать должны. На том стоять будем.

— Ржевский скачет, — перебивая «государя», крикнул Лис. — Галопом идет, видать, вести недобрые, раз так торопится.

Бригадир Ржевский осадил взмыленного коня возле «государя» и, спрыгнув наземь, едва не повалился с ног от усталости.

— Что случилось, говори скорее, — нахмурился Пугачев, глядя на смертельно вымотанного гусара.

— Переправа через Потомак перекрыта, — срывающимся от долгой скачки голосом произнес тот. — Мы там с индейцами все обшарили — вроде тихо. Чероки притащили «языка», американского лейтенанта, он и сознался: сегодня в ночь склоны ущелья займут какие-то стрелки Джексона, уж и не знаю, кто это такие. А на том берегу за мостом нас будет ожидать в полном составе корпус генерала Освободительной армии Горацио Уильяма Гейтса.

— Стрелки Джексона, — пояснил я, — из своих кентуккских винтовок отстреливают с двухсот ярдов голову спрятавшейся в снег индюшки.

— Двести ярдов. — Орлов сдвинул брови на переносице. — Это почти вдвое больше дальности выстрелов наших ружей.

— Ну, вот и дождались, — пробормотал себе под нос Пугачев. — Вот тебе, бабушка, и Юрьев день.

Глава 28

Ладонь, полную золота, тяжело сжать в кулак.

Аксиома боксерских промоутеров

Легкоконная бригада генерала Доманского в этот день покрыла себя неувядающей славой. Уланы и коннокарабинеры под белым польским орлом обрушились на пехоту Корнуоллиса с кличем «Аще польска не сгинела!», обращая краснокафтанников в бегство, захватывая орудия и зарядные ящики. Драгуны Клинтона, посланные на

выручку пехоте, отогнали было улан, но стоило им увлечься преследованием противника, не принимающего боя и разлетающегося в разные стороны, подобно фейерверку, как на потрепанную колонну с противоположной стороны с гиканьем и свистом налетели индейцы-тускарора в своих живописных пернатых головных уборах и наводящей ужас боевой раскраске. Они засыпали англичан стрелами, рубили томагавками, в общем, изо всех сил делали их жизнь безрадостной и короткой. Но стоило Корнуоллису развернуть орудия, стоило пришедшим в себя британским пехотинцам выстроить некое подобие строя, а возвращающимся драгунам попытаться атаковать индейцев, как те бросились врассыпную, оглашая округу дикими воплями.

Но торжество противника было явно преждевременным. Собравшиеся воедино эскадроны бригады Доманского уже вновь неслись на спешно перестраивавшихся англичан, подобно пчелам, отгоняемым от меда. Такая карусель продолжалась почти до самого заката, когда же солнце уже нависло над Аппалачами, генерал Корнуоллис приказал войскам остановиться и разбить лагерь, опасаясь двигаться дальше. Мы выиграли полдня и по крайней мере ночь.

Военный совет заседал в «мавританском дворце» миссис Мерилин Эвандерс. Горящие в канделябрах свечи покачивали зыбкими язычками пламени, выхватывая из полумрака то одно, то другое тревожное усталое лицо, придавая дополнительную суровость и почти таинственность этому совещанию. Вожди Великого Похода спорили наперебой, до хрипоты отстаивая свое мнение, то стуча кулаком об стол, то вновь мирясь и пожимая друг другу руки.

— ...У нас явное преимущество в артиллерии, — перекрикивая собеседников, бушевал Григорий Орлов. — Тем более что морские орудия, снятые с линейных кораблей, Корнуоллису перекрыть будет нечем. Мы можем организовать артиллерийскую засаду и обратить англичан в бегство.

— Корнуоллис не станет бегать, — возражал я. — Это очень опытный генерал, это нельзя недооценивать. Даже если вы заставите его отступить, он отойдет и будет ожидать, пока армия втянется в ущелье. Вот тогда он даст бой на выгодных для него позициях.

— Послушайте! — Григорий Орлов, багровея, сжал кулаки. — Что это вы расхваливаете своих англичан, господин генерал-поручик?

— Тихо, Григорий! Угомонись! — Граф Орлов-Чесменский вытащил изо рта дымящуюся трубку. — Камдил прав, Корнуоллис не дурак. Он на твои пушки в штыки не пойдет, не та манера. Это тебе не русский солдат, чтоб на «ура» в самое пекло лезть. Британец по-

дождет, пока ты к нему спиной повернешься, а затем тебя так в задницу пнет, до самого Потомака лететь будешь.

— А там тебя армия Конгресса в объятия примет, но уже скорее всего без пушек. Потому как двадцатичетырехфунтовые корабельные орудия и пудовые мортиры ты на передки не зацепишь, а стало быть, быстро не уволочешь, — добавил Лис, разгоняя рукой облако табачного дыма, висевшее в зале.

— Корнуоллиса надо заставить остановиться, — заявил я куда-то в пространство.

— Чем ты его остановишь? — Словно в отместку мне басил Григорий Орлов. — Боевой магией индейцев? Завтра поутру он снимется с лагеря и начнет нас выдавливать отсюда в горы. Так что, как ни крути, боя не избежать.

Пугачев, подперев голову тяжелым кулаком, молча наблюдал за нашим спором, задумчиво переводя взгляд с одного спорщика на другого. Под стать ему вел себя и великий магистр, сидевший незаметно в углу, отрешенно наблюдая, как прыгают в унисон язычки огня на медленно оплывающих свечах.

— Бой нам никак не нужен, — покачал головой граф Орлов-Чесменский. — Даже если нам удастся одолеть англичан, что в общем-то вполне реально, Гейтс перейдет Потомак и ударит нам в спину.

— Может быть, ночью послать, скажем, мою бригаду сбить Гейтса с переправы? Ночи темные, стрелки прицельно бить не смогут. А там, глядишь, возьмем американцев в сабли, они и побегут, — вставил свое слово Ржевский.

— Нет, — покачал головой я. — Ущелье довольно узкое, здесь, куда ни стреляй, не промахнешься. А за мостом батареи континенталов встретят тебя картечью. Ты только попусту положишь всю бригаду.

— Авось не положу, — все еще ершился молодой бригадный генерал.

— Погоди с Гейтсом. — Генерал-аншеф Закревский прервал боевую песню неустрашимого гусара. — Давай, мухи отдельно, котлеты отдельно. В порядке поступления заявок. Сначала у нас англичане напросились, стало быть, им первым и вломим.

— А если они нам? — спросил кто-то из присутствующих здесь же американских командиров.

— А нам-то за что?! — с деланным недоумением уставился на него Лис.

— Англичан надо остановить, — вновь повторил я. — Боевая магия нам тут вряд ли поможет, но здесь у нас, похоже, выбора нет. Пока Корнуоллис будет стоять, мы должны перейти Потомак и за-

нять ту самую позицию, которую сейчас занимает Гейтс. Так что если для этого нужно устраивать здесь пляски Пау-Вау*, значит, именно это мы и должны сделать.

Григорий Орлов неодобрительно хмыкнул:

— Ты еще прыжки через костер предложи!

— Гриша, — укоризненно начал было старший из братьев Орловых, вновь выпуская клубы табачного дыма.

— Шо-шо-шо?! — Лицо Лиса приобрело вдохновенное выражение, которое случалось у него в минуты изобретения самых гениальных каверз. — Ваше сиятельство, позвольте-ка вашу трубочку. — Алексей Орлов с нескрываемым удивлением посмотрел на генерал-аншефа, но молча протянул свой курительный агрегат. — Табачок-то местный, виргинский?

— Верно, — подтвердил генерал. — Хороший табак, душистый.

— Просто замечательно. — Лис сиял, как Лас-Вегас с высоты птичьего полета. — Ржевский, брат мой, сколько там у твоей Мэрилин Монро табака на складах?

— Что? — не понял Ржевский. — А, нет, ее девичья фамилия не Монро, а О'Хара.

— Да хоть Батлер, это мне без разницы! Ты мне о табаке расскажи.

— А я почем знаю. — Опешивший бригадир силился понять, какое отношение имеет табак к создавшейся оперативной обстановке. — До хрена!

— Очень верно подмечено, — усмехнулся Лис. — Дело к осени, все склады забиты. И здесь, и на соседних плантациях. Вывоза еще не было.

— Эт-то ты к чему клонишь, Закревский? — насторожился Пугачев, знавший за своим начальником штаба способность изыскивать порою головокружительные выходы из самых, казалось, безвыходных положений.

— Твое величество, тебе не кажется, что в зале уже продохнуть нечем? — хитро глядя на «государя», поинтересовался Лис.

— И то верно, — немного подумав, кивнул Пугачев.

— А ведь, поди, всего человек двадцать трубки курят. А сколько там в той трубке табаку? Ладонью накроешь, не заметишь.

— Ну-ну! — Глаза Емельяна Ивановича вспыхнули огнем. Он, кажется, начал догадываться о замысле своего начальника штаба.

— А ежели из тюков с табаком, скажем, редут сложить, обложить его снаружи дерниной, чтобы англичане с ходу подвох не за-

* Пау-Вау — первоначально индейский шаман. Позднее празднество с плясками и ярмаркой.

подозрили, а как поближе подойдут, все тюки и запалить разом. Ветер здесь постоянный, с гор в равнину, табак горит медленно. Это ж какой перекур получится?! Англичане за неделю не прокашляются. А за это время мы уже в Великих озерах купаться будем.

— Дело говоришь, аншеф. — Пугачев довольно погладил бороду. — Ну че, бригадир, уговоришь свою кралю подарить нам урожай?

— Так это... — Ржевский встал, закручивая и без того закрученный ус. — Того... позвольте удалиться, ваше величество!

— Ступай, удаляйся. Да только редут немедля надо начинать строить, так что табак сейчас, а потом удаляйся хошь до утра.

— Слушаюсь, ваше величество, — вытянулся во фрунт бравый бригадир и, развернувшись на каблуках, вышел из зала.

— Ну хорошо. — Пугачев посмотрел вслед уходящему гусару. — Положим, для англичан мы каверзу удумали. А с американерами что делать будем?

— В нашем распоряжении на сегодняшний день до двух тысяч индейских воинов. Правда, не все они в мире между собой, но сейчас их объединяет великая цель, — начал я, — желание вновь быть свободными, а не жаться по темным углам на землях своих предков. Чтобы добиться этого, они готовы идти на смерть...

— А без красивостей? — перебил меня Григорий Орлов.

— Чероки прекрасно знают горы и реку, они могут обойти посты американеров и, переправившись через Потомак, зайти в тыл генералу Гейтсу.

— Их всего шестьсот человек, — произнес граф Орлов-Чесменский. — Даже если прибавить к ним тускарора, с которыми они не воюют, все равно будет чуть больше тысячи. Этого явно маловато, чтобы заставить Гейтса покинуть такую удобную позицию. К тому же вы забыли о стрелках, которые ждут нас в ущелье.

— Слезы Дев, — негромко промолвил Калиостро, дотоле не проронивший ни слова на военном совете.

Все уставились на него, явно не понимая, о чем говорит великий магистр.

— Нам помогут Слезы Дев. Мне нужен вождь катобов Звенящий Ручей. Его отряд пристал к нам позавчера. Небольшой отряд в шестьдесят воинов. — Калиостро говорил размеренно, словно не видя никого из присутствующих в зале. Глаза его были устремлены на пламя горевших перед ним свечей, и отблески их плясали в глазах графа так, будто в зрачках его неведомым огнем бушевал скрытый от людских взоров пожар. Даже неразлучный с графом бушмейстер, дотоле мирно спавший на коленях Калиостро, проснув-

шись при звуке голоса хозяина, поспешил отвести свой немигающий взгляд от этих глаз.

— Мамай, — тихо позвал Пугачев, — ну-тка, пусть кто-нибудь разыщет мне этого вождя. Только мигом, некогда рассусоливать.

— Когда белые люди ступили на земли индейцев, — распевно начал великий магистр, — для вольных племен настали черные дни. Много храбрых воинов сложили свои головы в боях за земли своих предков. Много прекрасных девушек напрасно раскрашивали свои лица знаками ожидания героя, возвращающегося домой с победой. Некоторые из них сами становились воинами и искали смерть в бою. Иные же уходили сюда, в горы, в священную пещеру, чтобы оплакать погибших и горючими слезами залить свою боль. Но когда-то должен настать день, и Слезы Дев спасут из западни белых людей, пришедших дать свободу индейцам. И этот день уже близок. — Он немного помолчал, глядя на пляшущие огоньки свечей. — Нет. Этот день настал.

Минут через пятнадцать после этой сцены запыхавшийся Мамай доложил:

— Вождь Звенящий Ручей прибыл. Прикажете принять?

— Зови скорее, — кивнул Пугачев.

Звенящий Ручей, довольно высокий худощавый индеец, с тонким лицом и орлиным носом, с длинными черными волосами, забранными в две косы, перекинутые через плечи на грудь, вошел в залу и поднял руку, приветствуя собравшихся. Лицо его было покрыто красной краской из смеси охры и киновари с медвежьим жиром, лишь на впалых щеках зигзагами тянулись полоски естественного цвета кожи да от волос по лбу до правого глаза тянулась белая тонкая полоска наподобие шрама. Всю эту живописную картину довершало белое перо со срезанным наискось верхом и окрашенной в красный цвет линией среза.

Старый индеец-чероки, одним из первых прибившихся к нам, пытался объяснить мне сложную систему знаков различия и боевых наград местных племен. Признаюсь честно, осилить эту премудрость с ходу мне не удалось, но кое-что я все-таки запомнил. Так, допустим, это самое перо означало перерезанное врагу горло. Четыре параллельные линии на рубахе были свидетельством того, что носивший ее храбрый воин четырежды сделал «ку», то есть прикоснулся к груди живого противника кончиком копья, пучки же разноцветных волос, свисавшие с пояса вождя, говорили сами за себя. Вероятно, прежние обладатели этих причесок много могли бы порассказать о боевом искусстве Звенящего Ручья, когда б еще способны были говорить.

Ни я, ни кто другой из пугачевского генералитета ни на секунду не удивился, когда Калиостро заговорил с индейцем на его родном языке. Похоже, один только вождь, не ожидавший подобных познаний, мог бы быть изумлен ими, но ему было не до того. С самого начала беседы он, не спуская глаз, смотрел на своего собеседника, ласково поглаживающего голову огромной змеи. Когда же слова великого магистра достигли его сознания, вождь простерся ниц перед Калиостро, но, поднятый его словами, затараторил возбужденно и радостно, а затем, не обращая внимания, кажется, ни на кого из присутствующих, бросился прочь из пугачевского штаба.

— Что это было, почтенный лекарь? — изумленно спросил император, когда Звенящий Ручей в буквальном смысле утек бесследно.

— Вождь сказал, что сбылось предсказание великого индейского шамана Летящего Сокола, данное им полтора века тому назад. Он говорил, что настанет время племенам забыть свою вражду и обиды и выступить всем вместе. И что пещера, в которой плакали девы, находится в двух милях отсюда, и вождь почтет за честь провести нас туда. Потому что в предсказании сказано: «Белый лекарь со змеей, пришедший из-за моря, вернет индейцам мир, свободу и закон на землях предков».

Мы мыли золото на берегу Потомака. Точнее, тщательно делали вид, что моем золото. В этой картине все было фальшивым: фальшивые старатели фальшиво мыли фальшивое золото. Настоящими были только берег Потомака да солнце, поднимающееся из-за горизонта. Я старательно тряс дырявым медным тазом, в котором и без того уже колотилось несколько золотистых самородков. Слева и справа от меня так же усердно звенели тазами Калиостро, Редферн и еще несколько примкнувших к армии американских масонов.

В то время как мы тщательно симулировали кипучую деятельность, бесшумный, словно призрак, отряд Звенящего Ручья рассыпал в прибрежных водах Потомака то, что именовалось у индейцев «слезами дев», удаляясь все дальше от безмятежно спавшего лагеря генерала Гейтса. Я сидел на берегу рядом с немалой кучей самородков, насыпанных в старую солдатскую треуголку армии Конгресса, и вспоминал наше ночное путешествие к индейскому святилищу.

...Когда факелы, освещавшие узкий проход, сквозь который мы едва могли двигаться поодиночке друг за другом, выхватили вдруг из тьмы огромную подземную залу, стены которой были буквально усыпаны золотыми самородками, что мудрить, мы все обомлели, испытывая разной степени тяжести приступ золотой лихорадки.

— И что, все это богатство мы должны отдать армии Гейтса? — прошептал один из американских масонов, явно еще весьма далекий от высоких степеней масонского совершенства.

— Стыдитесь, джентльмены, — негромко осадил его Калиостро, прекрасно понимающий, что быстрый на язык американец лишь выразил общее настроение. — Золото только металл, один из многих других металлов, и само по себе оно не имеет никакой ценности для человека. Есть много вещей куда более ценных. К тому же сказано: не все то золото, что блестит.

— Но это... — Масон обвел рукой пещеру. Увиденное действительно потрясало. Был в этом зрелище размах волшебных сказок Шахерезады, так что невольно казалось, будто именно здесь обитает таинственный «сезам», отворяющий и затворяющий скальную твердь.

— Это? — Калиостро выковырял ножом из лучащегося свода небольшой самородок. — Я бы не рекомендовал вам, господа, продавать подобное золото ювелирам. Хотя наверняка найдется масса простаков, которые с охотой купят у вас эти безделушки. — Он немного помолчал, рассматривая самородок. — Не исключено, правда, что потом они захотят повесить вас на первом попавшемся суку. Это не золото, это пирит, а по-другому, серный колчедан. Ума не приложу, как индейцы наловчились отличать одно от другого. Ладно, времени немного, надо набрать побольше здешних сокровищ, чтобы войскам почтеннейшего Уильяма Горацио Гейтса было чем занять себя поутру.

...И вот сейчас группа фальшивых старателей в старых изодранных мундирах континентальной армии, больше смахивающая на банду дезертиров, чем на солдат, вдохновенно имитировала процесс извлечения драгоценного металла из вод Потомака, ожидая неизбежного появления долгожданных зрителей.

— *Дорогой племянничек,* — услышал я в голове, как обычно, слегка насмешливую речь лорда Баренса. — *Рад тебя приветствовать. Чем вы там занимаетесь? О! Добываете средства для армии?*

— *Доброе утро, дядя. Это у нас тут небольшая военная хитрость.*

— *Вот даже как! Надеюсь, она вам удастся. Кстати, хочешь посмотреть, какой переполох вызвала небольшая военная хитрость Екатерины с походом казаков «императора Петра III» в Америку? Тогда смотри и наслаждайся.*

Король Георг, восседавший на троне, производил впечатление короля не более, чем любой лондонский ремесленник, обряженный в дорогие одежды и насильно усаженный в высокое золоченое крес-

ло монарха. Он то и дело порывался вскочить, словно собираясь куда-то бежать, вновь усаживался, придавая своему изменчивому лицу серьезное выражение, озирался и опять вскакивал. Докладчик, в камергерском камзоле и пудреном парике с косой, монотонно зачитывал список злодейств, числившихся, судя по донесениям английских генералов, за армией Пугачева.

— *Что же это выходит, Баренс,* — скороговоркой выпалил Георг III, какое-то мгновение задерживая свой взор на моем дорогом дядюшке.

— *Ваше величество,* — бархатным голосом начал лорд Джордж, кланяясь государю с непередаваемым изяществом так, что казалось, будто в одном этом поклоне царственности больше, чем во всем Георге III от мягких тапочек до короны. — *К моему величайшему сожалению, я не мог лично проконтролировать отправку войск в колонии, поскольку, как всегда, послушный вашей мудрой воле, я должен был находиться подле вас при дворе.*

— *Да-да, верно.* — Георг снова подскочил на троне, будто обнаружил кнопку на сиденье. — *Я сам вас вызвал. Это все наш посол в России. Это он недосмотрел.*

— *Если мне позволено будет заметить, вы, несомненно, правы, ваше величество. Нашему послу следовало бы более внимательно относиться к своим обязанностям. Однако в этом деле есть некий аспект, о котором тоже не следовало бы забывать.*

— *И что же, что же это, мой дорогой Баренс?* — торопливо бросил король, словно собираясь на бегу слушать донесения царедворца.

— *Вчера я имел встречу с российским послом, ваше величество, для того чтобы заявить им протест от лица Англии по поводу несоблюдения договора, выразившемуся в том, что войска, прибывшие в колонии, отказываются повиноваться нашему колониальному командованию.*

— *Ну-ну, и что же сказал российский посол?*

— *Он сказал мне, что императрица Екатерина до буквы соблюла все условия договора; что, невзирая на все трудности и опасности столь дальнего похода, казачий корпус князя Заволжского высадился в колониях и сразу же, буквально с момента высадки, нанес поражение войскам Конгресса; что только непочтительное, а порой и просто оскорбительное поведение некоторых наших офицеров к руководству российского корпуса заставило оное отказаться от ведения совместных боевых действий. Но вместе с тем корпус князя Заволжского не вел каких-либо наступлений на позиции английской армии, кроме разве что нескольких мелких стычек, когда*

наши части пытались обстрелять русских. Поверьте, ваше величество, здесь мы имеем дело с вопросом чести, к которой русские относятся весьма щепетильно.

— Мне нет дела до их чести! — скороговоркой выпалил Георг III, и глаза его, казалось, налились кровью. *— Нашими войсками в колониях командует генерал Гоу, и я требую, чтобы князь Заволжский подчинялся его приказам! Иначе я велю разоружить этих мятежников и заковать в железо как преступников!*

— Но это вряд ли возможно, ваше величество, — пролепетал ни живой ни мертвый докладчик, теребя в руках затянутую сафьяном папку с конспектом утреннего доклада. *— Дело в том, что князь Заволжский отказывается повиноваться не только генералу Гоу, но и... императрице Екатерине. Он именует себя государем Всея Руси Петром III и утверждает, будто наши колонии есть его древняя вотчина Русь Заморская.*

— Что-о-о?! — Георг таки сорвался с места и, бросившись к докладчику, вырвал папку у него из рук. *— Это я император Петр III!* — Орудие производства придворного обрушилось на его ни в чем не повинную голову. *— Я — император Петр III! Слышишь меня? Я!* — Он выронил папку, как-то вдруг сжался, рухнул на пол и забился в конвульсиях. На губах монарха появилась пена.

— Господа, вам лучше всем уйти, — заявил кто-то в черном, появляясь из-за шторы. *— Аудиенция закончена.*

— Вот видишь, дорогой племянничек. — В тоне лорда Баренса чувствовалась обескураженность, которую он тщательно пытался скрыть под маской привычной иронии. *— На роль Пугачева тоже появились самозванцы. Похоже, на этот раз король все-таки сошел с ума.* — Он замолчал. *— Да, кстати, сегодня я читал доклад из адмиралтейства, там есть одно весьма пикантное замечание. Хочешь узнать, чем закончилась ваша экспедиция на Санта-Анну?*

— В каком смысле? — спросил я, продолжая трясти дырявым тазом.

— В самом прямом. Вы захватили Санта-Анну и ушли, оставив крепость на произвол судьбы. Понятное дело, она вам была не нужна. Но Санта-Анна — остров примечательный. Это не просто военная база испанского флота. Более того, как раз в этом амплуа он используется не слишком активно.

Туда свозится золото из испанских колоний, а раз в году за ним приходит эскадра из метрополии. Она как раз должна была прийти недели через две после вашего появления. Так вот, на следующий день после ухода русских в гавань вошли корабли под испанскими флагами, радостно встреченные графом де Кампоферрато. Прав-

да, вскоре выяснилось, что возглавляет эскадру Джон Пол Джонс, но бедный испанский дон узнал об этом чересчур поздно.

Впрочем, даже пожелай он организовать сопротивление, после того погрома, который вы устроили в крепости, это было абсолютно нереально. Одним словом, Пол Джонс сделал испанцу предложение, от которого тот не смог отказаться, вследствие чего на «Богородицу» целый день грузили свезенные сюда со всех краев драгоценности испанской короны, а утром эскадра снялась с якоря и растаяла в океанских просторах. Так что Джон Пол Джонс при любом повороте событий в этой операции оставался не внакладе. Грандиозный человек! При встрече передай ему мое искреннее почтение.

— Непременно. Но надеюсь, что это будет последнее, что он услышит в своей жизни.

— Усерднее, друзья мои, усерднее, — напутствовал нас Калиостро. — Вон скачет разъезд. Кажется, нас заметили.

Я посмотрел туда, куда указывал граф. Десяток всадников, патрулирующих окрестности лагеря генерала Гейтса, увидев вдали у воды группу незнакомцев, начали быстрый спуск к берегу реки.

— А вдруг не поверят? — глядя на приближающихся кавалеристов, спросил Редферн.

— Обязательно поверят, — обнадежил его Калиостро. — Люди едут в эту страну в поисках лучшей жизни. Они не упустят такой шанс.

Рассматривать континенталов у меня не было времени. Едва отключилась связь с дядюшкой, как на канале возник мой напарник, радостно-возбужденный в связи с предстоящим надувательством.

— Але, капитан! Ну шо, вы уже там потрясли неокрепшие мозги пуритан золотыми россыпями Потомака?

— Нет еще, сейчас будем потрясать. Первые, как там ты их называешь, американеры, уже скачут.

— А у нас веселуха началась во всю прыть. Погляди, пока ваши клиенты не прибыли.

Редут, сложенный из тюков превосходного виргинского табака, снаружи вполне можно было принять за нормальное полевое укрепление. Орудия конно-артиллерийских батарей Григория Орлова, выставившие свои жерла навстречу англичанам, еще более подчеркивали это сходство. Будучи умным и опытным полководцем, генерал Корнуоллис понимал, что перед ним отнюдь не вся армия, пытающаяся уйти за Потомак, в надежде занять там гораздо более выгодные позиции, а лишь ее арьергард, пытающийся сковать английские войска бесполезным боем, чтобы выиграть время для ухода основных сил несостоявшегося союзника. Он с явным раздражени-

ем двинул свои войска вперед, собираясь как можно скорее сбить досадную преграду и всеми силами обрушиться на хвост отступающей колонны русских. Отбив вялую атаку бригады Ржевского, призванную добавить пущей правдоподобности «арьергардному бою», он сам перешел в решительное наступление с развернутыми знаменами и под барабанный бой.

— *Давайте, давайте, поливайте скорее!* — торопил Лис и без того взмыленных негров с плантации госпожи Эвандерс.

— *Что это они льют?* — поинтересовался я.

— *Лампадное масло,* — не останавливаясь, кинул Лис. — *Религия, знаешь ли, не только опиум для народа, но и горюче-смазочные материалы для его передового отряда в лице пугачевской армии. Так, все. Закончили? Молодцы! Теперь валите отсюда бегом. А как тут все задымит, берите факелы и поджигайте лагерь англичан. Да сами под пули не лезьте! Поле подожгите, лагерь и так полыхнет.*

Негры опрометью бросились вон из редута, внушая в сердце Корнуоллиса уверенность, что противник в панике бежит, сломленный одним лишь устрашающим видом краснокафтанного воинства.

— *А теперь, как говаривал Гарри Гудини, следите за руками. Лучшая шутка сезона!* — затараторил Лис, чуть не подпрыгивая от возбуждения. — *Гриня!* — завопил он Григорию Орлову, подобно заботливой мамаше хлопотавшему возле своих ненаглядных пушек. — *Пора, поди! Устрой им похохотать!*

Глухо гаркнули пушки, выплевывая начиненные крупнозернистой смертью бомбы. Строй англичан даже не сбавил шаг.

— *Черт возьми, куда вы стреляете?!* — возмущенно завопил я.

Все до единого ядра летели мимо строя, плюхаясь в оросительные каналы и вздымая в местах падения столбы воды.

— *Сейчас увидишь,* — прокомментировал Лис.

— *Заряжай!* — За спиной моего напарника яростно командовал Орлов, потрясая тлеющим пальником. — *Пли!*

Новые бомбы полетели в канал. И тут началось... Началось такое, чего я не мог представить себе и в страшном сне: из каналов, между которых двигались хемпширские гренадеры Корнуоллиса, полезли на берег контуженые аллигаторы. Я и представить себе не мог, что их в этих местах так много! Маленькие и большие, бурые и зеленые, с выпученными глазами, с раскрытыми пастями, они расползались по скошенному табачному полю, являя собой жуткую картину Апокалипсиса.

— *Давай, Гриня, увози пушки. У англичан уже танцы. А вот мы им спецэффектов прибавим... Быстрее, быстрее!* — подгонял он пушкарей, стремительно цеплявших орудия на передки. — *Сейчас тут будет не продохнуть.*

Он поджег первый из десятка лежавших у ног заготовленных факелов. Орудия одно за другим уносились с позиций вслед отступающей бригаде Ржевского.

— *Давай, Закревский, не задерживайся.* — Орлов хлопнул Лиса по плечу и вскочил на последнюю уезжающую с позиции пушку.

— *Уж не извольте сомневаться, ваше сиятельство!* — бросая факел в табачный редут, вслед ему крикнул Лис. — *Генералу Корнуоллису,* — запуская вслед за первым еще несколько факелов, орал мой напарник, — *от императора Петра III на долгую память! Получи, фашист, гранату!* — Лис запустил в промасленные тюки последний факел. — *Адье, мон женераль!* — крикнул он и, удовлетворенный полученным эффектом, вскочил в седло ожидавшего его скакуна.

— Кто вы такие? — Подъехавший к нам сержант Освободительной армии сурово оглядел группу явно дезертиров, но, увидев рядом с оборванцами груды золота, заметно потерял интерес к личности неизвестных.

— Я капитан Мэнсон из отряда генерала Арнольда, а это мои солдаты. — Один из старателей поднялся и гордо расправил плечи. На нем был изрядно потрепанный офицерский мундир с капитанскими нашивками, и все, что он говорил, было чистейшей правдой. До того момента, как перейти под знамена великого магистра, говоривший действительно был капитаном в означенном отряде.

Взгляды сержанта и его спутников, завороженные зрелищем неисчислимых богатств, валявшихся без дела на берегу, с видимым трудом перевелись на невесть откуда взявшегося офицера.

— А может быть, вы шпионы? — медленно проговорил сержант, не спуская глаз с пирита и пытаясь на ощупь найти эфес болтавшейся у бедра сабли. Его желание покончить дело не то чтобы миром, но без шума и лишних свидетелей было вполне понятно, но нас оно никак не устраивало. Грохнул, сбивая с сержанта шляпу, штуцер Питера Редферна, и, словно тень смерти, поднялась у ног его коня копьеголовая змея, постукивая хвостом по прибрежному песку. Жеребец сержанта вздыбился, едва не сбрасывая седока.

— Отходим, отходим! — закричал я, стреляя из пистолетов куда-то в пространство и устремляясь со всех ног в ближайшую рощу. Калиостро и Редферн помчались вслед за мной.

— Мы сдаемся! — кричали остальные, резво поднимая руки и демонстрируя явное нежелание ни бежать, ни драться с кавалеристами.

Я готов был поклясться, что выстрелы были слышны в лагере Гейтса и что на выручку «попавшему в засаду» патрулю уже несется новый отряд. Я готов был поклясться, что теперь военнопленных, одетых в американскую военную форму, придется доставить в лагерь континенталов и весть о золоте молнией разнесется по войскам Конгресса...

Через три часа армия Уильяма Горацио Гейтса перестала существовать. Еще через три часа через Потомак начала переправляться армия государя Руси Заморской под развернутым знаменем с трехглавым орлом.

— Готово, ваше высокопревосходительство! — К начальнику артиллерии подскочил молоденький фейерверкер с табличками, наскоро прибитыми к прикладам брошенных американцами ружей.

— Так, здесь втыкай, там, там и еще во-он там, — тыкал пальцем Орлов, и расторопный артиллерист втыкал в землю ружья, украшенные табличками.

Я подъехал поближе, любопытствуя узнать, что за послание оставляет за собой генерал-фельдцейхмейстер. «Здесь могли стоять русские пушки», — гласила красноречивая надпись.

Глава 29

Сегодняшний противник завтра станет вашим покупателем, а послезавтра — союзником.

Следствие из аксиомы Лиддел-Гарта

Уже вторую неделю армия «императора» Руси Заморской двигалась по Пенсильвании. Двигалась ускоренным маршем, не встречая на своем пути ни малейшего сопротивления. Шла по стране, не тронутой войной, быть может, не слишком плодородной, но все же вполне способной прокормить пугачевское войско на марше. С момента нашей переправы через Потомак количество примкнувших к Пугачеву индейцев возросло почти пятикратно. Забыв о вековой вражде, к нам присоединялись индейцы равнин сиу, чейены, даже команчи из-за Ред-Ривер, все еще косо поглядывая друг на друга, они примыкали к нашему войску. По вечерам вожди племен усаживались в круг, глядя на пламя костра, забивали в калюмет* табак, смешанный с кинникинником**, утверждая тем самым священный мир на вечные времена.

---

* Калюмет — священная трубка мира.

** Кинникинник — размельченный внутренний слой коры красной ивы, в смеси с табаком используемый индейцами для курения трубки мира.

Местные жители, вначале с опаскою глядевшие на эту необычайную армию, как-то пообвыклись и уже как должное воспринимали отсутствие грабежей и довольно суровую пугачевскую дисциплину. Так, скажем, любого солдата, пойманного на мародерстве, по старинному казацкому обычаю привязывали к столбу посреди площади, и каждый проходящий мимо должен был нанести ему удар увесистой палкой, лежавшей тут же у ног жертвы.

Невообразимо огромная по американским меркам пугачевская армия неудержимо двигалась вперед на соединение с просто фантастической, и по численности, и по личному составу ордой Салавата Юлаева. Я все чаще пытался себе представить, что же будет, когда наконец два этих потока сольются в один, когда императорская армия по мощи своей превысит объединенную армию Конгресса и англичан, и, честно говоря, даже представить себе не мог, к каким последствиям может привести такое великое переселение народов.

Но пока что перед войском Пугачева лежал Питтсбург. Город, куда после крупных военных неудач в Нью-Йорке и Бостоне из Филадельфии, ставшей небезопасной, удалился американский Конгресс, как говорится, от греха подальше, куда сейчас, на выручку пребывающих в смятении отцов нации, шли остатки северной армии Джорджа Вашингтона.

По сути, Питтсбург был для конгрессменов большой ловушкой. Невзирая на все усилия Вашингтона, на спешно стягиваемую к городу пенсильванскую милицию, на аврально возводимые укрепления, город было не удержать, и я сомневаюсь, чтобы у кого-то из конгрессменов были иллюзии на этот счет. Однако покинуть оружейную столицу Соединенных Штатов они уже не могли. Летучие отряды индейцев, уже вовсю вышивавших бисером на своих рубахах символы пугачевской армии, контролировали подступы к городу, пропуская внутрь невидимого кольца только воинские части. Питтсбург готовился к осаде, мы же с Лисом к завершению порученного нам задания. Другого шанса подписать Декларацию Независимости ни у нас, ни у Конгресса уже могло и не быть.

Спустя две недели после перехода армии Пугачева через Потомак Питтсбург был взят в осаду. В императорском штабе царили весьма разноречивые настроения, абсолютно неизбежные в случае, когда командный состав формируется не обычным иерархическим путем, а благодаря заслугам тех или иных боевых командиров.

Партия «войны», возглавляемая Григорием Орловым, ратовала за немедленный штурм, и в этом решительном порыве ее поддерживала почти вся казацкая верхушка. Умеренная партия Алексея Орлова утверждала, что штурм — это лишние потери и никакой необ-

ходимости терять людей при попытках с ходу взять город нет. Нам с Лисом и вовсе надо было примирить враждующие стороны, о чем, похоже, ни Пугачев, ни Вашингтон даже не помышляли. Голоса на военном совете разделились ровно пополам. Пугачев, по традиции высказывавшийся последним, оглядел спорщиков и, увидав с одной стороны хитрого Лиса и мудрого Орлова-Чесменского, а с другой его горячего братца и еще более горячего Ржевского, произнес:

— Осаждать будем.

Недовольный этим решением Григорий Орлов угрюмо насупился, но, не говоря ни слова, вышел и вместе с Ржевским отправился подыскивать место для размещения штурмовых батарей. Вернулись они только под утро, оживленно переговаривающиеся и явно удовлетворенные результатами рекогносцировки. Но к этому времени славного бригадира в лагере уже поджидал изрядный сюрприз.

— Эй, Ржевский! — радостно крикнул «государь», едва заметив въезжающего в лагерь гусара. — К тебе гостья.

— Что? — Глаза кавалериста расширились, и задорная улыбка сползла, словно рисунок гуашью под проливным дождем.

— Ну эта, рыженькая, у которой мы перед переправой стояли.

Лицо Ржевского начало бледнеть на глазах. Я видел его в гибельных атаках, среди змей на острове Сатанаксио, но таким... Таким мне довелось его увидеть впервые.

— О Господи! — прошептал он. — Да неужто...

Отряд под командованием миссис Мерилин Эвандерс прибыл в пугачевский лагерь спустя пару часов после отъезда Орлова с Ржевским. Три сотни вчерашних рабов, вооруженных британскими винтовками «Браун Бесс», очевидно, оставленных хемпширскими гренадерами на полях Эвандерсфилда после штурма табачного редута, сопровождали огромный обоз с продовольствием, приобретенным хозяйкой поместья на деньги, вырученные от продажи плантации. Они примаршировали за сотни миль от родных лачуг, оглашая округу свежей строевой песней:

Хей, царь Питер государь.
Хей, Руси Заморской царь.
Негры будут без цепей.
бог врагов его убей.

Дальше шел чуть ли не поименный список врагов, выпеваемый с таким неподражаемым энтузиазмом, что казалось, Господь должен был бы поразить молниями всех упомянутых в нем негодяев хотя бы для того, чтобы заставить этот черный батальон наконец заткнуться.

От миссис Эвандерс мы узнали, что лишенный обоза деморализованный Корнуоллис на следующий день после нашего ухода пробовал было пуститься вдогон, но на берегу Потомака столкнулся с не менее деморализованными остатками армии Гейтса, сгоняемыми в стадо безутешным командующим. Между враждующими сторонами произошла стычка, едва ли заслуживающая даже упоминания в истории военного искусства, но моментально преподнесенная местными газетами как решительная победа американского оружия. Сделав для порядка несколько залпов, Корнуоллис отступил и устремился на северо-восток к Нью-Йорку, где ждал его генерал Гоу.

— Ваше величество. — Ржевский, белый как Северный полюс после снегопада, устремил на Пугачева умоляющий взгляд. — Христом богом молю, не выдавайте! Пошлите меня, скажем, навстречу Салавату Юлаеву. Хотите, с бригадой, хотите, самого. Я ж змеей проползу, птицей пролечу, где хошь пройду, только не выдавайте!

— Да в чем дело-то, братец? — недоуменно уставился на бригадира Пугачев, явно не ожидавший столь бурной реакции на сообщение о приезде недавней возлюбленной нашего гусара. — Али плоха бабенка?

Ржевский преобразился и подкрутил усы.

— Плохи бабенки те, что не с нами, — выпалил он заученно.

— Так в чем же дело? — еще более удивился «император».

— Да видите ли, ваше величество, — обреченно вздохнул Ржевский, — как вы меня послали к Мерилин урожай табака выцыганивать, так она мне условие и поставила: женись, говорит, все здесь твое будет.

— Ну а ты?

— Я ей ответил: «Сударыня, военная дорога полна тревог и опасностей. Быть может, завтра вражеская пуля пронзит мою грудь и я паду, обливаясь своей горючей кровью, на обоженный солнцем камень Аппалачей. Быть может, я останусь без руки, без ноги, без глаз — такова судьба солдата. Но я не хочу, чтобы золотые дни цветения вашей молодости были погублены рядом с бессильным инвалидом. Вокруг война, сударыня, а потому я не могу вам дать того слова, которого вы желаете и которое рвется из моего сердца. Но я обещаю вам, что если когда-нибудь я женюсь, то избранницей моей души будете именно вы».

— Ну?

— Она согласилась. Да только кто ж знал, что этой бедовой бабенке взбредет в голову тащиться за мной на войну!

— Так что ты гужуешься, женись, и дело с концом. Цыкнешь: сиди у печки, пироги пеки...

— Какие пироги, государь! Она два года командовала полком через своего мужа. А я, — Ржевский, казалось, был готов разрыдаться, — я еще слишком юн, чтобы связывать себя такими узами.

— Ну ладно, — махнул рукой Емельян Иванович, хитро поглаживая бороду, — твоя взяла. Погуляй еще, сокол ясный. Закревский! Отпиши Салавату, что мы его тут ждем. А ты бери свою бригаду, индейцев из местных, да поутру ступай к тем озерам, из-за которых подмога к нам идет. Я уж как-нибудь за тебя отбрешусь. Да только ж ты смотри, боле не балуй, табак уже армии без надобности.

— Ну, так может, еще курительные трубки пригодятся, — произнес, преображаясь, Ржевский, смеривая пристальным взглядом фигуру молоденькой индианки, несущей воду. — Эта, кстати, из местных?

Утром Вашингтон предпринял вылазку, пытаясь отбить у Пугачева высоты, контролирующие русло реки Йокогейни. Вряд ли эта вялая попытка была сделана по желанию самого командующего, вероятнее всего, он был вынужден пойти на нее под давлением обезумевших от страха политиканов, со дня на день ожидавших окончания своей карьеры. Континенталы начали отступать после первых же пристрелочных залпов орловских батарей, и, на мой взгляд, подобный маневр только подтверждал военный талант осажденного полководца. Но в тот момент, когда горнист американцев начал трубить отступление, в штаб прискакал адъютант графа Ивана Орлова, командовавшего внешней оборонительной линией, с сообщением, что в нашу сторону движется генерал Гейтс.

— Ванька что там, с ума сбрендил?! — возмутился старший из братьев, грозно сдвигая брови. — Откуда здесь Гейтсу взяться?

— Не могу знать, ваше сиятельство! — выпалил адъютант. — Да только его передовая часть уже в виду наших позиций пребывает.

— Так и что с того? — Командовавший армией Алексей Орлов возмущенно стукнул кулаком об стол. — Ванька для чего там сидит, орехи щелкать? Пусть возьмет кавалерию, скажем, бригаду Доманского, проведет разведку боем...

Не успел Алексей Орлов изложить свой замысел, как в штаб примчался очередной адъютант с новым сообщением.

— Ваше сиятельство, — закричал он с порога, — генерал Гейтс со своим штабом выбросил белый флаг.

— Ничего не понимаю. Сдаются, что ли?

— Так точно! Генерал Гейтс просил проводить его к государю. Он желает сдать ему свою шпагу.

— Хм... Вот ведь как оно бывает. Ладно, — Алексей Орлов-Чесменский удивленно скривил губы и поманил первого из примчавших-

ся адъютантов, — скачи обратно, передай брату, чтоб привез генерала в штаб. Государь сейчас на позициях, ну да я за ним пошлю.

Приблизительно через час все участники высокого ритуала сдачи были уже в штабе. Генерал Уильям Горацио Гейтс, человек лет сорока пяти, с лицом гордым и резким, хотя и несколько мрачноватым, стоял посреди штаба, держась подчеркнуто прямо, отчего казался выше на пару дюймов, чем был на самом деле. Несколько его ближайших офицеров вытянулись в струнку за спиной своего генерала, всем видом демонстрируя готовность повиноваться любому слову военачальника.

Пугачев, только-только вернувшийся с позиций, облаченный в казачий мундир, сейчас более походил на простого хорунжего, чем на «государя». Но, невзирая на слой пыли, на усталость после которой уже бессонной ночи, было в нем теперь нечто, придававшее вчерашнему беглому донскому казаку вид царственный, и не просто царственный, а царственный по праву.

— Ваше величество, — негромко начал Гейтс, и я стал переводить его речь, стараясь не упустить ни единого слова, — я уже без малого тридцать лет на военной службе. За это время мне довелось познать и радость побед, и горесть поражений. Я знаю, что военная Фортуна переменчива, и научился стойко принимать удары судьбы. — Голос генерала прерывался так, будто каждое слово давалось ему с трудом. — К таким ударам я отношу и злосчастное золото, найденное моими солдатами в Потомаке. И хотя дезертирство армии покрыло меня несмываемым позором, я бы стойко выдержал этот удар и продолжил сражаться за независимость своей страны, пусть даже простым солдатом. Но после этого... — Гейтс извлек из-под мундира и протянул императору знакомую мне уже табличку, одну из установленных на берегу «золотоносной» реки по приказу Григория Орлова. — Ваше благородство сродни тому, что демонстрировали в древности славные рыцари Круглого стола.

— Вальдар, — прошептал мне одними губами Пугачев, — потом мне поведаешь, кто такие.

— Я не могу больше сражаться против вас, ваше величество, — завершил свою речь генерал Гейтс. — Это будет против моей чести. — Он вытащил шпагу из ножен и протянул ее Пугачеву. Офицеры его штаба поспешили последовать примеру своего начальника и передали оружие генералам армии Руси Заморской. — Располагайте нами, — с гордым видом произнес Гейтс. — Лишь об одном прошу: я готов сражаться под вашими знаменами против кого угодно, только не против своего Конгресса. — Он щелкнул каблуками и склонил голову, как бы выражая тем самым полную покорность дальнейшим распоряжениям победоносного императора.

— Справная шпага, Вальдар. Глянь-ка, и вправду справная. — Пугачев склонился ко мне, демонстрируя клинок, переданный ему американским генералом. — К такой доброй шпаге и хозяин нужен толковый. Как считаешь, братец?

— Все верно, ваше величество.

— А коли верно, так и давай вернем ее господину генералу. Чего ради, спрошу я вас, ножны пустыми-то таскать? — Он протянул оружие Гейтсу эфесом вперед. — Переведи-ка, друг мой любезный, что я говорить буду, — обратился он ко мне. — Мы в эти края чужедальние не за тем пришли, чтобы реки здешние кровью потекли. Всяка живая тварь бога хвалит, а потому губить ее без нужды — великий грех. Так меня волхвы учили, а они пустого не скажут. Мы за тридевять земель шли волю искать, чтоб своим разумением жизнь по-новому строить. О вас же я слыхал, что тоже воли и правды ищете, так что тут нам и делить-то нечего. Сесть бы рядком да поговорить ладком, авось верное слово и для нас, и для вас сыщется. Чего кровь-то попусту лить? Поди, не водица. Так что пущай генерал и офицеры будут нам гостями да пусть не думают, я, поди, не ирод какой, чтобы заставлять их на своих-то лезть. А вот покумекать бы им, как войну эту закончить, вот тут бы была им слава великая.

Я слушал Пугачева и поражался перемене, произошедшей с ним за этот год. Каким образом этот человек из дикого разбойного атамана, едва не повесивший меня при первой встрече за отказ дать присягу, превратился в мудрого государя, буквально одной фразой обращающего в верных слуг и сторонников вчерашних врагов? Каким образом этот безграмотный человек, не умеющий сам даже правильно подписать выпускаемые им высочайшие указы, умудряется так точно понимать суть сложнейших политических проблем и порою, кажется, даже не задумываясь, находит для них решения, на мой взгляд, единственно верные?

— Да вот еще что генералу скажи, — словно что-то вспоминая, обернулся ко мне «император». — Слыхал я, что Иуда на осине удавился оттого, что сребреники, которые ему дали, фальшивыми оказались. Так вот, чем бы ни платили за измену, все фальшивым будет. А золота в Потомаке отродясь не было. Так что изменщики долгу своему удавку для себя, почитай, в кармане таскают. И дрыгать им еще в воздухе ногами, это как пить дать.

Приезд генерала Гейтса единодушно было решено почтить торжественным обедом, благо караван, приведенный миссис Эвандерс, позволял пока еще устраивать праздничные застолья. Но, как гласит старая пословица, хороший гость всегда приходит к обеду, и едва-едва мы расселись за столом, едва прозвучал первый тост за

единение, дежурный адъютант «государя» доложил, что группа местных выборных людей просит разрешения встретиться с его величеством.

— Ну что ж, — погладил бороду Пугачев, — коли пришли к еде, пущай садятся за стол. Мамай! — крикнул он своему ординарцу. — Позаботься о гостях.

Стоит ли говорить, что самые республиканские настроения торгового люда с великим трудом выдерживают прямое столкновение с каким-либо мало-мальским титулом, с приставками «де», «фон» и тому подобное. Гордые своим положением независимые фермеры, допущенные к столу государя-императора всея Великая, Малая и Заморская Руси, всю трапезу, кажется, не сомкнули челюстей, несказанно польщенные оказанной им царской милостью.

— Нуте-с, гости торговые, — обратился к делегации Пугачев между двумя переменами блюд. — С чем пожаловали? Какое у вас до нас дело?

— О, бизнес, бизнес, — оживились ведущие представители местной мелкой буржуазии, приведенные в себя ключевым словом «дело».

— Ваше императорское величество, — начал один из них, — мы представляем окрестных фермеров, которые до недавних времен ежедневно поставляли в город свежие продукты. Насколько нам понятно, впредь вы не намерены пропускать продовольствие в осажденный Питтсбург. Однако армии, которую вы привели, тоже необходим провиант. Мы были бы рады продавать его вам, ваше величество, по самым льготным ценам из уважения к столь мудрому и благородному государю, как вы.

Пугачев внимательно посмотрел на торговцев и заговорил, коверкая английские слова.

— Постой-ка, почтеннейший купец. — Емельян Иванович поднялся из-за стола и, обойдя его, подошел к обомлевшему фермеру. — Коли правильно я тебя уразумел, в город ты боле ездить не собираешься?

— Прошу прощения, ваше величество, может быть, я не совсем хорошо понимаю ваш язык.

— И то верно. Не силен я пока в вашей речи. Понимать-то уже понимаю, да сказать не могу. Эй, Вальдар, растолкуй господам купцам, что к чему.

Я поспешил перевести вопрос Пугачева на английский.

— Но, ваше величество, — не преминул удивиться торговец, — ведь Питтсбург в осаде. Вы же сами осаждаете его.

— Осаждаю, — кивнул «государь». — И что с того? У людей, что ли, с голодухи пузо не подводит оттого, что я город осаждаю?

Коли торговать хотите, торговать будете и здесь, и в Питтсбурге. Пополам.

— Но, ваше величество, — начал купец, все еще не понимая, о чем толкует государь. — Наших запасов не хватит, чтобы прокормить и Питтсбург, и вашу армию.

— Значит, пояса потуже затянуть придется. На то и война, чтоб трудно было.

— Да что ж это творится, государь! — взметнулся из-за стола Григорий Орлов. — Мы что же, своими руками еду противнику поставлять будем? Зачем тогда вообще все это стояние нужно?! — Григорий грохнул кулаком об стол, заставляя жалобно звякнуть стоящую подле него посуду.

— Ты, Григорий, умно говоришь, — кивнул ему Пугачев, — спору нет. Однако ж не мудро. А мудро вот как будет. Переводи, Вальдар, пущай эти мои слова купчины в Питтсбурге в этот самый... ну ты понял, короче, в думу свою передадут. Мы сюда пришли не кровь людскую лить, а потому народ голодом мучить не желаем. Солдаты, что супротив нас воюют, дело другое. Но лишь до той поры, пока они с нами воюют. А потому велю я всякий день половину возов с припасами в город отправлять да продавать там. Но токмо жителям. Проведаю, что обман чините, вам, гости торговые, несдобровать. Подвоз запрещу, а по фермам вашим отряды фуражиров вышлю.

Ну а коли в Питтсбурге мириться захотят, запомни, купец, да так тамошней старшине и передай: всегда милости прошу к нам пожаловать. — Он обвел рукой пиршество.

— Ваше величество. — Генерал Уильям Горацио Гейтс поднялся из-за стола, нервно сжимая и разжимая пальцы на эфесе шпаги. — Прошу простить меня, что говорю без спросу, но я... потрясен вашими словами. Поверьте мне, ваше величество, я счастлив, что военная судьба дала мне возможность сражаться с таким великим противником, и вдвойне счастлив, что она позволила мне перестать быть вашим врагом.

Позвольте мне пойти в Питтсбург. Мое имя стоит, вернее, до недавней поры стояло наравне с именем Вашингтона. Я быстрее найду слова, которые смогут убедить конгрессменов, чем простой фермер. Я прошу вас, ваше величество, заверяю, вы не пожалеете.

Пугачев окинул Гейтса долгим взглядом. Как мне показалось, в этом взгляде читалась тревога, но отнюдь не от недоверия к словам генерала.

— Ну что ж, — произнес он медленно, не спуская глаз с отважного американца, — ступай, коли то считаешь верным. Да береги себя, благородство нынче вещь нечастая.

— Слушаюсь, ваше величество, — склонил голову генерал Гейтс.

— А вы, купцы, с моим начальником штаба сговоритесь, когда ехать да поскольку. Эй, Закревский, где ты там?! — крикнул Емельян Иванович.

— Щас, величество, все организуем, обеспечим. — Лис оторвался от сочного бараньего бока и поднялся, вытирая руки о скатерть. — Щас со всем разберемся: и чего, и сколько, и кому, и во шо им это обойдется. Полетели, голуби мои сизые, будем с вас пух государю на перину собирать. — Он обвел фермеров взглядом, в котором вполне четко читалась сумма, кою представителям частного капитала надлежит заплатить за право торговли в Питтсбурге и его окрестностях.

Купцы вернулись вечером. Вернулись довольные, хотя и рассказывая весьма занятные вещи. Как оказалось, фургоны с провизией сначала долго не желали впускать в Питтсбург. Потом, когда после тщательного досмотра все же пустили, собравшийся на экстренное заседание Конгресс решил было полностью сжечь доставленное продовольствие, подозревая, что оно отравлено. Затем, когда испуганные возможной потерей товара торговцы начали демонстративно поедать плоды своих полей на глазах у почтенных конгрессменов, решение было отменено, но тотчас его сменило другое: передать весь обоз армии. Вот тут уже почтенные маркитанты встали на дыбы, в один голос заявив, что в этом случае город не увидит больше ни крошки...

Неизвестно, чем бы закончились эти дебаты, когда б не изголодавшиеся горожане, узнавшие, что привезенную для них пищу Конгресс пытается отдать солдатам. Толпа смяла стоявшие у фургонов пикеты континенталов, спеша урвать от плодов земных до того, как в головы мудрых правителей придет еще какая-нибудь мысль, скажем, отослать обратно «данайские дары».

— Да, кстати, — один из фермеров, собиравшийся уже отъезжать в родные пенаты, обернулся к стоявшему рядом с провиантской колонной Лису, словно вспомнив что-то важное, — там этого генерала арестовали, который с нами в город ехал.

— То есть как это арестовали? — удивленно уставился на него мой напарник.

— Сначала вроде бы генерал пошел к Вашингтону. Потом я их видел вдвоем, ехавших в сторону ратуши, где сейчас заседает Конгресс. А дальше смотрю, ведут его четверо солдат, уже без шпаги, в сторону питтсбургской городской тюрьмы. Так что, по всему видно, арестовали. Наверное, как изменника. — Возница пожал плечами и хлестнул кнутом пару одров, запряженных в возок.

Осада продолжалась, хотя, видит бог, это была самая странная осада, о которой мне доводилось слышать. Невзирая на требования Григория Орлова приступить к более активным наступательным действиям, Пугачев не только запретил какие-либо попытки штурма или минной войны, он велел отвести батареи так, чтобы они не могли бомбардировать город. К явному неудовольствию решительного начальника артиллерии, ему было разрешено лишь отвечать огнем на огонь американских пушек. Правда, с ними, к вящей радости Григория Григорьевича, было велено не церемониться. Упрашивать Орлова не пришлось, и вскоре церемониться стало практически не с чем.

А осада все продолжалась и продолжалась. День ото дня мы отбивали вялые вылазки континенталов, вновь загоняя их обратно в город, день ото дня получали вести о подходящем все ближе Салавате Юлаеве. Все прибывавшие в армию отряды индейцев и негров сообщали новости издалека: что Гоу, соединившись с Корнуоллисом, взяли Филадельфию; что Джон Пол Джонс вернулся в Америку после удачного набега на Англию, где впервые после Вильгельма Завоевателя высадил иностранный десант; что юный французский маркиз де Лафайет, назначенный Конгрессом начальником штаба континентальной армии из почтения к знатности рода и рвения вчерашнего кавалерийского капитана сражаться за независимость Соединенных Штатов, теперь движется на помощь осажденному Вашингтону с могучим отрядом в триста сабель и три с половиной тысячи штыков...

Мы стояли и ждали. Ждали потому, что внутренне почти каждый из нас понимал, что то, чему суждено свершиться, — свершится здесь. Казалось, из всей нашей армии в полную меру хлопотал лишь Лис. Каждое утро он встречал провиантские возы, распределяя, кому ехать в Питтсбург, кому оставаться в лагере, снимал с торгующих местовые, прогонные, мостовые и еще бог весть какие пошлины в императорскую казну, записывал в особую книжечку количество припасов, оставляемых пугачевцам и отправляемых Вашингтону, а затем аккуратнейшим образом выспрашивал у возниц обо всем увиденном и услышанном в городе.

В этот день все было, как обычно. Неутомонный генерал-аншеф Закревский во главе дежурной комендантской роты инспектировал колонну, когда вдруг на всем ходу он остановился у фургона, доверху забитого мешками с картошкой, и скомандовал вознице:

— Разгружай.

Внезапно побледневший фермер, не смея ослушаться грозного генерала, с неохотой повиновался.

— Быстрее, быстрее, — торопил его Лис. — Помогите ему! — приказал он своим казакам.

— Что случилось? — спросил я, подходя поближе.

— Я этот фургон уже в который раз вижу. В нем никогда не было зазора между досками в задней части.

— Да мало ли, — махнул рукой я.

— Вот и посмотрим.

Мешки один за другим летели на землю.

— Вот. — Лис обрадованно ткнул в глубь фургона. Там, куда показывал мой друг, находился сколоченный из толстых досок ящик. — Давай открывай, — гневно крикнул он белому как полотно вознице. Но это было излишне. Крышка ящика поднялась, и из него, словно чертик из табакерки, появился мужчина.

— Полковник Сазерленд! — не сговариваясь, выпалили мы с Лисом. — Вот это встреча!

Глава 30

Цель войны — добиться лучшего состояния мира.

Аксиома Лиддел-Гарта

Полковник Эшли Сазерленд выскочил из ящика и вместо «здрасьте» выпалил из пистолета. На наше счастье, время, проведенное им в кромешной темноте, помешало англичанину прицелиться, и пущенная им пуля, едва не проделав в моем ухе дырку, позволяющую таскать в качестве серьги звено от невольничьей цепи, впилась в стоящее рядом дерево.

— Ну ни хрена себе! — возмутился Лис и, схватив прислоненное к фургону ружье одного из казаков, участвовавших в досмотре, как тараном двинул не в меру прыткого англичанина прикладом в грудь. Ноги несчастного еще продолжали двигаться вперед, в безнадежной попытке спрыгнуть на землю и побежать, однако туловище его уже рвалось назад в ящик. Из горла полковника вырвался сдавленный квакающий звук, напоминающий прошедшую форму глагола «размножаться» на языке дикарей Сатанаксио. Пришедшие в себя казаки, возмущенные столь непочтительным обращением с их любимым командным составом, за ноги стянули полковника с фургона и принялись с применением подручных средств упаковывать его наподобие рождественского подарка.

— Я объявляю себя вашим пленником, милорд! — заорал Сазерленд.

— Вспомнил! — буркнул недовольный Лис, критически оглядывая дерево с засевшей в нем пулей на предмет подыскивания ветки, способной выдержать вес английского полковника. — Тебя что, в детстве папа сдаваться не учил? Ты шо, в натуре, не знаешь, шо ежели человеку башку продырявить, то он после этого себя так хреново чувствует, что никакую капитуляцию принять уже не может? Эй, ребятки, снимите-ка вожжи с этих кляч, — скомандовал Лис своим казакам, — ща будем поднимать сообразительность сего джентльмена на недосягаемую высоту.

Я знал, что кровожадность моего друга явно напускная, что Лис без крайней нужды старается не лишать жизней тварей Божьих, даже если они действительно твари. Если вышеозначенный субъект мог обладать ценной информацией, так уж и подавно. Но полковнику Сазерленду это было неведомо. Привычный к европейской манере ведения войны, он, очевидно, полагал, что сейчас его отведут в штаб и начнут всячески склонять раскрыть страшную военную тайну, обещая за это невесть какие груды золота.

В этом случае можно было поиграть в занимательную игру принятия благородных поз и таким образом сравнительно весело провести время. Однако метода Лиса была совершенно иной: он, не сходя с места, приговаривал оппонента к смертной казни и тут же делал вид, что это дело его больше не интересует. Перенести подобное издевательство, простить такое неуважение к своей персоне благородный Эшли Сазерленд никак не мог.

— Постойте! — завопил он, стараясь увернуться от руки дюжего казака, пытавшегося вставить ему в рот свернутый из онучи кляп. — Я хочу открыть вам тайну.

— Угу, золотого ключика, — прокомментировал заявление англичанина Лис. — Погоди, Петро. Дай господину полковнику выговориться напоследок, — зевая, разрешил он.

— Да-да, у меня для вас есть важные сведения. — Обрадованный отсрочкой казни Сазерленд спешил заинтересовать своим рассказом «жестокосердного» начальника пугачевского штаба, который в глазах англичанина явно оправдывал самые страшные легенды об ужасающей жестокости этих диких славян. — У меня письмо от английского командования американскому Конгрессу.

— Брателo, — Лис всплеснул руками, — так шо ж ты раньше не сказал, что переквалифицировался в почтальоны? А я-то смотрю, ты не при мундире. Решил было, может, шпионить приехал. А почтальонов мы не вешаем. — Он сделал знак казакам развязать анг-

личанина. — Пошли в штаб, подумаем, как половчее твою цидулу к американцам перекинуть. Вставай, полковник, вставай. До отбоя еще далеко.

В штабе кипели страсти.

— Отряд Лафайета нельзя принимать всерьез, — вдохновенно твердил один из масонствующих екатерининских офицеров, за последний год совершивший разительный карьерный прыжок от командира батальона до начальника пехотной дивизии. — Этот наскоро собранный отряд даже стыдно именовать армией. Если не считать кучки волонтеров, таких, как сам Лафайет, мало кто в этом, с позволения сказать, войске вообще имеет сколь-нибудь связное представление о том, что ему надлежит предпринимать в бою.

— Я бы не стал так говорить, вельможный пан, — едва не багровея от гнева, осаживал его овеянный ратной славой лихой кавалерист Михал Доманский. — Вместе с Лафайетом сюда идет генерал Пулавский, а это, поверьте мне, немало. Я имел честь служить под его началом и потому могу вас заверить, это выдающийся полководец. Даже ваш Суворов по достоинству оценил его.

— Господа, господа, — успокаивал их Алексей Орлов, — не стоит горячиться. Надо признать очевидное: отряд Лафайета действительно невелик по сравнению с нашей армией. А завтра, когда к ней примкнет войско Салавата Юлаева, он покажется и вовсе мизерным. Но тем не менее мы должны помнить, что его составляют люди, готовые умереть за благородные идеи свободы и независимости Америки. Да, вероятнее всего, мы сможем сокрушить их. Однако этот бой покроет павших волонтеров славой героев и мучеников, о которых деды будут рассказывать своим внукам. На наши же головы падут лишь проклятия и позор. В такой победе для нас нет ни чести, ни проку.

— В чем же ты видишь выгоду, Алексей Григорьевич? — негромко спросил Пугачев, внимательно слушавший до этого доводы спорщиков.

— Лафайет, безусловно, герой, — четко, как обычно, начал Алексей Орлов. — И что того важнее, пользуется едва ли не отцовской любовью Вашингтона, и все, что он скажет, будет, несомненно, выслушано главнокомандующим с должным вниманием. Следовательно, наша задача сделать так, чтобы Лафайет, как бы это выразиться, перестал с нами воевать.

— Вы предлагаете взять его в плен? — спросил кто-то из присутствующих командиров.

— Ни в коем случае. Он сам должен понять, что боевые действия между нами бессмысленны и, более того, вредны для торжества тех идей, за которые он сражается.

— Все это прекрасно, но едва ли возможно, — хмыкнул давешний масон, почесывая запущенный на английский манер бакенбард. — Если, конечно, не принимать во внимание вероятность явления ему во сне ангела Господня с соответствующим сообщением.

— Нет, — покачал головой Орлов-Чесменский, — на ангелов нам уповать не приходится. Но кое-что все-таки в наших руках. Государь, — граф повернулся к Пугачеву, — план, о котором я хочу говорить, довольно рискован, но он может удаться.

— Я слушаю тебя, Алексей Григорьевич, — согласно кивнул Пугачев.

— Дело в том, что несколько лет назад, когда моя супруга и ваша сестра Елизавета Кирилловна гостила при французском дворе, она была хорошо знакома и даже дружна с юным маркизом де Лафайетом. Полагаю, в память о былой дружбе он согласится выслушать ее, если мы наделим Елизавету Кирилловну полномочиями парламентера.

— Да виданное ли дело, — усомнился кто-то из присутствующей казацкой старшины, — бабу послом отправлять?

— Цыть, дурья башка! — гневно шикнул Пугачев. — Сказал тоже, бабу! У ней в голове царский ум посажен, не то что у тебя, дырявый горшок из-под кулеша. Дело-то, может, Алексей Григорьевич, и доброе, да вот сомнение меня берет: война вокруг, как же ж мы Лизавету Кирилловну без надлежащего отряду-то пошлем. А ежели, скажем, отряд дадим, так тот же Лафайет может его за наш авангард принять. А там разберутся, не разберутся, а мертвых хоронить придется.

— Я думал над этим, государь. Почтеннейший бригадир Доманский сегодня уже упоминал, что в отряде Лафайета служит такой известный герой Польши, как генерал Пулавский. Там же, насколько мне известно, воюет и капитан Тадеуш Костюшко, с которым, если не ошибаюсь, Михал в родстве. Да и не они одни.

— О да-да, — отважный шляхтич гордо расправил плечи, — много славных сынов Польши сражаются за свободу этой земли.

— С обеих сторон, — добавил Орлов-Чесменский. — Об этом я и говорю. Пан Михал водит свою бригаду в атаку под алым стягом с белым орлом. Это знамя дорого сердцу каждого поляка. Так что вряд ли его могут спутать с каким-нибудь другим.

— Ну, положим, пошлем мы навстречу маркизу бригаду Доманского. Хорошо, коли они поладят. А коли нет? Риск велик. Да и согласится ли моя дорогая сестра ехать к старому знакомцу?

— Это ее план, ваше величество, — поклонился Алексей Орлов.

— Ну что ж, — Пугачев в задумчивости погладил бороду, — значит, так тому и быть. Михал, вели седлать коней.

— Постойте-постойте-постойте, — вмешался в совещание Лис. — Я шось не понял, я тут начальник штаба или шо уже шо?! Кого-то куда-то отправляют — бригада налево, бригада направо! Ежели бы я щас с гостинцем не подоспел, почитай, до конца недели на всю эту шляхетскую ораву еще б пайки выписывал. А это ж, ежели перемножить количество голов на количество сабель...

— Погоди, Лис, — одернул я своего напарника. — Генерал Закревский хотел сказать, что только что нам удалось задержать представителя английского командования, который пытался скрытно пробраться в город с тайным посланием к американскому Конгрессу.

— Вот оно как, — нахмурился «император». — О чем же таком Конгресс с англичанами переписывается? Ну-ка, волоките сюда вашу добычу, посмотрим, что за птица.

— Да птица-то знакомая, — махнул рукой Лис. — Полковник Эшли Сазерленд из штаба Корнуоллиса. — Генерал-аншеф сделал знак казакам ввести пленника. Полковник со связанными за спиной руками вышагивал гордо, демонстрируя свою отменную военную выправку.

— Я английский офицер, — начал он, оглядывая собравшихся, — и требую, чтобы со мной обращались согласно моему званию.

— Тише, Эшли, не шуми. Мы же договорились, что ты почтальон. Ты уж выбери, либо ты шпионский полковник, тогда мы возвращаемся к дереву и начинаем все сызнова, либо ты почтальон, тогда кончай базлать и давай пакет.

Очевидно, выбор полковником был сделан много раньше, поскольку, не заставляя себя упрашивать, он проговорил, стараясь придать лицу выражение благородного негодования:

— Снимите камзол и распорите подкладку под левым карманом.

Казаки не заставили себя упрашивать, и вскоре в моих руках оказался любопытнейший документ, подписанный генералом Гоу, Корнуоллисом и представителем короля в колониях графом Данмором.

«Господам Глену, Робертсу, Лоуэлу и Клеймору, — гласило письмо. — После переговоров, проведенных в Лондоне господином Карстеном, облаченным вами соответствующими полномочиями, договаривающиеся стороны пришли к следующим соглашениям.

Первое: английские колонии в Новом Свете продолжают впредь именоваться Североамериканскими Соединенными Штатами и уп-

равляться Конгрессом, впредь более не именующимся колониальным.

Второе: Конгресс, действуя согласно мандату, выданному английским правительством, назначает и собирает через формируемые им соответствующие органы пошлины, налоги и иные сборы, из которых далее выплачивает в королевскую казну оговоренный единый налог.

Третье: Конгресс распускает так называемую Освободительную армию и впредь имеет лишь отряды полиции, но не более тысячи человек на один штат. Офицеры и командиры данных полицейских сил обязательно проходят действительную военную службу в Англии и только после этого могут назначаться на командные должности...»

Письмо содержало еще двадцать четыре пункта подобного рода, и каждый из этих пунктов был траурным цветочком на скорбную могилу американской независимости. Впрочем, имея хорошо подвешенный язык, подобный документ вполне можно было выдать за глобальную победу в нелегкой борьбе и, полив вышеупомянутые цветочки крокодиловыми слезами о многочисленных жертвах, собрать впоследствии изрядный урожай золотых ягодок с дальнейшим размещением их в банках. Под проценты. Заканчивался же этот дипломатический опус тирадой, вызвавшей бурное веселье в пугачевском штабе.

«В случае, если данное соглашение будет ратифицировано Конгрессом, английское командование берет на себя обязательство дальнейшей охраны Конгресса и всех организованных им служб. В то время как Форин Офис по повелению его величества Георга III готов оказать всемерное дипломатическое давление на императрицу России Екатерину II с целью добиться отзыва армии князя Заволжского, именующего себя императором Петром III, обратно в Россию».

При этих словах гомерический хохот потряс дом, в котором размещался пугачевский штаб. Веселее всего, наверное, было нам с Лисом, живо представлявшим себе, как очередной самозваный супруг императрицы Екатерины пытается оказать на нее какое-либо давление.

Полковник Сазерленд выглядел глубоко оскорбленным столь явным проявлением непочтения к доставляемому им перлу британской тайной дипломатии. Он попытался было протестовать, что-то требовать, но утирающий выступившие от хохота на глазах слезы Пугачев только махнул казакам:

— Уведите его. Да накормите. Небось проголодался. А письмо, — начал Емельян Иванович, наконец успокаиваясь, — пусть Лизавета

маркизу свезет. Самое ему время полюбоваться, как здешние бояре за волю ратуют.

— Государь, — сказал Лис, хитро прищуриваясь. — Оно бы, конечно, и верно Лафайету весточку свезти, да только нехорошо както выходит. Вез себе почтарь, вез письмецо заветное, а мы его хап, и переняли. Мы ж, чай, не разбойники какие.

— Вот любишь ты, Закревский, издаля начинать, — мягко пожурил своего начальника штаба Пугачев. — Ну, давай уж, говори, чего удумал?

— Я вот что мыслю, — не спеша произнес Лис, — пакет тот надо в Питтсбург доставить. Да попросить, чтобы генерал Вашингтон письмецо в Конгресс передал. Он, болезный, видать, еще не знает, что его думские дядьки распускать решили. Вот, поди, обрадуется!

— Что ж, — усмехнулся Пугачев. — Хитро придумано. Вряд ли генералу таковые известия радости доставят. Ну а с маркизом тогда как?

— Ну и маркиза не обидим, — лукаво усмехнулся Лис. — Ежели мы, скажем, попросим вашего лейб-лекаря копию с того документа снять, то, поди, и сами Гоу с Корнуоллисом передерутся, какое письмо настоящее, а какое с него списано. Правда ведь, ваше сиятельство?

Калиостро, как обычно сидевший безучастно в углу со своим неразлучным бушмейстером, гневно вспыхнул.

— Ну ваше сиятельство, — заворковал Лис, присаживаясь рядом, — ну Джузеппе Бальзамович, ну пожалуйста. Для благого дела ведь. Ну такой талант в землю зарываете. Вы ж только подумайте, сколько мы этим листком человеческих жизней спасти можем.

— Хорошо, — обреченно вздохнул великий магистр. — Сейчас и больше никогда.

— Добре, — кивнул Пугачев, внимательно слушавший лисовские увещевания живого бога индейских племен. — С письмом ты лихо уладил. Только вот кто в город пойдет?

— А я и пойду, ваше величество. Кому ж еще? Чтоб с Вашингтоном разговоры разговаривать, не пацан какой нужен, а человек весомый, достойный, в чинах. Ну, одним словом, я. — Закревский попытался гордо напыжиться, что, впрочем, ему мало удалось.

— Парламентером пойдешь, с белым флагом? — осведомился «император».

— С белым флагом меня, поди, сразу в Конгресс сведут. На кой ляд мне такая честь? Я с маркитантами поеду. Утром завтра выеду, а к вечеру обратно вернусь.

— Не верю я здешним купчишкам, — вздохнул Емельян Иванович. — Они за грош блоху в поле загоняют.

— Так это ж или дождик, или снег, или будет, или нет. Сейчас издаля много фургонов идет, каждый день новые прибывают. Сна-

рядим свой возок, возьму себе кучера из американеров, переоденусь, усы-бороду сбрею. Авось и не узнают.

— Усы и бороду брить не надо, — произнес из своего угла Калиостро, — светлые пятна останутся. Их следует подстричь и завить на голландский манер. А кроме того, я дам вам снадобье, и ваши волосы приобретут изумительно рыжий цвет. Я думаю, он будет вам к лицу, господин... Закревский.

— Конечно, — не смущаясь ни на секунду, выпалил Лис. — Но мне всегда нравился мой естественный, черно-бурый.

До работы в Институте мне не приходилось бывать в Питтсбурге. Все, что мне посчастливилось услышать об этом городе, сводилось к наличию в нем предприятий металлообрабатывающей и горнодобывающей промышленности. Население его и в наше-то время не поражает величиной, а уж в последней четверти XVIII века и подавно обеспечивало этой временной американской столице незавидную роль захолустья, пусть даже и самого крупного захолустья в этих местах.

Если наскоро возведенные укрепления с некоторой натяжкой и позволяли именовать Питтсбург крепостью, то, глядя на местные архитектурные достопримечательности, необходимо было обладать обостренной фантазией, чтобы величать этот город центром государственной власти. Двух-, трехэтажные домишки, считавшиеся здесь символом невероятной роскоши и едва ли не главным атрибутом его городского статуса, теснились друг возле друга на нескольких главных улицах, радиально расходившихся от ратушной площади. Чуть дальше от центра «высотки» сменялись скромными одноэтажными постройками, а те и вовсе лачугами, сбитыми чуть ли не из ящиков. То же можно было сказать и о дорогах. Точнее, о дороге, поскольку, строго говоря, на этот титул пока что могла претендовать лишь одна замощенная брусчаткой тропа. Сейчас по ней катились фургоны с продовольствием, и я в подзорную трубу разглядывал один из них, внешне ничем не выделяющийся среди таких же фермерских повозок. В нем рядом с возницей сидел Лис, напевая:

Забей заряд и ставьте фитиля,
Купчина лезет прямо на рожон,
За тесаки, ребята, помолясь,
Ведь с нами бог и штурман дядя Джон.

Все ближе и ближе были посты городской стражи.

— *Лис,* — вызвал я напарника, — *включи картинку.*

— *Да завсегда пожалуйста. Капитан, давай еще раз повторим адрес Вашингтона. Улица Литейная, шесть. Правильно?*

— Неправильно. Не шесть, а шестой дом от начала улицы. Там еще салун и какие-то склады. Тебя интересует дом Уолтера Блейдсмита, хозяина оружейных мастерских.

— Да, да, я помню. Вторая улица справа от ратуши. Над воротами должен висеть флаг с гербом Вашингтона: в белом поле вдоль красная лыжня, а над ней три красные звездочки, как на армянском коньяке. Кстати, капитан, а почему три, а не пять?

— Лис, потому что три. Геральдика — это наука. В ней практически все имеет смысл. Например, те червленые пояса в серебряном поле, которые ты обозвал лыжней, вполне могут означать, что предок Вашингтона, получивший этот герб, доблестно участвовал в двух кровопролитных сражениях, в которых и сам был ранен...

— Ага, а три звездочки вместо пяти означают, что ему не хватило выдержки.

Я обреченно вздохнул. Объяснять моему другу высокий язык геральдики было так же уместно, как обучать пингвинов классическому балету.

— Что везете? — Дежурный сержант городской стражи ленивым взором окинул очередную повозку, въезжавшую в город, и, скользнув взглядом по сидящим на козлах «фермерам», засунул голову внутрь фургона. *— Что в бочках?*

— Вино, господин офицер, — бойко отозвался Лис. *— Вино и виски.*

Один из солдат караула запрыгнул в фургон, постучал костяшками пальцев по бочке, словно проверяя, полна ли она, обстучал соседние пузатые емкости, а затем спрыгнул на землю, давая понять своему командиру, что все в порядке.

— Проезжайте, — кивнул сержант, теряя интерес к лисовской повозке.

Воистину, это была очень странная осада. Сколько раз Григорий Орлов и другие военачальники убеждали Пугачева, что привыкшие к ежедневным поставкам продовольствия континенталы проверяют караван более чем поверхностно и что, пользуясь этим, мы можем ввести в город произвольно большое количество солдат и взять его практически без боя. Емельян Иванович лишь отрицательно качал головой, отвергая идею Троянского коня: «Нет, это нам не годится». Ему говорили, что армия, пусть и втридорога, перекупает продовольствие у жителей, что осада может затянуться бог знает насколько, но он лишь загадочно улыбался, поглаживая бороду: «А че спешить? Во всяком деле ум нужен. И Господь землю за семь дней создал, а не так, чтоб дунул, плюнул и нате, живите».

Крепость можно было взять голыми руками, но ее никто не брал. Более всех, пожалуй, была удивлена делегация «лучших» лю-

дей города, тайно прибывшая к Пугачеву с предложением сдать Питтсбург. «Отчего же, — встревожился император, — нешто голодно? Али хвори какие одолели? Так я вам и лекарей пришлю». — «Но ведь, ваше величество, — недоумевали горожане. — Вы же осадили наш город, значит, вы хотите его взять». — «Экие беспутные, — вздыхал Пугачев. — Хотел бы взять, нешто б не взял? Я вот жду, когда ж до бояр ваших дойдет, что супротив меня воевать все равно, что себя же самого по заднице вожжами охаживать. Ворочайтесь, люди добрые, в город да расскажите там, что Русь Заморская, как у нас ее зовут, или же Америка, как вы ее кличете, нам всем страна родная. И делить ее я не позволю, сколько сил хватит. А уж коли сказал я, что здесь всем воля будет, значит, так тому и быть».

С той поры каждое утро конгрессменов начиналось с возмущенных воплей толпы под окнами. Народ требовал сложить оружие. Отцы нации, сжав зубы, старались не слышать этих криков.

Ратушная площадь была полна народу. Как обычно, в этот час сюда стекались горожане, спешившие купить или обменять продукты на ножи, лопаты, ружья, мотыги, в общем, на то, чем был богат Питтсбург. Лис огляделся, соскочил с фургона и, подхватив на плечо крутобокий бочонок с вином, двинулся в сторону второй от ратуши улицы.

— *Рассту-упись! Рассту-упись!* — протяжно командовал он жителям, торговавшимся у возов.

— *Куда?* — едва глядя на него, дежурно спросил один из полицейских, поддерживавших порядок на площади, заметивший проламывающегося сквозь толпу рыжего верзилу.

— *Вино для генерала Вашингтона,* — гордо отчеканил Лис. — *Прекрасное божоле от Франклина Делано Рузвельта.*

— *А-а,* — понимающе кивнул полисмен, очевидно, принявший Ф. Д. Р. за знаменитого за пределами Пенсильвании виноторговца. — *Ну, тогда неси.*

Мой друг не заставил себя упрашивать. Он выбрался на Литейную улицу и, лавируя против течения людского потока, принялся отыскивать дом оружейника Блейдсмита, украшенный флагом с красной «лыжней».

— *Вон он, вон! Рыжий, с бочонком!* — закричал кто-то, и тяжелые солдатские сапоги загрохотали по натоптанной дороге за лисовской спиной. — *Держи его!*

— *Капитан, похоже, у нас проблемы. Ну что, делаем ставки, кто раньше добежит до во-он того дома. Хотя а чего, собственно гово-*

ря, я буду бегать? Сейчас мы с ними играем в интересную игру «хто кого зъисть». — Лис пошел дальше по улице, напевая лихой мотив старой пиратской песни:

На рею, фьють,
Виси и не тужи...

Прерывистое дыхание преследователей стало, что называется, жечь затылок, когда до шестого дома на Литейной улице оставалось буквально шагов двадцать.

— *Три человека,* — резюмировал услышанное дыхание мой напарник. — *С весьма посредственной «физухой».*

Поведав мне это, он резко развернулся, как канадский лесоруб, состязающийся в национальном виде спорта «метание бревна», и запустил в голову ближайшего преследователя свою булькающую ношу. Пузатый бочонок летает хуже, чем ровное бревно, да в общем-то Лис и не ставил перед собой задачу побить рекорд дальности броска в этом специфическом виде спорта. Пущенный им снаряд поразил цель, и вино, вот уж действительно, ударило в голову начальника патруля.

Второй патрульный, ошалело взглянув на дичь, ставшую вдруг охотником, выкинул вперед руки с ружьем, пытаясь достать Лиса штыком. Но поразить моего друга подобным манером можно было, лишь застав его глубоко спящим. Сейчас же он был явно в приподнятом настроении и потому, перехватив ружье противника, резко дернул его на себя, а затем вверх, со всего маху прикладывая ружейный ствол к носу атакующего. Бедолага взвыл, выпуская оружие и закрывая ладонями то, что не следовало совать, куда не просят. Третьему континенталу удалось спастись бегством. Но с другого конца улицы, очевидно, привлеченная шумом, на помощь пострадавшим сотоварищам неслась уже группа поддержки этак в полторы дюжины солдат и полицейских, оглашая округу отнюдь не криками восторга.

— *Капитан, а вот теперь действительно пора стартовать.*

Ставка Вашингтона была уже совсем близко. Одним движением перемахнув невысокий заборчик, Лис в три прыжка пересек ухоженный двор и на самом крыльце столкнулся с выскочившим на шум дворецким.

— *В чем дело? Кто вы такой?* — попытался было остановить его слуга.

— *Молчи, старик.* — Лис схватил дворецкого за грудки. — *Красные в городе.*

— *Что? Англичане? Откуда?!* — всполошился американец.

— *Хуже. Беги на конюшню, вели седлать коней!*

— *Слушаюсь, сэр!* — выпалил домоправитель, усиленно пытаясь сообразить, с чего бы это вдруг рыжий голландец командует здесь, как будто так и надо. Но пока он обдумывал это, Лис уже был в доме на лестнице.

— *Где? Где Вашингтон? Скорее!* — Ниагарским водопадом обрушивался Лис на выскочивших из комнат адъютантов и ординарцев главнокомандующего.

— *На втором этаже в библиотеке,* — машинально ответил один из них.

— *Да что стряслось-то?* — недоумевая, спросил другой.

— *Вы что, ополоумели? Красные в городе!* — возмущенно выпалил Лис, решительно расталкивая офицеров свиты и взлетая вверх по лестнице. — *Но и это еще не самое страшное,* — заговорщицким тоном произнес мой напарник, оказавшись на площадке второго этажа и не давая оппонентам опомниться. — *Я проскакал двести миль. Командующий должен это знать! Клинтон сознался в связи с Моникой Левински, и это в корне меняет расстановку сил.* — Он решительным жестом распахнул дверь в библиотеку. — *Бедная, бедная Хилари!*

Вашингтон сидел за столом, листая положенную поверх развернутых карт книгу.

— *Привет. Шо читаем?* — поздоровался Лис, плотно закрывая за собой двери и прикидывая, чем можно хотя бы временно обезопасить себя от несанкционированных вторжений.

— *Гай Юлий Цезарь, «Записки о галльской войне»,* — отрываясь от чтения, произнес полководец. — *А-а... Собственно говоря, кто вы такой?* — Вашингтон поднялся из-за стола.

— *А вы как думаете?* — Лис подскочил к висевшему на стене щиту с перекрещенными за ним алебардами и потянул одну из них на себя. Заметив этот жест, Вашингтон схватился за шпагу. — *Сэр, я вас очень прошу, не надо делать резких движений,* — кинул через плечо Лис. — *Меня тут чуть не изрубили в куски, пока я до вас добрался! Нам надо поговорить с глазу на глаз, и я не хочу, чтобы нам мешали.* — Он наконец освободил алебарду из-за щита и сунул ее в дверные ручки наподобие засова. — *Сэр, а теперь позвольте представиться. Я генерал-аншеф Закревский, начальник штаба государя Петра III.*

— *Кто?* — переспросил ошарашенный столь нежданным визитом американец.

— Повторяю еще раз, я генерал-аншеф Закревский, начальник штаба государя Петра III.

Дверь в библиотеку затряслась.

— Ну, вот видите, — прокомментировал Лис, *— я же говорил. Предвидение вообще весьма полезная штука для полководца.*

— Ломайте дверь! — доносилось с лестничной площадки. *— Он взял в плен командующего!*

Вашингтон усмехнулся, не спеша обошел Лиса и, вытащив алебарду, аккуратно прислонил ее к дверному косяку.

— Ну как думаешь, капитан, сдаст? Не сдаст? — не спуская глаз с входа в библиотеку, хмыкнул Лис.

— Сейчас увидим. Во всяком случае, если сдаст, не волнуйся, через полчаса мы возьмем Питтсбург. Это я тебе обещаю.

— Господа, — произнес Вашингтон, открывая дверь, *— повода для беспокойства нет. Как видите, я свободен.*

— Но... он напал на наш патруль! — сообщил командующему кто-то по ту сторону дверей.

— Мы со всем разберемся. Я и генерал Закревский выйдем через несколько минут. Будьте любезны подождать нас внизу. — Вашингтон закрыл дверь и повернулся к Лису. *— Господин генерал, я не знаю, зачем вы сюда пришли. Но поскольку вы прибыли не обычным способом с белым флагом в качестве парламентера, полагаю, вы желаете вести со мной какие-то тайные переговоры. Заявляю вам официально — это исключено.*

Договариваться о чем-либо с противником, пусть даже столь благородным противником, как император Петр III, я буду лишь в присутствии Конгресса. Право, не ожидал, что вы осмелитесь прийти ко мне. Разве пример Гейтса вас ничему не научил? Итак, выбирайте: либо сейчас мы идем в Конгресс и то, что вы желаете сказать мне, скажете там; либо вы останетесь в Питтсбурге в качестве военнопленного, и все, что я могу обещать, это обменять вас на любого американского солдата или офицера, которого предложит мне ваш государь.

— Н-да, выбор невелик. Что ж, в Конгресс так в Конгресс. Вот только если господин генерал сочтет возможным, у меня к вам есть один вопрос и одна малюсенькая просьба.

Вашингтон внимательно посмотрел на Лиса.

— Что ж, хорошо. Однако, надеюсь, вы не будете возражать, если я вызову адъютантов, чтобы они были свидетелями нашей беседы.

— Пожалуйста-пожалуйста. Я даже не стану возражать, если вы созовете сюда весь свой штаб. Так оно было бы даже лучше.

— *Ну что ж, как пожелаете.* — Вашингтон вызвал одного из своих адъютантов. — *Собери всех имеющихся в штабе офицеров.*

— *Слушаюсь, сэр!* — козырнул тот и отправился выполнять приказание.

Экстренное собрание штаба состоялось минут через двадцать.

— *Господин главнокомандующий,* — не обращая внимания на удивленные взгляды собравшихся, обратился Лис, — *я хотел бы знать, за что арестован генерал Гейтс.*

— *Комиссия Конгресса, обсуждавшая вопрос об аресте, пришла к выводу, что генерал Уильям Горацио Гейтс повинен в измене. Вначале он, получив от вас взятку золотом, пропустил армию императора Петра III через Потомак, потом же и вовсе перешел на вашу сторону. Вы удовлетворены?*

— *Вполне. Позвольте еще один небольшой вопрос, который является как бы продолжением первого.*

— *Хорошо,* — кивнул Вашингтон.

— *Были ли в данной комиссии господа Глен, Робертс, Лоуэл и Клеймор?*

— *Эдвард Клеймор возглавлял комиссию Конгресса.*

— *Даже так? Великолепно.* — Лис вытащил из кармана знакомый мне листок бумаги. — *Тогда самое время перейти к просьбе. Вот это письмо мы вчера перехватили у английского полковника Эшли Сазерленда, пытавшегося скрытно проникнуть в Питтсбург. Я прошу вас, прочтите его вслух, а дальше мы с вами отправимся в Конгресс для того, чтобы передать это послание упомянутым в нем господам.* — Лис протянул бумагу Вашингтону.

Командующий взял ее и начал читать. Чем дальше он читал, тем тише становилось в комнате. Но когда отзвучала последняя фраза, штаб взорвался эмоциями, как спавший вулкан.

— *Не может быть! Это подлог! Чем вы докажете?* — неслось со всех сторон.

— *Нет,* — сокрушенно покачал головой Вашингтон. — *Это рука Гоу. Я узнаю ее. И подписи... Это действительно подписи Гоу, Корнуоллиса и Данмора. Письмо подлинно.*

— *Я бы не стал на этом так настаивать,* — прокомментировал лично мне слова американца Лис. — *Я так и не смог понять, какое писал Гоу, а какое Калиостро.*

— Милорд Вальдар, — в мою каморку негромко постучал верный, как тень, Редферн. — Вас государь в штаб просит.

— Что-то случилось? — Я поднялся, чтобы идти к Пугачеву.

— Да нет, все в порядке. Салават Юлаев прибывает. Ржевский уже примчался. С ним пожилой индеец из могикан. Чингачгук звать. Все твердит, что наконец-то его день настал. Говорят, лучший проводник во всей округе. Государь велит вам, пока генерал Закревский отсутствует, исполнять обязанности начальника штаба и, стало быть, озаботиться расквартированием подходящих войск.

— Хорошо, — кивнул я, цепляя саблю к поясу. — Готовь коней.

— Слушаюсь, милорд.

— Да, вот что еще. Ты в штабе был, не слышал, Лафайета там еще не видать?

Камердинер тяжело вздохнул:

— Нет покуда вестей от Лизаветы Кирилловны. Я уж изволновался весь.

Следующие несколько часов я провел почти не покидая седло. Войско, идущее на соединение с Пугачевым, было огромно. Изрядно подъеденная нами округа наверняка бы не смогла прокормить эту объединенную армию. Уже вечерело, когда один из ординарцев Ивана Орлова, разыскав меня, сообщил:

— За Аллегейни движется отряд Лафайета.

— Доманский еще никого не прислал?

— Никак нет. Но рядом с американскими полосами и звездами развевается польский орел.

— Ладно, посмотрим, что бы это значило, — буркнул я. — Если будут идти к городу, пропустить. Огня не открывать.

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

— Алё, капитан! Ты будешь смеяться, но это опять я.

— Лис, дорогой, ну как там у тебя?

— Все просто восхитительно! Картина Репина «Не ждали», мягко перетекающая в картину «Утро стрелецкой казни».

— Так что можно посылать...

— Я тебе пошлю! Я те так пошлю! Ты, блин, историю делаешь или войну выигрываешь?! Капитан, я тебя, конечно, уважаю, но временами ты меня просто удивляешь. Этот день войдет в историю страны едва ли не как главный праздник. О нем будут написаны тысячи исторических исследований, а ты пытаешься внести в это эпохальное событие какую-то мышиную возню, вроде подписания никому не нужной капитуляции. Или что там у тебя на уме?..

— Лис, не томи, — отмахнулся я. *— У тебя есть план?*

— Да!!! Это будет грандиозно! Феерия! Это будет шоу, о котором историки станут писать, заливаясь слезами по пояс! Твоя задача проста: завтра на рассвете выставить войска, но только красиво выстроить, напротив Питтсбурга. Шоб солнце восходило над

головами несметной рати, шоб птицы пели... Дай бог только, чтоб погода не испортилась. Тьфу, тьфу, тьфу! Построение на тебе, погоду, так и быть, оставим Всевышнему, остальным я займусь сам.

Бог, который, как известно, хранит пьяных, дураков и американскую армию, по просьбе Лиса дал безоблачное небо, громкоголосых птиц и легкий ветерок, вполне достаточный, чтоб развевать полотнища знамен. Встающее из-за горизонта солнце освещало ряды полков, выстраивавшихся на каменистой равнине. Белые, черные, красные, желтые лица с разным разрезом глаз и очерком скул, но все до единого полные отваги и сознания необъяснимой важности происходящего. Разбуженный боем барабанов и звуками труб, на городские окраины валил любопытствующий люд, ожидающий увидеть нечто невероятное. Полки континенталов выходили из города и, вытягиваясь в линию напротив нас, перестраивались в боевые порядки. С фланга к ним примыкала армия Лафайета.

— Господи, да где ж Лизавета Кирилловна-то? — прошептал едущий за мной Редферн.

— Не волнуйся, я думаю, с ней все хорошо, — обнадежил его я.

Построение закончилось, и армии неподвижно стояли друг перед другом. Стотысячная армия Пугачева и пятнадцатитысячная Вашингтона. Построение закончилось, и смолкли звуки мерных шагов, звуки труб и барабанов. Лишь фыркали кони и ветер хлопал шелком знамен.

— Неужто таки сражаться будут? — пробормотал Пугачев, обращаясь ко мне. — Дай-ка подзорную трубу.

Я молча протянул зрительный прибор императору.

— Так. Вон Вашингтона вижу. Вон стоит, под знаменем с лилиями, наверняка Лафайет. Под польским орлом не Михаил. Видать, Пулавский...

Со стороны континенталов одинокий горнист пропел команду «Знаменщики вперед!», предшествующую решительной атаке.

— Давай, Вальдар, и ты командуй, — мрачно кинул «император».

Я перевел взгляд на командующего армией Орлова. Он кивнул, подтверждая распоряжение государя.

Шеренги континенталов расступились, и из строя с зачехленными знаменами выехали два всадника.

— Постой, — поднял руку Пугачев, впиваясь глазом в окуляр подзорной трубы, словно не желая верить увиденному. — Это же Лис с Доманским!

Чехлы знамен изящно отлетели в сторону, словно плащи тореро, и порыв ветра раздул штандарты корабельным парусом.

— Да ведь... — все еще не веря увиденному, во весь голос крикнул «государь». — Да ведь там орел! Наш трехглавый орел! — Он вновь посмотрел в подзорную трубу. — Только средняя голова у него отчего-то белая. Ну да ладно, об этом потом.

Армии, стоявшие в идеальном равнении друг против друга, при виде этих знамен пришли в неистовство и, сорвавшись с места, ринулись навстречу друг другу, оглашая равнину приветственными криками, от которых наверняка тряслись окна не только в Питтсбурге, но и в занятых англичанами Нью-Йорке, Бостоне и Филадельфии. Они мчались навстречу друг другу, подбрасывая вверх шляпы и раскрывая объятия, подобно братьям, пережившим долгую разлуку.

— Вот так, судари мои, — произнес, обращаясь к нам, Пугачев, обводя подзорной трубой сцену всеобщего братания, — из многих народов единый делать будем! — Он кивнул в сторону стоявшего вдали Вашингтона со штабом. — Ну что, господа мои, поехали?

Эпилог

Уходим под воду в нейтральной воде.

В. Высоцкий

Декларация Независимости Америки Руси Заморской была подписана спустя неделю после питтсбугского братания. Правда, на мой взгляд, редакция, принятая Великим Кругом Вольных Штатов, была немного шире известной в нашем мире. Она на веки вечные запрещала рабство и даровала всем гражданам казачьи вольности. Но это уже было за рамками нашего задания. Возмущенное правительство Англии заявило яростный протест императрице Екатерине, на что Екатерина лишь помянула в сердцах словечко, услышанное, видать, в гвардейских казармах, и промолвила без тени сомнения:

— Пиши, хохол. Блокаду Руси Заморской мы не признаем и всеми силами флота и армии нашей оную сокрушать будем. Емельке же, — она поправилась, — Петру дай знать, что от лица Руси Великой его с великим деянием поздравляю. Всякая власть от Бога, и не английским бумагомаракам решать, кому править, а кому нет. Отпиши ему, что вражды между нами нет и быть не может. Торговать будем, — обратилась она к Безбородко.

Благодаря неизменному Колонтареву мы слышали все это своими ушами, и наши сердца радовались такому исходу дела.

Война все еще продолжалась. Англичане удерживали часть атлантического побережья, и нашим войскам необходимо было немало потрудиться, чтобы выбить их оттуда. Однако и мне, и Лису уже было не до этого. Нам было велено возвращаться, и вот теперь на берегу безызвестной бухты мы ждали всплытия подводной камеры перехода, той самой, при помощи которой некогда навещал нас Джозеф Рассел.

Я лежал на спине среди прибрежных валунов и, печально глядя в небо, покусывал сорванную травинку.

— Черт возьми! — Лис, бросавший с обломка скалы голыши в воду, скрылся за камнем, вытаскивая из кармана подзорную трубу. — Корабли! Только этого нам сейчас и не хватало! Придется затаиться до темноты. — Мой напарник уставился на подходящие к бухте корабли. — Фрегат и транспортник. Транспортник, похоже, английский. А фрегат... фрегат — флаг не разберешь. Капер, что ли? Ну-ка, ну-ка! О-ля-ля! Надо же... Капитан, взгляни, тебе будет интересно.

— Ну, что там еще? — неохотно отозвался я, внутренне смиряясь с необходимостью подняться.

— Давай, давай, не ленись.

Я поднялся с тяжелым вздохом, принимая протянутую Лисом подзорную трубу.

— Ну и что, фрегат как фрегат. Судя по всему, недавней постройки. Хорошие обводы... м-м... сорок четыре пушки...

— Куда ты смотришь! Под бушприт посмотри.

Я перевел взгляд туда, куда указывал вчерашний генерал-аншеф. Застывший в атаке фехтовальщик, казалось, рвался вперед, вытянув вооруженную шпагой руку.

— Ну как?

— Красиво.

— А теперь название посмотри.

«Мессир Вальдар» гласила надпись на борту.

— Что? — недоуменно спросил я.

— Спорим на три щелбана, я знаю, в чью прелестную головку пришла мысль снарядить этот корабль.

ВСЕ ЛОРДЫ КАМЕЛОТА

А ведь есть еще грабли, на которые не ступала нога человека!

Цинцинат

Пролог

Закрой глаза и думай об Англии.

Наставление английских мамаш
перед Этим

 орога к аэропорту Хитроу являла зрелище унылое и однообразное, точно готовя потенциального пассажира к невероятным пейзажам небесных странствий. Впрочем, при дальних перелетах и они вызывают зевоту у истинного англичанина, самим господом сотворенного таким образом, что лишний час сидения на одном месте рождает у него назойливые мысли о несовершенстве мироздания.

Старенький «ровер», дребезжа, катил к воздушным воротам столицы, глотая милю за милей. Я тешил себя надеждой, что за три недели моего отсутствия на берегах Туманного Альбиона механики аэропортовского гаража приведут в порядок лошадиные силы железной колесницы, да и вообще вернут ей высокое звание приличного автомобиля.

Я мчался вперед, согреваемый надеждой через несколько часов встретиться с миссис Эйлин Гловерс, в девичестве Камдейл, моей родной сестрой, которую я не видел уже страшно подумать сколько лет.

Вот позади формальности гаража, впереди билетная стойка с улыбчивой девушкой

невиданной в Англии красоты. Должно быть, авиакомпании, соревнуясь за души и кошельки клиентов, экспортируют подобных красоток из мест, более обласканных солнцем, чем суровая Британия.

— Лорд Уолтер Камдайл? — В глазах красотки блеснул неожиданный интерес. Столь неожиданный для представительницы этой профессии, что, будь на моем месте Джеймс Бонд, он бы инстинктивно начал нашаривать «Вальтер Р-99» пяткой правой ноги за левым ухом.

— К вашим услугам, мэм.

— Наша авиакомпания приносит вам свои извинения, милорд, но ваш билет аннулирован.

— То есть как аннулирован?!

— Увы, милорд. О вашем прибытии велено немедленно сообщить администрации аэропорта. Вас ожидает фельдъегерь Королевской службы с чрезвычайным предписанием.

Мои глаза округлились и стали неуловимо похожи на карту полушарий со стертыми очертаниями материков и океанов.

— ...И все же смею вас уверить, что наша авиакомпания всегда будет рада видеть вас пассажиром любого из наших комфортабельных лайнеров...

Благостные предчувствия обманули меня. Увы, увы, сегодня мне было не суждено ступить на борт вышеупомянутого «комфортабельного лайнера», не суждено увидеть сестру и малолетнюю племянницу, а уж что сулило появление фельдъегеря ее величества... Бог его знает, прежде такой чести я никогда не удостаивался. Обратная дорога в Лондон была еще более печальна, чем путь к Хитроу. Разглядывая город через затемненные стекла официального черного «бентли», я невольно ловил себя на мысли, что очень давно не видел столицу в наше время. Все более в эпоху Войны Роз или уж совсем в туманные годы короля Гарольда, когда укрепления на высоком берегу Темзы и городом-то можно было назвать весьма условно. Последний раз мне довелось наблюдать ее сравнительно недавно, при королеве Виктории. Чье имя и носила улица, куда лежал мой путь. Категорическое требование за подписью ее величества предписывало мне явиться в распоряжение граф-маршала Британии герцога Норфолка, ведавшего геральдической службой державы.

«Что за срочность?» — размышлял я, восстанавливая в памяти долгую вереницу вельможных предков и строя самые невероятные догадки, чьим дотоле неведомым заслугам обязан я такому вызову. Но вот впереди замаячило красное кирпичное здание «Колледж оф армз», построенное после великого лондонского пожара, со знаменем над входом, недвусмысленно поясняющим всем, способным по-

нять, что сегодня день дежурства гербового короля Норрея. Нас уже ждали. При виде «бентли» два ботена в геральдических далматиках расторопно открыли резные дубовые двери, и персевант, подчеркнуто аристократичный и более подходящий на роль знатного лорда, чем любой из известных мне носителей старинного титула, едва заметным кивком повелел следовать за ним в резиденцию его высочества герцога Норфолка.

— Добрый день, Уолтер, — приветствовал меня граф-маршал, поднимаясь из-за стола и делая знак садиться напротив. — Как дела?

— Добрый день. Благодарю вас, хорошо, — покривил душой я. — Как, надеюсь, и ваши.

Лет пять тому назад я был представлен его высочеству. С тех пор мы раза три раскланивались в редкие случаи посещения мною заседаний палаты лордов, и это вполне давало основания высокопоставленному собеседнику пренебречь обычными церемониями в приватной беседе. Во всяком случае, обращение по имени, а не официальное «милорд» свидетельствовало именно о таком характере предстоящей беседы.

— Уолтер, дело, о котором я желаю с вами говорить, весьма серьезно и весьма, даже более чем весьма, конфиденциально. Поэтому, прежде чем я введу вас в курс дела, вы должны дать мне слово дворянина, что ни одна живая душа в этом мире не узнает о возложенной на вас миссии.

Черт возьми, не каждые день граф-маршал Британии требует слово чести у одного из дворян королевства, и уж подавно не каждый день этого самого дворянина доставляют с королевским фельдъегерем в Геральдическую коллегию, не оставляя ему ни малейшего выбора. Но уж раз доставляют, значит, есть на то резон! Я поднял вверх правую руку:

— Клянусь!

— Прекрасно, — кивнул герцог Норфолк. — Говорю сразу: я знаю о вашей службе в Институте экспериментальной истории. Также мне известно, что недавно вы вернулись из командировки м-м... — граф-маршал замялся, словно убеждая себя в необходимости произнести следующие слова, — ко двору короля Артура, где были причислены к рыцарям Круглого Стола под именем сэра Торвальда герцога Инистора.

Я молча поклонился.

— Так вот, вам надлежит вернуться обратно.

— Смею узнать — зачем?

— Безусловно. — Норфолк открыл ларец. — Взгляните на эти пергаменты.

— О, — я взял в руки почерневшие от времени кусочки, — написано старинной латиницей?

— Верно.

— Сейчас попробую прочесть. Так... «златой дракон вонзит клыки в грудь алого». Здесь: «принцесса грез покинет этот мир»... А на этом: «спасение придет». — Я вернул останки древней рукописи Норфолку. — Если предположить, что эти фрагменты одного свитка, то надо признать, что текст довольно бессвязный.

— Вы правы, — вздохнул герцог. — Эти кусочки найдены недавно в библиотеке графов Перси, потомков сэра Персеваля и, судя по найденной там же записке, к сожалению, весьма пострадавшей от времени, являются частью последнего предсказания Мерлина. У нас есть основания считать, что это предсказание касается наших дней.

— Милорд, — я удивленно поднял брови, — я правильно вас понял? При дворе считают, что пророчество Мерлина может иметь реальное значение и в наши дни? Пятнадцать веков отделяют нас от времен Артура!

— Нострадамус тоже не вчера родился и не вчера умер. Уолтер, я, как и вы, могу считать все это ерундой, в лучшем случае — историческим казусом. Но дело в том, что время от времени все эти пророчества попадают в цель. Возможно, именно потому, что они известны тем, кто принимает решение, но тут уж не нам судить. Я уполномочен сообщить вам, что ее величество возложило на вас секретную миссию вернуться в Камелот и позаботиться о том, чтобы текст пророчества был собран и доставлен ко двору в полном виде. Если верить записке, прилагавшейся к прочитанным вами фрагментам, пророчество было записано Мерлином по приказу Артура и разделено им на двенадцать частей. Эти части он раздал своим доверенным рыцарям, названным лордами Камелота. Руководство Института в курсе вашей командировки, хотя и не знакомо с ее истинными целями. Вам предоставляются самые широкие полномочия. Фельдъегерь доставит вас к месту. Помните о соблюдении секретности. Прощайте, милорд, и желаю нам всем удачи.

Глава 1

Утро добрым не бывает.

Заветы старого филина

С каменного свода падали редкие капли, вызывая неожиданное эхо в запертом подъемной плитой гроте шлюза камеры перехода.

— Ну, е-прст! — Мой доблестный напарник, державший на поводу коня, попытался увернуться от очередной порции льющейся с потолка воды и чувствительно приложился головой о базальтовый выступ. — Ну шо за дела?! Лень им было здесь лампочку повесить?

— Тише, Лис, — прошептал я, поднося палец к губам. — Они подъезжают.

Ровно пять минут назад хитроумная аппаратура обзора местности сообщила нам, что плацдарм для вторжения в мир иной чист, и дала команду отключить бивший из недр холма ключ и впустить нас в шлюз. Мы совсем было уже приготовились вновь стать неотъемлемой частью эпохи короля Артура, как вдруг механический голос все тех же обзорных камер доложил, что десантирование откладывается по техническим, вернее, биологическим причинам — к источнику направляется ряд неопознанных одушевленных объектов.

— Не, ну ты мне скажи, — не унимался Лис, — шо это за средневековая тирания, мать ее за ногу! Ты будишь меня посреди ночи, тащишь сюда, и теперь мы паримся в этом гадючнике с риском для жизни, как будто не могли этого делать в более комфортабельных условиях! Да еще ты, мой верный товарищ, махая крылом, затыкаешь мне рот. В гробу я все это видел! Ща я прорву здешний трубопровод и такое скажу этим неопознанным объектам нечеловеческим голосом, шо они враз отрекутся от старого мира!

— Лис, родной, — пытался урезонить его я, — если ты испортишь трубы, мы утонем, потому что камера перехода все равно не откроется. Погоди немного, сейчас они убедятся, что родник иссяк, и поедут искать другой водопой.

— А если не поедут? — не унимался раздраженный неурочной побудкой Лис. — Если они решат здесь заночевать? Или вообще увидят, какой прекрасный пейзаж открывается с этого чертова холма, и решат построить на нем замок. Прикажешь ждать, пока нас откопают здешние археологи?

Я только вздохнул. Мне было понятно недовольство собрата по оружию, я бы, наверное, сам возмущался не менее, когда б не вбитое с детства правило: ничему не удивляться.

Быть разбуженным среди ночи сообщением, что через час мы отправляемся в мир, из которого не так давно вернулись и где наш уход сопровождался, мягко говоря, фейерверком, прибавить к этому сорванный отпуск — есть от чего впасть в ярость. Конечно, Лис сгущал краски. Приди в голову невесть откуда взявшимся путешественникам идея расположиться надолго, камера перехода дала бы обратный ход, и нам пришлось бы высаживаться в месте, вероятно, более отдаленном от цели. Ну уж тут не приходится выбирать. Остается радоваться, что мир — соседний и довольно хорошо освоенный. Помню случай, когда до ближайшей камеры перехода пришлось тащиться от Балтийского моря аж в Иерусалим.

— Помолчи хоть пять минут? — шепнул я. — Будь так добр.

— Не буду! — мрачно бросил мой верный спутник. — Лучше скажи мне, могучий рыцарь Торвальд Пламенный Меч, шо еще нужно неуемному начальству из-под того Круглого Стола? Ночную вазу короля Артура? Волшебные тампоны феи Морганы? В полночь они превращаются в ты-ыкву, — произнес Лис страшным голосом, и эхо, прокатившееся под низкими сводами грота, гулко повторило его слова.

— Тише, сэр Альмет, — донесся до нас едва различимый голос по ту сторону холма. — Вы слышали? Кажется, там, внутри, что-то гудело.

— Я ничего не слышал, сэр Кэй. Но поглядите, родник иссяк! Это недоброе предзнаменование. Клянусь всепронзающим копьем святого Георгия, весьма недоброе.

— Оставь свои страхи, Альмет. Разве ты не знаешь, что этот источник именуется Эльфийским, а стало быть, то, что он иссяк, дурная примета для нехристей, пиктов, голоногих каледонцев со скал Горры да для злобного отродья феи Морганы.

— Не забывайте, сэр, он также сын нашего короля.

— Обман и колдовство, мой юный друг, обман и колдовство. Хотя, дьявол меня подери, в те годы она была чертовски хороша! Ладно, пустое. Поворачиваем коней, надо сообщить королю, что Эльфийский ключ пересох. Проклятие! Это лишних десять миль пути. Н-но! — Сэр Кэй и его спутник, а вероятнее всего, спутники, пришпорили коней.

— Вот видишь, — тихо сказал я, поворачиваясь к Лису, — все в порядке. Сейчас они отъедут подальше, и шлюз откроется.

— Ты, кстати, не ответил мне на вопрос: какого все же рожна мы опять премся ко̀ двору короля Артура? — бросил Лис недовольно, но внутренне уже явно смирясь с неизбежностью предстоящих нам подвигов.

— Погоди чуть-чуть, — вздохнул я. — Сейчас шлюз откроется, мы выберемся наружу и я все тебе расскажу. Видишь ли, я дал слово дворянина не открывать сообщенную мне тайну никому в этом мире. Погоди чуть-чуть.

— Малахольный, — констатировал Лис. — Поди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что...

— В самую точку!

Небо над Англией едва начинало сереть, когда неумолимая камера перехода, убедившись наконец, что разумных форм жизни поблизости нет, выпустила нас из холма наружу.

— Эльфийский источник, Эльфийский источник... — под нос бормотал Лис, проверяя конские подпруги. — Конечно, если серебряные трубы поставить, будет вам Эльфийский источник и будет здесь шляться кто ни попадя в любое время дня и ночи. А вот чтоб мозгами чуть-чуть пошурупать, это ни в какую. Поставили бы обычные железные, здесь бы такая ржавая вода шла, хрен бы кто сунулся.

Я молча усмехнулся. Пустая затея убеждать напарника в таком настроении, что Эльфийский, да и любой другой заповедный родник в Англии, будь он хоть десять раз крещеный, — вещь священная и весьма оберегаемая. А вот ржавье могли попросту засыпать, а то и вовсе разобрать холм по камушку на окрестные межевые стены.

— Ладно, — вздохнул наконец Лис, удовлетворенный проведенным осмотром. — Вот мы и здесь. Давай, великий и ужасный, вещай, шо у тебя за тайна золотого ключика.

— Видишь ли, Сергей, — начал я как можно деликатнее, стараясь мимикой, жестами и интонацией придать своим словам максимум весомости. — Дело в том, что в весьма высоких кругах Великобритании м-м... есть мнение, что нашей монархии угрожает серьезная опасность. И что... Мерлин предсказал, какая именно эта опасность и как ее избежать.

Закончив с неказистым вступлением, я поведал боевому товарищу о последнем пророчестве великого мага, о кусочках пергамента, записке в библиотеке графов Перси и о своей встрече с герцогом Норфолком.

— Угу, — кивая в такт моим словам, подытожил Лис. — Я знаю, какая реальная угроза нависла над вашей монархией. Вы там все подурели! Это ж надо, отправляться в соседний мир собирать пазлы. — Он огляделся вокруг, вдыхая прохладный ночной воздух, и, обреченно взирая на глухоманные заросли дрока, на родник, бьющий из-под плиты шлюзовой камеры, тяжело вздохнул:

— Ладно, Капитан, это не ко мне, это к психиатру. Мы уже здесь. Командуй.

Я был очень благодарен Сергею за эти слова.

— Судя по тому, что один из слышанных нами рыцарей величал другого сэром Кэем и они собирались предупреждать короля о дурном предзнаменовании, я делаю предположение, что перед нами сэр Кэй, сенешаль короля Артура и, стало быть, сам он где-то поблизости. Нам следует поспешить.

— Резонно. Знать бы еще, куда спешить. — Лис склонился к земле, выискивая следы копыт на влажном прибрежном грунте, я же стал осматривать ветки ближайших деревьев и кустов, ища следы промчавшихся здесь недавно всадников.

— Кажется, они пришли оттуда, — бросил я, показывая напарнику надломленную ветку. — Вот смотри, еще одна, и там еще.

— Очень может быть, — согласился Лис. — Возле ручья они толклись, едва сдерживая гарцевавших коней. Все вокруг побито копытами. Всадников шесть, не меньше.

— Догоним — разберемся. На коней!

Идея настигнуть сэра Кея была недурной, однако попытка держаться оставленных следов в гуще предутреннего леса не увенчалась успехом. Мы довольно быстро потеряли и след, и то, что хоть отдаленно могло именоваться тропой. Мы ехали, опустив поводья, предоставляя скакунам возможность самим вывозить нас из дебрей.

Я с тоской вспоминал ухоженные лужайки и аккуратно «запущенные» сады, которые были здесь разбиты десять — двенадцать веков спустя, и понимал, что ныне ничего подобного нет и в помине, что леса занимают едва ли не две трети территории королевства, время от времени переходя в болотистые пустоши и лишь изредка оживляемые дикими поселениями не то охотников, не то разбойников, никогда особенно не отделявших одно ремесло от другого.

В таких грустных мыслях мы двигались неведомо куда в ожидании рассвета, автоматически отстраняя низкие ветви деревьев, норовящие хлестнуть по лицу, объезжая завалы буреломов и время от времени спешиваясь, чтобы пересечь встречавшиеся на пути глубокие овраги.

— Огонек, — внезапно произнес Лис, когда мы выкарабкались из очередного буерака, хранившего на дне, невзирая на сухую погоду, изрядные запасы многолетней грязи.

— Где? — спросил я, оглядываясь вокруг.

— Вон, впереди. Видишь силуэты двух скал? В распадке между ними, ближе к правой.

Чтобы рассмотреть то, что мой друг именовал «огоньком», нужно было обладать обостренным зрением прирожденного лучника, которым природа наградила Лиса, но, увы, обделила меня. Сколько я ни вглядывался, ничего похожего на обещанный Рейнаром свет мне узреть не удалось.

— Может быть, тебе показалось?

— Я тебе повторяю, это огонь. Причем не светлячок, а именно огонь. Рубь за сто.

— Ладно, — пожал плечами я. — Давай посмотрим. Надеюсь, ты прав. Лишь бы не духи водили.

— Угу. Лихомань болотная.

— Не поминай всуе, — отмахнулся я, невольно воскрешая в памяти знакомство с этой невиданной никем нечистью.

— Не боись, Капитан. Я, конечно, так сразу не могу сказать, чей там костер в тумане светит, но отличить голубовато-белый духовский огонь от нормального пламени — шо тебе отличить корону английского барона от обруча барона немецкого.

Я молча кивнул и пришпорил коня к видневшимся вдалеке скалам. Минут через пять я тоже увидел то, что заметил Лис, а еще спустя четверть часа у меня не оставалось ни малейших сомнений, что перед нами не просто огонь, а очаг, освещающий жилище убогого отшельника.

— О, я знаю! — возбужденно зашептал Лис. — Здесь живет братец Тук и у него наверняка можно разжиться куском жареной оленины. Сначала он начнет ломаться и предлагать сушеных кузнечи-

ков, типа у него уже пятый год Великий пост и он с него никак сменится не может. Но ты его дожимай, потому как я точно читал, шо ему приятель — лесной сторож носит оленей.

— Лис, это было в другом месте и в другое время, — отмахнулся я.

— А шо, разве эти отшельники друг от друга чем-то отличаются? — пожал плечами Лис, демонстрируя явно преувеличенную наивность.

Я прильнул к окошку, затянутому бычьим пузырем, пытаясь получше разглядеть обитателя или же обитателей неказистого жилища у подножия поросших буроватым мхом черных скал. Сквозь узкую щель, оставленную для вентиляции, мне едва были видны грубое каменное распятие, кусок очага, освещавшего его, да тощая фигура в темном одеянии, молитвенно согбенная перед крестом.

— Лис, похоже, здесь нас все-таки ожидают сушеные кузнечики.

Напарник тоскливо потянул воздух своим перебитым носом, напоминавшим латинскую букву S, и изрек патетически, воздевая руки к небесам:

— Господи, за что ты опять заслал меня в эту глухомань!

Произнесено это было громко, со слезой в голосе, но ни театральное причитание моего друга, ни фырканье наших коней, казалось, не могли отвлечь отшельника от возвышенных мыслей.

— Слышь, Капитан, — возмутился подобному невниманию Лис, — а шо это он ухом не ведет? Может, слегонца подыздох от своей кузнечиковой диеты? Может, ему первая помощь требуется?

— Нет, кажется, дышит, — с сомнением покачал головой я.

— Да?! Тогда было бы невежливо заставлять себя так долго ждать.

Лис толкнул дверь, сколоченную из грубых досок и обтянутую от сквозняка полосками бересты. Дверь, едва припертая колом от ветра, поддалась без труда, и мой напарник, склонившись в шутливом полупоклоне, провозгласил:

— Добро пожаловать, милорд!

Казалось, наше появление не произвело на хозяина уединенного жилища ни малейшего впечатления. Он ни на дюйм не сдвинулся с места и, даже не повернув головы, продолжал шептать едва слышные слова молитв.

— М-да, — озираясь, вздохнул Лис, — так и запишем: с гостеприимством в Северной Англии слабовато. Ау, дедуля! Будь так добр, сделай богоугодное дело, помоги сбившимся с дороги путникам.

Но и эти слова, судя по всему, были обращены к шумевшему за стеною хижины девственному лесу. Однако вот последнее слово молитвы было произнесено, и отшельник, с кряхтением поднявшись с колен, обернулся в нашу сторону.

— Мир вам, добрые люди, — выдохнул он хорошо поставленным голосом, словно декламируя с церковной кафедры.

— Доброе утро, папаша, — недовольно хмыкнул Сергей, приподнимая козырек отсутствующей кепки. — Это вы всегда дремлете в такой неудобной позе? Или в связи с теплым сезоном тюфяк в стирку сдали?

Сам того не заметив, мой друг скинул возраст обитателя сего неуютного местечка с «дедули» до «папаши» и, несомненно, был прав. Безусловно, отшельник был немолод, но, невзирая на любовно запущенный вид, вряд ли ему можно было дать более пятидесяти лет. И хотя подпоясанная грубым вервием холщовая сутана, весьма нуждающаяся в штопке, длинные засаленные волосы и седоватая щетина неумолимо свидетельствовали о его нищенском существовании, гордая осанка и взгляд, устремлявшийся прямо в глаза собеседника в те секунды, когда очи не были потуплены долу, свидетельствовали о том, что, вероятно, этот человек знавал и иные времена.

— Я вас знаю, — неожиданно, без всякого перехода, произнес отшельник, окидывая меня оценивающим взглядом с ног до головы. — Вы сэр Торвальд аб Бьерн, брат-близнец принца Эстольда Трехрукого и приходитесь племянником покойному королю Лоту Оркнейскому.

Я обескураженно посмотрел на Лиса, но он лишь пожал плечами, не зная, что и ответить. Конечно, несколько лет тому назад мы с ним весьма недурственно прошлись по горам и восточному побережью Каледонии, охотясь на особо злостного короля скоттов Шнека Хеттена и разваливая созданную благодаря козням его очаровательной супруги и нашей «двоюродной сестры» Каледонскую империю, не угодившую руководству нашего Института. Результаты были вполне ощутимы: древний императорский венец, презентованный мною королю Артуру, и великий меч Катгабайл, преподнесенный мне, тогда еще не Торвальду, а, так сказать, брату-близнецу Эстольду феей Сольнер на заповедной поляне примерно такого же леса. Меч этот, выкованный для отважнейшего из асов, однорукого Тюра, давал владельцу весьма изрядные преимущества в бою, но, впрочем, это особая история, рассказывать которую сейчас мне недосуг.

Итак, мое имя было довольно известно. В благодарность за императорский венец Артур и причислил меня к рыцарям Круглого Стола. Но здесь, в непролазной глухомани, где в новолуние и медведю-то грозит поломать себе лапы, никому не ведомый отшельник с легкостью узнает во мне оркнейского принца, правда, семнадцатого по праву наследования, но все же...

— Прошу простить меня, святой отец, мы с вами, — я замялся, подбирая слово, — знакомы?

— Увы, — печально вздохнул тот. — Видимо, время и терзания души моей до неузнаваемости изменили телесный облик, ибо в тот миг, когда вы преклоняли колено, дабы стать уже рыцарем Круглого Стола, не кто иной, как я читал над вами священные слова мессы.

Я поперхнулся на вдохе и стал пристальнее вглядываться в лицо хозяина.

— Да, да. Вы не обознались. — Отшельник печально склонил голову. — Рваное рубище и убогое жилище, где даже алчный разбойник не найдет себе добычи, ценнее этого вервия, служащего мне поясом, вот все, что нынче составляет удел Эмерика, архиепископа Кентерберийского.

—Капитан, не волнуйся, — поспешил успокоить меня Лис, очевидно, встревоженный ошарашенным выражением моего лица. —Наполеон с Нельсоном еще не родились, вот мужик и мнит себя архиепископом Кентерберийским. Ничего страшного, небольшая шизофрения.

— *Ты знаешь, Лис,* — вглядываясь в глаза стоявшего передо мной священника, передал я, — *похоже, это не сумасшествие. Он действительно преосвященный Эмерик, архиепископ Кентерберийский.*

— *Оба-на!* — неизвестно чему обрадовался мой друг. — *Вот он, образец истинно христианского среброненавистничества! До каких высот, в смысле, наоборот, низин, опустилась церковь не стяжающая! Отрадно видеть главного попа Англии, пекущегося о деле Божьем, а не о той части денария, которую хорошо бы оставить себе вместо того, чтобы отдать кесарю.*

Запас шуток, как и запас хитростей, у Лиса был неистощим, и потому, отключив связь, я галантно поклонился его преосвященству.

— Святой отец, осмелюсь узнать, что привело вас в столь бедственное состояние?

— О-о-о! — Преподобный Эмерик воздел вверх руки, и из глаз его покатились слезы, образовывая на давно не мытых щеках светлые дорожки. — Все этот нечестивец Мордред, которого язык не поворачивается величать рыцарем! Это он, змеей прокравшийся в доверие к дяде и отцу своему королю Артуру, повинен во многих бедствиях и страданиях, обрушившихся на несчастную Англию. О-о-о!

— Кстати, Капитан, меня всегда занимало, почему здесь никого не смущает, что наш Орел Пендрагоныч является Мордреду, так сказать, двойным родственником?

Я лишь вздохнул, оставляя вопрос напарника без ответа. Версия о коварстве феи Морганы, хитростью заманившей своего брата короля Артура на ложе, была широко известна. Но доводилось слышать и другие варианты, зная же пристрастия зерцала рыцарской доблести к хмельному элю и его любвеобильный нрав, они отчего-то не казались мне чересчур надуманными.

— Когда король Артур, — вещал, вновь входя в роль архиепископа Кентерберийского, бедный отшельник, — отправился с войском усмирять взбунтовавшуюся Арморику*, его злосчастный злокозненный сын был оставлен правителем Британии. И он, о коварнейший, вознамерился прибрать к рукам отцовское наследие. — Монах начал яростно загребать руками, изображая из себя снегоуборочный комбайн. — Гадом ползучим пробрался он в замок к королеве Гвиневере с лживым известием о том, что великий супруг ее пал в чужедальнем краю, и потребовал от несчастной беззащитной женщины отдать ему руку свою и сердце, вожделея к ней и ее королевскому титулу.

— *А что,* — вновь прорезался на канале связи Лис, — *помню я эту Гвиневеру. У мальчика неплохой вкус. Опять же в духе семейных традиций: папаша Утер Артура слепил тайком, под видом супруга проникнув к чужой жене. Сынок Артур с сестричкой расстарался — Мордреда сострогал. Не вижу, отчего бы этому юному красавцу не жениться на собственной мачехе. Тем более что по возрасту она все же ближе ему, а не Артуру.*

— *Сережа, отстань, дай дослушать информатора.*

То, что сейчас говорил Эмерик, было в общих чертах известно — произведение сэра Томаса Мелори «Смерть Артура» я проштудировал еще в годы ранней юности. И хотя вдохновенный певец и разбойник с большой дороги сподобил несчастную Гвиневеру бежать и запереться в лондонском Тауэре, до строительства которого было еще лет триста, а Эмерик утверждал, что она скрылась у неведомых друзей, в сущности, дела это не меняло — королеве удалось бежать. Мордреду же — собрать против обожаемого папаши огромную армию, не виданную дотоле на английской земле.

— ...Тогда я пришел к Мордреду и заявил, что за грехи его я прокляну его колоколом, книгой и свечой.

— И как? — вмешался в разговор Лис.

— Проклял.

— А он?

— Пообещал изловить меня и отрубить голову.

— Узнаю Мордреда. Он всегда с вниманием относился к наставлениям отцов церкви, — всплеснул руками мой неугомонный напарник. — Однако я вижу, для обезглавленного у вас вполне здоровый цвет лица.

— Я бежал, едва успев захватить с собой молитвенник! — возмутился архиепископ...

---

* Арморика — нынешняя французская провинция Бретань.

— Понятно, — прервал его я, — стало быть, с тех пор вы сидите здесь в глуши и, вероятно, не знаете, что творится далее полуденного перехода отсюда.

— О нет, — захохотал отшельник, и его суровые черты исказила улыбка, казавшаяся неуместной на изможденном лице. — Я знаю! Я знаю, что король высадился в Дувре и разбил там изменника Мордреда. Я знаю, что он разбил его на холмах Бархем-Даун, заставив бежать точно зайца, и теперь, лишь вчера утром, он был неподалеку.

— Куда? Куда он направился? — выпалили мы с Лисом, не сговариваясь.

— В замок герцога Ллевелина, к Адриановому валу, — гордо произнес прелат. — Передохните, подкрепитесь, если у вас есть чем, а после заутрени я выведу вас на дорогу.

Глава 2

Опасность — опьянение, которое отрезвляет.

Альфонс Доде

Утро встретило нас парой ячменных лепешек, принесенных невесть кем в лесную глухомань для подкрепления сил преподобного отшельника. Эти незамысловатые хлебцы да глиняная плошка росы, собранная святым отцом, вот все, что составляло утреннюю трапезу вчерашнего архиепископа. Однако, невзирая на категорические отказы, он все же преломил несчастные лепешки, вручив нам перед отъездом большую часть своих съестных запасов.

— Дух, не обремененный заботою о страстях телесных, воспаряет к небесам, аки белый голубь. Вам же, доблестные воины, след подкрепить силы, ибо справедливое дело, коему вы служите, потребует их от вас до последней капли, — напутствовал он нас, указывая длинными узловатыми перстами едва натоптанную тропинку, скрывающуюся в высокой траве у подножия скал. — Езжайте, она выведет вас на дорогу, по которой вы без труда доберетесь до Кэрфортина, где правит вернейший союзник Артура, Страж Севера герцог Ллевелин. Передайте ему мое благословение и да хранит вас Господь. — Он осенил нас крестным знамением, и мы что есть сил пришпорили коней, спеша наверстать потерянное ночью время.

Солнце еще не спеша катилось в зените, едва лишь присматриваясь, куда лучше опуститься на ночевку, когда перед нами открылись изрядно обветшавшие за век после ухода римских войск, но все же весьма внушительные укрепления Адрианового вала. Бесконечная стена его, кое-где полуобрушенная, но местами сохранявшая полную боевую готовность, как во времена цезарей, появлялась из-за горизонта на западе и тянулась сколь видел глаз, скрываясь вдали на востоке. Здесь дорога превращалась из разбитого копытами и колесами проселка в широкую, выложенную каменными плитами трассу, любовно сработанную римскими инженерами и предназначенную для бесперебойной переброски войск от одного форта вала к другому.

Собственно говоря, одним из таких фортов, несколько разросшимся и вновь укрепленным учениками учеников все тех же имперских инженеров, являлся Кэрфортин, или, вернее, римский Каэр Фортун — Замок Фортуны. Четыре башни его, возвышавшиеся на безжизненной скале, господствовали над лежащей внизу равниной, предоставляя хозяину этих мест прекрасный обзор на все стороны света. Пожалуй, в стихах пылких сочинителей рыцарских баллад этот замок мог именоваться неприступным, уж во всяком случае, взбираться к его воротам по крутому склону было действительно трудновато. Судя по тому, что в разгар дня ворота были заперты и мост, соединяющий цитадель с аккуратно насыпанным каменным холмом предвратного укрепления, был поднят, Кэрфортин находился на военном положении.

Я остановил Мавра в виду сторожевой башни и трижды протрубил в рог, требуя опустить мост.

— Кто такие? — донеслось до нас из узкой, словно щель в заборе райского сада, бойницы.

— Я — сэр Торвальд Пламенный Меч, рыцарь Круглого Стола! — заорал я с самым бравым видом. — Мой же спутник носит имя Рейнар Лис. Мы воины короля Артура и ныне ищем его, чтобы присоединиться к королю против изменника Мордреда.

— Хорошо сказал, — похвалил меня Лис. — Очень натурально. Вот только чего-то они не чешутся.

Из башни действительно не доносилось ни звука. Казалось, ее обитатели начисто потеряли интерес к парочке, дожидающейся у ворот.

— Слушай, может, они там внезапно того... Ну, в смысле, заснули столетним сном? — разглядывая цитадель, поинтересовался Лис.

— С чего бы вдруг?

— Да мало ли, обкололись веретеном до одури. Так что придется тебе, как почетному принцу Оркнеи, лезть через забор, как тогда, во

времена Войны Роз, и целовать всех в морду направо и налево, пока не найдешь, кто из них спящая красавица.

Непонятные ситуации порою вызывали у моего напарника приступы шутовства, и с этим приходилось мириться.

— Тогда кто же нас окликал? — возразил я, чтобы поддержать беседу.

— Бред! Сонный бред, — не моргнув глазом заявил Сергей, но, заглушая его слова, в крепости послышался скрип воротов, и сколоченный из широких дубовых досок мост стал медленно опускаться.

Еще несколько минут, и в распахнутых воротах Кэрфортина нас встречал восседающий на белом, как морская пена, коне Страж Севера герцог Ллевелин. На черном поле его щита золотой дракон терзал ворона каледонцев.

— Приветствую тебя, сэр Торвальд герцог Инистор! — воскликнул он, поднимая руку вверх и трогая коня с места. — И тебя, доблестный Рейнар! Простите за невольную задержку! Вы сами знаете, какие сейчас времена. Услышав ваше имя, стражник велел позвать меня, ибо никто другой не знает вас в лицо. А мы, увы, вынуждены опасаться приспешников негодяя Мордреда не менее чем пиктов и скоттов Горры по ту сторону вала.

— Привет и тебе, славный герцог. — Я склонил голову, и Лис последовал моему примеру. — Тебе известна моя верность королю. И пусть много лет жил я вдали от Камелота, известие о предательстве моего коварного родича Мордреда заставило вернуться и вновь стать под знамена Артура. Мне сообщили, что он направляется в ваш замок после победы в Бархем-Даун, и я поспешил, стремясь застать его.

— Увы, доблестный Торвальд, — расстроенно вздохнул Ллевелин, поворачивая коня и указывая нам путь во двор замка, — известия не обманули тебя. Но они устарели. Лишь вчера вечером король Артур покинул Кэрфортин и с войском отправился в Палладон на помощь королю Дьюэру. Ты не представляешь себе, сэр Торвальд, как я рад видеть вас у себя. Въезжайте скорее, не стоит чересчур долго держать ворота открытыми. Сами понимаете, не ровен час...

— Пожалуй, нам стоит отправиться вслед королю, — начал было я.

— О нет-нет! — запротестовал Ллевелин. — Во-первых, вы много часов были в пути, и закон гостеприимства не велит отпускать вас без обеда. А во-вторых, — герцог подъехал поближе ко мне и наклонился в седле прямо к моему уху, — у меня есть тайный приказ короля. Не могу же я говорить о нем в воротах!

— Что ж, — я оглянулся на Лиса, — отобедаем. Да и коням нужен отдых.

— Отчего ж не зайти, — поддержал меня Рейнар. — На Палладон путь не близкий, а пара всадников в любом случае движется

быстрее, чем армия. *Кстати, Капитан,* — продолжал он по закрытой связи, — *неплохо бы узнать, как здесь вообще дела обстоят. Опять же, может быть, этот самый охранник северного сияния слышал что-нибудь о последнем шедевре старика Мерлина. Я так понимаю, он при Артуре совсем не последний парень на деревне.*

Я едва заметно кивнул. Уточнить, кого имел в виду Артур, тайно назначая избранных рыцарей Круглого Стола лордами Камелота, безусловно, имело смысл. Двенадцать из ста пятидесяти! Как говорил Лис: пойди туда, не знаю куда, возьми то, не знаю что. Это про нас.

Обед герцога Ллевелина был весьма обилен. Преимущественно он состоял из мясных блюд и, судя по обилию жареных, вареных, тушеных и прочих представителей дичи, как пернатой, так и бегавшей еще недавно по лесу, охота в здешних местах была отменно славной. Олени, косули, кабаны, зайцы, куропатки, перепела, фазаны — я сбился со счета, отведывая все новые и новые блюда, выставляемые на стол могучего Стража Севера.

— Мордред хитрец, в этом ему не откажешь, — макая в соус кусок лепешки, вещал Ллевелин. — Он нащупал самое больное место и ударил в него. — Герцог подхватил полуобглоданную фазанью ножку и ткнул ею в блюдо, словно демонстрируя направление удара. — Амброзий, затем Утер, а теперь и сам Артур все эти годы занимались тем, что создавали империю, подобную некогда великой державе римлян. Но то, что у первых создавалось сотнями лет, наши великие короли Пендрагоны пытались воспроизвести прямо сейчас, спеша при жизни увидеть плоды своих стараний. — Хозяин Кэрфортина поднял наполненный виночерпием кубок. — Ваше здоровье, сэр Торвальд. Так вот, Британия попросту устала поставлять воинов, скот и лошадей для армии. Устала от того, что рыцари Круглого Стола со своими отрядами приезжают в замки и города, и их нужно кормить, поить, ублажать, ибо такова воля Артура.

Многих бесит, что империя богатеет, а королевства, которые в нее входят, становятся все беднее. Мордред же обещает прекратить войну, как будто это возможно и как будто не приходится нам едва ли не каждый день отражать набеги язычников как с суши, так и с моря. Мордред клянется быть первым среди равных, а ведь многие из британских королей, видя возвышение Артура, вспоминают, что он лишь король Логриса и не выше их по рождению. Сегодня за Мордредом пошли Кент, Сассекс, Сюррей, Эссекс и Суффолк — это огромные силы. Уэльс, Девон и Корнуэлл держат руку Артура, но, дьявольщина! — Герцог отрывисто выругался, не забыв при этом перекрестить рот. — Мы зажаты между молотом и наковальней. С

юга нас поджимает Мордред, с севера идет армия мятежной Горры, а тут еще, не ровен час, Ланселот высадится. Он в Арморике воевал против Артура, так что от него теперь всего можно ожидать.

— Да, — протянул я, кивая головой в такт речи собеседника.

— Не забудь надувать щеки. Тоже мне отец русской демократии, персона, приближенная к императору. Эта обжираловка может продолжаться до тех пор, пока кто-нибудь не припрется нас штурмовать. Ты же сам слышишь, сколько желающих. Валить отсюда надо! Давай выясняй насчет манускрипта, и шевелим вьетнамками.

— Лис, погоди! Не могу же я его в лоб спрашивать: а не оставлял ли вам король на сохранение кусок мерлиновского предсказания?

— Ну, в лоб это было бы, конечно, хорошо, — подавляя тяжкий вздох, заметил Рейнар, — хотя так вроде и не за что. Но давай-ка с этим лучше не тяни. Лично мне здесь засиживаться совсем не климатит.

— Сейчас Мордред пошел к Палладону, намереваясь соединиться с мятежниками Горры, однако это ему вряд ли удастся, — как ни в чем не бывало продолжал свою лекцию о международном положении хранитель северных границ. — Вожди Горры не ищут прямой схватки с Артуром. У них в памяти еще очень свеж тот самый поход, в котором вы, друзья мои, воевали столь славно. И все же вряд ли они откажутся от своего коварного умысла, уж я-то знаю их повадки. Скорее всего они бросят Мордреда на произвол судьбы, предоставят ему дожидаться обещанной подмоги до конца его дней и ударят здесь! — Герцог ткнул пальцем в одну из бойниц, сквозь которую открывался великолепный вид на взбирающуюся с холма на холм стену и старательно вычищенную равнину, раскинувшуюся у ее подножия. — Король велел мне не пропустить их, — опуская голос до полушепота, заговорщицким тоном произнес Ллевелин.

Пожалуй, я был бы удивлен иному приказу, но лишь молча кивнул, продолжая слушать герцога.

— Он приказал мне собрать под свои знамена всех, кого я только могу сыскать в этом краю, всех, кто может держать в руках оружие, всех, кто остался верен сыну Утера в этот тяжелый час. Он велел мне предавать лютой смерти подлых изменников и награждать верных и... и... Само небо послало мне вас сегодня! — Тяжелый кулак королевского наместника с грохотом опустился на столешницу, разбрызгивая недоеденный соус.

— Кажется, влипли, — безнадежно констатировал Лис. — Он нас отсюда никуда не выпустит. Он нас обвешает крестами, что Санта Клаус елку, и заставит подавлять скоттское сопротивление.

— Вы, чье имя до сих пор наводит страх на язычников с Каледонских гор, ваше знамя, развернутое рядом с моим, стоит дюжины иных рыцарских знамен!

— Видите ли, милорд, — начал я, дождавшись, когда у Ллевелина закончится воздух в легких и он поневоле будет вынужден прервать импровизированный митинг. — Все эти годы я много странствовал...

— Да! — неожиданно радостно перебил меня герцог. — Я, кстати, слышал, что вы погибли, сражаясь с огненным драконом в отрогах Ледяного Туле*...

— Не-не-не, — поспешил успокоить хозяина Лис. — Слухи о нашей смерти несколько преувеличены. Было дело, мы, конечно, в Туле с зеленым драконом сражались. И не только в Туле, но и в Самаре, и в этой, как ее, Москве в районе Сетуньского Стана. Но скорее мы его, чем он нас. А все остальное время мы доблестно разыскивали чашу Грааля. Кстати, если вдруг услышите, что кто-то решит отправиться искать ее на Севере, может не ехать, мы там уже все перерыли.

Неизвестно, куда мог вынести поток красноречия моего неуемного друга, но я вновь поспешил вмешаться в эту оживленную беседу:

— Так вот, не далее как десять дней тому назад, во сне мне явился великий старец Мерлин, держащий в руках развернутый свиток и указующий на него. Вдруг свиток распался на части, и тут видение смешалось. Пред очами возник образ нашего короля, сражающегося с достойнейшим из достойных рыцарей сэром Ланселотом. Не в силах вынести такого поругания я проснулся, и слезы обильно увлажнили мои глаза.

— *Бу-га-га!* — не замедлил прокомментировать мои слова напарник. — *Обнял и прослезился.*

— *Помолчал бы лучше! Ты зачем сюда чашу Грааля приплел?*

— *Капитан, ну сам прикинь, надо же было как-то мужику объяснить, где нас столько лет лешие тягали. А тут все понятно, ее здесь все ищут. Пол-Англии в разгоне.*

— ...Я сейчас же бросил все и отправился в Камелот, надеясь отыскать там короля и Мерлина, чтобы они растолковали мне сей, несомненно, вещий сон. Но по дороге один встречный рыцарь...

— Да-да, сэр Вилат, — поспешил вставить шпильку Лис.

— ...поведал мне, — стоял на своем я, не обращая внимания на реплики друга, — что Артур и впрямь пошел войной на Ланселота. Теперь же я спешу к королю, или, вернее, к его магу, чтобы он помог растолковать мне оставшуюся часть сна.

— Никто не знает, где сейчас Мерлин, — неспешно покачал головой Ллевелин. — Говорят, он ушел на Авалон. Но я обещаю вам, сэр Торвальд, если вы останетесь со мной, я помогу вам истолковать и первую часть видения.

— Так, один кусок, кажется, нашли.

---

* Туле — мифическая северная земля.

* * *

При всем нашем желании в тот день нам не суждено было отправиться вслед Артуру. После обеда Ллевелин, вероятно, сочтя сказанное достаточным и вновь прибывшее подкрепление поступившим под свое командование, вывел нас во двор замка и, сделав широкий жест рукой, как будто демонстрируя нам богатый подарок, указав на три дюжины лучников и копейщиков, выстроенных в ожидании приказа, радостно сообщил:

— Друзья мои, как я уже говорил, само небо послало вас нынче в Кэрфортин. Сегодня я должен отослать отряд на ту сторону вала, чтобы сменить гарнизон на передовой бастиде. Я ломал себе голову, кого назначить старшим в этот отряд. А ваше имя, сэр Торвальд, само по себе удвоит силы любого отряда. Я понимаю, что в таком деянии не слишком много славы, но бастида запирает ущелье в Чевиотских горах, через которое мятежники Горры могут прорваться в равнину. И пока местные рыцари и бароны не соберутся у цитадели в единый железный кулак, это место самое опасное во всей северной земле. Надеюсь, известие о том, что войсками в бастиде командуете вы, отобьет у скоттов охоту рваться сюда. С нетерпением буду ждать вас обратно через пару дней. Полагаю, этого времени хватит, чтобы собраться с силами.

Я невольно кинул взгляд на Лиса, ища поддержки. Во-первых, менять гарнизоны где-то у черта на куличиках вовсе не входило в наши планы. А во-вторых, я отчего-то сильно сомневался в чудодейственности своего имени. Более того, у меня были все основания полагать, что едва по ту сторону вала разнесется весть о моем появлении, как сразу же по мою душу выстроится длинная вереница местных вождей, спешащих засвидетельствовать свою непроходящую ненависть. Как-никак, именно я отбил у их предводителя священный символ верховной власти над этими островами, да и передача Горры в вассальную зависимость королю Артуру в изрядной мере была моих рук дело.

— *Не тратьте, кумэ, силы,* — раздалось на канале связи, — *идить на дно. Даже если ты этому феодалу предоставишь справку от врача, шо умер вчера, он с тебя не слезет. За вал перекинемся, там уж разберемся, куда двигать поршнями.*

— *Но у него пергамент,* — напомнил я.

— *И шо, по этому поводу за него замуж выходить? Возьмем его на заметку. Сейчас важнее выяснить, у кого еще можно разжиться этими огрызками.*

— *Может, он тоже знает. Неизвестно, при каких обстоятельствах Артур раздавал части пророчества. Вполне мог собрать лордов вокруг Круглого Стола, сказать прочувствованную речь...*

— Ладно-ладно, уболтал. Сейчас отведем ребятишек в детский сад и быстренько обратно, трусить герцога на тему старинных рукописей.

Я обвел глазами выстроившихся во дворе воинов. Несколько уэльских лучников, остальные же бургунды и брабасоны, готовые сражаться с кем угодно и за кого угодно за вполне умеренное вознаграждение. В глазах этой братии весьма явственно читались слова наемничьей молитвы: «Дай нам Бог сто лет войны и ни одного сражения». Но выбора не было.

Я вздохнул и повернулся к герцогу:

— Когда прикажете выступать, милорд?

— Немедленно!

Бастида, о которой говорил Ллевелин, располагалась часах примерно в шести хода от Кэрфортина. Дотошные фортификаторы императора Адриана, стремясь обезопасить римскую Британию от набегов «кровожадных дикарей», не только потрудились над тем, чтобы возвести мощные укрепления поперек страны, но и позаботились, чтобы впереди основных позиций на всех путях подхода к стене были выставлены укрепленные сторожевые посты, служившие и как передовые наблюдательные пункты, и как базы для карательных вылазок легионов по ту сторону вала. К этому времени от большинства из них не осталось ни следа, но все же некоторые башни содержались в полном порядке, не утратив своего боевого значения.

Привыкший сражаться
Не жнет и не пашет, —

вдохновенно выпевал Лис.

Хватает иных забот!
Налейте наемникам полные чаши,
Завтра им снова в поход.

— Капитан, давай-ка прикинем, кто там у нас под шлемаком по делу о пропавшем пророчестве.

Я оглянулся на ехавшего позади напарника. Лицо его было профессионально беззаботно, и слова песни лились, словно записанные на магнитофонную кассету. Наше импровизированное войско привычно вышагивало по остаткам римской дороги, порой терявшейся в зарослях цветущего вереска, но все же сохранявшей идеально прямое начертание. Слова новой песни явно пришлись по нраву суровым воякам, и они подхватывали их хором нестройных голосов. Уже изрядно смеркалось, но до заветной бастиды оставалось

идти мили полторы-две, не больше. Ее освещенный факелами вечерней стражи силуэт вполне четко вырисовывался впереди на отвесной скале у входа в ущелье.

— Прости, где? — переспросил я.

— Ну, под шлемаком. То есть под колпаком, только почтительнее, лорды все-таки.

— А-а. Ну, давай подсчитаем. Так, Персиваля, Ланселота и Ллевелина можно занести в этот список с вероятностью процентов девяносто девять. Там же наверняка Галахад и Борс. Он, кстати, единственный, кто вместе с Персивалем и Галахадом видел чашу святого Грааля и после этого вернулся домой. Вероятно, наши части пророчества попали в библиотеку Перси именно через него.

— Согласен. Вполне себе крутые парни.

— Дальше — Мордред. До своей измены тоже числился в первой дюжине. И если пергаменты есть у Персиваля и Ланселота, то, вероятнее всего, и у Мордреда он тоже имеется.

— Вполне может быть. Какие еще кандидатуры?

— Очевидно, Говейн, но он, если верить Мэлори, умер от ран после битвы при Бархем-Дауне.

— Ну, сэр Мэлори известный фантаст! Ему рыцаря укокошить — плевое дело, один росчерк пера.

— Не обижай классика! — возмутился я. — Он, конечно, грабитель храмов, но все же член палаты общин. Опять же в Войну Роз вы с ним прекраснейшим образом ладили.

— Але, отец родной, ты чего завелся?! Я ж любя. Я ж ему сам в тюрягу чернила таскал! Буквально полколчана ему на перья общипал...

— Ладно, — оборвал я пустившегося в радужные воспоминания напарника. — Давай дальше. Я бы, наверное...

В этот час Лису не суждено было узнать, кого бы еще счел достойным высокого доверия король Артур. Мы уже вплотную приблизились к бастиде, часовые, опознав в колеблющемся свете факелов леопардового льва на моем щите, предусмотрительно освещенном одним из воинов, стали отворять ворота. И тут из-за окрестных кустов, из-за валунов, нагроможденных у тропы причудливыми осыпями, с диким утробным рычанием, с леденящим душу визгом начали выскакивать голоногие воины, раскрашенные багровыми и синими полосами, с круглыми деревянными щитами и копьями, больше смахивающими на заточенные и обожженные колья.

— Засада! — взревел я, поворачивая Мавра и обнажая Каттабайл. Клинок его, кованный гномами в неведомых земных глубинах из истинного серебра атлантов, блеснул во мраке голубой молнией, предчувствуя битву. Когда-то фея Сольнер, вручая его, утверждала, что ни

один из законных хозяев этого меча не был побежден в бою. Пожалуй, сейчас у меня был отличный случай проверить истинность ее слов.

«Засада!» — подхватило эхо, и я краем глаза отметил, что привычные к прелестям воинской жизни наемники, благополучно отбросив первых отчаянных смельчаков, перестроились крутой дугой, прикрывая ворота, и по одному, по двое отступают под свод арки.

— Отходим в бастиду! — скомандовал я, отмахиваясь от наседающих каледонцев и заставляя Мавра пятиться.

Последняя команда была излишней, ничего иного, похоже, и не предполагалось.

Глава 3

Белый гость к обеду — награда богов за храбрость.

Пословица аборигенов
Новой Зеландии

Массивные тесовые вороты, окованные железными полосами, захлопнулись, едва отступающий Мавр оказался на территории бастиды, и, приняв гулкий удар раскрашенной толпы, вздрогнули, но остались стоять нерушимо. Четыре тяжеленных засова, вставленных расторопными стражниками в железные скобы, могли некоторое время сдерживать ярость атакующих, но, видя, с каким остервенением эта плохо вооруженная братия рвется в бой, я бы не стал делать на них большую ставку. Уж о чем, о чем, а о боевых качествах кельтов я знал не понаслышке. Неспособные к ведению правильных и регулярных военных действий, с презрением отвергающие тактические хитрости, они демонстрировали великолепную выучку и отвагу, когда дело касалось рукопашной схватки.

— Горим — не горим? — возбужденно поинтересовался Лис, уже спешившийся и теперь поудобнее перетягивающий ремень колчана.

Я втянул воздух. В нем действительно чувствовался запах нефтяного чада. Кажется, до сих пор попыток забрасывать противника горшками с горючей смесью, знаменитым греческим огнем, здешние жители не предпринимали. Должно быть, считали ниже своего достоинства.

— Да нет, все нормально, — усмехнулся я, разглядев взметнувшийся над верхней площадкой квадратной каменной башни бастиды длинный язык пламени. — Это сигнал в Кэрфортин.

— И что дальше? — спросил Лис, изгибая лук и сквозь мрачный зрачок бойницы спуская с тетивы первую стрелу. — Можно ждать подмоги или как?

— Вероятнее всего, «или как». Бастида поставлена для того, чтобы предотвратить внезапное нападение на основные укрепления. С этой ролью, как видишь, она справилась. А посылать сюда подмогу, тем более ночью, — оч-чень сомневаюсь.

Между тем боевая ярость едва видимого в ночной мгле противника продолжала нарастать. Камни и дротики, колотившие по воротам, словно град по пустой бочке, все чаще находили себе жертвы.

— Такими темпами мы рискуем не дожить до утра, — пробормотал Лис, и в тот же миг копейщик, прикрывавший щитом узкую прорезь бойницы в те секунды, когда мой напарник тянулся за новыми стрелами, чуть замешкался и, схватившись за горло, начал заваливаться набок. — Убит, — склонившись над ним, констатировал Лис.

— Выцелили, — сквозь зубы процедил я, загораживая своим щитом гибельный просвет в каменной кладке. Спустя миг еще два дротика вонзились в его лазоревое поле. Уж если каледонцы начинали метать дротики, делали они это с душой.

— На стены! — раздался командный окрик начальника гарнизона.

Приказ был отдан весьма своевременно, поскольку над толстыми заточенными бревнами, венчавшими сложенную из скального камня куртину, одна за другой начали появляться раскрашенные фигуры штурмующих. Несильные в осадном искусстве, они применяли способ простой, но в подобных условиях вполне действенный: вонзив в бревна палисада как можно больше дротиков, они, пользуясь темнотой, собирались у стены и, составив пирамиду, забрасывали на импровизированный турник бойца за бойцом.

Дальнейший путь для этих ночных демонов был так же легок и незатейлив, как прогулка по парку. Схватка на стене вскипела с той стремительной яростью, с какой вырывается из опостылевшего кувшина джинн в персидских сказках. Брабасоны и бургундцы в кожаных куртках, усиленных нашитыми железными кольцами, и кельты, встречавшие врага голой грудью, считая полученные раны высочайшим признаком доблести, рубились молча, в немом остервенении рыча сквозь стиснутые зубы и спеша на последнем вдохе вонзить клыки в тело победителя. Ярость одних была равна несгибаемости вторых, и я, со своим великим мечом, сеявшим гибель направо и налево, пожалуй, был отнюдь не лучшим среди участников боя.

И все же, какую бы стойкость ни демонстрировали воины гарнизона, прекрасно сознававшие, что попадать живыми в руки каледонцев — вероятно, худшая из возможных участей, исход схватки

был почти предрешен. Скотты теснили нас к башне, и каждый шаг назад стоил изрядной крови и нам и им.

Но сколько их было, этого не ведал никто. Все новые и новые воины одним движением перемахивали через частокол и, спрыгнув со стены во двор, присоединялись к нападающим. В пылу боя я потерял из виду Лиса и в душе молил бога, чтобы доспех, сработанный, как и мой, в лаборатории Института, помог ему выбраться живым из этого ада.

— Бран! — несся над ущельем воинственный клич атакующих.

Да, победа их была почти предрешена, но это самое «почти»... То, что произошло в следующий момент, повергло в шок меня, да, похоже, и всех оставшихся в живых воинов гарнизона. Но то впечатление, которое произошедшее произвело на каледонцев, было просто неописуемо. Ночная тьма наполнилась уханьем, рокотом, нечеловеческим хохотом, леденящим душу завыванием оголодавших оборотней. Казалось, вся преисподняя в полном составе, бросив котлы с недоваренными грешниками, выбралась полюбоваться своими потенциальными клиентами. Если бы вдруг по Чевиотским горам прокатилась волна цунами, и она бы, пожалуй, не смогла быстрее смести размалеванных воинов со стен едва державшейся бастиды.

— Капитан, шо это было? — с радостью услышал я недоумевающий голос Лиса. — Шо-то я не понял последнего маневра. Кому это мы тут спать помешали?

— Не знаю, — честно признался я, закрывая уши ладонями, чтобы не слышать ужасающей какофонии, разносящейся над ущельем.

— Надо же, и такое бывает! — восхитился мой напарник. — Не, однако этот панк-рок мне положительно нравится. Особенно если учесть, шо эти чертовы колдунцы своими дубинами мне чуть все ребра не растрощили. Ну шо, командир? Блин, как же оно болит! Как ты считаешь, может, сейчас самое время поздороваться с местным начальством?

Я обвел глазами поле боя, засыпанное телами убитых и раненых. Ночь стирала различия между недавними врагами, и оттого картина внезапно наступившего затишья казалась еще более устрашающей.

— Сэр Торвальд, — раздалось за моей спиной.

Я обернулся. У распахнутой двери бастиды, прижимая окровавленную ладонь к голове, стоял юноша лет восемнадцати в добротной кольчуге, опоясанный широким боевым поясом.

— Я Кархэйн, оруженосец сэра Богера Разумного. Простите, я сэр Кархейн. Мой господин только что посвятил меня в рыцари. Сэр Богер просил передать вам, что умирает и вряд ли доживет до рассвета. Он просит вас подняться к нему.

— Я иду, — кивнул я. — Да, сэр Кархейн, велите позаботиться о раненых и сосчитать потери.

— Конечно, сэр. — Юный рыцарь сделал жест одному из воинов выполнять приказ и, поклонившись, попросил меня следовать за ним.

Признаться, я не заметил, когда рядом со мной оказался Лис, но он на правах моего комита — не то оруженосца, не то телохранителя — имел на то вполне законные основания.

— Капитан, как ты думаешь, местные аборигены после этакой психической атаки оставят нас в покое или поутру решат поинтересоваться, что здесь за нечисть колобродит?

— Вероятно, на рассвете надо ждать очередной штурм.

— Вот и мне так почему-то кажется. Тогда ты, как поставленный Ллевелином начальник всего этого безобразия, надеюсь, не будешь возражать, если я тут пошерстю по сусекам? Надо прикинуть, чем поутру отплевываться будем.

— Давай действуй, — коротко кинул я.

— Вот за шо я тебя, Капитан, ценю, так это за поддержку разумной творческой инициативы. Все, — ухмыльнулся он, вытирая пот со лба, — не буду мешать рыцарственной беседе.

На второй этаж, где, по словам юного рыцаря, лежал умирающий сэр Богер, вела приставная лестница, в случае опасности убиравшаяся в прорезанный между толстых потолочных балок люк. Командир гарнизона, еще молодой мужчина, с обширной лысиной, поросшей кое-где редкими пучками волос, лежал на покрытом медвежьей шкурой деревянном топчане, положив одну руку на эфес меча и прижимая вторую к кровавому пятну на белой льняной рубахе.

— Я привел его, сэр Богер, — негромко сказал Кархейн.

— Сэр Торвальд, — прошептал раненый, открывая редкозубый рот, — прошу вас, приблизьтесь. Мне тяжело говорить, ибо последние капли жизни моей утекают в море вечности.

Судя по расположению раны, командир гарнизона говорил правду. Однако ни смертный час, ни боль не могли свернуть его с приличествующего доброму рыцарю куртуазного тона.

— Черная мгла стоит перед моими очами, — продолжал сэр Богер, — и в этой мгле я уже слышу шаги безглазой воительницы, поражающей всякого, рожденного под небесным сводом.

— Не тратьте силы, мой друг. — Я поспешил присесть возле умирающего. — Вы хотели меня видеть?

— Увы, велико мое горе! — простонал он. — Ибо перед смертью своей не суждено мне узреть вас. Мир темен передо мной... — Рыцарь отнял руку от груди и протянул ее в моем направлении. — Возьмите мою руку, и я умру счастливым, ибо какая участь может быть выше признания столь достойного рыцаря!

— Сэр, быть может, вам нужен священник, — начал было я, но осекся, понимая, что во всей округе, пожалуй, не сыщется даже захудалого монаха.

— Пустое. В моем мече заключена часть зуба блаженнейшей Марии Магдалины, и я верю, что, памятуя мое почитание сей святыни, апостол Петр впустит меня в Царствие Божие.

Я глядел на рыцаря, на торчащий из раны обломок дротика, на часто вздымающуюся грудь, понимал, что ему остались считанные минуты, и в то же время тихо радовался, что мой неугомонный напарник занят ревизией поступившего в наше распоряжение имущества. Уж он бы не преминул высказать свое авторитетное мнение по поводу священной стоматологии.

— Слушайте меня, сэр Торвальд, — продолжал раненый, — передайте герцогу Ллевелину, что я виновен, ибо позволил мятежникам незамеченными подобраться к бастиде. Эти дикари прячутся меж камней точно змеи. — Он замолчал, широко открытым ртом хватая воздух. — Передайте, что я честно сражался... — Он вновь умолк.

— Сэр Богер, — спросил я, не отпуская руки рыцаря, — скажите мне, что это были за звуки, кои спасли нам жизнь?

— Органон, — почти прошептал умирающий и, собравшись с силами, позвал своего недавнего оруженосца. — Кархэйн, окажи мне последнюю услугу.

— Я слушаю вас, сэр. — Стоящий за моим плечом юноша склонился над своим господином.

— Выдерни обломок из раны.

— Но это убьет вас!

— Вот и славно. Я и так слишком долго задержался между мирами. Делай, что тебе велят!

— Повинуюсь вам, сэр, — тихо промолвил рыцарь и, ухватив сломанное древко дротика у самой раны, резким рывком вырвал из его груди железное жало.

— Мария Дева, — шевельнулись губы сэра Богера, и рука, из последних сил поднятая им, безвольно упала на пол.

— Умер. — Я повернулся к своему рыцарственному собрату, стаскивая с головы железный колпак шлема.

— *Эй, Капитан!* — прорезался в моей голове неуместно радостный голос Лиса. — *Я понял, почему эти лица скоттской национальности ломились сюда шо те хохлы в пивной ларек. У них тут нехилая заначка верескового меда*! Бочек десять.*

---

* Вересковый мед. — Автору неизвестно, каким образом пикты готовили сей напиток. Вереск — растение не медоносное, поэтому оставляем этот факт, как и все, что произойдет далее, на совести Р. Л. Стивенсона.

— *Сережа, сэр Богер умер.*

— *Да?* — Рейнар замялся. — *Нехорошо, конечно, получилось. Однако, думаю, стоит помянуть его из здешних запасов. Полагаю, он бы одобрил.*

Я собрался было что-то ответить моему другу, но тут в люке показалась голова того самого воина, которому Кархэйн поручил счет потерь и заботу о раненых.

— Готово, господа рыцари, — бросил он, взглядом спрашивая разрешения подняться в зал.

— Докладывай, — скомандовал ему я, и коренастый и основательный валлиец, быстро забравшись вверх по лестнице, очутился перед нами целиком.

— С вашего позволения, господа, — начал он. — Три десятка да еще полдесятка наших начисто полегли. Еще десяток, да десяток без двух совсем плохи были. Я им помог. — Валлиец положил руку на висевший у пояса украшенный моржовым клыком кинжал. Я невольно вздрогнул, представляя себе эту помощь, но говорившего, похоже, подобные издержки ремесла ничуть не смущали. — Десяток, да еще четыре, — он поднял вверх указанное количество пальцев, — ранены, но еще держатся.

Памятуя о неумолимом кинжале валлийца, я осознал, что в число этих четырнадцати вполне могут входить и те, кто, как и мы с Лисом, отделался ушибами и царапинами, и те, чья душа еще просто не определилась, через какую дырку в теле вылетать к небесам.

— Стало быть, вот, — флегматично завершил свой доклад старый воин.

— Еще семеро осталось лежать за воротами, — хмуро добавил я.

— Сэр Богер, — негромко напомнил Кархэйн.

— Да, теперь еще и он. Сколько всего воинов было в крепости?

— Шесть дюжин да мы с господином. Три дюжины пришли с вами.

— Стало быть, — я принялся суммировать названные цифры, — мы с тобой, Рейнар, две дюжины бойцов, да чертова дюжина с одним из тех, кто еще на что-то годен. Не густо. Если утром мятежники снова пойдут на приступ, нам несладко придется.

— *Слушай, Капитан,* — вновь раздался на канале голос Лиса, все это время державшегося на связи, — *у меня есть гениальный план, полный элегантности и самоотречения. Надеюсь, ты это оценишь, когда будешь писать отчет о проделанной работе. Давай выкатим крашеным горцам пару-тройку бочек вересковки. Они ужрутся так, шо красно-синий цвет лица станет для них натуральным, а те, кто не ужрется, поубивают друг друга от безысходной тоски и острой алкогольной недостаточности. А мы тем временем валим отсюда*

тыгыдымским аллюром, ибо чего ради здесь торчать, лично мне абсолютно непонятно.

— Лис, боюсь, двух-трех бочек на эту ораву не хватит, — усомнился я. *— Если здесь обещанная Ллевелином армия Горры, то это никак не меньше двадцати тысяч воинов. Но даже если перед нами всего лишь передовой отряд, то и на них меда не хватит. Ну а только пойдет слух, что у бастиды поят даром, — к завтрашнему вечеру здесь будет все мужское население Каледонии, включая стариков и подростков.*

— Ну ладно-ладно, уболтал! Выставим пять бочек! Хотя это уже транжирство и прямая растрата казенного имущества. Пока население будет сбегаться, мы уже окажемся за Адриановым валом.

— Сэр Торвальд. — Не слышавший нашей оживленной беседы Кархэйн уже скомандовал своему помощнику выставить стражу на стенах и осмотреть крепление засовов на воротах и теперь, дождавшись, когда мы остались одни, обратился ко мне: — Положение весьма затруднительно, однако в нашем распоряжении имеется органон, свидетелем действия которого вы были, и «адское жерло».

— Что? — непонимающе спросил я.

— О, — улыбнувшийся сэр Кархэйн бросил взгляд на мертвого рыцаря, — мой покойный господин не зря носил сеньяль Разумный. Ему удалось здесь обнаружить давно забытые боевые устройства, которыми во времена Империи легионеры держали в страхе окрестный сброд. Пойдемте, пойдемте скорее, я вам все покажу.

— Ух ты! — Лис, очевидно, осознавший, что в нашей несокрушимой твердыне еще остались неисследованные уголки, устремился к нам. *— Шо там у вас еще за лекция о культе кельта и культе кольта? Я тоже хочу посмотреть на задницу Вельзевула и прочие его органоны.*

Едва успели слова напарника отзвучать в моей голове, как он и сам появился на нашем этаже с безапелляционным:

— Короче, бардак во дворе полный. Я распорядился сбрасывать убитых каледонцев со стены с таким расчетом, чтоб, падая, они ломали дротики. А то скотты поутру к нам в бастиду, шо по бульвару, загуляют.

— О, сэр Рейнар, — почтительно приветствовал юноша.

— Да ну, к чему условности! Оставим сэров сэрам. Можно попросту, без чинов — энц Рейнар л'Арсо де Гайрен д'Орбиньяк. Да, кстати, дружище! Я тут хотел у тебя спросить: то, что ночью пыхтело, это не органон случайно? Уж больно звук похож.

Я метнул на друга негодующий взгляд.

— Вы знаете об органоне? — с нескрываемым удивлением расширил глаза Кархэйн.

— Тю?! Да у нас на родине такой штуковиной ворон от полей отгоняют.

— Империя, — восторженно прошептал наш новый боевой товарищ.

— Кстати, Капитан, к слову: ты можешь объяснить мне, шо это за штуковина?

— Сейчас увидим, — заверил я. — Судя по названию, это такой духовой инструмент.

— Знавал я один духовой инструмент. Им, если помнишь, Шерлоку Холмсу чуть было башку не разнесли.

Кархэйн не обманул. Стоило нам подняться этажом выше, под самую боевую галерею бастиды, и мы увидели сооружение, способное вызвать душевный трепет последователя премудрого Архимеда. Хитроумная система колес была связана с кузнечными мехами, такими большими, что, вероятно, некогда они принадлежали самому Виланду*— отцу мечей. От мехов к стенам отходило множество труб разной толщины и конфигурации, бесследно исчезавших в скальном граните постройки.

— Вот он, органон, — гордо произнес Кархэйн, словно представляя нам своего закадычного друга. — Кельты отважные бойцы, — пояснил молодой рыцарь, — но весьма боятся злых духов, бродящих по земле в ночное время. Когда-то римляне подметили эту черту своих врагов и стали сооружать такие органоны.

Юноша подошел к колесу и с некоторой натугой начал вращать его. Зубчатая передача сдвинула остальные колеса с места, и меха стали подниматься словно сами собой, вздымая вверх тяжелые каменные пластины прикрепленного сверху груза. Наконец они раздулись, в механизме что-то щелкнуло, и воздух со свистом устремился в невероятно огромный просмоленный кожаный мешок, до того безжизненно лежавший на полу. Каменный груз тянул меха вниз, выдавливая остатки воздуха. Затем все повторилось снова, и так еще несколько раз, пока надувшийся мешок не занял половину зала.

— Теперь слушайте. — Кархэйн устремился к мешку и повернул ему одному известный ворот. Окрестные скалы опять завыли, заголосили, захохотали сумасшедшим хохотом, несомненно, усиливая эффект, произведенный незадолго до того.

— Капитан, шоб я так жил! Я понял, шо это такое. Это же волынка! Обычная шотландская волынка. Римляне срисовали ее у бедных скоттов и довели, сам видишь, до чего.

— Я думаю, все было наоборот. Скорее всего скотты обнаружили в развалинах бастид этот прибор для вызова духов, ну и смастерили себе нечто подобное с той же целью.

---

* Виланд — у скандинавов бог-кузнец.

— Но это еще не все, — гордо заявил юноша, принимая наше молчание за знак одобрения. — Если сие оружие может лишь отпугнуть дикарей в ночное время, то «адское жерло» воистину способно разить врага не хуже, чем молнии древних богов. Эй, Гир! — Кархэйн кликнул давешнего валлийца, уже вернувшегося и дежурившего у тела погибшего рыцаря в ожидании распоряжений. — Иди сюда, помоги мне переставить меха на «адское жерло».

Валлиец, вероятно, не раз уже проделывавший подобную операцию, споро принялся за дело, с натугой отсоединяя кожаный мешок и свинцовые трубки от нагнетателя.

— На вот, крепи. — Новоиспеченный рыцарь указал своему помощнику на лежащую поодаль емкость для сжатого воздуха диаметром поменьше и стал что-то прилаживать к трубе, торчавшей из потолка. — Слушай меня, Гир, — скомандовал он, закончив свое дело. — Мы идем наверх, к «адскому жерлу», а ты надувай бурдюк. Когда я скомандую, откроешь затвор.

— Я все понял, сэр, — почтительно поклонился валлиец.

По своему внешнему виду «адское жерло» более всего напоминало легкую корабельную пушку конца XIX века. Правда, ствол ее, скованный из отдельных железных полос и обхваченный множеством толстых обручей, оставлял желать лучшего, но в целом орудие производило весьма внушительное впечатление.

— Подождем до утра, — глядя на начавшее светлеть небо, сказал Кархэйн. — До рассвета они не нападут.

— Вероятно, ты прав, — кивнул я.

— Одно плохо, — продолжал молодой рыцарь. — «Адское жерло» невозможно повернуть, оно поражает лишь дорогу, выходящую из ущелья. К тому же, — он печально вздохнул, — у нас к нему есть лишь пять зарядов.

— И скорострельность маловата, — глядя вниз с башни, добавил Лис. — Хотя, уж какая тут к, бениной бабушке, скорострельность! Торвальд, может, мы их все же медовухой попотчуем? Потому как если после пятого выстрела этой бандуры войско не разбежится, боюсь, они ее затолкают нам... ну, ты догадываешься куда. Сам посуди: стрел у нас осталось — пшик; бойцов — раз-два и обчелся; смолы — разве что с бурдюков наскоблить. Масла нет, воды чуть-чуть, камней — и тех как кот наплакал. Держаться нечем, а помирать здесь за ради ваших любителей древностей мне отчего-то совсем не улыбается. Дома меня не поймут. Так что давай попробуем с медовухой. Так уж и быть, бери все, — Лис набрал в легкие воздуха, делая в уме какие-то сложные подсчеты, — восемь бочек.

Я рассеянно слушал речь старого друга, вглядываясь туда, где за неприступными крепостными валами, должно быть, так же ждал

рассвета отважный герцог Ллевелин и со смешанным чувством внимал радостному щебету первой проснувшейся на равнине птахе.

— Подумай, — не унимался Рейнар. — Медовуха — это наш троянский конь, только навыворот. Так сказать, образчик нашего пламенного радушия.

— Что? Что ты сказал? — Я резко повернулся.

— Выкатить медовуху...

— Да не то! Потом!

— Пламенное радушие...

— Именно! Лис, ты умница! Так. Разводи костры. Все, что может гореть, — в огонь. Не будет дров, бросай в огонь скоттов. Возьми самые большие чаны, какие только найдешь, лей в них вересковый мед и доводи до кипения.

— Ты чего, Капитан, башкой повредился?! Какого рожна! Он же испортится!

— Ничего, зато мы целее будем.

Скотты и союзные им пикты, в общем, вся каледонская рать, не обманули наших ожиданий. Их толпы двинулись на бастиду, едва взошло солнце.

— Блин! И все ж на наш редут! — выругался Лис, старательно выцеливая среди сотен атакующих тех, кто хоть отдаленно мог напоминать командиров. — Притомило меня это народное ополчение! То ли дело регулярная армия: старших перебил — и вся любовь.

— Давай! — скомандовал Кархэйн, и я услышал, как сжатый воздух, вырвавшись из бурдюка, ударил в импровизированную пушку. Нечто кроваво-красное, оставляя огненный след, вылетело из ствола, подгоняемое попутным ветром, и, взлетев над забитым народом ущельем, опало вниз плащом липкого пламени. — Накачивай! — вновь скомандовал Кархэйн.

Выстрел на какое-то мгновение заставил атакующих отшатнуться, но отнюдь не ослабил их наступательного порыва.

— Давай! — спустя несколько минут вновь заорал юноша, и новый снаряд устремился к нескончаемым рядам каледонцев. Мятежники были уже совсем близко, и теперь огненные заряды могли поражать лишь раненых и отставших, не принося особого ущерба атакующим.

— Лейте мед! — скомандовал я, едва полуголая толпа начала скапливаться под стенами. Последних защитников бастиды не надо было упрашивать. Вопли и стоны обожженных казались ответом на мой окрик. Вторая волна накатилась на гранитное основание куртины и вновь отпрянула назад, изведав нашего «пламенного гостеприимства».

— Ну где же, где же они? — цедил я сквозь зубы, наблюдая за поведением раскрашенной толпы. — Я же видел, они тут есть.

«Они» появились минут через десять, может, чуть больше. Я увидел, как один, второй, третий каледонец, начисто забыв о цели атаки, с остервенением отмахиваются от наших мелких, жужжащих союзников, оставивших ради столь изысканного лакомства опыление вересковых пустошей.

— Надеюсь, это их отвадит, — глядя, как, жужжа, кружится рой, как все более захлебывается наступление, совсем недавно казавшееся неудержимым, усмехнулся сэр Кархэйн. — Лишь бы меду хватило.

— Полагаю, до полудня продержимся. А там, возможно, Ллевелин с войском подойдет.

— Возможно, подойдет, — как-то неожиданно мрачно заявил Лис, казалось, начисто не замечающий успеха нашего маневра. — Вопрос только в том, что он здесь застанет. — Он ткнул пальцем в тропу, по которой вчера вечером поднимался наш небольшой корвалант*.

Там, ярдах в ста перед воротами, восседая на прекрасных скакунах, привезенных с зеленых берегов Эйрэ, сколь видел глаз, строился рыцарский отряд, окруженный сонмищем прекрасно вооруженных пеших слуг.

— То все шелупонь была, босота местная. Этих-то чем угощать будем?

Я всмотрелся в черное знамя, развевавшееся над строем. На нем золотой ворон клевал глаза сраженному золотому дракону.

— Это Ангус, принц Горры, — негромко кинул я, словно имя стоящего перед нами врага имело сейчас какое-то значение.

— Точно, Ангус из рода Хеттенов, — подтвердил мои слова Лис. — Сын убиенного короля Шнека Хоттена.

— М-да, — вздохнул я. — Теперь, пожалуй, уповать мы можем только на милость небес.

Глава 4

Чудеса — моя профессия.

Гарри Гудини

Рыцарское войско принца Ангуса держалось в стороне от общей схватки, словно ожидая, когда окончательно обескровленная бастида будет готова к нанесению завершающего победного удара. И сколько бы ни проливалось крови полуголых, едва вооруженных скоттов, оно

* Корвалант — передовой отряд.

ждало, не вмешиваясь в бой, зная, что слава победы все равно достанется их вождю. Если, конечно, от такой победы могла быть слава.

— Шо ж им все неймется? — недовольно пробормотал Лис, откладывая в сторону ставший уже бесполезным лук и вытаскивая из ножен пару коротких мечей, не раз служивших ему хорошей подмогой в ближнем бою. — Ведь только ж время теряют. Оставили бы здесь человек сто и ломились себе на Ллевелина или этого Пеньюра, которому Артур побежал помогать.

— Это скотты, — вздохнул я. — Они с тактикой не дружат. Достаточно было блокировать бастиду и идти дальше. Такой штурм — лишь пустая потеря времени. Сейчас Ллевелин уже успел подготовиться. От вала их, вероятнее всего, отобьют, зато оставшиеся в живых смогут рассказать, как геройски они сражались при штурме этой сторожевой башни.

— Но нам-то с тобой от этого ни холодно ни жарко. Нас здесь затопчут и прикопают, даже имени не спросят. Слышь, — Лис заговорщически оглянулся на Кархэйна, возившегося с духовой пушкой, и перешел на шепот, — может Базу вызовем? Пришлют сюда спасательного дракона...

Ему не удалось завершить свою мысль. Мрачная картина приготовлений к нашему смертоубийству была смазана появлением нового лица. Даже среди этой, порой весьма карнавально разряженной толпы лицо, вернее, его обладатель отличался некоторой экстравагантностью. Человек этот, наделенный от природы немалым ростом и, очевидно, недюжинной силой, был так старательно изможден, что, казалось, даже набедренная повязка, опоясывающая его чресла, нуждалась в подтяжках, чтобы не спадать. Собственно говоря, повязка эта составляла весь костюм неизвестного. Единственным дополнением к ней были тяжелый наперсный крест, закрывавший едва ли не половину груди незнакомца, и сучковатая палка, исполнявшая роль дорожного посоха. Длина волос его, седых и спутанных, свидетельствовала о том, что сей Самсон так и не встретил своей Далилы, и то жалкое состояние, в котором он нынче пребывал, являлось результатом его личного выбора. Впрочем, несмотря на телесную немощь, странный путник, похоже, был отменно бодр и абсолютно не сомневался в верности свершаемых им дел. Как ни в чем не бывало, растолкав рыцарскую свиту принца Ангуса, он прошагал к крепостным воротам, остановился и, раскинув руки крестом, возопил:

— Опомнитесь! Истинно вещаю вам, что настанут последние дни, ибо придет день Бога! И будут в день суда Божия все люди собраны от востока до заката пред Отцом Предвечным и Вечно Жи-

вым. И Он повелит аду, чтоб отверз свои стальные засовы и отдал все, что есть в нем. Падите на колени и призовите на себя милость Божью, ибо теперь взыскуете вы земных благ и алкаете крови брата своего. Но наступит час, и в стенаниях призовете вы к милосердию Божиему в один голос: «Смилуйся над нами, ибо теперь мы познали суд Бога, который возвестил Он нам прежде, а мы не поверили». И явится ангел Тартарух и казнит вас с еще большими муками, говоря: «Теперь каетесь вы, когда нет более времени для покаяния, и не осталось уже ничего от жизни». Спрячьте же оружие свое и покайтесь, ибо истинно говорю вам, близок сей день!

— Слушай, это шо-то с чем-то! — потрясенно глядя на проповедника, восхитился Лис. — Ты только погляди, как им этот йог мозги заправляет. Прямо шо твой Арамис: «Слышу гла-ас Бо-ожий!» — При этом он замахал руками, словно пытаясь взлететь.

— Боюсь, что это нам не поможет, — мрачно хмыкнул я, указывая на нескольких пехотинцев, по приказу Ангуса отделившихся от общего строя и теперь направляющихся к вещуну.

— Господи, да это же святой Каранток! — вдруг ни с того ни с сего завопил сэр Кархэйн, обнажая меч и бросаясь к ведущему вниз люку.

— Куда?! — успел схватить его за плечи Лис. — Жить надоело?!

Сэр Кархэйн возмущенно сбросил руки Рейнара со своих плеч.

— Это святой Каранток, сын короля Уэльса Берримора. Моего короля. Как верный вассал я обязан спасти жизнь королевскому сыну. Как добрый христианин я должен вызволить святого из рук нечестивцев.

— Уж не знаю, какой он там святой, — пробормотал я, — но текст он шпарил из апокрифического апокалипсиса святого Петра. Впрочем, кого здесь волнуют подобные мелочи?

— Как ты собираешься его спасать? — пытался урезонить нашего боевого товарища Лис. — У нас после утреннего штурма осталось не больше десятка бойцов. Стоит тебе открыть ворота, и тут же все флаги в гости будут к нам.

— Значит, я умру, выполняя свой долг, — не унимался недавний оруженосец, пытаясь вырваться из цепких лисовских объятий. — Погибну, как подобает рыцарю!

Следя вполглаза за этой перебранкой, я не упускал из виду ни крепостного двора, где, похоже, назревал небольшой мятеж, ни картины предуготовления святого Карантока к роли великомученика. В то время, когда солдаты Ангуса, сбив с ног сына валлийского короля, ожесточенно пинали его древками копий, соотечественники избиваемого принца, составлявшие на данный момент почти половину оставшегося гарнизона, с яростью, достойной лучшего примене-

ния, пытались прорваться к воротам, стремясь поскорее открыть их и прийти на помощь местночтимому святому. Стоит ли говорить, чем бы закончился этот бой. Стоит ли говорить, чем грозил нам всем этот бунт внутри бастиды.

Вот уж воистину, когда пессимисты говорят: «Хуже некуда», — оптимисты спешат их утешить: «Не волнуйтесь, есть». Если это и есть милость небес, на которую мы уповали, то, пожалуй, без нее было спокойнее.

Внезапно Лис, уже сваливший Кархэйна и прижимающий теперь его к полу, отвлекся от своего занятия и начал вглядываться в горизонт. Это было опрометчиво с его стороны, поскольку, воспользовавшись заминкой, молодой рыцарь пинком колена сбросил с себя противника и все же устремился вниз по лестнице.

— Капитан! — поднимаясь на ноги, крикнул Рейнар, указывая пальцем в небо. — Похоже, это дракон. Или База с катером расстаралась?

Я вгляделся в стремительно увеличивающуюся точку, мелькающую среди высоких облаков. Она все приближалась, и теперь я мог рассмотреть ее получше.

— Это не дракон. И, увы, не катер. Это виверна.

— Кто? — переспросил Лис.

— Виверна. Тоже ничего себе обитатель бестиария. Но специфический. Наш, британский. Вместо четырех лап две, размеры поменьше, хвост заканчивается не копьевидно, а эдаким костяным образованием вроде шестопера. Летает значительно быстрее дракона, вместо пламени изрыгает невыносимое зловоние. Ну и опять же встречается только на наших островах.

— Молодец, Вальдар. Садись — отлично. Просто не человек, а британская энциклопедия молодых сурков. Ну и что теперь прикажешь делать с этим птеродактилем?

— Вот с этой напастью, надеюсь, нам ничего делать не придется, — глядя на стремительно пикирующую тварь, усмехнулся я. — Похоже, это не по нашу душу.

Словно подтверждая мои слова, снизившаяся виверна вышла из пике в какую-то невероятную глиссаду и, сложив крылья, врезалась в строй рыцарской конницы принца Ангуса. Человек пять всадников вылетели из седел, давая ужасной твари возможность плавно затормозить. И тут же воздух наполнился таким истошным воплем и непереносимым смрадом, который даже здесь, за сто ярдов от происходящих событий, вызывал страстное желание забиться в угол и вернуть обратно все съеденное на этой неделе.

Рыцарский отряд, еще минуту назад пугавший грозной стройностью своих рядов, перестал существовать буквально в мгновение

ока. Обезумевшие кони, сбрасывая ошеломленных седоков, мчались сквозь боевые порядки голоногого ополчения, падали, спотыкаясь на каменной осыпи, кувыркались, ломая шеи и давя цвет каледонского рыцарства. Во всей этой сумасшедшей карусели, подобно взбесившейся стрелке компаса, крутилась на месте виверна, раздавая перначеобразным хвостом удары направо и налево. Она щелкала зубастой пастью с выдающимся вперед гипертрофированным клыком-клювом и издавала при этом такой отчаянный вопль и такое зловоние, что казалась явным исчадием ада, вырвавшимся на белый свет, чтобы пожаловаться на злые муки и притеснения, чинимые несчастному монстру в геенне огненной.

— Вот это птичка! — зажимая нос, восхищенно произнес Лис, наблюдая разрушительный эффект приземления виверны. — Ангел Трахтарарах в полный рост. Вальдар, купи мне такую! Я заслужил! У меня в конце концов моральный ущерб за неиспользованный отпуск.

В это время валлийская «партия», усиленная Кархэйном, одержала верх над «партией» наемников и, расшвыряв тяжеленные брусья засовов, сквозь распахнутые ворота бросилась в атаку, спасая своего святого принца Карантока. Стоит ли говорить, что молодчики, избивавшие его, поспешили сделать ноги, едва чудовище спикировало в гущу воинов принца Ангуса. Однако их бегство не облегчило задачи Кархэйна и его товарищей.

Лишь только они приблизились к распластанному на земле телу, как закованная в бурую чешую тварь, неуклюже переступая когтистыми лапами, засеменила к лежавшему без чувств святому, расправляя на ходу мощные кожистые крылья и угрожающе щелкая пастью на бегущих к нему людей.

— Вот чудеса. — Я повернулся к Лису, с нескрываемым интересом наблюдающему за происходящим. — Одно из двух: или виверна прилетела сюда, чтобы съесть именно валлийского святого, или же...

— Или же это у него что-то вроде ручного попугая.

Между тем виверна, невзирая на внешнюю неуклюжесть, умудрившаяся добежать до Карантока быстрее наших сотоварищей, сложила крылья наподобие шалаша и, упрятав в них незадачливого оратора, буквально заворковала над безжизненным мучеником: «Ур, ур...»

— Ну, кажется, с вопросом принадлежности виверны все ясно. Вопрос теперь в другом: как же наши молодцы святого из-под этой крошки выколупывать будут?

Честно говоря, меня эта проблема занимала менее всего. Я видел, как исчезает в глубине ущелья знамя с поверженным драконом, как буквально разбредается потерявшая объединяющий внутренний костяк мятежная толпа и как вдали, со стороны Адрианова вала, движутся стяги идущей нам на выручку подмоги.

* * *

Я с невольным удивлением и почти жалостью глядел, как приближаются к воротам истерзанной бастиды воины Стража Севера: десяток рыцарей и сотни полторы утомленных скорым маршем пехотинцев Ллевелина. Сами того не зная, они, пожалуй, должны были считать этот день одним из самых удачных в своей жизни. Стоило им прийти сюда на час-другой раньше, и вряд ли кто-нибудь из гордых нечаянной победой воинов наблюдал бы сегодняшний закат.

Теперь же отряд приближался к крепостице, распустив рыцарские флаги и распевая что-то очень бодрое и задорное. Впрочем, в триумфальном шествии их ожидала весьма серьезная преграда.

Преграда продолжала щелкать зубастой пастью, настороженно клекотать и испускать густые клубы непередаваемого сероводородного зловония, стоило кому-то попытаться приблизиться к укрываемому под сенью крыльев святому. Быть может, отряд Ллевелина и не делал бы подобных попыток, поскольку никто из вновь пришедших и подозревать не мог о злоключениях несчастного мученика веры, но никакой иной возможности проникнуть в бастиду попросту не было, а впавшая в экстаз виверна уселась как раз поперек тропы, ведущей к воротам.

Я видел, как доблестные рыцари начали опускать копья, намереваясь сбросить страшилище или хотя бы заставить его взлететь. Это был, несомненно, бесстрашный, но в общем-то опрометчивый шаг. Природа-матушка щедро наделила виверну всем необходимым для выживания в самых суровых условиях.

Пожалуй, единственным реальным ее врагом был все тот же дракон, у которого эта вороватая тварь регулярно норовила стащить из-под носа лакомые куски добычи. Да еще, вероятно, единорог. Но, насколько мне было известно, при одном приближении сего обожателя невинных дев виверны устремлялись в паническое бегство с максимально возможной скоростью. А уж чего-чего, но скорости полета им было не занимать. Дракон по сравнению с ней выглядел примерно так же, как тяжелый бомбардировщик рядом с истребителем.

Небо было стихией виверны. Если на земле ее переваливающаяся походка казалась неуклюжей, то в воздухе, скажем, попытка попасть в нее из катапульты была подобна попытке поразить солнечный зайчик. Прибавьте к портрету этого милого существа пасть с зубами в четыре ряда, способными благодаря особому строению челюстей перемолоть в мелкий фарш целую корову, восьмиярдовый хвост, один удар которого превращал в барельеф на ближайшей скале любого приблизившегося смельчака, и уже упоминавшееся выше

зловоние, вам сразу станет ясно, что ручное животное валлийского святого представляло собой весьма сомнительный подарок для тех, кто намеревался проникнуть внутрь крепости.

Конечно, вполне действенным средством против нее мог быть один из великих мечей. Но, во-первых, вряд ли у кого-то из присутствующих здесь, кроме меня, таковой имелся, а уж я без противогаза ни в какую бы не согласился сражаться с виверной. А во-вторых, мне казалось несправедливым пытаться покарать и без того огорченную тварь, старательно охраняющую своего хозяина от скопища недружелюбных вооруженных людей.

Не знаю, сколько бы могло еще продолжаться это противостояние, но тут из-под хвоста напрягшейся для контратаки рептилии выползло нечто, при ближайшем рассмотрении оказавшееся богобоязненным сыном уэльского короля. Покрытый ссадинами и кровоподтеками проповедник приподнялся на локтях и, очевидно, разглядев сквозь затянутые кровавым туманом ресницы толпу вооруженных людей, продолжил с того места, на котором его столь бесцеремонно прервали.

— Сложите оружие и покайтесь! — с трудом разлепляя губы, прокричал он, и в тот же миг сэр Кархэйн со своими валлийцами, все еще не оставлявший попыток подойти поближе к злосчастному отпрыску своего сюзерена, рухнули на колени, увлекая своим примером остальных защитников бастиды. Очевидно, произошедшее несколько успокоило рыцарей деблокирующего отряда. Копья стали подниматься подвысь, мечи, уже было обнаженные, возвращаться в ножны и...

— Интересно, — Лис, наблюдавший происходящее, стоя на боевой галерее рядом со мной, задумчиво почесал затылок, — они здесь что, впрямь решили устроить сеанс массового покаяния и самолупцевания? Капитан, тут одно перечисление грехов рискует затянуться до второго пришествия! Эдак мы здесь зимовать останемся. Пора брать безвластие в свои руки.

Не знаю уж, как мой друг планировал воплощать свои намерения в жизнь, но в этот момент виверна, вероятно, удовлетворенная картиной всеобщего умиротворения, расправила крылья и, переступив с ноги на ногу, свечой взмыла в небо.

— Хо-орошо пошла! — покачивая головой, резюмировал Рейнар. — Высоко. Значит, дождя не будет.

— Что?

— Ну, примета есть такая. Если виверны к земле жмутся — это к дождю.

— Правда? — удивился я, отмечая, что подобной информации о нравах виверн у меня до сих пор не было.

— Капитан, очнись! — Лис шутливо ткнул меня кулаком в плечо. — Ты какой-то сегодня квелый. Недоспал, что ли?

Тут только я понял, что хочу есть, спать и принять душ, причем желательно одновременно. И что большей части этих желаний, уж во всяком случае сегодня, не суждено осуществиться.

— Ладно, — махнул рукой я, — пошли порядок наводить.

Носилки, закрепленные между двумя конями, немилосердно трясло, но это было лучшее, что мы могли предложить до крайности избитому святому, поскольку ни держаться в седле, ни уж тем более идти пешком он никак не мог. Окруженный заботами сэра Кархэйна, он пришел в чувства и мог уже поддерживать, хотя и с трудом, беседу. Но для излечения многочисленных травм, полученных им, требовались условия более комфортные, чем разоренная бастида, а также целебные мази и заботливый уход, которых здесь взять было негде.

Мы возвращались в Кэрфортин, в замок герцога Ллевелина, дальнего родственника короля Уэльса и самого валлийца родом, у которого Каранток имел шансы встретить радушный прием. Перед отъездом ко мне подошел Кархэйн, остававшийся новым комендантом бастиды и, глядя на меня с виноватым упрямством, сказал негромко:

— Сэр Торвальд, если вы сочтете, что нынче утром я поступил неверно, что я преступил законы рыцарства, дайте лишь знак, и я верну меч, которым опоясал меня покойный сэр Богер, и предстану перед высоким судом герцога Ллевелина.

Я посмотрел на сконфуженного юношу, в душе, несомненно, уверенного в правоте содеянного, и, лишь улыбнувшись, хлопнул его по плечу:

— Победителей не судят.

Что я мог еще сказать? Рыцарство и дисциплина, к моему сожалению, были понятиями из разных словарей. Не счесть, сколько сражений было проиграно лишь оттого, что кому-нибудь из славных палладинов пришло в голову исполнять свой рыцарский долг, а не следовать приказам командования. Конечно, не прилети в нужный момент виверна, не устрой она этого кордебалета, наша беседа могла и не состояться вовсе. Но она прилетела. И, стало быть, сегодня этот упрямый валлиец, быть может, впервые в жизни является победителем. А их не судят.

Теперь, сменив на посту коменданта убитого господина, молодой рыцарь развил кипучую деятельность, формируя из подкрепления новый гарнизон бастиды. Я с интересом следил за ним, невольно ловя себя на мысли, что прилет виверны спас от гибели, в сущности, и этот небольшой отряд. Впрочем, откуда было знать Ллевелину размеры гро-

зящей нам опасности? А знай он о них, прислал ли нам подмогу? К чему ослаблять свои силы в полевом сражении, когда есть возможность держать врага под крепостными стенами, изматывая его и оставаясь при этом неуязвимым. Однако все сложилось как нельзя лучше.

Мы возвращались в Кэрфортин, кони шли шагом, стараясь не раструсить и без того измочаленного святого. В небе над нами, то снижаясь до бреющего полета, то вновь тараня облака, носилась виверна, и лишь недовольное фырканье скакунов, которым они встречали каждое приближение зубастой твари, вносило темную ноту в радужную картину сегодняшнего дня.

— Святейший, — ехавший рядом со мною Лис наклонился над Карантоком, — если можно, поделитесь опытом, где нынче отворачивают таких благовоспитанных виверн?

— Отвернись от зла, и сотворишь благо, — не открывая глаз, продекламировал просветленный валлиец. — Слово божественной истины и камень способно обратить в патоку.

— Хм, весьма ценное свойство. Особенно для кулинарии. Но все же, м-м... Расскажите, как вы с ней познакомились?

— Лис, — оборвал я напарника, — отстань от человека. Ему и так плохо.

— Да ну, какое плохо? Это уже хорошо, — отмахнулся Рейнар, вероятно, всерьез решивший привезти в подарок дорогой мамаше такую птичку. — Не, ну конечно, если это секрет...

— Пути мои в руце Божьей, — гордо признался проповедник, делая соответствующее вступление в повествование о своем знакомстве с виверной.

— Да мы так и поняли, — поспешил заверить его Лис.

— Тогда я проповедовал слово Божье язычникам Эйрэ. Но както, выйдя на берег моря, я почувствовал в душе своей необоримое желание следовать в иные края, чтобы открыть свет истины доныне блуждающим во мраке. Я бросил свой алтарь в бурные волны и последовал за ним.

— Это мощно, — восхитился Лис. — С волны на волну? Или так, вплавь?

Честно говоря, мне тоже было любопытно, как святой путешествовал по морю. Но он начисто игнорировал лисовский вопрос.

— Господь привел меня в устье реки Джуллит, в город, именуемый Диндрайтоу, где правил король Кедви. Артур, сын Утера Пендрагона, как раз был его гостем. Я пришел ко двору их и спросил, не видели ли они мой алтарь?

— Скоростная утварь попалась, — посочувствовал Рейнар. — За ним глаз да глаз нужен.

— Однако великое горе постигло в те дни народ, которым правил король Кедви. Быстрокрылая виверна разоряла пастбища, воруя овец, коров, а иногда нападая и на людей. Никто из рыцарей не мог изловить и поразить ее. Этою напастью были заняты дни Артура и его союзника Кедви. Они не желали слушать мои вопросы, но я настаивал. И тогда Артур сказал мне: «Изгони чудовище из этих мест, и я верну тебе алтарь». В великой печали пошел я к той пещере, где, по словам пастухов и охотников, обитала виверна, ибо сами вы узрели, сколь ужасен облик ее. Я же с младых ногтей дал обет не прикасаться к оружию, не ведать иной защиты, кроме промысла Божьего. Однако длань Господня разверзлась надо мной, и не было страха в душе моей. Дойдя до логовища злобной разорительницы, я простер к ней руки и рек ей словами Писания, моля прекратить злодеяния. И только бальзам предвечной мудрости коснулся ее дикой души, виверна прибежала ко мне, стеная, и пошла за мной, как теленок за маткой.

— Во как! — продолжал восхищаться деяниями неустрашимого святого Лис. — Божье слово и виверне приятно.

— С тех пор следует она за мной повсюду, что ни день приобщаясь к кладезю непререкаемой истины, блюдя заповеди Господни.

— То есть как? — удивился я.

— Не убий, не укради...

— Как же она бедная живет? — перебил святого не на шутку встревоженный участью бедного животного Лис.

Тот неожиданно замялся, однако потом с напором заявил:

— Ее подкармливают. Крестьяне. — И, произнеся эти слова, Каранток, видимо, счел тему закрытой и откинулся на носилках.

— *По-моему, ты спросил что-то лишнее,* — транслировал я Лису.

— Не, ну интересно же! Такой твари, судя по ее размерам и энергозатратам, в день нужно, пожалуй, две-три коровы. Или небольшая отара овец. Где-то ж она их берет? Или ты в самом деле можешь представить себе английских крестьян, добровольно готовых потчевать своими стадами этакую животину?

Да, что бы ни говорил святой, верилось в такое с трудом.

— А что ж алтарь? — поинтересовался один из рыцарей, ехавший рядом с нами.

— Алтарь, — словно вырываясь из мира своих мыслей, рассеянно бросил валлиец. — Да, все хорошо. Артур вернул его. Он использовал сию вещь в качестве стола, но с него все падало.

— Вот истинный образец христианского смирения и жертвенности, — с восторгом заявил мой напарник. — Действительно, на хрена ему нужен стол, с которого все падает? Пусть лучше алтарем будет.

Мы возвращались в замок Кэрфортин, где, как надеялись, нас ждала хотя бы часть разгадки задачи, подкинутой старым затейни-

ком Мерлином. Замок был все ближе, солнце клонилось к закату. Благочестивая виверна, носившаяся над нами, в один момент куда-то исчезла, но позже появилась, явно довольная жизнью. Кони вновь встретили ее появление негодованием. Каранток, лежа на носилках, вновь вещал избранные отрывки из священных текстов, призывая всех одуматься и покаяться. В общем, жизнь шла своим чередом, как ей и надлежало идти.

Кэрфортин встретил нас предпоходной суетой. Двор его был забит рыцарями, в равнине и на холмах близ староримской дороги строилась пехота, ревели впряженные в обозные повозки волы, носились, передавая распоряжения, оруженосцы герцога. Все свидетельствовало о том, что собранное у Кэрфортина войско готовится к форсированному маршу.

— Капитан, — глядя на воинственные приготовления, кинул мне Лис, — мне отчего-то кажется, что сегодня нам спать опять не придется.

Я лишь вздохнул, высматривая ближайшего армигера* в котте с герцогским гербом.

— Эй, малый! — остановил я одного из них. — Я Торвальд Оркнейский, рыцарь Круглого Стола. Где мне найти герцога Ллевелина?

— Там, сэр. — Юноша ткнул рукой в сторону одной из башен замка. — Там вы его найдете без труда.

Его слова были истинной правдой. Едва лишь стоило нам пересечь заполненный вооруженным людом двор, как мы наткнулись на самого хозяина замка, энергичным голосом раздающего приказания начальникам отрядов.

— Факелов. Больше факелов! Как можно больше! Ты, сэр Мерриот, бери своих и, не дожидаясь нас, отправляйся вдоль вала. Вели моим именем комендантам башен разложить костры поярче. Отельвин, посади лучников на возы. А, сэр Торвальд, я рад, что ты вернулся! Твой меч нам будет очень кстати. Кто это с тобой? — Взгляд герцога наткнулся на нашего израненного пассажира.

— Это святой Каранток, сын короля Уэльса.

— Да! Вот как! Прошу тебя, сэр Торвальд, позаботься о нем. Сам видишь, мне недосуг.

— Что произошло? — недоуменно поинтересовался я, разглядывая окружавших меня военачальников.

— Много чего. Король Артур нагнал Мордреда у озера Неиссякаемых Слез и теперь готовится к бою. Скотты, воспользовавшись этим, взяли Палладон. Король Дьюер убит. Если мы будем медлить, они ударят в тыл Артуру.

---

* Армигер — оруженосец.

— Но оставлять Кэрфортин без войска опасно, — высказал я свое сомнение. — Здесь принц Ангус. Воспользовавшись вашим уходом, он поспешит обрушиться сюда всеми своими силами. Лишь чудо помогло нам отстоять этой ночью бастиду.

— Потом расскажешь. — Ллевелин было отвернулся, но внезапно, словно вспомнив что-то, вновь обратил ко мне взгляд: — Совет танов потребовал от Ангуса идти на Палладон. Я знаю это достоверно. Ночью у меня был надежный человек из лагеря скоттов. Так что, дорогой сэр Торвальд, полагаю, мы встретим принца там. Насколько я помню, у тебя с ним свои счеты. Передохните хоть сколько-нибудь, друзья мои. Еще до рассвета мы выступаем на Палладон.

Глава 5

Опоздавший к битве редко бывает прав, но чаще остается жив.

Маршал Груши

Герцог Ллевелин был прав. У нас действительно оставались невыясненные отношения с принцем Ангусом. Еще с тех пор, когда он был просто Ангусом, внуком наместника Запада Эйзла, а его отец Шнек и мечтать не мог о королевской короне. И все, чем ограничивались его мечты, — это возглавить клан Хеттенов, один из сильнейших на берегах Каледонии. Как говаривал в таких случаях Лис, много огненной воды утекло с тех пор. Кто бы мог в те дни подумать, что семнадцатилетняя Лендис из дома Бьернов, привезенная нами ко двору властительного короля Эле Рыболова, окажется его женой и королевой. Что она явится миру могущественной волшебницей, чье имя в народе будут произносить, не иначе как оглянувшись предварительно по сторонам.

В те дни я, сиятельный герцог Инистор, верный союзник короля Эле, обучал молодого Ангуса владеть мечом, и он частенько гостил в подаренном мне замке Дун-Амрос. Король Эле, без сомнения, был великим монархом. Не было числа его победам, и собранные под его рукой разрозненные земли скоттов и пиктов управлялись теперь советом танов, на котором он был лишь первым из равных.

Эле был великим королем, но семейная жизнь его продолжалась недолго. Поговаривали, что не без помощи прелестной Лендис. Уж очень скоро после смерти мужа ее новым супругом и правителем

стал новоиспеченный тан рода Хеттенов Шнек. На мой взгляд, полное ничтожество, но, с другой стороны, Оркнейский дом Бьерна был далеко, а клан Хеттенов был серьезной поддержкой для молодой узурпаторши.

Шнек быстро разогнал совет танов и начал наводить в стране и ее окрестностях такой шорох, что задание способствовать созданию державы короля-цивилизатора Эле сменилось прямо противоположным. Мы с Лисом с ним благополучно справились. Очень скоро новоявленный владыка Каледонии отправился к праотцам с лисовской стрелой в груди, сделав Лендис дважды вдовой.

Вот тут-то и явил себя миру ставший уже к тому моменту принцем Ангус. Не желая связывать себя союзом с «безутешной» королевой, он, опираясь на дружину, объявил себя преемником трона. Однако молодая королева вовсе не желала уступать ему это место без боя. И хотя во многом по ее вине, мне, носившему тогда имя Эстольд Трехрукий, пришлось безвременно умереть и родиться вновь собственным братом-близнецом, я прекрасно понимал, что королева Лендис на престоле куда как более вменяема и уместна, чем ее кровожадный пасынок.

Вновь созвав танов, она подняла на борьбу с ним весьма изрядные силы. Однако неизвестно, как бы сложилась ее судьба, не реши в этот момент король Артур развивать свое завоевание на север, по ту сторону Адрианова вала. Именно я, тогда признанный эксперт в делах Каледонии, убедил Артура поддержать притязания королевы Лендис. Именно мой отряд прорвал блокаду замка Ческорт, в которую, как в мышеловку, попала неопытная в военных делах королева. Это мы с Лисом преследовали разбитого наголову принца Ангуса по горным ущельям и, пленив, в цепях, привезли его в Камелот.

К неудовольствию королевы, скрепя сердце признавшей вассальную зависимость Горры от Британии, Артур освободил тана Хеттенов и поставил их примирение одним из условий мирного договора. Замысел его был понятен. Пока Ангус, обязанный своей свободой и положением королю бриттов, был вблизи от трона Каледонии, Лендис, чувствуя его дыхание у себя за спиной, не могла вести себя чересчур самостоятельно. Но волчья верность — до первого леса. А такая одаренная особа, как моя кузина, умела находить убедительные доводы и для друзей, и для недругов. События последних дней были тому ярким доказательством. Что же касается принца Ангуса, то нынче он был во всеоружии, и у него оставались ко мне неоплаченные счета.

Погруженный в воспоминания, я болтался в запряженной волами повозке, мучительно пытаясь заснуть, с грустью понимая, что до изобретения нормальной упряжи с подвижным дышлом осталось

еще века три-четыре, а стало быть, попытки мои обречены на неудачу. Утренняя сырость забиралась под кожаный полог, заставляя плотнее заворачиваться в теплый дорожный плащ, но даже его первоклассная шерсть уже не спасала от крадущейся простуды. Повозка была загружена ростовыми пехотными щитами и кольями, которыми эти щиты подпирались при обороне, чтобы освободить руки пехоте. Снаряжение подпрыгивало и грохотало на каждой кочке, также не прибавляя спокойствия моему сну. Однако это было лучшее, что мог предложить сейчас герцог Ллевелин, и я думаю, никто бы попросту не понял нас, начни мы жаловаться на неудобство.

Возница, погонявший неспешных волов, приподнял полог и, рассмотрев в потемках мою скрюченную фигуру, начал почтительно:

— Сэр Торвальд, тут оруженосец герцога. — Он замялся. — Наш господин велит узнать, проснулись ли вы.

— Лучше бы он поинтересовался, заснул ли, — пробормотал я, приподнимаясь и получая увесистый пинок подскочившим от очередной встряски щитом. — Проклятие! Да я уже на ногах.

— Герцог зовет вас к себе, — передал возница слова скачущего рядом оруженосца.

— Сейчас буду! — досадливо кинул я, нащупывая в изголовье пояс с мечом. — Вели армигеру подвести Мавра.

Герцог Ллевелин с отрядом рыцарей Северных графств двигался во главе колонны. Перед ним шла лишь сотня передовой завесы, прочесывавшая окрестности по маршруту движения войска.

— Надеюсь, вы хорошо отдохнули, — поприветствовал меня полководец.

— О да, прекрасно, — солгал я.

— Вот, господа рыцари, — Ллевелин положил мне руку на плечо, — кто из вас не знает сэра Торвальда, я рад представить вам его. Если кто-нибудь когда-нибудь попросит вас указать истинного героя, не задумываясь можете назвать это имя. Прошлой ночью его отвага и боевое искусство спасли от штурма Кэрфортин.

— Милорд, — я склонил голову, — мои деяния в этом бою были не большими, чем подвиги любого из моих соратников. Великой славы достоин сэр Богер Разумный, скончавшийся вчера от смертной раны, и его оруженосец, сэр Кархэйн, ставший рыцарем лишь перед гибелью своего господина. Но тот, кто истинно принес нам победу, с детских лет дал священный обет не прикасаться к оружию. Это сын валлийского короля Каранток, которого все в этих краях величают святым. И даже дикие чудовища склоняют перед ним свои головы... — Я хотел было поведать Ллевелину и сопровождающим его рыцарям о чуде, свершенном святым Карантоком, а вернее, его

виверной у ворот бастиды, но, пока подыскивал подобающие случаю возвышенные слова, герцог перебил меня задумчивым:

— Каранток, сын короля Берримора. Мой прадед был родным братом его деда. — Он кивнул головой и улыбнулся, словно выходя из мимолетной дремы. — Торвальд, я хочу проехать вперед, осмотреть дорогу. Прошу тебя сопровождать меня. — Он пришпорил коня, давая мне полную возможность догонять его или же оставаться на месте.

Я дал шпоры Мавру. Вряд ли герцог Ллевелин, железной рукой державший в узде своенравных северных баронов и неукротимых танов Горры, опасался отправляться в конную прогулку в одиночку. Пожалуй, это было неосторожно, но осторожность не входила в число рыцарских доблестей. Мой смолисто-черный скакун сорвался с шага в галоп, пускаясь вслед сахарно-белому коню герцога.

Когда мы достаточно вырвались вперед и передовая завеса скрылась далеко за нашей спиной, Ллевелин осадил жеребца, пуская его спокойной рысью.

— Сэр Торвальд, — начал он, — я хотел поговорить без свидетелей.

— Конечно, — склонил голову я и активизировал связь.

— *Не, ну это беспредел какой-то!* — раздалось тут же у меня в мозгу. — *Мало того, что подсунули эту чертову койку на колесах, так еще не дают в ней спать! По вашей милости мне придется час разбираться, где какая часть моего скелета находилась до того, как я сюда улегся. Никого здесь не интересует, что весь мой ужин состоял из куска полусырой говядины, которую я спер в замковой кухне. Так в довершение всего еще и родной напарник норовит пообщаться, когда я только-только пристроился вздремнуть в какой-то щели, как не буду говорить кто.*

— Такова *жизнь*, — философски оборвал я нападки Рейнара. — *Ты хочешь спать, а его светлость желает сообщить мне нечто конфиденциальное.*

— *А, на откровенность пробило! Перед боем такое бывает...*

— Когда вы отправлялись в эту злополучную бастиду, — продолжал тем временем Ллевелин, — я обещал вам раскрыть тайный смысл вашего сна. Насколько сие в моих силах, я готов сделать это. Итак, вы видели ночью Мерлина, держащего в руке пергамент, разделенный на несколько частей.

— Все обстояло точно так, как вы говорите.

— Так вот, сей пергамент действительно существует. На нем запечатлено последнее из пророчеств старого мага.

— *Чрезвычайно ценная информация*, — пробурчал Лис. — *Стоило из-за этого будить!*

— По приказу Артура пергамент был разделен на двенадцать частей. И части эти он раздал лишь ему известным людям, облеченным особым доверием. На днях он приехал в Кэрфортин и привез часть пергамента мне. До того эта часть находилась у вашего родственника сэра Говейна, увы, погибшего в битве при Бархем-Дауне. Каждый из нас, из тех, в чьих руках находятся части пророчества, обязан в случае смерти своей передать ношу достойному продолжателю по своему выбору.

— Но зачем? — Я сделал наивные глаза, стараясь вытащить из собеседника все, что ему известно.

Ллевелин поднял вверх палец:

— В пергаменте указывается, кому суждено стать королем Британии после Артура.

— Капитан! Ну, блин, с добрым утром! Не знаю как ты, но я считаю нашу миссию выполненной. Хай они себе барюкаются, как бог на душу положит. Оно нас волнует, кто будет править после Артура? В крайнем случае прочитаем некрологи в институтских сводках.

— Лис, у нас есть приказ.

— Это у тебя есть приказ, а у меня есть твоя просьба и жгучее желание не дать тебе сунуть голову в очередную халепу.

— Хорошо, Лис. У меня есть приказ. Если желаешь, можешь отправляться домой и передать все, что нам удалось узнать, герцогу Норфолку.

— О господи! Послал ты напарничка! Прости, что поступаю вопреки здравому смыслу, но надо же кому-то проследить за этой неугасимой лампадой британского рыцарства. Ладно, хрен с тобой, остаюсь. А то ищи тебя потом!

— Спустя месяц после того как преставится наш добрый король, да продлит Всевышний его годы, хранители пророчества должны собраться в Камелоте у Круглого Стола и, сложив доверенные им части в единое целое, объявить нового короля.

— Капитан, есть встречное предложение. Раз уж тебе так неймется проводить отпуск в тени английских дубов, давай потихоньку отвалим отсюда, зашхеримся в каком-нибудь замке, переждем, пока Артур кони двинет, и через месяц после этого в Камелоте всех тепленькими и повяжем.

— Ждать осталось недолго, — мрачно заявил я. *— Король уже у Камланна, и, судя по летописям, оттуда не вернется. А вместе с ним поляжет и его войско. Я уверен, что в нем есть хранители пророчества, и очень сомневаюсь, что в пылу боя они успеют его кому-нибудь передать.*

— Ну, знаешь! Как говорил О. Бендер: «Стулья расползаются, как тараканы». Предлагаешь после сражения обыскать сотни три убиенных рыцарей? Боюсь, нас неправильно поймут. К тому же у нас явно будут конкуренты. Что с ними прикажешь делать?

— Знал бы, давно сказал, — огрызнулся я.

— Понятно, — вздохнул Лис. *— Дурдом! Давно не выполнял таких идиотских заданий!*

— Если Мерлин явился вам во сне, то я готов биться об заклад, что вы избраны им, чтобы стать одним из хранителей этой тайны, — произнес Ллевелин. — Такова его воля, и я не знаю случая, чтобы она была ошибочна.

Очевидно, он еще что-то хотел добавить, но разговор был прерван появлением всадника, во весь опор несшимся в нашу сторону.

— Судя по червленым стропилам в золоте, это гонец сэра Мерриота, — вглядываясь в приближающегося курьера, проговорил Ллевелин.

Насколько я помнил, еще вчера вечером герцог отправил этого рыцаря перед основным войском с приказом предупредить комендантов башен о нашем приближении и, очевидно, вести разведку противника.

— Простите меня, сэр Торвальд. — Собеседник пришпорил коня, спеша навстречу гонцу.

Судя по аллюру, которым тот мчал, судя по загнанному виду его лошади, смысл известия в общих чертах был ясен: враг близок. Всадники встретились, и нарочный начал что-то оживленно втолковывать Ллевелину. Герцог кивал головой, похлопывая ладонью по шее своего коня и изредка спрашивая что-то у вестового. Наконец, развернув жеребца, Страж Севера во весь опор помчал обратно к боевым порядкам.

— Скотты выступили из Палладона, — прокричал он, проезжая около меня. — Возвращаемся к войску. Сэр Торвальд, вокруг озера Неиссякаемых Слез есть две дороги. Одна из них ведет в тыл короля Артура. Другая — к Мордреду. Мы не знаем, по какому пути пожелают направиться скотты. С рыцарями я попытаюсь перехватить их у развилки, но пехоту и обоз придется оставить здесь. Поручаю это вам. — Герцог махнул рукой в сторону, противоположную маячащему поблизости валу. — Выдвигайтесь к югу. Миль десять отсюда, через пустоши, можно выйти на дорогу к Камланну. Правда, наезженного пути отсюда к ней нет, но, полагаю, вы сможете провести обоз и перекрыть дорогу. Я дам вам еще дюжину рыцарей, и если, паче чаяния, нам не удастся удержать мятежников, или же каким-то

образом они смогут нас обойти, ваша задача не допустить, чтобы эти негодяи ударили в спину короля.

— *Капитан, соглашайся!* — прозвучало в моей голове категорическое требование Лиса. — *В кои-то веки сражение без нас пройдет. А то я тебя знаю, начнешь сейчас советы давать, воздушные десанты высаживать.*

— *Да я в общем-то и не спорю,* — попытался было оправдаться я.

— *Нет, ты уж это объяви, чтоб я слышал.*

Что мне оставалось делать в эдакой ситуации?

План, объявленный мне герцогом, был по всем статьям неплох. И хотя я с долей сожаления провожал взглядом проносящихся мимо убранных с дороги возов верховых, в душе моей не было и тени сомнения в правильности выбранной герцогом тактики. Лишь бы рвущиеся в схватку северные рыцари не загнали коней раньше времени. Со вздохом я отвернулся от мчащейся вперед колонны. Нам предстоял путь через пустошь, путь, длиной десять миль, который лишь новичку в военном деле мог показаться пустяковым заданием.

Уж не знаю, вследствие каких геологических процессов местность была покрыта рытвинами и ухабами, словно лицо больного оспой, но выталкивать груженые возы из очередных колдобин, выравнивать их при попытке завалиться набок, менять разлетающиеся при ударе о спрятавшиеся в густой траве обломки базальта колеса, чинить разваливающиеся дышла и тянуть спотыкающихся на каждом шагу волов, негодующих из-за выбранного нами маршрута, пришлось нашей тыловой команде. Путь в десять миль мы преодолели часов за пять, а может, и больше. Но вот наконец показалась заветная дорога, и я скомандовал ставить возы в круг, образуя лагерь.

Едва суета непременных при этом приготовлений была завершена, я послал Лиса проверить на всякий случай дорогу, а сам отправился в обход по импровизированному бивуаку, чтобы оценить количество, боевые качества и дух стоявшего под моим началом отряда. Отправленные в ближайший лес за дровами команды уже возвращались, волоча громадные охапки валежника. Походные котлы уже устанавливались на треноги, и полтора десятка коров из влачимого за войском стада последний раз глядели своими грустными глазами на толпы голодных хищников, жаждущих отведать их мяса.

— Добро пожаловать к нашему котлу, сэр Торвальд, — услышал я крик одного из копейщиков. Лицо его казалось мне знакомым, возможно, со времен похода на Горру, а может, по каким иным сражениям. Я улыбнулся, кивая ветерану, и тут темная тень пронеслась над нами, и бронированная рептилия, вопя скандально, как содержательница портового борделя, рухнула посреди лагеря, грациоз-

ным поворотом хвоста сшибая выставленный для господ рыцарей высокий шатер.

Собравшиеся вокруг солдатские артели вначале в ужасе отшатнулись, хватаясь за оружие, но это было излишне. Зубастая тварь и не думала ни на кого нападать. Вместо этого она молча обвела собравшуюся публику настороженным взглядом и, широко расставив перепончатые крылья, заорала во все горло, заставляя броситься к лесу распряженных волов. При этом хвост милого создания, подобно кистеню, колотил во все стороны, грозя расшибить храбреца, неосторожно решившего приблизиться к беснующейся виверне.

— Слава богу, хоть еще вонять не начала, — услышал я за спиной голос того самого ветерана.

Не могу сказать, сколько бы могло продолжаться это представление, но тут, словно укротитель в клетку с тиграми, в круг, очерченный выставленными вперед копьями, протиснулась знакомая уже нам фигура валлийского святого, правда, стараниями Лиса обряженного в некое подобие верхней одежды. Под мышкой Каранток тащил вязанку свежесрезанных веток, с полуувядшей зеленой листвой.

— Угомонитесь, дети мои! — гаркнул просветленный миссионер, для полноты эффекта стукнув о землю сучковатым посохом. — Ибо сия тварь бессловесная вдохновенна именем Божьим.

При звуках его голоса виверна всхлипнула и шумно сложила крылья.

Не желая лишать Лиса подобного зрелища, я включил связь.

— *Что там у вас стряслось?* — раздалось на канале связи.

— *Ничего страшного. Виверна прилетела. Голодная. Святой, похоже, собирается накормить ее хворостом.*

— *Ну-ка, ну-ка! Хочу я это видеть!*

Между тем проповедь Карантока набирала силу.

— Ведаете ли вы, погрязшие в грехах и распутстве, — разносился над лагерем звонкий голос валлийского принца, — что заповеди Господни, кои вы попираете в день стократно, даже сия бездушная тварь Божия, сие его неразумное чадо, выполняет с превеликой радостью и безо всякого труда. Все вы видите ее, и всем вам ведомо, какую опасность для каждого из живущих таит в себе виверна. Но, вопреки дикому нраву своему, она не набросилась ни на кого из вас, не вырвала из стада корову...

— *Точно,* — восхитился логике проповедника Лис. — *А также она ни с кем не прелюбодействовала и, вероятнее всего, не лжесвидетельствовала. Капитан, ответь мне хоть ты, как почетный доктор околовсяческих наук! Какое отношение дисциплинарный устав израильской армии времен прапращура Моисея имеет к этому несчастному релик-*

ту? Куда смотрит общество защиты животных?! Впрочем, нет, это не животное. Куда смотрит общество защиты динозавров!

Я не успел даже задуматься над его вопросом, тем более что, уж не знаю, как вышеупомянутому обществу, а мне точно было на что посмотреть.

— ...Глядите же, неверующие, — провозгласил Каранток, выкладывая перед чудовищем свою зеленую ношу, — презрите грех чревоугодия, как и она презрела его!

При этих словах виверна распахнула пасть, способную перехватить поперек спины любого из наших волов, выступающим вперед клыком-клювом подцепила вязанку и, слегка подкинув ее в воздухе, отправила внутрь. Я ясно видел, как в быстром темпе заработали челюсти-терки, размельчая в салат эту легкую закуску, и редкие обрывки листвы, кружась, падают на землю.

— *Умереть не встать!* — заявил потрясенный зрелищем Лис по каналу связи. — *Смертельный трюк! Он бы с этим номером мог объехать весь мир. Аншлаги гарантированы. Кормить виверну банными вениками — это шо-то с чем-то! Полный улет!*

Между тем ящериха еще раз подняла голову, с явственным выражением тошнотной брезгливости отправляя в желудок пережеванную кашицу.

— ...Неужели же вы, воочию узревшие сие божественное чудо, не отделите толику от яств своих сему высокому образцу смирения и праведности?!

При этих словах «высокий образец» вновь расправил крылья и заколотил по земле хвостом, демонстрируя явное желание подкрепиться чем-нибудь более существенным, чем древесный силос.

— Ну, дальнейшее понятно. Подайте-неминайте! Цирк-шапито и рэкет в одном лице. Вернее, в одном лице и в одной прожорливой морде.

Я мысленно пожал плечами. По-моему, наша спасительница вполне заработала свой нынешний обед. И, судя по количеству мяса, подаваемого ей на пиках воинами, они были со мной в этом солидарны.

Трапеза шла полным ходом, виверна сладострастно чавкала, заглатывая, к общей радости, все новые и новые куски мяса. Остатки туш, не скормленные ее ненасытной утробе, варились и жарились на кострах, когда на канале связи вновь появился Рейнар.

— *Але, Капитан! Ты мне тут шоу показал, я тебе тоже, так сказать, алаверды, — цирк с конями покажу. Смотри и восхищайся!* — Лис направил свой взор на «цирк с конями», и я не преминул восхититься.

Где-то там, куда нелегкая занесла лисовский разъезд, в образцовом порядке, соблюдая дистанцию между всадниками, двигался от-

ряд в полсотни рыцарей с оруженосцами и драбантами. Клетчатые пледы, накинутые поверх доспехов наподобие древних туник, не оставляли сомнений, что перед нами цвет каледонской кавалерии. Но даже если бы подобные сомнения вдруг возникли, знамя с золотым вороном, терзавшим распластанного дракона, говорило само за себя. К нам приближался принц Ангус со своей гвардией.

— Эх, как-то не вовремя наша птичка божья отказалась от смертоубийства! Если б она вчера во время посадки чуток старательнее хвостиком повертела, глядишь, сейчас и некому бы было здесь шляться. В общем, я, пожалуй, возвращаюсь. А ты уж там позаботься о приеме дорогих гостей. Принц все ж таки!

Я уважил просьбу старого друга. Когда поперек проезжей дороги вельможный принц узрел наш раскинувшийся «цыганский табор», думаю, ему стало дурно. Распряженные повозки, бродящие в задумчивости волы и возницы, в панике улепетывающие из лагеря при приближении невесть откуда взявшегося противника. Все это наводило его на грустные мысли.

Объезжать растянувшийся без малого на полмили обоз по дикой пустоши — занятие мало приятное. Того и гляди коню ноги поломаешь. Трава по грудь, кустарники, — поди разбери, где там в них камень торчит, где ухаб прячется. Тут, пожалуй, и коня угробишь, и себе хребет поломать недолго. Стало быть, идти приходится только шагом. Но шагом неловко.

Валлийские лучники, для острастки выпустившие по приближающемуся неприятелю по паре-тройке стрел, конечно, отошли к лесу, по-рачьи пятясь, но где-то там и притаились. Чуть промедли, враз сочтут стрелами количество всадников в отряде. И с места этих упрямцев не сгонишь, одно слово — валлийцы. Но ведь и скотты из того же куска глины слеплены, им тоже упрямства не занимать. И как потом прикажешь объяснять, что продвижение отборного войска остановил брошенный на произвол судьбы обоз? Невозможно такое объяснить, кто же слушать станет.

Постоял принц Ангус пред оставленными возами, покатал желваки на скулах, да и ткнул вперед копьем, указуя гвардии своей место для прорыва. Ну а что там прорывать? Оно, понятно, возы бочком друг к другу приставлены да дышло в дышло повернуты, а между ними щиты да колья: конь со всадником в броне не перепрыгнет.

Но ведь защитников-то нет! Впрочем, кого другого тоже нет. Стало быть, самим придется спешиваться и возы растаскивать. А из лагеря-то дух мясной за милю в нос шибает. Бочки с элем открыты да брошены, котлы паруют... Тут уж поневоле вспомнишь, что с утра

в седле не евши. А у костров добро всякое валяется, возницами в панике брошенное: где пояс с чеканными бляхами, где плащ с фибулой бронзовой, а где и кошелек с парой монет. Для бриттов, может, и малость, ну а скотту на что-нибудь, да сгодится. И посреди лагеря шатер стоит. Бо-ольшущий! Поди, для самого герцога Ллевелина ставили. Там, ежели посмотреть, то может сыскаться что-то и поценнее стертых динариев да дедовских украшений...

Я напряженно следил за лагерем, ожидая, когда же чья-то алчная рука откинет полог герцогского шатра. По всей видимости, это высокое право было предоставлено самому принцу Ангусу. И вот оно, заветное движение...

Душераздирающий визг, способный заглушить вопль участниц конгресса воинствующих девственниц, застигнутых прессой на мужском стриптизе, потряс округу. Ангус отпрянул назад, сшибая стоявших за его спиной рыцарей. Из шатра высунулась голова, щелкающая зубами и верещащая на такой высокой ноте, что листья на деревьях начали стремительно опадать, с перепугу, вероятно, решив, что наступила осень.

Когда наша объевшаяся животина устроилась вздремнуть после сытной трапезы, над ней спешным образом возвели вышеупомянутый шатер. Я подозревал, что принц отнюдь не будет рад близкому знакомству с тварью, вчера разметавшей его войско. Но о том, что стыдливую виверну, застигнутую в неглиже, при этом охватит такая буйная истерика, я и помыслить не мог. Не знаю, что там перевернулось в ее богобоязненной душе, но рептилия визжала, стрекотала, каталась по земле, колотила хвостом, выпускала клубы зловонного дыма, и все это одновременно.

— Чего это с ней? — недоуменно спросил Лис.

— Не знаю. Ну, похоже, нам пора. — Я отстегнул с пояса рог и протрубил сигнал к атаке.

Грозный отряд принца Ангуса, еще полчаса назад бывший, возможно, самой боеспособной частью каледонского войска, перестал существовать, превратившись в небольшую банду мародеров, облаченную в доспехи. Притаившиеся в лесу пехотинцы герцога Ллевелина дождались своего часа. Ободряемые боевыми кличами, они неслись к лагерю, спеша, по возможности, взять живьем одного, а если повезет, то и двух каледонских рыцарей.

— Живьем! Живьем брать! — неслось над толпой.

— Ангус! — орал я, горяча Мавра. — Где ты там, Шнеково отродье?! Ты искал меня? Я перед тобой!

— Да, битва будет жесткой, — услышал я голос Лиса за спиной. — Каши на всех не хватит.

Глава 6

О, поле-поле, кто тебя усеял
мертвыми костями?

Витязь Руслан

Орущие и улюлюкающие копейщики, в большинстве своем рачительные йоркширцы, яростной толпой вливались в проходы, устроенные скоттами, проползали под возами, перепрыгивали через колья, спеша захватить добычу и вернуть оставленное в лагере добро. Как верно заметил мой друг, каши здесь хватало явно не на всех. Каледонские рыцари в отличие от состоятельных сэров Арморики не слишком богаты, но все же и за каждого из них порядочный клан, скрипя зубами и проклиная вас на чем свет стоит, может выложить десяток золотых монет. Такой шанс может не представиться больше никогда. Рыцарь на коне, да в окружении оруженосцев и драбантов для пешего ратника почти недосягаем. Один такой сэр, не слишком напрягаясь, может разогнать, а то и перебить дюжину-полторы вчерашних охотников и скотоводов, не отвлекаясь от поисков достойного соперника для благородного сражения.

Сейчас же, внутри лагеря, было не могучее рыцарское войско, а пара сотен переполошенных вооруженных людей, начисто потерявших боевой порядок. Тут уже кто кого сломит. И перевес отнюдь не в пользу гостей.

Понимая это, каледонцы торопились сложить оружие перед немногочисленными рыцарями, оставленными герцогом Ллевелином, предпочитая плен почетный плену постыдному. Однако мой личный противник был не из таковых.

Не успев вскочить на коня, он яростно рубился мечом с наседающими на него пехотинцами. Я с немалым сожалением осознавал, что полученные некогда от меня уроки не прошли даром. То один, то другой ратник падал наземь с рассеченным бедром, с отрубленной рукой, а то и с раскроенным черепом. «Остановить хорошего фехтовальщика может только пуля, — говаривал мой учитель Николя ле Фонте. — Или же превосходный фехтовальщик».

— Расступись! — рявкнул я на пехотинцев, бестолково пытающихся достать принца своими копьями. — Он мой!

Не смея ослушаться знатного лорда, а впрочем, получившие весьма достойный повод, чтобы ретироваться без ущерба самолюбию, бойцы отпрянули в стороны, образуя круг.

— Ты искал меня, Ангус? — Я остановил Мавра в нескольких шагах от тяжело дышащего принца.

— Ты, как обычно, пользуешься обстоятельствами, Торвальд, — бросил он, утирая пот со лба. — Ты верхом, я пеший. Ты свеж, а я утомлен боем.

— Передохни, — ухмыльнулся я. — Верхом? Это можно исправить. — Соскочив с коня, я встал перед сыном Шнека и вынес вперед руку с мечом. Голубоватый клинок Катгабайла хищно блеснул, предчувствуя новую жертву, и рубины в его рукояти налились кровавым светом. Он не зря именовался «Ищущим битву».

— Ты злой рок моего рода, — переводя дух, прохрипел Ангус.

Я молча пожал плечами. У меня не было желания вдаваться в дискуссию. Со своей колокольни принц был, безусловно, прав.

— Ты уже отдохнул?

— Я могу простить тебе смерть отца, могу простить то, что ты лишил меня законного венца, что привел в цепях к Артуру, но позора Эсгервуда я никогда тебе не прощу!

По-моему, противник просто тянул время. Если первые три упрека имели ко мне непосредственное отношение, то к Эсгервудскому посмешищу я был абсолютно непричастен. Оно целиком и полностью было «заслугой» Лиса.

В ночь, когда все произошло, я преспокойно спал в своем шатре, и у меня имелся тому свидетель, вернее, свидетельница. Пользуясь этим, словоохотливый Рейнар собрал вокруг себя стайку молодых оруженосцев с целью поведать неоперившимся юнцам о наших подвигах. Все бы, пожалуй, могло обойтись, но в тот момент, когда мой славный напарник живописал сплав по Миссисипи в компании с Пугачевым и Чингачгуком, закончилась та самая огненная вода, без которой повествование о походе команчей в Париж было бы просто неуважением к нашим краснокожим друзьям.

Посетовав на злую судьбу и скаредность маркитантов, не желающих отпускать в долг живительную влагу, бывший генерал-аншеф Закревский немедленно предложил продать что-нибудь ненужное. Поскольку в обозримой окрестности ненужного не нашлось, Лис по обыкновению отправился «за зипунами» в лагерь противника. Еще трое смельчаков вызвались составить ему компанию.

Говоря по чести, в каледонском стане царил полнейший беспорядок. Но утром, когда скотты, проснувшись, не обнаружили ряда оставленных не на месте предметов, они здорово обиделись. Среди трофеев криминального квартета оказалось и личное знамя принца Ангуса, прихваченное Рейнаром, чтобы завернуть вязанку мечей, собранных возле шатров.

Коммерческий успех авантюры был велик, моральный же превзошел все ожидания. Лишенное символа воинского единства и вер-

ховной власти, войско буквально растаяло, не оставив Ангусу иного выбора, кроме стремительного бегства. Но я-то тут был при чем?

— Берегись!

Миг назад гордый Хеттен стоял, опираясь на меч и метая полные ненависти взгляды, и вот острие его клинка смертельной дугой пронеслось в полудюйме от моего носа. Очевидно, заметив задумчивость на челе учителя, он решил не тревожить его попусту формальным объявлением начала боя.

— Спасибо, Лис, — передал я, уклоняясь от удара и запуская Катгабайл отшибающим ударом в горизонтальной плоскости.

Ангус был очень хорошим бойцом, быстрым, техничным, напористым, но природная горячность мешала ему стать бойцом воистину великолепным. Кипучая страсть, владевшая им, заставляла принца спешить и ошибаться. Он атаковал, опять атаковал и снова атаковал, забывая о защите и потому все больше открываясь. Я отступал, завлекая его шаг за шагом в ловушку, чуть забирая вправо, заставляя противника каждый раз дотягиваться до цели. Мои контратаки не заставляли себя ждать, но, невзирая на четыре полученные раны, Ангус все еще держался на ногах. Впрочем, пару раз и ему удалось зацепить меня по руке, и не носи я «заговоренный» институтскими мастерами доспех, кто знает, как бы сложился наш поединок.

Ангус все еще держался, но силы его были на исходе. Его очередной взмах был последним. Я ушел под меч, нанося короткий мощный удар от бедра к плечу, и едва успел отскочить, чтобы безжизненное тело каледонского принца не рухнуло прямо на меня. Толпа вокруг радостно взревела, шумно приветствуя победу вождя.

— Похороните с почестями, — скомандовал я. — Пленных сведите к шатру.

— Как самочувствие? — подводя ко мне Мавра, поинтересовался Лис.

— Отвратительно.

— Шо ж такое, доблестный рыцарь? Ты ж грозного врага изничтожил? Теперь, судя по классике, должен источать гордость. Круг почета там, фанфары трям-брям.

— Лис, ну чего ты пристал?

— Да нет, я ничего, — Лис скептически пожал плечами, — просто это задание меня отчего-то раздражает. То есть я, конечно, понимаю: судьба монархии, все понты. Но уж как-то оно попахивает частным извозом. И сейчас, когда бывший ученичок тебе в честь радостной встречи чуть было башку не снес, меня такая досада взяла, что хоть действительно плюй на все и уходи в пожарные.

— Это наша работа, — вздохнул я.

— Вальдар, наша работа, во всяком случае, мне так объясняли, — при помощи оперативного вмешательства спасать множественные миры от энергетического дисбаланса. И далее в том же духе. А здесь... То есть да, доблестный рыцарь Круглого Стола сэр Торвальд Пламенный Меч, Водонапорный Щит и так далее, может записать в актив победу над страшным и ужасным принцем Ангусом, но скажите мне, Уолтер Камдайл, за что вы, собственно говоря, мужика-то порешили? Он, конечно, был не подарок, но меня это сафари раздражает.

Я тяжело вздохнул. Мне нечего было ответить другу.

— Ладно, оставим, — махнул Рейнар. — Как там рука?

Рука опухла и с трудом сжималась в кулак. В тех местах, где по ней прошелся меч Ангуса, под гамбизоном все более и более чернели свежие гематомы. Я сидел, массируя конечность, у одного из костров, слушая доклад о наших потерях и взятых в плен каледонцах. Потери были значительно большими, чем я ожидал. Очевидно, чтобы объявить себя пленниками благородных рыцарей, их мятежные собратья с пеной у рта прорубали путь среди вооруженной черни. Только возле убитого Ангуса сложили головы два рыцаря и семь ратников. Одним словом, святому Карантоку, ставшему на время нашим полковым капелланом, было чем заняться. Отпуская грехи умирающим и утешая раненых, ходил он меж импровизированных носилок, не обращая внимания на призывное клекотание виверной подружки, кружащей над лагерем. Жизнь обоза возвращалась в нормальное русло, становясь неотличимо похожей на обыденное существование любого другого военного лагеря.

— Гонец! Гонец! — раздался крик одного из выставленных Лисом часовых, следившего за перекрытой нами дорогой.

— Сэр Торвальд. — Оруженосец в котте с эмблемой герцога Ллевелина осадил коня и, едва не выпадая из седла от усталости, начал заученно: — Мой господин велел передать, что ему удалось нагнать скоттов и, обрушившись на хвост их колонны, рассеять войско мятежников. Оно бежало, не дойдя до Камланна. Там сейчас бой. Невозможно предсказать, на чью сторону склонится чаша весов. Мой господин приказал, чтобы вы, взяв возможно больше воинов, направлялись к Камланну на помощь королю Артуру. Я с оставшимися в лагере буду охранять обоз. Но, сэр, — замялся юноша, глядя на мою руку, покоящуюся на перевязи, — вы ранены?

— Пустое, — отмахнулся я. — Я сейчас же отправляюсь.

— *Капитан, тебя опять на подвиги потянуло?* — раздался в голове голос Лиса.

— *Какие подвиги? Нам все равно к Артуру надо.*

— *Надо,* — согласился Рейнар. — *Поэтому берем отряд и не спеша маршируем в указанном направлении. Все равно уже начинает*

смеркаться, пока дотопаем и вовсе стемнеет. А по ночи никто, надеюсь, рубиться не станет. Если Артур жив, то и до утра, глядишь, дотянет. А нет, так мы, пожалуй, к нему и спешить не будем. Порасспроси-ка лучше Карантока, он, часом, с душами умерших общаться не умеет? А то б мы враз спиритический сеанс устроили. Где спрята-ал наследство стару-у-ушкино?! — внезапно патетически взвыл Лис и тут же ответил сам себе, не заставляя меня теряться в догадках: — *Под камнем на площади Пушкина.*

Если оставить в стороне сверхчувственные способности боговдохновенного валлийца, слова Лиса в принципе были верны. Желая того или нет, увязнув в заботах этого мира, мы основательно упустили время. Судя по тому, что было мне известно о камланнском сражении, шанс застать великого короля бриттов живым с каждой минутой становился все ничтожнее, а стало быть, сейчас приходилось больше думать, как дальше вести поиски, а вовсе не о том, как помочь обреченному королю победить не менее обреченного изменника Мордреда.

— Мы выступаем! — провозгласил я и, симулируя кипучую деятельность, начал готовить лучников и копейщиков к маршу.

Всю дорогу я стоически берег силы отряда, делая привал через каждый час пути. Вскоре действительно начало темнеть, и тут выяснилось, что в суматохе подготовки мы не позаботились о факелах. Экспедиция во главе с Лисом, снаряженная в ближайший лес, опасаясь заблудиться в потемках, работала не спеша, не удаляясь от передней кромки подлеска. Факелы вышли, прямо сказать, никудышными, и двигаться с ними ускоренным легионерским шагом было крайне неудобно. Ночной ветер сбивал пламя, заставляя их более тлеть, чем освещать дорогу. Промучившись таким образом еще около часа, я скрепя сердце приказал остановиться и ждать, когда начнет светать. Идти дальше по дороге, освещаемой ущербным отрезком луны, опасаясь нарваться на засаду, будь то каледонцев или сторонников узурпатора Мордреда, было глупо. Уж мне-то с Лисом, так во всяком случае.

Едва начал светлеть восток и ночная мгла сменилась темно-серым полумраком, я скомандовал отдохнувшему войску выступать, пытаясь наверстать упущенное время. Однако нагонять ушедшие часы не удавалось никому даже в нашей странной конторе.

Когда наконец отряд добрался до Камланна, бой уже догорал. В ужасе носились по полю битвы обезумевшие лошади, потерявшие своих седоков, вороны и коршуны стаями топтались вокруг растерзанных тел, готовясь приступить к завтраку, а некоторые особо на-

глые пернатые падальщики усаживались прямо на грудь еще живых воинов и, невзирая на душераздирающие стоны, сосредоточенно долбили их лица твердыми как кремень клювами. Кое-где еще вспыхивали скоротечные стычки, но они более походили на злобные перебранки мародеров, не поделивших драгоценную добычу, чем на остатки великого сражения.

Мы с Лисом видели такие поля множество раз. При Калке лишь доспех спас меня от участи, уготованной сегодня большей части рыцарства Англии. Мы видели подобные поля при Босуорте, при Азенкуре и Пуатье, в Святой земле и на Руси и никак не могли смириться с этим зрелищем. Вот и сейчас мы стояли на поросшем лесом холме, наблюдая картину истекающего кровью побоища, и не знали, что сказать. Одно было ясно несомненно: приведенный отряд здесь никому уже не был нужен. Разве что для устройства похорон и тризны по героям.

— Мое место там, — прервал наше молчание единственный безоружный человек в войске, столь требовательно заявивший в лагере о намерении отправиться к Камланну, что мы попросту не нашлись, как отказать упрямому пастырю. — Я должен идти туда, дабы напутствовать словом Божьим умирающих и отпустить грехи их.

— Можно подумать, без напутствия они дорогу на тот свет не найдут. Ладно, Капитан, очнись! Наше место тоже там. Давай-ка, пока здесь все не растащили, попытаемся определить, где было острие атаки. Наверняка там и Артура надо искать, и твоих одностольчан.

Я пожал плечами.

— Что определять? И так все видно. Вон торчит древко со знаменем, на котором тринадцать золотых корон в лазури, — это Артур. А вон валяется червленый дракон Мордреда. Там же отрубленные змеиные головы в гербе сэра Эрека и пять пылающих сердец, поставленных в крест, — эмблема сэра Эктора.

— Вальдар, чем устраивать мне лекции по геральдике, поехали лучше поищем, не оставили ли покойные лорды нам на долгую память что-нибудь новенькое из старенького. А то здесь раскрашенных щитов до фига, так что если ты сейчас свои рассказки начнешь, то до полудня мы явно не управимся. А после полудня такими темпами, — Лис ткнул рукой в сторону разбойничьих шаек, старательно обирающих трупы рыцарей, — здесь и вовсе делать будет нечего.

Выведенный из задумчивости словами друга, я кивнул и, приказав пехоте рассредоточиться и ждать сигнала, начал спускаться с холма, сопровождая исполняющего свои обязанности святого. Судя по тому, что мы видели, битва на поле была ужасная. Равные перед лицом смерти мертвые воины лежали на земле один поверх другого, братски обнявшись, и теперь было не понять, кто из них и за что проливал свою кровь.

Заметив хорошо вооруженных людей, мародеры, ворча, отступали в сторону, очевидно, видя в нас возможных конкурентов. Никому из них не хотелось расставаться даже с толикой близкой добычи, но и перспектива самим стать добычей их тоже не прельщала. Наш святой приотстал, выполняя пастырский долг, мы же отправлялись все далее, туда, где в безумной сече пали лучшие сыны рыцарства Англии. Некоторые из них продолжали тихо стонать, истекая кровью, но мы ничем не могли им помочь, разве что окликнуть святого и указать ему на очередного умирающего. Вспугнутое воронье с недовольным карканьем носилось над полем, ожидая, когда мы пройдем, чтобы вновь вернуться к прерванному завтраку.

— Вон Мордред. — Я указал пальцем на рыцаря, лежащего ничком в нескольких шагах от нас.

Шлем его был расколот, как скорлупа грецкого ореха, и густая темная кровь, вытекшая из ужасной раны, образовала буроватый нимб вокруг головы.

— Вероятно, следует обыскать его.

— Ох, не люблю я это дело, — поморщился Лис, — да уж назвался груздем, лечись дальше.

— Ко мне, сэр Торвальд, — услышал я за спиной не то хрип, не то стон, — я здесь.

Слова эти, произнесенные с явной натугой, были полны все того же неизбывно командного тона, который, появившись однажды, не исчезает и на смертном одре. Я повернулся. Человек, звавший меня, был привален убитой лошадью, и кровь, сочившаяся из ужасной раны на лбу, так обильно залила его лицо и одежду, что я не сразу узнал зовущего.

— Сэр Кэй? — удивленно пробормотал я, приближаясь к раненому. — Лис, помоги-ка мне оттащить лошадь.

— Не трудись, — прохрипел королевский сенешаль, — я ранен копьем в живот и скоро умру. Небо послало мне вас, чтобы я исполнил последний долг. Когда я умру, снимите с меня кольчугу. Под рубахой вы найдете серебряную ладанку, а в ней небольшой кусок пергамента. Спустя месяц после этого дня будьте с ним в Камелоте. Это мой последний наказ.

Почти прошептав эти слова, первый и вернейший из соратников Артура закрыл глаза, и голова его откинулась назад. Он еще дышал, но кровавая пена на губах и судороги, то и дело пробегающие по телу, ясно говорили, что секунды старого рыцаря сочтены. Вот он наконец совсем затих, и мы с Лисом, высвободив сэра Кэя из-под останков лошади, начали стаскивать пробитую в нескольких местах кольчугу.

— Порядок, — тихо произнес Рейнар, разрезая кинжалом подкольчужник и нащупывая под окровавленной рубахой ладанку. — На, держи. Ты теперь законный хранитель мерлиновской рукописи.

— Похоронить бы его надо, — начал я, открывая ладанку.

— Надо, — согласился Лис. — Но сейчас времени нет. Место запомни, вернемся к отряду, пришлем команду.

— Лис... — Кусочек пергамента оказался в моих руках, я развернул его и обмер.

— Капитан, — мой напарник поднялся на ноги и начал втолковывать медленно и вдумчиво, как обычно объясняют больным детям необходимость приема лекарств, — я все понимаю. Сэр Кэй, безусловно, достоин, чтобы его похоронили с воинскими почестями. Что лежать ему здесь не подобает. Но подумай сам, нам очень повезло, что он был еще жив и смог передать тебе свою часть пророчества. Дай бог, чтоб у Мордреда тоже с собой оказалось нечто подобное. Но пока что это все. Такими темпами...

— Я не о том! — перебил я монолог напарника. — Смотри. — Пергамент, полученный мной от сэра Кэя, лег на лисовскую ладонь.

— Мама дорогая, шо ж это такое было-то?! — Глаза Рейнара удивленно расширились. — Палочки-крючочки! Прям не предсказание, а календарь Робинзона Крузо.

— Это коелбрен. Огамическое письмо. Язык деревьев. Шифр друидов.

— Ну а ты чего ждал от Мерлина? Шоб здесь по-русски написано было?

— Да, но в тех кусках, которые выдал мне герцог Норфолк, написано латиницей.

— Та-ак, — протянул Лис. — Как говаривал Винни Пух, это неправильные пчелы и, видимо, они делают неправильный мед. Капитан, поневоле образуется вопрос, шо если предсказание этого мира не совпадает с тем, которое Мерлин напророчил у нас?

— А если совпадает?

Лис вздохнул:

— Капитан. Давай-ка, для верности, протрусим еще Мордреда.

Мы перевели взгляд туда, где лежало тело вождя мятежников, и обомлели.

— Вот так-так. — Лис от неожиданности протер глаза. — Вальдар, как будет правильно: трупы делятся почкованием или почкуются делением?

Там, где еще совсем недавно лежал труп артуровского бастарда в развалленном пополам шлеме, теперь располагались три убитых рыцаря в абсолютно одинаковом снаряжении с червленым драконом.

— Похоже, не обошлось без феи Морганы, — задумчиво предположил я, подходя к одному из убитых воинов. — Королю казалось, что он сражается один на один с Мордредом, а тут, как видишь... — Я сел на корточки и поднял голову ближайшего бойца, чтобы разглядеть его лицо. — М-да, это сэр Нат из Гровелина. Прекрасный был боец. Если и оставшиеся двое были не хуже, то Артуру не сладко пришлось. Пока что ясно лишь одно: вероятнее всего, Мордред жив. М-да, очень странно.

— Что здесь такого странного? — развел руками Рейнар. — Коварство Мордреда плюс магические способности его мамаши, вот и вся недолга.

— Оно, конечно, так, — вяло согласился я. — Но при всем своем коварстве, Мордред — человек весьма неробкого десятка. Если в жизни он чего-то всерьез и опасается, то только гнева своей матери. Он никогда не прятался от боя. А тут, — я указал на рыцарей, погибших от руки Артура, — если кто-нибудь вдруг узнает об этой истории, Мордреда ожидает полное бесчестие.

— Капитан, я тебе удивляюсь! Ты столько времени прообщался с различными вельможами и все-таки ухитрился сохранить романтическое представление об их чести и благородстве. Мордреду во что бы то ни стало нужно было пережить своего папашу, что он с успехом и сделал. Кстати, Вальдар, я что-то не вижу папашу, о котором говорилось выше.

Что я мог ответить? Судя по убиенным мордредам, судя по знамени Артура, оставленному здесь на поле, все, вероятно, обстояло почти так, как описывал Мэлори. Должно быть, мои оркнейские родственники сэр Лукан Палатин и сэр Бэдивер Бесстрашный вынесли раненого короля с поля боя в неизвестном направлении, во всяком случае, это было единственное, о чем можно было говорить с какой-то долей вероятности.

— Кстати, — выслушав меня, заметил Лис, — сэр Лукан и братец его, сэр Бэдивер, они же тебе вроде как кузены? — Я кивнул. — И при этом сэр Лукан — палатин короля. То есть, попросту говоря, начальник всего дворцового хозяйства. На такую должность абы кого не ставят, уж ты мне поверь, по себе знаю! Как ты думаешь, мог ему Артур на хранение кусок текста выдать?

— Вполне.

— Стало быть, нам надлежит нанести твоим родственничкам визит вежливости. А то как-то ты с ними совсем не по-братски. Приехал, ни мне здрасьте, ни тебе до свидания. Гляди, обидятся, из списков принцев вычеркнут. Останешься обычным тривиальным зачуханным сэром.

— Пожалуй, ты прав. Лукан вполне может являться лордом Камелота.

— Вот и славно. Значит, вносим его в список подозреваемых. Но с ним можно повременить. С раненым Артуром ему далеко не уйти. Так что пара-тройка часов форы у нас есть. А пока, если не возражаешь, давай-ка продолжим наши изыскания. Может, еще кто из лордов сыщется.

Я обвел глазами заваленное мертвыми телами поле Камланна. Среди них наверняка можно было найти облаченных высоким доверием короля. Однако шанс отыскать их среди тысяч павших был крайне невелик. К тому же одни из них, возможно, успели, подобно сэру Кэю, передать свою бесценную ношу достойным преемникам, иным же расстаться с ней помогли самозваные наследники, рыскающие по полю, подобно голодным волкам.

— Пошли, — вздохнул я. — Даст бог, повезет.

Здесь, видимо, необходимо остановиться на моем «родстве» с оркнейским королевским домом Бьернов, «родстве», автоматически производившим меня в число весьма влиятельных вельмож Камелота. Шутка ли, кроме упоминавшегося уже сэра Лукана и брата его Бэдивера, к нему принадлежали Говейн, Агровейн, Гарет, Гахерис, да и мятежный Мордред, хотя и косвенно, тоже входил в число принцев этого дома. Дернула же нелегкая «двоюродного дядюшку» короля Лотта жениться на фее Моргане!

Когда речь зашла о нашей натурализации в артуровской Британии, а вернее, в Каледонии, заниматься этим весьма кропотливым делом было поручено моему крестному и наставнику по оперативной работе Джорджу Барренсу, непревзойденному асу в такого рода предприятиях. Оптимальным вариантом был избран именно оркнейский дом, связанный родством и вассальными обязательствами как с королем Утером Пендрагоном, так и с Эле Рыболовом, правившим в Каледонии.

Генеалогическое древо рода Бьернов было исследовано с тщательностью, с какой ни один ботаник не исследовал какое-либо иное растение. И наконец ветвь, к которой можно было без опаски привить невесть откуда взявшегося отпрыска, была найдена. Впрочем, мой добрый крестный каким-то верхним чутьем знал, где и что надо искать. Недаром же в России он, едва потянув воздух ноздрями, вычислил заговор против императрицы Екатерины Великой там, где не только я, желторотый новичок, но и опытные стаци местной резидентуры не видели ничего, кроме странного стечения обстоятельств.

Люди, живущие на островах, редко бывают домоседами, будь то простые рыбаки или же королевские дети. Корабль одного из потомков Бьерна Могучего, тоже Бьерна, лет за сорок до моего появления в этом мире отчалил от берега и скрылся в туманной дали. С тех пор ни корабля, ни кого-либо из тех, кто находился на его борту, более не видели. В нашем мире, в том, откуда мы были родом, его когда-то обнаружили вмерзшим в лед у берегов Гренландии. Но неприступная Туле хранила свои секреты.

Труднее всего было вытребовать из музея этнографии Рейкьявика, где бережно сберегались предметы, обнаруженные на корабле, одежду и украшения несчастного Бьерна. Однако клятвенные заверения, что бесценным находкам не будет причинен какой-нибудь ущерб, и официальный запрос министерства образования сделали свое дело.

И когда я впервые ступил на землю Шотландии, вернее, Южной Каледонии, на мне красовалась молекулярная копия «отцовских» сокровищ, а в голове стоял на запасных путях вагон всевозможнейшей информации о близких родственниках, знакомых моей «семьи», нравах, привычках и внутрисемейных отношениях королевского дома Оркнеи. При встрече с королем Лотом вагон начал разгружаться с такой скоростью, что у наивного монарха не возникло и тени сомнения, что я действительно Эстольд, сын его двоюродного брата Бьерна, основавшего колонию на Аландских островах. Некоторые сложности, правда, были после того, когда на смену безвременно убиенному принцу Эстольду прибыл его брат-близнец Торвальд, но и с этой ролью я справился вполне пристойно. Сложно ли, имеючи такого хитроумного помощника, как Лис!

Перерубленное древко со знаменем из золотой парчи вырвало сознание из раздумий и воспоминаний, как выхватывает из сладкого сна отдыхающих солдат сержантская команда: «Подъем!» Гордый зеленый лев, обнаживший в оскале червленые клыки, понуро горбился на блестящей материи, являя собой легкую добычу для двуногих гиен.

— Рейнар! — окликнул я напарника. — Гляди внимательно, где-то здесь должен быть сэр Ивейн.

— Это шо, тот, самый упакованный крендель Камелота? — невольно поморщился Лис.

Сэр Ивейн любил красиво одеваться. И вообще любил красивые вещи. Среди куртуазных рыцарей Круглого Стола даже такие светские львы, как Ланселот и Персиваль не могли тягаться с ним в изысканности манер и возвышенности любви к прекрасной даме. Но,

черт подери, я бы первый вызвал на бой всякого, кто усомнился в доблести рыцаря зеленого льва.

— Лис, без комментариев! Герб ты знаешь. Знамя стояло здесь, значит, и он где-то поблизости. Наверняка Артур счел его достойным своего доверия. А если это так, нам нужно его оружие. В рукояти меча — дарохранительница, и либо я первый день знаю Ивейна, либо пергамент там.

— Да вон он! — оглядываясь по сторонам, указал направление остроглазый Лис. — Вон, его там уже какой-то щипач дербанит. Эй, паскуда! — заорал он, бросаясь к мародеру. — Положь где взял! Пасть порву!

Грабитель в добротной кольчуге, опоясанный мечом, но без гербовой котты, услышав крик моего друга, быстро оглянулся, вскочил на ноги и помчался прочь, перепрыгивая через лежащие на земле тела.

— Сучий выползень, — процедил сквозь зубы Лис, когда мы приблизились к пронзенному пятью копьями сэру Ивейну. — Таки успел дернуть. Гляди-ка, яблоко с рукояти меча свернуто, выходит, дарохранительница уже пуста. И надо ж такому случиться, чтобы этот урод начал шарить именно оттуда!

— Лис, этот меч сэру Ивейну подарил я. Он стоит два десятка золотых. Ни один грабитель не станет потрошить дарохранительницу, оставляя при этом без внимания такое ценное оружие. Да и вообще, где ты видел грабителей, которые вместо того, чтобы срезать золотые пряжки, снимать браслеты и фибулы с каменьями, начинают возиться с тайником в рукояти меча?

— Может быть, случайность?

— Нет, — покачал головой я. — Это не случайность. И это не мародер. Ни один мародер не обратился бы в бегство, не попытавшись предварительно отогнать соперника от своей добычи. Да и вооружен он был, как рыцарь. Не стал бы охотник за мертвечиной таскать на себе кольчугу. С непривычки бегать тяжеловато.

— Сэр Торвальд! Сэр Торвальд! — послышался призывный крик со стороны наших позиций. — Насилу вас отыскал! — Оруженосец Стража Севера быстро приближался к нам, маневрируя между убитыми и стараясь не вступать в лужи подсыхающей крови. — Спасибо святой указал, куда вы пошли. Милорд герцог недавно прибыл к Камланну и, узнав, что вы уже здесь, просит вас к себе.

Конь лорда Ллевелина играл под седоком, нервно перебирая ногами, словно норовя сорваться в галоп. Конь был снежно бел и оттого казался еще более светлым в контрасте с потемневшим лицом своего хозяина. Глаза Ллевелина были глубоко впавшими и мрачными, словно пропасти Тартара.

— Сэр Торвальд, — медленно начал он. — Мне уже рассказали о последнем вашем деянии. Я благодарю вас. Вы спасли Британию от опасного врага. И еще, — он замолчал, о чем-то задумываясь, — я рад видеть вас живым. Очень рад. — Он тронул коня с места и, поравнявшись со мной, скомандовал: — Дайте руку!

Я невольно повиновался герцогу.

— Держите. — Ллевелин сжал мою ладонь, и я почувствовал, что между нашими руками находится небольшой кусок хорошо выделанного пергамента. — Сэр Сагремор, умирая, просил передать его вам. Вы знаете, что с этим надлежит делать. Теперь вы один из нас. Один из последних лордов Камелота.

Глава 7

Ничто не порождает так много
вопросов, как поиски ответа.

Принц Гамлет

Знамя герцога Ллевелина — могучего Стража Севера служило своеобразным магнитом, к которому тянулись поодиночке и небольшими группами вооруженные люди, судя по выговору, уроженцы самых разных концов Британии. Всех их собрало воедино поле великой битвы. Всего несколько часов назад они очертя голову рубились друг с другом, прославляя — каждый по-своему — короля Британии. Смерть вождей примирила их. Теперь и те и другие вступали под стяг могущественного Ллевелина, начисто позабыв недавние распри.

Впрочем, несмотря на уверения многих ратников, что Мордред мертв и они лично наблюдали ту нелегкую схватку, в которой непобедимый Артур сразил Эскалибуром сына и племянника своего Мордреда, лишь мы с Лисом знали, что это не так. Теперь с наших слов об этом знал Ллевелин. Но верил ли он нам, обнаружившим на месте схватки троих, обряженных в чужие доспехи рыцарей, или же тем, кто воочию наблюдал смертные минуты Мордреда, пока оставалось неясным. Одно можно было сказать с уверенностью: если тот действительно остался жив, мы очень скоро должны были убедиться в этом.

Были среди вышедших из боя ветеранов и те, кто клялся, что раненного в грудь Артура действительно вынесли с поля боя мои троюродные братья герцог Лукан и его младший брат сэр Бэдивер Бесстрашный. Некоторые говорили, что видели их у берега озера.

Некоторые утверждали, что Лукан и Бэдивер направлялись без дороги в лесную чащу. Но и те и другие твердили, что раненый Артур был все еще жив.

— Они пошли к отшельнику, что живет меж двух скал среди болот Харлона, недалеко от Эльфийского источника.

Мы с Лисом невольно переглянулись. Географическая привязка хижины отшельника была дана весьма точно. Нам оставалось лишь радоваться, что ночные скитания в свое время привели нас к лачуге архиепископа Кентерберийского, а не в Харлонские трясины.

— Надо бы зайти проведать старичка, — задумчиво бросил верный напарник. — У тебя там родственники образовались. К тому же богомолье вполне достойный повод слинять отсюда по-тихому, потому как здесь мы уже отработали по полной программе.

— В целом ты прав, — ответил ему я. — Но давай немного подождем.

— Чего ждать будем? Небесного знамения? Или когда грозный Ллевелин отправится добивать остатки местного басмачества в их логове? Так у них тут логов или логовей, я точно не знаю, как их обозвать, шо называется, выше крыши.

— Лис, — напомнил я, — сэр Эктор.

— А шо с ним такое? Он уже один раз мертв. Больше ничего плохого с ним случиться не должно.

Я печально вздохнул. Сэр Эктор, один из славнейших рыцарей Круглого Стола, несомненно, имел все шансы входить в число лордов Камелота. Когда мы наблюдали равнину Камланна с холма, едва прибыв сюда после битвы на дороге, баньера сэра Эктора с пятью воспламененными сердцами все еще лежала там, где выронил ее знаменщик храброго рыцаря, всего лишь в трех десятках шагов от места схватки Артура со лжемордредами. Но когда мы добрались до места жестокой сечи, раздетый до белья труп рыцаря с исклеванным лицом — вот все, что осталось от некогда грозного воина. Мне удалось узнать его по шраму, тянущемуся от предплечья к запястью, следу от старой раны, полученной в битве при Маунт-Бадене. Мародеры сняли с него все, что могло представлять хоть какую-то ценность.

— Лис, — начал я медленно, — давай не будем торопиться. Ты же не хуже меня знаешь, у всех, кто вчера был на этом поле, нервы сейчас на пределе. Многие нынче поживились здесь различными ценностями и наверняка захотят обменять их на звонкую монету, а еще вернее, на доброе вино. Совершить такой обмен в этих местах можно лишь в тратториях*, а их тут раз-два и обчелся. Пошлем нескольких ребят покрепче, дадим им монет, пусть посмотрят, порас-

* Траттория — харчевня, трактир.

спросят, не сбывал ли кто вещи с гербом Эктора или Ивейна. Ну и ежели вдруг что, пусть силой, хитростью, как бог на душу положит, тащат мерзавцев сюда.

— Вальдар, — вздохнул Лис, — на это я тебе могу выставить десяток возражений. Сэр Эктор мог не входить в число лордов Камелота. Он мог перед смертью передать пергамент ближайшему рыцарю. Он мог оставить его спрятанным в тайнике в замке. Мародеры могли выбросить кусок пергамента за ненадобностью, могли пять раз перепродать, скажем, очередную ладанку или меч, в котором находится пророчество. И далее по списку. Но кое в чем ты действительно прав: переться на ночь глядя через здешние болота в гости к преосвященству действительно занятие на любителя. Это номер раз.

Номер два: невзирая на потери с обеих сторон, солдат здесь все еще до хренища, и вина, увы-увы, на всех не хватит. Так что с походом в тратторию действительно следует поспешить.

И номер три: давай ты останешься смирять Ллевелина с мыслью, что мы его бросаем в эту трудную минуту, дабы обнять родичей и получить отпущение грехов, а я лично возьму этих самых ребят покрепче и возглавлю поисковые работы. Только ты не забудь указать потом в отчете, что мы здесь не просто гульбасили, а собирали очень ценные артефакты.

Лис был неисправим. Впрочем, я понимал, что на душе у него сейчас не менее тошно, чем у меня, и что, ерничая, он пытался взбодрить своего напарника, с каждой минутой все больше и больше впадающего в черную меланхолию. Было из-за чего! И сэр Кэй, и Ивейн, и Эктор, да и многие другие, павшие вчера на этом поле, были мне добрыми друзьями и отважными соратниками. Если там, на поле брани, их бездыханные тела вызывали шок, заглушающий боль утраты, то теперь шок проходил, и боль медведем наваливалась на меня, лишая не то что возможности действовать, но думать и даже дышать.

«Глаза его обильно увлажнились», — написал бы, вероятно, сэр Томас Мэлори. Однако нет, глаза мои оставались сухими, но мне чертовски нужно было побыть одному, чтобы взять себя в руки. Я шел по темнеющему лесу без направления, топча опавшую прошлогоднюю хвою, пиная попадавшиеся под ноги шишки, вспоминая дни, когда веселые, полные силы и отваги рыцари Круглого Стола выезжали из Камелота загнать лесного красавца оленя или же завалить красноглазого вепря. Выезжали, всем видом демонстрируя силу и нерушимость Британии.

«Это плохая примета», — сказал лишь несколько дней тому назад сэр Кэй, увидев иссякший Эльфийский источник. Кто мог тогда предполагать, насколько он был прав? И хотя я еще со школьной

скамьи прекрасно знал, чем завершится авантюра Мордреда, тем не менее, быть может, из-за той самой «плохой приметы» невольно чувствовал себе причастным к гибели друзей.

Я шел. Ноги сами несли меня в неведомом направлении. Уж и не знаю, зачем я начал взбираться на поросший травой и кустарником холм, высотой футов пятьсот, увенчанный вероятно еще римскими развалинами.

Стараясь отвлечься от мрачных мыслей, я попытался сосредоточиться на задании. «Итак, двенадцать частей пергамента... — взбираясь по склону, подсчитывал я, словно повторяя известную считалочку: — Двенадцать негритят пошли купаться в море». В оригинале их было десять, но здесь был иной мир, и судьба несчастных обреченных складывалась несколько иначе. Двенадцать кусков. Из них, вероятно, один у Ллевелина. Два у меня. Содержание еще трех, возможно, нам известно. Следовательно, надо искать того, кто способен прочитать текст на коелбрене. Если тексты разные, то прав Лис, и все наши похождения в этом мире — безответственная трата времени, средств, я уж не говорю об опасности для жизни, как нашей, так и окружающих.

Но для того чтобы сличить текст огамический и латинский из библиотеки графов Перси, следовало отыскать те самые части пергамента, аналоги которых были обнаружены в нашем мире. Для этой цели нам следовало найти того, кто был самым вероятным преемником Персиваля и Галахада, их спутника в поисках чаши Святого Граля сэра Борса.

Скорее всего три части искомого предсказания находились у него. Но, насколько я мог судить, и он, и Ланселот, который, по всей видимости, также был причислен к лордам Камелота, находились по ту сторону пролива на материке, в Арморике. С высокой вероятностью их можно было вскоре ждать здесь, в Британии, но быть может, «да», быть может, «нет».

Еще один кусок я числил находящимся у Мордреда, и два обстоятельства сегодняшнего дня косвенным образом подтверждали мое предположение.

Первое: отсутствие его на поле боя. Ведь никто из нашедших там свой конец не мог через месяц принимать участие в «камелотской вечере». И второе: строка из пророчества, найденного в нашем мире: «златой дракон вонзит клыки в грудь алого». Уж и не знаю, имела ли она какое-то отношение к судьбе английской монархии нашего мира, но то, что в гербе храброго соратника Артура герцога Ллевелина красовался золотой дракон, а Мордред, претендуя на корону принял на себя старую эмблему Пендрагонов дракона червленого, было видно невооруженным глазом всякому, кто взял бы себе

за труд посмотреть на их знамена. Значит, Камланн был лишь преддверием решительной битвы, где должны были сойтись грудь в грудь Ллевелин и коварный Мордред.

Была еще часть пергамента сэра Ивейна, но кто ее похитил, оставалось загадкой. Создавалось впечатление, что кто-то еще, кроме нас, заинтересован в том, чтобы расшифровать как можно раньше мерлиновский ребус.

Оставались еще три фрагмента рукописи. Один из них, возможно, находился у моего родственника сэра Лукана. А еще два? Был ли сэр Эктор обладателем части пророчества? Кто знает? Местонахождение двенадцатого же куска и вовсе было неизвестно, порождая массу достойных кандидатур как среди живых, так и среди павших.

Я карабкался все выше по склону, ожесточенно хватаясь за корявые кусты терновника, обдирая руки в кровь о колючие ветки, увешанные недоспелыми ягодами. Полз, словно что-то тянуло меня в эти древние развалины, и с каждой царапиной, с каждой каплей крови душевная боль отступала, давая место боли телесной.

— *Капитан, я, кажется, что-то нашел!* — зазвучал на канале связи радостный голос Лиса. — *О господи!* — Напарник, очевидно, увидел мои изодранные руки. — *Тебя что, газонокосилкой переехали? И вообще, куда ты поперся на ночь глядя?*

— *Туда, на вершину.* — Я поднял глаза к разрушенным стенам с зияющим, словно дыра от вырванного зуба, провалом ворот.

— *И на хрена тебе эта руина?*

— *Не знаю. Меня туда что-то тянет.*

— *А, ну-ну, юный археолух. Пока ты не занялся раскопками, послушай-ка, что я тут нарыл. Смотри.* — Лис дал картинку. — *Только я тебя умоляю, ты ж там не сорвись! Ты отечеству еще живой нужен.*

Упитанный хозяин передвижной траттории — походного солдатского трактира, пожилой маркитант в богатой расшитой рубахе, явно купленной здесь же по случаю, отвечал на вопрос моего напарника, не переставая при этом аккуратно недоливать пятую часть вина в глиняные стаканы. Галонная бутыль буквально парила в его руках словно сама по себе, исполняя традиционный ритуал недолива. Впрочем, похоже, посетителям увеселительного заведения такие мелочи были глубоко безразличны.

— ...Да, был тут один, — вещал предприимчивый трактирщик, ловко подхватывая на лету брошенный динарий. — Пожалуйте, пожалуйте, господин рыцарь! — Очередная емкость наполнилась вином, и длинноусый наемник барбасон, несказанно польщенный высоким званием, отсалютовал мошеннику чаркой, забывая при этом забрать медяк сдачи. — Так я и говорю, был один. Продавал браслеты с пятью воспламененными сердцами в крест. Во-он там сидит. —

Маркитант кивнул в дальний конец шатра. — То есть еще совсем недавно сидел.

— А куда пошел, не видел?

— Та кто ж его знает? — Хозяин вновь наполнил чью-то опустевшую чарку и поманил пальцем служанку, с хохотом вырывающуюся из похотливых рук солдатни. — А не видела, куда такой чернявый пошел? Который тебя на ночь звал?

— Да только-только сидел. Может, отлить вышел? — небрежно кинула «официантка», которую самый лояльный взгляд не мог объявить миловидной.

Лис повернулся к троице крепко сбитых йоркширцев, гулявших сегодня за его счет.

— Мальчики, а ну-ка, просквозите тут по округе. Пошарьте по кустам, нет ли тут такого чернявого. Почтеннейший, — он повернулся к торговцу, — расскажи-ка подробнее, как он выглядел.

— Да так себе, — недоуменно пожал плечами толстяк, — как все.

— Плащ на нем алый рыцарский, пояс с золотыми бляхами и колпак такой, ну... как в Корнуэлле носят, — ответила за хозяина девица.

— М-мадам, — галантно улыбнулся Лис, — вы оказали следствию неоценимую услугу. На, держи динарий. Заработала.

Серебряная монетка легла в заботливо подставленную грубую ладонь служанки.

— Мальчики, все слышали? Вперед, я жду вас здесь. Вот так-то, Капитан. Щас мы его, болезного, повяжем. Как говорится: мысли ваши — мышцы наши. — Гордый собой Лис вновь повернулся к содержателю траттории: — Давай-ка, братан, плесни мне еще своей бурды. Да только смотри, — тон Лиса потерял развязную беззаботность, — есть такая примета: кто мне не дольет, тот до утра не доживет.

Трактирщик, закусивший было губу от расстройства, увидев серебряную монету в руке своей прислуги, опомнился и поспешил выполнить требования. Добродушный в большинстве случаев Лис при желании мог быть очень убедительным.

— Энц* Рейнар! Энц Рейнар! Там он! — Один из отправленных на поиски мародера йоркширцев влетел в тратторию, запыхавшись от быстрого бега. — Мы его нашли.

— Ну так волоките сюда!

Верзила приблизился к моему другу и быстро зашептал ему на ухо:

— Он убит. Совсем.

— Как убит?! — нахмурился дотошный следователь.

— С позволения сказать, мечом в живот.

— Ограблен?

---

* Энц — почтительное обращение, господин.

— Да нет, вроде все на месте. Плащ и пояс, и монеты вот. — Детина развернул ладонь, на которой лежало с десяток серебряных кругляшей.

— Тут за ним, — поспешила встрять в разговор словоохотливая «официантка», настроенная на откровенный лад более чем щедрой оплатой, — двое выходили. Пониже вот этого, — она кивнула на лисовского спутника, — но такие крепкие. По ухваткам, видать, бойцы не из худших. Оба при мечах. И вот что странно, снаряжены оба как рыцари: кольчуги, наручи, поножи, но без гербовых накидок.

— *М-да,* — произнес Лис, словно только что откусил кислющий лимон. — *Капитан, тебе этот почерк ничего не напоминает?*

— *Похоже на того крепыша, что обыскивал Ивейна.*

— *То-то и оно. Я, конечно, пойду, проверю, может, просто совпадение. Но шо-то мне подсказывает, шо таки нет. Все, отбой связи. Ползи дальше, снежный барс!*

Старая крепость встретила меня странными шорохами, хрипами и шушуканьем. Я осмотрелся среди безликих камней, пытаясь определить источник звуков, но тщетно. Время оплело развалины башен лозой дикого винограда и скрыло пеленой зеленовато-бурого мха подножия стен. Отсюда во всем своем ужасающе притягательном величии рассматривалась долина Камланна, плещущее в холодном равнодушии озеро Неиссякаемых Слез и лес, сколь видел глаз, лес, на много миль вокруг.

Я всмотрелся в горизонт. Где-то вдалеке, словно небольшой островок среди зеленого моря, виднелись две скалы. Очевидно, те самые, откуда начинался наш путь, а может, и какие другие. Что-то шурхнуло возле самых моих ног. «Никак ежи балуют», — усмехнулся я, оглядываясь. Никаких ежей рядом видно не было. Пронзительный рев, нечто среднее между звуком пикирующего бомбардировщика и визгом несмазанной лесопилки разнесся над лесом. Я вскинул голову... Так, похоже, побыть одному мне сегодня не удастся. Над развалинами крепости, быстро снижаясь, заходила на посадку виверна.

— Сэр Торвальд! — услышал я голос Карантока по ту сторону стены. — Сэр Торвальд! Вы здесь?

— Здесь, — нехотя отозвался я.

— Ну, слава Всевышнему! Наконец-то вы нашлись!

Я поморщился и, что-то насвистывая сквозь зубы, побрел к воротам, чтобы встретить «названого гостя». Виверна за моей спиной мягко приземлилась на поросший двор и, загребая когтистыми лапами, принялась топтаться по вершине холма, низко наклоняя голову к земле, щелкая зубами и издавая невнятное ворчание.

— Тише ты, — выругался я. — Чего разоралась?

Мои слова не произвели на божью тварь ни малейшего впечатления. Она продолжала самозабвенно рычать в пространство, колотя хвостом по земле. «Нервная», — пожал плечами я.

Святой Каранток, опираясь на свою сучковатую палку, довольно бойко поднимался вверх по склону, продираясь среди кустарников, но так, что казалось, ни одна колючка не решается разодрать не то что тело его, даже одежды.

— Чем обязан?

— Я только хотел сказать вам, — святой протянул мне руку и я схватил ее, помогая преодолеть последние футы, — да, я хотел вам сказать, что намереваюсь отправиться к архиепископу Кентерберийскому вместе с вами.

— Куда направиться? — не совсем понимая, о чем говорит подвижник, переспросил я.

— В хижину меж двух скал, — не задумываясь, выпалил Каранток, так, будто я спросил его, верует ли он в Господа. — В хижину, где, забытый всеми, призывает милость божью на головы враждующих и защиту на земли Британии архиепископ Кентерберийский Эмерик.

— Вы с ним знакомы? — настороженно уточнил я.

— Нет, до этого дня не были. Но я много о нем слышал, когда он был первейшим из слуг Божьих в Британии.

— Откуда же вы узнали, что он там живет?

— Узнал. — Задумчивость отразилась на лице валлийца. — Откуда-то узнал. Не помню. Может, кто-то рассказал? Одно могу сказать точно: я должен идти туда вместе с вами.

— Но почему?

— Сие мне неведомо. Пути мои в руце Господней, — гордо ответствовал святой. И слова его были поддержаны хлопаньем крыльев виверны, словно аплодисментами.

— А с чего вы взяли, что мы собираемся к его высокопреосвященству?

Признаться, когда я задавал этот вопрос, мною двигал чисто спортивный интерес, однако ответ моего собеседника превзошел все ожидания:

— Но ведь это же так!

Ничего не попишешь, к святым вообще тяжело подходить с точки зрения общих мерок, а уж к святым валлийским, то есть совмещающим небесное водительство с врожденным упрямством, тем паче. Я беспомощно развел руками и вызвал Лиса.

— *Але, Капитан, шо у тебя опять стряслось?* — встревоженно поинтересовался мой напарник.

— *Ничего особенного. Я просто хотел сказать, что нас в «богомолье» будет сопровождать спутник. Вернее, два спутника.*

— Кто такие? Я их знаю?

— Пожалуй, да. Это Каранток и его виверна.

— Ух ты, елкин дрын! Шо ж это им нейметсято? — удивился Сережа.

— Без комментариев. Может, у святого там религиозный диспут намечается. Может, ему просто нужно пообщаться с кем-то из своего круга. Одним словом, Божья воля.

— А, ну да, ну да. Одного поля ягодицы. А шо, пусть идет, все веселее будет.

Прощание с Ллевелином было недолгим, но грустным. Поставленный перед фактом нашего отъезда и не имеющий реальных оснований нас удерживать, Страж Севера огорченно выговаривал новоиспеченному лорду Камелота, какой тяжелый час настал для Британии и как нужны сейчас ей такие доблестные сыны, как мы. И что, невзирая на горькую измену Мордреда и исчезновение славного Артура, он и все, кого он сможет собрать под свои знамена, будут стоять на защите законов, данных нашим добрым королем, и духа славного рыцарства Круглого Стола.

— Кто, как не мы должны возродить Камелот во всем его величии? Кто, как не мы, его верные рыцари, должны спасти императорский венец Британии от посягательств тех, чьи руки запятнаны изменой и предательством?

В глубине души я был согласен с герцогом, однако у нас было свое задание, и с этим приходилось считаться. Пообещав Ллевелину вернуться как можно скорее, мы оседлали коней, раздобыли мула для увязавшегося за нами святого и направились к черным гранитным скалам, видневшимся с высоты старинной римской руины.

Итак, наш путь лежал «во владения» архиепископа Кентерберийского, где, если верить достопочтенному сэру Томасу Мэлори, находилась одна из могил короля Артура.

Впрочем, мог ли я верить этому разбойнику и беспутнейшему из рыцарей, после всего того, что нам некогда пришлось пережить вместе. Почти месяц сидели мы с ним в одной камере Ньюгейтской тюрьмы, пока при помощи Лиса и графа Уорвика Делателя Королей, не распрощались с ее угрюмыми сводами, позабыв при этом поставить в известность своих сторожей.

Правда, вскоре сэр Томас вновь вернулся туда. Но кто знает, не случись этого, довелось бы ему поведать миру о славных приключениях короля Артура и рыцарях Круглого Стола, словом, обо всем том, о чем я рассказывал ему долгими промозглыми ночами, чтобы хоть как-то скоротать время до рассвета. Меня несказанно забавлял этот процесс.

Щелкая зубами от пробирающей до костей сырости, я вещал отчаянному сокамернику о гордой отваге Ланселота, о верности сэра Кэя, добавляя время от времени красочности своим повествованиям за счет обширных цитат из книг самого Мэлори, читанных еще в Итоне. Каюсь, грешен. Тем самым я неумолимо впутывал бедного узника во временной парадокс. Но, может быть, хоть в этом мире я бы именовался не уменьшительно ласкательно сэром Тором, а полностью — Торвальдом, и никто бы не приписывал мне в отцы короля Пеленора, невесть где, невесть когда соблазнившего мою мамашу.

Вообще с родством и хронологией у Мэлори нашего мира, как показал личный опыт, были большие проблемы. Чего стоит один Галахад, сын Ланселота от Элейны, который на самом деле был его родным племянником, или Моргауза, жена короля Лота Оркнейского? Откуда взялась эта самая Моргауза, для меня до сих пор остается загадкой. Женой короля Лота была Моргана, которую сэр Томас отчего-то выдал замуж за короля Горры Уриенса. Однако мало того, что Уриенс до сих пор не был женат, он был лишь одним из тамошних танов, а Горра никогда не являлась королевством.

Некий исследователь из Бретани, изучая этот героический цикл, задался целью составить хронологию артуровской эпохи. Выводы его были весьма неутешительны. Из них следовало, что вчера на камланнском поле семидесятидевятилетний король Артур, сопровождаемый восьмидесятидвухлетним сэром Кэем, отважно рубились с шестидесятилетним юношей Мордредом, в то время как не менее шестидесятилетний сэр Ланселот на берегах Арморики изнывал от корсиканской страсти к перезрелой нимфетке леди Гвиневере каких-то там сорока четырех лет от роду. Ну что ж, как говорится, другие времена — другие нравы. Но лично у меня одно представление о том, что короля Артура, скрюченного артритом и страдающего от ревматических болей, приходится подсаживать в седло при помощи римского подъемника, а то и вовсе поднимать магическим заклинанием, словно Мерлин камни Стоунхенджа, вызывало улыбку не менее загадочную, чем улыбка Джоконды.

Мы выступили в путь, едва лишь взошло солнце. Признаться, я не люблю ранние побудки, но на войне как на войне. Задержись мы с выездом, и пробираться во временное пристанище архиепископа нам бы пришлось в потемках, а будет ли Господь столь любезен еще раз, что проведет нас мимо притаившихся под зеленой осокой трясин, позволив даже не замарать ног, оставалось невыясненным. Возможно, чтобы проявить свою особую милость к святому, он разверзнет земную твердь под ногами пары заядлых грешников. Сейчас же у нас был вполне реальный шанс добраться до резиденции его преосвящен-

ства еще засветло и, завершив все наши дела, переночевать и на следующий день вернуться так же засветло в лагерь Ллевелина.

Мы долго ехали молча, словно досыпая в седлах. Над головами, расправив кожистые крылья, парила виверна, не хуже стрелки компаса указывающая курс на скрытые за лесной чащей скалы. Звериные тропы, мало приспособленные для странствия всадников, то и дело заставляли спешиваться и отклоняться в сторону от нужного нам направления. В этих случаях встревоженная тварь резко сбрасывала высоту и орала негодующе удивленно, словно возмущаясь, куда это мы пытаемся улизнуть с указанного ее хозяином пути.

— Скажи-ка, святой, — глядя на синеющее небо, в котором носилась недовольная виверна, ни с того ни с сего спросил Лис, — а ты на этом, как его, коелбрене, читать умеешь?

Черты Карантока стали резче и строже, и чело его нахмурилось. Он помолчал немного и изрек с нескрываемым презрением:

— Коелбрен — богомерзкое писание диких колдунов и шарлатанов, носящих имя друиды, или же дервиды. Коснея во грехе, они не почитают истинным триединство Господа нашего. Но, укрываясь в лесах и пещерах, творят свои злодеяния, постигая язык птиц и тварей земных, разговаривая с рыбами и гадами ползучими, раскрывая тайны камней и деревьев. Коснея во грехе, носят они белые одежды, и, видя этот цвет чистоты, знания и духовного единства, люди именуют их пророками и носителями закона. Люди почитают их, прося выступать судьями в спорах и прорицателями судеб. Один раз в семь дней они выходят к народу и рекут, становясь лицом к светилу: «Пред оком Бога, оком правды...» — Он замялся, вслушиваясь в собственные слова, словно удивленный их звучанием. — Господи, я ли говорю это? Друиды, их приспешники барды и ученики их овиды, — тут глаза святого распахнулись изумленно, и речь стала маловразумительной, — ...зеленые мантии... музыка и медицина... закон... одеяния голубые... грех... музыка... истина... слово Божье... богов... Грех, грех, грех!!! — Карантоk перекрестил собственный рот. — Оборони, Господи!

— Что это с ним? — ошарашенно глядя на нашего спутника, спросил Лис. — По-моему, у святого лихорадка.

— Нет ничего лучше при лихорадке и жаре для утешения возмущения первичных жизненных сред, чем растение, посвященное земле, — худворт*. Для того же, чтоб извлечь из сего чудесного растения его излечивающую силу, след взять одну унцию изрядно высушенной травы и, поместив в глиняный сосуд, залить ее крепчайшим медом, вдвое большим по объему, чем худворт. И настаивать

* Худворт — шлемник.

так пол-луны. После чего процедить и, собрав в бутыль, давать по одной капле на каждые десять фунтов веса четырежды в день.

Каранток, видимо, отчаявшись усмирить поток речи, вырывающейся изо рта, прикрыл его ладонью и, сделав мученическое лицо, стал подгонять пятками смирного мула, неспешно влачившего свою святую ношу.

— Капитан, ты чего-нибудь понял?

— Ну, если вместо крепчайшего меда взять, скажем, спирт. То, пожалуй, вполне...

— Я не о том! — прервал меня Лис. — По-моему, у святого, уж не знаю, в честь чего случился сдвиг по фазе. Башка нихт, полная абстракция.

— Прострация, — поправил я.

— Да тут шо в лоб, шо по лбу. У него там уже вава на всю голову.

— Ох, — вздохнул я, — кто их знает, этих святых! Мало ли что ему САМ по закрытой связи нашептал. Одно слово — свято-о-ой!

Глава 8

Господь, пожалуй, единственный коллектив авторов, не требующий гонорара за свои писания.

Вольтер

Густая тень скал-близнецов ползла все дальше, уже полностью закрывая группу, ведомую к хижине отшельника.

— Слава Всевышнему! — бормотал едущий рядом с нами Каранток, сохранявший стоическое молчание со времени своего вдохновенного повествования о друидах. — Нынче доведется мне воочию узреть преосвященного Эмерика и насладиться его высокомудрыми наставлениями. Ибо кто, как не он, есть светоч христианской веры, и кто, как не он, поможет укрепиться в истинной вере страждущему грешнику, искушаемому бесами. Защита Господня да пребудет со мной!

Непонятно, кто был слушателем неистового валлийца. Уж во всяком случае, не мы с Лисом, да и виверна, кружащая над лесом в поисках удобного места для посадки, вряд ли могла слышать его слова. Мне почему-то казалось, что святой пытается убедить себя в чем-то весьма для него самого неоднозначном.

Ветхая лачуга примаса* Британии уже была видна, как на ладони, когда ликование нашего спутника было прервано неожиданным лисовским возгласом:

— Могила!

— В каком смысле? — спросил я, памятуя о том, какой цветисто многозначной может быть речь моего друга.

— Да вот, шагов тридцать влево от хижины. У подножия скалы, — указал Рейнар. — Самая что ни на есть натуральная свежая могила.

Я вгляделся в то место, куда указывал Лис. Действительно, прямоугольник свежеснятого дерна был завален грудой скальных обломков и увенчан в головах грубым деревянным крестом.

— Никак Артурова, — словно читая мои мысли, произнес Лис.

— Скоро узнаем, — пожал плечами я. — Одно можно сказать наверняка: Эмерик не мог в одиночку натаскать этаких глыб, чтобы завалить яму. Стало быть, здесь либо был, либо еще до сих пор есть кто-то из крепких мужчин. Возможно, это действительно мои кузены.

Словно подтверждая эти слова, из хижины, опираясь на длинный шест, вышел широкоплечий коренастый человек с обветренным лицом северянина, в белой рубахе до колен.

— Друид! — завопил Каранток, шарахаясь в сторону и намереваясь дать стрекача.

— Але, святой! Опомнись! — Лис успел схватить под уздцы возмущенного резким поворотом мула. — Какой же это друид, это рыцарь. Только у него отчего-то рубаха чистая и не перепоясанная.

— Действительно, — подтвердил я слова друга. — Это рыцарь сэр Бэдивер, мой двоюродный брат.

— Не друид? — опасливо переспросил Каранток.

— Ни в малейшей степени.

— Кто вы такие, путники? И что делаете в этих местах? — рявкнул сэр Бэдивер, разглядывая приближающихся к развалюхе всадников.

Я думаю, если у Карантока еще оставались какие-то сомнения по поводу принадлежности встречающего к сообществу друидов, то после этих слов, вернее, после тона, которым были произнесены эти слова, они улетучились, не оставив следов.

— Эй, Бэдивер! — крикнул я. — Ты что же, не узнаешь своего брата Торвальда? Или ты забыл моего друга Рейнара, с которым в Дунстанборо вы на спор выпили на две чарки больше, чем весь гарнизон крепости.

— Торвальд! Рейнар! — Здоровяк откинул в сторону палку и бросился к нам. — Откуда вы? Вот ведь негаданная встреча! — Он рас-

---

* Примас — глава национальной церкви.

пахнул объятия и стал попеременно тискать в них то меня, то Лиса. — Где же вас носило так долго? А это кто?

— Да тут один святой с нами увязался, — потирая сдавленные богатырскими объятиями плечи, небрежно кинул Лис. — Звать Каранток. Сын короля Уэльса Берримора, не путать с Дуремаром. Просим любить и всячески жаловать.

Каранток, окончательно убедившийся, что перед ним не друид, а рыцарь в свежевыстиранной рубахе, обратился к нему со смиреной улыбкой:

— Утешь меня, брат мой во Христе. Скажи, здесь ли обитает явленный смертным в поучение стяг истинной веры преосвященный Эмерик, архиепископ Кентерберийский?

Лицо Бэдивера приобрело высокопарно-постное выражение.

— Он здесь, боголюбивый Каранток. И, полагаю, будет рад беседе со столь многоученым и благочестивым собеседником, как вы.

— Ну, вот и славно. — Лис повернул коня. — Все само устаканилось. Столпы пусть беседуют, а я, значит, съезжу пока, решу продовольственную программу. А то мы еще с прошлой встречи преосвященству пол ячменной лепешки торчим. Тем более как кого, а меня здешняя диета не греет аж ну нисколько. Надеюсь, вы тут без меня не заскучаете?

— Жаль, что тебя с нами не было позавчера на Камланнской равнине. Твой меч весьма бы помог Артуру, — начал сэр Бэдивер, когда мы остались на тропе одни.

— Мы были с Ллевелином, — словно оправдываясь, ответил я. — Сначала сражались с каледонцами по ту сторону вала, потом на подступах к Камланну.

— Вот как... — Бэдивер грустно покачал головой. — Я не знал об этом. Конечно, изменить уже ничего нельзя. Однако приятно сознавать, что ты все же был на нашей стороне.

Мы замолчали, бесцельно бредя вокруг скал.

— Это могила Артура? — прервал молчание я.

— Нет, — покачал головой сэр Бэдивер. — Здесь покоится наш брат Лукан. Когда я принес его сюда, сделать уже ничего было нельзя. Кровь вытекла из его многочисленных ран, лишив жизненных сил.

— Но солдаты рассказывали мне, что видели тебя и Лукана, выносящих с поля боя нашего доброго короля. Где же он?

— Мы с Луканом дотащили его до берега озера, надеясь до утра укрыться среди камышей. Но лишь положили мы Артура, как увидели лодку, возникшую словно из ниоткуда. Лодка сия двигалась без весел и ветрил, и стояли на ней три женщины в длинных черных одеяниях. Колдовской свет исходил от лодки, озаряя ей путь. Когда же пристала она к берегу, старшая из этих дам откинула капюшон,

и узрели мы перед собой сестру короля, могущественную фею Моргану. Со стоном и рыданием обняла она тело умирающего брата и велела нести нам его на борт, обещая, что, коли сделаем мы это, то король будет жив.

— И что вы?

— Мы не посмели ослушаться могущественную фею. Да и то много говорят о ее коварстве. Но ведь, ежели так посмотреть, лишь трое мужчин живы в ее сердце: великий Мерлин, учивший ее магической премудрости и даровавший ей во владение чудесный остров Авалон, где, по слухам, никто не старится.

— Говорят, он канул в неизвестность примерно месяц тому назад и что Моргана напрямую причастна к его исчезновению, — блеснул эрудицией я.

— Кто знает? — вздохнул сэр Бэдивер. — Если оно и так, о том ведомо лишь ей самой. Да Мерлину.

Двое других, — продолжал он, — это Артур, навсегда оставшийся ее братом и любимым мужчиной, и сын Мордред, в котором она души не чаяла. Ибо как в серебряном зеркале видела в нем все лучшие черты, как свои, так и Артура. Вряд ли она желала камланнской битвы. Ведь и Мордред, и Артур, сражавшиеся в первых рядах, были почти что обречены на гибель. Хотя, если бы не треклятая змея, быть может, ничего бы этого и не случилось.

— Что за змея? — спросил я, пиная попавшийся под ногу камешек.

— Змея, укусившая сэра Альмета и заставившая его обнажить меч. Вот ведь как бывает, — мой кузен отвлекся от основного повествования, — лишь несколько дней назад, возвращаясь с королем от герцога Ллевелина, сэр Кэй и сэр Альмет ездили напоить коней к Эльфийскому источнику, это здесь неподалеку, и нашли его пересохшим. Дурная примета. Теперь он журчит как ни в чем не бывало, а они мертвы.

— Ты начал говорить о змее, — произнес я, возвращая рыцаря к теме разговора.

— Да, змея. Видишь ли, Артур не хотел драки с Мордредом, тем более незадолго перед этим сэр Говейн, умирая, просил передать письмо Ланселоту, в котором он умолял памятью своей и погибших от его руки братьев Гарета и Гахериса забыть прежние обиды и поддержать своего короля в войне против изменника Мордреда. Артур ждал Ланселота с его двенадцатью тысячами воинов и потому решил вступить в переговоры с сыном. Мы съехались посреди Камланнской равнины, и наши армии зорко наблюдали за тем, что происходило на поле.

Когда Артур отправлялся на переговоры, он, опасаясь злой измены, велел военачальникам, ежели увидят вдруг блеснувший среди поля меч, вести отряды в атаку, ибо сие бы означало предательство

Мордреда. Когда же мы съехались, внезапно из травы поднялась змея и безжалостно впилась в ногу сэра Альмета, сопровождавшего короля. В ярости выхватил он свой клинок, спеша отрубить голову гадине. Но та исчезла, словно ее и не было. Этот невольный взмах и послужил условным знаком к началу боя. Боя, в котором пали и Артур, и Мордред, и весь цвет британского рыцарства. — Сэр Бэдивер Бесстрашный вздохнул. — Чем больше думаю я о том, тем больше мне кажется, что в этом деле не обошлось без колдовства. Своими глазами видел я змею и ее исчезновение. Но откуда взяться змеям на Камланне? Ведь через него к озеру Неиссякаемых Слез на водопой выходят олени, а, стало быть, змеи стерегутся этого места как огня.

— Сэр Мордред жив, — негромко проговорил я.

— Что ты говоришь?! — нахмурился мой собеседник. — Я сам видел, как падал он с коня с расколотым шлемом.

— И все же это так. На месте Мордреда сражались три иных рыцаря, укрытых заклинанием личины. Его смерть не более чем фантом.

— Он жив, — очень тихо произнес рыцарь Круглого Стола. — Вот ведь коварная измена! А мы, стало быть, своими руками предали короля в его власть. О горе и поругание нам! — всхлипнул Бэдивер, впиваясь в нечесаные волосы и пытаясь вырвать их с корнем. — Не на жизнь, но на смерть обрекли мы своего короля!

— Кто знает, кто знает, — проговорил я со вздохом. — Никогда не доводилось мне слышать, чтобы фея Моргана говорила правду. Но есть ли кто-то, кто сможет утверждать, что она когда-то солгала? Возможно, Артур и будет жить.

Я замолчал, не желая вдаваться в объяснения, тем более что пересказывать бесстрашному оркнейцу избранные главы из Гальфрида Монмутского или того же Мэлори было бы по меньшей мере странно. Все равно что судить о делах давно минувших дней по школьному учебнику истории. Сэр Бэдивер тоже впал в задумчивость, очевидно, переваривая сообщенные мною факты. Неизвестно, сколько могло продолжаться такое молчание, но тут на канале связи, подобно голосу совести, прорезался Лис:

— Але, шеф! Как там наши успехи? Ты сэра Тротуара уже раскрутил на черновики скрижалей завета?

Я чуть поморщился. Способ излагать мысли у моего напарника был несколько экстравагантный.

— Лис, я работаю над этим.

— Не, ну это, конечно, классно. Я всегда верил в твою работоспособность. Но знаешь, меня почему-то больше интересуют результаты. Или ты планируешь по-родственному тормознуться здесь на недельку-другую?

— Лис! Ну сам посуди, не могу же я спрашивать его в лоб: «Бэдивер, не завалялся ли у тебя вдруг кусок предсказания Мерлина? А то он мне очень нужен».

— Да нет, ну шо я, по-твоему, за спичками из тайги вышел? Понятное дело, сначала как дела, как здоровье, кто жив, кто помер, приветы от тети Глаши. Опять же, погоды стоят хорошие, удои будут колоситься. А потом в лоб, в смысле спрашивать в лоб: «А нет ли у тебя»... — В этот миг мой напарник озадаченно замолчал и, пытаясь облечь мысль в слова, включил картинку. На прогалине одинокая, брошенная всеми виверна, мучительно корчась от омерзения, жевала полуобглоданный уже куст шиповника. *— Мать честная, шо в мире деется! Сиротинушка ты моя богобоязненная, жертва махрового клерикализма, замордовал тебя святоша! Брось ты эту гадость наворачивать, издохнешь же от заворота кишок! Погодь чуток, я тебе хоть уток настреляю.* — Он чуть опасливо похлопал чудовище по крытой буроватой чешуей шее.

— А ты что, еще не настрелял? — мстительно вставил я.

— Ага, настрелял! Я тебе шо, пойнтер, по болотам лазить. Утки здесь классные, но, блин, засели в камышах да осоке, хрен их оттуда выманишь. Ну ничего, не боись, голодными спать не ляжем. И животину покормим, а то она этими колючками себе дырку в нужном, вернее нужниковом, месте раздерет, придется ее саму в великомученицы записывать. Ладно, отбой связи.

Мы уже завершали круг, приближаясь к избушке, где, судя по доносившимся до нас звукам, шел бурный богословский диспут.

— Как можете вы не почитать сии книги священными? — раздавался над поляной властный голос Карантока. — Коли каждое слово в них проникнуто любовью и мудростью Божьей. Не почитаете ли вы и вам подобные, вроде тех охальников, собравшихся в Никее две сотни лет назад, что вправе по усмотрению своему отделять, что праведно, а что нет в писаниях учеников Спасителя нашего? Ведаете ли вы, что творите, говоря: «Сие истина, а сие ложь?», спустя столетия по смерти тех, кому посчастливилось воочию слышать слова Иисуса из Назарии. Не судите, скажу я вам, да не судимы будете!

— Ваши слова ересь! — громыхая, как набатный колокол, вторил ему архиепископ. — А святость ваша не что иное, как гордыня адова.

— Гордыня?! Божий свет указует мне путь! Ересь?! Как бы не так! Ибо рек он: «Кто преклонит предо мною колено, того почту я рабом пред ликом Господним и оделю похлебкой, дабы утолить голод, и лоскутом, дабы укрыть свои чресла. Того же, кто не отведет очей своих от взора Моего, нареку Человеком. Путь его будет тяжек и тернист, но любовь моя вовек пребудет с ним. Участь его назову Я

участью странника в миру. Всякий день станет он мыслить о пути своем и всякий час выбирать шаг стопам своим. И будет он увлажнять слезой глаза свои, вопрошая: не забыл ли ты меня, Господи? Но как Я послал испытания возлюбленному сыну Моему, так и ему пошлю, и пойдет он, не ведая иной путеводной звезды, кроме веления души, воспламененной искрой от пламени Моего. И в последний час стану Я судить не слова, не помыслы, но деяния его. Судить, как судят древо по плодам. И милосердие будет именем Моим, ибо нельзя пройти путь, не ступив по терниям и грязи. И никто не минет сего». А вы, — судя по изменившемуся тону, эти слова Карантока относились непосредственно к преподобному Эмерику, — вы фарисей и глупец, недостойный служить Предвечному!

— Ступай прочь из дома моего, богомерзкий еретик! — не замедлил отозваться оппонент. — Анафема тебе, отступник!

Каранток, обычно источавший непробиваемое добродушие во всем, что не касалось его священного служения, выскочил из хлипкого строения, раскрасневшийся, словно после сауны, и, бросив на ходу: «Слова твои пар, развеянный ветром!», помчался по тропе прочь от лесной резиденции архиепископа. Я хотел было что-то сказать, остановить его, но он промчался мимо, словно подгоняемый псами дикой охоты.

Я огорченно посмотрел вслед улепетывающему проповеднику. Уж и не знаю, для чего Господь привел его в этот дом, но то, что теперь расхождения Карантока с официальной церковью приняли необратимый характер, было ясно как божий день.

— Послушай, Торвальд, — обескураженный сэр Бэдивер еще раз смерил взглядом быстро удаляющегося Карантока. — А ты уверен, что он святой?

— Кто его знает? — пожал плечами я. — Прежде мне никогда не приходилось общаться с подобной породой людей. Однако в Уэльсе, в Эйре, да, похоже, и в Каледонии в его святости никто не сомневается. К тому же ты знаешь кого-нибудь еще, за кем бы самая что ни на есть настоящая виверна таскалась, словно собачонка, да еще к тому же выполняя заповеди Господни?

— Да-а, — протянул рыцарь, — странные дела. А может, он из этих, из друидов?

— Да ну, скажешь! — отмахнулся я. — Он их терпеть не может.

— И преосвященный Эмерик тоже. А вот надо же! — вздохнул сэр Бэдивер. — Во всяком случае, сейчас к преосвященному лучше не соваться. Да и вообще не стоит говорить, что святой этот с вами приехал. Сам понимаешь, устав у нас здесь строгий.

— Устав? Здесь?! Бэдивер, ты о чем?

Мой оркнейский братец поглядел в лесную чащу, словно ища в ней ответа, и промолвил с неожиданным смирением в голосе:

— Последняя битва отвратила меня от суетности мирской жизни. Ибо не было ничего доселе и не будет впредь ужаснее, чем она.

Я не стал утешать его заверением, что будет еще много хуже, и приготовился слушать, соображая, где лучше вклинить вопрос о судьбе предсказания Мерлина.

— Военная слава тщетна, и все наши подвиги суетны, ибо таят в себе грех тщеславия, лишь едва прикрытый риторикой о служении Господу. Истинное служение здесь. — Он повел рукой в сторону избушки. — Не мечом, но словом Божиим след бороться с врагами веры Христовой. Молитва — вот лучший доспех, а скромность и воздержание — вот лишь подвиги, приятные Творцу.

— Это он сказал? — Я кивнул на хижину отшельника, из открытой двери которой слышались молитвенные завывания.

— Он. И он прав, — сокрушенно вздохнул Бэдивер. — Я без сожаления покидаю этот мир, тем более что неумолимый рок безжалостно погасил единый огонь, служение которому возвышало рыцарский удел над безжалостным разбоем. Вчера я испросил позволения стать послушником у его высокопреосвященства, и брат мой Лукан также хотел искать себе подобного жребия, когда бы смерть не забрала его во тьму.

— Да-а, — протянул я, обдумывая, как лучше приступить к вопросу, приведшему нас в эту лесную чащу. — Послушай, Бэдивер, — наконец произнес я, переходя на заговорщический тон, словно нас кто-то мог подслушать, — не передавал ли тебе брат Лукан перед смертью небольшой кусочек пергамента?

— Какой кусочек? О чем ты говоришь? — Свежеиспеченный послушник старался держаться спокойно, однако в голосе его чувствовалась плохо скрытая настороженность, какая бывает у подростков, едва успевших спрятать порнографический журнал при разговоре с внезапно вошедшими родителями.

— О последнем предсказании Мерлина, разделенном по приказу Артура на дюжину частей и розданном им тем, кого он считал наиболее близкими себе.

— Тише! — одернул меня сэр Бэдивер, хотя слова мои и так были произнесены вполголоса. — Преосвященный Эмерик не желает здесь слышать имена магов, друидов и их приспешников. — Он подхватил меня под локоть и буквально потащил подальше от лесной молельни. — Откуда тебе-то известно о пророчестве?

Я молча вытащил из-под одежды ладанку сэра Кэя и достал из нее исписанный огамическим письмом клочок пергамента.

— А-а, — кивнул мой братец, — вот оно как. Прости, я не знал об этом. Впрочем, откуда? Значит, и ты тоже один из лордов Камелота.

— Лукан передал тебе свою часть? — Я вновь вернул Бэдивера к своему вопросу.

— Да, — со вздохом кивнул тот. — Умирая, он передал мне подобный пергамент.

— Он у тебя? — с тайным облегчением произнес я, начиная обдумывать, каким образом теперь заставить родственника передать свое достояние мне во временное пользование.

— О нет. — Бэдивер покачал головой. — Я выкинул его. Да и посуди сам, мог ли я хранить в этом святом месте пророчество Мерлина, который, невзирая на мое личное почтение к нему, маг, друид и безбожник.

— Несчастный! — возмутился я. — Что ты наделал! Ведомо ли тебе, что в этом предсказании заключена судьба королевского трона Британии? Как ты мог так безрассудно поступить?

— Судьба короля, как и судьба последнего свинопаса, ведома промыслом Божьим. Предсказания магов, даже столь могущественных, как тот, о ком мы говорим, ничего не способны изменить в естественном ходе вещей. Кому предначертано познать тяжесть венца, тот станет королем, пророчествуй о том кто-то или нет. Так учит Эмерик, у которого вчера с покаянием испросил я духовного наставления.

Строго говоря, и Эмерик, и вещавший ныне его словами Бэдивер были правы. Во всяком случае, у меня не было ни времени, ни охоты вступать в теософский спор, чтобы опровергнуть их тезисы. Но задание оставалось заданием, выполнить его я был обязан, а потому со вздохом оборвал речь благочестивого послушника, не давая развить фаталистическую теорию престолонаследия.

— Возможно, так оно и есть. Вероятнее всего, это так. Но, Бэдивер, брат мой, получив сей пергамент, я давал клятву, что в назначенный час прибуду в Камелот, чтобы выполнить волю короля. Уверен, и иные посвященные, став лордами, давали сию клятву. Без сомнения, невзирая на лишения и вражду, они придут в замок и соберутся у Круглого Стола, у которого до сих пор не остыли места, уготованные доблестным защитникам Божьего закона. Сэр Лукан, ты, я, Говейн, Гарет, Гахерис, Агровейн и иные принцы и рыцари Оркнейского дома — разве мало сделали мы, борясь со злом в этих землях? Разве достойны мы позора, коий падет на весь род, ежели один из первейших лордов Камелота запятнает имя свое клятвопреступлением? Или не взывает к тебе со скорбью душа старшего брата Лукана? Именно тебе доверившего сокровенные письмена, дабы смог ты заменить его в числе избранных?.. — Я перевел дыхание, готовясь к очередному раунду в поединке благочестия и рыцарско-

го долга. Однако белое полотенце было выкинуто на ринг прежде, чем очередной каскад обличений пал на голову Бэдивера.

— Я выбросил его вчера, возвращаясь от Эльфийского источника. Место там приметное, пожалуй, мы еще сможем найти его. Вероятно, ты прав. Увы, я не гожусь для того, чтобы выполнить последнюю волю брата. Но честь нашего рода не должна пострадать. Поскольку мое решение покинуть суетный мир твердо, то может считаться, что для него я уже умер, а стало быть, имею полное право передать сие тяжкое наследие тому, кто его достоин. Пошли, я проведу тебя к тому месту, где я выбросил пергамент. Если Господу будет угодно, мы еще найдем его.

— *Лис!*

— *Капитан!* — Наша связь включилась одновременно, заставляя вздрогнуть от неожиданности. После короткой паузы я, как старший по званию, вновь вызвал напарника:

— *Так, Сережа, послушай меня. Часть прорицания действительно была у Лукана, и он действительно отдал его Бэдиверу...*

— *Ну, круто! Надеюсь, ты уже раскрутил дорогого кузена дать тебе его поносить на месячишко-другой?*

— *В общем-то да. Но тут есть одна загвоздка.*

— *Что еще за загвоздка?*

— *Понимаешь, дело в том, что Бэдивер выкинул свою часть.*

— *Не понял?! Как это так — выкинул?! Ему шо, в пылу схватки моргенштерном по чайнику загадали? Он теперь зовется Бэдивер Бескрышный? Он шо, не знает, на хрена вообще этот ребус нужен?*

— *Он все знает. Но, видишь ли, братец решил принять постриг, а рукопись Мерлина слишком языческая вещь, чтобы хранить ее на освященной земле.*

— *Ой, мама родная! Шо ж они тут все такие забобонные?! Что теперь полагаешь делать?*

— *Бэдивер вызвался показать мне место, где он выбросил пергамент. Сейчас отправляемся туда. Даст бог, повезет.*

— *Да уж. Дай-то бог нашему теляти волка съесть. Ладно, с этим вроде ясно. А теперь, если не возражаешь, я тебе еще одну каклю покажу. Так сказать, чтоб уж совсем жизнь медом не казалась,* — предупредительно сообщил он, и, лишь смолкли в моей голове слова напарника, перед внутренним взором вырисовалась картина, созерцаемая моим другом через чуть раздвинутые заросли камыша.

По узкой тропе, очевидно, появляющейся в болоте лишь в разгар засушливого лета, не спеша, проверяя грязь перед собой длинным шестом, двигался вперед человек в кольчуге качественного плетения, опоясанный мечом, насколько я мог видеть, весьма дорогим. Судя по всему — рыцарь, но без гербовой котты.

— Ну, как тебе нравится этот неопознанный летательный объект?

— Дьявольщина! — невольно выругался я. *— Это же тот самый, что ограбил сэра Ивейна!*

— И, вероятно, грохнул мародера, подчистившего сэра Эктора. Ну ничего. — В голосе моего напарника зазвучали плотоядные нотки. *— Сейчас мы с ним познакомимся поближе.*

Я увидел, как ложится на тетиву стрела, как изгибается лук, и, дзи-инь, стрела, выпущенная Лисом, пришла аккурат в бедро нашего преследователя. Пришла... и отлетела в сторону, рикошетя от кольчуги.

— Блин, это еще что такое?! — возмутился Лис, и вслед за первой вестницей смерти последовала вторая в плечо. Но и она разделила судьбу сестрицы. *— Не понял юмора?!* — Рейнар был ошарашен. *— Когда такое было, чтоб мои стрелы не брали здешние кольчуги?! Ну-ка, дай-ка я еще разок проверю!*

Между тем незнакомец, явно не обрадованный столь скорострельным приемом, не желая испытывать судьбу, быстро повернулся и, хромая на подстреленную Лисом ногу, оскальзываясь в хлюпающей жиже, сноровисто потрусил к густому кустарнику, нависшему по краю болота. Дзинь-дзинь, еще две стрелы пришли ему в спину, бросая вперед и едва не сбивая с ног. Однако он устоял и вскоре исчез за непроницаемым пологом густой зелени.

— Вот это да! Слушай, Капитан, прогнило что-то в здешнем королевстве. Шо ты скажешь за этого броненосца?

— Не хочу тебя огорчать, — передал я, осознавая увиденное, *— но это очень похоже на колдовство. Причем весьма серьезной пробы. Возможно, это люди феи Морганы, во всяком случае, я не представляю, кто еще здесь мог бы ходить в таком доспехе. Я полагаю, что они также охотятся за пророчеством. Как-никак, Мордред — главный кандидат на освобождающийся престол. Вероятно, Моргана заинтересована в том, чтобы встреча через месяц в Камелоте не состоялась. А может, здесь и что-то другое, кто ее знает? Очевидно, наш гость направлялся сюда с той же целью, что и мы. Ведь Моргана виделась с Луканом и Бэдивером. Наверняка она как-то почувствовала, что Лукан является лордом Камелота, и подослала убийцу.*

— Могла бы и сама заколдовать, — с сомнением отозвался Лис. *— Шо ей? Делов-то! Пальцами щелкнула — и вся любовь. Сиди себе на болоте, квакай.*

— Так да не так. Рыцарь весь в хладном железе, да еще в мече, глядишь, какая святыня заключена, да нательный крест. К тому же, а вдруг кто увидит? Моргана всегда выше обвинений, а здесь все тихо, никто не хватится. Шел себе человек по лесу, да никуда не дошел.

— Да уж, — хмыкнул Лис. — Вот только этой подруги нам здесь и не хватало. Ладно, включи маяк, я щас пару уток виверне закину и нагоню вас. Втроем-то быстро управимся, а то уж скоро темнеть начнет. Опять тогда придется по ночному лесу шариться. А в силу складывающихся обстоятельств я бы, пожалуй, от этого воздержался.

Глава 9

Короли правят народами, банкиры — королями, но выше их — летописцы. Они правят историю.

Бисмарк

Идти до оврага пришлось часа полтора. Я помнил это место еще со времени нашего «пришествия». Тогда, неосторожно спустившись по довольно пологому склону, с другой его стороны мы наткнулись на почти отвесную стену. Овраг был длинным, не менее мили, и нам пришлось долго тыкаться в потемках, пока мы не нашли выход. Такой рельеф вселял робкую надежду, что выброшенный сэром Бэдивером клочок прорицания не был унесен ветром и спокойно лежал где-нибудь в зарослях репейника, густо устилавшего влажное дно оврага своими широченными листьями.

Нам оставалось уповать на удачу, поскольку перспектива поднять каждое зеленое опахало, высматривая, не притаился ли под ним кусочек пергамента величиной два на четыре дюйма, занятие, требующее времени и китайского упорства. Если бы еще эти поиски дали хоть какой-то результат!

— Я точно выкинул его здесь, — бормотал сэр Бэдивер, переворачивая очередной лист, — вон под тем дубом я стоял и думал, как мне поступить. Может быть, птица унесла его себе в гнездо?

— Август. Птицы не вьют гнезд, — хмуро вздохнул я. — Впрочем, какая-нибудь сорока могла и ухватить. А скажи-ка, братец, ты, случайно, в этих краях чужаков не встречал?

— Да я и сам здесь еще чужак, — хмыкнул оркнеец. — А люди тут ходят. Углежоги, свинопасы, браконьеры. Да мало ли кто? Только вряд ли кому-нибудь из них понадобится пергамент. Тем более, — Бэдивер огляделся вокруг и зашептал мне на ухо, — все они здесь нехристи, а предсказание написано на коелбрене. Читать-то они, понятное дело, не умеют. Но кто ж из них решится нести к себе в дом записку друида.

— Вероятно, ты прав, — кивнул я, памятуя, что встреченный Лисом на болоте незнакомец вряд ли мог быть углежогом или свинопасом. Да и браконьеров с мечами, но без луков мне встречать не приходилось. Однако не мог же я заявить Бэдиверу, что у меня было видение, и я знаю о присутствии в этих краях весьма странного путника, к тому же скрывающего свое звание. Ему не хуже меня было известно, что магические способности в доме Бьерна передаются исключительно по женской линии.

— Эй, братья по горячим делам! — раздался сверху с обрыва голос Лиса. — Как успехи у красных следопытов?

Судя по смущенному взгляду Бэдивера, образная речь моего напарника была для него непереводимой игрой слов.

— Это у них в трансальпийской Галлии так обычно спрашивают, удалось ли что-нибудь найти. — Я мысленно погрозил Лису кулаком. Однако он, похоже, не обратил на это никакого внимания.

— Ребятки, не уходите никуда. Я к вам спускаюсь, — обнадежил нас Рейнар. — Я вам такое расскажу! — Он начал спуск, ловко цепляясь за торчавшие из земли корни, хватаясь за чахлые кусты, свисающие над оврагом, и перескакивая по-обезьяньи от одной едва заметной зацепки к другой. — В общем, так. — Лис спрыгнул с четырехъярдовой высоты и мягко приземлился на дно оврага. — Настрелял я пяток уток. Дай, думаю, виверну подкормлю. На нас-то всех, пожалуй, и трех уток за глаза хватит, ну и пара — животине. Оно ей, конечно, как слону — дробина. Вон, вишь, полетела, красотка броненосная! — Он ткнул пальцем в небо, где, распластав крылья, делала вираж жуткая тварь. — При ее-то габаритах и парой овец не наешься, но все-таки не так голодно.

Приметаюсь я к ней с презентом, а она, бедная, сидит на поляне, гложет куст шиповника. Я, значит, хватаю птичек, а под осень они уже жирку нагуляли, такие сочные — у самого слюнки текут, и начинаю трясти ими возле морды чудовища. Главное, думаю, поймать момент, когда она пасть откроет, а то ведь, с голодухи не разобравшись, руку отхряпает и спасибо не скажет. В общем, я перед ней дичью трясу, а виверна и ухом не ведет. Даже не то чтобы не ведет, а все норовит ко мне спиной повернуться. Глаза скосила, чуть не плачет, куст этот у нее, по-моему, аж в горле застрял, а она его все наяривает, аж гай шумыть.

— Это снова по трансальпийски, — пояснил я.

— А-а, — сэр Бэдивер понимающе покачал головой, — и что же было дальше?

— Дальше — больше. Вылетает из лесу, как м-м... — Лис вопросительно посмотрел на меня, — рысь, раненная в район хвоста, святой Каранток.

— Он не святой, — хмуро сообщил моему другу сэр Бэдивер. — Он... Я уж и не знаю кто.

— У Карантока с преосвященным Эмериком вышли разногласия по поводу установок Никейского собора.

— Да-а?! — Лис с подозрением поглядел на меня. — А где они хотели его устанавливать?

— Кого? — не понял я.

— Ну, этот самый Никейский собор.

— *Лис!* — передал я по закрытой связи. — *Не позорь мои седины! На Никейском соборе в 325 году от Рождества Христова было решено, какие тексты будут входить в канонический Новый Завет, а какие нет.*

— *Шо, правда?* — удивленно передал мой друг, и мне так и не удалось понять, куражится он или действительно удивлен. — *А как им это удалось? У них было спецвидение от Самого? Или так, рейтинговая система?*

— *Это запутанная история. Я тебе ее как-нибудь в другой раз расскажу. В сравнении с количеством апокрифов, в Новый Завет не вошедших, его смело можно считать хрестоматией по священным текстам.*

— *Слушай, это не Собор! Это какой-то Главлит напополам с военной цензурой!*

— *Вот и Каранток был примерно того же мнения.*

— Ладно, — умиротворяюще махнул рукой Лис. — Мне шо так, шо эдак. Не святой, так не святой — мужик-то все равно хороший. В общем, выпуливается он на поляну и вещает в духе: «Отсюда прочь! Сюда я больше не ездец!» Ну, я его тут спрашиваю: «Святой!» — Лис вновь наткнулся на неодобрительный взгляд сэра Бэдивера. — Ладно-ладно. «Подвижник! Чего это твоя скотинка уток не жрет? Не захворала ли?» Он на меня глаза выпучил, словно я его по башке перначем навернул, и говорит так укоризненно: «Как же может вкушать она мясо, когда сегодня пятница — день, когда каждый верующий орошает ланиты свои слезами, вспоминая участь Спасителя, преданного злою изменою в руки палачей? И вам, — в смысле нам, — скоромное вкушать нынче негоже». Как, кстати, — Лис указал на подстреленных уток, висевших у него на поясе, — насчет перекусить с дороги?

— Я ни-ни, — замотал головой Бэдивер. — Вода и ячменная лепешка — вот все, что могу я себе позволить.

— Да-а, — протянул мой напарник, — пациент скорее мертв, чем жив. Торвальд, но ты хоть не бросишь меня в тяжелую минуту ужина? Или, выходит, зря я по болоту шарился, птичек ни в чем не повинных жизни лишал? Да, кстати, — без всякого перехода продол-

жил он, — Бэдивер! Быть может, тебе интересно, но там, на болоте, я встретил одного весьма странно одетого джентльмена в кольчуге и при мече. Мне отчего-то показалось, что это один из людей феи Морганы. И похоже, он направлялся в сторону хижины архиепископа. Ты не знаешь, у его преосвященства с Морганой никаких переговоров не намечалось?

— О Господи! — всплеснул руками вчерашний рыцарь. — Это может быть убийца, подосланный Мордредом, чтобы лишить жизни преосвященного Эмерика! Простите меня, друзья, я оставлю вас здесь. Долг велит мне... — не договорив, он припустился бежать по оврагу туда, где не так давно мы спускались вниз, туда, где стенка оврага была заметно ниже и куда более пологой.

— Вы там шли? — глядя вслед верному стражу архиепископа Кентерберийского, спросил Лис.

— Да, — ответил я.

— Оч-чень интересно. Тут на подходе ветка сломана, похоже, совсем недавно. Может, конечно, какой зверь потрудился, а может, и нет. Вон, погляди, видишь, торчит над оврагом? Я когда спускался, за нее хотел ухватиться. Слава богу, заметил.

— Ты хочешь сказать, что кто-то прошел здесь до нас?

— Может быть, может быть. И я даже, вероятно, знаю кто.

Работа кипела до самой темноты. Выкошенные заросли репейника были единственным ее результатом. Заветный пергамент точно канул в бездну. Когда же солнце окончательно скрылось за кромкой леса, мы поспешили развести костер, чтобы согреться, поджарить принесенную Лисом дичь и распугать окрестное зверье, в изобилии населявшее девственный лес. Но прежде чем прекратить поиски, мы отыскали еще одно подтверждение недавнего присутствия здесь кого-то, нам неведомого, — выдернутый из земли корень на пологом склоне оврага. Очевидно, здесь незнакомец поднимался вверх.

— Чем дальше в лес, тем толще партизаны, — подытожил увиденное Лис. — Ну шо, Капитан, будем считать, что конкуренты ведут со счетом три два. Какие будут предложения по дальнейшей стратегии игры?

Я пожал плечами.

— Возвращаемся к Ллевелину. Если это и впрямь конкуренты, думаю, они сами нас найдут. К тому же без друидов с коелбреном не разобраться. А найти их по ту сторону вала значительно проще, чем по эту. В этих краях христианские священники их уже основательно потеснили.

— Найти-то можно, — поморщился Лис, насаживая разделанную утку на импровизированный вертел. — Хорошо бы только, чтобы нас самих на той стороне не нашли.

* * *

Утром, едва рассвело, мы бросили прощальный взгляд на затоптанные лопухи и, выбравшись из оврага, направились к хижине отшельника. Вернее, к поляне возле нее, туда, где под охраной Бэдивера и Божьего промысла паслись наши кони. Время поджимало, и потому мы решили обойтись без отпущения грехов и долгого прощания. В конце концов, где еще уходить по-английски, как не в Англии? Нам предстоял обратный путь, пожалуй, еще более тяжелый, чем путь сюда, поскольку теперь у нас не было «компаса» — виверны, да и настроение, прямо скажем, все еще оставалось безрадостным, невзирая на попытки Лиса разрядить обстановку.

— Не, ну мне положительно нравится ваш Круглый Стол короля Артура и двенадцать стульев из того же гарнитура. Видишь, опять стихами заговорил. Слушай, а какого рожна вообще нужно было так мудрить с выбором наследника? Чем им обычный-то порядок не угодил?

— Так здесь принято, — вяло отвечал я, расслабленно разглядывая тропу и окружающий ее дремучий лес. — Чтобы престолонаследник стал законным королем, необходимо, чтобы на нем, и именно на нем, сошлось предзнаменование, данное задолго до того. У Артура это был меч, который, кроме него, никто не мог вытащить из камня, здесь — этот пергамент. К тому же неизвестно, есть ли у Артура сыновья, кроме Мордреда. Зная его нрав, вполне могут быть. Как определить, кто из сыновей короля законный наследник, когда у него их, возможно, несколько и все, вполне вероятно, от разных матерей. Только вот Гвиневеру мимо пронесло.

— Пендрагоны в неволе не размножаются! — гордо заявил Рейнар. — Ну хорошо. Допустим, — продолжил он, — тут все более или менее понятно. Здесь Ллевелин, так сказать, защитник старого порядка, схлестнется с Мордредом, который решил узурпировать папашино кресло. В левом углу ринга красный дракон, в правом — золотой. Но я все-таки в упор не понимаю, чего это у вас при дворе вдруг решили, что предсказание имеет какое-то отношение к ним?

— Со времен Артура, — неохотно начал я, — красный дракон — это неофициальная эмблема Англии. Ну и, понятное дело, английской монархии. А золотой дракон — личный знак одного крупного арабского миллиардера, который под шумок уже скупил пол-Лондона и, похоже, вовсе не собирается останавливаться на достигнутом. К тому же в текстах из библиотеки графов Перси говорится о гибели «принцессы грез». Как ты знаешь, это уже сбылось. — Я вздохнул.

— Здесь, кстати, тоже. Гвиневеру как к «верным друзьям» занесло после бегства от Мордреда, так о ней никто ничего не слышал.

Кто знает, что это за друзья и жива ли она еще? Впрочем, она-то как раз королева, а не принцесса.

— Не совсем так, — вздохнул я. — По здешним законам, в отличие от законов Каледонии, королева является лишь женой короля, а отнюдь не соправительницей — последствия римского права. То есть Гвиневера — королева, пока Артур — король. А сейчас она — принцесса королевского дома, дочь Лодеграна, короля Камеларда. То есть она вполне попадает под предсказание. Стало быть, понять, имеет ли предсказание реальное отношение к нашему миру или же ограничивается здешними событиями, мы сможем, только когда у нас на руках окажется весь текст полностью или хотя бы его большая часть. И тот, кто сумеет его прочитать. Хотя, если честно, по мне все эти предсказания и пророчества — пустая трата времени.

Равнина Камланна встречала нас странной, неестественной тишиной. Вернее, даже не тишиной, а мрачным безлюдьем. Над полем лениво кружились объевшиеся вороны, с трудом отрывавшие свое тело от земли и натужно каркавшие при неосторожной попытке увеличить скорость полета. Неубранные трупы, кое-где еще валявшиеся на земле, уже начали разлагаться, источая непереносимое зловоние. Вспугнутая нашим появлением волчья стая, посреди дня без опаски вышедшая на открытое пространство, лениво смерив нас оценивающим взглядом, неспешно потрусила к лесу, не столько испугавшись, сколько просто не желая связываться с невесть откуда взявшимися людьми.

— Шо-то я не понял, — обшаривая взглядом окрестности, пробормотал Лис. — А где Ллевелин? А где войско? Когда мы уезжали, здесь тыщ до восьми народу было. Волки их, что ли, съели?

— Не знаю, — удивленно покачал головой я.

Наскоро возведенный лагерь Ллевелина был пуст и, судя по всему, оставлен в большой спешке. Брошенные возы, развернутые шатры и палатки, вещи и снаряжение, в беспорядке валявшееся на земле, — все говорило о том, что его обитатели спасались бегством. Были и другие тому доказательства. Поваленная, буквально развороченная во многих местах стена частокола и обглоданные остовы людей и животных, встречавшиеся здесь на каждом шагу.

— На них кто-то внезапно напал, — подытожил я увиденное, — но мне отчего-то кажется, что это были не люди.

— Марсиане или какие-нибудь упыри?

— Марсиане вряд ли, а вот насчет упырей, памятуя о фее Моргане, кто его знает? Может, и упыри. Вон, кстати, погляди! По-моему, это клык. И, судя по размерам, явно не из человеческой челюсти.

Действительно, длинный, узкий, очень острый зуб, лежащий на земле, мог принадлежать саблезубому тигру или небольшому дракону, но уж никак не человеку. Даже у виверн зубы хотя и шли в несколько рядов, но в длину были поменьше. Лис спрыгнул с коня и, подняв с земли жертву неизвестного дантиста, принялся его осматривать.

— Капитан! Не знаю, кто бы это мог быть, но, судя по количеству обглоданных скелетов, одно из двух: либо у неизвестного небывалый аппетит, либо этих милых саблезубцев здесь было до хренища. И, возможно, они до сих пор бродят где-то рядом.

Словно в подтверждение слов моего друга совсем неподалеку хрустнула ветка.

— Ну-ка, посмотрим! — Лис хлопнул своего коня ладонью по крупу и уже на скаку прыгнул в седло, направляя своего жеребца в сторону, откуда вновь донесся едва слышный треск.

— Погоди, а если там они? — Я пришпорил Мавра, заставляя его перепрыгнуть через поваленный частокол.

— Не дури, Капитан! Конь по своей воле на монстра никогда не пойдет. А если это человек, то, может, он поведает, шо за срань господня здесь приключилась.

Звук ломающейся ветки сменился шумом листьев, хлещущих по телу. Кто-то пытался скрыться в лесу, явно не желая встречаться с нами. Не знаю, чем бы закончилась эта погоня, когда бы не зацепилось длинное балахонистое одеяние бегущего за сучок поваленного ветром дерева, заставляя незнакомца рухнуть наземь. Он пытался по-змеиному отползти куда-то в сторону и спрятаться среди кустов, но тут подоспели мы, и лежащий на земле затих, прикрыв голову зеленым капюшоном, словно ожидая удара.

— Эй, заяц доморощенный! Выставь уши! Говорить будем. — Лис наклонился в седле и потыкал беглеца плетью между лопаток. — Вставай, вставай! Да не вздумай опять стрекача давать. У коня четыре ноги, и все покрепче твоих!

Бедолага с явной неохотой повиновался, опасливо глядя из-под капюшона на меня и Лиса. Насколько я мог разглядеть, вряд ли ему было больше шестнадцати лет. Возможно, и меньше. Тонкая подростковая фигурка его в широком зеленом балахоне никак не производила впечатления силы и связанной с ней опасности. Да и страх, читавшийся в широко распахнутых серых глазах, говорил о том же.

— Кто ты, добрый юноша? — начал я, настраиваясь на рыцарский тон. — Что привело тебя в эти недобрые места?

— Я Годвин, овидд, — все еще опасливо глядя на всадников, произнес отрок.

— Вот и славно, — улыбнулся я, стараясь показать, что принадлежность собеседника к касте друидов меня ничуть не смущает. —

Я — сэр Торвальд Пламенный Меч. А это — мой друг и соратник Рейнар Лис. Мы не причиним тебе зла. Расскажи-ка лучше, не знаешь ли ты, что здесь случилось? Лишь вчера утром мы покидали этот лагерь, где оставались тысячи воинов, а нынче обглоданные кости многих из них устилают его ковром.

— Это Красные Шапки, — с ужасом на худощавом лице прошептал ученик друидов. — Мир не видал существ свирепее, чем они.

— Видал-видал! — невесть чему обрадовался Лис. — У Шапок еще бабки есть. Это вообще живоглоты, не надо баловаться! Захотелось как-то одной Красной Шапке полакомиться волчатиной, но догнать-то серого ей не дано. Не зря говорят, волка ноги кормят. Так шо она удумала! Посадила в волчье логово свою бабку и та, когда загнанный Красной Шапкой зверь приполз домой, набросилась на него с криком: «А шо это у тебя так много глаз!» Ну, волк, понятно, в припадке самообороны, давай на нее челюстями щелкать. А у бабок этих есть такое свойство. Они по желанию могут раздуваться до размеров вола или же ссыхаться, ну шо тот желудь. Вот щелкает волчина зубами, а бабка — раз, и по быстренькому ссохлась. Бирюк от удивления пасть разинул, старая туда прыг, и давай раздуваться. А тут как раз и Красная Шапка с топором подоспела. С бабкой-то в брюхе шибко-то не побегаешь. Короче, вспорола она ему брюхо, — Лис с сожалением цыкнул, явно скорбя о смерти санитара леса, — бабка оттуда выскочила, ну и вдвоем они волчишку-то и схарчили. Остались от серого, — Лис снова цыкнул, — ушки и хвостик. Короче, все умерли.

Годвин, опасливо глядя на моего друга, слушал его нелепую побасенку как истину в последней инстанции.

— Я не знал, — едва замолчал Рейнар, начал он. — Вот только откуда же у Красных Шапок топор, они же хладного железа не переносят? Да и клыков им вполне хватит, чтобы вспороть волчье брюхо.

— Вот таких? — Мой напарник вытащил из-за пояса и бросил юноше нашу недавнюю находку.

— Он самый, — ловя ее на лету, кивнул овидд. — Это клык Красной Шапки. Ценная вещь, от многих бед обороняет. Кто его с собой носит — ни кобальдов, ни гоблинов может не опасаться. А ежели растолочь его в порошок, да смешав с лесным медом, да цветами красного папоротника, съесть, то кости так окрепнут, что вовек излома знать не будут.

— Весьма полезный рецепт, — перебил его я. — Но, будь добр, расскажи, что же здесь все-таки произошло. Лис, а тебя попрошу хоть несколько минут помолчать.

— Да я что?! Я ж так, для разрядки обстановки. А то еще есть красная шапочка кардинала Ришелье. Как-то он...

— Лис, в другой раз расскажешь!

—Хозяин — барин, — обиженно бросил мой друг.

— Это было какое-то нашествие Красных Шапок, — невольно вздрагивая от страха и омерзения при одном воспоминании о происшедшем, проговорил Годвин. — Всем окрестным жителям ведомо, что в развалинах старого замка, во-он на том холме, обитают эти зловредные гоблины. Они вообще любят селиться среди крепостных руин, около тех мест, где шли кровопролитные бои. Ведь, как известно, в пролитой воинами крови вымачивают они свои шапки. Обычно днем эти злыдни таятся среди камней, невидимые простому глазу. Но беда неосторожному путнику, забредшему в их обиталище.

Я невольно вспомнил свой собственный подъем на этот холм, неведомую силу, тянувшую меня к его вершине, и запоздало вздрогнул. Вероятно, великий меч, вовремя прилетевшая виверна и святой Каранток, которому ни с того ни с сего пришла в голову мысль искать меня именно среди развалин, отбили у Красных Шапок охоту нападать. А может быть, и нет. Может быть, готовясь к сытному ужину, они просто не хотели перебивать себе аппетит одиноким путником.

— Вчера, едва лишь смеркалось, Красные Шапки полезли с холма, как муравьи из своей кучи, спеша обступить лагерь со всех сторон. В каменных башмаках, с тяжеленными дубинами, с такими огромными клыками, глазами, светящимися, точно плошки, Красные Шапки шли и шли, словно собрались к полю Камланна со всей Британии. Что тут началось! И описать-то невозможно! Окруженные воины пытались сражаться, но обычное оружие бессильно пред этими чудовищами. Слава Дагде*, у некоторых, как и у меня, оказались четырехлепестковые листки клевера, заставляющие этих страшилищ исчезать в пламени, оставляя на земле один из своих клыков. Иные же догадались достать нательный крест, который хоть и не опасен для Красных Шапок, но формою напоминает четырехлистник, и потому порождения тьмы относятся к нему настороженно и стараются не приближаться. Таким вот образом многим удалось спастись бегством, ибо силой Красных Шапок не одолеть. — Он остановился, переводя дыхание.

— Значит, армия Ллевелина разбежалась, — печально констатировал я. — Плохая новость. Как ты думаешь, Рейнар, откуда в здешних местах взялось такое количество Красных Шапок?

— Да ну ясный пень, без феи Морганы не обошлось! Если пацан не брешет и тварей действительно было так много, как он говорит, то непонятно, как они все вместились среди руин на холме. К тому же, чего это Шапки, собственно говоря, только во вторую ночь полезли? А позавчера они что, разнарядку согласовывали?

---

* Добрый бог, отец всех, бог друидизма (*кельтск.*).

Вопрос этот остался без ответа, поскольку Лис, без всякого перехода, поспешил выдать следующее:

— Парень, а ты-то, собственно говоря, что тут делаешь?

— Мой учитель Ниддас Коедуин велел мне отправляться в эти края, дабы я принес ему травы, именуемой утесником. Сие растение, встречающееся весьма нечасто в редких местах, необходимо во многих обрядах, как-то: обряд Открытия Пути, Барьера, Вызова Властителя Кургана и многих иных, — словно в подтверждение этих слов, овидд распахнул свое длинное одеяние, демонстрируя висящую на поясе сумку, наполненную мелкой мохнатой травкой. — Клянусь милостью Риаданоса*, я не лазутчик и в жизни никогда не притрагивался к оружию.

— Ладно-ладно, не тушуйся. Не лазутчик, так не лазутчик. — Глаза Лиса азартно сверкнули. — Оставь себе свой гербарий. Мы на него не посягаем. А если ты нам поможешь, вот он, как наследный принц не важно чего — это тайна, выпишет тебе мандат, разрешающий собирать ягоды, цветы, грибы и прочую дребедень в любом конце империи бриттов от Оркнеи до Арморики. — При этих словах мой друг похлопал паренька по плечу. — Скажи мне, умник, ты на коелбрене читать умеешь?

— Да, — негромко, но с плохо скрываемой гордостью ответил ученик друида.

— Молодец, — похвалил его Лис. — Ученье — свет! А ну-ка, Торвальд, дай-ка мальчику прочитать одну из твоих записочек.

Я еще раз внимательно посмотрел на юнца, словно спрашивая себя, способен ли он извлечь какую-нибудь корысть из «лишних знаний». Пожалуй, нет. Развязав висевший на поясе кошель, я вытащил клочок пергамента, переданный мне позавчера герцогом Ллевелином — скорбное наследие сэра Сагремора Желанного.

— На-ка, посмотри.

Юноша осторожно принял из моих пальцев пергамент и, сосредоточенно шевеля губами, начал водить по нему пальцем.

— У северной стены стоящий, — закончив читать, с чувством продекламировал он.

— Ай, молодец! — расплылся в улыбке Лис. — Ну, считай все бурьяны Британии уже твои. А ну-ка, — Лис сделал мне знак рукой, требуя показать грамотею и вторую записку, — прочти-ка еще вот это.

Я достал из-под одежды ладанку сэра Кэя. Овидд почтительно взял протянутый ему очередной фрагмент рукописи. Начал читать, глаза его округлились. Он перевел взгляд на меня, потом на Лиса,

---

* Бог путешествий, перекрестков и тайных смыслов.

потом снова на строчку коелбрена и заговорил смущенно, словно извиняясь:

— Простите, достопочтенные господа, но я не могу разобрать эти письмена.

— То есть как это?! — возмутился Лис.

Подросток невольно сжался, словно ожидая, что импульсивный всадник, по виду явно не бритт, окажется таким же скорым на расправу, как и на слова.

— Либо написанное здесь, — быстро затараторил он, — полная нелепица, либо это шифр, постичь который я не в силах.

— Шифр? — повторил я. — Возможно. От Мерлина этого можно было ожидать.

— Постой-постой. — Лис возмущенно выхватил у меня из рук пергамент, доставшийся мне от сэра Сагремора. — Здесь шифра нет, а здесь, — вторая рука Лиса потянулась за пергаментом сэра Кэя, — есть. Старина Мерлин решил поглумиться над бедными профанами? Или он зашифровал особо пикантные части повествования? Слушай, Торвальд, — Рейнар перевел взгляд с одного куска пергамента на другой, — по-моему, нас тут решили прокинуть, шо последних лохов! Парень, ты этого не понимаешь, это по-трансальпийски. Ты эти два шматочка телячьей кожи вместе рассматривал?

— Да нет, как-то...

— А ты посмотри, — с напором продолжал мой друг. — Вот этот сэр Кэй, и ты вслед за ним, таскал в ладанке. А этот твой сэр Мухомор носил, уж не знаю где. Но ты — в кошеле, вместе с монетами. Теперь попробуй мне внятно объяснить, если это две части одного целого, то отчего вдруг часть Сагремора потерта меньше, чем часть Кэя? И еще, вот видишь точку? Это явно не случайно пером зацепили, а намеренно ее аккуратненько поставили. А в тексте сэра Кэя никаких точек нет. Так шо либо Мерлин состряпал еще одно адаптированное предсказание для круглых идиотов...

— Либо Ллевелин за таковых считает нас, — продолжил я вывод Рейнара. — Впрочем, он-то как раз не знает, что у нас есть еще один фрагмент предсказания.

— Да-а, — скривился Лис. — У нас есть три различных варианта, написанных тремя разными способами. Я не удивлюсь, если следующий фрагмент будет написан, скажем, на суахили. Готов выслушать твои комментарии по этому поводу.

— Пока что ясно одно: Ллевелин ведет свою игру. Какую — мы пока не знаем. Но сейчас ему, вероятно, не до нас. Мы выполнили свое обещание и прибыли в лагерь, то, что здесь никого не оказалось, — не наша вина. Сейчас мы имеем полное право и все основа-

ния заниматься своими насущными делами. Скажи мне, любезный Годвин, а твой учитель мог бы помочь разобраться с этим шифром?

— Шифры Мерлина всегда трудны, но Ниддас Коедуин — один из славнейших друидов острова. Однако я не могу знать, пожелает ли он помогать вам. К тому же, — овидд замялся, — вы рыцарь, а британские рыцари все христиане. Вы были добры ко мне, но... Я не имею права показывать вам путь к пристанищу друидов.

— Годвин, — я обнажил меч и, зажав его под мышкой, положил два пальца на усыпанную мелкими рубинами рукоять, — я клянусь тем, что для меня свято, что не причиню вреда ни твоему учителю, ни кому-либо из вашего сообщества.

— А ваш друг?

— Ну, дык! Спрашиваешь! — возмутился Лис. — Я сам в душе буквально без пяти минут друид и заслуженный маг запаса. Шоб я, да за полпирожка? Да никогда!

— Он тоже не причинит вам вреда, — перевел я юноше весь этот «трансальпийский» бред.

Годвин, все еще сомневаясь, смотрел на нас, очевидно, не решаясь преступить усвоенный запрет.

— Братан, блин! Ну шо ж ты тянешь кота-то за лапку?! Не мучь животное!

— Это у вас Катгабайл? — не обращая внимания на слова моего друга, произнес овидд, внимательно вглядываясь в голубоватый, наполненный внутренним светом клинок и рукоять, покрытую застывшими каплями крови могущественного аса Тюра.

— Да, он самый.

— Хорошо, я проведу вас.

Глава 10

При наличии отваги можно позволить все, но не всего можно достигнуть.

Наполеон

Ночь — не лучшее время для путешествий. Особенно если двигаться приходится скрытно и в стороне от проезжих дорог. Впрочем, никаких иных и не было. Лишь оставшиеся со времен римского владычества, да тропы людские, звериные и еще бог весть какие.

Иногда довольно широкие, но чаще едва заметные, вроде той, по которой мы сейчас двигались.

Вообще форсированный марш Мордреда, отступавшего с висящим на хвосте противником через всю Англию к Адрианову валу, должен был бы внимательнейшим образом изучаться в военных академиях, поскольку провести армию сквозь такие леса — само по себе прекрасный образец полководческого искусства. А уж при этом после двух поражений сохранить высокую боеспособность и воинский дух — это уже шедевр оперативного мастерства. Во всяком случае, знаменитое отступление Кутузова из-под Аустерлица, немало послужившее его славе, вполне могло стоять в одном ряду с отступлением Мордреда.

Замысел его был, несомненно, верен. Вымотав армию Артура, лишив ее привязки к базам, Мордред приводил противника именно туда, где, по его соображениям, надлежало произойти решающему бою. Здесь его войска должны были соединиться с мятежниками Горры и всей мощью обрушиться на сторонников Артура, быть может, и лучших бойцов, но вынужденных в последние дни питаться впроголодь, поскольку всю провизию и весь фураж съедала и уносила с собой армия Мордреда, идущая впереди.

Сражения, данные сыном феи Морганы при Дувре и Бархем-Дауне, несомненно, были проиграны с точки зрения тактики, однако, исходя из общего стратегического замысла, являлись его блестящей победой. Теперь, вовлеченный в игру своего сына, король не мог ни свернуть в сторону, чтобы обойти противника, ни слишком быстро преследовать его, заставляя бежать, а не отступать в полном порядке. Несомненно, Артур понимал это, раз предпринял, по словам Бэдивера, попытку уладить дело миром и своевременно позаботился об укреплении пограничной линии Адрианова вала. Да, стремительный маневр герцога Ллевелина позволил королю сойтись с Мордредом один на один, а отвага рыцарей Круглого Стола, в большинстве своем державших руку Артура, помогла ему уравнять шансы в роковой Камланнской битве. Но теперь обстановка становилась еще более запутанной.

Мордред, вероятнее всего, был жив, и, следовательно, в ближайшее время стоило ожидать его новых притязаний на опустевший трон. Но и Артур не был мертв. Во всяком случае, таковым его никто не видел. Зато обещание феи Морганы, что он не умрет, уже понемногу начало расползаться по Англии. А значит, живой или мертвый, Артур становился знаменем всех тех, кто не желал видеть верховным королем его вероломного сына-племянника. И, судя по всему, первым на роль вождя этой оппозиции метил наш гостеприимный герцог Ллевелин. Право слово, великолепная кандидатура.

Верный сподвижник, доверенное лицо, блестящий военачальник. Тверд, но любезен со сторонниками и непримирим с врагами. Всем бы хорош, когда б не маленькое «но», лежащее в моем кошеле. Интересно, с какой стати вдруг вздумалось Ллевелину вручать мне подложный текст? А может быть, все еще сложнее? Быть может, пергамент действительно попал к нему от умирающего сэра Сагремора? Навряд ли Страж Севера, как и мы, способен разобрать ветвистые письмена на коелбрене и отличить истинное прорицание от подложного.

А если не он, тогда кто? Фея Моргана? Зачем? Ну, скажем, для того, чтобы посадить на трон Мордреда. Логично? Вполне. Тогда получается, что ей заранее известно, что текст пророчества отводит ее отпрыску отнюдь не первостепенную роль. Могла ли она это знать? Могла. Даже если оставить в стороне ее магические способности, то приходится признать, что Мерлин находится в ее власти. Во всяком случае, об этом упорно говорят. Он, конечно, старик крепкий, но ведь и Моргана из той категории дам, которые добиваются своего во что бы то ни стало.

В таком случае Ллевелин виновен лишь в том, что подсунул мне фальшивку. Но он и не мог ее проверить. Итак, Ллевелин или Моргана? Или же, может быть, кто-то третий, кто появится в назначенный час, словно чертик из табакерки... Согреваемый такими грустными мыслями, я вел коня в поводу, стараясь ступать как можно тише, дабы не вспугнуть недреманную стражу на башнях Адрианова вала. Ответа не было, да и не могло быть. Но вопросы, не желая отвязываться, крутились в голове докучливыми слепнями.

— Тише, джентльмены, — прошептал наш проводник, прячась за кустом и настороженно поглядывая на цепь холмов, ощетинившихся гребнем крепостной стены. — Здесь надо быть очень осторожным. Отсюда до самого вала голое пространство, а я, увы, еще не обучен делать барьеры невидимости. Будь вы без коней, можно было бы проползти, а так... — Он замялся.

— Послушай, мой юный друг, — как можно мягче начал я, — на этой земле нам нет необходимости передвигаться ползком. Ни один здешний патруль не посмеет задержать рыцаря Круглого Стола.

— Тем более, если что, мы свистнем-крикнем — примчится Ллевелин и устроит всем тут сладкую жизнь и небо в алмазах. Он у нас здесь отец родной!

— Погоди, Рейнар! — перебил я демонстрацию нашей невероятной мощи. — Итак, мы без труда доберемся до вала. Можем взять и тебя, хотя зеленый балахон непременно вызовет множество вопросов, если мы встретимся с патрулем.

— Не стоит утруждать себя, любезные господа. Я прокрадусь незамеченным к самым холмам. Я уже десятки раз делал это. Лучше нам встретиться на месте.

— Слушай, малый. — Лис недоверчиво поглядел на ученика друида, почти сливающегося в своем аляповатом балахоне с окрестными кустами и высокой травой. — А ты, часом, не решил от нас драпануть? Так я ведь догоню, не помилую!

Сказать это было куда проще, чем сделать. Стоило буквально сейчас мальчишке рвануться в заросли и, пробежав ярдов сто, затаиться под кустом или же забраться на дерево, и вряд ли наши поиски увенчались бы успехом. Годвин посмотрел на моего напарника задумчиво-удивленно, словно вновь решая для себя, стоит ли вести в святая святых этих грубых профанов, пытающихся добиться угрозами того, чего уже добились добрым словом.

— Я и не думал никуда убегать. Человек, опоясанный Катгабайлом, не может быть врагом друидов. Его дорога ведома лишь великим богам, и участь предначертана их волей. Нет большего невежества, чем отказать ему в помощи, если он о таковой просит.

— Ну, извини. — Лис удивленно покачал головой. — Ежели ж оно так, так оно, конечно. Потому что шо ж... Тогда говори, где встречаемся.

— Во-он там, — овидд, тщательно выцеливая, указал пальцем на видневшийся вдали холм, — возле того холма есть развалины древнего римского лагеря. Там и встретимся.

— Хорошо. — Я дал знак Лису следовать за мной и пришпорил Мавра. — До встречи!

Пара всадников, пересекающих пустошь, — весьма заметная цель для караульных, несущих дежурство на валах. И хотя огрызок луны — убогое освещение, но стук копыт в ночной тишине слышен значительно дальше, чем днем, а конные разъезды, время от времени проезжающие от одной башни к другой, наверняка привыкли вслушиваться в окрестные звуки и вглядываться в ночную мглу. Стражники появились довольно скоро, подтверждая предположение, что караульная служба у Ллевелина поставлена совсем неплохо. Десяток верховых устремились наперерез нам, охватывая со всех сторон, явно намереваясь по-свойски разобраться с неизвестными. Вариант «взять живьем» в таком случае рассматривался как оптимальный.

— Кто такие? — окликнул нас рыцарь, явно командовавший всадниками.

— Я — сэр Торвальд аб Бьерн. — Голос мой звучал гордо, как и положено звучать голосу принца, вышедшего, в свете недавних событий, в первую десятку престолонаследников. — Рыцарь Круглого

Стола и близкий сподвижник могущественного герцога Ллевелина. Со мною достопочтенный Рейнар Лис...

— Из Трансальпийской Галлии, — вмешался Сергей. — И тоже там, кстати, не как-нибудь. Буквально инородный депутат и генеральный секретарь-машинист феодально-крепостнической партии.

Для меня оставалось загадкой, откуда мой друг берет такие заковыристые титулы и звания, но в этом деле он был неистощим.

— О, прошу прощения. — Командир разъезда подъехал поближе, всматриваясь в лица и разглядывая золотого леопардового льва пассан, рампан* на лазоревой котте.

— И верно, это вы.

— Конечно, мы! — возмутился Лис. — А ты думал, мы — это не мы? Не немы мы! Мы это ого-го! — По субординации общаться с начальником стражи надлежало мне, но бойкий на язык Лис то и дело норовил встрять в любой разговор, обычно оставляя на мою долю собеседников от герцогов, князей и выше. — А не то, чтобы вот! — завершил страстный монолог Рейнар и победно взглянул на меня. — Я прав?

— Вне всякого сомнения, — кивнул я.

— Прошу простить меня, — удивленный столь неожиданным напором неизвестный мне рыцарь едва заметно пожал плечами. — Могу я осведомиться, что привело вас сюда посреди ночи?

— Тс! — возмущенно шикнул Рейнар, оглядываясь по сторонам.

— Лис, ты чего? — удивился я. — Понятно, что я не собираюсь им рассказывать, что мы идем к друидам.

— Еще бы ты собирался! Ты, главное, не тужься. У вас в кембриджах высокую науку «лепить горбатого до стены» не проходят. Щас я этому красавцу растолкую, ху из ху, а ху из нет. Ты, главное, моргай согласно. Большой секрет и государственная тайна, — сквозь зубы, едва шевеля губами, прошипел мой напарник. — Отгони своих бойцов, беркут башенный. Шо я тебе скажу, так это им лучше не слышать. — Командир сделал знак своим подчиненным отъехать. — Спецзадание, — театральным шепотом, с тем, чтобы кто-нибудь из караульных слышал его слова, произнес Лис. — Король Артур жив, Ланселот на нашей стороне. Ллевелин велел немедленно проверить агентурную сеть. В нее должна попасть золотая рыбка. — Он многозначительно поднял вверх указательный палец. — Но чтоб ни-ни! Ни одна живая душа! Я понятно объяснил? Запомни, — он поманил рыцаря к себе, — узнает Моргана — будет беда... Мы надеемся на тебя, друг мой! А теперь спеши, вон там, — Сережа махнул рукой в сторону, максимально удаленную от той, откуда мы пришли, — скрывается отряд пиктов. Они прячутся и

---

* Пассан, рампан — идущий, оглядывающийся.

бдят. Никто не должен уйти! — Я согласно кивнул. — Ступайте, сэр! Отечество смотрит на вас широко открытыми от ужаса глазами и ждет от вас подвига.

При этих словах начальник стражи натянул поводья и, повернув коня, скомандовал своим воинам:

— За мной!

— Попутного ветра, сэр рыцарь! — напутствовал его Лис. — Ну шо, Капитан, дорога свободна. Поехали.

Годвин уже ждал нас, притаившись среди камней. Действительно, развалины, в которых мы находились, были остатками укрепленного лагеря, уже начавшего было обрастать селением, но разрушенного в прах давним нашествием пиктов. Лишь руины терм* и ровные прямоугольники казарм, следы которых еще виднелись среди травы, говорили о том, что некогда по этим прямым, четко спланированным улицам маршировали легионеры, ездили купцы, и крутобедрые гетеры, вернее, их невзрачные британские последовательницы, бойко торговали в этих местах своим единственным товаром.

— Я здесь, джентльмены, — раздался меж лежащих на земле растрескавшихся блоков голос проводника, и через секунду он сам вырос перед нами, словно диковинное растение, подгоняемое заклинаниями могущественных друидов.

— Ловко! — улыбнувшись, похвалил его мой напарник. — Ну что, отправляемся?

— Конечно, господа.

— Постойте! — вдруг всполошился я. — А как же кони? Не можем же мы их оставить здесь.

— О, это излишне, — заверил меня подросток.— Верхом вы, конечно, вряд ли проедете. Хотя если наклониться к самой холке, то может и получиться. А ежели вы поведете их в поводу, то будет и вовсе просто.

Успокоенный этим заверением, я отправился вслед юному овиду. Вскоре мы стояли среди очередных руин с торчавшей из каменной стены трубой. Труба была диаметром примерно дюймов восемь, и я очень надеялся, что не она является обещанным потайным ходом на ту сторону вала. «Вот так же протекает время», — прочитал я полузатертую надпись над трубой. «Вот так проходит слава земная». Очевидно, когда-то из трубы лилась вода, наполняя бассейн, на заросшем дне которого мы сейчас стояли. Однако теперь лишь утренняя роса скупо смачивала внутренность трубы, непреложно подтверждая мысль о том, что время могущества Римской Империи истекло, и слава ее давным-давно осталась позади.

---

* Термы — римские бани.

— Вы понимаете язык ромеев? — удивленно посмотрел на меня юноша. — И сведущи в их письменах?

— М-м... Немного, — сконфуженно кинул я, догадываясь, что невольно допустил ошибку, показывая грамотность, а уж тем паче, знание иностранных языков.

Мальчонка уважительно покачал головой. Очевидно, после демонстрации таких способностей мой рейтинг в его глазах поднялся весьма высоко.

— Сейчас, — заверил овидд, ныряя в кусты, лет сто назад пробившие своими солнцелюбивыми ростками выбеленный камень. Нам не было видно, чем именно он там занимался, но спустя минуту после его исчезновения одна из широченных плит бассейна стала опускаться словно по волшебству, представляя собою довольно пологий спуск в подземелье. В тот же миг Годвин появился снова:

— Быстрее! Быстрее, господа, очень скоро она начнет подниматься. Там внизу темно и душно, но не бойтесь, никаких неприятных сюрпризов нет. Обычный туннель.

Я еще раз окинул взглядом хитроумное устройство римской военно-инженерной мысли. Вероятно, в прежние времена проход можно было удерживать в открытом состоянии значительно дольше, используя в качестве стопора вес слитой в специальный резервуар воды. Но зато всякий непрошеный гость, попытавшись без предупреждения проникнуть с той стороны, подняв или сломав плитулюк, неминуемо получал в награду несколько тонн прозрачной жидкости, спешащей охладить неразумную голову. Сейчас, конечно, хитроумная система труб и противовесов была напрочь разлажена. Но все же плохо ли, хорошо, а система действовала, давая возможность наследникам прошедшей славы вносить посильную лепту в приумножение славы настоящей.

Как и обещал Годвин, подземный ход не таил в себе обычных для позднего средневековья каверз и ловушек, то и дело норовивших скрасить последние секунды жизни идущего неподдельным изумлением. Сводчатый потолок, выложенный каменными плитами пол — словом, проложи здесь рельсы, и вполне можно было бы запускать поезд метрополитена, правда, очень маленький.

Идти пришлось недолго. Вернее, не очень долго. Ход заканчивался в овраге, заросшем бузиной и неизвестными мне чахлыми деревцами. Закрывавшая его плита снаружи была облицована диким камнем, настолько хорошо вписанным в окружающий ландшафт, что, пройдя в трех шагах, вряд ли можно было заметить подвох.

— Можем ехать смело, — заверил Годвин. — Эта часть пустоши в ночное время со стены не просматривается.

— И не простреливается, — добавил Лис, оглядываясь на темнеющий в полутора полетах стрелы от нас зубчатый хребет вала и мерцающие огни на сторожевых башнях. — Капитан, вот ты у нас известный полководец. Расскажи, пожалуйста, какого рожна каледонцы поперлись на Палладон в самом укрепленном его месте, если у них под носом имелся такой прекрасный путь, чтоб зайти бриттам с тыла.

В словах Лиса, несомненно, был резон. Как я уже говорил, крепостная война не входила в число сильных сторон здешних армий.

— Возможно, они просто не знают об этом тайном ходе. А кроме того, нам слишком мало известно о взятии Палладона, чтобы говорить о чем-то наверняка.

Здесь я несколько покривил душой. Действительно, точных данных о захвате Палладона у нас не было, но слухи, расползавшиеся по лагерю после прибытия гонца от Артура, говорили о том, что этот узел обороны центральной части вала был взят именно штурмом. Причем время, выбранное для нападения, заставляло думать, что противнику было прекрасно известно все, что происходило в крепости, начиная от времени смены часовых и заканчивая степенью готовности к обороне различных участков цитадели. Поневоле оставалось признать, что разведка пиктов как всегда была на высоте.

Однако все это уже было в прошлом. Теперь граница Британии едва проглядывалась за нашими спинами. Я, не опасаясь больше нескромных вопросов стражи, подхватил мальчишку-овидда с земли и, усадив за спину, пришпорил коня. Ночь в этих местах для нас была довольно безопасным временем, а стало быть, следовало использовать ее с толком и до рассвета добраться до святилища друидов. Честно говоря, я не совсем представлял себе, каким образом склонить служителей древних богов к сотрудничеству с нами. Оставалось надеяться, что и здесь Катгабайл, словно волшебный пропуск, поможет найти общий язык с почтеннейшим учителем нашего проводника.

Утро застало нас у отвесной каменной стены меж угрюмых, поросших пожухлой травой темных скал.

— Нам туда, — указал рукой Годвин.

— Куда? — не понимая, переспросил я, глядя в направлении, указанном юношей, и убеждаясь, что следующим шагом мы должны упереться носом в буровато-серый от косых утренних лучей гранит.

— Туда, — вновь повторил юноша, спрыгнул с седла и, пройдя к стене, как ни в чем не бывало скрылся в каменной толще.

— Да уж, — обескураженный Лис протянул руку и пощупал холодный камень. — Дэвид Копперфилд рядом не угадывается! Как это он сделал?

Я молчал. Исчезновение парнишки произвело на меня не меньшее впечатление, чем на Сергея.

— Кажись, он таки сбег, забодай его комар!

Словно опровергая его слова, из гранита высунулось лицо Годвина.

— Ну что же вы стоите, я вас уже там жду.

Видя наши ошарашенные физиономии, он с нескрываемым удовлетворением расплылся в улыбке и, подхватив поводья коней, не моргнув глазом повел их сквозь стену. Те шли спокойно и уверенно, как будто и вовсе не видели перед собой непреодолимой преграды. Возможно, так оно и было.

— Ну вот мы и на месте, — радостно сообщил юный овидд. — Но только — тсс! Не мешайте, сейчас идет ритуал омовения Солнцем. Погодите, он закончится, я попрошу пресветлого Ниддаса Коедуина уделить вам внимание.

Я кивнул, демонстрируя наше согласие ждать окончания церемониала.

— Да-а, неплохо они тут устроились, — пробормотал Лис, оглядывая скрытый от взора чужаков пейзаж.

Что и говорить, он действительно радовал глаз. Лес, девственный и дикий, поднимавшийся на запретном плато, казался в то же время на удивление ухоженным и таким притягательным, что уходить отсюда, а уж тем более уходить надолго никак не хотелось. Все в нем было наполнено жизнью, зеленой, юной, радующейся самой себе, так, что казалось, нет ни малейшего уголка в этом диковинном краю, за который бы могла ухватиться своими гнилыми зубами вечно голодная смерть.

Не обращая внимания на чужаков, смирно дожидающихся своего часа, девять человек в длинных белых одеяниях, мерно ступая, обходили круг поставленных гладких, видимо, отшлифованных, камней. Солнечные лучи восходящего светила, проникая в зазор между камнями, попадали точно в центр круга, где на каменной плите тлел небольшой костер, сложенный из душистых трав и цветов. Друиды — а ни у меня, ни у Лиса не было сомнений в том, что это были именно они, — с сознанием важности выполняемого ритуала ступали шаг за шагом посолонь*, то приподнимаясь на носках, то вновь опускаясь на всю ступню, вдыхая наполненный созидательной энергией солнечных лучей аромат живительных растений, переходящих в очищающем пламени костра из грубой материальной сферы в тонкую духовную.

---

* Посолонь — по Солнцу, по часовой стрелке.

Приветствую тебя — Солнце сезонов!
Клянусь тебе, уверенно летящему в вышине на краях небес,
Тебе, счастливому отцу звезд.
Ты опускаешься в полный опасностей океан,
Ничем не рискуя, ничего не страшась.
Ты поднимаешься вместе с восточным ветром,
Как молодой король, покрытое славой.
Будь моим утром!*

Выводили они слаженным хором, на каждом шаге поворачиваясь на восток и воздевая руки вверх, словно принимая в себя частицу силы дневного светила.

— Насыщенной жизнью живут люди! Тут тебе и молитва, и зарядка сразу же. Руки вверх, в стороны, вниз, ходьба, поворот. Скажи, Вальдар, а приседания будут?

Я гневно посмотрел на напарника.

— Лис, мы с тобой допущены в святая святых одной из самых таинственных религий мира, а у тебя все шуточки на уме.

— Не-а! У меня на уме еще сказочка про некоего английского пастушка, который вот так же отошел с тропы на полянку потанцевать, а когда вновь вернулся на тропу, не то что стада не застал, а в родной деревне даже внуков своих сверстников не обнаружил! Представляешь, поговорим мы тут часок-другой, пройдем сквозь скалу обратно, а там такой себе голос из большой железной трубы, привинченной к столбу: «Экспресс Лондон — Эдинбург прибывает к первой платформе в пятнадцать ноль-ноль по Гринвичу. Нумерация вагонов с головы поезда».

— Лис, что ты такое говоришь? Пастушок танцевал с эльфами или феями, в разных вариантах по-разному, а здесь — кромлех друидов. И они никаких шуток со временем себе не позволяют. — Я помолчал, обдумывая собственные слова. — Надеюсь.

Между тем солнце уже поднялось достаточно высоко, и костер в центре круга поглотил все заготовленные пучки травы, принесенной ему в жертву, а потому друиды, с сожалением вдохнув последние клубы высокоэнергетического дыма, построившись цепочкой, вышли из круга и углубились в лес, спеша, очевидно, к своим обыденным ежедневным занятиям. Казалось, никому не было ни малейшего дела до пары всадников, сиротливо дожидающихся общения с просветленным учителем нашего спутника.

— Ну шо, — Рейнар наклонился к стоящему рядом овидду, — торжественная часть закончена? Может, сходишь покличешь своего наставника?

* Заклинание взято из книги Д. Монро «Утерянные книги Мерлина».

Годвин покачал головой.

— Высокомудрый Ниддас и его помощники сейчас помогают лесу расти...

— А шо, сам он никак не справится? Может, съездим поищем почтеннейшего?

Годвин улыбнулся.

— Во-первых, это бесполезно. Найти друида в лесу, когда он этого не желает, невозможно. А во-вторых, куда же вы поедете, не пройдя обряд очищения? Впереди же завеса.

— Какая еще завеса? — удивился мой напарник, оглядывая пространство впереди себя.

— Завеса, отделяющая мир просвещенных от мира диких. Если хотите — езжайте. Сами увидите, получится ли у вас что-нибудь.

Лис вопросительно посмотрел на меня.

— Торвальд, если что, ты ж поддержишь? — как-то не особо уверенно начал он.

— О чем речь? — пожал плечами я. — Но лучше бы подождать, пока они освободятся.

— А, попытка не пытка! — махнул рукой Рейнар, трогая шпорами конские бока.

Его скакун, без страха мчавший хозяина в любую сечу, совсем недавно не моргнув глазом прошедший сквозь гранитную стену, обиженно фыркнул, но не тронулся с места, как будто и не Лис был передо мной, а конный памятник ему в натуральную величину.

— Не понял?! — возмутился мой друг.

— Можете даже не трудиться, он не пойдет, — заверил бравого лучника Годвин. — А если вы попробуете пойти дальше пешком, вас обуяет такой ужас, что, устремившись в бегство, вы рискуете заблудиться и никогда более не найти дорогу в свой мир.

— Где заблудиться? — обводя взглядом пустое пространство перед лесом, поинтересовался я.

— Конечно же, здесь, — не ведя бровью, ответил Годвин. — Дальше вы все равно не пройдете.

— Капитан, — вздохнул Лис, — похоже, он не брешет. Шо-то подобное было, когда я пытался проникнуть на плато к волхвам. Ну, помнишь, тогда давно, у Пугачева. Но здесь они, пожалуй, еще покруче окопались.

— Не торопитесь, джентльмены, — заверил нас юноша. — Сейчас я совершу обряд очищения голубым огнем, и вы без помех сможете войти в мир посвященных.

Промолвив это, овидд достал из-под балахона подобие небольшого серпа, нагнулся и, вонзив острие своего инструмента в землю, на-

чал обводить вокруг нас на удивление ровный круг. Покончив с этим, он вытащил из поясной сумки глиняный кувшинчик и, откупорив его, начал аккуратной тонкой струйкой выливать его содержимое в получившуюся борозду. Жидкость моментально впитывалась, но это, похоже, ничуть не беспокоило Годвина. Закончив с поливом круга, он присел над ним, вынул огниво... И в тот же миг вокруг нас взвилась вверх стена голубого пламени, достигающая в высоту ярдов трех. Сквозь него мы увидели, как Годвин, раскачиваясь, произносит что-то распевное. Но, невзирая на близость юноши, ни одно из его слов не доносилось до нашего слуха. Однако едва его уста сомкнулись, пламя само собой опало, возвращаясь в землю, откуда было вызвано.

— Теперь путь открыт, — поклонился нам овидд. — Прошу вас следовать за мной, джентльмены. Ниддас Коедуин ждет вас.

Верховный друид ожидал гостей, сидя в своеобразном кресле, выросшем в стволе дуба. Оно было не вырезанным, не вырубленным, а именно выросшим. Вполне удобное кресло с подлокотниками, покрытое шершавой корой.

— Вот они, учитель, — представляя нас, негромко проговорил Годвин, склоняя голову. — Один из них опоясан великим мечом. Он просил нас о помощи, и я счел возможным привести его пред твои очи. Прости меня, если я не прав.

— Ты верно поступил, мой мальчик, — раздался тихий уверенный голос из-под капюшона, плотно надвинутого на лицо. — Избранник феи Сольнер всегда желанный гость в заветном лесу. А это, — капюшон чуть повернулся, — видимо, Рейнар Лис, чьи слова почти так же остры, как его стрелы. Рейнар, сразивший Шнека Хеттена, пытавшегося заставить друидов служить себе. И его рады мы приветствовать здесь.

— Да какие вопросы! Чуть шо, обращайтесь! — благосклонно позволил хозяину Лис.

— Учитель! — вновь обратился к сидящему в дереве-кресле овидд, — сэр Торвальд, законный носитель божественного Катгабайла, показал мне письмена великого Мерлина, от которых, по его словам, зависит судьба британского королевства. Но, увы, познания мои оказались ничтожными в сравнении с мудростью величайшего из великих. Я не смог разгадать явленный мне шифр. Быть может, в ваших силах понять смысл его писания.

— Мерлин, Мерлин, — с легкой усмешкой донеслось из-под нахлобученного капюшона. — Премудрый, преславный... Великий маг и великий советник великих королей. Мудрец, вечно стоящий на распутье. В его жилах слишком много королевской и императорской крови, чтобы всецело отдаться друидическому служению. Но взор его прозрева-

ет во времени и мирах так ясно, что для него лишь тяжкая обуза золото властного венца. Он раздаривает крупицы своей мудрости, как бубенцы неразумным детям, и со скорбью в сердце видит, как убивают друг друга из-за жалких погремушек даже самые наилучшие из детей человеческих. Мерлин, Мерлин... На горе свое он обречен видеть разрушаемым все то, что создает. Слова его подобны виноградной лозе, плоды которой утоляют жажду и дарят радость, но вместе с тем доводят до безумия всякого, кто безоглядно доверится им.

— Прошу простить меня, ученейший Ниддас Коедуин. Мы были бы весьма обязаны вам, когда бы вы помогли нам разобрать шифр, коим великий Мерлин скрыл смысл своих писаний, — поклонился я, улавливая паузу в речах друида. — Вот. — Я протянул мудрецу оба кусочка пергамента, предусмотрительно приготовленных для этой встречи.

— Ну, это совсем просто, — посмотрев на первый клочок пергамента, произнес верховный друид, — и не имеет к Мерлину никакого отношения. Это обычный валлийский коелбрен. — Он протянул обратно часть предсказания, доставшуюся мне от сэра Сагремора. — А это, — в голосе жреца древних богов послышался неподдельный интерес, — да, это действительно прорицание Мерлина. Текст поверх текста... Между ними — заклятие, и сверх того заклятие. Без первого заклятия не расшифруешь первый текст, а без него не снимешь второе.

— Но вы можете прочесть его?

— Нет. Да и вообще я знаю лишь двух людей в этом мире, способных справиться с такой задачей.

— Кто же это?

— Ну, во-первых, любимый ученик Мерлина Марлаграм. Но, по слухам, он нашел себе пристанище при королевском дворе Пирадора. Тамошний король настолько опасался разнообразных завоевателей, что потребовал у придворного мага создать совершенную защиту для своих земель. Юный Марлаграм, невзирая на возраст, весьма поднаторел во всех ныне известных разделах магии. Он создал такую защиту. И с той поры все забыли о существовании Пирадора. Никто, даже я, не может вспомнить, где находилось это королевство, и никто не может попасть туда. Говорят, правда, там иногда оказываются рыцари и принцы, чтобы стать мужьями местным принцессам, но не знаю, стоит ли верить этим рассказам. Доподлинно известно лишь одно: отныне попасть в Пирадор можно, лишь пройдя по звездному мосту.

— В лунный день тридцать первого июня, — завороженно прошептал я.

— О, такие познания делают вам честь!

— Благодарю вас. Но вряд ли нам в скором времени удастся встретиться с достопочтенным Марлаграмом.

— Вы правы, мой юный друг. Есть еще один человек, способный расшифровать письмена Мерлина. Это фея Моргана.

— Час от часу не легче, — пробормотал мой импульсивный напарник.

— Я вижу, недобрая ее слава и вам застит глаза. Напрасно. Моргана умнее и достойнее большинства королей и принцев Британии. К тому же она сведуща в государственных делах и волшебстве. Не зря же эта девушка стала любимицей нашего доброго друга Мерлина. Подумайте, Моргана ведь имеет почти такие же права на престол Британии, как и зачатый путем магического обмана Артур. По закону Артур — сын герцога Корнуэла, хоть и рожденный, как говорят у вас, во грехе. Утер признал его своим, но и Моргану также признал. И если бы не нелепый закон захватчиков римлян, возможно, Моргана была бы куда более полезной для острова королевой, чем ее буйный братец. Ведь возглавляла же когда-то борьбу бриттов с ромеями королева Боадиция. Чем Моргана хуже ее?

Из-за глупого предубеждения, что король обязательно должен мчаться с мечом наголо впереди войска, она лишилась трона. Впрочем, маленькая умница не слишком стремилась к королевскому венцу. Ее увлекал другой путь. И никто на этом пути не превзошел ее. Вероятно, вы считаете изменой то, что ныне происходит на острове, но так плуг, взрыхляя землю, готовит почву для новых всходов, и так, выжигая и выкорчевывая лес, у вас готовят землю под поля. Таков ваш путь. Идя по нему, вы губите себя. Но ведь вы сами выбираете куда идти. Все справедливо, хотя и очень печально. Невозможно научить того, кто не желает учиться.

— Прошу простить меня, — смиренно начал я, возвращая друида к основной теме разговора, — а кроме помощи Марлаграма и Морганы, неужели нет никаких способов прочесть пророчество?

— Есть еще один способ, — вздохнул жрец. — Но для этого вам нужно для начала раздобыть книгу прорицаний Мерлина, оставленную им в тайнике, в пещере Роглах, последнем его обиталище перед путешествием на Авалон.

Признаться, меня несколько удивила осведомленность друида, с невозмутимым видом сообщавшего, что и в каком месте припрятал Мерлин. Но у друидов свои способы получения информации, а потому я не стал слишком любопытствовать и лишь произнес как можно почтительнее:

— Но где найти эту пещеру?

— Это не сложно. Она отсюда недалеко. Миль пятьдесят к восходу. Годвин проводит вас. Но должен предупредить вас: с тех пор

как Мерлин покинул этот мир, в пещере поселился великан. Не ведаю точно, не то етун, не то эринский груагах, однако нрава весьма скверного. Да к тому же еще людоед.

— О! — радостно выдохнул Лис. — Ну наконец-то что-то нормальное! Великаны — это по нашей части. Ну шо, учитель, мы прямь так поедем, или, может, все-таки закусим перед дракой?

Глава 11

Никакая чужая жертва во имя мира не может считаться слишком большой.

Карел Чапек

По небу, подгоняемые юго-восточным ветром, тянулись облака, очевидно, начавшие вместе с солнцем за тридевять земель и оттого замаравшие в знойных песках пустыни свое белоснежное брюхо.

— Как бы дождя не было, — хмуро поглядывая вверх, бросил я.

— Не, не будет, — помотал головой Лис. — Гляди, какой ветер. Мимо протянет.

Мы ехали неспешной рысью по горной тропе, более угадываемой, чем заметной в этих диких местах. Кое-где тропа прерывалась свежей осыпью, и нам приходилось либо переходить на шаг, либо и вовсе объезжать негаданный завал. Пару раз мы вынуждены были, спешившись, буквально перетаскивать коней через громоздившиеся друг на друге валуны, преградившие узкий проход между скалами. Такая разминка помогала на время отогнать сонливость, навалившуюся после сытного обеда в пристанище друидов. Блюда, подаваемые там, сочли бы постными самые строгие ревнители христовой веры, и вместе с тем я бы сказал, что до умерщвления плоти при помощи такой диеты было далеко. Лис, отведавший, вероятно, недельную норму потребляемого друидами бузинового вина, пребывал теперь в просветленном состоянии духа и весьма приподнятом настроении.

— Капитан, — поигрывая уздечкой, вопрошал он, — скажи, ты, часом, не запомнил, как звали того короля, который спасался от сушняка только бузиновкой?

— Фаилинн, — мрачно бросил я.

— А правда, — не унимался мой друг, — что бузиновка — любимый напиток местных богов?

— О, — вмешался в наш разговор едущий за моей спиной Годвин, — это чистая правда. А еще бузинное вино — любимый напиток магов, волшебников, эльфов, единорогов и драконов.

— А великанов? — хмуро поинтересовался я.

— Нет. Эти грубые твари предпочитают напитки низкие, дурманящие ум, а не просветляющие душу.

— Капитан, ты, часом, не собрался спаивать таким классным винчиком какую-то лохматую тварь?

Я вздохнул. Даже если бы такая мысль крутилась у меня в голове, оставалось абсолютно непонятным, где взять необходимое количество «просветляющего душу» напитка. Уж во всяком случае, одной бочкой здесь явно было не обойтись. Восприняв мой тяжкий вздох как отрицательный ответ, Рейнар успокоился и вновь беззаботно заговорил с овиддом:

— Давай-ка я повторю рецепт вашего, как вы там его называете, роба. Берем один галлон ягод бузины и три галлона чистой ключевой воды.

— Обязательно после заката, — поспешил добавить Годвин. — Бузина — растение темной половины года.

— Хорошо, после заката, так после заката. Все это кипятить, пока не сгорит часовая свеча. Процедить, и в то, что получится, добавить три фунта темного клеверного меда. Потом подождать, пока смесь остынет, но не совсем, а так, чтобы осталась чуть теплой, добавить унцию пивных дрожжей, закрыть, и пусть она две недели бродит. Потом снять пену, снова закрыть...

— Да, но не плотно, чтоб не прекращалось брожение, — вновь уточнил овидд.

— Это и ежу понятно! Ну и кувшины поставить в погреб, в песок. Выдержать хотя бы год... — Тут Лис грустно вздохнул: — Это ж надо еще столько выдержать! Да, кстати, то, что мы сегодня пили, сколько лет стояло?

— Пять, — гордо заявил Годвин.

— Завидная выдержка, — проговорил Лис. — Нам так не жить. Слышь, Капитан, вот уйду на покой, открою производство этаких диковинных вин и, понятное дело, Лисового напия, потому шо как же ж без него.

Я хмыкнул. Лисовый напий — жуткий самогон, могущий заставить тролля задуматься о спасении души, был фирменным напитком моего друга. Градусность этой любовно настоянной на мандариновых корочках жидкости с плавающими в бутыли перчинами неуклонно приближалась к температуре кипения воды, причем, насколько я мог заметить, с каждой новой партией этого сногсшибаю-

щего пойла — все ближе и ближе. Однако, невзирая на убойные данные, ставящие Лисовый напий в один ряд с оружием массового поражения, напиток пользовался немалым успехом у сотрудников Института, особенно у славянской их части. Популярность его была настолько велика, что даже двадцать третий герцог Бедфордский, представитель ее величества в Институте, частенько приходил снять пробу с Лисовских запасов, ставя плоды его алхимических опытов выше большей части прославленных горячительных напитков.

— Я назову это вино «Исповедь друида», или лучше «Шепот друида», — мечтательно проговорил Лис. — Капитан, а тебе как больше нравится?

— «Друидский Кромлех», — отмахнулся я. — Годвин, далеко еще?

— Нет. Видите утес? — Наш проводник указал вперед, где действительно просматривался нависающий над тропой стоячий камень. — Дальше тропа спускается вниз. Еще примерно полмили, и мы в лесу у подножия скал. Там-то пещера и находится. Только у самого утеса надо быть поосторожнее. Говорят, в нем какая-то нечисть поселилась. Она путников с тропы в пропасть сталкивает. Хотя некоторые ходят спокойно, и никто их не трогает.

— Сейчас посмотрим, — заверил Лис.

Судя по речи, тема изготовления горячительных напитков волновала его куда больше, чем какая-либо нечисть, притаившаяся в засаде. Пожалуй, священное вино друидов чересчур развеселило его и без того не слишком грустную душу. Лис болтал без умолку, воспроизводя по памяти рецепты разнообразнейших «напитков богов», амброзий и нектаров, вывезенных им из различных миров и эпох. Что и говорить, делал он это весьма «вкусно», так что даже восседавший за моей спиной юный Годвин, во время завтрака не пригубивший и капли, время от времени начинал возбужденно колотить пятками по бокам Мавра, к великому недоумению оного.

— ...А вот есть еще такой эликсир, который в Сумеречном Беспределье именуют «Слеза Саурона». Или это было в Средиземье? Не помню. Не важно. Так вот... — При этом Лисовском «так вот» мы поравнялись с утесом, от которого тропа шла под уклон, исчезая в дремучем лесу. Тропа здесь была узка и отнюдь не способствовала быстрой езде, столь любимой моим другом. Пожалуй, без всякой нечисти достаточно было неловкого движения, недавно прошедшего дождя, чтобы оказаться у подножия скалы значительно раньше намеченного срока. — ...Если взять флягу этой самой «Слезы Саурона», да соленых огурчиков, таких, знаешь, небольших, зелененьких, в пупырышках, ну и там перчику-чесночку в них, — самозабвенно вещал Рейнар, дирижируя самому себе благоразумно при-

хваченной в дорогу бутылью, оплетенной для сохранения температуры липовым лыком.

Мрачного вида рожа выдвинулась из скальной породы, угрожающе разевая пасть, усеянную шилообразными зубами.

— Привет, — смеривая появившегося монстра недоуменным взглядом, брякнул Лис, старательно удерживая коня от резких движений. — Выпить хочешь?

Пасть захлопнулась с испуганным визгом, и рожа исчезла, словно ее никогда не было.

— Капитан, ну ты это видел? — удивленно посмотрел на меня Рейнар. — Шо это было за лицо общества трезвости?!

— Видел, — кивнул я. — Не знаю.

— Уже хорошо, а то я уж было подумал, что меня «белка» прокосила.

— Кто? — переспросил Годвин.

— Не важно, — отмахнулся Лис. — Слушай, а чего оно тогда пить отказалось?

— Может, оно тоже брагу предпочитает, — предположил я.

— У вас за поясом клык Красной Шапки, — напомнил ученик друида, — вот они и боятся, думают, что вы их убить пришли. Теперь, поди, не скоро появятся. Раз вы это место знаете, то можете на них засаду устроить.

— На кого на них-то?

— Это горные крельды. Из кобальдов, но никто никогда не слыхал, чтобы крельды нападали на человека в открытую. Для этого они слишком трусливы. Обычно вот так в горах на тропах селятся — над тропой в засаде самый крупный, а остальные — внизу в пропасти. Ждут, когда напуганный путник сам, а то и с конем туда рухнет. Говорят, на севере в горах тамошние пастухи приучили крельдов горные тропы от волков охранять. Теперь, когда они овец гонят, то обязательно впереди слепого барана с колокольчиком ведут, чтоб ежели вдруг такое страшилище из скалы появится, он прямиком на него шел, за ним и все стадо. А звук колокольчика самих крельдов прятаться заставляет.

Между тем тропа вела нас все дальше в лес, узкой длинной полосой тянувшийся по ущелью.

— Тише, — предупредил нас Годвин, — пещера уже совсем близко.

— Ну и что? — пожал плечами Лис.

— Вы можете разбудить великана.

— А шо, у него послеобеденная сиеста? Ему уже в лом на белый свет вылезти? Или, по-твоему, мы должны туда щемиться? А я, между прочим, не такса, чтоб по норам лазить.

Я невольно усмехнулся. Даже отбрасывая то, что такса предназначена именно для охоты на лис, животное, которое могло бы исполнять роль таксы в пещере эринского груагаха, должно было быть размером примерно с очень вытянутого буйвола. Лис потянул перебитым носом воздух. Несмотря ни на что, обоняние напарника было куда острее моего.

— Кажись, действительно близко.

Я уже и сам ощущал приближение к логову великана. Эринские груагахи в отличие от груагахов здешних, каледонских, имеющих средний человеческий рост и частенько помогающих людям по хозяйству, уродились небывалыми дылдами, буйными, жадными и несколько туповатыми. Но что особенно донимало всех, живущих поблизости от места их обитания, это тошнотворный запах никогда не мытого тела. С самого детства эринские груагахи начинают покрываться жесткой рыжей щетиной, которая со временем, обрастая слоем песка и глины, в которых они любят поваляться на солнышке, становится непробиваемым панцирем, источающим к тому же, как я говорил, непередаваемое зловоние. Эта естественная броня и рыжий цвет шерсти иногда вводили в заблуждение наблюдателей, путавших груагахов с троллями. Но уж мы-то с Лисом с этими тварями были знакомы не понаслышке. Да и то сказать, невзирая на всю свою тупость, ни один тролль не довел бы свою шерсть до такого ужасающего состояния. Кстати, это же отличало эринских груагахов от етунов, во-первых, преимущественно черноволосых, а во-вторых, возможно, из-за значительно более северных условий проживания весьма трепетно относящихся к своему волосяному покрову.

Дорогу к логову было тяжело не заметить. Деревья, порою вывернутые, порою сломанные, очень четко показывали направление движения злобного пришельца, впрочем, как и манеру его ходьбы.

— Непорядок, — вздохнул Годвин, глядя на выкорчеванные деревья. — Эдак он весь лес погубит.

Вблизи Роглаха, некогда облюбованного Мерлином для своих уединенных раздумий, валялись обглоданные скелеты крупного и мелкого рогатого скота, утащенного великаном у зазевавшихся пастухов. Впрочем, как я мог видеть, и зазевавшимися пастухами груагах тоже не брезговал. Из глубины провала слышалось довольно мерное сопение, свидетельствующее о спокойном сне эринского живоглота.

— Следует найти здесь три пня и начертить на каждом из них по три знака клевера, — опасливо глядя на темное жерло пещеры, посоветовал овидд. — Каждый, кто стоит на таком пне, невидим для великана.

— Хорошая идея, — похвалил Лис. — Вот ты и займись. А мы пока прикинем, шо с этим уродцем делать дальше.

— А что с ним делать? Воевать с ним нам недосуг, оставим этот подвиг кому-нибудь другому. Надо выманить его наружу и подразнить как следует. Ну а пока его на месте не будет, обшарить обиталище, хотя это, должно быть, чертовски грязное занятие.

— Давай так: сейчас отведем подальше коней, потом подтащим к входу во-он ту сосну, а дальше я вхожу в пещеру с понтом — налоговый инспектор. Ну, великан, понятное дело, возбуждается, ломится за мной, спотыкается о дерево. Пока он будет принимать вертикальное положение, я добегаю до приготовленного Годвином пня, а дальше мы с овиддом, попеременно появляясь и исчезая, материм его по всему фасаду от альфы до ижицы. Он соответственно носится, шо буриданов осел меж копнами. В это время ты тайно проникаешь во вражеское логово и, используя недюжинный дедуктивный метод...

— Метод не может быть недюжинным, — перебил его я.

— Ну хорошо, дюжинный, — милостиво согласился Лис, — а также тонкую наблюдательность и обалденное знание реалий жизни выдающихся британских магов, находишь тайник и с гордо поднятой головой выносишь бесценный том навстречу ликующей публике, буквально к свету, к радости, к прогрессу!

— Спасибо, — поклонился я. — Как всегда, самую грязную работу ты оставляешь мне.

— Да я шо? — с фальшиво-неподдельным удивлением уставился на меня напарник. — Я ж это... Ну... Быстрее бегаю.

На фоне темного провала пещеры Рейнар смотрелся примерно так же, как Маугли у входа в волчье логово. «Маугли кого хошь достанет», — вспомнились мне слова из рассказанного недавно Лисом анекдота. Уж в чем, в чем, а в умении моего друга достать кого угодно в считанные минуты я ничуть не сомневался.

— А-але-о! — пиная в глубь пещеры валявшийся на земле бараний череп, напористо возгласил Лис. — Слышь ты, фраер жеванный, бычара попуканный, лось почтовый! Хрен ты тут в моей собачьей будке развалился?! Тебе шо, бомжара, жизнь надоела?! Кто за коммунальные услуги платить будет?! Блин, пасть к хреням порву! Всю жизнь на аптеку работать будешь! — Рейнар весьма натурально рванул кольчугу на груди. Понятное дело, она не поддалась, но необходимый эффект был достигнут.

Я готов был держать пари, что из всего сказанного моим другом великан понял не более одного-двух слов, но общий тон лисовской речи ему без сомнения был ясен. Разбуженный таким наглым образом, груагах с возмущенным ревом кинулся на неведомого обидчи-

ка и, конечно же, не преминул зацепиться ногой за ствол, который мы втроем, при помощи наших коней, с натугой доволокли к входу в пещеру. От силы удара дерево треснуло, однако смердящий исполин, как мы и предполагали, растянулся на земле, изрядно прикладываясь лбом о разбросанные обглоданные кости, оставшиеся от уединенных пиршеств. Останки невинно убиенных зверушек полетели во все стороны, словно брызги от брошенного в воду камня.

Кого другого подобная неприятность могла обескуражить, но только не эдакого дуролома. Едва приземлившись, он тут же встал на четвереньки и затряс косматой головой, наводя резкость и пытаясь разглядеть коварного обидчика. Конечно же, увидеть Лиса ему не удалось. Тройной знак четырехлистного клевера надежно охранял моего друга от налитых кровью глаз доморощенного Кинг-Конга. Зато великан увидел меня, притаившегося за комлем сосны с обнаженным мечом в руках. Оно, конечно, укрытие укрытием, но предосторожность в общении с подобными звероидолами не помешает.

Итак, великан, стоя на четвереньках, бестолково мотал своей похожей на обтянутый шерстью котел головой и наткнулся взглядом на рыцаря, таящегося в засаде... Я в общем-то знаю, что бываю страшен в гневе, что в момент, когда волна ярости приподнимает крышку черепной коробки, от меня лучше держаться подальше, но клянусь золотыми шпорами и своим местом у Круглого Стола, я никогда не мог предположить, что мой скрюченный меж корней вывороченной сосны светлый образ заставит подобную громадину пуститься в паническое бегство. Вернее, даже не бегство, а в паническое уползание. Не меняя положения, груагах начал стремительно отгребать назад, спеша укрыться во мраке пещеры.

— *Капитан,* — на канале связи воцарилась напряженная пауза, — *что это было?*

— *Н-не знаю,* — честно признался я. — *Мне кажется, он меня испугался. А может, эта тварь пытается заманить нас в свое логово. В потемках груагахи видят лучше, чем при солнечном свете. В пещере преимущество на его стороне.*

— *Оно, конечно, так,* — с сомнением передал Лис. — *Но это было бы слишком хитро для тупорылого субъекта и слишком глупо для нас ни с того ни с сего соваться в эту тухлую дыру.*

— *Что ж, тогда придется прибегнуть к осаде. Надеюсь, груагах не додумался сделать себе продовольственные запасы.* — Я собрался было излагать план осады, но следующее действие великана не заставило себя ждать. Из пещеры донесся дикий грохот, словно внутри нее работал мощный бульдозер, а чуть погодя перед входом в логово груагаха уже громоздилась гора камней вперемешку с частями скелетов, какими-то бревнами и циновками.

— *По-моему, он готовится к длительной обороне,* — предположил Лис, оставивший свое волшебное укрытие и с явным удивлением наблюдающий за военными приготовлениями великана. — *Можно, конечно, предположить, что у него в честь воскресенья генеральная уборка, но как-то не совсем ко времени. Увидел, мол, гостей, вспомнил, что сегодня воскресенье, а у него не прибрано. Опять же я ему про коммунальные услуги напомнил...*

— *Не похоже.*

— Сэр Торвальд, — пришедший в себя после увиденного Годвин спрыгнул с пня и продолжил: — Ваш меч.

— Что с ним? — Я с недоумением поднял Катгабайл и начал рассматривать строчку рун, начертанных на его полированном клинке. Все было как обычно, руны те же, клинок сиял.

— Это же меч великого Тюра, сокрушителя етунов. Груагахи в родстве с етунами и прекрасно осведомлены о причинах падения их могущества. Узнав Катгабайл, великан решил, что и по его голову пришел Тюр.

— Во как! — восхитился Лис. — Ну шо, тюроподобный, осаду будем вести, или же натягаем лапника с шишками, да выкурим самовольного поселенца, как крысу из норы.

— Лис, — вздохнул я. — Тебе было мало окаменевшего тролля? А вдруг он не пожелает вылезать, да там и издохнет. Представляешь, каково нам будет искать тайник?

— Его не надо искать. Премудрый Ниддас рассказал, где он находится, — гордо сообщил подошедший ученик друида.

— Что ж, это неплохо, — кивнул я. — Быть может, удастся убедить груагаха обменять книгу на собственную жизнь. Хотя, — я вздохнул, — насколько мне известно, они слабо представляют себе, что такое жизнь. Такая вот незадача — остро чувствуют опасность, но в то же время абсолютно не боятся смерти. Поскольку из-за собственной тупости попросту не представляют, что это такое. У них в голове не укладывается, что мир может существовать и без них.

— Тоже ничего себе позиция, — хмыкнул Лис. — Ну ладно, боятся они или не боятся смерти, это дело десятое. Попробовать-то стоит.

— Переговоры с тупоголовыми монстрами — дело малоперспективное и весьма хлопотное.

— Ладно, — махнул рукой Рейнар, — ты пока обдумывай тезисы доклада, а я схожу с ним потолкую.

— Только поосторожнее, — напутствовал я напарника.

— Ой, да не волнуйтесь вы так! Шоб он так был здоров, как мы его боимся. — Он успокаивающе махнул рукой и, насвистывая что-то себе под нос, вышел на голое место перед пещерой.

Длинный сталактит, просвистевший над головой моего друга, был вполне вразумительным ответом на дружелюбное предложение Лиса начать переговоры.

— Ну ты хам, етить твою! — возмутился мой напарник, уклоняясь от импровизированного метательного снаряда. — Слушай сюда, пока я не попросил моего друга, посланца великого Тюра, обрушить на твою нору каменный ливень, который замурует твою пещеру, чтоб ты выздох, как крыса, попавшая в кувшин!

Не знаю, ужасная ли угроза, или же упоминание имени воинственного аса заставило страшилище задуматься, но из амбразуры под самым сводом пещеры раздалось не слишком уверенное, но весьма трубное:

— Уходите отсюда! Прочь!

— Щас, только шнурки погладим, — обнадежил великана Рейнар. — Вот то бы мы тащились в такую даль, чтоб уходить отсюда несолоно хлебавши! Желаешь, чтобы тебя оставили в покое, — выполни наши условия. А нет, скажи, кому от тебя передать последнее прости. Буду у тебя на родине, так и быть, передам.

— Чего хочешь? — недовольно буркнул голос из пещеры.

— О, слышу речь не мальчика, но мужа. Хотя я бы на месте жены такого мужа удавился еще до свадьбы. Короче, один мой дружаня оставил в этой пещере свою записную книжку. Тебе она на фиг не нужна, а для нас это историческая ценность, память, опять же. Так шо ты нам книгу, а мы отсюда уходим и никогда больше не появляемся.

— Не-а.

— Это еще почему «не-а»? — возмутился Лис. — Где ты вообще таких слов нахватался? Тебе следует говорить: «Йес, сэр!»

— Самому нужна.

— Недоумок, ты шо, с дуба упал? Зачем тебе книга, причем по всей длине магическая. От нее, между прочим, несварение желудка случается.

— Не дам, — прорычал груагах. — Мое.

— А она у тебя есть? — решил подойти с другой стороны хитрый Лис.

— Нет, — честно ответил из-за камней злобный великан.

— Так что ж ты мне тут Джонни валяешь? — разозлился Рейнар.

— Скажи-ка, Годвин, — спросил я у стоящего рядом подростка, — может ли великан сам найти тайник?

— Нет, — покачал головой овидд. — Там под сводом ступени и такая расщелина, куда у великана и палец-то не влезет. Мудрый Ниддас Коедуин, когда вы обедали, сотворил ритуал прозрения,

пронзающего время, и место мне точно описал. Только, — парнишка замялся, — сейчас туда не попадешь. Вот если б вы его сразили...

Сражать великана не входило в мои планы, но я прекрасно понимал, что объяснить отроку причины, по которым славный рыцарь Круглого Стола отчего-то не желает расправляться с великаном, попросту невозможно. Я поспешил передать Лису полученную от овида информацию, и он с новым жаром принялся увещевать несговорчивое чудище.

— Шо ж ты, морда твоя немытая, торгуешься, если у тебя книги-то нет?

— Мое! — раздалось из пещеры. — Пещера моя! Все мое!

— Лис, — окликнул я напарника. — Он уже стал на колею. «Мое» у них святое слово. Если кто-то из родственничков груагаха узнает, что он просто так, ни за что, отдал «мое», они его и за великана считать не будут.

— И шо ты предлагаешь, выкупать записки Мерлина у этого живоглота?

— Оно бы, может, и неплохо, да только операция у нас, так сказать, частная, институтской сметой не предусмотренная. Того, что нам с тобой выдали, дай бог, чтоб на месяц жизни хватило. Зная алчность подобных тварей, я бы в этом деле на наши капиталы не слишком рассчитывал.

— Намек понял, — хмыкнул Лис. — Срочно нужны несметные сокровища, сиречь сметой неучтенные. Эй, страхоидолище! — Рейнар начал второй тур переговоров. — Что бы ты хотело взамен ненужного пергамента, вдобавок испачканного чернилами?

— Золото! — радостно рявкнуло чудовище. — Мешок. Большой мешок.

— Остановись, упырь неласковый! Побойся бога!

— Боюсь. Убить хотите.

— Это было бы, пожалуй, самое верное. — Лис вытащил из колчана стрелу и начал нервно похлопывать ею по голенищу сапога.

— Не выйду!

— Ладно! Посланник Тюра отчего-то сегодня добрый. Значит так, ты сидишь здесь, никуда не вылезаешь, друиды за тобой присмотрят. Знаешь, кто такие друиды? Они чуть шо, тебя в корягу превратят.

— Йес, сэр!

— Молодец. Мы тебе приносим золото, ты нам отдаешь книгу.

— Мешо-о-ок золота! — В тоне великана послышались сладострастные нотки.

— Не мешо-о-ок, а мешок, — жестко отрезал Рейнар.

— Мешо-ок, — захныкал груагах, и я понял, что если Лис будет настаивать, то с великаном случится истерика и мы вообще от него ничего не добьемся.

— Хорошо, — вмешался в разговор я. — Мешо-ок, так мешо-ок.

— Капитан, поимей совесть! — возмутился Лис. — Тебе «о» налево, «о» направо, а мне корячиться! Или, — в голосе его послышалась заинтересованность, — у тебя на примете есть что-нибудь конкретное? Точнее, конкретный мешо-ок.

— Нет, — честно признался я.

— Я почему-то так и думал, — огорченно вздохнул Лис. — Ладно. — Он махнул рукой. — Эй ты, груагах твою мать, сиди тут и жди. Не дождешься, я из твоей шкуры обивку для крепостных ворот сделаю! — Он повернулся ко мне: — Может, испугается, уйдет.

— Йес, сэр! — донеслось из пещеры.

— Вот же ж заладил, — сплюнул Рейнар. — Отлично, Капитан. Пошли, подумаем, где брать вышеозначенное сокровище.

Задача, поставленная перед нами алчным великаном, была настолько сложна, что даже сам он не мог об этом подозревать. Я с грустью вспоминал блаженные времена матушки Екатерины, императрицы всея Руси, когда золото при дворе мерили пудами, а жемчуга, прекрасные розовые скатные жемчужины, черпали из ларца большой деревянной ложкой, словно уху из котелка. Я вспоминал времена Войны Роз, когда удачный налет на лавку бедного ростовщика порою приносил доход больший, чем штурм трех-четырех баронских замков. Я вспоминал...

Да что говорить, за время наших странствий мы повидали немало золота и драгоценностей, но здесь и сейчас, во времена весьма слаборазвитого монетного оборота, когда человек, имеющий в потайном ларце пару сотен золотых монет, считался едва ли не богачом, найти где-то мешок, а уж тем более мешо-ок золота, было делом более чем непростым. Вернее, золота в так называемых богатых слоях общества было изрядно: шейные обручи, пластинки на одежде, фибулы, браслеты, всевозможные пряжки. Но хороши бы мы были с Лисом, займись сейчас сбором всего этого галантерейного мусора на дорогах и в замках Каледонии! Да еще в пользу нищенствующего груагаха.

— Капитан, я готов выслушать твои гениальные соображения по поводу извлечения ценного химического элемента, называемого аурум, из атмосферы. Быть может, Калиостро нашептал тебе рецепт-другой на прощание?

Я бросил на друга гневный взгляд.

— Издеваешься? Ладно, слушай, что я надумал. Скорее всего требуемого количества золота в этих краях нам не найти. Его тут просто нет.

— Весьма ценное замечание, — согласно кивнул Рейнар. — Предлагаешь мотнуться на Клондайк?

— Нет. Сделать надо иначе. Ты подумай, где взять хотя бы несколько сотен настоящих монет. А я попробую изготовить фальшивки. Кажется, в бастиде у покойного сэра Богера Разумного я видел все необходимое для процесса золочения.

— Ты что же думаешь, — хмыкнул Лис, — что этот тупорылый жмот золотой монеты от золоченой бляшки не отличит?

— Вероятнее всего, отличит. Поэтому сделаем так: ты придумай, где добыть настоящее золото, фальшивое я беру на себя. Потом мы привозим туго набитый мешок и демонстрируем его великану. Для убедительности можно мешок развязать и показать монеты, потом отвозим его подальше в лес, раскладывая по пути самые настоящие золотые. Потом говорим груагаху, что мы исполнили его условия и он может забрать свое сокровище, пойдя по тропинке, выложенной монетами. Наверняка он решит собрать все золотые на тропе, с его габаритами это может затянуться надолго. Когда же он доберется до самого мешка и обнаружит, что его содержимое годится лишь на грузила, правда, очень блестящие, Годвин уже успеет пробраться в пещеру, найти тайник и вернуться обратно с книгой.

— А если не успеет?

— Мы его, конечно, прикроем, но лучше бы он успел. Полагаю, что у великана, обнаружившего, что его нагло обманули, характер резко портится. Хотя уж кажется, более отвратительным ему быть просто некуда.

— Что ж, — немного подумав, усмехнулся Лис. — Неплохо придумано. Пожалуй, общение со мной идет тебе на пользу.

— Не с тобой, а с Калиостро.

— Ладно, с Калиостро. Но ему общение со мной тоже пошло на пользу. Хорошо, пусть страхолюдина сидит за своей баррикадой, а мы пока наведаемся к сэру Кархейну. У него хоть переночевать, надеюсь, можно будет спокойно, а то третьи сутки без сна. Еще чуть-чуть, и пиши пропало, комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной. А я по дороге, глядишь, и удумаю, кто нам может ссудить килограмм-другой золота во временное пользование. Годвин, — он повернулся к стоящему рядом овидду, — ты знаешь, как отсюда добраться до старой римской бастиды, что напротив Кэрфортина?

— Конечно, знаю. Отсюда по ущельям довольно близко. Если сейчас выйдем, до темноты успеем.

— Ну вот и прекрасно, — улыбнулся мой друг. — Тогда не будем задерживаться. В путь.

Глава 12

Из всех пороков, опасных для государственного деятеля, самый пагубный — добродетель. Она толкает на преступление.

А. Франс

Унылое северное солнце клонилось к закату, освещая безлюдную горную страну, где можно было ехать неделю, не увидев ни одного человека. Правда, то, что путешественник на своем пути не встречал ни одной живой души, еще не говорило о том, что здесь действительно никого не было. Нелюдимые горцы, привыкшие считать чужаков не столько гостями, сколько врагами, а еще вернее — добычей, таились меж валунов и средь ветвей деревьев столь искусно, что камень, пущенный умелой рукой, свистнувший дротик или же свинцовый шарик, вылетевший из кожаной пращи, — и неосторожный путешественник рисковал не увидеть в своей жизни больше ничего.

Однако мы могли двигаться довольно спокойно. Ни один каледонец в здравом уме не пожелал бы связываться с друидами. Сидевший у меня за спиной Годвин в своем зеленом балахоне служил нам своеобразным пропуском. Другое дело было на территории, занятой бриттами. В бастиде у молодого сэра Кархейна ученик друидов мог получить весьма нелестный прием. Я поспешил поделиться своими сомнениями с Лисом.

— Да ну, скажешь! — отмахнулся он. — Тоже мне нашел архиепископа Кентерберийского! Он простой валлийский рыцарь. Для Кархейна все едино, раз уважаемые люди говорят, что так надо, значит, так оно и надо. А друиды, между прочим, в Уэльсе тоже в уважняке. Все обойдется.

Ты мне лучше другое скажи: на фига великану столько золота? Он шо себе, всю пасть в голду обуть решил? Такой себе будет новый эринский груагах. На шее цепура, на пальцах — гайки. Или он над ним чахнуть собирается?

Я представил себе груагаха, чахнущего над златом, и невольно улыбнулся.

— Золото у великанов — признак успешности. Коров да баранов воровать — ерунда, это только для того, чтоб брюхо набить. Поселение разорить — дело посерьезнее, но тоже невелика доблесть. Деревеньки-то выбираются хлипкие, обнесенные общим забором да насыпью. Толковое оружие в них встречается редко, а уж людей,

которые с этим оружием умеют обращаться, вообще днем с огнем не найдешь. Ну и взять здесь соответственно нечего.

А золото — оно просто так не лежит, оно либо в замках у серьезных лендлордов, либо у богатых купцов, которые без сильной охраны в путь не отправляются. Чтобы его добыть, и сила нужна, и хитрость, и, можно сказать, отвага. Вот тогда, ежели груагах на великаний пляс притащит золото и драгоценные камни, он может считаться серьезным, преуспевающим злыднем, а не так, хулиганом-переростком. С таким любая местная кхм... красотка согласится род продолжить. Своего рода естественный отбор. У них, видишь ли, на одну особь женского пола рождается три-четыре мужского. Если наш подопечный с зеленого Эйра аж в горную Каледонию докочевал, то, вероятнее всего, дела у него там не заладились. Скажем, попробовал разорить рыбацкую деревушку, а там ему по морде надавали. Вероятно, его с позором-то и прогнали. Теперь, чтобы вернуться, ему большой мешо-ок золота нужен.

— Надеюсь, мы не будем прерывать ряд его неудач, — ехидно произнес Лис, замолчал и вдруг неожиданно рассмеялся. — Ты знаешь, мы сейчас сами выступаем в роли этих самых груагахов. Нам тоже для демонстрации успешности нужно добыть побольше золота. И источники его все те же — лендлорды, купцы... можно, конечно, еще попробовать гномов потрусить, у них в загашниках золото всегда найдется, но я бы этого делать не стал. С малым народцем без нужды лучше не ссориться.

— Это верно, — поддержал моего друга Годвин. — Гномы очень ревниво стерегут свои богатства.

— Да я в общем-то и не спорю. Можно попробовать одолжить у Ллевелина, — без особой надежды бросил я.

— Как же, как же! Герцог ведет войну, деньги ему сейчас нужны позарез, а тут приезжаем мы и сообщаем, что собираемся выкупить за мешок золота некую библиографическую редкость у великана-неудачника. Вот он нам обрадуется! Уж лучше к Лендис заехать. Какая ни на есть, а все же родственница. Тем более она своей короной где-то как-то тебе обязана.

— Что меня и беспокоит. Эта девушка не любит одалживаться, но еще более она не любит своих кредиторов.

— Ну, тогда остается какой-нибудь местный состоятельный тан, поскольку золотоносных караванов в такое время в суровых горах Каледонии можно даже не ждать.

— Таны, конечно, остаются, и золото у них, возможно, есть, но как заставить этих скупердяев с ним расстаться? Скупость здесь возведена едва ли не в ранг национальной доблести.

— Ну, это уж моя забота, — усмехнулся Лис, всем своим видом оправдывая данное ему прозвище. — Ты мне только расскажи, кто у нас будет богатеньким буратиной, а уж общипать его я берусь с изяществом и блеском. Так что сезон охоты открыт, принимаются частные заказы на разведение лохов ушастых.

Я промолчал. Никаких сомнений в умении моего друга проворачивать головоломные комбинации по выкачиванию денег и прочих ценностей у людей вышеупомянутого типа у меня не было. Чего стоила одна проделка Лиса в годы Столетней войны, когда для подтверждения святости Жанны д'Арк он выиграл в «свежеизобретенную» рулетку Орлеан. Мои соплеменники, кажется, так и не пришли в себя, наблюдая, как вращающийся в красно-черном круге магнитный шарик отбирает у них без боя улицу за улицей.

В тот день они проиграли все, от городских стен до последней конской подпруги. Милостивый Лис, превзойдя самого себя в неслыханной щедрости, любезно позволил гарнизону оставить себе личные вещи и вооружение при условии, что те откроют ворота, едва лишь Жанна коснется их, в смысле ворот, острием копья. Но сейчас наша задача была посерьезнее — добыть золото на территории врага, да еще во времена слабого его распространения.

— Ну шо, Капитан. — Лис придержал коня, указывая рукой вперед. — Вон бастида. Сочини по-быстрому, чего вдруг мы в гости пожаловали и отчего из глубины Каледонии, в которой, как известно, мы на особом положении.

— Может, мы скажем, что были на разведке, сбились с дороги. Вот Годвин нас и привел.

— О, это ты ловко придумал. На роль разведчиков в Каледонию мы с тобой две самые подходящие кандидатуры. Лица у нас не примелькавшиеся, при случае можем за своих сойти. Знать нас тут никто не знает, и вообще делаем вид, что корову разыскиваем. Ты ему еще поведай, что Ллевелин со всей честной компанией дал деру от Красных Шапок, да так быстро, что свободно мог не заметить Адрианова вала. Вот мы и вышли посмотреть, не пробегал ли Страж Севера куданибудь еще севернее. — Лис вновь внимательно посмотрел на приближающуюся с каждым шагом башню. — Ладно, Капитан, протруби в свой звонкий рог, и, если нас случайно не убьют в порядке профилактики, я, так и быть, покажу тебе, как рождаются легенды. Годвин, — он повернулся к ученику друидов, — у меня к тебе небольшая просьба: что бы я ни сказал — молчи. Можно утвердительно кивать.

В воротах бастиды нас встречал сэр Кархейн. Казалось, всего лишь пять дней назад мы оставили здесь юношу, незадолго до этого опоясанного рыцарским мечом и едва-едва принявшего на себя обя-

занности командира гарнизона. Теперь же он казался повзрослевшим и оттого более суровым.

— Кархейн! Старина! — Лис буквально рухнул из седла на плечи молодого начальника гарнизона. — Ты не представляешь, как я рад тебя видеть!

— Сэр Торвальд? Энц Рейнар? Откуда вы? Я рад вам, но...

— Кархейн! — тормошил молодого рыцаря Рейнар. — Какого черта! Я так рад, что ты жив! В этом захолустье есть что-нибудь пожрать, а то у нас с самого утра маковой росинки во рту не было.

— Да, но...

— Не, ну тут такое было! Я тебе расскажу, закачаешься. Как я тебя рад видеть!

— А?..

— И вот еще, — перебил его Лис, — Торвальд только что после боя, ему нужно срочно отдохнуть.

— А?..

— Тоже!

Гостеприимный хозяин, отчаявшись вставить хоть слово, кивнул головой своему оруженосцу, доверяя заботу о вновь прибывших.

— В общем, слушай. — Лис положил на плечо коменданта свою длинную руку и заговорил вдохновенно: — После Камланнской битвы, о которой ты, вероятно, уже знаешь, мы отправились к преосвященному Эмерику Кентерберийскому, который ныне живет отшельником в лесной чаще. Мы сопровождали туда вашего принца, этого... Святого Карантока.

— Он был здесь, — закивал сэр Кархейн, — и рассказывал мне о вашем походе.

— Да?! Прекрасно! Он-то нам и нужен! — радостно воскликнул Лис. — Но представь себе, он, поговорив с архиепископом, убежал. Очень быстро. Он убежал так быстро, что мы не смогли догнать его. Это мы-то! Мы, которым сам Ллевелин поручил повсюду сопровождать святого и смотреть, чтобы никто не чинил ему обиды! Что нам оставалось делать? Мы пошли по следу. След плутал, плутал, плутал... Он терялся в траве, исчезал в болотах, но мы вновь находили его и продолжали идти вперед. Каранток шел на юг. Вернее, на юго-восток.

— Но ведь здесь... Ведь мы...

— Да-да, значительнее севернее Камланна! В том-то все и дело! Мы шли без устали две ночи и два дня. Шли, не теряя следа, давно забыв и думать, в какой местности мы находимся. Как на грех, в пути не встретилось ни одного жилища, где можно было бы узнать, куда привело нас провидение. Лишь дикие звери да чудовища, от воспоминаний о которых меня до сих пор пробирает дрожь. Но мы ого-го! А Торвальд, это вообще два ого-го! Так вот, сегодня к полу-

дню мы очутились в каком-то ущелье, поросшем все тем же густым лесом. И тут мы увидели пещеру, в которой, как выяснилось, обитает страшенный великан. Торвальд его хотел сразу прихлопнуть, но этот злобный нелюдь забаррикадировался в своей берлоге и кричит, что у него там выводок принцесс, и если мы от него не отстанем, он их будет жрать по одной в час.

— Надо дать ему бой! — гордо заявил молодой рыцарь.

— Конечно, — согласно кивнул Рейнар. — Еще как дать! Но пока мы будем разбирать завал, эта скотиняка немытая схарчит принцесс ни за чих собачий. Здесь надо хитрее. — Он понизил голос. — Торвальд все придумал. Нужно только золото, чтоб выманить великана из логова. Ты, кстати, не знаешь, у кого здесь поблизости можно раздобыть золото во временное пользование для борьбы с великанами?

— Поговаривают, Марк — тан клана Геллинов весьма богат. Но он же каледонец!

— Да, ты прав, — грустно вздохнул Лис. — Но трансальпийских галлов мне почему-то в этих местах не попадалось. Ладно, отбросим национальную рознь. Дело борьбы с международным груагахизмом не может быть частным делом каледонцев, бриттов, галлов и кого бы то ни было! Слезы невинных дев, кстати, принцесс, а возможно, не просто принцесс, а валлийских, взывают к мщению! С зеленого Эйра груагахизм расползается по всему миру и угрожает человечеству. Сегодня когтистая лапа груагаха ступила на землю Каледонии, а завтра ее кровавые следы найдут в Уэльсе, в Британии и, я не побоюсь этого слова, в Арморике.

Можем ли позволить мы, в смысле вы, последние рыцари Круглого Стола и первые из могикан, пустить это дело на самотек? Не позволим коварным груагахам безвозмездно топтать своими рыжими лапами священные земли предков, не важно чьих. Только возмездно! И возмездие не за горами! Оно уже здесь, буквально в этом в ущелье, буквально в нашем лице.

А потому я хочу спросить вас, в данном случае тебя: могут ли жалкие несколько сотен золотых монет с профилем никому не ведомого и ныне уже позабытого императора идти в какое-то сравнение с великим делом борьбы мирового м-м... рыцарства со злобным угнетателем, пожирателем девиц и вообще посланцем всемирного зла? Скажем нет рыжему груагахизму! Но пасаран! — Лис вскинул вверх руку, сжатую в кулак.

Ораторские способности Сергея, выпестованные в эпоху мрачного тоталитаризма, могли повергнуть в шок и более подготовленного слушателя, чем молодой рыцарь. Он снизу вверх посмотрел на моего напарника и, запинаясь от глупости и неуместности вопроса, выдавил:

— Но как же вы все-таки попали сюда?

— А вон парнишку из зеленого патруля видел? Он и провел. Кстати, его тоже накормить надо. Ладно, это все наносное, лучше рассказывай, как дела у тебя и куда это нечистая повлекла нашего ненаглядного святого.

Моим надеждам на лабораторию сэра Богера Разумного не суждено было оправдаться. То есть нет, лаборатория была на месте. Когда после ужина, уложив спать уставшего проводника, мы поднялись наверх в рабочую залу старого рыцаря, я обнаружил там почти все для проведения нужного опыта, но, увы, одного ингредиента не хватало. Здесь было олово, но странно, если бы его здесь не оказалось, еще древние финикийцы плавали за ним к берегам Британии. Нашлись и запасы серы. И ее я ждал здесь увидеть — для человека, работавшего с горючими составами, сера — обязательная часть малого джентльменского набора. Обнаружилась ртуть, слава богу, плотно закрытая. Ее вполне могло и не быть, но впечатляющая лысина и отсутствие многих зубов у доблестного ученика Гермеса Трисмегиста наводили на мысль, что опыты с этим чарующе загадочным металлом ему не чужды.

Не хватало одной мелочи — нашатырного спирта. Обычнейшего, привычного нашатырного спирта. Того самого, которым приводят в чувство потерявших сознание. Без него же вожделенное золото, являющееся на поверку сульфидом олова, было не получить. То есть, вероятно, были и другие способы. Наверняка они были, но, увы, в итонские годы мисс Элейн Трубецкая, преподававшая у нас химию, демонстрировала именно этот волшебный опыт. Других я попросту не знал.

— Ничего не выйдет, — грустно сообщил я Лису, повергая в шок молодого Кархейна. — Аммиака не хватает, а без него никак.

Вчерашний оруженосец глядел на меня с почтением, смешанным с суеверным страхом. Я был готов биться об заклад, что все волшебство Мерлина и небывалые способности окрестных друидов, все чудеса святого Карантока были для него куда проще и понятнее, чем это нагромождение тиглей, реторт и перегонных кубов. В его глазах сэр Богер Разумный был в своем роде магом, и он никак не ожидал встретить в Британии еще кого-либо разбирающегося в великих таинствах химии.

— Да ну, — махнул рукой Лис, — оставь, Капитан. Шо делать, когда делать нечего. В конце концов для проглота даже жирно будет, если для него цельный оркнейский принц станет фальшак золотить. Кархейн, у вас свинец для пращей в бастиде есть?

— Есть, — утвердительно кивнул рыцарь. — Пращников не осталось.

— Они не понадобятся. Понадобятся свинец и пулелейка. Ну, кто-нибудь с молотом и наковальней, чтобы пули плющить. Не грусти, Торвальд! Набьем мешок свинцом, поверху замаскируем золотом. Оно, конечно, не так изящно, но для груагаха-неудачника, думаю, сойдет. Кстати, — Лис вновь повернулся к сэру Кархейну, — святой Каранток случайно не говорил, куда дальше направил свои стопы?

Вопрос был, несомненно, резонный. Ведь по собственной же версии моего друга мы в поте лица разыскивали Карантока, а борьба с великанодержавным шовинизмом, на которую мы сейчас тратили время, являлась не более чем путевыми издержками странствующих рыцарей.

— Нет. Он мне... Он мне рассказал о походе Ллевелина, о вашей схватке с Ангусом и о посещении им архиепископа Кентерберийского. Он говорил, — рыцарь понизил голос и огляделся по сторонам, словно опасаясь, что его кто-то подслушает, — что крест есть древо жизни, древо познания. Что он соединяет глубины земли с небесными сферами. А еще он сказал, что Сын Божий, именуемый разными народами различными именами, пролив свою кровь на Кресте, или же на Древе, напитав его своею кровью, тем самым вселяет в Древо живую душу, делая его тем самым источником вечной жизни и великого знания. Он говорил, что Спаситель есть жертва, есть символ той платы, которую каждый алкающий знаний должен отдать за приобщение к предвечной мудрости. — Рыцарь замолчал, явно ожидая от нас объяснений.

— М-да, — покачал головой я. — Несколько странные взгляды для христианского святого. Похоже, его расхождения с официальной церковью зашли много дальше, чем я предполагал.

— Он святой, — глядя на меня исподлобья, с почти угрожающей интонацией проговорил сэр Кархейн. Совсем, как тогда, порываясь открыть ворота наступающему противнику, чтобы погибнуть, спасая своего принца.

— Ну дык, блин, с этим вообще никто не спорит, — вновь перехватил инициативу Лис. — Это ж вон и виверне понятно. Но знаете, что я вам скажу, джентльмены. Только я вас прошу, не хватайтесь за мечи. Пойдемте-ка баиньки. А то не знаю, как вам, а мне завтра поутру тана на заем для фронта подписывать. Великан этот с принцессами на нашу голову привязался! Да и вообще: утро вечера мудренее.

Одноосная тележка, запряженная резвым мулом, стояла у ворот бастиды, ожидая, пока длинный худощавый возница с удивительно хитрыми глазами и переносицей, напоминавшей латинскую букву «s», закончит прощание с рыцарями и возьмется за кнут.

— Ну шо, джентльмены, — подытожил наши прощальные речи переодетый возчиком Рейнар, — как говорил в юные годы господин Сосо Джугашвили, изучая труды античного философа Карлуса Маркуса, всех денег не заработаешь, большую часть придется отнять. С богом! Н-но! — Лис хлестнул мула по спине.

Его повозка, везшая кроме самого возницы лишь только бочку верескового меда, последнюю из обнаруженных Лисом в подвале бастиды, нещадно скрипя собранными из досок колесами, катилась вниз по склону под залихватскую песню моего друга: «Песню бардов запевает молодежь, молодежь, молодежь! Эту песню хрен задушишь, фиг убьешь, фиг убьешь!..»

Я с нескрываемой тревогой смотрел ему вслед.

— Ворона дорогу справа налево перелетела, — глядя, как удаляется лисовский возок, ни с того ни с сего произнес Кархейн. — Плохая примета.

— Добрый христианин не должен верить в приметы! — гневно оборвал его я.

— Да, конечно, — кивнул молодой рыцарь. — Но люди говорят...

Я повернулся и пошел в кузню. Что бы ни говорили люди, мне оставалось держаться на связи и для того, чтобы скоротать время, наблюдать, как крепостной кузнец отливает свинцовые шарики для пращей и сосредоточенно плющит их молотком.

Связь включилась уже ближе к вечеру, почти к ужину.

— *Куда прешь, деревенщина?!* — Широкоплечий вояка с небольшим круглым щитом за спиной, копьем и длинным кинжалом на поясе держал лисовского мула под уздцы, демонстрируя завидное рвение в охране ворот, проделанных в высоком частоколе. Еще трое вооруженных каледонцев, по всей видимости, его подчиненных, обступили повозку, подстраховывая своего командира и исподтишка поглядывая на объемистое содержимое убогого экипажа.

— *Я ищу тана рода Геллинов достославного Марка,* — не обращая внимания на грубый окрик стражника, гордо заявил Лис.

— *Ты не из местных. Кажется, я где-то видел твое лицо, да только не припомню где.* — Начальник караула начал внимательно всматриваться в физиономию моего напарника. — *Зачем тебе нужен наш тан?*

— *Если бы то, что мне необходимо сказать ему, касалось тебя, я бы не искал его. Достаточно было бы доехать до хлева, и если бы я не застал там тебя, то наверняка встретил бы твоих родственников.*

— *Что?!* — взревел стражник. — *Не много ли ты на себя берешь, смерд!*

— *Я Рейнар Лис,* — свысока поглядывая на голоногого фельдфебеля, заявил мой друг. — *И если ты скажешь, что тебе неизвестно мое имя, то лучше выброс оружие и иди отпугивать ворон с вересковых пустошей.*

— *Точно,* — всполошился ветеран, — *я ж говорю, рожа мне твоя знакома. А ну...* — Кинжал, мгновение назад висевший на поясе, блеснул у него в руке. В тот же миг Лис, презрительно следивший за действиями караульщика, правой рукой перехватил его запястье, левой несильно ударил по кисти.

— *Брось каку, недоносок!* — Оружие отлетело шага на три, а обескураженный часовой попытался вырваться из цепких рук моего напарника. Пустая затея! — *Я что, по-твоему,* — с напором заговорил Лис, не обращая внимания на выжидательно опущенные копья оставшихся без руководства стражников, — *приехал сюда, чтоб вы меня зарезали? Мне трудно это было найти в другом месте? Я Рейнар Лис, комит сэра Торвальда герцога Инистора, его правая рука, левый глаз и центральное полушарие головного мозга. Раз я здесь, значит, так надо. Беги к своему господину и сообщи ему, что у меня к нему секретное дело. Если ты где-нибудь задержишься, клянусь плащом святого Мартина, тан велит содрать с тебя шкуру и наделать из нее штанов для твоих детей. Ты понял меня?* — Лис оттолкнул от себя ополоумевшего охранника. — *На вот, передай ему это.* — Рейнар вытащил из сапога пергамент с восковой печатью, любовно изготовленный мною сегодня утром.

Вряд ли при «дворе» каледонского тана, даже «могущественного», нашелся бы кто-нибудь, способный прочесть текст, составленный на классической латыни. В лучшем случае подобный грамотей умел бы разбирать ту кухонную латынь, которую оставили на память бриттам и их северным соседям римские легионеры, сами отродясь не бывавшие в метрополии. С тем же успехом человек, сведущий лишь в шотландском, взялся бы читать Шекспира. В любом случае мандат моего «тайного посланника» несказанно прибавлял ему веса в глазах безграмотных северян.

Начальник караула скрылся, осторожно неся доверенный ему документ, а его подчиненные остались стеречь незваного гостя, опасливо косясь и тихо переговариваясь на гельском диалекте.

— *Кто такой этот Рейнар Лис?* — спрашивал один из караульных, безусый и явно лишь совсем недавно приобщившийся к военной братии.

— *Это человек, убивший короля Шнека. Он первое лицо в комитате принца Торвальда, несколько лет тому назад пленившего Ангуса, а пятого дня сразившего его у Камланнского поля,* — пояснил ему второй стражник.

— Тише! Тише, он хотя и из Галлии, но везде шляется с этим чертовым Торвальдом и вполне уже может понимать по-нашему.

— Ну, тут начинается неприкрытая лесть и яростные восхваления, поэтому я скромно выключаюсь... То есть не выключаюсь, а вырубаю связь, чтобы насладиться своей крутью в гордом одиночестве. Будет что-то интересное, обязательно дам знать.

Лиса не было довольно долго. Пару раз я вызывал его, волнуясь из-за этого молчания. Один раз я застал его в самый разгар разгрузки вожделенной емкости с вересковым медом.

— Давай пошевеливайся! — командовал Лис. — *Пришел король саксонский, безжалостный к врагам, догнал он бедных пиктов и дал им по рогам. Давайте, давайте! Осторожнее, не дай бог, разобьете, живьем в землю закопаю! Капитан, шо, тебе заняться нечем? Не отвлекай меня, не видишь, народ строю!*

В следующий раз я застал Лиса уже в покоях Марка, явно ничего не понявшего в моем трактате, но впечатленного и ровными строчками латиницы на пергаменте, и оттиснутым профилем Октавиана Августа с завалявшегося у меня в кошеле старинного солида.

— Погоди чуток. Щас официальные расшаркивания и прихлопывания закончатся, мы сядем, все обчирикаем, думаю, под бочку вересковки и хорошую мясную закуску я быстро доведу этого отца народа до полного консенсуса.

Я со вздохом отключил связь и уставился на наполняемый свинцовыми кругляшами мешок. На этот раз связь заработала часа через полтора.

— Послушай, Марк, — наклоняясь едва ли не к самому уху тана, проникновенно заговорил Лис. — То, о чем мы сейчас ведем речь, до поры до времени должно остаться строго между нами. Полный секрет, государственная тайна. Сам знаешь, что известно троим — известно свинье. *Вальдар, я не тебя имею в виду.*

— Верно, — согласился с ним властитель округи. Судя по амплитуде движения его головы, первый десяток тостов уже отзвучал, и Лису явно не пришлось упрашивать собеседника пить до дна.

— Мы с Торвальдом долго думали, кому это по силам? Лучше тебя не найти.

— Не найти, — согласился тан.

— Ты человек мудрый, твоя знатность просто возвышается над горами. Я уже не говорю о том страхе, который внушает имя Марка нечестивцам, смеющим посягать на твои владения.

— Это верно, — вновь кивнул тан. — Вот намедни тан...

— Ну, это он еще не знает, с кем связался! Тут мы с тобой! Грудью вперед, браво... Да, вели своему кравчему наполнить кубки, а то что-то мы насухую разговариваем.

Марк махнул рукой, делая знак статному молодому мужчине с мрачным лицом, удивительно похожим на самого тана, и тот молча начал лить вересковый мед в кубки.

— Может, его удалить? — поглядывая на неразговорчивого виночерпия, спросил Лис.

— Это мой старший сын Дольбран. Он те... иди, — махнул на него Марк.

— Так вот, — продолжал Лис, — от твоего орлиного взора, конечно, не укрылось известие о страшной битве на камланнской равнине?

— Да. И о победе Ллевелина над повстанцами тоже. Но, клянусь камнем Фала, голосу которого внемлет всякий мудрый правитель, моих воинов там не было.

— Ллевелину известно об этом, — прошептал ему на ухо Рейнар.

— А поговаривают, что сам Ллевелин все это и затеял, — полушепотом ответил Марк.

— Вот ты сказанул! — нахмурился Лис. — Зачем это ему по-твоему нужно?

Его собеседник пожал плечами.

— Кто знает.

— Я знаю, — заверил его Лис. — Не сегодня-завтра Ллевелин станет королем Британии. Артур пропал. Мордред разбит. Все, кто оставался верным Артуру, собираются вокруг его преемника Ллевелина. Скажу тебе по секрету, Ланселот примкнул к Северному Альянсу.

— Да ну? — покачал головой лисовский собеседник.

— Ну да! Готов биться об заклад, что через три седмицы Ллевелин будет в Камелоте. Так шо, смотри, перед тобой новый король! Ты не на меня смотри, а на Ллевелина.

— Понял, — согласно кивнул тан. — Но только мне точно ведомо, что Ллевелин вел какие-то переговоры с королевой Лендис.

— Эка новость! Конечно, вел. Капитан, ты, кстати, примечай. Пойми, — Лис начал говорить размеренно и четко, постукивая костяшками пальцев, сжатых в кулак, по столу. — Новый король, как никто, знает нравы северян. Ему не нужна война и в Каледонии, и на юге одновременно. Ллевелин вел переговоры с Лендис, надеясь обеспечить свой тыл, а ты сам знаешь, чем закончились переговоры с этой колдуньей. Ллевелин не претендует на Горру. Он желает видеть ее свободным королевством, союзным Британии.

— Да? — Глаза тана алчно вспыхнули. — И кто же, по его мнению, должен стать королем Горры?

— Первым королем Горры должен стать мудрый правитель, храбрый полководец, человек, род которого испокон веков известен в этих землях и, что весьма важно, на деле доказавший свою вер-

ность Британии и Ллевелину. Мы с Торвальдом, которого герцог оставил Стражем Севера вместо себя, предложили ему вас, сир. И, надо сказать, эти слова попали на возделанную почву. Ллевелин с большим почтением относится к роду Геллинов. Правда, ему еще рекомендовали Тиана из клана Периглиса, но Ллевелин прислушивается к словам Торвальда, как и Артур. Вам же известно, что, не будь у короля Артура в советниках моего друга и господина, не видать бы Лендис короны как своих ушей. — Он помолчал, давая собеседнику осознать и переварить сказанное. — И все-таки Тиан — опасная кандидатура. В его клане много мужчин, много золота. Они могут выставить большой отряд...

— Завтра же я двину своих людей на помощь Ллевелину, — грохнул кулаком по столу тан, поднимаясь и кладя вторую руку на эфес меча.

— Не горячись, Марк, — осадил его мой напарник. — Завтра ты выступишь к Адрианову валу, а послезавтра здесь будет войско Лендис, и когда мы совместно разберемся с недобитками Мордреда, нам придется отвоевывать для тебя Горру, сея над ней смерть и разрушения. Клянусь гусями святого Себастьяна, которые плакали, отдавая свои перья на стрелы, его поразившие, — это не лучшее начало для царствования. Ллевелину известна храбрость Марка из рода Геллинов и сила его воинов, но будет лучше, если ты останешься здесь, удерживая остальных от ударов в спину новому королю.

— Да, ты прав, друг мой. — Рука тана легла на плечо хитроумного Рейнара, уже заботливо расставившего перед ним шелковые сети.

— Черт! — перебил сам себя Лис. — Но ведь тогда и Тиан останется на месте и тоже сможет утверждать, что удерживал коварную Лендис от предательского удара. Вот незадача! Придумай что-нибудь, Марк! Только ты с твоим умом и знанием жизни можешь справиться с подобной проблемой.

Геллинский тан впал в мрачную задумчивость.

— Я велю написать Ллевелину письмо, в котором изъявляю ему преданность и разъясняю смысл своих действий.

— Да, это мудро, — поддержал его Лис. — Но ведь и Тиан может сделать то же самое. А время идет. Здесь важно успеть первыми. Кроме того, письмо... — Лис цыкнул. — Пергамент, он все выдержит. — Он достал из-за пояса монетку и начал крутить ее между пальцами.

— Я знаю! — стукнул себя по лбу тан. — Конечно же! Ллевелин ведет войну, и как бы он ни был богат, ему все равно сейчас нужны деньги. Я передам ему через вас две, нет три тысячи золотых. Ты сделаешь это для меня? — Марк обхватил руками плечи Лиса.

— Только для тебя, — прочувствованно произнес Лис, отвечая тем же жестом на «объятия» тана. — Капитан, считай, что деньги на

базе, можешь послать овидда передать груагаху, что завтра мы будем.

— Завтра поутру, — продолжал Марк, — я отсыплю тебе монет и дам людей, чтоб они проводили тебя до Кэрфортина.

— Нет, — покачал головой Лис. — До Кэрфортина — это опасно. Нас могут увидеть вместе люди Тиана или Лендис. Пусть лучше сопроводят меня до бастиды. Той, у которой недавно разгромили отряд Ангуса. Я буду ехать впереди, а они держаться поодаль и наблюдать, как бы чего не случилось. Тогда ты всегда сможешь сказать, что послал своих людей в разведку.

— Мудрые слова, — кивнул тан. — Так и поступим.

— Благодарю за похвалу, ваше величество, — поклонился лукавый Рейнар. — *Капитан, ты не знаешь, почему каледонцев называют скупердяями? Как по мне, так щедрее их разве что добрый дедушка Сорос.*

Глава 13

Не пытайся измерить глубину
реки обеими ногами сразу.

Мерлин

Утро в Каледонии начинается с восходом солнца. Впрочем, и в остальной части Европы этого времени оно тоже начинается с первыми лучами, что довольно неудобно для людей, привыкших щелчком выключателя превращать ночь в день и день в ночь. Из уважения ко мне сэр Кархейн велел не будить высокого гостя до той поры, пока он сам не проснется. Однако для моего напарника Геллинский тан, возбужденный, вероятно, радужными перспективами, такой поблажки не сделал.

Спасибо Лису, он не стал включать связь с самого подъема, но к завтраку, во время которого должна была состояться передача «взятки должностному лицу», он ее все-таки включил. Стоит ли говорить, что она застала меня еще спящим и вовсе не намеревающимся спешить с пробуждением. Впервые за эту неделю мне удалось выспаться на хоть и плохонькой, но кровати, а не кутаться в плащ, пытаясь спастись от ночных ветров и утренней сырости. Правда, блохи и клопы, обитавшие среди наваленных на ложе шкур, едва ли не с того времени, когда оные еще бродили в лесу, натяну-

тые на зубастых хозяев, считали меня поздним ужином или же ранним завтраком. Но лучше уж так, чем никак.

Зала, в которой намеревались трапезничать высокие договаривающиеся стороны, была скупо освещена рассветными лучами солнца, пробивающимися сквозь узкие, более годящиеся для ведения боя, чем для освещения трапезной, оконца. Пол был устлан охапками душистого сена, глушившего шаги не хуже персидских ковров. Пара слуг, предводительствуемая Дольбраном, наследником Марка, внесла в залу огромное серебряное блюдо, уставленное грубыми глиняными плошками, от которых исходил, вернее, очевидно, исходил, дурманящий мясной дух. По сигналу «инфанта» слуги поднесли блюдо к столу, за которым уже восседали будущий король Горры и личный посланник «военного губернатора Севера». Мрачный отпрыск завтрашнего монарха, не говоря ни слова, начал переставлять миски на стол, сервируя его с ловкостью профессионального официанта. Когда с этим было покончено, Дольбран жестом указал слугам поставить огромный серебряный поднос у стены, очевидно, демонстрируя его редкостное великолепие, и сделал знак им удалиться.

— Правильное воспитание, — похвалил престолонаследника Рейнар. — Человек, с детства привыкший к труду, смотрит на мир совсем другими глазами.

— Я лишь ему доверяю, — склонился к Лису просиявший от похвалы тан. — Еду, питье, все только из его рук принимаю. Молод еще, но отважен. Рвался на Палладон идти, да я не пустил. Успеет еще меч кровью напоить. Вы угощайтесь, господин Рейнар, и ни о чем не беспокойтесь. Все уже готово. Послание я составил, люди готовы. Я велел вам в дорогу еды собрать. Путь-то не близкий, ну и... Сами понимаете, — Марк загадочно улыбнулся, — это.

— В каком смысле это?

— Подарки вам и сэру Торвальду.

— Подарки? Да ну, зачем! — начал было отмахиваться Лис, впрочем, без особого энтузиазма.

— А вересковый мед? — напомнил тан. — Вы привезли мне чудесный вересковый мед, не могу же я оставаться в долгу!

— А, если только вот в таком разрезе...

— Мы же с вами друзья, сэр Рейнар.

— Не то слово! Буквально братья!

— Угощайтесь, прошу вас. Сейчас мой казначей принесет золото.

То ли казначей медленно считал монеты, страдая при мысли о разлуке с ними, то ли ему даны были строгие инструкции не беспокоить едоков во время завтрака, но явился он лишь тогда, когда снедь, украшавшая стол знатного тана, была уже порядком подъедена. Склонившись перед господином, хранитель финансового благо-

получия клана поставил небольшой кожаный мешок с монетами на столешницу и все с таким же поклоном удалился.

— Если хотите, можете пересчитать, — улыбаясь, тан подвинул золото к Лису. — Но можете мне поверить, здесь ровно три тысячи монет. Вот вам послание королю Ллевелину, — он протянул моему другу деревянный тул*, инкрустированный слоновой костью, — а на словах передайте...

— На словах бы стоило передать, — под низкими сводами зала зазвучал приятный женский голос, негромкий, но предельно жесткий, — что герцог Ллевелин двуличная тварь, что он змея, непременно обреченная поразить себя собственным ядом!

Все присутствующие в зале резко повернулись туда, откуда звучал голос. Полированная серебряная поверхность помутнела и внезапно начала таять, словно ледяная корка под лучами весеннего солнца. За исчезающей серебряной гладью открывался проход, точно по ту сторону прислоненного к стене блюда находилась не стена, а обычнейшая дверь. Тан вскочил из-за стола, хватаясь за висевший на поясе кинжал.

— Вы все видели, — сквозь открывшийся проход в залу вступила молодая женщина в длинном платье цвета морской волны, с темно-рыжими вьющимися волосами и зелеными глазами, в которых сейчас горело изумрудное пламя, — что к измене тан Марк из рода Геллинов прибавил вооруженный мятеж.

Вслед женщине сквозь пространственный переход в комнату начали втискиваться хорошо вооруженные мужчины сурового вида в танских пледах различных кланов.

— Во блюдство! — пробормотал Лис. — Лендис, подруга, тебя в детстве не учили стучаться, перед тем как войти?

— *Рейнар, сиди, где сидишь, и будь добр, помолчи. С тобой мы разберемся позже.*

— *Капитан, не, ну ты видел?! Совсем оскаженела шалена баба!*

Конечно же, я видел. И, конечно же, я узнал нежданную гостью горрского тана. Такие зеленые глаза и такие тонкие черты лица трудно было забыть. Полагаю, множество мужчин воспламенились бы душой, глядя на эту хрупкую молодую женщину, спеша объявить ее дамой сердца. Но, полагаю, в их число не попал бы ни один из находившихся сейчас в пиршественной зале. Никто из видевших победительную улыбку, игравшую сейчас на ее устах, не рискнул бы становиться рядом с торжествующей северной красавицей. От этой улыбки веяло таким холодом, что вечная мерзлота рядом с ней могла показаться расплавленной магмой.

---

* Тул — футляр для свитков.

— Вы изменник, тан, — приближаясь вплотную к побледневшему Марку, почти нежно проговорила Лендис. — Вы вступили в сговор с нашим врагом. Вы пытались купить у него корону Горры. Для себя. Вы заслуживаете смерти. — Она положила на грудь каледонца свои длинные тонкие пальцы. — Начинайте, Дольбран, — милостиво бросила она, отходя от обреченного вельможи.

— Н-нет, — прижался к стене мрачный сын приговоренного к казни.

— Почему же нет? Вы мечтали о короне тана Геллинов? Она ваша. Подойдите и возьмите ее.

— Н-нет.

— Ну-ну, не будьте глупцом. Вы же сами сообщили мне о прибытии гонца от Ллевелина. Сами принесли сюда мое блюдо и установили его так, как я вам велела. Отчего же теперь вы медлите?

— Он — мой отец, — гордо выпрямляясь, выпалил Дольбран. — Я не сделаю этого!

— Это верно, — склонила голову зеленоглазая королева, — он ваш отец. Вы правы, Дольбран. Но, стало быть, ты тоже изменник. Подойди к отцу, встань рядом с ним. Любезные мои таны. — Она повернулась к суровым бородачам, вновь складывая губы в улыбку. Но если бывают улыбки обезоруживающие, то эта была вооружающая: — Кто из вас первым желает вонзить свой клинок в грудь изменника, заслужив тем самым мою благодарность и это танство?

Хор голосов был ей ответом.

— Давайте вы. — Она указала на ближайшего бородача.

— Прости, отец! — Дольбран рванулся сквозь толпу к помертвевшему Марку. — Я слишком молод, чтобы умереть!

Он выхватил кинжал и с размаху вонзил его в грудь отца. Несчастный рухнул на пол, и красная струйка, выползая из-под острия, окрасила в багровый цвет душистое сено, устилавшее пол.

— Он еще жив, — глядя на бьющегося в конвульсиях хозяина, констатировала королева Лендис. — Прежде чем мы отправимся в обратный путь, любезные мои таны, каждый из вас повинен по разу вонзить свой меч в сердце изменника. В назидание тем, кто еще тешит себя надеждой отобрать мою корону. А теперь вы, мой дорогой Лис. — Красавица повернулась к Сергею, внимательно рассматривая его с ног до головы. — Куда же вы запропали, друг мой? Я так давно не слышала ваших песен, я уже соскучилась по ним.

— А я? Я буду жить? — перебивая любезничающую с Рейнаром королеву, вмешался все еще стоящий над поражаемым мечами телом Дольбран.

— Нет, — оборачиваясь к нему, бросила Лендис. — Вы умрете. Но не здесь, а в темнице.

— Но вы же обещали мне?!

— Молодой тан, — нараспев произнесла Лендис. — Если вы желали, чтобы вас величали этим гордым титулом, то вот вам, пожалуйста, я первая величаю вас. Вы рады этому? Не отвечайте. Вижу, что не очень. Вы предали отца, дорогой мой. Человека, подарившего вам жизнь. Я знаю, порою бывают в жизни вещи, более важные, чем кровное родство. Но золотой обруч с ювелами к ним не относится. Вы предали отца, желая своей изменой нажиться на его преступлении. Как же я могу вам верить? А зачем мне нужны таны, о которых я точно знаю, что они изменники и отцеубийцы. Ты непременно умрешь. Рейнар, — она вновь повернулась к моему другу, теряя интерес к происходящему за ее спиной, — пойдем отсюда, здесь слишком много крови. Надеюсь, ты скрасишь своими песнями обратную дорогу в мой замок?

Я вскочил со скрипучего ложа, путаясь в мохнатом «одеяле» и с трудом удерживая равновесие, чтобы не растянуться на каменном полу. Лежанка была той самой, на которой несколько дней тому назад умирал прежний комендант бастиды сэр Богер Разумный. Не самое приятное воспоминание, но что делать, — предоставление мне этого отдельного ложа, несомненно, почиталось здесь проявлением высочайшего почтения. Остальные обитатели этой крепостицы укладывались спать на общую лежанку, размерами с небольшую вертолетную площадку, вповалку, деля «постель» со сторожевыми и охотничьими собаками. Но мне сейчас было не до почестей.

Наскоро одевшись, натянув сапоги и перепоясавшись мечом, я выскочил во двор бастиды, ища любезного хозяина. Молодой сэр Кархейн в отличие от меня не терял времени даром. В одном углу крепостицы пара десятков бойцов отрабатывали технику владения копьем, в другом валлийские и йоркширские лучники метали стрелы в насаженное на кол соломенное чучело с круглым каледонским щитом. По ту сторону ворот над тропой трудились еще несколько человек, громоздя на каменные уступы корзины с валунами, готовыми в случае необходимости смести с узкой дороги наступающего противника. Сэр Кархейн поспевал всюду, очевидно, интуитивно понимая, что благостное бездействие есть неминуемая смерть для воинского подразделения, даже при отсутствии реального противника. Наконец мне удалось отыскать его. Молодой рыцарь вместе со своим оруженосцем осматривали утес, закрывавший от обзора вход в ущелье, очевидно, выискивая способы стесать большую его часть.

— О, сэр Торвальд, — поприветствовал меня он. — Я рад, что вы уже поднялись. Я ждал вас и еще не приступал к утренней трапезе.

— Прошу простить меня, сэр Кархейн, — произнес я, отвечая на приветствие молодого рыцаря, — с моей стороны весьма нелюбез-

но отказываться от вашего предложения. Но, увы, я вынужден сделать это. Я пришел попрощаться, ибо покидаю вас прямо сейчас.

— Что-то произошло? — с тревогой в голосе спросил добрый хозяин.

— Увы, но, возможно, да. Мне было видение. Рейнар попал в руки врага.

— Неужели Геллинский тан захватил вашего друга?

— Если верить моему сну, а у меня нет причин ему не доверять, Марк убит, его владения захвачены, а Лис угодил в руки королевы Лендис.

— Если так, это много хуже, — нахмурился сэр Кархейн. — В этих краях я бы мог вам чем-то помочь, но вы сами понимаете, соваться в глубь Каледонии с моим отрядом — полное безрассудство. Все, что я могу сделать, это послать гонца в Кэрфортин.

— Да, — кивнул я, — это правильно. Но спешить с этим не стоит, быть может, еще все обойдется. Если я не появлюсь через седмицу, тогда, пожалуй, будет самое время.

— Неужели вы сами намерены попытаться отбить вашего друга? — после короткого молчания спросил Кархейн.

— Это моя обязанность по отношению к любому воину из моего комитата. А уж тем более к Рейнару, спасавшему меня несчетное количество раз.

— Если ваш сон действительно вещий, Лендис увезет Рейнара в Данеброк* или же в Пейнкаррик — это ее резиденция на юге страны. Пейнкаррик ближе, но вряд ли вы сможете добраться туда. Слишком многие знают вас в лицо и хотят посчитаться за старые обиды.

— У меня нет выбора. Если я буду дожидаться новостей от Рейнара, то зря потрачу драгоценное время. Надеюсь, Годвин проведет меня к замку королевы друидскими тропами. Если мой сон лишь наваждение, я немедля вернусь в бастиду. А королева... Возможно, мне удастся поладить с ней.

— Я бы не стал на это рассчитывать, — с сомнением произнес Кархейн. — Впрочем, сэр Торвальд, вы опытнее меня.

В этот миг Лис вновь активизировал связь, и в мое сознание ворвался почти ласковый голос Лендис:

— *Я специально велела захватить роту**, когда узнала, что именно тебя Торвальд послал склонять к измене геллинского тана. Каледонские баллады, несомненно, мужественны, они повествуют*

---

* Данеброк — нынешний Эдинбург.

** Рота — струнный музыкальный инструмент, используемый в песнопениях бардов.

о героях и сражениях, но в них нет чего-то такого, — она печально вздохнула, — *я уж и не знаю, как это назвать.*

Мне пришлось немало потрудиться, чтобы скрыть улыбку. Несколько лет назад, во время нашего совместного путешествия ко двору короля Эли Рыболова, когда еще и речи не было о том, что юная Лендис из дома Бьернов станет супругой могущественного монарха, мой славный напарник во всю прыть добивался благосклонности оркнейской очаровательницы. А потому разливался перед ней соловьем, чередуя повествования о боях и странствиях дальних сладкозвучными песнями, натасканными из различных эпох. Насколько я мог помнить, особой популярностью пользовались песни Бернса и лисовские переложения на гельский некоторых французских шансонье.

— *Погоди, Лендис,* — попытался остановить властную государыню Лис. — *По-моему, мы с тобой должны серьезно поговорить.*

— *Ну, что за глупости?* — оборвала его королева. — *О чем нам разговаривать? О том, что ты здесь устроил? Пустое. Я тебя прощаю. Обо всем же остальном мы успеем наговориться в моем замке. А пока я хочу, чтобы ты мне спел. И, пожалуйста, не заставляй себя упрашивать.*

— *И все же, Лендис, я должен тебе сказать,* — тон моего напарника стал непривычно серьезен, — *то, что ты здесь видела, это совсем не то, что было на самом деле. Вернее, не то, что тебе кажется.*

— *Откуда ты знаешь, дорогой Рейнар, что мне кажется, и кажется ли мне вообще что-нибудь?* — вновь улыбнулась королева. — *То, что ты намеревался обмануть Марка и выманить у него золото, ясно и без твоих разъяснений. Насколько мне известно, мой дорогой братец Торвальд жив и ты по-прежнему странствуешь вместе с ним. Ни Торвальд, ни его покойный брат Эстольд не вели бы такую игру, когда бы дело действительно касалось судьбы Горры. Стало быть, это одна из твоих хитростей. Но пергамент, который ты демонстрировал покойному Марку, написан рукой Торвальда. Значит, он где-то поблизости, ожидает твоего возвращения. Тогда либо он сам наблюдает из укрытия за тем, что здесь происходит, либо, что вероятнее, ожидает в бастиде, куда ты намеревался везти золото. Но, зная братца, я могу предполагать, что и в этом случае предусмотрен наблюдатель, способный быстро доставить ему дурные известия. Как бы то ни было, сейчас мы отправляемся в мой замок. Поверь, там очень мило. Я постаралась обустроить его как можно уютнее, и мое удивление не будет знать границ, если в ближайшее время сэр Торвальд не протрубит в рог у его ворот.*

— *С чего это ты вдруг решила, что он попрется к тебе?*

— *Мой дорогой,* — очаровательно улыбнулась Лендис. — *Я ни на миг не сомневаюсь, что Торвальд захочет освободить тебя. Прежде*

чем отправиться сюда, я повелела под страхом смерти не трогать его по пути в Пейнкаррик. Если бы в мои руки попал он, а не ты, я бы, пожалуй, сожалела, что у меня нет глаз на затылке, на макушке...

— Понятно, дальше можешь не продолжать. Хотя в этом случае я бы с удовольствием поглядел тебе в глаза.

— Но Торвальд пожелает встретиться со мной лицом к лицу, — пропуская слова моего друга мимо ушей, продолжила королева. *— Я буду очень рада этой встрече.*

— Шо ж так? — хмыкнул Рейнар. *— Помнится, в прошлый раз, тогда, при дворе короля Артура, ты была с ним не слишком любезна.*

— При дворе Артура меня заставили скрепить целованием примирение с теперь, слава Богу, покойным принцем Ангусом. А кроме того, я всегда числила и Торвальда, и тебя в стане своих если не друзей, то, во всяком случае, союзников. Зачем мне было показывать это при дворе короля, навязавшего мне весьма тяжелые условия мира? Что же касается желания видеть Торвальда, то знаешь, иногда так не хватает твердого мужского плеча, на которое можно было бы опереться...

— Об чем речь, родная! Вот мое плечо, опирайся сколько влезет. Опять же, вон у тебя сколько плечистых мужиков.

— Сейчас мне нужен Торвальд, — внезапно становясь серьезной, произнесла Лендис, сбрасывая с себя ненужный уже образ доброй лисовской подруги. *— И я бы желала, чтобы он поспешил с твоим освобождением.*

— Властительная госпожа. — Один из танов, вероятно, тот самый, которому достались выморочные владения, вышел во двор, где находились Лис с Лендис. Насколько я мог видеть, появление королевы в маноре* Геллинов было тщательно обставлено. Здесь уже вовсю хозяйничали воины в пледах различных кланов, очевидно, выступившие в путь еще вчера вечером и утром впущенные в крепость алчным Дольбраном. *— Властительная госпожа,* — вновь повторил верный слуга королевы, *— все закончено. Какие еще будут повеления?*

— Оставайся здесь со своими воинами и наведи порядок, — скомандовала Лендис. *— Золото изменника я заберу с собой. Его сына пусть ведут связанным меж двух коней, в назидание тем, кто надеется изменой заслужить то, что достигается верностью. Сообщи остальным, что мы немедля отправляемся в Пейнкаррик.*

— Ну шо, Капитан, адресок записать или так запомнил? Не заставляй девочку ждать. Шо-то ей приспичило заполучить себе твое плечо. Впрочем, надеюсь, и остальными частями тела она не побрезгует. В общем, лети с приветом.

---

* Манор — поместье.

Я усмехнулся. Пожалуй, действительно нужно было быть с приветом, чтобы лететь в гости к моей милой родственнице. Но тут уж, как говорится, ничего не попишешь.

Ее величество владетельная королева Лендис не кривила душой, говоря о том, что будет рада меня видеть. Когда вечером проведенный Годвином к воротам ее замка я протрубил в рог, требуя опустить мост, она буквально сияла, благосклонно отвечая на мои приветствия, словно лишь совсем недавно мы расстались с ней лучшими друзьями и нынче вновь договорились встретиться за «чашечкой чая».

— Я знала, мой дорогой, что ты пожалуешь сюда, но и подумать не могла, что так быстро. А что за прелестный мальчуган сопровождает тебя? Ты завел дружбу с друидами? — улыбаясь, щебетала она, и не знай я, сколь хладнокровно эта очаровательная женщина способна обрекать на гибель своих врагов, я бы, может, пленился ее милой непосредственностью.

— Я Годвин, овидд, — гордо расправляя плечи, произнес подросток.

Собственно говоря, в этом никто не сомневался. Зеленый балахон моего проводника вполне ясно обозначал его социальный статус. Но, видит бог, за те дни, которые он провел в нашем обществе, в облике подростка появилось нечто новое, прежде, во всяком случае, в общении с нами не проявлявшееся. Вот этот самый рыцарственный гонор.

— Овидд? Ну конечно же, — не убирая с лица улыбки, произнесла королева. — Тогда мне понятно, как тебе удалось так быстро проведать о пленении нашего друга и добраться сюда. Полагаю, ты не думаешь, что я хочу причинить вам зло? Мы ведь друзья, не так ли?

— Мой брат Эстольд тоже ходил в твоих друзьях, — кланяясь в ответ, произнес я. — Это не помешало тебе наложить на него заклинание неподвижности в самый ответственный момент боя.

— Да, — печально согласилась Лендис. — В тот самый миг, когда, зарубив телохранителей моего мужа, он рвался к шатру, где я находилась. Тебе не хуже меня известен яростный нрав нашего брата. Никто не вправе осудить меня за то, что я испугалась и, не желая угодить под его меч, спасалась единственно возможным для меня способом. Но ведь не я нанесла Эстольду смертельный удар. Поверь, если бы не этот злосчастный оруженосец моего мужа, я бы пленила Эстольда, и под моей защитой он был бы вне опасности. Увы, воля небес выше нашей воли, но я отреклась от мести за Шнека, пораженного стрелой Лиса. Полагаю, и ты не должен держать на меня зла за печальный исход злополучного боя, во время которого я потеряла и мужа, и, — она горько вздохнула, — брата.

Мне ничего не оставалось, как про себя наградить дорогую кузину аплодисментами. Воистину, все обстояло почти что так, как о

том говорила Лендис. Поймать ее на откровенной лжи даже мне, ее «погибшему брату Эстольду», было невозможно. Не знай я, какую роль в той войне играло это хрупкое очаровательное создание, — с радостью поверил бы каждому ее слову. Однако я прекрасно помнил, что Шнек был лишь марионеткой в этих нежных руках и что зеленоглазая красавица отлично знала о готовящемся нападении и в нужный момент весьма успешно вывела из игры две ставшие чересчур опасными фигуры. Причем не ударив для этого и пальцем о палец. Но внешне все обстояло именно так, как о том рассказывала Лендис. Впрочем, к чему ворошить былое?

— Да, Рейнар рассказывал мне. Все так и было. Я не желаю мести и, как тебе известно, именно мой голос склонил Артура оставить тебе венец Каледонии.

— Торвальд, конечно же, я помню об этом. И о том, что, видимо, по великой скромности своей ты умалчиваешь. Я говорю о смерти Ангуса.

— Это был честный бой.

— Не сомневаюсь. Но оставим это. Вы с Рейнаром мои гости. Сейчас мы отужинаем, а завтра с утра у нас будет очаровательная прогулка, где мы с тобой и поговорим. — Она мило улыбнулась и подала мне руку, требуя сопровождать ее в пиршественную залу. Я принял ее пальчики в свою ладонь и услышал явственный вздох облегчения, вырвавшийся у двух дюжин стражников, с молчаливым вниманием наблюдавших встречу родственников. Ни секунды не сомневаюсь, что, пойди наш разговор в других тонах, позволь я себе неосторожное движение, и вся эта крепкорукая орава ринулась бы на нас с Годвином. Причем отнюдь не с целью заполучить автограф.

Утренняя прогулка, как и обещала королева, была очаровательна. Особенно мило смотрелись полторы сотни всадников эскорта, окружавшие Лендис широким кольцом, да и гордые таны, державшиеся небольшой, но весьма живописной толпой за нашими спинами, тоже не портили общей прелести картины. Мы ехали не торопя коней, с неподдельным вниманием разглядывая ландшафты, демонстрируемые ее величеством с такой гордостью, как будто она самолично принимала участие в их сотворении или уж, во всяком случае, консультировала Всевышнего, где лучше разместить скалу и как изящнее сбросить с нее водопад, сияющий радужными брызгами, словно волшебным светом припрятанных под его струями сокровищ.

— Я слышала, вы теперь в большом фаворе у герцога Ллевелина, — словно невзначай бросила королева, искоса глядя на меня в надежде понять, что на самом деле творится в голове у собеседника.

— Я был с Ллевелином во время его похода на Палладон, если ты это хотела узнать, — пожал плечами я, активизируя связь. — А до это-

го сражался в бастиде, что напротив Кэрфортина. Не думаю, чтобы это слишком приблизило меня к герцогу, но мы оба рыцари Круглого Стола, и сегодня вокруг него собираются все те, кому дорого дело Артура.

— Браво, — усмехнулась Лендис, — благородный сэр Торвальд Пламенный Меч, ничего другого я и не ожидала услышать от тебя. Но клянусь всеми тридцатью тремя островами Оркнеи, что если бы вашему королю удалось сейчас освободиться от чар Морганы и узнать, каково на деле коварство Ллевелина, он велел бы рвать его конями, а может быть, специально для него придумал что-нибудь похуже.

— О чем ты? — с притворной суровостью возмутился я. Не то что у меня были какие-то опасения по поводу Стража Севера, но все же маленький пергамент с частью подложного пророчества дамокловым мечом висел над моим добрым отношением к храброму герцогу. В любом случае стоило казаться менее осведомленными, чем мы были на самом деле, вернее, увы, еще менее осведомленными.

— Ллевелин — хитрая лиса, — начала королева. — Он всех обвел вокруг пальца. Даже меня. И этого я ему никогда не прощу. Когда король Артур отправился воевать в Арморику, именно Ллевелин подбивал Мордреда к мятежу. И он же первым послал известие сыну Утера об измене. Ллевелин обещал Мордреду подмогу, если тот будет сражаться у Адрианова вала. И он помог мне связаться с Мордредом, заключив с ним и со мной тройственный союз. Именно он открыл мне путь на Палладон и поведал, как взять крепость короля Дьюэра. Чтобы в момент прихода Артура оправдать свое стояние в Кэрфортине, мы договорились, что я пошлю часть войск на злосчастную бастиду, которую вы обороняли с таким рвением. Знай я, что ты сражаешься под знаменами Ллевелина, конечно же, предупредила бы о таком подвохе. Но я об этом проведала лишь к концу следующего дня, когда отряд принца Ангуса был отбит с позором.

— Ты не могла знать, что я нахожусь в войсках Ллевелина. Мы с Лисом отправились в бастиду как раз в тот самый день, когда прибыли в Кэрфортин.

— Вот как, — усмехнулась Лендис. — Что ж, тоже не глупый шаг. Конечно же, Ангусу сообщили, что именно ты направляешься с отрядом к ущелью, и, конечно же, он не преминул воспользоваться этим, чтобы свести счеты. Все получилось еще более натурально, чем если бы я просто послала какого-нибудь из местных танов пошуметь под стенами крепостицы. Еще бы, там был сам принц Ангус со своим отборным войском!

— Но как же тогда бой на камланнской дороге?

Лицо королевы приняло печальное выражение.

— Мои солдаты ждали прихода Ллевелина, чтобы ударить вместе. Как ты знаешь, у скоттов и пиктов слабая кавалерия. Лучшей ее час-

тью был отряд Ангуса. Но он не пожелал сражаться в одном строю с Ллевелином, хотя и не сомневался в том, что герцог — наш союзник. Тогда на дороге Страж Севера пропустил его мимо своих рыцарей, чтобы не вспугнуть нежеланной схваткой все остальное войско Горры, ожидавшее его появления. Стоит ли говорить, что удар рыцарской конницы по многотысячному, но расслабленному длительным ожиданием каледонскому воинству обратил его в бегство.

Ллевелин все рассчитал. По пути к Камланну Ангус непременно должен был наткнуться на тебя. Победи он или нет, вряд ли у него хватило бы сил, чтобы атаковать Артура. Да и на то, чтобы оказать действенную помощь разбежавшимся горским танам, тоже. А сам герцог при любом исходе боя оставался в выигрыше: выживи Артур — он его верный вассал, разгромивший армию Горры; победи Мордред — ему, едва стоящему на ногах и обескровленному тяжелейшей схваткой, пришлось бы столкнуться со свежими воинами Ллевелина. В любом случае — он первый из равных, и на этом основании сейчас непременно постарается прибрать корону Британии к своим рукам.

— Ты уверена в этом?

— Несомненно, — кивнула Лендис, горяча свою белую кобылицу. — За те годы, пока тебя не было, на острове многое изменилось. И возвышение Ллевелина тому яркий пример. Все знают, что он родом из королевской семьи Уэльса, однако никто из родни не почитает его своим. И все же он несметно богат и до последнего времени числился в друзьях и Артура, и Ланселота, и Мордреда. Да и с каледонскими танами он тоже хорошо ладил. Поверь мне, этот выскочка желает занять трон Британии, и ты — лишь удобное прикрытие для планов, которые он вынашивает, — резко отчеканила она и замолчала, очевидно, ожидая моей реакции.

Что ж, все, о чем говорила Лендис, было убедительно, но бездоказательно, и единственным реальным подтверждением ее слов был все тот же кусочек пергамента, говорить о котором моей доброй кузине я не видел никакого смысла. Лишь одно, выслушав ее речь, я мог утверждать абсолютно уверенно: даже если то, о чем она говорила, было правдой, это было далеко не всей правдой. А потому я молчал, словно обдумывая услышанное, слегка подбадривая шпорами Мавра и рассматривая открывавшиеся взору все новые пейзажи. Очевидно, сочтя мое молчание доброй для себя приметой, Лендис довольно улыбнулась и поспешила сменить тему разговора на, вероятно, более для меня актуальную.

— Ладно, оставим коварство Ллевелина в стороне. Скажи, дорогой брат, что еще за историю с короной Горры для тана Геллинов придумал твой верный Рейнар?

Я тяжело вздохнул.

— Не сердись на него, Лендис. Конечно, это была не лучшая затея, но, видишь ли, нам срочно понадобились деньги. Правда, значительно меньше, чем тан вручил Лису.

— Я и не сержусь. Сам понимаешь, в казне всегда не хватает золота. А о том, что Рейнар вполне способен на такие проделки, я всегда знала. Да к тому же он позволил мне продемонстрировать танам свое могущество и объединить их пролитой кровью. Но скажи мне, мой дорогой, зачем тебе вдруг столько золота?

— Ты понимаешь, — я без особого энтузиазма затянул байку, столь вдохновенно исполненную Лисом позавчера вечером у сэра Кархейна, — тут поблизости один великан завелся. У него там, по слухам, в плену несколько принцесс. Ну, мы с Рейнаром решили с ним расправиться и освободить девушек. А он, скотина, в пещере за завалом засел и носа не кажет. Вот мы и придумали при помощи золотых монет его из убежища выманить.

— Ах, Торвальд, Торвальд, — мягко пожурила королева, невзирая на мое старшинство, явно глядевшая на гордого рыцаря с высоты прожитых лет. — Даже в такое нелегкое время ты не можешь оставить добрые старые традиции. Все эти драконы, великаны, гоблины. Разве в них настоящая опасность для наших королевств? Ну, хорошо. — Она махнула рукой. — Я помогу вам одолеть великана и отпущу с миром на все четыре стороны. Но только тогда и ты должен будешь сослужить мне одну небольшую службу.

— Какую же? — поспешил спросить я.

— Для тебя это, наверно, сущий пустяк, но для меня весьма важно. Король Голуэя Мехунд, дядя сэра Эрека, погибшего рядом с Артуром на Камланнском поле, отчего-то вдруг решил мстить мне за смерть племянника, как будто я в ней повинна. Завтра он будет здесь. — Она обвела рукой горную россыпь, кое-где сглаженную до мелких зеленых бугров, но кое-где еще скалившую небесам бурые зубы утесов. — Я буду весьма благодарна тебе, если ты расскажешь мне, как лучше расставить войска, чтобы встретить короля Мехунда, и научишь моих танов, как им его победить. После войны в Горре они уверены в твоей непобедимости почти так же, как в завтрашнем восходе солнца. Схватка в бастиде и бой с Ангусом еще раз тому подтверждение. Поэтому они будут сражаться во сто крат лучше, зная, что действуют по твоему плану.

— А если все же король Голуэя одолеет их? — поинтересовался я.

— Если бы кто-то осмелился сказать мне, что мой брат Торвальд Пламенный Меч может смириться с поражением, полученным от какого-то там короля Мехунда! Если бы кто-нибудь сказал мне, что этот благородный рыцарь способен бросить на произвол судьбы свою сестру, я бы немедленно велела казнить негодяя за гнусную

клевету. В любом случае после победы над Мехундом вы вольны отправляться куда пожелаете. И если же все-таки захотите сражаться с никчемным великаном, в то время когда куда как более опасный враг грозит Британии, я, конечно же, постараюсь вам помочь. Ну что, дорогой мой братец, по рукам?

— По рукам, — согласился я и вздохнул, понимая, что иного выбора у меня нет.

Глава 14

Как бы плохо мужчины ни думали о женщинах, любая женщина думает о них еще хуже.

Никола-Себастьен де Шалефф

Следующие два дня мы провели в королевской резиденции Пейнкаррик, ведя утонченно светский образ жизни. Обставленный и ухоженный по женскому вкусу замок представлял собой, вероятно, наиболее комфортабельное жилище на добрые сотни миль в округе. К нашим услугам была теплая мягкая постель, в которой мы могли валяться хоть до полудня, горячая вода, наливаемая из серебряного кувшина услужливой девицей, кокетливо строящей глазки знатным гостям. Были и длинные византийские одеяния из златотканой парчи, едва не волочившиеся по полу, что, несомненно, считалось признаком величия и богатства.

Как и обещала Лендис, моему другу была предоставлена звонкострунная рота, бряцая по которой, Лис выводил неодолимо мерзким голосом:

Ночь. Звезда. И хрумстит лебеда.
И зовет пьяный филин кукушку.
Жизнь — вода, утечет без следа.
Подари мне на счастье веснушку...

И голос, которым пелась эта песня, и тон, которым выводились ее слова, ярко демонстрировали социальный протест моего друга против затянувшихся гастролей. Однако гарнизон замка был велик, у наших дверей постоянно дежурили часовые, сменявшиеся каждый час, и никакой возможности убежать из золотой клетки не представлялось. Можно, конечно, было попробовать прорубиться к во-

ротам, но результат подобной акции был весьма гадателен, а шанс нарваться на точно брошенный дротик гораздо выше среднего.

Поэтому Лис продолжал свои распевки, а я, к радости моей доброй сестрицы, составлял ей компанию, играя в морель, табль и шахматы. Впрочем, это были не совсем те шахматы, к которым привыкли мы. Так, скажем, знакомый нам маневренный ферзь мог передвигаться лишь на одну клетку по диагонали. Альфен, стоявший на месте нашего слона, вероятно, неизвестного еще на берегах Британии, мог передвигаться на две клетки через две, перепрыгивая фигуры, как наш конь. Однако кроме этих и нескольких других, более мелких изменений игра оставалась все той же, и мы прекрасно коротали за ней бесконечное время ожидания.

Лендис была улыбчива и с удовольствием слушала мое повествование о поисках святого Грааля, время от времени охая, всплескивая руками и кивая в такт словам. Я готов был поклясться, что ей нет никакого дела до этих «охотничьих» рассказов. Мы ждали гонца. Не знаю уж, кто из нас волновался больше. Королева, поставившая на кон свой трон, или же я, присоединивший к ее ставке свой авторитет полководца. Я мог со всей уверенностью утверждать, что, если военачальники Лендис будут следовать моим указаниям, завлеченный в западню король Мехунд неминуемо будет поставлен в почти безвыходное положение. Но бог весть, что могло прийти в головы своевольных танов. Какая-нибудь глупая ссора, косой взгляд, и вся операция легко могла превратиться в ничто. Лишь одно согревало мне душу — против танов королевы Лендис действовали не менее своевольные таны короля Мехунда, точно так же незнакомые с дисциплиной, как и здешние их собратья. Наконец гонец прибыл. Он спрыгнул со взмыленной лошади и, бросив удила на руки подскочившему конюху, ринулся через двор к донжону, навстречу спешащей узнать новости Лендис.

— Победа, властительная королева! Войска Голуэя разгромлены. Мехунд убит. Мы захватили много трофеев. — Он остановился, переводя дыхание. — Наши потери...

Я отвернулся, чтобы скрыть досаду. Судя по названной гонцом цифре, каледонцы таки норовили превратить многоходовую операцию в банальную свалку, всеобщую драку с применением холодного оружия.

Пожалуй, для решения подобных тактических задач милая кузина могла обойтись и без моей помощи. Однако победа была одержана, и теперь стоило поспешить воспользоваться ее плодами, пока у предприимчивой королевы, окрыленной успехом, не возникло новых идей по применению наших с Лисом дарований.

— Лендис, — тихо напомнил я, — твое желание исполнено.

— Да, конечно, — повернулась ко мне королева, даже, кажется, несколько удивленная напоминанием. — Вы абсолютно свободны. Если хотите, можете отправляться прямо сейчас. Я повелю кликнуть Годвина. Он, как обычно, или на кухне, или у звездочета. Однако если вам все еще нужна помощь в борьбе с великаном, придется дождаться вечера.

— Еще один день пропадает, — в никуда произнес Лис, стоявший рядом со мной.

— Да, но если мы вернемся к пещере с пустыми руками, то получится, что потеряли попусту целую неделю.

Вечером, когда празднество по поводу великой победы было в самом разгаре, королева, накинув теплый плащ с капюшоном, исчезла из своих покоев, предварительно поманив нас с Лисом и Годвина.

— Пойдемте, — тихо, но властно скомандовала она, повелевая страже опустить мост и открыть ворота.

— Куда, родная? — попытался было возмутиться Лис. — Ночь на дворе, не видать ни зги!

— Искать вашего помощника.

— А днем не проще было? — не унимался мой друг, уже изрядно наэлектризованный, в смысле выпивший не один галлон эля.

— Не проще, — покачала головой Лендис. — Захвати с собой роту. А ты, — она протянула Годвину небольшую корзинку, накрытую красно-зеленой клетчатой тряпицей, — держи вот это. Поспешим, пока сумерки не совсем сгустились, иначе мы рискуем пропустить время.

— Мы не боимся риска, — пробурчал Лис, тем не менее следуя за кутающейся в плащ королевой.

Идти пришлось недолго. До ближайшего леса. Невысокий холм, поросший ивняком, склонившим свои ветки над побегами папоротника и замшелыми камнями, был конечной точкой нашего маршрута. Ручей, журчавший меж каменьев, дополнял эту идиллическую картину.

— Не двигайтесь, — остановила нашу процессию королева, когда до воды оставалось шагов примерно десять. — Я прошу вас, ни звука. — Голос ее был тих и едва-едва отличался от шелеста листьев, колышимых ветром. — Годвин, разложи все, что находится в корзине, возле того большого камня.

Мальчик сдернул с туеска закрывающий его лоскут. Чего только в нем не было! Пара колокольцев, лиловые пуговицы, бусы, разноцветные перья, фляга красного вина, сладости. Словом, все, что необходимо средней руки джентльмену удачи для успешной торговли с туземцами Океании. Казалось, мальчик ничуть не удивился столь

экзотическому набору и, неслышно ступая по мягкому мшанику, отправился выполнять приказ королевы.

— Рейнар, сейчас я должна трижды обойти холм противосолонь. Когда остановлюсь и подниму руки, начинай играть. Только на этот раз, пожалуйста, не пой. Никаких больше пьяных филинов. Когда я закончу заклинание... Если он появится, играй плясовую, пока не дам сигнал прекратить. Начинаем! — все так же тихо сказала она. — И будем надеяться, что Кернуннос одолжит нам ненадолго своего шута.

С этими словами Лендис повернулась и начала обходить холм против часовой стрелки. Кузина обошла его трижды, ступая как можно тише и ничего не касаясь. За время ее обхода Годвин опустошил корзинку и, оставив содержимое возле мощного валуна в полчеловеческого роста, застывшего у самой воды, отступил назад так же тихо, как это делала Лендис. Когда же наконец королева закончила вечернюю прогулку вокруг безымянной высотки, она сделала знак Лису и запела:

Ветер ли старое имя развеет,
Нет мне дороги в мой брошенный край.
Если увидеть пытаешься издали,
Не разглядишь меня, не разглядишь меня,
Друг мой, прощай!..

Честно говоря, я тоже считал эту песню произведением поистине волшебным, но кто бы мог подумать, что стихи великого индийского поэта Рабиндраната Тагора годятся для свершения магического ритуала в горах Каледонии. Мы с Лисом невольно переглянулись, поскольку отлично помнили тот день, когда мой славный напарник, переполненный самых лирических чувств, исполнял очаровательную балладу, услаждая слух юной принцессы Лендис. Я хотел поделиться своими соображениями с Рейнаром, но не успел. Что-то очень твердое щелкнуло меня по лбу, заставляя схватиться руками за голову в попытке загнать обратно искры, сыпанувшие из глаз. Судя по тому, как Лис, бросив музыкальный инструмент, схватился за ухо, с ним случилось нечто похожее. Вслед за этим неподвижно стоящий Годвин вдруг взмахнул руками, стараясь удержать равновесие, но, перекувырнувшись через голову, шлепнулся на спину.

— Плясовую! — зашипела на Лиса королева, и в тот же миг плащ ее взвился в воздух и аккуратно спланировал в радостно журчащий ручеек.

Пришедший в себя Лис немедленно подхватил роту и ударил по струнам, извлекая из благородного инструмента священных бардов разухабистые звуки барыни. «И-и-и! Их-их-их!» — раздался над холмом визгливо тонкий голос, и скорбно застывшие ивы задрожа-

ли, не то сотрясаясь неведомым духом, не то в страхе перед ним. «Барыня ты моя, сударыня ты моя!» — наяривал Лис, энергично колотя по струнам. Пляска продолжалась уже минут десять, и мы начали всерьез опасаться, что иссякнет раньше: молодецкая удаль резвящегося духа или же способность Рейнара поддерживать такой бешеный темп. Слава Кернунносу и всем его сородичам, шаловливый дух утомился раньше. Пронзительное «И-и-их!» стихло. Затем я увидел, как вылетает пробка из фляги с вином, и едва успел увернуться, чтобы она не попала мне в глаз.

— Стоп! — внезапно скомандовала Лендис, выхватывая из рукава небольшой камешек с дыркой посередине. — Вот ты где! — радостно закричала она, глядя сквозь дырку на замшелый валун, возле которого были разложены принесенные Годвином подарки. — А нука явись! — Она метнула в сторону валуна горсть серебристого порошка, снежинками закружившегося в воздухе. Стоило порошку опасть наземь, как перед нами появилось огненно-рыжее существо ростом чуть выше колена, с глиняной флягой не то в руках, не то в обезьяньих лапках. Заметив, что потеряло невидимость, остолбеневшее существо перевело взгляд на каждого по очереди участника вечеринки и заорало пронзительно, загребая лежащие перед ним дары руками:

— Не отдам! Здесь все мое!

— Конечно-конечно, — улыбаясь, подтвердила Лендис, медленно, шаг за шагом, приближаясь к рыжему жадине.

— Мое! — поглядев на приближающуюся женщину, повторил неизвестный.

— Конечно, это твое. А это, — она протянула руку и сорвала с головы дебошира зеленую шапку с алым пером, — мое!

— Отдай! — сразу теряя интерес к колокольчикам, цветным лоскутам и ячменным лепешкам, завопил рыжий. — Отдай! А не то я сейчас!

— Ну-ну-ну, — погрозила ему пальцем Лендис. — Три желания.

— Я защекочу тебя! Я укушу тебя! Я оторву тебе уши! — неистовствовало существо.

— Три желания, подарок Кернуннос. — Она покрутила шляпой перед носом коротышки.

— У-у-у, злая! — протянул тот в отчаянии. — Загадывай.

— Знакомьтесь, друзья мои, — почти нежно проговорила Лендис, указывая на обиженного коротышку, огорченно нацепившего на себя ожерелья и теперь пытающегося прикрепить серебряные бубенцы к полам своего кафтана. — Любимый шут бога чащоб и лесного зверья Кернунноса — Рыжий Гном.

— Бе-бе-бе-бе! — представляемый вставил указательные пальцы рук себе в рот и, растянув его на ширину плеч, высунул длинный, как у хамелеона, язык.

— Ну, то, что он рыжий, это и ежу понятно, — критически оглядывая нового помощника, пробормотал Лис, — но для гнома он как-то подозрительно безбород.

Только стремительная реакция помогла моему другу уклониться от брошенной фляги.

— Никогда ничего не говорите ему о бороде, — замахала на нас руками Лендис. И продолжила, переходя на шепот: — Из-за этой самой безбородости гномы не признают его за своего. Подозреваю, здесь не обошлось без эльфийской крови.

— Ладно, — примирительно кинул я. — Рыжий гном, так Рыжий Гном. Звать-то его как?

— Кабы знать его имя, не нужно было бы сейчас его ловить, — вздохнула кузина. — Хозяин имени — его хозяин... — Она еще что-то хотела добавить, но Рыжий Гном, стартовав с места, вцепился ей в рукав и, болтая в воздухе ногами, заверещал истошно:

— Загадывай желание, злюка!

— Слушай меня, — сурово приказала Лендис, пытаясь стряхнуть зловредного шута. Раздался треск рвущейся материи, и гном грохнулся на землю вместе со своей добычей и обрывком шнуровки, крепившей рукав к платью. — Ты должен помочь этим людям одолеть великана, живущего... Кстати, где он живет?

— В бывшей пещере Мерлина, — бросил Годвин, вылавливающий из ледяного ручья плащ королевы.

— Вот как? — удивилась моя родственница. — Как интересно. Хорошо, ты должен помочь им одолеть великана, живущего в бывшей пещере Мерлина. Знаешь, где это?

— Знаю-знаю, — закивал гном. — Большой груагах. В пещере опц, ревет у-у-у! Голодный.

— Воет от голода? — переспросила королева. — Неужели ему нечего есть?

— Нечего-нечего-нечего! — захихикал гном, натягивая оторванный рукав платья Лендис на свои рыжие космы. — Совсем нечего!

— Роднуля, — заторопил ее Лис, — давай побыстрее. А то великан в тоске и печали без нас погибает.

— Конечно, — кивнула Лендис. — Рыжий Гном, что тебе нужно, чтобы победить груагаха?

— Пиво, — выпалил гном, отчего-то становясь на руки. — Много-много.

— Я дарю тебе все пиво, что ты сможешь отыскать в той округе.

— Хе-хе! — Наш новый союзник стал на ноги и алчно потер ладони. — Хе-хе-хе! Я в ущелье опц! Жду там! — Он крутанулся на месте и исчез.

— Могу предложить остаться до утра, — улыбаясь, поглядела на меня Лендис. — Но вижу, вам не терпится пуститься в дорогу. Я распорядилась приготовить ваших коней и смирную лошадку для Годвина. Ты сможешь сам держаться в седле, дружок?

— Н-не знаю, — пробормотал овидд. — Наверное, смогу.

— Вот и славно. Надеюсь, мы с вами вскоре встретимся.

Утро застало нас неподалеку от заветного ущелья, в котором, по утверждению Рыжего Гнома, с нетерпением ожидал нашего возвращения изголодавшийся груагах. Мы бы, может, двигались и быстрее, но темнота и не слишком умелое управление лошадью овидда, впервые самостоятельно севшего в седло, заставляли нас то и дело замедлять ход. И если Годвин час от часу делал успехи, демонстрируя невесть откуда взявшуюся ловкость прирожденного наездника, то с ночной тьмой ничего поделать было нельзя. До самого рассвета.

— Ну шо, Капитан, — лениво бросил Лис, глядя на едва краснеющую кромку Чевиотских гор, — огласите трепещущей от предвкушения публике красочный список наших побед за прошедшую неделю.

Я поморщился. Давно уже не выдавалось столь бесплодных дней. Даже пресловутая победа над королем Мехундом, для нас абсолютно бесполезная, не могла быть причислена к... успехам. Во-первых, все, что проистекало на поле боя, весьма мало соотносилось с тем, что предполагал я, а во-вторых, узнай теперь кто-нибудь, что мне, пусть и против воли, довелось сразить союзника Артура, думаю, пришлось бы долго доказывать, что я непричастен к гибели короля Голуэя.

— Рейнар, — негромко ответил я, стараясь, чтоб нас не слышал едущий чуть позади овидд, — ты не хуже меня знаешь, что сегодня у нас в руках окажется ключ к шифру Мерлина, а без него нам все равно далеко не продвинуться. Если Ллевелин всерьез решил подменить истинное пророчество своей фальшивкой, наверняка он предусмотрел способы подмены оставшихся частей пергамента. А есть еще конкуренты, которые, вероятно, работают на Мордреда и фею Моргану и постараются предложить в Камелоте свой вариант пророчества. Без настоящего текста и, естественно, ключа к его расшифровке не обойтись. Иначе у нас получается на выбор два, а может, и больше вариантов, причем, в отличие от ллевелиновского, текст феи Морганы тоже, вероятно, будет зашифрован по всем правилам криптографии.

— Э-эх! — вздохнул Лис. — А лучше бы попросту умыкнуть все предсказания и на блюдечке с голубой каемочкой преподнести ру-

ководству. В смысле, этому вашему Норфолку. Вот вам, мол, различные версии вашего пророчества, а дальше ешьте, хошь повылазьте. Кстати, Капитан, а что, если в библиотеке графов Перси тоже сохранились фальшивые прорицания?

— Не должно бы. — Я с сомнением покачал головой. — Персиваль и Галахад ушли из жизни до всей этой заварухи... В любом случае нам следует как можно скорее добраться до сэра Борса. Полагаю, что к нашему возвращению и он, и все остальные родичи Ланселота уже будут в Британии.

— Что ж, — резюмировал Лис, — запишем это в актив, хоть к нашим геройским успехам их поход за зипунами никакого отношения не имеет.

Мы были уже совсем близко от ущелья. Впереди маячил тот самый утес, рядом с которым Лис обездолил семейство падальщиков крельдов. Тут Рейнар остановился, вглядываясь в рассветный туман, и замотал головой, будто силясь отогнать навязчивый морок.

— Торвальд, ты только посмотри, шо тут деется! — Он указал на тропу, спускавшуюся в лесную чащобу. Я пригляделся и понял причину лисовского недоумения.

Вверх по тропе, из леса, стройной вереницей ползли пивные бочки. Через какой-то промежуток времени одна из них останавливалась и сама собой открывалась.

— Это шо ж это такое? — Лис пришпорил коня, спеша воочию убедиться в реальности представшего нашему взору пивного фестиваля.

Глаза не обманывали. То есть, конечно, бочки поднимались вверх по склону не сами собой. Их толкали, тащили, катили тысячи невообразимых существ, порою напоминающих маленьких человечков-фейри, иногда весьма странных полулюдей-полуптиц, полужаб, полу... черт знает чего. Над всей этой тягловой силой, подобно надсмотрщику на плантации, властвовал Рыжий Гном, понукавший бедолаг самым нещадным образом.

— Хе, хе-хе, хе-хе-хе. — Увидев нас, шут Кернунноса не замедлил вцепиться в хвост Мавра, перепрыгнуть на уздечку лисовского жеребца и, раскачавшись на ней, в невероятном сальто дернуть Годвина за ухо. — Где были? Где? — Не выслушав наш ответ, он снова бросился догонять подневольных фейри, крикнув нам на бегу: — Я груагаха опц! Буль-буль-буль! Он жалкий трольд! Пить пиво!

Мы с Лисом переглянулись.

— Что он имел в виду? — глядя вслед хвастуну, спросил я.

Система «Мастерлинг» автоматически дословно перевела бессвязную речь гнома, однако от этого она не стала хоть на йоту яснее.

— По-моему, коротышка утверждает, что может перепить великана. Но это явно понты.

Груагах, достигавший в высоту ярдов семь, и гном, едва переросший колено взрослого мужчины, — редкий букмекер согласился бы принимать ставки на результат такого состязания.

— Ладно, — пожал плечами я. — Надеюсь, он знает, о чем говорит.

Рассказ Рыжего Гнома о завываниях несчастного груагаха был чистейшей правдой. Стоило нам спуститься в ущелье, как мы сами смогли убедиться в истинности издаваемых шутом Кернуноса звуков.

— А-у-ю-о-и! — жалобно подвывал гигантский тугодум, вызывая каждым подобным криком сход лавин в ближайших горах. — Кушаа-ать!

— Привет, доходяга! — крикнул Лис, когда мы подъехали к пещере. — Ну что, заждался?

— Мой съесть летучих мышей. У-у-у! Золото есть? — донеслось из пещеры.

— Обяза-ательно! — обнадежил его Лис, доставая из кошеля несколько солидов и подбрасывая их на ладони. — Полная Аляска.

— Золото давай, мой выходить. — Из-за груды камней на нас подозрительно зыркнули два темных глаза.

— Твоя выходить золото брать! Твоя камни раскидать, сюда идтить! — переходя на доступный великану язык, заговорил Лис. — Твоя говорить один мешок — два мешка. Золото у-у-у. — Лис покрутил в пальцах блестящий солид.

— Два мешка, — не замедлил с ответом затворник.

— Два мешка — фиг! Два мешка Рыжий Гном пиво пить. Твоя больше пить — два мешка. Его больше пить — два мешка. Моя спорить, ты полный дундук.

— Хе-хе-хе. — Рыжий Гном выскользнул из-под камня прямо у ног Мавра, заставляя его попятиться.

— Моя пиво пить, Рыжий Гном есть! — сердито заворчал Груагах. Камень, из-под которого секунду назад выскочил гном, со свистом устремился в пещеру. — У-и-й! — раздалось оттуда, и валуны сами собой стали отодвигаться в сторону. — Моя клац-клац, Рыжего Гнома есть, пиво пить!

— Изголодался, бедный, — перевел великана Лис. — Меч Тюра тебе в грызло, клац-клац! Сначала пиво пить, потом гнома есть. — Он продолжил переговоры.

Камни продолжали раздвигаться, все более увеличивая выход из пещеры.

— Н-не-ет! — Из темноты высунулись широченные, как экскаваторные ковши, ладони груагаха, затем его чанообразная голова, а потом и весь изрядно отощавший страшила выполз на проплешину перед пещерой. Даже отсюда было видно, что левый глаз чудовища заплыл и налился кровью. Булыжник, брошенный Рыжим Гномом,

не пролетел мимо цели. — Моя злой! — опасливо оглядываясь вокруг, предупредил груагах.

— Да ну, брателло, не наговаривай на себя. Лично я считаю, что победа у тебя в кармане...

По всей видимости, Лис еще что-то хотел добавить, но тут перед рассерженным великаном возникли две откупоренные пивные бочки. Вернее, одна, поскольку вторая предназначалась его сопернику в этом нелегком состязании. Мы не успели моргнуть глазом, как Рыжий Гном обхватил стоящую перед ним емкость и буквально опрокинул ее себе в утробу.

— Н-не понял?! — оценив произошедшее, изрек Лис. — Это как?

Принявший вызов груагах подхватил лапищей свою порцию и так же направил содержимое бочки в пасть. С этим было все понятно, в его руках вместительная пивная емкость казалась не более чем стаканом. Но гном... Как ни в чем не бывало, рыжий дебошир отбежал в сторону и повторил свой трюк со следующей бочкой, стоявшей ярдах в десяти дальше по тропе.

— Капитан, ты, случайно, не сосчитал, сколько их тут всего понаставлено? — спросил меня Лис, указывая на освободившуюся пивную тару.

— Да уж побольше ста штук, — проговорил я, глядя вслед великану, спешащему за очередной порцией жидкого хлеба. — Интересно, долго они так выдержат?

Ответа на мой вопрос не последовало. Но спустя еще минуту над кронами деревьев взмыла очередная опустошенная бочка, вслед за ней еще одна, потом еще и еще.

— Могута нереальная, — прокомментировал увиденное Лис. — Ладно, Годвин, пока монстры пьянствуют, сходи-ка в тайник.

Подросток скорбно перевел взгляд с Лиса на меня и тяжело вздохнул.

— Ну, давай, — напутствовал его Лис. — Я понимаю, что там не прибрано, опять же с сортиром напряги. Но только ты знаешь, где искать книгу. Давай, дружище, морально мы с тобой. — Он слегка подтолкнул паренька к пещере.

Между тем пустые бочки продолжали свои полеты, все удаляясь от нас. Вскоре почти у самого горизонта мы вновь увидели великана, казавшегося на таком расстоянии совсем маленьким. Он был уже возле того самого достопамятного утеса, откуда тропинка спускалась вниз, в поросшее лесом ущелье.

— Ну что же он медлит! — нервно пробормотал Лис, имея в виду не то Рыжего Гнома, не то Годвина.

Я не успел спросить об этом Рейнара, поскольку в этот самый миг груагах начал конвульсивно дергаться, словно вытанцовывая неве-

роятную джигу, затем он яростно замахал руками и, сорвавшись с тропы, ухнул в пропасть, до недавних пор населенную крельдами.

— По-моему, он его щекотал, — оборачиваясь к Лису, проговорил я. — Ты не знаешь, эринские груагахи боятся щекотки?

Этот вопрос повис в воздухе.

— Вот! Вот книга! — Радостный Годвин выскочил из зловонной пещеры, размахивая кожаным мешком. — Здесь!

— Ну, слава богу, — облегченно вздохнул я. — А ты спрашиваешь, какие у нас успехи. Огромные! — Я повернулся к Лису, демонстрируя большой палец.

— Так я шо? Я в качестве мелкого подхалимажа. Не забыли ли мы чего эпохального?

Запыхавшийся Годвин остановился, протягивая находку. Я начал развязывать мешок, пальцы мои дрожали от волнения, заковыристый узел не желал развязываться. Наконец я справился и с замиранием сердца извлек на свет божий довольно толстую книгу, обтянутую хорошо выделанной шагренью, с серебряными уголками и большой серебряной же эмблемой, напоминающей изображение треугольной пирамиды в стереометрии.

— Глаз Дракона, — завороженно глядя на священную реликвию, прошептал овидд. — Одна из сильнейших защитных эмблем друидов.

Посмотрев на Лиса и Годвина, я осторожно перевернул верхнюю доску переплета, словно опасаясь, что дух великого Мага, недовольный моим любопытством, немедля покарает дерзнувшего нарушить покой книги. Ничего не произошло. Красочная виньетка, ровные строки латинского шрифта, повествующие о том, что видения Мерддина, сына Аврелия Амброзиуса, именуемого также Мерлином, запечатленные на этих страницах рукой самого королевского мага. Я перевернул следующую страницу. «Пророчество благородной березы» — гласила латинская надпись.

До сотворения мира не было ничего,
но берегись ошибки,
ибо пустота — эта та же полнота!
Те, кто владеет всем, не владеет ничем,
Ибо нет ничего, чем можно владеть...

Далее на двадцати трех строках шло поучение в том же духе, дважды повторенное на следующих страницах, очевидно, обычным коелбреном и тем самым мерлиновским шифром, ради которого мы и пришли.

«Пророчество таинственной рябины», — прочитал я следующий латинский текст. «Пророчество отважной ольхи»...

— М-да, с этим гербарием на голубом глазу не разберешься. — Я перевернул еще несколько страниц. Там было все то же. Заглянул в конец нашей находки, там пророчество носило куда менее ботанический характер, но все же ничего, хоть отдаленно напоминающего имевшиеся у нас отрывки, здесь не наблюдалось. — Господи, ну что стоило высокородному сыну Аврелия продублировать свое прорицание в этой книге на звучной латыни?!

— Ну, не шмогла я, не шмогла! — утешил меня Лис строкой из очередного анекдота. — Ладно, Капитан, мы же в общем-то и не надеялись найти здесь полный текст пророчества. Поехали, посмотрим, не осталось ли чего булькающего после спора груагаха с Рыжим Гномом. Помянем безвременно покинувшего нас верзилу.

— Нам следует ехать в Кромлех, — не сомневаясь ни минуты, заявил гордый собой овидд. — Мудрый Ниддас Коедуин сможет разобрать шифр великого Мерлина, и наверняка он поможет вам советом.

— Пожалуй, ты прав, — кивнул я. — Только сперва заедем к сэру Кархейну, предупредим о том, что мы живы. Если то, что говорила Лендис, правда, то абсолютно ни к чему, чтобы герцог знал, что мы у нее гостили.

— Хе-хе, хе-хе-хе! — раздалось с лесной тропы.

Я повернул голову, надеясь увидеть нашего перепившего союзника, но в тот же миг книга пророчеств, крепко сжимаемая мною в руках, вылетела из пальцев, словно выдернутая портовым буксиром.

— Э! А!.. — с негодованием попытался проговорить я, но книга вместе с ее рыжим похитителем сделала круг в воздухе и исчезла в лесу.

— Ну, Капитан! Ну!.. — Лис разводил руками, выпучив глаза и хватая ртом воздух. — Видел я хамов, но чтоб вот так!..

— Это Рыжий Гном, — горько заявил овидд.

— Вот спасибо, объяснил! — возмутился Рейнар, найдя достойный объект для изливания гнева. — А то мы не видели!

— Возвращаемся, — скривился я. — Рыжий Гном — полбеды. Это проделки Лендис. Не зря же она говорила, что мы скоро вновь свидимся.

Королева Каледонии ожидала нас на тропе, возле груагахова утеса.

— Сестрица, — начал я, пришпоривая Мавра, — вот ведь негаданная встреча!

— Не двигайся дальше, Торвальд! Здесь может быть очень скользко.

— Лендис, ответь, будь добра, это по твоему приказу чертов гном стащил у нас книгу Мерлина?

— Конечно. Я велела ему принести все, что оставил старый маг в своем последнем жилище. Но ведь ты, дорогой братец, ни словом не

обмолвился, что тоже ищешь наследие Мерлина. Вы, кажется, собирались освобождать принцесс? Кстати, где они?

— Они так изнывали от вони, что великан из сострадания их слопал, — недовольно вставил Лис, державшийся за моей спиной.

—Я всегда ценила твой правдивый нрав, Рейнар, — улыбнулась королева. — Как бы то ни было, книга у меня. Мне она нужна, во всяком случае, не менее, чем вам. С ее помощью мне удастся осилить эту гордячку Моргану.

— О чем ты говоришь, сестра? Там лишь предсказания каких-то березок, рябин и тому подобное.

— Будь там только это, вы бы не стали ее искать. Там много такого, что вы просто не способны узреть. Могу тебе обещать одно, Торвальд, что в миг, когда книга тебе действительно понадобится, она будет с тобой. И я, пожалуй, вместе с ней. У меня же она будет сохраннее.

Не унывающий Рыжий Гном возник, словно из-под земли, у ног восседавшей на своей кобылице королевы, держа в руках кожаный мешок от книги.

— Злая! Говори третье желание.

— Ты отказываешься от мести, шут Кернунноса. — Она кинула приплясывающему гному его зеленую шляпу с алым пером, и тот исчез, едва успела она коснуться его головы. — А вы — от преследования, — улыбнулась Лендис, делая пас левой рукой и поворачивая свою кобылицу. По мановению руки нависавший над тропой утес начал оплывать, перекрывая ее непроходимою стеной.

— Вот так, — устало вздохнул я.

— Помни, Торвальд, я обещала, — вновь раздался по ту сторону стены голос королевы.

Глава 15

Никогда не начинай войну, если не уверен, что при победе выиграешь больше, чем потеряешь при поражении.

Правило Октавиана Августа

Стук копыт белой кобылицы стих, и я, словно не веря глазам, потрогал скалу, намертво перекрывшую тропинку.

— М-да, попытка обмануть Лендис была, похоже, не лучшей нашей идеей.

— Да ну, Капитан, — Лис положил руку мне на плечо, — не журысь. Прокинули нас, конечно, знатно. Но в конце концов теперь мы точно знаем, где находится ключ. И то сказать, у нее он будет в большей сохранности, чем у нас.

— Лишь бы в тот момент, когда книга действительно понадобится, Лендис и вправду решила помочь. Кстати, заметь, ведь она ничего не сказала о том, что будет на нашей стороне. А это, — я покрутил ладонью в воздухе, — на языке волшебниц может означать все, что угодно.

— Ты ей не веришь? — отчего-то усмехаясь, спросил Рейнар.

— Верю, — вздохнул я. — Во всяком случае, хочу верить.

— Сэр Торвальд, энц Рейнар, — Годвин, до того стоявший поодаль и не вмешивающийся в мужской разговор, встревоженно окликнул нас, указывая на облака, быстро бегущие по небу, — посмотрите! Там вон, видите?

Мы с Лисом задрали головы, глядя туда, куда показывал наш юный друг. Узкое темное тело с заостренными на концах крыльями и длинным хвостом, уснащенным костяным шестопером, скользило по воздушным струям, то ныряя в обрывки белой пелены, то вновь появляясь из нее и пускаясь наперегонки с пушистым особо резвым облачком.

— Виверна, — зачарованно глядя на чудовище, произнес овидд.

— Это уж точно, — кивнул я.

— Капитан, а как бы это не наш ангел Трахтарарах, любимая птичка святого Карантока.

— Похоже, — всматриваясь в стремительно рассекающую воздух тварь, согласился я. — Но кто ее знает, отсюда не разберешь. Внизу вон побившийся великан валяется, так что если это не Карантокова виверна, она наверняка по его душу прилетела. Вернее, по его плоть.

— Слушай, — Лис подозрительно смерил лапокрылую летунью взглядом, — тебе не кажется, что мы здесь неудачно стоим? Сезам, как видишь, все равно не открывается, а если эта ломовая дура, не дай боже, начнет пикировать, боюсь, как бы мы у нее на десерт не пошли.

— Но если это подопечная нашего святого, то интересно, что он тут кому проповедует?

— Ну, мало ли? — пожал плечами Лис. — Может, он хотел груагаха в истинную веру обратить. Представляешь себе картину, приходит Каранток на какой-нибудь забитый каледонский хутор с целью посеять там разумное-доброе-вечное, а за ним, в качестве рекламной акции, богобоязненный груагах с благочестивой виверной на плече. Я бы при таком раскладе, пожалуй, даже мусульманство принял, понятное дело, без обрезания. А если серьезно, поехали-ка к Кархейну, как раз к вечеру доберемся. Переночуем, опять же выясним обстановку, а там, глядишь, и нашего святого застанем.

— Пожалуй, ты прав, — согласно кивнул я, — спускаемся.

* * *

Ночевка в бастиде была со всех сторон правильным решением. Правда, для успокоения молодого рыцаря мне пришлось даровать Лису полную свободу описания наших «подвигов». Цветистое повествование о схватке с великаном, освобождении стенающих пленниц и раздаче их поджидающим наготове родственникам в устах моего славного напарника звучало столь убедительно, что я сам заслушивался его байками, на фоне которых рассказ о вырывании Лиса из рук коварного геллинского тана казался блеклым и вполне обыденным.

После получасового спора мне удалось снизить количество освобожденных принцесс с десяти до одной, остальные писаные красавицы при ближайшем рассмотрении оказались герцогинями, графинями, а одна даже баронессой, но в остальных героических деталях Лис стоял как стена, с пеной у рта утверждая, что великан, взбешенный попыткой освободить его гарем, метал в нас опустевшие пивные бочки, и что я три часа кряду скрещивал свой меч с его каменной дубиной, правда, безрезультатно, но со всеми положенными в этом случае спорами и забиваниями друг друга по пояс в землю.

По словам моего друга, выходило, что он все это время был занят плановым отстрелом рыжих гномов, яростно поддерживающих эринского недоумка, а проникший в тайные знания врачевания Годвин, сломя голову бегал между нами, делая примочки, вправляя вывихнутые конечности и заживляя полученные раны. Господи, хорошо, что спящий в «казарме» овидд не слышал этой бессовестной похвальбы! Свой вдохновенный рассказ Лис завершил упоминанием о виверне и вопросом, не появлялся ли в бастиде пламенный валлийский проповедник во время нашего отсутствия. Каранток не появлялся. Впрочем, само по себе это еще ни о чем не говорило.

Новости, сообщенные Кархейном, являлись, может, не самыми свежими, поскольку были принесены из Кэрфортина пять дней назад, но и они требовали нашего присутствия по ту сторону вала. В Дэве* чудом воскресший Мордред возглавил двадцатитысячное войско, собранное для непутевого сынка феей Морганой. На востоке Ланселот, поддержанный родней, высадил близ Эборака** тысячи знаменитых всадников Арморики. Намерения и того, и другого были неясны и, очевидно, во многом зависели от действий Ллевелина. Под его знаменами, даже невзирая на бегство из камланнского лагеря, также находилось множество воинов. И у Мордреда, и у Ллевелина, и у Ланселота имелись реальные шансы на победу, и, что было более

* Дэва — нынешний Честер.
** Эборак — нынешний Йорк.

важно для нас, каждая из этих трех партий располагала частями вожделенного предсказания и каждая, вероятно, связывала с ним свои притязания на престол Британии.

Утром мы начали готовиться к переходу в Кэрфортин, сочиняя на скорую руку легенду о причинах недельного странствия в Каледонских горах. Красные Шапки Красными Шапками, но не могли же мы в самом деле отправиться разыскивать по эту сторону вала могущественного Стража Севера. Оставалась, конечно, еще довольно складная история, поведанная Лисом Кархейну о странствиях в зачарованном лесу и поисках валлийского святого, однако тогда приходилось как-то объяснять наше возвращение без него. Как бы то ни было, для сочинения официальной версии у нас было еще несколько часов, а вот с Годвином приходилось прощаться уже сейчас.

— Спасибо тебе, дружище, за все, что ты для нас сделал, — произнес я, подходя к подростку, самозабвенно осваивающему азы верховой езды.

Он соскочил с лошадки и поднял на меня глаза, очевидно, желая что-то сказать. Я понимал, что ему сейчас нелегко, и потому пытался, как можно более мягко обставить минуты нашего расставания.

— Передай от нас благодарность мудрому Ниддасу. Скажи, что он воспитал прекрасного ученика. Если когда-нибудь ему понадобится наша помощь... — Я замолчал, внезапно ловя себя на мысли о том, что эти слова были неприкрытой ложью. Если бы высокомудрому друиду действительно понадобилась наша помощь, он мог на нее рассчитывать лишь до того дня, когда в Камелоте будет оглашено долгожданное завещание Мерлина. Я замялся, не зная, как продолжить фразу, но этого не потребовалось.

— Сэр Торвальд, — потупил взгляд юный овидд, — учитель велел мне оставаться с вами до той поры, пока мне не будет дано знамение, что я должен вас покинуть. Пока что этого знамения мне не было дано. Если вы позволите, я отправлюсь с вами.

— Пойми, — улыбнулся я. — Сейчас мы с Рейнаром отправляемся в Кэрфортин. Я бы, может, и хотел взять тебя туда, но появление овидда при христианском дворе не понравится слишком многим. Я не смогу уберечь тебя от всех местных болванов, в голове которых друиды и все, что с ними связано, есть проявление бесовских сил.

— Раз так, — прямо глядя на меня, произнес Годвин, — значит, мне следует оставить свои зеленые одеяния и нарядиться по обычаю двора.

— Тебе?.. Сменить священное одеяние?!

— Одеяние — это лишь материя, — вздохнул овидд.

По всему было видно, что он вовсе не в восторге от мысли о предстоящем переодевании, но голос его звучал спокойно и уверенно.

Я с сомнением покачал головой.

— Ну, предположим. И что ты мне прикажешь говорить?! Что я освободил тебя из лап великана? Или что ты помог бежать Лису из подземелья тана Марка?

— Возьмите меня к себе оруженосцем, — гордо предложил отрок.

— Оруженосцем? — переспросил я, полагая, что ослышался. — Но это невозможно! Ведь тогда тебе придется иметь дело с оружием, а, насколько я знаю, друидам и их ученикам запрещено к нему даже прикасаться.

— Мудрый Ниддас велел мне следовать за вами, помогая во всем. А раз первейший долг оруженосца есть ратная помощь своему господину, то и мне позволено касаться оружия. Вы ведь научите меня всему тому, что должен знать добрый оруженосец?

— Ну-у, видишь ли... — начал было я, сам, впрочем, толком не представляя, что должен увидеть мой юный собеседник.

— Не сомневайтесь, — видя мое замешательство, поспешно произнес подросток, расправляя плечи и становясь при этом на дюйм выше, — я не помню своих родителей, но добрый учитель рассказывал, что они были людьми благородного происхождения. Вам не будет зазорно держать меня рядом с собой.

— Ну шо, други мои верные, попрощались? — К нам подошел Лис с переметной сумой на плече. Из нее явственно доносился запах хорошо прожаренного мяса. Стараниями моего хозяйственного напарника умереть от голода в дороге нам не грозило.

— Годвин отправляется с нами. — Я повернулся к Рейнару, сообщая последнюю новость этого часа.

— Да? — Брови Лиса удивленно поползли вверх. — А это? — Он ткнул пальцем в зеленый балахон овидда.

— Это до поры до времени оставим здесь. Узнай у Кархейна, нет ли у него чего-нибудь из обносков примерно такого размера. В Кэрфортине все равно переоденем. С этого дня Годвин будет моим оруженосцем.

— Капитан, — выразительно глядя на меня, хмыкнул Лис, — надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Ладно, пойду разведаю насчет одежки. Да, — Лис повернулся к свежеиспеченному собрату по оружию, — ты жареное мясо ешь?

— С превеликим удовольствием. Наверно...

Мы шли собранной рысью, не слишком торопясь и сохраняя силы коней.

— Сэр Торвальд. — Юный оруженосец в кожаной куртке с чужого плеча подъехал ко мне, желая задать вопрос.

— Что тебе, Годвин?

— Расскажите о добром короле Артуре.

— Что же тебе рассказать? — Я оглянулся на мальчишку, вместе с диковинным балахоном утратившим изрядную часть своей друидической загадочности. Теперь рядом с нами ехал обычный подросток, поджарый, но вполне крепко скроенный, неприхотливый и выносливый, как и подобает любому юнцу, триста шестьдесят пять дней в году проводящему в активных физических упражнениях.

— Какой он был король. Вы ведь знали его?

— Знал, — кивнул я. — Но этого не расскажешь в двух словах. Он был первейшим среди рыцарей, отважным полководцем и благородным человеком. Поверь мне, это очень важно.

— А королем? Каким он был королем?

Я пожал плечами.

— Он приумножил владения Британии, постарался объединить под своей властью всех правителей острова, создал Круглый Стол, рыцари которого должны были служить примером для людей благородного звания. Он многое создавал, но ничего не смог удержать. То, что быстро растет, быстро вянет.

— И все же меч его покорил всю Британию. Стало быть, именно это отличает хорошего государя от плохого?

Я покачал головой.

— Великий Цезарь, захвативший более восьмисот городов, заставивший повиноваться себе триста народностей и в том числе Великий Рим, владения которого были таковы, что Британия в них казалась дальним чуланом, не уставал повторять, что ум возобладает над мечом.

— Не забивай парню голову, — вмешался Лис. — Кинжалы изменников возобладали над умом Цезаря.

— Да, это так, — кивнул я. — Но все они, эти изменники, ненадолго пережили императора. А созданная им Империя, — я указал на уже видневшуюся впереди полосу Адрианова вала, — просуществовала многие века. Цезарь был великим воином, но миловать ему нравилось больше, чем казнить. И законы, которые писал он для своих владений, были такие, что исполнение их не казалось тягостным для живущих в его землях. Побеждать врагов, не прибегая к силе мечей, — вот в чем истинная мудрость и великое могущество настоящего государя. Впрочем, об этом, Годвин, здесь еще никто не догадывается. Сейчас далеко-далеко отсюда, на Востоке, на другом конце бывшей Империи цезарей, живет великий полководец, именуемый Велиссарий. Он не ведает поражений, и все же вот как он писал военачальнику персов, вторгшемуся на земли его родины. —

Я напряг память, стараясь дословно воспроизвести знакомый мне со школьной скамьи текст послания Велиссария. — «Что первым благом является мир, с этим согласны все люди, даже те, которые недалеки умом. И поистине тот самый лучший полководец, кто сумел войну сменить миром».

— И что же ответил ему враг? — поинтересовался увлеченный рассказом мальчишка.

— Враг верил в могущество своих мечей и потому надменно заявил: «Пусть в городе меня ожидают баня и обед».

— И что было дальше?

— За городскими стенами его ожидала могила. И впредь ожидает забвение.

Мне тяжело сказать, каким королем был Артур. Нет ни весов, ни гирь, на которых можно было бы взвесить его победы и неудачи. Смотри, слушай, решай сам. Одно я тебе могу сказать точно: имя этого короля будет славно, покуда стоит Британия.

Окрестности Кэрфортина напоминали огромную пасеку. Еще две недели тому назад мы подъезжали к нему по пустынным, аккуратно вычищенным землям. Теперь же здесь громоздился обнесенный наскоро возведенным частоколом борроу — долговременный укрепленный лагерь. Собранные из ровных бревен казармы, стоявшие по обе стороны дороги правильными четырехугольниками, были полны народу.

Копейщики, лучники, пращники отрабатывали слаженные действия в группах под надзором горластых ветеранов и суровых северных рыцарей. После недолгой проверки ворота были открыты, и мы продолжили свой путь по широкому, вытоптанному тысячами ног и копыт тракту, ведущему к цитадели Кэрфортина.

— Капитан. — Лис критическим взором окинул изменившуюся округу. — Похоже, бегство от Красных Шапок глобально повысило акции Ллевелина. Здесь навскидку тыщ до двенадцати будет.

— Прибавь сюда тех, кто в замке, — кивнул я. — И это, видимо, еще не все. Я вижу здесь знамена из Дарема, Камбрии*, Нортанумбрии** и Дейры***. Считай, весь Север здесь.

— Гляди, не только Север!

Я посмотрел в том направлении, куда указывал мой друг. Навстречу нам из ворот цитадели выезжал всадник в длинном табарде герольда, окруженный сильным отрядом стражи.

---

* Камбрия — Кемберленд.

** Нортанумбрия — Нортумберленд.

*** Дейра — Восточный Йоркшир.

— Червленый дракон? — Я удивленно посмотрел на Лиса, словно ожидая от него ответа. — Герольд Мордреда?! Интересно, что он тут делает?

— Он тут едет, — глубокомысленно заметил Рейнар, как говорится, не в бровь, а в глаз.

Спустя три минуты мы поравнялись, наши глаза встретились, и я увидел в них удивление не меньшее, чем в моих собственных. Вероятно, герольд «червленого дракона» вовсе не был рад видеть среди сподвижников Стража Севера Торвальда аб Бьерна, сиятельного герцога Инистора, принца Оркнейского дома. Как-никак, после смерти сыновей короля Лота и моих двоюродных братьев Лукана и отчасти Бедивера я перемещался в первую десятку престолонаследников Оркнеи, а стало быть, без особого энтузиазма воспринимал то, что номинально королем Северной Каледонии являлся его господин Мордред, а истинной властительницей — небезызвестная нам сестра доброго короля Артура Моргана. Не сказав ни слова, мы разъехались с гордым видом, даже не проводив друг друга взглядом.

— Неужто Ллевелин вступил в переговоры с Мордредом? — покачал головой Лис. — Шо, блин, деется в этой стране?!

— Я бы не стал это утверждать. Впрочем, — вздохнул я, — думаю, скоро мы об этом сами узнаем.

Как я и предполагал, замок был полон воинов. Конечно, здесь уже почти не встречалась собравшаяся из всех окрестных земель, как говорили на Руси, посошная рать, снаряжавшая по одному воину с семи дворов, здесь место было занято благородным рыцарством, среди которого можно было видеть не только северян, но и выходцев с восточного побережья и средней Британии. Нам не без труда удалось пробиться в донжон, возле которого толпились десятки ожидающих невесть чего предводителей рыцарских дружин и владетелей местных бароний.

— Сэр Торвальд, — окликнул нас знакомый по камланнскому походу сэр Мерриот, командовавший тогда авангардом Ллевелина. — Рад, что вы вернулись. Герцог уже спрашивал о вас. — Он приказал страже расступиться, и те немедленно повиновались, очевидно, привычные к распоряжениям этого человека. — Где же вы были? — бросил он через плечо, поднимаясь по узкой лестнице. — Мы искали по всей округе. Решили было уж, что вы тоже свели знакомство с Красными Шапками. Потом говорили, что вас видели возле вала.

— Мы спасали из лап великана старшую сестру моего нового оруженосца Годвина, сына властителя Кадорканау, — скупо отве-

тил я, снимая дальнейшие вопросы. Живописать подвиги, подобно Лису, мне вовсе не хотелось. Тем более к чему отбивать хлеб у столь известного трувера*, как он. Наконец лестница закончилась, и мы очутились перед грубо сколоченной дверью, за которой слышался зычный голос Ллевелина.

— ...Это высокая честь для меня. Но лишь вчера я отверг предложенный мне венец короля Камбрии, несчастного короля Дьюера, отца моей супруги. Ибо время ли делить королевства, когда наш общий враг еще не истреблен и алчет захватить и покорить своей воле всю Британию! Вы сами знаете, что еще юношей покинул я родную Мальвернию и все эти годы провел здесь, на севере, отражая натиск диких племен от земель моей новой родины. Наш славный король Артур, почтивший меня высоким званием Стража Севера, знал, что моя верность ему безгранична и что я не ищу ни владений, ни богатств. Нет для меня чести большей, чем искреннее и верное служение доброму сыну Утера.

— Хорошо вещает, — вполголоса произнес Лис за моей спиной. — Заслушаться можно.

— Тише, — оборвал его сэр Мерриот, — здесь все оставшиеся в живых пэры Нортанумбрии во главе с графом Гоноланом. Они просят Ллевелина принять на себя титул их короля.

— И шо он?

— Как может герцог сегодня принимать королевский титул, когда не решен вопрос о том, кто будет править Британией? Из чьих рук он должен принимать корону? Вернее, короны, поскольку позавчера здесь было посольство Камбрии. Дьюэр и сыновья его погибли, кто в Палладоне, кто на Камланнском поле, и королевой стала его единственная дочь, жена нашего правителя. Постойте здесь, я доложу о вас, — продолжил он.

— Быть может, подождать? Зачем прерывать ответную речь герцога?

— Герцог велел сообщить, как только вы появитесь. — Он толкнул дверь и вошел в залу.

— Капитан, как тебе нравится шутка, сыгранная любимым зятем с королем Дьюером?

— Лендис предупреждала о чем-то подобном, — с сомнением покачал головой я. — Но, как известно, ложь отличается от правды только тем, что слишком на нее похожа.

— Думаешь, сводит счеты?

— Возможно. В конечном итоге нас здесь интересует совершенно другое.

---

* Трувер — сочинитель и исполнитель героических баллад.

— ...Благородные лорды, — вновь донеслось из-за двери, — я весьма польщен, что ваш выбор пал на меня, чужака в ваших землях. И поверьте, если бы я принял корону, то наверняка бы не обманул ваших ожиданий. Но пока вероломный Мордред рвется сесть на трон в Камелоте, пока венец верховного короля Британии под угрозой, смею ли я претендовать на столь высокий титул? Позвольте же мне, как и прежде, оставаться Стражем Севера, ибо этого звания никто не вправе меня лишить. Я клянусь вам, что в тот час, когда подлый изменник сложит свою голову под топором палача, мы вновь соберемся, чтобы решить судьбу короны Нортанумбрии.

— Хороший ход, — прокомментировал я. — Он отказывается не отказываясь. Теперь ему обеспечена поддержка и здешних лордов, и, насколько я понимаю, тех, кто остался в живых из камбрийской знати. Таким образом, в его руках весь Адрианов вал и весь перешеек между Британией и Каледонией.

— Но, милорд, — послышался из зала незнакомый голос, по всей видимости, принадлежащий возглавлявшему делегацию пэров графу Гонолану. — До нас доходили слухи о том, что Мордред жив, однако не верно ли то, что он сложил голову на Камланнской равнине?

— Нет! — громыхнул в ответ голос Ллевелина. — Он не только вероломный изменник, но и трус, недостойный рыцарского звания!

— Возможно ли такое? Не может такого быть! Мордред — храбрый рыцарь! — донеслось из зала.

— Я утверждаю и присягаю на том, что Мордреда не было в тот день на Камланнском поле. Что, облаченные коварной феей Морганой в его личину, там дрались три иных рыцаря. И тому есть свидетель, — орудийным залпом громыхнул голос Стража Севера.

— Кто же он? Кто?

Тяжелая дверь перед нами отворилась.

— Входите, господа, — послышался голос сэра Мерриота. — Сэр Торвальд Пламенный Меч, — представил он нас, — рыцарь Круглого Стола и его спутники, комит Рейнар Лис и оруженосец Годвин.

Мой рассказ вызвал бурю возмущения в рядах местной аристократии. Временами Лис, решавший, что повествование недостаточно живописно, вставлял леденящие душу детали о скорбных поисках короля Артура средь поверженного на мать сыру землю цвета британского рыцарства. И о начале боя с невесть откуда взявшейся призрачной змеей, укусившей за ногу рыцаря Альмета. Стоит ли говорить, что после таких слов возмущение холодных северных пэров достигло таких размеров, что напоминало митинг в Палермо в день повышения цен на горячительные напитки. Рыцари и бароны рвались растерзать Мордреда своими руками, сорвать

с него благородный меч, срубить шпоры и залить черной краской поле щита...

— Нет! — резко остановил их буйство Ллевелин. — Никогда позорящая тень не коснется великой эмблемы Пендрагонов. Но тот, кто вероломно присвоил себе этот славный герб, должен пасть жертвой вашего праведного гнева. Скоро, очень скоро мы выступим на врага, и я клянусь, что моим кличем в предстоящей схватке будет «Пендрагон»!

— Ллевелин! — заревели, заведенные речью герцога, пэры. — Ллевелин и Пендрагон! Ллевелин и Пендрагон!

— Однако! — пробормотал я себе под нос.

— Я рад приветствовать вас, друзья мои. — Подождав, когда делегация пэров покинет залу, Ллевелин поднялся со своего трона и, в нарушение всех правил придворного этикета, шагнул нам навстречу, протягивая руки.

Я еще раз внимательно вгляделся в лицо Стража Севера, гордое, жесткое лицо воина, с твердым прямым взглядом глубоко посаженных темных, почти черных глаз. Прямой взгляд уверенного в себе мужчины, привыкшего повелевать и нравиться. За таким обычно люди идут и в огонь, и в воду. Седеющие длинные волосы, почти седая борода, обрамляющая красивое мужественное лицо, пожалуй, слишком правильное для обычного кельтского типа. Этот человек положительно был рожден, чтобы стать великим вождем, и ему, несомненно, было тесно в стенах Кэрфортина.

— Вы прибыли очень вовремя, — обнимая нас с Лисом, продолжил Ллевелин. — С тех пор как мы расстались, многое изменилось.

— Да, мы уже слышали об этом, милорд, — поклонился я, — и потому поспешили сюда.

— Мордред стоит в Дэве, явно чего-то ожидая. Пока еще неизвестно чего. Ланселот высадился в Дэйре, его лагерь близ Эборака. Я боюсь, что он может заключить союз с Мордредом. Тогда нам придется очень туго. Мы будем зажаты между молотом и наковальней. А может, и двумя молотами, поскольку войско королевы Лендис еще весьма многочисленно, и стоит мне снять охрану с вала, как оно будет здесь.

— Ланселот всегда любил Артура, — попробовал возразить я.

— Гвиневеру он любил больше! — отрезал герцог. — Не забывай, что последние месяцы он воевал с Артуром в Арморике.

Я помнил это. Как помнил и то, что во всех произведениях Артурианы этот благородный рыцарь неизменно выступал на стороне Артура. Но реальных героев порой весьма мало интересуют красивые легенды, сочиненные о них.

— Я очень опасаюсь, что Мордред и Ланселот уже полным ходом ведут переговоры о том, как лучше разделить Британию. Они — старые друзья. Ты же помнишь, именно Мордред командовал войском, которое Артур послал в Арморику помочь Ланселоту и его родственникам отвоевать владения, захваченные у них королем Клаудасом. Теперь все они здесь: и Ланселот, и Лионель, и Богарт, и Борс. И тысячи всадников Арморики, равных которым не сыщется во всей бывшей Империи.

— Милорд, — тихо проговорил я, — мы ничего пока еще не знаем о планах Ланселота и иных королей Арморики. Ведь, высадившись в Дэйре и заняв Эборак, ни он, ни кто-либо еще из его армии не двинулся вперед. Вы правы, говоря, что Ланселот и Мордред были друзьями. Но ведь тогда, когда все это происходило, сын Морганы еще не поднял меч на отца, еще не прозвучали слова клеветы на ту, которую Ланселот любит больше жизни, еще не был распущен слух о том, что, сражаясь в Арморике, король Артур пал, сраженный мечом сэра Ланселота, и к тому же, — я сделал паузу, — озерный рыцарь еще ничего не ведает о позорном колдовстве, в результате которого действительно был убит наш добрый король и трусливо спасен Мордред.

— Ты прав, — немного помолчав, задумчиво вздохнул герцог. — Все это так. Но если за переговоры возьмется Моргана, а скорее всего так оно и будет, она обернет черное в белое и солнце заставит светить ночью.

— Милорд, — я выпрямился, как подобает кадровому служаке, добивающемуся привилегии идти со знаменем на оборонительные линии врага, — я не могу похвастать ни родством, ни близкой дружбой с Ланселотом. Но при Маунт-Бадоне мы бились с саксами плечом к плечу, многократно спасая друг друга от смерти. Я верю, что он помнит тот бой, и потому с вниманием выслушает мои слова и прочтет строки вашего послания к нему. Позвольте мне быть вашим послом, и я обещаю, что не допущу союза Ланселота с Мордредом.

— *Молодец, Капитан! Четко командировку выбил!* — раздался в голове поощрительный голос Лиса. — *Только не забудь с монарха стребовать подъемные, прогонные, ну и, понятное дело, мешок-другой золота на представительские расходы.*

— Пожалуй, так и сделаем, — внимательно глядя на меня, согласился Ллевелин. — Вы старые приятели, а тем более Ланселот наверняка чувствует за собой вину за убийство твоих родственников, сыновей короля Лота Гарета и Гахериса. Ступайте отдохните. Я прикажу подготовить все к вашему посольству.

Глава 16

Успех есть переход от неудачи к неудаче со всевозрастающим энтузиазмом.

Уинстон Черчилль

Посольство к Ланселоту королю Беноика отправилось в путь утром следующего дня. Два десятка рыцарей, представляющих все королевства и герцогства, как метко заметил Лис, Северо-Атлантического Альянса, в сопровождении полутора сотен оруженосцев, конных лучников и копейщиков, посаженных по римскому обычаю а-ля драгуны*, двигались по направлению к Эбораку, спеша поздравить первого рыцаря Британии с благополучным прибытием и принести уверения в совершеннейшем почтении. Дорога предстояла неблизкая, но через пару дней я уже планировал встретить старых боевых товарищей и искренне надеялся, что эта встреча не перерастет в брязцание оружием и взаимные оплевывания. Я с волнением вспоминал битву при Маунт-Бадоне, в которой мы вместе сражались с двадцатитысячным десантом саксов, битву, после которой из ста пятидесяти рыцарей Круглого Стола осталось в живых лишь девятнадцать.

— ...Мы дадим им продвинуться и сожжем их корабли, — заявил тогда король Артур.

— Но тогда им будет отрезан путь к отступлению, — возразил ему мудрый король Лаудегранс, отец юной Гвиневеры, тогда еще и незнакомой с Артуром. — Если им некуда будет отступать, они будут драться так ожесточенно, как никогда.

Лодегран был старым воином, разворачивающим свое знамя еще в войнах короля Утера. И, несомненно, он говорил правильно. Мой «дядя» Лот Оркнейский, да и другие ветераны в один голос поддержали его слова.

— Верно, — кивнул им Артур, разводя плечи и глядя на осторожных соратников всех сверху вниз с высоты своего огромного роста. — Мы отрежем им путь, и они будут стоять до последнего. Но всполошенные пожаром, они, вероятнее всего, бросятся к берегу спасти корабли. В этот момент мы и ударим.

— Саксов тяжело захватить врасплох, — возразил ему один из сподвижников отца доброго короля Артура, владевший, кажется,

---

* Римская кавалерия, как и позже драгуны, являлась посаженной на коней пехотой и вела бой, в основном спешившись, используя коней для ускорения движения.

землями на западном побережье и оттого прекрасно знавший повадки пришельцев.

— Мы будем драться с ними насмерть, если захватим врасплох и если не захватим. Если судьбе будет угодно, чтобы я не вышел из этого боя, клянитесь мне, что старший из тех, кто останется живым, соберет новое войско и довершит начатое мной. Пусть пришедшие сюда с оружием останутся в этой земле. Сегодня мы не будем брать пленных.

Мы все клялись, и грянул бой. До злосчастного дня Камланна Британия, пожалуй, еще не видела столь кровопролитного сражения. Никто из саксов не ушел живым от мрачной горы Бадон. Но страшная цена была заплачена нами за победу. В едином ряду, так же, как и стояли, были похоронены средь пропитавшихся кровью камней все те, кто составил славу британского рыцарства прошедших дней. Никогда больше не слышать Артуру советов старых воинов, хранивших верность еще его отцу.

Последнее, о чем просил своего властителя умирающий от ран король Лаудегранс, — взять под защиту его пятнадцатилетнюю дочь, оставшуюся круглой сиротой в этом опасном мире...

Мы приехали в Камелард через месяц, едва лишь оправились от ран. Приехали, как были, девятнадцать рыцарей Круглого Стола во главе со своим королем. Тогда-то впервые увидал Артур прелестную девушку с длинными золотистыми волосами и задумчивым взглядом небесно-голубых глаз. Их свадьба состоялась ровно через год, и я, в числе обновленного рыцарства Круглого Стола, радостно гулял на этом шумном празднике. Всего лишь шесть лет минуло с той поры, шесть лет этого мира, лишь несколько месяцев мира нашего, и вот теперь благодаря страстям юной прелестницы и интригам моего собрата по оружию Мордреда я ехал в древний Эборак, размышляя о том, как примет меня один из тех немногих, кто выжил в страшной сече при Маунт-Бадоне, с кем делили мы куски мха, останавливая кровь из ран, с кем вместе, глотая слезы, переносили скованные смертным холодом тела друзей к ненасытному пламени погребального костра...

— Ау, Капитан, о чем задумался? — оборвал мои воспоминания Лис.

— О Маунт-Бадоне, — признался я.

— Это ценно, — с деланным почтением похвалил Лис. — А о том, что будем нынче Ланселоту втирать, ты еще не думал?

— О чем тут думать? — поморщился я. — Мы еще ничего не знаем о его намерениях. Может, он спит и видит, как слиться в братских объятиях с Ллевелином.

— С Пендрагоном, — добавил Лис. — Скажи, Капитан, тебе во всем этом ничего не кажется странным? То есть я, конечно, пони-

маю, расчувствовавшуюся публику пробило на щенячий восторг, но, по-моему, тут явный перебор. Или я неправ?

— Кто знает, кто знает, — задумчиво бросил я. — Лендис, помнится, говорила, что Ллевелин метит на королевский трон Британии. Но мы-то с тобой понимаем, что основная цель ее слов не сообщение нам последних новостей, а желание вставить Ллевелину с нашей помощью палки в колеса. Я, скажем, весьма скептически отношусь к ее утверждению о том, что Ллевелин подстрекал Мордреда к началу мятежа. Откуда бы ей знать об этом?

— Да хрен их, волшебниц, поймет? Повесила в спальне Мордреда какую-нибудь сковородку с микрофоном...

— Лис, — поморщился я, — не говори чепухи. Пространственные гиперпереходы — так это, по-моему, по научному называется, требуют колоссальных энергозатрат. Понятное дело, для передачи звука — меньших, чем для неофициальных визитов вроде того, что дражайшая кузина нанесла покойному тану Геллинов, но все же. При этом энергетический туннель необходимо постоянно поддерживать. Вздумай ее, скажем, кто-то из находящихся рядом кулаком в ухо треснуть, она простейшего защитного заклинания не смогла бы изобразить. Очень опасное положение. Таны об этом, возможно, ничего и не ведают, но мы-то знаем. И Моргана знает.

— Что знает? — не понял Лис.

— Что такое пробой гиперпространства. Как бы это так объяснить? На нее из этого пробоя энергетическим сквозняком тянет. А теперь представь себе ситуацию: приник ты к замочной скважине, чтобы на всякий случай проверить, как у соседей дела обстоят, а оттуда навстречу твоему глазу остро заточенное шило.

— Бр-р! — поежился Лис.

— Так вот, Моргана это может устроить, особо не напрягаясь. И Лендис это хорошо известно. Так что магическую составляющую получения информации я здесь считаю крайне маловероятной. Агентурная работа, конечно, возможна, но тоже вряд ли. Если такие переговоры действительно имели место, наверняка о них знали очень немногие. Так что скорее всего рассказ о сговоре Мордеда и Ллевелина, мягко говоря, художественное преувеличение.

— А герольд Мордреда?

— Герольд — фигура серьезная, — пожал плечами я. — Кто его знает, с чем он приезжал. Мог предложить перемирие с разделом сфер влияния, мог вызвать на честный бой от имени своего повелителя. Здесь тяжело сказать что-то определенное. Однако не похоже, чтобы это были переговоры о совместных действиях. Представь себе, Ллевелин дает свое согласие воевать вместе с Мордредом против Ланселота. В этот момент в Эбораке, если интуиция нас не об-

манывает, происходят подобные же переговоры о совместном походе Мордреда и Ланселота против Ллевелина. Предположим, что они тоже заканчиваются успешно. И что дальше?

— Дальше все, как обычно, — подхватил Рейнар. — Все собираются в уединенном месте и радостно бьют друг другу морду. После чего в Британии не остается ни лягушонка, ни Каа, да и вообще эту землю можно будет заселять экспортируемыми с Востока китайцами. Капитан, подумай, не самая слабая идея. Надо будет толкнуть при случае новому королю. А то я тут прикинул, невзирая на постоянные бравые смертоубийства, — налицо явный переизбыток королей, пэров, танов, герцогов и прочей мелкотравчатой знати при острой нехватке работного люда. Британия на грани экономического кризиса! — взвыл Лис, дирижируя в такт своим словам.

— Рейнар, — одернул я боевого товарища, — Годвин.

Лис обернулся, глядя на ошарашенного словесным водопадом оруженосца, ехавшего, как и подобает ученику и помощнику рыцаря, чуть позади за спиной.

— Дружище, — махнул ему Рейнар, — не вслушивайся. Это я потрансальпийски.

Бывший овидд молча кивнул головой, все еще недоумевая, что бы могло означать выражение «экономический кризис» и на грани чего он находится.

— Лис, если серьезно, — продолжил я, — то давай посмотрим, как говорится, кому это выгодно. Интерес Мордреда понятен, он сын Артура и претендует на корону Британии. Интерес Ланселота тоже, в общем, нетрудно просчитать. Наверняка он ищет Гвиневеру и, судя по всему, невзирая на старую дружбу, желает поквитаться с Мордредом. Особенно если ему сообщили, что тот пытался склонить Гвиневеру к замужеству. Захочет ли он занять освободившийся трон, если ему удастся уничтожить Мордреда?

— Или да, или нет.

— Я бы сказал скорее нет, чем да. С одной стороны, родовые земли Ланселота на материке, в Арморике, и весь клан находится там.

— Помнится, Вильгельм Завоеватель тоже не имел лондонской прописки. Пришлось ему, как последней лимите, начинать обустраиваться с Гастингса.

— Да, — согласился я. — Однако здесь имеется маленькое «но».

— Ты имеешь в виду Ллевелина?

— Его самого. Политический вес Ллевелина в Англии не меньше, чем вес Ланселота. И войск у него не меньше, а может, и побольше. Однако у Ллевелина нет за спиной бурного романа с женой Артура и последовавшей за этим войны. Если они сейчас договорятся и Ланселот пожелает занять британский трон, то интересно, что он

пообещает Ллевелину, чтобы тот согласился его поддержать, а не пришел, скажем, вместе с каледонцами выяснять «а почему, собственно»? Если же не договорятся, готов держать пари, Ллевелин дождется, одолеет ли Ланселот Мордреда или Мордред Ланселота, и прикончит победителя. Причем, заметь, все это должно произойти в ближайшие дни, поскольку по истечении месяца после Камланнской битвы все они обязаны, как ни в чем не бывало, сойтись за Круглым Столом в Камелоте.

— Ну хорошо, понятное дело, шо, скажем, тот же Ллевелин планирует ко дню «Х» избавиться от Мордреда, а там, кто его знает, может, и от Ланселота со всей его родней и продемонстрировать всем желающим свой фальшак, в котором, вероятнее всего, наш любимый герцог устами отсутствующего Мерлина заявляет, что он — самый крутой Карабас-Барабас на этой улице. Но Мордред — сын Артура. Ланселот, если женится на Гвиневере, тоже каким-то боком присоседится к британским венценосцам. Но Ллевелин-то — каварнадцатый ребенок каварнадцатого брата энского короля то ли Северного, то ли Южного Уэльса. Шо у него общего с правящей династией? Где он — где Пендрагоны?

— Да, — протянул я, — с Ллевелином непонятно. Помнится, Лендис говорила, что и в самом Уэльсе его не слишком жалуют. Однако Артур его отличал, и в происхождении Стража Севера у него никаких сомнений не было. — Я задумался. — Похоже, надо подробнее разузнать его родословную. Помнится, когда мы привели к нему Карантока, он говорил, что его прадед является родным братом отца короля Берримора. А вчера, общаясь с пэрами Нортанумбрии, он заявил, что родом из Мальвернии. Если не ошибаюсь, это в Южном Уэльсе. Что ж, не так мало для начала поисков, особенно учитывая количество валлийцев в войсках герцога.

День сменил день. Расчищенные холмы Адрианова вала сменились лесами, в которых, по ядовитому замечанию Цезаря, таились бриттские города, «представлявшие собой тот же лес, но огороженный стеной».

Конечно, в отличие от римских крепостей называть подобные поселения городами было изрядным преувеличением. Три-четыре больших сарая с массой частных построек да частокол — вот все, чем могли похвалиться древнейшие населенные пункты Соединенного Королевства. Даже мой сравнительно небольшой отряд мог взять любой из этих «таунов» безо всякого труда. Однако подобной задачи перед нами не стояло. К тому же я сильно сомневаюсь, чтобы в кладовых здесь нашлось достаточно провизии для прокорма высокого посольства.

Стоило нам подъехать к очередному поселению, как делегация лучших людей выходила навстречу невесть откуда взявшимся рыцарям и, потрясая жалкими лохмотьями, свидетельствующими о несусветной бедности местных жителей, приглашала разделить с ними кров и трапезу, не без основания полагая, что разряженные как на парад рыцари побрезгуют и тем и другим. Правда, в конце дня мы все же осчастливили одну из таких делегаций сообщением, что принимаем их гостеприимство. Лучшие люди явно огорчились, но, узнав, что у нас с собой довольно продовольствия, вновь воспрянули духом и даже выкатили пару бочек эля к ночным кострам.

Утром мы двинулись дальше, вступив в куда как более цивилизованные земли Дэйри, где в старинном латинизированном Каэр Эбораке держал свое знамя король Беноика, первейший рыцарь Круглого Стола сэр Ланселот Озерный.

Присутствие армии стало заметно еще в милях пятнадцати от Эборака.

— Пыль на горизонте, — констатировал остроглазый Лис. — Похоже, всадники.

Он был прав. Спустя несколько минут мы разглядели три дюжины верховых, во всю прыть мчащихся в нашем направлении.

— Капитан, — вглядываясь в знамена и значки конного разъезда, проговорил Лис, — три червленых перевязи по горностаевому полю это, кажется, сэр Борс?

— Он самый, — согласился я.

— Тогда готовься к встрече со старым другом.

Я сделал знак своим рыцарям остановиться и поднять копья, демонстрируя мирные намерения. Отряд сэра Борса был все ближе. Я уже видел, как отстегивается на ходу кольчужная полость, прикрывающая нижнюю часть лица от подбородка до самых глаз, и румяный добродушный великан, силач и весельчак Борс, откинув копье скачущему позади оруженосцу радостно машет рукой, узнав моего леопардового льва в лазури.

— Торвальд! — заорал он, подъезжая и обхватывая меня за плечи, так, что я едва удержался в седле. — Вот негаданная встреча! И ты здесь, Рейнар, чертяка! Надеюсь, ты прихватил с собой бурдюк твоего знаменитого ли-со-во-го на-пи-я? — Это довольно сложное для британского произношения словосочетание он выговорил без малейшего акцента, что было ярким свидетельством частого упоминания данного названия и, конечно же, употребления богопротивного зелья, изготавливаемого моим храбрым напарником.

— Какими судьбами? — тараторил Борс, не давая нам вставить даже словечка. — Верно, ты здесь не вместе с ведьмой?

— Ты о чем? — успел вклинить я в тот момент, когда шумный дядя Ланселота закрыл рот на последнем звуке слова «ведьма».

— Как, ты ничего не знаешь? Значит, ты не с ней. А Ланселот-то, Ланселот! Ну ничего, надеюсь, мы будем сражаться вместе!

Я поймал удивленный взгляд Годвина, пытавшегося со свойственной прилежному ученику последовательностью уловить смысл произносимых слов.

— Ты хочешь сказать, что в Эбораке фея Моргана?

— Ну да, вошь ее заешь! — громыхнул сэр Борс, и его закованный в кольчужную рукавицу кулак стартовал вверх по траектории ракеты «земля — земля». — Я приехал сюда драться, а он стоит, словно те камни, которые поднял старик Мерлин.

— Он — это Ланселот? — попытался догадаться я.

— Кто же еще?! — Борс удивленно уставился на меня, недоумевая, что может быть неясного в его словах. — Чего мы ждем? Вот скажи мне, чего?

Вероятнее всего, вопрос был риторическим, но все же оставлять его без ответа мне показалось бестактным.

— Ничего. Я вот еду к Ланселоту, чтоб предложить ему союз с Ллевелином.

— И правильно, — поддержал это начинание громогласный добряк. — Ха-ха! Теперь-то она попляшет!

— Моргана?

— Она самая.

— Стало быть, Ланселот не пожелал выступать вместе с Мордредом? — для очистки совести спросил я.

— Да ты что?! — возмутился мой собеседник. — Конечно, нет! Придете ко мне в шатер, расскажу вам, как ей Ланселот ответил. А-ха-ха! — Сэр Борс расхохотался, вынуждая ближайших лошадей нервно дернуть ушами и настороженно покоситься на одного из славнейших рыцарей Круглого Стола. — С утра она и ее люди отправились в Дэву. Я лично их проводил. — Лицо рыцаря расплылось в самодовольной улыбке. — В общем, Торвальд, Рейнар, сейчас сами видите, я с отрядом в разъездах. Завтра на рассвете вернусь. Жду вас у себя в шатре. И не вздумайте отказываться! Вы же знаете, я этого терпеть не могу! — Мало кто из сопровождавших меня рыцарей видел этого добродушного великана на поле боя. Тогда он вовсе не походил на этого самодовольного весельчака, и яростный рев его, разносившийся по полю, перекрывая шум битвы, поневоле заставлял противников пятиться, а то и вовсе обращаться в бегство. — В общем, я вас жду. Мой шатер вы найдете без труда. Он в правом дальнем от ворот углу лагеря. Езжайте с миром! Полагаю, вам повезет больше, чем этой чертовке Моргане.

— Ну что ж, — подытожил я результат нашей встречи, — даже если мы сейчас повернем обратно, задачу посольства можно считать наполовину выполненной. Ланселот не выступит против Ллевелина.

Лагерь в Эбораке напоминал сотню других военных лагерей, когда-либо сооруженных на территории бывшей Римской Империи. Быть может, от обычного его отличало лишь то, что палатки расставлялись не в порядке манипул и когорт победоносных легионов, а согласуясь с родством и знатностью населявших его полководцев.

Шатер сэра Ланселота, короля Беноика, высился посреди лагеря так, чтобы к нему было удобно добираться из любого угла Эборака. Шатры его родственников Борса, Лионеля, Богарта и Бана, сына Бана, занимали соответственно центральную часть в угловых квадратах, каждый из которых был заселен третью стоявшего здесь войска. Серебряное, с тремя червлеными перевязями знамя Ланселота, весьма походившее на то, под которым выступал сэр Борс, развевалось над высоченным, привезенным с Востока златотканым шатром, хлопая полотнищем в такт порывистому восточному ветру.

Узнав о цели нашего визита, стража у ворот лагеря не преминула сообщить дежурному начальнику, каковым был в тот день сэр Богарт, король Ландов, о великом посольстве. И вскоре мы, уже в сопровождении его величества, направлялись в шатер командующего «экспедиционным корпусом». Мы были знакомы с Богартом, хотя и не так близко, как с Ланселотом и Борсом. В отличие от Борса его младший брат Богарт был немногословен и отчего-то постоянно кутался в широкий плащ из толстой шерсти, свойственный вообще жителям малообжитых земель, доставшихся ему в качестве вотчины.

— Я доложу Ланселоту, — устало посмотрев на нас из-под тяжелых бровей, проговорил король Ландов. — Но примет ли он вас сегодня, в этом я очень не уверен.

— Он болен? — встревожился я.

— Нет, — покачал головой провожатый.

— Не дай бог, ранен?

— Нет. — Богарт посмотрел на меня недовольно, досадуя из-за моего любопытства. — Вчера днем приехала Гвиневера. — Он замолчал, вероятно, полагая, что и без того сказал слишком много.

Мы с Лисом невольно переглянулись. Не то чтобы мы забыли о виновнице, вернее, невольной жертве, заложнице мужских страстей, ныне раздиравших в клочья Британское королевство, но все это время ее имя звучало лишь вскользь. И с тех пор как в ночь нашего прибытия отшельник Эмерик упомянул, что королеве удалось бежать от Мордреда и укрыться у неведомых никому надежных дру-

зей, о ней не было ни слуху ни духу. И вот вчера, как ни в чем не бывало, она прибыла в Эборак. Что ж, это во многом объясняло провал дипломатической миссии Морганы. Но что это давало нам, еще оставалось выяснить. Появление подобной женщины зачастую приводило к лавинообразным последствиям, редко поддающимся контролю. Следовательно, выпускать ее из виду было бы неосторожно.

Возле шатра главнокомандующего толпился народ. Он толпился так всегда и везде, где только не доводилось нам с Лисом наблюдать похожие шатры. Толпился, отличаясь лишь говором, доспехом или мундиром. Адъютанты, слуги, конюхи, телохранители, трубачи, сигнальщики — словом, все те, в чьи функции входило обезопасить жизнь драгоценного полководца и максимально облегчить ему руководство армией. Многих из стоявших здесь я знал и радостно приветствовал старых приятелей. Некоторых помнил лишь в лицо, у иных же знал лишь герб, но и с теми и с другими спешил раскланяться, обещая себе по возможности уточнить их имена. Раскланялся я также с рыцарем в чернолазоревой пересеченной котте, украшенной серебряной совой, держащей в лапах золотую стрелу. Лицо его было мне странно знакомо, хотя, к своему стыду, я никак не мог вспомнить носимый им герб. Я просто готов был поклясться, что никогда ранее его не видел. Рыцарь тоже вежливо поклонился в ответ, но как-то... скорее удивленно, чем приятельски.

— Лис, — активизировал я связь, — *ты не помнишь, как зовут этого красавца с совой на груди?*

— Капитан, я тебя не узнаю, ты начал интересоваться мужчинами? — не задумываясь, выпалил мой напарник.

— Сережа! — не на шутку оскорбился я. *— Не мог бы ты воздержаться от подобных комментариев!*

— Да ладно-ладно, шо ты шерсть дыбом поднимаешь? Ща гамбизон в клочья разлетится. Ты только не плачь. Ща мы для тебя выясним имя, фамилию и что он делает сегодня вечером. Кстати, я тоже его где-то видел!

— Да вот то-то же и оно. Лицо его помню, а герб — нет.

— Ты не помнишь герб? Не бывает!

— Как видишь.

— Ладно, не журысь. Возьмем интервью на тему, где он отхватил герб, который сэр Торвальд Пламенный Меч опознать не может.

Тем временем мы подошли уже к самому входу в шатер, возле которого дежурили, опершись на тяжелые боевые топоры, дюжие стражники, подозрительно ощупывающие взглядами всякого, подошедшего на расстояние удара. Увидев короля Ландов, караульные отсалютовали ему оружием и повернулись, пропуская в шатер. Бо-

гарта не было несколько минут. В конце концов он появился вновь, пытаясь скрыть обескураженное выражение лица очередным хмурым взглядом исподлобья.

— Ланселот м-м... рад вашему прибытию и будет готов принять вас, но... только завтра. Он просит извинить его. И я тоже. Король попросил меня позаботиться о вас и вашем эскорте. Пойдемте, я отдам все распоряжения.

— Торвальд, мы пеньки, — негромко, но как-то очень слышно бросил Лис. — Куда мы поперлись? Нам же бриттским языком сказали, что к Ланселоту вчера приехала Гвиневера. До завтрашнего вечера вообще можно ехать к Фризскому морю купаться.

Даже в наступающих сумерках было видно, как запунцовело лицо сэра Богарта. Пожалуй, не будь так твердо усвоенное им с молоком матери железное правило, гласившее, что вассал моего вассала не мой вассал, наша дипломатическая миссия могла закончиться прямо здесь, едва начавшись. Причем не закончиться, а скончаться. Нас бы попросту затоптали.

— Воздержитесь от скабрезностей, энц Рейнар! — с угрозой в голосе произнес Богарт. — Вы здесь посланники герцога Ллевелина, и это делает вашу персону священной. Но завтра мы с вами можем встретиться вне лагеря...

— Сэр Богарт, — начал я, на ходу придумывая хоть какие-то оправдания оплошности Лиса. — Прошу простить моего друга. Рейнар имеет в виду лишь радость встречи...

— Королева изъявила желание уйти в монастырь, — резко выдохнул король Ландов, глядя куда-то поверх наших голов. — Следуйте за мной.

Мы повернули прочь из шатра. Я шел, размышляя о дальнейших планах на сегодняшний вечер, когда вышагивающий рядом Рейнар ни с того ни с сего ткнул меня локтем в бок и заговорил быстрым полушепотом:

— Смотри-смотри, вон тот рыцарь, вон видишь, идет. — Он ткнул в спину человека, следовавшего впереди нас шагах в тридцати.

— Да, вижу.

— Котта черная с голубым и белая сова, это же ты его не опознал?

— Его.

— Так вот, я тебе скажу, кто это. Это тот малый, которого я пытался подстрелить на болоте, возле хижины архиепископа. Тот самый, который отвернул пергамент у покойного сэра Ивейна!

— Действительно похож, — вглядываясь, согласился я. — Фигура, манера двигаться. Действительно он! Интересно, что он тут делает?

— Да ну, понятно, что делает! — хмыкнул Рейнар. — Казачок засланный! Наверняка его Моргана оставила здесь своим согляда-

таем. — Он остановился. — А может, и нет. Зря он, что ли, возле шатра терся?! Как бы это не местный народоволец. Выйдет Ланселот из шатра, а такой вот крендель с криками «Все по фиг!» наскочит на него с кинжалом, и все. Прощай Париж, летают самолеты. Слушай, давай-ка ты пойдешь размещаться, а я пока за ним похожу, посмотрю, как бы чего не случилось.

— Хорошо, — кивнул я. — Только будь осторожен.

Связь активизировалась примерно через час.

— *Капитан, бросай все, рули сюда!* — Голос Лиса звучал взволнованно удивленным. — *Ты глянь, шо эти филопергаментисты вытворяют!*

Передо мной возник большой шатер, чуть меньший, чем тот, который принадлежал Ланселоту, с плескавшим над ним флагом сэра Борса. Сумерки уже начинали сгущаться, но все же нам с Лисом было прекрасно видно, что у шатра нет обычной стражи. Да и вообще этот квадрат лагеря казался полупустым. Очевидно, большая часть воинов патрулировала округу или же занималась добычей продовольствия в близлежащих селениях. Пользуясь пустотой, шатер сэра Борса банальнейшим образом грабили. Тот самый рыцарь с серебряной совой и еще некто в тунике, лишенной эмблем, пару раз прошлись возле него и, очевидно, не заметив ничего подозрительного, проникли внутрь. Одним движением: вот они были, и вот их нет. Не проникновение, а фокус.

Я подхватился и, затягивая покрепче портупею с мечом, быстро направился «в гости» к сэру Борсу. Несколько ранее, чем он нас приглашал, но в самый раз, чтобы не поспеть к шапочному разбору.

— Сэр Торвальд, я хотел у вас спросить. — Годвин, отпущенный мной погулять по лагерю, возвращался, переполненный впечатлениями, с полным коробом вопросов, спешащих сорваться с языка.

— Потом, не сейчас, — отмахнулся я.

— Можно я с вами?

— Потом!

Лис ждал меня, укрывшись за одной из солдатских палаток.

— Успел! — возбужденно прошептал он. — Они еще не выходили. Что будем делать?

— Полагаю, следует наведаться к Борсу.

За нашими спинами послышалось возбужденное дыхание. В подступающей тьме обрисовался силуэт бегущего подростка.

— Годвин, что ты здесь делаешь? — возмутился я.

— Я с вами, сэр! — запыхавшись, выдавил малец.

— Куда с нами?! — возмутился я. — Стой, где стоишь. Сейчас может быть драка, еще зашибут невзначай.

— Слышь, приятель, ты свистеть умеешь? — перебил меня Лис.

— Могу птицей кричать, — чуть замешкавшись, ответил оруженосец.

— Вот и славно. Мы сейчас пойдем в шатер, а ты стой здесь. Смотри внимательно, увидишь, что кто-то пытается пройти за нами, кричи своей птицей. Да погромче. Все понял?

— Конечно.

— Вот и славно. Ну что, Капитан, рванули?

Короткой перебежкой мы добрались до шатра и нырнули за тяжелый полог. В небольшом помещении, отведенном для слуг, отвернувшись лицом к стене, на лежанке валялся некто в буйволовой куртке.

— А вот и стража, — прошептал Лис. — Дрыхнет, ети его мать! — Он указал на прислоненные к опорному шесту копье и валяющуюся на земле пустую флягу. Там же возле низкого ложа стояла масляная светильня. — Думаю, сны он может смотреть и в потемках, — прокомментировал Лис, подхватывая ее и погружая спальню во мрак.

— Вперед, — скомандовал я.

— ...Посвети сюда, — послышался негромкий голос из-за кожаной перегородки. — Он говорил, что пергаменты в резном ларце с геммой на крышке.

Я отдернул полог.

— Не помешали вам, господа?

Рыцарь серебряной совы неуловимо быстрым движением повернулся в мою сторону, обнажая меч.

— Ни шагу дальше, сэр. Или вы умрете.

— Даже так? — усмехнулся я, доставая Катгабайл. — Как вы говорите, сколько шагов мне нужно сделать, чтобы умереть? Один? — Я шагнул вперед. — Два?

Мы сошлись. И клинки зазвенели сталью о сталь, выпевая свою бравурную песнь, одному из нас грозившую прозвучать похоронным маршем. Черт возьми, мой противник нисколько не блефовал, грозя мне смертью! Непонятно уж, как удалось мне остаться незнакомым с ним до этой встречи, но я готов был поклясться, что здесь мне не доводилось встречать фехтовальщика лучшего, чем он. «Дзинь», — жалобно звякнул меч неведомого рыцаря, и большая часть его клинка отлетела в сторону. Катгабайл был великим мечом, а это в схватке значило немало.

— Повезло, — процедил незнакомец, отбрасывая рукоять в сторону. — Ну что ж, теперь попробуй меня убить. — Он принял стойку для боя на кулаках. — Давай же! Ты ведь не решишься драться со мной без оружия, один на один!

Это было откровенное хамство. Не говоря ни слова, я вернул меч в ножны и, расстегнув пояс, кинул его Лису, замершему, как и спутник моего противника, в стороне от боя. Светильня в руках у одного и факел в руках у другого — не лучшее оружие для боя в шатре.

— Начнем?

Он ударил левой, прямым в голову, прощупывая оборону. Немудрёно, но порой весьма эффективно. Я закрылся предплечьем, подставляя под удар левый бок. Начни он сейчас тянуться к этой сладкой цели, и вмиг окажется на земле, перелетев через заботливо подставленную ногу. Удар кулаком сверху был для меня полнейшей неожиданностью. Я едва успел убрать голову, подставить плечо, крутануться и ударить, вернее, толкнуть противника локтем в спину. Толстые кожаные гамбизоны снижали эффективность таких ударов почти до нуля, однако противник пробежал несколько шагов и остановился удивленный.

Здесь явно было что-то не то. Постояв передо мной пару секунд, он неожиданно просел в нижнюю стойку, какие обычно встречаются в школах Южного Китая, но никак не в средней Англии. Не дожидаясь действий с его стороны, я сделал ложный выпад кулаком в голову, одновременно попытавшись провести удар в колено. Что за черт?! Уход с подсечкой и довольно болезненный пинок на излете.

Мы вновь разлетелись, вновь сошлись, обмениваясь весьма странными с точки зрения здешних бойцов пируэтами, попросту не доставая друг друга. В конце концов противник замер, плетя руками замысловатую паутину. Я, конечно, с большим уважением отношусь к английским боевым школам, но подобное мне когда-то показывал мастер Ю Сен Чу, утверждая, что это из арсенала Древнего Китая.

Атака! Рука противника змеей вылетела из сплетенных кружев. Я развернулся, провожая ее трущим блоком и вынося ногу для пинка. Короткий удар в колено и еще одна атака. Я успевал перехватить руку рыцаря с совой у запястья, ударить локтем в бицепс, заводя свою руку ему за спину для броска. Вот сейчас-то все и будет закончено! «Сейчас он у меня ляжет, уткнувшись носом в землю», — пронеслось у меня в голове. Как бы не так! Уход в кувырок, и я едва успеваю убрать лицо от пролетающей ноги...

— Больше крови, больше цинизма! — неожиданно выпалил Лис. — Джентльмены, я, конечно, бешено извиняюсь, что мешаю вам развлекаться. Но свет скоро гыкнется, а потому, прежде чем вы продолжите чемпионат по фул-контакту, позвольте пару слов. Кубок Святого Грааля здесь вручать не будут, можете не суетиться. А поскольку это так, коллеги, хватит ваньку валять, давайте поговорим серьезно.

Глава 17

Если два поезда встречаются у железнодорожной развилки, то обязаны оба остановиться, и ни один из них не имеет права тронуться дальше, пока не пройдет другой.

Закон штата Канзас

На какую-то долю секунды в шатре повисла мертвая тишина. Подъем вращением, и рыцарь серебряной совы стоит, как ни в чем не бывало, готовый продолжить бой.

— Разрешите представиться, — Лис сделал эффектную паузу, раскланиваясь, — Сергей Лисиченко, страший оперативный сотрудник Института экспериментальной истории.

— Уолтер Камдейл, — не спуская настороженного взгляда с оппонента, в тон напарнику продолжил я, — начальник группы Института экспериментальной истории.

Наши противники переглянулись с нескрываемым удивлением.

— Джой Магэран, — отсалютовал рыцарь в лазорево-черной тунике, — ведущий агент Департамента координации исторического процесса Имперского научного общества.

— Марвин Сабрейн, агент, — сознался его соратник, державший факел. — Все тот же Департамент.

«Валлиец и французский шотландец, — невольно отметил я. — Что-то я таких в Институте не помню. Стоп! Какого черта?! Какой еще Департамент?»

— Простите, — я начал обескураженно, — вы сказали, Королевское научное общество?

Магэро, очевидно, французская ветвь Мак-Гвайров, удивленно посмотрел на своего напарника, пожимая плечами:

— Мы сказали Имперское научное общество. А вы, — продолжил он, — надеюсь, не из Северо-Американских Соединенных Штатов? — Он замолчал и вновь заговорил, несколько запинаясь: — Не поймите меня превратно, я с пониманием отношусь к вашим идеям, но, честно говоря, мне не доводилось слышать ни о каком Институте экспериментальной истории.

Тут уж пришла наша очередь удивляться. Насколько я помнил, наименование Северо-Американские Соединенные Штаты не упоминалось в нашем мире уже многие десятки лет, давным-давно сменненное на Соединенные Штаты Америки.

— Так, — прокомментировал услышанное Лис, — чем дальше в лес, тем страньше вылез. Джентльмены, я, должно быть, огорчу вас, если сообщу, что здание Института находится в сорока минутах езды от Лондона.

— Где?! — в один голос выпалили «коллеги».

— Мой друг не обманывает, — подтвердил я. — Институт действительно находится в сорока минутах езды от Большого Лондона в сторону Кембриджа. Поправьте меня, если я не прав, но вероятно, мы не просто из разных организаций, мы... из разных миров.

Молчаливая сцена осознания происходящего была ответом на мои слова. Пожалуй, вернись сейчас сэр Борс из своих разъездов, он рисковал застать в своем шатре четырех одеревеневших истуканов с выпученными глазами и лицами, выражающими крайнюю степень удивления. Первым нашелся тот самый агент, в фамилии которого звучало древневаллийское название реки Севен — Сабрина.

— Господа, насколько я понимаю, нам есть о чем поговорить. Давайте по возможности перенесем разговор в более удобное место. Поскольку мы с вами занимаемся одним делом, надеюсь, вас не смутит, если мы завершим то, зачем сюда пришли. После этого вполне можем продолжить наше общение, скажем, у нас в шатре. Или, если хотите, у вас.

— Вы ищете резную шкатулку с геммой на крышке? — на голубом глазу начал блефовать Лис.

— Д-да, — удивленно кивнул сэр Магэро, или уж как там его здесь называли.

— Вы слышали наши слова, — ухмыльнулся Сабрейн, — перед тем как войти. Джентльмены, давайте не будем пробовать обмануть друг друга.

Его спутник попытался было что-то сказать, но Сабрейн остановил его.

— Постой, Магэран, нам было приказано хранить тайну нашего задания в том мире. Про этот князь Суррей ничего не говорил.

Я недоуменно взглянул на Лиса. Конечно, империум-президент Америки-Руси Заморской Петр звучало не менее экзотично, но все же князь Суррей — подобное титулование для англичанина выглядело, мягко говоря, дико.

— Мы ищем здесь части предсказания, которое великий Мерлин передал покойному Артуру, а тот, в свою очередь, разделил его на двенадцать частей...

— Да-да-да, — вмешался Лис, — и выдал лордам Камелота на долгую память, велев через месяц собраться у Круглого Стола, ну и все такое.

— Значит, и вы здесь тоже за этим? — недоуменно проговорил сэр Магэран. — Но зачем пророчество вам?

— Видимо, за тем же, что и вам. Ладно, к делу! Нехорошо, конечно, обижать сэра Борса, но работа есть работа. Ищем шкатулку, забираем пергаменты и уходим.

— Зачем забирать? — удивленно спросил Сабрейн. — Для этого есть дубликатор. Три секунды, и молекулярная копия у нас в кармане.

Тут пришла моя очередь удивляться:

— Дубликатор, конечно, хорошо, — проговорил я, — но у вас что, не было Льежской конференции, посвященной техногенному вмешательству в хронопотоки?

— Нет, да и какое тут вмешательство? Обычная шкатулка. Через пять лет сработает механизм самоуничтожения, и вся электроника превратится в труху. Даже если здешние археологи, паче чаяния, ее и найдут когда-нибудь, скорее всего предположат, что это обычный реликварий.

— Толково, — похвалил Лис. — А монету он тоже дублирует?

— Конечно. Закладываешь в контейнер любую массу, по молекулярному весу достаточную для трансмутации, закрываешь, включаешь и все дела.

— О-очень толково, — похвалил Лис. — Весьма ценный прибор.

— Ладно, господа, — перебил я напарника, явно оседлавшего любимого конька и собиравшегося предложить нашим новым знакомым максимально рациональные планы использования бесценного агрегата, — за работу! Надеюсь, вчетвером мы быстрее отыщем пророчество. Кстати, вы уверены, что оно здесь?

— Постельничий сэра Борса, которому мы отвалили полсотни эстерлинов, утверждал, что тот хранит свою часть в шкатулке и что она находится здесь.

— Часть одна? — спросил я, начиная поиски.

— Кто знает? А что?

— У нас их нашли три. Вероятнее всего, изначально фрагменты принадлежали Борсу, Галахаду и Персивалю, но потом все они очутились у Борса. Вернее, в нашем мире у потомков Персиваля.

— У нас по-другому, — шаря под застланной мехами соболя и куницы лежанкой, сказал сэр Магэран, — у нас обнаружили часть пророчества, принадлежащую сэру Сагремору. Там значилось: «...истекающий кровью алый дракон ужален змеей». Вы сами понимаете, еще со времен восстания в Филадельфии змея, свернувшаяся в кольцо, — герб Северо-Американских Соединенных Штатов. Ну а червленый дракон Тюдоров и сокол Рюриков — герб Империи. И вот... вот, вот она! — Магэран подцепил кинжалом люк на ложе сэра Борса и, ликуя, вытащил из-под его крышки небольшую шка-

тулку, украшенную тонкой античной резьбой с большущей геммой на крышке.

Я стоял, в полном недоумении наблюдая за действиями собрата по тайной операции. То есть нет, все, что он делал, было вполне понятно, но сокол Рюриков в гербе Британии?.. То есть да, червленый дракон тоже не являлся ее официальным символом. У нас. Хотя все, даже прямые потомки саксов, выступавших в мерлиновские времена под знаменем белого дракона, сейчас считали его своим, буквально домашним. Валлийский род Тюдоров, пришедший к власти после Войны Роз, вполне мог поднять на знамя эту традиционную эмблему Уэльса. Со змеей тоже, в общих чертах, все было понятно. В те времена, когда мы с Лисом под началом Пугачева сражались против войск Георга III, готовая к броску змея с девизом «Не тронь меня!» была одной из любимейших эмблем континентальной армии. Но сокол Рюрика?!

— Точно, здесь три куска, — щелкнул пальцами сэр Магэран. — Сабрейн, давай дубликатор.

Напарник моего сотоварища по рыцарскому званию вытащил из сумы, скрытой под плащом довольно внушительных размеров, шкатулку тончайшей работы, воистину изготовленную искусными гномами по причудливым эскизам лесных фей.

— Сейчас сдублируем, — улыбнулся Магэран, — и положим на место. Будет полный порядок.

— Скажите, джентльмены, — куда-то в пространство произнес Лис, внимательно следя за действиями бывших конкурентов, — а магические заклятия ваша машинка тоже копирует?

— Н-не знаю, — расширяя глаза, выдохнул Сабрейн.

— Черт возьми, какие еще заклятия?! — закрывая крышку с дублируемыми пергаментами, оглянулся Магэран.

— Преимущественно магические, — хмыкнул Лис. — Я сейчас точно не вспомню, как там все устроено, но на тех пергаментах, которые Артур раздал лордам Камелота, заклятие на заклятии сидит и заклятием погоняет. Во всяком случае, друиды утверждают, что это именно так, и у нас нет причин им не верить.

— Проклятие! — выругался Сабрейн, оторопело глядя на напарника, а затем на нас. — Вы что, серьезно?

— Какие уж тут шутки! — возмутился Лис. — Я ж так понимаю, дальше мы играем в одной упряжке?

Сэр Магэран печально покачал головой.

— В одной. Ну что, Марвин, выходит, вся операция с Мордредом псу под хвост?

— Получается, что так. Хотя, с другой стороны, Гвиневеру к Ланселоту доставили, тоже хорошее дело.

— Да ну, может, все еще не так фатально, — попытался я утешить коллег. — Никто не знает, быть может, дубликатор вполне копирует заклинания.

— Может быть, — хмыкнул Магэран. — Но как это проверить? Насколько мне известно, в войске Ланселота друидов и магов нет.

— Ответ неверный, — строго заметил Лис. — Проверить это легче легкого! Для этого нам достаточно покинуть сей гостеприимный шатер, тем более что как-то мы тут засиделись.

— Хорошо. Тогда кладем копии в ларец Борса, а настоящие возьмем с собой. Пойдемте.

— Сэр Магэран, — напомнил я, — не забудьте забрать обломки меча.

Покончив с наведением порядка в апартаментах сэра Борса, мы вышли в полотняные «сени», прислушиваясь к звукам ночного лагеря.

— Светильню надо вернуть, — сам себе напомнил Лис. — А то проснется мужик, расстроится.

Рейнар тихо подошел к караульному, продолжавшему дрыхнуть, невзирая на шум недавней перебранки, и, неловко взмахнув руками, рухнул на спящего.

— Черт! — выругался он, вскакивая на ноги. — Вот же ж упурок, вино разлил! — сделав было шаг в нашу сторону, мой напарник остановился, повернулся к охраннику и, наклонившись, положил два пальца ему на шею.

— Черт побери, да он не спит! Он мертв. — Лис резко развернулся к нашим новым знакомым. — Ваша работа? — Брови его гневно сошлись над переносицей.

— Клянусь честью, нет, — пробормотал Магэран, и обескураженный вид не вызывал сомнений в его искренности.

— Поспешим, — тихо произнес я. — Вероятнее всего, здесь уже кто-то побывал до вашего прихода. Светильня горела, значит, когда стражник приложился к бутылке, начинало темнеть. Но масла в ней было больше половины, стало быть, все произошло минут за сорок до нас.

— Вино могло быть у караульного еще днем, — возразил сэр Магэран.

— Все равно. Если откинуть версию, что таким образом кто-то свел счеты непосредственно с этим человеком, то, вероятнее всего, кто-то проник в шатер перед нами, и очень может быть, искал он то же самое, что и мы.

— Но, черт возьми, кто? Зачем? — недоумевая, спросил Сабрейн.

— Ллевелин, Моргана, а может, кто его знает, здесь действует еще какая-нибудь группа вроде наших. В любом случае, стоя здесь, мы этого не выясним. Пойдемте скорее!

Годвин ждал нас, притаившись за солдатской палаткой, там, где мы его и оставили. Даже в темноте было видно, как округлились его глаза, когда после четвертьчасового отсутствия мы появились из шатра сэра Борса уже вчетвером, как ни в чем не бывало переговариваясь с теми, за кем с такими предосторожностями следили и вроде бы даже пытались захватить врасплох.

— Знакомься, Годвин, — выпалил Лис, едва лишь мой юный оруженосец попытался открыть рот, чтобы задать резонный вопрос, что это все значит, — сэр Магэран и эсквайр Сабрейн.

— Годвин, — я положил руку на плечо недавнего овидда, — мы возвращаемся к себе. Это наши старые приятели, мы их давно не видели.

Мальчишка кивнул, хотя, как мне показалось, наши объяснения его не сильно удовлетворили.

Расставленный для меня шатер вполне соответствовал статусу полномочного посла могущественного владыки Севера, к тому же и самого человека на островах небезызвестного. Мы вчетвером свободно расположились в нем на отдых, спеша совершить вечернюю трапезу и успокоить расшалившиеся нервы чашей неразбавленного по варварскому обычаю вина. Годвин был отправлен спать, что с нашей стороны было низким коварством, но иного выхода не было. Не могли же мы с места в карьер, едва выйдя от сэра Борса, совать под нос овидду наши трофеи. Вот, мол, удачно грабанули рыцарственного собрата, оцени-ка, что за добыча нам попалась? Полагаю, и так вопрос, чем, собственно говоря, занимались мы в чужом шатре, да еще столь долгое время, гвоздем засел в мозгах мальчишки, восхищенно взиравшего на весь этот мишурный блеск благородного рыцарства. Времени для того, чтобы задать Годвину мучивший всех нас вопрос, было еще предостаточно. Пока же у нас было чем заняться и без этого.

Картина мира, нарисованная почтеннейшими коллегами, потрясала воображение. Впрочем, ответное повествование, похоже, так же привело Магэрана и Сабрейна в состояние шока. Представьте себе мир, в котором голландоговорящие Соединенные Штаты после долгой войны с испанской короной и войны за независимость объединились с французской Луизианой, купившей себе суверенитет еще у короля Генриха IV. Мир, в котором англо-российская империя граничит и с империей Поднебесной, включающей Китай, большую часть Сибири, с полдесятка независимых у нас государств Дальнего Востока. Империю, имеющую в качестве доминионов кусок Канады, Калифорнию и Австралию. Мир, где испанская корона уже много лет как перенесена в Латинскую Америку, именуемую Новой Испанией... Воистину было чему удивляться!

Неспешно, шаг за шагом мы начали углубляться в историю наших миров, пытаясь выяснить, где же была та самая роковая развилка, о которой великий русский поэт Владимир Маяковский говорил: «У истории нет указателей, / Осторожно, крутой поворот!» Конечно, всевозможных различий было множество, иначе и быть не могло.

Однако основное, на мой взгляд, произошло после одной единственной, правда, вероятно, очень шумной свадьбы. Свадьба, не состоявшаяся в нашем мире, хотя переговоры насчет нее велись долго и упорно, и благополучно свершившаяся у соседей. В тот день дали брачные обеты два незауряднейших монарха, и в нашей-то истории стоящие особняком среди бесконечного списка коронованных особ. В тот день, вернее, в те дни, поскольку обряд состоялся сперва в Москве, столице жениха, затем был повторен в Лондоне, столице невесты, под колокольный звон и гром орудий сочетались законным браком королева Елизавета Английская с царем и великим государем всея Руси Иваном Грозным.

Правда, семейная жизнь их, по словам наших новых знакомых, не могла служить идиллической картинкой патриархального уклада. Спустя неделю после свадьбы царь Иван отбыл в Россию в сопровождении эскадры под управлением адмирала Джона Хоккинса.

Надо сказать, герцогства и княжества Балтии весьма опечалил этот свадебный подарок, преподнесенный Елизаветой любимому супругу. Впрочем, спустя пять лет после свадьбы Россия при помощи английских мастеров и сама начала спускать на воду один за другим многопушечные линейные корабли, маневренные фрегаты, хищные корветы, сохранявшие по образцу английских собратьев, охотившихся за золотыми и серебряными галеонами, весла для движения в штиль. Не знаю уж, какие штили бывают на Балтике, но очень скоро выяснилось, что такие корабли, не слишком зависящие от направления ветров, очень удобны для ведения боевых действий в шхерах и фьордах Скандинавии.

Обеспокоенные растущей мощью новообразованной державы Швеция и конкурирующая с ней Дания поспешили расписаться в своем лояльном отношении и спокойно, хотя, возможно, со скрытою слезой, продолжали наблюдать, как одно за другим «возвращаются» в отеческое лоно Руси земли некогда славянской Поруссии, уже и думать забывшие о своих исторических корнях.

Стоит ли говорить, что английская деловитость, подкрепленная практически безграничным российским ресурсом, послужила мощным толчком для развития Северо-Римской Империи, как не замедлили назвать крепнущую державу угодливые борзописцы. Иван грозною рукой правил на континенте, его дражайшая супруга — в Британии и новоприобретенных заморских колониях. Крушение

Великой Армады, посланной еще одним разобиженным претендентом на руку и сердце Елизаветы I, его католическим величеством государем Испании, довершило эпоху фатальных изменений, подтолкнув короля гугенотов Генриха IV к созданию «вечного» союза против испанцев. Насколько я мог понять, усиливаясь и ослабляясь, этот союз продолжал существовать и по сей день. После смерти царя Ивана шапкой Мономаха венчался на царствие царевич Георгий, великий князь Московский, он же принц Джордж герцог Уэльский и пошло, пошло... Правда, злые языки утверждали, что Джордж-Георгий больше похож на бравого пирата и утонченного поэта Уолтера Рейли, познакомившего Европу с картофелем и ядом кураре, но что бы там ни говорили, а династия Рюриков-Тюдоров по-прежнему оставалась одной из могущественнейших сил того мира.

Мы слушали друг друга, не уставая удивляться тем замысловатым тропам, по которым двигались наши родственные, по сути, цивилизации. Когда же речь зашла о частях пергамента, доставшихся нам в наследство от Персиваля, коллеги и вовсе переполошились. Было из-за чего! Если в нашем мире слова о том, что принцесса покинет этот мир, толковались как прямое указание на несчастную принцессу Диану, то здесь принцесса Мария, дочь императора Георга IX, должна была наследовать престол вскоре после кончины своего отца, ожидавшейся, увы, со дня на день. Лишь оптимистическое замечание, что «спасение придет», несколько успокоило коллег, собравшихся уже посылать сообщение шефу имперской безопасности князю Суррею Долгорукому.

— Ладно, джентльмены, — сэр Магэран, настроенный сообщением об опасности, грозящей будущей императрице на деловой лад, хлопнул себя по колену, — все это очень интересно, но время вернуться к пергаментам. Вы говорили, что можете выяснить, дублирует ли наш прибор магические заклинания. Думаю, самое время это сделать.

— Легко! — Рейнар щелкнул пальцами. — Эй, кто там... стража! — взбудораженный криком моего друга охранник вбежал в шатер, прикидывая на ходу, зачем он мог понадобиться в столь поздний час. — Разбуди Годвина и скажи, чтоб немедленно явился сюда! — распорядился он. — Я правильно говорю, сэр Торвальд?

Оруженосец появился через несколько минут, заспанный, с соломой в волосах, наскоро одетый в непривычное еще воинское снаряжение. Толстая кожаная куртка с нашитыми металлическими пластинами была перекособочена, и пояс с кинжалом висел чуть ли не на бедрах, вызывая невольную усмешку у присутствующих.

— Вы звали меня, сэр? — протирая глаза, спросил Годвин.

— Да, дружок. Будь добр, подойди поближе. Здесь у моих друзей есть части пергамента, вроде тех, какие ты видел на Камланне. По-

смотри их и скажи, какие из них написаны рукой Мерлина, а какие нет.

Вчерашний овидд приблизился к нашим новым соратникам и одну за другой начал рассматривать протянутые ему части пергамента.

— Эт-то, — он замялся, поднося к глазам один из кусочков пророчества, — очень похоже на тот, что вы мне показывали. Рука, несомненно, Мерлина, но заклинаний нет, и получается полная бессмыслица. Вот эти два настоящие. А эти, — парнишка вздохнул, словно не желая нас огорчать, — обычный коелбрен, такой же, как и у вас. «Верный медведю дракон золотой», — звонко продекламировал юноша, — «Воронов злых сокрушит», «станет великий дракон».

— М-да, — проговорил я, беря из рук оруженосца злополучные клочки-подменыши, — это те самые куски, за которыми мы охотились у Борса. И точки на месте.

— Какие точки? — удивился сэр Магэран.

— Над i, — перебил меня Лис, беря разговор в свои руки. — Вот посмотрите. — Он ткнул пальцем в пергамент. — Пометки, чтоб легче было складывать. На оригинале их нет.

— Спасибо, Годвин. — Я похлопал парнишку по плечу. — Ты нам очень помог. Отправляйся спать, больше мы тебя сегодня не потревожим. Стало быть, те, кто побывал в шатре у Борса перед нами, нашли, что искали, — сказал я, когда оруженосец скрылся за пологом. — Похоже, это дело рук Ллевелина и, вполне возможно, настоящие части пророчества у кого-то из нашего конвоя. Если, конечно, Моргана не обвела вокруг пальца самого Стража Севера.

— Но, черт возьми, как же теперь узнать, не являются ли все наши переводы копией с такой же фальшивки?

Я покачал головой.

— Никак. Пока текст не будет собран весь, заклятия с него снять невозможно. А весь он может быть собран на Круглом Столе в Камелоте. Именно этого, судя по всему, и не желает герцог Ллевелин. Если наши предположения верны, он хочет, чтобы за Круглым Столом было собрано предсказание, объявляющее королем его. Тогда выходит, что в его интересах подменить истинное пророчество на ложное везде, где он сможет это сделать, и заставить остальных лордов Камелота не появиться в нужный день в означенном месте.

— То есть как не появиться? — удивился Сабрейн.

— Скажем, предварительно убив их. В утешение я могу заметить только одно, что та часть пергамента, которая была передана мне от имени погибшего сэра Сагремора Желанного Ллевелином, никоим образом не совпадает с той, которая от того же имени дошла до вас.

— Слабое утешение, — хмыкнул Магэран.

* * *

Утро четверга было ознаменовано ревом, который я спросонья принял за шум надвигающегося урагана, чуть позже за начало штурма Эборака и лишь потом, окончательно придя в себя, узнал яростные раскаты голоса неистового сэра Борса.

— Я оторву голову этой змее! Отравительница! Она хотела погубить меня! Она хотела погубить Ланселота! Гадюка! Авалонская гадюка!

В армии Ланселота большинство воинов знали буйный нрав короля редонов. Тем же, кто еще не был с ним знаком, вполне хватало здравого смысла держаться подальше от взбешенного гиганта, размахивающего в такт своим словам двуручной секирой, словно дирижерской палочкой.

— Сэр Борс, что случилось? — крикнул я, выскакивая из шатра.

— Ага, Торвальд, ты здесь! Ты собирался, кажется, говорить с Ланселотом? Ты с ним уже говорил? Нет? Пошли вместе! — все это он выпалил одним махом, предоставляя мне самому расставлять вопросы в нужном порядке.

— Что произошло? — спросил я с деланным недоумением.

— Моргана пыталась отравить меня и Ланселота! Лишь случай уберег нас от смерти!

— Но каким образом?

— Эта старая чертовка преподнесла мне в дар дюжину фляг аквитанского вина. Она знала, что я не стану пить их один. Проклятие, там ведь могли быть и Богарт, и Бан, и Лионель! Коварная ехидна! Мы все могли его пить! Не отправься я вчера в разъезды, и мы бы угощались аквитанским у Ланселота!

— Да что произошло? — вновь кинул я.

— Вернувшись утром в лагерь, я нашел в своем шатре мертвого стражника, а рядом полупустую флягу с вином. Моя собака лизнула это вино и издохла. Мор-рган, раздери ее бесы! — подняв молотовидный кулак, процедил он. — Это ее работа!

— А фляги? Ты нашел остальные фляги?

— Да, я велел опорожнить всю дюжину в нужник.

— Как дюжину?

— Что за глупости, Торвальд?! Дюжина в Британии и в Арморике означает ровно дюжину!

— Но ведь из одной фляги пил стражник.

— Так значит, их было больше! — бросая на меня гневный взгляд, громыхнул Борс. — И вообще я не силен в счете.

Между тем мы стремительно приближались к златотканому шатру в центре лагеря, возле которого, как и вчера, толпилась многочисленная свита, заметно скучающая от безделья.

— Мой племянник уже проснулся? — проревел сэр Борс, не доходя ярдов десяти до стражи.

Это был в высшей мере странный вопрос. Если еще и оставался в округе кто-либо спящий, то разве что спящие вечным сном. Но даже наблюдай сейчас Ланселот самые радужные из всех возможных сновидений, он наверняка бы вернулся из мира грез, разбуженный этим трубным гласом.

— Король никого не принимает, — попытались было остановить его очередные крепыши, сменившие в карауле вчерашних, но не менее представительные, чем прошлые.

— А, ерунда! Пошли прочь! — Сэр Борс несильно толкнул караульных, и те разлетелись в стороны, словно сбитые палкой сосульки. — Ланселот! — взревел дядя главнокомандующего. — Ты что, спать сюда приехал?! — громыхнул он. — Что за черт, уселся посреди лагеря и никого не принимаешь?! Что, в конце концов происходит?! Моргана травит меня, травит тебя, а ты здесь в кулак трубишь?! Да в своем ли ты уме!

— Вероятно, нет, дорогой дядя, — из глубины шатра донесся тяжелый вздох. — Ум отказывается мне служить. И смерть была бы лучшей участью, которой я достоин.

Я вгляделся в завешенную темной тканью шатровую залу, посреди которой, обняв себя за плечи и склонив голову, стоял славнейший рыцарь Европы Ланселот Озерный. Его статную фигуру, лишь самую малость уступавшую сэру Борсу в высоте и ширине плеч, тяжело было спутать с чьей-либо иной. Но и узнать Ланселота было бы непросто. Передо мной стоял не тот ясноглазый рыцарь, одна улыбка которого кружила головы прекрасным дамам и наполняла воинов уверенностью в собственных силах. Передо мной стоял человек убитый и лишь по оплошности забытый валькириями пред вратами Валгалы (желающие могут считать, что это были врата святого Петра, и дальше не пустили самих валькирий).

— А, Торвальд, — заметив меня, кивнул он. — Приветствую тебя. Я бы сказал, что рад встрече, но, увы, радость навсегда распрощалась со мной. Богарт рассказал мне о цели твоего приезда, — вновь тяжело вздохнул он. — Я высоко чту герцога Ллевелина, он славный рыцарь и верный слуга Артура. Но я не выступлю с ним против Мордреда.

— Да ты спятил, дорогой мой! — рявкнул сэр Борс. — Разве не за тем плыли мы сюда, чтобы проучить коварного негодяя?

— Мордред прав, — покачал головой Ланселот. — Наши страсти, наша любовь к Гвиневере губят Англию. Мы с Артуром сцепились из-за нее, как псы из-за кости...

— Ага, ваши страсти, получается, Британию губят, а измена Мордреда ее спасает. Племянничек, ты ничего не путаешь?!

— Как бы то ни было, сегодня вечером я соберу совет и при всех военачальниках сложу с себя те полномочия, которыми вы меня наделили. Я не поведу вас в бой и заповедую всем, кто верит мне, возвращаться по домам. Прости, сэр Торвальд, но это мое последнее слово.

Глава 18

Р ы ц а р ь: Сир, я славно потрепал ваших врагов на западе.

К о р о л ь: Но у меня нет никаких врагов на западе!

Р ы ц а р ь: Теперь есть.

Сцена из рыцарских времен

Возвращение к месту стоянки было ознаменовано столь же ураганным ревом, сколь и движение к шатру Ланселота. Тайфун с нежным именем сэр Борс двигался вперед, не разбирая дороги, заставляя видавших виды вояк шарахаться в сторону, а то и спасаться бегством, чтобы не попасть под его горячую, да что там, просто раскаленную руку.

— Это как так возвращаемся?! Я не мальчишка-паж, чтобы бегать по указке своего господина туда-сюда! Я король редонов! Я привел сюда войско не за тем, чтобы мой влюбленный племянник тешил придурь вздорной девчонки! Торвальд, скачи к Ллевелину и передай ему, что бы ни наплел здесь Ланселот, я со своим войском иду к нему. Бан наверняка пойдет со мной, а повезет, и Лионель. — Разгневанный рыцарь пнул чан с кипящей водой, неосторожно преградивший ему путь. Вода из него выплеснулась, гася огонь, с шипением вздымая вверх облако пара. Борс прошагал через догорающее пламя, ломая обугленные ветки, и, похоже, не замечая каких-либо неудобств. — Отправляйся скорее, дружище, — кинул он мне, оглядываясь. — Нынче вечером я скручу их всех. Завтра же мы выступаем в Кэрфортин. Пусть Ллевелин готовит лагерь! — Он зашагал дальше в свою квадру, где, полагаю, уже с нетерпением ждали вождя от природы воинственные редоны.

Я вздохнул и отправился к посольскому шатру. Сэр Борс был прав, наступило время прощаться с гостеприимными хозяевами, поскольку

ку засиживаться в Эбораке далее не было никакого смысла. Чем бы ни завершился военный совет нынче вечером, часть войска возвращалась в Арморику, часть расходилась по домам здесь, в Британии, и еще одна часть, вероятно, направлялась к Мордреду, остальные же во главе с моим старым приятелем Борсом шли вместе с Ллевелином.

Конечно, можно было задержаться, чтобы выяснить новую расстановку сил, и, пожалуй, будь я военным атташе Стража Севера, я бы так и сделал, но сейчас это не имело особого смысла. Ланселот не поддержал Мордреда. Как минимум четверть его армии переходила на нашу сторону, а стало быть, основная задача дипломатической миссии была выполнена. Все остальное было потерей времени.

Была еще одна загвоздка, касавшаяся нашего с Лисом задания. Того самого, ради которого, собственно, мы и были заброшены сюда. Но теперь ее тяжесть я искренне надеялся разделить с коллегами из Департамента. Насколько я понял, именно они доставили Ланселоту его ненаглядную Гвиневеру, обеспечив тем самым себе весьма удачную позицию возле этого несомненного лорда Камелота. Следовательно, кому, как не им было организовать явку пророчествоносителя в Камелот, а также провести дальнейшую разработку иных хранителей предсказания, имеющих место быть среди сторонников Ланселота.

Я шел к шатру в печальных раздумьях о суетности нашей работы, пытаясь настроить себя на поиски неведомого сэра икс, побывавшего у Борса перед нами, и невольно ловил себя на мысли, что делать это, в сущности, не стоит, поскольку почти наверняка в результате похищенное окажется у все того же Ллевелина.

Вот его-то как раз и следовало, как говорил Лис, протрусить на предмет изъятия истинных частей пророчества. Очень хотелось верить, что при всем возможном коварстве герцог не станет уничтожать части пергамента, писанного рукой Мерлина. Как ни крути, он все же был валлийцем, а значит, без особой нужды не пожелал бы ссориться с магом, а тем более таким могущественным. Я миновал стражников, стерегущих вход в наше временное обиталище. За перегородкой, отделявшей кордегардию от апартаментов, слышались веселые голоса Лиса и Сабрейна.

— ...Притащились мы с Гвиневерой к Камланну, там драка в разгаре. Ну мы, понятное дело, соваться не стали. Магэран, конечно, рыцарь Круглого Стола, но не круглый дурак!

— Весьма ценное качество, — поддакнул ему Лис. — Мой бы, если бы я его не держал, наверное, ни одной драки здесь не пропустил.

— Да ну, зачем, — продолжал Сабрейн. — Переждали мы бойню, я остался с Гвен, а Магэран отправился рыскать по полю в поисках частей пророчества.

— Знаю-знаю, мы его как раз возле Ивейна застукали. Кстати, того ублюдка-мародера вы грохнули?

— Мы. Вернее — Магэран. Он из траттории вышел, мы за ним. Клянусь тебе, у нас и в мыслях не было убивать беднягу! Я хотел предложить ему за пергамент десяток золотых, но он как увидел, что мы за ним идем, схватился за оружие. Видать, нас за грабителей принял. Буйный попался, вот на меч и напоролся.

— А дальше?

— Отправились к Эмерику Кентерберийскому. Он сейчас на болотах отшельником живет, неподалеку от Камланна.

— Эт-то нам известно, — хмыкнул Лис. — Но до архиепископа вы не дошли, поскольку Магэрана на подходе обстреляли из лука. Верно?

— Верно. А ты откуда знаешь?

— Ха! Откуда знаю? Я же и стрелял. Еще удивлялся, шо ж такое, как же мои стрелы вдруг здешние кольчуги брать перестали?

— Вот спасибо тебе! — недовольно кинул собеседник моего друга. — Это значит, по твоей милости мы с Гвиневерой неделю по лесам таскались? Мы-то ее думали у Эмерика оставить, а самим отправиться встречать Ланселота...

— Кстати, — перебил его Рейнар, меняя тему, очевидно, не желая углубляться в малоприятные воспоминания, — вы, когда по лесам шарились, никого чужого не видели?

— Н-нет. Над лесом виверна кружила, но людей не видели. А что?

— Да понимаешь, тут какая кака с маком получается: один фрагмент был у Лукана — палатина короля Артура, тот, умирая, передал его младшему брату Бэдиверу. А того то ли на Камланне контузило, то ли на него действительно с небес креза сошла, но по этой знаменательной причине Бэдивер мерлиновское пророчество выбросил в овраг. Мы этот овраг разве что носом не перекопали, как сквозь землю пергамент канул. Мы было решили, что это вы его до нас нашли, теперь выходит, нет.

— Ну куда-то же он делся?

— То-то и оно, что делся! Так что тут, как ни крути, а некомплект получается. Не хочу всех заранее расстраивать, но очень может случиться, шо ни хрена в Камелоте у нас не выйдет. Потому как, даже если мы предоставим одиннадцать частей пророчества, даже одиннадцать с половиной, я сильно сомневаюсь, что эти самые заклинания возможно снять. В результате чего все наши геройские попрыгушки можно будет смело заносить в число, как обычно, бессмысленных подвигов сэров Круглого Стола.

— Да уж, — вздохнул Сабрейн. — Тут одна операция с Мордредом чего стоила! Э-эх!

Я одернул полог.

— О, Торвальд! Шо, все? Ланселот раскололся?

— Как же! — горько усмехнулся я. — Их величество пребывают в черной меланхолии и оттого желают всех распустить по домам, а самому отправиться уединенно страдать в отчий замок.

— Понятно, — хмыкнул Лис. — Женский роман: сопли и сахар. Слушай, со стороны старины Ланси это просто непорядочно!

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Не, ну понятно, депресняк депресняком, Гвини в тоске и печали с башкой поссорилась: «Брошу мир и уйду в монастырь!», но нельзя же так бесстыдно у господ менестрелей хлеб отбивать! Тоже мне, голубка Пикассо, заклевавшая коршуна мировой агрессии! Ведь, посуди сам, даже если сейчас Ланселоту взбредет в голову заровнять Мордреда со всей его компанией под уровень грунта, во всех позднейших «шансон де жест», я уж не говорю о «шансон д'амур», пииты будут утверждать, что пока Ланс Па де Кале не нарыдал, из Британии в Арморику можно было ходить исключительно посуху. А что им теперь прикажешь писать?

— Ничего не прикажу, — покачал головой я. — Мы отправляемся в Кэрфортин. Об остальном расскажу по пути. Да, Сабрейн, а где сэр Магэран?

— Отправился в наш шатер за новым мечом. Скоро вернется.

Перед отъездом, договорившись с Магэраном о вариантах связи, я пошел проститься к сэру Борсу, предполагая при свете дня, быть может, отыскать что-либо такое, что навело бы меня на след неизвестного похитителя.

— Даст бог, скоро свидимся, — хлопнул меня по плечу уже отошедший от утреннего буйства король редонов.

— На все воля божья, — кивнул я, поводя ушибленным плечом.

— А, да! — неизвестно чему обрадовался Борс. — А ты, брат, знаешь, что воли божьей не бывает!

— Что? — изумленно переспросил я. — Чего не бывает?

— Воли божьей не бывает, — вновь повторил исполин.

— То есть как это?

— Да приходил тут намедни один святой, — жизнерадостно громыхал мой собеседник, — вот он и поведал, что поскольку Бог есть совершенство, то, стало быть, воли у Него быть не может. Поскольку к совершенству ничего уже не прибавишь. А раз не прибавишь, то и желаний быть не может. Стало быть, наличие воли признак не Бога, а человека. Дальше он говорил как-то мудрено, но я так понял, что ежели воля правильная, ну то есть какая надо, то сам становишься едва ли не богом. А ежели наоборот, то тогда наоборот. Во!

Я удивленно слушал гиганта, активно жестикулировавшего, словно пытавшегося продемонстрировать руками принцип действия этой самой воли.

— Это какой же такой святой такое рассказал? — Мой вопрос явно застал сэра Борса врасплох. Он наморщил лоб, мучительно пытаясь вспомнить имя проповедника.

— Да ну, валлиец один. — Он снова хлопнул меня по плечу. — С ним еще виверна была! Вот это я тебе скажу, да! Овес жрала, что та лошадь. Правда, мы ей потом мяса дали, уж больно жалобно выла.

— Его, часом, не Каранток звали? — быстро спросил я, не давая приятелю сбиться на рассказ о кормлении чудовища.

— Точно, Каранток! Так ты, братец, его знаешь?

— Да приходилось встречаться. А сейчас он где?

— А кто его знает? Походил здесь, покричал, да и пошел своей дорогой. А что, — неожиданно всполошился Борс, — никак, он лазутчик?

— Нет, что ты! Достойный человек. Между прочим, сын короля Уэльса Берримора.

— Сын короля?! — хмыкнул сэр Борс. — А так и не скажешь. Ну, не лазутчик, и слава богу. Счастливого тебе пути, Торвальд! Передай Ллевелину от меня привет, пусть ждет, уж мы-то ему всыплем! — Он замолчал, обдумывая слова: — Мордреду, конечно.

В который раз за последние две недели мы вновь возвращались в Кэрфортин. Дорога была уже знакома, а потому мы не слишком торопили коней, зная, где и когда можно встретить ближайшее жилье, где сделать привал и подкрепить свои силы. Впрочем, никакой иной дороги в нужном нам направлении не было, если, конечно, не считать таковыми путаные лесные тропы, проложенные не то зверьем, не то промышлявшим охотой местным людом.

«Интересно, что понадобилось здесь святому Карантоку? — думал я, давая Мавру возможность самому выбирать аллюр. — Последний раз его, вернее, даже не его самого, а виверну, мы наблюдали по ту сторону вала над глухим ущельем в Чевиотских горах. И вот теперь он вновь появляется там же, где появляемся мы. Случайность? Навряд ли. Тогда зачем ему это надо?» Ответа не было. Он пришел раньше нас и ушел до нашего появления, оставив лишь след в виде проповеди весьма еретического содержания.

— Сэр Торвальд, — следовавший за мной Годвин нарушил молчание, — скажите, почему Мордред и все те, кто пошел с ним, восстали против короля Артура? Ведь он был добр с ними. Он защищал Британию от врагов! А они!..

— Это сложный вопрос, мой мальчик, — усмехнулся я. — Для поступков любого человека одновременно существует несколько причин, порой весьма различных. Обычно люди пытаются объяснить свои действия самым выгодным для себя образом, а потому нельзя сказать, что их слова — ложь. Но и правдой они тоже не являются. Насчет же Артура...

Расскажу тебе одну историю. Не так давно в Римской Империи, в городе Сиене, люди ожидали нашествия варваров. Силы их были слишком малы, чтобы отстоять город, а главное, в нем не было полководца, который бы смог организовать оборону. Однако нашелся некий наемник-чужестранец, который взялся защитить их земли. И надо сказать, ему это прекрасно удалось: варвары были отброшены и Сиена спасена. Тогда лучшие люди города собрались и стали думать, как вознаградить полководца за спасение. Никакое золото, никакие драгоценности не стоили сохраненных жизней и традиционной городской вольности. Они долго искали способ достойно наградить героя, но так и не могли ничего придумать, пока один из них не предложил такое, с чем все остальные члены городского совета с радостью согласились.

— Они предложили полководцу корону герцогов Сиены?

— Нет. Ведь каждый из тех, кто заседал в совете, был первейшим на землях с населением такого места, как Эборак.

— И что же?

— Конь! — крикнул скачущий рядом Лис. — Капитан, смотри, рыцарский конь!

Я кинул взгляд туда, куда указывал мой друг. Действительно, в нашу сторону, медленно ступая, слегка прихрамывая, двигался гнедой конь, покрытый алой попоной. Три золотые башни, вытканные по ней, не оставляли сомнений, что перед нами конь сэра Турана Галльского, известного как Рыцарь Башен, а пара стрел, торчащих из пробитой попоны, несомненно, свидетельствовала о том, что рыцарь покинул седло не без посторонней помощи.

— Там что-то произошло! — воскликнул я, вмиг забывая о нашей с Годвином беседе. — Возможно, он еще жив! — Я пришпорил Мавра. — Лис, возьми пяток бойцов и давай за мной!

— Куда?! — вслед мне заорал Рейнар. — А если там засада?

Но я уже подгонял коня, спеша на помощь, возможно, еще живому собрату.

Скакать пришлось недалеко. На той самой поляне, где произошла наша встреча с громогласным сэром Борсом, моему взору открылась ужасающая картина побоища. Воронье, вспугнутое появлением нового, подозрительно подвижного персонажа, взмыло вверх, недовольно каркая, но, описав в воздухе круг, вновь опустилось на землю, воз-

вращаясь к прерванному завтраку. Посреди поляны, судя по позам, в большинстве своем застигнутые врасплох, валялись воины рыцарского дозора в разорванных коттах поверх пробитых кольчуг. Многие из них, похоже, так и не успели воспользоваться оружием.

— Что за черт! — пробормотал я, спрыгивая с коня и едва не оскальзываясь в сырой от крови траве. — Дьявольщина! Что здесь произошло?

Трава в том месте, где я осадил коня, была примята, так, словно на ней лежало что-то тяжелое, и обильно полита кровью. Но то самое «что-то», откуда вылилась кровь, исчезло с места преступления в неведомом направлении.

— Оба-на! — догнавший меня Лис остановил коня. — Это шо ж тут такое было? Капитан, гляди-ка, — лежавший неподалеку от нас рыцарь явно был застигнут в тот момент, когда пытался отползти в сторону окружавшего поляну подлеска. Стрела, пробившая его бедро, очевидно, не позволяла бедняге идти, оставляя все же достаточно сил, чтобы передвигаться ползком. Но он был мертв. Красовавшаяся на затылке рана не оставляла сомнений в том, что смерть наступила в результате колющего удара мечом. Таким обычно добивают раненых грабежных дел мастера. — Капитан, их здесь застали врасплох, обстреляли из засады, а затем дорезали еще живых, — бросил Лис, переходя от одного убитого воина к другому. — Да, у этого горло перерезано, и у этого тоже.

— И тем не менее они с кем-то сражались, — вставил я. — Причем противник получал раны и, судя по количеству крови, весьма тяжелые. Получается, что победители унесли всех своих и добили тех, кто еще оставался жив в этом злополучном разъезде. Но кому это было нужно? Разбойники на такой отряд нападать бы не стали, да и не взято здесь ничего...

— Посмотри, — внезапно произнес Лис, — вон там у дерева. Видишь, рыцарь в лазоревой котте?

— Господь моя защита! Семь серебряных львят в лазури! Да это же сэр Лионель!

Мы с Лисом, не сговариваясь, припустили к младшему брату Ланселота, полулежавшему на стволе толстого дуба у самого края поляны. Он был без шлема, голова свесилась на грудь так, будто доблестный рыцарь устроился вздремнуть возле дерева, устав с дороги.

— Может, жив? — кинул я на бегу, придерживая бьющий по бедру меч.

Пустая надежда! Из-под светлой бороды Лионеля на лазоревую ткань котты стекала алая струйка, все увеличивая бурое пятно на ней. Кольчуга рыцаря была пробита в нескольких местах, обнаженный меч валялся тут же, рядом с телом. Очевидно, сброшенный с

коня сэр Лионель защищался до последнего, пока не обессилел и не был прикончен неизвестными злодеями. Я присел на корточки возле него, кусая губы от бессилия, от фатальной невозможности что-либо изменить.

— Капитан, погляди-ка, что у него в кулаке. — Рейнар ткнул вытащенной из колчана стрелой в сторону левой руки одного из славнейших рыцарей Круглого Стола. Между неплотно сжатых пальцев виднелся небольшой кусочек пергамента. Я потянулся за ним, осторожно вынимая последний дар Лионеля из скованных смертью пальцев.

— Коелбрен.

— Берегись! — ни с того ни с сего крикнул Лис, и выпущенная им стрела просвистела у меня над головой.

Я ушел в кувырок и подхватился на ноги, обнажая меч. Тяжелый топор ударил меня между лопаток, заставляя по инерции пробежать три шага. Не будь на мне институтской кольчуги, здесь бы я и лег, рядом с сэром Лионелем, с перерубленным позвоночником. Но кольчуга выдержала, и гамбизон немного смягчил удар.

— Х-ху! — выдохнул я, поворачиваясь на месте.

Неизвестный, удивленный моей ударостойкостью, уже вновь заносил топор, желая повторить опыт. Я оказался проворнее. Он рухнул наземь с пронзенным нутром.

— Дьявольщина! Я же говорил — засада! — Лис успел за это время выпустить еще несколько стрел и, откинув ставший бесполезным лук, схватился за короткие мечи. — Держись, Капитан! Мы еще посмотрим, кто тут влип! С минуту на минуту наши подоспеют.

Рейнар был прав, по моей неосторожности мы угодили в западню. Пять рыцарей и несколько оруженосцев, сопровождавших нас, вовсю работали мечами и копьями, отбиваясь от невесть откуда взявшихся головорезов, со всех сторон высыпавших на поляну.

Но силы были неравны. Один за другим они падали возле погибших воинов отряда сэра Лионеля. Так что, спустя несколько часов ни у кого бы не возникло ни малейшего сомнения, что мы, встретившись на дороге с младшим братом Ланселота, поссорились и перебили друг друга. Одного лишь не учли нападавшие. Позади первого отряда, кинувшегося на помощь Турану Галльскому, двигалось еще полторы сотни воинов, сопровождавших посольские возы. И они были все ближе.

Мы с Лисом, прижатые к дубу, едва успевали парировать удары наседавших со всех сторон негодяев, лишенных каких бы то ни было отличительных знаков, но вместе с тем вполне профессионально управляющихся с оружием. Еще удар, еще, пока что мы успевали отбивать их, но неминуемо приближался тот миг, когда хоть один из них достигнет цели, и вот тогда-то гибель будет неотвратима.

Рыцарский рог, трубивший атаку, сейчас казался сладчайшей музыкой, которую мне когда-то доводилось слышать. Наш эскорт, очевидно, заслышав шум схватки, бросил на произвол судьбы неспешные, запряженные волами возы и теперь во всю прыть спешил на подмогу. Разворачиваясь широкой дугой, всадники охватывали поляну, разя неизвестных разбойников направо и налево.

— Не убивайте всех! — крикнул я, устало опускаясь на землю. — Мне нужен тот, кто будет говорить.

Схватка была недолгой. Нападавшие вовсе не горели желанием принимать бой и оттого при первой же возможности пытались скрыться в чаще, вверяя жизни густой листве и непролазным буреломам. Однако уйти удалось далеко не всем. Десятка два пленных понуро жались к середине поляны, окруженные Ллевелиновскими всадниками. Еще нескольких волокли из лесу вошедшие в охотничий раж воины эскорта.

— Глядите-ка, глядите! — разнеслось над полем боя. — Рыцаря поймали!

Я встал, опираясь на ствол дуба. Спина болела нещадно, позволяя держаться только прямо, гордо разведя плечи, словно проглотив флагшток.

— Ты, ба, действительно рыцарь! — удивленно воскликнул уже вполне очухавшийся Лис.

— Герб: лазурные гонты в золотом поле, — промямлил я, вглядываясь в котту пленника. — Сэр Перималь из свиты Мордреда. Теперь все ясно.

— Сэр Торвальд, — окликнул меня один из оруженосцев, входивших в посольство, — мой господин, сэр Аграмар, умирает и просит немедленно позвать вас.

— Да, иду, — кивнул я, морщась от боли. Загнанная внутрь во время боя, она вовсю заявляла о себе, лишь миновала смертельная опасность.

Сэр Аграмар лежал на земле, истекая кровью. Пожалуй, окажись рядом с ним в момент ранения человек, сведущий в медицине, он вполне мог бы жить. Но сейчас было уже поздно. Матовая бледность воочию свидетельствовала о последних минутах рыцаря.

— Приподними-ка меня, дружок, — скомандовал умирающий своему оруженосцу, едва только мы приблизились. — Только поосторожнее.

Расторопный оруженосец присел возле господина и, подхватив его за плечи, приподнял над землей.

— Славно, — прохрипел рыцарь. — Я умираю в бою, как и подобает... Сэр Торвальд, снимите кошель у меня с ремня. В нем золото и три клочка пергамента. Золото отдайте этому пареньку, а пергамен-

ты вручите герцогу. Он знает, как с ними поступить. Передайте, что я остался верен ему до конца.

Я поспешил выполнить последнюю волю умирающего. Он улыбнулся, увидев кошель в моих руках, и устало закрыл глаза.

— Умер, — прошептал оруженосец.

— Да, — печально кивнул я, развязывая кошель и доставая из него наследство Ллевелина: вожделенные куски пергамента, вероятно, те самые, что не так давно исчезли из ларца сэра Борса. — Держи, — я, затаив дыхание, протянул золото расстроенному юноше, — это теперь твое.

Вслед за этим мне пришлось быстро, пожалуй, чересчур быстро отвернуться, чтобы скрыть невольную радость. Наблюдай эту картину какой-нибудь спрятавшийся в кустах менестрель, он не преминул бы упомянуть, что тут сэр Торвальд Пламенный Меч отвернулся, дабы не дать узреть рыцарские слезы безусому юнцу.

— Капитан, пока ты тут изображаешь Александрийский маяк, — подскочил ко мне Лис, — я уже успел раскрутить этого самого сэра, перемать его... В общем, Моргана его послала...

— Рейнар, — я положил руку на плечо напарника, увлекая его от оруженосца, оплакивающего смерть своего господина, — отойдем отсюда.

— Что-то случилось? — всполошился Сергей.

— Можно сказать, что так. — Я протянул ему пергаменты. — Сэр Аграмар просил передать Ллевелину.

— Шара приди! — оторопело пробормотал Лис. — Это что, Борсовы?

— Наверняка. Хотя проверить стоит. Ты Годвина еще не видел?

Мой оруженосец, всего лишь несколько дней назад получивший первые уроки владения оружием и потому почти беззащитный в любой мало-мальски серьезной потасовке, по заведенному мною правилу в случае боя отправлялся в обоз и сидел там тихо, вплоть до его завершения. Не сказать, чтобы такая участь радовала смелого мальчишку, но воля рыцаря — закон для оруженосца. Между тем возы уже подтянулись к полю боя, и взволнованный Годвин мчался к нам со всех ног, очевидно, спеша проверить, на самом ли деле мы живы и невредимы.

— Сэр Торвальд! Энц Рейнар! — Юноша порывисто схватил нас, не ведая, что следует говорить в таких случаях достойному ученику рыцаря.

— Дружок, — начал я, отводя недавнего овидда в сторону. — У меня к тебе уже традиционная просьба. Посмотри-ка на эти пергаменты. — Я протянул Годвину нашу добычу.

Он почтительно принял из моих рук части пророчества, прислушался к своим ощущениям и утвердительно кивнул.

— Здесь везде рука Мерлина, милорд.

К нам подошел один из рыцарей отряда, командовавший арьергардом в момент столь неосмотрительной вылазки на помощь сэру Турану.

— Сэр Торвальд, у нас много раненых, есть убитые.

— Те, кто может держаться в седле, пусть садятся в седла. Остальных грузите на возы. И людей Лионеля тоже. Мы возвращаемся в Эборак. Да, вот еще, сделайте отдельные носилки для сэра Лионеля и закрепите между двумя лошадьми. К ним же привяжите сэра Перималя.

— Будет исполнено, милорд. — Рыцарь поклонился и отправился выполнять приказание.

— Мы отправляемся в Эборак, — повернулся я к Годвину.

— Я слышал, сэр, — кивнул мальчишка. — Я сейчас подведу коней. Только, — он замялся, — позвольте один вопрос.

— Слушаю тебя.

— Что же тогда решили лучшие люди Сиены?

— Они умертвили полководца и провозгласили его святым покровителем города. Вперед, мой мальчик, нам следует поторопиться.

— Расступись! Расступись!

Траурная процессия шла по главной «улице» военного лагеря, направляясь к шатру Ланселота. Четыре рыцаря, обнажив головы, несли к нему положенное на изрубленный щит тело сэра Лионеля, короля Бросселианда. Мы с Лисом шли впереди, раздвигая хлынувшую к главному проходу толпу. Но и без того она расступалась, пропуская вперед скорбную ношу рыцарей Ллевелина. Стражники у шатра, скрестившие было перед нами свои топоры, но, разглядев в сумерках знакомый герб на груди убитого, молча убрали свое оружие, освобождая путь.

— ...Два десятка властителей Галлии, — слышался из-за перегородки громовой голос сэра Борса, — все короли Арморики, бароны Британии и Уэльса собрались под твое знамя, мой милый племянник. И ты теперь говоришь, что этот поход не имеет смысла?! Что он бесполезен?!

Я отдернул занавес, пропуская вперед рыцарей с их тяжким грузом.

— Что это? Что? — всполошились, вскакивая с мест, собравшиеся на совет военачальники. — Лионель? Святой Бог!

— Почтенный Ланселот, — начал я, — утром ты говорил, что разум отказывает тебе. Но я не верил в это! Ты говорил, что следует бросить все и возвращаться домой. Я не внимал этому, зная, что женщина может заставить страдать лишь сильного мужчину. Но ты утверждаешь,

что в этом походе нет смысла, и что Мордред прав, свершая свою черную измену. Так прими же залог его правоты! — Я указал на бездыханное тело Лионеля. — Здесь твой брат. А там, — я указал на Рейнара, волокущего на веревке сэра Перималя, — тот, кто убил его.

Извини, я не стал благодарить его, можешь сделать это сам. Что же ты молчишь, благородный Ланселот? Неужели слова благодарности сами не просятся тебе на язык? — Я развернулся лицом навстречу побледневшему полководцу. — Ланселот, кровь твоего брата Лионеля взывает к отмщению! Кровь Гахериса и Гарета взывает к отмщению! Кровь старшего из моих братьев Гавейна, увидевшего в тебе единственное спасение для Британии, призывает тебя к бою!!! Вся кровь защитников Британии, пролитая в последние месяцы на полях сражений, готова вскипеть, по капле собиравшись вновь из сырой земли при одном лишь слове о том, что славнейший Ланселот отказался от мести предателю и отцеубийце! Да будет забыто твое имя между рыцарями, если это так!

— Замолчи! — резко прервал меня Ланселот Озерный. — Замолчи, если не хочешь скрестить со мной меч! Готовьтесь к походу, милорды. Завтра мы выступаем!

Глава 19

Нет такого дела, в котором не пригодился бы шпион.

Лао Цзы

Шум голосов, донесшийся из шатра, очевидно, был слышен во всех концах лагеря. Все эти десятки властителей Галлии и Армории, бароны Британии и Уэльса, срываясь на крик, провозглашали что-то одновременно, спеша высказать каждый свое отношение к предстоящему походу.

— Тихо! — пытался урезонить их Ланселот. — Здесь каждый имеет право высказаться! Не все сразу.

— А ну-ка, потише! — перекрывая общий гул, рявкнул сэр Борс. — Дайте сказать Ланселоту!

Приведенный в себя этим окриком недружный хор поместной знати начал стихать, и Ланселот, покинув свое председательское место, подошел к распростертому телу брата.

— Горе мое велико, — негромко начал он. — Новые потоки пролитой крови не вернут мне Лионеля. Они лишь отберут новых братьев,

сыновей и отцов у многих из тех, кто нынче радуется жизни. Кто нынче радуется, глядя на синее небо, — голос его окреп и усилился, — кто благодарит Создателя за новый день жизни. Ты говорил о мщении, сэр Торвальд? Я отказываюсь от мщения. Моя месть породит другую, та, в свою очередь, третью... Порочный круг должен быть разорван.

По рядам суровых воинов, вождей рыцарских ратей, прокатился чуть слышный выдох разочарования.

— Но мой отказ от мести не означает, что злодеяние должно оставаться безнаказанным. Все, кто задумал и осуществил сие коварное злодейство, должны быть переданы в руки нового верховного короля Британии и понести достойную кару.

— *Особенно хорошо, если следующим королем будет Мордред,* — прокомментировал Лис на канале связи. — *То-то он себя примерно покарает! Может, даже в угол поставит.*

— Но кто, кто будет королем? — вновь зашумели бароны.

— Об этом еще не знает никто, — крикнул, пытаясь заглушить их, Ланселот. — Но есть пророчество. Последнее пророчество великого Мерлина. Оно разделено на двенадцать частей, и через полмесяца двенадцать лордов Камелота должны собраться вокруг Круглого Стола и, сложив их воедино, назвать имя нового короля.

— Это правда! — поддержал племянника могучий сэр Борс.

— Действительно это так, — вслед за ним произнес я, демонстрируя собравшимся один из имевшихся у меня кусочков. — Пока все части пергамента не будут сложены вместе, никто не в силах узнать имя нового правителя.

— К черту магию! К черту пророчества! — завопил один из баронов, вполне уже впитавший отравленное молоко христианской нетерпимости. — Ланселот наш король! Никто более!

Одобрительный гул многих голосов наводил на мысль, что подобная идея весьма популярна среди военачальников, да, вероятно, и простых воинов, стоящих в Эбораке.

— Нет, — Ланселот покачал головой, — я не займу трон Артура. Более того, я поведу вас вперед, но безропотно покорюсь воле того, кто и без нашей помощи все это время сражался против злой измены. Верховным главнокомандующим отныне будет Страж Севера герцог Ллевелин.

— Никогда!!! — Собравшиеся баннореты* попытались шумно выразить свое отношение к столь неожиданному известию, но их попытка была пресечена резким выкриком темнобородого валлийца, вскочившего с длинной лавки со сжатыми от негодования кулаками. — Никогда, слышишь, Ланселот, король Беноика, я, Эгвед,

* Баннорет — рыцарь, возглавляющий собственный отряд.

принц Гвиннед, не стану под знамена этого ублюдка! И я вызову на бой всякого из валлийцев, кто пойдет за ним.

— Ай-ай-ай, какая беда для Уэльса! Не иначе как нашний герцог у ихнего принца в детстве стащил любимую погремушку!

— Погоди, — прервал я напарника, *— как-то этот Гвиннед больно суетится. Может, он знает о Ллевелине нечто такое, что следует знать и нам?*

— Предлагаешь изобразить из себя корреспондента газеты «Совершенно секретно»? Пергамент А-3, центральный разворот, разоблачительная статья «Герцог Ллевелин приватизировал Адрианов вал на деньги королевы Лендис!» При этом он скрытый инопланетянин и принимает витамины «Ирвин нейчуралс».

— Лис, это мы с тобой скрытые инопланетяне. Я вызову Гвиннеда на бой...

— Понял! Концепция изменилась: ты вызовешь его на бой, я переоденусь священником и на последней исповеди выслушаю страдательный рассказ о том, как Ллевелин в детские годы волшебные дикою кошкою затравил любимую канарейку принца.

— Надеюсь, до этого не дойдет. Тем более что Канарские острова еще не открыты, и редкая канарейка долетит до середины Атлантического океана. В любом случае я попытаюсь убедить валлийца, как ты выражаешься, не гнать волну. Поднять акции при дворе Ллевелина, думаю, тоже не помешает. Иначе к его частям пророчества нам не добраться, а стало быть, в Камелоте их просто не будет.

— Ладно, действуй. Если что, я поддержу.

— Сэр Эгвед! — гневно изрек я, изображая на лице крайнюю степень возмущения. — Вы клевещете на достойнейшего из вассалов короля Артура, блистательного полководца и почтеннейшего человека. Я не валлиец, и потому не могу относить слова вашего вызова к себе. Но я с удовольствием бросаю вам перчатку, дабы заставить отказаться от всех ваших слов вместе и каждого в отдельности... — Моя кольчужная перчатка со звоном упала к ногам сэра Эгведа.

— Достаточно и половины, — не преминул вставить Лис, *— либо Ллевелин не ублюдок, либо ублюдок не Ллевелин. Так что, ежели чего, можешь и поторговаться.*

— Я, Торвальд аб Бьерн, рыцарь Круглого Стола, говорю вам, что вы трус и подлый лжец, и требую Божьего суда, чтобы защитить честь моего друга и соратника герцога Ллевелина.

— Торвальд, Торвальд! — попытался остановить меня не на шутку переполошившийся сэр Борс. — Завтра утром мы выступаем в поход.

— Н-нет! — замотал головой я, хватаясь за меч. — Выступать в поход вместе с клеветником, чернящим славного вождя, — значит выступать в поход с завтрашним предателем. Я требую Божьего суда!

— Правильно, Капитан! Так их! Глазками повращай, чтоб страшнее было. Держите меня вдесятером, а то вдвадцатером не удержите!

— Я, Эгвед аб Мардок, принц Гвиннед, принимаю твой вызов! — через весь стол орал мне валлиец, не на шутку разозленный шквалом высыпанных на его голову оскорблений. — Ллевелин — ублюдок, недостойный рыцарского звания! — Он так же, как и я, пытался вытащить меч из ножен, но, удерживаемый крепкими руками соседей, извивался, стараясь вырваться и продолжая горланить: — Ллевелин — отродье никсов*.

— Кажется, Лендис что-то рассказывала о нежных семейных отношениях в валлийском королевском доме, так я уже готов ей поверить, — словно между прочим заметил Лис.

— Как бы то ни было, — Ланселот поднял руку, останавливая гвалт, — имя Ллевелина Стража Севера, герцога Мальвернии опорочено прилюдно и громогласно, а стало быть, сэр Торвальд Пламенный Меч, представляющий в Эбораке особу герцога, имеет право требовать Божьего суда. Сэр Эгвед, не желаете ли вы отречься от своих слов и принести извинения сэру Торвальду и через него герцогу Ллевелину?

— Ни за что! — отрезал валлиец.

— Так, стало быть, суд состоится завтра на рассвете, — со вздохом кивнул Ланселот. — Хотя, видит бог, такая распря между соратниками на руку лишь тем, кто ищет гибели для Британии.

— Мне нет дела ни до Британии, ни до ее короля. Я никогда не был и не буду соратником Ллевелина!

— Погодите, сэр Эгвед, — прервал его полководец, — вы уже вызваны на Божий суд. Там с оружием в руках можете отстаивать свою правоту. Я же обязан спросить, желаете ли вы драться сами или же изберете защитника?

— Конечно, сам! — хмуро бросил принц Гвиннед.

— Сэр Торвальд, будете ли вы назначать себе защитника или желаете лично вести бой?

— Лично, — кивнул я.

— Таким образом, вы оба изъявили желание лично вести бой. Напоминаю, что у вас есть право на три перемены оружия, на краткую паузу в ходе боя, чтобы поправить доспех, и на последнее слово, даже если победитель сочтет для себя верным лишить побежденного жизни. Вы ознакомлены с правилами боя. Теперь вам надлежит уединиться в шатрах в сопровождении лишь своих оруженос-

---

* Никсы — фейри, хранящие пути в зачарованную страну. Часто обольщали девушек, соблазняя рассказами о сокровищах этой страны.

цев и не иметь сообщения с кем-либо вокруг, кроме означенных оруженосцев, до самого рассвета. Утром я обязан буду вновь осведомиться, не намерен ли кто-нибудь из вас отказаться от боя, выполнив при том все условия, наложенные на него противником. Если же нет, то на том мои обязанности заканчиваются и вновь возобновляются лишь в случае погребения одного из вас, — заученным механическим тоном произнес Ланселот. — Верно ли вы поняли мои слова? Желаете ли спросить что-нибудь, уточнить?

— Я знаю правила! — буркнул сэр Эгвед.

— Спасибо, я все понял, — кивнул я.

— В таком случае ступайте по своим шатрам и дожидайтесь рассвета. Да поможет Господь правому!

— *Капитан, ты все уяснил? Не забудь занять правый угол ринга.*

Масляные лампады скупо освещали угрюмую внутренность шатра, в котором я должен был провести ночь в молитве, благочестивых размышлениях и подготовке амуниции к судебному поединку.

— Сэр Торвальд, — с замиранием сердца спросил Годвин. — Завтра вы победите этого валлийского принца?

— Вероятнее всего, да. — Я невольно усмехнулся детской наивности вопроса. — Во всяком случае, мне не доводилось слышать имя Эгведа из Гвиннеда в числе лучших бойцов Британии.

«О Магэран, ты тоже ничего не слышал», — предательски засверлила мозг коварная мыслишка. «А ведь он тебя мог уделать. Но не уделал, — ответил я сам себе. — И этот не уделает».

— Завтра посмотрим. — Я потрепал плечо Годвина. — На всякий случай готовь примочки.

— У меня есть все необходимое, — поспешно заверил недавний ученик друидов. — Но этот бой! Вы не боитесь?

— О чем ты, дружок? Есть два слова, которые зачастую путают, величая одно понятие другим. Но это огромная ошибка, подчас ведущая к тяжелым последствиям. Есть страх — он леденит душу, приумножает количество врагов и их силы, заставляет искать спасение в безумном бегстве или же в не менее безумном оцепенении. И то и другое одинаково гибельно.

Есть опасение — оно мешает ложной беззаботности, защищает от внезапного предательства. Оно дает возможность видеть врага таким, каков он есть, заставляет изучать его сильные и слабые стороны, чтобы оставаться в безопасности, заставляя противника бороться с самим собой.

— Как это? — удивился Годвин.

— Как? — усмехнулся я. — Возьми копье и бей им меня в грудь.

— Но, сэр Торвальд, вы без кольчуги, без гамбизона, я могу ранить вас!

— Тебе это не удастся, так что можешь действовать смело.

Годвин отошел к куче сложенного посреди шатра оружия, поднял копье и, взвесив его в руке, вновь нерешительно посмотрел на меня.

— Милорд, но оно же острое!

— Конечно. Иначе это было бы не копье, а шест.

Мальчишка вздохнул, перехватил копье так, словно у него в руках была лопата для вынимания хлебов из печи и, не спуская с меня вопросительного взгляда, подошел поближе.

— Давай! — скомандовал я.

Годвин нехотя ткнул копьем вперед. Я развернулся на месте, пропуская его мимо себя.

— Нет, не так! Резче! И хват уже. Ты же не собираешься перекидывать меня через себя, словно тюк сена. Слегка согни колени. Чуть-чуть поприседай, чтоб не чувствовалось напряжения. Двигаться вперед и назад нужно быстро, как бы прыжком, но не поднимая высоко ног, а словно скользя над землей. Понял?

— Понял, — неуверенно кивнул юноша.

— Давай еще раз.

Второй раз был много лучше первого. Я вновь увернулся, отведя древко копья в сторону, едва сдерживаясь, чтобы не провести контрприем.

— Ничего-ничего. Уже получше. Только не проваливайся, не тянись за копьем, пытаясь меня достать. Этим ты все равно не достигнешь цели, зато потеряешь равновесие. Давай-ка снова!

Годвин послушно провел короткий выпад, впрочем, все же слишком длинный, чтобы быть правильным. Я повернулся, пропуская острие мимо себя, перехватил древко руками, дернул вперед и легонько ткнул носком ноги Годвина под колено. Он взмахнул руками, пытаясь сохранить равновесие, но беспомощно рухнул на спину, оставляя мне свое оружие.

— Вот так, — подытожил я, поворачивая копье наконечником вниз. — Никакой силы, никакого противоборства, одно лишь владение собственным телом и знание общего устройства человека. Насчет же страха... — Я отбросил копье и протянул оруженосцу руку, помогая подняться. — Когда-то жил некий полководец, который на слова своих помощников о том, что войско врага значительно превосходит его силы, велел принести большую змею и ударом меча отсек ей голову. Затем, подхватив за хвост обезглавленное тело, изрек: «Вы видите, что по отделении головы оставшаяся часть безопасна. Так что всегда борись с головой противника, все остальное лишь следует ее приказам». — Я заботливо отряхнул землю, при-

ставшую к тунике юноши. — А вообще-то раз уж ты свернул с пути друида, тебе стоит научиться пользоваться оружием.

— И головой, — негромко добавил Годвин.

— *А шо, курс молодого бойца,* — зазвучал в голове энергичный голос Лиса. — *В здоровом теле здоровый дух, здоровый телом завалит двух.*

— *Двоих,* — поправил я.

— *Двоих не складно. Ладно, я о другом. Даю тебе раскладку по этому самому принцу Гвиннеду. Около сорока лет, где-то года на четыре-пять моложе Ллевелина. Тот его мог вполне в беззаботные детские годы доводить до истерики пинками и щелбанами. Вполне так себе недурственный боец. Десяток эффектных нокаутов на турнирах, несколько побед над соседями в пограничных войнах. Но в целом — ничего примечательного. На завтрашний бой выбрал копье, секиру и меч.*

— *Ответим ему тем же. Что еще?*

— *Пробовал принимать ставки. Ты идешь три к одному, но народ как-то жлобится ставить. Да, чуть не забыл!* — Лис сделал эффектную паузу, выжидая, когда мое терпение окончательно лопнет. — *Мы тут с коллегами посовещались и решили Ллевелину за примерное, в смысле приблизительное, несение караульной службы на вверенном его попечению стратегическом объекте подарить действующую модель дубликатора в масштабе один к одному. С личными тремя крестиками, по безграмотности символизирующими подпись маршала Буденного.*

— *Лис, а если без всех этих выкрутасов?*

— *Какой-то ты скучный! Ладно, рассказываю. Ты сам видел, что дубликатор исполнен в виде очень симпатичного ящичка. То, что он по здешним понятиям волшебный, мы уже убедились. Но у него есть еще ряд полезных качеств. Первое: электронный замок, настроенный на папиллярные линии пальцев. Так что ларец открывается одним прикосновением, но только того, чьи пальчики внесены в память бортового компьютера. Без этого дубликатор можно бросать в огонь, колотить кувалдой — результат будет нулевым. Второе: прибор может управляться с вынесенного пульта. Так что в радиусе двух километров никакие стены нам не помеха. И третье: при помощи этого же пульта включается радиомаяк, который показывает, где хитрый сундучок сейчас находится.*

— *Ну и что?* — поинтересовался я, не совсем понимая, к чему клонит напарник, расхваливая это чудо иноземной, вернее, иномирной техники.

— *А вот что!* — радостно заявил Лис. — *Мы кладем в дубликатор копии пергаментов Персиваля, Галахада и Борса, а ты переда-*

ешь их герцогу, утверждая, что именно в таком виде тебе вручил их этот сэр Агропром. Или как там его?

— *Аграмар,* — машинально поправил я.

— *Один хрен! Шо он уже тебе при этом наплел, думаю, ты сам сочинишь, у тебя это хорошо получается. Потом ты отзовешь Ллевелина в сторонку, вручишь ему копию фрагмента Лионеля, ну и напоешь что-нибудь на тему «Без тебя мне не прожить и дня, только ты каждую минуту».*

— *Ну, предположим,* — согласился я. — *Что дальше?*

— *А дальше больше!* — обнадежил Рейнар. — *Посуди сам, Ллевелину куда-нибудь понадобится положить такой ценный подарок. Думаю, после того как завтра утром ты раскатаешь ихнего прынца, у Ллеви к тебе будут особо нежные отношения и наверняка он не заподозрит своего бравого защитника в каком-либо подвохе.*

Теперь смотрим: у Ллевелина будет иметься такой себе портативный сейф, причем роскошной работы. Он будет уверен, что никто, кроме него, этот сейф открыть не в силах. При этом в дубликаторе уже будут лежать, так сказать, три ценных вклада. Как ты полагаешь, высок шанс, что он и остальные имеющиеся части пророчества пожелает хранить в том же месте?

— *Я бы сказал пятьдесят на пятьдесят.*

— *Ты пошлый скептик! Пятьдесят один на сорок девять! С такими шансами можно играть. Если Ллевелин положит свои фрагменты пергамента в дубликатор, наша задача будет только в нужное время запустить машинку, а потом скрытно сфеодалить оригиналы, оставив герцогу на память молекулярные подделки. Но это, как ты сам понимаешь, уже дело техники. Ладно, твоя задача — завтра уделать прынца. Ты уж выспись перед боем. А то снова проснешься к двенадцатому раунду. Все! Отбой связи, спокойной ночи.*

Утром главная площадь Эборака была аккуратно вычищена и огорожена со всех сторон для проведения судебного поединка. С самого рассвета герольд Ланселота с парой своих помощников-персевантов объезжал боевые порядки расквартированной в предместьях армии, громогласно вещая о предстоящей схватке сэра Торвальда герцога Инистора и сэра Эгведа принца Гвиннеда, оспаривающих честное имя герцога Ллевелина. Все желающие призывались стать свидетелями разрешения спора, дабы в дальнейшем следовать решению Божьего суда.

Толпа, собравшаяся вокруг ристалища, возбужденно гудела, радуясь предстоящему зрелищу и обсуждая шансы поединщиков. Валлийцы стояли за своего принца, британцы не сомневались в моей победе, галлы и воины Арморики, не встречавшие в большинстве

своем ни меня, ни Эгведа аб Мардока на полях сражений, крутили головами, поддакивая и тем и другим, радостно подливая масла в огонь вспыхивающих то здесь, то там ссор. Наконец трубачи, ждавшие лишь приказа герольда, выдохнули в медь своих звонких горнов сигнал, требующий тишины и внимания. Вслед за этим на ристалище выехали рыцари, оспаривающие истинность своих слов силою оружия и Господнего благоволения.

— Сэр Эгвед аб Мардок принц Гвиннед, — огласил персевант, стоявший у дальнего конца поля, с той стороны, откуда выезжал мой противник. — Его герб: в золотом поле черный атакующий сокол.

— Сэр Торвальд аб Бьерн, — его собрат провозгласил мое имя, едва лишь стих голос первого персеванта. — Сиятельный герцог Инистор. Его герб: в лазоревом поле идущий осматривающийся леопардовый лев.

Мы выехали на поле, поднимая вверх копья, приветствуя друг друга и собравшихся свидетелей поединка.

— Оба рыцаря, — выкрикнул герольд, лишь только его помощники закончили наше представление, — выбрали себе оружие: копье, секиру и меч. — Он повернулся к Ланселоту, гарцевавшему чуть поодаль на рыжем испанском жеребце: — Мой повелитель, позволите начинать?

— Желают ли рыцари уладить дело миром? — выкрикнул король Беноика.

Наши копья склонились, что было ясным ответом на его слова.

— Начинайте! — кивнул Ланселот.

Герольд опустил свой жезл, трубачи огласили округу сигналом атаки, и мы погнали коней друг на друга.

Бой на копьях во времена короля Артура совсем не то же самое, что, скажем, во времена Бертрана дю Геклена. Любимый кинематографистами Европы и Арморики таранный удар, рыцарские копья с граппами и щитками, нагрудные крючки и седла с высокими спинками, в которых рыцарь не сидел, а фактически стоял, во времена Круглого Стола выглядели примерно так же, как автоматическая винтовка в эпоху аркебуз. Бойцы съезжались посреди поля, пытаясь, тыча вперед копьем, мало чем отличающимся от пехотного, привести друг друга в полную негодность.

Так было и на этот раз. Мы съехались, ударили по щитам и закружились в странном танце, норовя всадить острие копья в незащищенную часть тела. Занятие в высшей мере бессмысленное. Противник и желал бы, не смог пробить мою кольчугу, а мне он и вовсе нужен был живым. Минуты три мы кружились по старому колизею, атакуя и подставляя щит под удары противника. Три минуты — почти ничего, если смотреть со стороны, и более чем достаточно, когда по тебе бьет человек, большую часть жизни только этим и занимав-

шийся. Такая схватка, пожалуй, могла затянуться надолго, но я наконец-то дождался нужного мне действия сэра Эгведа.

Слегка опустив верхнюю кромку щита, я расслабил руку, демонстрируя, что от сильных ударов она онемела и почти не слушается, чем в ту же секунду поспешил воспользоваться мой понятливый недруг. Слава богу, он был достаточно опытен, чтобы видеть оплошности соперника, но все же не настолько, чтобы распознавать в них уловки. Копье принца Гвиннеда прошло над верхним краем щита, метя мне в грудь. Я чуть отстранился, пропуская острие подмышкой и прижимая его к корпусу. В тот же миг кромка щита прошла резко вверх, я отклонился в седле назад, и копье Эгведа аб Мардока, кувыркаясь в воздухе, отлетело далеко в сторону.

— О-о-о-о!!! — взревели зрители.

Принц Гвиннед покачнулся в седле, пытаясь вновь обрести равновесие, но таранный удар Мавра заставил коня моего оппонента оступиться, присев на задние ноги, а его самого вылететь из седла.

— А-ой! А-ой! — ликовали свидетели судебного поединка, радуясь столь ловкому маневру. Пожалуй, будь сейчас на месте валлийца я, они ликовали бы не меньше.

Сэр Эгвед резво подскочил на ноги и поднял вверх руку, требуя у оруженосца немедля сменить оружие. Из-за ограждения ристалища вылетела секира, и он ловко поймал ее на лету. Браво, браво! Я не спеша повернул коня и, поглядев через плечо на приготовившегося к моей атаке принца, легкой рысью погнал Мавра в «правый угол», туда, где ждали меня Лис, Годвин и группа поддержки из отряда Ллевелина.

Публика по достоинству оценила этот жест. В сущности, я мог и не дожидаться ни того, чтобы сэр Эгвед поднялся на ноги, ни уж тем более, пока он вновь возьмет оружие. Да и атаковать копьем пехотинца, пусть даже и вооруженного, для опытного бойца дело немудрящее. Но шоу должно продолжаться, как пел когда-то Фредди Меркьюри, мир праху его, а стало быть, я дал полную возможность противнику прийти в себя, сорвав при этом очередную порцию аплодисментов даже среди упрямых валлийцев.

— Ну как? — поинтересовался я, спрыгивая наземь и принимая из рук Годвина секиру.

— Обалденно! — кинул Лис, поправляя на ходу пластины оплечья и чаши налокотников. — Публику завел круто! Ну что, положишь его в третьем раунде?

— Да ну, зачем? — отмахнулся я. — Сейчас все и закончу.

Мы вновь сошлись. Принц Гвиннед стоял, выжидая мою атаку, выставив вперед щит и отведя назад секиру. «Дурное дело, — пробормотал я, откидывая в сторону щит. — Этак еще полчаса рубиться можно!» Противник, подозрительно поглядев на меня из-за личины,

выполненной в виде все того же атакующего сокола, последовал моему примеру. Оставаться со щитом после того, как я дал ему передышку, означало расписаться в собственном невежестве и трусости.

— У-у-ах! — Секира валлийца пронеслась мимо параллельно земле, не достав до меня буквально пары дюймов.

— Попробуй еще раз! — крикнул я, подзадоривая и без того раздосадованного неудачей соперника.

Секира вновь пролетела мимо и едва не вонзилась в ристалище под дружный хохот толпы.

— Эй, принц! — крикнул кто-то. — Может, тебе серп дать?

Из-под кольчужной бармицы послышалось глухое рычание. «Начнем, пожалуй», — вздохнул я. Оружие противника вновь двинулось вперед, норовя раскроить меня от плеча до бедра. Я резко шагнул, прижимая свою ногу к выставленной ноге Эгведа и надавливая на внутреннюю часть колена. В ту же секунду наши секиры столкнулись, и я, подхватив боевой топор противника под топорище, дернул его вверх и назад.

Публика взвыла, радуясь очередному трюку. Секира сэра Эгведа вылетела у него из рук, словно рыбка, выхваченная удилищем, а сам принц, лишенный опоры, но все еще лихорадочно пытающийся поймать ускользающее оружие, вновь растянулся на земле, похоже, так и не поняв, что в конце концов произошло. Впрочем, времени для раздумий у него уже не было. Едва лишь спина валлийца коснулась травы, мое колено опустилось ему на грудь и кинжал милосердия*, сверкнув перед глазами, недвусмысленно дал понять, что третьей перемены оружия не потребуется.

— Слово! — прохрипел сэр Эгвед. — Мое слово! Атбред!**

Я убрал колено с груди принца.

— Я в вашей власти, сэр Торвальд, — недобро глядя на меня из-под вороненой личины, прохрипел поверженный рыцарь.

— Я желаю знать, отчего вчера прилюдно вы поносили славное имя герцога Ллевелина. Я желаю, чтобы вы так же прилюдно принесли свои извинения, поклявшись честью на своем мече, что впредь никогда не станете пятнать хулой имени герцога, а также не поднимете оружие против него и кого-либо из его союзников.

Глаза принца Гвиннеда сошлись в узкие щелки.

— Ллевелин — незаконнорожденный сын моей тетки Эреники. Неведомо от кого прижила она своего щенка...

— Я же сказал, никакой хулы! — Мой кинжал поднялся вверх, демонстрируя серьезность намерений.

---

* Кинжал не входил в число оружия. Оставляли даже пленникам.

** Атбред — выкуп (*валлийск.*).

— Никто не знает, кто его отец, — поправился валлиец. — должно быть, какой-то свинопас. Отец Эрениkи Тарий и верховный король Уэльса Беринgер прокляли ее, как опозорившую род, и изгнали из замка. Поговаривают, им дал убежище Мерлин, и это спасло Эренику с сыном от голодной смерти. Однако спустя два года она все же умерла, не вынеся позора.

— *Лис,* — я активизировал связь, — *а наш-то Ллевелин, выходит, Эгведовских кукол не ломал. Он в это время у старика Мерлина азы коелбрена осваивал.*

— *То-то я смотрю, он шибко умный! Не зря же попы остерегались рыцарей грамоте учить. Вот оно как складывается!*

— Что было дальше?

— Когда минуло девять зим, Мерлин привел его к королю Утеру, и он взял Ллевелина пажом. Когда верховный король умер, Ллевелину уже было четырнадцать, и он стал к тому времени оруженосцем. Невзирая на проклятия, Утер признал за ним права герцога Мальвернии. Он был одним из первых, кто присягнул Артуру, и в благодарность новый король подтвердил эти права.

Но для владетельного дома Уэльса он был, есть и остается позором. Все. Я исполнил твои условия. В обмен на жизнь приношу извинения и более не обнажу меча против Стража Севера. Но снять с него клеймо проклятия не в моей власти. — Он помолчал и добавил: — А даже если бы я мог это сделать, все равно бы не сделал.

Божий суд был завершен. Армия готовилась к походу, и мы вновь отправлялись в путь, спеша оповестить верховного главнокомандующего антимордредовской коалиции о начале совместных боевых действий.

— Нет смысла, — напутствовал нас Ланселот, — всем силам собираться у Кэрфортина. Наверняка лазутчики сообщат Мордреду о нашем объединении. И вряд ли он станет дожидаться в Дэве, пока мы осадим его в стенах всей силой. Скорее всего они решат захватить Камелот. Кто владеет им, владеет короной Британии.

Сегодня я выступлю на Кориниум и попытаюсь перерезать Мордреду дорогу. Ллевелин вполне успеет ударить его в тыл, и мы зажмем изменника меж двух огней. Езжайте скорее, не теряйте времени! Мой друг, сэр Магэран, будет сопровождать вас.

— Сэр Ланселот, — к командующему восточной группировкой войск подбежал один из рыцарей, виденных мной вчера вечером у шатра, — принц Гвиннед покинул лагерь.

— Он увел свой отряд? — нахмурился король Беноика.

— Его отряд еще готовится к уходу. Сам же сэр Эгвед с десятком драбантов умчался на запад.

— К Мордреду, — усмехнулся Ланселот. — Поспешите, друзья мои! Теперь запаса времени и вовсе нет.

Глава 20

Вас обманули. Вам дали гораздо
лучший мех. Это шанхайский барс.

О. Бендер

Обратный путь на этот раз, слава богу, протекал без осложнений. Мы проводили время в содержательных беседах с коллегами, сверяя пути развития наших миров и удивляясь, как по-разному и в то же время как одинаково развивались цивилизации. Менялись имена правителей, названия стран, смещались границы, одни государства уходили в небытие, на их месте появлялись другие, но суть оставалась единой, и человек все так же любил-ненавидел, плел коварные заговоры и проявлял чудеса благородства. И человечество все так же строило свои пирамиды социального устройства, вдохновенно ища при этом способы превратить их в плоскость, для установления мировой гармонии и справедливости.

Август клонился к сентябрю. Время войн неминуемо сменялось временем охоты, поскольку кто бы ни стал королем Британии, он не смог бы накормить пятью хлебами все страждущие утробы острова. Стало быть, приходила пора позаботиться о заготовке на зиму мяса и шкур для теплой одежды. О теплой одежде мы уже начинали вспоминать всерьез, поскольку ночи становились все холоднее, и под утро, ночуя в одном из поселков, мы вовсю клацали зубами, продуваемые до костей ночными сквозняками, отчего-то особенно сырыми и промозглыми на уровне земляного пола.

Лагерь вокруг Кэрфортина немногим отличался от того, каким мы его оставили. Та же будничная суета военной подготовки, те же вышагивающие копейщики, старающиеся повторить маневры имперских манипул, те же лучники, вытанцовывающие свой вечный диковинный танец: выстрелил, шагнул в сторону, освобождая место стоящему сзади с оружием на изготовку, вновь заступил в шеренгу, и так тур за туром, пока не опустеет колчан.

Меж их порядков, опустив копья, то и дело проносились всадники, норовящие поразить копьем воткнутое в землю чучело с вращаю-

щейся перекладиной, на одном конце которой был закреплен изрядно побитый щит, на другом — мешок на веревке, оплетенный кожаными ремешками. Стоило кому-либо из всадников чуть зазеваться, неудачно послать копье вперед при ударе, придержать коня в атакующем натиске, и импровизированный кистень с размаху сшибал неумеху наземь, заставляя его, охая, подниматься на ноги и, потирая ушибленные места, вновь садиться в седло. И так раз за разом.

Завидев нас, стража лагеря протрубила в рог, занимая установленные для обороны наскоро возведенных стен позиции, но, разглядев знакомые эмблемы на баньерах, вновь вернулась к прерванным занятиям. Привратники засуетились, отодвигая засовы, и мы неспешно, с видом гордым и величественным, выехали на территорию кэрфортинского укрепрайона.

Сэр Мерриот уже встречал нас.

— Надеюсь, все прошло удачно? — поинтересовался сенешаль Стража Севера, привычно оглядывая вновь прибывших и автоматически фиксируя отсутствие многих знакомых рыцарей и появление десятка новых, выделенных нам в эскорт Ланселотом. — Вы были в бою?

Я поморщился.

— Скорее это был не бой, а обычная стычка. Мы напоролись на лесную засаду людей феи Морганы. Благодарение богу, все закончилось сравнительно благополучно. Что слышно здесь?

— Пока все без изменений. Герцог ждет вас, — ответил Мерриот, делая знак одному из своих помощников позаботиться о расквартировании прибывшего отряда. — Идемте скорее.

Мы пересекли двор и, войдя в башню, начали подниматься по лестнице.

— Его светлость не в духе, — предупредил меня придворный, останавливаясь у уже знакомой двери. — Погодите, я предупрежу его о вашем приходе.

— Дурные новости?

— Нет, — скривился Мерриот. — Простудился любимый сокол герцога. А мало того, что милорд заядлый охотник, так еще в Уэльсе болезнь и, того хуже, смерть сокола или охотничьего пса перед походом считается весьма дурным предзнаменованием. Ладно, — он махнул рукой, — пойду сообщу ему, что вы вернулись.

Рыцарь скрылся за дверью и вскоре вновь появился, делая мне знак входить.

Ллевелин сидел на том самом высоком кресле, обложенном резными пластинами моржового клыка, на котором он с таким величием отвергал королевские венцы Камбрии и Нортанумбрии, объявляя себя несгибаемым защитником прав Пендрагонов на британс-

кий трон. Исходя из сведений, полученных от поверженного принца Гвиннеда, его вполне можно было понять. Полугерцог, полу невесть кто, сирота с двух лет, получивший права благороднорожденного по своевольному приказу короля Утера и заслуживший славу, богатство и положение близ его сына Артура, конечно же, как нельзя близко принимал оскорбления, чернившие род, которому он был обязан всем. Все было более чем логично, но существовало фальшивое пророчество, а стало быть, вся простота и логичность подобного объяснения сводились на «нет».

Ллевелин сидел на своем троне, угрюмо глядя исподлобья на всех и вся, находившихся в зале. На левой руке его была надета толстая кожаная перчатка, используемая обычно сокольничими. На ней, нахохлившись и странно булькая при дыхании, сидела хищная птица в колпачке и с бубенчиками на лапе. «Линялый исландский сокол, — вглядевшись, определил я. — Стоит примерно столько, сколько в наши времена небольшой спортивный самолет». Герцог поглаживал любимца пальцами по груди и тот о чем-то жалобно вещал ему, щелкая крючковатым клювом.

— Вот, Торвальд, сокол заболел, — наконец произнес Ллевелин после долгого молчания, словно лишь теперь заметил мое присутствие.

— Милорд, — поклонился я, — есть прекрасное средство.

— Какое же? — Герцог внимательно посмотрел на меня, точно ожидая, что я одним лишь словом излечу пернатую тварь от хвори.

— Следует взять горячего вина и, смешав с толченым перцем, влить смесь в глотку соколу. Затем держать птицу до той поры, пока она сию смесь не проглотит.

— Перец, — усмехнулся Ллевелин. — Невзирая на то что сия пряность, приходящая к нам из счастливой Аравии, стоит дороже золота, я испробовал этот рецепт. И, как видишь, не помогает.

— Тогда, быть может, попробовать по-другому? Воду с содой для стирки след смешать с золой виноградной лозы и так же влить в глотку соколу. Когда же он проглотит смесь, надо предложить ему съесть ящерицу, и излечится он.

— Разве ящерицу, а не ужа? — удивленно вскинул брови Страж Севера. — Странно, я слышал, что есть надо ужа. Что ж, попробуем с ящерицей. Хотя, — он тяжело вздохнул, — с ужом не помогло.

— Ну, если так, — я набрал в грудь воздуха и нахмурился, будто старательно что-то обдумываю.— Есть еще один способ. И хотя сам я лично не опробовал его, человек, от которого я о нем слышал, божился, что таким образом можно вернуть птицу едва ли не из бездны Тартара.

— Я слушаю тебя, Торвальд.

— Необходимо взять четыре куска сала, обмазанного медом и посыпанного металлическими опилками, и вложить их в глотку со-

колу. Поступать так следует три дня, исключая любую другую пищу. На четвертый же день дайте ему проглотить небольшого цыпленка, предварительно напоив оного большим количеством вина. После этого необходимо растереть птице грудь горячим молоком, расположившись поближе к огню, а потом кормить до полного выздоровления воробьями и другой мелкой пичугой.

—Ну, Капитан, ты крут! — раздался на канале связи восхищенный голос Лиса.

Общаясь с Ллевелином, Ланселотом и иными подобными фигурантами по нашему делу, я имел обыкновение держать связь активизированной, чтобы мой напарник был в курсе происходящего. А с недавних пор и не только он. Лис, почитавший процесс расквартирования не менее священным, чем правоверные адепты Пророка намаз, явно оглушенный моими познаниями, спешил излить на мою голову бочку своего восторга, естественно, не забывая оставить в ней немалую ложку если не дегтя, то уж точно перца.

— Обалдеть не встать! Просто какой-то кладезь знаний среди бушующего океана невежества! Ежели в тебя ткнуть остро отточенной лопатой, в мир забрызжет, я бы даже сказал, зафонтанирует неиссякаемый поток полезных советов. Я уже ясно вижу эту картину! Толпы страждущих подставят свои пустые котелки... Кстати, отец родной, скажи, пожалуйста, шо с нами произойдет, ежели вдруг герцогская птичка издохнет, обожравшись металлической стружки, пусть даже с салом в шоколаде?

— Да не должна бы, — с сомнением в голосе воспротивился я. *— Вороны вон гайки глотают. Страусы, те и подавно, гвозди, ножницы и прочий железный хлам. Они без этого пищу переваривать не могут.* — Я задумался, напрягая свои скудные познания в орнитологии. *— Нет, не должно бы. Ну а если вдруг что, все вопросы к Мишелу Пастуро. Все рецепты взяты из его книги «Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого Стола».*

— Ну что ж, — хмыкнул Рейнар, *— надеюсь, в случае чего, ты успеешь прошептать это заветное имя перед тем, как Ллевелин отдаст команду отрубить нам головы.*

— Очень интересный способ. Возможно, действительно поможет. Ладно, — он передал сокола поджидающему наготове сэру Мерриоту, — отнеси птицу, да вели сокольничим исполнить все, что ты здесь слышал.

— Передам все от слова до слова. — Рыцарь склонил голову и принял перчатку с птицей.

— Каковы успехи посольства, дружище Торвальд? — Герцог вперил в меня тяжелый немигающий взгляд, напряженно следящий, чтобы собеседник, не дай бог, не покривил душой даже в самой малости.

— Ланселот шлет тебе поклон и привет, почтеннейший Ллевелин. Он отверг посулы и уговоры феи Морганы и принял твое предложение выступить разом.

— Прекрасно. — Губы Стража Севера сложились в жесткой улыбке. Наверняка пред его внутренним взором сейчас стояла картина захлопнувшегося капкана, в котором бьется ненавистный Мордред вместе со своей дорогой мамашей.

— Особенную же рьяность в заключении с тобой военного союза показал славный сэр Борс, могучий король редонов. Во многом именно его речи склонили Ланселота и его военачальников идти вместе с тобой на Мордреда.

— Памятуя о том, каким громовым голосом он произносит сии речи, я нимало тому не удивлен, — усмехнулся герцог. — Но при случае следует изъявить ему свою благодарность. Подумай, дорогой Торвальд, как бы мы смогли это сделать, чтобы, не дай бог, не задеть его гордость.

— Обязательно подумаю, — пообещал я. — Позволите мне продолжать?

— Конечно, друг мой, конечно! Ты приносишь мне такие прекрасные новости и спрашиваешь, можно ли продолжать? Я прошу тебя, Торвальд, если есть еще столь же радостные известия, расскажи мне об этом без промедления! Я весь обратился в слух.

— Когда мы прибыли в Эборак, — начал свое повествование я, — то застали Ланселота в глубокой печали. Он собирался сложить с себя бремя вождя и уединиться в родных землях.

— Что же так огорчило моего друга Ланселота? — встревожился собеседник. — Надеюсь, он не болен?

— Телесно он здоров, как и прежде. Но в сердце его кровоточит рана.

— *Сердечный геморрой,* — тут же поспешил вставить Лис. — *Гвиневера сбежала в чужие края, меня поменяла на монастыря. То есть на монастырь, конечно.*

— *Сережа, заткнись! Не слышишь, что ли, здесь большая политика,* — оборвал его я.

— *Ой-ой-ой! Можно подумать, можно подумать! А шо, просто сказать, шо у Ланси депрессняк, нельзя было?*

Я продолжил, не обращая внимания на выпады напарника. Спорить с ним было бесполезно, последнее слово все равно должно было быть его.

— Королева Гвиневера, спасенная из рук Мордреда верными людьми...

— Так. Значит, она нашлась, — быстро перебил меня Ллевелин. — Где же она была все это время? — Он замолк так же внезап-

но, как и заговорил, словно прервав сам себя. Молчаливая пауза длилась около минуты. — Извини, Торвальд, — наконец кивнул он, — продолжай дальше.

— Гвиневера изъявила желание уйти в монастырь, страдая от вины, как истинной, так и ложной. А потому нам с великим трудом удалось убедить сэра Ланселота следовать вместе с вами. Он не стал сворачивать свое знамя, но объявил, что в этой войне будет сражаться лишь для того, чтобы наказать за злую измену Мордреда и Моргану, а стало быть, готов признать вас верховным главнокомандующим.

— Вот и прекрасно! — вновь победно улыбнулся Ллевелин. — Воистину, вы не менее ловки в переговорах, чем на поле битвы. Когда же он будет здесь?

— Милорд, — я тяжело вздохнул, — он выступил в Кориниум полтора дня тому назад.

— Так-к! — угрожающе произнес Ллевелин, сжимая кулаки. — Так-к! — вновь повторил он, с трудом разжимая челюсти. — А зачем он это сделал, хотел бы я знать?

— Ланселот полагает, что Мордред, узнав о нашем союзе, не станет дожидаться в Дэве, а начнет отступление к Камелоту. Король Беноика спешил, дабы занять Кориниум до прихода Мордреда, ожидая, что вы, в свою очередь, ударите по врагу с тыла.

— Он решил! — Ллевелин воздел руки вверх. — Нет, вы слышали! Только что Ланселот признает меня командующим объединенной армией и тут же идет куда-то к черту на рога, даже не поинтересовавшись, а что по этому поводу думаю я. Я посылаю отряд в Веркониум, чтобы перекрыть дорогу Мордреду через Корновию, а доблестный Ланселот собирается удерживать Кориниум, в двух днях перехода за их спинами. Ах, как мудро! Что же теперь мой добрый подчиненный прикажет делать мне? — Пудовые кулаки Ллевелина опустились на резные подлокотники, заставляя их жалобно заскрипеть. — Я должен идти, как и предполагал, со всем войском в Веркониум, чтобы окружить под его стенами Мордреда? Или же оставить на произвол судьбы гарнизон, без нашей помощи способный продержаться не более трех дней, для того чтобы поспешить на соединение со славнейшим из славных, сэром Ланселотом Озерным?

В первом случае мы перебьем друг друга, а отважный Ланселот придет, чтобы пожать победные лавры. Во втором, если нам удастся разгромить Мордреда, на мне будет кровь отправленного на верную гибель отряда. Ланселот же вновь будет выглядеть победоносным цезарем в белом одеянии и золотом венке победителя. Х-хорош союзничек! — сквозь зубы процедил герцог. — Ну нет, я не доставлю ему такого удовольствия! Ступай, Торвальд. — Ллевелин быстро глянул на меня, словно вспоминая, что я все еще нахожусь в зале. —

Прости за вспышку, к тебе она не относится. Ты поработал на славу. Просто Ланселот пытается нас обхитрить. Что ж, посмотрим, как это ему удастся! Ступай, Торвальд. И пришли ко мне сэра Мерриота. Тебе и твоим людям следует отдохнуть с дороги, а завтра мы продолжим нашу беседу.

Утро все явственнее вступало в свои права, однако подниматься упорно не хотелось. После дней, проведенных в седле, и ночевок на сырой земле возможность поваляться пусть даже не на перине, набитой лебяжьим пухом, а на соломенном тюфяке, была счастьем и великой удачей.

Я откровенно бездельничал и, заложив руки за голову, обдумывал сложившуюся ситуацию. Итак, в ходе всех наших странствий, интриг, стычек на больших дорогах и доблестных сражений мы, то есть, конечно, я с Лисом и Магэраном с Сабрейном, имели на руках изрядную часть заветного мерлинского пророчества. Целых семь кусков. Еще два, очевидно, находились у Ллевелина, и у нас была реальная надежда их заполучить. Кроме того, по одному хранилось у Ланселота и, вероятно, у Мордреда. Итого одиннадцать. Двенадцатый фрагмент рукописи, принадлежавший Лукану, а вслед за ним Бэдиверу, исчез безвозвратно.

Оставалось надеяться лишь на то, что великий Мерлин в своей неизменной мудрости позаботился о том, чтобы все его пророчество благополучно добралось до Камелота, и в час Х было сложено на Круглом Столе под восторженные крики собравшихся. В противном случае приходилось мириться с тем, что прихотью какой-нибудь безмозглой сороки вся борьба сильных мира сего, все усилия двух оперативных групп будут превращены в ничто. Такой себе нехитрый фокус.

Но, как бы то ни было, идти следовало до последнего. И если в Камелоте пророчество не будет сложено, хотя, какое же это тогда к черту волшебное пророчество, нам следовало вернуться к месту, откуда исчез недостающий клочок пергамента, и планомерно проверить все гнезда в округе, все хижины углежогов, всех свинопасов, а если придется, то и всех фейри, обитающих в древесных стволах и под болотными корягами. Перспектива, как ни крути, малоприятная и, прямо скажем, с весьма гадательным результатом.

Размышления были прерваны самым неожиданным образом. Из залы, примыкавшей к моим покоям, послышался стук палок, звонкий смех и шум прыжков. Я прислушался.

— ...Запомни, я наношу удар по ногам, ты подпрыгиваешь и пропускаешь оружие под собой. Затем я перевожу удар вверх, словно собираясь снести тебе голову. Ты уходишь от него вниз. Все очень просто. Главное, не зевай и сохраняй устойчивость, иначе собьешься.

Голос, произносивший эти слова, был мне странно знаком. Я стал слушать дальше, но слова смолкли, и вместо них в воздухе засвистела палка.

«Проклятие! — Я встал и начал одеваться. — Оруженосцы, что ли, резвятся?»

— Прекрасно! — раздалось за дверью. — У тебя все получается!

Я вновь прислушался. «Господи, да это же Кархейн! Интересно, кого это он там школит? И что его вообще сюда занесло?» Я толкнул дверь. Зала была пуста, если не считать двух юнцов с палками, застывших при моем появлении. Одним из них был Годвин, смущенно опустивший глаза при виде своего рыцаря, вторым же, я не ошибся, был сэр Кархейн. Алая гербовая котта с золотой виверной, сжимающей в лапах крест, подчеркивала наконец-то обретенное им рыцарское звание. Правда, крест почему-то был кельтский, что придавало эмблеме весьма двусмысленное звучание.

— Ой! — негромко произнес он, увидев меня.

— Ну и что все это значит? — Я сурово нахмурился.

Понятное дело, учить оруженосца уму-разуму имеет право только его собственный рыцарь. Обучение же чужого армигера считалось недопустимой бестактностью в рыцарском сословии. Впрочем, доблестный сэр Кархейн, едва-едва лишь прошедший формальный обряд посвящения в рыцари, вряд ли уже полностью ассоциировал себя с этим гордым званием и потому при первом же случае охотно принимал участие в воинских забавах своих прежних собратьев.

— Простите меня, сэр Торвальд, я... не хотел вас обидеть. Я прослышал, что вы в замке, и поспешил приветствовать вас, — грустно вздохнул Кархейн. — Ну и вот...

Я невольно усмехнулся, увидев сокрушенное смущение молодого рыцаря. Конечно, подобный проступок вполне мог быть причиной вызова на поединок, поскольку фактически ставил под сомнение искусство рыцаря — наставника оруженосца. Но видит бог, в действиях Кархейна не было злого умысла, одно лишь шалопайство.

— Ладно, — произнес я, смягчаясь, — так и быть, прощаю. Годвин, — прикрикнул я на парнишку, по-прежнему понуро стоящего в стороне и вычерчивающего палкой какие-то знаки на полу, — ступай, вычисти кольчугу. Да смотри, увижу хоть одно ржавое пятнышко, прибью!

Это была пустая угроза. Сплав, из которого было изготовлено мое защитное снаряжение, не ржавел ни в пресной, ни в соленой воде, не поддавался износу, да и вообще доспех представлял собой конструкцию куда более хитрую, чем это казалось на первый взгляд. Вздохнув, Годвин отправился выполнять приказ, я же, оставшись наедине с боевым товарищем, подошел и обнял его за плечи.

— Рад тебя видеть! Какими судьбами ты в Кэрфортине?

— Герцог был настолько добр, что призвал меня к себе, отправив в бастиду некоего пожилого рыцаря-нортанумбрийца. Я теперь командую отрядом валлийских лучников. — Кархейн гордо расправил плечи, явно довольный новым назначением.

— Ну да, — кивнул я, думая о своем, — ты же у нас тоже валлиец. Кстати, — я указал на виверну, — святой Каранток больше не появлялся?

— Нет, — покачал головой молодой рыцарь. — Мне о нем ничего не ведомо.

— Недавно его видели в Эбораке, — кинул я. — Да, вот еще хочу у тебя спросить, — я замолчал, обдумывая слова, — только пусть это останется между нами.

— Да, конечно, — быстро согласился Кархейн, надеясь, быть может, этим загладить свою недавнюю бестактность.

— Там в Эбораке у меня вышел один неприятный случай. Некий Эгвед, принц Гвиннед, осмелился назвать герцога Ллевелина отродьем никсов. Понятное дело, я не мог стерпеть такого оскорбления и вызвал невежду на бой. После победы я потребовал не поднимать более оружие ни против Стража Севера, ни против его союзников. Однако этот негодяй продолжает настаивать, что герцог если уж не отродье никсов, то, во всяком случае, прижит от какого-то серва. И он, и его мать с проклятием изгнаны из отчего дома. Я не поверил ни одному слову нечестивца и дал себе клятву достойно посчитаться с ним при встрече, ежели окажется, что он пытается очернить имя Ллевелина низкой клеветой. Но, сам понимаешь, не могу же я спрашивать о таких-то вещах у первого встречного валлийца! Быть может, ты слышал что-нибудь?

Сэр Кархейн оглянулся, словно выискивая, не притаился ли кто под скамьями, стоящими по периметру у стен зала.

— Сэр Торвальд, — понизив голос, промолвил он, лишний раз убедившись, что мы одни, — это большая тайна. Сэр Багер поведал мне о ней. Когда он еще сам был оруженосцем у некоего знатного валлийского рыцаря, тот, в свою очередь, рассказывал ему, что бедная принцесса Эреника действительно родила нашего славного герцога, не имея мужа. Но незадолго перед тем в замке короля Тария гостил Утер Пендрагон со своими рыцарями. Вероятно, кто-то из них и вкусил любви юной девы. Наверняка об этом никто ничего не знает. Известно лишь, что когда Ллевелин прибыл ко двору короля Утера и тот взял его пажом, он объявил во всеуслышание, что законным отцом сироты является знатный рыцарь сэр Мадуар Закатный, незадолго до того сложивший голову в бою с саксами. Может быть, конечно, это и так, однако, — Кархэйн заговорил еще тише, — сэр

Багер утверждал, что сэра Мадуара не было среди рыцарей короля Утера, когда тот гостил в замке Тария.

Я хотел было подробнее расспросить молодого рыцаря об интригующих воспоминаниях сэра Багера Разумного, но тут в залу вбежал один из оруженосцев с золотым драконом Ллевелина на плече.

— Сэр Торвальд, — мальчишка поклонился, демонстрируя почтительность, подобающую при встрече с рыцарями Круглого Стола, — милорд герцог просил вас пожаловать к нему без промедления.

— Хорошо, иду. — Я сделал знак оруженосцу удалиться и, поблагодарив Кархейна, отправился в покои, где ждал момента драгоценный подарок его светлости — роскошный дубликатор, заряженный под завязку и полностью подготовленный к проведению разработанной операции.

— *Лис,* — вызвал я напарника, — *ты все слышал?*

— *А как же!* — заверил Рейнар. — *Особенно мне понравилась хохма про Мойдодыра Заветного. И ты знаешь, шо мне сдается?*

— *Думаю, да. Поневоле закрадывается вопрос: а не является ли отцом нашего славного Ллевелина сам Утер?*

— *Ты, ба! Буквально зришь в корень! Хотя, между нами, на старика Утера Ллевелин мало похож.*

— *Это верно.* — Я задумался, пытаясь вспомнить, кого же напоминает мне лицо Стража Севера. Вроде бы никого конкретно, но... Высокий лоб, прямой уверенный взгляд, ровный, тонко очерченный нос, такие лица сотнями глядели с римских статуй полководцев и императоров. — *На Утера он не похож. Но если мы не ошибаемся, то, вероятнее всего, портретное сходство есть.*

— *И с кем, если не секрет?*

— *С первым императором Британии Аврелием Амброзием.*

— *То-то я смотрю, морда патрицианская! Слушай, Капитан, но если он тоже Пендрагонус, тогда выходит, что формально прав на британский престол у незаконного сына Утера ничуть не меньше, чем у столь же незаконного сына Артура. Тогда становится понятна вся эта суета с фальшаком.*

— *Если только, конечно, он действительно сын Утера. Потому как римские черты лица здесь можно получить по наследству с легкостью необычайной. Не забывай, к моменту рождения Ллевелина и ста лет не прошло, как легионы покинули Британию. А гены, сам знаешь, до седьмого колена могут сказаться. Так что Пендрагон он или нет, это еще бабушка надвое сказала. Но, во всяком случае, мы знаем, что именно нам следует искать. Ладно,* — я подхватил заветный ларец, — *не будем заставлять потомка цезарей ждать.*

«Потомок цезарей» не особо страдал, терзаясь минутами разлуки. Когда я вошел в его апартаменты, Ллевелин весьма энергично

раздавал указания военачальникам, спешащим подтвердить услышанные распоряжения и немедля бежать выполнять их.

Увидев меня, он кивнул, давая понять, что я замечен, но даже и не подумал хоть на миг прервать свое занятие. Ждать пришлось довольно долго. Командиры рыцарских отрядов, капитаны лучников, ветераны, помнившие еще вероятного папашу Стража Севера, ныне отвечавшие за обоз, герольды в разноцветных табардах появлялись, уходили, возвращаясь вновь, ожидая новых распоряжений. Каждому из них без промедления ставилась четкая и ясная задача, направленная к единой, видимой лишь взору Ллевелина, цели. Как некий кукловод, держал он крепкой рукой нити управления армией, да и отнюдь не только ею. Я готов был поклясться, что процесс управления доставляет герцогу бездну удовольствия.

— Подойди поближе, Торвальд, — позвал он в ту краткую паузу, когда одни подчиненные его светлости были приставлены к делу, а иные еще не пришли. — Еще раз прости за вчерашнюю вспышку. Мне тут доложили, будто ты сражался на судебном поединке в лагере Ланселота? — Он пытливо поглядел на меня, очевидно ожидая, что я не замедлю огласить причину боя.

— Верно, милорд, — склонил голову я. — И победа осталась за мной.

В зале воцарилась тишина. Мы оба держали паузу. Но правота хода была на моей стороне. Я ответил на вопрос герцога и смиренно ждал следующего.

— И что же послужило причиной боя?

— Оскорбление, нанесенное в присутствии многих свидетелей. Оскорбление, с которым я не мог, да и не имел права мириться.

— Вот как, — улыбнулся Ллевелин, по достоинству оценивая мою «скромность». — А мне рассказали, ты дрался из-за меня.

— *О-о-о!* — взвыл на канале связи Лис. — *О, эти черные глаза меня пленили, седые пряди не дают уснуть! Я бился из-за тебя, ибо сердце мое клокочет, как чайник, забытый на плите нерадивой хозяйкой. И если пар сейчас пойдет из моего носика, то лишь за тем, чтобы моя великая любовь не снесла крышку у черепной коробки.*

— *Лис, ты бы это все лучше рассказал сэру Томасу Мэлори. А я уж как-нибудь сам справлюсь.*

— *Ну, как знаешь, как знаешь! Но вот не хватает в твоей речи образного пафоса. Тебя спрашивают, сколько будет дважды два, ты брякаешь в ответ — че-е-тыре! Или: благодаря вашим стараниям четыре, с этого дня. Или...*

— *Сережа, ты можешь помолчать?* — взмолился я.

— *Только для тебя, о повелитель! Но очень недолго.*

— Я сражался с сэром Эгведом, принцем Гвиннеда, поскольку тот имел низость усомниться в знатности вашего происхождения, — прямо глядя в глаза Ллевелину, отрапортовал я. — Любой иной честный рыцарь на моем месте поступил бы так же.

— *Гмх!* — Лис, очевидно, принужденный моей просьбой к молчанию, мученически застонал, чтобы не отпустить очередную колкость.

— Так, еще один мой чертов родственник, — нахмурился герцог. — Что же он рассказал тебе?

— Прошу прощения, милорд, я был бы благодарен вам за милость не повторять гнусные слова пустоголового гордеца.

— Ерунда! — отрезал герцог. — Я и сам могу повторить его слова! Кто я на этот раз — сын свинопаса, или они придумали что-нибудь похлеще? — Лицо его вновь обрело ту яростную жесткость, которую я наблюдал вчера вечером. — Завистливые свиньи, подрывающие корни дуба, от которого кормятся испокон веку! Будь я сыном свинопаса, я бы уже давно был их королем! Однако мой род знатнее и славнее всего того, что они могут себе представить! Но я благодарен тебе за то, что ты преподнес им урок, может быть, это отучит их сквернословить за моей спиной. Да бог с ними, — он хлопнул ладонью по подлокотнику, — я не для того тебя звал. Помнится, ты говорил, что знаешь, где ныне обитает преосвященный Эмерик, архиепископ Кентерберийский?

— Верно, — подтвердил я. — Там ныне живет и сэр Бэдивер Бесстрашный, мой двоюродный брат. Он собирается принять сан...

— Вот и отлично, — кивнул Ллевелин, немало не интересуясь судьбой моих родственников. — У меня к тебе есть просьба, и, поверь, это действительно просьба, а не повеление.

Скоро армия выступает к Камелоту. Как ты знаешь, там будет избран новый верховный король. Однако коронация не может состояться без примаса Британии. Поэтому я прошу: завтра, чуть свет, отправляйся в лесную обитель и постарайся убедить Эмерика присоединиться к истинным защитникам дела Артура. Можешь обещать ему полную безопасность и всемерную поддержку с моей стороны. Впрочем, я сам ему об этом напишу. Только постарайся быстрее вернуться.

— Армия выступает к Кориниуму? — поспешил спросить я, прикидывая, что дорога в Камелот идет именно через этот город.

— Выступает, — подтвердил Страж Севера. — Однако сначала я дождусь, когда вернется гарнизон из Вероконии.

— Но ведь тогда Мордред дойдет до Кориниума раньше нас.

— Или дойдет, или нет. Во всяком случае, я не намерен терять людей из-за того, что сэру Ланселоту вздумалось вести войну на свой

лад. Пустое, оставим это. Конечно же, я постараюсь не допустить, чтобы Ланселот погиб у Кориниума, не дождавшись подмоги. Пусть тебя это не тревожит, Торвальд, — махнул рукой Ллевелин. — Расскажи мне лучше о другом. Ты был при последних минутах сэра Аграмара?

Странный вопрос. Вне всякого сомнения, поручив сэру Аграмару раздобыть заветные пергаменты, хранившиеся у Борса, и не увидев среди вернувшихся доверенного человека, Ллевелин немедленно призвал к себе его оруженосца. А тот уж во всех подробностях поведал ему о схватке на лесной поляне и ее последствиях.

— Я с этим шел к вам, милорд, — дубликатор перекочевал из-под моего плаща в руки герцога. — Умирая, сэр Аграмар велел передать вам три части предсказания Мерлина. Они здесь, в этом ларце.

Страж Севера внимательно осмотрел доставшееся ему сокровище и попробовал поднять крышку. Стоит ли говорить, что это была пустая затея.

— Не трудитесь, милорд, — улыбнулся я. — Пока эта шкатулка принадлежит мне, у вас ничего не выйдет. Уверяют, что она волшебная и раньше принадлежала королю эльфов Оберону. Никто, кроме хозяина, не сможет открыть ее, как и ничто не может ей повредить. Я привез вам ее в дар, но вам придется заплатить мне золотую монету, чтобы стать полновластным хозяином ларца.

— Молодец, Капитан! Чувствуются мои уроки. С паршивой овцы хоть волки сыты. Но за дубликатор-то можно было бы слупить и побольше. Учить тебя еще, да учить! — прервал обет молчания Лис.

Золотая монета легла мне на ладонь, и до крайности заинтересованный герцог попробовал вновь открыть сокровищницу.

— Пусть положит пальцы на крышку, там, где обычно ставят кольцо.

Я тут же транслировал распоряжение, переданное мне коллегами через Лиса.

— О! То, шо доктор прописал. Сабрейн, включай считывание.

— И долго так держать? — поинтересовался герцог.

— Готово! Все, можешь сказать ему, чтоб радовался.

— Попытайтесь еще раз, — предложил я.

Крышка открылась без малейшего сопротивления.

— Да, это они! — пробормотал Ллевелин, разглядывая дубликаты пергаментов сэра Борса.

— А это, — я протянул ему четвертый дубликат, — было в руке у сэра Лионеля, убитого людьми феи Морганы. Полагаю, вы лучше меня знаете, как им распорядиться.

Глава 21

Лучше делать и раскаиваться, чем не делать и все равно раскаиваться.

Джованни Бокаччо

Я поклонился и вышел, оставив герцога вволю любоваться новой игрушкой. Конечно, Ллевелин был незаурядным полководцем и одним из виднейших государственных деятелей своего времени, но я был готов держать пари, что сейчас в нем проснулся обыкновенный мальчишка. И, забыв о Мордреде, Ланселоте, короне Британии и обороне Адрианова вала, он терзает своих приближенных предложением открыть подаренную шкатулку или же расколоть ее ударом боевого топора. Пожалуй, будь на его месте Лис, тот бы непременно превратил это занятие в аттракцион и нажил бы на желающих испытать свою силу немалое состояние. Но герцога подобные вопросы не занимали, и он просто по-детски радовался диковинному подарку.

Несомненно, у коллег был резон предполагать, что, обретя такую замечательную вещь, Ллевелин не преминет воспользоваться ею по прямому назначению, вложив волшебные пергаменты Мерлина в «волшебную шкатулку Оберона». Верны ли наши расчеты или нет, предстояло выяснить ночью. Пока же солнце еще не достигло зенита, и впереди был долгий августовский день.

Я возвращался в апартаменты, где ожидали меня соратники по тайной войне. Шел, обдумывая услышанное сегодня и вспоминая вечерний прием. Все, о чем мы беседовали, пожалуй, не выбивалось из общего ряда политических интриг и военных предуготовлений. Наверное, кроме одного. Кроме той реакции, которую вызвало у герцога сообщение о спасении молодой королевы Гвиневеры и о ее желании уйти в монастырь.

Вряд ли юная красавица с мягкой, чуть застенчивой улыбкой и удивленно-задумчивыми голубыми глазами интересовала Стража Севера сама по себе. Насколько я мог видеть, герцог не питал особой любви к прекрасному полу, рассматривая очаровательниц, воспетых галантными трубадурами, лишь с точки зрения их политического веса. С этой точки зрения Гвиневера была фигурой сыгранной.

Утратив благосклонность короля еще при жизни Артура, открыто признав связь с Ланселотом и теперь не пожелав воспользоваться ее плодами, — в глазах Ллевелина она должна была бы утратить всякую привлекательность. Однако не утрачивала. Вопрос «почему» оставался

открытым. Возможно, конечно, он надеялся использовать живую супругу короля Британии как дополнительный козырь в игре против Мордреда. Архиепископ Эмерик, сто восьмым псалмом Давида изгнавший из богобоязненной паствы паршивую овцу Мордреда; сам Ллевелин, возможно, являвшийся вполне натуральным Пендрагоном; леди Гвиневера, способная обвинить Мордреда в преступном посягательстве на святость брачных уз; я, «джокер», могущий подтвердить под присягой камланнскую подмену; и конечно же десятки лендлордов, готовых военной силой поддержать притязания на престол Стража Севера — против такого покера трудно было что-то противопоставить.

Так что даже если, паче чаяния, пророчество и будет собрано, даже если в результате его прочтения Мордред, а наверняка именно его Ллевелин видел основным своим соперником, претендовал на королевский трон, вряд ли он занимал бы его дольше, чем пал последний из его защитников. Когда бы таковые оказались.

Если мои предположения действительно были верны, значит, можно было не сомневаться, что очередным ходом престолоблюстителя Камбрии и Нортанумбрии должно было быть изъятие несчастной королевы из монастырской тиши и препровождение ее поближе к Камелоту. Наверняка мнение Гвиневеры на этот счет ни в малейшей степени во внимание не принималось. А зная повадки рыцаря золотого дракона, вполне можно было предполагать, что придуманная им для этого случая каверза наверняка угрожала если не ей — красавица нужна была Ллевелину живой, — то уж, во всяком случае, обители кающихся грешниц.

Я спешил поделиться своими предположениями с Магэраном и Сабрейном, тем самым оставив верным друзьям королевы и впредь заботиться о ее благополучии.

— Господи, — выслушав меня, печально проговорил сэр Магэран, — что, опять?! В конце концов подкладывание соломки в местах ее падения не входит в наши прямые обязанности. — Он посмотрел на Сабрейна, ища поддержки.

Похоже, его напарник тоже не был в восторге от перспективы вновь спасать вдову Артура. Впрочем, вдову ли? Как ни крути, Артур числился без вести пропавшим, а стало быть, формально Гвиневера продолжала оставаться супругой при живом короле.

— Послушай, — со вздохом начал Сабрейн, обращаясь не то ко мне, не то к высшим силам, — через считанные дни мы должны быть в Камелоте. А эта красавица, то есть я, конечно, ничего не хочу сказать, она и впрямь пленительно хороша, но у нее же семь пятниц на неделе! И все почему-то в понедельник.

— Который, как известно, начинается в субботу, — вставил молчавший до того Лис.

— Верно, — не задумываясь, кивнул Сабрейн. — То есть жизни она не знает напрочь, и каждый раз, столкнувшись с ней лицом к лицу, удивляется непередаваемо. По-моему, она до сих пор считает, что отсутствие перин в лесной чащобе это все наши коварные происки. Дурной звезды дитя! А одна история с яблоком чего стоит?

— Какая такая история? — переполошился Лис, чувствуя, что пропустил нечто важное. — Она откусила яблоко и заснула? А потом пришел Артурыч и ка-ак лобзанет ее с размаху! Она глазками блым, а над нею морда ред, а в душе полный блу. Ну, она похлопала-похлопала очами и решила податься в монастырь. — Лис, довольный своей историей, оглядел собравшихся. Все недоуменно молчали. — А... ну... Это было в другой раз. А может, даже и не с ней, — поспешил откреститься от своих слов мой друг. — Так что там за плодово-ягодная история?

— Да история-то известная, — поморщился сэр Магэран. — Когда Мордред запустил слух, что у Ланселота с Гвиневерой большая любовь, та не нашла ничего лучшего, чем собрать всех, имевшихся в Камелоте рыцарей Круглого Стола, устроить им небольшой банкет и объявить, что она верна его величеству буквально до гробовой доски. Тут-то Мордред в вазу с фруктами отравленное яблоко и подложил. Потом поговаривали, что он Гавейна хотел отравить. Сами знаете, Гавейн был большой охотник до яблок, но я думаю, Мордред предоставил выбор жертвы случаю. Конечно, лишить оркнейскую партию главы и самому на нее опереться — идея неплохая, но могу вас уверить, все случилось не так.

Если бы Мордред этого желал, они бы с Морганой придумали что-нибудь похитрее. На беду, яблочко попалось сэру Пинелю, одному из ближайших соратников самого Мордреда, что позволило ему с пеной у рта заявлять, что королева — отравительница, а убить она желала никого иного, как его самого. Что было дальше, вы, конечно, ведаете...

Не знаю, как Лис, но я-то об этом знал точно. Мне было положено, так сказать, по семейным обстоятельствам. Дело в том, что Артур, вынужденный под напором сторонников Мордреда заключить несчастную королеву до суда в башню, приставил охранять ее моих кузенов Гарета и Гахериса. Подозреваю, что именно Мордред сообщил отсутствующему в то время при королевском дворе Ланселоту о творящемся в Камелоте непотребстве.

Неистовство овладело первым рыцарем Европы, очертя голову помчался он освобождать любимую. Ни Гарет, бывший близким другом короля Беноика, ни его брат Гахерис не притронулись к оружию, когда перед ними появился впавший в буйство Озерный рыцарь. Да и мог бы Гарет, посвященный некогда в рыцари самим Ланселотом, поднять меч на своего воспреемника? Они увещевали его,

пытаясь объяснить, что вовсе не желают зла Гвиневере, а лишь охраняют ее от козней Мордреда. Но он не стал их слушать, и кровь их лежала теперь на Ланселоте.

С той поры для всех оркнейских рыцарей гербовый щит Ланселота, три червленые правые перевязи в серебряном поле считались напоминанием о безвинно пролитой крови принцев и ранах Гавейна, полученных им в Арморике. Мне было за что требовать с Ланселота вергольд*, но судьба Британии сейчас была важнее судьбы моих несчастных родственников.

— После того как Ланселот увез королеву, драка завязалась нешуточная, — продолжил Магэраном. — Причем такое впечатление, что о самой виновнице всех этих событий даже позабыли. Оставили ее в уединенном замке и пошли выяснять, кто более оскорблен в лучших чувствах. Вам-то что, вы оперативники — пришли, надебоширили, ушли. А мы — стационарные агенты. По-ока добились положения при дворе короля Артура, по-ока выбились в доверенные люди Мордреда, а тут на тебе: трах-тарарах! Все вокруг носятся, головы друг другу рубят, никаких условий для работы! На Мордреда ставить глупо...

— Во всяком случае, считалось, что глупо, — поправил его Сабрейн.

— Именно так. У нас сын Морганы преспокойненько погибает на Камланнском поле, в то время как Артур, в сопровождении неизвестных дев, уплывает бог весть куда на корабле-лебеде. Мы решили, что с ним пора прощаться, а тут он как раз захватил замок, в котором Гвиневера отсиживалась.

Тут-то его бес в ребро и боднул. Оно понятно, ей чуть за двадцать, ему около тридцати, она красавица, а он уже всерьез примеряет себе на голову тот самый венец, который ты некогда его папе презентовал. Ну, Гвиневера, понятное дело, ни в какую: люблю Ланселота, верна Артуру. Вот мы и подумали, что, пожалуй, ежели доставим барышню не важно к кому, к мужу ли, к возлюбленному, устраиваться на новом месте нам будет куда как проще. Как ни крути — подвиг. Спасли королеву из грязных лап коварного изменника.

Сначала думали отсидеться в одном укромном месте, пока все не уляжется само собой, а тут на тебе! Приказ из Департамента — собрать этот мерлиновский пазл, будь он неладен! Пришлось мне тащиться обратно к Мордреду, плести ему про паломничество, которое затеяла Гвиневера, убеждать сюзерена, что пора бы подготовиться к свадебному пиру, поскольку невеста возвращается со дня на день... А дальше, пока не раскрылся обман, дублировать втихаря пророчество и делать ноги почти с космической скоростью.

---

* Вергольд — штраф за пролитую кровь.

Чисто уйти не удалось, Мордред заподозрил подвох и снарядил погоню. Делать нечего, вспомнили мы о корабле-лебеде и о девах, которые Артура забирают. Ну и подумали, не найдется ли там местечко для законной супруги государя. Что было потом, в общем-то известно. Пришли на Камланн — опоздали. Отправились к архиепископу Кентерберийскому, — Магэро покосился на Лиса, — почтеннейший Рейнар чуть мне антенну не приделал, синяки неделю сходили. В убежище возвращаться — опять Гвиневеру через всю Англию переть. Тем более надоела она хуже пареной репы. И то ей не так, и это не эдак. «Ах, зачем вы меня спасли! Ах, сердце мое разбито навсегда!»

Одну ее бросать жалко, неплохая, в сущности, женщина. А с собой таскать, все равно что ядро на ноге. На наше счастье, Ланселот высадился. Ну, с ним, сами видели, она тоже особо церемониться не стала. Но это уже не наша забота. Жалко, конечно, такую красоту в монастырских стенах гноить, но тут уж свобода воли и ничего не попишешь.

— Вот-вот, — подхватил слова друга Сабрейн, — а теперь ты говоришь, что Ллевелин интересуется нашей бедной послушницей. И я хочу спросить, хорошо ли это?!

— Вряд ли, — покачал головой я. — Зная манеру действий герцога, можно предположить, что именно вас как близких друзей королевы он пошлет убеждать ее искать покровительства под рукой Стража Севера. Но это еще полбеды. Хуже другое. Он наверняка позаботится о том, чтобы вместе с вами или же кроме вас в монастырь, где укрылась Гвиневера, отправились люди, в задачу которых будет входить обеспечение положительного ответа ее величества. Даже если для этого придется сровнять святую обитель с землей. Надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю?

— Вполне, — кивнул Магэраном. — Но, может, все еще обойдется?

— Вряд ли, — покачал головой я. — Ведь кроме всего прочего, держа в руках Гвиневеру, Ллевелин может вить веревки из Ланселота. И я очень сомневаюсь, чтобы он упустил этот шанс.

Тягостное время безделья тянулось, будто волы по раскисшей дороге, все ближе подкатываясь к тому часу, когда нам предстояло начинать заключительную фазу операции по изъятию у Ллевелина находящихся у него частей пророчества. Для этой цели нашей команде следовало разделиться, чтобы сполна сыграть свои роли. Мы с сэром Магэраном направлялись на вечернюю трапезу к его светлости, Лис и Сабрейн отвечали за проникновение в личные покои герцога и дальнейшую выемку содержимого дубликатора. В наши

обязанности входило произнесение надлежащего количества здравиц Ллевелину, его семье, дружине... Короче, количество выпитого, гарантирующее герцогу крепкий здоровый сон. Лис шел в покои, Сабрейн обеспечивал его отход.

На наше счастье, организация караульной службы в эти времена была поставлена из рук вон плохо. Если в походе у пустого шатра военачальника с грехом пополам выставлялся стражник из тех, кто в данный момент был непригоден к «строевой службе», то охранять пустую спальню в часы отсутствия в ней герцога здесь попросту никому не приходило в голову.

Была еще одна немаловажная деталь, за которую нам следовало благодарить римских патрициев с их врожденным индивидуализмом. В отличие от местного населения, спавшего вповалку на сене или же на покрытых мехами лежбищах, пришедшие на смену римской знати герцоги и короли Британии ложились спать на собственные уединенные ложа, предпочитая теплу блохастых друзей человека жар тел юных служанок или же, как в данном случае, полные каминной золы серебряные грелки.

Вечернее пиршество было в самом разгаре, и реки вина послушно всасывались ненасытными берегами баронских утроб, когда на канале связи прорезался Лис.

— *Послушай, Капитан, шо за дикие места? Пока отвернули бочонок пива, пол-лагеря оббегали, шо бешеные собаки.* — Он включил изображение. Перед моим затуманенным взором возник крепыш Сабрейн, самозабвенно трясущий зажатый между ладонями костяной стаканчик.

— *Сережа, скажи, пожалуйста, чем это вы там занимаетесь?* — недоумевая, поинтересовался я.

— *Объ-яс-ня-ю.* — Рейнар перевел взгляд на соперника нашего приятеля. — *Мы завязываем дружеские контакты. Мы завязываем их этаким элегантным бантиком на том самом бочонке пива, в поисках которого, как бешеные собаки...*

— *Стоп-стоп-стоп!* — взмолился я. — *Если можно, медленнее и конкретнее. Мы тут, знаешь ли, уже приложились.*

— *И неоднократно,* — развил мою мысль Лис. — *Пажи на сегодняшний вечер остаются без работы, бокал вина на сон грядущий здесь уже никому не понадобится. Ладно, объясняю для господ рыцарей: перед коллегой Сабрейном стоит нелегкая задача проиграть, как это по-нашему, вахмистру ночной стражи это самое пиво. Причем проиграть так, чтобы вышеозначенный вахмистр проникся к нему нежной дружбой и пригласил в караулку выпить за здоровье тех, кто нездоров. Пока что все идет успешно. Так что можешь не*

волноваться, нынче ночью у стражи будет куда как более содержательное занятие, чем выполнять свои обязанности.

— И пусть во всех землях, где только известно имя Артура, будет ведомо, что славное рыцарство, бывшее его любимым детищем, готово сталью мечей своих и пламенем сердец отстаивать дело нашего короля. — Доблестный сэр Магэран поднял над головой чеканный кубок. — За Круглый Стол! Слава сынам отважных!

Гул одобрения был прерван лишь необходимостью опрокинуть содержимое кубков в луженые глотки, в знак солидарности со словами пылкого оратора.

— Ну, как там наши? — Магэро сел на свое место.

— Собираются подпоить стражу.

— *Капитан, шо ты на нас наговариваешь? Где ты видел ту стражу, что можно напоить одним бочонком пива? Ну ладно, предположим, они выставят свой ответный. Но ты прикинь: каких-то два бочонка, и це-елая стража! Посидим, потрындим, ля-ля за тополя, а уж кто куда выходит после обильного пивопития, так это ж м-м... возле любого пивного бара тебе каждый кустик ответит.*

Магэро ткнул меня под столом ногой:

— Сейчас твой тост.

— Господа! Доблестные рыцари, отважные бароны, словом все, кого я вижу за этим столом...

— *Ценное уточнение!* — встрял Лис. — *Судя по количеству выпитого, твои слова относятся к крайне узкому кругу ограниченных лиц.*

— *Отстань!* — огрызнулся я. — *Я поднимаю этот кубок...*

— *И с удовольствием его выпиваю!* — с придыханием эстрадного гипнотизера подытожил мой напарник.

Справиться с этим было невозможно, оставалось лишь надеяться, что Лис, оскорбленный в лучших чувствах отсутствием реакции с моей стороны, угомонится сам, и потому я продолжал, делая вид, что закрытая связь испорчена напрочь.

— ...За того, кто стоит во главе воинства правды. За того, в ком род Пендрагонов нашел своего славного защитника и, я готов сказать, продолжателя.

— *Хорошо припечатал!* — констатировал Лис. — *Ты только посмотри, как он напыжился!*

— *Рейнар, ну что за глупости? Какое «посмотри»! Как бы ты его видел, если бы я на него не смотрел?*

— *И то верно,* — милостиво согласился Сергей.

— ...За Ллевелина! За знамя Пендрагонов и Камелот!

Я рухнул на скамью, чувствуя, что еще полчаса возлияний в том же темпе, и Годвину придется потрудиться, чтобы дотащить своего рыцаря до отведенных нам покоев. Едва я уселся, над моим плечом

протиснулись руки расторопного кравчего с кувшином, и в опустевший кубок ударила тугая алая струя прекрасного аквитанского вина. Кувшин исчез, и я судорожно вцепился в кубок, точно надеясь при помощи столь зыбкой опоры удержать вертикаль.

Можно было сколько угодно осуждать Ллевелина за его манеру решать вопросы, в частности, вопросы, связанные с порядком престолонаследия, но с одной из основных добродетелей всякого уважающего себя сюзерена — с щедростью по отношению к вассалам и союзникам — у́ герцога было все в порядке. Ежевечерние пиры, задаваемые им в честь храбрых соратников, золотой дождь, щедро наполнявший кошели лордов, кони и доспехи, преподносимые в дар рыцарям, все это поневоле возводило Стража Севера в королевское достоинство. Он уже был первый среди равных, и лишь золотого венца на челе еще не хватало для того, чтобы из пьяных восхвалений титул нового Пендрагона вышел в официальное именование «последнего защитника Камелота».

— Милорды! — Ллевелин, гордо расправив плечи, поднялся со своего ме́ста во главе стола.

Я невольно улыбнулся, отметив тот факт, что яростный ревнитель Круглого Стола предпочитает подобную мебель совершенно иной формы. Шум голосов стих, и гости, пьяно облокотив отяжелевшие головы на все еще сильные руки, вперили взгляды в великого вождя, ожидая ответного слова.

— *Ладно, Капитан,* — бросил Лис. — *Вы там еще чуток друг друга порасхваливайте. Только, если можно, не очень долго, потому как бочонок мы уже торжественно продули, в смысле, проиграли, и щас пойдем его распивать. Оттуда я по-тихому валю в покои отца народов и буду ждать, пока он вернется и задрыхнет. Ждать, очевидно, придется на стропилах, а там, между прочим, комары тучами. Так шо, ежели мое обескровленное тело обнаружат при генеральной уборке перед коронацией, виноваты в этом будете вы и ваша неуемная страсть к беспробудному, я бы даже сказал, темновековому, пьянству.*

Лис был прав. Начинать операцию до того, как герцог вернется в свои покои и уснет, было нельзя, поскольку отследить его перемещения у нас не было никакой возможности. А встретиться нос к носу со Стражем Севера, скажем, при выходе из его опочивальни, было бы делом, мягко говоря, странным для верных соратников его светлости.

В моем затуманенном алкоголем мозгу невесть откуда всплыла история о некоем ниндзя, посланном убить знатного японского вельможу и избравшем для этого куда как более экзотическую позицию. Снабженный дыхательной трубкой и копьем, этот воин-тень занял место в выгребной яме в отхожем месте княжеского дворца. Уж не

знаю, каково было удивление бедолажного дайме*, когда вместо желанного облегчения он получил в зад копьем. Могу лишь сказать, что это удивление было последним. Я решил было не говорить Лису о своих странных ассоциациях, но тут мне в голову пришел вопрос, никогда до сих пор не интересовавший меня в трезвом состоянии. Как удалось отчаянному туалетному охотнику отличить задницу высокородного князя от того же места какого-нибудь захудалого самурая?

Картинка столь странного выбора настолько живо встала у меня перед глазами, что я был вынужден рухнуть лицом на стол, дабы скрыть приступы гомерического хохота, душившие меня с маниакальной жестокостью. В самом деле, грешно смеяться, когда над твоей головой мужественный полководец и тайный претендент на освободившийся трон с высоким пафосом произносит прочувствованную речь о доблести, благородстве и чести.

— Пойдемте, сэр Торвальд, пойдемте. — Годвин, который с другими оруженосцами, дожидался на лавках у стены, подскочил ко мне, подставляя плечо, чтобы я мог опереться.

Я сделал какое-то странное движение головой, выражая согласие, поскольку кивать мне мешала столешница, а говорить — приступы истерического смеха, сдерживаемые из последних сил. В одном Годвин был несомненно прав — на сегодня мне было более чем достаточно.

Проснулся я глубокой ночью от настоятельного вызова напарника.

— *Капитан, сколько можно спать?! Не спи — замерзнешь!*

— *А? Что? Почему замерзну?*

— *По кочану! Ты посмотри только, шо этот конь педальный вытворяет.*

Я напрягся, пытаясь собрать разбредшиеся по лабиринтам извилин мысли воедино. Удавалось с трудом. Картинка, данная Лисом, не прибавила никакой ясности. На широком, покрытом балдахином ложе молодецки храпел Ллевелин. На ровной слабоосвещенной поверхности стояла шкатулка-дубликатор, распахнутая моим другом для лучшего обзора. Чего там только не было! Золотые броши с рубинами, фибулы с изумрудами, перстни, печати, массивные золотые цепи, россыпи сапфиров, но только не искомые клочки мерлинского пергамента.

Лис сплюнул от досады, открывая поддон и высыпая в шкатулку точные копии герцогских украшений и драгоценностей.

— *Ну! И шо с этим куркулем прикажешь делать?* — негодуя, поинтересовался Сергей.

— *Надо забрать дубликатор,* — сквозь сон передал я.

---

* Дайме — князь (*япон.*).

— Капитан, с тобой все ясно. Вопросов больше не имею. Щас мы сдернем дубликатор, а утром Ллевелин прикажет перерыть все вверх дном, ища, куда же это его любимая шкатулочка запропастилась. Первыми, кого по этому поводу потянут на дыбу, будут стражники. Те, на трезвую голову порывшись в своих чердаках, вспомнят, что никого посторонних, кроме нас с Сабрейном, поблизости не было. То есть, может быть, конечно, были, но они не видели. А теперь угадай с трех раз, что дальше будет с нами?

Догадываться отчего-то не хотелось. Обычно от картин, нарисованных воображением на эту тему, плохо спалось по ночам.

— Ладно, сэр, отсыпайся, — пожалел меня Лис. *— Сейчас чего-нибудь придумаю.* — Он начал оглядываться в поисках этого самого «чего-нибудь». *— Спи, Капитан, толку от тебя сейчас, шо от морского котика при ловле летучих мышей.*

Я поспешил повиноваться. Сквозь подступающий сон по не выключенной Лисом связи до меня доносилась удалая песнь Сабрейна и слова моего друга, отнюдь не касавшиеся художественной ценности исполняемого произведения: «Отлично! Я пошел!» Не знаю уж, приснилась ли мне перебранка Лиса с караульным, засевшем в том самом месте, где бесстрашный ниндзя подстерегал свою жертву, — Лис требовал освободить помещение, караульный не соглашался ни в какую. Потом откуда-то до меня доплыл гневный окрик Лиса: «Сабрейн! Где тебя, черт побери, носит? Сэр Магэран уже обыскался...» Больше я не помнил ничего.

— Вставайте, граф, рассвет уже полощется! — приветствовал меня Лис дежурной цитатой, немилосердно пиная в бок.

— А? Что? — Я вскинулся, поднимаясь на локте и пытаясь открыть глаза.

— Ну, шо «а», то «а». Я только хотел уточнить: мы сегодня планируем куда-то ехать, или же отпуск на зеленых холмах Англии продолжается?

— Ты о чем? — вяло спросил я, все еще не находя разумного объяснения собственному пробуждению.

— Он еще спрашивает! — возмутился Лис, невзирая на вчерашние похождения и ночное бдение под кровлей Ллевелиновых покоев, выглядевший вполне бодро. — Морда аристократья, вставай быстро! Ты шо, забыл, что нам за первосвященником тащиться? Там этот ваш преподобный Эмерик на болотах уже небось воет, шо та собака Баскервилей без овсянки, а мы ему никак почетный караул трех сортов войск подогнать не можем. Давай поднимайся, не заставляй примаса ждать!

Стеная и охая, я начал вылезать из-под шкур, за время ночного сна ставших мне близкими, точно моя собственная кожа. Немилосердный Рейнар, очевидно подозревавший, что без его окриков я вновь завалюсь спать, вещал громогласно, как утреннее радио.

— Погода солнечная, осадков не предвидится, направление ветра юго-восточное... — в отличие от радио выключить его не представлялось никакой возможности.

— А где Годвин? — поинтересовался я, делая слабую попытку нащупать свою одежду.

— Я послал его за опохмелином, — бодро отозвался Лис, на секунду прерывая метеосводку. — Давление атмосферного столба на некоторые отдельно взятые головы явно повышенное.

Я слабо застонал. Отогнать навязчивый кошмар было нереально.

— Кстати, Лис, — спросил я, наконец беря себя в руки, находя штаны и обретая утерянную, казалось, навсегда, способность внятно изъяснять свои мысли. — Мне приснилось, или со шкатулкой Оберона вышел швах?

— Какой там приснилось?! — возмутился Сергей. — Этот грязный койот, этот лось почтовый, этот фуцик попуканный сдублировал в нем всю свою голду и прочую радость ростовщика. Ну ничего, думаю, я его ужучил.

— Господи, что ты с ним сделал? — переполошился я.

— Ровным счетом ничего. Ну надо же было объяснить проклятому феодалу, шо просто так для частного обогащения отдельно взятых Стражей Севера, шоб ему в следующем рождении караулить земную ось на полярной шапке, такие вещи не дарятся.

— И ты?.. — с замиранием сердца спросил я.

— Ну, я взял...

В это миг дверь открылась, и Годвин, волокущий в одной руке кожаное ведро с водой, а в другой булькающую флягу, нерешительно переступил порог.

— Ладно, после договорим, — отмахнулся я, нетерпеливо протягивая руки к спасительной емкости. — Распорядись пока запрячь коней да засыпать в переметные сумы овса на дорогу.

— Да уж голодными не оставлю.

Лис вышел из спальни, и оруженосец, вопросительно глядящий на то, как содержимое сосуда перекачивается мне в горло, нерешительно поинтересовался:

— Будете умываться, сэр?

Спустя примерно полчаса мы с Годвином уже во всеоружии спустились во двор замка. Там у взнузданных и оседланных коней нас поджидал Лис, оживленно беседуя с коллегами, так же, судя по

снаряжению, готовыми тронуться в путь. Жестикуляция моего друга была явным признаком того, что тема разговора тревожила его не на шутку.

— Ну хорошо, — услышал я конец беседы, — значит, все разъехались, кто вскрытие делать будет? Выходит, зря мы весь этот «цирк с конями» устраивали?

Насколько я мог понять, речь шла о необходимости вновь открыть шкатулку и об отъезде всей имевшейся в наличии агентуры из Кэрфортина. Я подошел и поклонился.

— Уезжаете?

— Как видишь, — вздохнул Магэран. — Ты словно в воду глядел: чуть свет Ллевелин вызвал нас к себе и велел отправляться за Гвиневерой. А чтобы мы или же она вместе с нами случайно не заблудились по дороге, их светлость выделил еще десяток головорезов в сопровождение. Ладно, — он махнул рукой, — выкрутимся.

— Тише, — шикнул Сабрейн, — вон он сам идет.

Действительно, Ллевелин широким шагом пересекал двор, двигаясь в нашем направлении.

— Принесла нелегкая, — буркнул Магэран, слегка пришпоривая коня. — Обойдемся без последнего «прости». До встречи в Камелоте.

— Даст бог, раньше. — Я помахал вслед удаляющимся всадникам.

— А, Торвальд, ты еще здесь? — Ллевелин, казалось, не заметил неучтивости наших новых соратников, а возможно, и самого их присутствия. — Рад, что ты еще не уехал. — Он положил руку мне на плечо. — Вот вышел пожелать тебе доброго пути. — Герцог замолчал, очевидно, осознавая нелепость собственных слов. Мое невольное удивление было тому прямым свидетельством. — Послушай, — Страж Севера понизил голос так, чтобы быть слышным лишь мне, — этот твой подарок, — он замялся, не находя слов, — это сокровище... В общем, не стоит о нем говорить никому. Вокруг очень много завистников.

— Эта шкатулка сотворена могуществом Оберона, — торжественно изрек я, — и она ни при каких обстоятельствах не изменит своему господину.

— *Вот-вот,* — не замедлил отметиться Лис. — *Как только она истинному хозяину понадобится, он ее тут же и изымет.*

— Возвращайтесь скорее! — Ллевелин похлопал Мавра по холке. — Если я выступлю из Кэрфортина, полагаю, вам не составит труда отыскать меня на марше.

— *Куда ж ты от нас денешься, голуба!* — беззвучно обнадежил его мой напарник. — *Мы с тобою до Круглого Стола будем неразлучны, как до гробовой доски, шо тот рыцарь со своей прекрасной дамой.*

— Непременно, сэр, — поклонился я. — Но время отправляться в путь. — Я вскочил в седло. — До встречи, милорд! *Лис, расскажи,*

будь добр, что ж ты все-таки учудил, что Ллевелина так и распирает от желания поделиться с ближним своей радостью?

— Да ну, ерунда, — отмахнулся Сережа. *— Там на столе чернильница была, пергамент. Ну, я ему черкнул на память что-то вроде инструкции по пользованию дубликатором: «Как увеличил я богатство твое, так и могущество увеличу, коли станешь ты хранить здесь то, что для тебя дороже злата». По-моему, его таки проняло.*

— Валлиец! — вздохнул я.

Глава 22

Колхоз — дело добровольное. Кто хочет — запишем, кто не хочет — расстреляем.

Неизвестный комиссар

Дорога к лесному убежищу благочестивого отшельника была для нас уже хорошо знакомой, почти обыденной. Признаться, никогда прежде мне, да, вероятно, и Лису, не говоря уже о Годвине, не доводилось столь часто посещать резиденции иерархов Церкви. Но тут уж, как говаривал Лис, с волками жить — по-волчьи жрать. Мы ехали не спеша, радуясь покою и теплу последних летних дней. Лис, пребывавший в прекрасном расположении духа, горланил очередную похабную песню, и над холмами громогласно раздавался его зычный голос: «Ах, что за прелесть эта Лизка, авантюристка, скандалистка! Шо тот дракон, летящий низко, она меня бросает в дрожь!»

Я, стараясь отвлечь внимание юного подопечного от столь невоздержанного проявления загадочной славянской души, внушал Годвину, что, невзирая на то, что архиепископ Кентерберийский то ли по недоумию, то ли из-за привратного воспитания отрицает наличие души у всего, что только ни есть вокруг, как-то: животные, камни, деревья, и, более того, ставит под сомнение наличие души у женщины; невзирая на то, что он верует в Единого Бога и считает демонами всех иных богов, он, в сущности, неплохой человек, с которым лучше договариваться, чем враждовать.

Юноша согласно кивал в ответ, отвечая, что люди, боящиеся окружающего мира, нуждаются в едином боге, как овцы — в пастыре. Люди же, открытые миру сердцем, беседуют с наядами в ручьях, принимают за столом своих богов и ищут их помощи, как ищут помощи друзей в тот час, когда не справляешься сам.

— Они говорят, что Христос есть Бог любви, высокой любви к ближнему, — горько вздыхал Годвин. — Я готов признать это. Почему бы нет? Но разве может вера в такого Бога утверждаться силою оружия? Монахи, именующие себя воинами духа, песнопениями и обрядами своими пытаются бороться с древними богами, точь-в-точь как завоеватели саксы с бриттами, испокон веков живущими на острове...

Я усмехнулся, не став рассказывать оруженосцу, что до бриттов здесь жили белги, впрочем, тоже в незапамятные времена пришедшие на остров свирепыми завоевателями. Да еще мало ли кто — англы, юты; сменяя друг друга, все они боролись с захватчиками отчин и дедин, в свою очередь завоеванных этими самыми отцами и дедами. Мне отчего-то вспомнился Сендрик Саксонец, герой романа Вальтера Скотта «Айвенго», потомок саксов, с которыми сражался король Утер, мы с Артуром и после нас еще не один век иные воители. Как этот «коренной» британец не любил захватчиков норманн!

— Боги нашей земли всегда рады тем, кто приходит сюда с миром. Когда солнцеликий Митра — бог легионов, явился на остров, разве не приняли его в свой круг Кернуннос и Ана*? Разве стал враждовать с ним Тоуторикс**? Или Таранис*** обрушил на него свои молнии? Зачем же приходящие в наш дом бряцают оружием духа? Или не знают они, что, убив душу острова, они получат мертвые камни, норовящие рухнуть на голову убийц, дремучие чащобы, готовые проглотить путника в болотной бездне, и диких зверей, жаждущих извести жатву и скот поселян?

Я невольно вздохнул, вспоминая Англию в том виде, в каком ее оставил, отправляясь сюда. Аккуратно подстриженные газоны, не меняющие своего вида уже добрые две сотни лет, изящные парки, заповедные леса, которые в задумчивости можно пройти насквозь в течение часа, не встретив не то что зверя, но даже звериного следа — наследники весьма своевольно распорядились доставшимся им мертвым островом. Впрочем, мертвым ли? Рогатый бог чащоб Кернуннос, превратившийся в лоне святой первоапостольной Римской католической церкви в святого Корнелия, да и покровительница ручьев и источников Ана, ставшая волею божественных судеб святой Анной, вряд ли изменили языческому нраву из-за нелепой прихоти победителей. Как бы то ни было, Годвин относился к благочестивому отшельнику куда как более терпимо, чем тот к доброму Карантоку, собрату, отступившему от догмы.

---

* Ана — богиня источников.

** Тоуторикс — бог войны и силы.

*** Таранис — бог-громовержец.

Годвин умолк, окончив свои горькие пророчества о судьбе Британии, и некоторое время мы ехали, не говоря ни слова.

— Скажите, сэр Торвальд, — ехавший подле меня оруженосец нарушил молчание, видимо, не находя ответов терзавшим его вопросам, — каково это — быть рыцарем Круглого Стола?

— Рыцарь Круглого Стола — лучший, самый доблестный и самый честный среди прочих рыцарей. — Я невольно вспомнил рыцаря Круглого Стола Мордреда, изменившего государю, Ланселота, убившего своих безоружных собратьев, Ллевелина, оставившего без помощи короля Артура и подставившего под удар отца своей жены, да и себя самого со всей этой тайной войной — что и говорить, незамутненные зерцала рыцарской доблести и чести! И, вспомнив, поспешил добавить: — Во всяком случае, так это замышлялось. Вообще же, — я набрал в грудь воздуха, собираясь процитировать статью устава рыцарства, — щит рыцарей должен быть прибежищем слабого и угнетенного, мужество рыцарей должно поддерживать всегда и во всем правое дело того, кто к ним обратится.

— Но разве можно в таком случае быть рыцарем и государем одновременно? Ведь правда того, кто расчищает и выжигает лес для того, чтобы растить на зольниках хлеб, ничуть не меньше правды того, кто пасет в этом лесу свиней. И точно так, как пахарь обездолит свинопаса, так и свинопас обездолит пахаря, пустив свое стадо пастись на выжигах.

— Ремесло государя — тяжкое ремесло, — развел руками я, уклоняясь от ответа. — Из всех правд он почитает справедливой ту, которая наиболее выгодна... — если это мудрый государь, то державе, если нет, то короне.

— В этом и есть умение правителя?

— Умение правителя есть талант, подкрепляемый мудростью и силой. Научить править, как мне кажется, невозможно. Но если хочешь, я расскажу тебе историю.

Годвин согласно кивнул.

— У одного тирана некогда спросили, как удается ему держать в повиновении свое огромное царство. Вместо ответа он велел слуге принести бойцового петуха, отличавшегося весьма драчливым нравом, и ощипать его так, чтобы на теле не осталось ни единого перышка. Когда приказание было исполнено, он отпустил несчастную птицу на волю.

— И что петух? — завороженно спросил юноша.

— В тени ему было холодно, на солнце невыносимо жарко. Обескураженный задира носился по двору, как сумасшедший, не находя себе места. Тогда тиран велел слуге подать ему мешок зерна и, взяв оттуда одну горсть, высыпал ее у своих ног. Забыв дикий нрав, пе-

тух устремился к сапогам тирана и не отходил от них более до самого вечера, пока не был сварен в котле, — подытожил я сказанное. — Вот тебе и весь секрет власти.

— Как это — весь?! — возмутился ехавший рядом Лис. — Ничуть не весь. Не обманывай мальчика!

— Ты о чем? — удивленно спросил я.

— О петухе и о тиране. Ну, то есть с петухом-то как раз все ясно, его схарчили на ужин и имя его до нас не дошло. Но не надо забывать, что у тирана был ближний слуга, которому он приказывал ощипать птичку, принести зерно ну и, в конце концов, сварганить супчик.

Так вот, дождавшись ночи, доверенный слуга проник в покои тирана, положил ему на лицо тот самый мешок с зерном и уселся сверху. И сидел так до того времени, пока его любезный сюзерен не перестал дрыгать августейшими пятками. Как он потом объяснял, пересаживаясь с мешка на освободившийся трон, его до слез опечалила скорбная участь петуха и этаким образом он замстил за поруганную честь петушиного племени. Отсюда мораль: можешь сколько угодно ощипывать и подкармливать имеющуюся в твоем птичнике живность, но остерегайся тех, кто по твоему указу дергает перо, раздает зерно и варит для тебя похлебку. Тут уж не стоит дожидаться, пока жареный петух клюнет.

Мы не были у преосвященного Эмерика чуть менее двадцати дней. С тех пор обиталище безутешного богомольца изменилось коренным образом. От самых скал, окружая поляну с хижиной, высилась каменная ограда высотой едва ли не по грудь, сложенная из грубого необтесанного камня, подобранного могучим Бэдивером в округе.

Душа вчерашнего рыцаря, открывшаяся свету божественной истины, впитывала его с таким восторгом, что бьющая через край сила моего добродушного кузена должна была найти выход, и если уж не в безудержной рубке, то в созидательном трудовом порыве. Когда мы подъехали к внешней ограде, Бэдивер, обнаженный по пояс, поигрывая весьма рельефной мускулатурой, тащил на плече довольно толстое бревно к дожидающейся яме. Десятка два таких столбов уже высились над поляной, подозрительно напоминая проглядывающимся контуром обводы крепостной башни.

— Помогите-ка! — Бэдивер сбросил бревно комлем в яму и, стараясь придать ему вертикальное положение, стал спихивать ногами уложенные вокруг нее камни. — Чертовски неудобно одному.

Мы с Лисом перепрыгнули через ограду и, оставив коней на попечение Годвина, бросились на помощь боевому товарищу.

— Хух! — облегченно вздохнул могучий оркнеец, отпуская замершее наконец вертикально бревно. — Тяжеленное, сат... — он испуганно перекрестил рот и выдохнул: — Господи, сохрани и помилуй!

— Здравствуй, Бэдивер! — Я обнял силача, вытирающего пот со лба. — Я вижу, ты тут не скучаешь.

— Приветствую вас, братья мои во Христе, — высокопарно промолвил послушник. — Мир вам.

— С миром-то как раз и неважно, — вздохнул я. — Ладно, об этом позже. Как ты тут, рассказывай.

— Жизнь моя проходит в молитвах, труде и покаянии, — заверил недавний носитель звонкого сеньяля Бесстрашный, вполне заслуживший это гордое прозвание. — А суесловие есть бесовское искушение, отвлекающее смертного от возвышенных раздумий и подвига благочестия.

— Да-а, — пробормотал за моей спиной Лис. — Контузия все-таки налицо. И ведь что противно — пока здешние конструкторы додумаются делать шлемаки, которые к голове не прилегают, сколько еще народу вот так крышей поедет! Бэдивер, старина, прервись! Нам бы твоего шефа повидать.

— Зачем он вам? — распоясанный рыцарь подозрительно оглядел нашу троицу. Как видно, промашка со святым Карантоком не прошла для него даром.

— А ты шо, еще не дочитал, шо в многознании — много печали, и умножающий знания умножает скорбь? — удивленно поинтересовался Рейнар.

— Все суета сует и всяческая суета, — отзывом на пароль вторил ему Бэдивер.

— Ценное наблюдение, — подтвердил я. — И все же, братец, где преосвященный Эмерик?

— Молится, — торжественно заявил новаций.

— И долго это с ним будет продолжаться?

Мой родич поглядел на стоявшее в зените солнце.

— Долго. До дневной трапезы.

— Ладно, — вздохнул я, — не будем отвлекать старика от любимого занятия. Лис, давай-ка поможем приятелю.

— С дачей, что ли? Да фигня делов!

— Благородное дело, — заверил нас послушник. — Так что все-таки привело вас к его преосвященству?

— Много будешь знать — скоро состаришься, — заверил его Лис, подхватывая очередное бревно, лежавшее у изгороди. — Господи, как ты их один таскаешь?!

Ко времени дневной трапезы пожилой священник, в прежние годы изможденный дрянным питанием и ныне вынужденный есть

хотя и понемногу, но чаще, чем обычно полагалось, соизволил принять гостей. Мы смиренно вручили примасу Британии послание Ллевелина и ценные дары, преподносимые им новому монастырю. Покончив с чтением подписанного герцогом текста, его преосвященство едва удостоил взглядом многочисленные подарки и произнес со смирением упрямца, гордого своим упрямством:

— Знатный Страж Севера, оставшийся верным своему королю в годину злой измены, призывает меня присоединиться к его войску, обещая полную безопасность и почет. Он зовет меня с собой в Камелот, где будет восстановлена справедливость и коронован новый государь. Но я, неизменно благоволя к герцогу, не стану обращать стопы свои к миру и не пойду в его лагерь. Я проклял Мордреда как закоренелого грешника, коснеющего в своем грехе, но я помню слова Спасителя нашего, сказанные им в Гефсиманском саду святому Петру, отрубившему ухо одному из слуг первосвященника: «Все взявшие меч, мечом и погибнут». (Мф. 26, 52)

— Все это так, отче, — склонил голову я, невольно вспоминая давнюю беседу с иерархом Ордена Богоматери Горной Сальватором де Леварье, — но не сказал ли Иисус своим ученикам во время Тайной Вечери: «...Я посылаю вас без мешка, и без сумы, и без обуви, имели ли вы в сем недостаток? Они отвечали: ни в чем. Тогда Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, а также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч... Они сказали: Господи! вот здесь два меча» (Лука 22, 35—37).

Архиепископ метнул на меня из-под бровей удивленно-настороженный взгляд. Встретить рыцаря, читавшего священные тексты и, более того, умеющего цитировать их к месту, ему было явно внове. Да что уж тут темные века короля Артура! Вплоть до возникновения протестантской ереси чтение Библии людьми, не принадлежащими к сословию священнослужителей, было более чем подозрительно. Обнаружение же Вечной Книги в дому было достаточным основанием для отправки ее хозяина на костер. И это не предел! В приходских церквах хранился краткий свод библейских историй и конспект проповедей, обычно заучиваемый капелланами на малознакомой латыни.

— Отец мой, — продолжил я, — разве, пожертвовав собою в Гефсиманском саду, Спаситель не сделал того же, что делает мудрый полководец, подставляя под удар малую часть своей армии, чтобы спасти часть неизмеримо большую? Сын Божий в великой мудрости своей явил нам глубочайший образец самопожертвования, ибо, видя множество вооруженных слуг главы Синедриона, поставлен был перед выбором: спасти ли дело свое, отдав себя в руки палачей, или же попытаться прорваться сквозь толпу, почти наверняка

погубив при этом всех тех, кому подлежало нести слово Божье. А стало быть, Иисус осудил не поднятый меч, но меч, обнаженный в защиту Его, Сына Божьего, лишь воплощенного в человеческом облике, а не дела Господня и того Слова, которое он явил миру.

В хижине воцарилась тишина. Со знанием позднейших ересей у архиепископа было туговато. Он молча смотрел на невесть откуда взявшегося умника, и я начал опасаться, как бы нас не постигла судьба святого Карантока, изгнанного отсюда с проклятиями. Вот будет смешно вернуться к Ллевелину с личной анафемой от архиепископа Кентерберийского! Преосвященный Эмерик глядел на меня, не мигая, словно борясь с искушением потыкать в меня пальцем, не являюсь ли я случайно насланным на его обитель наваждением.

— Твои слова, сэр Торвальд, — медленно начал архиепископ, — выдают в тебе человека, богатого познаниями. Но смеет ли рыцарь, пусть даже и знаменный рыцарь, оспаривать слова примаса Британии!

— Господь с вами, благий отче. — Я прижал руки к груди, демонстрируя раскаяние и удивление в одном флаконе. — Разве посмел бы я вести себя столь непочтительно? Я лишь ищу ответа на вопрос, который терзает мою душу. И у кого, как не у вас, мудрейшего из мудрых, спрашивать мне о том.

Вы говорите, кровопролитие — грех, и я ликую, вторя вашим словам. Но как же остановить кровопролитие, когда оно ведется от имени того, чье имя проклято вами с амвона? Скажите, как, если не другим кровопролитием? Разве не научил нас Господь примером своим жертвовать малым, даже если это малое — суть величайшее для спасения еще более великого? И разве не заповедал нам Спаситель: «Когда же услышите о войнах и смятениях — не ужасайтесь, ибо всему надлежит быть прежде». (Мф. 24, 6; Мк 13, 4; Лк 21, 9) «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю — не мир Я пришел принести, но меч» (Мф. 10, 34).

— Ступайте, — склонив голову, промолвил архиепископ, едва я закончил благочестивый монолог. — Завтра утром я дам вам ответ.

— «Клюнет ли Штирлиц на этот раз? — думал Мюллер, почесывая исклеванную партайгеноссе лысину», — раздалось у меня в голове. *— Капитан, я весь дрожу от нетерпения. Маленькое интервью для газеты «Камелот ньюс»: как вы оцениваете первый этап переговоров? И вообще, что это было — переговоры или богословский диспут?*

— Без комментариев, — с интонацией матерого политика отрезал я. *— И знаешь что, Лис, пока суд да дело, пошли-ка прогуляемся к оврагу. У меня есть кое-какая идея.* Годвин, — скомандовал я, — подведи-ка коней.

Парнишка, шедший рядом с нами, послушно кивнул и быстро направился к каменной изгороди, возле которой, стреноженные, паслись наши кони.

— Ну-ка делись, что ты там удумал? — негромко сказал Лис, едва лишь оруженосец отдалился от нас на дистанцию прямой слышимости.

— Как ты думаешь, есть ли шанс, что клочок пергамента, выкинутый Бэдивером, до сих пор находится в окрестностях оврага?

— Ну-у, я бы сказал, что шанс отличен от нуля, но весьма невелик, — с сомнением покачал головой Рейнар.

— Верно, — согласился я. — При этом даже если пергамент лежит под каким-нибудь кустом и не чирикает, вероятность отыскать его также угасающе мала.

— Чрезвычайно ценное наблюдение. Однако в чем заключается твоя идея?

— Отыскать пергамент, обшаривая дюйм за дюймом овраг и прилегающие к нему земли, — задача мало того, что трудноосуществимая, но и бесперспективная. Однако теперь у нас есть человек, который чувствует магическую энергию, исходящую от Мерлиновского пророчества.

— Постой-постой! — Лис вперил в меня восхищенный взор. — Ты что же, хочешь использовать Годвина в качестве миноискателя?

— Ну да.

— Обалдеть! Ну что ж, давай попробуем, авось что и выйдет.

— Сэр Торвальд, господин Рейнар, — Годвин подъехал к нам, ведя в поводу коней, — мы уже отправляемся?

— Да, — кивнул я, — на небольшую прогулку. Сейчас, только положу цветочки на могилку братца Лукана, и едем.

Со стороны наша прогулка, должно быть, выглядела более чем странно. Высокородный лорд в сопровождении комита и оруженосца кружили между кустов и деревьев, точно охотничьи собаки, потерявшие след, негромко переговариваясь и заставляя благородного юношу едва ли не обнюхивать землю, по которой ступали их кони, фут за футом, милю за милей. Как бы хороша ни была моя идея, толку от нее не было никакого. Начинало темнеть, и мы были вынуждены отказаться от дальнейших поисков, спеша обустроить место для ночлега.

Когда окончательно стемнело, в очерченном от всякой нечисти круге потрескивал костер, Лис, перебирая струны подаренной Лендис роты, напевал старинную скандинавскую балладу, впрочем, скорее всего еще не сложенную в самой Скандинавии, и Годвин, утомленный бесплодным поиском, борясь со сном, завороженно внимал словам баллады:

Я еще молод, не видел войны,
Как повезу я знамя страны?
Только горячие руки юнца
Знамя удержат в бою до конца.

— Сэр Торвальд, — внезапно, точно вспомнив что-то, встрепенулся оруженосец, — позвольте мне задать вопрос.

— Слушаю тебя, — кивнул я, машинально помешивая золу в костре тонкой веткой.

— Быть может, это излишнее любопытство, — юноша замялся, — но что значат все эти части пророчества Мерлина, которые мы ищем?

— Видишь ли, — вздохнул я, — считается, что некоторые пророчества могут предрешать судьбы королей, стран, а то и всего мира. Никто не может доказать, что это так, но и обратное тоже недоказуемо. Иногда мне кажется, что не само пророчество довлеет над людской судьбой, а знание этого самого предсказания определяет поступки человека. Словно завороженные волшебной дудочкой, вершители судеб стараются следовать прорицаниям, воплощая их в жизнь.

Очевидно, великий Мерлин также подозревал об этом, во всяком случае, свое пророчество о судьбе Британии после смерти Артура он велел разделить на двенадцать частей и раздать доблестным рыцарям Круглого Стола, именуемым лордами Камелота. Вернее, разделить пергамент повелел король, но я уверен, что это был совет Мерлина. Очень скоро все те, кто обладал частями пророчества, должны будут собраться в Камелоте, чтобы, сложив части в единое целое, огласить судьбу Британии, а возможно, не только ее, — «и не только здесь», — добавил я в уме, но произносить не стал.

— А те части на коелбрене, которые вы мне показывали, что означают они?

— Это фальшивое пророчество, — вздохнул я. — Его сочинил Ллевелин, чтобы занять трон.

— Выходит, Страж Севера такой же негодяй, как и Мордред?

— Верно, — кивнул я. — Он такой же негодяй, как Мордред, и такой же законный претендент, как его противник. Ему выгодно, чтобы в Камелоте была сложена подделка, а стало быть, ни одна часть настоящего пророчества не дошла до залы Круглого Стола. Мы же, в свою очередь, пытаемся ему помешать. И если Ллевелин об этом узнает, судьба, ожидающая нас, будет безрадостна.

Брошу я знамя, грош мне цена,
Буду я проклят на все времена! —

продолжал напевать Лис, слушая нашу неспешную беседу.

— Сэр Торвальд, — немного помолчав, вновь обратился ко мне Годвин, — но если в Камелоте появятся оба пророчества, что же будет тогда?

— Кто знает? — пожал плечами я. — Впрочем, два пророчества — это лишь то, о чем известно. Возможно, у сторонников Мордреда есть и свой вариант «Мерлиновской рукописи». Во всяком случае, ясно одно: как бы ни сложились пергаменты, Британия не останется без короля. А будет это Ллевелин, Мордред или же кто иной, — я покачал головой, — всем им известна история про тирана, его слугу и ощипанного петуха.

— Так не должно быть, — печально вздохнул недавний овидд и замолчал, глядя в костер, очевидно, ожидая, что языки пламени поведают ему нечто такое, о чем не способен сказать язык человеческий.

— Ложись-ка лучше спать, — посоветовал я парнишке. — Сейчас покараулю я, потом Лис, предутренняя смена твоя. Рейнар, ты тоже не засиживайся. Всем надо отдохнуть.

Рассветные лучи золотили листья деревьев, все больше и больше вбиравших в себя это золото, чтобы примерно через месяц окончательно сменить на него свой нынешний зеленый наряд.

— Вставайте, сэр Торвальд, вставайте, энц Рейнар, — старательный оруженосец осторожно тряс нас за плечи, добиваясь пробуждения старших соратников.

Я приоткрыл глаза, глядя на белесую поволоку угольев на месте кострища. Бр-р, холод пробирал до костей, сырой осенний холод, со временем скрючивающий дугой самые несгибаемые спины.

— Чертова работа! — пробормотал я, подхватываясь с импровизированной циновки из сложенных крест-накрест тонких веток, служившей нам лежанкой. — Лис, подъем! Пора отправляться к Эмерику.

— Только сон приблизит нас к увольнению в запас, — пробурчал, не размыкая глаз, мой напарник. — Капитан, что ты суетишься? У него сейчас наверняка утренний аллах акбар.

— Ничего-ничего, — обнадежил я друга. — Вставай, пока доедем, он уже как раз отмолится. Глядишь, к трапезе поспеем.

Слова о завтраке заставили Рейнара открыть глаза и приподняться на локте.

— Твоя правда. Хотя, должен тебе заметить, то, шо здесь называется едой, в приличном обществе вообще никак не называется.

Собравшись и привычно замаскировав следы своего пребывания, мы вновь отправились к строящемуся монастырю в надежде услышать окончательное решение примаса Британии. Убедили ли его мои

слова, или же он просто держал паузу, чтобы его отказ звучал как можно более эффектно, говоря по чести, оставалось лишь догадываться. И несмотря на то что непосредственно к выполнению нашего прямого задания ответ архиепископа не имел ни малейшего отношения, я все равно волновался в ожидании встречи. Конечно, скажи сейчас Эмерик нет, и мы бы вернулись в Кэрфортин, разводя руками, ибо то, что не получилось у нас, вряд ли бы вышло у кого-нибудь другого. Видит бог, я не привык проигрывать, и к тому же с истинно английской скрупулезностью норовил устроить все так, чтобы впоследствии не задавать себе вопроса, почему я не сделал то или это.

— Слышь, Капитан, у нас что, сегодня воскресенье? — Остроглазый Лис, приподнявшись в стременах, начал пристально вглядываться в монастырскую ограду.

— Н-нет, по-моему, среда, — выходя из раздумий, ответил я.

— Шо-то тут не так. — Лис настороженно огляделся по сторонам.

— Ты о чем?

— Мы уже достаточно близко, стук копыт наверняка в хижине слышен, а Бэдивера нет. Насколько я помню, он все норовил выскочить с шестом наперевес навстречу гостям. Опять же, ясный день, молитва часа третьего* окончилась, а строительство стоит. Что-то тут неладно.

Мы подъезжали все ближе и ближе, но от лесной молельни за исключением шороха листвы, раскачиваемой ветром, не доносилось ни единого звука.

— Черт! — выругался Лис. — Капитан, смотри, кровь! Я готов поклясться, это кровь! — Лис свесился вбок, касаясь рукой примятой травы. — Смотри, еще свежая. И вон кровь... похоже, здесь тянули тело...

— Быстрее! — скомандовал я. — Быстрее к Эмерику!

— Дьявольщина!

Картина, увиденная нами по ту сторону монастырской изгороди, исторгла из нас богохульство, мало совместимое со святостью этого места. Но, похоже, тех, кто прибыл сюда раньше нас, особый статус монастырской земли не волновал ни в малейшей мере.

Посреди двора, уткнувшись лицом в одно из торчавших бревен, в неестественно вывернутой позе лежал Бэдивер, одной рукой охватывая вбитый в землю столб, в другой сжимая топор, которым в последнее время он валил деревья и обтесывал бревна. На рыцаре не было ничего, кроме лоскута, прикрывающего чресла, и оттого кровь, все еще струящаяся из многочисленных ран, окрашивала тело в багрово-алый цвет, делая его еще более ужасным.

---

* Час третий — время между 8 и 9 часами утра.

— Блин, опять встреча на лесной дороге! — Лис спрыгнул с коня, обнажая один из своих мечей.

— Осторожно, здесь может быть засада, — окликнул его я.

— Ладно, если что, прикроешь! — отмахнулся от меня Рейнар, кружа по двору подобно ищейке, почуявшей след. — Однако здесь была неслабая драка. Топор Бэдивера в крови, вон на стене кровь, вон еще... Опять же, кого-то отсюда тащили волоком.

— Годвин, — скомандовал я, — посмотри, что там в хижине.

Юноша метнулся к приоткрытой двери лачуги.

— Никого, милорд.

— Вот так-так! — пробормотал я.

— Никак, Мордред таки добрался до этого схрона, — кинул Лис, прикладывая два пальца к горлу Бэдивера. — Мертв. Но еще теплый.

— А может, и Красные Шапки, — предположил я.

— Ага, — процедил Рейнар, — новая порода: Красные Шапки, разъезжающие на подкованных лошадях. Посмотри по сторонам, трава возле изгороди вытоптана и подъедена, как будто небольшой табун пасся.

— Прости, Бэдивер, — произнес я, — хоронить тебя некогда. Но отомстить за тебя мы отомстим.

— В погоню? — вскакивая в седло, спросил Лис.

— Обязательно.

— Их там, пожалуй, до десятка будет.

— Тем хуже для них. Тем более что Эмерика здесь нет, а значит, они его утащили с собой. Н-но! — Я пришпорил Мавра. — Помогай, родимый!

Глава 23

Делай, что можешь, с тем, что имеешь, там, где ты есть!

Теодор Рузвельт

Кони рванули вперед по тропе, уже все больше обретавшей вид хоженного пути, взметывая из-под копыт комья земли.

— Метров через двести придержи коня! — крикнул Лис. — Там тропа идет по краю болота через камыши. Как бы не застрять. Там довольно топко.

Лис знал, о чем говорил. В этом самом месте, чуть меньше трех недель тому назад, в этих самых камышах он обстреливал неизвест-

ного конкурента, охотившегося за Мерлинским пергаментом. Длинная коса рогоза с протоптанной в ней узкой тропкой была не только местом, неприятным для переправы из-за хлюпающей под ногами грязной жижи, но и весьма удачной позицией для устройства засады. Впрочем, последнее было маловероятно: откуда бы похитителям было знать, что мы идем по их следу, да и вообще о нашем присутствии в этих краях. Ежели, конечно, преосвященный Эмерик не грозил негодяям скорой и верной расправой в нашем лице.

Обещанная Лисом рогозовая плантация скрыла коней так, что над коричневыми шомполами виднелись лишь шеи и головы наших скакунов, и мы поневоле были вынуждены замедлить движение. Оставалось радоваться, что время осенних дождей было еще впереди, поскольку, стоило небесным хлябям разверзнуться, и зыбкая тропка прекратила бы свое существование в мгновение ока.

— Капитан, — вновь окликнул меня Лис, — гляди-ка!

То, на что указывал мой друг, мы с Годвином увидели и сами, без подсказки. Кое-где стена тростника расступалась, образуя то ли небольшие озерца, то ли крупные лужи. Из ближайшей к нам торчали три пары ног.

— А вот, похоже, и те, до кого успел дотянуться Бэдивер. — Я спрыгнул с коня, подняв фонтан грязных брызг, и сапоги мои ушли в мутную жижу почти по колено. — Такое себе водяное погребение. — Я напрягся и потянул за ноги одно из мертвых тел.

Оно поддалось с трудом, и Лис, спешившийся по моему примеру, поспешил ухватить покойника за показавшуюся из-под болотной ряски руку, вытягивая беднягу на тропу. Наши с Лисом кони, привычные к виду мертвых тел, недовольно фыркнули, замотав головой и явно не одобряя действия хозяев. Лошадка же Годвина и вовсе попятилась назад, требуя от всадника немедленно покинуть место преступления. Впрочем, судя по бледному лицу юноши, он и сам был не прочь оказаться подальше отсюда.

Наконец нам удалось вытащить тело из воды и перевернуть лицом вверх.

— Судя по чертам, вероятно, валлиец, — произнес я, рассматривая приподнятую Лисом голову. — Темные волосы, кельтский абрис скул. Однако прежде я его не встречал.

— А я, кажется, видел, — задумчиво вглядываясь в мертвенно-бледное лицо с присосавшимися пиявками на щеках, промолвил Лис. — Вот только где — не помню. Но такое ощущение, что совсем недавно.

Годвин, наблюдавший за нашими действиями, невольно отвернулся, чтобы не видеть малопривлекательную картину бдения над трупом.

— Сэр Торвальд! — внезапно окликнул меня оруженосец. — Смотрите-ка, там что-то блестит.

— Где? — Я повернулся туда, куда указывал юноша.

— Вон, в камышах.

Зрение не подвело Годвина. В камышах действительно что-то блестело. Я протянул руку, дотягиваясь до этого «чего-то», и вытащил небольшую металлическую пластинку, скругленную с одной стороны, с несколькими отверстиями для кожаных ремешков. По краю она была промята сильным ударом.

— Это кусок от чешуйчатой брони, — глядя мне через плечо, бросил Лис.

— Сам вижу. Скажи, Рейнар, ты когда-нибудь встречал разбойников, шастающих по лесу в доспехах?

— А у тебя шо, имелась мысль, что это могли быть разбойники? — Лис вновь столкнул мертвое тело в воду. — Тогда бы Эмерик валялся без головы где-нибудь около собственной хижины. Хотя по повадкам — самые, что ни на есть бандюки. — Он взял из моих рук пластину. — Видать, здесь они с трупов доспехи снимали, вот она и отлетела.

— Ладно, — я вставил ногу в стремя, — не будем задерживаться. Здесь мы больше ничего не узнаем.

Дорога через лес вела все дальше, явно обозначая путь следования похитителей примятой травой, сломанными ветками и следами жизнедеятельности быстроногих спутников профессиональных воинов. Вероятнее всего, бандиты не особенно спешили и не заботились о скрытности передвижения, а стало быть, о возможной погоне им было ничего не известно. Конечно, у негодяев была фора во времени, но, должно быть, не слишком большая, и с минуты на минуту мы ожидали встречи. Вот наконец лошадка Годвина призывно заржала, и впереди раздалось ответное ржание другого коня.

— Ну что, Капитан, вот и встретились. — Лис вопросительно посмотрел на меня. — Атаковать будем или как?

— Или как не выйдет, нас слишком мало.

— Понятно, значит, атаковать. Э-э-гей! — молодецки выкрикнул напарник, пришпоривая коня. — Сэр Канцтовар, окружай! Берем их в кольцо! Ни один не должен уйти живым!

— Вперед! — вторя другу, рявкнул я. — Вы, господа, со мной! Вы, сэр, возьмите полусотню конных лучников и отрежьте им дорогу! Кархейн, Малобар, Гундавиль, гоните их на засаду!

Скакавший рядом Годвин обалдело внимал нашим крикам, пытаясь понять, кому, собственно говоря, мы отдаем команды. Надеюсь, однако, что не только он был озабочен таким вопросом. Ис-

пользуемая нами военная хитрость не отличалась особенной новизной, но временами давала вполне достойные результаты. Вспугнутые воображаемой погоней противники рассредоточивались, пытаясь каждый в одиночку найти свой путь к отступлению, тем самым сводя на нет численное превосходство. Впрочем, при твердом командовании такие штуки не удавались. Хороший командир легко мог отличить топот трех лошадей от несуществующего топота крупного отряда. Тогда бы мы выглядели полными идиотами.

В нашем случае маневр достиг лишь частичного успеха. Похитители, видимо, решив, что за ними действительно гонится целое войско, пустили коней в галоп, пытаясь оторваться от погони, но все же продолжая держаться кучно, не растягиваясь в длинную линию и не разбредаясь по сторонам.

— Хорошо идут, черт бы их побрал! — бросил я, наблюдая, как всадники на всем скаку перестраиваются в колонну, пропуская друг друга там, где можно двигаться лишь по одному, и разворачиваясь широким фронтом во всех иных местах, чтобы не замедлять общего движения.

— Лис, ты можешь их проредить?

— На таком галопе? Издеваешься?! Я тебе шо, Клинт Иствуд?

Наконец одна из лошадей беглецов споткнулась о ветви поваленного дерева и всадник, перелетев через ее голову, рухнул наземь. Но тут же вскочил на ноги, выхватывая из поясной лопасти привешенную к бедру секиру, но тут же вновь рухнул наземь, пораженный в горло брошенным Лисом метательным ножом.

— Минус один! — злорадно констатировал Лис.

— Стойте! Стойте! — вдруг закричал следовавший за нами Годвин. — Туда нельзя!

— Ерунда! — отмахнулся я, заставляя Мавра перепрыгнуть через ствол дерева. — Мы с ними разделаемся! Эге-гей, загоняй их!

Загонять пришлось недолго. Вскоре лес сменился большой поляной, и всадники, очевидно, решившие принять бой до того, как иссякнут силы их коней, развернулись по команде, готовясь к схватке. Мы еще были скрыты деревьями и, честно говоря, я не спешил обозначить нашу численность, предпочитая держать врага в неведении по столь щекотливому вопросу.

— Ну что, Капитан, все как обычно?

— Угу, — кивнул я.

Рейнар спешился, поудобнее перетягивая висевший за спиной колчан.

— Господи, прими души грешных сих. — Кусочек воска заскользил по скрученной из оленьих жил тетиве. — Отец небесный, по-

шли своего привратника открывать ворота, — зеленые глаза моего друга сверкали холодным блеском, способным, казалось, убивать врагов с той же легкостью, с какой поражает болезнетворных микробов кварцевая лампа. — Кстати, Капитан, тебе ничего не напоминает гербовая котта рыцаря, красующегося по центру натюрморта?

— Напоминает, — процедил я, обнажая Катгабайл. — Какая неожиданная встреча!

Семь всадников приближались к краю леса. Восьмой, со связанными за спиной руками и ногами, спутанными под брюхом у лошади, был отпущен на произвол судьбы, и его скакун, почуяв волю, безмятежно бродил по лугу, пощипывая траву. Семь всадников приближались ко мне, и на том, который ехал посередине, красовалась золотая котта с черным соколом.

— Добро пожаловать, Эгвед принц Гвиннед, — пробормотал я, выезжая навстречу врагу. — Давно не виделись.

Верховые были все ближе и ближе. Казалось, я уже слышу гулкий стук их сердец, готовых к последней, хотелось надеяться, в своей жизни схватке. Я выехал им навстречу, покидая свое зеленое убежище.

— Остановитесь! — гаркнул я приближающимся конникам. — Вы окружены. Сопротивление бесполезно. Если вы сложите оружие, я даю слово сохранить вам жизнь.

Казалось, на принца Гвиннеда и всадников его свиты моя речь не произвела ни малейшего впечатления. Каким бы рыцарем ни был сэр Эгвед, в тупости и неопытности упрекнуть его было нельзя. Остановившись и оглядевшись, он, вероятно, быстро распознал наш неловкий блеф, и потому, очевидно, подобно Лису, уже видел противника стучащимся во врата святого Петра.

— Ну, как знаете, — шпоры вонзились в бока Мавра. — Я предупреждал.

Сэр Эгвед устремился мне навстречу, явно горя желанием посчитаться за позор ристалища в Эбораке. Такая порода людей была мне хорошо известна. Какой бы убедительной ни была моя победа в тот день, у проигравшегося наверняка нашлось не менее десятка причин этой «нелепой случайности». Но уж сейчас-то!..

Уж сейчас-то шансы моего противника действительно были велики. Особенно принимая во внимание шестерых телохранителей, понятное дело, безропотно уступающих своему сюзерену право первого удара, но наверняка собирающихся принять участие если не в разделе добычи, то уж, во всяком случае, в ее разделывании.

Вжик-вжик, две стрелы ударили почти как одна, и драбанты принца Гвиннеда, скакавшие справа и слева от своего господина, потеряв всякий интерес к жизни, стали заваливаться набок. Теперь для того, чтобы приблизиться к нам с сэром Эгведом, валлийцам

надо было объехать потерявших управление коней, стремящихся избавиться от своей безжизненной ноши.

Удар, наши мечи скрестились, и принц Гвиннед тут же попытался развернуть коня, чтобы зайти мне во фланг. Еще атака, еще! Противник успевал подставлять щит под удары, пытаясь контратаковать, но по большей мере вынужденный защищаться. Сейчас условия поединка были совсем не те, что пять дней назад, и оставлять противника живым не входило в мои планы.

Вжик! Еще один телохранитель принца отправился вдогон за первыми двумя. Остальные спешно перегруппировались, пытаясь укрыться за нашей сражающейся парочкой и за этим живым щитом добраться до засевшего в лесу лучника. Их замыслу не суждено было увенчаться успехом: сэр Эгвед, утомленный, должно быть, моим натиском, отвернул коня, спеша дать себе хоть небольшую передышку и оставляя противника на попечение оставшихся драбантов. С ними все было проще. Понимая бессмысленность ближнего боя, те принялись кружить вокруг меня каруселью, пытаясь атаковать исподтишка сбоку или сзади. Прием довольно эффективный, но не для этого случая.

— Ну-ка, Мавр, поработаем! — скомандовал я, горяча благородное животное.

Широкогрудый красавец скакун диким зверем налетел на своего четвероногого собрата, валя его наземь и норовя укусить за ухо. Затем, взмыв на дыбы, он обрушил на поваленного жеребца огромные копыта, в то время как пылающий голубоватым пламенем Катгабайл опустился на шлем драбанта, рассекая и металлический колпак, и кольчужный хауберг, и все, что было под ними.

Собратья поверженного вновь устремились в атаку, пытаясь, должно быть, воспользоваться секундной паузой. Это был явный просчет. В отличие от сэра Эгведа их уровень владения оружием не способствовал подобной резвости. Плечо одного из них немедленно окрасилось кровью, наносник шлема второго стал напоминать лисовскую переносицу.

Кто знает, как долго бы продлился этот неравный бой, когда бы пришедший в себя рыцарь черного сокола не встрепенулся, заметив, что я связан боем с двумя противниками, и не погнал коня, спеша воспользоваться моим невыгодным положением. Не тут-то было!

В тот миг, когда мой клинок завершал свой траурный путь, отделяя голову от плеч предпоследнего драбанта, Годвин, похоже, начисто забывший о мече, висевшем у него на поясе, выскочил из леса и помчался наперерез принцу Гвиннеду. В одной руке юноши была толстая деревянная рогуля — явно первое, что подвернулось ему под руку, а в другой — пучок бледно-зеленой травы. По всей видимости, заметив коварную атаку сэра Эгведа, он бросился мне на помощь.

Но видит бог, лучше бы он этого не делал, мне бы, во всяком случае, было спокойнее.

— Черт! — прохрипел я, со всего маху нанося удар клинком плашмя между ушей лошади моего противника. — Я иду, Годвин!

Со стороны леса вдогон оруженосцу уже мчался Лис с обнаженными мечами.

— Куда тебя понесло, едрить твою налево!

Принц Гвиннед поравнялся с юношей, взмахнул мечом и... вылетев из седла, распластался на земле. Мне тяжело описать, что произошло в этот момент с конем валлийца. Я только заметил, что бывший овидд сунул в морду животного свой букет, и скакун, встав на дыбы, изогнулся так, будто внезапно решил поймать свой собственный хвост.

Принц, повернувшийся в сторону, противоположную повороту коня, не удержался в седле, за что непременно был бы наказан штрафными очками на турнире и приступом необузданной ярости сейчас, на безвестной лесной поляне. Как говорится, если боги хотят кого-то покарать, они отнимают у него разум. Эгвед, рыча, вскочил на ноги, взмахнул мечом, горя желанием снести голову дерзкого юнца, но тот змеей ушел под меч, легким, почти незаметным движением подсекая неказистым оружием колени рыцаря. Тот вновь оказался на земле, опять попытался подняться, но деревянная развилка, ударив в горло принца, вернула его в прежнее положение.

— Браво, мой мальчик, браво! — Я подъехал к поверженному сэру Эгведу и насмешливо поприветствовал его высочество. — Поздравляю, милорд, вы пленены моим оруженосцем Годвином. Лис, забери-ка у благородного сэра оружие, а то ему опять, не дай бог, придет в голову им размахивать. Кстати, Годвин, конь, доспехи, оружие — это все твое. Я только тебя прошу, оставь принцу его гербовую котту. Клянусь честью, твой герб будет куда как славнее этого. Да, кстати о пленных, — внезапно вспомнил я, оглядываясь, — там у меня недобитый драбант должен валяться.

— Ага, валяется! Сейчас! — хмыкнул Лис, стягивая локти пленника за спиной тугим узлом. — Ты бы видел, как он бежал! Мне показалось, шо ежели б у него во время погони между ногами лошадь не болталась, мы бы его хрен догнали.

— Ладно, — махнул рукой я. — Убежал, так убежал. Самое время пожелать доброго утра его преосвященству и возвращаться обратно.

— Это невозможно, милорд, — печально покачал головой Годвин. — Мы не найдем пути обратно. Мы в Зачарованном лесу.

Мы с Лисом невольно переглянулись, пытаясь осознать смысл услышанного.

— Где?

— В Зачарованном лесу, — печально вздохнув, повторил Годвин, указывая рукой на то место, где еще совсем недавно бушевала схватка с драбантами принца Гвиннеда. Никаких тел, всего несколько минут тому назад живописно разбросанных по поляне, не было и в помине. На их месте, пробиваясь ветвями сквозь рукава доспехов и утолщаясь на глазах, тянулись древесные ветви.

— Дела, — прошептал Лис, завороженно следя за тем, как лопаются кожаные ремешки, связывающие между собой пластины доспеха, и те звенящим дождем осыпаются вниз. Шлем со смятым наносником, венчавший еще тонкую вершину ближайшего дерева, покачнулся то ли от порыва ветра, то ли движимый неведомой силой, и, сорвавшись под собственной тяжестью, упал на землю. Звук падения, отчего-то невероятно жалобный, привел меня в чувство.

— Не стоит здесь задерживаться. Наверняка отсюда должен быть выход.

— Конечно, — кивнул оруженосец. — Только никто не знает, где он. Как никому не известно, где в следующий миг будет проходить граница Зачарованного леса. Разве вы не знаете? — Парнишка недоуменно посмотрел на Лиса. — Вы же сами рассказывали Кархейну об этом.

— Да мало ли что я кому рассказывал, — оглядываясь по сторонам, пробормотал Рейнар. — Значит, с обратной дорогой кранты? Ладно, поборюкаемся, прости господи. Но шо, Капитан, — он кивнул на архиепископа Кентерберийского, привязанного к лошади, — будем этого кентавра делить пополам или так оставим?

— Конечно, делить! — возмутился я, беря себя в руки.

— Ну, тогда я пошел отвязывать святого отца. — Мой напарник шагнул вперед и оглянулся. — Я вот только не знаю, как сообщить его преосвященству, что, невзирая на его присутствие на этой земле, она таки да, зачарованная. А впредь, Годвин, предупреждать надо!

— Я пытался, — сконфузился юноша. — Но вы меня не послушали.

Сквозь кору ближайшего к нам дерева с немалым трудом пробилось лицо, имеющее довольно малое сходство с человеческим. Оно состроило глумливую гримасу, повращало глазами и произнесло заговорщицким тоном:

— Жареные до желтизны ежи хороши от изжоги.

Сообщив эту животрепещущую новость, лицо как ни в чем не бывало втиснулось назад в ствол. Вернее, втиснулось наполовину, поскольку заметило пролетающую мимо пчелу. В тот же миг изо рта говорящего древесного нароста выстрелил длинный зеленоватый язык и, сбив жужжащее насекомое в воздухе, скрылся за корявыми губами.

— Мыши мешают — шуршат, шумят, шалуны, — с этими словами лицо спряталось в древесном стволе окончательно.

— Господи, что это было?! — возмутился вконец обескураженный Лис. — Почему оно разговаривает?

— Не знаю, — покачал головой Годвин. — Может быть, какой-то древесный дух. Здесь много всякого странного, так что лучше держаться вместе. Тем более что далеко не все существа в Зачарованном лесу так же миролюбивы, как это.

Лис вновь вопросительно посмотрел на меня.

— Так что, может, архиепископа лучше не развязывать? Дернет еще куда-нибудь со страху.

— Надеюсь, нет, — покачал головой я. — Не всю же жизнь он был архиепископом. Наверняка какая-нибудь нянька рассказывала ему в детстве о полых холмах, зачарованных лесах...

— Ну, как знаешь. Освобождаю под твою ответственность.

Лис зашагал к идиллически пасшейся на поляне лошади с преосвященным Эмериком на спине.

— Смотрите-смотрите! — Годвин схватил меня за рукав, указывая в сторону леса. Оттуда, из чащи, недовольно мотая красивой головой с ветвистыми рогами, к нам брел прекрасный благородный олень. Я готов был залюбоваться этим грациозным животным, если бы не одна разительная странность: во рту дикого зверя красовались удила, на спине — попона с черным соколом и седло.

— Господи! — промолвил я чуть слышно, трогая голову Мавра между ушами. — Ну надо же!

Зачарованный лес — идеальное место для прогулок. Во-первых, по нему можно идти бесконечно долго, не ведая куда, собственно говоря, идешь и где в данный момент находишься. А во-вторых, оглянувшись назад, с удивлением отмечаешь, что ты никогда не бывал в тех местах, которые только что прошел.

— Послушай, Капитан, — произнес Лис, подводя к нам коня с освобожденным от пут, кляпа и повязки на глазах преосвященным Эмериком, — мы же, в сущности, недалеко заехали. Может, попробуем вернуться?

И мы попробовали. Я не знаю, как течет время в подобных местах, но шли мы долго. За это время, пока мы любовались красотами волшебных пейзажей, можно было пройти миль двадцать пять. Вероятнее всего, мы их и прошли. Но ни конца Зачарованному лесу, ни того самого поваленного дерева, возле которого Годвин пытался предостеречь нас, не было и в помине.

— Вот оно, наказание за грехи наши, — с видом стоического спокойствия на лице вещал преподобный Эмерик, вновь обретший дар

речи. — Сказано в заповедях: не убий. Но слова Писания — тщета пред волею великих мира сего. Кровь с мечей и стрел ваших — не есть ли это последняя соломинка, преломившая спину верблюду?

Говоря по чести, у меня не было настроения вести философские споры, однако, услышав о верблюде, я невольно улыбнулся. Вряд ли его преосвященству когда-нибудь доводилось вживе видеть это диковинное для здешних широт животное.

— Вот оно, наказание за грехи гордыни. Ибо даже собственные наши судьбы не в нашей власти. Как можем мы, прах от праха, вершить судьбы людские, волю свою выдавая за волю Божью. Молитва! Молитва и покаяние — вот она, защита истинно верующего! Преклоните колена, простите обиды притеснителям вашим, как простил их Сын Божий на кресте, на опаленной солнцем Голгофе! Покайтесь, и вы спасетесь, ибо безмерна милость Господа, и раскаявшийся грешник ему милее сотни праведников. Ибо истинно рек он: «Уверовавшие в меня да спасутся».

Годвин, внимательно слушавший речь его преосвященства, мученически посмотрел на меня, явно памятуя увещевания по поводу Эмерика и все же с великим трудом сдерживая себя, чтобы не наговорить святому отцу богословских дерзостей. Но тут архиепископ остановил коня и возопил на высокой ноте:

— Преклоните колена, дети мои! Милость Божья откроет нам путь из этих чудовищных мест! Словом Его спасемся!

Вынести подобное было не под силу недавнему овидду.

— Почтеннейший Эмерик, — стараясь говорить как можно уважительнее, произнес он. — Поверьте мне, эти места ничуть не более ужасны, чем любой другой уголок Британии. Я бы даже сказал, что много спокойнее, чем все прочие ее части. Что же касательно Божьих слов, то, смею вас уверить, земли Кернунноса внимали словам, обращенным ко многим богам, нимало не меняясь. И ни слова вашего Бога, ни какие-либо иные не откроют путь из Зачарованного леса до той поры, пока он сам не решит выпустить нас. Если желаете, можно остаться здесь. Но двигаться, преклонив колени, абсолютно бессмысленно.

— Что?! Да ты!!! — Эмерик начал возмущенно хватать воздух ртом, пытаясь найти должное клеймо для юного еретика. — Я предам тебя анафеме! Я!.. Я...

— Погодите-погодите. — Лис вклинился между спорщиками, одаривая обе стороны самыми обворожительными улыбками из имевшихся у него в запасе. — У нас, в Трансальпийской Галлии, говорят: заставь дурака богу молиться, он себе лоб расшибет, а не заставь — расшибет кому-нибудь другому, — скороговоркой выпалил он, не давая опомниться слушателям. — Это я к тому, что ежели у нас есть в

запасе разные способы выбраться из этой переделки, то почему бы не попытаться использовать их все. Торвальд, я верно говорю?

Спорщики насупились и, отвернувшись друг от друга, продолжали путь в полном молчании, похоже, весьма огорченные тем, что им не дали вцепиться друг другу в вихры.

— *Лис,* — я вызвал напарника, — *а ты уверен, что твоя трансальпийская пословица действительно подходит к этому случаю?*

— *Да ну, скажешь! Конечно, больше подходит: шо старе, шо мале — все один дурень. Так, ляпнул наудачу первое, шо пришло со словами «Бог» и «молиться». Но, похоже, сработало.*

Дальше мы ехали в молчании, пока солнце не стало клониться к закату, и нам уже со всей определенностью стало понятно, что продолжать поиски в сгущающихся сумерках — затея абсолютно бредовая.

— Костерок надо разложить, — обращаясь то ли ко всем имеющимся слушателям, то ли непосредственно к лесу, проговорил Рейнар.

— Надо, — согласился я. — Вот только... ты заметил, сколько мы едем, вокруг никакого валежника, никаких буреломов. Такое ощущение, что лес кто-то аккуратно почистил.

— Как же, — роясь в памяти, ответил Лис. — А та хреновина с загогулиной, которой Годвин принца глушил, чем тебе не дровеняка?

Щеки Годвина слегка порозовели, и он невольно оглянулся на своего пленника, скачущего вслед за нами лицом к хвосту одной из драбантовских лошадей.

— Видите ли, энц Рейнар, я тогда подумал, что мне нужна такая палка. Представил ее и... — юноша замялся, меряя взглядом разобиженного архиепископа, — она приползла.

— То есть как — приползла?! — удивился Лис.

— Сама.

Объяснение было в высшей мере пространное, но, похоже, добавить к сказанному Годвин мало что мог. Однако заботы о дровах и ветках для лежанок это не отменяло ни в коей мере.

— А, хрен редьки не ширше! — вздохнул Лис, подбрасывая в руке боевой топор. — Я не друид какой-нибудь, дрова приманивать не умею. Придется дедовским способом.

— Вон валежник! Глядите, целая гора! — крикнул Годвин, вытягивая вперед руку.

— Однако! — Я удивленно вскинул брови. — Только что ее там не было.

— Чур меня! Чур! — пробормотал за моей спиной преосвященный Эмерик. — Бесовское наваждение!

— Не беспокойтесь, святой отец, — гордо заверил его мой напарник. — Бесовскому наваждению не жить! Мы его сожжем.

Здесь лапы у елей дрожат на ветру,
Здесь птицы щебечут тревожно.
Живешь в заколдованном диком лесу,
Откуда уйти невозможно!

Перебор струн тревожил душу, заставляя стар и млад сопереживать герою баллады.

Тонкий месяц наклонился над нашим костром, точно вслушиваясь, и, похоже, даже преподобный Эмерик, подкрепивший силы остатками наших припасов, благосклонно внимал раздававшейся в ночной тиши песне. Наш ужин был далек от изысканности, да и вообще от понимания ужина в привычном смысле слова. Остатки лепешек, захваченных нами в Кэрфортине, несколько тонко нарезанных полосок мяса, просаливавшихся под седлами на лошадиной спине, да найденные Годвином съедобные коренья, вот все, что составляло нехитрое меню.

Святой отец вначале с нескрываемым подозрением смотрел на принесенные оруженосцем деликатесы, подозревая в них, очевидно, нечто сродное демоническим зельям, однако вид честных христиан, уплетающих трюфели за обе щеки, убедил пастыря в съедобности поданного блюда.

Больше всего меня сейчас огорчали две вещи: теряемое час от часу все больше время и, увы, необходимость делить и без того скудную трапезу с привязанным к дереву принцем Гвиннедом. Сэр Эгвед был молчалив, лишь сычом зыркал на подходивших к нему Лиса и Годвина, скупо благодаря их за пищу и воду. Когда окончательно стемнело и мы улеглись спать, валлиец, по-прежнему пребывавший на положении пленника, дурным голосом заорал какую-то дикую песнь, явно намереваясь лишить нас сна.

— Шо делает, сволочь! — пробормотал Лис, ворочаясь с бока на бок. — Как можно так фальшивить? Ото у мого батька так коза орала, когда ее волки драли. Годвин, прикажи своему пленнику заткнуться!

— Пусть поет, — покачал головой юноша. — Там сейчас его телохранитель, тот самый, что сбежал от вас, сэр Торвальд, ему веревки развязывает.

— Да? — удивился я. — И ты молчишь?

— А что говорить? — пожал плечами мой оруженосец. — Драбант выполняет свой долг — это правильно, так и должно быть. Я думаю, не стоит карать его за верность. Он целый день шел за нами следом, надеясь спасти своего господина. Пусть спасает. К чему нам лишний рот?

— Лишний рот для нас веревка! Умный мальчик, далеко пойдет! — восхитился Лис.

— Лишь бы Гвиннед не решил посчитаться с нами за свой позор, — с сомнением пробормотал я, не открывая глаз.

— Вряд ли у него что-нибудь из этого выйдет, — ничтоже сумняшеся ответил Годвин. — Сэр Эгвед слышит, что мы не спим. Да и тяжело заснуть под такое чудовищное пение. Стало быть, когда драбант распутает узлы, они со всех ног бросятся в лесную чащу. А по этому лесу годами можно ходить не встречаясь. Можно ходить и никогда не выйти. — Он печально вздохнул. — А можно выйти не тем, кем вошел.

Глава 24

Жениться надо всегда так же, как мы умираем. То есть только тогда, когда невозможно иначе.

Лев Толстой

Пение баллады продолжалось минут десять. Клиента Лис упаковал весьма качественно, и потому развязывать в потемках тугие узлы, да еще действуя скрытно, было занятием весьма непростым.

— О господи, когда же он угомонится? — недовольно пробурчал Лис, закрывая уши руками. — Нож ему, что ли, кинуть? Так ведь ценную веревочку испортит.

Наконец немилосердные путы, державшие принца Гвиннеда, ослабли, он рванулся изо всех своих немалых сил и, словно повинуясь предписанию пленившего его Годвина, бросился в лес, не разбирая дороги.

— Да блюдут они честно слово и обещание, данное победителю! — прокричал я, приподнимаясь на локте. — Взятые в плен в честном бою, да выплачивают они верно условленный выкуп. Или да возвращаются они по обещанию в означенный день и час в темницу; в противном случае они будут объявлены бесчестными и вероломными.

Ловить удирающего сэра Эгведа, говоря по правде, у нас не было ни желания, ни сил. Однако напомнить опоясанному собрату статью «Преславного устава честного рыцарства» я считал своей прямой обязанностью. Быть может, до Уэльса дошел неполный его вариант.

— Ходко поскакал, — зевая, заметил Рейнар.

— Точно тот заяц, — усмехнулся Годвин. — Вряд ли он слышал ваши слова, сэр.

— Ладно. — Я встал, поправляя меч. — Спите. Я покараулю.

Утро началось с молитвы преосвященного Эмерика. Надо сказать, это было больше, чем пасторальное зрелище, способное заставить всерьез задуматься прелатов римской курии, отвечающих за канонизацию новых святых. Вокруг примаса Британии кружило множество неведомых мне ярко окрашенных пичуг, звонко вторивших словам молитвы. Те же птички сидели на плечах и молитвенно сложенных руках архиепископа и, похоже, собирались строить гнездо на его тонзуре.

Собственно говоря, их-то пение и вывело меня из сонного оцепенения. Заливистый хор чащобных шансонеток, очевидно, привлеченных новыми для них звуками, вторил медно-звучной латыни с таким неподдельным энтузиазмом, что закрадывалось невольное предположение: уж не начнет ли преподобный Эмерик проповедовать слово Божье пернатому племени, не найдя здесь себе более подходящей аудитории. Волшебный лес — волшебным лесом, друиды — друидами, но устои церкви надо было срочно спасать.

Я поднялся на ноги, прокашлялся, выгоняя из легких скопившуюся за ночь мокроту, и начал усиленно размахивать руками, восстанавливая кровообращение.

— Утро, джентльмены. Пора в дорогу.

— Капитан, ты все перепутал, — не открывая глаз, благодушно заметил Рейнар. — Если его преосвященство закончило приманивать птичек, то как раз самое время позавтракать.

— У нас ничего не осталось, — заверил его я.

— Шо ты такое говоришь? Мы в лесу, а в лесу не бывает, чтоб не оказалось еды.

Годвин, уже поднявшийся и теперь сворачивающий шерстяной плащ, служивший ночью спальным мешком, кивнул, соглашаясь с замечанием моего напарника.

— Что здесь бывает, а чего не бывает, это вон даже он не знает. — Я кивнул на оруженосца. — Но одно могу сказать точно: если ты сейчас не проснешься, то имеешь вполне реальный шанс съесть сегодняшний завтрак во сне.

— Вот вечно ты так! — с упреком бросил мне Лис, садясь и обхватывая длинными руками колени. — Дитя каменных чащоб, нет в тебе доверия к волшебному лесу! Здесь все устроено правильно. Нужно было разжиться дубиной — пожалуйста, приползла прямо под руку. Нужны были дрова — я лишь топором потряс, и на тебе, хоть до зимы здесь отапливай. Кстати, — Лис внезапно оживился, — Годвин, святой отец, если я вдруг решу продать свою секиру, вы могли бы подтвердить, что воочию наблюдали это чудо?

Годвин кивнул. Архиепископ, укоризненно покачав головой, открыл рот, чтобы урезонить непутевого комита, но Лис опередил его, умиротворяющим жестом выставляя руки вперед:

— Все-все, никаких чудес здесь не было и быть не могло. И вообще это было в другой раз и не с нами. — Он закончил и печально вздохнул. — А неплохо было бы получить подтверждение примаса Британии, что у него на глазах топор одним встряхиванием заготовил эдакую кучу дров. Ладно, — Лис хлопнул себя ладонью по коленям, — шутки шутками, а действительно нужно озаботиться завтраком.

И мы озаботились. Особенных размеров эта озабоченность достигла примерно к полудню. Признаться, зверски раздражали грибы, прячущиеся в землю при нашем появлении, и птицы, уносящие гнезда с яйцами, стоило лишь Годвину забраться за ними на дерево.

— Куды ж вы его потянули?! — глядя на семейство дроздов, улепетывающих от нас с жилищем в клювах, орал Лис. — Вы ж по дороге больше разобьете, чем мы съедим! Поимейте ж совесть в конце концов!

Но пернатые оставались глухи к увещеванию моего друга. Как, впрочем, и вся другая живность, еще недавно обильно населявшая это диковинное местечко.

— Это все из-за топора. — Лис воздел к небу указательный палец. — Зря я тогда сказал, что он дрова заготовил. Да-а, некрасиво как-то получилось. Капитан, шо делать?

— Прощения просить, — пожал плечами я.

— Точно! Святой отец, ты вчера что-то про покаяние говорил? Так вот, насчет топора я того, перегнул, каюсь. Ау, лес! Меня слышно? Честное слово, каюсь. Шо б мне никогда еды не видеть! — Лис размашисто осенил себя крестным знамением, вызвав при этом удивленный взгляд Годвина и возмущенный его преосвященства. Но Рейнару было не до того. — О, теленок! — Он ткнул пальцем в маячившую чуть справа прогалину, на которой преспокойно пасся пегий теленок с красным платком на шее. — Падре! — Мой напарник повернулся к преосвященному Эмерику. — Ну, блин, класс! Никогда еще не видел, чтобы покаяние действовало с такой скоростью. — Он направил коня в сторону прогалины. — Джентльмены, принимаю заказы на отбивные.

— Это брэг! — вслед Рейнару крикнул оруженосец.

— Ты с ним знаком? — Сергей не отводил взгляда с вожделенной добычи. — Ладно, так и быть, напоследок передам ему от тебя привет.

— Да нет же! Это брэг! — вновь крикнул Годвин.

— Да ладно тебе! — Лис выехал на прогалину и резко дернул узду на себя, поднимая коня на дыбы. — Япона мать!

Там, где лишь мгновение тому назад мирно пощипывал травку пегий телок, невесть откуда появился совершенно обнаженный юноша

без головы. То есть поймите меня правильно, не то чтобы он был обезглавлен, голова попросту не была предусмотрена при его создании. Подтверждая наши наблюдения о том, что отсутствие органа управления ничуть не мешает нормальной жизнедеятельности волшебной твари, брэг опрометью бросился наутек, сверкая черными пятками.

— М-да, — возвращаясь к нам, выдавил Рейнар. — М-да.

— Я же говорил, что это брэг! — укоризненно бросил ему юноша.

— М-да... Заявки на отбивные можно считать аннулированными.

Мы продолжали свое турне, невольно вспоминая все те пиры, на которых, невзирая на отчаянное упорство едоков, большая часть блюд оставалась едва лишь тронутой, все сытные домашние обеды, да господи, гнусное макдоналдовское жерево с картонными булками и котлетами из мяса неведомого зверя. Чем не пища для обитателей волшебного леса, к которым я с затаенной тоской уже начал причислять нашу компанию? Однако все это было лишь в воспоминаниях, и с этим приходилось мириться, как тут ни выходи из себя.

— Брэг — это оборотень, — не унимаясь, объяснял моему другу Годвин. — Не слишком опасный, но злобный и пакостный. Его хлебом не корми, дай только над человеком покуражиться. Обычно он прикидывается лошадью и, дождавшись, когда какой-нибудь простак, не заметив на белой лошади черного пятна вокруг хвоста, усядется на нее, брэг тут же мчится к оврагу или берегу реки и сбрасывает незадачливого седока со спины, норовя сломать ему шею. Еще брэг может превращаться в такого теленка с платком на шее, безголового юношу, в осленка с раздвоенными копытцами... всех и не упомнишь. Но всегда какая-нибудь несуразица, да сыщется.

Лис молча внимал вдохновенному рассказу ученика друидов, вероятно, прикидывая, отличаются ли отбивные из филейной части брэга от подобных же телячьих.

Бог весть сколько бы мог длиться этот голодный поход, но тут наперерез Мавру выскочила босоногая девица в неглиже и с диким воплем помчалась перед моим скакуном.

— Эта, похоже, уже доблуждалась, — мрачно подытожил увиденное Лис.

— Здесь что-то не то, — бросил я, оглядываясь по сторонам. — Откуда же она бежит? — Я повернул коня в ту сторону, откуда примчалась девица, и над верхушками подлеска заметил качающийся силуэт нашлемника. — Оленьи рога, несущие пронзенное сердце, — среди английских рыцарей никто не пользуется такой эмблемой.

— Шо, — Лис подъехал ко мне и уставился туда, куда смотрел я, — очередной незнакомый герб? Или, — он замялся, — какие-нибудь еще неизвестные конкуренты?

— Нет, вероятнее всего, местное рыцарство.

— Только этого нам не хватало на голодный-то желудок!

— Лис, значит, так, я еду вперед и выясняю, чего это вдруг девушка в таком виде бежит от рыцаря в полном вооружении. А ты пока проконтролируй, чтоб в мое отсутствие с архиепископом и Годвином не случилось чего-нибудь фатального. А то, — я тронул шпорами бока Мавра, — погляди, как они друг на друга смотрят. Горло перегрызут и на оборотней спишут.

— Фигня, — прокричал мне вслед Лис. — Двумя едоками меньше.

Девица неслась по пересеченной местности, потрясая прелестями в весьма ажурных обрывках белого одеяния. Причем мчалась она столь резво и столь ловко, что поневоле закрадывалось предположение, уж не является ли вдруг этот маршрут привычным для предобеденной пробежки красавицы. А одежда... Ну что одежда? В волшебном лесу непросто достать подходящий спортивный костюм.

Однако предположение предположениями, а выяснить, что подвигло неизвестную бегунью на эдакий марш-бросок, я считал обязательным для всякого уважающего себя джентльмена.

Со стороны сейчас, должно быть, казалось, что за дамой гонятся не один, а два рыцаря. Окажись в этот момент в окрестностях еще какие-нибудь представители нашего славного племени, и за лесной прелестницей на ближайшую поляну могла выехать целая кавалькада самозваных защитников неведомой бегуньи.

Наконец я поравнялся с прелестницей, и та, воздев на меня адриатической синевы очи, взмолилась, хватая Мавра за узду:

— О, благородный сэр! Заклинаю вас, защитите меня от злобного и коварного лорда Никомада! Он хочет растерзать меня!

— *Ну, то, что хочет* — это понятно, — пронеслась у меня в голове мысль Лиса. — *Но зачем же растерзать? К чему такие крайности?!*

— Я благородная дама Изигринда, — опуская опечаленное лицо и демонстрируя длинные белые волосы, никогда не ведавшие перекиси водорода, всхлипнула беглянка. — Помогите мне, сэр рыцарь.

— Эге-гей! — раздался справа от меня громкий и явно неприветливый голос. — Кто ты, незнакомец, дерзнувший стать между мною и моей избранницей?

— Я Торвальд герцог Инистор, рыцарь Круглого Стола. — Мавр сделал пируэт на месте, разворачиваясь в сторону окликавшего меня противника. — И я не дам тебе причинить зло этой прекрасной даме.

Признаться, диалог получался несколько выспренним, но тут уж ничего не попишешь, обмен такими любезностями был чем-то вроде пароля для подобных встреч на лесных опушках.

— Я не знаю, о каком круглом столе ведешь ты речь, — прорычал злодей, обнажая меч, — но я, сэр Никомад Октавианогельский, разрублю тебя пополам, будь ты хоть сам курнифур.

— Простите, кто? — переспросил я, но противник, сардонически захохотав, не пожелал дать мне ответа. Он пришпорил своего скакуна и, вынося меч для удара, помчался на меня.

Честно говоря, это было уже абсолютное хамство. Ну, ярость яростью, полуобнаженная красотка полуобнаженной красоткой, но нападать на собрата, не дав ему снарядиться к бою, — воистину дурной тон. Однако времени для пререканий с неучтивым сэром Никомадом не было, и я обнажил Каттабайл, надеясь нашими с ним общими усилиями компенсировать отсутствие щита и доспеха, оставшихся на одной из вьючных лошадей, еще недавно принадлежавших драбантам.

Сэр Никомад был все ближе, и эмблема на его щите была ясно различима: лежащий серебряный олень с золотым ошейником в червленом поле, несущий в рогах золотое пронзенное сердце. Серебряный олень, пронзенное сердце, алое поле — классический набор эмблем служения даме. И на тебе, безудержная погоня за этой самой дамой по лесной тропинке! Странно. Но времени для разъяснения данного парадокса не было, и, наклонившись к холке Мавра, я погнал его навстречу рыцарю серебряного оленя, готовясь нанести удар.

Мы столкнулись прямо посреди поляны. В последнюю секунду сэр Никомад, испускавший воинственный рык из-под личины шлема, резко бросил руку с мечом вниз, и мой клинок, не встречая сопротивления, разрубив чешую доспеха, вонзился ему в грудь.

— Благодарю, сэр Торвальд, — выдохнул алый рыцарь, выпадая из седла.

— *Сэр выпал,* — услышал я на канале связи. — *С ним была плутовка такова. Вот, Капитан, теперь мы никогда не узнаем, кто такой курнифур.*

Не слушая друга, я соскочил наземь и начал снимать шлем с поверженного противника.

— О, доблестный незнакомец! — радостно залопотала яснооkая прелестница, подскакивая ко мне, хватая за руку и любезно демонстрируя те части прелестей, которые были закрыты для обозрения из седла Мавра. — Не стоит беспокоиться о мерзком сэре Никомаде. Он получил по заслугам.

— Леди, — я мягко убрал руку, тянущую меня в сторону от пронзенного тела, — его следует похоронить. Каким бы негодяем он ни был, он умер рыцарем. Герольд не прочел над ним свой приговор, шпоры его не были срублены, а щит не разбит на части и не утоплен в навозе. Я не должен оставлять без погребения собрата по оружию.

— Ах, оставьте! — замахала руками красотка. — Лучше помогите мне! Разве вы не видите, я вся дрожу от страха и холода. А о нем, — дама гневно пнула ногой преследователя, — так уж и быть, позаботятся мои слуги.

В этот миг отстегнутый мною шлем свалился с головы сэра Никомада, и я увидел его лицо... Если мне кто-либо скажет, что в подобном возрасте я смогу не только забраться в седло, но и вполне резво гоняться за полуобнаженными девицами, при этом размахивая в воздухе мечом, честно говоря, не знаю, что буду делать: то ли разговаривать с собой на «вы», то ли смеяться над низким льстецом. Полагаю, в тот миг, когда король Артур своим первым криком огласил своды замка Тинтажель, этот хозяин Октавианогелии уже достиг пенсионного возраста. Тут уж не седина в бороду — бес в ребро, тут уж в ребрах целый выводок бесов, организованных в большую колонию адского пекла. Лицо мертвого рыцаря было изборождено морщинами так, будто последние годы он только тем и занимался, что пахал и перепахивал его вновь.

— Пойдемте! Скорее пойдемте отсюда! — тянула меня Изигринда. — Ах, я вас прошу! О, мне дурно!

Я едва успел подставить руки, чтобы словить прелестный груз. Красавица, умудрившаяся на короткой дистанции обогнать Мавра, лежала у меня на руках бездыханным кулем, едва ли не столь бездыханным, как сраженный мной ветеран рыцарского движения.

— Умопомрачительная картина! — выезжая на поляну, воскликнул Лис. — Господа, вам на это лучше не смотреть. Капитан, желчно завидую. Я злодея погубил, я тебя освободил, и теперь, душа девица, на тебя хочу... взобраться. Нет, там как-то по-другому было. На тебе хочу жениться! Ну ладно, суть дела это не меняет.

— Рейнар, постыдись, — попытался я урезонить напарника. — Видишь, девушке плохо.

— Зато тебе хорошо.

— Лис! — возмутился я.

— Все-все-все, сейчас постыжусь! Вот только налюбуюсь, чтоб было чего стыдиться.

При этих словах очаровательница распахнула синющие глаза и спросила недоуменно:

— Как, мы все еще здесь? — Не дав мне промолвить ни слова, она обвила мою шею руками и одарила таким поцелуем, что мир начал напоминать мне американский флаг: красно-белые полосы в глазах и синее небо в белых звездочках. — Назовите свое имя, о отважный спаситель. — Она коснулась моей небритой щеки своими тонкими нежными пальчиками, и я с ужасом почувствовал, что начинаю краснеть.

— Торвальд, — промямлил я.

— Какое звучное имя! Какое мужественное! В нем медь боевых труб и звон мечей, не знающих поражения. О доблестный рыцарь, я обязана вам жизнью, — ее пухлые, чуть капризные губки разомкну-

лись, требуя поцелуя, но я стоял парковой статуей, отчего-то не решаясь ответить на более чем недвусмысленный призыв.

— Мадам, — вмешался Лис, должно быть, опасающийся моего полного окаменения, — как видите, сэр Торвальд от восхищения совсем утратил дар речи. А потому, если позволите, я, его ближайший друг и соратник, поведаю вам о тех треволнениях и... этих самых... невзгодах, которые нам довелось геройски пережить, пока мы ломились сюда в целях вашего спасения. Короче, мадам, у вас пожрать не найдется? Капитан, отомри! В смысле, наоборот, приди в себя, а то ты и так близок к отмиранию. Вернемся домой, я тебя отвезу в Малибу, там такие блондинки бродят толпами и все сплошь в бикини. Любая из них твоя! А эту оставь в покое, нам, считай, через неделю возвращаться, нашел время амуры разводить. *Поставь тетку, где взял!* — требовательно раздалось у меня в голове.

— А... я... где?.. что?.. Да. — Я аккуратно поставил прелестницу на землю, похоже, к явному ее неудовольствию. И проговорил, запинаясь: — Мой друг... Это Рейнар... он мой друг. Он это... Рейнар, — больше я не мог выдавить ничего.

— Ну, вы видите, — вновь перехватил инициативу Лис, — до чего любовь и голод доводят доблестного рыцаря?! Не дадите же вы ему пасть крест-накрест с этим вашим погонщиком от мучительной голодной смерти? Представьте, он будет здесь лежать, валяться, корчиться, биться в конвульсиях, а стук сердца, разносимый пустым желудком, точно барабаном, будет вещать лесу имя прелестной и жестокой, как там тебя, Извергильды.

Казалось, лишь только сейчас девица увидала всадника, вот уже несколько минут упражнявшегося рядом с ней в красноречии. Она смерила его удивленным взглядом с головы до ног и произнесла коротко:

— Да, несомненно.

Что именно «да» и в чем, собственно, не сомневалась леди Изигринда, осталось так и невыясненным. Она сделала небрежный жест рукой, точно переключая каналы на пульте дистанционного управления, и из лесу вывалилась толпа разнообразных слуг, словно только и дожидавшихся команды своей госпожи.

— Вот это да! Вот это круто! — восхитился увиденным Лис. — Буквально чудеса кинематографа!

Он с неподдельным интересом наблюдал, как мускулистые темнокожие слуги сооружают занавесь из льняных простыней, как спешат к этой занавеси хорошенькие камеристки с разнообразными элементами дамского туалета в руках, как устанавливаются посреди поляны деревянные козлы, укладывается поверх них дубовая столешница, покрывается белоснежной скатертью, а уж на нее-то...

Наши изголодавшиеся желудки готовы были выпрыгнуть наружу, спеша расправиться с гастрономическими изысками, аппетитно расставленными на столе.

— *Капитан, шо-то я не понял,* — любуясь сервировкой, передал Лис, — *это что же такое выходит? Впереди колонны бежала наша подруга, так сказать, грудью вперед браво. За ней старикан, который тебе на меч бросился. А за этим самым сэром толпа слуг со столами, лавками, жареными утками, кабанами и прочей снедью. О, посмотри,* — перебил он сам себя, — *жмура твоего хоронить потащили. Двое волокут, третий рядом идет с лопатой и заступом. Они что ж, шанцевый инструмент с собой на всякий случай прихватили, или же тут время от времени кого-нибудь хоронят? Если сейчас появится помощник режиссера с хлопушкой, я не удивлюсь.*

Помощник режиссера с хлопушкой не появился. Зато из-за импровизированной ширмы выплыла леди Изигринда в роскошном белом, точно подвенечном, платье.

— *Снегурочка!* — дурным голосом заорал на канале связи Лис. — *Расскажи, Снегурочка, где была, расскажи-ка, милая, как дела? От тебя я бегала, Дед Мороз, пролила немало я горьких слез. Слушай, Вальдар, ты, случайно, не местного Санта-Клауса завалил? По возрасту вполне подходит.*

— *Да ну тебя!* — отмахнулся я и, подойдя к красавице, куртуазно протянул ей руку, чтоб подвести к столу. — Сударыня, поверьте, я счастлив...

— *Ну все, пошло-поехало! Не волновайся, Капитан, полагаю, койку следующая партия слуг уже тащит к ближайшим кустам.*

Мы начали рассаживаться вокруг стола, когда Лис с церемонно-помпезным видом записного придворного подвел к столу двух наших спутников, до этого отогнанных им в лес с целью сохранения морально-нравственного облика подрастающего поколения и клира. Однако сейчас одежда красавицы вполне соответствовала требованиям приличий, и стойкий блюститель нравственности Лис мог без ущерба для душевного спокойствия остатков нашего отряда представить их знатной леди.

— Мадам, — проворковал он, — поскольку речь моего друга по-прежнему находится в изрядном затруднении, позвольте мне, понятное дело, от его имени представить вам наших спутников. Вот этот матерый старик в обносках, которые порядочный нищий не осмелится надевать никуда, кроме как на работу, является архиепископом Кентерберийским и особой, приближенной к императору Британии.

А этот стройный юноша, пожирающий вас глазами с тем же восхищением, с которым я вскоре надеюсь пожирать во-он ту подрумяненную пулярку, носит красивое имя Годвин, в котором шаг време-

ни буквально сливается воедино со звуком пьянящего сока виноградной лозы, бьющей в чеканный серебряный кубок. Как и хорошее вино, чем старше будет становиться сей отрок, тем он будет крепче и драгоценнее. Он несомненный сын своего отца, графа, имя которого вам назовет сэр Торвальд, когда наконец придет в себя, поскольку я не могу выучить его даже под пыткой.

Меня же именуют Рейнаром и величают Лисом. М-м... очевидно, за то, что я люблю курятину, — завершив представление, Сергей грациозно поклонился, демонстрируя галантность, достойную придворного эпохи Людовиков.

— Архиепископ Кентерберийский? — по всей видимости, пропуская мимо ушей все титулы и славословия, переспросила леди Изигринда. — В моем лесу? Вот уж небывалый гость! Присаживайтесь, почтенный старец. Для меня неслыханная честь принимать вас за этим столом.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, — вновь появился на канале связи Лис, *— но добрая христианка, пожалуй, обозвала бы Эмерика преосвященством и уж наверняка бы попросила благословить трапезу.*

— А почему, собственно, благородной леди, живущей в Зачарованном лесу, не придерживаться веры в старых богов? Быть может, Эмерик вообще первый христианский священник, попавший сюда.

— Так-то оно, конечно, так, но есть в этом что-то странное. Вроде того теленка с пионерским галстуком на шее. Надо будет у Годвина при случае спросить.

Случай не представлялся долго. За столом нас было всего лишь пятеро, а потому разговаривать незаметно могли лишь мы с Рейнаром. К тому же вышколенные слуги так резво наполняли наши кубки и подкладывали на стоящие перед нами серебряные блюда новые восхитительные куски деликатесов, что вставить лишнее слово было просто не по силам четырем изголодавшимся путникам.

— Благородные гости, — хозяйка стола поднялась со своего места, отвечая на очередной тост, — я рада, что судьба свела меня с вами. Никогда прежде не доводилось мне встречать здесь, в Зачарованном лесу, такого единения доблести, учтивости, мудрости и высокого знания, коим являетесь вы. Но открою вам врата сердца моего: один из вас стал мне люб, лишь узрела я его в грозном величии на черном, словно беззвездная ночь, коне.

— Эт-то что, там, в лесу, когда она Мавра на повороте обошла? Вот это зоркий сокол! Я по сравнению с ней так вообще слепой Гомер.

— Лис!

— Ну хорошо-хорошо, одноглазый адмирал Нельсон.

—.Лис, в конце концов ты дашь послушать или нет?!

— Или да в конце концов дам.

— Сэр Торвальд, я прошу вас, останьтесь здесь со мной. Будьте мне опорой и защитой. Будьте мне мужем и владейте всем тем, чем владею я. Если пожелаете, оставайтесь все. Если нет, я богато одарю вас и проведу до границы Зачарованных земель. Иначе вам никогда не найти выхода из них.

Мы с Лисом переглянулись. Информация, сообщенная хозяйкой, была отнюдь не обнадеживающей. Однако оставаться здесь тоже не входило в наши планы.

— О, прекрасная госпожа Изигринда. — Я встал, собираясь с мыслями и пытаясь говорить как можно более убедительно. — Не скрою, вы также полюбились мне с первого взгляда.

— *Так было ж на шо посмотреть!..*

— *Сережа, не сбивай с мысли. Здесь высокая политика, а у меня и так язык во рту еле ворочается.* С тех пор, как нога моя ступила на берег Британии, я не встречал дамы столь прелестной и столь обходительной, а поэтому я бы счел для себя высшим счастьем ответить на ваш страстный призыв. Но рыцарский обет, который я обязан завершить, велит мне вновь отправляться в путь. — Я невольно вспомнил поручика Ржевского, вернее, в тот момент уже бригадира Ржевского, вынужденного дать обещание жениться в обмен на запасы табака далекой Виргинской плантации. Ему тогда немало пришлось побегать по Америке, по Европе, а затем вернуться в Россию, чтобы укрыться от любвеобильной виргинской плантаторши, жаждущей женить на себе красавца гусара. Кто знает, чем бы окончилась вся эта история, когда бы не встретился ей на пути молодой лейтенант колониальной артиллерии Наполеон Буонапарти. Мне помощи ждать было неоткуда. — Но лишь только закончу я подвиг, положенный мне обетом, я вновь вернусь к вам... — Я не успел договорить, как леди Изигринда зарыдала, уронив голову на ладони.

— О несчастная я, несчастная! Ни в ком мне не найти опоры! Тот, кто мне милее всех, отверг мою любовь, и безутешно горе мое!

— Сударыня, — я пытался как можно мягче урезонить плачущую женщину, — я же сказал, что вернусь. И вновь готов повторить это.

— Что ж, я вам верю. — Леди подняла на меня заплаканные глаза. — Когда вы захотите вернуться ко мне, только оглянитесь, мой замок будет всегда у вас за спиной.

Я невольно повиновался ее словам. Многобашенный замок красовался на неприступной скале, царившей над лесом.

— *Ну ни хрена себе!* — возмутился Лис, увидевший стены и башни твердыни моими глазами. — *А так смотрю — ничего нет.*

У меня не было желания разбираться с оптическими фокусами. Хозяйка замка, сорвавшись с места, вновь припустилась бежать, все дальше углубляясь в лесную чащу.

— Этак никаких платьев не напасешься, — резонно заметил Лис. — Ладно, давай хоть доедим, что здесь осталось.

Но не тут то было. Молчаливые слуги прелестной спринтерши споро принялись за дело, убирая посуду, сворачивая скатерть и разбирая стол, и все это в полном молчании, не обращая никакого внимания на нас.

— Куда?! Куда?! — пытался остановить их Лис. — Еду оставьте, она уже надкусана!

С тем же успехом он мог разговаривать с деревьями. Слуги резво собрались и исчезли вслед за госпожой. В тот же миг мы вновь почувствовали голод, еще более ноющий, чем прежде.

— Блин! — возмутился Лис, невольно хватаясь за пустое брюхо. — Ну надо же! Вот оно наказание за нарушение заповеди: не пожелай жену ближнего своего всуе!

— Я могу ошибаться, — неуверенно начал Годвин, — мне никогда прежде не доводилось быть в этих местах, но... по-моему, это была Белая Дама. И она ни за что не выпустит нас из леса, пока не добьется своего.

Глава 25

Не рой другому яму, пользуйся
теми, которые вырыты для тебя.

Правила пользования лопатой

Несомненно. Несомненно, это была Белая Дама. Вероятно, я бы и сам узнал ее, когда бы не поцелуй, которым она одарила меня за свое спасение. Полагаю, ответь я ей тем же, и никакая сила не смогла бы оторвать меня от лесной прелестницы. В сущности, никто не мог достоверно сказать, чем бы все это закончилось.

Белая Дама была весьма загадочным существом. Одни утверждали, что появление ее сулит несчастье, другие, напротив, говорили, будто встреча с ней — хороший знак, что она добра с теми, кому посчастливится ей понравиться, и что многие, встреченные Белой Дамой, возвращались домой с богатыми подарками, неизменно приносившими удачу.

Говорили также, что вкусившие ее любви никогда больше не могли без отвращения взирать на какую-либо иную женщину и неизменно тосковали по ее обжигающим ласкам, ища дорогу в Зачарованный лес.

Не знаю, что из всего этого было правдой, но образ синеокой красавицы действительно не шел из головы, сколько бы ни пытался я его отогнать. И вместе с тем из головы не шел образ рыцаря серебряного оленя, не ведавшего о существовании Круглого Стола и отчего-то не принятого волшебным лесом, как это было с драбантами принца Гвиннеда. Я печально молчал, не слушая лисовский треп и перепалки несгибаемого Эмерика с прямодушным Годвином.

Не знаю уж, куда мы ехали? Называлось это поисками выхода из леса, однако раз за разом тропы вновь приводили нас на поляну пиршества Белой Дамы, как бы ни пытался Годвин вывести отряд по одному ему известным приметам, как бы ни метил Лис дорогу обрезками ценной веревочки. Все поиски были тщетны. Когда же наступила ночь, мы вновь оборудовали временную стоянку и вновь разложили костер из хвороста, перекочевавшего с места нашей прежней стоянки сюда.

Я лежал, созерцая низко висевшие звезды, убеждая себя, что необходимо заснуть, и никак не находя достаточно веских доводов этому для своего организма.

— Господи! — Лис вскочил со своей лежанки точно ужаленный, указывая на восходящее ночное светило. Над лесом поднимался тонкий месяц, все больше напоминающий тот, который обычно рисуют на флагах исламских стран. Красиво, изящно, но в целом ничего особенного.

— Месяц как месяц, — пробормотал я, пожимая плечами.

— Эт-то ты верно подметил, — хмыкнул Лис. — Это месяц как месяц. А вон то? — Он ткнул пальцем в противоположную сторону.

Там, куда указывал мой друг, над верхушками деревьев поднимался еще один доеденный почти до корочки огрызок луны. Только, судя по всему, двигался он в прямо противоположном направлении.

— Но этого же не может быть! — Я ошарашенно повел глазами от одного космического объекта к другому. — Луна же одна! Опять-таки тень Земли... она же так не может! — Моя вялая попытка восстановить астрономическую справедливость была прервана страстными причитаниями архиепископа Кентерберийского, пытавшегося немедленно зачислить увиденное нами в число божественных знамений, наряду с кометами, затмениями и падающими звездами. Честно говоря, у меня не было настроения внимать цитатам его преосвященства из пророка Илии и откровений апостола Иоанна, и, отключившись от речи церковного иерарха, я все-таки уснул, надеясь увидеть во сне то, до чего не дошло у нас дело с Белой Дамой.

Следующий день не принес в наше положение каких-либо заметных изменений. Словно сжалившись, лес время от времени подкидывал нам скудное пропитание: то куст лещины, то трюфели, то

пару рыбешек, выпрыгнувших нам навстречу из невесть чему радующейся студеной лесной речушки. Так было и на следующий день, и через день, и все попытки выйти из заколдованного круга вновь и вновь приводили на поляну боя с сэром Никомадом.

— Послушай, — наконец махнул рукой я, понимая всю тщетность наших стараний отыскать дорогу из владений леди Изигринды. — Рейнар, как ни крути, мы попали. Сколько мы уже здесь бродим? Пять дней? И все это время на голодном пайке. Годвин правильно сказал — Белая Дама нас отсюда не выпустит. Уж во всяком случае, живыми.

— У тебя есть какие-нибудь предложения, или это просто так, ценные замечания на тему? — хмуро отозвался напарник, за последние дни утративший изрядную долю своего обычного веселья.

— Предложения, — кивнул я. — Я вернусь к Белой Даме и стану ее мужем. А она выведет вас из леса. В конце концов ты можешь управиться с делом и без меня. Магэран и Сабрейн тебе помогут.

— Обалденное предложение! А в конторе я, значится, скажу, шо у тебя медовый месяц, и потому просьба не беспокоить. И пришлют они сюда команду ликвидаторов с целью привести все опять к общему знаменателю.

— Ты ж им все объяснишь!

— Господи, отец родной, что им можно объяснить? Ты не помнишь, сколько эти лунолобые мурыжили нас по отчету, пытаясь вычесть из зарплаты расходы на отправку спасательного катера на Калку? Ты думаешь, хоть один из них действительно поверил в Горе-Злосчастье? Болтов тачку! Расскажи я им о Зачарованном лесе, в котором кони превращаются в оленей, дрова заготавливаются сами по себе и луны, гонимые завихрениями хронопотока, восходят навстречу друг другу, и ставлю фунт стерлингов против пуда рублей — личные покои в буйном отделении реабилитационного центра и рубаха с рукавами до земли мне гарантированы.

— Лис, другого выхода нет. Я отдам тебе пергаменты, и Белая Дама выведет вас из леса. А обо мне... не говори о медовом месяце, придумай что-нибудь на тему морского боя и геройской гибели в пучине. Не то действительно решат искать тело...

Я не договорил и замолчал, прислушиваясь.

— Хе-хе! Хе-хе! Хе-хе-хе! — раздалось где-то совсем рядом, и неведомая сила с такой мощью дернула Мавра за хвост, что возмущенный конь встал на дыбы, едва не сбросив меня наземь.

— Ну, елкин корень! — возмутился Лис, глядя, как улетает вдаль его щегольская шляпа с заветным совиным пером. — Не понос, так золотуха! Только Рыжего Гнома нам здесь и недоставало!

— Он дал слово отказаться от мести.

— А ты думаешь, что он нам так мстит? Это он беззлобно развлекается, комары его заешь!

Между тем наш старый знакомец, очевидно, неудовлетворенный произведенным эффектом, пошел на второй круг, нахлобучив шляпу Лиса задом наперед на голову Годвина и отстегнув подпруги седла преосвященного Эмерика, бросился щекотать юного оруженосца, так что со стороны казалось, будто несчастный пытается танцевать рэп, не слезая с седла.

— Хе! Хе-хе! Хе-хе-хе!

Я спрыгнул наземь, бросаясь на помощь упавшему архиепископу, и тут же столкнулся с ним лбом под новое хихиканье шута Кернунноса. Искры брызнули из глаз праздничным фейерверком, угрожая воспламенить сухую листву, устилавшую тропку. Впрочем, кто знает, мог ли гореть Зачарованный лес иначе как находясь в категории дров. Гаденькие смешки Рыжего Гнома начали удаляться, очевидно, вдоволь натешившись с нами, непоседливый гном помчался искать новую забаву, но тут... Со стороны показалось, будто далеко впереди тропа внезапно поднялась и затянулась в воздухе тугим узлом. Сухая листва, кружась и опадая, обозначила контур мелкоячеистой сети, подброшенной в воздух распрямившейся веткой.

— Ви-и а-а! Ви-и а-а! — раздалось из сетчатого мешка, зависшего над тропой.

— Ни хрена себе! — с чувством сказал Лис, глядя на дергающийся между ветками мешок. — Это кто ж здесь западни ставит?

Зачарованный лес не преминул удовлетворить любопытство моего друга. Со всех сторон на тропу вывалили существа пониже Годвина, но раза в три шире его в плечах, покрытые бурой шерстью, с длинными когтистыми лапами и клыками-кинжалами, вполне годившимися для рекламы новой зубной пасты.

— Пф-е, — выдохнул Лис. — Вот только гоблинов нам здесь не хватало. Капитан, напомни мне, пожалуйста, что у нас полагается делать при встрече с этими милыми существами?

Я мельком кинул взгляд на преосвященного Эмерика, пребывающего в бессознательном состоянии после «лобовой атаки», и, порадовавшись за него, взялся за меч:

— С гоблинами лучше не связываться.

— Весьма практичное наблюдение, — почтительно заметил Лис, готовя лук к бою. — Хочется верить, что они нас не заметили.

Дюжины полторы зубастых недомерков с тяжеленными дубинами в лапах, мешая друг другу, прыгали вокруг спущенной с небес сети, наперебой пытаясь ударить по трепыхающейся фигуре Рыжего Гнома. Визги и вопли его, разносившиеся над округой, непреложно свидетельствовали, что шут все еще жив. Но долго ли он при всей

своей ловкости и быстроте мог противостоять граду сыпавшихся ударов? Вряд ли.

— Блин, как сказал слон, наступив на колобка. — Лис укоризненно покачал головой. — Отчего-то жалко беднягу. Все-таки вместе на груагаха ходили.

— У вас есть клык Красной Шапки, — проговорил молчавший все это время Годвин.

— Что? — Мы с Лисом оглянулись, и я заметил, что на кожаной куртке оруженосца уже имеется четырехлепестковый листок клевера.

— Клык Красной Шапки, подобранный вами на камланнском поле, — вновь напомнил недавний овидд. — Гоблины боятся его, как огня.

— Годвин, ты голова! — гордо констатировал Рейнар, запуская руку в походную сумку. — Ежели станешь рыцарем, смело можешь величать себя Годвин Мозговитый. Ну шо, Капитан, не возражаешь, если я этих жутиков шугану?

— Давай, — неуверенно сказал я. — В случае чего, я тебя прикрою.

— Окстись! В случае чего нас здесь всех прикроют. Ну что, Годвин, твоими молитвами! — Лис дал шпоры коню. — Пошто ребенка обидели, ироды! — разнеслось над Зачарованным лесом. — Задавлю! На валенки обрею! Порву, шо бобик грелку! — Лис мчал по тропе бешеным галопом, и клык в его руке светился, словно олимпийский факел. — Порешу-порежу! Глаз на пятку натяну и моргать заставлю!

Гоблины были существами не робкого десятка. Я знавал случаи, когда такие саблезубы выходили победителями с десятком вооруженных бойцов. Но явление моего друга с его камланнским сувениром явно подействовало на их нервную систему разрушающе. Оглушенные его угрозами, они бросились врассыпную, исчезая в лесу и оставляя Лису в качестве трофея с десяток дубин и дергающуюся сеть.

— Ну шо, спужались?! — Лис спрыгнул с коня. — Так вам, злыдни! Я и сам себя боюсь. — Он протянул руку к сети и, отдернув, затряс ею в воздухе. — Твою ж мать! Капитан, ну ты такое видел?! Они сеть из крапивы сплели!

В моей голове пронеслись какие-то смутные воспоминания о магических свойствах этого растения, почерпнутые, кажется, из детских сказок. Только там, по-моему, речь шла о крапивных рубашках. Если память мне не изменяла, они мешали братьям-лебедям превращаться из людей в птиц. Возможно, подобная сеть каким-то образом противостояла магическим заклинаниям, а может быть, гоблины всегда плели свои сети из жгучей травы, не ведая другого материала.

Лис обнажил кинжал и начал вспарывать им обжигающие ячейки.

— Хе-хе, ох. Хе-хе-хе, о-ох! — Рыжий Гном, заметив просвет в западне, ринулся в образовавшуюся дыру и, вырвавшись на волю, как ни в чем не бывало заплясал на плечах у Лиса.

— Здорово, приятель. — Рейнар стряхнул его на землю. И коротышка, кубарем скатившись вниз по его спине, не замедлил наступить спасителю на ногу. — Уши надеру! — прикрикнул на гнома мой напарник.

Проказник, должно быть, инстинктивно прикрыл голову руками, глаза его округлились, и он опрометью бросился к разрезанной сети.

— Не это ищешь? — Лис запустил внутрь ловушки руку и, не обращая внимания на ожоги, вытащил на свет божий драгоценную шапочку огненноволосого шалуна.

— Отдай! Отдай! Мое! — обиженно взвыл гном. — Отдай!

— Да на, пожалуйста! — Лис протянул жадине подарок Кернунноса. — Носи на здоровье!

Гном выхватил свой головной убор из рук Лиса, напялил его на макушку и тут же исчез.

— А мог бы и спасибо сказать! — вздохнул Сергей.

В тот же миг гном появился вновь и, замерев на месте, что само по себе казалось маловероятным, отвесил низкий поклон, держа одну руку у груди, а вторую, со шляпой, за спиной.

— Ты не хотеть? Ничего-ничего? Ничего-ничего-ничего? — Похоже, шут бога чащоб все еще никак не мог поверить, что вожделенная часть его костюма досталась ему так просто, без всяких условий.

— Пожалуй, перекусить бы сейчас не помешало, — почесал голову Лис.

— Хе-е-е! — Шут Кернунноса напялил невидимку, и свист ветра свидетельствовал о том, что его больше не было на тропе.

— Ну что, — Лис обернулся ко мне, — как думаешь, вернется или нет?

— Кто его знает? — Я развел руками. — У тебя во фляге вода еще осталась? Пошли пока Эмерика в чувство приведем. Я его, кажется, изрядно лбом приложил.

Вода, вливаемая в рот почтенному прелату, невольно заставила того закашляться, замахать на нас, требуя прекратить экзекуцию.

— Ну, слава богу, вы живы! — Рейнар подхватил святого отца под мышки, помогая ему подняться на ноги. — Все в порядке, мы победили! Да тут и было-то всего-ничего, заурядный Рыжий Гном.

— Кто? — тряся головой, переспросил архиепископ.

— Да ну, не стоит беспокоиться! Рыжий Гном, известный проказник. Шут бога Кернунноса.

— Кого?! — Колебания преосвященной головы прекратились, и округлившиеся глаза благочинного Эмерика начали неуловимо напоминать круглые окна-розетки готических соборов.

— Ну, понимаете, — Лис отчаянно посмотрел на меня, соображая, что сморозил глупость, — это такой рогатый бог. Он, знаете ли, тут водится.

— Р-о-г-а-т-ы-й б-о-г?! — по буквам повторил наш спутник, и глаза его вновь подернулись туманной поволокой.

— Обморок, — констатировал Лис. — Вот ведь какая ерунда получается.

— Во фляге еще что-нибудь осталось?

— Почти пусто. Если Рыжий Гном не догадается прихватить какого-нибудь пойла, придется жрать всухомятку. — Он потряс для убедительности кожаной флягой, прислушиваясь к слабому бульканью. И тут... — Мать честная! — Сергей замер, любуясь открывшимся видом.

По вечереющему небу, подобно диковинной помеси ковра-самолета и скатерти-самобранки (понятное дело, сказочных, а не тех, которые нам довелось повидать на волжских кручах в избушке Бабы-Яги), летела столешница, накрытая беленой холщовой скатертью, уставленная всевозможными яствами и винами в драгоценных сосудах.

— Красиво идет, — удивленно глядя на приближающееся продовольственное изобилие, почтительно заметил Лис. — Лишь бы на посадке ничего не расплескал.

Его сомнения были беспочвенными. Столешница мягко коснулась земли скрепляющими ее перекладинами, из-под нее донесся знакомый нам смешок. Спустя мгновение лесной озорник уже прыгал по скатерти, перескакивая с блюда на блюдо, с кувшина на кувшин.

— Хе-хе! Еда! Хе-хе! Питье! Хе-хе-хе!

— Ай, молодца! — похвалил его Лис. — Ну шо, гости дорогие, располагайтесь. Ты, браток, составишь нам компанию?

— Браток! — повторил Рыжий Гном, делая сальто в воздухе. — Ха-ха! Хо-хо-хо! Я — браток! Браток-браток!

— Угомонись, браток, — усмехнулся Лис. — Эй, Годвин, — он окликнул оруженосца, который, старательно исполняя возложенные на него обязанности, стерег наших коней, пасшихся в сторонке, — вали сюда! Пировать будем.

Я аккуратно приподнял оставленного Лисом в отключке архиепископа и вновь попытался привести его в чувство. Эмерик открыл глаза и тут же увидел лежащую прямо поперек дороги столешницу.

— Н-нет! — замахал руками он. — Ни за что! Никогда не буду есть эту пищу! Не еда это, а бесовское искушение! Крепитесь, дети мои, ибо Спаситель, накормивший тысячи людей лишь пятью хлебами и тремя рыбами, в неизреченной милости своей не оставит верных сынов в сем испытании. Те же, кто поддается бесовскому искусу, насытится не пищей Божьей, но ядовитую ехидну впустит в чрево свое. И будет она вас уязвлять алчно и пожирать, аки червь порченый плод.

— Да ну, ваше преосвященство, — попытался было возразить я, поднимая со столешницы серебряный кубок, до половины еще наполненный вином, — как же может быть ужин бесовским искуше-

нием, когда серебро... — Я замер, не договорив фразы, внимательно вглядываясь в выпуклые бока сжимаемого мной в руке сосуда. — Прошу простить меня, ваше высокопреосвященство, возможно, вы правы. — Я со вздохом вылил вино в траву.

— Ты что же это такое вытворяешь?! — моментально возмутился Лис.

— Браток, — как можно вежливее произнес я, игнорируя негодование напарника, — ты вот это где взял?

— Хе-е, — лукавая рожица шута расплылась в довольной улыбке. — Замок — опц! — довольно проговорил гном и в награду за проявленную ловкость небрежно бросил в утробу жареную куропатку.

— Замок? — Лис кинул на меня разочарованный взгляд. — Это нам сейчас здесь всем опц будет. Это ты что, у Белой Дамы увел?

— У нее, у нее, — не дожидаясь ответа расхитителя феодальной собственности, подтвердил я. — Я из этого кубка три дня тому назад пил.

— Белая Дама ням-ням, браток стол опц! — вслед за первой куропаткой в желудок маленького разбойника последовала вторая. — Вкусно!

— Балда ты, браток! Белая Дама — вжик, вся еда — опц!

— Еда — опц?

— Опц-опц, опцее некуда. Желудок у-у-у!

— Грымза, — огорченно вздохнул Рыжий Гном. — Моя обратно. — Наш кормилец сгреб скатерть вместе со всем, что на ней стояло, в огромный узел и, вскочив на столешницу, как на доску для серфинга, взмыл в небо. Зная повадки проказливого воришки, я мог себе представить, в каком виде похищенное имущество будет возвращено безутешной хозяйке. Классические киношные шутки с метанием тортов были бы невинной забавой в сравнении с тем, что мог устроить разобиженный шут лесного бога.

Не было его довольно долго, и я даже начал опасаться, не попался ли непоседливый фейри в очередные сети. Однако вот по тропе пронесся новый вихрь, закручивающий штопором сухую листву и влекущий за собой двух упитанных серых гусей. Судя по тому, в какой позе летели птицы, передвигаться без посторонней помощи они уже не могли.

— Вот, хе-хе! Хе-хе-хе! — Рыжий Гном, явив нам свой хитрый лик, бросил к ногам Лиса добычу с таким видом, с каким кидают к престолу владыки знамена поверженных армий. — Белая Дама бац-бац, вжи-ик! Еда о-опц, о-опц. — Браток замахал в воздухе ручками, очевидно, демонстрируя, что каждое похищенное блюдо было возвращено частями, причем отдельно от емкостей, их содержащих. — Ай-яй-яй-яй! Рыжий Гном барроу улетать, гусей — цап, твоя есть!

— Вах, шайтан балаши! — восхитился рассказанному Лис.

— Он летал в барроу, — в никуда произнес Годвин.

— Что? Что ты сказал? — повернулся к нему мой напарник.

— Я сказал, что Рыжий Гном стащил гусей в барроу.

— Годвин, ну ты какой-то странный! Мы тут с голоду гибнем, а ты стащил-стащил! Доедем до барроу — заплатим. Погоди. — Лис осекся, опасаясь поверить услышанному. — Браток, в Зачарованном лесу есть барроу?

— Хе-хе! Хе-хе-хе! — Лисовский собеседник запустил двойной фляк. — Барроу нет. Замок есть.

— Так, получается, ты летал за границы леса?

— Моя туда — вжи-ик, гусей — цап, сюда — вжик! Там ах! ах!

Явно грабителя деревенского птичника распирало желание поделиться живописными подробностями своего подвига. Но мы забыли и о голоде, и об усталости. Рыжий Гном знал дорогу из этого бесконечного волшебного заповедника.

— Браток, браток, — затормошил его Рейнар, — гусь — вжи-ик — отпад, шашлык — улет, мы сейчас ням-ням, — он погладил ладонью свой впалый живот, — желудок — ва-ах! Ты только скажи, в барроу тропа топ-топ или только вжи-ик?

— Топ-топ. — Рыжий Гном скорчил удивленную рожицу и уселся в продольный шпагат. — Топ-топ, топ-топ, топ-топ. — Он поднял вверх свои четырехпалые руки и трижды сжал и разжал кулачки.

— Не понял, — покачал головой Лис. — Это что, двенадцать футов отсюда, что ли?

— Ха-ха-ха, — раздался заливистый смех лесовичка, он веселился непонятно чему и никак не мог остановиться. — Хе-хе-хе-хе! Гусей ням-ням, — сквозь смех промолвил он, — моя вас вести. Уха-ха-ха!

Я не знаю, чего уж так рассмешила малыша названная Лисом цифра. Конечно, она была несуразно мала, но в Зачарованном лесу я бы не удивился, когда бы вход в барроу оказался на расстоянии вытянутой руки от нас, продолжая оставаться невидимым. Но в любом случае предложение Рыжего Гнома вывести нас из волшебной чащобы было настоящим подарком небес, что бы ни думал по этому поводу архиепископ Кентерберийский.

До дня, обозначенного в завещании Артура, оставалось еще трое суток, и мне хотелось верить, что мы все же имеем шанс успеть в Камелот к назначенному часу. С Ллевелином или без него, это уже было делом десятым. В конце концов у нас была уважительная причина столь долгого отсутствия, а с грозным Стражем Севера мы могли встретиться и непосредственно возле Круглого Стола. Однако планы планами, а сейчас наступало время завтрака, обеда и ужина, причем если строго говорить, то и вчерашнего и позавчерашнего.

Вот наконец поджаренные Лисом гуси были разделены между оголодавшей братией, и мы усиленно заработали челюстями, где-то в глубине души понимая, что подобное чревоугодие вполне может привести к фатальной ссоре с собственным желудком, однако не имея сил противиться чувству пронзительного голода. Единственный, кто продолжал стоически терпеть его муки, был блаженный Эмерик, укоризненно взиравший на свою неразумную паству. Но тут уж ничего не поделаешь, уговорить его преосвященство хотя бы притронуться к прожаренной дичи не удалось ни мне, ни Лису. Оставалось надеяться, что отцу Церкви не впервой истязать себя строгим постом.

— Хе-хе! Хе-хе-хе! — Рыжий Гном выплюнул обглоданную гусиную лапку, норовя угодить ею в лоб святого отца, смиренно молившегося за грешных спутников.

— Ты что вытворяешь?! — возмутился я.

— Хе-хе! — Проказник поглядел на меня удивленно и дернул Лиса за рукав. — Твоя клык давать?

— В каком смысле? — не понял Лис. — Типа в натуре я клык даю, век статуи Свободы не видать?

Тут уж пришло время изумляться гному.

— О-п-ц! — завороженно промолвил он. — Клык у-у-у! Гоблины — пшик-пшик! Гы-гы-гы!

— А, ты в этом смысле? Ну, шо гы-гы-гы, то гы-гы-гы. Но клык Красной Шапки — это о-о-о! Гоблины пасют, кости не хрум-хрум, опять же — сувенир. — Лис вытащил из сумки боевой трофей и начал чистить им ногти. — Ценная вещь.

— Моя менять, — тут же поспешил предложить коротышка. — Моя красный камень давать, зеленый камень давать, синий камень давать... золото давать, — после каждой названной позиции гном утвердительно кивал головой, демонстрируя готовность и дальше поднимать цену.

— Ну шо, Капитан, будем клык на что-нибудь менять или мне так его подарить? Мне он в общем-то не слишком нужен. А его видишь, как прет? — После еды мой друг был настроен более чем благодушно и оттого, похоже, даже изменил своим обычным привычкам торговаться до хрипоты за щепоть дорожной пыли.

К тому же, судя по переговорам моего напарника с рыжим воришкой, в нем явно чувствовалось дружеское расположение к шуту рогатого бога. Я бы даже сказал, какое-то родство душ (хотя, вероятно, преподобный Эмерик и иже с ним не преминули бы заметить, что никакой души у фейри в помине нет. Не мне судить).

— Подожди, я вот что подумал. Как ты считаешь, твоя шутка с дубликатором удалась?

— Ну-у, может быть. Ллевелин явно не дурак, и тонкий намек волшебного сундучка должен был раскумекать. Только что толку-то: где он, а где мы?

— Ну, где он, предположим, мы не знаем. А вот натравить на него братка, чтобы он временно изъял дубликатор герцога и приволок его сюда, я думаю, вполне возможно.

— Угу... угу... а дальше, если что, на панели ручного управления... Да, можно попробовать. Обидно только будет, если он туда положит любовные письма своей первой прекрасной дамы или портрет дражайшей бабушки. Но, как говаривал товарищ Берия, попытка не пытка. Ладно, — Лис скинул ладонь и резко опустил ее вниз, — твоя взяла. От сердца отрываю, будет сердце без клыка. Дорожил, думал, внукам передам, но для братка... Ведь ты браток мне?

— Браток-браток! — заверещал второй участник сделки, выделывая очередные кульбиты.

— Ну, дык я и не сомневаюсь, — обнадежил его Рейнар. — Значит, так, мне тут нужно у герцога Ллевелина Стража Севера... знаешь такого?

— Моя знает, — заверил Рыжий Гном.

— ...На время позаимствовать один ларец...

Дальше последовало описание дубликатора со множеством деталей, позволявших безошибочно отличить его от любого другого ящика, имеющегося в хозяйстве его светлости.

— Принесешь, мы его чуть-чуть посмотрим, и отнесешь обратно. Делов на полчаса, а клык Красной Шапки твой — хошь в рот вставляй, хошь на веревке носи.

— Хе-хе-хе! — обрадованно заплясал на месте непоседа. — Моя уходить и приходить. Вж-ж, скоро буду!

Он исчез, как всегда оставив за собой лишь порыв ветра.

— М-да, — вздохнул Лис, складывая руки на груди. — Рыжий Гном с клыком Красной Шапки — в этом что-то есть. Бьюсь об заклад, что гоблины попросят политического убежища где-нибудь на материке через месяц-другой, максимум через полгода. — Он оглянулся, чтобы убедиться, что наши спутники находятся поодаль, и добавил: — Как оскудеет без них британский фольклор! И все оттого, что парочке гвардейских засланцев понадобилось проверить содержимое иномирного дубликатора.

Вжи-у! Рыжий Гном появился перед нами, точно букет цветов из шляпы фокусника. Только что его не было, и вот он стоит, рассеивая подступающий мрак огненной шевелюрой.

— Ларец брать, — несколько удивленно заявил браток, — не открывать совсем-совсем. — Для убедительности он подергал крышку, намертво удерживаемую электромагнитами на своем месте.

— Да ну, брось, — отмахнулся Лис. — Шо тут открывать? Чик, и готово! — Фотоэлементы считали сетку с пальцев моего друга, разблокируя замок. — Вот видишь, и всех-то делов.

— Там стража стоять! — опять начал хвастаться божественный шут. — Сторожить! Моя камень брать и — опц! Они камень сторожить, я сюда и-эх!

Он говорил еще что-то, но ни я, ни Лис не слушали повествование братка. На этот раз в шкатулке-дубликаторе не было ни каменьев, ни злата, лишь шесть клочков пергамента да свиток, опечатанный печатью алого воска с выдавленным драконом. Я развернул документ.

«Я, Утер Пендрагон, сын короля Аврелия Амброзия, — гласила первая строка, написанная вычурной писарской латынью, — прошу и повелеваю тебе, брату моему Мерддину Эмрису, именуемому также Мерлином, принять под свою опеку в великой тайне сына высокородной дамы Эреники Ллевелина и воспитать как моего, проявляя о нем всемерное попечение и храня ото всех тайну его рождения. Для того тебе позволяю взять от казны моей злата и иных драгоценностей, сколько потребуется, дабы не знал он ни в чем ущерба и нужды. О здравии и успехах его велю докладывать мне в месяц раз, а к девяти годам назначаю привезти отрока к моему двору, где я сам решу дальнейшую судьбу его. Писано в замке Тинтажель, анно домини...»

— Вуаля, — усмехнулся я. — Какая трогательная забота о безвестном сыне высокородной дамы. Лис, почитай на досуге, очень интересно. — Я протянул напарнику свиток. — Годвин, поди сюда. Здесь без тебя не обойтись, а из лесу хочется выбраться еще до темноты.

Глава 26

Что есть успех на войне? Я сделал сто ошибок, а вы сто одну.

Джон Черчилль герцог Мальборо

Закатное солнце окрашивало запад зловещим багрово-алым заревом, опускаясь на зубчато-рваный край леса. Красный его диск, напялivший на себя длинную темную тучу, казался головой в широкополой шляпе, свысока взирающей на мельтешение двуногих тварей. Ах, сколько страсти, сколько доблести, сколько игры ума тратилось на то, чтобы совершить нечто незаметное с высоты безучастного светила. Сколько гордецов билось за то, чтобы увенчать себя

золотыми коронами — порождениями древних солнечных диадем, чтобы именоваться солнцеликими, богоподобными и величайшими из великих. Все они умирали, обращаясь в прах, их венцы шли в переплавку, закладывались за долги, служили украшением музейных витрин, а солнце вновь с безучастным презрением одаривало землю теплом и светом, изо дня в день демонстрируя, что истинное величие не нуждается в пустых украшениях. Тщетно. История вновь и вновь проигрывала одни и те же сценарии человеческого трагифарса, точно ища выход из замкнутого круга.

Почти совсем стемнело. Мы ждали Рыжего Гнома, умчавшегося возвращать Ллевелину драгоценный подарок. Благородный Эмерик, кажется, так и не поверивший, вопреки увиденному, что слуга рогатого бога не только не причинил нам вреда, но и охотно помогает лесным путникам, с немалым интересом следил за нами, то ли надеясь, что у нас вдруг начнут расти хвост и рога, то ли переоценивая что-то в своем понимании природы фейри. Хотелось верить, что второе, поскольку в противном случае нас ожидала малоприятная перспектива получить отлучение от церкви, еще не добравшись до Камелота.

Если в Каледонии, все еще хранившей верность древним богам, это бы никого не смутило, быть может, даже, наоборот, подняло наши акции, то в Британии, уже изрядно пропитавшейся христианским духом, подобная «благодарность» за спасение могла породить немалое число богобоязненных сэров, желающих отправить на тот свет личного врага Господа. Да что там сэры! Толпа озверевших прихожан с дрекольем — и ни боевое искусство, ни сверхнадежный доспех, ни сила и скорость коней не спасут нас от праведного гнева обуянных высокой идеей дикарей.

Была и еще одна загвоздка. Понятное дело, не желая смущать и без того смущенного архиепископа, мы с Лисом удалились подальше в лес, чтобы без лишних глаз воспользоваться дубликатором. Но сам по себе ларец! Кто знает, не придет ли, скажем, в голову его высокопреосвященству, увидев шкатулку в покоях Ллевелина, радостно сообщить ему, что буквально такую же его верные друзья и соратники курочили в Зачарованном лесу, да еще при помощи весьма подозрительного шута весьма подозрительного бога.

Воистину, пользуясь логикой детективных романов, нам бы, пожалуй, следовало оставить примаса Британии и дальше наслаждаться нетронутой природой этих мест. Но, видит бог, не могли же мы действительно бросить старика одного, да еще без каких-либо шансов добыть себе кров и пропитание. Разве только Белой Даме понадобился бы вдруг замковый капеллан. Да и то после истории с пикником на поляне вряд ли преподобный Эмерик согласится принять столь заманчивое предложение.

— Хе-хе! Хе-хе-хе! — Рыжий Гном вынырнул из-за все более и более темнеющих стволов деревьев и огненной молнией пронесся вдоль тропы, пугая коней. — Хе-хе! Хе-хе-хе! Моя относить! Стража стоять, ларец охранять. — Он надул щеки и, выхватив из лисовского колчана стрелу, изобразил караульного, несущего неусыпную вахту на посту номер один. — Все смотреть, никто не видеть. Хе-хе!

— Браток, — мягко прервал его Лис, — ты, помнится, хотел нам показать дорогу к барроу? Может, не будем с этим тянуть, а то както притомило ночевать под открытым небом.

— Моя идем. Совсем близко. — Гном повис на уздечке лисовского коня, норовя раскачаться на ней, как на качелях.

Мы поспешили занять места в седлах, чтобы не заставлять любезного проводника долго ждать. Невесть что могло взбрести ему в голову в следующую минуту. Между тем браток, отцепившись от конской сбруи, совершил тройной переворот в воздухе и шлепнулся на тропу, похоже, не испытывая от этого ни малейшего неудобства.

Вот что произошло дальше, я, пожалуй, толком и объяснить-то не смогу. Мне показалось, что шут Кернунноса подхватил тропку за края, словно ковровую дорожку, и, встряхнув, перевернул вверх корешками примятой от постоянного хождения травы. Впрочем, корешки быстро сориентировались и вновь поменялись местами со стеблями, возвращая картине прежний вид.

— Хе-хе, идем! За мной, за мной! Хе-хе! — Он устремился вперед, сияя в сгущающейся тьме неугасимым факелом, то уносясь далеко вперед, то вновь возвращаясь обратно, вспоминая, что наши кони не могут двигаться с такой же скоростью. — Быстрее! — прикрикивал он. — Хе-хе, быстрее-быстрее! — и мчался вдаль, предоставляя нам полную возможность догонять его, ориентируясь по едва заметному пламени шевелюры.

Вот наконец наш проводник остановился и, поудобнее устроившись на толстой ветке придорожного дуба, начал самозабвенно болтать в воздухе ногами в остроносых башмачках. Возможно, скороходах.

— Моя стоять тут. Ваша стоять тут. Ваша глаза закрывать — моя исчезать. Опц! — Рыжий Гном вновь нацепил свою заветную шапку и исчез, оставляя нас в почти непроглядной тьме.

— Здравствуя, Вася, я сбылася, как говорила мечта идиота. — Лис удивленно оглядел все то, что мог увидеть при столь слабом освещении. — И куда это мы приехали? Шо это еще за шутка юмора?

— Кажется, браток говорил, что следует закрыть глаза, — неуверенно предположил я. — И дальше, видимо, ехать таким образом.

— А что, — Лис пожал плечами, — невелика потеря. Все равно ни хрена не видно. Ваше преподобие, Годвин, у меня к вам убеди-

тельная просьба дальше ехать с закрытыми глазами. Особенно к вам, святой отец.

Сколько мы так ехали, я затрудняюсь сказать. Минут пять, не больше.

— Ну что, — произнес в конце концов Лис, — долго нам еще в такой позиции путешествовать? В общем, так, кто не спрятался — я не виноват, — очевидно, вслед за этим он распахнул свои хитрые зеленые очи, поскольку сразу за уведомлением о поисках до нас донеслось: — Японский городовой, чтоб я так жил!

Повинуясь любопытству, как известно, сгубившему кошку, мы последовали его примеру и... обалдело уставились на представшую нашему взору картину. Солнце едва начинало клониться к закату, все еще щедро одаривая замерший за нашими спинами лес теплом последних августовских лучей. Впрочем, честно говоря, теперь я не был уверен ни в том, что на дворе август, ни в том, что сейчас тот самый год, когда мы стартовали на поиски похищенного архиепископа Кентерберийского. Архиепископа! Я начал суматошно крутить головой в поисках почтенного прелата и с печалью был вынужден констатировать его вопиющее отсутствие.

— Та-а-ак! — только и смог выдавить я. — Лис, у нас потери.

Рейнар, все еще не отводящий взгляда от открывающегося пейзажа, посмотрел на меня недоуменно и, заметив отсутствие святого отца, оглушенно прикрыл рот ладонью.

— Оба-на! Попа украли! Годвин, он там рядом с тобой был, ты не видел?.. — Он осекся, понимая нелепость вопроса: мог ли оруженосец что-нибудь видеть, да еще с закрытыми глазами. — Понятно. Не видел. Ну шо, Капитан, игра продолжается? Будем возвращаться за преподобным? Годвин, дружище, Лес еще тут или?..

Мой оруженосец прислушался к своим ощущениям.

— Пока здесь, но уже отдаляется.

— Час от часу не легче, — пробурчал я, оглядывая спутников. — Джентльмены, мы, конечно, можем вернуться. Более того, имей мы дело с обычным лесом, так бы и следовало поступить, но вы сами видите, время там и здесь течет по-разному. Да к тому же Лес отличается более чем непредсказуемым характером. И если он решил оставить Эмерика себе, — я печально вздохнул, — боюсь, любые наши попытки ни к чему не приведут.

— И шо ты предлагаешь? Оставить старика становиться там каким-нибудь трухлявым пнем?

— Быть может, попытаться снова вызвать братка? — неуверенно предложил я.

— Да как же ж ты его вызовешь-то?! Это же тебе не сивка-бурка: стань передо мной, как лист перед травой, — с чувством продек-

ламировал Рейнар, и я пожалел, что он не произнес эти слова раньше. Ибо стоило им отзвучать, как неподалеку из воздуха выдвинулась конская морда, затем шея, передние ноги, архиепископ, а потом все остальное, вплоть до хвоста.

— Опц! — выдохнул Лис.

— Велик Господь и дивно творение Его! — провозгласил волшебным образом спасенный прелат, воздевая руки к небу. — Милость Божья не оставит верных детей Его, сохраняющих молитвой и самоотречением в непорочной чистоте кристалл души своей. Так помолимся же, дети мои, и возблагодарим Отца небесного за мудрое водительство Его, ибо кого любит Он, того и испытывает, а кому дано, с того и спросится!

— Конечно, помолимся, — не замедлил уверить преосвященство Лис, демонстрируя за спиной Годвину увесистый кулак. — Капитан, как ты думаешь, это нашему святоше на почве волнения башку продуло, или он просто так радуется?

— Поживем — увидим. Я б другое хотел узнать. Его сколько не было?

— Несколько минут, не больше.

— Это здесь. А там? Может, несколько часов, а может, несколько дней. А кроме того, выходит, что Лес вернул его нам, так сказать, безвозмездно. Причем именно через этот выход, а не через какой-либо иной. При этом непонятно, кто его вывел, и с чего вдруг после всего произошедшего он так нахваливает Господа, будто собирается его продать. Тебе ничего не кажется странным?

— Да-а, — протянул Сергей, — шось тут пороблено.

— Восславим Господа в величии Его!

— Святой отец, — Лис изобразил на своем лице столь благостноликующее выражение, что его впору было изображать в массовке на какой-нибудь картине вроде «Явление Христа народу», — позволено ли будет вознести осанну всемогуществу Создателя всего сущего, ибо кто же, как не он, в мудрости и величии своих, надоумил владыку Зачарованного леса Кернунноса, которого местный люд по темноте своей именует богом, послать нам на помощь одного из слуг своих.

— Да восславится всемогущество Господне! — вновь начал Эмерик.

— Прошу прощения, джентльмены, — перебил его я, — мне неудобно, что я отвлекаю вас от столь благочестивых занятий, но полагаю, что следует поспешить, поскольку никому из нас не известно, где же находится барроу.

— Пожалуй, ты прав, — поддержал меня Рейнар. — Ваше преосвященство, ей-богу, в барроу молиться будет удобнее, чем здесь. Возможно, там даже церковь есть, — посулил он.

Мы пришпорили коней, к великому неудовольствию иерарха, собиравшегося возносить благодарение, не сходя с места. Я оглянулся, бросая прощальный взгляд на Зачарованный лес... Могучие башни и грозные куртины, царившие над округой, почти парили в воздухе у самой кромки владений Кернунноса. Меж деревьев, точно белое облако, заблудившееся в чаще, двигалось нечто, становясь все яснее и принимая дивный образ Белой Дамы.

— Сэр Торвальд! — окликнула она.

Я было поворотил коня, но бдительный Рейнар перехватил узду железною рукой и грозно прикрикнул на Мавра:

— Тпру! Стоять!

— Сэр Торвальд, — повторила хозяйка замка, Который Всегда за Спиной, — помните ваши слова? Вы обещали свершить до конца свой подвиг и вернуться ко мне. Я буду ждать вас, помните об этом, сэр рыцарь. Ибо никогда душе вашей не найти успокоения, если не исполните вы сей обет.

С этими словами она закрыла лицо руками и по обыкновению бросилась в лесную чащу.

— Надеюсь, бегать тебе за ней не придется, — глядя на стремительно исчезающую женскую фигурку, почесал затылок Лис. — По пересеченке ее хрен догонишь. Впрочем, — он вновь повернул коней в сторону тропы, ведущей в барроу, — знавали мы одного рыцаря, который за этой мадамой пытался угнаться верхом. Торвальд, ты не помнишь, чем это для него закончилось? Н-но! Капитан, ты как знаешь, а я хочу эту ночь ночевать под крышей и желательно в постели.

Не знаю, о чем говорил Рыжий Гном, демонстрируя нам дистанцию до барроу в двенадцать топ-топов, но что правда, то правда, — до частокола, ограждавшего поселение, было совсем недалеко. А до военного лагеря, его окружавшего, и того меньше. Не успели мы отъехать от границы Зачарованного леса и двухсот ярдов, как дорогу нам преградил патруль, стерегущий подступы к нему.

— Куда держите путь, сэр? — Трое копейщиков и пять лучников с золотым драконом, вышитым на туниках, под руководством седоусого ветерана преградили тропу, готовые при необходимости ссадить с коней неведомых путников. Впрочем, неведомых ли? Один из копейщиков, стоящий с оружием на изготовку, внимательно осмотрел щит и гербовую котту заезжего рыцаря и что-то поспешно зашептал на ухо вахмистру. Тот согласно кивнул и сделал знак своим подчиненным освободить дорогу. — Прошу прощения, сэр, вы лорд Торвальд?

— Конечно! Кто же еще? — гордо заявил я. — Торвальд аб Бьерн, сиятельный герцог Инистор.

— Да-да, — поддержал меня Лис, — а еще все называют его Пламенным Мечом и Железным Брандмайором.

— Простите, сэр, — еще раз поклонился ветеран. — Если пожелаете, я могу вам дать проводника. Но до лагеря уже совсем близко.

— Да ладно, — как обычно вмешался Лис. — Не напрягайся, мы уж как-нибудь сами доберемся.

Невзирая на то что слова командира патруля были правдой, на последних сотнях ярдов нас останавливали еще трижды. И трижды, опознав мой герб, пропускали, почтительно салютуя копьями. Впрочем, вероятно, тормозили нас для проформы, поскольку система оповещения здесь была налажена превосходно. Стоило нам подъехать к частоколу, как ворота распахнулись, и навстречу выехал уже знакомый сэр Мерриот, правая рука герцога Ллевелина.

— Рад видеть вас, господа. — Он склонил голову, прося благословения его преосвященства. — Герцог уже знает о вашем приезде и просит пожаловать к себе.

— А там перекусить, отдохнуть с дороги? — не замедлил вставить Лис.

Я отвел глаза, делая вид, что не замечаю некорректности моего друга. Мы никогда не говорили с ним о том, что подвигло когда-то старшего лейтенанта Лисиченко оставить службу в одном из элитнейших подразделений Советской армии. Полагаю, это было полное игнорирование субординации.

— Все это будет, но позже. А сейчас герцог ждет вас. — Рыцарь сделал знак рукой, приглашая следовать за ним.

— Кстати, — обратился я к сенешалю Стража Севера, — от сэра Магэрана были какие-нибудь известия?

— Магэрана? — Собеседник поглядел на меня удивленно, и у меня похолодело внутри.

Неужто мы появились так поздно, что всем уже ведомо, что Магэран, скажем, бежал с королевой Гвиневерой в Галлию, или, хуже того, убит. А может, Зачарованный лес и вовсе сыграл с нами злую шутку, и Англия, в которой мы находились сейчас, вовсе не та, которую мы покинули в погоне за разбойниками принца Гвиннеда?

— О чем речь, сэр Торвальд, какие могут быть известия. Ведь только вчера утром вы едва ли не вместе покинули Кэрфортин! Днем и мы выступили на соединение с Ланселотом... Честно говоря, я удивлен, что вам удалось управиться так быстро.

— Только вчера утром? — вздохнул Лис, глядя на небо, по которому второй раз за сегодняшние сутки подкрадывался вечер. — А, кажется, так давно это было. Мы тут, понимаешь, погнались за одними нехорошими людьми, ну и срезали все, что можно было срезать. Так, напрямки, на вас и выскочили.

Ллевелин принял нас в шатре, том самом, в котором некогда в ожидании рыцарей принца Ангуса пряталось наше секретное оружие — виверна святого Карантока. Он сидел на своем обычном резном троне, и пара рыцарей с обнаженными мечами, стоявших по обе стороны высокого правителя, символизировали, что тот находится не просто в путешествии по стране, но в военном походе. На одном из рыцарей были цвета Камбрии, другой же носил облачение цветов Нортанумбрии, что придавало почетному караулу особый смысл, приравнивая блюстителя престолов к номинальному королю этих государств. Еще один наряд стражи был выставлен за спиной его светлости вокруг небольшого стола, очевидно, когда-то украшавшего спальню знатного римского повесы, а теперь служившего постаментом для изысканного ларца-дубликатора. Шестеро копейщиков, замерев, стояли вокруг сокровища Ллевелина, готовые, не задумываясь, отдать жизнь за этот залог могущества Стража Севера.

После радостных приветствий, прочувственной похвалы и удивления скорости выполнения нашей миссии его светлость попросил нас отправиться в шатер, уже поставленный по его приказу для столь высокочтимых и многодоблестных соратников, какими являлись мы, и предоставить ему возможность побеседовать с примасом Британии с глазу на глаз. Не считая, понятное дело, глаз стражи.

— Ну что, — тихо произнес Лис, когда мы выходили из герцогской резиденции, — как полагаешь, заложит нас святоша или нет?

— По логике вещей должен заложить, — вздохнул я. — Как там: не пожелай имущества ближнего своего...

— Вот и мне кажется, шо горит наша с тобой красивая операция, шо тот костер в тумане. Годвин, — он подозвал оруженосца, ожидающего нас у коновязи, — ты знаешь что, коней напои, накорми, но пока не расседлывай.

— Мы вновь куда-то едем? — поинтересовался юноша.

— Именно что куда-то, — криво усмехнулся напарник. — Впрочем, может, из этого ничего и не выйдет.

— Не горячись, — прервал я друга, — все не так фатально. Подумай сам, по мнению сэра Мерриота, а стало быть, и Ллевелина, и всех остальных, мы выехали из Кэрфортина вчера утром и, как ты говоришь, мухой метнулись за Эмериком и сюда.

— Все, позиция защиты суду понятна. — Глаза Рейнара вновь засверкали привычным хитрым блеском. — Мы приехали, перетерли, так сказать, едет падре с нами или ну его? Потом — бац — враги. Бэдивера грохнули, мы пустились в погоню, раскатали всех под асфальт, архиепископ не удержался на лошади, хряснулся головой о землю и соответственно Зачарованный лес ему привиделся в результате черепно-мозговой травмы. Так?

— Примерно, — согласно кивнул я. — Кстати, Годвин, тебя это тоже касается. Я тебя очень прошу, в ближайшее время не надо никому рассказывать, где мы были последние дни.

— Тем более что, как выясняется, этих дней и не было вовсе, — не преминул вставить Лис. — Только вот ума не приложу, где это мы за полтора дня умудрились так извозюкаться и продымиться, точно ночевали на печной трубе.

Оруженосец герцога примчался в наш шатер, когда я наконец приняв теплую ванну с дороги и сменив белье, пристроился вздремнуть часок-другой-третий в блаженном ничегонеделании. Не тут-то было!

— Его светлость ждет вас. — Расторопный армигер склонился в почтительном поклоне и застыл на месте, даже не думая удаляться.

— Милейший, — недовольно поглядел на него я, — мне надо одеться. Или прикажешь отправляться к герцогу в таком виде? — Одеяло, сшитое из волчьих шкур, отлетело в сторону.

— Его светлость велел проводить вас, — не обращая внимания на мое замечание, откликнулся посланец.

— Он что же, думает, будто я сам не найду дорогу к его шатру?

Оруженосец промолчал, преданно глядя поверх моей головы. Я недовольно хмыкнул и сделал знак Годвину подавать одежду.

— Да ладно, Капитан, — махнул рукой Лис, валявшийся на соседнем ложе, — сейчас сходим...

— По поводу вас, энц Рейнар, у меня не было указаний, — безучастно заметил воспитанник его светлости.

— Так, началось. Сейчас будут мордовать допросами и очными ставками.

— Ну это мы посмотрим. Версия у нас железная, не подкопаешься. Ты, главное, пока меня не будет, проинструктируй Годвина, чтоб, не дай бог, ничего не сморозил. Нет никакого Зачарованного леса, никакой Белой Дамы, никакого Рыжего Гнома. Ну а если что, — я затянул пояс и принял от Годвина меч в ножнах, — придется прорубаться. Хотя, конечно, не хотелось бы. Ладно, не впервой, прорвемся.

Ллевелин ожидал меня, восседая за обеденным столом, накрытом на двух особ.

— Присаживайся, Торвальд. — Он сделал знак слугам чуть отодвинуть тяжелый табурет, чтоб мне было удобнее садиться. — Я жду твоего рассказа.

— О чем, милорд? — Я сделал непонимающее лицо, усаживаясь на отведенное мне место.

— О тех речах, какими ты убеждал его преосвященство, о смерти твоего брата Бэдивера, о погоне за принцем Гвиннедом. Да мало ли о чем ты можешь мне поведать!

«Так, — подумал я про себя, — похоже, преосвященство все-таки отвлеклось от восхваления мудрости Всевышнего и в деталях изложило Ллевелину историю наших похождений».

— О чем же мне рассказывать, мессир, если вы и так знаете все, о чем бы я мог вам поведать?

— Так уж и все? — усмехнулся герцог. — Впрочем, не хочешь говорить — не говори. Давай сначала отобедаем. А потом, — он сделал паузу, — потом у меня будет для тебя, как это говорят в Галлии, сюрприз.

— Надеюсь, приятный, — поклонился я, делая над собой волевое усилие, чтобы как ни в чем не бывало приступить к трапезе.

— Возможно-возможно, — усмехнулся герцог, указывая слуге на гусиный паштет. — Вот этого.

Мы приступили к трапезе, занимая друг друга пустопорожними байками, так, будто и не было тайны, которую пытался разузнать любезный хозяин, тайны, которую намеривался скрыть я. Когда же ужин был завершен, Ллевелин опустил пальцы в серебряный таз с водой для омовения и, не спуская с уст загадочной улыбки, проговорил:

— А теперь, как я и обещал, сюрприз. — Он кивнул сэру Мерриоту. — Друг мой, пригласи господ рыцарей войти.

«Это хорошая примета, — пронеслось у меня в голове. — Если арестовывают с рыцарями, значит, меня будут держать как почетного пленника. Хотели бы скрутить, нагнали бы толпу копейщиков».

— Слушаюсь, милорд, — склонил голову сэр Мерриот и вышел из шатра.

Спустя несколько минут за моей спиной послышался лязг железа, топот ног и гомон множества голосов. Я хотел было повернуться, но герцог жестом дал мне знак оставаться на месте.

— Господа рыцари! — звучно произнес Ллевелин, поднимаясь с места. — Приведя свои отряды под мое знамя, чтобы сражаться, как велит вам вассальная клятва, против врагов короля Артура, вы просили дать вам того, кто поведет вас в бой, ставя условием лишь то, чтобы воевать под началом сего полководца не было зазорным для вашей чести и доблести. Признаться, я не долго думал, прежде чем назвать вам его имя. Но, полагаю, думай я даже год, мне все равно бы не сыскать более славного военачальника для столь храброго воинства, как ваше. Итак, — он сделал театральную паузу, накаляя страсти у ждущих его слова, — позвольте вам представить — хотя мне ли представлять вам его — сэр Торвальд Пламенный Меч, герцог Инистор! Повернитесь, друг мой.

Я обернулся и замер на месте. Шатер был полон оркнейских баронов, рыцарей-баронетов, графов в полном боевом облачении. Большинство из них я знал либо по двору своего дяди короля Лота, либо по совместным походам в Каледонии, либо по Камелоту.

— Торвальд! Торвальд! — раздалось вокруг. — Торвальд аб Бьерн!

Я замер, не зная, что сказать в ответ. Вот уж сюрприз так сюрприз!

— В лагере более трех сотен рыцарей Оркнеи и около тысячи семисот пеших воинов. Все они прибыли только вчера, разминувшись с тобой на полдня. Я отдаю их под твое начало и, полагаю, лучшего выбора быть не может. Кстати, архиепископ Эмерик считает так же. Он расхваливает тебя, будто собирается еще раз рекомендовать в рыцари Круглого Стола. — Он улыбнулся. — А ты со своей обычной скромностью так и не удовлетворил мое любопытство, чем же ты так полюбился его преосвященству. Я рад, что мой выбор пришелся вам по душе, — проговорил герцог, когда стих гул голосов. — И я рад сообщить вам, что именно вы будете облечены высокой честью первыми вступить в бой с изменником Мордредом. Завтра поутру вы выступите на помощь прославленному королю Беноика Ланселоту. И, полагаю, будете достойны славы ваших отцов.

— *Ну, вот и отдохнули,* — прокомментировал услышанное Лис на канале связи.

Армия двигалась на соединение с Ланселотом. Оркнейские рыцари, шедшие в авангарде, опоздавшие, как им казалось, на все самое интересное, горели желанием побыстрее вступить в бой, чтобы хотя бы на излете поймать и прицепить к своему шлему один-другой листок из триумфального венка победителя. Мужественные, как и подобает северянам, они ни минуты не задумывались над тем, что далеко не все вернутся домой из этой свирепой охоты за славой.

— Милорд, — ехавший рядом со мной Годвин, как всегда использовавший дорогу для общеобразовательных бесед, не замедлил задать новую тему для поучительного разговора, — скажите, — он оглянулся посмотреть, не слышит ли нас кто-нибудь посторонний, — если вы знаете, что Ллевелин такой же изменник, как и Мордред, отчего же вы служите ему?

Хорош детский вопросик! Я покачал головой.

— Я служу не Ллевелину, а делу Артура, как и присягал когда-то за Круглым Столом. Враг, недостатки и достоинства которого тебе известны и каждый шаг которого ты можешь просчитать, куда как менее опасен, чем друг, таящий коварство у тебя за спиной. И Мордред, и Ллевелин, и Ланселот были друзьями Артура. Он очень доверял им и осыпал милостями. Однако, как говорят в некой далекой стране: если видишь, что река вдруг потекла в гору, значит, где-то кто-то ответил добром за добро.

— Выходит, друзьям нельзя доверять?

— Нет, почему же, можно. Но вот послушай, что рассказывает об этом римский понтифик Фид Манлий Торкват.

У императора Севера, о котором из-за его жестокости в самом Риме говорили, что лучше б ему не родиться вовсе, но уж если он родился, то ему ни за что нельзя было умирать, был близкий друг, начинавший службу наемником-легионером и поднятый императором до звания своего первого военачальника. Понятное дело, у него было множество врагов при дворе. К тому же он был по рождению фракиец и, по слухам, сын вольноотпущенника.

Однажды гордые патриции пришли к императору с жалобой на его любимца, надеясь похоронить величие того под горой вполне оправданных обвинений. «Он не верит в богов», — говорили они императору, и он кивал, отвечая: «Да, это ужасно!» «Он не почитает прокураторов, назначенных тобою. И когда войско движется через какую-либо провинцию, он правит в ней так, будто их и вовсе нет». «Каков негодяй!», — кивал головой император Север. «Он проводит дни в пьянстве и разврате, — утверждали они, — подавая тем самым дурной пример всем молодым людям, видящим в нем твоего любимца». «Это недопустимо!» — хмурился грозный владыка. «Золото, которое ты так щедро отпускаешь на армию, он делит на две части, оставляя большую из них себе». «Подлый вор!» — негодовал владыка вселенной. «Можем ли мы надеяться, — закончили просители свою речь, — что ты сместишь этого ворона, подлеца, выскочку и освободишь нас от обязанности повиноваться ему?» «Ни в коем случае, — покачал головой император Севера, — он мой друг и ближе его никого нет у меня. Я не поставлю его править провинцией, ибо он не уважает римских законов. Не сделаю его жрецом, ибо имена богов в его устах — пустой звук. Было бы смешно делать его блюстителем нравственности, ибо более безнравственный человек вряд ли сыщется в империи. Я не доверю ему казну, ибо неосмотрительно делать казначеем отъявленного вора. Все, что он умеет, — это побеждать врагов. А потому он останется полководцем». «Но, божественный, — взмолились патриции, — ты же был согласен со всеми нашими обвинениями?!» «Верно, — подтвердил государь. — И я благодарен вам за то мужество, которое вы проявили, придя сюда и не убоявшись моего гнева. Благодаря вам я буду знать, за что распять его на кресте, если негодяй лишь только подумает занять мое место».

— И что было дальше? — завороженно спросил Годвин.

— Патриции оставались верны Северу, опасаясь, что тот выдаст их в руки своего любимца. Тот, в свою очередь, продолжал побеждать врагов императора. А лет через пять государь действительно казнил его, кажется, обвинив в святотатстве.

— О-ля-ля! — воскликнул ехавший рядом Лис. — Торвальд, ты такое когда-нибудь видел? — Он ткнул рукой вперед.

Я посмотрел туда, куда указывал Лис. Толстенные деревья, перебирая корнями, переползали дорогу навстречу друг другу, словно солдаты при смене караула.

— Ну и дела! — пробормотал Рейнар. — А еще говорят, что деревья нападают на человека только в целях самообороны.

Глава 27

Если вы ущипнули себя, но видение не рассеялось, ущипните видение.

Памятка туриста в замках Шотландии

Колонна остановилась, завороженно разглядывая творящееся вокруг ботаническое хулиганство.

— Вот так-так! — Я удивленно оглянулся.

Пейзаж становился все более и более однообразным, словно два кадра фотопленки наложили друг на друга, а теперь бесконечно распечатывали спятившим автоматом, подменяя ими истинные ландшафты, окружавшие дорогу.

— По-моему, нас кто-то морочит.

— Капитан, — Лис смачно сплюнул от досады, — на острове я знаю два таких «кто-то». Это твоя сестричка Лендис и тетя Моргана. Остальные, пожалуй, поостереглись бы устраивать подобные представления перед толпой оркнейких рыцарей.

— Ты и прав, и не прав, Рейнар Лис, — донесся откуда-то из пустоты приятный женский голос. — Конечно же, это я запутала дорогу. Но почему ты вдруг решил, что это под силу неумехе Лендис?

— Тетя!!! — еле сдерживая себя, проговорил я. — Я был бы очень вам благодарен, если бы вы соизволили появиться. Очень, знаете ли, странно ощущать, что беседуешь с какой-то осиной.

Тихий смешок, свидетельствующий о том, что могущественная фея осталась довольна устроенным представлением, был мне ответом. А через миг и сама первейшая ученица Мерлина явила нам свой прелестный лик, точно отдернув легкую занавеску. Не знай я, что эта юная очаровательница на три года старше Артура, я был бы готов побожиться, что ей лет девятнадцать, не больше. Когда в последний раз мы виделись с Мордредом, он казался не почтительным сыном, а неудачливым воздыхателем рядом с высокомерной красавицей.

— Здравствуй, мой мальчик, — произнесла Моргана, подходя поближе. — Давно тебя не видела.

— Дела, мадам, — развел руками я.

— Я что-то слышала об этом. Рассказывали, что искал чашу Грааля. Ну и как успехи?

— Увы, никаких.

— Очень жаль. Такой достойный рыцарь! А скажи, дорогой племянник, что это вдруг делает войско Оркнеи во главе с тобой посреди Британии?

— Мы идем на соединение с Ланселотом, тетя.

— Вот как? — Моргана улыбнулась, делая вид, что поражена столь неожиданным поворотом дела. — А почему к Ланселоту, а не к Мордреду? Разве ты, сиятельный герцог Инистор, — изменник, не почитающий своего короля? Или все бароны и рыцари, идущие с тобой, — мятежники, желающие пролить кровь, благороднее которой не сыщется на берегах Альбиона? Скажи мне об этом в глаза, мой дорогой. Скажи, что, пользуясь сумятицей, ты решил захватить себе трон Оркнеи и для того поднимаешь оружие против своего законного короля Мордреда. Что для этого ты, словно преданный пес, взялся служить ублюдку Ллевелину, пустившему раскрашенных северных дикарей на земли Британии. А сейчас спешишь на помощь изменнику Ланселоту, чужаку, чья похоть и вероломство разрушили мир в Британии, негодяю, убившему твоих братьев. Скажи об этом вслух, да погромче. Быть может, не всем рыцарям здесь еще известно, под чьим доблестным началом им довелось идти в бой.

— Моя милая тетя, — начал я, лишь только замерли в воздухе звуки чарующего голоса Морганы, — я готов заплакать от умиления, выслушав вашу речь. Не стоит говорить о том, что мне известны многие ваши шалости, вроде той, какую вы устроили на камланнском поле, или же недавней, с одним старым лесным отшельником. Скажу лишь, что никогда не приносил клятву верности вашему сыну и никогда не признавал его прав на оркнейский престол. Я рыцарь Круглого Стола и присягал Артуру как своему королю. А стало быть, я буду бороться с теми, с кем боролся он, как и все рыцари, идущие за мной, то есть пока руки могут держать меч. Вам вольно считать меня и моих соратников мятежниками, как и мы вправе считать мятежниками вас. На этом, полагаю, мы закончим эту милую семейную беседу, ибо нам надо спешить. А вам, мадам, лучше не стоять у меня на дороге.

— Ах, как я испугана! — усмехнулась Моргана, задергивая занавеску и вновь становясь невидимой. — Мой доблестный племянник грозит женщине. Это так по-рыцарски! Впрочем, прощай. Не стану вас отвлекать. Спешите, сколько вам угодно!

Фея исчезла, как и не бывало, оставив нас стоять на... Вернее всего, было назвать это перекрестком или, скажем, развилкой дорог. Однако на самом деле дорог, видимых только с нашего места,

было не менее полусотни, и все они просматривались глубоко вдаль, как и подобает нормальным императорским дорогам. Но стоило отряду двинуться вперед, как у ближайших трактов выяснилась одна малоприятная особенность: пройти по ним можно было не дальше, чем будь они нарисованы на театральной декорации.

— М-да, — глубокомысленно констатировал Лис. — Кажись, приехали. Вот, Капитан, это все твоя патологически неместная честность! Ты не мог наплести тете Моргане, шо буквально мчишься на соединение с Мордредом? А там бы доехали — разобрались.

— Обмануть фею, — печально отмахнулся я, — пустая затея. Ладно, — я спешился и подошел к ближайшему дереву, — магия магией, а дорога где-то должна быть. Вспомни Кромлех, в конечном итоге, если разобраться, все это лишь иллюзия.

— Вся наша жизнь — иллюзия, — глубокомысленно заметил Лис, следуя моему примеру. Или, может быть, мы спим за тридевять земель отсюда в далекой горной Шамахани, и нам снится, шо шляемся мы по лесу и пытаемся разобраться в трех соснах.

— Это дубы, — поспешил восстановить попранную справедливость Годвин, присоединившийся к нам с Лисом и теперь ощупывающий рубчатую кору деревьев и прозрачный воздух между ними.

— Да-да! И вот эти дубы не могут разобраться в трех соснах!

— Спешиться! — приказал я, оборачиваясь назад. — Ощупывайте все вокруг. Где-то должна быть дорога.

Со стороны зрелище, должно быть, выглядело преуморительно. Сотни человек в боевом снаряжении, точно застигнутые внезапным приступом слепоты, тыкались, пытаясь пройти вперед, при этом не продвигаясь ни на шаг к заветной цели.

— Когда-то мой учитель, премудрый Ниддас, — начал недавний овидд, шаривший в пустоте рядом с нами, — извлек из камня огонь, который грел и светил, который обжигал, если поднести руку слишком близко, и в то же время был только видимостью, созданной его великим искусством...

— Точно! — мрачно прервал его орудующий рядом Лис. — А я видел одного красавца, который ходил по воде, аки посуху. Такое себе небольшое озеро, и он по нему — шлеп-шлеп-шлеп — с одного берега на другой. Великое, знаете ли, чудо. Потом, правда, оказалось, что мошенник предварительно приспособил поперек озера длинную лестницу и шел, переступая с одной перекладины на другую. Но со стороны смотришь — очень красиво получилось.

— Да нет же, я о другом, — поморщился оруженосец.

— Эй, лови его, лови! — раздалось позади нас. — Ого! Ишь какой! Не троньте его, это тоже дело рук Морганы!

Мы оглянулись, переполошенные криками соратников. От того места, где происходило нечто, вызвавшее такую суматоху, нас отделяли лошади, пасшиеся у дороги в ожидании седоков.

— Что еще за... — Я замер с открытым ртом, наблюдая, как, перескакивая через спины боевых коней, в нашу сторону несется невиданное существо размером с хорошего теленка, однако мохнатое и с длинными ушами. Такой себе заяц-переросток, но выглядящий довольно хищно.

— Смотрите-ка, смотрите! — кричали ему вослед. — Да никак, на нем что-то надето.

— О! — вторил им чей-то голос. — Клянусь копьем святого Георгия, это гербовая котта.

— Быть того не может! — отвечал ему кто-то.

— Да нет же, верно тебе говорю, гербовая котта!

Мутант весом фунтов в двести пятьдесят вновь сиганул с места, подпружинив задними лапами, и, пролетев ярдов десять, очутился совсем рядом. Мы с Лисом схватились за мечи, готовясь достойно встретить чудовище, поскольку уши ушами, а резцы-лопаты, выглядывающие из его пасти, наводили на печальные мысли о том, что предназначены они вовсе не для обгрызания коры застывших в зимнюю стужу березок. И уж, конечно же, не для морковок, изображаемых иллюстраторами детских книг.

Однако предосторожность была излишней. Увидав нас, существо оторопело замерло, но, заметив, что мы не торопимся бросаться в атаку, завалилось на спину и заколотило в воздухе задними лапами с длиннющими кривыми когтями, способными, кажется, располосовать гамбизон из буйволовой шкуры с той же легкостью, с какой нож для бумаги разрезает почтовый конверт.

— Бран моя защита, — в ужасе выдохнул стоящий чуть позади нас Годвин, положивший руку на эфес меча, но, похоже, не находящий в себе силы извлечь оружие из ножен. — Это же... — Он набрал в грудь воздуха. — Сэр Торвальд! Энц Рейнар! Я... я знаю, кто это! Это... — Он еще раз порывисто вдохнул. — Это Эгвед принц Гвиннед! — наконец собравшись с духом, выкрикнул он. — Черный сокол в золоте!

Должно быть, услышав собственное имя, огромный зверь вскочил на ноги и, метнувшись в сторону, исчез, словно молния сквозь небесную твердь, пройдя через ствол векового дуба.

— Лис, Годвин, вы запомнили дерево? — Я бросился к лесному великану, точно преследуя ускользающую добычу, и едва успел затормозить руками, чтобы не опозориться. Хорош военачальник, который с разбега бьется лбом о ствол дуба.

— Проклятие! — Подскочивший Лис ощупал шероховатую кору. — Этого не может быть! Мы своими глазами видели, что он здесь прошел.

— А если здесь, как и там. — Годвин шагнул к дереву... еще шаг, и он скрылся в нем.

— Во как! — выдохнул Лис и вновь начал ощупывать древесный ствол.

Юноша появился спустя минуту, радостно улыбающийся и, похоже, не проявляющий какого-либо беспокойства по поводу прохода сквозь твердейшую древесину.

— Впереди дорога! — гордо заявил он. — Я прошел немного дальше, там никаких завес. Дерева здесь нет, как не было камня у входа в святилище друидов. Вы верите, что оно есть, и чувствуете то, что, как вам кажется, должны чувствовать. Закройте глаза и езжайте.

— А кони? — спросил Лис.

— Там, — Годвин кивнул в сторону, — им ничего не помешало. Хорошо, пусть всадники закрывают глаза своих коней, а я проведу их.

— Только побыстрее, мой мальчик! Иначе Ланселот нынче не дождется подмоги.

— Вперед, друзья мои! В погоню за зайцем Гвиннедов! — выкрикнул Лис.

Движение войск сквозь дуб заняло около трех часов. Но стоило последнему оркнейскому пехотинцу переступить зачарованный порог, как морок исчез, точно его и не было, оставляя меня в недоумении. Рассеялся бы он, останься мы стоять на месте, или же виной тому наше движение вперед? Как бы то ни было, времени для размышлений не оставалось. Впереди у стен Кориниума армия Ланселота, по нашим расчетам, уже должна была вступить в бой с войсками Мордреда, имеющими над ней более чем двукратное превосходство. А кроме того, атаковав войско сына Морганы с двух сторон, мы выигрывали время, давая подтянуться свежим силам Ллевелина. Неблагодарное занятие — готовить быка под удар тореро, но кто-то должен это делать.

Как было известно от лазутчиков, Мордред на день опередил Ланселота на подходе к Кориниуму и без сопротивления взял столицу добуннов. Там он решил дать передышку войску, пополнить запасы фуража и продовольствия перед броском к Камелоту. Шаг в принципе разумный, но в данном случае имевший фатальные последствия, поскольку на следующий день ближе к вечеру под стенами Кориниума начала выстраиваться армия Ланселота.

Ситуация складывалась довольно нелепая: двадцать с лишним тысяч воинов под руководством Мордреда были окружены чуть более чем десятью тысячами (именно столько осталось после ухода принца Гвиннеда и солидарных с ним баронов) под знаменами храброго Ланселота. Пропорция более чем странная.

В другой ситуации, полагаю, такой опытный полководец, как Мордред, не преминул бы воспользоваться случаем и хорошенько потрепал бы объединенные силы Ланселота и спешащего на помощь Ллевелина, изматывая их в осадной войне и сея раздор между двумя и без того не слишком ладящими вождями. Тактически это было бы правильно, однако с точки зрения стратегии оборона Кориниума для Мордреда была сущим нонсенсом. Он рвался в Камелот и не должен был чересчур задерживаться на этом пути. Семь дней отделяло нас от встречи за «круглым столом», а стало быть, ровно через семь дней все мы должны были быть далеко отсюда, причем Мордред, претендуя на вакантный престол, не мог себе позволить задерживаться из-за каких-то тактических выгод. Это был его последний и, говоря по правде, единственный шанс.

А потому, лишь утреннее солнце осветило равнину у подножия скал, над которыми возвышался Кориниум, червленый дракон Пендрагонов, поднятый Мордредом вместо тринадцати корон Артура, начал свое грозное шествие на сближение с лагерем, над которым развевались червленые перевязи в серебре Ланселота.

Я знал и помнил эти места с детства. Неподалеку находился дом моей тетушки, леди Клэр баронессы Гьюффорт. Когда-то мальчишками, приезжая на каникулы из Итона, мы с верным другом детских лет Джозефом Расселом, ныне XXIII герцогом Бедфордским, представителем ее величества в Институте, лазили среди циклопических развалин Кориниума, то представляя себя гордыми римлянами, легатами X Победоносного легиона, сдерживающими натиск беснующихся толп диких аборигенов, то рыцарями Круглого Стола, посланными королем Артуром в неусыпную стражу против кровожадных пиктов.

Нас не слишком тогда волновало, что раскрашенные северяне даже в самые удачные годы набегов не заходили так далеко в глубь Британии. У нас была своя крепость, и мечи, прихваченные из рыцарской залы поместья милой тетушки. Крепость, которую мы могли почти по-настоящему оборонять и на стенах которой могли красиво, почти по-всамделишному умирать, произнося прощальные фразы, обреченные на крылатость.

«Время идет от настоящего к прошлому», — говорил, глядя на нас, великий мастер боевых искусств Ю Сен Чу, старинный приятель моего отца, генерала Инкварта Камдайла, частенько гостивший у тети Клэр. Нам, неоперившимся юнцам, он казался не только великим воином, без заметных усилий справлявшимся с множеством, правда, весьма суетливых противников из компании, собиравшейся вокруг нас с Зефом Расселом, но и мудрым магом, воплощением Мерлина, но на китайский манер. «Время идет от настоящего к прошлому, — говорил он. И добавлял, улыбаясь: — Мы лишь движемся по пути с ним».

Что ж, я далеко продвинулся по этому пути. На горизонте, над покрытыми зеленью обрывистыми холмами, высилась твердыня Кориниума. В долине южнее его, в тех самых местах, где когда-то стоял, вернее, когда-то должна была бы быть построена резиденция баронов Гьюффортов, кипела сеча, шум которой доносился до нас, находящихся еще на изрядном расстоянии от места битвы.

— Ну шо, Капитан, какие будут предложения по поводу блистательного разгрома превосходящих сил противника? — поинтересовался Лис, прислушиваясь к отдаленному лязгу железа.

Я криво усмехнулся. Даже с нашим приходом силы Ланселота были слишком малы, чтобы противостоять, я уж не говорю о том, чтобы победить армию противника.

— Поглядеть надо, — хмуро бросил я. — Вон, видишь, там, в ущелье, рощица? Оттуда открывается прекрасный вид на равнину. Созови-ка командиров отрядов, посмотрим, что можно сделать.

— Лучше бы всего, как писал ваш знаменитый классик, потрясающий копьем после драки... — Он поймал мой гневный взгляд. — Я говорю, после драки подъехать похоронить героев. Вильям Шекспир, пиеса «Гамлет», последняя картина. Ладно, — махнул он рукой, — по глазам вижу, что ты не согласен. Хотя в нашем с тобой положении — это самое разумное. Все-все, пошел за капитанами. Шоб было, кому прынцев оттаскивать.

Как я и помнил, из рощицы в распадке открывался прекрасный вид. Хотя сейчас назвать его прекрасным не поворачивался язык. Оседлав дорогу, ведущую на юг в сторону Камелота, выстроившись четырьмя клиньями, ощетинившимися копьями, здесь из последних сил держалась армия Ланселота. Разорвав на части сильный центр Мордреда, она неминуемо увязла в бессчетном множестве одиночных рыцарских стычек и, не имея сил развить успех, теряла наступательный порыв, все более и более начиная пятиться, пока что еще едва заметно, но с каждым шагом все явственнее.

Пользуясь ослабевшим натиском, Мордред выдвинул вперед мощные отряды, прикрывавшие фланги, и теперь, разворачивая их из квадратов баталий в линии, грозил охватить армию Ланселота и зажать ее в кольцо. Еще один отряд, судя по пляшущему над ним алому дракону — под командованием самого Мордреда, дожидался минуты, когда пехота, цементирующая действие рыцарских копий*, бросится бежать, спасая свои жизни, и, обнаружив железный обруч окружения замкнутым, начнет беспорядочно метаться по полю, разрушая последнее подобие обороны. Так рушится под напором

* Копье — военная единица, рыцарский отряд.

ветра каменная стена, лишенная связующего раствора, едва лишь стоит ей накрениться в сторону.

Тысячи всадников Арморики, лучшие наездники Европы, были обречены на бесславную гибель, лишенные поддержки с тыла и связи друг с другом. Именно в этот момент и должен был ударить резерв Мордреда, последней эффектной атакой довершая разгром первейшего из рыцарей Круглого Стола.

— Поглядите-ка, — я повернулся к одному из оркнейских баронов, знакомому мне еще с Каледонской войны, — вон там, за резервом, стоит обоз. Видите, они так уверены в своей победе, что не стали даже ставить вагенбург. Спешат к Камелоту. Возы расположены колонной на дороге. Отберите полсотни конных лучников на самых быстрых лошадях, возьмите с собой побольше факелов и сожгите обоз. Только сделать это надо очень быстро, чтобы никто не успел опомниться. Полагаю, это заставит Мордреда оттянуть часть сил для спасения своего добра. А если и нет, бароны сделают это и не спросясь. А вы, — я повернулся к оркнейцам, — как только загорится первый воз, будьте готовы ударить. Наша цель — Мордред. Лучше всего взять его живьем. Прошу тех, кому доведется с ним столкнуться, помнить об этом. Он изменник, но я не хотел бы, чтобы мне или кому-нибудь из вас могли кинуть упрек в цареубийстве.

— По отсечению головы, — тихо произнес за моей спиной Годвин, — все остальное безопасно.

— Именно так, мой мальчик, — улыбнулся я, радуясь, что преподанный некогда урок не прошел даром. — А теперь, друзья мои и соратники, давайте определим порядок перестроения и очередность вступления в бой.

Обоз армии Мордреда пылал, лишая возможных победителей законной добычи, но зато обещая неплохое освещение, если битва под стенами Кориниума затянется до темноты. Шанс такой был, поскольку уже начинало смеркаться, а сражающиеся никак не желали уступать друг другу. Отвага и стойкость Ланселота стоили полководческого дара Мордреда, а доблесть рыцарей Арморики неплохо уравнивала численное превосходство противника.

Во всяком случае, так было до того, как пронесшиеся галопом конные лучники подожгли застывшие в ожидании сигнала к движению возы. Взметнувшееся вверх пламя и крики обозников, пытающихся подручными средствами тушить свои повозки, поневоле заставили сторонников Мордреда замедлить движение и, ослабив натиск, повернуть обратно. И если рыцари и оруженосцы еще продолжали вести бой, поминутно оглядываясь на пожираемое пламенем имущество,

не имея возможности без ущерба для чести покинуть поле битвы, то их менее щепетильные в этих вопросах слуги, а уж тем паче наемники, сотнями мчались к полыхающей колонне, торопясь спасти кто убогие пожитки, а кто и что поценнее из возков убитых рыцарей.

— Теперь наша очередь, — тихо проговорил я, оглядываясь на замерших в ожидании баронов.

— Фри вэй! — прогрохотал над округой боевой клич Инисторов. — Путь свободен!

Конная армада, опустив зажатые под мышками копья, обогнув скалу, наметом вышла на равнину и устремилась на резерв Мордреда, уже утративший свое первоначальное назначение и теперь выступающий в непривычной для себя роли заградительного отряда. Опрокинутые атакой пехотинцы, суетившиеся у горящих возов, с воплями устремились назад, ломая строй рыцарских банд*.

— Фри вэй! — неслось над полем.

— Нас рать! — присоединил свой боевой клич неугомонный трансальпийский галл Сергей Лисиченко, выхватывая из колчана очередной оперенный гусиными перьями пропуск в Валгаллу. — Не стой под стрелой! Зашибу!

Обстановка на поле менялась едва ли не ежесекундно. Потрясенные моим святотатственным поджогом, рыцари Мордреда ерзали в седлах, не зная, то ли бросаться спасать от огня и мародеров свое имущество, то ли продолжать добивать дрогнувшие уже было полки Ланселота. Ну о каком бое может идти речь, когда одним глазом ты следишь за действиями противника, а другим сквозь узкую прорезь железной личины пытаешься косить, что там происходит позади боевых порядков! Какими бы ни были первоначальные замыслы наличествующих на поле полководцев, действительность, гнусно усмехнувшись, превращала их в полную бессмыслицу.

Утратив всякий строй и всякое единство, рыцари по одному, по два, небольшими группами носились взад-вперед, ища достойных соперников, вступали в случайные схватки, подчас мучительно вспоминая, глядя на гербовый щит противника, к какому лагерю относится встреченный джентльмен. Из-за обилия ярких котт с высоты птичьего полета долина, должно быть, напоминала чудовищный салат, перемешиваемый миксером. Лишь только кое-где над полем трепетали под порывами ветра пеноны и баньеры военачальников, позволяя уставшим от бессмысленного кружения сбиваться хоть в какое-то подобие организованных отрядов. Однако спустя считанные мгновения неумолимая логика боя вновь разрывала их в клочья и вновь разметывала по полю до следующего встреченного знамени.

---

* Банда — первоначально линия копий, шеренга рыцарского строя.

— Вон! Вон алый дракон! — возбужденно кричал ехавший рядом Годвин, довольно ловко отмахивающийся трофейным мечом сэра Эгведа от случайных ударов.

Невелико умение, но все же. Случайные удары в бою, когда никто не видит перед собой конкретного противника, — вещь опасная. Один-два, редко когда больше, поскольку враг, по сути, сражается не с тобой, а просто бьет наудачу, потому что ты подвернулся ему под руку. Спустя мгновение, если он все еще остается живым, удары будут направлены в кого-нибудь другого, словно тебя и не бывало. И так до конца боя, или же до последнего удара.

— Бей краснодраконников! — орал Рейнар, раздавая направо и налево точно такие же случайные удары и шаг за шагом прорубаясь к знамени Мордреда. — Круши их в сечку!

До заветного знака боевой доблести оставались считанные ярды и несчетные враги. Мавр таранным ударом сбил на землю буланого коня с рыцарем в черно-зеленой гербовой котте. Я махнул мечом, но клинок пролетел в воздухе, даже не зацепив его. Безумие и ярость боя сполна уже передались мне, лишая тело чувствительности к боли и переключая восприятие окружающего на совсем другую скорость.

Я видел, как медленно поворачивается ко мне Мордред, восседающий в своем белом доспехе на прекрасном белом коне, как медленно-медленно вонзает он в его бока свои длинные острые шпоры и, закрываясь на ходу щитом, медленно мчит мне навстречу, едва-едва двигая рукой и занося меч для удара. Я видел, как рядом со мной возбужденный безумной схваткой Лис раскручивает над головой шипастый шар маргенштерна, как поблескивают в лучах заходящего солнца звенья цепи и как врезается железный каштан в шлем скачущего по правую руку от Мордреда знаменщика. Считанные секунды, растянутые бог весть на сколько!

Вот со звоном встречаются наши мечи, и я слышу этот звук, точно находясь далеко-далеко отсюда в глубоком колодце. Даже не столько слышу, сколько чувствую отдачу от удара в плече и понимаю, что звук должен быть. Еще один удар, за ним третий, четвертый... Я сколько угодно мог именовать Мордреда мятежником, впрочем, как и он меня, но называть его неумелым воином у меня не повернулся бы язык. Он, безусловно, являлся одним из лучших мечей Британии и, вспоминая, скажем, о непревзойденном воинском искусстве Ланселота, не стоит забывать, что многому из того, чем ныне гордился сэр Ланселот Озерный, он был обязан именно Мордреду, немало понатаскавшему его в рыцарских доблестях во время похода в Арморику.

Круговорот верховых, пеших, всадников, лишенных коней, и коней, лишенных всадников, неумолимо диктовал свои условия бою, пытаясь развести нас в разные стороны, затем вновь кидая едва ли

не в объятия друг другу. Какой-то рыцарь на свою беду попытался вклиниться между нами и, немедленно получив удары с обеих сторон, рухнул на землю. Вероятнее всего, он был оглушен, но разбираться в этом, как и в том, на чьей стороне сражался бедолага, не было никакой возможности.

Я видел, как качается знамя с алым драконом в руках раненого Лисом знаменщика, еще миг, и оно рухнет, лишая войско Мордреда какого-либо руководства. Но тут...

— Пендрагон! — Годвин выхватил древко из разжавшихся пальцев соратника мятежного принца и, не разбирая дороги, бросил коня к краю поля.

— Идиот! — Всполошенный Лис, забыв о своем недобитом противнике, помчался вслед за ним, на ходу раздавая удары во все стороны. — Куда тебя понесло?!

— Сэр Торвальд! — прохрипел из-под личины Мордред.

— Потом! — Я отмахнулся и развернул коня, пуская его вслед за Лисом. — Позже встретимся!

Знамя с алым драконом стремительно двигалось по полю боя, демонстрируя явную готовность покинуть его как можно скорее. Недвусмысленный, понятный каждому сражающемуся знак к отступлению.

— Пендрагон! — продолжал что есть силы вопить Годвин.

— Поворачивай к лесу! — вслед ему орал Рейнар. — Болван, блин, они же все за тобой скачут!

Окончательно потерявшие к концу дня всякое представление о реальности, рыцари действительно спешили выйти из боя вслед за горланящим мальчишкой, точь-в-точь оленята за хвостом своей матери. Невесть чем бы это все закончилось, удайся им догнать нашу троицу. Но тут звук боевых рогов возвестил о подходе нового действующего лица.

— Ллевелин! — пронеслось над полем. — Ллевелин!

В надвигающейся темноте из-за скал появилась голова колонны, над которой развевался черный с золотом штандарт Стража Севера.

— Хух! — произнес Лис, поравнявшись с передовыми всадниками авангарда и ощупывая себя, чтобы убедиться в полной комплектности. — Кажись, обошлось.

— Они бегут! — радостно крикнул один из рыцарей авангарда Ллевелина.

— Нет, — покачал головой я, вглядываясь в тающие во тьме силуэты. — К сожалению, они только отступают. Хотя и в беспорядке. Спасибо тебе, Годвин. — Я улыбнулся оруженосцу. — Сегодня ты выиграл сражение.

Глава 28

Хорошо бы, граф, если бы город
можно было брать пальцем.

Принц Евгений Савойский

Мордред отступал, пользуясь темнотой, уходил на юго-запад в сторону Бристольского залива. Отступал, сохраняя оружие и быстро налаживая управление войском. В надвигающейся тьме слышались завывания сигнальных рожков и боевые кличи рыцарей, созывающих своих ратников под уцелевшие знамена. Победа, несомненно, осталась на нашей стороне, но говорить о поражении сына Морганы было преждевременно. Превратность военной судьбы, и не более того.

Ночь не позволяла объединившимся силам преследовать отступающих, и потому изрядно потрепанные победители при свете догорающего обоза и складываемых здесь же погребальных костров выискивали оставшихся в живых, подсчитывали потери и собирали богатый урожай оружия, доспехов, украшений и иных ценностей, находящихся при сражающихся в их последний миг. Не слишком удобно, но другого времени могло и не быть.

Поутру объединенная армия шла вслед отступающему противнику, спеша дать ему сражение до того, как он запрется в стенах очередной твердыни. А такая твердыня была. На самом берегу Бристольского залива, именуемого пока еще заливом Зеленой Воды, высилась мощная крепость Кордуэл, бывшая столица короля Утера и Артура в первые годы его царствования.

Имелась в ней также удобная гавань, в которой постоянно находилось до десятка кораблей. Понятное дело, не таких гигантов, как современные лайнеры, но взять на борт человек пятьсот и в узком месте залива перевезти их на другой берег — дело не слишком хитрое. А если присоединить к кораблям отобранные у местного населения лодки и карры, то процесс может значительно ускориться. День-другой, и войско, прикрытое башнями Кордуэла, переправится через залив и форсированным маршем дойдет до Камелота, сведя на нет ценность сегодняшней победы и оставив в дураках все высокомудрое руководство «северного альянса».

Несомненно, можно было, не обращая внимания на отходящего к западу Мордреда, идти на юг к Камелоту. Однако дороги были полны лазутчиков, и вероятность получить армию противника себе на загривок на подходе к опустевшей ставке Артура в этом случае была более чем велика. Учитывая же, что в результате сегодняшне-

го боя и последовавшего за ним соединения армий коалиции наши силы незначительно превышали силы Мордреда, пренебрегать такой опасностью было по меньшей мере неосмотрительно.

Тусклые лампады едва освещали собравшихся в зале, однако, похоже, ни у кого не возникало и мысли потребовать еще светилен. Собравшимся в старом консульском дворце военачальникам было не до того.

— Милорд герцог, — статный король Беноика, гневно насупившись, глядел на грозного Ллевелина, восседающего напротив него, — я ждал вас еще вчера. Из-за вашей задержки я потерял более трех тысяч прекрасных воинов. Чем вы замените мне их?

— Ничем, — прямо глядя в лицо Ланселота, покачал головой Страж Севера. — Пять дней тому назад я ждал вас в Кэрфортинге. Чем вы, милорд, восполните упущенные возможности?

Вы пожелали воевать по собственному плану? Пожалуйста. Я даже согласился на то, чтобы следовать ему. Отчего же теперь вы упрекаете меня в своих потерях? Я выступил так быстро, как только смог выступить, и шел без задержек.

Я невольно усмехнулся. Ллевелин действительно шел без задержек, но, как бы это сказать, не торопясь.

— К тому же, — продолжал Страж Севера, — разве не атака моего передового отряда под командованием сэра Торвальда аб Бьерна спасла вашу армию от разгрома? И разве не подход основных моих сил заставил Мордреда искать спасения в бегстве?

Ланселот сжал кулаки, явно готовясь ответить на хлесткие слова Ллевелина не менее злыми упреками. Еще минут десять беседы в таком тоне, и можно будет не сомневаться — поутру битва у стен Кориниума продолжится, правда, уже в несколько ином составе.

Я посмотрел на Ллевелина, восседающего на покрытой ковром каменной скамье, и едва смог сдержать улыбку: когда-то м-м... много лет спустя под полуразвалившейся плитой точно такой скамьи, но только в нашем мире, мы с Расселом прятали толстые мужские журналы с иллюстрациями, один вид которых мог полностью деморализовать обе собравшиеся здесь армии. Это был бы, пожалуй, великолепный способ прекратить назревающую ссору, но, увы, до закладки в тайник соответствующих изданий оставалась еще уйма веков, а предпринимать что-то нужно было именно сейчас.

— Милорды, — громогласно объявил я, радуясь в душе простоте царивших здесь нравов. — Я не хочу умалять доблестей кого-либо из здесь присутствующих, но битву выиграл мой оруженосец!

Десятки негодующих взглядов были ответом на мою хамскую выходку. Понятное дело, ловкая проделка Годвина действительно реши-

ла исход сегодняшнего боя, но говорить, что безвестный юноша, едва-едва начавший обучаться рыцарской премудрости, выиграл сражение, в котором участвовали виднейшие военачальники Британии, Оркнеи и Арморики, было по меньшей мере дурным тоном. Достаточно дурным, чтобы отвлечь собравшихся от назревающей ссоры.

— Да-да, я настаиваю на этом, — продолжал я, вызывая огонь на себя. — Ибо именно его деяние заставило врага покинуть поле боя. Ибо он захватил знамя Мордреда и сумел воспользоваться им не просто как трофеем, но как неким волшебным жезлом, одним мановением принесшим сегодня победу. А потому, — я сделал паузу, оглядывая зал, подготавливая военачальников к следующей вопиющей дерзости, — я прошу господ герольдов подтвердить право Годвина из Кадорканула в знак сегодняшней победы носить алого дракона Пендрагонов в своем гербе.

Зал стих. Такого поворота, похоже, не ожидал никто. Присутствующие на совете герольды, огорошенно поглядев на своих сюзеренов, вынужденно кивнули. Захват знамени, тем более такого знамени, был более чем веским поводом для принятия в герб соответствующей фигуры. И все же...

Я во все глаза смотрел на Ллевелина, поскольку в первую очередь этот удар был направлен именно в него. Позволить безвестному юноше принять самый знатный в королевстве герб означало признать его практически равным себе. А до той поры, пока износившаяся маска валлийского герцога еще не снята, даже и стоящим на ступень выше.

Конечно, объяви тут Страж Севера себя природным Пендрагоном, он мог бы превратить принятие алого дракона в дарование герба-уступки, своего рода высокую награду за проявленную доблесть. Но это означало бы расписаться в коварном умысле против Артура, а также в том, что планы Мордреда, в сущности, ничем не отличаются от его собственных.

Лицо Ллевелина было бледно, хотя, быть может, оно лишь только казалось таковым в неверных бликах светилен. Он поднялся со своего места и начал говорить, очень медленно подбирая слова и не спуская с меня удивленно-неприязненного взгляда:

— Подвиг, о котором говорит сэр Торвальд, действительно заслуживает высокой награды. — Он запнулся. — Награды, которой он требует для своего оруженосца. Однако насколько мне известно, тот еще слишком юн, чтобы надеть рыцарские шпоры, а стало быть, и иметь личный герб. Я полагаю, необходимо просить герольдов достойно описать подвиг юноши в своих свитках-арморциалах с тем, чтобы после того, как будет оглашен новый верховный король Брита-

нии, обратиться к нему с просьбой о пожаловании столь знаменитой эмблемы в герб нового рыцаря. Конечно, когда подойдет тому срок, и он станет рыцарем...

— Да как же можно, Торвальд! — громыхнул со своего места сэр Борс. — Ведь это же дракон Пендрагонов...

Споры продолжались еще долго. Все рассматриваемые далее вопросы решались с общим чувством невольной досады, но главное было достигнуто: союз Ллевелина с Ланселотом был сохранен.

Утром следующего дня армия выступила на Кордуэл. После ночного военного совета Ланселот, казалось, потерял большую часть интереса к происходящему. В безучастном молчании он выслушивал распоряжения верховного главнокомандующего, невпопад кивал, когда спрашивали его совета, предпочитая большую часть времени проводить в седле, гарцуя в сопровождении единственного оруженосца где-то в стороне от пути следования колонны.

К утру второго дня пути по армии начал расползаться слух, что первый рыцарь Европы намерен уйти в монастырь, отрешившись от земных дел. Косвенным подтверждением тому были долгие беседы короля Арморики с преосвященным Эмериком, с великим почетом следовавшим в обозе армии. Так ли это было, сказать тяжело. Пока что храбрый рыцарь, похоже, не собирался расставаться с мечом и рыцарским стягом.

Оркнейцы по-прежнему шли в авангарде, то и дело подбирая по пути раненых, отставших или же просто решивших сменить отступающего господина на наступающего. Лишенный обоза Мордред двигался значительно быстрее нас, спеша дойти до богатого Кордуэла и нимало не заботясь о дорожных потерях. Крепость на берегу залива нужна была ему для последнего рывка, и, полагаю, он вовсе не думал всерьез защищать ее. Он торопился к Камелоту, ибо стоило ему запереться в неприступной твердыне и удержать ее хотя бы неделю — вся история с завещанием Артура и предсказанием Мерлина превращалась в детский лепет. Пророчества, которые не сбываются, вызывают лишь насмешку.

— Гляди-ка! Гляди-ка! — отличавшийся отменным зрением Лис указал в сторону высокого холма с пятеркой стройных ясеней у самой вершины. — Капитан, шоб я так жил, это же виверна!

Армия уже подтягивалась к бывшей столице Пендрагонов и теперь занимала места для грядущего штурма. Или же, что приходилось признавать, глядя на высокие стены и мощные башни, — для долгой осады. В случае, если, паче чаяния, Мордреду не удастся выскользнуть из этой хорошо укрепленной западни.

— Где виверна? — внимательно вглядываясь туда, куда указывал мой друг, спросил я.

— Да вон же! — Лис ткнул пальцем в вершину холма. — Вон лежит, между ясенями.

— И верно, — присвистнул я.

В тени деревьев, повернув голову в сторону крепости, не то лежала, не то восседала виверна.

— Интересно, не наш ли это ангел Трахтарарах? — невесть кому задал вопрос Лис, прикладывая руку козырьком к глазам и пытаясь с такого расстояния разобрать выражение морды чудовища.

— Съездим, посмотрим, — пожал плечами я, делая эскорту знак остановиться.

— Но сэр Торвальд, энц Рейнар, — следовавший рядом Годвин удивленно посмотрел на старших товарищей, — что вы такое говорите, это же виверна! Ее зловоние способно лишить человека разума, а удар хвоста сбивает коня вместе с всадником!

— Ага, — хмыкнул Лис, — а зубами она может довести дуб до состояния зубочистки. Но ты-то, герой борьбы с мировым злом, буквально обладатель личного красного дракона, тебе ли бояться какой-то там занюханной виверны? Тем более что с ума она своим дыханием сводит только в большую охотку, а так — просто себе смердит, как небольшой склад тухлых яиц. — Он хитро подмигнул мне, указывая кивком головы на брезгливую гримасу, скривившую лицо юноши. — Ладно, не боись! Сдается мне, что это наша дружественная виверна, настолько проникнутая христианским духом, что любой другой он перебивает со страшной силой. По-моему, я тебе о ней уже когда-то рассказывал.

— Поехали, — подвел итог я. — Если она — хорошо, нет — думаю, мы об этом узнаем еще не добравшись до места.

Это действительно была «наша» виверна. Блаженно прикрыв глаза, она ворковала что-то довольно мелодичное, явно пытаясь изобразить на своей пасти подобие радостной улыбки. Святой подвижник, чьей обычной спутницей она являлась, был рядом. Он сидел у небольшого костерка, поджаривая нанизанные на ветку грибы. Похоже, распространяемое рептилией зловоние ничуть не мешало ему готовить и принимать пищу.

— А, это вы? — кивнул он, едва отрываясь от своего занятия. — Давно уже вас жду. — Он протянул грибы. — Кушать будете?

— Нет, спасибо, — за всех ответил я, прикрывая нос рукавом и понимая, что в таких условиях никому из нас кусок в горло не полезет. — Вы нас ждете?

— Ну да, — кивнул святой Каранток, поглаживая шею виверны. — Мордред был здесь еще сегодня утром. Вы вот задержались.

— А почему вы нас ждете?

— Ибо так быть должно, — с расстановкой произнес странствующий мудрец. — Конечно, плохо, что все это произойдет здесь в субботу, но уж чему быть, того не миновать.

— О чем это вы? — не понял я.

— О соблюдении заповедей. Видишь ли, мы с нею блюдем день субботний. — Он отвлекся от беседы со мной и перевел глаза на стоящего позади оруженосца. — А этого юношу наверняка звать Годвин?

— Да, — тихо подтвердил наш спутник. — Но откуда вы знаете?

— Красивое имя, — разговаривая, очевидно, с самим собой, произнес Каранток, — очень значимое. Один мой друг много рассказывал о тебе и просил присмотреть за тобой.

Я видел, как подмывало отрока спросить, что за друг мог много рассказывать о нем, но сдерживаемый усвоенными правилами этикета, он лишь поклонился, благодаря за заботу, и проговорил:

— Мне не на что жаловаться, о мудрейший.

— Сэр Торвальд! Сэр Торвальд! — донеслось снизу. У подножия холма гарцевал один из оруженосцев Ллевелина. — Наши войска уже вступили в бой. Герцог просит вас к себе.

— Хорошо, — кивнул я. — Сейчас еду. Полагаю, мы еще сегодня встретимся, — крикнул я, сбегая к оставленному на полдороге Мавру, пасшемуся вместе со скакунами Рейнара и Годвина.

— Вне всякого сомнения, сэр Торвальд, вне всякого сомнения.

В гавани Кордуэла кипел бой. Как мы и предполагали, Мордред не преминул воспользоваться наличествующими плавсредствами, чтобы переправиться на противоположную сторону залива. Полдня корабли и карры, а то и простые лодки отчаливали от пристани и брали курс на юг, затем, высадив «пассажиров», они возвращались, и процесс повторялся вновь.

Этим и воспользовался опытный сэр Борс, захвативший где-то неподалеку четыре карры, с десяток лодок и под видом возвращающихся с той стороны беспрепятственно приведший их к пирсу. Что началось на мостках, когда выяснилась подмена, не стоит даже описывать. Зная буйный нрав сэра Борса и повадки его комитов, это легко представит себе каждый наблюдавший работу комбайна.

Воины Борса врезались в толпу ожидающих своей очереди пехотинцев, круша все на своем пути, переступая через убитых и внушая ужас живым. В тот же миг по сигналу трубы на башню, запирающую подход с равнины к Кордуэльской гавани, ледяным ураганом обрушились воины королей Богарта и Бана, жаждущих свести счеты за тяжкие испытания Кориниума. Ничто не могло остановить их, и ско-

ро бой уже кипел на стенах и в нижней крепости, соединявшей Кордуэл с морем. Обороняющиеся, пришедшие в себя после первого шока, подтянули силы из цитадели, и бой разразился с новой силой. В любом случае, на чьей бы стороне ни оказалась победа в этой схватке, ясно было лишь одно: переправа перестала существовать.

— Здесь разберутся и без нас, — покачал головой Ллевелин, следя за ходом сражения. — Почтеннейший Ланселот, я не хочу вам приказывать, но, по моему мнению, вашим родственникам пора выходить из боя. Гавань разрушена, корабли сожжены, а удерживать этот кусок суши под цитаделью не имеет смысла. Мы и так легко будем его контролировать парой отрядов лучников. Я бы придвинул войска поближе к стенам и приказал трубить отступление. Каждые лишние мгновения боя — это лишние потери. Действительно лишние. Милорды, я жду вас в своем шатре, — продолжил он, поворачивая коня. — Перед нами стоит куда более важная задача. Крепость надо взять сегодня, от силы завтра. Обдумайте свои предложения, я жажду услышать их на военном совете.

Военачальники, от могущественных королей до командиров небольших отрядов вроде молодого сэра Кархейна, возглавлявших валлийских лучников герцогской стражи, согласно склонили головы, признавая правоту мудрого полководца.

— Возвращайся на холм, к Карантоку, — бросил я Лису, отъезжая от того места, откуда Ллевелин, Ланселот и остальные вожди нашего воинства наблюдали за ходом боя в гавани. — Возьми с собой Годвина, он мне пока не нужен. Распорядись, чтобы оркнейцы ставили там лагерь, место вполне подходящее.

— А ты? — подобно заботливой няньке поинтересовался Лис.

— Покручусь возле стен, посмотрю, как тут и что.

— Только, ради бога, не вляпайся в очередную халепу! А то я тебя знаю: в парадных чулках, весь в драгоценностях, точно елка, с клинком в зубах брык через стену Виндзорского замка: всем лежать, остальным строиться — я Котовский. Не надо пытаться брать Кордуэл в одиночку, я тебя очень прошу!

— Да ну, — отчего-то начал оправдываться я, — я же тогда обиделся. Договорились в пять утра продолжать переговоры, за язык их никто не тянул. Я всю ночь не спал, обдумывал речь, прихожу — ворота закрыты, а они дрыхнут как убитые, ну и вот...

— Но так вот, чтоб сейчас без обид. Тем более что Мэлори с ребятами могут и не подоспеть.

Я не стал расстраивать Лиса, на почтительном расстоянии объехал крепостные стены, чтобы получше познакомиться с объектом штурма, и уже начал было движение в сторону ллевелиновского шатра, когда в моей голове раздался встревоженный голос Лиса.

— Капитан, у нас тут небольшое ЧП.

— Что такое? — встревожился я.

— Каранток пропал.

— То есть как пропал?

— То есть абсолютно. Как сквозь землю провалился. На месте его нет, виверну в воздухе никто не видел. Уползла она, что ли? Не знаю, что и думать.

— А может, нам вообще все привиделось? Их там и вовсе не было. Может, это последствия Зачарованного леса?

— Может быть, — с сомнением подтвердил Лис. *— Но костерок на месте.*

— На земле нет, — повторил я вслед за Лисом, *— в воздухе нет... Слушай, а под землей вы их искали?*

— В каком смысле?

— В прямом. Виверны обычно живут в пещерах, бродячие проповедники тоже. Может, у них тут где-то в округе тайник имеется? Вот они в нем от греха подальше и спрятались, чтобы не травмировать психику непривычных еще к крылатому шоу вояк.

— Да ее почти все видели, — с сомнением бросил Лис. *— А впрочем, под землей, так под землей. Поищем.*

Военный совет длился довольно долго. В большинстве своем высказываемые на нем предложения способов штурма крепости не отличались ни новизной, ни оригинальностью. Не то чтобы военачальники нашей армии были слабые сами по себе, но брать с наскока хорошо укрепленную крепость — такое мог позволить себе только Мюрат, да и то в основательно перепуганной Наполеоном Германии.

Ударных вариантов не было. Совет поминутно увязал в деталях и частностях, не в силах продвинуться дальше различных планов лобового штурма. Для всего остального было слишком мало времени. Вероятно, командуй Ллевелин войском единолично, его бы не остановила возможная потеря большей части армии на восемнадцатиярдовых стенах, громоздящихся на еще более высоких мрачных утесах. Однако сейчас под его началом стояли десятки сюзеренов, безусловно, отличающихся личной отвагой и все же искренне надеющихся во время приступа прикрывать спину карабкающегося по штурмовой лестнице соседа. И с этим, к великому неудовольствию Стража Севера, приходилось считаться.

— Капитан, мы нашли их! — наконец раздался на канале связи долгожданный голос Лиса. *— Ты был прав, они таки зарылись под землю.*

— Пещера?

— Точно. Но где?! Ты себе даже представить не можешь!

— Под нашим холмом?

— Холодно! Ладно, не гадай. Они в пещере под самой стеной Кордуэла. Основательная такая пещера. Прямо колонный зал для съезда эльфов Британии. При желании можно и минную галерею соорудить, и ход наверх пробить. Если найти соответствующее место и попросить виверну пару раз по потолку хвостом стукнуть, то получится вполне себе канализационное отверстие для скрытого проникновения внутрь крепости.

— Лис, о каком скрытном проникновении идет речь? Если виверна начнет колотить хвостом, то с тем же успехом мы можем окружить зону работы красными флажками. А минная галерея — мысль, конечно, хорошая, только из чего мины делать будем?

— Ну, не знаю. Это ты у нас спец. Думаю, уж каким-нибудь пердячим паром...

Я чуть не вскочил со своего места.

— Что? Что ты сказал?

— Из песни слов не выкинешь, — начал было оправдываться напарник.

— Ты ничего не понимаешь, это замечательно! — радостно выпалил я.

— Да? Кто бы мог подумать?

— Милорд герцог, — я поднялся со своего места, — у меня есть план, почти наверняка гарантирующий сдачу крепости в самое короткое время. Я бы просил у вас позволения сейчас удалиться, чтобы уточнить кое-какие его детали, но, заверяю вас, он позволит нам быстро взять город, причем малой кровью.

— Ты уверен в этом, Торвальд?

— Я когда-нибудь не держал своего слова?

— Нет, — покачал головой Ллевелин. — К тому же за тебя говорят пять взятых крепостей Горры. Ладно, — он хлопнул ладонью по столу, — если ты гарантируешь, что все будет сделано быстро и с малыми потерями, я поддерживаю твой план, каков бы он ни был. Что тебе нужно для его исполнения?

— Отряд лучников, — задумчиво произнес я, прокручивая в голове детали. — И, пожалуй, десятка три копейщиков, имевших дело со штурмом крепостей.

— Позвольте мне, — донесся знакомый голос от дальней стенки шатра. Сэр Кархейн, как подобало одному из младших офицеров личного резерва полководца, дожидавшихся распоряжений на скамье вдали от стола военачальников, поднялся со своего места и гордо расправил плечи.

— Ступай, — милостиво позволил Страж Севера, окидывая внимательным взглядом фигуру молодого рыцаря.

* * *

Виверна взмыла круто вверх, легла на крыло и, развернувшись на полном ходу, сорвалась в пике, заходя на штурмовку с искусством прирожденного воздушного аса. Лучники, занимавшие позиции на крепостной стене и до этого сосредоточенно перестреливающиеся с валлийскими стрелками Кархейна, прыснули в разные стороны, не желая проверять на себе правдивость рассказов о кровожадности злобных тварей.

— Заваливай! — приказал я последним подручным, все еще находящимся у выхода из пещеры.

Подведенные под стрелами противника высоченные деревянные щиты-мантелеты один за другим начали ложиться на кариесную дырку в скальной толще.

— Оставьте отверстие! Не здесь, чуть повыше! Отлично! Теперь камни и фашинник.

Солдаты споро управлялись с поставленной перед ними задачей, опасливо глядя, как раз за разом пикирует на стену виверна, невольно зажимая носы и отворачиваясь, чтоб хоть как-то укрыться от непередаваемого зловония, сочившегося из каменных недр. Уж кому, как не мне, было понимать их! Я работал с ними наравне, стараясь всемерно ускорить процесс подготовки к взрыву. Однако в отличие от всех остальных, исключая Лиса, я знал, что происходит.

Пещера была полна сероводорода, концентрированного настолько, что еще немного, и он мог выпадать росой на холодные камни грота, сероводорода, являвшегося продуктом жизнедеятельности виверны, производимого ею в результате переработки пищи. Труднее всего было уговорить Карантока согласиться с моим планом. Лишь только довод о том, что в противном случае цитадель будут штурмовать, и с обеих сторон погибнут тысячи не то чтобы ни в чем не повинных, но все же людей, смог пробиться к рассудку святого. И вот теперь виверна, раз за разом атакуя место будущего прорыва, отгоняла от него обороняющихся, чтобы максимально сократить количество возможных жертв.

Когда Каранток, тяжело вздохнув, дал согласие на проведение диверсии, его крылатую спутницу ждал пир, какого она, должно быть, не видела с момента своей христианизации. А дальше... Наверное, весьма занятно было бы наблюдать, как благочестивая тварь, пятясь к выходу, выдыхает свой невероятный смрад, быть может, впервые в жизни ощущая на себе все те невыразимые муки, которые испытывает обычный человек, пораженный ее ядовитым дыханием. Во всяком случае, из пещеры она стартовала точь-в-точь как баллистическая ракета из пусковой шахты.

— Все, закончили? — командовал я. — Отлично, а теперь убегаем! Быстрее, быстрее!

Лис ждал меня на стрелковой позиции валлийцев.

— Ну что, попадешь? — Я указал на отверстие под сводом пещеры.

— Постараюсь, — не спеша проговорил Лис, слюнявя палец и ловя им ветер. — Темнеет уже. Так, — Рейнар вытащил из колчана стрелу с примотанной под наконечник помасленной тряпкой, — если хотите жить, — он повернулся к валлийцам, — как только я пускаю стрелу, падайте на живот ногами к пещере и закрывайте головы руками. Всем понятно? Это не шутка, и здесь не до геройства. — Слова его были резки и точны, а такое с моим велеречивым другом случалось нечасто. Он чиркнул огнивом и из-под тряпицы выскочил радостный язычок пламени. — Так, я всех предупредил. Раз, два, три... — на счет «четыре» и «пять» стрела уже летела к цели. На счет «шесть»... Невероятный грохот, никогда до этого часа не слышанный в Британии, потряс побережье, и если бы был здесь кто-то, хоть раз в своей жизни видевший извержение вулкана, вероятно, он бы принял случившееся именно за такое стихийное бедствие. В мгновение ока округа меняла свой вид.

Восемнадцатиярдовая стена из крепчайшего римского бетона толщиной пять ярдов взлетела вверх, рассыпаясь на куски, точно пенопластовая декорация. Две высоченные башни, которые она соединяла, накренились, словно потеряв опору, и в считанные секунды рухнули в образовавшийся провал, разваливаясь на лету. Пламя и дым, взметнувшиеся к небесам, на какой-то миг, казалось, залили весь горизонт, точно горел не только Кордуэл, но и сам залив. То там, то здесь сквозь грохот слышались стоны раненых, и мне очень хотелось верить, что их значительно меньше, чем было бы при штурме. Во всяком случае, мы сделали все, чтобы сократить их число.

— Невероятно! — Ллевелин, державшийся все время наших работ поодаль, под прикрытием ближайших холмов, в окружении обескураженной когорты военачальников, не сводивших глаз с зарева, подъехал к нам. — Просто невероятно! Не знаю, что и сказать. Надеюсь, это адское оружие никогда более не будет применено. Никогда и нигде. Невероятно! — Он развел руками, не находя слов, и затряс головой, стараясь выйти из оцепенения. — Ладно, к делу! Как только рассеется дым, я отдам приказ к атаке. Полагаю, вы согласны со мной, милорды?

Вероятно, милорды были согласны, но в отличие от своего предводителя к ним еще не вернулся дар речи.

Иссиня-голубые молнии вспороли вечерний полумрак, с треском врезаясь во вкопанные на позициях лучников мантелеты, разнося их в щепы.

— Это тоже ваши? — поинтересовался Страж Севера.

— Нет, это с той стороны, — покачал головой я.

— Понятно. Значит, Моргана.

— Когда Господь не хранит стены, напрасно бодрствует стража, — высокопарно процитировал сопровождавший главнокомандующего архиепископ Кентерберийский, явно чувствующий себя не в своей тарелке и оттого, видимо, желающий доказать состоятельность в новом амплуа.

— Эти пока еще держатся, — заметил Ллевелин.

— Эй! Благородный герцог Ллевелин, предавший Артура каледонцам! Благородный король Ланселот, предавший Артура Арморике и соблазнивший его жену! Благородный герцог Торвальд, предавший своего короля Мордреда и нынче метящий на его трон! Вы, короли, герцоги и принцы! Вы, доблестные бароны и рыцари! Слушайте меня! К вам обращаюсь я, леди Моргана, сестра доброго короля Артура!

Вы пришли сюда, чтобы силою мечей отнять то, что принадлежит моему сыну по праву. Но есть ли он тут? Или, может быть, ваше грозное воинство воюет лишь с женщиной, преданной вами в угоду своим корыстным помыслам? Можете ли вы сказать об этом наверняка, или же для этого будет необходимо обагрить клинок кровью моей и моих служанок, чтобы потом каждый встречный указывал на вас пальцем, говоря: «Вот он идет, грозный победитель дам, юнцов и стариков». Придите же и самолично убедитесь в истинности моих слов! Придите же, но знайте, пока есть у меня силы, я буду поражать вас безо всякого сожаления и пощады. Ибо каждый миг этой обороны венчает славой нас и клеймит несмываемой грязью вечного позора вас, собравшихся у Кордуэла. Придите, и мы умрем с вами вместе, оставив времени рассудить, кто из нас прав, кто виноват. Я вижу, вы не торопитесь? — Она сделала паузу и продолжила насмешливо: — Хорошо, я отдам крепость, раз уж она вам так нужна. С первым лучом солнца я велю сложить оружие и открыть ворота в обмен на твое слово, Ллевелин, сохранить жизнь всем, кого вы найдете в городе.

— Я даю тебе слово, Моргана, — крикнул в ответ ярой обвинительнице Страж Севера. — Но если с рассветом ты не откроешь ворота, к обедне в Кордуэле не останется даже живой кошки.

— Ах как это благородно! Я никогда не обманываю, Ллевелин. Ты мог бы знать это.

— Мордреда, вероятно, уже давным-давно нет в Кордуэле, — тихо произнес ехавший рядом с Ллевелином Ланселот. — Скорее всего он уже по ту сторону залива, на полпути к Камелоту. Моргана просто тянет время.

— А если нет, — резко повернулся к нему Страж Севера. — А если он по-прежнему в цитадели? А этим ходом она добивается, что-

бы мы сняли осаду и пустились в погоню за призраком? Вновь разделять армию неразумно и небезопасно, Мордред все еще силен. Будем ждать утра.

Ночь выдалась на редкость туманная. Такая туманная, что пальцы на руке можно было пересчитать только на ощупь. Добрая треть армии стояла в охранении, опасаясь, как бы, воспользовавшись таким везением, противник не решил просочиться через линию постов. Треть армии едва ли не плечом к плечу стояла настороже, две трети спали вполглаза, ожидая, казалось, неминуемого в эту ночь сигнала тревоги.

Ближе к полуночи туман начал рассеиваться, но взамен его ударил такой мороз, что можно было подумать, будто на дворе не сентябрь, а как минимум январь, причем не здесь, а где-нибудь в нашей Оркнее. Ночная стража клацала зубами, не имея сил отойти от костров, а в крепости, как назло, что-то стучало, громыхало, скрипели колеса, ржали кони, словом, происходило НЕЧТО, мало совместимое с подготовкой к капитуляции. «Что же они там удумали?» — размышлял я, да, похоже, и все остальные, пытаясь, сколько возможно, согреться в эту странную ночь. Однако замысел Морганы, как обычно, был непроницаем.

Ближе к утру, однако, потеплело. Едва первые лучи солнца, подобно требовательным пальцам кредитора, ударили в ворота крепости, те открылись с недобрым скрипом, пуская победителей в город.

На площади перед королевским дворцом красовалась аккуратно сложенная куча изломанного оружия, старых доспехов, украшенная цветочными гирляндами. Армии Мордреда в городе не было. Она исчезла, словно растворилась в воздухе, оставив на память о себе несколько десятков раненых и негодующих местных жителей, требующих от новой власти возместить потерю крыш, сорванных этой ночью по приказу феи Морганы.

Глава 29

Мир принадлежит тому, кто может его взять, или тому, кто не позволит отнять его у себя.

Макс Штирнер

Зеленые волны Бристольского залива плескались о камни у подножия утесов. Мы с Лисом стояли над колышущейся водой, глядя туда, где в сероватой туманной дымке виднелся противоположный берег. Вне всякого сомнения, армия Мордреда была уже там. Я го-

тов был держать пари, что знаю, как ей это удалось. Конечно же, она не растаяла в воздухе и не растворилась в ночном тумане. И хотя дело не обошлось без магического искусства дорогой тетушки, никакими фокусами с шапками-невидимками здесь и не пахло.

Я стоял на крепостной стене, глядя, как плавают на волнах пучки соломы и доски, еще недавно служившие крышами домов разгневанных горожан, и невольно радовался торжеству человеческой мысли.

— Капитан, я по глазам вижу, что ты уже разобрался с этой пропажей, — начал Лис.

— Конечно. Все очень просто и почти что в рамках школьного курса физики.

— Рассказывай, не томи!

— Сережа, как ты помнишь, вода бывает в трех состояниях: в жидком, — я указал на морские волны, равнодушные к людским заботам, с флегматичным упорством бьющие в скалистый берег, — газообразном, частный случай такого явления — туман.

— Я помню: и твердом — это лед. Погоди! — Он выразительно посмотрел на меня. — Ты что же, хочешь сказать, что армия перешла Бристольский залив по льду, как дедушка Ленин, возвращаясь из Финляндии в Россию?

— Именно так. Как великий князь Кирилл Александрович в Финляндию.

— Обалдеть! Ничего себе Моргана сморозила! Воистину, по воде, аки посуху.

— Возможно, не по воде, вернее, не по заливу. Все-таки спускаться в нижнюю крепость после того, что там устроили Борс с Богортом и Баном, было совсем небезопасно. Должно быть, Моргана использовала туман для того, чтобы поднять жидкость на высоту стен. А здесь уже, как ты выражаешься, сморозила мост. Впрочем, сейчас это уже не важно. Как мы имеем возможность убедиться, мост получился капитальный, — я кивнул на полосу плавающих стройматериалов, все еще сохраняющих некое подобие линии, — даже соломку подстелила, чтоб люди и кони не скользили. Теперь, как ни крути, время они выиграли, и сегодня, в крайнем случае завтра утром будут в Камелоте.

Моргана обвела нас вокруг пальца, как детей. Теперь придется идти в обход. Это если сегодня воскресенье, то у Камелота окажемся только в среду. А в четверг мы все дружною толпой уже должны стоять у Круглого Стола с пергаментами в руках. Теперь, когда Мордред займет Камелот, полагаю, с этим могут возникнуть трудности. Хорошо было бы переправить на тот берег хотя бы тысячи три-четыре воинов, чтобы задержать продвижение врага арьергардным боем. Да вот беда, после вчерашнего налета Борса на гавань мы мо-

жем разве что попробовать перебежать залив по соломе, как шаолиньские монахи.

— Ну, один корабль, положим, есть, — глядя вдаль, урезонил меня Рейнар. — Вон, парус на горизонте. Приближается к гавани.

— Один корабль не слишком исправит наше положение. Хотя, — я пожал плечами, — пошли, посмотрим, кого там принесло попутным ветром. Делать-то все равно нечего, в поход выступаем только к полудню.

В нижней крепости толпился народ, встречая судно, входящее в гавань. Судя по флагу, оно было константинопольским. Судя же по корабельной архитектуре, куда более северной постройки. Появление в здешних водах купца из столь отдаленной страны уже само по себе было случаем нечастым. Сейчас же толпа зевак заполняла весь берег, надеясь разжиться заморскими диковинами, послушать завиральные морские байки, да и просто поглядеть на чужаков, поохать над их нелепо длинными парадными одеяниями из невероятно дорогих тканей и эдак небрежно узнать, как дела в далекой Империи, которую многие из собравшихся здесь лордов, невзирая на весь британский патриотизм, втайне считали своей прародиной. Их нисколько не смущала та сущая мелочь, что Византия была лишь обломком Римской Империи, почти таким же, как и Альбион. В их головах Константинополь находился если и не на берегу Тибра, то уж, во всяком случае, не далее дневного перехода от него.

Войдя в гавань, корабль бросил посреди нее два каменных якоря и спустил на воду маленькую разъездную шлюпку, способную вместить не более трех-четырех человек. Разумная предосторожность. Из-за затонувших кораблей и обгоревших устоев пирса стоянка у берега была весьма небезопасна.

Мы с Лисом, немного потолкавшись среди зевак и убедившись, что от пришедшего византийца особой пользы быть не может, направились в лагерь, чтобы проконтролировать подготовку к очередному походу и пообщаться со святым, все еще приходившим в чувство после вчерашнего взрыва. Он был немногословен и на все наши заверения о гуманном применении метода отвечал односложно, печально вздыхая и отводя глаза. Едва успели мы дойти до холма с пятеркой ясеней у вершины, как нас догнал Кархейн, запыхавшийся от быстрого бега.

— Милорд Торвальд, там вам... это... ну, в общем, привезли.

— Что привезли? — переспросил я, кладя ему руку на плечо.

Мне искренне импонировал этот молодой человек, в котором я воочию видел новый росток истинного рыцарства и в чьей отваге лишь вчера имел возможность лишний раз убедиться во время смертоносной дуэли под стенами Кордуэла. Однако он, похоже, в моем

присутствии продолжал робеть, словно чувствуя себя виноватым за бунт в бастиде и тренировку Годвина в Кэрфортине.

— Толком говори!

— Там вам подарок от императора Константинополя, — отчего-то заливаясь краской, пробормотал рыцарь.

— Какой подарок? Почему от императора? — тряся головой, переспросил я.

— Не знаю, — пристыженно выдавил Кархейн. — Возможно, это награда за какой-то ваш подвиг.

— Точно, — поспешил вставить Лис. — Помнишь, когда вы с братцем Илаем под Киевом медовухи обпились, а потом сдуру на византийскую когорту наехали...

— Лис! — гневно оборвал его я.

— Вон, вон несут, — радостно крикнул молодой рыцарь, указывая на полуразваленную воротную башню нижней крепости.

Наш молодой друг не обманывал. От башни, подвергшейся вчера яростному натиску королей Богарта и Бана, к нам направлялась процессия, окруженная толпой любопытствующих, точно корабль косяком рыбы, ждущей, когда кок вывернет за борт бак с объедками. Посреди нескольких десятков рослых воинов, так же мало напоминающих византийцев, как я вождя зулусов, на плечах нумибийских невольников в нашу сторону двигался богатый паланкин, обшитый сотнями колокольчиков и бубенцов и оттого переливчато звеневший при каждом шаге носильщиков.

— Ничего не понимаю, — озадаченно проговорил я.

Между тем «византийская» стража церемониальным маршем дошла до ограды моего лагеря и, пропустив паланкин в ворота, сомкнула свой ряд по ту сторону частокола, отсекая толпу от моего драгоценного подарка.

— Вижу ли я перед собой отважнейшего из отважных, мудрейшего из мудрых сэра Торвальда, именуемого в советах храбрых Пламенным Мечом?

— Почем нам знать, что ты видишь, чего не видишь, — пробормотал за моей спиной Лис. — Может, у тебя вообще косоглазие.

— Мое имя Торвальд аб Бьерн, — поклонился я незнакомцу, изъяснявшемуся на вполне правильной латыни, хотя и с заметным северным акцентом.

— Мой владыка, ища примеры доблести среди живущих ныне рыцарей, обратил свой благосклонный взор на менестрелей, певших твои подвиги. И узнав, что и по сей день ты увеличиваешь число деяний во славу рыцарства, пожелал в знак высокой милости и благорасположения, кое он к вам, сэр рыцарь, питывает, прислать в дар ту, чей лик подобен ангельскому, чей взгляд дарует покой и ра-

дость, чей нежный стан строен и гибок, точно виноградная лоза, чей танец опьяняет и дарит отдохновение, совсем как плоды этой лозы. Вели внести ее в свой шатер, о великий рыцарь, и насладись бесценным даром, ибо никогда еще ни один смертный не получал подарка более ценного и более прекрасного, чем она.

Ох уж мне эти византийские витиеватости, вздохнул я, делая знак невольникам внести паланкин в шатер.

— *Капитан, не нравится мне все это,* — негромко на чистом трансальписком произнес Сергей. — *Помнишь Юдифь с головой олигофрена? Там тоже все начиналось хи-хи, ха-ха, а закончилось тем, что уважаемый всеми мужчина потерял голову, буквально в прямом смысле этого слова, из-за бабы.*

— *Олаферна,* — машинально поправил я Лиса.

— *Что?* — переспросил он.

— *Олаферна, а не олигофрена.*

— *Да один черт! Умным его после этого все равно не назовешь. Ладно, держи связь включенной. Если что, я поблизости.*

Я махнул рукой и вошел в шатер, на всякий случай кладя левую ладонь на эфес меча. Как ни крути, а Лис был не далек от истины. Византийский подарок вполне мог быть делом рук тети Морганы.

Шелковая занавесь слегка дернулась и из нее показалась тонкая ручка, сделавшая знак невольникам удалиться, а затем...

— Мне кто-нибудь поможет выйти, или я должна сидеть в этом ящике до вечера? — раздалось из паланкина.

Я тяжело вздохнул и подал руку. Моей голове сегодня вряд ли что-то угрожало, разве что быть замороченной до полного умопомешательства.

— Добрый день, сестрица. Здравствуй, дорогая Лендис, давно не виделись.

— Не так уж давно, — лукаво произнесла королева Каледонии, выпархивая из своего экзотического средства передвижения. — Всего-то полмесяца. Если не считать пяти дней Зачарованного леса, — загадочно улыбнулась волшебница. — Ты удивлен? Позволь узнать — чему? Разве я не обещала, что в нужный час буду рядом с тобой? Или, может быть, ты подозревал меня во лжи?

— Да, но такой способ, — попытался было выкрутиться я.

— А чем он хуже иных? — Лендис удивленно распахнула свои зеленющие глаза. — Пожалуй, даже лучше. По дорогам я путешествовать не могу. Во-первых, они сейчас весьма опасны, а во-вторых, меня легко могли узнать люди Ллевелина, а это пострашнее, чем разбойники. Лететь по воздуху далеко и утомительно, к тому же в облаках сыро, а если лететь над ними, то холодно.

— А если ниже? — поинтересовался я.

— Из лука подбить могут.

— Хорошо, — кивнул я. — Ну а, предположим, блюдо, как тогда, у тана?

— Можно было и блюдом. Но для начала его все равно бы пришлось везти к тебе. А кроме того, на то, чтобы пронзить расстояние, уходит так много магической силы, что просто ужас. — Лендис вздохнула и хищно улыбнулась, что на ее милом личике выглядело весьма настораживающе. — А магическая сила в ближайшие дни и мне, и тебе еще очень пригодится. Кстати, что тут вчера происходило? Гром, молнии, пожар, туман, мороз... Нам пришлось торчать в море у входа в залив всю ночь! А утром, ты не поверишь, мы видели здесь в воде плавающий лед, совсем как у нас в Оркнее.

— М-да, — хмыкнул я. — Почему же не поверю? Очень даже поверю. Ну, гром и пожар — это, скажем, мы с Лисом устроили, плюс одна знакомая виверна. А молнии, туман, мороз и айсберги — это дело рук Морганы.

— Вот как, — улыбнулась моя собеседница, — значит, Моргана и здесь творила чудеса. Очень славно. Хорошо бы, чтобы ей еще пришлось выкинуть что-нибудь эдакое.

— Не дай бог! — замахал я на нее руками.

— Не беспокойся, — вновь расплылась в улыбке Лендис, — ведь я же с тобой. Я не дам тебя в обиду.

— Вот спасибо! — Я отвесил кузине шутливый поклон. — Кто б меня еще взял под защиту. Кстати, если ты уже все просчитала и все знаешь, может, подскажешь, что мне говорить доблестным соратникам по поводу услады глаз и бальзама для души, присланных владыкой Константинополя?

— Услада глаз? Бальзам души? Торвальд, когда хочешь, ты умеешь говорить красиво. А насчет того, что говорить, милый мой, конечно же, я об этом подумала.

— Я чего-то не понимаю, — нахмурился я. — Ты что же, собираешься танцевать для Ллевелина, Ланселота и всей честной компании?

— Братец, ну как ты мог обо мне такое подумать? Миель! — Она отдернула занавес паланкина. — Покажись сэру рыцарю.

Красавица, появившаяся из переносной кареты, шаловливо улыбнулась, оценивая произведенный на меня эффект, и чуть занавесила длиннющими ресницами голубые сапфиры глаз. Безусловно, она стоила всех превосходных эпитетов, произнесенных начальником стражи. А также всех тех, которые он, очевидно, из-за нехватки времени не успел произнести.

— Знакомься, Торвальд, это Миель, что в переводе на наш язык означает мед. И если блеск, который я вижу в твоих глазах, свиде-

тельствует о том, что она красавица, какую не во всяком поколении рождает этот мир, то я скажу тебе, что ты еще не видел главного. Ты не знаешь, как она танцует. Поверь мне, в этом есть свое волшебство.

Мужчины клубятся вокруг нее, точно осы вокруг меда, гордясь своей яркой раскраской и острым жалом. Но, слабые глупые существа, они обречены увязнуть в меде и сгинуть навсегда, когда прельстятся ее танцем. Так что ты, конечно, можешь показать своим боевым друзьям подарок императора, но я бы советовала тебе, не приняв, отослать его обратно с благодарностью. Это только повысит твою славу. Или уж, во всяком случае, не позволять Миель танцевать перед вашими начальниками. — Она вздохнула с деланной печалью. — Иначе они убьют друг друга за право обладать ею. А Британия достанется Мордреду. Решай сам, дорогой братец, корабль еще в гавани...

— А э-э...

— *Капитан, очнись, Лендис не врет. Это ж та самая: «А подать сюда девицу, шамаханскую царицу». Отправляй ее на фиг в Константинополь, Бомбей, Дамаск, в общем, куда подальше. Иначе золотого петушка на темечке я тебе гарантирую.*

— *Лис, но ничего прекраснее я в жизни не видел!*

— *Все, понял. Тогда позволь мне испортить эти сто с лихом фунтов меда ложкой дегтя: у тебя по окончании великого подвига еще свиданка с Белой Дамой. Ты представляешь, какую она тебе сцену ревности закатит из-за этой гуманитарной помощи с Востока? Отправляй, это я тебе говорю! Иначе я сейчас разворачиваюсь и еду прямо к камере перехода, поскольку дальнейшее пребывание в этом мире для меня теряет всякий смысл.*

— Да... ты права... Лендис, — едва размыкая сведенные судорогой скулы, выдавил я. — Я вынужден отказаться от подарка. Но сударыня, — я поклонился Миель, — расставание с вами для меня великое горе, и я глубоко сожалею, что не повстречал вас в другое время и при иных обстоятельствах.

Лендис подала знак, и Миель послушно скрылась в паланкине, хотя, как мне показалось, не без выражения некоторого разочарования на лице.

— *Умница, мальчик! Вернемся домой, купи себе медаль в галантерее,* — язвительно похвалил Сергей.

— Мой милый Торвальд, надеюсь, у тебя в обозе найдется не слишком приметное местечко, в котором молодая женщина без ущерба для своей репутации может провести несколько дней.

— Да, конечно, — вздохнул я.

— И вот еще что, если тебе не трудно, пусть еду приносит тот славный юноша, с которым ты гостил у меня. Кажется, его зовут Годвин.

— Да, — кивнув, точно лунатик, бросил я, глядя, как чернокожие невольники выносят из шатра паланкин с несравненной Миель.

— Торвальд, — хитроумная кузина положила свою нежную руку мне на плечо, — ты обижаешься на меня? Ты думаешь, я поманила тебя этим благоуханным цветком и заставила его исчезнуть? Поверь, это не так. Ты сделал правильный выбор. Миель — опасный подарок. Она не будет ничьей, как бы этого ни хотели те, кому дарит она свои улыбки. Зато теперь ты свободен от чар Белой Дамы. Или же ты намеревался после встречи в Камелоте отправиться прямиком в Замок, Который За Спиной? Ты очень неосмотрительно дал слово, братец!

— Да, — прошептал я, выходя из шатра и глядя, как процессия, сопровождающая неземную красавицу, возвращается к кораблю. — Ты права.

Армия вновь двинулась в поход, стремительно возвращаясь к Кориниуму, чтобы оттуда изо всех сил спешить к конечной цели наших странствий — воспетому легендами Камелоту. Теперь ни о каких задержках в пути речи уже не шло. Раненые были оставлены в Кордуэле, продовольствие на три дня навьючено на лошадей, шатры и вся прочая утварь под охраной небольшого отряда бросались в Кориниуме с наказом самим добираться до места. До встречи оставалось три дня. Всего лишь три, или целых три, это уж как посмотреть.

Оркнейцы наконец сменились из авангарда и двигались теперь в середине колонны. Я предпочитал отмалчиваться, терзаясь разлукой с прекрасной Миель и той волной разговоров, которую породили в войске подарок императора и мой отказ от него. Казалось, что в сплетнях идущей к Камелоту армии только-то и находилось место, что чудесам взятия Кордуэла и злосчастному византийскому купцу. Проинструктированная Лендис девушка перед отправкой таки явила толпе свой светлый лик, чтобы продемонстрировать наличие подарка и то, от чего я отказался ради, черт возьми, Британии.

Сама королева Каледонии с весьма относительным комфортом ехала в одной из двух оставшихся у нас повозок, рядом с походной кузней и запасными древками стрел и копий.

Моим соседом, следующим в колонне сразу за мной, был неистовый сэр Борс, кажется, весьма удрученный тем, что кони не имеют крыльев и не могут переносить нас с места на место со скоростью быстролетных кречетов. Злило его это несказанно, о чем он постоянно норовил мне поведать в самой экспрессивной форме, то есть голосом, способным разбудить мертвого не хуже трубы архангела Гавриила.

— Какого черта! — ревел он, потрясая громадными кулаками. — Мы тащимся, словно дождевые черви, объевшиеся навоза! Нет, Торвальд, я тебя спрашиваю, какого черта?!

Рассказывать боевому товарищу о пропускной способности дорог и средней скорости движения армии было бесполезно, а кроме того, честно говоря, я слабо представлял, как ведут себя дождевые черви, отчего-то объевшиеся навоза. Я ждал, когда могучий рыцарь утомится метать громы и молнии, поскольку для следующего хода, задуманного мной и Лисом, требовался момент относительного прояснения в разуме клиента и его максимальное спокойствие. И вот наконец такой миг настал.

— Борс, — после очередной пустопорожней беседы вдруг начал я безо всякого перехода, — у меня к тебе есть очень серьезное дело.

— Я слушаю тебя, Торвальд, — громыхнул великан.

— Тише, — попросил я, — нас могут услышать.

— Ну и пусть себе слушают!

— Нет, — покачал головой я, — о том, о чем мы будем вести речь, надо говорить тихо. А кроме того, я прошу тебя дать слово рыцаря, что ты никому не расскажешь то, о чем сейчас услышишь. Во всяком случае, до срока.

— Что за предосторожности? — пожал плечами король редонов. — Впрочем, раз ты о том просишь, стало быть, так оно и надо. Я тебя не первый год знаю. Изволь, слово рыцаря, что я не поведаю до срока о сути нашего разговора, кто бы об этом ни просил.

— Хорошо. Речь идет о пророчестве Мерлина...

— Ну, это не секрет! Ты же знаешь, и у меня, и у Ланселота есть части этого пророчества.

— Да, — кивнул я, — еще одна была у Лионеля. Вот она. Я взял ее из мертвых рук твоего племянника тогда на дороге.

— Стало быть, теперь она доверена тебе.

— Я не об этом. Те три части, которые хранились у тебя...

— Почему хранились? Они и сейчас лежат в ларце. Я каждое утро и каждый вечер проверяю, там ли они.

— Пустое. — Я махнул рукой. — Это подделки. Настоящие пророчества, принадлежавшие тебе, у меня.

— То есть как это?! — возмутился Борс.

— Их похитил некий сэр Аграмар, бывший в моем эскорте во время посольства к Ланселоту. Он погиб вскоре после Лионеля, и на последнем издыхании, сознавшись в содеянном, передал их мне. — Я протянул разгневанному королю части пергамента. — Возвращаю их хозяину. Единственное, чего не успел сказать сэр Аграмар, это по чьему повелению он совершил злодеяние.

— Он был человеком Ллевелина? — собрав в кулак всю свою проницательность, выпалил Борс.

— Он служил под знаменами Ллевелина, — поправил я сообразительного друга. — Но был ли он его человеком, или же его подослал

лазутчиком Мордред, теперь остается только гадать. Однако если нам все же удастся войти в Камелот и, как говорил о том Артур, собраться возле Круглого Стола, чтобы огласить его волю, зашифрованную в пророчестве Мерлина, тогда негодяй, замысливший подлог, будет настаивать, что его фальшивка истинна. Так что надо быть настороже.

— Конечно! Конечно, друг мой! — согласно затряс головой Борс. — И вот еще что, я дам пару пергаментов Богарту и Бану. Если мерзавец решит действовать силой, думаю, они нам пригодятся.

— Мудрое решение, — согласился я. — Но до этого — молчок!

Утром в среду передовые отряды нашей армии достигли Камелота. Утомленное долгим переходом войско подтягивалось к последней твердыне, полагая застать противника запершимся в крепости и готовым к самому серьезному штурму. О том, что предстоит именно штурм, а не осада, в войске говорили все. Но то, что штурмовать предстоит не какой-либо укрепленный замок, а именно Камелот, резиденцию великого Круглого Стола, похоже, не давало покоя никому.

Велико же было наше удивление, когда на крепостных валах мы увидали ощетинившиеся заточенными кольями укрепления армии сына Артура, вполне практичные для полевой битвы, однако... Сама крепость, как это ни парадоксально, казалась пустой и буквально вымершей.

— Ничего не понимаю. — Я из-под руки оглядывал засевшего на валах противника, пытаясь проникнуть в суть его тактического замысла. — Почему они не занимают стены? На что надеются? У нас почти двойной перевес в живой силе!

Армия продолжала подтягиваться, длинной полосой располагаясь вдоль берега реки Кам, спеша под прикрытием легкой передовой завесы напоить коней и дать людям и животным хотя бы кратковременный отдых.

— Сейчас бы им как раз самое время атаковать. Наши части на марше, воины утомлены трехдневным переходом, в то время как Мордред успел отдохнуть и перегруппировать силы. Интересно, что же они задумали, почему медлят?

Обороняющиеся, похоже, и не собирались предпринимать активные действия. Они равнодушно следили, как подтягиваются все новые и новые отряды рыцарей, как подходит пехота, следили, лишь укрепляя мешками с песком и дерном выбранную позицию и явно намереваясь стоять на ней до последнего.

На холме, именуемом Малый Камел, где располагалась импровизированная ставка нашего командования, царило недоуменное настроение, впрочем, быстро сменившееся деловым. Как ни крути, штурмовать пусть даже сильную, но все же полевую позицию вовсе

не то же самое, что брать приступом хорошо укрепленный замок на высоком холме.

Полки Ллевелина строились напротив главных ворот, увенчанных вырезанным в камне гербом Иосифа Аримафейского. Ланселот штурмовой колонной атаковал так называемый охотничий выезд Артура от моста с северной стороны холма. Остальные наши военачальники, за исключением тех, кто оставался в резерве, должны были наступать на укрепления по периметру, связывая противника боем и не давая ему перебросить силы к местам основных атак.

Все было решено, места командиров и их ратей в грядущем бою определены, когда один из караульных, стерегущий покой военного совета, крикнул, указывая рукой в сторону леса:

— Со стороны моста два всадника! Направляются сюда. Один из них рыцарь, в баньере серебряная сова на черни и лазурите.

— Магэран? — словно завороженный произнес сэр Ланселот, поворачиваясь к далеким всадникам. — Вот так встреча! Эй! — крикнул он начальнику своего эскорта. — Отправляйся к нему. Пусть, не чиня препятствий, его проводят ко мне. Милорд Ллевелин, — обратился он к стоявшему рядом Стражу Севера, — если память не изменяет мне, мой друг сэр Магэран направлялся в Кэрфортин вместе с сэром Торвальдом. Признаться, я был несколько удивлен, не увидев его около вас. Он, несомненно, превосходный рыцарь.

— Это верно, — не сводя глаз с приближающихся всадников, бросил Ллевелин. — Именно поэтому я и поручил ему дело, которое, как мне казалось, под силу не просто превосходному рыцарю, а лишь только сэру Магэрану. Я послал его уговорить леди Гвиневеру искать защиту и убежище в нашем лагере. Вы же сами знаете, мой дорогой сэр Ланселот, как неспокойно сейчас в Англии. Тем более вряд ли Мордред оставил затею заполучить королеву в свои руки.

— Гвиневеру? — тихо произнес Ланселот. — Но странно, почему они только вдвоем?

— Странно... — Ллевелин потер переносицу. — Почему только вдвоем?

Сэр Магэран, сопровождаемый Сабрейном и начальником эскорта короля Беноика, вылетели на вершину холма на взмыленных от долгой скачки конях, сами едва переводя дух от усталости.

— Приветствую вас всех, милорды, — осаживая скакуна меж Ланселотом и Ллевелином, отсалютовал по римскому обычаю Магэран. — Слава богу, что нам удалось застать вас здесь. Милорд герцог, — не дожидаясь, пока отзвучат ответные приветствия, начал рыцарь серебряной совы, — мы мчались сюда, чтобы рассказать вам все, как было...

— Где Гвиневера? Она жива? — прервал говорившего Ланселот.

— Не беспокойтесь, сэр, она в добром здравии. Во всяком случае, нынче утром была жива и здорова. Королева в надежном месте.

— Почему же вы не привезли ее сюда? — начал Ллевелин.

— После того, что произошло в монастыре? Мы сочли лучшим надежнее спрятать ее величество от чужих глаз. К тому же она сама, благодаря за предложенную ей защиту, все же отказалась следовать к вам. Ее желание покинуть мир крепко, и когда наконец все завершится и Мордред понесет заслуженную кару, леди Гвиневера намерена принять постриг.

— О горе мне! — едва слышно прошептал Ланселот. — Но скажите, Магэран, что же все-таки произошло в монастыре?

— Да-да, что там случилось? — поддержал его Ллевелин.

— Милорд, — сэр Магэран сделал большие глаза, поворачиваясь к Стражу Севера, — воины, которых вы дали нам, оказались изменниками, очевидно, подкупленными Мордредом. Они желали похитить королеву и поджечь монастырь.

— И что же с ними теперь? — быстро проговорил герцог.

— Милорд, мы сделали для них все, что могли. Они похоронены на освященной земле, там же, на монастырском кладбище.

— Вот оно, истинное рыцарство! — указывая собравшимся военачальникам на Магэрана, провозгласил Ллевелин. — Вы поступили, как поступали герои древних легенд. И клянусь своей верой, я не забуду вашего геройства. Даю вам слово, придет час, и вы получите за него достойную награду!

— Нам не надо наград, милорд. Достаточно лишь знать, что королева жива и в безопасности, — тоном не менее напыщенным произнес сэр Магэран.

— Но она уходит в монастырь, — усталым эхом повторил Ланселот и, тронув шпорами коня, начал съезжать с холма.

— Куда вы, друг мой? — окликнул его заметно повеселевший главнокомандующий.

— Готовиться к бою. Надеюсь, для меня он станет последним.

— Ваша светлость, — обратился я к герцогу, — если позволите, я проведу сэра Магэрана в лагерь. Ем необходимо передохнуть с дороги.

— Конечно, — кивнул полководец, уже потерявший большую часть интереса к приезжим. — Пусть отдыхают. Однако не задерживайтесь, сэр Торвальд, мы вскоре начинаем штурм.

«Прошу верховные силы рати небесной не оставлять меня на произвол врагов, иначе растерзают они меня, прошу защитить меня силой оружия и заступиться за меня на поле брани, где борется рать небесная... Верую в трон живой и архангелов — пусть оборонят меня силой своей неодолимой, и я одолею врага. Прошу всех других воинов и всех

великомучеников, ратников Господа... Станьте спасительным шлемом головы моей... Господи, стань прочнейшими латами телу моему... Защити, Господи, крепкой броней плечи и спину мою... Защити».

Едва замолк мерный речитатив молитвы, предваряющей начало сражения, едва сомкнулись десятки тысяч губ, повторяющие слова этого почти магического заклятия вслед за преосвященным Эмериком и вождями рыцарских дружин, грозным воем заревели медные трубы, начиная ужасную увертюру кровавой симфонии рукопашного боя.

«Гух! Гух! Гух!» Прикрывшись щитами-мантелетами, сомкнув строй, начали свое движение отряды копейщиков, спеша вплести в рев духовых ударные аккорды первого приступа. «Дзиу!» Тысячи стрел, сорвавшись с тетивы, понеслись в обе стороны, где сухим щелчком впиваясь в обтянутые кожей или проклеенные холстом доски, а где и вонзаясь в живую плоть, не спасенную словами молитвы. Крики первых раненых огласили небо над Камелотом. Но, обращая на них внимание не больше, чем на препирание воронья, кружащего над полем в предвкушении обильного ужина, колонны шли вперед, теряя все новых и новых бойцов и все же карабкаясь вверх по валу, забрасывая на частокол крючья-кошки и выдергивая из его оскаленных клыков бревно за бревном.

Бой закипал, с каждой минутой теряя начальную стройность тактического замысла и все более напоминая безумное неистовое побоище. Ярость атакующих равнялась стойкости обороняющихся, и потому крылатая богиня победы, уворачиваясь от стрел, бессмысленно кружила над сражающимися, не в силах разобрать, кого увенчать лаврами триумфатора.

Наши отряды раз за разом напирали на крепостные валы, но, натыкаясь на каменную непоколебимость врага, откатывались назад, устилая телами вязкие от крови подходы к позициям сторонников Мордреда. Но, вновь перегруппировавшись и получив поддержку резерва, шли в бой, не щадя ни себя, ни уж тем более тех, до кого удавалось дотянуться, поднявшись на валы.

Уже начало темнеть, и, воспользовавшись этим, во время очередной паузы между штурмами Мордред приказал трубить отступление. Остатки армии, перебравшись через ров, заняли позиции на его высоком берегу под самыми стенами крепости. Дальше идти было некуда. Насколько я мог понять, по неведомой причине никто из армии сына Морганы не мог войти в Камелот, а стало быть, всех их ожидала тяжкая участь геройски пасть у этих стен.

Уже совсем стемнело, когда сражение вспыхнуло с новой силой. При свете факелов, прикрываемые дождем стрел лучников Кархейна, мы начали перекидывать через ров наскоро сколоченные мостки из стволов свежеспиленных сосен и под градом загодя заготов-

ленных камней, обрушиваемых на переправу, перебираться ближе к врагу. Теперь уже ни о какой тактике не было и речи. За спиной Мордреда стояла стена, за нашей — двадцатиярдовый ров. Мне посчастливилось отыскать Мордреда среди сражающихся, и мы схватились, спеша продолжить начатое у Кориниума.

В моих планах не было намерения убивать Мордреда. Вопреки доводам разума, я все еще надеялся на то, что банда отъявленных разбойников, отчего-то наименованная королем Артуром лордами Камелота, мирно соберется вокруг Круглого Стола, чтобы решить вопрос престолонаследия. Хотя все же щепоть силы весила сейчас куда больше, чем целый воз права.

Мордред рубился отчаянно, однако наконец, утомленный нескончаемым боем, схватил эфес меча обеими руками и с диким криком бросился на меня, норовя рассечь пополам. Я парировал удар, развернулся и двинул его налокотником в шлем, сбивая с ног.

— Сэр рыцарь, вы...

Я не успел объявить Мордреда пленником.

— Смотрите! Смотрите! О-о-о! Смотрите!

Сражение остановилось. Все замерли, словно заколдованные. Неприступный Камелот, могучая крепость, сверкая, переливался странным золотисто-алым заревом, точно объятый призрачным пламенем.

— *Капитан, шо бы это было?!* — Голос Лиса на канале связи звучал устало, но возбужденно.

— *Не знаю! Ты где?*

— *Я тебя вижу. Сейчас подойду. Только Годвина из-под тулова вытащу.*

— *Что с ним?* — встревожился я.

— *Да ничего страшного! Привалило!*

Между тем сияние начало сползать с замка, точь-в-точь покров с открываемого памятника.

— *Не нравится мне эта лучистая магическая энергия,* — передал Лис. — *Не дай бог, она еще и радиоактивная.*

— *Вряд ли. Это больше похоже на северное сияние.*

В этот миг зарево исчезло, и в наступившей тишине с усталым скрипом начали отворяться окованные железом ворота Камелота.

— Час настал! — донеслось из-за раскрываемых створок. — Опустите оружие! Или, клянусь высшими силами, никто из вас не увидит сегодняшнего рассвета!

«Стало быть, полночь», — отметил я в уме.

— Лорды Камелота! — Я протянул руку Мордреду, помогая встать с земли. — Вы знаете, что вам надлежит делать. Исполните же свой долг!

Глава 30

Демократия есть суть та же парламентская монархия, только без царя в голове.

Князь В. Четвертинский

Сражение у стен последней твердыни сошло на нет, как будто до сей минуты поддерживалось той же магической силой, которая держала взаперти крепостные ворота. Солдаты враждующих армий, точно потеряв всякий интерес к еще недавно заклятым врагам, устало брели по полю, оказывая помощь раненым или же просто возвращаясь в свои лагеря.

— Отрадно видеть столь сладостную картину нежного братания, — не преминул съязвить саркастичный напарник. — Добрый вечер, сэр Мордред, давно не виделись. Как дела? Как вам нравится погода?

— Благодарю тебя, Рейнар, — едва шевеля губами, проговорил сын Морганы. — Надеюсь, у тебя все так же хорошо, как и у меня.

Годвин, подошедший вместе с Рейнаром, с нескрываемым удивлением следил за этой чудесной сценой. Пребывание под, как выразился Лис, туловом не прошло для него даром. Очевидно, тело изрядно кровоточило, и вид у юноши был такой, словно только что он вылез из кровавой ванны.

— Господи, Годвин, — я покачал головой, — видел бы ты себя со стороны!

— Но сэр, — жалобно глядя на меня, произнес оруженосец, — несчастный зашел вам за спину и уже занес секиру для удара. Я был вынужден... А он упал... Мы чуть не свалились в ров... Очень тяжелый...

— Иди в лагерь, переоденься. Да передай своей подопечной, что за ней должок.

— Слушаюсь, милорд, — поклонился Годвин и, прихрамывая, побрел вниз с холма.

— Славный паренек, — пробормотал Мордред. — Лицо знакомое. Не могу вспомнить, где видел.

— Ладно, джентльмены, мне, конечно, шо тому петуху — прокукарекал, солнце хоть и не вставай. Но там кто-то, по-моему, звал лордов Камелота. Пора собраться за Круглым Столом и раскурить труп кумира.

— Трубку мира, — машинально поправил я.

— Ой, да шо найдете, то и раскурите! Вы, главное, идите, а то народ набежит, ни стола, ни курева не останется.

— Ты прав, — не сговариваясь, кивнули мы и, поддерживая друг друга, побрели к воротам.

— Я тебя здесь подожду, — вслед мне крикнул Сережа. И добавил по закрытой связи: — *Соберу пару десятков оркнейцев покрепче и подожду. Опять же посмотрю, как бы чего не случилось.*

Идти до ворот было недалеко. Переступая через скорченные тела, мы брели, тихо переговариваясь, точно старые приятели, встретившиеся после долгой разлуки. В сущности, так оно и было. Вплоть до злосчастной истории с Гвиневерой, мятежом и этим чертовым пророчеством. Теперь же, разведенные по разные стороны баррикады неумолимой логикой событий, мы радовались краткому мигу вневременья, чтобы как-то обмануть эту логику, показать друг другу, что память о совместных боях и веселых пиршествах еще жива в наших сердцах.

— Входите, лорды!

Зычный голос, доносившийся из-за распахнутой створки ворот, казался мне подозрительно знакомым, и я поспешил обогнуть ее, чтобы разглядеть того, кто был выбран провидением служить распорядителем в сегодняшнем собрании. Длинное белое одеяние, длинная, хотя и не совсем седая, скорее пегая борода и такие же волосы, перехваченные на лбу золотым обручем, украшенным чистейшей воды изумрудом, посох, неизменный спутник пастыря и странника... Мерлин?

Пожалуй, нет. Хотя прежде мне как-то не доводилось встречаться с королевским магом. Он предпочитал жить уединенно, вдали от двора, приходя лишь тогда, когда считал это нужным. Случаю было угодно, чтобы мы ни разу не столкнулись в прошлую нашу с Лисом командировку. Но, по моим сведениям, Мерлин, бывший братом Утера, насчитывал сейчас от роду под сто лет. Человек, стоявший в воротах, — лет на пятьдесят, пожалуй, меньше. Конечно, имелась вечно юная Моргана, однако с ней все было понятно, она упорно не желала расставаться даже с каплей своей девичьей красы. Насколько мне было известно, Мерлин подобным нарциссизмом не страдал. Впрочем, кто их, магов, знает?

Мы подошли поближе. Магическое зарево исчезло, и освещение стало довольно скудным — несколько факелов, воткнутых в держаки на створках крепостных ворот, и все. Я вгляделся в стоявшего под аркой человека... Ка-ран-ток?! Попытки навести резкость ничего не дали. Или все же помолодевший Мерлин? Или Каранток? Невзирая на все мое боевое искусство, некоторые удары все-таки

приходились по шлему, однако я и подумать не мог, что они окажут на мозг такое фатальное воздействие. Сомнения мои рассеял негодующий возглас, раздавшийся за спиной:

— Я не войду в Камелот через ворота, в которых стоит этот еретик! — громогласно вещал преосвященный Эмерик, понятное дело, не входивший в число лордов, зато значившийся в статье «родственники покойного и другие официальные лица, обязанные присутствовать при оглашении завещания».

— Ваше преосвященство, — донесся почтительный голос сэра Мерриота, — но вам следует быть в зале.

— Я уже сказал, я не войду в эти ворота!

— Быть может, тогда вы позволите проводить вас через Охотничий выезд?

Позади меня воцарилось молчание.

— Хорошо. Я пойду с вами. Хотя сие и унизительно для примаса Британии. Однако я не позволю торжествовать этому нечестивцу!

«Вот только религиозных споров нам здесь и не хватало», — с тоской подумал я.

В зале Круглого Стола уже начинали собираться лорды Камелота и «наблюдатели» в лице Морганы, святого и вышеуказанного преосвященного Эмерика, в гневном молчании метавшего молнии на мерлинообразного Карантока. Борс с родственниками уже был здесь, чем я не преминул воспользоваться, шепнув гиганту, что вначале следует дать мошеннику возможность огласить фальшивку, чтобы затем настоящим пророчеством Мерлина вдребезги развалить всю хитроумную авантюру.

Следом вошли Магэран с Сабрейном, и тут же на канале связи возник Лис.

— *Капитан, тут к тебе движется команда во главе с Элевелином из шести рыцарских рыл. На месте вашего билетера я бы, пожалуй, повнимательнее проверил у них входные билеты. По-моему, вас тривиально дурят.*

— *Вот сейчас этим и займемся,* — обнадежил я своего товарища.

— *Да, кстати, старина Ланси к вам еще не приполз?*

— *Нет, а что?*

— *Да я тут умишком пощелкал, и вот какая странная мысль вдруг появилась. Элевелин четко уверен, что раздал свои шпаргалки в надежные руки. Про Магэрана с Сабрейном он ничего не знает, Мордреда можно обозвать вражиной и самозванцем. Кстати, тут и нашим коллегам можно припомнить службу у Мордреда, заявив, что на самом деле они, должно быть, Гвинни где-то прикопали и все*

время были шпионами сам знаешь кого. Ллевелин на такие штуки большой мастер. Но ни к селу ни к городу остается Ланси, которого трудно заподозрить в нежных чувствах к инфанту Мордреду. А стало быть, по всему выходит, шо наш Озерный соратник не должен добраться до Круглого Стола. И если он не сложил голову в нынешней битве, на что я, полагаю, наш пастырь белых медведей сильно надеялся, то, вероятно, на пути его ожидает неприятная встреча и короткий, но весьма содержательный разговор. Так что если ты не возражаешь, я немного смещусь к Охотничьему выезду, ну и там проведу старину Ланси, шоб не дай бы шо.

— *Действуй,* — напутствовал я его.

— *Уже,* — констатировал Лис.

При этих словах в залу с видом победителя вошел Ллевелин в окружении знатных лордов обоих королевств, находившихся под его рукой. Похоже, за преданность вождю герцог решил расплатиться с ними контрамарками на сегодняшнее шоу. Он обвел взглядом зал и, поприветствовав собравшихся, остановил глаза на рыцаре серебряной совы и его оруженосце:

— Сэр Магэран? Что вы здесь делаете?

— Я пришел исполнить свой долг.

В голове Стража Севера защелкал быстродействующий компьютер, обсчитывая неожиданную закавыку.

— Хорошо, тогда что здесь делает ваш оруженосец? Разве вы не знаете, что находиться у Круглого Стола позволено только рыцарям?

— Прошу прощения, что не сказал вам раньше, милорд, — склонил голову сэр Магэран, — однако за отвагу, кою этот господин явил, защищая нашу королеву, леди Гвиневера велела мне посвятить его в рыцарское достоинство. Так что хотя герольды еще не начертали фигуры его герба и не огласили во всеуслышание его имя как имя рыцаря, он является рыцарем щита, посвященным по малому обряду на поле боя.

— Оставьте ваши споры, господа. — Каранток, по-прежнему продолжавший вещать своим голосом, но с абсолютно чужими интонациями, стукнул посохом о каменные плиты пола. — Вы не затем сюда собрались. Где пророчество?

При этих словах факелы, освещавшие залу, вспыхнули ярче, словно кто-то подкрутил волшебный реостат в осветительных приборах. Преосвященный Эмерик бросил на говорившего недобрый взгляд, но промолчал.

— Вы правы, — склонил голову Ллевелин, кладя на дубовую столешницу напротив своего места часть пергамента.

Все остальные последовали за ним, и спустя считанные секунды на Круглом Столе красовалось целых пятнадцать фрагментов заветного текста.

— Та-ак! — громыхнул, не в силах больше сдерживаться, Борс, опуская на столешницу молотообразные кулаки. — Господь не сподобил меня умению хорошо считать, но даже я вижу, что пергаментов здесь слишком много!

— *Лис,* — я вызвал напарника, — *Ланселота еще не видно? А то здесь обстановка начинает накаляться. Борс все-таки не удержался.*

— *Не, не было. Группа встречающих, точнее, с нашей две группы, имеет место быть, а Ланселота где-то носит. Может, его действительно того? Он что-то рассказывал перед боем, что это будет его последняя драка, сюда он больше не ездец, пришел ему гаплык. Знаешь, пошлю-ка я в его лагерь разузнать, как здоровье шефа.*

Каранток, покинув свое место и хмуря кустистые брови, подошел к столу.

— В пророчестве было всего лишь двенадцать частей, — мрачно отрезал он. — Здесь же пятнадцать. Какие из них лишние?

— Ллевелин, — негромким проникновенным голосом проворковала вечно юная фея Моргана, — неужели ты думаешь столь неловкой ложью ввести в заблуждение магов?

— Я не умею лгать так тонко, как вы, сударыня, — гордо глядя на сестру, произнес Страж Севера, — и поэтому предпочитаю не делать этого вовсе.

— *Но из правил бывают исключения,* — бойко вставил Лис. — *Кстати, Капитан, народ говорит, что при команде «стоп» Ланселот еще был жив. Впрочем, черт его знает, у него и у Борса гербы похожие, в темноте могли и перепутать.*

— Джентльмены, — примирительно сказал стоявший рядом с Мордредом сэр Мерриот, также имевший именное место около Стола, — давайте сложим пророчество и посмотрим, что получится. Таким образом, сразу станет ясно, чьи части предсказания лишние.

— Что ж, — Каранток поднял бровь и насмешливо поглядел на Ллевелина, — пожалуй, мы так и сделаем. Быть может, это действительно многое прояснит. Милорд герцог, вы не поможете мне собрать этот пергамент?

— С моим почтением. — Ллевелин уважительно склонил голову.

Они склонились над столом, пытаясь сложить воедино пятнадцать явленных кусков.

— Вы хорошо знаете коелбрен, — похвалил Стража Севера валлийский святой.

— Благодарю вас, — вновь поклонился герцог.

— Ах ну да! Как я мог забыть? Вы же до девяти лет жили у Мерлина.

Страж Севера настороженно поглядел на святого, но тот, похоже, не слишком озабоченный тем, что походя открыл чужой секрет, начал читать, поочередно беря со стола полоски пергамента:

Утро черной измены
Вепрю Корнубии сердце сожжет.
Златой дракон защитит алого
У северной стены стоящего.
Грозящий Северу, он защищает Юг.
Кровь Пендрагонов в нем воспрянет вновь,
Цвет Круглого Стола пребудет с ним,
Вражду забыв и распри меж собой.
Верный Медведю дракон золотой
Воронов злых сокрушит.
Новым вождем в Камелоте
Станет великий дракон.

— Вполне связное пророчество, — дочитав до конца, похвалил старец. — Я бы даже сказал, довольно поэтическое. Моргана, девочка моя, насколько я понимаю, утро черной измены — это ты. Вепрь Корнубии — это Артур. Ну а золотой дракон, стоящий у северной стены и объединяющий цвет рыцарства у Круглго Стола и, конечно́, новый Пендрагон, — это герцог Ллевелин. Разве я не прав, дружок?

— *Нет, ну каков подлец!* — раздался на канале связи возмущенный голос Сергея.

— *Кто, Ллевелин?*

— *Да при чем тут Ллевелин? С ним давно уже все ясно! Каранток, забодай его улитка. Мы ж его после Камланка как уважаемого человека просили — проч-ти. А шо он? Понты корявые: бесовское письмо, ля-ля, фа-фа! А сам-то, сам-то! Шпарит, точно наизусть.*

— *Понимаешь,* — начал я, вглядываясь в святого, — *по-моему, здесь все не так просто. По-моему, это не совсем Каранток, или совсем не Каранток, не знаю, как сказать. Это и Каранток, и Мерлин в одном лице.*

— *Шо, раздвоение личности?* — ужаснулся Лис. — *Довели-таки святого до Кондратия!*

— *Вернее будет, это не раздвоение, а удвоение. Хотя как такое может быть, лично мне не понятно.*

— Да, — хмуро глядя на Карантока, величающего могущественнейшего из лордов Севера ласково и снисходительно «дружком», проговорил Ллевелин. — В моих жилах действительно течет кровь

Пендрагонов. И нет больше смысла скрывать это. — Он вытащил из кошеля и положил на стол знакомый уже нам свиток с печатью Утера.

— Подделка! — крикнула Моргана, бросаясь к столу и хватая пергамент. — Подделка, как и все, что ты здесь показываешь и еще собираешься показать.

— Нет, — Каранток покачал головой, — это не подделка — рука Утера и его печать.

— Да, но, — фея быстро пробежала глазами текст письма приказа, — здесь ни слова не сказано о том, что Ллевелин сын Утера.

— Он действительно его сын, — примиряюще произнес святой, неотличимо похожий в этот миг на Мерлина. Впрочем, Моргана, вероятно, и видела перед собой лишь только своего учителя, иначе чем объяснить то, что она безропотно отдала валлийцу право распоряжаться за Круглым Столом. — В нем действительно течет кровь Пендрагонов, — повторил Каранток. — Ваш отец Утер не отличался строгостью в вопросах любви. Тебе, как никому, это известно. Хотя, — он усмехнулся, — в нашем роду такое поведение в порядке вещей. И если уж ты говоришь о королевской крови, Ллевелин, то стоит ли забывать, что Мерлин, которого я здесь представляю, родной брат Утера, следовательно, старший в роду.

Все удивленно уставились на оратора. Похоже, кандидатура Мерлина на британский трон никем еще серьезно не рассматривалась.

— Но я не об этом, господа. И вы, моя прекрасная леди. Ибо вовсе не для того мы здесь собрались, чтобы соревноваться, чья кровь знатнее. А пророчество... Увы, Ллевелин, оно поддельное.

— Но я получил его от Артура! — поспешил возмутиться Страж Севера. — К тому же, неужели все эти достойные рыцари, — он обвел рукой тех, кто принес в зал собрания сочинение младшего сына Утера, — лжецы? Ведь если меня ты обвиняешь во лжи, то и они повинны в ней!

— Я тоже получил свою часть пророчества от Артура. И настаиваю, что оно истинно! — воскликнул Мордред.

— Пойди оно все прахом! — густо краснея, взревел сэр Борс, хлопая о столешницу свою часть. — Самозванец уже вполне показал себя! Так мало того, он смеет именовать нас лжецами! Торвальд, я так больше не могу!

Герцог метнул на меня ненавидящий взгляд, краем глаза замечая, как ложатся на столешницу части пророчества Богарта и Бана.

— Эта часть принадлежала сэру Персивалю, — произнес сэр Богарт.

— Эта — сэру Галахаду, — вторил ему сэр Бан.

— Милорд, — я поклонился герцогу, — вот эту часть по просьбе моего умирающего брата Гавейна вам передал Артур. Но вы отчего-то не захотели брать ее с собой в Камелот. Вы полагаете, что она и по сей день лежит в волшебной шкатулке посреди вашего шатра. Вот эту я получил от умирающего сэра Кэя на Камланнском поле. Эту взял из рук убитого Лионеля...

Дверь заскрипела.

— Прошу прощения, господа. — В залу вошел высокий голубоглазый юноша со светлыми волосами, разметавшимся по сброшенному за спину хаубергу.

— Констан?! — громогласный Борс резко повернулся к вошедшему. — Что с Ланселотом?

— Благодарю вас, милорд, он жив, хотя и дважды ранен. Но раны не слишком опасны.

— Почему же он не среди нас?

— Мой господин просил всех собравшихся простить его, ибо он не в силах более переступить порог этого замка. Сердце его разрывает проклятие короля Артура. Полный терзания за свои прошлые прегрешения и удрученный скорбью нашей доброй королевы, он решил присоединиться к преосвященному Эмерику в его благом строительстве нового монастыря неподалеку от Камланнского поля.

— О! Будет кому дрова носить! А то Бэдивер погиб — строительство заглохло. Не, ну Костя, молодец, проскользнул ужом. Пока Ланселота ждали, на мальца никто внимания не обратил.

— Это верно, — подтвердил молчавший до сей поры примас Британии. — Еще вчера благородный Ланселот изъявил желание по окончании войны посвятить себя служению Господу.

— Можно подумать, что рыцарский подвиг — недостаточное служение Всевышнему, — косясь на преосвященного Эмерика, выпалил Борс. — А между прочим, чашу Грааля Господь повелел защищать не вам, долгополым, а нам. Устал Ланселот, расстроился... С кем не бывает! Ничего-о, передохнет, возьмет себя в руки, мы еще порубимся! — Он поднял в воздух кулак, точно грозя кому-то.

— Сэр Ланселот сказал, что воля его непреложна. А посему, даровав мне удар мечом, он велел идти сюда, чтобы передать вот это. — Констан подошел к столу, туда, где еще красовалась золотая надпись «Ланселот», и положил на нее полоску пергамента.

— Итого десять, — мрачно, как всегда, произнес сэр Богарт.

— Прошу прощения, — я вытащил последний из оставшихся у меня кусков, — одиннадцать. Эта часть принадлежала сэру Сагремору. Поскольку вы, ваша светлость, оказали мне высокое доверие,

подсунув фальшивку от имени этого достойного рыцаря, я счел себя вправе взять на время и подлинник.

— Мерзавец, — тихо проговорил Ллевелин.

— Милорд, я готов принять ваш вызов, едва лишь мы выйдем из Камелота. Однако я верно служу тому, кому присягал, а потому недостоин столь звонкого титула. Оставляю его вам.

Ллевелин и его сторонники, очевидно, решили не дожидаться выхода из Камелота, чтобы устроить небольшое продолжение ночного боя прямо здесь, за Круглым Столом. Восемь человек во главе с Ллевелином схватились за оружие по одну сторону стола, мы шестеро — по другую. Один лишь Мордред, смерив взглядом враждующие партии, остался стоять, как стоял, сложив руки на груди. Я мысленно поблагодарил сэра Борса за идею прихватить Богарта и Бана. Шестеро против восьмерых — это совсем не то же, что четверо. Четырнадцать человек схватились за мечи у Круглого Стола, но вышел из ножен один лишь Катгабайл — великий меч Тюра.

Идиотская картина: тринадцать человек пытаются оторвать рукоятки своих мечей от ножен, и я с клинком наголо, как дурак с вымытой шеей. Постояв так с минуту, я пожал плечами и вернул клинок в прежнее положение.

— Не старайтесь, — покачал головой Каранток, — все равно у вас ничего не выйдет. Правда, Моргана?

— Правда, — фея недовольно поджала губы, — Мерлин.

— Однако все равно здесь только одиннадцать кусков, — оставляя оружие в покое, скептически хмыкнул Мерриот.

— Всему свое время, мой юный друг. Всему свое время. Все происходит в точно назначенный миг, ни мигом раньше, ни мигом позже. Теперь — продолжим.

Словно подслушав слова ведущего, в дверь бочком втиснулся молодой человек с перевязанной головой и левой рукой, висевшей плетью у тела.

— Господа, — нервно обозревая собравшихся, изрек вошедший. — Я очень извиняюсь, я оруженосец... Ой нет, я — рыцарь Кархейн. Сэр Кархейн, — запинаясь, проговорил наш доблестный приятель, похоже, на поле боя чувствующий себя куда как более спокойно, чем в этой зале. — Прошу простить, что я потревожил вас в этот час, — сгорая от смущения, выдавил он, — я тут принес... Мне велел принц Каранток. Он святой...

— Входи-входи, сэр Кархейн, — улыбаясь, позвал Мерлин-Каранток.

— Ой, ваше высочество, вы здесь!

— Вон твое место, — указал отец премудрости, и я невольно кинул взгляд туда, куда он указывал. На глазах золотая надпись «Лу-

кан» растворялась, так, будто и не было, а на ее месте появлялась новая — «Кархейн».

— *Прямо крестный ход какой-то!* — не замедлил прокомментировать увиденное Лис. — *Оруженосцы прут нескончаемым потоком, по дороге становясь рыцарями Круглого Стола. Принимаю ставки! Кто следующий?*

— Вот, — измученно произнес новоиспеченный рыцарь Круглого Стола, выкладывая оставшийся двенадцатый кусок.

— *Блин! Сыскался-таки! Сыскался след Тарасов. Значит, Каранток, улепетывая от примаса, пергамент прихватил, а затем Кархейну вручил. Эх, Каранток, Каранток! Знал бы ты, сколько мы гектаров лопухов выкосили, сколько буераков-оврагов с Годвином, как с миноискателем, облазили! Не мог промаяковать, а еще святой называется!*

В этот момент на Круглом Столе свершилось небольшое, но вполне зримое чудо. Лишь только двенадцатая часть коснулась среза векового дуба, как все они, точно капли ртути, начали сползаться, светясь в полумраке зала.

— Вот видишь, Ллевелин, — улыбаясь, сказал Каранток, — чтобы сложить этот пергамент, не понадобилась твоя помощь. Ну что, Моргана, не желаешь ли прочесть?

Фея приняла сросшийся пергамент из рук великого мага и, зашептав над ним что-то едва слышное, начала делать пассы руками. Все завороженно следили за ней, один лишь архиепископ, поморщившись, отвернулся, чтобы не видеть богомерзкого колдовства.

— Умница, девочка, — похвалил ее Каранток, по-прежнему не спуская с лица насмешливой улыбки. — Одно заклинание сняла. Теперь второе.

Моргана провела рукой над пергаментом.

— Нет, не могу. Но мне известно, что там написано. Ты сам дал знать.

— Нехорошо, Моргана. Твои слова могут ввести в заблуждение кого угодно, но меня-то тебе не обмануть. Неужели же ты могла подумать, что, заперев мое тело в склепе на Авалоне, ты сможешь остановить Мерлина. И неужели же ты думаешь, что то, что ты смогла считать из моей памяти, есть истина. Ты действительно знаешь лишь то, что я дал тебе знать. Для того же, чтобы узнать, что написано в истинном пророчестве, нужно иметь ключ. Надеюсь, вы принесли его, сэр Торвальд?

Я опустил очи долу.

— Прошу прощения. Он был у меня, но...

— Но мой дорогой брат, — раздался за спиной нежный голосок Лендис, — разумно счел неосторожным брать его с собой в битву.

Однако лишь только закончилось сражение, он тотчас послал за ним своего оруженосца. Прошу простить эту задержку. Я не могла явиться в столь высокое собрание, не одевшись соответственно, — из-за спины королевы Каледонии выглянул смущенный Годвин.

— *О, вот еще один оруженосец! Капитан, развей мои сомнения: куда я глядел, когда ты посвящал его в рыцари и где его большая миска за этим столом?*

— *Да не посвящал я его в рыцари!* — попытался откреститься я.

— *Ну-у, так нечестно! Всех посвящали, а его нет. Ты еще скажи, что он Лендис сюда привел, чтобы она, не дай боже, с дороги не сбилась. Или чтоб какой дурак в пути не обидел на свою голову.*

— *А что, думаешь, ее уже и сопровождать не нужно?*

— *Да нет, что ты! Нужно, конечно. Необходимо заботиться о личном составе... здешних вооруженных сил. А то захочет с ней кто-нибудь по дороге познакомиться, и пойди отличи его от местных жаб.*

— Что делает здесь эта мерзавка?! — вскипая на глазах, процедила Моргана.

— Я принесла ключ, тетя, — глядя на Моргану нежно, как кошка на мышь, промурлыкала Лендис. — Так что не менее вашего имею право находиться в этой зале. Поэтому извольте держать за зубами свой змеиный язык.

— Испепелю! — коротко заявила Моргана и поспешила претворить свою угрозу в жизнь.

— Глупости, тетя! — отчеканила Лендис, и две молнии, столкнувшись над Круглым Столом, переплелись и, взмыв к кровле, проделали в ней изрядную дыру.

Сквозь отверстие в кровле немедленно втиснулась голова виверны, недоуменно обведшая собравшихся взглядом и скрежещуще-недовольно каркнувшая, чтобы выразить свое несогласие с производимыми разрушениями.

— Девочки, не ссорьтесь. После того, что произошло в Кордуэле, я бы на вашем месте не стал баловаться с огнем.

— Мы еще встретимся вне этих стен, — поприветствовала соперницу ученица Мерлина.

— Конечно, дорогая тетя.

— Прошу прощения, господа. Сэр Торвальд, если я вам больше не нужен, позвольте уйти, — поклонился Годвин.

— Нет-нет, мой мальчик, — подходя к нему, произнес Мерлин. — Останься. То, что здесь происходит, касается и тебя. Спасибо, что принесла книгу, Лендис. — Он принял из рук королевы Каледонии знакомый нам фолиант и, подойдя к столу, вложил в него

пергамент. — Только здесь можно снять второе заклятие. Ты знала об этом?

— Да, великий Мерлин, — кивнула Лендис.

— Умница. — Он сделал над книгой несколько пассов руками и вынул из нее пергамент, покрытый несколько иными письменами, чем прежде. — Итак, вот оно, истинное пророчество. — Он начал читать зычным, хорошо поставленным голосом: — Когда великие начнут спасать оружьем честь, — гласила первая строка.

— *Ну-ка, ну-ка,* — оживился Лис, — *шо сия аллегория означает?*

— *С этим все понятно,* — вздохнул я, — *великие всю историю только этим и занимаются.*

— Принцесса грез покинет этот мир, — продолжал Каранток.

— *С этим, увы, тоже ясно.*

Собравшиеся у Круглого Стола молчали, очевидно, эта часть пророчества у них не вызывала вопросов.

— Златой дракон вонзит клыки в грудь алого дракона, / Коварная змея отравит кровь его. — Чтец обвел глазами Ллевелина и Моргану, точно вопрошая, понятен ли им смысл сказанного. Те молчали, напряженно глядя на говорившего.

— *Ну хорошо, с драконами ты мне уже объяснял. А что еще за история со змеей?*

— *Ну-у, может, это намек на доллар, использование которого в качестве платежного средства подрывает британскую экономику. В конце концов это вопросы не ко мне, а к специально обученным толкователям.*

— *Во как загнул! Ладно, допустим.*

— Ушедшие вернутся ради вести, /

Подкошены падут две башни над водой...

— *С башнями, к сожалению, все понятно. А что за ушедшие?*

— *Лис, очнись! Ушедшие — это мы с тобой. Мы вернулись ради вести! И вернемся в свой мир, так что строка работает и там, и здесь. Кстати, для Магэрана с Сабрейном тоже.*

— Два полумесяца грозят последним часом, /

Но мягкие добавят твердым силы жить.

— *Ерунда какая-то получается! Это что, те полумесяцы, что мы видели в Зачарованном лесу, что ли?*

— *Я все-таки полагаю,* — неуверенно начал я, — *что два полумесяца здесь означают один месяц, который тут действительно грозил последним часом.*

— *Ага,* — встрепенулся Лис, — *а у нас это разногласия между шиитами и суннитами. А мягко и твердо — это Китай. Всякие Ю Сен Чу, Дао-дзен и прочие прибамбасы.*

— А здесь?

— Доживем — увидим. Мерлин растолкует, на то он и мудрый.

Зеленое не станет белым, став пурпурным.
Сын короля-медведя — новый властелин.
Три мира будут слиты воедино,
Спасение придет.

— Так, — задумчиво изрек Лис, *— с мирами ясно. Со светофором ничего не понял, а с королем-то что?*

— Честно говоря, с многоцветьем я тоже ничего не понял. Сын короля-медведя — сын Артура, Артур и означает медведь. Похоже, Моргана была права. И миры Британии, Каледонии и Арморики действительно будут спасены Мордредом.

— А у нас? — огорченно вздохнул Рейнар.

— Видишь ли, второе имя принца Чарльза, наследника престола, — Артур. А вместе, если брать по латыни Королюс Артурус, то есть — Король Артур. Так что выходит, что спасение Британии придет от его сына. Хотя, видит бог, из нас такие толкователи пророчеств, как из ботфорта хрустальный башмачок.

— Вот видите! — злорадно вскричала Моргана. — Артур сцепился с Ланселотом, защищая свою честь. Гвиневера покинула этот мир, уйдя в монастырь. Золотой дракон Ллевелина вонзит клыки в грудь дракона Артура, предав его. Или это не так, моя дорогая племянница?

— Нет, — покачала головой Лендис. — Увы, я поддалась на коварство Ллевелина, и оно привело мою армию в западню. — Как и Моргана, королева Каледонии вполне овладела искусством лгать, не соврав и словом. — А вот змея, из-за которой началось сражение на Камланне... Не ты ли послала ее, Моргана?

— Мне лучше жить в Эйре, откуда святой Патрик изгнал всех змей, если в Британии я буду отвечать за их укусы. Однако из-за этого злосчастного укуса зеленое поле Камланна не покрылось белыми скатертями пиршества, а стало пурпурным от крови!

— Оно стало багровым, Моргана. Багровым, а не пурпурным, — сумрачно поправил ее Мерлин. — А пурпурной будет королевская мантия во-он того мальчишки. — Он торжествующе обвел глазами онемевшую от удивления публику. — Именно его зеленое одеяние овидда не станет белым плащом друида. Именно он своей мягкостью дал силу жить твердым. Не правда ли, Торвальд? И он видел два полумесяца, грозившие последним часом. Ведь так, дружок?

— Д-да, милорд, — чуть слышно проговорил Годвин, ошарашенный, похоже, более всех присутствующих.

— *Не, ну каков!* — гордо заявил Лис. — *Бац-бац, и в дамки! Дрожать, бояться, деньги не прятать! Не как-нибудь кто, а ваше величество Годвин — великий и ужасный.*

— Но сын короля-медведя... — едва смогла произнести все еще не пришедшая в себя фея Моргана, — ведь это же Мордред?!

— Несомненно, моя дорогая, — кивнул Каранток. — Но дело в том, что Годвин тоже его сын. До своей женитьбы на Гвиневере Артур был женат на дочери графа Севена — Лизонере. Я сам благословил их брак.

— Ты, Мерлин?!

— Да. Несчастная умерла родами.

— *Слушай, это не Мерлин, а какой-то именной пестун семейства Пендрагонов! Интересно, кого из этой семейки он еще вскормил своей волосатой грудью?*

— *Я думаю, хватит и этих.*

— Ваше высокопреосвященство. — Моргана не желая сдаваться, апеллировала к Эмерику. Такого хода от нее не ожидал никто. В первую очередь сам архиепископ. — Может ли считаться законным брак, освященный магом и друидом?

— Ой-ей-ей! Можно подумать, можно подумать! Ее Мордред сильно законный!

— Из двух незаконных — Мордред старший.

— Может, — после недолгого раздумья заявил примас Британий, вернув в состояние полного обалдения тех, кто из него только начал выходить.

— *Слу-ушай, а нам, часом, Эмерика в Зачарованном лесу не подменили? Шо это у него за левый уклонизм? Прямо не епископ, а перекрашенный друид!*

— Любовь есть чувство богоугодное. Браки устраиваются на небесах, а стало быть, бессмысленно говорить, что тот или иной обряд, если он был совершен, более свят, чем другой. Мне известно о женитьбе Артура и Лизонеры, хотя король и старался хранить ее в секрете. Так что и в тебе, Мордред, и в тебе, Годвин, одинаково течет королевская кровь. Но если Артуру было угодно завещать свой венец Годвину... Церковь с радостью признает его королем.

— *Понятное дело, с радостью,* — хмыкнул Лис. — *Отлучение-то с Мордреда еще не снято.*

— Бывшего овидда?! — возмутилась Моргана.

— Не тебе говорить об этом, фея! Это наше дело, Церкви и Годвина!

— Мой король, — Лендис, по-прежнему стоявшая рядом с юным Пендрагоном, вложила свои руки в его ладони, — примите мою верность и со мной верность всей Каледонии и Горры.

— Принимаю, — прошептал Годвин. — Встаньте, милая королева.

— Вот так дела! — услышал я голос Кархейна. — Годвин, — он подошел к оруженосцу, придавленному нежданно навалившимся величием, — прости. Мой король! — Он преклонил колено и протянул свой меч рукоятью вперед. — Примите мою верность. И хотя я не могу прибавить к своей верности верность даже одного подданного, присягаю, что моя будет неколебима.

— И моя тоже, — подошел к Годвину Констан. — Хотя я лишь недавно стал рыцарем и не могу считать себя равным присутствующим здесь, присягаю и отдаю тебе свою верность. — Он встал на колено и протянул меч.

— Прах тебя подери! — взревел сэр Борс. — Ты — настоящий Пендрагон! Прими и наши мечи, король Годвин!

Мечи Магэрана и Сабрейна последовали за клинками королей Арморики, и с каждым новым эфесом, возвращаемым в руки коленопреклоненного рыцаря, все темнее становилось лицо Морганы и все задумчивее — лицо Ллевелина.

— За себя и за королевства Камбрия и Нортанумбрия присягаю тебе, король Годвин, — медленно произнес Ллевелин, преклоняя колено. — И лорды этих королевств присягают тебе. Прости мне подлог, дорогой племянник. Он был продиктован не жаждой власти, а лишь опасением, что королевство достанется тому, кто недостоин наследовать венец Пендрагонов. — Он говорил, взвешивая каждое слово так, словно боялся недосказать или сказать лишнее.

— *Ловко съехал с базара,* — вставил Лис. — *Неплохое решение для того, кто находится между молотом и наковальней.*

— Встаньте, король Ллевелин. Я верю вам. — Годвин поднял дядю с колен.

— *Ты ба! Наш ботаник уже научился вести большой политик! Врет и не краснеет.*

— А вы, сэр Торвальд, — язвительно процедила Моргана. — Отчего не присягаете вы? Разве честь, оказанная вашему оруженосцу, не радует вас?

— Увы, — развел руками я. — Конечно, я рад за Годвина. Прошу прощения, за короля Годвина. И, конечно же, мой меч всегда будет верен ему до того часа, пока я не покину этот мир.

— Как, Торвальд, неужто и ты решил заделаться монахом? — удивленно уставился на меня Борс.

— О нет. Монастырь не для меня. Помните, в пророчестве есть строка: «Ушедшие вернутся ради вести»? Вы полагали, что речь идет о лордах Камелота, вернувшихся в эти стены ради вести о новом короле. Однако речь идет о нас с Рейнаром, ушедших в туманное

Туле и возвращенных сюда высшими силами, чтобы принести весть об истинном короле. Не так ли, Мерлин?

— Можно сказать и так.

— Я не верю вам, — мрачно изрекла Моргана. — Ни я, ни Мордред, никто из наших вассалов не принесет ему присягу. — Они развернулись и зашагали прочь из зала.

— Да ты не волнуйся, Торвальд, — ехавший рядом со мной Борс оглянулся на юного короля, — мы за ним присмотрим. В обиду не дадим! Да он и сам не промах. Еще лет пять, и всех нас поучать будет.

Мое заявление о цели прихода и необходимости срочной эвакуации, безусловно, произвело на лордов Камелота должное впечатление, однако не большее, чем любая из новостей, услышанных ими той ночью. Чудеса здесь были обычным делом, почти как еда и сон. Стоило ли удивляться очередному чуду?

Сейчас мы ехали по Британии, неся населению имя нового короля, провожая в монастырь сэра Ланселота и нас к камере перехода.

— Знаешь что, — продолжил Борс, пребывавший в самом радужном расположении духа, — вчера получил письмо от супруги Персиваля. Она просит принять его сына пажом. Я вот что подумал: возьму-ка пергамент, порежу на три части и велю написать на нем те строки пророчества, которые были у меня, у Галахада и у отца мальчишки. Расскажу ему всю эту историю да оставлю их на память, чтобы он детям своим поведал, а те — своим.

— Хорошая мысль, — похвалил я.

— *Оч-чень хорошая,* — хмыкнул на канале связи Лис. — *Спасибо сэру Борсу за наш безоблачный отпуск.*

До камеры перехода нас провожали Магэран и Сабрейн, вызвавшиеся подтвердить чудесное исчезновение и уберечь камеру перехода от лишних глаз.

— Но вы ж присмотрите, — вновь упрашивал я коллег.

— Да не волнуйся, все будет хорошо!

— Капитан, пошли! Долгие проводы — лишние слезы. Камера уже открыта!

— До встречи в иных мирах!

Блокирующая плита с тихим шипением начала закрываться за нашими спинами.

— Ну что, поехали?

Мы с Лисом вошли в помещение камеры перехода, и тут с потолка резервуара, маскировавшего камеру, хлынул поток воды, спеша вновь оживить эльфийский ручей.

— Какая сволочь включила воду?! — заорал Лис, в броске нажимая кнопку, закрывающую шлюз.

— Хе-хе! Хе-хе-хе! — было последнее, что услышали мы в этом мире.

Эпилог

По возвращении ко двору государей да отдадут они верный отчет о своих похождениях королю и начальникам под опасением исключения из рыцарства, даже и тогда, когда этот отчет не послужит им в пользу.

Преславный устав честного рыцарства

Крошка брауни щелкнул пальчиками, на расстоянии гася огонь под вскипающим кофе.

— Милорд, — он почтительно склонил голову, — вы просили вызвать энца Сергея Лисиченко, эсквайра. Смею доложить, он ждет вас.

— Да-да, спасибо. — Я закрыл крышку чемодана и с ужасом оглядел поклажу, отправляющуюся со мной через Атлантику. Черт возьми, во всех моих странствиях мне доводилось обходиться куда как меньшим грузом!

— Приказать ему, чтобы ожидал? — не меняя интонации, поинтересовался хранитель дома.

— Нет-нет, я сейчас возьму трубку. Будь добр, позаботься о кофе.

— Слушаюсь, милорд.

Малыш брауни, подобранный мною в разрушенном замке в годы Войны Роз, был добрым гением моей холостяцкой хижины и верным товарищем. Однако невзирая на то, что ему уже вполне удавалось управляться с различными пультами дистанционного управления, телефоном и даже моей кредитной карточкой, смириться с отсутствием должного пиетета перед высокими титулами он никак не мог. Сколько я его ни учил, привыкнуть к тому, что природный лорд, потомок древних, всеми позабытых королей может накоротке общаться с чужестранцем, да еще и простым эсквайром, он никак не

мог. Он просто не по-ни-мал этого. Брауни укоризненно покачал головой и безмолвно отправился заботиться о кофе.

— Алло, Сергей? — Я поднял трубку.

— Слушаю тебя, Капитан.

— У меня к тебе дело образовалось.

— Та-ак, — в телефонной трубке повисла гнетущая пауза. — Звучит угрожающе. Опять надо куда-то ехать?

— Ну, в общем, да... — начал было я.

— Капитан, а ты знаешь, у меня еще семья есть. Если со всеми этими временными парадоксами посчитать, сколько мы не виделись, получается, что я столько и не прожил. Я им уже позвонил, они меня в субботу в Борисполе ждать будут с машиной. Это у нас тут с автомобилями никаких проблем, а там с соседями договариваться надо.

— Да в машине-то как раз и дело...

— Не понял, в чьей машине, в Васильича? Или мы отправляемся во времена, где уже есть автомобили? Это что-то новенькое в наших похождениях!

— Лис, ты можешь меня выслушать?

— Ладно, слушаю. Буквально внимаю и вынимаю.

— Мой «ровер» остался в гараже в Хитроу. Гнать его сюда смысла нет. Такси вызывать, сам знаешь, в наш городок чужих не пустят. Ты бы не мог меня подвезти в аэропорт?

— Господи! Ну ты, Капитан, даешь! Я уж было решил... Ладно, собирайся, я сейчас подъеду.

— Эх, птица-тройка! — Лис, видимо, обрадованный тем, что на этот раз наше путешествие направлено не далее аэропорта близ Лондона, пребывал в прекрасном расположении духа и оттого обильно цитировал любимого российского классика, бывшего, кажется, его земляком. Лисовский «бьюик», очевидно, символизирующий ту самую птицу-тройку, резво несся по трассе, без натуги обходя менее окрыленные транспортные средства. Стрелка спидометра, словно гонимая тем самым ветром-ветерком, с которым мы мчались, дрожала у красной черты, отделявшей быструю езду от низкого полета.

— Та-ак. — Лис убрал ногу с педали газа. — Прости, Капитан, но вон тот джентльмен в упаковке полисмена, похоже, страстно желает с нами познакомиться.

«Бьюик» притормозил и съехал на обочину. Лис нажал кнопку стеклоподъемника, открывая окно.

— Добрый день, джентльмены, — подчеркнуто корректный лондонский бобби заглянул в салон, улыбаясь так, словно несказанно рад встрече после долгой разлуки. — Вы превысили скорость, сэр. Прошу ваши документы.

— Шеф, шеф, ну какие дела? Ты знаешь, сколько коней под капотом этого драндулета? Это ж не у всякого персидского шаха такой табун водился! Почитай, весь конвой ее величества можно рассадить и еще пара-тройка про запас останется. Ну, может, какая из лошадок и вырвалась вперед, ну не доглядел, бывает. Разве мы не договоримся?

— Сергей Лисиченко, — отсутствующим голосом произнес полисмен, изучая документы. — Бизнесмен?

— Сотрудник международного научно-исследовательского института, — уныло бросил мой напарник, понимая, что «договориться» не удастся и чувство юмора не входит в число атрибутов, необходимых для несения дорожно-патрульной службы.

— Благодарю вас, сэр, — все тем же отсутствующим голосом произнес полисмен, возвращая Лису документы и вынимая из кармана блокнот судебных уведомлений. — Через две недели вы должны быть в окружном суде по указанному адресу. Ваш судья — достопочтенный Джеймс Томлинсон.

— Дружище, я не могу быть через две недели в суде! Войди в мое положение! Я завтра улетаю на родину, и меня не будет полтора месяца. Уолтер, хоть ты на него повлияй! В конце концов ты лорд или не лорд?!

Бобби вновь заинтересованно уставился в салон автомобиля.

— Вы лорд, сэр?

— К вашим услугам, — вздохнул я. — Уолтер Камдайл, лорд Камбартон. Мистер Лисиченко любезно согласился подвезти меня в аэропорт. Я опаздываю на самолет...

— Весьма сожалею, милорд, однако суть дела это не меняет. Через две недели, сэр, вам надлежит быть в окружном суде. И поверьте, не стоит искать проблем с английским правосудием. — Он взял под козырек. — Проезжайте, джентльмены, и советую вам больше не нарушать дорожных правил.

— Спасибо за совет. — Лис поднял стекло и начал выруливать на трассу. — Шо б я без него делал! Блин! — мрачно выругался он. — Суетишься, спасаешь монархии, кстати, ваши же, лезешь черт знает куда, черт знает зачем и для чего? Чтоб какой-нибудь достопочтенный, как там бишь его, «пылесос» учил тебя жизни, да еще и норовил ограбить на самых что ни на есть законных основаниях!

— Созвонись с Расселом, — посоветовал я.

— Думаешь, он замнет дело?

— Нет, он найдет адвоката, который будет представлять тебя в суде через две недели. А гонорар и штраф пусть вычтут из моих премиальных.

— Вот спасибо! — хмыкнул Лис, вновь пришпоривая табун припрятанных под капотом «бьюика» лошадей. — А то б я сам не справился! Эх! — Он печально вздохнул. — Нет в мире совершенства.

Девушка за билетной стойкой профессионально улыбнулась, увидев приближающегося клиента.

— Будьте добры, мэм, билет до Торонто на имя Уолтера Камдэйла, — произнес я, протягивая деньги и документы.

— Вы мистер Камдайл? — отчего-то переспросила улыбчивая красотка, сверяясь с паспортом.

— Да, именно так меня и зовут.

— Вам просили передать...

Я беспомощно поглядел на Лиса, вспоминая, что не так давно уже стоял возле этой стойки, надеясь всего через несколько часов обнять сестру и племянницу.

— Что? — с трудом выдавил я.

Девушка подозрительно посмотрела на меня. Очевидно, лицо клиента выражало смесь ужаса с симптомами мозгового спазма.

— Вам плохо, сэр? Может быть, воды?

— Нет, спасибо. Что мне просили передать?

— Экстренный номер «Таймс». — Она испуганно протянула мне вложенную в пакет газету, паспорт с торчащей из него книжечкой авиабилета и продолжила скороговоркой: — Благодарю вас, сэр, что вы воспользовались услугами нашей авиакомпании. Надеюсь, полет доставит удовольствие и вы вновь воспользуетесь нашими услугами.

— Да-да, конечно. — Я отошел от стойки, разворачивая газету.

«Подписан королевский указ об изменении порядка престолонаследия», — гласил заголовок передовицы.

— Ну, что скажешь по этому поводу? — подошедший Лис щелкнул пальцами по архивной фотографии королевской семьи.

— Ничего, — пожал плечами я, складывая газету. — Почитаю в самолете. Ты знаешь, меня сейчас больше интересует, как там справляется Годвин. И еще я очень хочу поскорее увидеть родных.

Харьков, сентябрь — декабрь 2001 г.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ВОСВОЯСИ

Никогда не ставь задач, решение которых тебе неизвестно.

Первое правило Берга

Пролог

Творите мифы о себе, боги делают то же самое.

Станислав Ежи Лец

Тяжелые волны с грохотом разбивались о подножие утеса, взметая ввысь мириады мельчайших брызг, в яростном порыве пытающихся вскарабкаться на самый верх жалкого огрызка земной тверди. Я смотрел в ночную мглу, туда, где, едва освещенные светом новорожденной луны, покачивались на якоре два корабля. Глядел, прощаясь с этим миром, с боевыми товарищами, напряженно ожидавшими наступления утра, чтобы пристать к берегу и выяснить, чем закончилась смертельная схватка двух непримиримых врагов — Лиса Венедина и меня.

— Капитан, ну шо ты расселся? Я уже запалил огненный круг, заложил взрывпакеты, пошли позвеним мечами, громыхнем напоследок и — гуд бай.

Я зябко поежился и встал, плотнее запахивая плащ.

— Интересно, что они скажут, когда поутру подойдут к острову и не найдут на нем ни одной живой души?

— А шо скажут? После того фейерверка, который мы тут устроим, сомнений в том, что грозные вожди сгинули бесследно,

у них не будет. А там уж, как говорится, мрачный северный гений сам додумает, каким именно образом мы отдали Богу души, — пожал плечами Лис.

— Лишь бы не передрались. — Я потянул из ножен меч.

— Да ну, шо им в самом деле драться, дети они, что ли? — В словах Лиса, несомненно, был резон. Наши воины не были врагами. По условиям же поединка в случае победы одного из нас выживший принимал под свое начало дружину погибшего. А если мы оба покидали место боя под руку с валькириями — расходятся, вот уж воистину, как в море корабли. — Вылезут, поищут наши бренные останки, взгрустнут, пока брага не кончится, и поплывут в далекий край, утирая скупую мужскую слезу подолом кольчуги.

— Заржавеет, — с сомнением произнес я. — Ладно, пошли рубиться. Ночь тихая, слышно далеко. На борту уже, наверное, заждались звона клинков.

Огненный круг, вычерченный на земле греческим огнем, давал больше дыма и чада, чем пламени.

— Слушай, Капитан, — с отвращением глядя на «поле нашей последней битвы», скорчил рожу Лис, — может, ну его к ляхам? Это ж надо быть безбашенным, шо та шведская самоходка, чтобы в этакую вонидлу лезть. Давай прямо у входа в пещеру помашемся.

— Идет, — кивнул я, указывая острием меча на сравнительно ровную площадку неподалеку от черного провала пещеры, в которой была замаскирована камера перехода. — Вон там.

Остров, на котором мы находились, пользовался у жителей окрестных земель славой если не мрачной, то уж, во всяком случае, таинственной. По слухам, здесь обитало то ли свирепое морское чудовище, то ли какие-то древние духи, точно неизвестно. Но одно можно сказать наверняка — маршруты и торговых, и боевых кораблей старательно огибали каменный зуб, в дупле которого была спрятана переходная камера Института экспериментальной истории. И только такие «отчаянные головы», как мы с Лисом, решились ступить на эту проклятую твердь, когда посланный в погоню за нами отряд графа Генриха Шверинского под командованием моего напарника настиг среди бушующих волн «коварного негодяя», то есть меня.

«Верный» графу Шверинскому Лис Венедин клятвенно заверил своего повелителя, что не вернется к его двору без головы наглого обидчика, и потому, вдоволь наругавшись через борт, мы порешили пристать к ближайшей суше, чтобы с честью завершить наши счеты. Кто ж виноват, что этот дикий островок был ближе всех? Кто ж

виноват, что два опьяненных взаимной ненавистью отчаянных головореза полезли прямо к черту в пасть, не слушая добрых советов? И поэтому наше загадочное исчезновение не только бы не вызвало чрезмерного удивления, но и должно было послужить отличным предостережением тем, кому пришла в голову мысль ковырять недра здешней пещеры.

Мы со звоном скрестили клинки. Как ни крути, а хоть полчаса нам следовало поупражняться в защитах и атаках, чтобы придать пущую достоверность изображаемой картине.

— Остановитесь, джентльмены! — донеслось из скальных недр.

Я бы узнал этот голос из тысячи. Он принадлежал моему старинному другу Джозефу Расселу, XXIII герцогу Бедфордскому.

— Оба-на! — Лис кивнул в сторону пещеры. — Ты гляди, начальство пожаловало. Ну все, считай, отпуск накрылся, — обреченно добавил он.

Двадцать третий герцог Бедфордский, представитель Ее Величества в Институте экспериментальной истории, был одним из первых лиц в его руководстве. Видимо, поэтому, а также потому, что именно с его легкой руки я да в общем-то и Лис попали в оперативный состав сего странного заведения, он брал на себя порой миссию сообщать Ц. У. и Е. Б. Ц. У., даваемые нашей группе высоколобыми разработчиками.

— Привет, Вальдар, привет, Сергей, — кивнул нам старина Зеф, выходя из тени. — О, я смотрю, вы решили отпраздновать свое исчезновение с размахом? — Он указал в сторону огненного круга и сложенных аккуратной стопкой взрывпакетов, ждущих своего часа.

— Ма колонель*, — вкрадчиво начал Лис, — а разве что-то не так? Насколько я помню, нам было поручено спасти от вероятного пленения здешнего скандинавского тирана и деспота Вальдемара Победоносного с целью воспрепятствовать развалу его королевства, что, если мне не изменяет память, не устраивало отдел разработки в связи с чрезмерными успехами испанской Реконкисты. Так вот, я рвусь в родные пенаты, дабы сообщить, что их ненаглядный Вальдемар цел и невредим и еще долгие годы может успешно победоносить в угоду нашим научным корифеям.

— Не лезь в бутылку, — прервал вдохновенную речь Рассел. — Кстати о бутылке. — Он полез в карман и достал оттуда замысловатую бутыль с коронованным вензелем. — Тут вам генерал от артиллерии Российской Императорской армии Наполеон Бонапарт передал бутылку коллекционного «Хеннесси». Я думал ее распить с вами

* Мой полковник (*фр.*).

по возвращении, но раз так дело складывается, думаю, мы можем сполоснуть ваш успех...

— Ага, а заодно и нажраться за то, что нам еще предстоит, — с нескрываемым сарказмом хмыкнул Лис. — Кстати, что опять нужно потрясателям Вселенной?

— Ерунда. — Джозеф отмахнулся от Лисовского вопроса, как от назойливой мухи. — Всех дел от силы на неделю. Я был против, но, сами понимаете, вы оказались в ненужный момент в ненужном месте.

— Да делать-то что надо?

— Почти что ничего, — покачал головой Рассел, срывая сургучовую печать с фляги. — У вас тут, кстати, есть какие-нибудь кубки?

— Откуда?! — возмутился Лис. — Мы здесь собрались не водку пьянствовать.

— А безобразия дебоширить. Я в курсе. Что ж, придется пить по-вашему, как это по-русски, из горла. Да, так вот, о работе. Через три дня в Новгороде Великом, или как там у вас его называют, Господине Великом Новгороде, намечаются м-м... Лис, как будет конгресс по-русски?

— Сходняк, — буркнул мой напарник.

— Во-во, сходняк честных мужей, знатных витязей и ватажников повольничьих*. Образуется новая политическая сила, которая может весьма повлиять на общий ход событий.

— И что нам со всем этим делать? — с сомнением в голосе произнес вчерашний начальник венедской гвардии на службе графа Шверинского.

— Ничего. Вам следует прибыть в Новгород, благо, вас там знают, принять участие в... сходняке, составить отчет о вероятных тенденциях развития этого движения и — домой, в законный отпуск. — XXIII герцог Бедфордский отхлебнул из фляги и протянул ее Лису.

— Ну спасибо, удружили, — недовольно пробормотал экс-генерал-аншеф Закревский, принимая сосуд с коллекционным коньяком из рук Рассела. — А как насчет дней прибавить к отпуску за сверхурочную работу?

— Лис, погоди, — перебил я его. — Ну хорошо, предположим, мы плывем в Новгород. Но утром к берегу пристанут корабли с шестью десятками мужчин на редкость сурового воспитания. Как предполагается объяснить им, что за эту ночь мы из заклятых врагов превратились едва ли не в родных братьев?

---

* Повольниками назывались на Руси вольные ратники, собирающиеся в ватаги и поступающие на службу к купцам, боярам и т.д.

— А может, ты один поплывешь? — мечтательно глядя куда-то вверх, вздохнул Лис. — Скажешь, что убил меня в честном бою...

— И съел. Вместе с костями и доспехами. Если я тебя убил, где твое бездыханное тело? Оно посреди огненного круга лежать должно.

— Ерунда, — махнул рукой представитель Ее Величества. — Все продумано. Сейчас мы сюда доставим тролля из лаборатории криптобиологии, попрыгаете вокруг него с гиканьем и свистом, а там рассвет, он сам в пещеру забьется. Ну а вы уж напоете песен о спасении жизни друг другу и все в таком роде.

— Кого? — переспросил я, все еще не веря услышанному. — Кого вы нам пришлете?

— Тролля. Обычнейшего тупоголового тролля.

Глава 1

Незваный гость лучше каменного.

Дон Жуан

Время шло, и мы с Лисом с напряженным ожиданием глядели на дыру в скале, стараясь не пропустить появления тролля.

— Ну, блин, и где эта тварюка? — припрыгивая на месте, чтобы согреться, злобно бормотал Лис. — У меня уже зуб на зуб не попадает, а они все чешутся.

— Может, еще мечами позвеним? — предложил я.

Ночи в этих местах были прохладными, и мы, уже в который раз, пускали в ход клинки, чтобы хоть как-то согреться. Не грех было размяться еще, но тут из глубины пещеры донесся негромкий шорох.

— Приготовились! — скомандовал я. — Похоже, сейчас начнется.

— Э-э, без глупостей! Это еще не тролль, это я, — послышался голос Рассела.

— Может, замену нашли, — мечтательно предположил Лис.

— Вряд ли. Скорее всего прощальное слово.

— Зипун тебе под язык, — ругнулся Венедин. — Накаркаешь тут...

— Так, джентльмены, — XXIII герцог Бедфордский появился из пещеры, —

тролль к запуску готов. У вас есть минут десять для организации торжественной встречи, пока его будут активировать после капсулы захвата. Предупреждаю, эта чертова особь — единственный и уникальный экземпляр породы, поэтому не слишком усердствуйте. Я взял его под свою ответственность, если с ним что-нибудь случится, криптобиологи с ума сойдут. Редкий вид: тролль петрум метаморфус. Они на нем изучают превращение белковой структуры во фторсиликоновую, так что если вы его испортите, в камень будут превращать вас.

— А если он нас испортит? — поинтересовался Лис.

Рассел на секунду задумался.

— Тогда, вероятно, его превратят в человека.

— Слабое утешение.

— Ладно, хватит разговоров. Готовьтесь. — Джозеф развернулся и зашагал обратно к камере перехода.

— Ну что? — Лис посмотрел на меня. — Понеслась душа в рай! Капитан, напомни-ка, что нам известно о троллях?

— Так, сейчас. Троллей существует три вида: тролль обыкновенный, тролль каменный превращающийся и так называемый туссерье. Тролль обыкновенный живет во фторсиликоновой среде и в сопределах не встречается. Туссерье — высокоразвитая структура, также на кремниевой основе, обладает своей древней культурой, владеет тайной множества ремесел, однако ведет ночной образ жизни, как и все тролли.

— Короче, академик, наш-то чего боится?

— Не перебивай! — возмутился я. — Тролль каменный превращающийся боится света, шума и, если не ошибаюсь, имеет сравнительно уязвимые места под мышками.

— Шо оно значит «сравнительно уязвимые»? — ехидно поинтересовался Лис.

— Черт его знает!

Из пещеры донесся рев настолько ужасающий, что все живое вокруг пожалело, что не умерло вчера.

— Интересно, они его покормили, прежде чем выпустить? — сдавленным шепотом просипел мой напарник.

— Бесполезно, — в тон ему ответил я. — Белковая пища превращается в кремний, что, в свою очередь, требует больших затрат энергии. У него не желудок, а прорва бездонная.

Тяжеленные шаги, казалось, потрясли остров, как будто кто-то пытался вбить его в морскую пучину.

— Похоже, он не слишком быстр, — с надеждой произнес Лис, прислушиваясь к шагам.

Невообразимое чудище ростом с двухэтажный коттедж, скрючившись, боком начало выбираться из пещеры.

— Ну шо, Капитан, командуй!

— А что командовать? Надо где-то полчаса отсидеться, а там уже светать начнет.

— Может, он уже привык к людям? — с робкой надеждой прошептал Лис.

Однако предположению его не суждено было оправдаться. Выбравшись на поверхность, чудище прислушалось, с силой потянуло воздух носовыми скважинами и, повернувшись в нашем направлении, вперевалку затопало вперед, недвусмысленно потрясая отломанным здесь же в пещере острым сталактитом.

— Ну что ж, попробуем. — Я подскочил к троллю и, проскользнув между низко опущенных передних лап, с размаху рубанул по одной из них мечом. Прекрасный клинок, без труда рубивший кольчужное полотно, высек сноп искр из покрытой рыжей шерстью конечности страшилища, заставляя усомниться в том, шерсть ли это вовсе. Ощутив, видимо, слабый толчок, тролль взмахом второй «руки» попытался то ли схватить, то ли просто снести меня с пути. Движение было неспешным, однако я едва успел отскочить от широченной лапы, заканчивавшейся шестью зазубренными каменными остриями.

— Вальдар, это дохлый номер! — крикнул мне в спину Лис. — Кончай портить меч! Прыгай в круг, сейчас мы устроим ему потанцевать!

Я опрометью кинулся в направлении, указанном Лисом. Тролль, загребая воздух лапами, подобно снегоуборочной машине, за мной.

— Быстрее, Капитан! — орал мой напарник, уже занявший место в огненном круге.

Я не заставил себя упрашивать и в кувырке преодолел все еще горевший, на наше счастье, барьер греческого огня. Взбешенный тролль, дойдя до нашего укрытия, в недоумении затормозил, вертя головой в разные стороны. Жертва исчезла, упрятав след в смрадном дыму.

Выросшие в глубине сумрачных пещер, тролли почти ничего не видят, хотя отлично слышат и имеют тонкое чутье. Серно-смоляной чад забил ноздри моего преследователя, и он стоял, переминаясь и вслушиваясь, готовый рвануть вперед, невзирая на зыбкую защиту огненного круга.

— А теперь — дискотека! — процедил сквозь зубы Лис, подбрасывая в ладони один из взрывпакетов, заготовленных для церемонии нашего исчезновения. — Перекури, кумэ!

Тролль, насторожившийся было при звуке голоса моего напарника, с неожиданной резвостью отпрянул в сторону. Плюхнувшийся ему под ноги взрывпакет с грохотом разорвался, взметнув в небо сноп разноцветных искр. Я последовал примеру друга, и зверюга вновь отскочила, намереваясь опять кинуться вперед, как только отгрохочет взрыв. Похоже, громкий шум действительно отпугивал тролля, но для того чтобы обратить в бегство подобное тупоголовое создание, нужно было что-то более мощное.

— Как ты думаешь, Вальдар, рассвет скоро? — сумрачно произнес Лис, готовя к броску последний взрывпакет.

Я с сомнением поглядел на восток. Уже начинало светать, но край неба, казалось, не спешил наливаться зарей, и последние минуты перед восходом тянулись невообразимо медленно, словно солнце никак не могло проснуться и пуститься в свой обычный бег.

— Должно быть, скоро, но мы до него здесь не протянем.

— Ну что ж, — мой напарник дернул фосфорную терку, воспламеняющую огнепроводный шнур взрывпакета, — тогда врассыпную!

Последний взрыв грохнул под ногами чудовища, и мы с Лисом, выскочив из круга, со всех ног припустили в разные стороны. Тролль кинулся было за Лисом, потом за мной, потом вновь за Лисом, закрутился волчком на месте и... по-медвежьи встав на все лапы, опрометью бросился назад к пещере.

Наш победный вопль трудно передать обычными звуками человеческого голоса. Им можно было останавливать птиц в полете и рыб в океанской бездне. Но «институтскому имуществу» было не до нас. Его когтистые лапы, словно камнеметный фугас, выбрасывали град мелкого щебня при каждом рывке. Дотоле неповоротливая мощная туша стремительно неслась к входу в пещеру, подобно маневровому паровозу, спешащему скрыться в туннеле. Вот наконец он достиг заветной цели, рыча, влетел в темный провал и тут... из-под задних лап злобного реликта во все стороны полетели камни, а натужный рев из глубины скалы возвестил о том, что приключения несчастного монстра еще не закончились.

— По-моему, он застрял, — философски изрек я, останавливаясь возле Лиса на почтительном отдалении от пещеры, чтобы не попасть под каменный дождь.

— Точно, — кивнул Лис, утирая тыльной стороной ладони пот с закопченного лица. — Картина называется «Привет от Винни-Пуха». Видно, кто-то слишком много ест... — Он осекся на полуслове. — Капитан, мы с тобой два идиота! Что мы стоим, он же сейчас окаменеет!!!

Слова напарника холодным душем смыли эйфорию. Никаким штопором невозможно было бы извлечь подобную кремниевую пробку из узкого горлышка пещеры. Да и предстоящая встреча с криптобиологами, грозившими в случае потери тролля превратить в камень нас самих, тоже не слишком радовала.

— Лис, его надо затолкать в пещеру! Хватай щиты и копья...

Объяснять дальнейшее было излишне. Укрываясь за щитами, мы приблизились к бушующему троллю и начали тыкать его копьями в нижнюю часть туши, стараясь активизировать рвение криптобиологического экспоната.

— Ну, давай, миленький, давай! — во все горло орал Лис, раз за разом посылая копье вперед. — Сейчас же солнце взойдет! Тебе же тогда каюк!

В отчаянии я откинул щит, перехватил копье поудобнее и... рухнул наземь, получив по лбу увесистым куском скальной породы.

Долго ли я был без сознания, сказать трудно. Вряд ли более пяти минут. До боли знакомый звон сотен маленьких колокольчиков в голове привел меня в чувство. Приподнявшись на локте, я приложил ладонь к лицу и ощутил на нем что-то теплое и липкое. Кровь. Однако боли нет, только в голове шумит. Глаза открылись с большим трудом, и сквозь красный туман просматривался Лис, картинно опирающийся на то, что еще совсем недавно именовалось тролльими или же, быть может, троллячьими окороками.

— Ну шо, Капитан, очухался? Смерть прошла, утри слезу. — Он подал мне руку, помогая встать.

— Ну... как тут? — как можно более внятно произнес я, не то чтобы желая выяснить положение дел на острове, а для того чтобы услышать свой голос.

— Как? — криво усмехнулся Лис. — Как в сказке, чем дальше, тем страшнее. Вот это, — он похлопал ладонью по довольно округлым окаменевшим ягодицам несчастного тролля, — это называется — полная задница. А вон то, — он ткнул рукой в сторону моря, — наши с тобой сподвижники спешат из беды отцов-командиров выручать. Так что, милорд, разлеживаться не время, пора готовить приветственную речь.

Забравшись на спину окаменевшему троллю, Лис вещал перед шестью десятками суровых воинов, стараясь придать своему хитрому лицу как можно более мужественное выражение.

— Братья и дружина! Ни для кого из вас не секрет, какими врагами до сегодняшней ночи были я и Вальдар Ингварсен. Всем вам известно, что я дал клятву не возвращаться в Шверин без головы

моего нынешнего побратима. Может ли кто-нибудь из вас упрекнуть меня, что я когда-либо не держал слово?

— Нет! — донеслось из толпы.

Лис воздел руку вверх, останавливая свою и мою дружины, готовые разразиться славословиями по поводу неподражаемой Лисовской честности. Это было чистейшей правдой. За годы работы в Институте мой напарник виртуозно овладел искусством сохранять репутацию «честного малого», на какие бы уловки нам ни приходилось пускаться.

— Так скажите мне теперь, — продолжал красноречивый Венедин, — что же делать далее, коли преступить свое слово я не могу, а поднять оружие против доблестного Вальдара Ингварсена отныне было бы для меня великим бесчестием, ибо отвагой своей он нынче жизнь мою от чудища злого спас?

Ратники зашумели, наперебой спеша выразить согласие со словами Лиса.

— Дело говоришь, дело! — неслось из толпы.

— Посмотрите на эту кровь! — Оратор ткнул пальцем на белую полотняную повязку с красным пятном на лбу «новоиспеченного родственника». — На поле брани она смешалась с моей. — Он торжественно продемонстрировал благодарной публике кровоточащую ссадину на руке. — Волей Небес всевидящих, волей Того, в чьих руках судьбы всякого живущего, с нынешнего дня мы братья кровные, страшной битвой по гроб жизни соединенные. Божье ли дело мне поднять руку на кровного брата?

— Негоже! — загомонили закаленные в битвах ратники.

— Вот и я говорю — негоже! — Лис спрыгнул с каменной поясницы и встал рядом со мной. — Брат мой старший, пути назад для меня нет, ибо слово свое я нарушить не могу. А путь вперед, куда бы он ни вел, с сего дня рядом с тобой будет. Командуй, брат, куда идти?

Я готовился к ответной речи с самого рассвета, но слова и обрывки фраз крутились в голове каруселью, вовсе не желая выстраиваться в сколько-нибудь связную последовательность. Кроме того, представьте мою досаду: почти год не вылезать из стычек, пережить три сражения, выиграть два рыцарских турнира без единой царапины и так бездарно получить по голове камнем, пытаясь пропихнуть в пещеру толстый филей незадачливого тролля.

Я свел брови к переносице, мучительно пытаясь собраться с мыслями.

— В Новгород поплывем, — услышал я собственный голос, казавшийся странно чужим и далеким.

Лис приложил руку к груди и поклонился.

— Немногословно, но конкретно. Капитан, ты сам-то идти можешь?

— Да уж постараюсь.

Я оперся на копье как на посох и, оттолкнувшись от скалы, попробовал сделать пару шагов. Островок слегка покачивался, но при известной привычке ходить по корабельной палубе это было вполне терпимо.

— В Новгород! — радостно кричали дружинники. — Добро!

Отряды, состоящие преимущественно из венедов, свеев и данов, прекрасно знали Хольмгард*, тем более что после недавней зимовки в его стенах многих воинов связывали с этим городом весьма тесные узы.

Вскоре два когга отошли от острова и взяли курс к берегам Гардарики**, сопровождаемые толпой крикливых чаек, нагло требующих платы объедками за постой.

Я лежал в крошечной каюте на корме своего корабля, закутавшись в длинный багряный плащ с серебристой каймой, обязательный атрибут военачальника в далеком уже, слава Богу, Шверине, и вспоминал славный град Новгород, каким я его застал несколько месяцев тому назад.

На тот момент я, согласно легенде, дальний родственник короля Вальдемара Победоносного, вынужден был бежать из родных краев, спасаясь от своего троюродного дяди, старательно прореживающего ряды возможных претендентов на трон. Под моим началом уже состояла ватага не то разбойников, не то стражей, одним словом, честных наемников. Старательно кружа вокруг объектов разработки, я пытался как можно ближе подобраться к графу Генриху фон Шверину, но все мои попытки были тщетны.

Меня вовсе не устраивал вариант попросту поступить под знамена гордого северного властителя и шаг за шагом подниматься все выше, чтобы наконец получить возможность выполнить порученное нам с Лисом задание. Я мог бы состариться прежде, чем это удалось, но случая преодолеть одним махом весь лестничный пролет все никак не представлялось. «Ищите лифт» — гласила одна из институтских аксиом. Спорить с этим было трудно, но дело не клеилось. «Если не удастся найти лифт, ищите лифтера, а лучше лифтершу, — утверждало первое следствие аксиомы. — Уж они-то точно должны знать, где он».

---

* Хольмгард — скандинавское название Новгорода.

** Гардарика — скандинавское название Руси.

Неведомо, чем бы увенчались мои поиски, когда б не счастливый случай. Однажды, когда я в грустных размышлениях торчал в какой-то захолустной корчме, в голове прорезался бодрый голос Лиса:

— Але, Капитан! Ты там жив? Воспрянь из праха! Я шо архангел Гавриил в образе голубки Пикассо с веткой укропа в зубах спешу тебе доставить благую весть.

— Лис, что ты тарахтишь? — хмуро поинтересовался я.

— Нет, ну ты не ценитель, — обиделся мой напарник. *— Какой смысл приносить тебе благие вести, когда ты их принимаешь с такой хмурой мордой фейса на лице.*

Моему другу повезло больше, чем мне. Он командовал отрядом венедской гвардии при дворе графа Шверинского. Обученные Лисом стрельбе из ростовых английских луков, вчерашние охотники с берегов Лабы и Немана были гордостью грозного Генриха Шверинского, весело проводившего время в боях то с королем Вальдемаром Победоносным, то с ближайшим соседом, императором Священной Римской империи Фридрихом II. Однако для успешного свершения того, что мы задумали, Лисовская протекция не годилась. Официально мы даже не догадывались о существовании друг друга.

— Ладно, не сердись. Выкладывай, что там у тебя.

— В общем, так, через месяц младшая сестра Аделаиды фон Шверин-Мекленбург, супруги моего доброго сюзерена графа Генриха, выходит замуж за князя Олега Изборского. Как ты сам понимаешь, поедет она без мужа. Конвой возглавляю я. Ну, там будут еще всякие официальные лица, но это не в счет. Охрана венедская.

— Ну и что ты предлагаешь?

— Да все, как обычно. Плохие парни обижают несчастную сироту, и тут появляешься ты на своем вороном коне в маске Зорро и, как водится, трах-бабах, восстанавливаешь справедливость. Графиня, понятное дело, в слезах и соплях, амур-тужур, розовые пеньюары и разовые изделия из бараньих кишок, проверенные электроникой.

— Лис!

— А шо я? Сам посуди.

Я посудил. Ровно через неделю сопровождаемый моими наемниками караван Ганзейского союза* отправился в Новгород, где предстояло ждать ее сиятельство графиню. Ждать пришлось долго. Фрау Аделаида вместе с Лисом благополучно добрались до Изборска, успев на венчание Бригитты Мекленбургской с Олегом Изборским.

---

* Автор знает, что Ганзейский союз был основан весной 1241 года в Любеке. Однако оставляет и впредь за собой право распоряжаться реалиями в сопредельных мирах так, как ему удобно.

Но свадебный пир... слегка затягивался. Он шел без малого четыре недели, пока мед и пиво, текшие по слипшимся от долгой практики усам, наконец попали в рот, заставив собравшихся прекратить пляски, хвалебные песни и созерцание скоморохов.

Когда караван графини Аделаиды тронулся в обратный путь, на землю уже лег первый снег. Дождавшись заветного Лисовского сообщения, я собрал отряд и выдвинулся навстречу. Это не могло вызвать особых подозрений: ганзейские торговые гости оставались в Новгороде на зиму, надеясь первыми по весне прихватить богатый груз пушнины, и в городе толклось что-то около десятка дружин, подобных моей, вовсе не желающих возвращаться домой за свой счет.

Богатый караван Аделаиды был, пожалуй, последним случаем добиться этого. Так что в суровой конкурентной борьбе наш выход навстречу ее сиятельству был вполне оправдан.

Все шло так, как мы спланировали. Лис сам организовал утечку информации о грандиозных подарках и несметной казне в поезде знатной дамы. Он сам помог организовать засаду «плохих парней», благо, недостатка в них не было. И все же одно мы не учли.

Когда с диким воем на возки, тянущиеся по лесной дороге, с обеих сторон ринулись разбойники, графиня Аделаида выхватила у ближайшего стражника тяжелый боевой топор и, взобравшись на крышу своего транспортного средства, принялась со знанием дела рубить нападающих направо и налево. Окрыленные поведением хозяйки, стражники тоже не теряли времени даром. Поэтому, когда мой верный Мавр доставил, так сказать, главного героя к месту свершения подвига, совершать, собственно говоря, было уже нечего. Я недоуменно остановил коня возле возка ее светлости, с почтением обозревая картину произведенных ею разрушений, но едва поднял глаза на госпожу Аделаиду, она смерила меня задумчиво-оценивающим взором, слегка помедлила, побледнела и, выронив оружие, прямо с крыши рухнула мне на руки. Мавр присел, но принял вес.

Понятное дело, ни в какой Шверин в эту зиму не поплыли. Ее сиятельство изволили куртуазно болеть нервным расстройством. Долгими зимними вечерами я рассказывал ей о превратностях своей жизни, читал на память, правда, не без помощи Базы, любимого ею Ульриха фон Зингенберга*, а по ночам... В общем, вопрос с лифтом был решен.

— Але, Капитан, ты там не спишь?

— Нет, — отозвался я.

— А зря. Тебе надо спать, а то у тебя ум до Новгорода не поправится и опять Россия будет во мгле.

---

* Известный поэт первой трети XIII века.

— Лис, что тебе надо?

— Что мне надо? — возмутился Венедин. *— Ты шо, совсем ударился? Шо нам надо! Мы домой планируем возвращаться или у тебя какие-то другие планы?*

— Лис, — с недоброй интонацией начал я, прекрасно понимая, на что намекает мой друг.

— А шо я?! У меня отпуск горит. Я, кстати, мимо дома уже третий год пролетаю. Так шо давай, вызывай Базу, пусть они нам к Новгороду спасательный катер пришлют. Или уж, на худой конец, дадут координаты ближайших камер перехода.

— Слушай, свяжись сам. У меня в голове такая муть, что я и двух слов внятно не произнесу.

— Кто свяжись? Я свяжись?! Да они обо мне после того анекдота про «в ухо» слышать не хотят.

Спорить с моим языкатым другом бесполезно.

— База Европа-центр, я Джокер-1. Вызываю Базу.

— Европа-центр. Слушаю тебя, Джокер-1, — отозвался мелодичный девичий голосок.

— Добрый день, сударыня, — поприветствовал я дежурного диспетчера. *— У нас неприятность. В пещере с камерой перехода тролль окаменел.*

— Кто? — недоуменно переспросил голосок.

— Ну, тролль... превращающийся, редкий вид. Так вот, мы сейчас плывем в Новгород отследить одно небольшое событие. А потом хотелось бы вернуться в Институт. Так, может, вы пришлете к городу через недельку спасательный катер?

— По инструкции я выслать спасательный катер не могу, он предназначен только для экстренных случаев.

— Родная, — вмешался Лис, *— мы тебе сейчас экстренных случаев наковыряем с полмешка.*

— Джокер-2, а с вами вообще никто не разговаривает, — сухо ответила девушка. *— Я, конечно, постараюсь, но, Капитан, вы же сами понимаете...*

— Ладно, Бог с ним, с катером. Что у нас с камерами перехода?

— Как вам сказать, — с нехорошей задумчивостью в голосе начала диспетчер, *— этот сопредел еще мало исследован...*

У меня похолодело внутри.

— Так что, камер нет?

— Ну почему? Есть тут... пара штук.

— Где? — снова вмешался Лис, отчаявшийся выдержать длящуюся паузу.

— Одна в пустыне в районе Хорезма, другая в окрестностях Иерусалима. Счастливого пути, Джокеры.

Ф р а н ц у з: *Я не понимаю, как вы, швейцарцы, можете сражаться за деньги. Вот мы, французы, сражаемся только ради чести и славы.*

Ш в е й ц а р е ц *Просто каждый воюет за то, чего ему не хватает.*

Из разговора в таверне

Предположение, что «сходняк», или, как его здесь величали, «великий круг», честных мужей Руси начнется через три дня, грешило истинно английским педантизмом. Уже неделю с лишним в город съезжались нарочитые мужи со своими дружинами, так что крепостные стены не могли уже вместить толпища конных и оружных людей, ожидающих начала обещанного толковища.

Вынужденная пауза помогла мне прийти в себя, и я уже выходил на улицу подышать условно свежим воздухом и послушать городские сплетни. Слухи по городу носились разные: от страшных историй про то, как мы с Лисом до смерти забили несчастного тролля, до недобрых вестей о диких степных кочевниках, перекрывших Великий Шелковый путь, отчего баснословно возросли цены на восточные ткани, благовония и искусные золотые украшения, привозимые из-за Хвалынского моря.

Но один слух, даже не слух, а скорее известие занимало всех. «Ничего, — говорили сведущие люди своим менее осведомленным собеседникам, — почитай, завтра уже и начнется. Вот Муромец придет...» Завтра наступало, а неизвестный мне Муромец все не ехал и не ехал. «Долог путь из-за моря, — объясняли сведущие, — знать, тайными тропами добирается».

Прогуливаясь вдоль лавок гостиного двора, я как-то к радости своей наткнулся на любекского купца Хельмута Штолля. В прошлом году мне довелось сопровождать его из Любека в Шверин, и, насколько я мог судить, ловкий торговец остался вполне доволен предоставленной ему охраной.

— О Вальдар! Никак не ожидал тебя здесь увидеть! — Обрадованный купец возбужденно грохнул своей окованной палкой о дубовый настил мостовой. — Что тебя привело сюда, старина?

— Да вот, — я неопределенно развел руками, — недавно оправился от раны, теперь без дела.

— А я слыхал, будто у тебя появилась славная служба при Шверинском дворе. — Торговец хитро покосился на меня, давая понять, что ему известны кое-какие подробности моих неусыпных вахт при особе ее сиятельства.

— Я и говорю, только что оправился от раны. — Тяжкий вздох и свежий шрам на лбу, похоже, вполне объяснили купцу нынешнее положение дел вчерашнего фаворита.

— Ну ничего, ничего, бывает. Пошли, я тебя угощу чарочкой-другой.

После обещанного количества чарок наш разговор стал куда задушевнее.

— Послушай, Хельмут, — спросил я, ставя на выскобленную столешницу недопитую медовуху. — Ты не знаешь, быть может, кто-нибудь из торговых гостей собирается идти в Константинополь?

Собеседник посмотрел на меня с удивлением и отрицательно покачал головой.

— Не слышал. Да и куда уж, время-то прошло, а путь, поди, неблизкий. Разве что в Константинополе зиму сидеть, да и то. — Штолль махнул рукой. — Нет, никто сейчас туда не пойдет.

— Быть может, хоть до Киева?

— До Киева? — переспросил купец. И ответил, чуть помедлив: — Вряд ли. Хотя сейчас об этом наверняка не скажешь. Вот Муромец приедет, там видно будет.

Я вопросительно поднял брови. Каким образом от неизвестного мне Муромца зависело движение торговых караванов, было непонятно. Но довольно твердая надежда по окончании задания добраться с какими-нибудь купцами в греки, а уж затем с византийцами до заветной камеры перехода близ Иерусалима рушилась на глазах.

— Если хочешь, по осени пойдем в Любек, — видя мое расстроенное лицо, предложил Хельмут.

Я энергично замотал головой.

— Понятно, — хмыкнул мой добрый приятель. — Может, ты и прав. С графом Генрихом шутки плохи.

Я только вздохнул.

— А людей-то у тебя много? — поинтересовался Штолль.

— Шесть десятков.

— Не мало.

— Со мной Лис Венедин со своими.

Штолль присвистнул.

— Как же вы вместе-то оказались? Подожди-подожди, выходит, сказка о том, как вы на острове с троллем бились, не сказка вовсе?

— Чистейшая правда. Лиса за моей головой послали, мы на островок высадились, чтобы все разом порешить, а там тролль. Ну и... Сам понимаешь.

— Да-а! — восторженно протянул Хельмут. — Ну и дела творятся! Послушай, — он понизил голос до полушепота, — ты сам видишь, что происходит кругом. Скоро на Руси такое начнется, чего сколь свет стоит не видывали. Вот Муромец не сегодня-завтра приедет и, почитай, начнется.

— Да что начнется-то? — с деланной наивностью поинтересовался я, понимая, что моему старому знакомцу известно много больше, чем он рассказывает.

— Захочешь — увидишь, — с таинственным видом отрезал торговый гость. — Я тебе одно скажу: если пожелаешь, могу ему самому о тебе слово молвить.

— Кому самому-то?

— Ну да Муромцу, конечно. У него для тех, кто с мечом, копьем и луком управляется, сейчас мно-ого работы сыщется. — Он хотел еще что-то добавить, но появившийся в этот момент запыхавшийся приказчик сообщил, что хозяина в лавке требует какой-то оч-чень важный покупатель. — Как смеркается, ко мне зайдешь, — на ходу бросил Хельмут, кидая на стол серебряную монету, — договорим.

Вечером того же дня по городу разнеслась весть: «Приехал!» Передаваемая из уст в уста, эта новость со скоростью степного пожара обошла, казалось, все сто тысяч жителей северной столицы Руси, всех заезжих иноземцев, всех витязей с их дружинами, начинавшими уже чудить в корчмах в ожидании обещанного явления.

— *Капитан, ты слышал?* — раздался на канале закрытой связи возбужденный голос моего друга. — *Он таки приехал.*

— *Ты имеешь в виду Муромца?* — осведомился я.

— *Ну конечно! Кого же еще?*

— *Очень мило с его стороны. Но, честно говоря, я не совсем понимаю, по какому поводу весь этот ажиотаж.*

— *Капитан, ну ты темный, шо совесть тирана. Ты ничего не слышал о Муромце?*

— *Ну, честно говоря, нет.*

— *Бедняжка! Ну тогда внимай.*

Мне было слышно, как Лис вдохнул побольше воздуха, готовясь перейти на эпический тон.

— *В некотором царстве, в некотором государстве... Или нет, лучше так: было то в стародавние времена, мне о том деды сказывали, а они от своих дедов слыхивали...*

— *Лис,* — напомнил я, — *вернемся к Муромцу.*

— Да мы от него и не уходили! — возмутился мой напарник. *— В общем, так, есть у нашего народа такой национальный герой, Илья Муромец...*

— Я помню. Ты его еще при Пугачеве отправил гулять по техасским прериям.

— Во-во, именно он. Так вот, у него и у жены его, Ульяны, был сын, нареченный в честь крестного отца, князя Владимира Киевского, также Володимиром. С тех пор, стало быть, так и повелось, что старший сын в роду Муромцев либо Илья, либо Володимир. Наш — Володимир. Род этот дал так много славных богатырей-защитников земли русской, что в народных сказаниях все они слились в одного бессмертного Илью Муромца.

— Забавно. Но...

— Никаких «но». Володимир Ильич Муромец еще в молодые годы продемонстрировал изрядную ратную доблесть и был послан великим князем Всеволодом воеводой-посадником в Украину Залесскую.

— Куда?

— Есть у Руси такая пограничная территория — Украина Залесская. Края дикие, лесистые, бездорожье полное. Столица ее зовется Москвой. Вот там Володимир свет Ильич воеводой и сидел. Год сидел, второй, пятый, десятый...

— Короче!

— Короче, были княжения великих князей. Причем все короче и короче. Вот тогда-то Муромец и выступил с призывом собрать землю русскую воедино, как при князе Владимире Красное Солнышко. Надо сказать, идея была услышана.

— Даже так?

— Да. Собралась дюжина князей, объединилась и раскатала дружину Володимира Ильича, шо Бог камбалу. Однако, как водится, герою удалось уйти и скрыться в чужедальних краях. Носило его там лет десять и, как сам видишь, выносило. Видал, какое войско собралось! Говорят, даже князья Мстислав Киевский и Святополк Туровский прибыли. Жаль только, что они не в заморский поход собираются, — вздохнул Венедин.

— Почему? — недоумевая, спросил я.

— Вот ты странный! — В тоне Лиса слышалось нескрываемое удивление. *— Да потому, что у нас имеются два бесхозных корабля, и куда их девать — непонятно. В Византию на них не пойдешь, на волоках застрянут, а здесь стоять, не ровен час хозяин хватится. Стуканет ему кто из ганзейцев, шо нас в Новгороде видел, примчится он за своим барахлишком, а заодно и за нами. И выдаст Господин Великий Новгород если не нас, то их не моргнув глазом, поскольку как ни крути, а наши транспортные средства сейчас в угоне значатся.*

— *Лис,* — немного помолчав, произнес я, — *судя по столь длинному вступлению, ты явно что-то задумал.*

— *Я задумал?!* — деланно возмутился Лис. — *Да я буквально загнан в угол! Не хочу тебя огорчать, но наше финансовое положение напоминает положение покойника: грош в зубы и по пятаку на каждый глаз. Еще день-другой, и дружина начнет разбегаться, благо, наниматься здесь есть к кому. А без дружины наш статус опускается, сам знаешь куда.*

Лис был, несомненно, прав: вожак, растерявший дружину, мог претендовать не более чем на место рядового ратника под чьим-нибудь чужим стягом. Не слишком удобная позиция для добычи стратегической информации.

— *Хорошо. И что ты предлагаешь?* — вздохнув, спросил я.

— *Как минимум найти купца, которому можно было бы хоть в полцены загнать два левых когга. Где только такого лоха найти, да еще в середине сезона?*

Я слегка поморщился. Манера Лиса изъясняться в выражениях, не входящих в основную часть толкового словаря, временами доводила меня до судорог.

— *Насчет простаков я тебе ничем помочь не могу. Вряд ли ты их сыщешь среди новгородских купцов.*

— *Ну да, они здесь все голова, им палец в рот не клади,* — съехидничал Лис.

— *Я тут встретил Хельмута Штолля,* — пропуская слова напарника мимо ушей, продолжил я. — *Помнишь, тот самый торговец, которого я в прошлом году сопровождал в Шверин. Так вот, сейчас иду к нему в лавку, заодно могу спросить и о кораблях. Сам-то он их, понятное дело, не купит, чего ради ему нарушать соглашения Ганзейского союза, но, может, что подскажет.*

— *А, ну-ну,* — голос Лиса прозвучал неожиданно задумчиво, — *поспрашивай. Я пока в порту подсуечусь. Ладно. До связи. Будут новости, звони.*

Лавка Хельмута Штолля встретила меня суматошным движением.

— Чего изволит славный витязь? — поспешил ко мне один из расторопных приказчиков, по достоинству оценив пурпурный плащ и золотую фибулу с яхонтами, скреплявшую его.

— Хозяин в лавке?

Приказчик вновь смерил меня оценивающим взглядом, очевидно, пытаясь понять, достоин ли я того, чтобы из-за моего визита беспокоить достопочтенного купца.

— Он сейчас очень занят, — неуверенно начал он, очевидно, предвидя бурную реакцию на подобный ответ. — Может быть, я смогу вам помочь?

— Пожалуй, — кивнул я. — Ступай к хозяину и сообщи, что его ожидает Вальдар Ингварсон.

На лице приказчика отразилась работа мысли, сравнимая по энергоемкости со строительством тоннеля под Ла-Маншем. По всей видимости, дело, которым был занят его шеф, являлось настолько важным, что исправный служака не осмеливался потревожить его даже на краткий миг.

— О господин Вальдар! — послышалось у меня за спиной. — А я-то думаю, ваш это голос или нет.

Кнут, доверенный слуга именитого торгового гостя Хельмута Штолля, вынырнул из-за моего плеча неслышно, как тень.

— Хозяин предупредил, что вы должны прийти. — Он указал рукой на дверь, ведущую из лавки в личные покои купца. — Пойдемте, я провожу вас. А ты, — кинул он приказчику, — ступай к покупателям.

Моего предупредительного провожатого я знал без малого год. Он был воплощенное дружелюбие и доброжелательность, всегда усердный и готовый к услугам, вот только манера вечно оказываться за спиной и несколько странная для слуги почтенного торговца привычка таскать в рукаве острый, как шпиговальная игла, стилет вызывали странное ощущение ухабистости его торгового пути.

Мы прошли по темному коридору, ориентируясь почти на ощупь, и вышли во внутренний двор, где находился скрытый за дубовым частоколом высокий купеческий терем.

— Подождите чуть-чуть, я сейчас. — Кнут остановил меня возле резного крыльца. — Только доложу.

Его не было минут пять, потом он вновь появился, приглашая меня подняться в хоромы.

— Ну что, я, пожалуй, пойду, — донеслось из-за неплотно прикрытой двери. — Ни к чему, чтобы нас видели вместе.

— Не беспокойтесь, это верный человек. Я за него ручаюсь.

Кому принадлежал первый голос, я не знал, но готов был поклясться, что его собеседником был мой давний знакомец Хельмут Штолль.

— К тому же он весьма славный воин. Думаю, такой вам придется кстати. В прошлом году я собственными глазами видел, как он сразил трех разбойников, напавших на наш лагерь. На них был полный доспех, а этот молодец успел лишь выхватить меч да обмотать руку плащом. И что вы думаете, Кнут еще трубил в сигнальный рог, а негодяи уже валялись на земле, плавая в собственной крови.

— Хорошо, хорошо, — перебил его неизвестный, — пусть приходит завтра на площадь. Посмотрим, чего он стоит. А здесь мне с

ним говорить не о чем, да и незачем, — нетерпеливо пророкотал незнакомый голос.

— Наверное, вы правы, — отозвался Штолль. — Кнут, проводи господина через тайный ход. Да так, чтобы ни одна живая душа не видела.

Выждав еще немного, я постучал.

— Да, входи! — донеслось из-за двери.

Я переступил порог. Купец сидел на широком ларе, уперев взгляд в какие-то записи. Светлица была пуста и, судя по первозданному порядку, царившему в ней, уже не первый час. «Быстро здесь меняют декорации», — усмехнулся я.

— Проходи, Вальдар, — произнес купец, радушно поднимаясь мне навстречу. — Вижу, ты не торопился.

Из соседней комнаты появился Кнут с блюдом, уставленным восточными яствами, наверняка приберегаемыми хозяином для дорогих гостей.

— Постой за дверью, Кнут. Да распорядись, чтобы нас не беспокоили.

Слуга молча поклонился и вышел из комнаты, оставляя нас наедине.

— Угощайся, Вальдар, — начал мой давний знакомец. — Ты говорил, что сейчас без работы? Или, может, что уже сыскал?

— Сыщешь тут. — Я скривился, будто от зубной боли.

— Отчего ж нет? — удивился Хельмут. — Видел, какое воинство собирается? Нешто вас за своих не примут?

Я посмотрел на своего бывшего работодателя.

— Принять-то, наверно, примут. Да только я что-то не слыхал, чтобы в этом войске набирали наемников. А людей мне чем-то кормить надо.

— Да, дела, — с видимой печалью в голосе протянул торговый гость. — Шесть десятков голодных ртов — не шутка. Чем же мне тебе помочь? — Он тщательно поскреб затылок, имитируя натужную работу мозга.

— Может, найдешь мне покупателя на два когга? — бросил я вопрос в пространство.

— Два когга? — переспросил купец, внезапно оживляясь. И, помолчав, добавил уже почти безразлично: — Твои или...

— Или, — вздохнул я, — потому отдам за полцены. До осени досидеть, а там, надеюсь, найдется кто из имперских гостей. К Фридриху пойду, он, я слышал, крестовый поход затевает.

— Он его уже лет десять затевает, никак не затеет, — хмыкнул Хельмут. — Я б на твоем месте на него не рассчитывал. Он хозяин не из приятных. А корабли... — Он вновь изобразил на лице задум-

чивость. — Новгородцы их не возьмут, им со Шверином ссориться не с руки. Ганзейцы, понятное дело, тоже... Разве что венецианцам предложить? Там сейчас наши корабли очень в цене. Вот только как они мимо Киля пойдут? Голштейн со Шверином в союзе.

Я развел руками.

— Ладно, подумаем, — махнул Штолль. — Да ты угощайся! Всю вашу ораву я не накормлю, но тебя-то хоть до отвала. Постой, — купец хлопнул себя ладонью по лбу, — какой же я дурак! У меня есть для тебя и твоих парней прекрасное дело.

Можно было поклясться, что мысль об этом «прекрасном деле» ни на минуту не оставляла предприимчивого ганзейца весь сегодняшний вечер. Но раз уж гостеприимному хозяину отчего-то вздумалось слегка облапошить незадачливого гостя, почему бы не дать ему возможность поверить, что затея удалась? Я вопросительно взглянул на Штолля, принимая вид воплощенного внимания и полной готовности к действию.

— Послушай, Вальдар, ты знаешь, кто такой Володимир Муромец?

— В городе рассказывают, — неопределенно бросил я.

— Что же именно? — скороговоркой произнес Хельмут.

— М-м... Витязь славного рода, проливал кровушку за Русь. Говорят, что против князей дрался, а потом скитался Бог знает где. Теперь вернулся и, как я погляжу, снова готов к драке.

— Оно все так, — растягивая слова, произнес купец, — но дело в том, что выступает сей витязь за единую Русь. А единая Русь — стало быть, и единые пошлины, и княжьего разбоя меньше. Так что торговля оживет, страна окрепнет, а там, глядишь, он и путь на Восток расчистит...

Более всего во вдохновенном монологе Хельмута меня повеселило заявление о расчистке пути на Восток. Однако рассказывать купцу о том, какие неисчислимые полчища надвигаются на Русь из-за диких степей, было по меньшей мере странно. Откуда бы мне, северянину, знать такие подробности из жизни Орды?

Штолль говорил еще довольно долго, явно стараясь произвести на меня впечатление грандиозностью замыслов. Он был бы, вероятно, весьма удивлен, когда б узнал, что в моей исправно кивающей голове роятся сейчас видения сказочного Хорезма, вернее, еще более древнего, чем сам Хорезм, тонущего в струящихся песках, забытого города в пустыне Кызылкум, где, скрытая от чужих глаз, ожидает нас с Лисом камера перехода.

— ...Да вот беда, голова у Муромца отчаянная, прямиком в самую гущу лезет. Не ровен час поляжет в бою, и конец делу. Так я и думаю, а что, ежели я тебя с твоим отрядом найму Муромца оберегать? Стражу он себе набирать не желает, так уж ты просто дер-

жись поблизости да примечай, где какая беда да опасность может случиться. Ну а от меня, да что там, от всех ганзейцев тебе любая помощь будет.

«Что-то это мне напоминает, — усмехнулся я про себя. — По-моему, меня решили завербовать втемную». Конечно, в том, что говорил почтенный представитель Ганзы, был резон. Вот только окончание разговора, нечаянно подслушанного мною под дверью, даже не столько слова, сколько тон, которым они были произнесены, наводили меня на мысль, что все совсем не так просто, как пытается представить мне добрый любекский купец. Одно уж, во всяком случае, можно было утверждать наверняка: нанимая меня, Хельмут и те, кто стоял за ним, желали обезопасить не столько жизнь могучего ревнителя российской государственности, сколько свои вложения в развитие торговли на Востоке. Однако то, что кристально ясно члену Британской палаты лордов Вальдару Камдилу, лорду Камбертону, вовсе ни к чему наемнику без роду и племени. А потому я лишь сдвинул брови к переносице и закинул в рот оторванную от соблазнительной кисти виноградину.

— Все это хорошо звучит, — неспешно заметил я, смакуя ягоду. — Но, во-первых, я еще не слышал, о какой сумме идет речь, а во-вторых, я уже говорил, что у меня с недавних пор есть боевой побратим.

— Да-да, Лис Венедин, — кивнул Штолль.

— Он самый. И я не могу принимать такое решение без него.

Словно дождавшись упоминания о своей персоне, в ту же секунду на канале связи прорезался голос моего «побратима»-напарника.

— Але, Капитан, ты еще трезвый? — с непонятным восторгом в голосе завопил он.

— Даже не притрагивался.

— Сочувствую, — в том же тоне продолжил Лис. *— Ладно, о тяготах и лишениях потом. Ты говорил, шо у тебя в Новгороде есть знакомый ганзейский купец?*

— Да, я сейчас у него. Он как раз предлагает одну занятную работенку...

— Позже, Капитан, позже. Работа не хрен, стояла и стоять будет. Тут клиент на наши плавсредства томится, породы «лопух первозданус раскидистый». Ты бы мог притащить на пристань к озеру своего торговца и побродить с ним по пирсу, разглядывая корабли, а лучше всего тыкая в них пальцем?

— Что ты задумал? — нервно начал я, зная на практике, что после проведения в жизнь очередного Лисовского плана в городе нам лучше более не задерживаться.

— Капитан, все будет пучком! Операция под поэтическим названием «Лис в сапогах, или Новые похождения маркиза Карабаса». Твое дело — побродить с умным лицом по пирсу, а потом подойти ко мне и заявить, что ты берешь оба корабля. За любые деньги.

Глава 3

Ой ты, гой еси, добрый молодец!
И на кой, еси, тебе это надо?!

Слова из песни

Свеженастланные доски пирса тихо скрипели под сапогами. Было уже совсем поздно, когда наша процессия добралась до берега Ильмень-озера, туда, где в ожидании выхода в море лениво покачивались на волнах десятка четыре лодий, коггов и крутобоких нефов. Несмотря на ночное время, пирс жил своей обыденной жизнью. Кое-где, неспешно переговариваясь, стучали киянками плотники, ремонтирующие дубовый настил, рыбачили с борта вахтенные матросы, громыхали трещотками сторожа, отпугивая то ли мелких воришек, то ли змея чудодивного, жившего, судя по рассказам местных жителей, в неведомых глубинах озера.

Заметив нас, они окидывали процессию долгим взглядом и вновь возвращались к своим делам, понимая, что ежели спешит в полночный час именитый ганзейский купец, стало быть, нужда в том есть. Пятеро стражников, судя по жилетам из волчьих шкур, надетых поверх вороненых кольчуг, из народа ободритов, и пара рослых факельщиков придавали нашему эскорту видимую значимость, но сколько таких кортежей доводилось видеть плотникам и сторожам — не перечтешь.

— Вот, смотри, Хельмут, — я ткнул пальцем в ближайшее судно, стоящее у пирса, — посудина плавает уже по меньшей мере лет двадцать. К тому же, похоже, в этом году его хозяин не расщедрился на то, чтобы его как следует просмолить, и я готов биться об заклад, под палубой у него плещется вода, как в дождевой бочке...

— Пожалуй, — кивнул головой мой собеседник. — Но я не собираюсь покупать у тебя корабли.

— А вон тот неф, — не унимался я, исправно тыкая в следующий парусник, — его днище так обросло, что он едва может двинуться с места. Если его владелец и впрямь планирует в скором времени

добраться домой, судя по всему... во Фландрию или, может, в Геннегау, то придется отправляться прямо сейчас, иначе до зимних штормов ему не дойти.

Штолль хмыкнул:

— Возможно, ты прав. Но мне-то что, я уже сказал тебе, я не собираюсь покупать твои когги.

— У нас отличные корабли, — словно не слыша слов торгового гостя, продолжал я. — Просто прекрасные. Да что я говорю, ты лучше сам посмотри. Во-он видишь, Лис возле них суетится. Похоже, покупателя нашел.

— Ну, вот и славно, — кивнул наш наниматель. — Надеюсь, он сможет отвлечься, чтобы обговорить дела. Время не ждет.

Мне стоило немалых трудов натолкнуть почтенного купца на мысль бросить вечерние хлопоты и отправиться на пристань, чтобы самому поведать Венедину о своем предложении. Я утверждал, что могу напутать, что условия сделки будут весомее звучать из уст самого Штолля, что я не хочу быть заподозренным в том, что утаиваю выгоду лично для себя и прочее, прочее, прочее. Но все мои слова ушли бы водой в песок, когда б не непреложный факт, что сегодня Лис ни за что не уйдет с причала, пока не продаст корабли, а завтра наша дружина уже нужна ганзейцам на площади.

— Кнут! — Хельмут Штолль обернулся к своему наперснику. — Пригласи сюда славного витязя Лиса Венедина. Скажи, что у меня к нему есть очень выгодное дело.

Преданный слуга молча склонил голову и поспешил выполнить поручение хозяина.

— Капитан, все отлично. Я вас вижу. Сейчас делаем рокировку. Я иду протирать ля-ля за тополя с твоим купцом, а ты давай сюда и с умным видом надувай щеки.

— Зачем? — непонимающе отозвался я.

— У нас в годы развитого социализма один из высокопосаженных членов после посещения крейсера «Москва» записал в книге почетных гостей: «Посетил военное судно. Произвел глубокое впечатление». Так вот, бери пример с него.

Понять что-нибудь в образной Лисовской речи было делом непростым, поэтому я решил действовать по обстоятельствам. Дождавшись, пока Штолль увязнет в беседе с моим хозяйственным напарником, я откланялся и, поднявшись на борт судна, начал с деловым видом разгуливать по палубе, ощупывая натяжку шкотов, простукивая борта и внимательно разглядывая, хорошо ли законопачены щели. Найденный Лисом покупатель, по костюму явный фризландец, с неподдельным интересом наблюдал с берега за моими действиями, силясь осознать, что происходит. В голове моей

на канале закрытой связи крутился страстный диалог расчетливого венедского витязя с не менее расчетливым любекским купцом. Оказавшийся в своей стихии Лис торговался за каждый день оплаты, за каждый фунт мяса для дружинников и гарнец овса для лошадей. Я думаю, почтеннейший Хельмут Штолль уже вполне осознал, что получение одобрения контракта у хитрого Венедина не было пустой формальностью.

— Эй! Что вы там делаете? — донеслось до меня с берега.

Похоже, мои брожения по судну вызвали настолько острый приступ любопытства у вероятного клиента, что он решился одернуть неизвестного вояку, бесцеремонно разглядывающего практически купленный им корабль.

— Смотрю, все ли в порядке, — сухо отрезал я и, повернувшись спиной, скрылся в трюме.

Переговоры купца и моего генерал-квартирмейстера, к вящему удовольствию высоких торгующихся сторон, подходили к концу. Звучно ударив по рукам и договорившись о встрече завтра поутру, переговорщики разошлись, втайне, очевидно, усмехаясь тому, как ловко каждый из них провел другого.

Покончив со сделкой, Лис с самым радостным видом возвращался к нервно переминающемуся с ноги на ногу покупателю, измучившемуся в ожидании ответа на обуревавшие его вопросы. Лис приближался, улыбаясь и насвистывая что-то бодрое. Фризландец открыл было рот, спеша поинтересоваться, что, собственно говоря, происходит, но не тут-то было.

— Прости, родной, — услышал я слова Лиса. — Видать, не судьба мне продать тебе корабли.

— Как то есть не судьба?! — В тоне неудачливого покупателя звучало возмущение. — Мы ведь почти договорились!

— Ну, почти договорились — еще не значит, что договорились, — стремительно парировал Лис. — Ты меня не знаешь, я тебя не знаю. Тебе нужны корабли, мне нужны деньги. Господин ганзейский купец дает больше.

— Но ты говорить — слово! — не унимался задетый за живое северянин. — Ты продавать корабли две трети цены. Я тебе платить деньги — задаток!

— Тю! — возмутился Венедин. — Я шо, тебя обокрал? Держи обратно свои гроши. Это у вас, у торговых гостей, слово дороже денег, а нам-то что, — Лис махнул рукой, — только монету плати, и мы вообще рта не раскроем.

— Но я платить тебе хороший деньги за чужой судно! — упирая на «чужой», продолжал свой бессмысленный торг найденный моим другом «лохус натуралис».

— Родной! — Лис сделал паузу. — Ты, видать, не понял: господин, с которым я только что беседовал, — представитель Ганзейского союза. И если его человек скажет, что корабли так хороши, как я о них говорил, то он выкладывает за каждый по две цены против той, которую предложил ты.

— Это не может быть! Ганза не покупает краденый корабль!

— Как скажешь, — согласился Венедин. — Ладно, все. Ступай и прости, если что не так. А я пойду посмотрю, что там чертов конунг в трюме делает.

«Чертов конунг», то есть я, счел последнюю реплику вполне уместной для эффектного появления из корабельных недр.

— Все отлично, — заявил я, вылезая на палубу. — Прекрасный корабль. Если второй такой же, я скажу хозяину, что они действительно стоят тех денег, которые он за них платит.

— Да-да, конечно, посмотри. Второй ничуть не хуже, — отозвался Лис.

— Но как так быть? — Фризландец тронул плечо глядевшего мне вслед Лиса.

— Муромец приехал, — неопределенно вздохнул мой друг, разводя руками.

— И что? — обалдело спросил купец.

— Ты шо, совсем?! — Венедин постучал кулаком по лбу. — По слогам тебе повторяю: Му-ро-мец при-е-хал.

— А-а-а, — понимающе закивал северянин. И продолжил, переходя на шепот: — Послушай, я давать две цены плюс еще полцены. Прямо сейчас, не утром. Вот монеты. — Он потряс перед носом моего друга туго набитым кошелем.

— Сказал же тебе — не могу, — досадливо отрезал Лис. — Сам же твердил: слово! слово! Мы уже по рукам ударили. Стало быть, извиняй. Вот сейчас купцов слуга оценит...

Фризландец ловко поймал брошенную ему подачу.

— А если он сказать хозяин, что корабль плохой?

— Ну, знаешь ли, это ты с ним сам договаривайся.

Мы договорились.

Утро началось с грохота в дверь и возбужденного шума голосов на лестнице. Я открыл глаза и, с трудом наводя резкость, бросил взгляд на затянутое бычьим пузырем оконце. Судя по всему, только начинало светать.

— Шо-то я не понял. — Лис, приподнимаясь на локте, начал нащупывать рукоять лежавшего рядом с топчаном меча. — Шо это еще за ранний старт? Кажется, за нами никакого криминала не водится, шоб вот так спозаранку тревожить почтенных джентльменов.

Я прислушался. Постоялый двор, на котором мы остановились, жил своей — и, похоже, весьма бурной — жизнью.

— Лис! — скомандовал я. — Растолкай тех, кого можно растолкать, и готовьтесь к бою. Сейчас! — крикнул я, начиная снаряжаться. — Сейчас открою!

Вчерашнее неподъемным грузом прижимало дружинников к полу, мешая им не то что оторвать голову от свернутых на манер подушки плащей, но даже просто открыть глаза. Пожалуй, радость по поводу продажи кораблей и приобретения оплаченной работы была в алкогольном эквиваленте чрезмерной.

В дверь снова застучали.

— Иду-иду! — крикнул я и, поудобнее перехватив меч, отодвинул засов. — Что надо?

Лестница была забита молодыми людьми приказчицкого вида. Тот, кто стоял ближе всех к двери, явно добившийся столь выгодного положения благодаря недюжинной телесной мощи, затараторил, спеша опередить собратьев:

— Говорят, у вас продается два корабля...

— Уже проданы, — зло бросил я, закрывая дверь перед его носом.

— Здесь тоже проданы! — донеслось из-за двери, и два десятка ног затопали вниз по лестнице.

— Что это было, Капитан? — подходя ко мне, поинтересовался Лис.

— Десяток приказчиков интересовались, есть ли у нас корабли на продажу.

— Ну дела! И чего бы им вчера не прийти?

Я пристально посмотрел на друга:

— Лис, а скажи мне, пожалуйста, что ты имел в виду, упоминая вчера маркиза Карабаса?

— Ну-у... понимаешь... сущие пустяки. — Мой друг скорчил рожу провинившегося ребенка. — Я послал несколько человек, чтобы они побродили по пирсу, поговорили со шкиперами о цене на корабли в этом сезоне. Ну и выразили заинтересованность Ганзы в срочном увеличении своего флота.

Я вздохнул. Скорость распространения слухов в Новгороде была не менее высокой, чем в любом торговом городе.

— Ладно, давай поднимай дружину. Пора собираться на площадь.

— Неужели продешевили, — страдал Лис, размашисто шагая по направлению к площади. — Господи, интересно, а почем корабли сегодня?

— Можно узнать, — отозвался я, подыскивая слова для утешения своего друга.

— Ни в коем случае! — замахал на меня руками Лис. — Если выяснится, шо они сегодня стоят дороже, чем я взял с нашего терпилы, моя жаба примет невиданные размеры.

— Кто? — не понял я. — Жаба — это такая... вроде лягушки?

— Жаба — это вроде полный абзац, — хмуро кинул Лис. — Она нападает и давит, пока дерьмо из ушей не полезет.

Я с сочувствием посмотрел на своего боевого товарища. Чудовища, водившиеся в недрах российской глубинки, похоже, представляли леденящее душу зрелище.

— О, друзья мои! — Хельмут Штолль в окружении своей ободритской стражи уже поджидал нас у тисовых ворот гостиного двора. — Приветствую вас!

Мы с Лисом склонились в низком поклоне, спеша засвидетельствовать почтение щедрому нанимателю.

— Кстати, господа, как у вас обстоят дела с продажей кораблей?

Я услышал, как со скрежетом смыкаются Лисовские челюсти и невольно оглянулся посмотреть, не появился ли вдруг упомянутый Сергеем монстр. Слава Богу, страшилища не было.

— Вчера продали, — поспешил ответить я, искоса наблюдая, как у Лиса отливает от лица кровь.

— Очень жаль, — вздохнул Штолль, — а то у меня есть человек пять отличных покупателей. Дают тройную цену за самую никчемную лохань.

Лис был близок к обмороку. Он сомнамбулически шевелил ногами, продвигаясь вместе с нашей процессией, не в силах сказать ни слова.

— Сегодня с утра все как взбесились, — продолжал благодушно настроенный торговый гость. — Бегают, торгуются, толкуют о каком-то заморском походе, трещат как сороки: «Муромец приехал, Муромец приехал». И мне отчего-то показалось, что все ждут, когда я открою очень важную тайну.

Лицо моего друга приобрело оттенок той самой деревянной мостовой, по которой мы сейчас ступали.

— Что с тобой, Венедин? — Хельмут недоуменно смерил моего друга взглядом с ног до головы. — Ты болен?

— Вино, — не размыкая зубов, процедил мой напарник.

Так и осталось невыясненным, жаловался ли Лис на качество выпитого вчера на постоялом дворе или же, наоборот, просил поднести ему чарку, чтобы обрести силы жить дальше. С площади, бывшей уже совсем неподалеку, донесся слитный рев сотен луженых глоток: «Муромец!!! Муромец!!! Молви слово, Володимир!»

— *Продешевил! Продешевил!* — услышал я причитания на канале мыслесвязи. — *Ну надо же!*

— Послушай, Лис, — пытался успокоить я своего друга, *— всех денег все равно не заработаешь. К тому же зачем тебе их столько? Сегодня-завтра мы набираем достаточно материала для доклада в Институт и отбываем восвояси, сделав всем ручкой. Благо, при помощи Хельмута мы сможем достаточно близко подобраться к главным источникам информации, да и сам факт связи сегодняшнего мероприятия с политикой Ганзейского союза весьма пикантная приправа к нашим непредвзятым наблюдениям.*

— А репутация! — продолжал причитать мой друг. *— Моя репутация! Так лохонуться!* — Отчаяние Лиса было столь велико, что его безмолвный вопль, похоже, заставил обернуться седобородого старца в черно-алом одеянии, опиравшегося на длинный посох.

— Приди в себя, на нас уже обращают внимание.

Ведун перевел взгляд с Лиса на меня и, скривив губы в какой-то странной усмешке, отвернулся.

— Ладно, все-все, проехали. Нет, но так лохонуться!

Сотни людей в кольчугах, колонтарях*, байданах**, а то и в простых тегеляях*** толпились около каменной колоколенки, где в окружении недреманной стражи красовалась святыня и гордость Новгорода, залог его вольностей и прав — гулкий вечевой колокол.

— ...Господин Великий Новгород с Русью испокон веку единой кровью был. Отсюда и Рюрик пришел, и князь Ярослав в трудную годину здесь хоронился. Ежели град Киев — отец иным городам русским, то Новгород, почитай, всей Руси колыбель. — Слова оратора были встречены гулом одобрения.

— Это Гнездило Рогволдович, — пояснил стоящий рядом Штолль, — старшина новгородский.

— Вот и сегодня, — продолжал выборный голова боярского совета, — Новгород в своих стенах собрал честных мужей, для коих кровь и слезы Руси больнее кнута и страшнее мора. И вновь Новгород готов силой, — Гнездило воздел кулак к небесам, — всей мощью своей поддержать славных витязей земли русской в столь трудную годину. И в этот великий день, великий час, — боярин развел руки, словно пытаясь охватить ими всю площадь, — клянетесь ли вы, други, и ты, Володимир свет Ильич, храбрый Муромец, беречь пуще глаза своего права и вольности Великого Новгорода? И в час победы вашей, в память о нашей подмоге, оружною рукой защищать его от злого ворога?

---

* Колонтарь — доспех из двух половин кольчужной сетки, соединенной по бокам и на плечах завязками, скрытыми металлическими пластинами.

** Байдана — доспех, похожий на кольчугу, но кольца более крупные и плоские.

*** Тегеляй — доспех, похожий на стеганый ватный тулуп.

— Клянемся! Клянемся! — ревела площадь, и мне показалось, что, потребуй сейчас боярин у собравшихся после победы совершить церемонию харакири, и в этом не получил бы отказа.

Среди собравшихся у вечевого колокола я давно заприметил человека, которого мысленно окрестил Володимиром Муромцем. Макушкой вровень с рослым новгородским боярином, он был вдвое шире его в плечах, и огромная косматая голова, слегка склоненная набок, чтобы лучше видеть говорившего, производила впечатление какой-то стихийной, несгибаемой, неумолимой мощи, способной двигать горы и останавливать светила в полуденном небосклоне. Я невольно залюбовался матерым человечищем, но то, что произошло далее, повергло меня в шок. Он встал.

Толпившиеся на возвышении люди закрывали от меня богатыря, и мне казалось, что он стоит, слушая новгородского старшину. Так вот, это была ошибка — он сидел.

— Ну ни-че-го себе! — услышал я за спиной восхищенный возглас Лиса, рост которого достигал шести футов шести дюймов. — Это ж как такое уродилось?!

Голова боярина Гнездилы теперь красовалась где-то на уровне груди Муромца.

— Я свое слово уже молвил, — произнес Володимир голосом, которому гулко вторил молчавший дотоле вечевой колокол. — Все права и вольности на Руси и в землях новгородских от века существовавшие — святы. Другого слова у меня нет. Всем вам, други мои, ведомо, чего хочу я — Русь желаю видеть вольну и сильну. А кому из вас невдомек, что лишь в единении сила? Потому зову вас сегодня с собой не на разбой, а на деяния великие. Сегодня с нами в правом деле князья Рюрикова рода: Мстислав Киевский да Святополк Туровский. С утра нынче весть пришла из далекого Галича от князя Данилы, что с нами он. И как мы сегодня под единым великим стягом собираемся, так и вся Русь соберется!

— Стойте, стойте, народ православный! — разнесся над толпой голос, который после рокотания защитника земли русской можно было бы назвать слабым, когда б не перекрывал он ликующий гомон толпы. Расталкивая плечами собравшихся у лестницы, на помост взобрался опиравшийся на пасторский посох старец в черном одеянии и с наперсным крестом, до половины сокрытым окладистой бородой.

— Игумен Филимон из Софии, — услышал я поблизости. — Вот же принесла нелегкая!

— Стойте, православные! — гневно потрясая посохом, вещал игумен. — Разве не знаете вы, на что руку поднимаете? Или неведомо вам, что всякая власть от Бога?

— Не рви горло, отче! — Муромец благодушно усмехнулся и положил руку на плечо священника. Сам, видимо, того не желая, святой отец рухнул на то место, с которого недавно встал Володимир Ильич. В толпе раздался хохот.

— Ну, че лыбитесь? — крикнул Муромец. — Может, из вас кто длань мою выдюжит? — Народ на площади затих, вовсе не горя желанием проводить эксперименты на себе. — То-то. Вот ты, преподобный, говоришь — всяка власть от Бога. И мы говорим — всяка власть от Бога. А вот от Бога ли лить кровушку братскую? От Бога ли деток сиротить да на злой покраже жировать? Молчишь! — В тоне богатыря слышался плохо скрываемый гнев, отчего голос его рокотал как иерихонская труба, и я уже начал опасаться за новгородские стены.

Онемевший игумен, вжавшись в каменную лавку, опасливо глядел на богатыря, словно ожидая расправы.

— Но спасибо тебе, отче, молвил ты слово верное. Братья и дружина! — Муромец вновь обратился к заполнявшим площадь витязям. — Всех тех, кто стоит за власть, что от Бога положена, зову с собой. Пишитесь в дружину мою. И да поможет нам Бог!

— Пиши меня, отец родной! Я, Чурило свет Олегович, витязь киевский, да со мной два десятка гридней*.

— Знамо! Знамо Чурилу! — зашумела толпа. — Славный витязь! Из первых под Луческом был.

— И я с тобой, Ильич! Ждан Светозарович из псковской земли, да со мной два брата и пять воев.

— Любо, псковитянин! По Стелокольне** знамо!

— И меня пиши, — раздалось где-то рядом. — Ропша Хват, да повольников со мной три дюжины.

— Доброе имя! Ту год свесь на Двине бил!

— Ну что, я пошел, — наклонился я к Лису.

— Удачи, Капитан, — прошептал он.

— С тобой хочу идти, Володимир Ильич! Я, Вальдар Ингварсен, сын камваронского ярла. Да со мной Лис Венедин и шесть десятков кнехтов и лучников.

— Знамо! — крикнул кто-то.

— Не знамо!!! — раздалось совсем близко. — Кто таков?

Я увидел, как Муромец устремил взгляд в нашу сторону, однако, похоже, искал он не меня. По-видимому, он нашел то, что искал, поскольку стоявший чуть поодаль Штолль едва заметно кивнул, и вслед за этим Муромец прогудел:

---

* Гридень — воин.

** Стекольна — современное название Стокгольм.

— Ну-тка, расступись, честной народ. Покажись нам, витязь заморский.

Толпа расступилась, давая узкий коридор, и я, поправив свой пурпурный плащ, зашагал к каменному помосту.

— Так вот ты каков, витязь Воледар. Слыхивал о тебе слово доброе. И про то, как ты в чужестранных землях с разбойниками бился, и про то, как вы с Венедином на острове чудо-юдо заморили. Да вот беда, все это невесть где было, а здесь ваши имена мало кому ведомы. Так что если поверит народ слову моему...

— Медведем его испытать! — донесся из толпы тот самый голос, который первым выкрикнул, что я неведом.

— Медведем! Медведем! — радостно донеслось над заполнившей площадь толпой.

— Ну что, витязь, сам слышишь, что народ решил. Согласиться иль отказаться — сам думай.

— *Капитан,* — раздался в голове предостерегающий голос Лиса, — *по-моему, самое время обидеться и послать их самих к медведям. Тем более что начальство вряд ли оценит твое рвение.*

Лис, несомненно, был прав, и мысль попасть в лапы медведю ради десяти — пятнадцати страничек текста, который, возможно, никто никогда не прочтет, меня вовсе не грела. Но опозориться перед таким количеством витязей — нет, уж лучше медведь.

— Ну, — дожидаясь ответа, заторопил меня Муромец.

— А! Была не была! — Я сорвал с головы шапку и бросил ее оземь. — Давайте бурого!

— *Ну вот. Ты опять сошел с ума,* — с безысходным оптимизмом констатировал Лис. — *Капитан, ты думаешь, тебе щас приведут олимпийского мишку и он улетит в свой сказочный лес? Вынужден тебя расстроить: скорее всего это будет особь кило под триста, да еще и кормленная последний раз невесть когда.*

— *Лис, не мельтеши. Все равно уже ничего не изменишь. Постарайся лучше вспомнить, что нам известно о борьбе с медведями.*

— *Медведя лучше всего бить в степи с вертолета,* — хмуро отозвался Лис. — *Ну а если серьезно, брюхо у него слабое, ноздри, задница... Но что это нам дает? Ты представляешь, с какой скоростью эта зверюга машет лапами? Майк Тайсон рядом не угадывается! А на лапах у этой твари, между прочим, не мягкие перчатки.*

— *Ладно, не пугай. Можно подумать, я не представляю, что такое медведь.*

Если бы я даже и не знал ничего о животном, с которым мне сейчас должно было сойтись в поединке, то в эту минуту у меня появился вполне реальный шанс узнать о нем побольше. Словно повинуясь волшебной палочке, толпа раздалась, очищая круг для буду-

щей схватки и огораживая его высокими строевыми щитами, из-за которых торчали широкие наконечники копий. Следом за этим два дюжих молодца вывели на поле битвы косолапого великана, недобро оглядывающего людское море вокруг.

— Ну что, люди добрые, простите, если что не так, — крикнул я, склонившись в поясном поклоне. Скинув плащ, я передал его Муромцу. — Ежели не вернусь, отдай кому пожелаешь, — и, неожиданно размашисто перекрестившись, шагнул в круг.

— Подожди себя хоронить, — донеслось мне вслед.

Наверное, самое худшее у медведей — это выражение морды. Точнее, полное его отсутствие. Замысел любого хищника можно предугадать, глядя ему в глаза. Но только не медведя. Осознав, что сдерживающие его цепи сняты, бурый хозяин леса осмотрелся кругом и, заметив меня, вздыбился, оскаливая пасть и угрожающе рыча. В таком положении он был на полторы головы выше противника и, стало быть, чувствовал себя хозяином положения. Вспоминая выступления на боксерском ринге в Кембридже, я начал враскачку приближаться к косолапому, выбирая удачный момент для атаки.

— *Капитан, ну шо ты пляшешь!* — раздалось в голове. — *Ты его только злишь.*

Очевидно, Лис был прав, поскольку в ту же секунду мохнатый исполин ринулся на меня со скоростью, вовсе неожиданной для столь мощной туши. Я едва успел вжать голову в плечи и опустить ее как можно ниже, когда передние лапы чудовища сомкнулись на моей спине и длиннющие когти заскрипели по кольчуге.

— Держись, Капитан! — заорал Лис, расшвыривая ограждавших круг гридней.

Мир перед моими глазами погас. Через мгновение он появился вновь, но отчего-то лишенный привычных красок. Над головой быстро и оглушительно щелкали медвежьи челюсти, и жуткая вонь из пасти сводила меня с ума. Я зарычал, впиваясь пальцами в мохнатую шкуру зверюги, и она с невероятной легкостью поддалась под моей хваткой. Разъяренная тварь оглушительно взревела и, еще более сжимая объятия, начала наваливаться на меня всем весом.

Что было дальше, я помню с трудом. Возбужденный мозг вспышками выхватывал то колено, раз за разом бьющее в мягкое медвежье подбрюшье, то бросок, когда наваливающийся на меня медведь вдруг, потеряв опору, со всего размаху уселся на хвост и от боли взвыл совсем не по-медвежьи. Я не помню, каким образом мои пальцы оказались в ноздрях лесного чудовища, раздирая их до крови. Я пришел в себя лишь тогда, когда бурая туша, в который раз награждаемая мною тяжеленными ударами в височную впадину, рухнула наземь, увлекая за собой и меня.

* * *

Меня била крупная дрожь.

— Капитан, шо это было? — услышал я над собой голос Лиса.

Я открыл глаза, стараясь разглядеть его. Он был то цветным, то черно-белым. В голове гудело, словно ведьма в дымоходе.

— Я долго бился?

— Бился?! — Изумление Лиса казалось неподдельным. — Да ты его почти разорвал! Секунд за сорок. Абсолютный мировой рекорд!

— Сейчас я умру, — прошептал я, закрывая глаза.

— Э-э, ты мне это брось, — затряс меня мой напарник.

Слова эти были заглушены конским ржанием.

— Володимир Ильич! — услышал я сквозь рвущую сознание тошноту. — Князь Олег Изборский на нас идет! Со всей дружиной!

Глава 4

Скатертью дорога тебе, добрый молодец.

Василиса Премудрая

«То не громы над Псковом ударили, то не молнии сверкнули под Изборском, то ударили витязи русские, то сверкнули мечи их булатные...» Слова эти, распевно произносимые надтреснутым, но сильным голосом, доносились до меня с соседнего возка, сопровождаемые перебором гусельных струн и скрипом множества колес. Воинство Володимира Муромца готовилось всей своей невиданной для Руси мощью обрушиться на одинокую княжью дружину потомка брата великого Рюрика Трувора, не пожелавшего признавать выскочку и онука крестьянского. Клубилась меж вековыми дубами пыль, поднимаемая тысячами коней богатырских на лесных дорогах, катились возы с доспехами и провиантом, шли пешие отряды оружных воев постоять за землю русскую.

Пользуясь временной передышкой, я отдыхал, лежа в возке, все еще окончательно не придя в себя после схватки с медведем.

— Эк тебя плющит-то, — усмехнулся, подъезжая поближе, Лис, уже обретший свою привычную непринужденность. — С чего бы это вдруг?

— Сам бы попробовал.

— А со стороны поглядеть, так явно заказной бой. Секунд десять ты перед ним танцевал ламбаду, а потом, когда мишка решил составить тебе пару, ты на него напал и зверски избил.

— Лис. — Я страдальчески поморщился.

— Шо Лис, ну шо Лис, — издевался напарник. — Я даже тотализатор не успел открыть, как ты его нокаутировал. Ну разве это потоварищески? Будь я режиссером на съемках кина, ей-богу, заставил бы переснимать дубль.

Я вспомнил страшные медвежьи объятия, щелкавшие над головой челюсти, никогда не знавшие зубной пасты, скрежетание когтей по яцериновой* кольчуге и отвернулся, стараясь скрыть вновь подступившую дурноту.

— Кстати, Вальдар, — не унимался венедский зубоскал, — поведай мне в качестве дележа опытом: это ж как нужно схватить бедную тварь, чтобы наковырять в ней столько скважин? Порвал, шо Бобик грелку!

— В каком смысле?

— В смысле шестнадцати дырок.

— Почему шестнадцати? — удивился я, пытаясь поточнее разделить шестнадцать на пять.

— Я почем знаю?! Четыре серии по четыре дырки.

— Почему по четыре?

— Ты меня спрашиваешь?! — возмутился Лис. — Можно подумать, это я ведмедыка закатував. Но дыры очень глубокие. Словно ты его когтями рвал.

— Ничего не помню, — вздохнул я. — Он меня, видимо, лапой по голове зацепил, потому что у меня потом еще полдня картинка мелькала то цветная, то черно-белая.

— Не цеплял он тебя лапой, это я тебе точно говорю.

Я молча пожал плечами.

— Ладно, подследственный, допрос с пристрастием отложим на более позднее время. Вон тебя Кнут разыскивает. — Он хлестнул коня. — Позже договорим.

Преданный слуга Хельмута Штолля, приведший из Старой Руссы в армию Муромца обоз с провиантом, купленный Ганзой, ждал прохождения войск, чтобы отправиться в обратный путь.

— Добрый день, господин рыцарь. — Поравнявшись с моей телегой, Кнут предупредительно поднял свой колпак и состроил такую участливую мину, что стал неуловимо похож на фреску «Дева Мария, скорбящая над сыном». — Хозяин велел узнать, как ваше

* Кольчуга очень плотного плетения.

здоровье. Если вы еще не поправились, он просил передать вам эту мазь на пчелином яде, которая быстро вернет былую силу.

Он склонился ко мне, протягивая опечатанный сургучом глиняный кувшинчик, и, зыркнув вправо-влево, прошептал:

— Хозяин велел вам узнать у Муромца, с чем связана покупка кораблей и собирается ли он идти в поход на Ревель и Ригу. Если да, в Пскове найдите любого ганзейского купца и передайте ему этот кувшинчик для Хельмута Штолля с благодарностью.

— Это все? — отрезал я.

— Нет, — со все той же ласковой интонацией произнес Кнут, поднимая на меня холодный, как балтийская зима, взор. — Хозяин велел вам напомнить, что ваше место не в телеге, а подле Володимира Ильича. Так что выздоравливайте скорее, господин рыцарь, — закончил он значительно громче, выпрямляясь в седле, — герр Штолль надеется скоро видеть вас в добром здравии.

— Але, Капитан! — донеслось до меня. *— Шо хотел этот брат милосердия?*

Я хмыкнул:

— Держись крепче. Главный врач велел выяснить, с чего бы это вдруг в Новгороде начали скупать корабли и не собирается ли наш былинный герой идти войной на Ливонию.

— Не понял. С какого бодуна? — возмутился Лис. *— Что, в Новгороде уже и пару кораблей продать нельзя?*

— Продавать можно. Их тут каждый день продают-покупают. А вот «утка» насчет резкого увеличения флота Ганзы под муромским соусом — это уже был некоторый перебор.

— Кто бы мог подумать, что у местной публики столь нежные желудки? — попытался оправдаться Лис.

— Да нет, с желудками у них все в порядке. Они просто думают в заранее заданном направлении. Посуди сам: у Ганзейского союза сейчас практически полная монополия на торговлю в Балтийском и Северном морях. Их в этом деле поддерживает Тевтонский рыцарский орден, получающий свой процент за охрану и осуществляющий связь между Ганзой и императором Священной Римской империи. Кстати, политика оного весьма во многом направлена на защиту Ганзейского союза. Теперь Ганза вложила, насколько я понимаю, немалые деньги в революцию на Руси. Как мы уже видели, в этом деле на паях участвуют и Господин Великий Новгород, интересы которого во многом совпадают с Ганзой. Но не совсем.

— Что ты имеешь в виду? — серьезно отозвался Лис, выслушивая мои тезисы к будущему докладу.

— С недавних пор у Новгорода появился весьма опасный конкурент — Ливонский рыцарский орден. Принадлежащие ему порты Ре-

вель и Рига значительно более удобные для морской торговли, чем изрядно отстоящий от побережья Новгород. Конечно, Ганза заинтересована подчинить эти земли своему влиянию, но, видимо, этот вопрос для них не первоочередной. А быть может, ганзейцы планируют его решить при помощи Тевтонского ордена. Здесь пока информации ноль, но ясно другое: массовая скупка кораблей — а я так понимаю, что большую их часть скупили новгородцы, — в глазах Ганзы означает только одно — планируемый Муромцем поход на Ливонию. То есть смена Володимиром Ильичем, так сказать, своих хозяев.

— М-да, дела! Ты думаешь, он запродался немцам?

— Если б все было так просто, — вздохнул я. *— Если бы Муромец, как ты говоришь, запродался, вряд ли Штолль нанял бы меня за ним надзирать.*

— Ага, а за тобой он приставил надзирать Кнута, а за ним еще кого-то, и так до бесконечности. Ты же знаешь, торговый люд сидит на бабках, значит, всем верит и никому не доверяет.

— Во всяком случае, пока мы не узнаем, что творится в голове у Муромца, с докладом спешить нельзя.

— Нельзя-нельзя! А ты тогда чего здесь разлегся?! Нашел время помирать! На Гаваях кофе стынет!

Конный вестовой, пролетая вдоль колонны, притормозил скакуна возле моего друга, не давая ему развить свою мысль по поводу горящего отпуска и отлынивания начальства от выполнения возложенных задач.

— Ты будешь Лис Венедин? — поинтересовался всадник.

— С утра, во всяком случае, был, — отозвался командир венедских лучников.

— Муромец к себе кличет. Разговор у него есть.

Муромец поджидал моего напарника, восседая на спине огромного фризландского жеребца, мохноногого, длинногривого, топчущего землю копытами величиной с обеденную тарелку. Насколько я знал, еще десяток таких же, перевезенных специально под его седло, двигались в следовавшем за войском табуне, ожидая принять на себя без малого два центнера богатырского веса.

— Так, значит, ты и будешь Лис Венедин? — Володимир Ильич смерил собеседника долгим взглядом.

— Был, есть и буду, — отозвался мой друг. — А что, есть какие-то иные предложения?

— Да нет, — покачал головой полководец. — Зовись как пожелаешь. Я о другом тебя расспросить хотел. Мне тут сказывали, что той зимой ты невесту князя Олега Ярославовича в Изборск к жениху вез. Правда ли?

— Путают люди. Я не невесту, а ее старшую сестру сопровождал. Аделаиду, жену графа Шверинского. Но на свадьбе, было дело, гулял. Знатное веселье было.

— Хорошо, — перебил его Муромец. — Стало быть, ты и князя, и женку его успел рассмотреть?

— Да так. Кого ж на свадьбе-то разглядишь, чай, не смотрины.

— И то верно, — согласился Володимир Ильич. — Но ты-то лучник, у тебя глаз зоркий, что-то же небось да заприметил? Вот и поведай мне, что за птица князь Олег.

— У-у, батюшка. — Лис задумчиво поглядел в небо. — Орел-птица. Силенок у него, пожалуй, маловато, но когти во все стороны, чуть что не так, тотчас по темечку клюнет. Он же двенадцати лет от роду сиротой остался: псковитяне отца его на копья подняли, когда тот пытался им напомнить, что Псков в землях изборских стоит, значит, князю дань платить повинен.

Сказывают, княжич вместе с батькой был, да каким-то чудом спасся, но отца на рогатинах он воочию видел и псковитянам того не простил. Покуда те мыслью утешались, что княжич годами мал, он собрал верных отцовых дружинников да на переходе из Чудского озера в Псковское перенял торговый караван, идущий с товаром в Псков. Думаю, что те из горожан, кто после этой ярмарки выжил, надолго ее запомнят. Да вот только немного таковых осталось.

— Слыхал я о том сказ, — мрачно кивнул Муромец. — И о том, что ливонцы тем временем Юрьев себе захапали, слышал. Говорят, он после того без малого год Юрьев в облоге держал.

— Держал, — согласился Лис, — да только без толку. Сил-то у ливонцев куда как поболе будет. Хотя, сказывают, страху он на них нагнал немалого.

— Что и говорить, славный князь. Уж, почитай, сколько лет один против Ливонии край земли русской держит. Ведомо мне, первую его жену ливонцы в полон взяли?

— Взяли, — подтвердил Венедин. — Требовали, чтобы он принял вассальную присягу и впредь бы держал свои земли от ордена. Князь их и слушать не стал. Посадил посольство на лошадей задом наперед, ноги под брюхом связал да в таком виде из земли своей и выгнал. Так, сказывают, господа рыцари жену его, дочь полоцкого князя, в каком-то дальнем монастыре гладом и холодом морили.

— А я слышал, будто ее кинжалом закололи, — задумчиво произнес Муромец, похлопывая по холке своего огромного коня.

— Может, и кинжалом, — пожал плечами Лис. — Не в том суть дела. За смерть жены своей князь сторицей заплатил. Сколько замков порушил, сколько маетков пожег — и не счесть.

— Ливонцы, я так понимаю, тоже в долгу не оставались.

— Не без того, — согласился Лис.

— Да, славный князь, — вновь повторил Муромец. — Таких бы поболе. Жаль против него идти.

— А то не жаль! Коли его одолеем, кто границу охранять будет? Мы уйдем — ливонцам дорога откроется: хошь на Псков, хошь на Новгород.

— Верно речешь, Венедин, — задумчиво произнес Володимир Ильич, глядя вперед на колыхающиеся по ветру дружинные стяги. — Я вот что думаю, — продолжил он, устремляя на Лиса немигающий пристальный взгляд, — последнее дело для нас с изборцами биться. Миром все порешить надо.

— И то верно, — кивнул Лис.

— А коли верно, так слушай, — резко бросил богатырь. — Нужен надежный человек, князю лично ведомый, который бы к нему пробрался да растолковал, что нет нам резона с ним воевать. Одно дело делаем. Вот я и думаю: ты с ним из круговой чары пил, на язык, сказывают, боек, до всякого проворства ловок, стало быть, лучшего гонца и не сыскать.

— *Оба-на!* — Голос Лиса на канале связи был полон торжествующего энтузиазма. — *Вот так вот, командир! Пока ты «в каталке бледен, недвижим, страдая раной», я счас на раз, два, три дипломатическую карьеру сделаю. Так что, если оклемаешься, приходи, я тебя по старой дружбе швейцаром устрою.*

— *Да ну тебя,* — огрызнулся я. — *Ты еще никуда не поехал, и уж тем более не вернулся, увенчанный лаврами.*

— *Так это мы быстренько!* — Лис склонил голову перед Муромцем. — Мудро баешь, Володимир свет Ильич. Как ты сказал, так я и сделаю. Проберусь в княжий стан змеей неслышною, передам все от слова до слова. Соловьем разолью сь. Уговорю Олега Ярославовича не обнажать меча против войска нашего.

— Вот и славно. Как только передовые дадут знать, что дружина княжья супротив стоит, пойдешь туда послом.

— С превеликой радостью, — вновь склонился в поклоне Лис.

Однако время шло, а передовые разъезды, посланные Муромцем в поиск, все не докладывали и не докладывали о появлении изборской дружины.

— Не, ну это издевательство, — возмущался Лис, денно и нощно вынашивающий в голове страстные монологи, предназначенные для ушей князя Олега. — Мы на войне или куда? Он полководец или где? Шо он себе думает? Мы уже три дня в пути, а изборским духом даже и не пахнет!

— Вот именно, что полководец, — лениво отозвался я, придерживая Мавра, рвавшегося перейти с шага на рысь. — Наверняка он выступил к Пскову и оттуда послал известие, что идет на нас. Силы у него невелики, но зато они будут свежими, да плюс за спиной мощная крепость. А наше войско порядком утомится в дороге, да к тому же пока оно все дотянется до Пскова, князь Олег успеет разгромить добрую его половину на марше.

— Ну, это еще бабушка надвое сказала.

Я пропустил его фразу мимо ушей. Уже вечерело, и пора было позаботиться о ночлеге. Сказать по правде, меня уже немного утомила необходимость ночевок под открытым небом среди березовых рощ, дубрав, сосновых боров и уж черт знает чего, произрастающего в этих краях повсеместно. Я с грустью вспоминал те времена, когда мне уже приходилось тащиться через всю Русь, точнее, Россию, направляясь в гости к Емельяну Пугачеву, а потом от него, ко двору Екатерины II. Но к тому времени дороги все же обросли постоялыми дворами, селами, да и с городами было погуще, а здесь: леса, леса и снова леса, сколько охватывал взор.

Закончив пререкаться с Лисом, я послал трех всадников подыскать поляну, достаточно большую, чтобы вместить наш отряд. И когда последний луч солнца скрылся за лесом, мы стали лагерем на лесной опушке вблизи ручья, стремительно несшего свои воды к маячившей впереди реке. Направленные за дровами воины вернулись с охапками валежника, кашевары наполнили водой свои котлы, и вскоре стоянка приобрела вполне жилой и даже довольно уютный вид.

Спустя пару часов, когда каша была съедена и котлы вымыты, отзвучали песни Лиса и долгие истории о былых боях и странствиях, над лагерем повисла тишина, нарушаемая лишь богатырским храпом да фырканьем лошадей.

Мы с Венедином сидели у костра, подбрасывая в огонь ветки и негромко переговариваясь.

— Скажи-ка, дядя, — тихо спросил Лис, — сколько, по твоим прикидкам, мы должны еще торчать на моей исторической родине, собирая ягоду-малину для институтского пирога?

— Все зависит от того, на какой уровень информации рассчитывает наше начальство. — Я пожал плечами, продвигая в глубь огня толстую ветку, уже изрядно обуглившуюся на конце. — Ты ж понимаешь, чем полнее будет наш доклад...

— Я понимаю, что для полноты доклада надо пристроиться к Муромцу летописцем. Прямо сказать, я к этому не готов. Уж извини, почерком не вышел. Если командованию нужна установочная информация, значит, сюда хотят посадить стационарного агента. Очень надеюсь, что не нас с тобой. Хотя если вы с присущей вам,

милорд, упертостью соберетесь распутать все узлы местной политики, то наши шансы зависнуть здесь до скончания времен растут, шо цены на нефть. Поверь своему старому боевому товарищу: того, что мы уже нарыли, вполне хватит и на доклад, и на то, чтобы ответить на возникшие у начальства вопросы.

— Хорошо. Какие будут предложения?

— Шо я предлагаю? — Лис поднес к губам сухую лепешку, уснащенную тонкими кусками мяса, целый день просаливавшегося под седлом боевого коня. — Я предлагаю сворачивать наши научные изыскания, и как только Муромец укрепится — а я думаю, укрепится он очень скоро, — рвать когти в Хорезм. Наверняка он пошлет туда посольство, даром, что ли, Ганза в него деньги вкладывает.

Я приготовился было что-то ответить ему, но не успел.

— Э-э-э! Ты куда?! — завопил Лис, подскакивая, едва не споткнувшись о положенное у костра бревно. — Вальдар, скорее, он уходит!

Я развернулся на месте, пытаясь разглядеть, что происходит. Один из моих кнехтов, в оцепенении опустив руки и уронив копье на траву, сомнамбулически передвигая ногами, уходил в лесную чащу.

— А ну стой! — заорал что есть мочи Лис и вдруг осекся. — Вальдар, еще один!

Я перевел глаза туда, где дотоле стоял наш второй часовой. Руки, словно плети, висели у него вдоль туловища, сброшенный с плеча высокий варяжский щит лежал поодаль, копье волочилось вслед за ним по земле. Бравый вояка брел вперед, не разбирая дороги, не обращая внимания на ветки деревьев, хлещущие по лицу, узловатые корневища, прячущиеся в густой траве, да и на сами деревья, преграждавшие ему путь. Он брел, не видя ничего, не слыша окрика, все дальше и дальше в глушь леса.

Вот пальцы его разжались, и он выронил копье. Звук этот, почти неслышный в обычное время, колоколом прозвучал для меня сейчас, выводя из тяжкого оцепенения. Я увидел, как Лис длинными прыжками нагнал первого часового и, ухватив его за плащ, повалил на землю. Воин не сопротивлялся, он лишь пытался встать, снедаемый, казалось, единым желанием продолжать свой безмолвный путь в лесную чащу.

Разбуженные Лисовскими криками, к нам на помощь бежали венедские лучники из ближних шатров и пара моих кнехтов от конского выгона. Я бросился вслед второму часовому, крича что-то очень громкое и понимая, что это бесполезно. Догнать несчастного стражника не составило труда. Я знал его уже более полугода. За это время храбрый и сильный дан, с улыбкой ходивший в атаку и проливающий слезы лишь над тяжкими судьбами героев Лисовских баллад, ни разу не подвел меня. Теперь же могучий воин смотрел

абсолютно пустыми глазами и, едва трепыхаясь, словно ватная кукла на ветру, пытался вырваться из державших его рук.

Подбежавшие кнехты живо скрутили беднягу длинными кожаными ремешками, приготовленными для ожидаемого полона. Он не сопротивлялся, не размыкал уст, чтоб сказать хоть слово, лишь смотрел немигающим взглядом в сторону леса, пытаясь если не идти, то хоть ползти все дальше от костров стоянки.

— Какого лешего! — орал Лис, не жалея луженой глотки. — Что здесь творится?! Эй! — Тяжелой, как дубовая доска, ладонью он начал охаживать кнехта по щекам. Голова несчастного болталась из стороны в сторону, как привязанная, но он словно не чувствовал этого.

— Не зови лесовика, Венедин, — донесся из-за спины негромкий, но оч-чень уверенный голос.

— А ты кто такой?! — подскочил Лис, хватаясь за рукояти своих коротких мечей, закрепленных у пояса и за спиной.

— Яросвет Вещий, волхв. Не зови лесовика, с ним тут легше не станет.

— А ну, блин, почему оставили посты! Шляется по лагерю кто ни попадя! — Моему другу нужно было срочно спустить пар. Не желая связываться с невесть откуда взявшимся магом, он обрушил гнев на нарушителей устава караульной службы.

— Это Лихомань Болотная, — наклоняясь к ближайшему из связанных стражей и проводя руками у него перед глазами, пояснил ведун. — Все, нет больше человека. Выела разум.

— Что еще за лихомань? — насторожился я, внимательно оглядывая долговязую седобородую фигуру чародея, укутанную в черный с багряным подбоем плащ. Мне уже доводилось видеть его в Новгороде на площади перед схваткой с медведем. Похоже, и он запомнил меня.

— Вестфольдинг? — произнес маг тоном скорее утвердительным, чем вопросительным. Я кивнул, и он, словно ставя для себя крест на этой теме, продолжил: — Лихомань Болотная взору людскому невидима, твари живой неведома. Ни на княжьем пиру, ни в девичьей никто не похвалится, что Лихомань Болотную слыхивал да живым ушел. Крадется ее шепот ночью тихою от воды стоячей, от трясины глубокой. Ехидной* злой в уши влезает, сердце холодит и глаз морочит. Кого уж она схватит, никогда домой не вернется: потонуть ему в воде стылой, помереть под замшелою корягой.

От этих слов, произнесенных нараспев, у меня пополз мороз по коже, да и взбудораженный произошедшим Лис притих, слушая

---

* Ехидна — в Древней Руси так называли змею.

речь старца. Окружившие нас ратники и вовсе отступили назад, опасаясь быть свидетелями ведовских таинств.

Закончив негромкую речь, маг поднял руки вверх, воздел очи к звездному небу и что-то быстро запричитал, очевидно, прося у Создателя силы для свершения задуманного. Причитания все ускорялись и ускорялись. Вдруг седобородый старец сорвался с места и начал крутиться волчком, едва не взлетая, поднятый ветром от собственного развевающегося плаща. Вращение прекратилось так же внезапно, как и началось. Ведун остановился. На лице его было то же каменное выражение, с каким созерцал он нас на новгородской площади. Колдун молча поднял свои сухие пальцы, и мы увидели, как между ними проскочила маленькая золотисто-голубоватая молния. Затем он вновь развел руки и соединил их на голове одного из стражников. Раздался треск, тело бедолаги дернулось, и глаза, до того пустые, как пересохшие колодцы, подернулись туманной пеленой.

— Электрошок, — ошеломленно констатировал Лис.

Маг остановился, прислушиваясь.

— Нет, не поможет ему слово царьгородское, — покачал он головой немного погодя. — Не спасут его теперь заклинания. Не быть ему отныне человеком средь людей. Но на душе его покой немятежный. Вот все, чем я ему помочь могу. А вы, — произнес он, повторив свою операцию со вторым нашим товарищем, — велите стражам колотить копьями о щиты, гусельникам да песельникам велите не смыкать глаз до рассвета, а все бряцать по струнам да песни петь. Только в тишине шепот лихоманный слышен. Прощайте, добры молодцы, — тяжело вздохнув, молвил кудесник. — Да не коснутся вас навьи чары. А я по войску разнесу весть недобрую.

Мы собрались было что-то сказать, но лишь сомкнулись уста чародея, как в тот же миг он исчез, и только огромный бровастый филин, захлопав крыльями, ухнул в ночи, проносясь над нами.

Через пару дней и практически бессонных ночей примчавшийся на взмыленной лошади вестовой потребовал Лиса Венедина немедля прибыть к Володимиру Ильичу.

— Ну вот и сыскался пропащий князь, — усмехнулся Лис, натягивая поверх зеленого лесного блио* проклепанную стальными пластинами кожаную куртку-бригандину.

— Ладно, не хорохорься, — перебил я его. — На этот раз ты не в гости едешь.

— Ну, это завтра выяснится. — Лис вскочил в седло.

---

* Блио — род облегающей верхней одежды.

То, что мой верный товарищ не сопровождал отъезд своими вечными прибаутками, могло означать лишь одно: он и сам изрядно волновался.

Вестей от него не было несколько часов. Потом внезапно, слово гром среди ясного неба, заработала связь.

— *Капитан, внимание!* — Голос Лиса был напряжен, от привычной насмешливости не осталось и следа. Судя по картинке, он стоял на берегу лесной речушки, вернее, у брода через нее. — *Смотри.* — Венедин указал пальцем на разбитый коваными копытами выход из воды. — *Здесь недавно прошли всадники, причем, судя по глубине следа, достаточно тяжелые, скорее всего в броне.*

— *Думаешь, засада?*

— *Нет, цыганский хор в доспехах. В общем, так, князь Олег чуток подождет, а я, пожалуй, пройдусь по следу да посмотрю, что там за каравай для нас изборцы приготовили.*

— *Что еще за каравай?* — не совсем понимая, о чем речь, спросил я.

— *С солью. Не перебивай! Я постараюсь пройти тихо. Взгляну и обратно. А ты ступай к Муромцу и сообщи, что у тебя было видение, будто нас ждет засада. Ну, сам придумаешь, не мне тебя учить. Ладно, понеслась душа в рай!*

Лис редко ошибался, когда речь заходила о засадах. Не ударил он в грязь лицом и на этот раз. Роща, в которой скрывался засадный отряд, господствовала над дорогой, располагаясь на пологом склоне холма, заставлявшего псковский тракт в этом месте поворачивать круто влево. Ударь отсюда сильный полк, и голова колонны неминуемо смешалась бы, а теснимая сзади все подходящими и подходящими дружинами, и вовсе могла бы посеять панику в нашем войске.

— *Полторы сотни копий,* — сообщил Лис. — *Причем, судя по вооружению, не конные гридни, а витязи. Это от трети до половины всей княжеской дружины. Не считая, понятное дело, воев, городовое ополчение и посошную рать. А если где-нибудь поблизости еще лучники схоронились, здесь такая кака с маком будет, обхохочешься.*

Насчет лучников Лис оказался прав. Едва успел он передать свои «путевые заметки», как толстая стрела в локоть длиной, вжикнув, воткнулась в ствол дуба, за которым хоронился мой напарник. Отлетевший кусок коры щелкнул Лиса по носу, возвращая от созерцательности к суровым будням.

— *Ну, это слишком!* — Венедин, склонившись к самой холке своего гнедого, хлестнул коня плетью. — *Н-но, выноси, родной!*

Еще пара стрел просвистела над головой сотрудника Института, а одна даже ударила в куртку, и, возможно, пробила бы ее, будь на месте пластин из высокоуглеродистой стали обычное в этих местах железо.

— Засада! — заорал Лис во все горло, пуская коня вниз по склону. — Впереди засада!

Несколько всадников помчались ему вслед, желая настигнуть и схватить лазутчика, пытающегося сорвать их тайный замысел.

— А-да! А-да! — равнодушно вторило Лисовскому крику эхо.

— Вперед! — Я пришпорил Мавра, спеша предупредить нашего полководца о поджидающем впереди сюрпризе. — Вперед! — Мне нужно было мчаться, лететь стрелой, пытаясь хоть как-то помочь моему другу, ибо хотя я знал, что тяжело груженному аргамаку не догнать Лисовского андалузского жеребца-трехлетку, спокойствия мне это не прибавляло. — Вперед! — погонял я Мавра. — Володимир Ильич, впереди засада!

Глава 5

Незачем выбирать из двух зол.
Любая из них годится для изготовления пороха.

Монах Бертольд Шварц

Стяг изборского князя развевался над строем дружины, укрывшейся за тройным рядом заточенных кольев. По всему было видно, что сражение развивается совсем не так, как предполагал противник. Вначале, когда посланная сбить засаду дружина князя Святополка Туровского ударила в копья и, не встретив сопротивления, погнала перед собой изборских витязей, казалось, что враг ошеломлен и даже обращен в беспорядочное бегство. Но видимость была обманчива.

Стоило всадникам засадного полка галопом вылететь из лесу на открытое пространство, как за ними сомкнулись острые рогатки, заранее подготовленные пешей ратью, а с флангов по туровской дружине ударил сам князь Олег с отборным войском. Кто знает, как бы сложилась судьба наших товарищей, не приди им на помощь витязи стольного Киева и повольничья рать славного богатыря Чурилы.

Изборцы, почуявшие было успех, откатились за засеку, готовясь обороняться до последнего, а наши войска все прибывали и прибывали. Я, зная, сколько еще пешей рати следует за передовыми отрядами, отлично понимал, что процесс подхода подкреплений может затянуться надолго.

— Полдень сегодня будет жарким. — Благополучно вернувшийся из «дипломатического вояжа» Лис наметанным взглядом лучника окидывал поле предстоящего боя. — Как думаешь?

Я пожал плечами:

— Дальнейшее стояние играет против изборцев. Перевес у нас едва ли не десятикратный. Пехоте здесь уже не хватает места, еще чуть-чуть, и они волей-неволей начнут охватывать князя Олега с флангов. Это не европейская пехота — вооруженный сброд. Эти знают, что и как следует делать. Я бы на месте князя Олега поспешил отойти к Пскову, пока его не отрезали от крепости. Но в любом случае первый раунд остался за ним.

— Капитан, на этот счет меня терзают смутные сомнения. Ежели у псковитян не случится острого приступа потери памяти, боюсь, вышеупомянутого князя ожидает глобальное разочарование в верности своих подданных.

— Ты думаешь, они спят и видят жить под Новгородом?

Этому вопросу суждено было остаться без ответа. По сомкнутым шеренгам изборцев пробежало какое-то волнение, и спустя мгновение несколько гридней выбежали из строя и принялись раздвигать рогатки, освобождая проход.

— Ну вот, кажется, и дождались, — пробормотал Лис, доставая из сумочки у пояса свечной огарок и что-то невразумительно шепча себе под нос, начиная вощить тетиву лука.

— Здесь что-то не так, — покачал головой я. — Вряд ли они собираются атаковать в колонну по три.

Действительно, расстояние между кольями позволяло проехать не более чем троим всадникам, и то, держась довольно плотно друг к другу.

Рать противника расступилась, из глубины строя на мощном караковом жеребце выехал вперед статный витязь в алом, шитом золотом плаще. Солнечные зайчики играли на его начищенном до блеска зерцале и, даже не следуй за ним знаменщик с княжьей хоругвью, можно было бы с уверенностью говорить, что перед нами сам Олег Ярославович Изборский.

— Что он делает? — негромко проговорил Лис, нервно пощипывая оперение бронебойной стрелы в висевшем за спиной колчане. — На такой дистанции его не то что мои мальчики, его местные ушкуйники из своих самопалов снимут!

Честно говоря, я не видел особой разницы в том, в чью недалекую голову могла сейчас прийти идея пустить стрелу в медленно едущего князя. В одном Лис был прав: и сам владыка здешних земель, и сопровождавший его ближний боярин, и четверо телохранителей, следовавших за своим повелителем, были прекрасными

мишенями для самого посредственного стрелка. Но князь Олег подъезжал все ближе и ближе к середине поля, и ни одна рука в нашем войске не поднялась пустить стрелу в отважного изборца.

— Похоже, он решил вести переговоры, — предположил я.

Караковый скакун князя остановился, и тот неспешно, словно в замедленной съемке, начал обнажать свой меч. По рядам нашего войска прокатился угрожающий гул, и лязг железа подтвердил, что очарование храбростью противника сменилось полной готовностью к бою. Но Олег Изборский не обращал на это, казалось, никакого внимания. Он перехватил меч поперек клинка и поднял его над головой.

— Все же будут переговоры, — произнес я, словно выигрывая у себя беззвучный спор.

— Лиса Венедина к Муромцу! — прибойной волной пролетел от гридня к гридню тихий шепот. — С отрядом.

— Вот так вот, — усмехнулся Лис, — не может без меня Муромец принимать такие ответственные решения. Тут вам не «Ура! В атаку!», тут тонкая дипломатия нужна.

— Иди-иди. И военных атташе своих не забудь прихватить! — напутствовал я его.

— Атташи, как атташи, — возмущенно отозвался Лис. — Не нравится — не кушай! — В любом споре последнее слово должно было остаться за ним.

— Явились по твоему зову, батюшка свет Володимир Ильич! — спустя несколько минут послышалось на канале закрытой связи. — *Что прикажешь?*

— Верно ли мне сказывали, Венедин, что изряднее тебя и твоих стрелков ни по ту, ни по эту сторону Варяжского моря неведомо?

— Бают люди, — скромно потупился мой напарник. *— А я слыхивал, за морем есть такой славный лучник Робин Гуд, вот с ним еще состязаться не довелось.*

— Полно, не до того сейчас. Скажи лучше, в князя и людей его отсель попасть сумеешь?

— Дак!.. — Лис задохнулся от возмущения. *— В любое колечко на кольчуге! В любую заклепку на шлеме!*

— Вот и славно. Сейчас с князем говорить поедем, так ты отряд свой выставь, чтоб и он его видел, да вели всем изготовиться. Коли замыслят недоброе, пусть враз всех на землю положат. Но только чтоб живыми!

Всадники съезжались в недоброй тишине, меряя друг друга отнюдь не радостными взорами. Казалось, было слышно, как сотрясают землю огромные копыта богатырского коня под Муромцем, ря-

дом с которым Лис на своем скакуне выглядел почти как карликовый Дон Кихот рядом с гигантским Санчо Пансой.

— *Здрав будь, боярин Володимир,* — услышал я резкий голос изборского князя. — *Али новгородцы тебе уже и княжью шапку поднесли?*

Сейчас мне впервые удалось увидеть его совсем близко, и я поразился тому, насколько он молод. Даже принимая в расчет суровые испытания, выпавшие на его долю, ему нельзя было дать более двадцати пяти лет. Но чувствующаяся во всем его облике, посадке, манере держаться сила заставляла предполагать, что перед нами противник отнюдь не из простых.

— *И тебе по здраве, честный княже,* — колоколом прогудел Муромец. — *Насчет княжьей шапки было дело, подносили. Да ни к чему она мне. Не новгородские терема да лабазы пришел я защищать, а Русь Великую.*

Я увидел, как удивленно расширились глаза изборца. Словно чувствуя потрясение хозяина, лаком отливающий караковый жеребец под ним заиграл, роя копытом землю.

— *Правду ли баешь, Володимир свет Ильич?* — срываясь на полуслове, с неожиданным волнением в голосе произнес Олег Ярославович. — *Стало быть, не для новгородской земли прибытку ищешь?*

— *Мое слово Бог слышал,* — звучно отчеканил богатырь.

— *Стало быть, есть на свете промысел Господний,* — тихо произнес князь, словно все еще боясь верить услышанному. — *Послушай меня, боярин-воевода, перед Господом тебе говорю: злая кручина у меня приключилась. Покуда я с тобой на сечу вышел, ливонские псы на Изборск нагрянули. Посад на копье взяли. Княгинюшка с малою дружиною в детинце заперлась, да долго им не выстоять. Вот тебе случай постоять за землю русскую. Коли пойдешь со мной в этот час, и я с тобой пойду, куда поведешь. Не изменой злой, ни кривдой слова своего не порушу, рядом буду, пока сам не прогонишь. На том тебе присягаю. А нет, разъедемся, и дай мне помереть на этом поле с честью. Ибо жить мне боле незачем.*

— *С тобой идем, князь!* — громом раскатным рявкнул Муромец. — *Вместе ливонца бить будем.*

Признаться, я был рад, что кровавой сечи удалось избежать. Да и, пожалуй, во всей нашей армии не много бы нашлось людей, недовольных подобным исходом дела. Разве что молодой туровский князь, изрядно потрепанный в утренней стычке, волком зыркал на изборского владыку, жаждая мести. Но приказ был ясен и обсуждению не подлежал. Армия перестраивалась, готовясь выступить в

сторону крепости, которую еще несколько часов назад собиралась отобрать у того, под чьим знаменем сейчас шла.

Пользуясь общим движением, я направил Мавра к Муромцу, подле которого все еще находился Лис. Расположившись на поросшем березняком пригорке, где еще недавно хоронился засадный полк изборчан, военачальники наблюдали, как становятся в походную колонну все новые и новые хоругви.

— Это ж, почитай, сколько здесь будет? — внимательно созерцая представившуюся взору батальную картину, присвистнул Олег Изборский.

— С твоими-то, княже? — отозвался Муромец. — Пожалуй, за две тыщи витязей, да гридней тысяч десять, да воев без счета.

— Великая сила, — негромко произнес князь Олег. — В крепких да умелых руках — мощь несокрушимая.

Я увидел, как недобро глянул на собрата убеленный ранними сединами великий киевский князь. Глянул, но промолчал. Или, может, мне только почудился этот взгляд?

— Подъезжай сюда, Воледар Ингварович! — завидев меня, неожиданно радостно крикнул Муромец. — Ну что, отошли мишкины объятия?

Я почтительно склонил голову, подъезжая ближе.

— Я вполне готов к бою, ваша честь!

— Да ты эти церемонии брось, — махнул рукой Володимир Ильич. — У нас на Руси то не в заводе. У нас витязи все ровня. И не титулами, а лишь славой промеж собой меряются.

— Верно! — радостно поддержал его неожиданно воспрянувший Святополк Туровский.

— Хорошо сказано, — подтвердил изборский князь.

Только Мстислав Киевский промолчал, внимательным взглядом провожая проходящие мимо полки.

— Княже, — к Олегу Изборскому подъехал один из давешних телохранителей, — Ефимка очухался. Велите привести?

— Зови немедля! — прикрикнул на него князь, очевидно, уже давно ожидавший этого известия.

Телохранитель не заставил повторять приказ дважды. Приведенный, высокий стройный юноша лет семнадцати с лицом тонким, почти девичьим, был одет по-походному и покрыт дорожной пылью с головы до ног. По всему было видно, что перед тем, как предстать пред грозные очи князя, он проскакал не один десяток верст.

— Ну, вьюнош, — быстро кинул ему князь Олег, — говори скорее, как дело было?

Юноша обвел глазами собравшихся на пригорке князей и бояр и начал не совсем уверенно, видимо, смущенный многочисленностью и знатностью слушателей:

— Я Ефимий из Ольшаницы, сын, княже, вашего сотского Сергия...

— Говори, как дело было.

— Вчера в день ливонцы, сбив заставу в Ольшанице, с налета взяли изборский посад и теперь в силе великой стоят под стенами детинца.

— В каком числе вороги? — кратко спросил князь Олег.

— До трех сотен рыцарей, да кнехтов с ними четверо к одному. Во главе, видать, сам магистр орденский, Конрад фон Вегденбург.

— Сколько в детинце держится?

— Витязей двадцать, гридней до полуста и так народу оружного сотни с полторы наберется.

— Мало сил, — вздохнул Муромец.

— Даст Бог, выстоят, — хмуро ответил Олег. — Там боярин Александр, он старый вояка.

— Ранен воевода, — негромко произнес Ефимий. — Как ливонцы поперли, он со своей долгой палицей в воротах стал, так от усердия великого палица сломалась. Насилу сам уцелел, едва живого уволокли.

— Плохо, — сквозь зубы бросил князь Изборский. — А ты-то как выбрался?

— Княгиня меня подземным ходом выпустила тебе сообщить. Я у витязей собрал роги гулкие да в ближнем лесу начал трубить, как будто подмога идет. Ливонцы как то услышали, бросились к посадским стенам, ожидая приступа. А тут как раз на звук пяток наших из Ольшаниц подошли. Я им роги передал, велел ливонцев до утра тревожить, а сам к вам поскакал с известием.

— Сам хитрость удумал али кто подсказал?

— Сам, светлый княже.

— Дельно. Что ж, отрок, коли ты такой головатый да хоробрый, при мне состоять будешь. Коня и доспех отважному! А это, — князь снял с шеи драгоценную гривну чеканного золота, — носи в память о подвиге своем.

— Славный витязь будет, — одобрительно глядя на молодого воина, улыбнулся Муромец. — Береги его, князь Олег.

Вскоре объединенные войска уже маршировали мимо стен Пскова в сторону княжьего града.

— Признаться, я рад, что все так закончилось, — произнес я, обращаясь к едущему рядом Лису.

— Да я в общем-то тоже, — вздохнул мой напарник. — Вот только закончилось ли?

Мои брови удивленно поползли вверх.

— Что ты имеешь в виду?

— Знаешь, пока все эти политические терки шли, я бычился на князя, и шо я тебе скажу: у этого мужика здорово пекло под портками.

— Ты хочешь сказать, что он испугался?

— Упаси Бог! Просто ему стало резко не до Муромца, не до Новгорода и даже, по-моему, не до Изборска. Его конкретно интересовала сидящая сейчас в осаде жена и, похоже, ничего более.

— Полагаешь, это хитрость?

— Не все так просто, — отозвался Лис. — Говорил-то он от души, да вот что он через неделю скажет? Дело-то на Руси небывалое: под рукой у боярина из корня крестьянского два Рюриковича и один Трувор. Не слабый расклад, правда?

Я пожал плечами:

— Сколько основателей династий начинали с худшего.

Мне хотелось еще что-то добавить, упомянуть викингов, легко менявших весла на скипетры, но тут мое внимание привлек раскидистый дуб, росший в полуполете стрелы от Псковских ворот. На толстых его ветвях болтались три мертвых тела, и еще две петли, жутко посматривая своими пустыми глазами, с явным нетерпением ожидали приготовленных для них жертв. Несчастные, судя по дорогой одежде, из городской старшины, стояли подле дуба в окружении дружинников, шепча слова последних молитв.

— Что бы это могло быть? — Я указал Лису на творимую поодаль расправу.

— Это? — Венедин поднял руку, указывая нагайкой на орудия казни. — Назидание псковитянам. Покуда их природный князь геройствовал в поле, горожане решили поднести Муромцу ключи от города. Ну, Муромца они не застали, он как раз с их князем на толковище был, зато попали к Святополку Туровскому. Он их по окончании переговоров доставил к Ильичу. Но у него, как водится, с ходоками разговор короткий: как услышал, что именитые граждане псковские город князю новгородскому отдать хотят, так и повелел выдать изменников Олегу. А тот, сам видишь, решил поднять их патриотизм на недосягаемую высоту. А ты что думал, в сказку попал?

•

Расстояние, которое хороший наездник преодолевает часа за три, армия, обремененная обозами и многочисленной пехотой, делает за время дневного марша. Горящий нетерпением князь Олег, оставив пешую рать на попечение новоявленного друга и союзника, во главе старшей дружины спешил к родным пенатам, намереваясь сковать боем негаданных гостей.

— Позволь и мне, княже, идти в бой. Я и побратим мой, Лис Венедин, магистру ливонскому по прошлому году лично ведомы. Мы с ним под знаменами графа Шверинского вместе в Эстляндии воевали. Еже-

ли мы над изборским детинцем свои баньеры развернем, глядишь, Конрад и решит, что госпоже Бригитте от сестры подмога пришла.

— Да как же так быстро-то? — удивился Олег, прикидывая в уме расстояние от Шверина до Изборска.

— Так ведь и магистр, чай, не по небу летел. А слухом, как известно, земля полнится. Тут не важно как, важно, что поспели.

— Хорошо. — Губы Олега Изборского сложились в жесткую недобрую ухмылку. — Так, стало быть, и положим. Ты в детинец пойдешь, а я собак ливонских с палисада подопру. До утра не выпущу, а там и остальное войско подоспеет. Каково, Володимир Ильич? — Князь повернулся к ехавшему рядом Муромцу, вспоминая, что отныне он не совсем волен в своих решениях.

— Умно, — согласно кивнул тот. — Ступайте с Богом!

— И мне позволь, — раздался сбоку из-за спины странно знакомый голос. — Я Ропша Хват, ватажник повольничий. Мне эти места, что своя ладонь, знакомы. Так что ежели только пожелаете, отсюда до самого Изборска лесом короткой дорогой проведу. В треть путь срежем.

— Ступай, Ропша. Да людей своих возьми, — приказал Муромец. — Все подмога крепче будет.

Князь Изборский покосился на повольника, явно не горя желанием открывать ему секрет потаенного хода, но, помолчав с минуту, согласно кивнул:

— Ступайте. Ефимий вас к лазу проведет. А ежели что, с вестью его ко мне пошлите. Он малый ловкий.

Трубы под Изборском не прекращали гудеть всю ночь и нынче весь день. Вначале ливонцы бурно реагировали на них, откатываясь от цитадели детинца и занимая места на стенах посада. Потом, уразумев, что их попросту дурачат, перестали обращать внимание, выслав полсотни кнехтов, чтобы утихомирить невесть откуда взявшийся духовой оркестр. Однако кнехты не вернулись. К тому моменту, когда наш отряд подошел к городу, в его окрестностях собралось до трех сотен посошной рати и воев с окрестных застав. Прихватив с собой тех, у кого были луки, самострелы и пращи, я оставил остальных дожидаться подхода князя и стеречь коней, и поспешил подземным ходом в осажденную башню.

Надо ли говорить, как изумилась и обрадовалась Бригитта, или, как называли ее здесь, Богуслава, увидев среди пришедших на помощь воинов Лиса Венедина.

— Фрау Бригитта, — склонился в поклоне он.

— О Господи! — всплеснула руками младшая дочь графа Мекленбургского, готовясь, кажется, расплакаться от нахлынувших чувств. — Как вы здесь, откуда?

— В данный момент из подземного хода...

— Ливонцы опять идут на приступ! — крикнул кто-то с верхней боевой галереи.

— Прошу прощения, сударыня, — осекся Лис. — Ребята, за работу! Золотой каждому, кто попадет в глазную прорезь рыцарского шлема! По серебряному за каждого кнехта.

— А арбалетчики? — кинул кто-то из столпившегося вокруг отца-командира венедских лучников.

— Хорошо-хорошо, торг здесь неуместен. За каждого арбалетчика плачу отдельно.

Я смотрел на княгиню и понимал, отчего так нервничал князь Олег. Я не большой специалист в этом деле, но, по моим наблюдениям, княгиня должна была родить от силы через месяц.

План ливонцев был ясен. Узнав от соглядатаев о положении фрау Бригитты и о том, что князь Олег собирается выступить против усиливающегося Новгорода, ливонцы решили нагрянуть как раз в тот момент, когда изборская рать схлестнется в сече с новгородской. Кто уж там победит — не важно, а вот вернется князь домой или же нет — вопрос открытый. Но даже если вернется, дружина его будет изрядно ослаблена, а в руках ливонских ревнителей слова Божьего окажется и Изборск, и жена князя с будущим наследником или наследницей престола.

Удобная позиция, с которой можно диктовать условия. Если же вдруг Новгород не станет воевать против Олега, а ограничится одной лишь демонстрацией силы, князь будет вынужден пятиться, опасаясь за тыл. Ливонцы в это время успеют уйти в свои земли, уводя в полон княгиню Богуславу. А там наследника можно воспитать в нужном духе, наследницу выдать замуж, как следует, и, глядишь, прощай гордое изборское княжество, здравствуй, земля новгородская.

— Капитан! — прикрикнул Лис. — Ну, ты идешь или куда?

— Иду, — кивнул я, резко выходя из состояния задумчивости. — Значит, так: сейчас разворачиваем баньеры, пусть Вегденбург на них полюбуется. Позаботься о том, чтобы твои ребята отбили у ливонцев охоту чересчур усердствовать, а дальше я, пожалуй, сделаю вылазку. Пусть им окончательно тошно станет.

— Рискованно, — вздохнул Лис.

— Понятное дело, рискованно. Но ты же меня поддержишь?

— Я-то поддержу, начальство не поддержит. Так что не забудь потом упомянуть в докладе, как геройски прорубился к великому магистру Ливонского ордена единственно с целью взять у него интервью и узнать мнение по поводу состоявшейся в Новгороде тусовки.

— Лис!

— А что Лис, что Лис?! Я уже ушел!

* * *

Работа на боевой галерее кипела вовсю. Насколько можно было судить, многие лучники за последние минуты заработали уже куда больше годового содержания и продолжали класть золотые и серебряные монеты на свой банковский счет. По мере сил с ними состязались местные стрелки, также нанося заметный урон атакующим, хотя и с меньшей виртуозностью, чем знаменитые венедские гвардейцы.

— Похоже, они попятились. — Я указал рукой на изрядно поредевший строй кнехтов, пытающийся укрыться за щитами от губительных стрел, летящих с башни. — Во всяком случае, запал у них уже пропал.

— Запал — пропал! Да ты у нас стихотворец, — не в тему продекламировал Лис.

— Потом! Смотри, видишь во-он ту группу всадников? Если я не ошибаюсь, там сам магистр. Можешь ссадить их с коней?

— Запросто! — гордо заявил Лис, слюнявя палец и поднимая его вверх, чтобы лучше почувствовать ветер. — На коней заявки не было, поэтому, так и быть, займусь сам.

Я хотел еще что-то сказать, но вдруг чье-то массивное тело рухнуло на меня, сбив с ног.

— О черт! — Хозяин тела стремительно вскочил на ноги, подбирая выпавший самострел. — Вот же сучий сын! — Он развернулся к бойнице, возле которой стоял я, и выпустил вниз стрелу. Высунувший было голову из-за высокого щита арбалетчик рухнул наземь, закрывая руками лицо.

— Ропша, ты ранен? — крикнул один из изборцев.

Арбалетный болт, пробив висевший за спиной повольничьего ватажника щит и кольчугу, торчал у него в плече.

— Пустое! — яростно сверкая глазами, процедил Хват. — До тела не достал.

Он вновь заложил стрелу в самострел. Я мысленно представил себе траекторию полета торчавшего в плече моего товарища болта и с необычайной ясностью понял, что, не окажись Ропша на его пути, эта зловредная деревяшка вошла бы мне куда-нибудь между височной впадиной и носом.

— Спасибо тебе, дружище! — кинул я, хватаясь за древко, пробившее щит моего спасителя.

— Пустое! — еще раз крикнул он, поворачивая ко мне искаженное лютой яростью лицо. — Даст Бог, еще сочтемся.

Со стороны леса вновь раздались гулкие звуки рога.

— Я же приказал не трубить! — нахмурился я.

— Это не наши, — прислушавшись, покачал головой Ефимий из Ольшаницы, стоявший рядом с луком в руках. — Это князь Олег с дружиной.

Рога трубили под Изборском и в эту ночь, а утром перед глазами ливонцев предстало многотысячное воинство земли русской, пришедшее навести порядок в своих пределах. Такого поворота событий седой волк Конрад фон Вегденбург никак не ожидал. И, видимо, именно поэтому парламентер, приближавшийся к башне детинца, ступал медленно, словно втайне надеясь, что страшное марево развеется и под стенами Изборска не будет великой армии, ждущей у выбитых ворот посада заветного сигнала, чтобы положить в сыру землю потрепанную шайку «слуг Господних». Но марево не исчезало. Дойдя наконец до башни, парламентер с неохотой постучал в ворота и развел руки, демонстрируя изготовившимся за стенами защитникам, что он безоружен.

— Что надо? — донеслось до него из зарешеченного окошка, открывшегося в воротной калитке.

— Мой господин, великий магистр Ливонского рыцарского ордена, Конрад фон Вегденбург, желает знать...

— Где сидит фазан, — прокомментировал услышанное стоявший рядом со мной Лис.

— ...Верно ли, что в замке находятся шверинские рыцари Вальтер фон Ингваринген и Лис фон Венедин?

— Ну, дык!.. — Лис поправил несуществующую бабочку под подбородком. — Ясный пень! — С ролью «рыцаря фон Венедина» мой друг справлялся, прямо скажем, слабовато.

— Я, Вальтер фон Ингваринген, слушаю тебя, — как можно грознее рявкнул я из-за ворот.

Удовлетворенный этим ответом парламентер склонил голову и продолжил далее:

— Мой господин, благородный магистр фон Вегденбург, желал бы вступить в переговоры с посланцами графа Шверинского, с которым у нас, как вам достоверно известно, уже который год союз, по поводу заключения почетного мира и оставления под гарантию нашей безопасности Изборска на выгодных для вас условиях.

Мы с Лисом переглянулись.

— А шо, — Лис толкнул меня локтем в бок, — мне Шверинский еще за последний месяц денег торчит.

— Ладно, — махнул рукой я, — поиграем. Я, Вальтер фон Ингваринген, говорю вам, что пришел сюда как союзник князя Изборского, а также воеводы новгородского и всех тех, кто с ним, как-то:

князь Киевский, князь Туровский и прочие. И ни о каких переговорах без участия оных не может быть и речи.

Посланец в скорбном молчании выслушал эту весть и произнес, выдавливая из себя каждое последующее слово:

— В таком случае великий магистр Конрад фон Вегденбург уполномочил меня заявить, что он и все, кто стоит под его рукой, согласно традициям рыцарства, желают сдаться вам и просят принять их под свою защиту. А также назвать сумму и условия выкупа.

Глава 6

Измотав противника беспорядочным бегством, окончательно деморализуем его безоговорочной капитуляцией.

Полное собрание секретных директив Генштаба.
Том 3, стр. 29

Мы ехали мимо неприступных стен Изборска, с интересом наблюдая изменения, случившиеся в местном ландшафте за прошедшую ночь. То есть нет, с ландшафтом все было в порядке, лес не стронулся с места, и высокий холм, на котором возвышался Изборский кремль, не провалился под землю, но теперь его окрестности украшало множество ям в пояс глубиной, возле которых аккуратно лежали длинные, остро отточенные колья. Можно было бы подумать, что, готовясь к осаде крепости, наши войска решили обезопасить свои позиции несколькими рядами волчьих ям, но в одном месте эти колья уже были использованы, не оставляя ни малейшего сомнения в их назначении.

Пятьдесят кнехтов послал Конрад фон Вегденбург расправиться с лесными трубачами. Большая их часть нашла конец среди чащобных буреломов и болотных трясин. Те же, кто выжил, красовались теперь на кольях, наводя ужас на ливонцев. Это было то, что видели с утра они и не видели мы. То, что подвигло великого магистра сдаться, ища спасения от страшной участи.

— Ну, каковы мошенники! — возмущался скачущий рядом Лис. — Блин, обвели, шо бублик дырку! Теперь, значит, нам разбираться с князем Олегом, а они, мать их за ногу, в плену по рыцарским традициям. Чик-трак, я в домике.

Я ехал молча, вспоминая знакомство с фон Вегденбургом. Тогда я еще только начинал свое восхождение к ступеням трона графа Шверинского, доказывая мечом, что лучшей кандидатуры на должность начальника охраны ее сиятельства не может и быть. Граф Генрих все никак не мог прийти к этой мысли, а потому безо всякого зазрения совести посылал меня в самые глухие углы, где его недреманное око находило политическую выгоду Шверина. На это раз его указующий перст направил меня в сырую, как тюремный каземат, Эстляндию на помощь завязшему в распрях с местным населением Ливонскому ордену.

Здесь все было понятно. Поскольку император всячески поддерживал тевтонских рыцарей, граф Шверинский, глава Лиги северных баронов, всецело помогал их ливонским собратьям. Породнившись с мекленбургской династией, смешавший в своих жилах кровь великого Генриха Льва и ободритских князей, он имел весьма широкие виды как на баварское наследство супруги, так и на славянские земли балтийского побережья. Впрочем, земли, населенные не славянами, его интересовали не менее, поэтому Вальдар Ингварсен, или, как называли меня на немецкий манер, Вальтер фон Ингваринген, с десятком рыцарей и двумя сотнями кнехтов в один прекрасный день высадился в Ревельском порту, чтобы выполнить интернациональный долг перед союзной Ливонией.

Надо сказать, высадились мы весьма своевременно, ибо оказались единственной боеспособной частью в руках магистра и сразу были брошены в бой. Именно в этот день в Ревель пришло известие, что язычники, видимо, с целью обсудить некоторые щекотливые вопросы богословия, захватили рижского епископа Альбрехта со свитой, в благочестивых размышлениях свершавших инспекционную поездку по своей епархии.

Епископа мы отбили. Хотя, прямо скажем, я был несколько удивлен количеством ратного снаряжения, захваченного непочтительными эстами у благочестивого пастыря. Наградой за «великий подвиг» было благословение его преосвященства и личная признательность фон Вегденбурга. Знал бы он, при каких обстоятельствах нам доведется встретиться вновь!

— Слушай! — Голос Лиса прервал мои воспоминания. — Ливонцы тебе одному сдались или нам обоим?

— Ну, спрашивали и тебя, и меня...

— Значит, обоим. Тогда давай так: чур, рыцари твои, а кнехты мои. Идет?

— Пожалуйста. Но зачем тебе это?

— У меня есть мысль, и я ее думаю. — Лис поднял вверх указательный палец.

* * *

— Ну, молодца! Ай молодца, медвежатник! — Муромец радостно хлопнул меня по плечу, и я с тоской понял, что предложение выдержать на плече длань богатырскую не было пустой похвальбой. Хлопни он чуть сильнее, и попросту сбил бы меня с ног. — Целое войско в полон взял.

— Ваша честь, Володимир Ильич, — склонив голову, начал я, понимая, что разговор предстоит не из легких. — Великий магистр и его люди сдались мне по рыцарскому обычаю в обмен на слово сохранить им жизнь.

— Чего-чего-чего?! — Сидевший за столом князь Изборский резко поднялся, опрокидывая лавку. — Да тебе-то самому кто ее сохранит?

— Не горячись, княже! — поспешил урезонить его Муромец. — Витязь перед тобой, а не смерд.

— Сии лихие разбойники в моей земле пленены. И только я здесь суд и расправу чинить могу. А я уже слово свое сказал: всех псов поганых на кол. А магистра, в память о жене моей первой, в его туртурах замученной, конями рвать велю, да притом под пузом огонь разложивши.

Я невольно содрогнулся жуткой участи, ожидавшей фон Вегденбурга.

— Прежде вам придется убить меня, — произнес я как можно более спокойно, кладя руку на эфес меча.

— Да ты!.. — Князь рванул свой клинок из ножен.

— Постой! — в полный голос рявкнул на него Муромец. — Сей человек не щадя живота своего город твой отстаивал, жену твою, что в утробе дитя носит, а ты на него мечом машешь?! Срамно, княже!

— Ливонцы должны быть казнены! — мрачно отрезал князь, возвращая оружие в прежнее положение. — Таково мое слово!

— Здесь каждый имеет слово, — медленно проговаривая каждый звук, произнес Мстислав Киевский, до того молча наблюдавший за скандалом. — Витязь Воледар как рыцарь графа Шверинского шел, ему ливонцы и сдались. И ты, князь Олег, до них теперь касательства не имеешь.

— То хитрость была!

— Но ты на нее пошел. Стало быть, либо против собрата своего измену учиняешь, либо же нас всех, единым войском за тобой сюда пришедших, позорить хочешь. Или же и то и другое сразу.

Олег Изборский скрежетал зубами, сжимая пудовые кулаки. Святополк Туровский, недавно переступивший порог двадцати лет, с неподдельным изумлением следил за схваткой этих ярых хищни-

ков, готовых разорвать друг друга с одной лишь целью — не уступить последнего слова.

— Князь Мстислав правду бает, — сказал Володимир Ильич, опуская на столешницу свою широченную ладонь. — А я еще добавлю. Хорошо, положим, казним мы ливонцев, орден от того не сгинет. И двух лун не сменится, как у них новый магистр будет. А казни лютой они вовек не забудут. Чуть с силами соберутся, у тебя под стенами стоять будут.

— Ништо! — прорычал, не разжимая зубов, князь Олег. — Чай, не впервой, отобьюсь.

— Оно бы, может, и отбился, — согласно кивнул Володимир Ильич, — когда б в городе был. Да ты мне слово давал княжье, что коли мы с тобой пойдем, так и тебе с нами до конца идти. Час настал. Судьба Руси не под воротами Изборскими решается, и ты, князь, с разумом твоим вострым да рукой могучей, далеко от сих мест нужен будешь. Кто ж тогда город твой отстоит?

Олег побледнел, чувствуя, в какую ловушку загнал себя.

— Эти земли так обильно кровью нашей политы, что здесь, того и гляди, трава червонная из земли потянется, — задыхаясь от гнева, проговорил он. — А вы говорите, злодеев с миром отпустить?!

— О том речи не было, — покачал головой Володимир Муромец. — Но нынче мир в этом пределе дороже мести. В твоей воле сейчас того добиться. Магистр за свободу и жизнь свою на все пойдет.

— Пойти-то пойдет. Да вот, как Бог свят, обманет.

— Коли тевтонцев в свидетели взять, — с задумчивым видом произнес Мстислав, глядя куда-то в пространство, — то, глядишь, и не обманут. Они спят и видят, как у соседа кусок послаще отхватить. А что до крови, то где ее на Руси не пролито?..

— А ты себе Юрьев назад запроси, — ни с того ни с сего хмыкнул Святополк Туровский.

— И запрошу, — сверкнул недобрым взглядом князь Олег. — Моя это земля. Испокон веков русская.

— Попроси, попроси, глядишь, и выпросишь, — съязвил Святополк.

— Что?! — взревел Изборский, вновь хватаясь за меч.

— Остудитесь, князи! — гаркнул доведенный до белого каления Муромец. — Сцепились, что дети малые!

Такие споры продолжались еще часа два. Особую пикантность им придал невесть откуда взявшийся представитель новгородской старшины, улучивший момент, чтобы затребовать возмещение военных расходов Новгороду. За ним о финансовой стороне вопроса вспомнили и пришедшие на помощь Изборску князья, и дело рисковало потонуть в спорах, словно мышь в сметане, когда б не покон-

чил с ними единым махом взбешенный уже до крайности могутный богатырь Володимир Муромец, выдавший наконец на-гора окончательную формулировку наших требований. Уж и не знаю, кого она удовлетворяла целиком, но прения по этому вопросу были закрыты раз и навсегда.

Лицо Конрада фон Вегденбурга, выслушивающего условия возвращения на родину, на глазах меняло цвет от буро-красного до мертвенно-белого и далее, вплоть до густо-фиолетового. Я уже начал опасаться, что старого вояку сейчас разобьет паралич и все переговоры пойдут насмарку, но Конрад мужественно выдержал час своего унижения и, едва не отдав Богу душу от напряжения, выдавил: «Согласен».

— Лишь один вопрос, — добавил он, когда я уже развернулся, чтобы довести эту новость до ушей нашего командного состава. — Вальтер, как рыцарь рыцарю, ответьте, сколько же войска собирался Новгород послать в Ливонию морем, если столько прислал сюда?

Я едва сдержался, чтобы не расхохотаться. Стало быть, вот оно что! Опасаясь морского десанта, ливонцы нанесли опережающий удар по Изборску, чтобы выйти на границы новгородской земли и оттуда, из подбрюшья, угрожать коварному противнику форсированным маршем под его стены. Да, заварил Лис кашу — ничего себе, продал пару кораблей!

— Не менее этого, — обнадежил я магистра.

Стоя на стене, я наблюдал, как в гнетущей тишине покидают Изборск последние ливонцы. Великий магистр и его окружение, дожидавшиеся в городе, пока вернется посланный в Юрьев гонец с приказом очистить крепость, теперь возвращались восвояси, сохранив по условиям договора оружие, доспехи и знамена.

— Капитан, ты слышал, як ци кляти ливонцы именуют наш Юрьев? Де-е-р-п-т. — проговорил Лис, строя при этом невыносимо мерзкую рожу. — Повбывав бы!

— Кстати, забыл тебе сказать. Конрад и, как я понимаю, весь ливонский капитул тоже купились на твою шутку с кораблями. Они, как и Хельмут, полагали, что Новгород собирается отобрать у них балтийские порты.

— М-да, неудобно как-то получилось, — вздохнул Венедин, изображая на лице притворное раскаяние. — Но зато каков кусок на зубок будущему Олеговичу или, может, Олеговне. Это вам не хухры-мухры, крепость, не надо баловаться! А насчет ливонцев, ты думаешь, они бы без этой корабельной «утки» на Изборск не полезли? Как же, как же!

Я пожал плечами и отвернулся, вновь глядя на дорогу, по которой уезжали последние рыцари.

— Да шо там, Капитан, не журыся! Усе наладится! Ты мне лучше скажи, тебе твою часть контрибуции отсыпать или, может, лучше я ее себе оставлю? Сохранней будет.

— В каком смысле — контрибуции? — Я повернулся к другу, моментально теряя интерес к отъезжающим ливонцам.

— В смысле аннексии. Короче, деньги тебе давать или ну его?

— Лис, — я угрожающе застучал пальцами по каменной кладке стены, — какие деньги? Что ты еще учудил?

— Я учудил?! — возмутился Лис. — Считай сам: коней на шестьдесят рыл... хорошо, пятьдесят восемь, купить надо было? Надо. Возов пять штук, тоже, кстати, не святым духом движимых, фураж, провиант, стрел опять же запасных... За все ж плати! От наших кораблей кошкины слезки остались. Как ни крути, на дорогу не хватит.

— Ты мне не о том толкуешь, — прервал я финансовый отчет моего предприимчивого друга. — Ты насчет контрибуции, пожалуйста, расскажи.

— Уже. Шепнул я по секрету кому следует, что за умеренное вознаграждение могу замолвить словечко, чтобы их отпустили, так сказать, с честью. Ну, вот они и скинулись, кто сколько смог. Сам же видишь, я их не обманул. — Венедин указал на уже едва видные фигурки рыцарей. — Впрочем, повернись все по-другому, они б на меня тоже долго не обижались, кольев, наверное, на всех бы хватило. А с другой стороны, сам посуди, я своим ребятам обещал призовую стрельбу, значит, хошь разбейся, а злато-серебро вынь да положь. Вот я вынул и положил. Только с кнехтами беда.

— Что еще с кнехтами?! — встревоженно спросил я, вспоминая, что эта часть пленных была отпущена в Ливонию на третий день нашего сидения в Изборске без особых проблем. — Что ты с ними сделал?

— Побойся Бога, ничего! Ты мне эту часть полона отдал?

— Отдал.

— Потом по договору их отпустили?

— Отпустили.

— Но снаряга-то трофейная — моя?

— Ну.

— Что «ну»? Вот я ее обратно магистру и втюхал. Торговался, кстати, скотина, шо ломбардский купец! В конце концов — во, залепуху выписал.

— Что? — не понял я.

— Чек на предъявителя в контору Рыцарей Храма Богоматери Горной. Кстати, ты не знаешь, Хельмут нам его не сможет обналичить? — Лис задумчиво поскреб шевелюру.

* * *

Новгород радостно встречал героев. Кожевенники и сапожники, бронники и златокузнецы, пекари и сбитенщики толпой валили поглядеть на овеянных славой героев, в пешем и конном строю проходящих по улицам города. Даже рать князя Изборского, совсем недавно послужившая причиной всеобщего переполоха, удостоилась своей порции восторженных воплей и подброшенных в воздух шапок. Готовясь к дальнейшим походам, армия размещалась в городе и его окрестностях, ожидая команды опять выступить в путь. Оккупированный нашим отрядом постоялый двор едва ли не круглосуточно осаждали разбитные местные молодки, сводя почти на нет попытки поддерживать дисциплину в войске.

— Любовь стирает все границы, — входя в штабную комнату, безапелляционно заявил цветущий как майская роза командир венедских лучников. — Особенно любовь к дензнакам.

— Что еще стряслось? — Я настороженно посмотрел на друга, недоумевая, по какому поводу случился с ним столь внезапный приступ лиричности.

— Я тут Кнута на улице встретил, он интересовался судьбой какой-то баклажки и просил тебя занести ее нынче же господину Штоллю. Очень, знаете ли, тот без нее скучает.

— Понятно, — скривился я, осознавая, что ганзейский «развед-центр» требует отчета о проделанной работе. — Это все?

— После того, как будет все, нас сразу похоронят. — Лис явно был в хорошем настроении. — И Ильич велел тебе зайти к нему. Так что сам решай, пойдешь ты сейчас сдавать стеклотару или общаться с начальством. Но я бы тебе рекомендовал начать с посуды, потому как у Ильича сейчас ходоки засели, да так, что дым столбом, венцы буквально на хоромах поднимаются.

— Что такое?

— Полный ататуй. Старшина рвет Володимира на части, примерно как милейшей души князь Изборский собирался порвать ливонского магистра.

— Что им еще не слава Богу?

— Я тебе могу назвать с ходу три «не слава Богу». «Не слава Богу» Псков, который пытался перейти под руку Новгорода с известным тебе результатом; «не слава Богу» Изборск, который остался в руках прежнего хозяина; и уж совсем «не слава Богу» Юрьев — это их вообще довело до истерики, шо Мак-Лауд кукушку. Ну, Ильич их, понятное дело, посылает сексуально-пешеходным маршрутом, но, блин, я тебе скажу: по ближайшим улицам сейчас лучше не ходить. Звуковая волна коней о заборы плющит.

Мысленно я поблагодарил заботливого товарища за предупреждение и, разыскав в походном тюке присланную Штоллем емкость с остатками целебной мази, вздохнул и отправился с докладом.

Герр Хельмут поджидал меня в горнице за столом с яствами заморскими да вином сладким.

— Угощайся, — уговаривал он, пододвигая ко мне то одно, то другое блюдо. — В походе-то, чай, так не кормили. Вот вина испробуй. — Он наклонил над моим кубком отливающий рубиновым блеском кувшин, покрытый тонкой восточной насечкой. Из носика кувшина полилась густо-красная жидкость. — Из Святой земли вино, — не унимался радушный хозяин, — «Кармель».

Мне едва удалось удержаться от тяжелого вздоха при упоминании о Святой земле. Насколько я помнил карту, от горы, на которой произрастал виноград, идущий для изготовления этого вина, до вожделенной камеры перехода было всего-то около ста миль.

— Я так рад видеть тебя в добром здравии. — Хельмут поставил кувшин на стол. — Как сказывают, ты отличился в боях с ливонцами.

— Да что там за бои, — махнул рукой я.

— Ну-ну, не скромничай. — Тон ганзейца был мягок, но настойчив. — Говорят, тебе сдалась целая армия. Сам ливонский магистр.

— В этом нет моей особой заслуги. — Я пожал плечами. — Либо в плен ко мне, либо на кол к князю Олегу.

— Стало быть, магистр тебе жизнью обязан? — патетически произнес мой собеседник. — Но это же великолепно!

— Кто знает, — уклончиво ответил я.

— Послушай, друг мой, я вот что вдруг подумал... У меня появилась для тебя работенка. Кстати, отлично оплачиваемая.

— Но у меня уже есть работа, — флегматично ответил я, созерцая потолочные балки. — Прекрасная работа.

— Это ты о Муромце, что ли? — Хельмут улыбнулся. — Я слышал, с ней твой побратим славно справляется. Он почти безотлучно нынче при Володимире. Тут же дело совсем другое. Так, пара пустяков. Да и времени займет немного. Пока Муромец в Новгороде стоять будет, ты уже со всем и управишься.

— О чем речь-то?

— Да вот думаю, будь, скажем, я знатным рыцарем, а ко мне пришел человек, который мне жизнь спас, и сказал, что его друзья желают со мной встретиться и предложить мне некое выгодное дело, то я бы, наверное, его послушал.

Предложение было высказано несколько витиевато, но вполне доступно.

— Я у магистра Дерпт отобрал. Да и выкуп взял немалый, — ничтоже сумняшеся заявил я, вспоминая о чеке, всученном мне перед отправкой к купцу Лисом. — К тебе вот шел, думал, может, ты мне его в монету обернешь?

Долговая расписка легла на стол перед купцом.

— А, — грустнея, начал Штолль, принимая из моих рук документ. — Сколько?!

— Ну, понимаешь, на весь выкуп у него не нашлось наличности, — вздохнул я, и мой собеседник окончательно понял, что показываться на глаза великому магистру ближайшие годы мне нельзя.

— Да на эти деньги можно снарядить небольшую армию! — покачал головой он, сам не подозревая, насколько был близок к истине. — Нет, таких денег я тебе сразу дать не могу. Если хочешь, дам тебе треть суммы, а остальное перепишу расписками Ганзейского союза.

— Да ладно, — махнул рукой я и, попивая вино из бокала, задумчиво добавил: — Той половины, что заплатил Вегленбург, на жизнь пока хватит, а там, глядишь, в Империю соберусь.

Трапеза продолжилась, но прежнего вдохновения в речах Штолля уже не было, и из гостиного двора я вышел, как и вошел, тайным агентом службы охраны защитника земли русской, славного богатыря Володимира свет Ильича, по честному прозванию Муромца.

— Заходи, садись, — хмуро кинул Муромец, едва я переступил порог его светлицы.

— Ваша честь.

— Оставь, Воледар, — страдальчески взмолился богатырь. — Меня уже сегодня от всех этих чествований и поминаний с души воротит. — Муромец передернулся, как медведь, стряхивающий вцепившихся в шерсть шавок. — Юрьев им подавай! За порты ливонские войной иди! Пиявки ненасытные. Ладно. — Он махнул рукой. — О другом говорить хочу. Решил я тебя, Воледар Ингварович, воеводой сделать.

— Воеводой чего? — удивился я.

— Ну уж не ангелов небесных! Будем делать полк иноземного строя. Из Сурожа отряд пришел в четыре сотни пеших, и вашего брата рыцаря в Новгород наехало за три десятка, да твои с Лисом-лучником люди — вот тебе и полк наберется. Ежели еще чего желаешь, проси, дам. Ну, конечно, без запроса.

— Ропшу Хвата с повольниками добавь, — недолго подумав, сказал я.

— Славный воин, — одобрил мой выбор Володимир Ильич. — Бери. Да в краткое время полк мне сделай, а то я этих генуэзцев знаю: они в атаке бойки, да на бег еще бойчее.

— Что ж им дома-то не сиделось? — усмехнулся я, представляя, в какую даль пришлось тащиться тяжелой генуэзской пехоте.

— Дома-то им сиделось, да дома не осталось, — вздохнул Муромец. — Из степи Орда пришла в силе великой, пожгла город в пепел. Того и гляди, на Русь нагрянут. Сам Бог велит князьям удельным кулаком держаться. А они... А-ай! В общем, полк мне сделай. Вот только времени у тебя нет. Недобрая весть нынче пришла: нет на князей ни узды, ни угомона! От Владимира, Суздаля, Рязани да Ярославля князья на нас походом идут. Стало быть, на третий день против них выступаем.

Быстрым шагом ступал князь Всеволод Владимирский по земле русской, барсом хищным, легкой птицею. Сыновья с ним шли со дружинами, да бояре шли с воеводами. Становились они у Днепрареки, против берега высока его, где стояла уже рать великая Володимира — ясна сокола, сына храброго Ильи Муромца...

Марш-бросок восточной княжеской коалиции, как окрестили мы в заметках к докладу князя Всеволода с сыновьями, закончился у переправы через Днепр во владениях смоленского князя Василько. На противоположном берегу его уже ждала армия Муромца, усиленная подошедшими дружинами Михаила Полоцкого, первого тестя Олега Изборского, и отрядами из Чернигова, Переяславля и Новгорода-Северского.

Князь Василько, и в лучшие времена не блиставший особым мужеством, увидав, какие силы собрались на бой в его земле, заперся в Смоленске, заявляя, что, невзирая на брак с Людмилою Всеволодовной и двоюродное братство с князем Мстиславом Киевским, ни тех, ни других поддерживать не намерен.

Но день сменял день, два лагеря стояли по берегам реки, время от времени лениво перекидываясь стрелами да распекая друг друга ругательно. Василько начал уже присылать бояр своих в шатры военачальников, чтобы узнать, кто заплатит за потраву лугов да порубку лесов, а армии все не трогались с места.

Более всех в нашем войске по этому поводу сокрушался князь Мстислав Киевский, отбросивший обычную хладность и с пеной у рта ежевечерне твердивший на военном совете, что покуда не вырублен будет Всеволод с семенем его, не будет мира и покоя на земле русской.

— Стоять! — цедил меж зубов Володимир Ильич, исподлобья тяжелым взглядом смеривая собравшихся князей. — Русскою кровью русские мечи поганить — последнее дело.

В его словах, несомненно, был резон. Стояние продолжалось, и, пожалуй, не было часа, чтобы в лагерь Муромца, по одному и груп-

пами, не доставляли приплывших с другого берега перебежчиков, желавших сражаться под знаменами Муромца за единую Русь. Вначале это были простые вои, затем появились гридни, потом по одному потянулись витязи. Поток их не ослабевал ни днем, ни ночью.

Пользуясь временной передышкой, я муштровал свой полк, стараясь добиться максимальной слаженности в действиях.

— Первая линия арбалетчиков, залпом пли! Заряжай! Вторая, в линию заступи! Пли! Заряжай! Страивай ряды! Господа рыцари, вас прошу, как только ряды строятся, атакуйте в интервале между ними. Кто свою пехоту давить будет, самолично голову сниму!

Недовольный ропот слышался из ряда благородных рыцарей, искавших удачи в ее рублевом эквиваленте в землях дикого северного соседа.

— Нас с чернью равняете?! — выразил всеобщее мнение самый бойкий, с тремя серебряными ракушками, увенчанными серебряными же крестами в червленом поле щита. Я промолчал, не желая вдаваться в дрязги.

— Лис, ты свою работу знаешь. Наиболее буйные на тебе. С нашей стороны — тоже.

— А то! — осклабился Лис. — Кого прикажешь, того и сделаем.

— Ропша. — Я повернулся к повольничьему ватажнику, ждущему указаний во главе своей вольной братии.

В этот момент кусты на берегу зашевелились, вызвав неподдельный интерес двух сотен лучников и арбалетчиков, не считая всего остального вооруженного люда, отделенного от указанного места несколькими десятками шагов.

— Не стреляйте! — послышался из зарослей сдавленный голос. — Я не лазутчик! — На полигон на четвереньках выполз ладный парень в мокром исподнем. — Я Корней Изяславич, сын боярский из Рязани. К Муромцу с вестью иду.

— Что за весть? — Я скептически окинул мокрую фигуру гонца. Тот замялся, не зная, достоин ли собеседник высокого права выслушать порученное ему сообщение. — Ну, говори! Что, язык проглотил? Воевода перед тобой.

Малый вздохнул, понимая, что новостью все же придется поделиться, в противном случае путь к Муромцу может затянуться на неопределенное время.

— Дело тайное, — приближаясь ко мне вплотную, прошептал он едва слышно. — От князя Андрея Рязанского я послан.

— Ну? — поторопил его я.

— Князь Андрей велит передать, что желает с дружиной своей перейти под славные знамена защитника земли русской — Володимира Ильича Муромца. Просит час и место назвать, куда ему с войс-

ком идти можно. Да на кресте клятву дает, что нет у него злого умысла на измену тайную.

Я хмыкнул, услыхав слово «измена», но, сурово сдвинув брови, кинул перебежчику:

— Ладно, пошли. Лис, ты за старшего.

В шатре было, как обычно, людно.

— А, Воледар, заходи! — заметив меня, радостно поприветствовал Муромец. — Новость последнюю еще не слышал?

— Нет.

— Суздальский князь на нашу сторону переходит. Со всей дружиной.

— Надо же! — изумился я. — А у меня к тебе тоже дело образовалось.

— Что еще? — нахмурился Владимир Ильич.

—Да так. Сын боярский из Рязани к нам переметнулся. С теми же вестями.

Последним на высокий берег Днепра перебрался старый князь Всеволод. Он медленно ехал на коне впереди своего войска, низко опустив голову и искоса бросая взоры на выстроившиеся для парада дружины сыновей-отступников и давнего своего смертного ворога Мстислава Киевского. Поравнявшись с могутным полководцем, восседавшим на огромном жеребце, он снял с пояса меч свой заветный вместе с ножнами и протянул вчерашнему противнику.

— Присягаю тебе на верность, Володимир свет Ильич, царь земли русской, — тихо сказал он. И слова эти, произнесенные едва слышно, донеслись до каждого стоявшего на днепровских кручах набатным звоном.

Глава 7

Изведал враг в тот день немало,
Но нашим тоже перепало.

Вывод племянника

Три огромные скалы вздымали к небесам свои могучие гранитные торсы. Здесь, среди степи, они казались вросшими в землю чудовищными титанами, сраженными молниями богов в битве бессмертных во времена древние, как сама эта земля.

— Знаешь, — Лис помешал веточкой угли костра, — я как-то еще не готов к тому, чтоб моя черепушка, пусть даже и оправленная в серебро, служила пиршественной чашей на ханском пиру. Да и перспектива поработать основанием для помоста, на котором господа ордынцы буду устраивать свои половецкие пляски, меня тоже отчего-то не греет.

— Половцы-то как раз на нашей стороне, — поправил я своего друга.

— Сногсшибательно радостная новость, — фыркнул Венедин. — Кстати, если ты вдруг запамятовал, могу напомнить, что в том мире, откуда мы родом, они тоже были на нашей стороне. Чем это закончилось, рассказать?

Я отрицательно покачал головой, глядя в огонь. Две недели назад половецкое посольство в прямом смысле слова рухнуло к стопам Муромца, заливаясь горючими слезами, вырывая волосы на всех приспособленных для этого участках тела и ища помощи и защиты от безудержной, как степной пожар, Орды.

Полчищем саранчи шла Орда, шла, сметая все на пути, сгоняя с мест свирепых кочевников, становящихся при их приближении куда как более миролюбивыми и сговорчивыми. Объединенная общей бедой, невиданная прежде на Руси громадная рать, включавшая княжеские дружины и многочисленные конные отряды половцев, двинулась навстречу Орде к Сурожскому морю, величаемому иначе Азовским. И вот нынче войска встретились на реке Калке, готовясь вступить в решительный бой.

— Честно говоря, — возбужденно жестикулировал Лис, — я не вижу особой разницы между тем раскладом, что был у нас, и этим. Там собрались князья, которые с нескрываемым интересом наблюдали, как рубят в капусту их соседей, а тут эти самые князья того и гляди пришлют ордынцам подкрепление один против другого. Охренеть, какая разница! Те же яйца, только в профиль.

Я печально вздохнул. Слова Лиса были, несомненно, чистой правдой. Быть может, прими Володимир Ильич тот самый царский титул, которым не так давно наградил его Всеволод Владимирский, беды можно было бы избежать. Царь, перед которым все равны, хоть на какое-то время смог бы заставить своевольных князей действовать на благо единого дела. Пока же единство княжье простиралось не далее, чем достигал грозный взор очей Муромца, и уж неведомо, сколько засапожных ножей точилось глубокими густыми ночами в ожидании заветного мига вонзиться в спину брата своего.

— Не царского венца ищу! — зубром ревел Володимир Муромец на каждом военном совете. — Но лишь земле русской добра и мира.

Князья внимательно выслушивали его, согласно кивали, но тут же, едва оставшись наедине, вновь звали его на царствие, суля златые горы и великие выгоды.

— Бывал я у императора западного и у императора восточного, — увещевал их Муромец, — нигде царствие мира не дает.

Князья вновь согласно кивали, о чем-то шушукаясь промеж собой и кидая в спину богатыря отнюдь не ласковые взоры.

— Ладно, Лис, все это крайне познавательно, но положение не меняет. Завтра будет драка, так что давай подумаем, что можно сделать в этой ситуации.

— Ага, — довольно бросил Лис, — как в том анекдоте. У нас есть два выхода: либо сдернуть отсюда до того, как все начнется, либо стоять грудью и остальными частями тела за землю русскую. Если мы сдернем — понятно, а если нет — тогда как?

— Тоже два выхода: либо подчиниться диспозиции, которую планирует Муромец, либо подсказать ему другой план.

— Ты имеешь в виду что-то конкретное или...

— Или. Мне просто не нравится вариант, который он задумал.

— Вариант как вариант, — пожал плечами Лис. — Не хуже, не лучше других.

— В принципе да, — согласно кивнул я, — но в данном случае он не пройдет. Вот смотри. — Я забрал у Лиса ветку, которой он мешал уголья, и, разровняв золу у кострища, начал рисовать. — Большим полком командует сам Муромец. Там у него Новгород, добровольцы...

— Знаю-знаю, дальше.

— Хорошо. Полк правой руки — это Киев и иже с ними. Полк левой — Всеволод с сыновьями. Олег Изборский со своим тестем в засаде. Мы — в резерве. А вместо передового полка Муромец решил выдвинуть завесу из половецкой конницы.

— Ну и что тебе не нравится?

— Да, считай, все. — Я прочертил стрелку от костра к линии, изображавшей половецкую завесу. — Вот отсюда Орда нанесет свой главный удар. Как обычно, это скорее всего будет атака плотной кавалерийской массой, засыпающей противника градом стрел. За то время, что ордынцы будут сближаться с русскими боевыми порядками, они выпустят в нашем направлении где-то до трех миллионов стрел.

— Это верно, — вздохнул Лис. — Не прицельно, но густо. От трех до десяти стрел с одного выстрела. В кого Бог пошлет.

— Муромец считает, — продолжил я, — что половцы свяжут татар перестрелкой и конным маневром, а в это время сильные крылья нашего строя, — я ткнул палкой в полки правой и левой руки, — начнут тяжелой кавалерией зажимать ордынцев в тиски. Мы же с князем Олегом в нужный момент довершим дело.

— Ну?

— Из этого плана ни черта не выйдет! — Я перечеркнул плоды своих художеств. — Половцы побегут, как только Орда надавит посильнее, готов держать пари на что угодно. Я видел их глаза, и в них ужас, который они никогда дотоле не испытывали. Так вот, завеса непременно побежит. И побежит она как раз на русские боевые порядки. Что сделают при этом наши «сильные крылья»?

— Отступят, открывая дорогу половцам, — сокрушенно вздохнул Лис.

— Абсолютно верно. А вслед за ними — и татарам. Таким образом, большой полк вместе с Муромцем окажется окружен, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— И что же ты предлагаешь? — произнес мой напарник после пятиминутной паузы.

— Пока не знаю, — печально констатировал я. — Одно могу сказать точно: половцев разумнее всего было бы поставить не впереди строя, а в тылу. Да еще приказать убивать всякого, кто попытается удариться в бега. Благо, им не впервой.

— Ты что же, — Лис удивленно расширил глаза, — решил заградотряды ставить?

— Называй как хочешь. Но в тылу они принесут больше пользы, чем вреда, а в случае успеха, поверь мне, они не упустят шанс поквитаться с татарами по полной мерке. Насчет же князей, как утверждают китайцы, «те, кто сражается в окружении, не думают о бегстве».

— О-о, китайцы — это сила! — с деланной серьезностью сказал Лис. — Правда, Орда их уже заровняла, шо газон, — но сила! Ладно, положим, кочевников мы загнали за спину, а впереди тогда кто?

— Пока не знаю, — печально сознался я.

— То-то же, — резюмировал мой друг, и мы, обменявшись понимающими взглядами, воззрились туда, где посреди нашего лагеря за импровизированной ширмой непобедимый Петрушка побивал бутафорской дубиной злого тряпичного татарина.

— Тебе не удастся сбить меня с коня! — грозно вещал голос кукловода в момент, когда послушная движению пальцев марионетка наносила очередной удар. — Я так давно не мылся, что уже неделю не могу отлипнуть от седла!

— Слушай! — Лис хлопнул себя по лбу. — А это идея.

Я уставился на напарника, недоумевая, чем вызвана столь бурная реакция на плоские шуточки кукольника.

— Ты предлагаешь сходить искупаться? — подозрительно посмотрев на него, спросил я.

— Это все не то, — отмахнулся Лис. — Внимай и вынимай, в смысле, извлекай рациональное зерно. Ты что-то там говорил о ки-

тайцах. Так вот, я где-то читал, что один из китайских деятелей учудил следующую шутку: когда у него в отряде закончились стрелы, он наделал соломенных чучел и ночью выставил их перед позициями врага, имитируя атаку. Враг, не будь дурак, засыпал атакующих стрелами. Деятель велел изъять их из чучел, а утром его лучники возвратили их со словами благодарности.

— Мысль хорошая, — усмехнулся я, понимая, к чему клонит Лис. — Но там была ночь...

— А у нас есть маг. И я буду очень удивлен, если он не сможет придать соответствующие очертания нескольким сотням специально обученных чучел.

— Какой маг? — переспросил я, едва успевая следить за стремительной мыслью Лиса.

— Ну, помнишь, который на подходе к Изборску пальцами искрил? Наших электрошоком вырубил? Он постоянно при Муромце толчется. Так я думаю, Ильич одолжит нам его для благого-то дела.

Я вспомнил ночную сцену у безвестной речушки. И... Я подскочил как ужаленный:

— Лис, ты гений!!!

— А были сомнения?

— ...Так вот что я думаю, друг мой любезный Мстислав Игоревич. Предложения, что император нам шлет, весьма лестные, и Русь от них много пользы иметь может, — услышали мы с Лисом, заходя в «царский» шатер. — Стало быть, — продолжил Муромец, — жди, князь, сватов да принимай их как подобает. Сам я за них тебе слово молвлю.

— Слово твое, Володимир свет Ильич, мудрое. Да только к чему о том речь вести? Завтра сеча злая, река кровью потечет. На утро живы ли будем? Из боя выйдем, там и глянем, — негромко и, как всегда, отчетливо отвечал князь Мстислав Киевский. — Коли за нами победа останется, отчего ж мне перечить? Сын императора Фридриха — партия хорошая для моей Аленки. Ну а коли изменит удача, не до пиров будет, не до свадеб. — Князь поднялся с места и, едва кивнув нам, произнес: — К дружине пойду, Володимир. Ночь все темнее, а поутру великое дело делать будем. Отдохнуть бы.

Мы чуть посторонились, пропуская мимо начальника полка правой руки и, дождавшись, когда Муромец останется один, поясно поклонились военачальнику.

— А, побратимы, — устало вздохнул Ильич. — С чем пожаловали, молодцы?

— Соображение тут имеется, — промолвил Лис с той хитрой интонацией, какая появлялась у него всегда в подобных случаях.

— Что ж, внемлю вам, излагайте. — Муромец оперся рукой о стол и приготовился слушать.

И мы изложили. Володимир Ильич внимательно выслушал наши выкладки, временами усмехаясь и оглаживая ладонью густую бороду.

— Дельно. Зело дельно. Со стрелами хитро удумали. Да вот только что же получается: половцы за нашими спинами весь бой отсидятся, а мы за них свои головы сложить должны?

— Володимир Ильич, — я лихорадочно начал подыскивать слова, способные убедить полководца в моей правоте, — половцы удар конницы татарской не снесут, они отродясь таких ударов не держали. Они хороши в догоне да в ближней сече. Вот их как раз в догон и надо будет пустить, коли нам удастся с татаровей гонор сбить.

Муромец согласно качнул головой.

— Мудро баешь. Да твои-то ганзейцы, поди, тоже пятками засверкают.

— И пусть себе сверкают, — вставил Лис. — То хитрость будет. Этот блеск глаз ворогу застит, нам же оно только на пользу.

— Четыре сотни пеших генуэзцев не пять тысяч конных половцев. Эти дальше строя щитов не убегут. А вот половцы, как Бог свят, ряды смешают. Ну а коли будет Господня воля, так мы отвадим татарву в гости ходить не спросясь.

— И быть по тому, — подытожил Муромец, расплываясь в улыбке. — Ох хитры, побратимы! Ох хитры!

В этот момент пола шатра распахнулась, и мы с Лисом тут же, с места наповал, лишились дара речи. Низко нагибая голову, чтобы не цеплять поднятую кольями кожаную крышу, в ставку вошел Муромец, только в талии поуже, лицом помоложе да бородой покороче. В руках у него было нечто, покрытое персидским ковром, напоминающее по очертаниям клетку для гигантского попугая. Впрочем, термин «гигантский», очевидно, не совсем уместен, когда речь шла о чем-либо, связанном со столь выдающимся представителем рода человеческого.

— Илюшенька свет! — сорвался со скамьи наш славный полководец. — Здрав будь, сынок.

— И тебе поздраве, батюшка! — Младший Муромец аккуратно опустил клетку наземь и устремился в широко раскрытые отцовские объятия.

— Вот, други мои, — обрадованный Володимир Ильич гордо хлопнул свою помолодевшую копию по плечу, — сынок мой, Илюшенька. — И тут же теряя к нам интерес, вновь повернулся к сыну: — Что ж ты так долго-то?

— Так ведь, знамо дело, далек путь сюда от Ульяниной слободы. Да и с тварью особо не разбежишься.

— Как там она? — переходя на деловой тон, спросил старший.

— Тварь-то? Да что с ней станется! Жрет за троих, гадит за пятерых... тьфу, нечисть, одним словом.

— А посвист-то не ослаб?

— Какой ослаб! Возы груженые переворачивает. Намедни вон вола на дуб зашвырнул, так еле стащил.

— Ну, вот и славно. Стало быть, други, подмога вам будет. Ну что, Илюшенька, пойдешь в передовой полк?

Молодой Муромец широко улыбнулся, словно получив долгожданный подарок:

— Ну дык, за честь почту, батюшка.

— И тварюку с собой бери. Только приладь ее получше, чтоб наших не посшибала.

В лагерь мы возвращались втроем. Лис, без умолку засыпавший нового сотоварища уверениями в том, как много слышал о нем лестного, вогнал молодого Муромца в такое смущение, что тот лишь бормотал, потупясь:

— Да ну, то батьковы дела... А то дедовы... А я-то?

Из клетки, прилаженной за спиной богатыря, время от времени слышалось не то ворчание, не то злобное подвывание.

— Цыть, погань несытая! — рявкал Илюшенька, хлопая ладонью по скрытой ковром клетке. — По мордам захотел?

Мы с Лисом переглядывались, недоумевая, чем вызвано столь нелюбезное отношение к загадочной зверушке.

Костры нашего лагеря были уже совсем близко, когда зоркий Лис, приложив козырьком ладонь к глазам, бросил удивленно:

— Шо-то я не понял. Князь к нам какой-то в гости пожаловал или шо?

Я всмотрелся в ночную тьму и также увидел то, что вызвало недоумение моего друга. Недалеко от одного из наших костров на превосходном белом аргамаке восседал витязь в драгоценном цареградском доспехе, в алом с золотой каймой плаще и шлеме с золоченой личиной. По мере приближения мы имели возможность убедиться, что все остальные предметы убранства как всадника, так и его коня были под стать ранее увиденному.

— Это ж кого к нам занесло-то? — поинтересовался Лис у лучника, замаскировавшегося средь каменной осыпи у одной из скал-великанов. Тот, не смыкающий глаз в карауле, ткнул пальцем в витязя:

— Этот-то? Это Эрхард из Вагры. Только что из дозора вернулся, говорит, на берегу нашел. Да и остальные подтверждают.

— Странное дело. — Лис удивленно смерил взглядом счастливца, гарцевавшего на белоснежном жеребце. — Шо это еще за подарок фронту?

— Может, утоп кто, раз на берегу-то валялось? — предположил Илья.

— Может, и утоп, — медленно проговорил Лис. — Да только среди княжьих коней и доспехов я что-то такого не помню. А эдакого богатства, шо шила в мешке не утаишь.

Мы подъехали поближе к костру, и псевдокнязь, увидевший приближавшихся отцов-командиров, радостно поспешил к нам похвалиться своей необычной находкой. Я уже собрался выслушать рассказ удачливого Эрхарда, когда внимание мое привлекли всхлипы и стенания, раздававшиеся где-то рядом. Но стоило мне открыть рот, чтоб скомандовать невесть откуда взявшемуся нытику предстать пред мои очи, стоило удобнее перехватить плеть, чтоб высушить его слезы, как вдруг увидел нечто, весьма хлипкими узами связанное с представлениями о роде человеческом. Скрюченный в три погибели мужичонка, грязный и смердящий на все лады, с волосами длинными, нечесаными, свалявшимися в колтуны, брел через наш лагерь, низко склоня голову и рыдая безутешно.

— Юродивый какой-то прибился, — заметив мое удивление, пояснил один из генуэзцев. — Гоним его, гоним — не уходит.

Существо, которое язык не поворачивался назвать человеком, хромая сразу на обе ноги, подбрело к костру, и тот внезапно вспыхнул, зашипел и потух.

— Дьявол его поймешь, что такое! — выругался генуэзец. — Вот, весь вечер так: то горит, то гаснет. Дрова здесь, что ли, какие-то не такие?

— Черт! — услышал я неожиданный вскрик одного из воинов, попытавшегося вновь раздуть пламя. — Искра в глаз попала!

— Эй, ты кто? — заметивший приблудившегося юродивого Лис преградил ему дорогу.

Мужичонка вжал голову в плечи, словно ожидая удара, и опасливо поднял на моего друга глаза, вернее — один глаз, поскольку второй был закрыт уродливым бельмом. Лис отпрянул так, словно перед ним был не убогий калека, а уж как минимум трехглавый Змей Горыныч собственной персоной. Впрочем, в подобных случаях Лис проявлял куда как большее самообладание.

— Это... — Тут Венедин ввернул слово, которое, насколько мне удалось узнать русский сленг, напрямую было связано с деторождением, вернее, с его женской составляющей.

— Что? — Я непонимающе воззрился на своего друга, ожидая, пока система «Мастерлинг» выдаст мне точную смысловую версию данного выражения.

— Что-что, пес о пяти ногах! Это ж Лихо Одноглазое, Горе-злосчастье. За кем оно увяжется, тот с бедою породнится. Да уж и вок-

руг всем достанется на орехи. — Лис тряхнул головой, словно отгоняя морок, и заорал что было сил: — Вали Эрхарада! Раздевай! Кто себе что оставит, тому руки отрублю!

Услышавший команду дружинник мгновенно обнажил драгоценный харлужный меч и, сверкнув безумным взглядом из-под личины, прорычал:

— Всех раскрошу! Не дамся!

Он, может, и исполнил бы свою угрозу. Даже генуэзские щитоносцы, привыкшие к атакам тяжелой кавалерии, отчего-то вдруг попятились от него, словно и не человек перед ними был вовсе, а идолище поганое. Да не суждено было ему. Врезался в грудь Эрхарда пудовый пернач, висевший дотоле у седла Ильи Муромца, и слетел витязь наземь, точно куль с песком, безмолвно да бездыханно.

— Раздевай! — командовал Лис. — Коня лови! Вяжи юродивого!

Последнее было тяжелее всего. Невзирая на хромоту, немощь и согбенную спину, Лихо Одноглазое прыгало из стороны в сторону, гася костры, переворачивая котлы, топча навощенные древки стрел, сметая на своем пути все, подобно ветру пустынь самуму. Бог весть сколько бы еще носилось Горе-злосчастье по нашему лагерю, когда б не уткнулось вдруг в круп коня-великана Ильи Муромца. И в тот же миг обмякло оно, осело, превращаясь вдруг в несчастного калеку, слезливого юродивого.

— Обрядите-ка нечисть в ее обноски, посадите на козла ее драного да гоните в степь! — командовал Илья Муромец. — Будет от нас Орде подарочек. Да радуйтесь, други мои, что малой бедой отделались.

Он был прав, нам оставалось только радоваться да приводить в порядок пострадавший от нашествия бивуак. Слушая, как ругается на чем свет стоит Лис, я смотрел на скрывающегося в степи белого аргамака, несущего на спине обряженного в златые доспехи плюгавого мужичонку со страшным именем Лихо Одноглазое, Горе-злосчастье. И чудилось, что мчит конь-огонь вольным ветром, стрелою оперенной, да только скачет притом и впрямь по-козлиному. Хотя чего ни привидится в такой час...

Остаток ночи был заполнен бурной деятельностью. Казалось, люди, проведшие на марше столько дней, передохнув всего несколько часов, были вновь бодры и готовы броситься в бой очертя голову. Особая людская порода, сплотившая всех здесь присутствующих в едином строю, заставляла их, как само собой разумеющееся, стремиться превзойти друг друга в отваге и стойкости, невзирая на усталость, боль и тому подобные «досадные мелочи». Куда до этой армии было всем прочим, пришедшим ей на смену, состоящим из разного сброда, согнанного под знамена нуждой и палкой и обряжен-

ного в военные мундиры! Быть может, и был прав хитроумный Талейран, бросая историческое: «Война — слишком серьезное дело, чтобы доверять ее военным». Но когда за дело берутся штатские, внезапно выясняется, что честь и доблесть не окупают себя.

Пока же все были заняты своим делом. Генуэзцы, венеды, повольники, обмениваясь скабрезными шуточками, понятными любому и каждому из них, несмотря на языковые барьеры, сооружали чучела из шестов и соломы, снабжая их при этом порой весьма пикантными добавлениями, символизирующими незаурядное мужское достоинство. Те же, кому не довелось заниматься такой своеобразной заботой о пополнении наших рядов, бегали с бурдюками за водой к Калке и, возвращаясь, навешивали наполненные чрева на соломенных новобранцев.

— От жажды не помрете, — шутили они, удобнее закрепляя бурдюки.

За гранитными великанами оборудовали позицию рыцари со своими отрядами и мои даны. В скальных осыпях скрывались от людских глаз Лисовские лучники и прикрывавшая их повольничья ватага Ропши, командующего полком в наше отсутствие.

Готовясь к завтрашнему дню, я прилег вздремнуть у костра и все еще слышал сквозь сонную пелену, как хлопочут о чем-то Лис с Ильей Муромцем.

— Нет, так нельзя. Эдак он веером половину отряда сметет.

— А ежели так?

— Так от скалы фонить будет...

Разбудил меня Венедин.

— Вставай, Капитан, — тряс он меня за плечо. — Маг пришел. Объясни ему, что нужно делать.

Мои объяснения, похоже, немало удивили вдохновенного кудесника, но, прикинув что-то в уме, он сообщил, что все задуманное нами в принципе возможно, хотя и потребует от него изряднейших затрат магической силы. Но, впрочем, и от всех нас грядущий день требовал того же.

Ордынцы появились, лишь только рассвело. Они шли с юго-востока, точно подгоняемые в спину солнечными лучами, катились прибойной волной, готовой затопить обреченный берег. Летевший впереди них грохот копыт вселял в робкие сердца смертельный страх, в отважные — пьянящую радость предстоящей битвы.

Но полноте, много ли было робких сердец по эту, да и по ту сторону приазовской степи, обреченной ныне стать полем боя...

Затрубили над русским войском звонкие рога, ударили бубны, развернулись над полками хоругви со святыми ликами, грянула над

рядами копейными то ли песнь, то ли молитва, и слов-то не разобрать, а до сердца, до печени пробирает.

— Глянь, Воледар Ингварович! — крикнул стоявший рядом Ропша, указывая рукой на степь. — Орда-то впереди себя Перекати-поле гонит.

Я уставился в ту сторону, куда показывал Хват. По степи, гонимые неведом ветром, едва пригибая траву, катились, скакали, прыгали шары размером чуть больше футбольного мяча. Темно-бурые, как будто из грязной соломы, но, по всему видать, живые.

— Эка напасть! — пробормотал Ропша. — Может быть, чародея покликать, чтобы он их огнем спалил?

— Сами справимся, — кратко бросил я, понимая, что магу надлежит беречь силы до решительного момента, и делая для себя заметку, что неведомые мне дотоле существа боятся пламени. — Арбалетчики! Греческим огнем по Перекати-полю прицельно пли!

Привезенные с собой генуэзскими пехотинцами стрелы огненного боя сделали свое дело, изрядная часть мерзких тварей разлетелась в пылающие куски при их попадании. Но далеко не все. Остальные же, докатившись до стены щитов, ударились о них и... начали вгрызаться в обтянутую проклеенной холстиной деревянную твердь.

— Рубите! Рубите их скорее! — благим матом заорал Ропша. — Не то сейчас новые народятся!

Команда эта была излишней, и без того неведомая напасть была встречена ударами мечей, топоров и копий. Но разделаться с ними было не так-то просто. С неожиданной легкостью они откусывали наконечники копий, взлетая на высоту первой линии щитов, катились по поднятому второму ряду и скатывались туда, где красовались прикрытые волшебной личиной чучела с наполненными водой бурдюками вместо тел. Не делая особой разницы между тем, что жрать, твари запустили зубы в бурдюки и тут... одна тварь, разбухнув, шлепнулась наземь и расплылась мерзкой бурой лужей, вторая, третья...

— Вот это да! — переводя удивленный взгляд с поверженных в грязную слизь Перекати-поля на меня, проговорил Ропша. — Эка воды-то набрались!

Я промолчал, указывая ватажнику в степь, откуда, пользуясь нашим смятением, накатывалась лавина легкой кавалерии ордынцев.

— Арбалетчики! Залп! Первая шеренга — заряжай! Вторая, в линию заступи! Залп!

Град стрел тарахтел по выстроенным в «черепаху» щитам. Иные же, перелетев, вонзались в соломенных воев моей дружины, разя их наповал. Не знаю, смотрел ли еще когда-нибудь военачальник с такой радостью на побивание своего воинства, как глядел я. Вода хле-

стала из пробитых бурдюков, превращая в огромную болотистую лужу позицию нашего полка. Колья, копья, которыми были вооружены воинственные пугала, рушились наземь, образуя причудливые рогатки и ловушки. Все шло так, как я и предполагал: генуэзские арбалетчики прекрасно знали свое дело, и вскоре по полю перед нами носились десятки потерявших всадников коней. Татарская конница, смешавшись, поспешила обратиться в бегство, демонстрируя полное нежелание продолжать бессмысленное кровопролитие.

— Никак бегут? — удивленно промолвил Ропша, глядя в спину улепетывавших татар.

— Бегут-то бегут, — согласно кивнул я, — да вот только нам за ними бегать недосуг. — Я оглянулся, чтобы оценить эффект, произведенный отступлением противника на стоящие за нашей спиной полки. Ни один из них не шелохнулся, не стронулся с места, свято повинуясь приказу двигаться лишь по особому сигналу. — Слава тебе, Господи, — прошептал я, прекрасно сознавая, к чему бы привела безумная попытка атаки вслед откатывающемуся противнику.

Несчетно полководцев на пути Орды уже попадались в эту незамысловатую ловушку и почти столько же заканчивали в ней свои жизни.

Раздосадованные неудавшимся маневром, конники как по команде прекратили «беспорядочное бегство» и тотчас же начали перестраиваться в длинную выпуклую дугу.

— Ну все, в пляс пошли, — оценив обстановку, сообщил мой помощник. — То стрельба не стрельба была. Сейчас, почитай, начнется.

Словно не желая обманывать ожидания Ропши, конная дуга приблизилась к нам на расстояние выстрела, и воздух вновь наполнился леденящим душу злым посвистом многих тысяч оперенных стрел. Отстреляв свою норму, голова колонны загнулась назад, освобождая место для очередной сотни стрелков, и далее, далее, далее, пока вновь не заняла свое место голова колонны, успевшая принять по дороге новые, полные колчаны стрел.

— *Ну, Капитан, как там у вас?* — услышал я в голове голос Лиса.

— *А ты сам не видишь?!* — огрызнулся я, указывая на тяжелые генуэзские строевые щиты, которые из-за множества торчащих в них стрел начали напоминать одежные щетки.

— *Ничего, ща попустит,* — обнадежил меня друг. — *Слыхал, у нас песенка была «Гайдар шагает впереди»? Так вот, всех здешних гайдаров мы уже выцелили, щас они у нас впереди шагать перестанут.*

Как обычно, Лис не обманул, и спустя несколько минут татарская конница, только что демонстрировавшая чудеса слаженности, сбилась в кучу, подобно отаре овец.

— *Что и требовалось доказать.*

— Так, Лис, насколько я помню курс тактики татаромонгол от Чингисхана и вверх, сейчас все прелюдии закончатся и начнется атака тяжелой монгольской кавалерии. Так вот, как только она начнется, я даю генуэзцам приказ отступать, а ты со своими сидишь тише воды, ниже травы вплоть до контратаки. И никакой самодеятельности.

— Ты шо, меня за дурака держишь?! Я шо, враг самому себе? Ты лучше проследи, шоб твои генуэзцы в грязи не потонули! — возмутился Лис.

— Ничего, жить захотят — выплывут.

— О, — внезапно произнес Сергей, меняя тон с возмущенного на удивленный. *— Похоже, мы их таки изрядно достали. Авиация на подходе. Глаза вверх подними.*

Я воздел очи к небу и едва не поперхнулся от удивления. Со стороны ордынского лагеря, расправив широкие кожистые крылья, извиваясь в воздухе длинным чешуйчатым телом, разинув зубастую пасть, на строй русского воинства надвигался огромный черный дракон. Судя по развевающимся в воздухе усам и спирально закрученному хвосту, явно китайского образца.

— Знаешь, Капитан, я, пожалуй, займусь самодеятельностью, — Лис деловито положил на тетиву бронебойную стрелу, *— а то эта образина своим огнем враз все наше болото высушит.*

Двенадцать стрел одна за другой взмыли в воздух и злыми шершнями устремились к дракону. Двенадцать стрел вонзились в него, насквозь пробили и главу, и сердце, и крылья, прошли сквозь горло навылет и упали далеко позади, не причинив видимого вреда грозному монстру.

— Не понял... — ошеломленно процедил мой напарник, запуская руку в колчан за новой порцией стрел. *— Шо ж это такое на свете белом деется?!*

Но в этот миг дракон, словно почувствовав негодование изрешетившего его лучника, сложив крылья, сорвался в штопор, грозя рухнуть на расположение Лисовской засады.

— Берегись! — заорал Венедин. — Задавит!

Предостережение оказалось излишним. В нарушение законов физики и геометрии, по мере приближения дракон начал делаться все меньше и меньше, и на скальную осыпь рухнуло не многотонное чудовище, а преклонных лет монголоид со сломанной пополам бамбуковой рамой хитроумной формы, обтянутой черным шелком. Он еще пытался барахтаться, стараясь выбраться из креплений дельтаплана, когда невесть откуда взявшийся сыч, грозно ухая и хлопая крыльями, вцепился когтями в диковинное украшение, висевшее на груди летуна, и, срывая его, взмыл ввысь. Лишь только это произошло, то, что совсем недавно еще было драконом, дернулось и затихло.

— *Да-а,* — Лис утер пот со лба, — *всякое видал. Но чтоб такое!*

— Идут! Идут! — пронеслось над рядами.

Тяжелая монгольская конница, шаг за шагом ускоряя свой ход, мчалась на наши позиции, горя желанием смести непокорное чело войск противника.

— Ну что ж, пора. — Я порывисто выдохнул, понимая, что вот и наступил тот самый решительный момент, которого мы все ждали с начала боя. — Пехоте отступление!

Генуэзцы и повольники Ропши бросились к строю большого полка.

— Ропша, командуй! *Лис, у Ильи все готово?*

— *Все пучком! Пусть только врубятся!* — в нетерпеливом возбуждении бросил мой друг.

Пехота бежала, бросая щиты. Передовой полк, так долго выдерживающий натиск Орды, перестал существовать. Пехота бежала, радуя глаз противника, а те немногие, что оставались стоять на своих позициях, сжимая копья в руках, попросту не могли никуда сдвинуться, поскольку были вкопаны в землю.

— Не пора ли? — Кудесник возник за моей спиной, казалось, из воздуха.

— Да уж, пожалуй, начнем, — кивнул я, глядя из-за притащенных младшим Муромцем скальных обломков, служивших нам импровизированным командным пунктом, на приближающуюся тяжелую конницу. — Как только монголы врубятся в строй, запускай.

Маг согласно кивнул и начал уже виденный мной однажды танец. И тут как по волшебству, впрочем, так оно и было, посреди безоблачного синего неба, крутясь бешеным ураганом, возникли мрачные темные тучи, и пучки молний, словно линии бескабельной связи, потянулись к молчаливому ведуну.

Десятки, а то и сотни тяжеловооруженных нукеров уже вылетели на позиции передового полка и начали оскальзываться в грязной жиже, падая сами и валя соседей.

— Поше-ел! — заорал я что было сил.

Маг, как обычно, бесстрастный, опустил руки и прикрыл глаза. Невидимый, как сама смерть, электрический ток — магическая сила собранных колдуном в себя молний — в один момент побежал по воде, по мокрой траве, по железу оружия и доспехов, насмерть разя цвет и гордость ханской конницы. А вслед за этим... Я закрыл уши руками и прижался к конской холке, чтоб не слышать то, что было вслед за этим. Выпущенная на волю из клетки тварь, величаемая Соловьем-Разбойником, засвистала диким посвистом, загудела да заухала во всю мощь, переворачивая коней, сдувая наездников и обращая вспять несокрушимое дотоле воинство...

И была атака, и был бой, и ударили витязи земли русской на черного ворога, сметая его и обращая в бегство. И всадники половецкие обагрили свои сабли злою ордынскою кровью, и многие ратники и витязи, и воеводы и князья пали в тот день за землю русскую, снискав себе славу славную, а для отчизны победу великую...

Глава 8

Дайте им победить. Затем берите голыми руками.

Бисмарк

Одно из самых тяжких зрелищ, доступных человеческому взору, — поле битвы после ее окончания. Отважнейшие сердца, без ропота сносящие все ужасы рукопашной, не могут ни сжаться при виде тысяч и тысяч мертвых, растоптанных, растерзанных тел, прижатых к земле неумолимым смертным грузом. И жажда жизни, заметная еще под смертной маской, немым укором терзает оставшихся в живых, будто говоря: «Ну почему же я, а не ты?» И стоны раненых в надвигающихся на поле боя сумерках звучат едва ли не голосами из преисподней, и черное воронье, слетевшееся на обильную трапезу, карканьем напоминает выжившим, что, быть может, уже завтра их черед идти на корм ненасытным падальщикам.

Сумерки сгущались над Калкой, но поле было полно воинов обеих армий, бродивших между телами, выискивая живых и грабя мертвых.

Конечно же, стойкость передового отряда во многом предопределила победу русского воинства, но говорить о том, что именно мы сокрушили мощь стотысячной Орды, было бы по меньшей мере глупо. Бой продолжался семь часов, и временами казалось, что еще один удар, еще один натиск, и дрогнут, побегут городские полки, полягут в смертном бою княжьи дружины и пойдет Орда гулять по Руси свирепым драконом. Не ударь в нужный момент в тыл монголов засадный полк Олега Изборского, быть может, не видать нам победы как своих ушей.

Но затрубил в звонкий рог князь Олег, обрушились полки Изборские и Псковские, Полоцкие и Холмские на загривок монголам, дрогнула Орда, покатилась назад, и половцы, собравшиеся уж было обратиться в бегство, помчались в сечу с гиканьем и свистом, вырезая конного и пешего безо всякой пощады.

Мне изрядно перепало в этом бою. Когда отступающие татаро-монголы неудержимым потоком ринулись вспять, шаткою плотиной на их пути стояли дружины засадного полка. Я увидел, как один за другим падали подрубленные стяги, как рухнул, а затем вновь поднялся стяг князя Олега, и зычный голос его рога, прорываясь сквозь лязг и рев битвы, звал всех живых русичей собраться под знамя.

— На подмогу! — крикнул я, указывая своим рыцарям мечом направление атаки.

Рубя направо и налево, мы прорвались уже к изборскому стягу, и я воочию увидел, как, отбросив щит, бьется двумя мечами над телом Михаила Полоцкого князь Олег, как трубит что было сил Ефимий из Ольшаницы, придерживая раненой рукой княжеское знамя. Но тут удар чудовищной силы пришелся мне по шлему, мешая в глазах все краски мира в одну непроглядно-черную...

Не знаю, долго ли я провел в таком состоянии, но первое, что увидел, открыв глаза, был стоящий рядом Ропша с секирой в руках, отбивающийся от двух конных монголов, и мчащийся ему на подмогу Лис. Для меня сражение закончилось: в голове звенело, как в колокольне на Пасху, и земля упорно отказывалась принимать подобающее ей горизонтальное положение. Лишь к вечеру, когда бой затих, я смог понемногу ходить без посторонней помощи. Не будь так добротен сработанный институтскими мастерами доспех, не окажись рядом бесстрашный повольничий ватажник, и вероятнее всего, имя Воледара Ингваровича, воеводы полка иноземного строя, было бы навечно вписано в исторические тома этого мира в ряду иных военачальников, погибших в битве при Калке.

В лагерь мы возвращались пешком, поскольку возвышенное положение на спине Мавра все еще вызывало у меня неодолимое желание сжать землю в объятиях. Обходя мертвые тела, переступая через чьи-то ноги и руки, стараясь не поскальзываться в лужах подсыхающей крови, мы продвигались все ближе к утренним позициям, туда, где был назначен сбор остатков нашего полка.

— Вот, смотри. — Лис, сменивший воодушевление боя на досадную говорливость, поднял с земли причудливо согнутый монгольский лук и, стерев с него буроватые капли запекшейся крови, ткнул его мне под нос. — Вот как они это делают?

— Что именно? — старательно подбирая слова, спросил я.

— Да ты попробуй, попробуй, — не унимался Лис, любовно поглаживая пальцами вычурный изгиб грозного оружия. — Китайский лак! Это просто чудо что такое. Дерево под ним и дышит, и не впитывает влагу. Я институтским химикам уже плешь проел, вернее, проел бы, если бы осталось, что проедать, прося их синтезиро-

вать хоть что-нибудь похожее. Сейчас! Болтов тачку. Либо не дышит, либо пропускает. Говорят, привезите нам образец жидкого лака, и мы вам определим формулу. А где ж его взять, тот образец, когда китайцы берегут этот лак тщательнее, чем Праматерь секреты своей несгибаемой девственности?

— Лис, — с укоризной сказал я, — не богохульствуй.

— Да ну, оставь! — отмахнулся мой друг, вновь размахивая луком у меня перед носом. — Прикинь, они гонят этот лак в промышленных размерах, покрывают им все что ни попадя. Разве что очко для унитаза не покрывают, и то только из-за того, что его у них еще нету. А Институт не может добыть жалкого десятка капель, чтоб произвести анализ.

Вряд ли моего боевого товарища до такой истерики доводила проблема отсутствия вожделенного лака. В конце концов он много лет прекрасно обходился без него. Просто напряжение сегодняшнего дня таким дурацким образом рвалось наружу, требуя выхода.

У самой позиции генуэзской пехоты, заваленной теперь грудами тел коней и всадников, мы немного притормозили, выбирая хоть сколько-нибудь проходимую тропу к нашему лагерю. Большинство из тех, кто несколько часов назад с таким остервенением рвался сюда, стремясь сокрушить передовой полк, нашли здесь свою последнюю дорогу в страну весенних пастбищ, или что уж у них там заменяло Царствие Небесное. И эта ужасающая свалка человеческих и конских останков все еще продолжала дышать, стонать на разные лады и двигаться, порой в конвульсиях, а иногда вполне осмысленно.

— Эй! — оборачиваясь назад к воинам нашего полка, устало бредших к бивуаку, крикнул Лис. — Разберитесь, что тут к чему. Тех, кто совсем плох, добейте, тех же, кто еще подает надежды, перевяжите и в лагерь.

— Может, повременим до утра, — видя, как устали бойцы, предложил я.

— Да ну, — отмахнулся Лис, — пусть копаются. Сюда ломанулся самый цвет монгольской кавалерии. Тут сейчас есть чем поживиться, а к утру останутся лишь голые трупы. С ними все равно надо будет что-то делать, но уже за «просто так».

С логикой моего друга тяжело было спорить, хотя и соглашаться с ней отчего-то совсем не хотелось.

— Меня сейчас другое занимает, — продолжил Венедин. — Этот, с позволения сказать, дракон, будь он неладен! Я всадил в него дюжину стрел, шо в тире. Где бы дедушка монгольской авиации ни скрывался, я все равно должен был его зацепить. И на тебе, ни одной дырки. Ни на нем, ни на его долбаном дельтаплане!

— Но он все-таки упал.

— То-то и оно, что упал. Бамбуковый шест несущей конструкции крыла сломался как раз у него между лопаток. Так что, если б это я его перебил, в груди и спине колдуна должны быть отверстия. А их там нет.

— Что ты хочешь? Маг все-таки. А кроме того, ты не допускаешь, что конструкция могла сломаться сама по себе?

— Ну, то есть, может быть, — с явным сомнением в голосе произнес Венедин. — Но очень маловероятно.

Беседуя таким образом, мы наконец дошли до того самого места, где среди обломков скал, полускрытые шелковыми обрывками крыльев, лежали скрюченные останки мага. Чем-то тошнотворно-ужасным веяло от его изувеченного тела, и саркастическая ухмылка, ощерившая в злобном оскале остатки зубов колдуна, отпугивала возможных мародеров от зловещего мертвеца. Да что там мародеры, даже вороны опасались приблизиться к нему.

— М-да, — оглядев подбитого хомо драконус, констатировал Лис. — Взгляд у дедули какой-то неласковый. — Он подошел поближе и, подняв кусок черного шелка, накинул его на лицо погибшего летуна.

— Но мародеры здесь, похоже, все-таки побывали.

— Да? — Лис обвел взглядом место происшествия. — Почему ты так думаешь?

— Когда он падал, на нем был роскошный пояс с золотыми бляхами и каменьями. Я еще удивился, зачем магу нужен боевой пояс?

— Пояс? — Лис задумчиво пожал плечами. — Не помню. Может, уже кто отвернул. — Он нагнулся поближе к телу, осматривая его со всех сторон. — Да нет, не похоже, чтоб у него пояс был. Наверное, тебе показалось. Во всяком случае, видимых следов нет.

— Да нет же, был пояс, — уперся я.

Венедин недоуменно посмотрел на меня и опять склонился над телом.

— О, а это что? — Мой друг запустил руку в складки одеяния колдуна и вытащил на свет божий небольшую тыкву-горлянку, заткнутую плотно притертой пробкой. — Граната для самообороны в случае неудачной посадки? — Он начал внимательно осматривать свой трофей.

— Лис, — настороженно произнес я, — поаккуратней, может, это действительно какой-нибудь джинн.

— Навряд ли, — неспешно оглядывая тыкву со всех сторон, покачал головой Венедин. — Во-первых, я никогда не слыхал, чтобы джиннов запирали в тыквах. Обычно для этого используют более прочные сосуды. А во-вторых, будь это джинн, здесь обязательно наличествовала бы волшебная печать, мешающая ему освободить-

ся. Она, как мы видим, отсутствует. А, была не была! — Он крутанул пробку, и та поддалась с неожиданной легкостью.

Как и предполагал мой друг, извержения джинна из бутылки не последовало. Вместо этого из нее до нас донесся вполне приятный аромат в восточном духе, самым неожиданным для меня образом приведший Сергея в состояние полного экстаза.

— Ядреный конь! Это лак! Двести граммов прекрасного китайского лака!!!

Похоже, он готов был начать прыгать вокруг трупа на одной ноге в приступе неконтролируемого детского восторга.

— Лис, а для чего у мага с собой лак?

— Да я почем знаю. Может, крылья смазывать. — Мой друг молол полную чушь, даже не желая вдуматься в смысл вопроса.

— А интересно, почему тыква не разбилась? Маг ведь летел довольно высоко.

— Блин, ну ты задолбал! — Лис посмотрел на меня неожиданно зло. — Не разбилась. Ты шо, совсем головой ударился? Тут такое счастье привалило, а ты зудишь! Почему не разбилась?.. Как оказалась?.. Ты какой-то пояс искал? Ну и ищи себе! — Он развернулся, собираясь уходить. — Успехов!

И в этот миг мне вдруг послышалось невдалеке за камнями чье-то сдавленное всхлипывание и подвывание. Пояс! Ну конечно же, пояс! Именно такой вчера вечером был на несчастном Эрхарде из Вагры. А нынче... Так вот почему сломался чертов дельтаплан!

— Стой! — Я резко окликнул не на шутку осерчавшего Венедина.

Мой меч свистнул в воздухе, разнося проклятую тыкву в вдребезги.

— Да ты!.. — Лис, не находя слов, схватился за меч. Но не успел его клинок покинуть ножен, как осколки сосуда коснулись земли и на глазах стали превращаться в драгоценный боевой пояс. Точнее, в то, что от него осталось после моего удара. — Оба-на! — Мой друг, точно проснувшись, уставился на сияющие ошметки. — И шо это было?

Рыдания усилились, и корявый, мерзкого вида горбун выскочил едва ли не у нас из-под ног и опрометью, перепрыгивая через валуны, через тела погибших, бросился в темнеющую уже степь.

— Блин, ну надо же! — сплюнул Лис. — Горе-злосчастье. Вот же ж привязалось! Ох неспроста это! Оно нам еще устроит райскую жизнь.

Хлопанье тяжелых крыльев прервало длинную ругательную тираду моего друга, сопровождавшую стремительную пробежку Лиха Одноглазого от скальной осыпи до горизонта.

— Вас уже давно ищут. — Семейный маг Муромцев ударился оземь, меняя пернатое обличье на более привычное и удобное для человеческого общения. — Володимир Ильич ждет вас в своем шатре.

Мы с Лисом обреченно переглянулись, понимая, что увильнуть от необходимости участвовать в разборе полетов не удастся. Особенно после столь настоятельного приглашения. Как говорится, положение обязывает...

Кажется, потеряв к нам всякий интерес, Яросвет наклонился над павшим собратом по цеху, словно отдавая ему последние почести.

— Великий был маг, — промолвил он. — Один из самых сильных. Но от судьбы не скроешься, сбылось предсказание: «Двенадцать стрел придут издалека, когда сразит тебя твоя рука». Да, — маг глянул на Лиса взглядом, способным вскипятить воду в леднике, — вы нажили себе грозного врага. Это Кеукче, сын Манглира, сводный брат Чингисхана, его защитник и наставник. Чингисхан не простит вам этой потери. — Он еще раз посмотрел на мертвого колдуна и, распахнув свой черный, подложенный алым шелком плащ, сказал с неизменной суровостью в голосе: — Это талисман Кеукче. В нем заключена огромная магическая сила одного из древнейших волшебников, величайшего Лу Шена. — С этими словами маг запустил руку под тунику, достал из-под нее тот самый амулет, который сорвал сегодня днем огромный филин с груди рухнувшего на камни дракона. — Носи его, да никому не показывай. Он защитит тебя, как и всех прежних хозяев.

— А?.. — Мой друг не успел не то что закончить фразу, а даже ее начать. Волшебная птица уже скользила, распластав крылья по воздушной струе в сторону шатра Володимира Ильича. — Нет, ну шо за манеры? — возмутился Лис.

— Ладно, — махнул рукой я. — Дойдем до Муромца, он там наверняка будет. Успеешь еще порасспросить.

— Успеть-то успею. Да только захоти он что сказать, наверняка бы уже сказал. Фишка такая у магов: напустить туману побольше, а ты потом голову ломай, что там они накрутили.

Шатер главнокомандующего был, вероятно, последним местом жестокой схватки на берегах многострадальной Калки.

— По справедливости, после смерти Михаила княжество должно принадлежать мне! — бушевал разошедшийся не в меру Олег Изборский. — Я был ему как сын. Мы сражались плечом к плечу, он умер у меня на руках и в последних словах своих назвал меня своим преемником!

— Того никто не слышал! — возмущался Святополк Туровский, сидевший с перевязанной рукой на лавке у стены. — А по древнему праву у княжества Полоцкого прямые наследники есть.

— Холмский князь Глеб, его младшего брата сын, — вставил кто-то из собравшихся в шатре бояр.

— Глеб один лишь полк, Володимир Ильич, в твое войско прислал, — горячился Олег Изборский. — А сам в уделе остался. Я ж жизнь свою не жалел и впредь жалеть не буду. Дай мне лишь полоцкую землю — границу с Ливонией щитами перекрою, век сунуться не посмеют!

— Это как так — дай?! — раздался из царивших в шатре сумерек голос Мстислава Киевского. — В землях русских закон есть, а не лишь твое или чье-то хотение. А то вон жена князя Святополка Ольга тоже из полоцкого дома, и он не менее тебя нынче в поле отличился.

— Да ты о чем толкуешь? — Изборский князь выпрямился во весь рост и подпер бока руками.

— Расступитесь! — послышался чей-то властный голос снаружи шатра. — Расступитесь! Где Муромец?

Князь Игорь Суздальский, расталкивая толпившихся бояр и витязей, пробился к столу, возле которого, уронив тяжелые руки на столешницу, восседал мрачный, словно туча, Володимир Ильич.

— Глядите! Все глядите!!! — прорычал князь Игорь и с размаху припечатал к столу стрелу с окровавленным наконечником. — Вот! Этой стрелой убит отец наш, великий князь Всеволод. Скажет ли кто-нибудь здесь, что это татарская стрела?!

Князья и воеводы, собравшиеся под сводами шатра, молчали. Признать в орудии убийства татарскую стрелу значило расписаться в полном военном невежестве. Она была явно русская и, судя по характерной форме обрезки перьев, еще сегодня с утра, вероятно, занимала свое место в колчане у кого-то из киевских дружинников.

— Ты что же это, пес смердящий, меня в смерти отца своего обвинить вздумал?! — рванулся из темноты на свет Мстислав Киевский. — Или повинен я за каждою стрелою на поле брани следить?

— Твой умысел против отца нашего, — хмуро набычившись, процедил новый великий князь Владимира, — каждому ведом.

— Что?! — Меч Мстислава тяжело свистнул в воздухе.

В ответ Игорь, отскакивая, обнажил свой.

— Хватит! — Муромец обрушил кулак на дубовую столешницу, отчего доска, на которую пришелся удар, переломилась пополам, словно свежая вафля. — Нынче все больно горячие. Завтра поутру соберемся. Не то порушите друг друга хуже Орды. Ступайте все да ночью поразмыслите, как далее жить будем. Утро, оно вечера мудренее. А, побратимы, нашлись-таки, — окликнул нас Володимир Ильич, очевидно, заметив долговязую Лисовскую фигуру в расходящейся толпе. — Погодите немного. Слово к вам есть.

Мы послушно остановились в ожидании обещанного слова.

— Видел вас нынче в бою. — Муромец крепко, но осторожно сжал каждого из нас в объятиях. — Молодцы, великое дело сделали.

— Да шо там в самом деле, — отмахнулся Лис. — Чуть шо, обращайтесь.

— Тебе, Воледар, особое спасибо. — Муромец склонил голову. — Я-то сначала грешным делом подумал, что Ганза тебя следить за мной приставила. Рад, что ошибался. Но ныне о другом молвить хочу. Дело-то вы сладили, да вот врагов себе нажили, други мои верные, весьма опасных.

— Да, Яросвет что-то такое говорил, — почесал щеку Лис. — Это из-за того, что я чингисхановского мага завалил? — Слова моего друга, похоже, вызвали у Володимира Ильича полную оторопь.

— Ты что же, Кеукче убил? — справившись наконец с собой, проговорил Муромец.

— А чего он драконом прикидывался? — начал оправдываться Лис, постепенно соображая, что произошло нечто, выходящее за рамки нашего понимания.

— Плохо ваше дело, побратимы, — вздохнул Володимир Ильич. — Князья на вас осерчали за то, что вы удумали половецкие полки за их спинами ставить. На меня-то вызвериться опасаются, а на вас, поди, зло сорвут. Видали, чай, каковы молодцы! Поди теперь разбери, чья стрела Всеволода сыскала. А на вас они всем скопом недобро глядят. Говорят, мы своих витязей ложили, а чужеземцы пришлые половецкими саблями спины наши подпирали.

Хотел я вас с посольством в Орду отослать, да теперь, знать, не судьба. Чингисхан вам брата своего сводного не простит. — Он вздохнул. — Что делать, ума не приложу. — Он опустил свои ручищи нам на плечи. — Ступайте в лагерь. Глядишь, до утра чего и удумается.

— Ну что, Капитан, — спросил меня Лис по дороге к лагерю, — какие еще будут предложения по сбору материалов для доклада?

Я пожал плечами.

— По-моему, и так все ясно. Если вдруг старший Муромец, скажем так, исчезнет до того, как его сын войдет в полную силу, все здесь рухнет немедля.

— Я тебе больше скажу, — усмехнулся Лис. — Муромец непременно, как ты выразился, исчезнет. Ужо князья об этом позаботятся. Действительно, нельзя же быть по положению и выше их, и ниже одновременно. У них от такого состояния дел разум возмущенный кипит, да так, что аж шеломы поднимает. Так что если Володимир в ближайшее время себе на голову шапку Мономаха не натянет с криками: «Аз есмь царь! Щас всех порешу!» — Русь вернется в прежнюю позицию.

— А Ганза?

— А что Ганза? — хмыкнул Лис. — Я думаю, шо в их одноколейных немецких мозгах вариант, шо можно покорить страну и не объявить себя монархом, просто не рассматривается как полностью абсурдный.

Я вздохнул. Мой друг, несомненно, был прав, и от этой правоты хотелось рыдать в голос. Однако, как ни крути, в наши задачи не входило создание на Руси единого мощного государства, а личные симпатии и антипатии в недрах Института могли заинтересовать только штатных психоаналитиков.

— Уходить пора, — немного помолчав, сказал Лис с мрачной тоскливой интонацией в голосе.

Конечно же, спорить с этим было бесполезно. Засиживаться далее в русских землях нам было не с руки, да и не по чину. Но известному витязю на распутье было куда как проще выбрать себе дорогу: на Руси на нас точили зуб оскорбленные князья; по ту сторону степи жаждал крови Чингисхан; в спину дышал Генрих Шверинский, вполне вероятно, уже прослышавший о нашем чудесном спасении из лап тролля.

— Может, катер вызвать? — жалобно произнес Лис. — Ведь, блин, куда ни кинь, везде клин.

Я помотал головой.

— Вызвать-то мы можем, но кто ж нам его пришлет? Вот если б перед сражением, тогда, может, еще и прислали.

— Я не понял. — Лис уставился на меня. — Ты предлагаешь прокрутить эту песню по второму кругу? Невозможно, да и некем.

Он говорил верно. От полка иностранного строя уцелела в лучшем случае треть, да и то изрядно потрепанная. Я с тоской вспомнил стройные ряды генуэзских арбалетчиков, встречавших сегодняшний рассвет, и с еще большей остротой осознал, что и в Суроже в Крыму, и на Кавказе уже владения Орды, а стало быть, путь в Константинополь для нас также отрезан.

В мрачных раздумьях мы дошагали до лагеря. Часовой, узнавший отцов-командиров, отсалютовал копьем и доложил:

— Ропша Хват велел, как только вы придете, сообщить, что среди взятых нынче в полон монголов есть весьма знатные богатуры. Он хотел бы посоветоваться с вами об их участи.

— Хорошо, — кивнул я. — Где он?

— Во-он у того костра, — указал стражник.

— А что там за пленные, не слыхал?

— Три мурзы, нукеров ханских с десяток, темник монгольский, а между них птица особая — Буринойон, сын Актая, повелителя Хорезма, внук самого Чингисхана.

Мы с Лисом переглянулись и, не сговариваясь, едва ли не маршевым шагом поспешили к указанному костру.

Глава 9

Кто хорошо прячется — долго живет.

Третий принцип снайпера

— Ну, что делать будем? — Лис посмотрел на меня взглядом, не вызывающим сомнений в том, что ответ на этот риторический вопрос ему уж давно известен.

— Заманчиво, конечно, — нахмурился я. — Но если вдруг узнают, что ты завалил чингисхановского братца, у нас возникнут изрядные проблемы с самостоятельным передвижением.

— А мы никому не скажем, — не сомневаясь ни секунды, выпалил Лис. — Мы скромные.

— Не говори ерунды, — отмахнулся я. — В нашем войске уже, почитай, все знают о твоей прицельной стрельбе. А кто еще не в курсе, будут знать к утру. Сколько среди них лазутчиков, одному Богу известно. К тому же наш Чингизид еще не согласился поработать универсальным пропуском.

— Ну, это мы в миг организуем. — Венедин поднял руку в обнадеживающем жесте. — Ознакомительная экскурсия по застенкам НКВД, и он согласится работать пропуском, паспортом, свидетельством о рождении, водительскими правами, даже справкой о беременности, если понадобится.

— Сомневаюсь, — печально вздохнул я. — По уставу монгольского воинства, он должен бояться лишь грома небесного и гнева начальства. Ты не подходишь ни под первое, ни под второе.

— Слушай, — мой друг перешел на серьезный тон, — а что, если мы с ним сыграем в князя Игоря?

— Что ты имеешь в виду? — Я непонимающе уставился на Венедина, пытаясь уразуметь, что именно в поведении старшего Всеволодовича может помочь нам убедить Буринойона в необходимости сотрудничества.

— Да нет же! — поморщился Лис. — Я не Игоря Суздальского имею в виду, а того, который: «О дайте, дайте мне свободу!» Там в опере один половецкий изменник Родины помогает князю сдернуть из плена. — Лис остановился и выразительно посмотрел на меня. — Только, пожалуйста, не говори, что твоему роду тысяча лет и звание «изменника Родины» противоречит кодексу строителя развитого феодализма.

— Ну-у... — тоскливо начал я.

— Все. Понятно. Дальше можешь не продолжать. Давай подойдем к этому с другой стороны. Как сотрудник Института сотруднику Института скажи мне честно: мы свою миссию уже выполнили? Или у тебя еще есть какие-нибудь светлые идеи по уточнению данных для доклада? Скажем, мы еще не все княжества объехали. Может, не стоит останавливаться? Их у нас порядка шестидесяти. Глядишь, года за три управимся. Если, конечно, за это время нас с тобой самих не управят напрочь и навзничь.

Я кивнул, соглашаясь с аргументацией своего друга.

— Хорошо, — удовлетворенно констатировал Лис. — Этот пункт проехали. Следующее. Мы с тобой здесь кто? Былинные богатыри Алеша Попович и Добрыня Никитич, радетели за землю русскую? Ни хрена подобного! Мы подлые наемники. То есть, конечно, да, мы хорошо работаем, пока нам хорошо платят. Но я бы сказал, что наша честность уже заходит слишком далеко. Когда интересы Отечества начинают расходиться с нашими собственными, мы как честные люди, в смысле, честные наемники, должны в первую очередь заботиться о себе, любимых. Так вот, ты меня, конечно, извини, но у меня нет никакой охоты защищать весь этот княжеский и великокняжеский сброд в тот момент, когда они прикидывают, каким образом нас лучше всего извести. Так что, как ни крути, самое время менять хозяев.

Я обреченно вздохнул. Мысль о дезертирстве торчала из-под всех аргументов Лиса, словно кость в горле. Но все же в логике его рассуждениям отказать было нельзя. И что самое противное, на данный момент этот вариант пути представлялся наиболее реальным способом добраться до заветной камеры перехода.

— Ладно, — страдальчески поморщился я, — линия защиты суду ясна. Но это все слова, а этот самый нойон еще не изъявил желания бежать отсюда вместе с нами.

— Ага, — хмыкнул Лис, — он как раз собрался выехать с семьей на Русь на ПМЖ, скрываясь от зверств дедушки Чингиза, а тут, откуда ни возьмись, мы со своей электрификацией всей Орды. Предоставь это мне. В конце концов военспецы везде нужны. Доберемся до Хорезма, а там прости-прощай.

Я неохотно кивнул.

— Ладно, поступай, как знаешь.

— Ну вот и славно, — усмехнулся Лис. — Так, если что, запомни: меня нашли в детстве в степи. Вырос я, значит, там же. Ну а дальше — военная судьба, ля-ля, тополя.

Я молча махнул рукой. В какие бы одежды ни рядился мой верный напарник, мешок с хитростями всегда висел у него за спиной.

* * *

Беззвездная ночь благоволила побегу из плена. Рваные тучи неслись по небу, лишь изредка выпуская изрядно отощавший бледный месяц на волю из своих объятий. Раздававшиеся еще кое-где глухие стоны добавляли мрачности общей картине, заставляя даже отменных храбрецов воздерживаться от выездов в степь без особой нужды. Очевидно, именно поэтому наши стражники, сочувственным взглядом проводив отцов-воевод, покидающих лагерь, вновь сбились у костра, ища не столько тепла, сколько света. Вряд ли кого-нибудь из них обеспокоил этот поздний выезд. Возможно, даже тот факт, что за спиной Лиса вторым номером восседал высокопоставленный пленник, остался ими незамеченным. А даже если и заметил кто связанного по рукам Буринойона, кому могло прийти в голову, что направляемся мы не к шатру Муромца, а совсем даже наоборот, в ставку Субедэя.

Продвигались мы медленно. Кони, кажется, боясь запачкаться, ступали осторожно, выбирая в потемках им лишь известный путь. Без особых препятствий проехав линию передовых постов, мы углубились в степь, почти не тронутую сегодняшним побоищем. Лишь изредка то справа, то слева при нашем приближении взлетали с возмущенным карканьем ненасытные вороны, сожалея об оставленной трапезе.

— Долго еще? — поворачиваясь назад вполоборота, спросил Лис, изо всех сил имитируя ломаный татарский язык.

— Долго, — хмуро кинул его собеседник, явно не расположенный к продолжительным разговорам. — К утру будем.

Я молчал. Невзирая на все доводы друга, у меня было на редкость тошно на душе. Как ни крути, как ни обманывай себя, мы совершали измену. И это чувство не оставляло ни на секунду, сжигая сердце серной кислотой вины.

— А ну тихо! — Лис остановил коня и прислушался. — Верховые, — переходя на шепот, произнес Лис, настороженно поворачиваясь в сторону еле слышного топота. — Человек десять.

Я тоже уже различал звуки, о которых говорил Венедин. Очевидно, это был татарский разъезд, посланный в дозор многоопытным Субедэем.

— Ну что? — Лис посмотрел на меня. — Объедем?

Я кивнул. Мы повернули коней, спеша подальше уйти с пути ордынцев. Но нашему плану не суждено было осуществиться. Стоило неясным теням ордынских всадников приобрести едва различимые во тьме очертания, как пленник, дотоле проявлявший интерес к жизни не более чем мумия Тутанхамона, рубанул Лиса связанными руками по шее, соскочил с коня и, петляя по-заячьи, метнулся к своим, выкрикивая на бегу пронзительно:

— Я здесь! Я здесь!

— Сейчас я его тормозну! — Лис, сбитый наземь ударом, зло выругался и натянул лук. — Спринтер-недоучка! — Он присел на колено, выцеливая ногу мечущегося из стороны в сторону монгола. Тренькнула тетива, Буринойон в очередной раз отпрыгнул и... споткнувшись, рухнул. — Я к нему! — воскликнул Лис, хлопая коня по холке и на ходу вскакивая в седло.

— Быстрее! — крикнул я, глядя на приближающихся татар, явно услышавших обращенные к ним вопли.

Спустя пару мгновений Лис поравнялся с распластанным телом, наклонился в седле, собираясь схватить жертву за ворот, и вдруг, резко выпрямившись, вновь начал прислушиваться.

— Лис! — заорал я во весь голос, уже не думая таиться. — Уходим!

Андалузский жеребец моего друга резко встал на дыбы, словно почувствовав где-то рядом хищника, и в следующую секунду мы уже мчались по направлению к позициям нашего войска, волоча на хвосте большую часть ордынского дозора. К счастью, луна надежно спряталась в облачной мути, и выцелить нас было делом отнюдь не простым. Но лишь когда впереди замелькали костры передовой сторожи, мы смогли вздохнуть спокойно.

Вылазку в Хорезм можно было считать оконченной.

— Не, ну ты, блин, видел?! — сокрушался Лис, не находя себе места после нашего бесславного возвращения. — Ну какого рожна его понесло?

Я пожал плечами.

— Может быть, он решил, что мы с тобой на досуге собираемся заняться шпионажем.

Моя версия была пропущена мимо ушей.

— Вот что я скажу тебе, Вальдар. — Лис досадливо поморщился, словно от изжоги. — Ты как хочешь, можешь считать это истерикой, но здесь все совсем не так просто, как кажется.

— Что ты имеешь в виду?

— Буринойон всецело повелся на нашу игру. Это я тебе даю рубь за сто. Вплоть до своего побега, он, похоже, и не думал нас предавать.

Я недоверчиво хмыкнул.

— Хмыкай, хмыкай. Но я об заклад готов биться, что мысль бежать обуяла его, что называется, вдруг. Я же, когда целил, ты сам видел, бил по ногам. А он возьми да споткнись. Хотя я посмотрел, спотыкаться там не обо что. Результат: стрела в горло и летальный исход.

— Плохо, конечно, — согласился я. — Не повезло мужику. Но что делать, бывает.

— Бывать-то оно, конечно, бывает, — не унимался Лис. — Но есть одно маленькое «но»: сапоги на этом уроде были точь-в-точь такие, как вчера на Эрхарде из Вагры. А когда я был рядом с телом, явственно услышал чьи-то стоны и всхлипы. Это Горе-злосчастье, черт бы его побрал! Хотя ума не приложу, каким образом оно за нами увязалось.

— Ты это серьезно? — Я внимательно посмотрел на не на шутку разошедшегося друга.

— Да уж куда серьезнее. — Лис мрачно обвел взглядом округу. — Если эта пакость прицепится, мечом да стрелами от нее не отобьешься. Так что самое время вызывать Базу и требовать катер. Потому что иначе мы никуда никогда не доедем. Это как пить дать. Если хочешь, можешь сказать, что у меня забастовка, нервный срыв и паранойя, вместе взятые.

— Ладно, попробуем, — вздохнул я, видя состояние Лиса и активизируя «символ веры». — *База «Европа-центр»! Джокер-1 вызывает базу «Европа-центр».*

— *Слушаю тебя, Джокер-1,* — раздалось у меня в голове.

— *Послушай, солнце мое,* — начал я как можно ласковее. — *Там еще нашу камеру перехода от тролля не очистили?*

— *Нет,* — с затаенным ехидством поспешила ответить девушка-оператор. — *Криптобиологи бьются в истерике и говорят, что либо вы им доставите точно такого же тролля, и тогда они дадут добро на ликвидацию останков их любимца, либо им на все наплевать и опыты по превращению каменного тролля из фторсиликоновой в белковую структуру будут продолжаться.*

— *Да где ж мы им тут тролля-то найдем?!*

— *А это их не волнует ни в малейшей степени.*

Слушающий все это Лис умоляюще посмотрел на меня и сложил руки в виде летящей птицы. Я молча кивнул.

— *Милая моя, а как насчет катера?*

— *А при чем тут катер?* — удивилась девушка. — *У вас же все нормально. Сражение закончилось, вы оба живы...*

— *Это у нас нормально?!* — возмутился Лис. — *Да у нас тут полное дерьмо!*

— *Джокер-2, с вами я вообще не разговариваю!*

— *Ты достала! Тоже мне, Джоконда выискалась! Не разговаривает она! За нами тут Горе-злосчастье увязалось, а у тебя там «Все нормально». Ты хоть знаешь, что это такое — Горе-злосчастье?*

— *Фольклорный элемент,* — очевидно, не мигнув глазом, кинула девушка.

— *О-о-о-о,* — застонал Лис. — *Капитан, разбирайся с ней сам. Только знай, если утром здесь не будет катера, я заберусь на эту*

чертову сопку и буду оттуда орать, что я агент Института экспериментальной истории, и требовать интернировать меня в ближайшую камеру перехода.

— *Как вы себя ведете!* — возмутилась диспетчер. — *Я доложу куда следует.*

— *Доложи, доложи!* — не унимался разошедшийся Лис. — *Может, тогда нас куда следует и заберут.*

— *Сударыня,* — поспешил вмешаться я, понимая, что дело пахнет грандиозным скандалом, — *Горе-злосчастье — это не фольклорный элемент, это действительно крайне неприятное существо. Мы шагу ступить не можем без опасения сломать шею.*

— *Ну хорошо,* — вздохнула девушка, смягчаясь. — *Предположим, я вам поверю. Как я должна обосновать ваш запрос?*

— *Да так и обосновывай,* — вновь встрял Лис, — *пока Горе-злосчастье за нами тянется, делов не будет.*

Пауза на том конце связи растянулась, как перевод Шекспира на эстонский язык.

— *Вы что, смеетесь?* — наконец проговорила наша собеседница. — *Если я так доложу, меня уволят до вашего возвращения, а вас сразу после. За профнепригодность. Да кто же из начальства поверит, что операция может сорваться из-за присутствия в окрестностях Горя-злосчастья?*

Мы с Лисом обменялись жалобными взглядами, словно младшеклассники, облыжно обвиненные старшими соучениками в разбитии стекла директорского кабинета.

— *Ладно, попробую что-нибудь придумать. Только у меня к вам огромная просьба: вы, пожалуйста, никому не говорите об этом своем Злосчастье, а то потом неприятностей не оберешься.*

— *Это уж точно,* — вздохнул Лис.

— Пошли спать, — сказал я, отключая связь. — Как говорил Муромец, утро вечера мудренее.

Проснулся я от мысли, которая буквально выбросила меня из сна в явь подобно тому, как катапульта выбрасывает летчика из горящего самолета.

— Лис! — Я усиленно затормошил спящего рядом напарника. — Вставай!

— А? Что? — вскинулся он, автоматически нащупывая лежащий рядом лук. — Нас атакуют?

— Лис, мы с тобой два идиота!

Пораженный такой феноменальной новостью, Лис моментально навел резкость во взгляде и, оценив по положению солнца, что времени никак не больше шести утра, резонно заметил:

— Ну уж, во всяком случае, один, так это точно. Ты чего вскинулся?

— Почему ты вдруг решил, что Горе-злосчастье гонится именно за нами?

— А за кем же? — возмутился Лис, уязвлённый тем, что Горе-злосчастье может здесь гнаться за кем-то еще.

— Ну сам посчитай. Кеукче, на котором пояс был, он кто?

— Маг, — ни секунды не думая, брякнул Лис.

— Да нет, я о другом. Он сводный брат Чингисхана. А Буринойон, на котором были сапоги...

— Стоп-стоп-стоп! Буринойон — внук Чингисхана. Возможно, и Субедэю какая-нибудь малость перепала от щедрот Лиха Одноглазого, раз он впервые в жизни проиграл сражение. Стало быть, оно, не будем его лишний раз поминать, не только к нам прицепилось...

— Ау, Венедин, очнись! Мы вчера выстояли в передовом полку, причем, заметь, практически без ран. Выжили в сече. Ночью, как по бульвару, ушли от татарских стрел. Ты сбил самого могущественного мага Орды и раздобыл амулет, правда, никто не знает, как он действует. Даже смерть Буринойона скорее его проблема, чем наша. Не дергался бы, жил и жил.

— А ведь верно, — задумчиво подытожил все сказанное Лис. — Ведь так же оно и получается. Блин, а я-то вчера облажался! Комендант паники! Нервы надо лечить. Так лохануться!

Самобичевания наши прервало появление верхового, еле сдерживающего каурого аргамака, нетерпеливо танцевавшего на месте в вынужденном простое.

— Воеводу Воледара Ингваровича да побратима его Лиса Венедина Володимир Ильич к себе кличет. — Прокричав это, всадник дал шпоры своему горячему скакуну и галопом помчался куда-то еще сообщать волю Муромца.

Вблизи штабного шатра дорогу нам преградил Илья Муромец собственной персоной.

— Пошли, — кинул он, кладя руки нам на плечи.

От такого приглашения тяжело было отказаться. Я обратил внимание, что тон богатыря был не то чтобы холоден, но мрачен. Казалось, он вовсе не был рад встрече с боевыми товарищами.

— Отец твой нас звал, — неспешно произнес я.

— Знаю. Он и велел вас перенять да проводить.

Мы с Лисом переглянулись. Начало не предвещало ничего хорошего.

— Идем, идем, — заторопил нас Илья Володимирович. — Вначале посмотрим да послушаем, а уж затем беседы побеседуем.

— Час от часу не легче, — вздохнул я, понимая, что вряд ли бы старший Муромец избрал столь странный способ встречи для веселых застольных бесед.

В тягостных раздумьях мы дошли до шатра и, обойдя его, втиснулись в небольшую палатку, примыкавшую к нему сзади и, очевидно, предназначенную для ночлега отдыхающей стражи.

— ...Теперь же мы одержали славную победу, и никто уже там не посмеет сказать, что мы слабы, — четко и размеренно произносил чей-то уверенный голос.

— Это Мстислав Киевский, — пояснил Илья Муромец.

— И мы, и наши враги понесли огромные потери, — продолжал тот же голос. — Но армии Чингисхана неисчислимы, пройдет немного времени, и на смену этой Орде он пришлет другую. Где нам взять силы, чтобы противостоять ей? Да, враг разбит, но не сокрушен. И мы должны искать с ним мира, а не новой войны. А потому я стою на том, чтобы выдать убийц.

За тонкой матерчатой стенкой раздался невразумительный гул голосов, судя по интонациям, явно поддерживающий слова оратора.

— Да-да, это о вас, — едва шевеля губами, прошептал младший Муромец. — Сегодня поутру от Субедэя посольство прибыло, требует выдать убийц Буринойона. Говорят, не в бою был убит, а стрелой посреди степи, да еще и со связанными руками. Выходит, чистой воды убийство. А убийцы, то бишь вы, други мои, в нашем стане скрываются.

— Отколь про нас-то известно?

— Да уж известно, — усмехнулся Илья Муромец. — Поди, не дети малые, понимать надо, столько глаз кругом, нешто схоронишься? — Он замолчал и вновь прислушался. — О, Суздальский говорит.

— Прав князь Мстислав, в том спору нет...

— Ты ба! Сколь живу, впервые Владимирские князья с Киевскими в согласии пребывают.

— ...Войско наше не вечно здесь стоять будет. Поди, дома-то уже жены мужей заждались, матери все глаза исплакали, сынов ожидаючи. Разойдутся полки да дружины по домам, а тут ворог и нагрянет. Чем держать его будем? Против такой-то силищи кто сам выдюжит?

— Надо же, уразумел, — недобро хмыкнул Илья. — Уж и на том спасибо. — Он вновь обратился к нам: — Субедэй за ваши жизни клянется полон вернуть, а его нынче в Орде тыщ до трех будет. Да божится, что уломает Чингисхана не ходить впредь на землю русскую.

— ...И запылают тогда села и города. Сколько крови прольется? Окиян-море.

— Как думаете, други, выдадут князья да бояре чужеземцев за такой-то куш?

— А я говорю, не видано то дело — витязей татарве на съедение отдавать! — раздалось где-то совсем близко.

— О, чуете, — Муромец поднял указательный палец вверх, — и за вас голос слышен. То Святополк Туровский. Молодой еще да горячий. А может, надеется в своих лесах да болотах отсидеться?

Ответом на реплику молодого князя был гул возмущенных голосов, не разделявших его точку зрения.

— Тихо, князи! — перекрыл шум голосов грозный рык Олега Изборского. — Что это вы тут рюмаете, точно вас батогами всю ночь гоняли! В своем ли вы уме али белены объелись? Прав Святополк. А коли в завод у вас пойдет людей своих злому ворогу передавать, то кто с вами-то останется? Оттого наши рати за нас и стоят, что и мы за них жизни свои не жалеем. Ведовством да лукавством Субедэю глаза отвести нужно, а не выдавать. А уж коли спрятать их надо понадежнее, пускай ко мне в Юрьев идут. Такие справные витязи там ныне нужны.

— Тебе, князь Олег, воевода Воледар Юрьев у ливонцев отнял, вот ты за него и говоришь. Мы же о всей земле русской печемся.

— Так-то, други мои дорогие, — вздохнул тяжело Илья Муромец. — Дожидайтесь-ка покуда тут. Когда совет закончится, отец с вами говорить желает.

— Какие будут предложения? — прошептал я, когда мы остались вдвоем.

— Выбор небогатый, — вздохнул Лис, — но уж, во всяком случае, объяснять, что мы хотели уйти в Хорезм в связи с окончанием командировки, явно не стоит. Оно, конечно, чистосердечное признание смягчает вину, но боюсь, что после такого смягчения земля нам будет пухом. Так что на выбор: то ли у нас с тобой был острый приступ лунатизма, то ли мы, на свой страх и риск, будучи в состоянии глубокого душевного замешательства и алкогольного изумления, решили похитить из вражеского лагеря Субедэя. Потерпевший Б. взялся провести нас к нужному шатру, да по дороге наткнулся на стрелу. Откуда они здесь вылетают, как мы помним, выяснить не удается. Может, она вообще, в связи с приближающейся осенью, летела в теплые страны. Как тебе план?

— Полный бред, — констатировал я.

— Верно, именно поэтому, быть может, и пройдет.

Между тем голоса в шатре понемногу стали умолкать, утомленные долгими дебатами князья начали расходиться по своим дружинам. Однако кое-что можно было утверждать определенно: ни одна страховая фирма по результатам завершившихся торгов не взялась бы страховать наши жизни и здоровье даже на самую мизерную сумму.

— Пошли, — в палатку бочком втиснулся Илья Муромец. — Разошлись уже все. Отец вас ждет.

Володимир Ильич Муромец восседал на своем месте во главе стола мрачный как туча.

— Проходите, побратимы, садитесь. — Он кивнул на лавку у стола. — Рассказывайте, что вы там накуролесили?

Лис сжал мне руку, давая знак молчать, и начал вдохновенную повесть о наших терзаниях по поводу нелюбви князей, о мысли похитить вражеского полководца, о неудачной ночной вылазке, да так красиво, что не знай я истинной подноготной произошедшего, глядишь, и поверил бы его словам. Старший Муромец кивал головой да изредка криво усмехался. Мне же оставалось только удивляться, когда успел Лис придумать такую складную байку. Переходя из уст в уста, она, безо всякого сомнения, имела шанс стать непреложной истиной для позднейших историков этого мира.

— Да-а, други мои, — протянул Володимир Ильич, — почудили вы знатно. Что дальше делать думаете? Слыхали небось, чего князья да бояре чают.

— Так знамо чего. Смерти нашей ищут.

— Ищут, — согласился Муромец. — Не все, правда, но старшие. Киев, Владимир. Что думаете, как мне быть? Может, вы подскажете.

Мы с Лисом молча переглянулись.

— То-то же, побратимы. Задали вы мне загадку. Не выдай я вас — Субедэй полон перебьет, а следующим летом его уже вновь в земле русской ждать придется. Но выдавать друзей — дело для витязя незнаемое. Да и не по-христиански это, прах его побери.

— Позвольте, я скажу, ваша честь. — Я поднялся с лавки.

— Да сиди уж, — Муромец махнул рукой, — напозволялся. Вот что я решил: устроим татарве каверзу. Казним вас на глазах у поганых.

Я внутренне напрягся. Смысл предстоящей затеи пока что не слишком радовал. Гибель от рук сотоварищей была бы, конечно, куда как менее мучительной, но, честно говоря, она вовсе не входила в наши планы.

— Ну что насупились, витязи? — прогремел Володимир Ильич. — Не сладко-то на казнь идти? А вы как думали, вам за убийство Чингисханова внука пирогов с вишней напекут? Ну да ништо, — он смягчился, сводя слова свои в усмешку, — казним мы вас только для виду. На самом же деле выбирайте: то ли в Юрьев отправляться, очень вас князь Олег к себе кличет, то ли за море.

— За море? — переспросил я.

— За него самое. В Империю. Еще вчера предложить вам хотел, да не сложилось. А нынче во как... А в самый бы раз вам, люди вы

надежные да известные. Когда б такое не учинили, лучше вас, поди, и не сыскать.

— Да что надо-то? — не удержался от вопроса Лис.

— Дочь князя Киевского, Алену Мстиславишну, в Трир доставить. Император Фридрих ее за своего сына Людвига сватает. Путь не близкий и опасный предстоит, тут нужны люди не только храбрые, но и места знающие. А женитьба эта нам во как нужна. — Володимир Ильич приставил ладонь к горлу. — За ней и торговля знатная, и поддержка против ливонцев. Да и императору в том польза немалая. Он наконец в крестовый поход собрался. Ему спину от Лиги северных баронов защитить надо.

При слове «крестовый поход» мы с Лисом заговорили одновременно:

— За море идем, батюшка. Только вели, жизни своей не пожалеем, красну девицу к суженому в лучшем виде доставим.

Длинная колонна русских пленников, захваченных Ордой за время похода, тянулась мимо нас подобно похоронной процессии, идущей за телами двух пока еще несостоявшихся покойников. Чуть поодаль во главе нукеров восседал на покрытом ковром коне сухой, как анчар, и такой же мрачный Субедэй. Окружавшая нас стража гарцевала в ожидании заветного сигнала. Знатным витязям не стали связывать руки, так сказать, из уважения к былым заслугам, но охрану приставили, в прямом смысле слова, отборную.

Наконец казавшаяся бесконечной колонна закончила свое шествие, и Володимир Ильич, на полторы головы возвышавшийся над окружавшими его князьями и воеводами, поднял руку, подавая знак начать нашу передачу.

— Ну что, — негромко произнес Лис, когда мы тронулись с места, — вот как раз и подвернулся случай проверить, увязалось ли за нами Горе-злосчастье.

Я ухмыльнулся, заставляя своего коня прижаться плотнее к ближайшему охраннику.

— Понеслась!

С этими словами я выхватил из джида* моей «жертвы» острую сулицу и с размаху вонзил ему в бок. Стражник зажал рану руками и начал заваливаться на сторону. Его внезапно перепугавшийся конь широким галопом помчал в степь, позволяя всем и каждому созерцать свисающее тело с торчащим в боку древком.

— Н-но, выноси, родимые!

---

* Джид — футляр для ношения дротиков (сулиц).

Воспользовавшись общим переполохом, мы вонзили шпоры в бока скакунов и, отгоняя взмахами плети пытающихся приблизиться, помчались в сторону Калки, вверяя жизнь резвости своих жеребцов.

Погоня, рассыпавшись широкой дугой, мчала вслед за нами, стремясь завернуть, отрезать от берега коварных беглецов. От лагеря наперерез нам на огромном гром-коне скакал могутный Илья Муромец, вздымая меч на отлет для решительного удара. Но вот, повинуясь неслышной команде, упустившие нас стражи потянули луки из саадаков*, и запели стрелы каленые свою тихую смертную песнь. Вот одна ударила в спину Лиса, вторая... раскинул он руки, словно в последний миг силясь обнять весь белый свет, и упал в густую траву, скрываясь от моих глаз.

Я гнал коня все дальше, пока не преградил мне путь хоробрый Илья свет Володимирович по прозванию Муромец. Молнией сверкнул его меч, и покатилась отсеченная голова, пятная кровью алою степные ковыли...

Глава 10

Памятники героям обходятся державе куда дешевле, чем живые герои.

Людовик XIV

Обозная повозка, в которой мы ехали, волочилась медленно, а уж для человека, привыкшего к европейским спидвеям, и вовсе почти не трогалась с места.

— Капитан, — лежавший рядом Лис поднялся на локте, — я хочу тебя поздравить.

— С чем? — Я лениво открыл глаза, все еще не желая расставаться с полуденной августовской дремой.

— Сколько раз нас с тобой приговаривали к смертной казни, и гляди-ка, действительно казнили.

— Не подходит, — я вновь закрыл глаза, — нас не казнили, а убили при попытке к бегству.

— Да, — огорченно откинулся Лис. — Пожалуй, ты прав. Зато какое шоу! Слабонервных просят удалиться, сильнонервных при-

* Иначе: налуч.

стегнуться. Женщины от безысходности и трагизма заламывают руки, закладывают за воротник и рвут в клочки последнее бикини.

— Лис, ты дашь поспать? — недовольно буркнул я.

— Мертвецким сном?

— Да ну тебя!

— Ты ничего не понимаешь, — не унимался Лис. — Думаешь, хухры-мухры всадить с тридцати метров две стрелы в доску двадцать на тридцать? Да еще если доска под плащом. Да на всем скаку. Да по человеку, который тоже не стоит на месте.

— Не хухры-мухры.

— А трюк с отлетающей головой? А стражник, которого ты зверски заколол недрогнувшей рукою?

— Тоже не хухры-мухры, — вяло отозвался я, но моего друга это явно не удовлетворило.

— Какой талант! Какая джигитовка! Прям Мухтарбек Кантемиров!

— Татарин? — насторожился я.

— Темнота-а! Каскадер!

— А, тогда ничего.

Процедура собственного убиения отчего-то произвела на Лиса неизгладимое впечатление. Он пришел в такой неистовый восторг, что, казалось, готов был вновь и вновь гибнуть на глазах у изумленной публики. Однако заявок на наши головы больше не поступало. Путь опять лежал в Новгород, в объятия старинного приятеля Хельмута Штолля. «Я возвращаю ваш портрет», — не преминул съязвить Лис на канале связи в ответ на распоряжение Володимира Ильича укрыться в гостином дворе ганзейца и озаботиться там кораблем, способным принять на борт невесту имперского принца со свитой и стражей.

— Интересно, почем сейчас корабли на новгородском рынке?

Я лежал, стараясь отрешиться от фонтанирующего остроумия Лиса, искренне считая, что человек, убитый вчера, имеет право на отдых в преддверии новых славных дел. Когда в степи у Калки мы съехались с Ильей Муромцем у заранее заготовленного обезглавленного тела, обработанного для верности Яросветом, глаза наши встретились, он едва заметно кивнул, я резко наклонил голову вперед, прижимая подбородок к груди и приводя этим в движение своеобразную катапульту за спиной, заряженную головой номер два. После чего, стараясь не страховаться, рухнул на землю и, оставив на память «двойнику» свой византийский пурпурный плащ, быстро-быстро пополз как можно дальше от места «гибели».

«Двойника» Лиса обезглавили прямо на глазах у подъехавших монгольских нукеров в то самое время, когда подошедшая ближняя дружина князя Олега Изборского пополнилась двумя невесть откуда

взявшимися витязями. Несказанно расстроенный произошедшим Володимир Ильич громогласно объявил, что, невзирая ни на что, тела убийц будут выданы Субедэю, а головы захоронены в освященной земле по христианскому обычаю, и, развернувшись, поскакал прочь, тем самым раз и навсегда закрывая все возникшие вопросы.

Вечером того же дня он посетил повольника Ропшу, назначенного тут же воеводой полка иноземного строя, и нас, вынужденных отныне путешествовать в обозе, не шибко высовываясь из своего укрытия. «Так сделаем, — говорил он, стараясь придать своему голосу непривычно тихое звучание. — Посол имперский со свитой да с ложною невестой сухом пойдут, через Полонию. Коли есть у кого злой умысел, пусть там себе беды ищет. Вы же найдете доброе ганзейское судно и под ганзейским же флагом с Аленою Мстиславишной — на Альштадт*, поплывете в тевтонские земли. Герман фон Зальца, гроссмейстер орденский, императору словно правая рука. Да, впрочем, что я говорю, вы сами знаете».

Лис искоса глянул на меня, пытаясь скрыть невольный смешок. Еще бы! Мое знакомство с гроссмейстером рыцарского ордена Девы Марии Тевтонской происходило при обстоятельствах, способных заставить почувствовать глубоким провинциалом знаменитого слугу двух господ Труффальдино из Бергамо.

...Известие о том, что буквально в полутора днях пути от шверинских владений состоится тайная встреча между королем Вольдемаром Победоносным и Германом фон Зальца, привело решительного предводителя Лиги северных баронов в состояние неописуемого восторга. Когда же ему стало известно, что их охрана малочисленна, он и подавно бросил все дела и велел ближней гвардии немедля седлать коней. Увещевания Лиса, демонстрировавшего при графе чудеса государственной мудрости, призывы дождаться подхода войск соседей и только после этого выступать в поход не могли остановить его сиятельство. Более того, казалось, мысль о том, что в случае подхода союзных войск с соседями придется делиться не только добычей, но и славой, привела графа в такое неистовство, что он покинул замок с малым отрядом (в который входил и я), предоставляя остальным рыцарям догонять нас в пути.

Вряд ли бы Генрих фон Шверин так спешил, узнай он, что новость о тайной встрече, доставленная ему верным человеком, попала к тому не без помощи Лиса, столь убедительно отговаривающего его от активных действий. Узнай он, что еще до того, как графский конь ступил под арку крепостных ворот, известие о выступлении шверинцев уже неслось в собственные руки и короля, и гроссмей-

---

* Альштадт — позднее Кенигсберг, нынешний Калининград.

стера, он, вероятно, и вовсе бы отказался от мысли захватить тех врасплох. Но эти факты чудным образом ускользнули от внимания нашего «господина», и теперь расстояние, отделявшее графа Шверинского от подготовленной ему западни, сокращалось со скоростью движения рыцарских коней. Сам того не зная, решительный северный мятежник находился на волосок от гибели, но при нем состоял верный я, и, стало быть, грозившая опасность была не страшнее замкового призрака в преддверии третьих петухов.

— Граф, — сказал я, глядя в глаза сюзерену прямо и сурово, — мы уже вблизи врага. Позвольте мне отправиться в разведку. Вы можете рассчитывать на меня, ваше сиятельство.

— Я ценю твою преданность, Вальтер. — Генрих Шверинский хлопнул меня по плечу. — Отправляйся, дружище, да возвращайся поскорее.

Я отправился и, конечно же, нашел то, что ожидал. Объединенные орденско-королевские войска раз в двадцать превосходили графский отряд, о чем с затаенной грустью я и поведал его сиятельству.

— Это западня! — воскликнул обескураженный граф и был, несомненно, прав.

— Да, мой господин, — ответил я. — Но у нас есть одно преимущество. Нам известно, что они стоят здесь, а им о том, что мы близко, вероятно, еще неведомо.

— Так что же ты предлагаешь?

— Сражение в таких условиях было бы безумием. Нам следует отступить, заставив врага ждать и тревожиться впустую. А я же, если будет на то позволение вашего сиятельства, с отрядом не силой, так хитростью задержу их, не дам устремиться за вами в погоню. Могу обещать вам полдня, а если Господь будет милостив, то, может быть, и целый день.

— Я не забуду этого, Вальтер, — прочувственно произнес граф, пожимая мне руку.

Надежды фон Шверина не были обмануты. Объединенное войско не тронулось с места еще сутки. Нечто подобное мною и предполагалось. Но клянусь золотыми шпорами, я дорого бы дал, чтобы узнать, что именно думал и чувствовал каждый из военачальников, читая мои вдохновенные послания. Начинались они с сожаления о том, что злой судьбе было неугодно довести до конца наш замысел и какая-то нелепая случайность дала возможность графу избегнуть хитрой ловушки. Заканчивались же в уверениях абсолютной преданности и мольбой ни в коем случае не сообщать вождю союзников о моей бескорыстной помощи, ибо в одном случае: «Злым умыслом оного из земель отчих изгнан», а во втором: «В ближнем кругу оного изрядно таких, что изменою пробавляются, а мне о том достоверно ведомо».

Целый день получившие секретные известия вожди не трогались с места, подозревая друг друга в разглашении военной тайны, затем... Затем необходимость в их стоянии и вовсе отпала.

Впрочем, Герман фон Зальца по-прежнему мог быть уверен в моей преданности и глубоком почтении.

Пребывание в Новгороде заняло чуть больше двух недель. Старина Хельмут, уже каким-то образом прослышавший о казни на берегах Калки, вначале опешил, увидев нас целыми и невредимыми на пороге своего дома, затем, выслушав адаптированное изложение геройских похождений витязей Воледара Ингваровича и Лиса Венедина, смягчился и дал приют вынужденным подпольщикам. Это было очень любезно с его стороны, хотя, прямо скажем, в благодарность за проявленное гостеприимство долговая расписка ливонского магистра, превращенная у нас на глазах отчасти в ганзейский вексель, отчасти в звонкую монету, похудела примерно на четверть своей первоначальной стоимости.

— И это старый приятель? — бушевал Лис. — Это Международный валютный фонд! Ничего себе у него процент при обмене!

Однако выбирать не приходилось. Как не приходилось, к великому его огорчению, самолично заниматься заготовками, продажей трофеев и тому подобной хозяйственной суетой.

— Обокрали! — возмущался Венедин, услышав очередные сводки наших трат. — Без ножа зарезали! По миру пустили!

Это было некоторым преувеличением, но, похоже, для Лиса, воспринимавшего монеты в чужих руках как личное оскорбление, сопутствующее началу нашей миссии транжирство граничило с трагедией. К счастью, к концу второй недели откуда-то приехал воевода Ропша с невестой его высочества принца Людвига и ее ближней свитой. Еще через три дня большой двухмачтовый когг Ганзейского союза с нами на борту вышел из Ильмень-озера в Волхов, и по мере того как вдали скрывались очертания Софийского собора, Ярославова двора, Неревского и Плотницкого концов, к Лису вновь возвращалось его обычное радостное восприятие мира. А еще через день над палубой уже вовсю гремела задорная Лисовская песня под аккомпанемент гуслей и бубна:

А ежли кто на Русь,
Я мигом разберусь
И ворогом проклятым подотрусь,
Ать-два!
Вали меня под нож,
Хули меня как хошь,
Но Родину не трожь,
Ядрена вошь!

Никогда ранее суровые воды Волхова не слыхали таких разухабистых напевов. Команда корабля, состоявшая преимущественно из той самой странной помеси славян и германцев, населявших берега Балтики, а потому успешно сочетающих славянские суеверия с германским мистицизмом, обнаружив на борту девушек, да еще и незамужних, пыталась впасть в истерику и немедля разорвать контракт в одностороннем порядке.

— Морские девы приревнуют, — твердил просоленный как норвежская сельдь шкипер, закатывая при этом глазные яблоки в такие глухие уголки глазниц, что глянуть в них прямо не представлялось никакой возможности. — Морские девы приревнуют — конец кораблю.

Может быть, ему бы и удалось повернуть судно назад, когда бы не одна веская причина. Причина эта обладала огромными зелеными очами, опушенными длинными ресницами, толстенной русой косой и звалась Татьяной Викулишной. В первое же утро радующийся наконец свободе Лис вылез поразмяться на палубу и столкнулся со взглядом этих задумчивых зеленых глаз.

С этого мига все морские девы могли ложиться на грунт и весь Ганзейский союз мог присоединиться к ним в полном составе. Любые попытки помешать моему другу обхаживать наперсницу княжны были обречены на неудачу. Не катаньем, так битьем влюбленный Венедин заставил экипаж продолжать путь, угрожая в противном случае по одному выбрасывать моряков за борт до той поры, пока остальные не одумаются. Сокрушенные его напором ганзейцы нехотя повиновались, продолжая кидать косые взгляды на влюбленную парочку. Но никакие взгляды не могли свернуть Венедина с выбранного пути, и, к немалому удовольствию прелестной девушки, смутившей Лисовский сон, лихие казачьи песни сменялись английскими балладами, баллады — разухабистым кантри, а уж те — цветистыми историями из жизни, отчасти собственными, отчасти заимствованными у классиков приключенческого жанра.

«А вот однажды, — напустив на себя самый серьезный вид, вещал Лис, — когда мы шли по Бискайскому заливу, налетел чудовищный шторм. Огромные валы швыряли суденышко, точно расшалившиеся ребятишки мячик, молнии рассекали ночную мглу, да так, что казалось, будто кто-то по ту сторону небес огромными вилами ворошит морские волны. Брызги и ветер мешали дышать... И в это время один из матросов крикнул, что в трюме течь...» Татьяна Викулишна, слушавшая пламенного оратора раскрыв рот, всплеснула руками, сопереживая рассказчику.

— Вот Вальдар не даст соврать, — завидев меня, кинул Лис, делая при этом весьма выразительные глаза и показывая из-под полы кулак.

— Не дам, — согласился я. — Я как раз тогда был смертельно ранен, но все прекрасно помню.

— И как же вы выжили? — переключая внимание на меня, поинтересовалась красавица.

— Выжил? А кто сказал, что я выжил?

— Да ну вас, — возмутилась благодарная слушательница. — Что ж вы меня, вовсе за дуру держите? Все бы вам шутить!

— Вальдар не шутит, — поймал пас Лис. — Полдня после этого его пришлось живой водой отпаивать. Хорошо, у меня еще ковшик оставался.

— Да ну! — Девушка изумленно взметнула вверх ресницы. — Это правда?

— Но я же перед вами.

Татьяна Викулишна поразилась неопровержимости моего довода. «Нашел свободные уши», — усмехнулся я, зная, что юную очаровательницу ожидает еще много чудесных историй в том же духе.

— А вообще-то, Лис, на корабле не принято рассказывать истории о крушениях. Дурная примета.

— Крушениях? — Лицо Венедина приняло задумчивое выражение. — А, нет, крушение было во время плавания через Бискайский залив обратно, а в тот раз мы чудесным образом спаслись.

— Как же? — затаив дыхание, поинтересовалась красна девица.

— В трюме нашего корабля, — вновь залился соловьем мой друг, — находился груз солода для английских пивоваров и кули с мукой. Ну, во время шторма все это перемешалось, и когда вода начала поступать внутрь корабля, там образовалось такое тесто, что судно буквально всплыло, и нам пришлось прорубать дыры в палубе, чтобы забродившая смесь не разорвала корабль. Когда показался берег, мы все уже ютились на мачте, а чертово тесто поднялось до уровня фальшборта и начало вываливаться за борт.

— Да ну! — восхитилась девушка.

— То ли еще бывало! — Лис набрал полные легкие воздуха, готовясь начать очередную историю. — Вот однажды... — Набор таких «однажды» у Лиса был неисчерпаем.

— Господин фон Ингваринген. — Плотный коренастый боцман, чем-то неуловимо напоминавший северного моржа, остановился возле меня, склоняясь в почтительном, но не подобострастном поклоне. — Я хотел бы поговорить с вами наедине. — Он бросил на Лиса недобрый взгляд, очевидно, памятуя о клятвенном обещании отрезать и съесть боцманские уши, если тот еще хоть раз заикнется о присутствии женщин на борту.

— Да, я слушаю.

— Ваша юная принцесса, — гневно начал морской волк, — изволила похитить мой кинжал.

— То есть как похитить? — изумился я.

— Она велела мне показать его. Затем сказала, что он ей нравится, развернулась и унесла его с собой. Это очень хороший кинжал, очень дорогой, и я хочу получить его обратно.

— Да, конечно. — Я тяжело вздохнул и, оставляя Лиса затачивать лясы до бритвенной остроты, отправился возвращать имущество незадачливого ганзейца.

Что и говорить, с подопечной нам неслыханно повезло. Это миловидное дитя, уж никак не более четырнадцати лет от роду, выросшее во дворе между княжьими хоромами и гридницей, кометой носилось по кораблю, доводя до истерики мамок, экипаж и нас, своих великовозрастных нянек. Самоустранившийся от этих обязанностей Лис мерзко хихикал, цитируя время от времени куски из «Вождя краснокожих» О. Генри. Впрочем, на наше счастье, невеста принца Людвига была куда добрее и милее несносного сорванца с Дикого Запада.

Подойдя к двери каюты, я постучал, прежде чем открыть ее, и был немедля вознагражден за свою деликатность, поскольку, открой я ее сразу, нож, воткнувшийся в филенку в момент тактичных «тук-тук», имел реальный шанс войти мне аккурат в солнечное сплетение. Оценив этот факт, я выдернул из двери кинжал и стал вертеть его в руках.

— Судя по клейму, «Золинген», хотя и посредственный, — завершив осмотр, констатировал я. — Ваша светлость, и стоило забирать у бедного моряка столь нужную ему вещь? К чему он вам?

— А мне нравится! В конце концов, почему у меня нет кинжала?

— Зачем вам оружие, маленькая барышня, — усмехнулся я, дивясь комичному гневу юной княжны.

— У каждого вольного человека должен быть кинжал! — не задумываясь ни секунды, выпалила она. — Только рабы ходят без них. Это каждый знает.

— Но наш боцман тоже вольный человек, — пытался увещевать ее я. — И он весьма дорожит своим оружием.

— Ну так подарите ему какой-нибудь перстень или десяток золотых монет, и пусть он купит новый. А этот я оставлю себе. Впрочем, — глаза несносной девчонки хитро блеснули, — я готова вернуть боцману его ножик, если вы подарите мне свой.

Я кинул на вымогательницу гневный взгляд. Кованный из метеоритного железа кинжал, стружащий гвозди, как карандаши, стоил, вероятно, поболе, чем вся годовая продукция кузен «Золинген».

— Пожалуй, я лучше подумаю, чем одарить бедного моряка, чтобы он не так горевал.

Я поклонился и развернулся, собираясь уходить.

— А жаль! — в спину мне крикнула дочь Мстислава Киевского. — Я уж совсем было собралась отдать ему эту дрянную железяку.

Наше безмятежное плавание продолжалось недолго. Спустя пару дней после выхода в море с северо-запада потянул пронзительный холодный ветер, и небо, сохранявшее доселе голубизну индейского лета, быстро затянулось изнуряюще низкой серой пеленой, от которой, казалось, отражались и падали вниз слова, сказанные даже самым тихим голосом. Потом ветер стих, и небеса, теперь лишь едва светлевшие в дневное время, опустились совсем уж на клотики мачт. Понимая, чем грозит подобное затишье, матросы, и до того не приветствовавшие присутствие женщин на борту, теперь, завидев их, начинали бормотать проклятия, одаривая ни в чем не повинных барышень весьма недружелюбными взорами.

Заметив это, я распорядился эскорту не выходить на палубу без оружия, и на некоторое время подобная демонстрация силы заставила мореходов прикусить язык. Уж и не знаю, сколько это могло еще продолжаться, но вот очередной ночью, сырой и душной, так что казалось, воздух можно нарезать ломтями, испуганный голос вахтенного разнесся над палубой, пугая дремлющих на бортах чаек:

— Огни святого Эльма!

Я выскочил на палубу, застегивая на ходу перевязь меча, и жуткое завораживающее зрелище предстало моему взору. На клотиках мачт, на ноках рей голубовато-желтым светом играли огоньки, отчего-то весьма напоминающие мне поминальные свечи.

— Огни святого Эльма! — единым выдохом пронесся по толпе суеверный шепот. — Мы обречены.

— А ничего так себе иллюминация, — оценив естественное освещение, заявил вывалившийся из каюты Лис. — Хотя свечей маловато.

Десятки глаз, объятых животным ужасом и оттого особенно злых, обратились к нему в один миг.

— Это они во всем виноваты! — крикнул кто-то.

— Женщины на борту к несчастью! — вторили первому голосу другие. — За борт их! За борт! В жертву морским девам!

— Э-э-э! — беззаботность Венедина слетела с его лица быстрее последнего осеннего листа под ноябрьским ветром. — Куда поползли?! А ну, назад! — В толпе стал ясно слышен звук обнажаемых ножей. Матросы, вооруженные кинжалами, топорами, баграми и дубинами, шаг за шагом начали приближаться к корме, где находились мы. Привыкшие к ярости абордажных схваток, в критические моменты они начисто забывали о каких бы то ни было сословных различиях.

— Жизнь дается один только раз. Но некоторым явно не вовремя, — процедил Лис, поигрывая мечами.

Тяжело вздохнув, я потянул из ножен «Отца вдов», понимая, что на нашем безоблачном вояже придется поставить крест и, вероятно, не один. Высыпавшие на палубу венедские лучники, мои кнехты и повольники Ропши изготовились к бою. Сам новоиспеченный воевода слегка согнул колени, принимая боевую стойку, взмахнул рукой, и из рукава его богатого боярского кафтана, словно вожделенная птичка из фотоаппарата провинциального фотографа, вылетела граненая гирька-кистень на кожаном ремешке.

Замерев, забыв обо всем, два отряда стояли друг против друга, ожидая сигнала к началу схватки. И тут первая штормовая волна, подобно центрфорварду, вышедшему один на один с вратарем, что есть силы пнула когг в корму, заставляя его буквально выскочить из воды и превращая враждебные отряды в одно невообразимое людское месиво.

Кровавое безумие царило на корабле, толкая разумных двуногих тварей рубить, колоть, рвать зубами, убивать ближнего своего безо всякого разбора, начисто забыв об управлении судном. Ореховой скорлупкой летело оно с волны на волну, и те, перекатываясь через палубу, сбивали дерущихся с ног, бросали безжизненными куклами на мокрые доски, швыряли за борт, но так и не могли остудить отчаянного остервенения этих обреченных на скорую гибель людей.

— Остров! — внезапно крикнул кто-то и тут же рухнул с перерезанным горлом.

И в тот же миг страшный, леденящий душу треск, каковой бывает, лишь когда крепкое просмоленное дерево ломается при ударе о камни, сотряс то, что еще секунду назад именовалось кораблем. Следующая волна, пришедшая на смену той, что швырнула суденышко на скалы, молотом ударила в корму, перебрасывая жалкие останки ганзейского когга через зубастую челюсть прибрежной отмели на мокрую каменистую осыпь неведомого острова.

Обессиленные, разбросанные по берегу, мы с ужасом дожидались утра, чтобы увидеть, как разделила судьба на выживших и мертвых всех тех, кто лишь несколько дней тому назад мирно и неспешно покидал новгородскую землю.

— *Капитан, ты жив?* — услышал я на канале связи опасливо-осторожный голос Лиса.

— *Да,* — буркнул я. — *Хотя с тем, как я промок, и здешним ветром, не думаю, что этот процесс продлится слишком долго.*

— *Ну, слава Богу!* — обрадованно вдохнул Лис. — *А теток наших не видел?*

— *Нет. Но они были на корме, так что, возможно, им тоже повезло.*

— О, блин, какое попадалово! — Судя по тону, мой друг готов был рвать на голове не только волосы, но и все прочие выпирающие части. *— Ну это ж надо было так лохануться! Японский городовой, если с ними, не дай Боже, что-то случится, я себе этого вовек не прощу...*

Он хотел добавить еще что-то, но то, что произошло в следующий миг, прервало его речь и ввергло спасшихся в трепет еще больший, чем огни святого Эльма.

Откуда-то из глубины острова, с отвесного утеса вдруг показался светящийся шар, медленно движущийся к кромке береговых скал. Когда он приблизился настолько, что бледное сияние уже не мешало лицезреть то, что оно окружало, мы увидели невысокого мужчину в странном одеянии, разрисованном драконами, со слабо изогнутой саблей и подобным же кинжалом за поясом, с раскосыми глазами, высоко выбритым лбом и длинными черными волосами, собранными в пучок на затылке.

Завидев подобное, все, кто пережил кораблекрушение, рухнули ниц, требуя немедленной защиты у небес от злого духа. Лишь мы с Лисом опознали в светящемся пришельце стопроцентного самурая, судя по мону*, явно из клана Санада. Неспешно, храня благородное величие, самурай приблизился к корабельному остову, в накрененном состоянии торчащему между двух скал, и скрылся в обломках корга. Отсутствовал он недолго, чуть больше минуты, затем появился вновь и, сдержанно поклонившись в ту сторону, где, очевидно, находился Лис, произнес одно лишь слово, окончательно повергшее в прострацию вынужденных свидетелей. «Живы», — не преминула перевести нам система «Мастерлинг», после чего самурай степенно растаял в воздухе, а мы с Лисом, не сговариваясь, со всех ног припустили туда, где только что стоял наш таинственный помощник.

— Где вы были так долго? — возмущенно встретила меня Алена Мстиславишна. — Здесь мамки устроили плач, будто на тризне. А вы, Лис Венедин, отлепитесь от моей Таньки! Вас не ее, а меня стеречь приставили. Да закройте вы рты, квочки! — поворачиваясь к белым как полотно придворным дамам, скомандовала она. — Чего ревете, точно белуги, не видите, что ли, все обошлось.

Мы поспешили наружу, торопясь вывести людей и бесившихся в трюмных яслях коней на убогую островную твердь.

— Мавр, хороший мой, испугался. — Я обнял шею коня, пытавшегося грудью и копытами расчистить себе дорогу на волю. — Спокойней, спокойней.

— Что за черт! Опять, что ли, тетки воют? — Лис, уже выведший на берег своего андалузца, гневно оглянулся.

---

* Мон — японский герб.

— Да вроде нет.

— Да кто ж тут воет? Вальдар! — вдруг завопил он, едва не срывая голос. — Сюда! Скорее!

Я вылетел пулей, пытаясь сообразить, какой еще напастью решила нас одарить напоследок сегодняшняя ночь.

— Вон! — Венедин ткнул пальцем в сторону бушевавшей стихии. — Вон-вон, гляди!

Я уставился туда, куда указывал мой друг. Исчезая в предрассветном полумраке, в серой мешанине волн кроваво-алым пятном виднелся распластанный во всю ширь богатый плащ с затейливым золотым шитьем по краю. Он то рвался к берегу, то вновь уносился прочь, словно не зная, что и решить.

— Это плащ Эрхарда из Вагры, — меняясь в лице, мрачно бросил Лис. — Похоже, Горе-злосчастье в розницу грозит обойтись нам куда как дороже, чем оптом.

Глава 11

Пристают к заставе гости...

Из протокола

Разделка останков судна и строительство временного жилища продвигались полным ходом, когда на канале связи вдруг возник Лис, отправившийся в глубь острова на разведку.

— *Вальдар, вы только не обижайтесь, но я вам таки шо-то скажу.*

— *Что случилось?* — встревоженно бросил я, прикидывая, как бы получше переместить на берег вполне сохранившуюся каюту Алены Мстиславишны.

— *Ровным счетом ничего,* — успокоил меня Венедин. — *Если, конечно, не считать, что эта часть суши, со всех сторон окруженная водой, наш с тобой любимый остров.троллячьей задницы.*

— *Как, опять?!* — В тоне моем послышалась безысходность. Было отчего впасть в отчаяние.

Этот клочок земной тверди, едва-едва покрытый обычной для северных широт хлипкой растительностью, вовсе не имел источников пресной воды, а все, на что мы могли рассчитывать в качестве еды, были обитавшие на острове птицы, их яйца и, возможно, выловленная в прибрежных водах рыба. Не слишком густо, особенно учитывая приближавшиеся осенние шторма. Памятуя же, что ост-

ров и до нашей «драки» с троллем посещался нечасто, а уж после нее и вовсе стал притчей во языцех, ситуация складывалась весьма безрадостная. Нам следовало готовиться к продолжительной робинзонаде, причем отнюдь не в тропических широтах.

Вполне возможно, что, начни мы сегодня требовать спасательный катер, институтское начальство ближе к зиме сочло бы ситуацию достаточно критической для того, чтобы выслать нам помощь. Но при нынешнем положении дел даже Лис, твердивший всю дорогу, что проблемы этого мира волнуют нас исключительно с теоретической точки зрения, отказался бы бросить на острове товарищей по несчастью и уж тем более свою зазнобу и юную княжну.

— *Что делать будем?* — поинтересовался мой друг.

— *Для начала строить дом,* — мрачно изрек я, понимая, что сейчас главное — занять всех делом. В противном случае путь до помешательства и каннибализма проходился со скоростью курьерского поезда.

— Воледар Ингварович, — подошел ко мне Ропша, — у нас четверо человек тяжело ранены, двое вряд ли доживут до вечера. У остальных же, почитай у всех, так, по мелочи.

Что такое «по мелочи» в устах повольника, я себе вполне представлял. Это мог быть и синяк под глазом, и изрядный след от кинжала через всю грудь.

— Мамки пусть займутся тяжелоранеными, — кивнул я, — остальным скоблить с камней мох и прикладывать к ранам, иначе загноятся.

Вчерашнему ватажнику сказанное было понятно и без моих слов. Он и сам вполне мог справиться с обязанностями главного робинзона, и лишь мое старшинство в возрасте заставило его избрать роль подчиненного.

— Я здесь на утесе расселину нашел, — продолжал Хват, — по ней в дождь вода стекает. Так что, ежели желоб сработать да в камне колодец выдолбить, глядишь, и при воде будем.

— Дельно, — согласился я. — А я вот что думаю, надо нынче сети сплести да птиц наловить.

— Жарить будем?

— И жарить тоже, — согласился я. — Но тут иной резон есть: пока у нас пергамент да чернила не перевелись, надо записки написать да к птичьим лапам привязать. Птицы вокруг кораблей летают, глядишь, кто и найдет письмецо.

— Да как же мы укажем, где нас искать? — удивился Ропша.

— Ну-у, место это примечательное. — Я скривил губы в усмешке. — Мы с Лисом против тролля здесь бились.

— Ишь ты! — изумился повольник. — Так, значит, не байка про тролля-то?

— Да уж какая тут байка, — вздохнул я так тоскливо, что всякий вопрос о правдивости моих слов отпал сам собой. — Вернется Лис, могу тебя сводить, показать, где окорока его торчат.

Ропша покачал головой:

— Да, занесло нас. Сказывают, недоброе это место.

— Верно сказывают, — согласился я. — А потому след на ночь здесь охрану выставлять вокруг лагеря, а то не ровен час какая нечисть нагрянет.

— Против нечисти-то, — мрачно заметил Ропша, — оружием нашим не шибко постоишь. А... — Он замялся.

— Что? — спросил я, видя заминку боевого товарища.

— Да вот люди бают... — неохотно начал повольник.

— Что бают-то?

— Бают, что Лис Венедин не токмо витязь отменный, но тако же и кудесник. И что он с самим Яросветом-ведуном дружбу водит.

— Водит, — согласился я, как бы случайно оставляя без ответа остальную часть вопроса.

— А еще люди говорят, что морок, который нынче ночью на берегу видали, Венедину служит.

— А! Это о-о-о... у-у-у... — Я поднял вверх указательный палец и, переходя на полушепот, предложил: — Вот ты у самого Лиса и узнай, служит ему этот морок или нет.

Честно говоря, за сегодняшнее утро ни у меня, ни у тех, кто пережил вместе с нами вынужденную высадку, не было времени задумываться над природой необычайного явления, свидетелем которого мы были. Лишь об одном мы с Лисом могли судить более чем однозначно: наш утренний пришелец никоим образом не походил на обитателя здешних мест и, вероятнее всего, каким-то образом был связан с амулетом, подаренным Лису таинственным Яросветом.

Амулет этот, как и велел чародей, Венедин не снимал, таская под одеждой. В первое время, в те самые дни, когда мы в Ропшином обозе тащились до Новгорода, Лис силился добиться от этой древней безделушки если не магических, то хоть каких-то действий: он тер его, стучал по нему пальцем, шептал со зловещим видом: «Сезам, отворись!» и прочие «крибле-крабле-бумс», но волшебная, по уверению Яросвета, вещица с абсолютным презрением игнорировала все попытки активизировать ее магическую мощь, сохраняя надменное, овеянное многими веками величие.

— Слушай, — в очередной раз гневно вопрошал Венедин, вертя в пальцах причудливо изогнутого китайского дракона на тонкой золотой цепи, — ты не в курсе, у всего этого магического хлама, часом, не бывает пенсионного возраста? Может, эта хрень уже того, давным-давно выдохлась?

Мне оставалось лишь пожимать плечами. Все, что можно было рассказать другу об этой странной вещице, я поведал ему уже в первый день. Впрочем, то была всего лишь краткая историческая справка, да и то не о самом амулете, а о его вроде бы как первом хозяине.

Великий мастер Ю Сен Чу, читавший лекции по истории Древнего Китая в Кембридже, повествовал, что когда-то, давным-давно, за два с половиной века до нашей эры в Поднебесной жил молодой принц. Как и большинство царских детей, его ожидало безрадостное детство, и оно его дождалось. Ранняя смерть отца, протекторат безвольной матери и ее коварного любовника... Впрочем, на этом гамлетовская завязка истории его царствования и закончилась.

В один прекрасный день к юному принцу, носившему тогда имя Ин Джен, явился в гости дедуля, своим убогим одеянием совершенно не гармонирующий с роскошью дворца. Возможно, визит бы прошел незамеченным, но после него вдруг тринадцатилетний принц открыл заговор против себя, казнил виновных, привел к общему знаменателю до того весьма своенравный двор и... еще через десять лет все шесть царств Поднебесной были собраны под единой могучей рукой Ин Джена, принявшего теперь новое императорское имя Цинь Шихуань-ди.

Дальнейшие реформы сыпались как из рога изобилия: он ввел единые деньги на всей территории страны, единые меры веса, емкости, длины, единую систему письма и единые, обязательные для всей Поднебесной, законы. Понятное дело, что такая власть непременно вызвала зависть врагов внутренних, а неслыханные богатства, текшие нескончаемым потоком в сокровищницу Цинь Шихуань-ди — врагов внешних. Однако и тех, и других великий император крушил с легкостью, едва лишь отвлекаясь от своих обычных дел. А среди них было и строительство Великой Китайской стены, возведенной всего лишь за два года, и дворца Эпан, простиравшегося на сто пятьдесят километров и имевшего один только передний зал размерами сто семьдесят на восемьсот метров, и усыпальницу, в любом углу которой могла свободно поместиться самая большая из фараоновых пирамид. Когда же, на радость многих, грозный император умер, ему наследовал сын Эр Шихуан. Однако его правление было кратким и безрадостным — созданная Цинь Шихуань-ди империя развалилась на отдельные царства, едва успел остыть труп ее владыки.

Что еще я мог рассказать Лису? О том, что император Цинь Шихуань-ди был на редкость суеверен и, не жалея сил и средств, искал эликсир вечной жизни и даже отправлял экспедиции ловить лунного зайца, по легендам, обитающего на ночном светиле? Что он построил башню из чистого золота для шарлатана, выращивающего траву бессмертия, вымачивая семена «пяти злаков» в смеси из костно-

го мозга журавля, толченых черепашьих панцирей, рогов носорога и яшмы? Немало поучительных легенд и историй, но ни слова об изящном черном драконе на филигранной цепочке, украшавшем ныне грудь венедского лучника.

Строительство нашего временного обиталища шло вовсю, и я уже начал надеяться, что ночевать нынче мы будем под крышей, а возможно, даже и в четырех стенах, когда один из мореходов, обкладывавший камнями нижнюю часть стены, внезапно заорал что есть мочи:

— Корабль! На горизонте корабль!

Все взоры обратились туда, куда указывал матрос. Среди волн, уже потерявших штормовую ярость, но все же весьма резво скакавших навстречу серой в темных разводах драной ряднине балтийского неба, из стороны в сторону, словно ванька-встанька, раскачивался крутобокий неф, держащий курс к острову.

— Кого это, интересно, сюда принесло? — Стоявший рядом со мной Лис начал всматриваться в прыгавшее на волнах суденышко, стараясь разглядеть эмблему на флаге.

Наш берег огласился громкими нестройными воплями, призванными привлечь внимание экипажа неизвестного корабля. И хотя с такой дистанции нас явно не было слышно, вероятнее всего, еще даже и не видно, все собравшиеся на берегу вопили самозабвенно, рискуя сорвать голос еще до того, как первые звуки донесутся до нефа.

— Это ж надо, как подфартило! — пробормотал мой друг. — Интересно, что его сюда занесло?

— Какая, в сущности, разница? — Я пожал плечами. — Главное, у нас вновь появляется шанс добраться до большой земли, а там уж, даст Бог, разберемся.

— Так-то оно, конечно, так, — неспешно кивнул Лис, продолжавший вглядываться в приближавшийся корабль, — но тут, пожалуй, есть одна закавыка. — Он повернулся ко мне с выражением, явно нешутейным. — Ты видишь на мачте этого нефа красный флаг?

— Ну, что-то там такое, — начал я.

— А я вижу. И на этом флаге — золотой леопард. Это шверинский корабль. Причем, похоже, боевой. Так что с поздравлениями пока что можно повременить.

— Э-эй, мы здесь! Спасите нас! — кричали люди на берегу, размахивая, кто чем.

— Эх, сделать бы так, чтобы он не пристал, — безнадежно махнув рукой, прошептал Венедин. — Как-то не тянет меня зимовать в подземельях.

— Погоди, Лис, — поморщился я. — До Шверина еще путь неблизкий. И сбежать можно, и, на крайний случай, попробовать бунт на корабле поднять.

Венедин посмотрел на меня тоскливо.

— Наших тут — раз-два и обчелся. Ганзейцы, едва ступят на борт корабля, сдадут нас с потрохами, так что особо не набунтуешь. К тому же ты забыл о тетках. Прикинь, в руки старины Генриха попадет невеста императорского принца. Как ты думаешь, скоро она своего суженого после этого увидит?

Я нахмурился:

— Боюсь, что никогда.

— Эй! — кричали люди на берегу, обуреваемые надеждой на скорое спасение. — Мы здесь!

Лишь мы с Лисом глядели на приближающееся судно, моля небеса совершить чудо и внушить мысль шкиперу повернуть его вспять. Но оно все приближалось и приближалось. Червленый вымпел с леопардом уже во всей красе был виден каждому из стоящих на берегу, и тут Лис потряс головой, словно отгоняя морок:

— Капитан, ты видишь то же, что и я? В смысле, я схожу с ума или они поворачивают?

Сомнений не было: корабль, находившийся не более чем в двух кабельтовых от берега, явно отворачивал в сторону.

Невозможно передать словами то отчаяние, которое овладело всеми, находящимися на острове, при виде исчезающей за горизонтом кормы нефа. «Ничего еще не потеряно», — утешали собратьев по несчастью мы с Лисом. «Верно, — поддерживал нас Ропша. — С борта, видать, буруны разглядели, вот и решили, неча на скалы лезть. По такой волне к острову не пристанешь. А как море утихнет, они сюда вновь придут. Нас-то, поди, виднее было, чем буруны».

И я, и Лис были благодарны повольнику за поддержку. Лишь совместными усилиями порядок и дисциплину среди робинзонов удалось восстановить. В унынии, кутаясь кто во что, отправлялись они к сооруженной из обломков корабля хижине, надеясь провести в ней ночь хотя бы с каким-то, пусть самым мизерным, комфортом.

Чтобы скрыть от невольных сподвижников ту радость, которую мы испытывали, нам следовало уйти подальше от чужих глаз, «дабы страдания и стенания начальствующих не смущали и не вводили в панику подчиненных». Конечно, с уходом судна проблема оторванности от мира вновь приобретала свою остроту, но у нас по-прежнему оставалась свобода бороться за свою жизнь любыми средствами. А это было немало.

Доверив Ропше расставлять посты, мы удалились туда, откуда всего несколько месяцев назад началась наша «небольшая» командировка в Новгород. Все так же торчала из пещеры кремнистая туша тролля, все так же плескалась о скалы острова балтийская волна, все так же орали чайки, и мы все так же стояли у запечатанных дверей

между мирами. Дав Лису полную возможность развлекаться выстукиванием посланий Институту морзянкой по троллячьей ягодице, я отправился туда, где полыхал некогда огненный круг, спасая нас от лап монстра. Когда-то здесь должны были сойтись в смертельном поединке подлый изменник, то есть я, и верный патриот, сиречь Венедин. Я криво усмехнулся.

Не знаю уж, в чью светлую голову пришла идея, что для компенсации слишком быстрых успехов Реконкисты в Испании следует сохранить сильную Данию, но наша миссия звучала однозначно: «Предотвратить пленение короля Вольдемара Победоносного». Ничего себе заданьице, учитывая, что у самого потомка викингов в голове уже давно наступила республика, отчего он сует ее в любую маломальски пригодную для этого дыру.

В этот раз дыра была не просто пригодна, а специально приготовлена Генрихом Шверинским для головы и всех оставшихся частей тела буйного венценосца. Крепость Тромменштайн, выстроенная графом на землях ободритов, имела исключительное стратегическое значение, позволяя отрезать Шверину судоходный путь к Балтике и тем самым практически обезопасить подвоз датского десанта морским путем. Естественно, когда комендант крепости вошел в тайные переговоры с Вольдемаром, обещая за соответствующее вознаграждение сдать ему Тромменштайн, монарх заглотил и наживку, и половину идущей наверх лески. Он моментально двинулся вперед, стараясь не упустить миг удачи, как видно, начисто позабыв, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Генрих Шверинский уже потирал руки, предвкушая, как захлопнется за спиной короля Вольдемара западня, как въедет тот в открытые ворота крепости и останется в ней один, в окружении гарнизона, преданного графу. Вероятно, все бы так и было. Уж и не знаю, что произошло с посланным мною гонцом, везшим королю уведомление о засаде, но Вольдемар мчался, как шар в лузу, и слышать ничего не желая об опасности. Настало время действовать самим. Благо, пост начальника шверинской стражи позволял мне вести активные действия.

План не нужно было вынашивать, готовить втайне, он был уже готов, и оставалось только наклониться, чтобы подобрать его. Последние три месяца Аделаида фон Шверин-Мекленбург, терзаемая любовной мукой, из-за редкости наших тайных свиданий, похоже, пришла в полнейшее неистовство. При каждой встрече она самозабвенно твердила, что желала бы наконец-то остаться молодой вдовой и немедля по окончании срока траура сочетаться со мной законным браком. Я старательно отнекивался, пытаясь объяснить ей, что вряд ли бароны Северной лиги потерпят вестфольдинга во главе Шверина. Она давила, я сопротивлялся, и так раз за разом.

И вот теперь час пробил. Когда фон Шверин с войском отбыл ловить датского короля, я, выждав немного, заявил во всеуслышание, что получил известие о гибели графа, и потребовал у двора, гарнизона и городского старшины немедленной присяги законной наследнице.

Мой план удался на славу. Среди тысяч прилежно присягнувших нашелся десяток тех, кто решил воочию убедиться в гибели своего сюзерена. Узнавший о собственной смерти граф Генрих пришел в звериную ярость и, грозя испытать на мне сорок казней египетских и еще десяток местных, бросился к родным стенам искоренять злую измену. Всецело увлеченный этим делом, славный граф, похоже, начисто забыл о том, ради чего покинул стены своей резиденции. Развернув войско, он устремился к Шверину, оставив королю Вольдемару возможность спокойно маршировать к Тромменштайну.

Подошедший к стенам крепости победоносный монарх попытался было напомнить коменданту оной о его жгучем желании перейти под датские знамена, однако тот, не дождавшись ни своего законного сюзерена, ни каких-либо внятных от него распоряжений, решил действовать на свой страх и риск. Гарнизон крепости изготовился к бою, чем привел Вольдемара Победоносного в явное недоумение. Король, вовсе не бывший новичком в военном деле, тут же заподозрил подвох и, решив, что его желают окружить, прижав к крепостным укреплениям, приказал трубить отступление.

В то время, когда Вольдемар Победоносный стоял под стенами Тромменштайна, его противник готовился штурмовать совсем другие стены.

— Мы обречены, — объяснял я Аделаиде, показывая, что Генрих возвращается, не вступив в бой с моим родственничком. — Помощи ждать неоткуда. По-видимому, люди твоего мужа перехватили моего гонца.

— Но мы можем сражаться! — сводя брови на переносице, жестко отвечала внучка Генриха Льва.

— Гарнизон ненадежен, — вздыхал я. — Силы слишком неравны.

— Мы можем бежать вместе! Мы доберемся до Мекленбурга, я подыму против мужа все свои владения. Призову князей-ободристов...

— Нет, — качал головой я. — Слишком опасно. Ты можешь погибнуть в пути.

— Ты тоже!

— Мне не привыкать. К тому же гадалка обещала мне долгую жизнь. Твоя же бесценна для меня! — Желваки катались при этом по моим скулам, и две суровые колеи-морщины поднимались ко лбу от переносицы. — Я уйду один со своими людьми. Ты же скажешь, что я обманул тебя, подсунув ложное послание. Что я домогался твоей любви и хотел стать новым графом. Что едва ты узнала о моей

измене, повелела взять меня под стражу, но мне удалось бежать, перебив охрану. Ты радостно откроешь ворота своему мужу и встретишь его со всеми почестями.

— Я ненавижу его! — Воинственная северная дева стучала мне в грудь вполне увесистыми кулаками. — Я не желаю его видеть!

— Поверь, я тоже. Но ты сделаешь то, что я тебе говорю, тем самым отведешь от себя подозрения и сохранишь свою драгоценную жизнь. Когда же все уляжется, ты сможешь, не привлекая особого внимания, покинуть Шверин и перебраться в Мекленбург. Я найду тебя там.

Дело было сделано. Я умчался из Шверина всего лишь за пару часов до появления у его стен передовых отрядов графа Генриха. Тот брызгал слюной во все стороны, не сподобившись получить меня в свои руки, когда пред его ясны очи предстал Лис Венедин и поклялся на оружии не возвращаться более в эти места без моей головы. А еще через несколько дней два «заклятых врага» высадились на острове, затерянном посреди Балтийского моря, чтобы свести последние счеты с этим миром. Но не судьба...

— Але, Капитан, ты тут шо, решил ночевать под открытым небом?

— Что? — Я повернулся на голос, отгоняя воспоминания.

— Шо ты стоишь, как памятник себе? Где диалектический подход и историческая справедливость?

— В каком смысле? — непонимающе спросил я, констатируя по цветущему виду своего друга, что обстукивание каменного окорока дало какие-то весомые результаты.

— В смысле памятника двум бравым Мальчишам-Кибальчишам, гордо заныкавшим от злобных буржуинов и коварных феодалов страшную военную тайну.

— Лис, ты о чем?

— Прикинь, мы будем стоять здесь, протянув руки... то есть нет, я хотел сказать, вытянув руки и протянув ноги... хотя нет, и это тоже как-то не то. Но не суть важно, мы будем стоять, два несгибаемых Мальчиша, капитаны Ким и Буран. Пройдут пароходы — привет Мальчишам, пролетят самолеты — привет Мальчишам, пройдут пионеры... хотя нет, пионеры здесь не пройдут...

— Ли-ис!

— Короче, внимай. По ту сторону тролля во всю богатырскую мочь суетятся криптобиологи. Понятное дело, они тихо ошалели, услышав морзянку с нашей стороны, но потом, как ни странно, среди них нашелся кто-то цивилизованный и сумел прочитать мое послание потомкам.

— Ну-ну-ну, и что дальше?

— Ну, сначала они нас, понятное дело, поблагодарили за неоценимый вклад в криптобиологию, выразили надежду на скорую встречу, сообщили, что горят желанием пожать нам не то чтобы руки, скорее горло, но в целом — весьма милые ребята. Во всяком случае, пока они по ту сторону тролля.

— Лис, не томи, дальше-то что было?

— Ах дальше! — словно вспоминая о чем-то, хлопнул себя по лбу мой глумливый напарник. — В общем, я попросил подогнать сюда Рассела, а по пути подкинуть ему мыслишку, что неплохо бы прислать сюда какой-нибудь корабль.

— Какой корабль, ты о чем?

— Я так думаю, лучше, чтоб побольше, а то задолбала эта скученность. Ты как считаешь?

— Откуда у Рассела возьмется здесь корабль?

Лицо Лиса внезапно стало серьезным.

— Да, честно говоря, мне наплевать. Как ты считаешь, у Института в этом мире агентура есть?

— Конечно, — ответил я.

— Я надеюсь, среди них найдется кто-нибудь, по статусу выше чистильщика сапог в Бомбее. Вот пусть отвалят ему купу грошей на покупку судна. Что он там будет плести — дело десятое, это забота разработчиков. Если хочешь, я тебе навскидку могу дать пару версий: Вальдар фон Ингваринген, прежде чем исчезнуть вдали, зарыл здесь богатый шверинский клад. Или, скажем, мозоли, срезанные с окаменевшего тролля, обладают магическими свойствами, и человек, который постоянно носит их за пазухой, в воде не горит и в огне не тонет.

Я усмехнулся:

— Мысль, конечно, неплохая. Но даже если в Институте тут же дадут «добро», если бухгалтерия мгновенно изыщет требуемые средства, если ближайший стационарный агент, бросив все, займется снаряжением корабля, в лучшем случае он будет здесь через месяц. К этому времени шторма по Балтике будет гулять как по бульвару. Учитывая же репутацию этого острова, того, кто согласится плыть сюда, еще надо будет сыскать.

— Ничего, — отмахнулся Лис, — авось сложится. В любом случае попробовать надо. Потому что как ни крути, а корабль во как нужен. — Он рубанул ребром ладони по горлу. — Эх, блин, знать бы, как этот «чух-чух» в дракона превращался. Из теткиных платьев бы дельтаплан сварганили... Я бы враз за новым кораблем смотался. Эй! — Он постучал себя пальцем по груди в то место, где под нательной рубахой таился волшебный китайский дракон. — Хуанхе твою налево, сделай-ка мне тут корабль. И шоб никаких джонок! Не хватало еще по Балтике на цветочных корзинках рассекать. — Произ-

неся это, Венедин обернулся, словно выискивая, не появилось ли где вожделенное плавательное средство. — Н-да, — грустно констатировал он, понимая, что ожидаемых изменений в обозримом пространстве не произошло. — Кроме мордобития, никаких чудес.

— Ладно, — утешил я Лиса, — пошли к троллю. Не ровен час Рассел объявится.

Ожидание двадцать третьего герцога Бедфордского затягивалось. Ночь уже начала клониться к утру, и предрассветная сырость пробирала до костей, заставляя плотнее кутаться в плащ, когда над островом вновь послышались громкие крики.

— Что-то происходит, — прислушиваясь, сказал Лис.

— Надеюсь, не нечисть какая. — Я опасливо поглядел на нашего кремниевого знакомца.

— Вальдар Ингварович, Лис! — Запыхавшийся Ропша, придерживая путавшийся меч, выскочил на наше мемориальное плато. — Насилу вас сыскали!

— Что такое? — встревоженно спросил я. — Что-то случилось?

— Парус на горизонте! — радостно выдохнул повольник. — С той стороны. Отсель не видать.

— Ну, вот и приплыли, — едва слышно прошептал Лис.

Глава 12

Путешествие длиной в тысячу миль завершается одним-единственным шагом.

Третье следствие принципа Питера

Лис поглядел на меня, стараясь скрыть нахлынувшую тревогу. Шторм уже почти утих, и теперь для умелого шкипера пристать к берегу не составляло большой трудности.

— Неф вернулся? — маскируя волнение радостным возбуждением, спросил я.

— Нет. — Ропша покачал головой. — На парусах черные кресты. Тевтонский когг.

Массивные валуны упали с наших душ и, покатившись, сорвались с утеса вниз. Кажется, мы даже слышали громкий всплеск.

— Так что же мы стоим?! — выпалил Лис. — Скорее к берегу!

Тевтонский когг, борясь с прибрежной волной, промеряя глубину лотом, медленно, но неуклонно подходил все ближе к острову. Ликующая толпа робинзонов приветствовала своих спасителей громкими воплями, и с борта корабля уже тоже кричали моряки, призывая держаться, обещая скорое освобождение из островного плена.

— Слушай, Лис, — негромко сказал я, вглядываясь в приближающееся судно, — все это, конечно, восхитительно, но тебе не кажется странным, что за одни сутки в этих водах очутилось сразу два корабля. А считая с нашим, даже три.

Венедин посмотрел на меня с явным недоумением.

— Подумаешь, ну оказались. В конце концов, а почему бы им здесь не быть?

— Да так, — я пожал плечами, — просто им тут нечего делать.

Эту фразу Лис не удостоил ответом.

Тевтонский когг, вышедший неделю тому назад из Альштадта для патрулирования ганзейских торговых путей, был слегка потрепан штормом, но в целом вполне пригоден для дальнего плавания.

— Чертовы волны занесли нас сюда, — рассказывал шкипер, когда мы уже перебрались на корабль и он отчалил от берега. — Впрочем, не будь их, кто знает, сколько бы вам пришлось ждать спасения. — Он бросил почтительный взгляд на юную княжну, как бы вспоминая о внезапно возникшей необходимости подбирать слова в разговоре. — А вчера днем заметили на воде обломки корабля, ну и решили... — он сделал паузу, явно подбирая слова, — разбился, видать, кто-то на этих скалах. А потом птицу с запиской поймали, ну и пришли вот. — Похоже, лишенная привычных, милых сердцу капитана забористых оборотов речь давалась ему с великим трудом.

— Видишь, — повернулся ко мне Лис, — а ты спрашивал, откуда корабль. Все ясно, как белый день.

Я молча кивнул. Корабль возвращался в Альштадт, и меня больше волновало, чтобы он добрался до него без каких-либо новых приключений.

— *Джокеры!* — раздался в наших с Лисом головах возмущенный женский голос. — *База Европа-центр вызывает Джокера-1 и Джокера-2.*

— *Слушаю тебя, моя радость.* — Мы переглянулись, понимая, что такой тон начала связи не сулит ничего хорошего. Обычно начало звучало: «Але, Джокеры! Это База, как там у вас?»

— *Я вам не радость!* — гневно бросила «база».

— *Это уж точно,* — не преминул прокомментировать Лис.

— *А вас, Джокер-2, вообще попрошу воздержаться от реплик. Живы, и слава Богу,* — вовсю бушевала диспетчер. — *Что вы там за шутки шутите?!*

— *Мы шутим?* — непонимающе переспросил я.

— *По вашей милости представитель Ее Величества в Институте двадцать третий герцог Бедфордский битый час колотил по морде несчастного тролля, тем более чуть-чуть ожившего. Он ему чуть руку не отхватил!*

— *Кто кому?* — поспешил поинтересоваться Лис.

— *Джокер-2, воздержитесь от своих глупых шуточек! Куда вы делись? Почему не вышли на связь?*

— *Видишь ли,* — начал я, вспоминая о том, как совсем недавно ей пришлось втолковывать, что после того как мы лишились голов, нам уже особо ничего не угрожает, именно поэтому мы были вынуждены покинуть берега Калки, не дождавшись спасательного катера. — *Видишь ли,* — вновь повторил я после короткой паузы, — *у нас опять произошла небольшая неприятность. Нас, как бы это так выразиться, спасли.*

— *То есть как это — спасли?!* — В голосе девушки послышалась затаенная угроза. — *А что же тогда за глупый цирк с троллем?*

— *Понимаешь, приплыл тевтонский когг, и сейчас мы направляемся именно туда, куда шли с начала плавания.*

— *Ну знаете!* — неожиданно взорвалась диспетчер. — *Вы абсолютно несерьезно относитесь к работе!* — Голос Базы пропал.

— Вот так, — переводя взгляд с меня на бегущие за бортом волны, констатировал Лис, — с Базой мы, похоже, покончили. Теперь ее можно будет вызывать только для того, чтобы продиктовать свои завещания. Мы, видишь ли, несерьезно относимся к работе. — Он сокрушенно развел руками.

Крепость Альштадт пока еще тяжело было назвать крепостью. Построенная, очевидно, на месте старого славянского городища, она уже вздымала ввысь первые башни, но куртины между ними еще лишь возводились, и сотни рабочих, суетящихся на лесах, радостными криками приветствовали возвращение в гавань очередного корабля. Крепость, которая должна была стать одним из центров тевтонского рыцарства, еще только возводилась, еще не просох раствор, соединяющий тяжеленные каменные блоки, но над въездными воротами, через которые мы попали в Альштадт, уже красовался герб с червленой короной в серебре и серебряным лапчатым крестом в червлени.

Герман фон Зальца, по всей видимости, извещенный портовым начальством о прибытии невесты принца Людвига со свитой, спешил любезно встретить нас во дворе и проводить в покои гроссмейстерского дома, также отличавшегося явной свежестью постройки.

— Весьма польщен вашим визитом, моя добрая княжна. — Закаленный в схватках, овеянный ветрами дальних странствий воин учтиво накинул на руку край плаща и протянул ее Алене Мстиславишне.

— Благодарю вас, господин магистр. — Юная киевлянка, совсем еще недавно развлекавшаяся разоружением экипажа своего корабля и мелким вымогательством, внезапно преобразилась, становясь вроде бы даже на пару дюймов выше. — Я не забуду вашей доброты. Можете поверить, вы всегда будете видеть во мне верную союзницу и послушную ученицу.

Лицо ветерана крестовых походов едва заметно покраснело от скрываемого удовольствия.

— Всегда к вашим услугам, моя госпожа.

— Растут дети, — чуть слышно прошептал гарцевавший рядом со мной Лис. — Если так дело пойдет, у Священной Римской империи вскоре будет весьма дельная императрица.

— Принц Людвиг — младший сын, — напомнил я. — И он не является престолонаследником.

— Пока не является, — глядя, как почтительно смотрит на Мстиславишну один из лучших рыцарей и первый дипломат Европы, констатировал Лис.

— Пожалуйте в мой дом, господа. — Фон Зальца сделал жест рукой, приглашая меня, Лиса и Ропшу быть его гостями. — Можете мне довериться, я прослежу, чтобы ваши люди были устроены, накормлены и не ведали ни в чем нужды.

— Вот где жить надо, — притворно вздохнул Лис. — «И не знали ни в чем нужды»: не слова — музыка!

Гроссмейстер ордена Девы Марии Тевтонской не обманул. Нам были предоставлены все возможные удобства, а вечером собравшихся под его гостеприимным кровом ожидал пир столь обильный, что невольно казалось, будто в Альштадте загодя готовились к торжественному приему знатной гостьи. Впрочем, и сам Герман фон Зальца, и присутствовавшие на пиру чины орденского капитула ко всем выставленным на столах гастрономическим изыскам относились более чем умеренно. Они скорее делали вид, что едят, чем на самом деле вкушали поставленные перед ними яства.

— Чего это они? — косясь на рыцарей, поинтересовался у меня Ропша.

— Обет умеренности в еде и питье, — так же негромко отвечал ему я. — Остатками от трапезы двух братьев необходимо досыта накормить нищего.

— Хитро, — крякнул Ропша. — А я-то смотрю, что это у господ рыцарей всегда такой взгляд голодный. А они, оказывается, жрут в полрта. Нищих кормят... Хитро.

После ужина, когда утомленные волнениями последних дней и разомлевшие от обильной еды и питья гости отправились в назначенные для них опочивальни, фон Зальца прислал оруженосца с известием, что желает говорить со мной. Оставив Лиса и Хвата в карауле, я направился за молодым воином, несшим факел, в апартаменты князя «воинствующей церкви». Отрапортовав о моем появлении, оруженосец тихо удалился, оставляя меня один на один с могущественным владыкой этих мест.

— Проходите. — Герман фон Зальца указал мне на простой стул, стоящий в глубине его кабинета, освещенного всего тремя факелами. — Садитесь, Воледар Ингварович. Впрочем, судя по гербу, который красуется на вашем щите, вас, господин воевода, можно также именовать Вальтером фон Ингваринген. А еще точнее, на датский манер, Вальдаром Ингварсеном.

— Да, — я склонил голову, — я действительно Вальдар Ингварсен, и все названные вами имена также принадлежат мне.

Фон Зальца выслушал эти слова в полном молчании, не спуская с меня пристального взгляда своих светло-серых со стальным отливом глаз, то ли изучая черты лица стоявшего перед ним человека, то ли выслеживая, не дрогнет ли какой мускул, вскрывая неведомый коварный замысел. Методы весьма действенные, но не в нашем случае. Стараниями институтских наставников мы, не моргнув глазом, могли уверить Папу Римского, что прибыли к нему с прямым поручением от святого Петра, да еще осведомиться, не знает ли он хорошего мастера, способного изготовить запасные ключи от Царствия Божия.

— Не буду кривить душой, я весьма удивлен вашему появлению здесь.

— Отчего же? — простодушно поинтересовался я.

— Тому есть много причин, — медленно проговорил гроссмейстер, не спуская с меня пристального взгляда. — Вы, несомненно, храбрый рыцарь, но ваша жизнь... Затрудняюсь даже сказать, благоволит к вам судьба или же, наоборот, зло бичует. Я давно слежу за вами. Уже более года тому назад опальный датский принц, сопровождающий в качестве командира банды наемников ганзейские караваны, привлек мое внимание.

— В моих жилах течет доля королевской крови, однако я не принц, — поспешил поправить я.

— И все же, согласитесь, это довольно необычный факт. Затем вам вдруг повезло. Вы храбро сражались в Ливонии, поступив на службу к графу Шверинскому, затем отличились еще несколько раз и, насколько я знаю, заняли довольно высокое положение при дворе своего нового сюзерена.

— Да, я был начальником шверинской стражи.

Фон Зальца кивнул, словно показывая, что этот факт ему прекрасно известен.

— Весьма почетная должность. Перед вами открывались широкие перспективы. Еще пара лет, и вы могли бы стать одним из ближайших советников и военачальников графа Генриха. Но этот нелепый мятеж... На что вы надеялись?

Я молча усмехнулся. Что мне еще оставалось делать? Не объяснять же тевтонскому магистру возникшие в Институте волнения по поводу успехов здешней Реконкисты.

— Молчите? Правильно. Если б вы попытались уверить меня, что надеялись победить, я бы, пожалуй, закончил наш разговор. Сказать такое мог либо полный дурак, либо авантюрист, не умеющий рассчитывать свои силы. Вы не походите ни на того, ни на другого. Стало быть, вы были бы лжецом и считали дураком меня. — Он сделал эффектную паузу, наблюдая за выражением моего лица, словно ища в нем ответы на все накопившиеся ко мне вопросы. — Итак, вы подняли этот безумный мятеж. Я долго искал, что могло побудить вас на этот шаг.

Мятеж вовсе не кажется безумным, если принять во внимание, что именно он спас от пленения, а может, и от смерти короля Вольдемара. Но в таком случае даже если предположить, что вы не были заранее подосланы королем в Шверин, а действительно были вынуждены бежать из своей страны, теперь могли бы вернуться обратно спасителем его величества и почивать на лаврах сколь угодно долго. Но не тут-то было, вы обратили свои стопы на Русь! И что уж совсем удивительно, за вами последовал ваш, до недавнего времени, заклятый враг Лис Венедин, командир знаменитых лучников, входивших в гвардию графа Шверинского. И вот прошло всего лишь несколько месяцев, и я имею удовольствие принимать вас обоих в Альштадте, сопровождающих ко двору моего доброго друга Фридриха невесту его сына. Не чудо ли?

— Все в руках Господних, — пожал плечами я.

— Несомненно, — согласно кивнул фон Зальца. — Но кое-что все-таки в наших. А потому, смею вас заверить, если сейчас здесь я не получу объяснений на все мои вопросы или же они меня не удовлетворят, я найду способ сделать так, чтобы юная госпожа Альенор отправилась завтра в Трир с надежным эскортом. Но без вас. На Руси все равно не хватятся, там, как я с немалым удивлением слышал, вы недавно казнены, а мне бы не хотелось наводнять императорский двор, скажем прямо, весьма подозрительными личностями.

Закрытая связь, все это время работавшая на передачу, взорвалась в моем мозгу каскадом отборного мата.

— Я шо-то не понял?! — возмущенно заявил Лис. *— Шо этот поц рыцарь нас пугает? Ему тут шо, устроить ледовое пое... гм, побоище, прямо здесь и сейчас? Я ща привяжу ближайший вороний камень туда, куда он даже не подозревает, и заставлю этим самым ловить рыбу без наживки.*

— Лис, не суетись, — успокаивал его я. *— Подумаешь, какая невидаль! У контрразведки возникли вполне резонные вопросы, почему это у подопытных от головы до хвоста двадцать ярдов, а от хвоста до головы двадцать пять.*

— Потому шо они такой породы! — возмущался Венедин. *— А ежели кто в чем ничего не рубит, так и неча ваще!*

— Лис, ну что ты, в первый раз, что ли? Сейчас мы тут все складно разложим, и настанет мир, дружба, жвачка. Так, кажется, ты говоришь?

— Я по-всякому говорю, — уже заметно успокаиваясь, буркнул Лис. *— Ладно, Штырлиц, разбирайся с этим гестапо, но ежели они начнут уж совсем от рук отбиваться, мы им привьем такой дипломатический иммунитет, что их любая хворь на том свете днем с огнем не сыщет.*

Выслушав эту невнятную угрозу, я понял, что Лис уже окончательно стравил пар и теперь вполне готов к конструктивным действиям.

— Ладно, слушай, что я говорить буду, и запоминай. Если что, твоя версия должна быть похожа на мою.

— Давай, Капитан, — напутствовал меня Лис. *— Отечество смотрит на тебя зажмуренными от ужаса глазами и ждет подвига.*

— Ваша светлость, — начал я негромко, словно беря разбег для последних мажорных аккордов, — вы приняли меня в Альштадте как гостя, и, зная вас как достойнейшего рыцаря, я могу говорить с вами прямо и смело, не опасаясь ни за свою жизнь, ни за свою свободу. Скорее я поверю в то, что султан Египта принял христианство, чем в то, что Генрих фон Зальца способен на вероломство и нарушение долга хозяина по отношению к гостю.

Лицо магистра оставалось неподвижным, но мне все же показалось, что подобная закамуфлированная лесть пришлась ему по душе. Что ж, тон был выбран, и все, что теперь требовалось, это провести через множество известных моему собеседнику точек-фактов наиболее удобную для нас с Лисом ломаную, одну из бесконечного множества возможных.

— Прежде чем я поведаю о том, как обстояло дело, я должен открыть вам одну небольшую тайну. Впрочем, небольшой она стала только в недавнее время, до этого я бы, пожалуй, и под пыткой не поведал бы ее никому.

Глаза фон Зальца зажглись неподдельным интересом. Люди вообще падки на тайны. Человек же, наделенный почти безграничной властью, да еще глава рыцарского ордена — организации, изначально покрытой флером тайны, падок на нее во сто крат более. Сопричастность к тайне соединяет порой не хуже братских уз. Секрет же, который я намеревался открыть, вполне подходил для безболезненного разглашения.

— Вы верно заметили, господин гроссмейстер, что в Шверине у меня был заклятый враг Лис Венедин. Быть может, вам также известно, что появился он близ графа Генриха всего лишь несколькими месяцами ранее меня. Но вряд ли вам ведомо другое. — Я запнулся, давая интересу слушателя достичь максимума. — Вот уже четыре года, как мы с Лисом Венедином являемся побратимами, и никогда за эти годы ни он, ни я и в мыслях не имели ничего дурного друг против друга.

— Значит?.. — Глаза фон Зальца сверкнули и губы сложились в хитрую усмешку.

— Да, вы совершенно правы. — Я утвердительно кивнул. — Несколько лет тому назад я спас Венедина от людей короля Вольдемара и ни минуты с тех пор не пожалел об этом.

— *Ложь! Наглая ложь!* — возмутился оклеветанный Лис. — *Это я спасал тебя от повешения в пугачевской ставке!*

— *И вовсе не ты, а Елизавета Дараган,* — поспешил я исправить историческую несправедливость.

— *Нет, я! Она просто раньше успела, но это не в счет.*

Я не стал противоречить напарнику, памятуя, что моей связной речи ожидает основной в данный момент собеседник. Тем более что за годы нашего совместного скитания по мирам и эпохам мы неоднократно спасали жизнь друг другу. Хотя, чтобы быть честным, надо признать, что у Лиса это получалось чаще.

— Венедин не мог помочь мне устроиться при шверинском дворе, как это подобает при моем происхождении, но зато мог дать знать, когда, где и как явиться мне перед графом, чтобы заслужить его милость. Остального я уже добился сам. Вражда же... Все мои враги — а у любого придворного волей-неволей появляются враги — собирались вокруг Венедина, его же враги — вокруг меня. Таким образом, мы оба были прекрасно осведомлены о том, что собираются предпринять против нас наши недруги. И если бы не этот проклятый мятеж... Но и тогда мой верный Лис не бросил меня, он последовал за мной в изгнание, обрекая себя на лишения и невзгоды, чтобы спасти мою жизнь.

— Что ж, ловко, ничего не скажешь, — усмехнулся фон Зальца. — Вы правильно сделали, Вальтер, что поведали мне об этом и не стали рассказывать нелепые выдумки о тролле.

— Тролль? — Я невольно передернулся, вспоминая впавшего в буйство любимца наших криптобиологов. — Ваша светлость, вы можете мне верить, можете не верить, но тролль действительно был. Не могу сказать, что знакомство с ним явилось для нас слишком приятным, но, надо заметить, весьма своевременным. Мы как раз ломали себе головы, как объяснить дружинникам возникшую между лютыми врагами братскую любовь. Если пожелаете, вы можете отправить корабль на тот самый остров, с которого, благодарение Богу, позавчера снял нас ваш когг, и любой желающий сможет удостовериться, что там, где еще недавно была пещера, теперь красуются окаменевшие останки чудовища.

— Да-а, — протяжно произнес тевтонец. — Должен признаться, вам весьма везет на приключения.

Я развел руками.

— Что делать, не я ищу их, они ищут меня.

— Что ж, хорошо. — Фон Зальца, уже заметно отошедший от первоначальной суровости после разглашения моего «страшного секрета», неспешно кивнул. — Но все же ведь вы подняли этот самый проклятый мятеж?

Мой следующий ход сделал бы честь любой театральной сцене, однако пришлось мириться с единственным зрителем в зале. Немое страдание исказило мои черты и, опустив очи долу, я произнес трагическим тоном, негромко и торжественно:

— Господин великий магистр, я всецело в ваших руках. Вы можете заточить меня в башню, можете даже казнить, но не требуйте назвать, для чего был затеян весь этот нелепый фарс. Ибо мое слово чести...

Мозги фон Зальца заработали в режиме поиска, за считанные секунды перебирая и отбрасывая десятки возможных вариантов.

— Два месяца тому назад, — вперив в меня пристальный взгляд, медленно проговорил фон Зальца, не скрывая торжества, — графиня Аделаида оставила своего мужа и перебралась в Мекленбург. Ходил какой-то слушок, что вы были ее любовником, Вальтер?

Я тут же вспомнил вечер после битвы на Калке и вполне правдоподобно побледнел.

— Понятно, — едва не давясь от хохота, хлопнул себя по колену великий магистр. — Полно, полно, дружище, можете ничего не говорить. Я все уже и так понял.

Я был непроницаем и мрачен. Но старому интригану было, похоже, не до меня. Он наконец нашел ту слабость, то преступление, тот грех, которыми двигались рычаги Истории, и политический ребус сложился у него сам собой, без моей помощи. От сознания этого факта фон Зальца впал, похоже, в полнейшее благодушие.

— А признайтесь-ка, Вальтер, узнав, что граф Генрих собирается устроить засаду в Тромменштайне, вы небось послали гонца своему родственнику, предлагая перехватить его по пути, а он возьми да вернись. Ха-ха ха! — уже не скрываясь, смеялся гроссмейстер.

— Ваша светлость, — гордо произнес я, усиленно делая вид, что оскорблен этим смехом, — это был шаг отчаяния. Увы, он не удался. Но поверьте, это был не единственный шаг, и некоторые из них были вполне успешны. Вы позволите перо, чернила и пергамент?

— Да, пожалуйста, — насторожился фон Зальца, указывая рукой на стол. — Все что угодно.

Я обмакнул заточенное гусиное перо в чернила, черкнул несколько слов на выделанной почти до белизны телячьей коже.

— Посмотрите, быть может, вам уже знаком этот почерк.

Фон Зальца взял из моих рук пергамент и, подойдя поближе к горевшему факелу, начал всматриваться в буквы.

— Так, значит, это все-таки были вы?! — поворачиваясь ко мне, произнес он.

Я поклонился.

— Когда-то мне удалось сослужить вам небольшую службу, сообщив, что граф Генрих собирается захватить вас и моего, недоброй памяти, родственника.

Дальнейшая беседа протекала в теплой и дружественной атмосфере, и все дорожные вопросы, которые могли возникнуть, не возникали вовсе, поскольку многоопытный в путешествиях тевтонец попросту упреждал их своими ответами.

— *Вот умеешь ты, Вальдар, с королями да магистрами разговоры разговаривать,* — с гордостью, как будто мое умение было плодом его усилий, заявил Лис, когда я уже возвращался в отведенные мне апартаменты. — *Сразу чувствуется па-ро-да. Вот эта шишечка тюкнула в эту ямочку...*

— *Да ну тебя! В следующий раз сам будешь общаться,* — огрызнулся я, втайне довольный высокой похвалой друга.

Через пару дней наш кортеж, хорошо отдохнув и пополнившись отрядом тевтонских рыцарей, двинулся к далекому Триру, где ждал маленькую княжну неведомый нам принц Людвиг. В дороге мы уже успели привязаться к нашей непоседливой подопечной, забрасывающей своих вынужденных «няней» десятками вопросов, пристающей к нам на стоянках с требованиями дать пострелять из лука, покрутить меч или же покрушить кистенем окрестные трухлявые пеньки. Во всем же остальном это милое дитя было примерной, я бы даже сказал, образцово-показательной девицей на выданье, неис-

порченной амурными вздохами томных трубадуров и прочей высокопарной придворной куртуазией.

Наш путь лежал через королевство Пруссию и далее через Брауншвейг в Лотарингию. И хотя нигде особо не афишировалась цель путешествия в столицу отряда тевтонских рыцарей, в момент, когда мы проезжали близ границ шверинских земель, нас с Лисом пробирала легкая дрожь от сознания того, что могло бы статься, узнай граф Генрих о том, как близко от его владений мы сейчас находимся. Но, слава Богу, все обошлось, и теперь можно было вздохнуть спокойно.

Уже около двух недель отряд Алены Мстиславишны пересекал германские земли, радуясь теплой осени, а еще более отсутствию дорожных приключений, ставших едва ли не нормой в наших с Лисом странствиях. В день караван делал двадцать пять — тридцать миль, давая полную возможность рыцарям, оруженосцам и сержантам беречь коней, влюбленным Лису и Татьяне Викулишне вдоволь ворковать на вечные, как мир, темы, а всем желающим в свое удовольствие любоваться желтеющей листвой придорожных лесов, едва дрожащей на теплом сентябрьском ветру, несущем серебристые, почти невидимые паутинки.

— ...Так вот, — Лис, ехавший по правую сторону возка княжны, как истинный кавалер развлекал прекрасных дам анекдотами, — он и спрашивает: «Беримор, как погиб мой дядя сэр Чарльз?» А Беримор отвечает: «Сэр, когда вы выходили из замка, заметили ли вы камень, который лежит у самого рва?» — «Да». — «Так вот, сэр Чарльз его однажды не заметил».

Не знаю уж, зачем понадобилось моему другу приплетать к этому старому анекдоту знаменитых героев Конан Дойла, но, похоже, английский юмор не нашел должного отклика в сердцах юных дев.

— Стойте! Стойте! — Дорогу нам преградил невысокий, гладко выбритый мужчина средних лет в богатом платье, похоже, перешитом с чужого плеча.

Несколько копейщиков, стоявших за его спиной, по всей видимости, демонстрировали официальный статус крикуна и обоснованность его требований. Скакавший рядом со мной тевтонский рыцарь, возглавлявший отряд сопровождения и по распоряжению фон Зальца ведший все дорожные переговоры, выехал вперед и, смерив гневным взглядом наглеца, посмевшего преградить путь, начал с нескрываемым презрением:

— Я Ульрих фон Нагель, брат-прецептор ордена Девы Марии Тевтонской. Кто ты такой и как смеешь нас останавливать?

— Я Ханс из Риббека, сборщик дорожных податей барона Херсирка. По приказу своего господина я собираю дорожную лепту со всякого, кто пересекает владения моего сюзерена, со всякого, кто ступает по

его дорогам. Конный должен заплатить мне серебряный денарий, пеший два гроттена, повозка же двуконь обойдется вам в четыре денария. Такова воля барона Эймунда фон Херсирка, повелителя здешних мест и высокого покровителя городов Риббек и Волфенхоф.

— Безумец! — рявкнул на него фон Нагель, берясь за плеть и недвусмысленно поигрывая ею перед лицом сборщика податей. — Неужели Господь лишил тебя глаз и ты не видишь ни орденского платья, ни императорского орла в сердце креста? Или же ты настолько туп и неотесан и тебе неведомо, что Его святейшество Папа Иннокентий III освободил наш орден от каких бы то ни было податей и налогов?

— Да, ведомо. Но... — замялся мытарь. — Я вижу, с вами следуют и люди, не входящие в орден. А их никто не освобождал...

— Что?! Да как ты смеешь, мерзавец? Убирайся! И скажи своему барону, что ежели впредь его люди посмеют спрашивать ответ с тевтонских рыцарей, мы знатно проучим и этих болванов, и его самого.

— Как скажете, господин рыцарь, как скажете, — недобро блеснув глазами, сборщик налогов сделал знак своим людям освободить дорогу и, низко поклонившись, пропустил кортеж в земли своего господина.

Уже стемнело, но город или же на худой конец крепостица с постоялым двором все никак не появлялись. Круглая луна начала подниматься над лесом, все ярче и ярче заливая своим желтоватым светом округу.

— Странное дело, — подъехал ко мне Лис, — в полдень мы выехали из Кантена. Уж сколько часов в пути, и никаких признаков жилья. Интересно, куда подевались все эти баронские рибоки с адидасами?

— Да, странное, — невпопад ответил я.

— Ау, Капитан! Ты где? — шутливо толкнул меня Венедин. — Об чем думу думаешь?

— Да так, ерунда, — отмахнулся я. — О превратностях судьбы и о тщете всего сущего.

— В каком смысле?

— Да вспомнилось отчего-то имя этого самого барона.

— Эймонд фон что-то обо что-то.

— Фон Херсирк, — поправил я. — У нас в Дании когда-то в незапамятные времена херсирками величали мелких племенных вождей. Так что скорее всего кого-то из предков нынешнего барона занесло от наших берегов в самый центр далекой Алеманнии. Так-то вот.

— Нашел чему удивляться, — хмыкнул Лис. — Тебя вот тоже занесло — фигня делов.

Внезапно он замолчал и прислушался.

— А ну-ка, Вальдар, напряги уши.

Я прислушался. Откуда-то из лесу доносился уже вполне отчетливый волчий вой. Судя по высоте звука, старый вожак вел стаю на охоту.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. — Лис покрепче подобрал удила заволновавшегося андалузца.

— Эй, Ропша. — Я повернулся, чтобы предупредить боевого товарища о внезапной опасности. — Дай сигнал приготовиться. Впереди волчья стая.

— Да нешто на такую толпу попрут? — усомнился Хват.

Я хотел что-то ответить, но не успел.

— Волки! — донеслось из хвоста кортежа.

— Волки!

— Впервые таких вижу, — мотнул головой Ропша, поудобнее перехватывая копье.

— А я впервые вижу волков, которые атакуют колонну и спереди, и сзади по всем правилам военного искусства, — процедил Лис, вскидывая лук и накладывая на тетиву первую стрелу. — Смотрите. — Десятка три стелящихся над дорогой стремительных хищников, сверкая оранжевыми до красноты глазами, мчались из лесу навстречу колонне.

Глава 13

Если вас съели, у вас есть два выхода.

Джеймс Кук

Мавр захрапел, поднимаясь на дыбы. Первая зверюга прыгнула, пытаясь вцепиться ему в холку, но конь, привыкший к опасностям наших странствий, вовсе не собирался сдаваться без борьбы. Неуловимым движением подавшись вперед, он сбросил волка наземь, намереваясь впечатать его в дорогу своими тяжеленными копытами. Однако сбитый с ног хищник с невероятной ловкостью крутанулся на хребте, уворачиваясь и тут же вставая на лапы. Мавр предпринял еще одну попытку залепить агрессору копытами в лоб, но тот, ловко уклонившись, отпрыгнул, оскалив пасть, рыча сквозь зубы и роняя слюну на дорогу. Волк на мгновение замер. Шерсть на его загривке стояла дыбом, передние лапы широко расставлены, а зад-

ние уже сгибались пружиной для прыжка. По телу моему прошла дрожь и противная дурнота подкатила к горлу. Я заметил еще двух тварей, спешащих на помощь своему более быстрому товарищу. Краем глаза я видел, как, заходя справа и слева, волки атакуют колонну, валя наземь коней и вгрызаясь в их беспомощных под массой конских тел всадников.

Они неслись точно молнии. Пожалуй, даже слишком быстро для обычных зверей. Вот слева от меня матерый волчина, стрелой вылетев из-за придорожного куста, прыгнул на отважного повольничьего ватажника, пытавшегося своим боевым копьем держать на расстоянии еще пару мерзких тварей. Как он ни старался, попасть в них ему не удавалось.

Волчина, целивший, видимо, сбить Ропшу наземь своим немалым весом, был уже в воздухе, когда Хват вскинул щит, закрываясь от удара. Яростный зверь наткнулся на его дубовую поверхность и, клацнув зубами в воздухе, повис на шее Ропшиной лошади, мертвой хваткой смыкая свои стальные челюсти. Передние ноги кобылицы подкосились, и Хват, теряя стремя, вылетел из седла, успевая лишь едва сдвинуться, чтобы не быть раздавленным тушей своего поверженного аргамака. И тут же, забыв о своей уже мертвой добыче, волки метнулись к Ропше, спеша растерзать его. Накрывшись щитом и отмахиваясь сколь было возможно засапожником, Хват держал зверей на расстоянии. Каждый раз при приближении отточенного лезвия они отскакивали, но вновь прыгали вперед, едва оно пролетало мимо.

— Держись! — Лис на всем скаку спустил тетиву, и стрела, свистнув, вонзилась в загривок ближнего к Ропше хищника.

— Стой! Стой! — Запряженный парой коней возок, вылетев из-за спины моего друга, промчался мимо меня вперед по дороге, подгоняемый со всех сторон злобными тварями. Они прыгали, подвывая, стараясь достать обезумевших коней. Но те неслись вперед, позабыв о вожжах, о кучере и о возке, несущемся вслед за ними.

Все увиденное мной заняло, быть может, пару секунд, едва ли больше. То время, пока волк собирался с силами для нового прыжка. Я дал шпоры Мавру, намереваясь пуститься в погоню за уносимой вдаль княжной.

Но тут он прыгнул. И в тот же момент как будто граната взорвалась у меня внутри, коверкая мое представление о времени, пространстве, обо всем окружающем меня мире. Я увидел, как медленно летит в воздухе волк, как неспешно движется навстречу ему по отмашной дуге отливающий серебром «Отец вдов», я с удивлением услышал свист своего меча, и волчья голова, разбрызгивая в полете капли крови, отлетела в дорожную пыль, ощерив в предсмертном оскале зубастую пасть. Звериное тело в жуткой конвульсии рухнуло

рядом, но еще до того, как опустились на него копыта Мавра, я увидел с необъяснимым странным равнодушием, как превращается оно в тело обнаженного мужчины, едва прикрытого волчьей шкурой.

— Оборотень, — с полным безразличием констатировал я, наступая на явно обалдевших от такого оборота дел серых тварей.

Сражение вокруг бушевало вовсю. Пришедший на помощь Ропше Лис стрелу за стрелой всаживал во вскакивающих зверей, но те лишь взвывали от боли, отпрыгивали, однако, похоже, не думали погибать. Но вот один из них, изловчившись, прыгнул сзади на спину моему другу и... хлопок и яркая вспышка, вот все, что за этим последовало. Обугленное тело, на глазах принимая человеческий облик, упало в кювет, словно отброшенное взрывом.

— Да они тут оборотни! — заорал Лис во всю мощь своей луженой глотки. — Серебром их! Серебром дави!

Я подозревал, что сейчас начнется. Среди прочих стрел у Лиса да практически у всех наших лучников имелась пара десятков стрел с серебряными наконечниками. Так же, как ташлыки и свереги, они входили в обязательный набор для борьбы со всякой нечистью. Вот и пробил их час.

Однако времени любоваться Лисовской охотой у меня не было. Два недобитых оборотня-переярка пятились назад, стараясь не попасть под копыта Мавра и при этом обойти меня с разных сторон. Действия их были медлительны, но и я, как ни силился, не успевал обогнать их на маневре. Едва замечая движения меча, они тут же отскакивали. Бог весть, сколько это могло продолжаться, но тут я увидел Его.

С первого взгляда было непреложно ясно, что никем другим, кроме как вожаком, этот громадный черный с проседью волк быть не может. Он стоял, вперив в меня немигающие янтарные глаза, неспешно помахивая хвостом из стороны в сторону. Суетившиеся рядом с ним молодые волки отпрянули, явно не желая оспаривать добычу у вожака. Однако он вовсе не спешил прыгать. Не знаю уж, чем была вызвана эта неподвижность, быть может, старость притупила охотничьи рефлексы лесного душегуба. У меня не было времени раздумывать над причинами его поведения. Пришпорив Мавра, я помчал прямо на седогривого вожака, спеша раскроить надвое его клыкастую, с нависшими тяжелыми бровями морду. В последний момент он дернулся, уворачиваясь, и в почти человеческих глазах кровожадной твари мелькнуло выражение ужаса. Хотя нет, не столько ужаса, сколько безмерного удивления.

Словно осознав в последний момент неотвратимость удара, волк дернулся, и мой меч, скользнув по его крепчайшему черепу, слегка изменил траекторию, уходя в сторону. И все же удар был очень силен. Зверь, обливаясь кровью, рухнул наземь.

Не могу передать, что началось в этот момент. Не стая, а буквально волчья лавина, забыв о своей кровавой добыче, пронеслась вперед, сметая все на своем пути. Не обращая внимания ни на потери, ни на жестокие раны, они неслись вперед, перескакивая через лежащих на дороге людей и лошадей, огрызаясь на бегу и явно спеша покинуть место боя.

— Бегут! Бегут! — закричал кто-то сзади. — Улепетывают!

Я оглянулся назад, терзаемый невесть откуда взявшимся желанием пуститься в погоню и ища поддержки в этом порыве. Однако, похоже, кроме меня, никто не собирался мчать неведомо куда за волчьей стаей. И тут... судорога пронзила все мое тело, спазм перехватил дыхание, я выронил меч, и мир померк у меня перед глазами.

Сотни маленьких колокольчиков, как будто развешанных в душном тягучем пространстве вокруг, снова возвращали меня к жизни, вырывая из темного страшного небытия.

— Очнись! Очнись, черт бы тебя побрал! — Лис немилосердно хлестал меня по щекам ладонью, стараясь привести в чувство. — Шо эт-то ты мне тут гимназистку разыгрываешь! А ну подъем!

При слове «гимназистка» я в ужасе распахнул глаза.

— Лис, княжна!

— А? Что? — Лис вскочил на ноги и стал оглядываться вокруг, очевидно, надеясь увидеть где-то поблизости экипаж Алены Мстиславишны и ее дам. — Где, черт побери, возок?! — заорал Венедин, вероятно, в пылу боя упустивший момент, когда он промчался вперед, преследуемый волчьей стаей. — Дьявольщина, блин! Кто видел возок? Да что же это творится, японский городовой?! Где княжна?

Видение, окруженное неярким золотым сиянием, появилось впереди в ярдах пятидесяти и начало приближаться, становясь все яснее и яснее. Все то же кимоно, расписанное драконами, катана и вакидзаси*, засунутые за пояс, высокий выбритый лоб и пучок волос на макушке, мон клана Санада на груди, в общем, ни дать ни взять самурай и, вероятнее всего, из городовой стражи. Самурай приблизился и, церемонно сложив ладони перед грудью, поклонился Лису.

— О повелитель! — залопотал он на свойственном ему старояпонском. — Та, о ком вы спрашиваете, жива и здорова, она всего лишь в двух тысячах шагов впереди по дороге. Ей ничто не угрожает, как и всем, кто вместе с ней сейчас в возке. — Промолвив это, японский городовой вновь поклонился и, чуть попятившись назад, растаял в воздухе.

---

* Вакидзаси — японский кинжал, парный к катане.

— Ладно, — Лис вскочил на своего андалузца, — я поскакал вперед. Ты как, на что-нибудь способен?

— Преподавать историю в сельской школе, — выдавил я, ощущая, с какой неохотой подчиняются приказам головы ставшие вдруг ватными конечности.

— Уже немало. — Лис крутанулся на месте, подбадривая плетью своего скакуна. — Тогда догоняй. Да посмотри, что там с Ропшей! — крикнул он, уже пуская коня в галоп.

Если принять в расчет, что японский шаг примерно на треть короче европейского, то следует отметить, что самурай говорил чистую правду. Возок княжны, принятый в свои объятия придорожными кустами бузины, лежал на боку, воздев вверх пару колес. На дороге близ него валялись распластанное в луже крови тело кучера со следами зубов на горле и бездыханный труп обнаженного мужчины с рассеченной пополам волчьей шкурой, накинутой на спину. Убитые лошади, успевшие побывать в волчьих зубах, торчали из придорожного кювета уродливыми тушами, запутавшимися в упряжи. За первой линией кустов слышался яростный рев Лиса, крушившего, судя по звуку, все, что попадало ему под руку.

— Что там происходит? — спросил я, подъезжая к стоявшей у перевернутого экипажа Алены Мстиславишны.

— Вовкулаки Татьяну утащили, — негромко и как-то очень по-взрослому ответила мне девочка. — Когда мы упали, дверца нараспашку... Они сразу в возок... Танюша меня собой прикрыла. Они словно опешили, а потом вдруг хвать, выволокли ее из возка да и потащили куда-то. А этого, — она указала на убитого оборотня, — я сама прикончила. Мне фон Зальца кинжал с серебряной насечкой подарил, а в рукояти у него святые мощи...

Я рад был видеть нашу подопечную в полном здравии и не хотел ее расстраивать, но, честно говоря, мне сейчас не было дела ни до чьих мощей, будь то даже волосы с бороды Всевышнего, поседевшего в тот миг, когда он задумал сотворить этот мир. Всего в десятке ярдов отсюда сходил с ума от ярости мой ближайший друг, похоже, начисто забывший и о своем предназначении институтского оперативника, и о высокой политической миссии, возложенной на нас Володимиром Муромцем, и вообще о чем бы то ни было, кроме ненаглядной Татьяны Викулишны, похищенной бандой оборотней.

— Потом, солнышко, потом ты мне все подробно расскажешь. — Я соскочил с коня, бросая поводья одному из бойцов отряда, дошедшего вместе с нами от балтийского острова с еще живым троллем и до этих самых проклятых мест. — Подержи, я сейчас.

Лис ожесточенно работал мечами, оставляя за собой изрядную просеку, ведущую от дороги в никуда.

— Э-эй! — окликнул я его. — Постой, это я.

Услышав знакомый голос, Венедин оглянулся, в изнеможении опуская клинки. На пыльной его щеке явственно виднелась проложенная слезою дорожка.

— Вальдар, они ее украли, — задыхаясь от нахлынувших чувств, выдавил из себя Лис.

— Да, я уже знаю. — Мне было прекрасно понятно состояние этого сильного, отважного мужчины, внезапно почувствовавшего, что не все в мире зависит от его желания, ума и отваги.

— Вальдар, я не смог ее защитить! — с трудом проговаривая слова, сказал Лис. — Я даже не заметил, когда они проскочили мимо. Я видел, как рыцари смыкались вокруг возка, сбросил с него пару зверюг, а тут Ропша...

Мне нечего было ему сказать. Мало что изменилось от того, что я видел, как уносится вдаль возок.

— Ладно, Лис, — я крепко схватил друга за плечи, — погоди каяться. Еще ничего не потеряно. Если вервольфы утащили девушку с собой, значит, она им зачем-то нужна, иначе они загрызли бы ее на месте.

— Ну-ну-ну, — оживился Лис, ловя деловую волну, как ловит старый боевой конь звук идущего за много миль от него сражения.

— Сейчас оборотни скинут свои шкуры. Многие из них ранены, но даже те, которые уцелели, на несколько часов почти полностью лишатся сил.

— Значит, за это время мы должны выйти на логово, найти Танюшку и устроить там всем полный ататуй? Я тебя правильно понял?

— Именно так. Ты следы сейчас прочитать сумеешь?

— Темновато, — вздохнул Лис. — Но попробуем. Хотя постой... А чего мы, собственно говоря, корячимся, шо папы Карлы? Эй, японский городовой, ну-ка встань передо мной, как лист перед травой!

Последнее заклинание было, пожалуй, даже излишним. Освещая проделанную Лисом просеку, самурай городовой стражи из клана Санада возник как из-под земли, едва отзвучали первые слова призыва.

— Слушаю тебя, мой повелитель. — Вернее, он говорил значительно длиннее, но система «Мастерлинг», инициируемая нашим с Лисом состоянием, сжала его речь до этой краткой фразы.

— Можешь ли ты разыскать место, где сейчас находится девица Татьяна Викулишна, а затем отвести нас туда?

— Конечно, если это угодно моему повелителю.

Самурай исчез, как не бывало, спеша выполнить задание. Мы с Лисом вышли на дорогу. Сюда уже подтянулись все остальные выжившие воины кортежа.

— Плохо дело, — произнес, подъезжая ко мне, фон Нагель. — Из тридцати рыцарей четверо убиты, семеро ранены. С оруженос-

цами и сержантами еще хуже. В город скорее надо. Погибших похоронить, раненым кому священник нужен, а кому святая вода — раны промыть. Мы кровь из ран отсосали, но святой водой вернее. А то не ровен час начнут превращаться благородные дворяне Тевтонского ордена в вервольфов. — Он даже передернулся от этих слов. — В общем, без стоянки в Риббеке не обойтись. — Он хотел что-то добавить, но тут в разговор вмешался Лис.

— Послушай, Ульрих, у нас тут девушка пропала. Татьяна, из свиты княжны. Мы ее вернем и вас в городе догоним.

В глазах рыцаря мелькнуло явное недоумение.

— Вы собираетесь отыскать логово вервольфов, проникнуть туда и отбить у них то, что попало им в пасть? Но это же очень опасно! — уже не скрывая своего недоумения, произнес фон Нагель. — Нет, сделать это практически невозможно!

Мы с Лисом переглянулись, и я увидел, как багровеет его лицо. Сделав ему знак подождать, я поманил брата-прецептора в сторонку.

— Послушай, Ульрих, здесь все не так просто. Я не хотел тебе говорить, но Венедин, кроме того, что прекрасный лучник, еще и широко известный в узких кругах маг.

— О, да-да, я слышал, — закивал фон Нагель. — И я видел, как сгорел вервольф. И я видел огненного воина, который потом исчез.

— Это еще что, — махнул рукой я. — Эти твари даже не подозревают, какую беду на себя накликали. Лис — один из двенадцати венедских лесных магов. Он уже начал свое колдовство и, поверь мне на слово, лучше твоим людям не видеть того, что здесь вскоре произойдет.

— О, я понимаю. — Лицо тевтонского рыцаря выражало полное согласие с моими словами. — Мы забираем княжну и едем вместе с ней в Риббек.

Я оглянулся. У возка Лис помогал погрузить придавленного конем Ропшу. Они о чем-то страстно переговаривались с княжной, и мне почему-то показалось, что никуда с этого места Алена Мстиславишна без своей наперсницы не отправится, если, конечно, не связать ее веревками и не тащить волоком.

— Сказать по правде, — наклоняясь к самому уху тевтонца, — меня терзают сомнения по поводу этого самого Риббека. Уж не оттуда ли взялись все эти лесные разбойники. Возможно, более разумно вам с ранеными двинуться в город, а мы проедем с княжной и нашими воинами немного вперед по дороге и подождем от вас вестей. Ежели в городе спокойно, вы распорядитесь все приготовить к приезду ее высочества. Не забудьте, после сегодняшней ночи ей будет нужен хороший отдых.

— Конечно, — согласно кивнул фон Нагель.

— За то время, пока вы разберетесь с городом, я надеюсь, Лис уже закончит колдовать, подойдет к нам, и мы вместе отправимся по вашим стопам.

— Прекрасный план, — одобрил брат-прецептор. — Вы очень толковый командир.

«Ах, если бы так», — вздохнул я про себя.

Ждать возвращения японского городового пришлось недолго. Он вообще быстро справлялся с порученными ему заданиями. Стоило колонне тевтонцев скрыться в ночи, как он появился своим обычным способом из ниоткуда и, соблюдая традиционный церемониал приветствия, приблизился к злющему от нетерпения Лису.

— Блин, ну шо он мне по три раза ку устраивает?! — горячился Венедин. — Сразу видно, в армии не служил. Там бы его враз научили докладывать.

— О повелитель. — Склоненный в полупоклоне слуга талисмана торжественно начал свою речь, похоже, явно удовлетворенный результатами поисков. — Та, которую вы поручили мне разыскать, жива и здорова. Она находится в замке Херсирк на расстоянии семи полетов стрелы отсюда. Ей не угрожает опасность, и с того мига, как я увидел девушку, я могу лицезреть ее постоянно. Если вы пожелаете, мой господин, я с радостью проведу вас в замок. — Закончив речь, он отступил на два шага назад и, не меняя позы, стал дожидаться дальнейших распоряжений новоявленного «сёгуна».

— Отлично. — Лис вскочил в седло. — Капитан, ты тут пока один справишься? Я сейчас по-быстрому слетаю.

— Опасно, — покачал головой я.

— Опасно ножом сало резать, лучше целым шматом есть. Сам посуди, что мне угрожает? Ты ж видел, они об меня пекутся, шо те блины?

— А вдруг там, кроме вервольфов, и обычная стража имеется?

— Да ну, кто согласится...

Я пожал плечами.

— Как знать, как знать.

Лис посмотрел на меня раздраженно. Вместо того чтобы вести со мной беседы о возможностях и перспективах штурма, ему явно хотелось погонять своего жеребца вслед услужливому призраку.

— Ну сам посуди, — недовольно начал он. — Наших тут шесть человек, не считая дамья. Да плюс раненый Ропша. Оставить тебя здесь без людей ничуть не менее опасно, чем брать с подобным отрядом замок. Судя по численности стаи, подобные выходы в этих местах не редкость. Я вполне допускаю, что вслед за оборотнями сюда придут люди прошерстить наличность у пострадавших. Тоже,

доложу тебе, не Армия Спасения. Так что оставлять вас тут без прикрытия нереально. Далее...

— А зачем нам оставаться здесь? — слушавшая Лисовскую речь Алена Мстиславишна свела брови на переносице с выражением, замеченным мной у ее отца в момент, когда тот распоряжался судьбами княжеств и народов. — Чтобы охранять возок, хватит и двух воинов, — проговорила юная княжна, не столько участвуя в военном совете, сколько раздавая распоряжения. — Мы же с вами и остальными нашими людьми отправимся спасать Татьяну. Мы обязаны вызволить ее из лап вовкулаков и предать замок огню.

— Маленькая госпожа, — начал я, — а почему вы вдруг решили, что...

— Конечно же, я отправляюсь за ней, — произнесла девочка, похоже, удивляясь моей несообразительности. — Слезай, — скомандовала она одному из воинов, в полном недоумении наблюдавшему эту сцену, — ты остаешься здесь. И ты слезай, — княжна ткнула в грудь еще одному нашему солдату, — ты тоже остаешься. Нам понадобится и твой конь.

Ошеломленные ветераны послушно повиновались ее приказу.

— Надеюсь, славные витязи, вы пойдете со мной, ведь вы же приставлены меня охранять. — С этими словами она обнажила подаренный фон Зальцем кинжал и, не смущаясь ни секунды, располосовала подол своего шитого жемчугом платья пополам. — Так удобнее. — Произнеся это, Алена Мстиславишна вставила ногу в стремя и одним рывком поднялась в седло. — Командуйте, Венедин. И запомните, если нынче вы спасете мою наперсницу, я дам вам позволения сватать ее себе в жены.

— Что? — Глаза Лиса округлились. Больше он не смог выдавить из себя ничего, потеряв дар речи.

— Вперед! — приказала дерзкая киевлянка, вероятно, принимая состояние моего друга за естественное выражение ликования при оглашении высокой княжьей милости. — Вы пока не освободили мою Татьяну.

— *Ну, что делать будем?* — передал мне пришедший в себя Лис, когда мы преодолели треть пути по направлению к замку.

Бойко шагавший впереди самурай, невзирая на свою сверхпроходимость, старался подобрать нам путь полегче, что несколько удлиняло его. Но все же времени для размышлений оставалось совсем немного.

— *В замок ее вести нельзя,* — мрачно отозвался я.

— *Вот объяснил! А то я не знаю. Блин, всю жизнь мечтал работать пионервожатым. Вот ведь не было печали!*

Он хотел еще что-то добавить о своей любви к детям, но вдруг запнулся и выдал наконец с явной надеждой:

— *Капитан, а может, ты с ней в «Зарницу» сыграешь?*

— *То есть?* — не понял я.

— *Было время, когда каждое лето внучат Ильча собирали в специальных лагерях и обучали любить Родину — мать их всеми доступными средствами. В том числе бегая с умным видом по лесу и уничтожая вусмерть всякого вероятного и невероятного противника. Вот ты поднапряги нашу «пионерку» имитировать бурную военную деятельность где-нибудь в окрестных буераках, а я тем временем без лишней помпы схожу в замок да вытащу Танюшу из-за грат.*

— Эй! — окликнул Венедин самурая. — Как там в замке?

Японец тут же залопотал, словно обозреватель CNN, спешащий поделиться со слушателем накопленной за день информацией.

— Не волнуйтесь, мой повелитель, с той, о которой вы печетесь, все хорошо. Она жива и здорова, сидит у постели умирающего. В замке сейчас нет никого, способного держать оружие.

— *Ну вот видишь,* — обратился ко мне Лис, — *в замке я и сам управлюсь. Девчонку туда водить незачем, экскурсия будет не из приятных.*

— *Мне кажется, ей не впервой,* — попробовал возразить я.

— *И все же, дернется какая-нибудь падла недобитая, цапнет, отдувайся потом. Так шо давай лучше в «Зарницу» сыграем.*

— О чем говорит ваш слуга? — потребовала отчета у Лиса юная княжна.

— Рассказывает, что в замке все хорошо.

— А почему так много слов? И почему он не говорит ни по-русски, ни по-гречески, ни по-латыни?

Лис беспомощно посмотрел на меня, ища поддержки.

— Ну, потому, что он японский городовой, — не найдя ничего лучшего, собравшись с духом, выпалил он.

Уж и не знаю, насколько этот ответ удовлетворил нашу воспитанницу, но тут на горизонте показались зубцы донжона замка Херсирк.

— *Внимание, Вальдар,* — пошла в моем мозгу связь с Лисом. — *Я возле ворот. Здесь все тихо. Ворота заперты, но, похоже, не охраняются.*

Картинка, передаваемая моим другом, говорила сама за себя: массивные створки замковых ворот, окованные железными полосами, уснащенными пирамидками противотаранных шипов, даже не шелохнулись при попытке Венедина и пары прихваченных им с собой бойцов поднажать на них посильнее.

— Позвольте, я, мой господин, — поклонился Санада и, получив благосклонное разрешение, безо всякой натуги просочился сквозь толстенные дубовые доски ворот.

Как ни крути, замок Херсирк тяжело было причислить как к архитектурным, так в общем-то и к фортификационным шедеврам эпохи. Подобно множеству древних укреплений, он возвышался на вершине каменного холма, представляя собой высокую башню донжон, скорее всего построенную сравнительно недавно, и квадратную крепостную ограду ярдов десяти в высоту, с толстыми, словно бочки, башнями на углах.

О рве, выкопанном у основания холма, похоже, уже лет двадцать никто не заботился, и если не считать серьезным препятствием заросли акаций на берегу, то вообще вряд ли стоило принимать его в расчет в наших «планах военных действий». Пожалуй, единственное, что могло бы удивить стороннего наблюдателя, оглядывающего замок, было отсутствие какого-либо намека на хозяйственные постройки вокруг укреплений. Впрочем, для нас, вполне уже познакомившихся с милыми нравами обитателей Херсирка, подобное добровольное отшельничество было вполне понятно.

Скрываясь в подлеске, мы с Аленой Мстиславишной и остатками нашего воинства объезжали крепостные укрепления по периметру, с самым серьезным видом ища вероятный выход из подземного хода, соединяющего замок с лесной чащей...

— ...Идти всем вместе нельзя! — утверждал, косясь на меня, Лис.

— Верно, — подхватывал я. — Если мы все будем атаковать через ворота, противник сможет ускользнуть через подземный ход.

— Отчего вы решили, что здесь есть подземный ход? — возмущенно заявляла воинственная княжна, рвавшаяся на штурм лесной цитадели.

— Если то, что мы знаем об обитателях этого замка, правда, вряд ли они покидают его через ворота. Их некому будет закрывать. К тому же их могут увидеть, что тоже нежелательно. Следовательно, должен быть ход, по которому они выходят из замка и возвращаются в него. Скорее всего он где-то в лесу.

— Точно, — поддакивал мне Лис. — Надо искать следы. Волчьи следы должны будут привести к логову, которое на самом деле и есть потайной ход в замок.

— Вервольфы видели могущество Венедина, — продолжал убеждать я маленькую спорщицу, — вероятнее всего, они попытаются спастись бегством. Мы не должны дать им возможности уйти из замка.

Мстиславишна соглашалась с нашими выводами, но все же упорно желала идти вместе с Лисом. Лишь клятвенное обещание, что, вероятнее всего, самое основное действие начнется именно здесь, когда перепуганные оборотни наткнутся на нашу лесную засаду, заставило княжну со вздохом изменить решение. Однако, по-моему,

этот вздох означал лишь печаль по поводу того, что ей не удастся присутствовать одновременно и в замке, и в лесу.

Ворота Херсирка распахнулись, и перед нашим с Лисом взором вновь возник склоненный в приветственном поклоне самурай, окруженный золотистым сиянием.

— *Все спокойно, мой господин,* — отрапортовал он. — *Все лежат без чувств. Лишь та, которую вы ищете, в полном здравии.*

— *Веди же!* — вне себя от нетерпения выпалил Лис, обнажая один из своих мечей. И, обернувшись к своим солдатам, скомандовал: — *За мной! Позаботьтесь о том, чтобы никто из обитателей этого замка не ушел живым.*

Пожалуй, после сегодняшней ночи это была излишняя команда.

Одним рывком преодолев пространство двора, они ворвались в распахнутые двери донжона. Весь пол первого этажа был завален десятками обнаженных мужских тел, живых, но, казалось, застигнутых врасплох какой-то диковинной немощью. Они едва шевелились, с трудом открывая глаза, когда мчавшийся за Санадой Лис, перескакивая через очередное распростертое на полу тело, наступал кому-нибудь из них на руку.

Что и говорить, наши лесные маневры были типичной, как выражался Лис, «Зарницей». Ни в какое бегство эти твари удариться попросту не могли.

Лисовские спутники обнажили клинки. То, что происходило далее, юной девице, будь она хоть сто раз воительницей, видеть не подобало. Как попавший в овечью стаю волк, опьяневший от вкуса крови, не останавливается, пока не закончит бойню, так и суровые венеды, издревле привыкшие к соседству подобных тварей, шли по замку, рубя на части беспомощных вервольфов, следя за тем, чтобы никто не уцелел. Однако Лису было не до того. Поднявшись за своим проводником по приставной лестнице, он рубанул на бегу еще пару валявшихся на полу тел и распахнул дверь баронских покоев.

Барон, высокий сухощавый мужчина лет пятидесяти, лежал на грубом деревянном ложе под полотняным покровом. Сквозь повязку на голове не переставая сочилась кровь, и темные, почти янтарные глаза его заволокла смертельная поволока. Он был еще жив, но явно умирал.

— *Как он мог?* — едва слышно проговорил барон. И вновь, но уже тише: — *Как он мог?*

Однако Венедин, похоже, не слышал этих слов. Татьяна Викулишна, дотоле сидевшая у смертного одра, разбросав руки, кинулась на грудь герою освободителю.

— *Ну шо, волчина позорный,* — Лис, покончив с первой серией лобзаний, мягко отстранил девушку, — *конец подкрался незаметно?*

— *Не надо, не надо,* — схватила его за руку красна девица. — *Он меня не обижал вовсе. Только лежал и бормотал это самое.* — Она напряглась, силясь воспроизвести незнакомую речь. — *«Как он мог? Как он мог?»*

Она хотела еще что-то добавить, но тут с баронского ложа, послышался тяжелый вздох. Готовый к любой неожиданности, Лис резко повернул голову: барон лежал, закатив глаза и ощерив в какой-то глумливо-злорадной ухмылке весьма похожие на клыки зубы.

— *Пошли,* — Венедин тихо положил руку на плечо девушки и начал нежно подталкивать ее к выходу, — *здесь нам делать нечего. Он уже издох.*

— *Как меня сюда приволокли,* — безо всякого вступления нервно заговорила Татьяна Викулишна, радуясь возможности излить в словах накопившийся ужас, — *они все волчьи шкуры поскидали. Только вот главный их безо всякой шкуры человеком стал. Меня к нему привели, я старика укрыла и повязку на голову наложила. Только все попусту, рана была глубокая больно, не унять кровь. Так вот,* — она понизила голос до заговорщицкого шепота, — *когда вовкулаки-то шкуры свои сбросили, все враз без сил повалились. А мне когда-то еще дед мой, Свенельд Рагнарович, сказывал, что ежели в этот час шкуру зверья в пламя кинуть, то вовкулак все силы свои и потеряет. И коли до нового полнолуния ему новую шкуру не дать, то совсем помрет. Вот я как их вожаку голову перевязала, печь истопила да все их разом в огонь и бросила. Так что, почитай, до следующей луны все помрут.*

— *Не помрут,* — покачал головой Лис, — *они уже мертвы.*

— *Ох,* — расширив глаза, выдохнула девушка, прикрывая рот рукой.

— *Закрой глаза, милая. Да держись покрепче мне за шею, я тебя на руках вынесу. Незачем тебе это видеть да ноги в крови марать.* — Мой друг подхватил возлюбленную за талию и начал спускаться вниз по лестнице. — *Найдите солому!* — скомандовал он, обращаясь к своим спутникам. — *Подожгите замок и проследите, чтобы все здесь сгорело дотла.*

— *Лис,* — обратился я к напарнику, — *как она назвала своего дедушку?*

— *Кажется, Свенельд Рагнарович.*

— *Угу.* — Я углубился в генеалогические расчеты. — *В общем, так, чтоб тебя не томить, могу сообщить радостную весть. Этот*

самый дедушка является моим дальним родственником по материнской линии. Свенельд Двуглавая Секира был...

— *Мой господин.* — Санада, дотоле следовавший рядом с Венедином, подобно верному псу, поклонился, намереваясь обратиться к нему с вопросом. — *Нужен ли я вам еще?*

— *Нет, дружище, спасибо, ты нам очень помог.*

Самурай, скромно потупясь, пропустил мимо ушей благодарности.

— *Будет ли позволено мне узнать,* — не поднимая глаз, спросил он, — *заслужил ли я сегодня услышать слова: «Ты свободен».*

— *Об чем речь?* — Лис взмахнул рукой в воздухе, словно собираясь хлопнуть японца по плечу. — *Ты свободен.*

— *Прощайте, мой господин,* — склонился в поклоне Санада и исчез. Но не растворился в воздухе, как обычно, а взмыл к небу ярким фейерверком.

— *Не понял?!* — уставился вверх Лис. — *Эй, японский городовой! Японский городовой!!!*

Молчание было ему ответом.

Встреча двух частей нашего славного воинства была, безусловно, радостной, лишь Алена Мстиславишна, заподозрив подвох в представленном ей плане операции, обиженно надулась и, гордо задрав вверх нос, демонстративно не желала общаться ни со мной, ни с Лисом. Так до возка она и хранила молчание. Когда же наконец мы достигли дороги и вновь двинулись в путь, солнце уже стало подниматься над лесом, знаменуя начало нового дня.

Мы ехали уже довольно долго, все не встречая обещанных фон Нагелем гонцов, пока вдруг навстречу нам в клубах пыли не вылетел мчащийся галопом всадник. Едва не проскочив мимо нас, он сдержал свою лошадь и, окинув кавалькаду острым взглядом, проговорил, все еще задыхаясь от быстрой скачки:

— Вы господа Вальтер фон Ингваринген и Лис Венедин?

— Да, — коротко ответил я за нас обоих. — Чем обязаны?

— Фух, ну слава Богу, успел! Я Карл из Риббека. В городе бунт. Сборщик дорожных податей, доверенное лицо барона Херсирка, прискакал ночью в Риббек, набатом поднял город и сообщил бюргерам, что тевтонцы напали на барона и теперь хотят захватить сам Риббек. Когда рыцари вошли в город, их ожидала засада. Они захватили надвратную башню и в ней отбиваются. Ульрих фон Нагель послал меня предупредить вас о том, что в Риббек идти нельзя. Я покажу вам другую, безопасную дорогу. А господин Ульрих с людьми догонят вас по пути. Если, конечно, останутся живы.

Глава 14

Мы пойдем другим путем.

Симбирский гимназист

Судя по одежде, наш новый проводник напоминал то ли зажиточного крестьянина, то ли средней руки торговца. Добротная куртка-вамс и то, как спокойно он держался в седле, выдавали в нем человека, привыкшего к странствиям и стремящегося по возможности облегчить себе их невзгоды.

— Жители Рибекка весьма почитают своего барона. Все шесть поколений рода Херсирков считаются в этих краях благодетелями местного люда, его защитниками. Но я знаю, — мужчина мрачно оглянулся по сторонам, словно боясь, что его подслушают, — что все это ложь. Мне рассказывал мой дед, а ему его дед, как началась власть этих самых Херсирков.

Когда-то, когда Риббек был еще небольшим поселком у дороги, в этих краях повадился свирепствовать огромный черный волк. Он резал скот, охотился на детей, женщин, а потом начал нападать и на взрослых мужчин. Жители поселка несколько раз устраивали облавы, пытаясь выследить и убить кровожадного зверя, однако ему всякий раз удавалось ускользнуть. Затем все повторялось сначала.

Жители Риббека уже стали опасаться выходить из дому — даже днем их могли настигнуть волчьи клыки. Тогда-то и появился первый Херсирк. Никто не ведает, откуда он пришел, помнят лишь, что у него было оружие, щит да одеяние из волчьих шкур. Он вызвался изгнать волка из этих мест, если жители Риббека огласят его своим покровителем и станут впредь платить за защиту десятую часть своих доходов.

И он сдержал свое обещание — волк перестал тревожить округу. Очень скоро первый Херсирк построил себе замок на холме и объявил своей собственностью все леса в округе. Тогда Риббек и все окрестные земли принадлежали роду графов Грамбрехтов, которые постоянно враждовали с другим графским родом Урселау. Войне не было видно конца, и Грамбрехтам весьма кстати были сильные вассалы. Не прошло и пяти лет с того дня, как Херсирк пришел в эти края, а он уже величался бароном Херсирком. По зову своего сюзерена барон являлся под его знамя служить верой и правдой, покуда не закончится запас провизии, прихваченной с собой из имения. При известном на всю округу аппетите запас этот заканчивался очень быстро, но зато и первый Херсирк, и его сыновья прослыли грозными защитниками здешних границ графства.

Владения их быстро росли. Они не заключали выгодных браков с соседними сеньорами, жен им всегда привозили откуда-то издалека. Но стоило кому-либо из свободных хозяев воспротивиться воле барона, как тот снимал с него защиту, и в ту же ночь у несчастного начинались неприятности: волки вырезали его скот, нападали на людей, никто более не отваживался покупать у него молоко, мясо и мед. Бедолага очень скоро был вынужден вновь просить защиты у барона или же нищенская сума — вот все, что доставалось ему в удел.

Эта же участь постигла и моего отца, — печально вздохнул наш новый знакомый. — У него была большая ферма довольно далеко на восток от этих мест. И он, и его предки много поколений держали эту землю, гордясь тем, что им она была пожалована за верную службу еще самим Карлом Великим. Но однажды, много лет назад, барон Херсирк со своими воинами приехал на нашу ферму и потребовал у отца, чтобы тот признал его своим господином. Отец отказался, и Херсирк уехал.

На следующую ночь, это было тоже полнолуние, как и нынче, ферма была атакована волчьей стаей, и никакие попытки отца и его работников отогнать тварей огнем или железом не принесли успеха. Волки резали все живое, что попадало им на глаза: от племенного быка до кошки. Когда настало утро, стая схлынула, и отец, вскочив на чудом уцелевшего коня, помчался в замок, чтобы изъявить покорность баронской воле.

Когда он туда прибыл, сборщик податей, не этот, а его отец, едва приоткрыв окошко в калитке ворот, сказал, что барон отдыхает и никого не принимает до полудня. Отец пошел прочь, чтобы в тени деревьев подождать назначенного часа, и вдруг увидел, как мчится сквозь лесную чащу волчья стая. Распростившись мысленно с конем, он тут же залез повыше на дерево и начал наблюдать оттуда за происходящим. Стая, во главе которой мчался огромный черный волк, добежала до толстенного дуба и окружила его кольцом. И тогда черный волк на глазах начал меняться, принимая человеческий облик.

— Это был барон? — не удержался от вопроса-утверждения Лис.

— Да, он. — Проводник согласно кивнул. — Он потянул за одну из веток, и между корнями гигантского дерева открылся потайной лаз. Волки, один за другим, начали скрываться в нем. Барон спустился в лаз последним и вновь закрыл ход.

А в полдень, как ни в чем не бывало, его милость барон Херсирк принял моего отца. Конечно же, в замке не было никаких волков, но отец все понял. Его охватила жуть. Не слушая, он согласился на все, что говорил ему Херсирк, а потом, едва добравшись до Риббека, он за гроши продал все наше хозяйство и купил лавку возле городских

ворот, чтобы никогда больше не покидать стен города, находящихся, впрочем, под все той же ужасной защитой.

Когда я подрос и сообщил отцу, что сидеть на одном месте — это не по мне, что я желаю посмотреть свет, он воспринял это с неожиданной радостью, дал мне немного денег и повелел, если будет такая возможность, не возвращаться больше в отчий дом.

Я немало пострансствовал, был солдатом, матросом, пробовал даже изучать писарскую науку, да, видать, не судьба. — Рассказчик развел руками. — Ни одно из этих ремесел не принесло мне какой-либо выгоды. Я вернулся в отцовскую лавку. Совсем недавно мой батюшка умер. На смертном одре он раскрыл мне тайну того, что увидел в лесу у замка Херсирк. Это была великая тайна, которую долгие годы он опасался доверить даже моей матери.

Когда же нынче ночью прискакал сборщик податей, а затем в город пришел отряд рыцарей, я понял, что возмездие небес наконец-то свершилось. Видит Бог, я ничем не мог помочь фон Нагелю. Никто до самого утра не имел возможности выйти из города, но когда господин Ульрих вместе с другими рыцарями поняли, что попали в засаду, они ворвались в мою лавку, и я показал им ход через крышу в надвратную башню. Тогда-то фон Нагель и попросил меня предупредить вас. И вот я здесь и рад, что имею возможность сослужить вам службу. Поверьте, господа, для меня высокая честь, я счастлив быть полезен победителям этих мерзких тварей.

— Откуда ты знаешь, что они побеждены? — спросил я, соображая, что фон Нагель никак не мог знать о результатах Лисовского похода в замок.

— Когда я скакал, чтоб предупредить вас, я видел зарево, поднимающееся над лесом, и дым со стороны Херсирка.

Что и говорить, ларчик открывался просто.

— А куда мы теперь направляемся? — поинтересовался я.

— На старую императорскую дорогу, — любезно объяснил проводник. — До того, как Херсирк проложил часть дороги вблизи своего замка, она шла восточнее. Но сейчас там почти не ездят. К тому же это владения рода фон Штраумбергов, а они почти сто лет враждуют с Херсирками из-за этих земель. Так что за вами сюда никто не полезет. Бароны фон Штраумберги всегда отличались скверным нравом.

— В кого они превращаются? — на секунду прекращая любезничать со спасенной девушкой, хмыкнул Лис.

— Что? — Рассказчик, кажется, не понял вопрос. — А, нет-нет, — он замахал на Венедина руками, — вроде бы никто ни в кого не превращается. По крайней мере так говорят.

* * *

Мы ехали уже несколько часов, забирая все восточнее и все дальше удаляясь от негостеприимных владений покойного барона Херсирка. В одном месте мы свернули со столбовой дороги в лес на едва заметный проселок и ехали так довольно долго, кое-где расчищая путь от упавших деревьев и ветвей, тянущихся справа и слева и едва не смыкавшихся посреди малоезженой колеи. Кое-где возок приходилось подпирать плечами, чтобы не дать ему завалиться на сторону, кое-где забрасывать камнями и ветками немилосердные ухабы, грозившие оставить транспорт нашей подопечной без колес, в общем, назвать эту дорогу проезжей язык не поворачивался.

— Знаешь что. — Лис утер пот рукавом со лба. Процесс вытаскивания экипажа из широкой грязной ямы, не высыхающей, наверное, даже в самую жару, наводил моего друга на философский тон. — Работа нам, конечно, блатная досталась, красну девицу из грязи в князи толкать, но одно меня все же несказанно радует.

— Ты о чем? — кинул я, упираясь изо всех сил во вместительный продуктовый ящик возка, нависавший над задними колесами.

— Я вот еду и все прислушиваюсь, не рыдает ли кто поблизости. Ночью после оборотней слушал, сегодня весь день — кажись, тихо. — Он поднажал, чувствуя, что колеса выкатились наконец на твердый грунт. — Тьфу, тьфу, тьфу, вроде отстало. Так что все наши дорожные невзгоды почти ерунда.

Подбадриваемые кнутом одного из воинов, занявшего место убитого возницы, кони рванули и Лис, не удержавшись, плюхнулся в грязь.

— Или у меня со слухом плохо? — поднимаясь из зловонной жижи, пробормотал он. — Блин, а еще утверждают, что Западная Германия славится своими дорогами. — Он начал возмущенно отряхиваться. — Ну что за жизнь?!

Мы двигались в таком темпе еще несколько часов, пока не выбрались на обещанный риббекским торговцем старый императорский тракт.

— Это уже земли фон Штраумбергов, — прокомментировал он. — Они как против императора выступили, так мимо них дорогу и провели.

— Так что, — невольно холодея, произнес я, стараясь говорить с выражением досужего интереса на лице, — они примыкают к Лиге северных баронов?

— Штраумберги? Нет. Просто склочная семейка. Со всеми враждуют. Император до них еще доберется. Ежели б не Святая земля, куда его величество, что ни год, шлет новые отряды рыцарей, давно б уже в этих местах порядок был. А то чуть от города отъе-

дешь — плати, через лес переедешь — снова плати, через мост перебраться — опять мошну развязывай.

Замечание о деньгах было явно излишним. Как говаривал время от времени Лис: «Не будите Лихо, пока спит тихо». Где-то поблизости заржала лошадь, одна из наших ответила на этот призывный зов, и едва успел стихнуть звук, как на дорогу выехал вооруженный всадник, за ним еще, еще и еще.

— Таможенный контроль, — пробормотал Лис. — Там можно, а здесь не можно.

— О, не волнуйтесь, господа, — поспешил успокоить нас риббекский купец, указывая на зелено-черные нарамники конников, — это люди здешнего барона. Они тут всегда стоят. Надеюсь, вас не затруднит заплатить дорожную пошлину? У его милости вздорный характер, но он всегда радушно относится к тем, кто готов платить за его гостеприимство. А в последнее время гостей не так уж много.

Говоря по чести, перспектива платить кому-либо меня не слишком радовала. И вовсе не из-за какого-то приступа жадности, а по вполне объяснимой причине: в момент, когда ганзейский когг, на котором мы плыли, пошел ко дну, туда же отправилась большая, да нет, не большая, а просто подавляющая часть нашей наличности. Пока мы путешествовали вместе с тевтонцами, эта проблема не напоминала о себе, теперь же на счету была каждая монета. Однако по негласному уговору деньгами в нашем коллективе распоряжался Лис, и я перевел взгляд на него, ожидая окончательного решения.

— Заплатим, пожалуй, — горестно вздохнул мой друг, словно речь шла о литре крови из его жил. — Нам бы сейчас добраться до первого порядочного города, там поменяем у ганзейцев расписку Штолля, — произнес он немного погодя, видимо, для собственного утешения.

В это время старший из всадников сделал знак остановиться и, приблизившись, начал объезд остатков некогда пышного кортежа.

— Десять серебряных монет, — без обиняков выдал он результаты осмотра.

Венедин мысленно записал мытаря в число своих смертельных врагов и с явной неохотой полез за требуемой суммой.

— До ночи вам до города не доехать, — заметно подобрев после получения пошлины, произнес начальник поста. — Дальше по дороге будет постоялый двор. Ночуйте там, иначе спать придется под открытым небом, а на здешних дорогах неспокойно.

— Спасибо за заботу, — произнес мой раздосадованный напарник. — На дорогах, выходит, неспокойно. А то мы не заметили! — Он тронул поводья андалузца. — Н-но! Постоялый двор, так постоялый двор, все крыша над головой.

* * *

Когда наш провожатый говорил, что эта дорога в последнее время малоезжая, он не кривил душой. Постоялый двор, куда направила нас пограничная стража, был ярким свидетельством этого непреложного факта. Располагался он близ старой облупленной башни, перенесшей когда-то пожар и с тех пор почти не восстановленной. Очевидно, она служила своеобразной казармой для встреченных нами солдат, во всяком случае, трава возле примыкавшей к ней коновязи была начисто вытоптана. Здесь же поблизости виднелась небольшая закопченная кузница да несколько лачуг, наглухо закрытых и, вероятно, уже не первый год стоявших без хозяина. Не знаю, правду ли говорили баронские стражи, утверждая, что засветло до города нам не добраться, но я подозреваю, что за направление несведущих путников в эти захолустные хоромы их хозяин выплачивал гарнизону немалый процент. Впрочем, невзирая на внешнюю запущенность, почтенный хозяин этого странноприимного заведения встретил гостей более чем радушно.

— О, заходите, заходите, пожалуйста, — низко кланяясь, тараторил он, не забывая обнажать в улыбке два ряда зубов, способных заставить захлебнуться собственной слюной практикующего дантиста. — Всегда рады! Пожалуйте на белую половину. О, с вами раненый. Мы дадим ему чудодейственный отвар из лесных трав. Вот увидите, он поправится буквально на глазах. Эй, Курт, Альберт! Отведите господских коней в конюшню да задайте им сена. Извините, государи мои, — хозяин развел руками, — овса у меня нет.

— Понятно, — кивнул Лис, морально готовый вести переговоры по поводу оплаты. — Овес нынче дорог.

— О да-а, — протянул трактирщик, чувствуя в собеседнике понимающего человека, — все так дорого. А с тех пор как по этой дороге перестали ездить, и вовсе еле сводим концы с концами. — Он вновь смерил моего напарника проникновенным взглядом, словно оценивая, сколько можно запросить с неожиданных постояльцев. — Давно бы перебрался в город, да только кому сейчас продашь все это. — Он обвел рукой свои владения.

— Хорошо, — перебил его Лис, — как только у меня появится покупатель, я тут же пришлю его к тебе. А сейчас давай лучше поговорим об оплате.

Я отошел, не желая вмешиваться в финансовые махинации друга. Даже и не слушая предстоящий торг, можно было бы держать пари, что хозяин останется внакладе. В противном случае Лис не смог бы сомкнуть ночью глаз, сокрушаясь по поводу падения нравов и грабежа на больших дорогах.

Не знаю уж, насколько долго мог затянуться спор между хозяином и Лисом, который, невзирая на усталость, готов был до смерти торговаться за каждый гроттен, но тут дверь постоялого двора приоткрылась и я увидел сверкнувшую в лучах солнца кольчугу и белую ткань нарамника поверх нее. «Неужто тевтонец!» — обрадовался я, соображая, что, видимо, одному или даже нескольким воинам из отряда фон Нагеля удалось вырваться из риббекского капкана и догнать нас.

Но, увы, надеждам моим не суждено было оправдаться. Вместо черного креста тевтонца вошедший нес на груди алый крест ордена Храма Богоматери Горной с приподнятыми вверх боковыми частями так, будто стоящий человек воздевает в молении распростертые руки. Золотой щиток с пятилепестковой алой розой, окруженной черным терновым венком, расположенный в медальоне на груди неизвестного рыцаря, также свидетельствовал о его орденской принадлежности.

Оглядев присутствующих, неожиданный посетитель повернулся к нам спиной и широко распахнул дверь. Затем, в полном молчании, он кивком головы дал понять кому-то стоящему во дворе, что удовлетворен осмотром. Мгновение спустя человек в точно таком же, как и первый, убранстве властной стремительной поступью вошел вовнутрь постоялого двора. Еще четверо его спутников следовали за ним, но, невзирая на равенство в одежде, всякому постороннему наблюдателю было абсолютно ясно, кто из них имеет право повелевать.

— Комната на пятерых, — резко произнес начальствующий в этой странной процессии. Тон его не допускал ни вопросов, ни разночтений, а сказано это было так, что, даже не будь нынче на постоялом дворе свободного помещения, хозяин наверняка бы бросился выгонять прочь постояльцев, чтобы только услужить этому господину.

Я слышал, что, вступая в орден, новации дают обет избегать суесловия, но видеть исполнение обета вживе мне довелось впервые.

— Конечно, сию минуту, — радостно запричитал трактирщик, забывая о своих расчетах с Лисом. — Какой счастливый день!

— Ночлег, ужин, кони, — распорядился несгибаемый, словно Александрийский столб, рыцарь Храма Богоматери Горной и, едва удостоив нас взглядом, добавил нехотя, словно внутренне стыдясь столь длинной фразы: — Еду в комнату.

Не могу сказать, что появление новых посетителей на постоялом дворе меня обрадовало столь же бурно, сколь хозяина и его двух слуг. Обычная непринужденная атмосфера, царящая в подобных заведениях, да вино, да сытный ужин развязывали языки усталых путников, что позволяло порой узнать немало интересного о происходящем в мире, стране и ближней округе. Правда, порой блуждающие из уст в уста слухи приобретали вовсе уж невероятный вид, но и тогда можно было в них сыскать рациональное зерно, если, конечно, постараться.

От новых гостей новостей ожидать не приходилось. Не то чтобы в этом были повинны именно эти приехавшие вслед за нами люди, такова была обычная практика их ордена. Принявший его обеты и надевавший белое одеяние с красным крестом Ноттердам де Монтес, не становясь монахом, тем не менее отдалялся от мира и стремился свести к минимуму контакты с непосвященными.

Ходили слухи, что во Франции, бывшей своеобразной метрополией ордена, из одного командорства в другое можно было проехать, ни разу не ступив на землю, принадлежащую королю или же иному владельцу, кроме самого рыцарского братства. Здесь, в Империи, влияние и богатство рыцарей Храма было не столь значительно, но нравы, похоже, оставались теми же. Вероятно, именно этим и объяснялась склонность господ рыцарей странствовать глухими проселками, избегая императорских дорог и оживленных городов. Тем более что, по нашим сведениям, их отношения с его величеством Фридрихом II складывались отнюдь не лучшим образом. Так что, как ни крути, собеседников у нас на вечерней трапезе не намечалось.

Ужин на постоялом дворе подавался рано. Едва лишь начало темнеть, когда все блюда, должно быть, составлявшие сегодняшнее меню, были выставлены на стол. Набор их не отличался изысканностью, но все же поданная к столу лесная дичь, прожаренная на вертеле, вполне могла удовлетворить голод непритязательной публики, собравшейся нынче в этих стенах. Гостеприимный хозяин, явно желая сэкономить на свечах, подавал на стол все блюда разом, резонно полагая, что клиенты сами разберутся, что и в какой последовательности есть.

— Вино, господа, — любезно хлопотал хозяин заведения, открывая при нас небольшой бочонок с сургучовой печатью на донце. — Прекрасное рейнское вино. Моя дочь Марта вышла замуж за одного винодела. Он проезжал здесь как-то. Она прислала мне на Пасху этот бочонок. Я берег его для почетных гостей. Прошу вас, отведайте. Не пожалеете.

Трактирщик тарахтел без умолку, подливая из бочонка в деревянные кубки. Он уже успел рассказать нам и о безвременно умершей жене, и о дочери Марте, и о другой дочери, которая увязалась за каким-то никчемным ландскнехтом, в общем, шумовой фон, способствующий пищеварению, был создан в полной мере.

В другой раз я бы, может быть, и поддержал беседу со словоохотливым аборигеном, надеясь узнать о нравах местных жителей и о возможных путях нашего дальнейшего следования, но сейчас у меня раскалывалась голова и более всего на свете хотелось принять горизонтальное положение, не видеть, не слышать никого и ничего. Головная боль, начавшаяся с того момента, когда Лис нынче утром

приводил меня в чувство на лесной дороге, теперь бушевала во всю мощь, заставляя глаза едва не вылезать из орбит.

— Господин рыцарь, что вы ничего не пьете. — Услужливый хозяин огорченно уставился на мой непочатый кубок.

— Да-да, — вяло пробормотал я, поднимая емкость с вином и едва окуная в нее губы.

Обижать славного трактирщика не хотелось, но вливать в себя что-либо также было нежелательно по причине абсолютной неэстетичности возможных последствий. Удовлетворенный хозяин поспешил к другим гостям, и я с удовольствием прислонил сосуд с прохладной влагой к виску, с облегчением чувствуя, как передается мне желанный холодок. Я почти ничего не ел и едва ли что-то выпил, когда уже совсем стемнело и мы, принужденные жить, придерживаясь простых сельских нравов, отправились почивать, лишь только последний луч заката погас в небе.

Выданная содержателем придорожной гостиницы масляная светильня едва освещала пространство вокруг себя, помогая видеть ступени лестницы, ведущей на второй этаж, и наши апартаменты, по скудности убранства вполне могущие соперничать с офицерской гауптвахтой какого-нибудь заштатного гарнизона. Нам были предоставлены три комнаты: в одной размещалась Алена Мстиславишна со своим «двором», включавшим и нас с Лисом; в другой располагались остатки храброго воинства; третью, совсем небольшую, трактирщик предоставил раненому Ропше и нашему проводнику, уверявшему, что в годы странствий ему приходилось быть помощником у одного солеренского лекаря и что уход за нашим другом будет ему только в радость. Разместившись таким образом, мы впервые за прошедшие два дня спокойно смежили очи, надеясь по возможности не открывать их до самого рассвета, а может, и долее.

Моим надеждам не суждено было осуществиться.

— Просыпайся! Да просыпайся же! — шептал Лис, толкая меня локтем под ребра.

— Ну что такое? — не открывая глаз, пробормотал я, вслушиваясь, отпустила ли головная боль. — Который час?

— С ума сошел?! Откуда я тебе здесь часы возьму? Ночь.

— Ну а раз ночь, какого рожна ты меня будишь?

— Прислушайся, — потребовал мой напарник.

В коридоре слышался тихий стук, как будто дерево стучало о дерево. Была у моего друга милая особенность: он мог спать как убитый под артиллерийскую канонаду и проснуться от звука шагов пробежавшей мимо кошки, если в данный момент в данном месте никаких кошек не должно быть.

— Что-то стучит и шаркает, — подытожил свои наблюдения Венедин.

— Ну и что? Может, это какой-нибудь одноногий.

— Ага, Джон Сильвер. Не было здесь никаких одноногих. — Лис приподнялся на локте, продолжая вслушиваться. — Откуда ему среди ночи взяться?

— Да почем ты знаешь, может, какой-то местный нищий калека живет, скажем, в башне, а ночью приходит сюда подкормиться.

— Тогда что ему делать на втором этаже? — не унимался Венедин.

Я тяжело вздохнул. Проблемы одноногих побирушек меня не интересовали вовсе, а уж в такой-то час и подавно. Тем более что стук стих и некоторое время его не было слышно.

— Ну вот, видишь, — начал было я.

— Тише! Там еще кто-то есть, — прошептал Лис.

К негромкому стуку, внезапно возникшему снова, примешивался теперь едва слышный звук еще чьих-то шагов. Затем звуки эти стихли точно так же внезапно, как и появились.

— Лис, у тебя паранойя, — недовольно пробурчал я.

— Стой! — оборвал меня мой друг. — Кто-то поднимается по лестнице.

Он не успел ничего добавить. Дверь опочивальни распахнулась и на пороге возник Некто.

— А-а-а! — грозно заорал он и простер руки в сторону сидевшего на тюфяке Лиса. Молнии, сорвавшиеся с его пальцев, слившись в огненный шар, устремились в сторону моего друга.

Глава 15

По команде «подъем» наступает светлое время суток.

Неизвестный прапорщик

Светящийся во тьме сгусток магической энергии, вполне явственно потрескивая, мчал прямо в грудную клетку Венедина. Не вызывало сомнений, что, попади он туда, непременно бы проделал скважину, в которую без труда мог просунуть голову всякий любопытствующий. Однако не тут-то было! Многоопытный ловкий Лис мгновенно рухнул навзничь, стараясь пропустить огненный шар над собой и выиграть хоть сколько-нибудь времени для ответного шага.

И тут светящийся шар остановился в паре шагов от него и ринулся вспять. Некто, по-прежнему продолжавший стоять в эффектной позе метателя молний, заметив странное дезертирство своего огненного оружия, попытался было взмахнуть руками, словно отгоняя назойливую пчелу, но вдруг оторвался от пола и, взмыв под потолок, буквально влип в него, суматошно размахивая конечностями.

— Не понял?! — возмутился Лис, пытаясь встать.

— О! Нет! Только не вставайте! — завопил горе-маг с явной мольбой в голосе. — Если вы приподниметесь хотя бы на пару дюймов, вы меня полностью раздавите. Я прошу вас, не надо, — добавил он жалостно.

Светящийся шар, висевший в воздухе неподалеку от головы бедолаги, давал возможность вполне четко рассмотреть испуганное выражение лица странного ночного посетителя.

— Ну ты думаешь, что говоришь?! — возмутился Лис. — Я шо же, по твоей милости до скончания века теперь так лежать должен? А не дай Боже, тебе отлить приспичит!

Не знаю, как отлить, но разрыдаться, похоже, горемыке явно уже приспичило. Губы его дрожали, и из прищуренных от яркого света глаз начали одна за другой капать слезинки.

— Умоляю, снимите меня отсюда! — выдавил потерпевший. — Клянусь чем угодно: жизнью, магической силой, всем, чем пожелаете, я не буду больше пытаться навредить вам. О-о, — продолжал сокрушаться возвышенный пленник, — какая глупость с моей стороны покушаться на столь великого кудесника! Какая дерзкая самонадеянность! Вот оно, наказание! — в ужасе взвывал он.

— Как я ошибся, как наказан, сказал ежик, слезая с кактуса, — пробормотал Лис. И добавил громче: — И шо я по-твоему должен с тобой сделать?

— Снимите меня отсюда, я вас очень прошу. Пожалуйста!

— А что это он там делает? — раздался рядом с нами недовольный голос Алены Мстиславишны. — Почему незнакомый мужчина в такой час в моей опочивальне? И что он делает на потолке?! И что там за сеть?!

— Сеть! — Мы с Лисом, занятые общением с незваным гостем, как-то даже и не потрудились приглядеться к доскам перекрытия, на которых висел незваный гость. А стоило бы. Меж двух балок, аккурат над тем местом, где стояло ложе юной княжны, обложенное тюфяками свиты, на потолке виднелась толстая сеть, концы которой отходили в разные углы помещения. Посреди этой самой сети, словно муха в паутине, дергаясь от ужаса, висел злополучный маг, похоже, потрясенный случившимся не менее нас.

— Он, э-э... м-м... там висит, — не поднимаясь с пола, пустился в объяснения Лис. — Видите, комнату освещает... м-м... чтоб не страшно было.

— Да? — удивилась Алена Мстиславишна. — А мне и так не страшно.

— Ну это... если там темно дышать, воздуха не видно... так шоб не на ощупь.

Поверженная мощью аргументации, киевская княжна внимательно посмотрела на моего друга, видимо, в чем-то его подозревая.

— Вот как! — произнесла она после паузы. — Но все-таки снимите его оттуда.

— Не могу, — сокрушенно бросил мой друг. — Если я начну подниматься, я раздавлю его о потолок, как таракана.

Алена Мстиславишна задумалась.

— Все очень просто, — произнесла она через пару минут. — Ты, Воледар, будешь его ловить, а ты, Лис, просто перевернись на живот.

— Во как! — восхищенно выдохнул Лис и поспешил исполнить приказание едва ли не быстрее, чем я успел подняться на ноги. Тело, явно получившее изрядное ускорение за счет Лисовского переворота, рухнуло вниз, увлекая за собой сеть и сбивая меня с ног всей своей массой. — Дьявольщина! Черт побери! — Лис, вновь обретший способность двигаться, подскочил и, путаясь в сети, принялся кромсать ее на куски своим кинжалом.

Выбравшись из-под бесчувственного чародея, я поспешил присоединиться к нему, опасаясь, что следом за магической атакой последует обычная, с применением привычного холодного оружия.

— Капитан, постереги теток! — выбираясь из обрывков «невода», заорал Лис. — Я ща по-быстрому подниму наших, в миг проверим, кто это тут рыбачить вздумал.

Он скрылся за дверью, в тот же миг висевшая под потолком шаровая молния стремглав понеслась за ним и, пробив дыру в стене, с грохотом взорвалась где-то в коридоре.

Лиса не было минут десять. Вернулся он обескураженный, явно пытаясь сообразить, что же все-таки произошло.

— Короче, Капитан, — поспешил он поделиться своими наблюдениями, — бред полнейший. Наши все спят сном праведника — не добудишься, а на постоялом дворе пусто.

— То есть как это пусто? — не понял я.

— Как в желудке отшельника во время великого поста. Кроме нас и вот этого красавца — никого. — Он печально вздохнул. — Похоже, нас прокинули. Но пока что, хоть убейте, не могу понять как.

Что и говорить, ночлег на лесном постоялом дворе приобретал неожиданную пикантность. Мало того что нам пришлось использовать

мага в качестве люстры, мало того что нас, словно золотых рыбок, собирались ловить сетью, так еще неведомые «рыболовы» отчего-то взяли да сбежали с места лова. Похоже, Лис действительно был прав, и время было трубить подъем. Пока я возился, приводя себя в порядок, мой друг снова исчез, и вскоре из коридора раздался его голос:

— Вальдар, иди-ка сюда.

Я оглянулся, посмотрев на юную княжну, уже вполне проснувшуюся и готовую к отражению возможной атаки, о чем непреложно свидетельствовал обнаженный кинжал, подаренный фон Зальцем. Лисовская зазноба, также пришедшая в себя, вполне была готова поддержать свою госпожу если не оружием, то истошным воплем. Впрочем, насколько я понял донесение Лиса, особой угрозы в обозримой округе не наблюдалось. Разве что этот злополучный маг.

Я перевел взгляд на него: худосочный, ростом едва ли больше пяти футов двух дюймов, с короткой вьющейся бородкой, отпущенной явно для того, чтобы скрыть бьющую в глаза юность. На вид он казался не слишком опасным противником, но все же маг есть маг. Я поманил его пальцем:

— Пошли.

Ни секунды не задумываясь, он повиновался моему приказу, со смешанным чувством интереса и страха во взгляде ожидая своей участи. Лис, вооружившись масляной светильней, маячил в коридоре.

— В общем, так, Капитан, уж не знаю, как тут и шо, но картинка мне напоминает известные сказочки про спящую царевну, Белоснежку и прочих дрыхнущих теток. Короче, весь наш народ спит непробудным сном. Так шо я не знаю, кого тут нужно облобызать, но прочие способы разбудить команду, похоже, не катят.

— Вероятно, тому виной сонное зелье, — не спросясь, вмешался в разговор наш недавний «осветительный прибор», вполне уже обретший после падения дар речи.

— Шо ты буровишь, несчастный? — оборвал его недовольный такой бесцеремонностью Венедин. — Какое еще зелье? Я выпил впополам больше, чем любой из тех, кто сейчас дрыхнет, как медведь на Рождество. Да и Вальдар вон...

— Я почти не пил. Голова болела. И княжна с дамами тоже только пригубили. Они на Руси к сладкой медовухе привыкшие, им кислое рейнское вино пришлось не по вкусу.

— Но я-то пил, — не унимался Лис.

— О великий, — склоняясь в поклоне, обратился к моему другу маг, — неужто вы запамятовали, что талисман охраняет вас от любых посягательств на жизнь и здоровье.

— Какой талисман? — насторожился Лис.

— Тот, который вы носите на груди, — без тени сомнения бойко ответил юный кудесник. — Я не знаю, какой из семи священных талисманов принадлежит вам, но действие его, — он вздохнул, — действие его я распознал, едва лишь так неосторожно позволил себе состязаться с вами в могуществе. Прошу вас, о великий, не казните меня, как я того достоин, позвольте мне следовать за вами. Позвольте перенимать крупицы высокого знания. — Он рухнул на колени. — Поверьте, я буду вам предан, как только может быть предан ученик своему учителю...

Лис, округлив глаза, разглядывал экзальтированного юнца, пытающегося с неизвестной целью уткнуться лицом в его плащ.

— Э-э, ну ты, давай, того, вставай, — недоуменно тряс он плечо недавнего метателя молний. — Неча тут сморкаться. Много вас таких ходит, потом одежу не отстираешь.

— Я отстираю, — заголосил маг, — я буду делать все, что вы прикажете. Я буду всюду следовать за вами и не отойду от вас ни на миг.

— Нет, это уже, пожалуй, слишком, — произнес ошеломленный такой угрозой Венедин. — Иногда все-таки отходи.

Приняв это высказывание за согласие, новоявленный ученик обвил нижнюю левую конечность Венедина руками и застыл в такой позе, явно не желая расставаться с означенной частью тела своего могущественного учителя.

— Але, отдай ногу! — возмутился Лис. — Короче, ты у нас мастак фейерверки руками пускать, значит, теперь так: ступай вниз, разыщи свечи да камин растопи. А мы тут пока совет держать будем.

— Слушаюсь, о великий, — радостно выпалил Лисовский послушник, стремглав скатываясь вниз по лестнице.

— Ну блин, и как тебе этот киндер-сюрприз? Нарисовался — хрен сотрешь, — произнес Лис, глядя вслед удаляющемуся магу.

— Если не считать ту побудку, которую он нам устроил, то довольно симпатичный юноша. К тому же безобидный.

— Ага, насчет безобидности это ты верно заметил. Оно как рассветет, посмотришь: там в коридоре его молния стропило перебила. Абсолютно так безобидно. Я не о том, что делать-то будем? Рубь за сто, он теперь не отцепится.

— В данный момент есть три вопроса, на которые, как я думаю, нам стоит обратить внимание. Первое: чего ради сюда явился этот, с позволения сказать, чародей? Второе: что он думает о твоем талисмане? Похоже, что-то ему о нем известно. И третье: если, как ты говоришь, отвязаться от него не удастся, быть может, имеет смысл взять его с собой? Какой-никакой, а все же маг. В пути может пригодиться.

Лис хмыкнул:

— Хорошо, разберемся с вопросами. Давай для начала решим, что мы вообще дальше делаем.

— Я полагаю, поутру надо отправиться в город, найти бургомистра, рассказать ему о нашем ночлеге. Пусть пришлет сюда солдат.

— Да, и чем они тут будут заниматься?

— Лис, ну посуди сам: попали мы явно в разбойничий вертеп. Уж не знаю, была ли на дороге настоящая стража или разбойники, а может быть, и те, и другие в одном лице, речь не о том. Когда же в нашей комнате начался переполох, они поняли, что решить дело потихому не удастся, и, по всей видимости, спрятались где-то в лесу неподалеку. Наверное, не так у них много сил, чтобы вступать в схватку с профессиональными бойцами вроде нас.

— Ну, предположим.

— А тут еще эти самые рыцари Храма Богоматери Горной приехали...

— Рыцарей на постоялом дворе нет, — прервал ход моих рассуждений Венедин.

— Да мало ли. — Я пожал плечами. — Передохнули, поели и помчались дальше. С этих станется.

— Оно, конечно, да, для бешеной собаки семь верст не крюк, — с сомнением в голосе произнес Венедин. — Но все же ночь, лесная дорога...

Его словам суждено было остаться без ответа.

— Сеньоры мои, — послышалось с первого этажа. — Позвольте мне просить вас подойти сюда.

Мы переглянулись и начали спускаться вниз по лестнице. Здесь уже пылал камин и тускло, чадя, горело несколько сальных свечей. Стол, за которым вечером совершалась наша трапеза, был неубран, да и вообще, похоже, после нашего ухода никто и пальцем не пошевелил, чтобы навести порядок. Юноша-маг стоял возле стола, держа в руке нечто, напоминающее по форме сосульку, но только не прозрачную, а белую и витую. Кудесник переводил победный торжествующий взгляд с сосульки на нас и обратно. Предмет, сжимаемый им в руке, на глазах терял свой первозданно белый цвет и зеленел, как синтетическая елка.

— Ну и что сия аллегория означает? — произнес я где-то слышанную фразу.

— О простите, — чародей поклонился, скрывая насмешливую улыбку, — простите, о великий, я забыл, что среди нас непосвященный.

— Да уж чего там. — Лис кинул на меня сочувствующий взгляд. — Так и быть, разъясни ему, шо к чему.

— Позвольте спросить, — начал его ученик, — вот это ваш кубок?

— Вполне вероятно, — согласился я.

— Он был полон, и поскольку вы сказали, что почти не пили, я решил, что ваш. Так вот, — продолжал он, — эта вещь есть бесценный рог единорога. Он позволяет безошибочно определить, есть ли в натуральной жидкости, в данном случае в вине, посторонние примеси. Если бы он почернел — увы, пришлось бы признать, что вы и все, кто его пил нынче за ужином, отравлены. В то же время сонное зелье окрашивает рог, как мы видим, в зеленый цвет. А, скажем, приворотное — в алый. — Он отчего-то печально вздохнул. — Вот так вот, господин рыцарь.

Я кивнул, благодаря за разъяснения.

— Что ж, это подтверждает мое предположение. Трактирщик и его люди не душегубы, а всего лишь грабители. А значит, вскоре попытаются вновь вернуться сюда.

— Возможно, ты и прав, — кивнул Лис. — Да только есть пара вещиц, которые не мешало бы учесть.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, первое: денег у нас почти нет, в упряжке две боевые лошади, что само по себе полный бардак, и правят ими люди, имеющие об этом весьма смутное представление. Второе: от фон Нагеля пока никаких вестей, и чем дальше мы по этой дороге проедем, тем меньше шансов их получить. Ну и, кроме того, когда, — он обратился к ученику, — проснутся наши люди?

— М-м, — кудесник замялся, — быть может, к полудню. А может, и позже. Все зависит от того, сколько они выпили.

— Вот видишь, утренний старт, таким образом, отменяется. А раз уж мы все равно сидим в этом клоповнике, стоит подумать, как мы намерены путешествовать дальше в таких, мягко говоря, непоходных условиях.

Раздумья на тему, как быть дальше, были долги и безрадостны.

— Слушай, — внезапно оживился Лис, — маг, как там тебя...

— Ансельм, — потупился юноша.

— Ладно, пусть будет Ансельм. А слабо тебе пару крысаков в коней превратить?

— В кого? — удивился Лисовский подопечный, не скрывая своего недоумения.

— В коней. Ну или хотя бы в мулов.

— О нет. Так я не умею. Куда уж мне? Это, наверное, даже магистрам не под силу. Тут полный квадрилиум нужен. А сами-то вы...

— Э-эх-х, — горестно махнул рукой Лис. — Верхняя сигминанта рубидия в рубероиде, что, если судить по Фрейду да учитывая начало спада луны в доме Химеры, с точки зрения банальной эрудиции полнейший нонсенс. Ничего, что я по-арамейски? — прерывая по-

ток заумной галиматьи, обратился к ошалевшему ученику мой друг. — Ну, в общем, в связи с поляризацией полярного сияния нельзя мне сегодня. Флуктуации не те.

Обалдевший под натиском неизвестных магических терминов, юный чудодей смотрел на Венедина с нескрываемым обожанием, с каждой секундой проникаясь к нему все большим и большим почтением. За своего друга я был спокоен. Четыре года плотного общения с графом Калиостро не прошли даром.

— Значит, крысаков тебе колдануть слабо, — сокрушенно вздохнул Лис. — Слушай, а что ты вообще можешь?

— Увы, о великий, совсем немного, — с тяжким вздохом выдавил Ансельм. — Я, видите ли, до бакалавра не доучился. Правда, всего-то месяц. — Он поднял на Лиса страдальческий взгляд, словно ища поддержки и прощения за такую оплошность.

— Эк тебя так угораздило, — сочувственно отозвался мой друг.

Маг-недоучка вновь потупился.

— Я, знаете ли, в Кордове учился. У магистра третьего уровня Альмелия Магнуса. Он жил в своем доме, а при нем племянница... Уж такая красавица —"глаз не отвести.

— Ну и ты ее... — начал Лис.

— О-о-о-о, — взвыл несчастный юноша, становясь в этот момент еще несчастнее. — Если бы она кинула на меня один лишь благосклонный взгляд, я был бы счастливейшим из смертных. Но, увы, надменная дева не замечала меня. Иногда мне казалось, что маг лишь именует девушку своей племянницей.

— А на самом деле он ее...

— О-о-о-о, — вновь взвыл юнец. — Ее кожа была столь бела, что иногда мне казалось, что она вовсе не живой человек, рожденный от отца с матерью, а одна из прекрасных статуй, которых так много среди древних руин.

— Она была с руками? — поинтересовался Лис.

— Да, а что? — смутился на полуслове рассказчик.

— Тогда еще ничего. Жить будет.

Ансельм на мгновение остановился, мотая на ус, что наличие рук у оживших античных статуй гарантирует им жизнеспособность.

— Что я только не делал, — продолжал сокрушаться он, — чтобы привлечь внимание надменной красавицы, все было тщетно. И тогда я решился на крайнюю меру.

— Ты ее?..

— О-о-о-о! — захохотал новоиспеченный Лисовский ученик. — Я приготовил приворотное зелье и влил его в кувшин с вином. В мои обязанности входило, — поспешил пояснить он, — относить кувши-

ны с вином и блюда с фруктами в спальни Альмелия Магнуса и его племянницы. Так вот, вечером я принес вино и фрукты в желанный альков.

— Ну и?..

— Я так волновался, что перепутал кувшины, — сокрушенно сознался бедный Ансельм.

— Несчастный двоечник! Как ты мог?! В таком-то деле!!! — возмутился великий и ужасный Лис.

— Не гневайтесь, — в ужасе взмолился бакалавр-недоучка. — Я был достойно покаран. Утром, лишь только встало солнце, старик Альмелий воспылал ко мне такой страстью, что я уж и не знаю, как спасся. Поверьте, я натерпелся такого страху, что до сих пор при воспоминании об этом дне сердце забивается в пятки, словно барсук в нору.

— Ладно, — утешительно махнул рукой Лис. — Бог с тобой. Дальше-то что было?

Ансельм тяжело вздохнул.

— Я бродил из города в город, показывая фокусы на ярмарках, ища учителя, который преподал бы мне уроки магической науки, и покровителя, которому бы я мог служить верой и правдой.

— И как успехи? — осведомился Лис.

— Как сказать. — Ансельм развел руками. — До недавнего времени я считал, что неплохо. Но сейчас вижу, что ошибался. Однажды судьба привела меня в Мекленбург...

— Что-что? — насторожился я.

— Да, господин Вальтер фон Ингваринген. Госпожа Аделаида, властительница тех мест, незадолго перед этим рассорилась со своим мужем и вернулась в свой домен, поджидая, как я теперь знаю, вас. Когда я появился в городе, бессовестно объявив себя магистром магии, мне было лишь ведомо, что в нем живет молодая, весьма богатая госпожа, пребывающая в постоянной тоске и печали. Я вызвался развеселить грустную сеньору, и, скажу без лишней скромности, мне это удалось. Конечно, в Мекленбурге был и свой придворный маг, но старик долгие годы просидел, как пень, на одном месте, довольствуясь банальным набором дедовских заклинаний да антинаучным лечением при помощи восковых слепков. К тому же ему не приходилось выступать на ярмарках на потеху толпе.

В общем, мое представление понравилось ее сиятельству, и она приблизила меня к своему двору. Я катался как сыр в масле, не обращая внимания на козни старого мага. В конце концов я бы непременно занял его место, но, увы, в один прекрасный день случилась беда. Хотя теперь-то я понимаю, что это была вовсе не беда, а, вер-

нее всего, указующий перст Провидения, но тогда... тогда я был близок к отчаянию.

— Да что опять случилось-то? — не удержался от вопроса Лис.

— Графиня получила письмо от своей младшей сестры герцогини Изборской.

— Княгини, — машинально поправил я.

— Да, простите, конечно, княгини. Она писала, что вы, герр Вальтер, и вы, о великий, спасли ее город от захвата и что нынче вы оба служите при дворе российского кесаря Вольдемара и в большом почете у него, так что он даже поручил вам сопровождать в Трир племянницу его величества кесаря принцессу Альенор.

Я поглядел на Лиса, ища сочувствия в его взгляде. Венедин молча развел руками.

— Ее сиятельство пришла в неистовство, — продолжал юноша. — Она кричала, что вы ее обманули, предали, унизили. Что она желает вашей гибели. И чем страшнее и мучительнее, тем лучше.

Лис смерил насмешливым взглядом говорившего.

— Мой мальчик, и для этого она выбрала вас?

Ансельм печально вздохнул.

— Вначале она хотела послать большой отряд за вами в погоню, но потом сообразила, что два таких славных воина, да еще в окружении нескольких десятков опытных ветеранов — весьма непростая добыча. Тогда-то старый мекленбургский маг, будь он неладен, и посоветовал графине Аделаиде послать меня. Мол, я не вызываю особых подозрений, зато моложе и магической силой превосхожу его. Графиня знала из письма, что вы пойдете морем, и резонно предположила, что, вероятнее всего, дальнейший ваш путь будет пролегать через владения Тевтонского ордена. Как видите, так и случилось. Мне оставалось только ждать, когда вы появитесь, и, дождавшись, красться следом, выжидая удачный момент для нападения.

Вчерашней ночью я с ужасом наблюдал, как набросились на вашу колонну волки-оборотни. Они промчались мимо, даже не обратив внимания на такую ничтожную жертву, но у меня до сих пор трясутся поджилки, когда я вспоминаю ощеренные пасти этих чудовищ. Бр-р-р... Когда же я увидел воочию, как сгорел прыгнувший на вас, о великий, оборотень, я понял, что мне предстоит сразиться не просто с двумя отъявленными головорезами... — он запнулся, — простите, господа, — но с магом, многократно превосходящим меня по силе.

— И все же ты решился напасть, — хмыкнул Лис. — Поступок, который не назовешь поступком труса.

— Ну что вы, я очень боялся, — сознался фальшивый магистр. — Но я брел за вами по Германии все дальше и дальше, и Бог знает,

сколько еще мне довелось бы брести. И я решился. Этой ночью я прокрался на постоялый двор и, убедившись, что все тихо и все спят, попытался ошеломить вас внезапным ночным нападением. Что было дальше, вы сами знаете, господа.

Лис хотел еще что-то спросить, но тут с галереи второго этажа донеся звонкий голос Алены Мстиславишны.

— Валедар Ингварович, Лис Венедин, я прошу ответить вас, почему вокруг так темно и доколе мы будем сидеть без завтрака? — произнесла девочка, примеряя на себя роль будущей императрицы.

— Темно потому, что ночь, — моментально отреагировал мой друг. — А завтрак? Мы уже работаем в этом направлении. — Он пихнул в бок Ансельма, указывая кивком в сторону кухни. Заметив это движение, княжна перегнулась через перила и увидела стоявшего до того в тени бакалавра-недоучку.

— А, это вы! Ответьте, будьте добры, чего это вам вздумалось летать под потолком и будить нас посреди ночи?

— Видите ли, ваша светлость, — вмешался Лис, подталкивая возмутителя спокойствия все ближе к котлам и поварешкам, — это м-м... один наш знакомый. Его зовут Ансельм. Он очень спешил предупредить нас о засаде, которую коварные грабители готовят на этом постоялом дворе мирным путникам, ну... и немножко не рассчитал.

— Да? — удивленно произнесла изумленная подобным объяснением девушка. — Ну, как бы то ни было, я хочу есть.

— Хорошо, хорошо, не извольте сомневаться, ща все будет. — Лис затолкал чародея, оторопевшего от натиска юной невесты императорского отпрыска, еще ближе к кухонным кладовым. — Короче, слушай меня внимательно. Так и быть, я прощаю тебе сегодняшнюю ночную выходку, прощаю то, что ты посмел величать себя магистром. Более того, из сострадания к твоей тяжелой судьбе я позволю тебе следовать за мной, и даже более того. — Венедин помедлил и махнул рукой. — А, была не была, так и быть, зачту тебе экстерном экзамен на степень бакалавра, если ты мне ответишь на вопрос, — он наморщил лоб, делая вид, что вспоминает подходящую к случаю закавыку, — нет, это, пожалуй, чересчур сложно... Так, об этногенезе в Кордове наверняка и слыхом не слыхивали... А! Вот. — Он сунул руку за пазуху и вытащил свой калкинский трофей. — Ты должен будешь мне рассказать об истории и свойствах вот этой безделушки.

— Черный дракон Цинь Шихуань-ди, — пораженный Ансельм, делая огромные глаза в пол-лица, рухнул на колени. — Господь всемогущий, не сплю ли я?

Глава 16

Деньги — это то, что проходит через ваши руки прежде, чем попасть в королевскую казну.

Кольбер

Забота о хлебе насущном и последовавший за ней процесс поглощения пищи на время заставили Лиса и его магического ученика отвлечься от темы экзамена. Вслед за трапезой вопрос о том, что же делать дальше, встал с новой остротой, поскольку выяснилось, что продовольствия на постоялом дворе хватит едва ли на пару дней весьма экономного стояния.

— В общем, так, — горячился Лис, — пора вспомнить школьный курс истории и осознать, что города — это не просто скопища домов, произрастающих за одной оградой, но и аккумулятор финансов в их первозданном денежном эквиваленте. Короче, самое время протрясти буржуа и послушать, как они будут звенеть.

— Может, все же доберемся до конторы Ганзейского союза? — возражал я, памятуя, что Лисовская манера ловить рыбку в мутных финансовых потоках ведет обычно к весьма далеко идущим последствиям.

— До этой самой конторы еще добраться надо! Наш любезный Карл из Риббека, купец, утверждает, что миль на сто в округе ничего подобного нет. С нашей скоростью это не меньше трех дней пути. Мы-то ладно, как-нибудь на подножном корму святым духом перетопчемся, но теток все же кормить надо. Да и ночевать под открытым небом тоже затея не ахти какая — октябрь на носу, того и гляди дожди пойдут.

— Хорошо, и что ты предлагаешь?

— Как это что? Провести безвозмездный заем денег у населения.

Последняя часть нашего разговора была услышана юной княжной, спускавшейся в этот момент по лестнице, чтобы узнать, отчего это вдруг воины ее эскорта изволят спать, когда она уже давно бодрствует.

— Я благодарю вас за заботу, господа, — тоном, не допускающим возражений, произнесла Алена Мстиславишна, — но если мы действительно в таком тяжелом положении, как вы говорите, быть может, стоит что-то продать?

— Чтобы продать что-нибудь ненужное, надо сначала купить что-нибудь ненужное, — процитировал Лис, — а у нас денег нет.

Княжна на минуту задумалась.

— Но есть одно из моих платьев. То самое, в котором я ходила под Херсирк.

Я улыбнулся обороту: «Ходила под Херсирк». Так обычно изъяснялись старые вояки. Юная девица произносила эти слова со знанием дела и явной гордостью.

— Починить платье уже невозможно, а жемчуга на нем нашито не менее чем на тридцать солидов.

— Нехорошо это как-то, — вздохнул Венедин, вообще крайне болезненно воспринимавший попытки женского участия в финансовых вопросах, а уж тем более такую благотворительность со стороны девочки-подростка.

— Я так велю, — гордо задрала подбородок княжна. — Готовьтесь ехать в город. А я сейчас прикажу Татьяне спороть жемчужины и принести их вам.

Лис перевел взгляд с девушки на меня, и я четко понял, что в его голове уже созрел коварный план по «рациональному» использованию выделенных средств, так что свернуть его с намеченного пути не удастся даже бульдозером.

— Слушаюсь, ваша светлость, — склонился в поклоне Венедин. — Все сделаем в лучшем виде.

Кони несли Лиса и Ансельма, свято выполнявшего свое обещание не отходить от учителя, в сторону Штраумберга. Юный маг, пользуясь возможностью остаться наедине со своим новым покровителем, рапортовал, словно взволнованный абитуриент перед строгим экзаменатором.

— Лю Шен, о великий, в своем трактате «О чудесах, проистекающих на тверди земной» пишет, что в незапамятные времена, некогда властитель Подземного мира Эрликхан — сотрясатель гор восстал против воли Небес. Он повелел своим слугам захватить волшебную Горную страну, в которой размещались столбы, держащие небесный свод, и, разрушив их, притянуть Небо к Земле. Однако столбы эти охранял Черный дракон, посланный Творцом Небесной Тверди для защиты Горной страны.

Могущество Черного дракона неизмеримо. Слуги Эрликхана бежали в страхе, лишь только увидев его у подножия столбов. Тогда Эрликхан спустился в самое сердце Земли и вызвал оттуда Огненный Ужас, не имеющий имени и живущий там с первого мгновения мира. Огненный Ужас не ведал страха, и когда Эрликхан выпустил его из земных недр, он кинулся на Черного дракона, сокрушая все и вся на своем пути.

Неведомо сколько длилась их битва и уж подавно неведомо, чем бы она закончилась: семижды семь дней лилась по волшебной Горной стране кипящая кровь Огненного Ужаса Глубин и Черного дракона

Небес. И тогда Единственный, посланный Творцом, чтобы слушать стук сердца Земли, повелел тучам разверзнуться, и лил из них дождь сорок дней и сорок ночей. Смерть подступила к сражающимся так близко, что Огненный союзник Эрликхана устремился в неизведанные подземные бездны, ища спасения от беспощадных водяных потоков. Дух Черного дракона уже готов был оставить его истерзанное пламенем тело и отлететь на Небеса, где был рожден, но Единственный, собрав остывающую кровь обоих сражавшихся, сковал из нее маленького дракона. И когда последнее дыхание готово было сорваться с уст хранителя земных столбов, он дал духу отважного защитника Горной страны новое обиталище, навеки поместив его в неведомых недрах талисмана. С тех пор сила и могущество великого Черного дракона пребывают в нем из века в век.

— *Недурственно,* — похвалил будущего бакалавра магических наук высокоученый экзаменатор. — *Чувствуется работа с материалом. Похвально, молодой человек. Однако вон уже виднеется город, и нам надо заняться некоторыми приготовлениями к предстоящему священнодейству. У вас с собой есть писчие принадлежности и пергамент?*

— *Конечно,* — отозвался прилежный ученик, собираясь, очевидно, запечатлеть на выбеленных страницах крупицы Лисовской мудрости.

— *Вот и прекрасно, мой дорогой. Тогда возьмите нож и нарежьте пергамент кусочками размером эдак дюйм на дюйм.*

— *Что?* — переспросил юноша, вероятно, полагая, что ослышался.

— *Пергамент. На кусочки,* — чуть медленнее повторил Лис. — *Ну что тут непонятного?*

На некоторое время я был вынужден отвлечься от созерцания первого дня учебы незадачливого горе-чародея у светила венедской учености. Пришедшие в себя после тяжелой зельевой спячки воины нуждались в заботе и уходе не менее, чем изнеженные курсистки после посещения анатомического музея. Земля уходила у них из-под ног, головы чугунными ядрами обрушивались на стол всякий раз, когда, сидя за ним, они убирали поддерживающие лбы руки.

— Пожалуй, мне пора возвращаться в Риббек, — едва ворочая языком, выдал наш проводник, чувствовавший себя, быть может, самую малость лучше лихих вояк, изрядно принявших вчера на грудь. — Не хотелось бы, чтобы меня хватились. Да и вообще стоит посмотреть, как там и что. Повремените здесь пару деньков. Если фон Нагелю и его людям удалось спастись, я приведу их сюда, а нет — приду сам да выведу вас в обход здешних злыдней прямо к Триру.

— Ты б, может, не торопился, — глядя, с каким трудом вскарабкивается он на своего коня, предложил я.

— А, не впервой. В лесу развеюсь. — Купец дал шпоры своему скакуну, и я печально посмотрел ему вслед. Отпускать доброго Карла из Риббека одного без прикрытия не хотелось, но и прикрывать его было некем. Оставалось уповать лишь на милость Небес да на белый день.

— *Не, ну ты, блин, жмот!* — возмущался Лис, вращая перед носом у штраумбергского ювелира жемчужину с платья Алены Мстиславишны. — *Прекрасный гиперборейский жемчуг! Где ты еще такой найдешь?*

— *А я вам говорю, почтеннейший, что жемчуг с брачком. Кроме того, в этом году на жемчуг малый спрос.*

— *Ага, это тебе вечерней лошадью из Парижа такие сведения принесли?* — не унимался мой друг. — *Шо ты мне тут горбатого до стены лепишь?! Какой малый спрос, какой брак? Скатный жемчуг! Верховный адидас Гипербореи подарил его блаженному Дезодорану на четки. Если я, вернувшись в Гиперборею, сообщу верховному адидасу, шо ты назвал его жемчуг дефектным, он устроит такой великий поход, что нашествие Аттилы покажется невинным паломничеством по святым местам.*

— *Ладно, только из уважения к вам, верховному адидасу и этому самому... блаженному Дезодорану — семнадцать солидов,* — отступил от прежней позиции прижимистый ювелир. — *Кстати, а кто такой этот блаженный Дезодоран?*

— *Как?!* — Брови Лиса возмущенно поползли на лоб, грозя остановиться не ранее затылка. — *Ты не слышал о блаженном Дезодоране? И это в тот момент, когда римская курия, отложив все свои дела, занята его канонизацией? Ты здесь ничего не слышал о блаженном Дезодоране? Да ты просто нищий духом! Стоп-стоп-стоп, я увлекся. Миа кулпа. Прости меня, почтеннейший ювелир. Давай вначале покончим с делами. Ты, кажется, говорил о семнадцати солидах?*

— *Да,* — едва скрывая торжество в предчувствии изрядного куша, произнес тот.

— *Давай сделаем так. Я не возьму с тебя этих денег.* — Глаза ювелира удивленно расширились, и он хотел было что-то сказать, но мой друг не дал ему такой возможности. — *Я отдам их тебе за пятнадцать золотых монет. Но с одним условием: ежели нынче к вечеру я принесу тебе пятнадцать солидов обратно да присовокуплю к ним еще один денарий в благодарность, то ты обязуешься вернуть мне все эти жемчужины в целости и сохранности.*

— *Хорошо,* — поразмыслив и решив, что в любом случае останется в наваре, ответил заинтересованный золотых дел мастер. — *Но зачем тебе это?*

— *Таким образом я осуществлю последнюю волю блаженного Дезодорана, этой благоухающей розы святости, наполняющей ароматом истинной веры самые отдаленные пределы Господнего мира, и вместе с тем сохраню... о, нет-нет.* — Лис прикрыл рот рукой, словно боясь выпустить из него еще хоть один звук.

— *А что это за воля?* — поинтересовался ювелир, надеясь, быть может, с этой стороны подобраться к тайне, которую скрывал мой друг.

— *Много лет тому назад,* — начал витийствовать Лис, — *блаженный Дезодоран, бывший в те времена богатым купцом, путешествовал вместе со мной, тогда еще совсем мальчишкой, через ваш город. Зайдя в церковь, которая находится, насколько я помню, где-то возле ратуши...*

— *Да-да, церковь Девы Марии,* — закивал внимательный слушатель.

— *Именно так!* — подтвердил Лис. — *Именно перед ликом Пресвятой Девы было ему послано видение: он узрел несчастную Гиперборею, задыхающуюся в зловонии язычества, и крест, обвитый алой розой, который он устанавливает посреди этих земель. И тогда он сказал мне: «Распродадим все и пойдем».*

И я пошел, и воочию узрел многие чудеса, явленные этим святым человеком в далеких землях дикой Гипербореи, отныне осиянной светом истинной веры. Когда же, два года тому назад, смежил он веки, — Лис шмыгнул носом, — *я поклялся исполнить его волю во что бы то ни стало. И как ни труден был путь, вот я здесь.*

— *Но какова же была его последняя воля?*

— *Дайте сначала закончить с делами. Вот жемчуг, пишите расписку, я заберу монеты и отправлюсь исполнять наказ моего блаженного учителя.*

— *Конечно,* — торопливо кивнул хозяин лавки, делая знак слуге привести городского писаря. — *Может быть, вам пока что-нибудь предложить освежиться с дороги?*

— *Не откажусь, пожалуй. Мне и моему ученику.*

Спустя минут двадцать сделка была заключена, налитое вино выпито, и дрожащий от нетерпения хозяин поинтересовался вновь, досадливо глядя на писаря и ученика, все еще толкущихся в лавке:

— *Так что за воля?*

— *Блаженный Дезодоран,* — повышая голос так, чтобы его слышали все присутствующие в помещении, а по возможности и прохожие на улице, — *велел мне продать то дорогое, что сыщется в его имуществе, и вырученные деньги раздать без изъятия наиболее праведным и благочестивым жителям Штраумберга. Что я и наме-*

рен сделать немедля. — Он замолчал и потер озадаченно лоб. — *Быть может, вы, почтеннейший мастер, соблаговолите провести нас до ратушной площади?*

— *Да, конечно,* — закивал тот. — *Но стоит ли туда ходить? Мы э-э... и сами можем пригласить наиболее почтенных и уважаемых граждан.*

Лис насупился.

— *Блаженный Дезодоран велел собрать на площади всех жителей города, и я, со всем моим глубоким почтением к вам, остаюсь покорен его воле.*

— *О да,* — вздохнул златоторговец, огорченный неудачей вылазки. — *Конечно, всех. Разве мог блаженный Дезодоран поступить по-другому? Пойдемте, господа.*

Путь, начатый от ювелирной лавки впятером, на ратушной площади закончился шествием не менее чем пяти десятков любопытствующих горожан.

Штраумберг нельзя было отнести к плеяде крупных городов Европы, и весть о том, что сейчас на площади будут раздавать деньги, облетела его быстрее, чем расторопный стриж успел бы пронестись по периметру крепостных стен. Однако, не обращая, казалось, внимания на столпотворение, Лис был суров и преисполнен важностью возложенной на него высокой миссии. Дойдя до входа в ратушу, он вытащил из висевшего на поясе кошеля коробочку с запасной тетивой и, не говоря ни слова, склонившись пополам, начал отмерять ею какое-то одному ему ведомое расстояние от массивной дубовой двери до... Заинтересованная толпа расступилась, освобождая ему дорогу.

— *Вот!* — произнес он, останавливаясь посреди площади. — *Вот оно, это место!*

— *Он узнал! Он узнал его!* — зашумели в толпе.

— *Именно здесь,* — во всю мощь своей луженой глотки вещал Лис, — *блаженный Дезодоран сказал мне: «Мы не отправимся на ярмарку в Кельн, ибо забота о земных богатствах суетна. Мы распродадим все немедленно и отправимся нести свет истины в Гиперборею».*

— *О!* — восторженно выдохнула толпа.

— *И да будет свят этот город!* — продолжал свой вдохновенный монолог Венедин. — *Ибо в нем мне открылась истина. И да будут блаженны жители, имеющие счастье жить в его стенах!*

Народ, внимательно слушающий каждое слово моего друга, взорвался восторженными рукоплесканиями.

— *Бочку! Бочку прикатите!* — заорал кто-то. — *Не видно ничего!*

— *Умирая,* — уже с бочки горланил Лис, — *блаженный Дезодоран велел мне раздать вам все деньги, полученные от продажи его имущества.*

— *Давай!* — заорали из толпы и десятки, а вернее, сотни рук устремились вверх, словно ожидая золотого дождя.

— *Но как найти благочестивейшего среди благочестивых?* — вопил в ответ Лис, картинно простирая над толпой руки с поднятыми вверх ладонями. — *Как найти набожнейшего среди набожных? Добродетельнейшего в этой цитадели добродетели?*

Алчущая золота толпа на секунду схлынула, задумываясь. Этого времени Лису было достаточно, чтобы начать очередное действие своего спектакля.

— *Не в силах человеческий ум принять такое решение. Лишь Божье соизволение позволит выбрать достойнейших.*

— *Верно! Верно!* — вопил возбужденный люд, и каждый прикидывал набор добрых дел, совершенных за время, прошедшее с последней исповеди.

Лис обвел глазами собравшихся и, увидев среди людского моря монашескую тонзуру, прикрикнул:

— *Эй, расступись! Прошу вас, преподобный отче. Помогите мне в этом богоугодном деле.* — С трудом протискиваясь через тесный коридор, внушительных размеров монах пробрался к бочке, с которой вещал Лис. — *Знаете ли вы этого человека?* — *крикнул мой друг, указывая на румяного священнослужителя.*

— *Знаем! Знаем! Это отец Юрген! Викарий монастыря Святого Тибальта.*

— *О!* — Лис склонился в поклоне. — *Для меня высокая честь. Не будет ли любезен достопочтенный отче отметить один из предложенных кусочков пергамента священным для всех нас знаком креста.* — Викарий согласно кивнул, сохраняя горделивое спокойствие, и принял из рук ошеломленно взирающего на происходящее Ансельма смоченное в чернилах гусиное перо. — *Пожалуйста,* — Лис протянул ему полный колпак обрезков пергамента, — *выберите любой. И да свершится воля Небес!* — Священнослужитель неспешно и величественно сунул руку в колпак, вытянул один из обрезков и с явным удовольствием начертал на нем требуемый знак. — *Вот он! Глядите все — вот он!* — вскричал душеприказчик апостола Гипербореи, затем, предъявив искомый пергамент обществу, вновь обратился к монаху: — *Прошу вас, святой отче, не оставляйте меня в этот час. В вашем присутствии я буду чувствовать себя увереннее.*

Тот важно кивнул, распираемый невольной гордостью от возложенной миссии.

— *А теперь, с Божьей помощью, каждый из вас может стать обладателем этого, или этого, или этого золотого солида. Любого из них, пока все они не закончатся. Каждый из вас может принести маленький серебряный денарий, который пойдет на богоугодное*

дело, на нужды похода в Святую землю к Гробу Господнему, а взамен вытащить заветный крест, который я тут же на ваших глазах обменяю на золотую монету. Будьте свидетелем этому, отче. Всего лишь один маленький серебряный денарий для святого дела, и золотая монета в награду самому благочестивому из благочестивых, достойному из достойных! Вы можете испытывать милость Божью сколь угодно раз, бросив обратно в шляпу кусок пергамента, который вы вытащили до того, и заплатив еще одну монету!

— Э-э, да за это платить надо! — раздался голос из толпы, но он не был услышан в общем хоре участников священной лотереи.

— Воледар Ингварович, — Татьяна Викулишна подошла ко мне, явно встревоженная какой-то неведомой мне неприятностью, — там Ропша захворал, весь в испарине, трясется, бредит. Я велела мамкам ему лоб водой смачивать. Быть может, здесь в кладовой яблочный уксус сыщется? Или какие травяные сборы? Вчера, помнится, трактирщик о них говорил.

— Он много чего говорил, — поморщившись, ответил я. — Ладно, идем поищем.

В кладовой нашлись и уксус для обтираний, и пучки различных трав, подвешенных сушиться под стропила. Татьяна Викулишна, обладавшая, как оказалось, изрядными познаниями в прикладной ботанике, немедля занялась их сортировкой и приготовлением чудодейственного отвара, способного, по ее уверениям, поднять нашего друга на ноги самое большее за пару дней. Пока же Ропша был совсем плох, он метался в горячке, выкрикивая нечленораздельные ругательства и обещая кому-то отомстить за смерть брата.

Велев переполошенным служанкам княжны почаще менять компрессы и обтирать повольника уксусом, я спустился вниз, где наблюдалась картина всеобщего лазарета. Менее фатальная, зато более многочисленная. «Господи, — страдальчески думал я, — ну что за напасть? Вздумай сейчас грабители вернуться, и постоялый двор можно брать голыми руками. Конечно, если это только негодяй трактирщик с подручными, тогда дело ерундовое, но если прибавить к ним десятка полтора встреченных нами по дороге стражей, оно приобретает нешуточный оборот. За одной моей спиной всем не отсидеться. Эх, жаль, черт возьми, что рыцари Храма Девы Марии Горной умчались куда-то в ночь, все бы спокойнее было».

Занятый такими невеселыми мыслями и госпитальными делами, я почти забыл вспоминать о Лисе. С помощью инвалидной команды мы забаррикадировали первый этаж строения, чтобы в случае возможной атаки иметь шанс хоть как-то использовать наличествующий «гарнизон». Я вышел на связь лишь часа через полтора.

* * *

— *А ну, не толпитесь,* — ревел Лис, расталкивая «благочестивых и набожных». — *В очередь! Я сказал, в очередь! Всем хватит! Одна монета — один шанс. Хотите вновь испытать судьбу — кидайте пергамент в шляпу. Не хотите — можете забрать его с собой. По предъявлении мандата, благословленного блаженным Дезодораном, святой Петр как пить дать скостит десяток-другой ваших грешков. Так, по одному подходи! Я же говорю, по одному! Нука,* — Лис повернулся к обалдевшему от происходящего Ансельму, стоявшему возле бочки, — *отсчитай тут серебра да мухой лети к менялам, приволоки мне еще десяток солидов.*

— *Я не умею, о великий,* — едва слышно выдавил юноша.

— *Чего не умеешь? Считать?!*

— *Нет, превращаться в муху.*

— *О Господи, неуч! Тогда беги ногами, а если кто пристанет, разрешаю превратить в жабу.*

— *Я...*

— *Как, и этого тоже не умеешь?!*

Не пускаясь в дальнейшие объяснения, юноша сорвался с места и бросился сквозь толпу, откуда послышались хлопки, сопровождаемые явно электрическими разрядами. Воистину, забота о сохранении наличности в стенах благочестивого Штраумберга не была пустой предосторожностью.

Я отключил связь. По крайней мере на этом участке нашего фронта все шло хорошо.

После обеда, любезно приготовленного Татьяной Викулишной, квелое воинство несколько воспрянуло духом, и в движениях храбрых ратников появилась явная осмысленность. Немного успокоившись, я расставил посты и собрался было вздремнуть часок, чтобы наверстать вырванное магическим нашествием время ночного сна, но не тут-то было.

— Воледар Ингварович, — заметив мою робкую попытку принять горизонтальное положение, изрекла юная княжна, — давно хотела вас расспросить...

Я не стал интересоваться, почему эта тяга к расспросам прорвалась у нее именно в тот момент, когда мне более всего хотелось смежить веки, и лишь вздохнул, обреченно склоняя голову:

— Готов к услугам вашим.

— Вы долго прожили в этих землях, — не спеша произнесла Алена Мстиславишна, — не доводилось ли вам встречать моего будущего мужа принца Людвига? Конечно, я, как подобает воспитанной

девушке, покорна воле своего отца и прекрасно понимаю, какие выгоды принесет Руси мой будущий брак. Но все же хотелось бы знать — каков он, мой суженый?

— Увы, моя маленькая княжна, — развел руками я, — мне не доводилось видеть его даже мельком. А вот о его отце, императоре Фридрихе II, если желаете, могу рассказать.

— Да, — после минутной задумчивости произнесла девушка, — пожалуй, это будет полезно.

И я начал повествование. Красивое, цветистое повествование об императоре, словно затерявшемся во временах и эпохах. Государе, свободно владеющем всеми европейскими языками, ведущем ученые беседы на арабском и персидском, переводящем с арамейского, древнееврейского, греческого и латыни. Императоре, установившем в своих владениях мир между всеми религиозными общинами, будь то христиане, мусульмане или иудеи, мудром властителе, с равным успехом побеждающем врагов мечом и словом, человеке, изрядную часть своего времени отдающем изучению опаснейших болезней и самолично изобретшем ряд весьма действенных лекарств для борьбы с ними.

Правда, чтобы не травмировать психику будущей невестки государя Священной Римской империи, я не стал рассказывать ей о случае, имеющем место быть что-то около двух лет назад, когда Фридрих, накормив обильным завтраком двух своих придворных, оставил одного в замке, с другим же отправился охотиться в ближайший лес. Ну а вечером того же дня его величество собственноручно вспорол животы обоим, чтоб посмотреть, у кого из них лучше усвоилась пища.

Так это было на самом деле или нет, сказать не могу. Что это были за вельможи и что нужно было сделать, дабы заслужить право принять участие в подобном научном опыте, я тоже не знал. Человек, рассказывавший мне об этом, клялся, что именно так оно и произошло и он сам был свидетелем. Оставим это на его совести.

Лично мне довелось встречаться с Фридрихом всего лишь раз, но этот раз стоил того, чтобы о нем рассказать. В то время я уже был рыцарем свиты графа Генриха Шверинского, и в моем послужном списке значился ряд весьма полезных для Лиги северных баронов успехов, поэтому встречать бежавшего из завоеванных императором земель графа фон Ратцеборга выпало именно мне.

Внезапный удар императорской армии застал правителя древнеславянского Ратцеборга врасплох, вынудив скрыться с десятком верных слуг безо всяких средств к существованию. Недавний союзник моего сюзерена, занимавший весьма высокое положение в северной Лиге, явился ко двору графа Генриха в запыленном дорож-

ном платье просто лишь потому, что другого у него не было. Он плакал навзрыд, заклиная графа Шверинского помочь ему вернуть утерянные владения, и мой добрый господин, как и подобает доброму господину, согласился.

Правда, при этом он выдвинул условие, что либо фон Ратцеборг после возвращения ему феода признает вассальную зависимость от Шверина, либо в пятилетний срок вернет графу Генриху сумму, троекратно превышающую ту, что может понадобиться для выкупа владений или же для ведения в них боевых действий.

Никакой войны граф Генрих вести не собирался, у него попросту не было для этого сил. Зато у него был крестный — маркграф фон Нордальбинг, стоявший в стороне от северной Лиги и в то же время весьма почитаемый императором за обширные познания в охотничьем деле и благодушный нрав. Сам граф Генрих не мог напрямую посылать герольда ко двору Фридриха II, император попросту отказался бы разговаривать с посланником бунтовщиков, но зато он мог отправиться на охоту к своему крестному, попросив его пригласить в это же время и его величество.

Ни о каких засадах здесь речь идти не могла — это было священное место водопоя, где враждующие стороны могли сколь угодно общаться между собой, не теряя лица. И император, и мятежный граф охотились в разных угодьях и жили в разных охотничьих замках в Нордальбингии. Толстяк же маркграф, едва отдуваясь от необходимости носиться взад-вперед, брал на себя многотрудные функции посредника.

Услышав предложение фон Нордальбинга уступить Ратцеборг его прежнему владельцу за весьма внушительную сумму, столь необходимую на организацию грядущего крестового похода, Фридрих II расхохотался и хлопнул вельможного охотника по плечу (во всяком случае, так рассказывал подкупленный мной паж маркграфа). «Когда хороший пес почует вальдшнепа, он станет отвлекаться на сорок?» — оборвав смех, спросил император. «Нет!» — тут же затряс головой фон Нордальбинг. «То-то же. Скажи, Шверин уже дал тебе деньги? Ну, признавайся, дал. Не думает же он, что я приму их от него самого!» «Верно, ваше величество», — склонился в поклоне толстяк. «Вот и великолепно. Оставь их себе. Да только, чур, расскажи об этом Шверину. И порадуй его, я верну Ратцеборг его законному владельцу. Так что эти деньги, которые мошенник Генрих заплатил тебе наверняка за посредничество, ты отработал сполна». — «Но...» — «Иди, иди. Сообщи ему, что ты провел со мной переговоры и я возвращаю Ратцеборг».

Граф Генрих радовался недолго: на следующий день фон Ратцеборг был приглашен к императору, обласкан им, осыпан милостями и подарками; еще через неделю он с императором въехал в свой город,

где на ратушной площади принял вассальную присягу на верность Фридриху II. Взбешенный граф Шверинский потребовал было обратно деньги у своего крестного, но, как выразился по этому поводу Лис: «Дэ той хлиб, шо мы зъилы?» Спустя еще неделю и Ратцеборг, и Нордальбингия в едином порыве выступили против Шверина.

Уже начинало вечереть, и я активизировал связь.

— *...Послушайте, почтеннейший,* — судя по тону, которым были сказаны эти слова, Лис произносил их отнюдь не в первый раз, явно по одному и тому же поводу, — *вот ваша расписка, вот ваши деньги, и я хочу видеть жемчужины, принадлежавшие блаженному Дезодорану.*

— *Но я вам предлагаю по три солида за каждую жемчужину. Это хорошие деньги.* — Ювелир, в лавке которого происходил торг, уже взмок от напряжения, но, похоже, был готов стоять насмерть.

— *Нет, ну просто беда какая-то,* — страдальчески воздел очи Лис. — *Видимо, за годы, проведенные в Гиперборее, я совсем разучился говорить по-немецки. Вы, очевидно, не поняли меня: они не про-да-ют-ся,* — по складам произнес мой друг. — *Они священны.*

— *О-о-о,* — взвыл хозяин лавки, прикидывая в уме, хватит ли у него наличности, чтобы оплатить бесценные перлы. — *Вы губите меня, мой дорогой друг! Послушайте, пять солидов — прекрасная цена.*

— *Нет,* — покачал головой Лис, — *мы с вами решительно говорим на разных языках. Какие пять солидов? О чем речь? Подумайте сами, как можно продавать чудодейственный жемчуг с четок блаженного Дезодорана, вылечивший от ящура верховного адидаса Гипербореи, победивший моровую трясучку и перепоит головы, случавшийся у гиперборейского народа каждое утро после очередного праздника? Подумайте сами, где перепоит головы, а где пять солидов — вы чувствуете разницу?*

— *Семь! Семь солидов!* — стонал доведенный до отчаяния торговец. — *Послушайте, ваше преподобие, сегодня днем я был в ратуше: господин бургомистр и господа бургграты, услышав о деяниях святого Дезодорана, постановили построить часовню в его честь. Эти жемчужины, эти священные реликвии, они бы украсили алтарь. Они бы излечивали страждущих, они бы привлекли толпы паломников в наш город.*

— *О,* — хмыкнул Лис на канале связи, — *впервые слышу речь не мальчика, но налогоплательщика! Вот наконец начался настоящий торг.*

— *Ладно, Лис,* — отозвался я. — *Поторопись, уже темнеет, скоро закроют ворота. Да не забудь, нам еще нужны пара коней, возница, продовольствие и хорошо бы лекарь. Ропша что-то совсем плох.*

— Не боись, Ансельм уже всем занимается. А лекаря?.. Хорошо, найдем и лекаря... Почтеннейший, я весьма чту ваш город... — Я отключил связь.

Лис вернулся уже затемно.

— Ну, как успехи? — поинтересовался я.

— А, уболтали-таки, черти языкатые!.. — махнул рукой Лис. — Продал им пятнадцать жемчужин за триста золотых. Пусть себе люди радуются! — Он протянул мне мешочек с жемчужинами, утром едва-едва потянувший на семнадцать солидов. — На, верни княжне. Скажи, уж больно добрый ювелир попался. — Венедин победно смерил меня взглядом. — И распорядись, будь добр, перегрузить провизию и подать нам с Ансельмом ужин, а то мы со всех святых дел, почитай, целый день нежрамши. Вот за что я не люблю буржуев, в смысле, бюргеров, ну ни хрена же гостей уважить не умеют.

— А лекарь где? — поинтересовался я, проверяя, не пропустил ли кого из спутников моего друга.

— А на кой нам ляд их здешний лекарь? Он тут, поди, запор от забора не отличает. У нас свой ученый эскулап есть, в Кордове по передовым тамошним технологиям ученый. Пусть пользует. Он, в общем, малый не дурак, хотя, конечно, дурак немалый.

До полуночи все было тихо. Расставив на ночь караулы, мы было отправились спать, когда дежуривший у постели Ропши Ансельм растолкал меня самым немилосердным образом.

— Вставайте, господин рыцарь. Ропша совсем плох, вас кличет, бьется в горячке, все поминает вас и учителя. Только я его сыскать нигде не могу.

Я вскочил, застегивая на ходу пояс и оглядываясь: тюфяк Лиса был пуст, впрочем, как и тюфяк Татьяны Викулишны. Изморенные дневным уходом за нашим раненым другом, мамки единообразно сопели в четыре дырки, досматривая очередной сон.

— Пойдемте, пойдемте, — заторопил юноша. — Того и гляди кончится. Кризис у него. Сейчас решается, помрет или выживет.

— Пошли. — Я подтолкнул его к выходу. — Ты выяснил, что с ним?

— Переломов нет. Но от сдавливания конечностей и удара головой, похоже, случилось возмущение жизненных влаг, приведшее к лихорадке. К тому же налицо признаки отравления...

— Да, — зло выдохнул я, — вчера трактирщик опоил его своим чертовым зельем.

— Будем надеяться, что все закончится хорошо, — вздохнул Ансельм.

— Погоди. — Я хлопнул себя ладонью по лбу. — Днем Татьяна Викулишна делала настой из трав и он прекрасно сбивал жар.

— Увы, — печально поднял брови наш новый соратник. — Он был бы весьма кстати, но только мне не удалось его сыскать.

— Надеюсь, что «о великий» с минуты на минуту появится, — произнес я, незаметно прикасаясь к символу веры.

Вид, представший перед моими глазами, вполне позволил оценить красоту сложения русской красавицы. Видимо, в пылу страсти Лис забыл выключить картинку.

— *Блин! Ядрена Матрена!* — возмутился Венедин, почувствовав внезапное присутствие свидетеля его амурных дел. — *Шо ж это такое?! Я имею право на личную жизнь?! Шо, блин, за учет и контроль?!*

— *Прости,* — начал оправдываться я. — *И хотел бы отвернуться, да не могу.*

При этих словах Лис закрыл глаза.

— *Прости еще раз. Тут Татьяна Викулишна днем снадобье готовила, оно очень нужно. У Ропши кризис. Совсем плох.*

— *Видал я вас... и ваши снадобья... и кризисы в час ночи... Сейчас будем!*

Под утро Ропша забылся здоровым сном.

Чуть свет в ворота постоялого двора загрохотали.

— Никак хозяева вернулись? — хмыкнул Венедин, так до утра и не нашедший, на ком сорвать свою злость. — Ща начнут заправлять, шо ночью срочно на ярмарку уехали. — Он потянул меч из перевязи и скомандовал бойцам, замершим у входа: — Открывайте!

Мой друг ошибся. Ни грабителя-трактирщика, ни его подручных за воротами не было. Вместо них там оказались пятеро стражников с черно-зелеными ромбами в левую перевязь на нарамниках. Увидев перед собой вооруженных до зубов вояк, они явно несколько опешили, однако все еще были полны решимости довести до конца полученное им сюзереном дело.

— Это вы вчера на ратушной площади раздавали солиды? — насупясь и опасливо поглядывая на стоявших вокруг Лиса ветеранов, спросил один из баронских стражников, судя по добротному вооружению, старший.

— Я, — не моргнув, ответил Лис. — А шо, кутюмы* баронства запрещают раздавать деньги на его землях?

— Нет, — покачал головой стражник. — Но закон велит платить в казну десятую часть от каждой торговой сделки.

— Шо? — искренне изумился Венедин. — И какое я имею отношение к этому закону? Я ничего и не продавал. Уж, во всяком случае, в этих землях.

---

* Кутюмы — древние феодальные законы, обычаи.

— Согласно толкованию закона, — монотонно произнес баронский слуга, — вы являетесь торговцем, ибо вчера на площади продавали пергамент. Да еще и используя при этом городскую собственность, заключавшуюся в бочке, на которой вы стояли. Это стоит еще три серебряные монеты в день.

— Кто где заключался?! Вы шо, с ума все посходили?! — возмутился Лис. — Я ничего не продавал! Я выполнял священную миссию. Каждый из горожан может подтвердить, что волен был вернуть означенный пергамент...

— Это их право, и это ровно ничего не меняет, — оборвал его «налоговый инспектор». — Соблаговолите заплатить десятую часть вырученной суммы в баронскую казну или же мы препроводим вас в темницу как мошенников.

— Да? — расплылся в недоброй ухмылке Лис. — Интересно, как это у вас получится?

Спор был готов перерасти в схватку. Короткую, но, безусловно, кровопролитную. Я уже хотел вмешаться и отсыпать от заработанных вчера Лисом денег пригоршню-другую монет, но внезапно к старшему стражнику подбежал еще один и что-то зашептал на ухо. Выслушав его, тот сделал знак своим подчиненным, и, не говоря ни слова, весь небольшой отряд вскочил в седла и стремглав умчался прочь.

Глава 17

Охота — это когда охота. А когда неохота, то кому это надо.

Охотник из «Красной Шапочки»

— Ты шо-нибудь понял? — Лис с нескрываемым изумлением уставился вслед баронским стражникам. — Шо это за обходной маневр? Куда их понесло?

— Понятия не имею, — отозвался я. — Насколько я помню, прежде люди, желающие получить с нас по счетам, не исчезали так быстро. Уж во всяком случае, по своей воле.

— Что ж, начинание, конечно, благое. — Венедин вышел за пределы двора и, не опуская мечей, медленно начал обходить обнесенное частоколом строение. — Но как-то это все подозрительно. Вот, трава примята. Значит, последний стражник шел отсюда. Интересно, что же он такого нарыл?

Я вышел за ворота, чтоб подстраховать своего друга. Понятное дело, шестеро стражников, как бы хороши они ни были, имели не много шансов против пары рыцарей, подкрепленных шестью же не менее профессиональными бойцами. Принимая же в расчет высокий бревенчатый забор постоялого двора и его забаррикадированный первый этаж — шансы нападающих вовсе становились угасающе малы. Однако вне наших «укреплений» за каждым камнем, каждым обшарпанным строением могла ждать засада.

Лис шел вперед, обратившись в зрение и слух, ступал тихо, почти бесшумно, короткими шажками, готовый каждый миг, едва почуяв опасность, отпрыгнуть, упасть и откатиться. Но все было тихо. С осенней ленцой щебетали лесные птицы, демонстрируя полное безразличие к делам двуногих тварей, шелестела на ветру листва, и, видимо, общаясь на свои лошадиные темы, всхрапывали кони в конюшне.

— Он шел от башни, — крикнул Лис, нарушая первозданный покой осеннего леса, — я иду туда.

— Я с вами, о великий! — Ансельм, верный своей клятве не покидать учителя, бросился к нему, не разбирая дороги.

— Тихо! — прикрикнул Лис. — Куда ты несешься как оглашенный? А вдруг там засада?

— А? — Юноша застыл на месте, поводя глазами вправо-влево. — Засада? — Он протянул правую руку перед собой и, не двигаясь с места, обвел ею окрестность. — Нет, здесь, кроме нас, больше ни одной живой души нет.

— *Блин, вундеркинд!* — выругался Лис. — *А раньше он этого сказать не мог? Чего я тут корячусь, шо бобик, когда этот Эмиль Кио засады руками чует.*

— Кстати, ты, о великий, должен вообще чуять ее мизинцем левой ноги. Причем не снимая сапог.

— *Ща, только ноги помою,* — огрызнулся Лис, — *а то шо-то чувствительность снизилась. Есть авторитетное мнение, шо придется устроить нашему доморощенному Хоттабычу осеннюю переэкзаменовку.*

— *В каком смысле?* — поинтересовался я.

— *В смысле узнать, что он еще могет. Обидно, знаешь ли, таскать с собой этакий кладезь магической премудрости и морочить себе при этом голову по всяким мелочам. Ладно, потом поговорим.* — Лис махнул Ансельму рукой и потянул на себя створку ворот потрепанной огнем сторожевой башни. Юный маг устремился за ним, и они оба скрылись в каменном чреве.

Первым из сумрачной руины появился Ансельм. Он шел покачиваясь, бледный, как утренний туман, с глазами, полными ужаса.

Отойдя пару шагов от ворот, юноша согнулся пополам и упал на колени, выворачиваемый наизнанку рвотой.

— *Смотри,* — ворвался в мое сознание Лис, и я увидел то, что спугнуло стражу, то, что могло заставить похолодеть от ужаса и менее впечатлительного человека, чем ученик мага. На полу башни, едва забросанные прелой соломой, в немыслимых позах валялись обезображенные крысами трупы: мужские, женские, не менее десятка. На одних виднелись ошметки уже знакомых нам черно-зеленых нарамников, на других была явно цивильная одежда, которая вполне могла принадлежать состоятельному трактирщику и его семейству. Рой мух, жужжа, вился над трупами, пролежавшими в злосчастной башне не менее трех дней. — *Вот так-то,* — выдавил Лис.

— Уходим! — скомандовал я. — Очень быстро собираемся и уходим!

Сборы были недолгими.

— Быстрее! Быстрее! — торопил всех Венедин, носясь из помещения в помещение, высматривая и уничтожая малейшие следы нашего пребывания. Обалдевший возница, нанятый им вчера, узрев вместо благостного ученика местночтимого святого свирепого воина, тычками ускоряющего и без того спорые движения ветеранов, норовил бочком выскользнуть с постоялого двора с явным намерением дать деру в родной город. — Только попробуй! — ловя его за шиворот, сквозь зубы процедил Лис. — Я перережу тебе горло раньше, чем ты сделаешь первый шаг в сторону города.

— Что вы, что вы, монсеньер, — залепетал бедолага, забираясь на козлы и замирая на них, словно суслик. — Я вот тут с конями...

— И шоб ни шагу! — Венедин для убедительности положил руку на крестовину меча. — Так, все забрали? Ропшу спускайте! Да аккуратно, не дай Бог уроните, головы к чертям поотшибаю! Алена Мстиславишна, голубушка, у вас все готово?

— Да, — кратко и как-то на удивление бесцветно произнесла княжна.

— Вот и отлично. — Лис одним рывком взлетел вверх по лестнице, чтобы на всякий случай еще раз проверить оставленные апартаменты.

— Вам нездоровится? — спросил я, подавая руку всегда бойкой и непоседливой киевлянке. Нынче она была бледна и на редкость спокойна.

— Да, — вновь ответила девушка, опираясь на мою руку и тут же скрываясь в возке.

Я хотел еще что-то добавить по поводу ее бледности и темных кругов под глазами, но меня опередил Лис, едва ли не кубарем слетевший вниз по лестнице.

— Аленушка, оружие забыла! — В руках мой друг сжимал высверкивающий серебряной филигранью кинжал, подаренный киевской княжне фон Зальцем. Лицо девушки на миг появилось в окошке возка.

— Оставьте его себе, — со вздохом сказала она. — Вам он нужней.

Лис остановился у повозки как вкопанный, не зная, что и сказать в ответ.

— Ты что-нибудь понимаешь? — Он перевел на меня взгляд.

— Честно говоря, нет, — недоумевающе покачал головой я. — Может, действительно приболела? Осень все же на дворе. Климат непривычный.

— Укатали сивку крутые горки, — отозвался Лис, засовывая за пояс клинок, подаренный магистром Тевтонского ордена. — Ладно, пусть пока у меня побудет. Эй, Танюха, пригляди за девонькой. Шото она занедужила.

Обычно стоило кому-либо неосторожно назвать Алену Мстиславишну девчонкой, девочкой или как-то в этом роде, и скандал вспыхивал быстрее, чем заряд гремучей ртути в унитарном патроне. «Я взрослая! — каждый раз горячилась княжна. — Я невеста принца!» Так бывало всякий раз, но не теперь. Лисовская провокация была явно пропущена мимо ушей.

— Хочу есть, — едва приоткрыв окошко, в никуда бросила княжна.

— В дороге поедим, — ответил Лис, вскакивая в седло андалузца. — Времени нет.

— Ну что, Капитан, куда направляемся? — поинтересовался Венедин, когда мы выехали на дорогу. — Вот уж действительно, как в песне: «Он шел на Одессу, а вышел к Херсону, в засаду попался отряд».

— В Штраумберг ехать нельзя, там сейчас стража такой переполох устроит, что спасти нас от расправы сможет только личное вмешательство блаженного Дезодорана.

— Увы, не предвидится. Но в Риббеке, по всей вероятности, нас тоже не ждут.

— Не ждут, — согласился я. — Но, возможно, там страсти уже улеглись, и, даст Бог, никто не проведет параллель между схваткой на дороге и заезжими путниками. Мы появляемся как ни в чем не бывало через три дня после случившегося и знать ничего не знаем, и слыхом не слыхивали.

— Хорошо, если так. А то ведь сыщется тот самый пакостный сборщик дорожной пошлины, враз они к нашей параллели подведут два перпендикуляра и вздернут нас на ней как миленьких. Мы, конечно, постараемся найти веские аргументы против, но все же перспектива не из приятных.

— Это худший вариант. А лучший — на полпути мы встретим нашего проводника с фон Нагелем.

— Какой проводник?! Ты шо буровишь?! — возмутился Лис. — Ты шо, еще не понял? Это же форменный Иван Сусанин! Он такой же проводник, как тот урод, шо нас вином опоил, — трактирщик.

— Да нет, не похоже, — пожал плечами я. — Уж как-то все слишком сложно для банальной разбойничьей засады.

— А ты о банальной забудь. Это засада не вообще, на кого Бог пошлет, а на нас с тобой, любимых. Судя по тому, что мадам Аделаида уже не преминула засвидетельствовать свое почтение, полагаю, что и дражайший супруг ее тоже сподобился пожелать нам доброго пути.

— Возможно, ты прав, — кивнул я, горяча шенкелями Мавра. — И все же как-то это слишком сложно. Куда как проще было послать отряд и перебить нас всех в дороге.

— Хм... Проще, да не проще. И вообще, почем ты знаешь, что его сиятельство задумал.

— В любом случае Риббек для нас сейчас безопаснее Штраумберга, — подытожил я.

Обратный путь на новую императорскую дорогу был еще более тосклив, чем в эту сторону. Быть может, сказывалось чувство усталости, быть может, тревога и постоянное напряжение делали свое дело, но мы ехали молча, почти не переговариваясь, лишь из возка временами слышались какие-то плаксивые реплики Алены Мстиславишны, очередное требование еды, да чуть поодаль вещал педантичный Ансельм, сдавая свой экзамен на степень бакалавра.

С самого постоялого двора Лис ни на шаг не отпускал его от себя. Там, на лестнице, столкнувшись с невестой имперского принца, юноша остановился, широко открыв и без того большие глаза, посторонился, пропуская спускавшуюся девушку, и произнес негромко куда-то в пустоту: «Надо же! Вот она какая, эта невеста».

Слова его были услышаны несшимся вверх по лестнице Венедином, который тут же подхватил кудрявого юнца за шиворот и, переместив на несколько ступеней вверх, сообщил задушевно-ласково: «Ежели ты, мой дорогой, будешь крутиться возле княжны, разговоры всякие разговаривать, песни петь, фокусы показывать, я тебя, блин, на ноль помножу. Ты меня понял?» «Понял, — едва касаясь ногами ступеней, пролепетал Ансельм, устрашенный столь ужасной угрозой. — Я не приближусь к ней, о великий!» И верно, всю дорогу он шагу не отходил от Лиса, с сосредоточенным видом сообщая ему малоизвестные подробности из жизни Черного дракона Цинь Шихуань-ди.

— ...И тогда Ли Вей сказал, что у Черного дракона, столь знатного под Небесами, как цари на Земле, должны быть достойные слуги, кото-

рые будут подчеркивать его знатность и могущество. Единственный, послушав хитреца Ли Вея, отдал ему талисман, чтобы тот нашел Черному дракону достойных слуг. Здесь, о великий, нет единого мнения, что было дальше. Уж больно давно происходили эти события. Да и вообще о тех временах известно не так уж много, а о волшебной Горной стране, недоступной даже императорам Поднебесной, и подавно...

— Ладно, — махнул рукой Лис, — на досуге я тебе расскажу о дедушках из монастыря Шао Линь и Мао Дзедуне. А пока что ты мне голову не дури, а выкладывай, шо знаешь. Да смотри, я все примечаю!

Ансельм вздохнул, очевидно, переживая из-за явной скудости имевшейся у него информации, и продолжил свое повествование:

— Афинофил из Сиракуз в трактате «Деяния великих и чудеса круга Земного» утверждает, что первыми слугами, которых Ли Вей нашел Черному дракону, были те самые звери, кои, по поверью, покровительствуют годовым циклам в Поднебесной.

Однако же Аль Мухунди, ссылаясь на некоего Джанибара из Хинда, сообщает, что слугами талисмана являются духи ветра и духи воды. И что при помощи талисмана можно вызывать ураганы и наводнения или же засуху. Существует еще сказание Китавраасса, где говорится, что Черному дракону прислуживают еще одиннадцать драконов, в свою очередь являющихся вождями драконьих кланов.

Не мне судить, в чьих словах более истины, одно лишь можно сказать наверняка: во всех сказаниях число слуг Черного дракона равно одиннадцати, и везде говорится, что ежели хозяин талисмана отпустит на волю кого-нибудь из слуг, Черный дракон быстро отыщет себе другого.

— Молодец, хорошо подготовился, — похвалил ученика Лис, оборачиваясь ко мне и активизируя связь. — *Ты слышал, оказывается, в этой штуковине почти дюжина всяких монстров, один другого лучше. А мы тут с тобой страдаем, как пара чайников без ручек. Вдруг там джинн какой-нибудь завалящий приблудился? Я помню, в детстве «Тысячу и одну ночь» читал, так там эти джинны носились, шо «Боинги»: дворец направо, дворец налево; утром в Хорезме, к полудню в Иерусалиме... Блин, знать бы, как эта хрень работает, щас бы устроили смотр войск, а там, глядишь, и прости-прощай, чужеземная сторона, давно пора домой.*

— *Уж очень как-то ты разухарился. Во-первых, непонятно, что еще за слуги остались там в обойме. Самурай из клана Санада вещь, конечно, хорошая, но как-то ни на князя драконов, ни на духа ветра, ни даже на повелителя годичного цикла не тянет; во-вторых, куда это ты разогнался, если мы еще девоньку ко двору не доставили. Не предлагаешь же ты ее бросить посреди дороги только потому, что наша институтская командировка уже давным-давно закончилась?*

— Да ты че? Джинну все по фигу, — не унимался мой друг. — *Он, если нужно, одной рукой возок вместе с упряжкой на крышу императорского замка поставит, а другой нас прямо в камеру перехода, шо мяч в кольцо, вкинет.*

— Вот же дался тебе этот джинн! — возмутился я. — *С чего ты вообще взял, что он является слугой талисмана? Меня тут другое волнует: ты слышал, что Ансельм сказал — стоит хозяину талисмана отпустить одного из слуг на волю, как Черный дракон находит себе нового слугу.*

— Что ты имеешь в виду? — встревоженно спросил мой друг.

— Пока ничего. Я только хочу сказать, что произошло что-то, что мы упустили или чему не придали значения. А уж как это «что-то» скажется далее, одному Богу ведомо.

— Эх, — вздохнул Лис, *— вот же ж не мала баба клопоту, купита порося!*

— О великий, — прервал раздумья Венедина почтительный ученик, — быть может, это дерзость с моей стороны — отвлекать вас от возвышенного созерцания, но я прошу простить мне ее, ибо...

— Ты конкретно говорить можешь? — оборвал словесный каскад мой друг.

— Впереди с обеих сторон в лесу вооруженные всадники с собаками. Около сорока человек.

— Гаплык, — пробормотал Лис себе под нос, подтягивая ремень колчана так, чтобы было удобнее вытаскивать стрелы. — Поезд прибыл на конечную станцию, просьба освободить вагоны.

Я подал знак остановиться. Возница, очевидно, слышавший краем уха сообщение Ансельма, натянул вожжи, останавливая тяжеловозов, и заерзал на месте, явно готовясь дать стрекача.

— Я т-тебе подергаюсь, — зашипел на него Лис, демонстрируя увесистый кулак. — Сиди тихо. Зашибу!

Испуганный абориген посмотрел на Венедина жалостливым взглядом, изображая на лице страдальческую покорность.

— Ну, блин, ну шо за напасть! — повернулся ко мне Лис. — Честное слово, я уже готов поверить, что Горе-злосчастье вновь увязалось за нами. Только вот завываний не слышно.

Словно в опровержение его слов из возка послышались всхлипывания, и ноющий голос Алены Мстиславишны провозгласил в наступившей тишине:

— Мне холодно! Укрой меня. Почему на этой дороге так трясет? Почему мы остановились? Я хочу есть!

Лис замотал головой, отгоняя навязчивый морок:

— Бр-р... Нет, почудилось. Просто приболела девонька.

Из возка послышался звук звонкой пощечины и вновь чьи-то сдавленные всхлипы.

— Но уж как-то совсем болеет, — печально подытожил я.

Лай собак, о которых говорил Ансельм, становился все ближе и ближе, так что ни у кого, похоже, не осталось сомнений, что прямо на нас несется баронская охота. Словно в подтверждение наших предположений в лесу прогремел рог, ему ответил еще один, третий где-то поодаль подхватил его песню, сообщая кому-то о наличии в той стороне чащобы непроходимого для зверья заслона.

— Не иначе как вепря гонят, — вслушался в звуки роговой музыки Лис. — Ишь, как переливает! Ту-ту-ту-у.

Будто в подтверждение его слов на лесную дорогу выскочил подраненный секач и, внезапно наткнувшись на наш кортеж, замер на месте, порывисто дыша и с ненавистью обводя невесть откуда взявшуюся преграду маленькими, налитыми кровью глазками. В следующее мгновение кабан, размером более походящий на молодого теленка, пронзительно взвизгнул и со всех четырех ног бросился на нас в атаку, оглашая округу на редкость противным визгом.

— Ну ни хрена себе! — Две стрелы пропели в воздухе и третья уже легла на тетиву Лисовского лука. Одна из стрел вонзилась в глаз разъяренной твари, другая вошла ему в рыло, но разогнавшийся торпедой вепрь, казалось, и не думал останавливаться. Я развернул Мавра на месте, пропуская мимо яростную тушу, уснащенную парой отменно острых кривых клыков-кинжалов. Зверь затормозил, не найдя на месте облюбованной мишени, и завертелся, вновь выискивая ее для очередной атаки. Оперения стрел, торчавшие из морды, придавали животному жуткий, едва ли не мистический вид. По моим расчетам, он уже должен быть мертв, но, похоже, вепря эти расчеты не интересовали вовсе. Он пошатывался, с каждой минутой теряя все больше крови, но был еще достаточно силен, чтоб одним движением вспороть брюхо коню или же подмять под себя и в клочья разорвать человека.

— Х-ха! — Мой полуторник со всего маху вошел чуть позади загривка слабеющего животного, пронзая сердце и упираясь в грудину. Я едва успел выдернуть меч. Кабан рухнул на дорогу и начал биться в конвульсиях, крутясь на месте и поднимая тучи пыли.

— По какому праву, — разнесся над лесом исполненный достоинства, но уж какой-то очень мрачный голос, — вы охотитесь на моих землях? Судя по гербам, вы люди графа Шверинского. Разве у вашего сюзерена нет своих охотничьих угодий?

Я посмотрел на человека, произносившего эти слова, и понял, что секунду назад помешал совершить братоубийство. Широкий мощный торс, тяжелый загривок, маленькие глазки под низким по-

катым лбом — ни дать ни взять вепрь, только без клыков, но зато с рогатиной и кабаньим мечом у пояса.

Увлеченные отражением атаки, мы пропустили момент, когда барон со своей многочисленной свитой выехал на лесную опушку, явно не планируя встретить на ней кого-либо, кроме гонимого подранка. Теперь же он тяжелым взглядом созерцал картину зверского убийства любимой свинки, похоже, намереваясь испытать остроту и прочность своего охотничьего инвентаря на невесть откуда взявшихся конкурентах.

— Он едет не из города, — зашептал Лис, — причем охотится явно спозаранку. Так шо рубь за сто даю, о постоялом дворе ему еще ничего не известно. У нас есть шанс.

В рассуждениях моего друга, несомненно, была логика. Конечно же, до барона не могло дойти донесение «налоговых инспекторов», обнаруживших трупы в старой башне. Но была и другая сторона медали — преступление не менее безрадостное, чем обвинение во множественном убийстве и неуплате подоходного налога. Возможно, в глазах властителя этих мест оно было даже более серьезным обвинением. Нарушение охотничьего права да плюс к этому покушение на величие. Убийство законной добычи его милости, да еще перед самым носом, было неслыханной, невероятной дерзостью и в прежние-то годы, теперь же, когда император вооруженной рукой упразднил большую часть баронских вольностей и прав, оставшиеся значили очень много.

— Итак, я повторяю вопрос, — еще более сгущая тучи у нас над головой, прогремел фон Штраумберг, — что делают люди графа Шверина на моих землях и по какому праву вы охотитесь в моих угодьях?

— Капитан, — так же негромко произнес Лис, — короли и прочая коронованная шушваль — это по твоей части. — Я кинул на него гневный взгляд. — Ладно, ладно, к некоторым отдельно взятым лордам это не относится, — напутствовал меня друг. — Постарайся договориться с этим недобитым феодалом. В крайнем случае предложи ему денег.

Я тронул вожжи, и Мавр, недовольно косясь на застывшую у его ног кабанью тушу, неспешно двинулся вперед. Дорога шла немного в гору, и я позволил идти коню шагом, обдумывая на ходу свою будущую речь. Слава Богу, информационная служба CNN еще не развернула над Европой свою мелкоячеистую сеть, и его милость, сидя на своих задворках, явно ничего не слышал ни о мятеже в Шверине, ни уж тем более о наших с Лисом похождениях на Руси. Вероятнее всего, он видел мой герб на одном из рыцарских турниров, и потому за нашими плечами вполне зримой угрозой маячит фигура графа Генриха, рыцарем ближней свиты которого я являлся несколько ме-

сяцев назад. Что ж, это играет в нашу пользу.

— Вальтер фон Ингваринген, если не ошибаюсь, — глядя на мой щит и попону Мавра, украшенную родовым гербом, произнес барон.

— К услугам вашей милости.

— Вы нарушили границы моих владений. Убили вепря, которого я гнал. Вы обнажили оружие в моем присутствии и на моей земле. Что вы можете сказать в свое оправдание?

— Ваша милость, господин барон, скрепя сердце я вынужден сознаться, что мы действительно повинны во всех тех преступлениях, о которых вы говорите. И я, как начальник эскорта, который вы перед собой видите, готов выслушать любой ваш приговор. — Успокоенный моей покорностью, барон кивнул, очевидно, обдумывая этот самый приговор. — Однако из почтения к рыцарскому званию, которое и вы, и я носим, прошу позволения раскрыть, как было дело, дабы предать себя в руки вашей, доподлинно известной всем, справедливости.

— Слушаю вас, — немного смягчаясь, произнес насупленный собеседник.

— В вашей воле казнить и миловать нас за то, что мы, не спросясь, не послав перед собой уведомление, вторглись в ваше владение. Но что еще оставалось делать нам, не знающим здешних мест, когда местный житель, некий риббекский купец, любезно поведал нам, что только под вашей рукой знатная дама, сопровождаемая нами на богомолье, сможет найти убежище от подлых наемников барона фон Херсирка, мир праху его.

— Что? — меняясь в лице, переспросил фон Штраумберг.

— Родственница ее сиятельства графини Мекленбургской...

— Оставь в покое свою богомолку! — возмутился моментально преобразившийся властитель здешних мест. — Что с Херсирком?

— Убит, — коротко и просто ответил я. — Он со своими людьми напал ночью на наш кортеж. Тогда нас было значительно больше. Мы отбили его, а поутру провели атаку на замок и...

— Ну! Ну, говори! — торопил меня барон, похоже, начисто забывший и об охоте, и о неправедно убитой твари.

— И сожгли его. К сожалению, потери были велики, и нам было не выдержать бой с городовым ополчением Риббека.

— Значит, Херсирк мертв? — словно не веря своим ушам, повторил фон Штраумберг.

— Да уж мертвее не бывает.

— И замок сгорел?

— От подвала до кровли, — кивнул я.

— Ну, насчет подвалов, это как раз вряд ли, — усмехнулся барон. — Все то, что ты говоришь, правда?

Я положил левую руку на рукоять меча и поднял указательный и средний пальцы правой вверх:

— Слово рыцаря. На том присягаю.

— Так это же прекрасно! — расхохотался фон Штраумберг, обнажая в улыбке зубы, вполне сходные по строению с клыками вепря. Он взмахнул рукой и, теряя интерес ко мне, тронул коня вниз по склону: — Так и быть, я вас прощаю. Езжайте с Богом!

Не говоря ни слова, свита его милости поспешила повторить маневр своего господина, и можно было не сомневаться, что через несколько часов вся эта охота обнаружится возле знакомого уже нам лесного холма, увенчанного обугленными руинами замка Херсирк.

— Интересно, а что бы ты сказал, если бы они вдруг спросили, какого рожна мы едем по дороге не из Херсирка, а, наоборот, к нему? — спросил Лис, когда мы, выждав, пока скроются вдали последние спутники хозяина здешних лесов, неспешно тронулись в путь.

— Бог его знает, — пожал плечами я. — Придумал бы что-нибудь. Напел бы, скажем, будто встреченные поутру городские стражники сообщили, что барон охотится в этих местах, и мы тут же бросились разыскивать его кабанью милость, чтоб сообщить ему радостное известие.

— Ага, ты тоже заметил, что барон похож на вепря, — радуясь непонятно чему, изрек мой друг. — Может, он тоже из этих, — Лис повел ладонью перед лицом, и вместо обычной своей хитроватой ухмылки явил миру устрашающий оскал, — из оборотней.

— Упаси Господи, — перекрестился я. — Хотя, что касается породы, скажу тебе одно: в этом году он, похоже, не мылся.

Словно наконец расслышав наши молитвы, небеса, похоже, смилостивились, и дальнейшая дорога к Триру протекала без сколь-нибудь заметных приключений. Даже разбойный отряд, подстроивший западню на постоялом дворе, а затем внезапно исчезнувший в неизвестном направлении, больше нас не тревожил. Вначале меня это беспокоило, но затем я как-то свыкся с мыслью, что все неприятности остались позади, и вовсю занимался насущными проблемами нашего путешествия. А их было немало. Но главной все же оставалась внезапная болезнь Алены Мстиславишны. Она худела на глазах, становясь все капризнее и капризнее, доводя до слез свою небольшую свиту и приводя в неистовство Лиса, почти напрочь лишившегося возможности встречаться наедине со своей возлюбленной.

— Шо это было, Капитан? — возмущался Лис. — Этот переломный возраст, похоже, переломал что-то у нее в башке!

А из возка между тем доносились все новые стенания княжны. То ей становилось холодно, и посреди застеленной персидскими

коврами и обложенной константинопольскими подушками комнаты «салон-вагона» устанавливали жаровню с угольями. То ей становилось жарко, и возок несся вперед с распахнутыми дверцами, но тут уж виноватой становилась дорога с ее ухабами и рытвинами, а с этим мы ничего поделать не могли.

— Может, на нее порчу кто навел? — вздыхала Татьяна Викулишна.

— Кто? Когда? — мрачно кидал Лис. — Мы же с нее глаз не сводили, всегда рядом кто-то был.

В таком настроении мы двигались вперед, и все ближе и ближе к нам был заветный Трир. Вернее, городок Санкт-Йоханесбург в полудне пути от него, выросший вокруг почитаемого в округе аббатства. Там мы должны были встретиться с официальным кортежем, посланным напрямик из Киева через Полонию. Лишь после этого должен был состояться торжественный въезд в императорскую резиденцию в Трире.

И вот вдали уже были видны стены аббатства Святого Иоганна, опущенный мост и распахнутые городские ворота, когда один из наших воинов внезапно сообщил:

— За нами по дороге движется рыцарский отряд. Из-за пыли разглядеть тяжело, но, похоже, тевтонцы.

— Ну-ка, ну-ка, — развернул коня остроглазый Лис. — Действительно, тевтонцы. Шоб я провалился! И знаешь, шо мне сдается, — Венедин повернулся ко мне, ухмыляясь загадочно, как Мона Лиза, — шо ведет их буквально растерзанный толпою в Риббеке фон Нагель.

Глава 18

Из всех женщин, встречавшихся ему на жизненном пути, по-настоящему Джеймс Бонд любил только одну — маленькую курносую «Беретту».

Ян Флеминг

В Санкт-Йоханесбург наш кортеж въезжал неспешно, с возможной пышностью, как и подобает поезду будущей принцессы императорского дома. Конечно, потрепанный вид возка, усталые и запыленные лица рыцарей эскорта не слишком соответствовали торже-

ственности момента, но других взять было негде. К тому же радость от окончания пути настолько ясно просвечивалась сквозь пыль и усталость, что все остальное попросту забывалось, становилось несущественным, неважным.

Хлопотливый бургомистр, встречавший кортеж у городских ворот, предоставил в наше полное распоряжение небольшой, но вполне удобный отель, принадлежащий некогда роду лотарингских графов фон Штеренталь, в прежние времена ежегодно приезжавших сюда на богомолье. На фасаде этого небольшого городского замка все еще виднелся герб их древнего рода: черное поле, усеянное золотыми шестилучевыми звездами.

— Ну, блин, все, — глядя на щит, укрепленный над воротами, восхищенно изрек Лис. — Всем стоять, остальным строиться, трамваям бежать справа. Раз, два, три... семь... десять... Ясно, «Хилтон» не угадывается. А если тут есть еще теплый сортир и горячая вода, то я готов самолично еще пару звездочек пририсовать.

Горячая вода в замке нашлась. Понятное дело, она не лилась из крана, ибо никакого крана и в помине не было, зато расторопные слуги в кожаных передниках на голое тело не скупясь доливали ее из кипящих поодаль котлов в небольшие частные бассейны, именуемые здесь в угоду древней латинской традиции ваннами.

— Так что же все-таки произошло? — Лис расслабленно откинулся в деревянной бадейке, позволявшей ему вытягиваться во весь свой немалый рост, и пальцем поманил слугу, дежурившего с ковшом возле бочки с пивом.

— Это я у вас хотел спросить, — усмехнулся пребывающий примерно в той же позиции фон Нагель. — Утром, когда мы расположились в Риббеке, заняли, кстати, весьма неплохую гостиницу, я послал гонца, как мы и договаривались, на лесную дорогу. Гонец вернулся, доложив, что добрался аж до места ночного боя, но никого не обнаружил.

— А, это нас бес попутал, — скривился Венедин.

— К нам прибыл человек из города, — вмешался я, — сказал, что от тебя. Назвался местным купцом. Сообщил, что ваш отряд попал в засаду и что ты послал его увести нас в безопасное место.

— Мы попали в засаду? — удивленно переспросил фон Нагель, поднимаясь на локтях. — Бюргеры разбили отряд тевтонских рыцарей? И вы могли в это поверить?!

Мы могли в это поверить. Мы знали о швейцарских баталиях, о битве «Золотых шпор», после которой французский король был вынужден возводить в рыцарское звание крепких парней из городской и сельской бедноты, чтоб только восполнить потери своей броненосной кавалерии. Мы знали еще много чего, о чем отважный Ульрих фон Нагель не мог и подозревать.

— Так, собралось на ратушной площади несколько десятков каких-то горлопанов с дубьем, но мы рассеяли их, даже не обнажая мечей. Правда, пришлось вздернуть тамошнего сборщика пошлин, но, похоже, в городе только обрадовались этакому его возвышению. — Тевтонец захохотал над собственной шуткой.

— Что же было дальше? — поинтересовался любопытствующий Лис.

— Мы разослали по округе местных охотников, наказав им искать ваши следы. Не могли же вы в самом деле упорхнуть с дороги, словно ангелы небесные. — Он на секунду замолчал и покосился на Венедина. — Хотя кто вас, магов, знает?

— Не, не могли, — покачал головой мой друг. — Если б могли, стали бы мы по дороге тащиться.

— И то верно, — согласился тевтонец. — Так вот, охотники вернулись и сообщили, что, возможно, вас отчего-то вдруг понесло в соседнее баронство, будь оно неладно. Мы собрались было ехать туда, но городской магистрат упросил меня сопровождать их представителя к развалинам замка Херсирк — он как раз гореть закончил.

— И что там? — Лис вынырнул из индивидуальной пучины и с явным интересом приготовился слушать отчет риббекской поисково-спасательной экспедиции. С момента встречи на лесной дороге с вепреобразным соседом Херсирка, проявившим видимый интерес к подвалам сгоревшего замка, он не уставал корить себя, что поспешил с поджогом и отступлением и, вероятно, пропустил что-то весьма ценное.

— Сундуки с золотом и драгоценностями, — буднично ответил фон Нагель. — Восемь штук.

— Ну нормально?! — повернулся ко мне Лис. — Тут из-за жалких пятисот солидов буквально мощи святого Дезодорана пришлось распродавать, а в замке бесхозный золотой запас зазря грунт продавливал!

Я не стал напоминать другу, что в тот момент его мысли были заняты совсем другим и что «жалкие пятьсот солидов» являли собой примерно годовой доход с баронства вроде того же Штраумберга. Тем более что фон Нагель, принявший стенания Лиса за шутку, только улыбнулся и продолжил:

— Так вот, добрались мы до Херсирка, а тут откуда ни возьмись является соседский барон со свитой и давай кричать, что по древним грамотам эти земли его предкам принадлежали и что поскольку ни из графов Грамбрехтов, ни из Херсирков в живых никого не осталось, то теперь он здесь властитель. Видимо, городской совет нечто подобное подозревал, потому как только барон закончил себе горло рвать, бургорат вытащил из-под плаща грамоту с городской печатью, в которой черным по белому записано, что городской ма-

гистрат и жители вольного города Риббека желают видеть своим правителем государя-императора Фридриха II.

В общем, случилась там перебранка, но барон сражаться не думал — он и его люди по-охотничьи снаряжены были, так что мы его одолели. Вот он-то мне и сказал, что встретил вас в своих землях. Правда, он отчего-то твердил, что вы шверинцы, что граф Генрих непременно затребует себе Херсирк и только он, в смысле фон Штраумберг, сможет отстоять эти земли для Империи.

— Он что же, тоже решил идти под руку Фридриха? — спросил я, широко открывая глаза от удивления.

— Ну, честно говоря, у него особо не было выбора, — усмехнулся фон Нагель и сделал знак слуге подлить еще горячей воды в ванну.

Наш отдых в Санкт-Йоханесбурге грозил затянуться. К вечеру того дня, когда мы въехали под гостеприимный кров штерентальского отеля, словно дождавшись окончания нашего пути, зарядил мелкий противный осенний дождь. Несколько раз за время путешествия по Германии он порывался излиться на землю, но, очевидно, кто-то из духов воды все еще продолжал оставаться слугой талисмана, поскольку закрывавшие небо тучи, уронив на землю десяток капель, тоскливо тянулись дальше на восток, чтобы где-то там разгуляться во всю мощь.

Теперь же я грустно созерцал сквозь свинцовый переплет окна скрывающуюся под водой брусчатку, на которую нескончаемой струей из пасти кованого дракона-трубы изливался поток дождевой воды.

— Интересно, где сейчас великокняжеский поезд? — вздохнул я, отворачиваясь от унылой картины осеннего половодья.

— Завяз поди где-то, — лениво отозвался Лис, прислушиваясь к звукам, доносившимся из соседней комнаты.

Там проходила ежевечерняя церемония отхода ко сну юной невесты. Вернее, ежевечерней она стала совсем недавно. Еще несколько дней назад девушка, намаявшись в пути за день, попросту валилась с ног, и суматошные няньки, видя усталость любимой дитятки, помогали ей, едва разлепляющей глаза от усталости, раздеться и улечься в нагретую бронзовой грелкой постель. Все это время юная красавица порывалась настоять на своем праве отходить ко сну без посторонней помощи, но тщетно.

Теперь же ситуация изменилась самым неожиданным образом: девица устраивала скандалы из-за неправильно поданной ночной рубашки, из-за жестких перин, набитых лебяжьим пухом, из-за колючих простынь тончайшего хорасанского шелка, изводя придирками всех и каждого, попадавшегося ей на глаза. Для нас во всем этом была небольшая, но все же удача — завтрашняя принцесса, внезапно воспрянув ото сна, заявила, что не желает видеть стражу в

своей спальне, и потому мы теперь выпадали из ее поля зрения хотя бы в этот поздний час.

— Скорее б уже все эти бояре со своими дьяками приезжали, задолбала меня подруга, сил нет. Вроде бы в начале пути была человек как человек, а сейчас какая муха ее укусила? — Лис улегся на длинную резную скамью, стоявшую под стеной нашей комнаты, примыкавшей к покоям княжны.

Я пожал плечами:

— Должно быть, волнуется перед свадьбой. Опять же, переходный возраст.

— Слушай, — Лис посмотрел на меня долгим тоскливым взглядом, — нам же не обязательно дожидаться всех этих свадебных фанфар. Сдадим невесту боярам с рук на руки и «адью». Я слыхал, император постоянно в Святую землю отряды посылает. Не могу я больше лыбы строить перед их светлостью. Очень хочется снять ремень, задрать подол и, так сказать, настучать ей по ягодичным местам, чтоб мозгов в голове прибавилось.

— Недолго осталось, — утешил его я. — Завтра поутру ее поведут в аббатство наставлять в католической вере, на это уйдет от силы дня три. У императора с его отношением к религии подобные дела много времени не отнимают. Православный, католик, мусульманин, иудей — для него все едино, был бы человек полезный. А дальше придут бояре — слава Богу, нет — их проблемы. Вряд ли государь станет откладывать свои дела и дожидаться, пока они сюда доплетутся. Насколько я понимаю Фридриха, для него их миссия уже выполнена.

Как я и предполагал, утром следующего дня в штерентальский отель явился промокший до костей церковный служка, сообщивший, что его высокопреосвященство архиепископ Трирский пожаловал в аббатство и с нетерпением ожидает свою будущую духовную дочь в соборе Святого Иоганна, где он будет иметь высокую честь наставлять ее высочество в тонкостях католической веры.

— На улице дождь! — возмутилась Алена Мстиславишна. — Я никуда не пойду!

— До ворот аббатства, — склонившись в церемонном поклоне, лепетал служка, — вы сможете доехать в возке. А у самых ворот его преосвященство любезно предоставляет вам собственный прекрасный балдахин, который будут нести шесть сарацин, привезенных из Святой земли и крещенных его высокопреосвященством.

Я услышал, как тяжко вздохнул Лис при заветных словах «Святая земля».

— Скоро уже, скоро, — прошептал я ему, — потерпи чуть-чуть.

— Сил же никаких нет, — едва шевеля губами, пожаловался он.

— Я не хочу никуда идти! — не унималась княжна. — Если вашему епископу так припекает меня поучать, пусть он сам отправляется сюда вместе со своим хваленым балдахином.

— Это никак невозможно, — не меняя интонации, продолжал служка, — ибо наставления в вере должны происходить в стенах Святой церкви, и уж никак не в покоях отеля.

— А отчего я вообще должна принимать вашу веру? — продолжала капризничать киевлянка. — Я не желаю. Пусть принц меняет веру, если ему так надо!

Я слушал девушку и не узнавал ее. Всего лишь несколько дней назад на постоялом дворе, выслушав мой рассказ об императоре Фридрихе, она искренне и всерьез собиралась водить с ним тесную дружбу, и обряд перехода в католичество, похоже, не занимал ее ни секунды. Теперь же эта разумная девочка отказывалась подчиняться не то что требованиям политической необходимости, но даже элементарным правилам приличия.

— Условия вашего перехода в католичество внесено в договор, который изволил подписать ваш отец, — не повышая тона, изрекал служка. — На него есть дозволение от митрополита Киевского.

— Мне нет дела до того, что подписывает мой отец, нет дела до митрополита и вообще я не желаю ничего менять. Я не выспалась и хочу есть! — Она повернулась к монаху спиной, намереваясь уйти, но была тут же перехвачена крепкими руками мамок, имевших, видимо, четкие указания на этот случай. Уж не знаю, показалось ли мне или нет, но был в этот миг в очах румяных дородных улыбчивых молодок какой-то недобрый злорадный блеск. — Не желаю! — донесся отчаянный вопль из соседней комнаты.

— А вот, Аленушка, платье шелковое узорчатое, — не обращая внимания на разгневанный визг княжны, мягко увещевал голос первой мамки.

— Никуда я не поеду! — бушевала девица.

— А вот обручья к нему золотые, да с яхонтами светлыми, — вторила первой мамке вторая.

— А! Не дергай мою косу! — вопила вошедшая в раж княжна.

— Лента у вас нынче будет плетения дивного, из французских земель привезенная, — уговаривал мягкий голос Татьяны Викулишны.

— Я не поеду!

— А вот ожерелье с бубенцами да каменьями. А серьги-то, гляньте, какие ладные...

— Я не желаю...

Желание и нежелание взбалмошной девицы соблюдать заведенный обычай уже не имело никакого значения. Фигуры большой политической игры были тронуты с места, и, стало быть, каждая из

них должна была ходить, как повелось от века. Спустя примерно минут сорок снаряженная и украшенная невеста, с ненавистью взирая вокруг злыми глазами, была передана в руки конвоя, под локотки сведшего ее к ожидавшему у ворот отеля возку.

— Я велю вас казнить, — причитала княжна, — вы у меня попомните, все ответите.

— Прошу пожаловать. — Лис галантно открыл дверцу экипажа перед упершейся Аленой Мстиславишной. — Лезь, дура, кому говорю. Боже, когда все это кончится!

— О великий, — Ансельм, обряженный оруженосцем, подъехал к вскочившему в седло Венедину, — если мне будет позволено, я осмелюсь вам напомнить...

— Отстань! — раздраженно огрызнулся Лис. — Не до тебя. Потом напомнишь.

Ученик мага печально вздохнул и занял свое место в строю кортежа.

— Двинулись! — скомандовал я.

Обещанный его высокопреосвященством балдахин ожидал Алену Мстиславишну у ворот аббатства. Здесь конный путь заканчивался, и далее всякий христианин должен был шествовать ногами, проявляя тем самым почтение к святой земле монастыря. Шесть рослых левантийцев, чернобровых и чернооких красавцев-усачей в ярких шелковых нарядах, стройных, как кипарисы, с кривыми мечами за поясом, держали толстые резные шесты этого сооружения, имевшего явно восточное происхождение. Отделанный поверху выделанными шкурами балдахин имел подбой из золотой парчи, усеянной золотыми кистями и серебряными бубенцами, мелодично перезванивающимися на каждом шагу.

— Я туда не пойду, — капризно произнесла княжна, с непонятно откуда взявшейся тоской взирая на ворота аббатства.

— Может быть, действительно подождать до завтра? — с недоумением наблюдая происходящее, спросил уже спешившийся фон Нагель. — Возможно, она просто еще не освоилась.

— О, это ты ловко придумал, — фыркнул Лис. — Недельку-другую туда-сюда поездочимся, а там, глядишь, вашего архиепископа как раз кондрашка и хватит.

— Завтра ничего не изменится, — вздохнул я. — Истерику надо переломить.

Мы заняли места под балдахином. Невеста принца посередине, мы по бокам, подпирая ее с обеих сторон, остальная свита пристроилась чуть поодаль сзади под проливным дождем, мысленно благодаря неизвестного архитектора, решившего устроить вход в собор всего лишь в пятидесяти шагах от ворот аббатства.

— Пошли, — вздохнул я.

И мы, едва не неся юную истеричку под локотки, сделали первый шаг на пути к храму.

— А-а-а! — в ужасе взревел кто-то за нашей спиной.

— О-о-о! А-а-а! — вторили первому голосу другие, с той же панической интонацией.

Мы с Лисом крутанулись на месте, обнажая мечи, готовясь принять неожиданный удар и до последнего вздоха защищать несносную девчонку. Искаженные ужасом лица, люди, шарахнувшиеся от нас в сторону, все это пронеслось единым мигом. В следующую секунду тяжелый изукрашенный балдахин парашютом рухнул нам на головы, закрывая белый свет и заставляя упасть на колени.

— А-а-а! — в каком-то животном ужасе ревели придворные, сопровождавшие нашу процессию, не в силах вымолвить ни единого связного слова.

Первым пришел в себя Ансельм.

— Убежища! — пронзительно закричал он, и мне было слышно, как быстро захлюпали по лужам его сапоги.

— Выбираемся! — кратко скомандовал я, поднимаясь на ноги и стараясь нащупать в темноте руку княжны.

— Демоны! — кричали снаружи. — Убить их! Убить! В огонь!!!

— Об чем они лопочут?! — возмутился Лис, отчаянно пытаясь вылезти из-под парчи. — Какие демоны? Кого убить? Я их щас сам здесь всех поубиваю! Балдахин не могут поднять, уроды! Ученичок еще сыскался! — Он вонзил меч в переносную крышу, не утруждая себя поисками выхода. — Шо ж они нас все ловить-то пытаются?

— Убить их! Убить!

Мне наконец удалось поймать рукав Алениного платья, но он был пуст. Вернее, в глубине рукава копошилось что-то, весьма отдаленно напоминающее человеческую руку. Я двинул ладонью выше и неожиданно для себя наткнулся на чьи-то паклеобразные космы с болтавшейся в них лентой.

— Ай-й! — взвизгнула нелюдь.

— Убить их! Демоны! Подменыш!

— Назад! — перекрывая шум толпы, громыхнул голос Ульриха фон Нагеля. — Того, кто двинется, зарублю на месте! Как бы то ни было, они опоясанные рыцари и имеют право быть судимыми равными себе. А ну назад! — вновь взрыкнул он.

О балдахин шлепнулось что-то тяжелое, вероятнее всего, камень.

— Похоже, это они нас убивать собираются, — прокомментировал я.

— Вот спасибо, подсказал!

Визжащее существо, извивающееся в моей руке, пыталось изловчиться, чтобы цапнуть меня щелкающими в темноте зубами, но, получив удар по голове эфесом меча, стихло и лишь едва слышно поскуливало, трясясь от страха.

— Рыцари, окружить балдахин! — вновь скомандовал фон Нагель.

— Не сметь! — прервал его приказ чей-то властный, хорошо поставленный голос. — Господин прецептор, извольте отозвать своих людей. Нечестивцы коснулись ногой освященной земли и теперь, как вам известно, они подлежат церковному суду.

— Да, но вторая их нога все еще оставалась на земле императора, ваше высокопреосвященство. Получается, они находятся в его воле не менее чем в вашей.

Мы с Лисом резко начали пятиться назад, стремясь обеими ногами оказаться в юрисдикции императора Фридриха II. Что бы это нам ни сулило, оно было лучше нежных объятий матери нашей католической Церкви. Которая, как водится, карала любя, но, увы, любовью слишком пламенной и оттого непереносимой для живых существ.

— Император будет здесь завтра, — холодно произнес архиепископ Трирский. — До этого момента повелеваю заключить подменыша и его пособников в темницу аббатства.

— Как прикажете, ваше высокопреосвященство, — ответствовал фон Нагель. — Надеюсь, вы не будете возражать, монсеньор, если я лично возглавлю их охрану.

— Нет, — немного помолчав, бросил церковный иерарх без особого энтузиазма. — Окажите любезность. Но перед каждым выходом из аббатства вас или ваших людей потрудитесь ставить меня в известность. Я отдам приказ страже.

Все это время мы отсиживались под балдахином, ожидая решения нашей горькой участи. Можно было, конечно, выскочить, с криком и ревом размахивая мечами, но вряд ли бы подобный маневр продлил наши жизни. Общее количество хорошо вооруженных опытных и умелых бойцов по ту сторону нашего «укрытия» изрядно превышало пропорцию десять к одному. Однако отсиживаться под балдахином далее не имело смысла.

Мы дернулись, выползая наружу и выволакивая на свет божий то, что еще недавно считалось киевской княжной. Нелюдь двух с половиной футов росту, почти полностью скрытая в ставшем вдруг длинном богатом платье, дергалась, пытаясь выбраться из своего наряда, позванивая подвесками-бубенцами, тряся тяжелыми серьгами и тараща круглые совиные глаза, полные ужаса. Зеленовато-бурая шерсть, покрывавшая его от пяток до самого лба, стояла дыбом от страха, и рот с бледно-серыми губами кривился в плаксивой гри-

маске. Собравшийся под дождем у монастырских стен народ прерывисто выдохнул, увидав вместо ясноокой красавицы мерзкую страхолюдину. Меня, как, вероятно, и Лиса, в этот момент более занимало другое — ряд копий, направленных на нас.

— Сдайте ваше оружие, господа рыцари, — скомандовал, подходя к нам, Ульрих фон Нагель. — Я не верю, господа, что вы причастны к этому ужасному преступлению, — тихо промолвил прецептор, протягивая руку за моим мечом, — но я не в силах сделать для вас более чем уже сделал. На суде, а можете мне поверить, я сделаю все возможное, чтобы уберечь вас до этого часа, я буду свидетельствовать в вашу пользу. Я расскажу правду, и будем надеяться на милость государя. А теперь, прошу вас, сдайте оружие.

Где-то высоко над головой заскрежетал засов, и мерные шаги возвестили о том, что у нас появился гость.

— Надеюсь, это обед принесли, — с нескрываемой досадой в голосе, звеня удерживающей нас возле стены цепью, произнес Лис.

Шаги слышались все ближе, и вскоре мы увидели отблеск пламени факела, качающийся при ходьбе и оттого особенно зыбкий и нервный. Свет его выхватил из тьмы ряд железных прутьев ярдах в двух над нашими головами вровень с полом, широкую полосу засова, запирающую лаз в нашу темницу, и малую часть сводчатого потолка прямо над ней. Свет приближался, становясь все ярче, и вскоре остановился прямо возле решетки. Наверху послышался глухой стук, и над решеткой, освещенная мечущимся светом факела, появилась побитая оспой рожа в монашеском капюшоне.

— Еда, — кратко бросил монах, склоняясь над засовом, чтобы отпереть фиксирующий его замок.

— А раньше вы пожрать принести не могли? — зло вскинулся Лис.

— Сначала была вечерняя трапеза братства. Затем отец-настоятель велел раздать часть объедков нищим. Другую часть отнесли свиньям, — не меняя тона, пояснил слуга Господний, — а то, что осталось после хрюшек, досталось вам. Так что возблагодарите Господа, Отца нашего небесного, что они не все сожрали.

— Ах ты ублюдок! — взорвался и без того взбешенный Венедин. — Да твоя мать сама была свинья! А твое, урод, место не в монастыре, а на ярмарке в балагане детей пугать!

Монах остановился, слушая брань моего друга и глядя на него ничего не выражающими пустыми глазами. Дослушав до конца яростную тираду беснующегося узника, он выпрямился, осенил себя крестным знамением, поднял с пола ведро с отбросами и вывернул его нам на головы.

— Жрите, нечестивцы!

Мы едва успели отпрянуть от обрушившегося сверху потока помоев, предназначенного нам для употребления вовнутрь. Деваться особо было некуда: каменный мешок три шага в длину, три шага в ширину — вот что представляла собой монастырская темница.

— Истинный пример человеколюбия и христианского милосердия, — печально вздохнул я, слушая, как удаляются шаги монаха, как капает вниз с железных прутьев буроватая жижа, составлявшая наш ужин. — Ладно, предположим, что у нас сейчас пост. Давай вернемся к исчезновению Алены.

— В гробу я видал такие посты, — раздраженно бросил Лис. — А к пропаже, что к ней возвращаться, уже все говорено-переговорено! Пропала она на постоялом дворе. Во всяком случае, первые симптомы появились в день отъезда.

— Забытый кинжал фон Зальца?

— Да. Серебро, святые мощи в рукояти, понятное дело — подменыш до такого и не дотронется. Опять же все ее истерики и закидоны именно тогда начались. Все равно не ясно, кто и когда ее подменил. Из чужих был только Ансельм. Он, конечно, Буратино недоделанный, но тем не менее когда бы он умудрился все провернуть? Днем он со мной в городе буржуинов на бабки разводил...

— А вечером сидел возле Ропши. Практически безотлучно, я свидетель. Наши все отпадают. Кроме тебя, у нас магов не водится, а для того чтобы вызвать подменыша, нужен кто-то, водящий дружбу с фейри.

— Ну ты же не станешь меня подозревать? — с недоумением в голосе произнес Лис. — В этом мире у меня никаких знакомых фейри не водится.

— Ты что, с ума сошел?! — возмутился я.

— Я-то в своем уме, но все же бред какой-то получается: и ворив нэ було, и батька вкралы. Она ж ни на секунду одна не оставалась! Если не мы с тобой — так Ропша, не Ропша — так наши ребята. Уж на самый худой конец мамки или Танюха. А фейри, кстати, тоже не дураки. Они в место, где тусуются два каких-никаких, но мага, по своей воле нипочем не сунутся!

— Значит, вероятно, была еще чья-то достаточно мощная воля.

— О Господи, чья? — едва не срываясь на крик, выдохнул Лис.

— Не знаю. Но мне не дает покоя исчезновение разбойников с постоялого двора. Так все было подстроено, сколько человек убито, такая многоходовка, и вдруг — бац! — после первой неудачи с сетью они исчезают, как будто так и надо. Ни мне здрасьте, ни тебе до свидания. Все это не кажется странным только лишь если предположить, что подмена была заготовлена еще до того, как разбойники покинули постоялый двор.

— Допустим. Но кто знал, что я с Танюхой завалюсь на сеновал, что Ропша будет при смерти... Да нет, и все равно мамки были рядом, а эти курицы спят чутко, чуть что, такой бы шум подняли, мертвые бы проснулись.

Я печально вздохнул. Разговор в таком духе продолжался у нас по кругу несколько часов без заметных успехов. Мы явно упускали из виду что-то важное и никак не могли понять что.

— Ладно, — махнул рукой я, — давай попробуем заснуть. Завтра приезжает император. Состоится суд, как говорится, надо выглядеть. К тому же, как утверждал Володимир Муромец: утро вечера мудренее.

— Здесь утро не наступает никогда, — вглядываясь в мрак темницы, жестко отрезал Лис.

Глава 19

Сначала вешать, потом судить.

Кодекс Джедберга, Шотландия

Полутемный зал, длинный и высокий, словно станция метро, скупо освещался горящими вдоль стен факелами и большим, в рост человека, камином, дававшим хоть немного тепла в этом холодном сыром помещении.

— Вальтер фон Ингваринген, — разнеслось под сводами зала, — клянетесь ли вы перед лицом великого суда говорить правду, всю правду и ничего, кроме правды?

— Клянусь! — Я поднял вверх правую руку.

— Лис Венедин, клянетесь ли вы...

Сегодня утром, хотя черт его знает, было ли это действительно утро или же белый день, в наш застенок явился Ульрих фон Нагель с парой оруженосцев и кузнецом. Ему предстояло снять цепи, накрепко удерживающие узников на дистанции двух шагов от стены. Покончив со своей работой, он полез наверх, делая нам знак следовать за ним. Пошатываясь от голода и усталости, мы вышли во двор, где продолжал накрапывать все тот же мерзкий дождь, и побрели вслед за конвоем, оскальзываясь в жирной грязи монастырского подворья.

— Куда нас ведут? — спросил я.

— На суд, — кратко ответил фон Нагель. — Император прибыл утром, стало быть, сейчас закончит трапезу и будет суд.

— Ага, — горько хмыкнул Лис, — мы, получается, на десерт. Или это тут манера такая — судить людей после еды для улучшения пищеварения? Я слышал, его величество большой любитель проводить опыты на эту тему. Надеюсь, он вспорет брюхо чертовому пастырю, чтоб посмотреть, насколько хорошо влияет на усвоение, например, жареных перепелов осуждение ни в чем не повинных людей.

Ульрих сделал вид, что пропустил его слова мимо ушей. Так же вели себя и оруженосцы, усиленно разглядывающие романского стиля собор, мимо которого мы как раз проходили.

— Кстати, — не унимался Лис, — суд, конечно, хорошо. А такое понятие, как следствие, здесь вообще известно или в Империи о таких чудесах еще не слыхивали?

— Епископский суд проводит следствие, — печально вздохнул фон Нагель. — К счастью, пока что мне удалось вас от него уберечь. Но если государь вдруг решит, что дело должно рассматриваться исключительно церковным судом, боюсь, вам в полной мере придется испытать, что это такое. Надеюсь, что этого не случится. — Он сделал знак рукой, показывая на мощное каменное строение, по стилю более напоминающее крепостной донжон, чем монашеское жилище. — Нам сюда.

— Клянусь, — в тон мне произнес Венедин.

— Итак, высокий суд Сакрум Империум, а также Священный Епископский суд, проведя долженствующие переговоры, пришли к соглашению, что представлять обвинение обоих истцов надлежит преподобному отцу Гервасию, аторнею Римской духовной Консистории* в Империи. Защищать ответчиков поручено адвокату Оттису Грампу из Санкт-Йоханесбурга.

— Ты их видишь? — поинтересовался Лис.

— Подсудимые, соблюдайте молчание! — издалека с судейского кресла прикрикнул статный суроволикий прелат в аббатском одеянии.

— Вон тот, в мантии справа, похоже, наш адвокат. Прокурора я пока не вижу, но, полагаю, он сейчас появится, — передал я по связи.

— А вот интересно, старинный обычай дать адвокату возможность пообщаться с подсудимыми здесь не в чести?

— К чему такие формальности? Наверняка господин адвокат уже ознакомился и с материалами дела, и с вынесенным приговором.

— Как мило с его стороны. И все же чертовски хочется послушать, — ухмыльнулся Лис, *— что этот судебный крючок будет говорить. О, а вот и наш бесподобный Гервасий.*

---

* Консистория — специальное совещание кардиналов при папе.

Аторней Римской Консистории, плюгавый лысый монах с глубоко посаженными злыми глазками тщеславного коротышки, появился откуда-то сбоку и, поклонившись суду, заговорил неожиданно сильным густым басом:

— Рыцари Вальтер фон Ингваринген и Лис Венедин, императорским судом вы обвиняетесь в преступном умысле против государя Фридриха II и Священной Римской империи, выразившемся в похищении невесты принца Людвига киевской княжны Альенор. Суд оставляет за собой право выдвигать новые обвинения, ежели в ходе его для оных возникнет повод.

Священный Епископский суд трирского диоцеза* обвиняет вас в злом умысле против матери нашей Первоапостольной Римской католической Церкви, выразившемся в сговоре с демоническими силами и попытке осквернить освященную землю дьявольским отродьем, выдаваемым за принцессу Альенор.

— *Вот уж действительно, шо в лоб, шо по лбу.*

— *Ну, не совсем,* — справедливости ради поправил я. — *Если суд сочтет более обоснованной первую версию, нам отрубят голову, а ежели вторую — сожгут на костре.*

— *Во как! А ежели вдруг суду понравится обрезание головы, нельзя ли им предоставить справку из Киева, что эту операцию с нами уже проделали?*

— Господин адвокат, теперь ваше слово.

— Я полагаю, что мои подзащитные, несомненно, виновны во всех предъявленных им преступлениях и призываю их к полному и глубокому раскаянию, а высокий суд — к христианскому милосердию по отношению к несчастным сим.

— *Слушай,* — восхитился Лис, — *у нас крутой адвокат! Я даже с ходу не соображу, что можно противопоставить такой линии защиты.*

— Господа рыцари, — вновь поднялся со своего места судья, — признаете ли вы себя виновными в указанных преступлениях?

— Нет! — не сговариваясь, в один голос отчеканили мы.

— Что ж, если обвиняемые упорствуют в своем злодействе, — развел руками председатель суда, — мы вынуждены начать судебное заседание. В суд вызывается первый свидетель по данному вопросу: прецептор рыцарского ордена Девы Марии Тевтонской Ульрих фон Нагель.

Ульрих, уже битый час дожидавшийся вызова, возложил руку на заботливо подставленную библию и четко, без запинок произнес текст присяги.

---

* Диоцез — округ, на который распространяется власть епископа.

— Господин прецептор, — преподобный Гервасий указал ему на нас, — знакомы ли вам эти люди? Если да, то скажите суду, кто они.

— Знакомы. Это Вальтер фон Ингваринген и Лис Венедин, рыцари, входившие в эскорт княжны Альенор.

— Считаете ли вы их виновными в означенных преступлениях?

— Нет.

— Отчего? — не меняя тона, пытливо спросил церковный аторней.

— Они добрые рыцари и не могли совершить ничего из того, в чем их обвиняют.

— Они добрые рыцари, почтенные судьи, — повторил слова фон Нагеля прокурор. — Я прошу вас это учесть. А также учесть и то, что эти, с позволения сказать, «добрые рыцари» присуждены к смертной казни в Шверине за измену их сюзерену графу Генриху. Адвокат, вероятно, хочет сказать, что мы воюем с Лигой северных баронов?

— Да, — кивнул достопочтенный господин Оттис, до того и не помышлявший ни о чем подобном.

— Действительно, мы воюем с северной Лигой, но мы не воюем с Русью. Более того, мы заинтересованы в союзе с ней. Но и там эти «добрые рыцари» также были приговорены к смерти за измену и убийство пленного. Знаете ли вы об этом, господин прецептор?

— Нет, — тихо произнес фон Нагель.

— Я прошу вас громче!

— Нет!

— Благодарю вас. Увы, господа, мы не можем точно сказать, каким образом эти «добрые рыцари», за последний год дважды приговоренные к смерти, попали в эскорт ее высочества, но мне представляется вполне разумным, что такое могло произойти лишь при помощи весьма влиятельных сил, не желающих союза Империи и Руси. А стало быть, этот факт лишь подтверждает изначальный злой умысел против его императорского величества в деяниях ответчиков. Если позволите, господин судья, еще несколько вопросов свидетелю.

— Господин адвокат?

— Не возражаю.

— *Капитан, мы потратили даром, возможно, всю свою жизнь. Что за блажь мотаться по миру, совершая подвиги невесть ради чего. То ли дело вырядиться в мантию и твердить, надувая щеки: «Не возражаю. Вопросов нет». Ей-богу, я освоил бы это искусство в течение часа.*

— Господин прецептор, — продолжал допрос преподобный Гервасий, — при каких обстоятельствах вы познакомились с подсудимыми?

— Я выполнял приказ магистра ордена Германа фон Зальца, повелевшего мне возглавить рыцарский эскорт, сопровождавший принцессу Альенор.

— Спасибо. Таким образом, можно ли сказать, что Герман фон Зальца, известный своей проницательностью и тонким умом, имел основания опасаться за судьбу принцессы?

— Да, но...

— Я прошу вас отвечать «да» или «нет».

— Да.

— Прошу суд учесть свидетельские показания.

— *Чувствую, показания славного Ульриха нам очень помогут,* — вздохнул я.

— *Это не в поле мечом махать, тут мозгами шевелить нужно. А они у него, поди, от редкого употребления обрели достойную истинного тевтонца крепость.*

— Делали господа Вальтер фон Ингваринген или же Лис Венедин в дороге попытки избавиться от вашего эскорта?

— Нет.

— Вот как! Каким же образом, господин прецептор, случилось так, что вы и ваш отряд оказались в Риббеке, а ответчики вместе с принцессой в это же время близ Штраумберга?

— В дороге мы вынуждены были принять бой со сворой оборотней. У нас было много раненых, им нужна была срочная помощь лекаря и священника. Но в городе могла поджидать засада, а потому мы направились в Риббек, оставив принцессу вместе с господами рыцарями дожидаться нашего гонца.

— Это был ваш план?

— Н-нет, — медленно произнес фон Нагель, — но он был вполне разумен в создавшейся обстановке...

Допрос свидетеля продолжался еще минут десять, и с каждым словом отважного тевтонца тучи над нашей головой приобретали все более мрачный вид.

«Возможно ли взять такой укрепленный замок, да еще и с немалым гарнизоном, столь незначительным числом воинов?» — вопрошал прокурор, и закаленный в боях ветеран был вынужден дать отрицательный ответ. «Видел ли кто-нибудь из вас так называемого риббекского купца?» И вновь звучало «Нет». «Можете ли вы свидетельствовать о тех днях, кои прошли с момента битвы на дороге, и вашего приезда в Санкт-Йоханесбург?» И снова отрицательный ответ.

— Но только благодаря магическому искусству Лиса Венедина нам удалось справиться с бандой волков-оборотней, — в изнеможении вскричал тевтонец, задыхаясь под натиском прокурорских вопросов.

— Попрошу суд внести в протокол два момента. — Преподобный Гервасий, сложил губы в коварную усмешку. — Первое: показания Ульриха фон Нагеля, а также кого бы то ни было из его отряда, даваемые в пользу подсудимых, не могут считаться полностью

объективными. Ибо, как только что признался сам свидетель, все они обязаны жизнью магическому искусству Лиса Венедина.

— Записано, — подтвердил секретарь суда.

— Второе: как вы только что все слышали, Ульрих фон Нагель добровольно и без всякого принуждения подтвердил, что Лис Венедин является магом, причем, вероятно, немалой силы. У нас есть также информация на этот счет, данная другим свидетелем, которого мы не преминем представить суду в ближайшее время, — торжественно изрек аторней, поднимая со стоящей перед ним кафедры лист пергамента и демонстрируя его судьям.

— *Интересно, что это еще за показания?* — раздраженно осведомился Лис.

— *Не забывай, что у них Ансельм.*

— *Ах да, этот! Блин, послал Бог ученичка!*

Я безучастно разглядывал собравшихся в зале, пытаясь хоть чем-то отвлечь себя от творимого над нами судилища. Исход его был заранее предопределен. Уж во всяком случае, тот его вариант, который пыталось навязать нам сие высокое собрание, не вызывал никаких сомнений.

Зрителей было немного: архиепископ с десятком приближенных к высокопреосвященной особе прелатов да государь-император со свитой.

Его императорское величество не слишком изменился с того дня, когда мы виделись примерно год тому назад. Все тот же простой, без изысков костюм, более подобающий охотнику, чем монарху, непритязательный, но в то же время выгодно подчеркивающий его невысокую, но широкоплечую ладную фигуру, все та же почти ласковая улыбка, какая бывает у кошки, встретившей давно поджидаемую мышь.

Император Фридрих II Штауфен внимательно слушал говоривших, переводя взгляд то на одного, то на другого, иногда удивленно поднимая брови и довольно кивая после каждого ловкого хода аторнея, оборачивавшего против нас чистосердечные показания простодушного тевтонца.

— *На Фрица смотришь?* — мрачно спросил Лис.

— *Да. Похоже, ему здесь очень нравится.*

— *Сам вижу, головой шо дятел машет.*

В это время судья ознакомился с предъявленным свидетельским показанием и, оценив, видимо, правильность его оформления, вернул пергамент аторнею.

— Дозволяю включить в дело.

— Позвольте! — внезапно проснулся сидевший дотоле в полузабытьи адвокат. — В деле вскрылись новые обстоятельства, с которыми я не ознакомлен. К тому же, как мы только что слышали, здесь

было заявлено, будто один из моих подзащитных является магом. Но показания, на которых основано подобное заключение, даны людьми, малосведущими в искусстве магии, а стало быть, не могут иметь силы. Я требую освидетельствования моего подзащитного магистром высокой магии Мартином Камелиусом, чародеем вашего императорского величества. — Адвокат склонился в поклоне, оборачиваясь при этих словах в сторону Фридриха. — Вы позволите?

— Не возражаю, — кивнул государь.

Эта короткая фраза, очевидно, произвела надлежащее впечатление.

— Суд не видит причины отказывать вам в требовании провести освидетельствование подсудимого. Мы постановляем пригласить для этой процедуры достопочтимого мага Мартина Камелиуса и перенести заседание на завтра или же на иной день, когда оный маг сможет явиться в суд, — огласил председательствующий, поднимаясь со своего места и стараясь одновременно поймать взгляды обоих присутствующих в зале почетных гостей.

— Ты ба, никак рак на горе свистнул! — прошептал Лис. — Капитан, говори шо хошь, но с этим гадюшником пора шо-то делать. Я с такой жратвой и ненавязчивым сервисом долго не протяну. Это ж, не дай Бог, с магом насморк случится, и о нас тут вообще забудут.

— Не забудут. Можешь не сомневаться.

— Стража! — громко крикнул председатель суда. — Уведите подсудимых.

•

— Блин, заяц! — Лис старательно тер пальцем морду Черного дракона.

— По-моему, там был не заяц, а кролик, — заметил я. — К тому же чего ты решил, что талисман для вызывания слуг надо именно тереть?

— Отстань. В детстве в сказках читал, — горячился мой друг.

— Не морочь мне голову, там говорилось о лампе. А кроме того, японский городовой появлялся безо всякого трения.

— Ладно, убедил. Дьявольщина, кролик!

Вышеупомянутая тварь не появилась, впрочем, как и перечисленные ранее покровители годовых циклов.

— Может, по-вьетнамски попробовать, — предложил я, — там вместо кролика кот.

— Блин, лось почтовый! Конь в пальто! Кузькина мать! Еханый бабай! Сивка-Бурка! Ивасик Телесик! Шалтай-Болтай! Гоп со смыком! Слушай, нас накололи, эта хрень ни хрена не работает, у нее, наверное, батарейки сели. Я вообще удивляюсь, как китайский

ширпотреб мог так долго продержаться. Если это вообще Китай, а не какая-нибудь монгольская подделка.

— Нет, не похоже, — покачал головой я. — Надо еще поработать.

— Сезам, отворись! — заорал Лис, не сдерживая нахлынувших эмоций. — Ну что, отворился? Держи карман шире! Дерьмо собачье.

— Ты осторожнее, Лис, — вкрадчиво начал я. — Когда колдуешь, будь аккуратнее в выражениях. Не хватало еще, чтобы нас здесь привалило вышеупомянутым дерьмом.

— Это нам кажется, что я колдую, — огрызнулся Лис. — А на самом деле я фигней страдаю, воздух языком гоняю вместо вентилятора. Все не так воняет. А если серьезно, — неожиданно успокаиваясь, проговорил Венедин, — давно уже пора вызвать Базу. Потому как на этот раз, похоже, мы таки влипли основательно.

— Базу? — переспросил я. — Эт-то ты хорошо придумал. Они сюда пришлют катер с ликвидаторами, ликвидаторы разнесут аббатство в дым, вытащат нас, любимых, и мы как есть, в дерьме, как вы изволили выражаться, отправимся в Институт.

— Ну, в дерьме, не в дерьме, — мрачно вздохнул Лис, — а задачу свою мы выполнили.

— Задачу выполнили, с этим спору нет. А девочку, которую нам с тобой, двум самонадеянным идиотам, поручили охранять, кто возвращать будет?

— От того, что нас сначала обезглавят, а потом сожгут, ей станет намно-ого легче, — буркнул в ответ мой друг. — В конце концов ты все время забываешь, что мы не единственные оперативники Института в этом мире.

— И эт-то ты верно заметил. Не единственные. Но будь их здесь достаточное количество, вряд ли бы мы сейчас томились в темнице. К тому же ты что, считаешь, что они сидят и, изнывая от скуки, ожидают, когда ж это мы им с больной головы на здоровую дельце подкинем: иди туда, не знаю куда, ищи то, не знаю что.

— Ладно, ладно, чего расшумелся, — примирительно вздохнул Венедин. — Убедил. Прямо сейчас же отправляемся на поиски. Эй, есть тут кто? Седлайте коней!

Гулкое эхо было ему ответом.

— С этим, похоже, придется подождать. Давай подумаем, как можно отсюда выбраться без помощи наших терминаторов.

— Хорошо, — согласился Лис. — Никаких терминаторов, одни только Рэмбо. М-м... так-так... А шо, можем попробовать. В общем, завтра, когда фон Нагель с оруженосцами поведут нас в суд, мы разоружаем конвой, по-быстрому объясняем Ульриху, в чем тут собака порылась, и делаем ноги. В воротах, как обычно, два-три стражника неким твердым предметом груши околачивают, мы их даже с

недосыпу и голодухи сложим голыми руками. А там — ищи ветра в поле.

— Прекрасный план, — похвалил я. — Несколько небольших замечаний, а в целом весьма впечатляюще. Предположим, что нам удастся разоружить фон Нагеля и его ребят и даже удастся убедить их не поднимать при этом шум. Сейчас здесь император, а стало быть, в аббатстве и его окрестностях войск больше, чем в Святой земле. От собора до ворот примерно ярдов тридцать, вот ты у нас как лучник и прикинь, сколько стрел и арбалетных болтов прилетит в каждого из нас, пока мы эти тридцать ярдов на подкашивающихся ногах, так сказать, птицей перепорхнем. Тебя с талисманом они, может, и не убьют, только ребра поломают, а мне хватит с головой.

— Да-а, — проведя нехитрые математические подсчеты, изрек Лис. — А жаль, красивый план.

— Ну, не спеши себя корить, — утешил я друга. — Рациональное зерно в твоих рассуждениях, пожалуй, есть. С Нагелем действительно надо попробовать договориться. А вот бежать, очевидно, лучше не к воротам, а к храму. И как Ансельм просить в Божьем доме убежища.

— Думаешь, сложится? — усомнился Лис.

— Возможно. Предоставлять убежище нуждающимся в нем — святая обязанность Церкви. Здесь, в аббатстве, находится архиепископ Трирский и император. Между собой они не очень ладят, стало быть, вряд ли захотят ударить друг перед другом в грязь лицом.

— Ну хорошо, допустим. Вот мы в соборе. Дальше-то что?

— Пока не знаю, но одно могу сказать точно: чтобы предпринимать какие-либо действия для своего освобождения и поисков Алены, нам нужна встреча с императором. Он — наш единственный шанс. И если с фон Нагелем удастся договориться, то в собор его величеству прийти будет куда как проще, чем в эту выгребную яму.

— Вероятно, ты прав, — печально согласился Лис. — Я тебе честно скажу, ни о чем не могу думать. Жрать хочется, кишка кишке дули крутит. Даже задремать толком не получается. Закрою глаза, сразу еда сниться начинает. Эй! — заорал он негодующе. — Жрать давайте!

— Сию минуту, о великий! — раздался над головой хорошо знакомый голос Ансельма. — Я принес вам мяса, хлеба и немного вина.

— Ну, ты ба! — восхитился Венедин. — Прям-таки маги и волшебники всех стран, соединяйтесь! Ну спасибо, родной, ну уважил старика. Давай сюда скорее.

— Я, о великий, — начал Ансельм, протискивая между прутьев решетки изрядный ломоть мяса, — как узнал, что вы с подменышем в аббатство едете, сразу понял, надо будет бежать в храм, просить

убежища. — За мясом последовала краюха ржаного хлеба и булькающая фляга с вином.

— Постой-ка, — ловя вожделенную бутыль, остановил его Лис, — так тебе что же, было известно, что княжна подменыш?

— Да, о великий. Я это еще там, на постоялом дворе, понял, когда мы с ней на лестнице столкнулись. От нее теплом человеческим не веяло.

— Так что ж ты сразу не сказал?! — возмутился грозный учитель.

— Так я хотел, о великий, но думал, вы сами знаете. И потом еще, перед самым отъездом в аббатство...

— Господи! — изрек Лис в пустоту. — Когда ты караешь самонадеянных болванов, ты отнимаешь у них разум.

— Да-а, — восхитился Ансельм. — Я запомню это, о великий.

— Запомни, — согласился Лис, — и вот еще что скажи: чего это тебя вдруг потянуло против нас свидетельствовать?

— Да что вы, учитель! Как вы могли такое подумать?! Я сказал, что вы наняли меня писцом за два дня до приезда в город, а потому мне нечего поведать высокому суду.

— Ладно, предположим, — махнул рукой Лис. — В любом случае спасибо за еду.

— Это еще не все, — заговорщицким шепотом произнес Ансельм, наклоняясь к самой решетке. Юношу, привыкшего работать в алхимической лаборатории без противогаза, похоже, совсем не смущал удушливый смрад, идущий из ямы. — Я подготовил вам побег. Вначале думал, что вы освободитесь сами, но темница защищена перекрестными заклятиями, и лишь тот, кто наложил их, знает порядок снятия. Тут лучше не рисковать.

Он хотел далее углубиться в разъяснения природы перекрестных заклятий, но был сурово оборван Лисом:

— Ты что-то говорил о побеге?

— Да-да, — быстро заговорил Ансельм. — Все уже готово. Вот здесь, — он протиснул сквозь решетку сверток, обернутый плащом, — веревка с крюком и узлами и два кинжала. Скоро должен прийти монах, разносящий объедки. Он уже пошел к свиньям...

— И правильно сделал, — заметил Лис. — Там ему самое место.

— Так вот, когда служка придет, — продолжал Ансельм, — он откроет люк, чтобы спустить ведро. Стащите монаха вниз и выбирайтесь. Стражник в коридоре спит. Буду вас ждать на стене аббатства, там, где она примыкает к конюшне. Я там разобрал черепицу, так что можно попасть внутрь и добыть себе коней. А из конюшни прямой выход в город.

— Ты времени даром не терял, — похвалил старания ученика Венедин.

— Благодарю вас, о великий!

— Но есть одно маленькое «но». Мы посажены на цепь, как сторожевые псы, и кинжалом ее ну никак не перерезать.

— О Господи! — всплеснул руками почтительный ученик. — Как же я не учел этого? Это моя вина. Погодите немного, я сейчас проберусь на кузню и принесу пару напильников. Я мигом — туда и обратно. Тише, — он насторожился, — кто-то идет. Если это монах, втащите его к себе, иначе потом придется возиться с замком. — Он накинул на голову коричневый капюшон, носимый послушниками доминиканского монастыря, поднялся с колен и, подхватив ведро, в котором были принесены сокровища, побрел к выходу, опустив очи долу.

— Оставь факел и убирайся прочь! — на ломаном немецком произнес знакомый твердый голос.

— Ропша?!

Шаги становились все ближе. Неспешные тяжелые шаги уверенного в себе сильного мужчины. И вот наконец кожаная подошва башмака опустилась на прутья решетки над нами.

— Рад видеть вас, друзья мои. — Лицо повольничьего ватажника появилось в зыбком круге света, даваемого факелом. — Вы даже не представляете, насколько я рад видеть вас здесь. — Он переступил с ноги на ногу, прочно становясь на решетку и поводя у нас над макушками любимым самострелом. — Ну что, не ждали, господа рыцари?

— Да уж, признаться, нет, — вздохнул я. — Думали, лежишь, страдаешь от ран.

Лицо Хвата расплылось в глумливой ухмылке.

— Спасибо за заботу. Мое самочувствие сейчас куда как лучше вашего. А в ближайшее время, надеюсь, у вас оно и подавно испортится. — Он усмехнулся, демонстрируя два ряда хищных зубов. — Эх, жаль, мне плохо видны ваши глаза, — продолжал он все тем же издевательским тоном.

— Ну так в чем дело? — хмыкнул Лис. — Помоги нам выбраться, насмотришься вволю.

— Э нет, сидите, где сидите. Мне пришлось так долго ждать этого часа, что теперь не стану рисковать даже в малом. Вот вы, наверно, глядите и думаете, чего это я пришел? Я здесь, чтобы покарать вас. Но не просто убить, это было бы слишком легко, а оказать последнюю услугу своим верным боевым товарищам, потому как смерть от стрелы куда быстрее и спокойнее, чем то, что ожидает вас завтра. Так что, други мои верные, ежели вы очень сильно попросите, я, так и быть, убью вас сейчас, прежде чем вы попадете в лапы палачей. С удовольствием посмотрел бы, как вас будут ломать на дыбе и рвать раскаленными крючьями, но, увы, я лишен этой радости. Так что остается удовольствоваться лишь этой последней услугой.

— Эй, Хват! — возмутился Лис. — Тебе кобыла, кажется, на ногу упала, а такое впечатление, что на голову. Что ты плетешь?

— Я? Я говорю правду, всю правду и ничего, кроме правды. Завтра вас, упорствующих и запирающихся в своем злодеянии, предадут палачам церковного суда. Мне это доподлинно известно.

— И все равно я тебя не понимаю. Это месть? — крикнул я. — За что? Со дня нашего первого знакомства ты был верным товарищем, ты дважды спасал меня от смерти, мы прошли рядом столько верст, деля кусок хлеба. Зачем? Чтобы убить нас?

— Ты на редкость догадлив, славный Вальтер фон Ингваринген. Или же, точнее, Вальдар Ингварсен. Под этим именем я о тебе услышал впервые. И о тебе, Лис, я тоже услышал в тот же день. В тот самый день, когда друзья принесли на окровавленном плаще тело моего брата Годины, изрубленного секирой.

— Быть может, это оскорбит твои братские чувства, — вздохнул я, — но мне никогда не доводилось знавать человека, носившего это имя.

— Честно говоря, мне тоже, — пожал плечами Лис. — Может, его еще как звали?

— Я освежу вашу память, — осклабился Ропша. — Ты, Лис, вспомни Изборск, свадьбу Бригитты Мекленбургской. Не ты ли навел повольничью ватагу на караван ее старшей сестры, когда она возвращалась в Новгород? Молчишь. И верно, что молчишь, это твоя работа. На твоих же руках, Вальдар Ингварсен, кровь моего брата. Повольники, принесшие в родимый дом его мертвое тело, описали мне, что было начертано на твоем щите. У ног Мавра лежал, обливаясь кровью, мой брат, когда ты обнимался со своей мекленбургской сукой...

Конечно, я помнил этот бой на лесной дороге близ Новгорода. Его подстроил мой хитроумный друг, чтобы организовать наше знакомство с Аделаидой. Я примчался, как и было договорено, по его сигналу, но в общем-то, как говорится, в самый разгар шапочного разбора. Я так и не обнажил оружие в тот день, и хотя возле возка графини действительно валялось не менее десятка убитых и раненых, ни один из них не пал от моей руки.

— Вам тогда повезло. Я сам был ранен после похода на Двину и не смог в ту же зиму добраться до Новгорода. Весной же вас и след простыл. Мне оставалось лишь проклинать судьбу-злодейку, позволившую вам избежать моей мести. Но удача сопутствует отважным, и она вновь дала мне шанс.

Я был счастлив встретить вас на новгородском вече. В тот день это я послал тебя в лапы медведя. Но тебе повезло. И в Изборске чертов арбалетчик всадил в меня стрелу в тот самый миг, когда я собирался сделать то же самое с тобой. На Калке мне посчастливилось больше, но и тогда тебя спас прочный шлем и подскочившие на

мою беду монголы. Тебе чертовски везло! Когда же оповещенный мною Муромец не стал казнить вас лютой смертью, а отправил сюда, за море, я сам вызвался идти с вами.

В первую ночь на постоялом дворе я было подумал, что вы оставите меня в ближайшем городе и вновь потеряетесь из виду. Этого нельзя было допустить. Но к счастью, господа благородные рыцари, у вас много врагов. Если вам интересно — эти были людьми графа Шверинского. Их план показался мне куда как лучше моего. Их зелье вызвало жар и помогло отвлечь вас в тот момент, когда они стащили девчонку и подсунули эту чертову куклу. И вот вы здесь, завтра вас предадут в руки палачей, и я счастлив оказать последнюю услугу. Так что решайтесь, господа рыцари, стрела или дыба?

— Ропша, — неожиданно ласково произнес Лис. Повольнику еще не приходилось сталкиваться с этой интонацией моего друга, но я-то ее знал хорошо. Ничего доброго она не сулила. — У меня есть встречное предложение.

— Какое же?

— А вот какое! — брошенный Венедином кинжал ударился о прутья решетки, вспугивая тощую длиннохвостую крысу, со знанием дела уничтожавшую остатки вчерашних помоев, налипших на прутьях. Та с визгом сорвалась с места, ища укрытия, вскочила на башмак мстителя и начала карабкаться вверх по штанине.

— Пшла вон! — Хват дернулся, пытаясь стряхнуть с себя мерзкую тварь, оскользнулся на едва подсохшей буроватой жиже и, пытаясь удержать одновременно и равновесие, и самострел в руках, рухнул лицом вниз на решетку.

Я увидел, как пальцы его инстинктивно сжимают спусковую скобу самострела, сухо щелкнула тетива, выбивая из орехового ложа стрелу. Кровяные капли одна за другой застучали по полу, срываясь вниз с уже мертвого тела повольничьего ватажника.

— Не стоило называть судьбу злодейкой, — прижимаясь к стене, чтобы не попасть под кровавый дождь, медленно произнес Лис. — Она обижается.

Я ошарашенно глядел вверх на искаженное смертельной мукой и ненавистью лицо Ропши.

— Слушай, — я подавил комок, подкативший к горлу, — это как?! Как ты до этого додумался?

— Не знаю, — признался Лис. — Наитие какое-то. Меня другое занимает. Что скажет поутру фон Нагель, увидев такое прибавление в благородном семействе. — Мой друг замолчал, настороженно прислушиваясь. — Тихо, — бросил он наконец, — похоже, у нас еще гости.

В коридоре уже ясно слышались чьи-то шаги.

— Вероятно, монах принес нам очередную порцию помоев, — предположил я. — Хотя нет, шаг слишком энергичный.

Лис поудобнее перехватил кинжал, готовясь к очередным дискуссиям.

— Господа рыцари, — отчего-то шепотом произнес новый визитер, — это я, фон Нагель. — Тевтонский прецептор наклонился над бездыханным телом. — Не волнуйтесь, я видел, как это было. Собаке — собачья смерть! Я не все понял из того, что он говорил, но многое мне теперь стало ясно. Император узнает об этом сейчас же. Вот только уберу отсюда труп. Незачем ему тут оставаться.

— Откуда ты здесь, Ульрих? — не имея сил скрыть радость, спросил я.

— Ко мне прибежал Ансельм. Парень твердил, что Ропша не тот, за кого себя выдает, что он вовсе не болен и сейчас намеревается убить вас. — Тевтонец мощным рывком взвалил тело мертвого повольника на плечи. — Да, вот еще, не ждите его, он под замком. Стражу у дверей я тоже поменял. Не пытайтесь бежать. Уповайте на милость Господню, я же сделаю все, чтобы помочь вам выбраться отсюда. А пока прощайте! — При этих словах фон Нагель повернулся и, склоняясь под тяжелой ношей, направился к выходу.

— Немец, — глубокомысленно изрек Лис, слушая удаляющиеся шаги нашего боевого товарища. — Типичный немец. Тотемный зверь его — рейсовый автобус. Хорошо, если пассажиров устраивает его расписание и места остановок, а нет, ему нет до этого дела. Прет себе, как будто так и надо. Хорошо, будем уповать на милость Господню, вернее, на ее наличествующую часть: у нас еще осталось мясо и вино.

Монах, разносящий жидкость для смазывания решеток, в эту ночь так и не появился. Зато утром в наше более чем скромное обиталище заявился здоровенный детина, одоспешенный словно в бой, и уже знакомый монастырский кузнец. В коридоре нас поджидали еще два десятка таких же крепышей при копьях, щитах и кольчугах.

— *Ну что,* — произнес я, оглядывая ряды нашей новой свиты, — *нападать будем?*

— *Нет, пожалуй. Невинноубиенных жалко. Особенно учитывая то, что скорее всего ими будем мы.*

Погода на воле понемножку стала налаживаться. Сквозь обрывки туч вовсю просвечивалось синее небо, и солнце, не по-осеннему теплое, уже начинало подсушивать грязь и лужи на монастырском дворе. От этого становилось радостно на душе и мрачные мысли, пытавшиеся влезть в голову, находили вход в нее наглухо закрытым.

— *Слушай,* — ни с того ни с сего спросил Лис, — *ты не знаешь, что означают эти самые крестообразные заклятия?*

— Какие?

— Ну эти... Ансельм ночью говорил: колдовать не получится, потому что эти самые... крестообразные заклятия.

— А, это. Не крестообразные, а перекрестные.

— Один фиг! Шо сия фигура означает?

— Представь себе конструкцию из бревен, выверенную до дюйма, до грамма. Бревна поставлены под углом друг к другу, но все они у тебя над головой. Стоит мухе сесть на одно из них, как они рухнут вниз и сделают из тебя лепешку. Так вот, в нашей темнице подобное сооружение из заклинаний, имеющих, как бы это выразиться, пробелы, и если ты начнешь читать новое заклинание, то непременно заполнишь один или несколько таких вот пробелов. Со всеми вытекающими последствиями.

— М-да, как все запущено, — вздохнул Лис. *— Как ты думаешь, а в зале суда этих магических бревен нет? Может, там попробовать колдануть?*

— Лис, ты явно засиделся под землей. Что ты собираешься делать? Мы не знаем, как талисман себя поведет в следующую минуту. К тому же ты, вероятно, забыл, что сегодня в зале будет императорский маг. Соображаешь, какой это уровень? Хочешь посоревноваться с ним в высоком искусстве?

— Н-да, пожалуй, ты прав. А красиво было бы там молниями пошвыряться. Вот бы душу отвел!

Придворный маг не заболел. Осенняя сырость не скрутила его в ревматическом приступе, не вызвала насморка и прочих возможных недомоганий. Этот образцово-показательный старец-чудодей в колпаке, халате с месяцами и звездами, с длинной седой бородой и явно волшебным посохом казался сошедшим со страниц детских сказок. Но учитывая, что сказки сочинялись как раз в эти времена, к нему стоило относиться с возможным почтением. Во избежание нежелательных превращений.

Следуя, очевидно, раз и навсегда установленному порядку, достопочтенный Мартин Камелиус принял присягу и, не обращая на нас никакого внимания, начал готовиться к процедуре освидетельствования. Открыв принесенный с собой ларец, профессор колдовских наук достал из оного пригоршню белого порошка и начал, медленно вращаясь вокруг своей оси, посыпать им пол, вырисовывая правильный круг.

— Цып-цып-цып, — прокомментировал действия мага Лис. *— Вальдар, шо этот дедуля вытворяет?*

— Создает защитный барьер, если ты вдруг решишь демонстрировать против него магическую мощь. Защита, непробиваемая извне, но вполне проницаемая изнутри.

— Хитро устроился! Надо будет как-нибудь по свободе порасспрашивать Ансельма обо всех этих штучках-дрючках. Если мы, конечно, отсюда вообще выберемся.

Между тем волшебник закончил рисовать круг, начертал внутри него пятилучевую звезду, расставил на остриях лучей плошки с горящими свечками, вывел на полу какие-то магические символы и остановился в центре, ожидая сигнала.

— Господа, — произнес председатель суда, — ваше императорское величество, ваше высокопреосвященство. Если будет позволено, мы продолжаем судебное заседание по делу рыцарей Вальтера фон Ингваринген а и Лиса Венедина. — Он посмотрел налево, направо и, дождавшись благосклонного кивка, продолжил: — Достопочтенный мэтр Мартин Камелиус, в силах ли вы засвидетельствовать или опровергнуть магическую сущность стоящего перед вами рыцаря Лиса Венедина?

Волшебник коротко кивнул и вытянул перед собой руки, подобно сомнамбуле.

— Да, — после краткого раздумья произнес он, — очень сильный... Да нет, огромный заряд магической энергии! — Он удивленно уставился на моего друга. — Кто бы мог подумать, воистину огромный заряд!

— Благодарю вас, мэтр. Прошу вас, оставайтесь в зале.

Маг поклонился и, опасливо косясь на Лиса, вышел из круга. Три бойких юноши с веничками немедленно стали сметать порошок в тот самый ларец, из которого он был взят.

— Шо, и все?! — удивился мой друг. *— А понтов-то, понтов-то сколько! Тоже мне, допинг-контроль!*

Я между тем осматривал зал, словно пытаясь найти те самые вожделенные десять отличий от виденной вчера картинки. Фон Нагель и десяток рыцарей его отряда присутствовали на заседании. Само по себе это было отрадно, но говорил ли наш храбрый спутник с императором, и если говорил, дало ли это какие-то результаты, оставалось совершенно неясным. Лицо Ульриха выражало эмоций не больше, чем автобусное расписание.

— Слово вам, преподобный отец Гервасий, — произнес председательствующий в суде аббат.

— Благодарю вас, — с неожиданной слезой в голосе проговорил злоокий аторней. — Благодарю вас, господин судья. Мне многое нужно сказать. Еще сегодня утром я желал заявить о вскрывшихся новых преступлениях освидетельствованного уже мага Лиса Венедина. Я хотел поведать вам о страшном святотатстве, устроенном им в городе Штраумберге, где вышеозначенный Лис Венедин, глумясь

над нашей верой, продавал мощи несуществующего святого. Но нет, не об этом сейчас будут мои слова.

Сегодня ночью произошло новое злодеяние — страшное, зверское убийство. Оборвалась жизнь отважного воина и честнейшего человека, русского воеводы Ропши, главного свидетеля по этому ужасному делу. Чья рука оборвала его век, спросите вы? Я не могу вам этого сказать, но пусть на этот вопрос, — голос аторнея уже гудел как церковный колокол, — ответит нам рыцарь Ульрих фон Нагель. Именно его вчера видел здешний монах, выносящего бездыханное тело воеводы из той самой темницы, где содержатся злодеи Вальтер фон Ингваринген и Лис Венедин. Кто он? Убийца или же пособник убийц, пребывающих с ним в сговоре? Пусть он ответит нам!

Ульрих фон Нагель, становясь белым, под цвет своего нарамника, поднялся с места и произнес негромко, но с явной угрозой в голосе:

— Да будет вам известно, преподобный отче, что перед вами прецептор Тевтонского рыцарского ордена. Буллой его святейшества Папы Иннокентия III наш орден выведен из-под юрисдикции церковного суда. И прошу вас запомнить: если мне и надлежит ответить на этот, а равно на какие-либо иные вопросы, то не здесь и не перед вами.

—Вы забываетесь, господин прецептор!!! — вспылил святой отец. — Перед вами аторней Римской Консистории...

— А перед вами... — грозно начал фон Нагель и голос его был поддержан шумом остальной рыцарской братии.

— Браво! Браво! Браво! — произнес император Фридрих II, сопровождая свои слова редкими, но звучными аплодисментами. — Прелестный фарс, давно не видал ничего подобного. Значит, так, — он слегка наморщил лоб, видимо, подбирая слова к формулировке приговора, — в связи с невозможностью прояснить детали по этому делу высокий суд переносит свое заседание на завтра или же какой иной срок, который понадобится для прояснения этих самых деталей. Пока же...

— Позвольте, — вмешался недовольный таким поворотом дела епископ Трирский, — но церковный суд...

— Пока же, — не дослушав слов его преосвященства, продолжил император, — фон Нагель, проводите господ рыцарей в штерентальский отель да позаботьтесь, чтобы они обязательно приняли ванну и были доставлены ко мне. — Он встал и повернулся, собираясь уходить. — Ах да, церковный суд! Церковный суд вернется к этому делу, когда я верну ему подсудимых. Все свободны, господа.

Глава 20

А ну-ка, Боб, поговорим короче,
Как подобает старым морякам.
Я опоздал всего лишь на две ночи,
Но третью ночь без боя не отдам.

Старая пиратская песня

После монастырской помойки императорские покои производили сокрушительное впечатление. Впрочем, человека, не измотанного застенками, скромное обиталище монарха потрясало не менее. Проведший большую часть жизни на Сицилии, он представлял странный, почти невозможный сплав любви к суровой германской простоте и изысканной восточной роскоши одновременно.

Месяцами живя в походных условиях, ночуя на земле и питаясь от случая к случаю, Фридрих чувствовал себя абсолютно непринужденно. И все же не было ни единого соблазна, которому бы император Священной Римской империи не поддался бы с великим удовольствием. Мягчайшие ковры с высоким ворсом, вышитые шелковые подушки, воздушные занавеси, прелестные одалиски в прозрачных одеяниях, скорее подчеркивающие, нежели скрывающие их совершенные формы, одалиски, разносящие тонкие заморские вина и изысканные восточные лакомства, словно принесенные могущественным джинном с султанского стола персидских сказок. Все это, правда, в сочетании с невесть откуда тянущими сквозняками, составляло рабочую обстановку величайшего монарха Европы.

— Он тут неплохо устроился, — склоняя ко мне голову, пробормотал Лис, когда верный своему воинскому долгу фон Нагель привел нас на ночь глядя в императорские покои и, ни слова не говоря, развернувшись, покинул на произвол судьбы. — Ты знаешь, это самое величество мне все больше и больше нравится, — добавил он, следя глазами за принесшей на голове блюдо с фруктами одалиской и грациозно поставившей его на низкий резной столик перед нами. — Надеюсь, мы с ним поладим.

— Тихо. Готов держать пари, что он сейчас наблюдает за нами сквозь какую-то незаметную дырку.

— Извращенец, что ли?

— Нет. Отслеживает наши реакции, чтобы знать, как строить беседу.

— Да-а?! — восхитился Лис. — И какие же должны быть эти самые реакции?

— Откуда я знаю? Все зависит от того, о чем его величество собирается с нами говорить.

— Ну тогда хрен с ним, пусть смотрит. — Лис уселся по-турецки на пол и начал со смаком очищать спелый банан. — Эй, подруга! — крикнул он вслед крутобедрой красотке. — Куда ты побрела? Присоединяйся! А ты чего столбычишь? — Лис повернулся ко мне. — Садись! Не думаю, чтобы императору нравились люди, пренебрегающие его гостеприимством.

Девушка не заставила себя упрашивать. Она сделала знак рукой, и вослед ей в покои впорхнула еще одна прелестная пери, чуть более смуглая, но не менее обольстительная, чем первая. С милыми улыбками на лицах они расположились вокруг столика, и я вынужден был сесть, поскольку стоять в помещении, где остальные не то что сидят, а полулежат, кажется почти что непристойным.

— В таких условиях я согласен ждать государя-императора хоть до его возвращения из крестового похода, в который, я надеюсь, он все-таки отправится, — прокомментировал создавшуюся обстановку Лис.

Фридрих II появился много раньше. Неслышно — длинный ворс заглушал шаги — он возник за нашими спинами. Чуть пошевелил пальцами, делая очаровательным представительницам гостевого сервиса знак удалиться, и те тут же растаяли в полумраке покоев, кланяясь на ходу.

— Ну вот, — принимая почтительную позу, пробормотал Лис, — значит, сейчас будем соображать на троих.

— Лис! — шепотом возмутился я. — Что ты такое говоришь?

— В смысле, думать сейчас будем втроем.

— Господа рыцари, — император едва ответил на наш поклон, — я позвал вас сюда...

— Чтоб сообщить пренеприятнейшее известие, — не удержался от комментария мой друг.

— Что? — переспросил император. — А, это! Ерунда! Я ни секунды не верю в предъявленные вам обвинения. Я решил, что вы невиновны. Во всяком случае, в том, в чем вас обвиняют. — Он на мгновение замолчал и повторил медленно, нараспев: — Я собрал вас здесь, чтоб сообщить пренеприятнейшее известие. Хорошая фраза, надо будет где-нибудь вставить. Да, так вот, я не верю в то, что вы похитили принцессу Альенор. Это было понятно мне с того самого мига, когда я только узнал о случившемся. Только полный идиот, совершив такое ужасное преступление, стал бы везти подменыша в Трир, тащить его едва ли не силком в аббатство, тем самым плотно прижимая свою голову к плахе. Вы вовсе не идиоты, и мне это доподлинно известно. Поэтому вмешательство вашей, господа, яростной защитницы, фрейлины моей будущей невестки, госпожи Татья-

ны, — он с трудом выговорил это непривычное имя, — и чистосердечный рассказ храброго фон Нагеля только добавили оснований для моей уверенности, но не открыли ничего нового.

Не буду юлить, я казню вас немедленно, если мы не найдем общий язык. Как вы сами прекрасно понимаете, мне позарез нужен союз с Русью. Я не могу отправляться в Святую землю, не обезопасив тыл. Если свадьба моего сына и дочери великого герцога Киевского не состоится, этому союзу не бывать. Если же станет известно, при каких условиях была сорвана свадьба, то и подавно.

— На чужой роток не накинешь платок, — печально вздохнул Лис.

— Платок — да, не накинешь, зато петлю на шею — одним движением. Рекомендую, прекрасно помогает от излишней болтливости.

— Кх-м. — Лис явно был готов слушать монарха дальше в полном молчании.

— Можете не сомневаться, никто из видевших превращение подменыша не раскроет рта без моего разрешения. Ваша же задача — отыскать невесту моего сына и привезти ее, — он сделал паузу, — в Святую землю.

— Простите? — произнес я, делая удивленное лицо.

— Да, вы не ослышались, именно в Святую землю. Рим настаивает на скорейшем начале крестового похода, что ж, в данном случае это нам на руку. Мы сделаем вид, что принцесса вовсе не пропадала. Я объявлю, что свадьба моего сына состоится в Иерусалиме, в храме Гроба Господнего, и что до дня свадьбы невеста будет скрыта от людских глаз во избежание черной магии и прочих происков моих врагов.

Ее свита — как та, что была с ней все время путешествия, так и та, что должна прибыть в Трир, отправится вместе со мной либо останется здесь. Но ко дню свадьбы вы должны доставить мне принцессу Альенор целой и невредимой. В противном случае я буду вынужден казнить всех, кто ее сопровождал. Иначе на Руси станет известно об исчезновении вашей подопечной, а это недопустимо. — Он замолчал, переводя дух. — Мой добрый друг Герман фон Зальца в письме рекомендует вас как храбрых, умных и честных рыцарей. Это высокая похвала. Пока что, увы, неоправданно высокая.

Найдите принцессу и можете просить любую награду. Если же нет, вы с ужасом будете вспоминать день нашего знакомства. И весьма недолгое время, смею вас уверить. Я даю вам полную свободу действий и обещаю всемерную помощь, какая только может от меня зависеть. Мой референтарий уже подготовил соответствующий указ, вы получите его на выходе. Пока же отправляйтесь в штерентальский отель. Завтра в полдень я жду вас вновь с планом своих действий. У вас есть вопросы?

— Если позволите, — склонил я голову. — Когда будет назначена свадьба?

— В ближайшие дни я отправляюсь на Сицилию. Большая часть войск уже там и ожидает только приказа выступить. Не могу сказать точно, сколько я задержусь в пути, но можете мне поверить, путь от побережья к Иерусалиму я проделаю быстро. А уж там я не смогу долго тянуть с объявлением дня свадьбы. Имейте это в виду.

— *О Всевышний,* — вздохнул Лис на канале связи, — *дай нам сил свершить требуемое и, если тебе только не противно, укрепи сынов Аллаха, чтобы они продержались до нашего подхода.*

— Ну шо, Капитан, я внимательно жду твоих распоряжений. У тебя уже есть стратегма, как мы всех превозмогнем?

— Кое-какие соображения имеются, — печально вздохнул я. — Ропша перед смертью вряд ли пытался водить нас за нос. Ни к чему ему это было. Значит, похищение организовано по приказу фон Шверина.

— Блестящая мысль. — Лис, наслаждаясь свободой, тронул шпорами бока андалузца. Мы возвращались в штерентальский отель, воздух был свеж, звезды весело светили с полуночных небес, и жизнь, невзирая на окружающую нас темень, вновь обретала краски. — Возвращаемся в Шверин, берем за шиворот нашего бывшего сюзерена, бьем его для острастки головой о цитадель и этак... очень вежливо просим открыть тайну золотого ключика.

— Умно, — согласился я. — Жаль только, что нам на подходе головы отрубят.

— Или вот еще, — не унимался Лис, — помню, читал про одного солдата, так у него была зажигалка, из которой выскакивали собаки. Они ему каждую ночь из дворца принцессу притаскивали. У бедолаги на нее заворот мозгов был. Так ежели большой дракон на поле боя катит за огнеметную установку, может, мой макет в одну десятитысячную натуральной величины могет покатить на зажигалку? Только им надо обо что-то чиркать, поскольку пьезоэлемент ему в пасть вставить не догадались.

Представляешь, притаскивает нам этакая собака Генриха тепленького, в одной ночной рубашке и колпаке. Причем у него полное впечатление, что это он мухоморов на ужин объелся и потому его глючит. Ну, ты его, стало быть, дипломатично спрашиваешь: «Куда подевал девочку, гадюка?»

— Тогда уж лучше сразу Алену, — прервал я поток неудержимого красноречия друга. — Но ты отчего-то вспоминаешь вовсе не те сказки. Черный дракон — это не огниво. Нам бы сейчас фейри раз-

говорить, уж эта тварюка должна знать, куда ее родственнички Алену потащили.

Но, если серьезно, варианты следующие: Алену похитил Генрих, тогда она либо в его владениях, что маловероятно, поскольку, не дай Бог, об этом узнает Фридрих, и потомки будут долго спорить, на самом ли деле существовал Шверин или же это красивая сказка наподобие Китеж-града. Вариант второй, более вероятный. Команда, посланная нашим добрым сюзереном, благополучно убила двух зайцев, подведя нас под смертную казнь и сорвав, как мы знаем, весьма неугодный северной Лиге союз Руси и Империи.

Слава Богу, план не был отработан до тонкостей. Вероятно, это была чистой воды импровизация. Возможно, сначала упор делался на ловлю сетью, но в последнюю минуту выяснилось, что ты маг, и потому сеть была оставлена для отвлечения, и тут же на ходу был состряпан номер с подменышем. Убей они той же ночью Ропшу да спрячь получше трупы, кто знает, как бы оно еще все повернулось.

Но если в первом случае предусматривалось наше полное исчезновение, и тут уж гадайте, то ли мы стащили, то ли нас стащили, то во втором, в руках этой, так сказать, спецгруппы оказалась одна лишь девочка. Весьма, кстати, бойкая и не слишком пугливая. От которой лучше всего поскорее избавиться.

— Ты думаешь, они ее убьют? — мрачнея на глазах, произнес Лис.

— К сожалению, такой вариант возможен, — вздохнул я, — но вряд ли. Я склоняюсь к мысли, что ее попытаются продать на невольничьем рынке. Где-нибудь на Востоке такая красивая девушка будет стоить весьма немалых денег. Возможно также, что ее пока припрячут в каком-нибудь отдаленном замке вне шверинских земель, и будут ждать, пока принц Людвиг соберется жениться снова. Сговоренный брак формально считается уже заключенным, и появляется прекрасная возможность объявить принца двоеженцем. Скандал будет грандиозный!

Но вряд ли. Невесть сколько придется ждать, да и успех подобной акции весьма гадателен. Однако есть еще одно направление поисков, причем здесь я даже толком не знаю, с чего и начать.

— Ты имеешь в виду фейри? — задумчиво спросил Лис.

— Их самых. Понятное дело, Алену похитили именно они. Вероятно, среди шверинцев тоже был маг, он-то и заставил Дивных решиться на похищение. Необходимо выяснить, утащили ли фейри девочку в Подземную страну или же отдали ее этому самому чародею.

— Господи, как меня достали все эти маги, волшебники, кудесники, чародеи и прочие чревовещатели. Ну это ж спасу никакого нет, экстрасенсы хреновы! Ну то ли дело в сказках, один маг светлый, другой темный, живут в какой-нибудь малодоступной местнос-

ти и не портят жизнь местному населению, разве что изредка, по большим праздникам. А тут не продохнуть! На каждом шагу! Явное перепроизводство!!!

— Мы с тобой не местное население. — Я поспешил восстановить справедливость. — А что касается твоих уважаемых коллег, мой дорогой друг, то я бы на твоем месте, пожалуй, устроил юному Ансельму зачет на тему: вызов фейри и возвращение подменыша.

— А шо, толково придумано, — согласился Лис. — Если только он, конечно, в этом деле что-то шурупает.

— Ну-у, насколько я помню уроки доктора Фауста, для вызова духов необходима магистерская степень, но бытовое общение с фейри вполне по силам и бакалавру.

— Недоучившемуся?

— Всего-то пару месяцев.

В штерентальский отель, где ждал нас Ансельм, мы возвращались втроем. Третьей была та самая мерзкая тварь, которую мы долгое время неосторожно принимали за киевскую княжну. Для этого, правда, нам пришлось сделать крюк и вновь вернуться к треклятому аббатству, чтобы изъять мохнатую узницу из цепких лап епископского суда.

— Да ты шо, уродище? — горячился Лис, тыча стерегущему тварь монаху выданную референтарием императорскую грамоту. — Ты на кого погнал?! Я из тебя тут щас великомученика сделаю. Ты меня понял, пес Господень?! Гони сюда тварюку, падла!

Доминиканец и рад был бы оказать разъяренному рыцарю должный отпор, но на поединки Лиса с любым представителем святого братства уважающий себя букмекер не стал бы даже принимать ставки. Тем более что после «обильных» монастырских хлебов руки у Венедина чесались, да что там чесались, зудели от плеча до кончиков пальцев. Словом, клетка с престарелым фейри была изъята у епископского суда для проведения «следственного эксперимента».

— Ансельм, дружище! — Лис радостно хлопнул по плечу ученика. — Я долго думал, чем тебя отблагодарить за доброту. — Венедин собрал складки на лбу, демонстрируя напряженность произведенного мысленного процесса. — И я таки придумал. — Мой друг просиял, явно гордясь своим изобретением. — Я дам тебе возможность отличиться! Вот видишь эту чертову животину. — Он ткнул рукой в фейри, прыгающего по клетке. — Сегодня ты, ну, конечно, под моим наблюдением, сможешь сам, без посторонней помощи совершить процедуру обмена подменыша на нашу всеми любимую княжну Алену Мстиславишну. Можешь не сомневаться, вся слава достанется тебе. Так что соберись, и давай для начала повторим теорию.

— О-о-о, — не зная, что и ответить, выдохнул побледневший Ансельм.

— Да ну, не смущайся, ты вполне достоин этой чести. Давай, соберись в одном месте с мозгами и шпарь все по параграфам, шоб я мог убедиться, шо ты сюда ничего лишнего, не дай Боже, не вызовешь.

— С-сейчас, — задыхаясь от волнения, пробормотал юноша.

— Надеюсь, порошок для рисования на полу у тебя с собой есть?

— Н-немного.

— Ну, так чего ты тужишься? Малюй. Если что, я тебя тяжелой артиллерией поддержу. Хотя ты еще не знаешь, что такое артиллерия.

— Подменыши бывают трех видов, — вспоминая заученный когда-то текст, срывающимся голосом начал ученик мага. — Первый вид: одушевленные предметы. Обычно для этой цели используют деревянные чурки, камни-валуны или же глиняные...

— Ну ты нам про Буратино-то не рассказывай, — прервал ответ грозный учитель, — ты же сам видишь, что это не чурка.

— Простите, о великий, — съежившись под Лисовским взглядом, простонал Ансельм. — Другого рода подменыши — это фейри.

— Вот спасибо, объяснил! Хватит мне учебник пересказывать, ты по делу давай.

— Фейри бывают совсем молодые и старые...

— Ценное замечание, — кивнул Лис. — И что из сего следует?

— Если фейри старый, то подменыша надо заставить признать свой истинный возраст. Для этого надо взять скорлупу от дюжины яиц и, бросив их в воду, на виду у подменыша начать варить из них кашу. В таком случае фейри обязательно должно закричать: «Я помню, как этот дуб еще был желудем, но никогда еще не видал, чтоб из выеденного яйца кашу варили!» Тогда вскроется, что оно вовсе не то юное человеческое существо, которым притворяется, и остальные фейри, его родственники, будут вынуждены вернуть дитя и забрать...

— Провалившегося агента, — хмыкнул Лис. — Вон, гляди, уже вскрылось, что эта тварюка не Алена Мстиславишна. Что-то не больно ее родственники торопятся произвести «ченч».

— Быть может, она сирота? — предположил я.

Венедин бросил на меня недобрый взгляд.

— Ладно, со скорлупой поэкспериментируешь в другой раз. Дальше рассказывай.

— Ну а если фейри совсем юное, его следует бить, щипать, пинать и всячески над ним измываться, пока фейри-родители не сжалятся над своей дитятей и не предложат обратный обмен. Только можно, я не буду его щипать и пинать, — вдруг взмолился он, — я его боюсь. Оно кусается.

— Стыдись, друг мой, — патетически изрек ведущий представитель венедской магической школы. — Это говоришь ты?! Высшая сущность империума эмпереев? Кто перед тобой?! Ошметок нижнего мира, даже там не имеющий родных и близких. — Он замолчал, видимо, подыскивая слова. Но, очевидно, не найдя их, перешел на обычный тон: — Короче, не парь мне мозги, валяй дальше.

— Все, — испуганно прошептал Ансельм.

— В каком смысле «все»? — удивленно переспросил Лис.

— Ну там дальше «повадки фейри», «яства фейри», «музыка фейри»... А насчет подменышей больше ничего нет.

— Неуч, — развел руками мой друг. — Пустоголовый тупорылый неуч. Чему вас вообще учат в кордовской школе? Кожу выделывать? Ты кожу выделывать умеешь?

— Нет, — пискнул ошарашенный маг-недоучка.

— Вальдар, ты слышишь, он даже этого не умеет! Прогульщик и двоечник! — констатировал Лис. — И это я ему предполагал передать фонтанирующий кладезь своей волшебной премудрости! Меньше надо было на племянниц заглядываться, больше изучать первоисточники! А то пользуетесь адаптированным изданием «Как стать великим магом за семь дней», потом с простейшей задачей справиться не можете! *Капитан, что делать-то будем?* — послышалось на канале связи. — *Парень-то не виноват, здесь, так сказать, предшественники недоработали. Так шо тут хоть на животе пляши, а он больше, чем знает, все равно не сделает.*

— *Ну мне-то и подавно неведомо, как фейри на людей менять.*

— *А ты поройся, поройся в памяти. В ваших английских сказках подобные ситуации кругом и рядом случаются.*

— *Там фейри в монастыри не таскают. А если вдруг оно оказывается на освященной земле и приобретает свой изначальный облик, ему всегда удается сбежать. А тут ее запечатали под кресты, и вся любовь. Может, от нее родственники потому и отказались.*

Лис вздохнул, махнул рукой и, отпустив еще пару крепких словечек по поводу вырождения истинной магии, поудобнее уселся на длинную резную скамью.

— Ладно, Ансельм, не журися, бывают в жизни огорчения. Давай вот что, я там в спальне мандолину видел, тащи-ка ее сюда. — Он печально вздохнул, глядя на подменыша, корчащего рожи в своей клетке. — Ну шо ты дергаешься? Сядь, успокойся. Небось не жрала ничего эти дни. — Фейри удивленно опустилась на пол клетки и уставилась глазами-плошками на Венедина, склонив голову набок. — Вальдар, — попросил Лис, — ты ближе к двери, крикни слугам, чтобы притащили из кухни что-нибудь пожевать этому звероку.

Из круглых глаз подменыша на зеленовато-бурую шерсть, покрывающую щеку, скатилась слезинка.

— Эх, болезное, если б ты только знало, сколько у нас из-за тебя проблем.

Вернувшийся из спальни Ансельм, склоняясь в почтительном поклоне, подал мандолину учителю.

— Спасибо, — кивнул Венедин, принимаясь трогать пальцами струны и подкручивать колки, настраивая инструмент. — Хорошо звучит. — Он перевел взгляд с мандолины на стоявшего в ожидании дальнейших указаний юношу. — Слушай, Ансельм, открой-ка ты эту клетку.

— Что? — переспросил прилежный ученик, словно боясь, что ослышался указаний учителя.

— Выпусти животину. Какой смысл ее под замком держать?

— Но ведь убежит же, — недоумевающе начал юноша.

— Куда? Зачем? А и убежит, невелика потеря.

— Слушаюсь, о великий. — Покорный воле учителя, Ансельм, опасливо косясь на фейри, принялся отпирать хитроумные запоры. Та недоверчиво поглядела на открытую дверцу, потрогала ее лапами, словно желая убедиться, что выход свободен, и неспешно бочком выползла наружу. Из кухни расторопные слуги приволокли блюдо, уставленное яствами, может быть, менее изысканными, чем в императорских покоях, но уж во всяком случае, вполне калорийными.

— Угощайся. — Лис указал замершей в недоумении фейри на блюдо. Та стремглав бросилась к еде и, не обращая внимания на присутствующих, обеими руками-лапами начала запихивать ее в рот.

Лис снова тронул струны мандолины.

Луч солнца золотого, —

запел он, —

Тьмы скрыла пелена,
И между нами снова
Вдруг выросла стена.

Заслышав песню, нелюдь прервала трапезу и неслышно, чтобы не нарушать течение музыки, приблизившись к Лису, устроилась у его ног.

Петь птицы перестали, —

продолжал Венедин, —

Свет звезд коснулся крыш.
В час грусти и печали
Ты голос мой услышь.

Фейри всхлипнула и тяжко вздохнула.

Ночь пройдет, наступит утро ясное,
Знаю, счастье нас с тобой ждет,
Ночь пройдет, пройдет пора ненастная,
Солнце взойдет. А-а-а... Солнце взойдет!

— Кх... — раздалось в углу под скамьей, едва смолк последний аккорд баллады бременского трубадура. — Вы позволите?

Удивленный Лис наклонил голову и уставился под лавку.

— Эй, чего это вы там делаете? А ну вылазьте!

— О-о-о! — Ансельм замер в благоговейном изумлении, поражаясь столь удивительной демонстрации магической мощи. Из-под скамьи один за другим выкатились три явных представителя семейства фейри, хотя, кажется, выглядящих несколько моложе имевшегося у нас экземпляра.

— Шо, орлы, за бабулей пришкандыбали? — без малейшего удивления спросил Лис, словно только и ждавший появления мохнатых гостей.

— Простите нас, ваше могущество, мы не хотели. Мы были вынуждены... Мы вынуждены были сделать это... Такое сильное заклятие, — наперебой залепетали гости.

— Стоп! Все заткнулись! Ты — говори, — скомандовал Лис, указывая на грудь ближайшего пришельца.

— О мой господин! — Фейри, облеченный высоким доверием, состроил лицо унылое, словно портрет Бармалея в животе у крокодила. — Простите нас ради того, что для вас свято. Не по своей воле мы совершили эту подмену.

— Ага, не корысти ради, а токмо волею пославшей меня жены, — хмыкнул Венедин. — Слышали мы уже такую песню.

— О нет, нет! Тысячу раз нет! — жалобно взмолился представитель малого народца. — Наша воля была связана страшным заклятием. Мы не в силах были противостоять ему. Мы сами горюем, что все так произошло. Вы всегда были добры к нам, никогда не желали зла обитателям холмов. Вы убили огромного тролля на острове Луот, а мы, — он, кажется, готов был разрыдаться, — мы похитили вашу спутницу. Но, увы, мы не могли поступить иначе.

— Ну ладно, ладно, — поспешил утешить его Лис. — Неча тут сырость разводить. Слезами горю не поможешь. Давай-ка лучше поговорим о том, где девушка. Ну и, понятное дело, о том, какая ж сволочь вас на нее натравила.

— Увы, повелитель Черного дракона, мы не ведаем, где она. В наших землях ее нет. А рассказывать кому-нибудь из соседей, что мы похитили ребенка, находившегося под вашей защитой, это такой позор! — Он снова всхлипнул.

— А ты будь добр, поспрошай. Если что, скажи, я велел, — входя в роль великого мага, напутствовал его Лис. — Ладно, этот вопрос пока оставим в стороне. Давай-ка подробненько о том колдуне, который на вас заклятие наложил.

— Сейчас! Сейчас я вам его покажу! — Он что-то забубнил себе под нос, притоптывая и вращая указательными пальцами своих лап. — Вот, смотрите! — Фейри простер лапки вперед, и стена перед ним осветилась, словно киноэкран. Еще через несколько секунд на ней начали проступать лежащие ниц буровато-зеленые фейри, а над ними в угрожающей позе громовержца — человек в белом нарамнике с алым крестом. Фигура его расплывалась, но не узнать алый крест рыцарей Храма Богоматери Горной было просто невозможно.

— А шо картинка-то блымает? — удивленно поинтересовался Лис, тыча пальцем в рыцаря.

— Заклятие личины, — автоматически прокомментировал увиденное Ансельм, все еще пребывающий в прострации после появления фейри.

— Ах да! Ну конечно! Как я это сразу недотемкал, — хлопнул себя по лбу Венедин.

— Лис. — Я еще раз внимательно посмотрел на экран, словно не веря в нашу удачу. — Но ведь это же прекрасно!

— Что ты имеешь в виду?

— У нас появляется очень мощный союзник. Не думаю, чтобы храмовникам понравилось, что какие-то шверинские недоумки пытаются навесить на них этаких собак. А разведка у них — дай Бог всякому. Во всяком случае, в Европе лучшей нет. Кстати, — я повернулся к фейри, — этот маг не говорил, куда они дальше направляются?

— Он называл командорство Рош ле Сьон. Не нам, но так, чтоб мы могли слышать.

— Понятно, — кивнул я. — Самозванец хотел навести нас на ложный след. Что ж, мы с удовольствием по нему пойдем.

— Шо-то удумал? — Лис с надеждой посмотрел на меня.

— Кажется, да, — кивнул я. — Детали добавим по ходу дела.

— Кх... — опять напомнил о себе докладчик-фейри. — Если господа грозные рыцари не против. — Он замялся.

— Ну шо ты мнешься, шо фантик, говори уж.

— Если вы не против, — повторил он, — мы бы все, — фейри показал рукой на группу поддержки, смирно ждущую за его спиной, — мы бы очень хотели забрать домой нашу двоюродную бабушку.

— Да пожалуйста! — хмыкнул Лис, пожимая плечами. — Вам как, самовывозом или вместе с клеткой?

— Самовывозом, — залопотали фейри. — Зачем нам клетка?

— Ладно, братцы, время за полночь, берите старушку, целуйте ее в лобик и валите по домам. Нам бы тут еще покемарить маленько перед тем, как с величеством общаться. Да, не забудьте у соседей насчет девоньки поспрошать.

— Непременно, о повелитель Черного дракона. Опросим всех, кого только сможем, — затараторили фейри, скрываясь под лавкой.

— Эй, Ансельм! — Лис перевел взгляд на ученика, по-прежнему стоявшего в полном обалдении, словно витринный манекен. — Шо с челюстью? Захлопни рот, кишки простудишь!

— О великий! — приходя в сознание, прошептал юноша. — Вы научите меня этому заклятию, если я буду достоин?

— Фигня делов! С утра и начнем, — щедро пообещал Лис. — Вот фейри замахаются сюда бегать...

— Лис, — поинтересовался я. — А что мы скажем епископскому суду по поводу пропажи подследственного?

— Епископскому суду, — Лис почесал затылок, — вот в чем вопрос. Пожалуй, мы им скажем, чтоб катились сексуально-пешеходным маршрутом и не попадались нам под горячую руку.

Наутро за завтраком государь-император Фридрих II, выслушав наш с Лисом план, согласно кивнул головой:

— Ну что ж, разумно. Отправляйтесь в путь. — Он вызвал референтария. — Составь-ка, мой милый, письмо моему другу и кузену королю Людовику, рекомендующее этих двух господ как моих посланцев. Да попроси у него содействия во всех их начинаниях.

— Слушаюсь, — склонился в поклоне тот. — Через час все будет готово, ваше величество.

— Вот и славно, — кивнул он, отпуская слугу. — А пока же, дорогой Лис Венедин, расскажи-ка мне, будь так любезен, о вашей затее с раздачей наследства блаженного Дезодорана. По-моему, это блестящая возможность пополнить казну, не вводя новые налоги.

Глава 21

Не знаешь — молчи, знаешь — помалкивай.

Девиз клуба «Диоген»

Дорога по каменистой Лотарингии была не то чтобы трудной, но довольно унылой. Мало что изменилось здесь со времен древнего

Лотара, владевшего этой землей во времена первых франкских королевств. Безлюдный, почти дикий край у отрогов Вогезов, изредка ощетинивавшийся зубцами замковых башен, порой давным-давно заброшенных и служивших убежищем для бродяг и воронья. Наш небольшой отряд временами привлекал нездоровый интерес обитателей этих мрачных сооружений, но стрелы Лиса, молнии Ансельма и мой меч быстро охлаждали пыл нападающих, предпочитавших искать более легкую добычу. Неспешно, к великому нашему сожалению, значительно более неспешно, чем нам хотелось, мы пробирались к замку Рош ле Сьон, где располагалось лотарингское прелатство могущественного ордена Богоматери Горной.

— Думаешь, сработает? — в который раз спрашивал меня Лис, похоже, больше меня волнующийся за успех подготовленной нами операции.

— Должно. Я приезжаю в Рош ле Сьон на Мавре, но в одежде простолюдина, называю себя скромным паломником, желающим отправиться в Святую землю, и предъявляю в их банковскую контору ганзейский вексель, прося оплатить его мне по соответствующему курсу.

— Ты точно знаешь, что они принимают к оплате долговые обязательства Ганзейского союза? — беспокоился Венедин.

— Принимают. У них дела с ганзейцами, так что с этим никаких проблем быть не должно. Правда, десять процентов от суммы они оставляют себе на святые дела, но для нас это сейчас не главное.

— Вот ведь как сколачиваются состояния! — возмущался мой напарник. — Тут корячишься, жилы тянешь, надрываешься, пока монеты из окружающей среды вытряхнешь, а тут сидят какие-то умники и знай себе отщелкивают проценты. А нельзя просто припереться в замок, найти того кренделя с постоялого двора, стукануть ему, что под их марку какие-то буквально польские кооператоры подделываются, ну и дать им соответственно возможность восстановить историческую справедливость?

— Ты видел, как они общаются с чужаками? По сравнению с этим телеграмма — Песнь песней. Можешь не сомневаться, дальше калитки тебя не пустят, а привратник выслушает молча сквозь зарешеченное окошко, благодарно кивнет, и на этом сеанс связи закончится. Наверх твое сообщение доложат, вероятно, даже меры по нему примут, но только нам от этого ни холодно ни жарко. Девочку они искать не будут. Так что придется дать им себя поймать, а дальше они, радуясь, как им ловко удалось разоблачить хитрого шпиона, сами приведут меня к своему руководству. А тут уже наша игра.

— Ладно, — горестно согласился Лис. — Черт с ними, с процентами. Но только ты уж с ними не миндальничай, веди себя поподоз-

рительней, а то еще решат, что все нормально, выдадут деньги да вслед ручкой помашут.

— Ты уж не волнуйся, — обнадежил я друга. — Я буду подозрительным, как Ленин на долларовой купюре.

И вот наконец на горизонте замаячила высокая, почти отвесная скала с семибашенным замком, казавшимся ее логическим продолжением.

— Рош ле Сьон, — пояснил местный вилан*. — А полдня пути отсюда Шато-Мегир. — Он махнул рукой куда-то на юг. — Тоже их замок. И дальше еще есть, но я там не бывал. Люди говорят, до самого Пайена, что в Шампани, такие башни. Полдня пути — замок.

Поблагодарив словоохотливого крестьянина, мы отправились в скальную цитадель храмовников, где, вероятно, находился ключ к решению нашей многотрудной задачи.

— Удачи, — напутствовал меня Лис. — Ежели что — свисти, подойдем поможем. Но все-таки постарайся, чтобы этих «ежели что» не было.

Первая фаза операции прошла без сучка и задоринки. Я появился у ворот твердыни перед самым закатом. В час, когда дневные службы орденской братии были уже закончены и начались помышления о горнем, духовные чтения, ну, в общем, занятия, никак не совместимые с финансовыми операциями, процентами и пересчетами курсов. Понятное дело, я не стал называть орденским служителям свое настоящее имя и нарекся Кнутом, слугой ганзейского купца Хельмута Штолля. Правда, назвал я это имя тем самым тоном, которым оглашал свой титул на рыцарских турнирах, а получив разрешение остáновиться на ночь в орденском страннoприимном доме, с такой небрежностью кинул поводья Мавра молчаливому служке, что только откровенный недоумок мог еще сомневаться, что так называемый слуга Кнут не слишком привык сам заботиться о своем благородном животном.

— Задай ему овса! — прикрикнул я. — Да смотри, не скупись!

Служка молча посмотрел на меня, кивнул и, держа Мавра под уздцы, скрылся за воротами конюшни. Похоже, желаемый эффект был достигнут, осталось лишь закрепить результат, не оставив ни малейшего сомнения у местного руководства по поводу коварства моих тайных замыслов. Все, что понадобилось для этого: стило, грифельная доска и получасовой вечерний моцион. Наткнувшись во время полуночных брожений на четырех часовых, несших неусыпную вахту на крутинах, я удовлетворенно направился в свою келью-люкс и с чувством выполненного долга заснул сном праведника.

---

* Вилан — крестьянин.

Поутру в дверь апартаментов настойчиво забарабанили сначала тихо, потом все громче и громче.

— Ну кто там еще? — недовольно рявкнул я.

— Мастер Кнут, — раздалось с той стороны двери, — за вами прислали.

— Прислали, прислали. Чертова гостиница! В номерах холодно, из окон дует! Какие-то идиоты будят ни свет ни заря. Эй! — прикрикнул я. — Вели подавать завтрак!

Если у кого-то еще оставались сомнения в моей принадлежности к сословию купеческих слуг, в этот момент они развеялись. Я поднял запирающий дверь засов и распахнул ее навстречу гостям. Людей, собравшихся пожелать мне доброго утра, собралось немало. Кроме виденного мною вчера служки, рыцарь, два оруженосца и шесть сержантов. Неплохо для начала.

— В чем дело? — придавая своему лицу как можно более суровое выражение, нахмурился я.

— Рыцарь Вальтер фон Ингваринген, — отчеканил старший из моих гостей. — Оставьте свои вещи и оружие и следуйте за нами.

— Повинуюсь насилию, — гордо вскинув подбородок, прокомментировал я, активизируя связь.

— *Ну что, захомутали?!* — радостно оживился Лис.

— *А как же!* — гордо изрек *я. — Девять человек конвоя. Чувствуется серьезный подход.*

— *Да ну!* — восхитился Венедин. — *Это по крути! Но вот если б они еще с собой баллисту прихватили, тут бы всем стало ясно, в каком ты авторитете.*

Вели меня долго. Сначала мы спускались куда-то глубоко вниз по винтовой лестнице, так что по моим ощущениям оказались изрядно ниже основания скалы, на которой стоял замок. В конце концов мы очутились в самом низу лестницы, к которой примыкали широкие, выложенные камнем тоннели, веером расходящиеся в разные стороны.

— Они, похоже, здесь не теряют время даром, — пробормотал я.

Услыхавший это рыцарь-проводник едва заметно ухмыльнулся и молча указал мне на одну из подземных троп. Пещера, в которую она вела, была скудно обставлена, но вполне хорошо освещена парой десятков факелов, закрепленных на стенах.

— Ждите, — кратко произнес мой сопровождающий и запер за собой дверь, оставляя меня одного.

«Интересно, — подумал я, осматривая свои новые хоромы, — чего было тащить меня в такую даль? Вернее, в такую глубь. Неужто только ради того, чтобы продемонстрировать, каких успехов в шахтном деле добился досточтимый орден Богоматери Горной?» Ответа не было. Я продолжал рассматривать помещение, хотя, говоря по

правде, экспонатов, достойных рассмотрения, здесь практически не было: два табурета, весьма добротных, но лишенных даже намека на изящество, большой стол под стать им, факелы да неизменный щит с червленым крестом, подозрительно смахивающим на древнюю руну «алгис» в ее правильном, верхнем написании. В центре креста на вмещенном щитке красовался орденский герб с пятилепестковой розой, окруженной терновым венком. Над щитом была отчетливо видна латинская надпись: «Sub rosa est».

— Суб роса эст, — услышал я за спиной резкий мужской голос.

— Спасибо, — поворачиваясь на звук, поблагодарил я. — Мне известна латынь. Все сказанное здесь — сказано под розой, то есть втайне.

— Верно, — несколько удивленно кивнул пришедший. — Что ж, обладание знаниями весьма похвально. А тяга к ним — одно из качеств, отличающее человека благородного от смерда. — Он подошел поближе.

Я не ошибся, передо мной был тот самый немногословный рыцарь с постоялого двора под Штраумбергом.

— Что вы еще можете сказать, глядя на этот крест? — произнес он, пытливо глядя на невесть откуда взявшегося умника.

— Немного, — пожал плечами я. — Вот, скажем, форма вашего креста напоминает одновременно и человека, поднявшего в молении руки к небесам, и одну нашу руну, означающую либо рога лося, либо же осоку. О ней сказано: «Лосиная осока, произрастая из болота, больно ранит и изгоняет, поранив до крови, любого, кто попытается срывать ее; эта руна призывает защиту в истине; в магии она используется для предохранения от зла, усиления удачи, жизненной силы».

— Неплохо, — с уже нескрываемым интересом, глядя на меня, произнес собеседник. — Хотите еще что-нибудь добавить?

— Пожалуй. Вот эта эмблема, — я указал на розу в кругу терний, — ее также можно толковать двояко. Либо мы говорим о розе как о символе Богоматери и о терновом венце как о напоминании о мучениях Сына Ее, нашего Спасителя, либо же мы вспоминаем, что роза также означает тайну, о чем, кстати, свидетельствует сей девиз, а венец означает не столько мучения Сына Божьего, сколько колючую изгородь, защищающую тайну от непосвященных.

Мой слушатель стоял, покачиваясь с пятки на носок, и, сложив руки на груди, смотрел на меня удивленно.

— Очень хорошо, — кивнул он, дождавшись, пока я договорю. — Мне отчего-то кажется, что вы, господин рыцарь, довольно пристально интересуетесь нашим орденом. И даже более того, вы знаете куда как больше, чем вам должно знать.

— Вас, вероятно, беспокоит — откуда? — усмехнулся я.

— Сказать по чести, да.

— А если я заявлю, что просто хорошо разбираюсь в искусстве составления и чтения гербов, вы мне, очевидно, не поверите.

— Несомненно, — кивнул храмовник.

— Ну, тогда, — я развел руками, — мне остается только заявить, что перед тем как узнать все то, о чем я вам только что рассказывал, я также прочитал слова «суб роса эст».

Это была чистейшая правда. Несколько лет назад, готовясь к очередной командировке, я проработал массу первоисточников, относящихся к шотландскому франкмасонству, и наткнулся на упоминание о таинственном рыцарском ордене Розы и Терновника. И величался сей манускрипт именно так: «Сказано под розой». Однако не мог же я поведать об этом орденскому иерарху!

— Что ж, неплохой ответ, — кивнул хозяин апартаментов. — Во всяком случае, он показывает вас человеком, стремящимся сохранить чужие секреты.

— Сохраняющим секреты, — поправил его я.

— Возможно, — согласился он, садясь и указывая мне на оставшийся табурет. — Однако я пришел сюда говорить совсем на другую тему. Вальтер фон Ингваринген, — неспешно произнес храмовник, внимательно отслеживая мою реакцию на свои слова, — вы же не станете отрицать, что именно таково ваше имя?

— На родине меня звали немного по-другому, но в Германии действительно называли так.

— Хорошо, — кивнул мой собеседник, — я буду именовать вас, как вы того пожелаете. Мое же имя Сальватор де Леварье, и я являюсь приором Лотарингии.

— Весьма польщен. — Я привстал, демонстрируя глубокое почтение.

— Полноте, — махнул рукой мсье Сальватор. — Мы здесь просто рыцари, а рыцари равны между собой, будь то король или же последний башелье*, выезжающий в бой на чужой лошади.

— Как прикажете, — пожал плечами я.

— Для начала, Вальтер, я хотел бы задать вам вопрос: на что надеялись вы, соглашаясь идти соглядатаем в это командорство? Разве вы ничего не слышали о том, что наши люди внимательно следят и за тем, что делается при европейских дворах, и за тем, кто побеждает на рыцарских турнирах...

— Да, я знаю об этом.

— Тем более, — продолжал приор. — Быть может, вы и не помните, но однажды мы встречались. Не так давно, на постоялом дворе у Штраумберга. У меня прекрасная память на лица.

---

* Башелье — нижний слой рыцарства, не имеющий своих отрядов.

— У меня тоже.

— Вот как. Как же тогда, зная все это, вы приезжаете сюда, устраиваете какое-то нелепое представление, выдавая себя за купеческого слугу? Как вы осмеливаетесь так грубо и неумело составлять план крепости на виду у стражи? Я не могу понять, о чем вы думали в этот момент.

— Начистоту?

— Конечно! Какой смысл здесь говорить по-другому?

— Я думал, что если служка окажется недостаточно наблюдательным и не опознает во мне опоясанного рыцаря, если брат-казначей по какой-то нелепой случайности примет меня за купеческого слугу, если встреченная мной на стенах стража сочтет, что я вышел полюбоваться ночными пейзажами и не донесет об этом кому следует, то мне придется покинуть командорство несолоно хлебавши, и ума не приложу, где бы я после этого искал вас среди десятков командорств и хозяйств Лотарингии.

Глаза де Леварье округлились.

— Вот как! Значит, вы искали именно меня?

— Именно вас. Вы мне очень нужны, и, можете мне поверить, если бы мне не удалось разыскать вас сегодня, я бы придумал что-нибудь еще более заковыристое, чтобы найти вас хоть в любом из ваших замков, хоть как здесь, под землей, хоть на дне океана.

Приор Лотарингии смерил собеседника удивленно-заинтересованным взглядом.

— Забавно. И зачем же, позвольте узнать, я вам так понадобился?

— Вы хорошо помните нашу встречу на постоялом дворе?

— А что, собственно говоря, о ней можно помнить? Мы виделись всего лишь краткий миг, не сказав друг другу и двух слов.

— Верно. А утром, точнее, даже и не утром, а еще ночью вы отправились дальше в путь.

— Таков наш обычай, — согласно кивнул де Леварье. — Мы никогда не останавливаемся вне владений ордена на срок больший, чем нужен для того, чтобы поесть самим, накормить коней и немного передохнуть. День или ночь, погода или непогода, для нас это не имеет значения.

— Речь не о том, — мягко прервал я приора Лотарингии, явно настроенного продолжить разговор о нравах и обычаях ордена Храма Богоматери Горной. — Спустя сутки на этом же постоялом дворе пропала девочка, которую мы сопровождали. Ее подменили фейри.

— Я слыхал, что фейри временами грешат тем, что подсовывают в колыбель подменышей вместо человеческих детей. Но, если не ошибаюсь, ваша спутница давно уже переросла детские колыбельки, — неспешно заметил мой собеседник, явно не понимая, каким

образом рассказанное мной связано с желанием отыскать его скромную особу.

— Да, — согласно кивнул я. — Ей было немногим менее четырнадцати лет. И фейри похитили ее, понуждаемые к этому могущественным заклятием. Нам удалось заставить их сознаться в этом.

— И что? — недоуменно поинтересовался мсье Сальватор.

— Ровным счетом ничего. Разве что на похитителях были одеяния вашего почтенного ордена, и, по утверждению фейри, направлялись они в Рош ле Сьен. И вот что еще. — Я посмотрел на дернувшееся как от удара лицо приора. — Эта девочка — невеста сына императора Фридриха II принца Людвига.

— Вы полагаете, — мрачнея на глазах, произнес де Леварье, — что мы, движимые известной вам неприязнью к императору Священной Римской империи, похитили невесту его сына? Я верно понимаю ваши слова?

— Ни в коем случае. — Я покачал головой. — Пришел бы я сюда таким вот образом, ежели б подозревал вас в этом преступлении. Да и к тому же мне достоверно известно, что похитители киевской княжны состоят на службе у графа Генриха фон Шверина. Они пытались обречь нас на смертную казнь, сорвать невыгодный для северной Лиги династический брак и, как вы сами видите, очернить высокое имя вашего ордена. Вы сами понимаете, что могло быть, если бы мне и моим друзьям, сейчас ожидающим результатов этого визита, не удалось раскрыть глаза его величеству насчет коварной уловки шверинцев.

Императорская армия могла быть под этими стенами еще вчера. Как видите, ее здесь нет, и император Фридрих, невзирая на ту неприязнь, о которой вы говорили, не полагает вас виновным в случившемся несчастье. Сегодня у него, у нас и у вас один враг. И я пришел просить вас о помощи в борьбе с этим врагом. В борьбе, цели которой близки каждой из участвующих в ней сторон.

Приор Лотарингии слушал меня в полном молчании, чуть постукивая кончиками пальцев по поверхности стола. Я смолк, и в подземелье воцарилась гнетущая тишина, все более гнетущая от того, что прибавить к вышесказанному мне было нечего, а реакция храмовника оставалась по-прежнему непонятной.

— Полагаю, все сказанное вами правда, — произнес он и, резко встав, направился к двери. — Ждите, за вами придут, — бросил он у самого выхода. — Да не вздумайте выходить сами, если хоть немного дорожите своей жизнью.

Ожидание затянулось. Уж и не знаю, сколько мне пришлось провести в гордом одиночестве, часть факелов уже погасла, да и оставшиеся норовили последовать за ними, погрузив подземелье во тьму,

когда дверь отворилась и я увидел на пороге давешнего рыцаря, приведшего меня сюда утром.

— Я еще увижу сегодня его честь мсье Сальватора де Леварье? — осведомился я, поднимаясь по лестнице вслед за проводником.

— Не ведаю, — отрезал тот.

— Но он в замке? Он никуда не уехал?

— Господина приора не было сегодня в замке, — кратко отрезал храмовник, не обращая никакого внимания на мое удивление. — Вам велено ждать дальнейших распоряжений. И очень прошу вас, не пытайтесь бежать.

Когда я возвратился в орденский странноприимный дом, был уже вечер. Расторопный служка поспешил провести меня в номер с такой безучастной любезностью, как будто и не было утреннего ареста и всех связанных с ним последующих оперативно-следственных мероприятий: мои вещи в келейке были сложены весьма аккуратно, даже более аккуратно, чем до обыска.

— Прикажете подать ужин? — глядя сквозь меня, спросил провожатый.

— Да уж, будь добр, — кивнул я, чувствуя, что с самого утра у меня не было во рту и маковой росинки.

— Сию минуту, — поклонился он. — Не обессудьте, у нас весьма скромная трапеза.

Портье не покривил душой, похлебка из вареных бобов навевала грустные воспоминания об императорском столе. Когда же на следующий день в меню не было внесено никаких корректив, я уже поглощал содержимое своей миски с видимой досадой, к вечеру переросшей в остервенение. Особенно же злило то, что до меня здесь, похоже, ровно никому не было дела. Кроме, пожалуй, гостиничного слуги, разносившего тощую баланду, да пары стражников, заступавших мне дорогу, стоило попытаться выйти во двор.

Я коротал время в разговорах с Лисом, утверждавшим, что за прошедший день крепость не покинул ни один человек, бродил из угла в угол и в конце концов с наступлением темноты забылся сном, скорее вынужденным, чем долгожданным.

Утро очередного дня вновь началось со стука в дверь.

— Вставайте, господин рыцарь, — послышалось из коридора. — Приведите себя в порядок и следуйте за мной.

И вновь был бесконечный спуск во чрево скалы, вновь выложенный камнем тоннель, подземелье с яркими факелами на стенах и орденским крестом напротив двери. На этот раз ждать пришлось недолго, мессир Сальватор де Леварье распахнул дверь и ворвался в комнату мощным стремительным шагом, как и в тот памятный вечер на постоялом дворе.

— Рад видеть вас в добром здравии, Вальтер.

Я поклонился в ответ.

— Ваша честь, господин приор, будет ли вам угодно дать мне ответ, в силах ли орден оказать ту помощь, о которой я спрашивал вас намедни.

— Силы ордена ведомы лишь Господу нашему, о вашем же деле скажу лишь одно: все то, о чем вы мне поведали, истинно.

— Мне отрадно это сознавать. Значит ли это, что вы поможете нам? — вновь уточнил я.

— Все в руке Божьей, мы лишь покорны воле Его.

Я удивленно уставился на своего собеседника. Наш прошлый разговор имел весьма светское звучание, теперь же имя Господне буквально не сходило с уст приора. Можно было подумать, что мессир Сальватор попросту тянет время, однако с тем же успехом он мог томить меня ожиданием в убогой келье, пока я окончательно не сошел бы с ума от неизвестности и не начал бы с Божьей помощью разносить гостеприимное приорство по камешку. Однако я был вызван сюда, а стало быть, у его чести было что сказать, и можно было утверждать с полной уверенностью: все, что желал сообщить мне лотарингский рыцарь, он намеревался довести в строго определенный момент и ни минутой ранее. «Что ж, — вздохнул я про себя, — приготовься ждать и слушать, поскольку другого выбора в данной ситуации, похоже, нет». Мсье Сальватор, очевидно, оценил мое молчание должным образом. Он подошел к орденскому кресту и заговорил, указывая на него:

— Позавчера, Вальтер, я был немало порадован вашими познаниями в постижении скрытого смысла наших эмблем. Как я уже говорил, вы встали на тот самый путь, который отделяет смердов, в каком бы звании они ни были, от людей истинно благородных. Я хотел бы помочь вам идти по этому пути, ибо он ухабист и без надежного проводника вы рискуете сломать себе шею, не одолев и сотой доли того, что уже ведомо вашим предшественникам.

«Ба, да меня попросту решили завербовать! — восхитился я своей догадке. — Что ж, благое начинание. Посмотрим, что из этого выйдет».

— Вот, скажем, этот крест, — продолжал де Леварье. — Позавчера вы назвали мне два значения этого символа. Есть еще одно: сей знак суть опора, знак единения Земли, силой которой мы все живем, и Неба, духом коего наполнено наше бытие. Его форма означает и триединство Божье, и множественность путей, коими человек может служить Ему. При помощи этой связи, этой опоры Солнце Духа оплодотворяет Тело Земли, творя тем самым ежегодно, ежедневно и ежечасно вечное Непорочное зачатие.

«Так, — я выдохнул, переваривая сказанное, — как говорит в таких случаях Рассел, давайте не путать догматы с собачьими циновками*. Что-то они тут перемудрили».

— Прошу простить меня, ваша честь, — начал я не спеша и почти робко, — быть может, я не все понял, но ежели речь идет о Непорочном зачатии Богоматери, то сие есть великое чудо...

— Чудо? — не дал мне договорить лотарингский приор. — Лишь профаны, привыкшие глядеть только себе под ноги, не видят истинного смысла сказанного! Где они сыскали чудо? Полная ерунда. В самом зачатии как таковом есть чудо рождения новой жизни, но нет греха, ибо через это зачатие творится замысел Божий. В нем нет ничего порочного. Бог есть Любовь. Зачатие — великое свидетельство Его созидательной мощи. Откуда же здесь взяться греху? Само нелепое понятие греха придумали те, кто, пугая доверчивых простаков адскими муками, держит их в повиновении. Непорочное зачатие совершается ежечасно, ибо земля рождает всякий год, не меняясь и не становясь порочной. Сам Сын Божий создан из праха земного и Духа Господнего.

«Ага, насколько я понимаю, налицо пережитки деметрианского культа. Хотя сама по себе трактовка небезынтересна. Пожалуй, стоит упомянуть о ней в отчете по возвращении». Я заинтересованно посмотрел на собеседника, старательно подбирая слова, поскольку то, что было делом обычным для сотрудника Института экспериментальной истории, для рыцаря Вальтера фон Ингваринген, при всей его образованности, должно было являться дерзким откровением.

— Но ваши слова, — начал я опасливо, — все, что вы говорите, это противоречит тому, что было доселе мной слышано от святых отцов матери нашей католической Церкви.

— Церкви? — усмехнулся храмовник. — Помнится, в старину ваши предки, набегами наводившие дрожь на побережье Европы, частенько вламывались в храмы и щеголяли в одеяниях, кои использовались священниками для проведения служб. Скажите, Вальтер, доведись вам жить в те времена, стали бы вы слушать их, когда б в головы этих диких грабителей пришла вдруг мысль вещать с амвона от имени Божьего?

— Конечно, нет! — возмутился я.

— Так в чем же дело? — Губы моего собеседника сложились в насмешливую ухмылку. — Отчего одни разбойники кажутся вам честнее других? Беспощадные норманны, разбивая в храмах Божьих свои бивуаки, посягали лишь на злато и утварь, на то, что перед ликом Господним не имеет никакой цены. Те же, кто пришел им на

---

* Игра слов. Собачья циновка по-английски dog mat.

смену, присвоили себе право вещать от имени Божьего, владеть Его словом и толковать Его деяния. Но всякий, кто утверждает, что в его устах слова Господни, — разбойник и лжец. Разбойник куда как более мерзкий, чем все грабители храмов вместе взятые. Уста Господни в душе каждого живущего, и не зря было сказано святым Бернаром: «Regnum Dei intra est!» — Царство Божье в нас.

— Но, ваша честь. — Я старался говорить как можно медленнее, демонстрируя оглушенность доводами собеседника. — Но ведь Иисус — Сын Божий, разве Его слова не есть суть слова Господни?

— Каждый может слышать Его слова, — произнес де Леварье возвышенно и как-то печально. — Как и каждый может узреть величие Его, стоит лишь поднять глаза и обвести взглядом вкруг себя. Иисус, исполненный чистого Духа Божьего, умел слышать Его лучше других. Простому смертному необходимо долгими упражнениями подготовить душу для того, чтобы услышать глас Предвечного. Но невозможно передать человеческим языком полученного знания, невозможно выразить словами, как невозможно описать квадратами круг.

Сознающий это идет путем мудрости, ибо знание возвышает, а гордыня сокрушает. Но те, кто говорит, что книги, писанные со слов апостолов, несут нам речь Сына Божьего, клевещут, пытаясь ложью своей оправдать захваченное ими право вещать от имени Создателя. Даже со слов слышавших невозможно буквами запечатлеть эхо, что уж говорить о вышнем, чья речь звучит в душах верующих? Слово Господне чуждо злату. Иисус изгнал торгующих из храма, но был распят, и они вновь вернулись туда, но теперь их торг много гнуснее, чем прежде.

— Но, господин приор, вы ведь и сами строите храмы...

— Конечно. И будем стоить впредь. Ибо истинный храм — творение боговдохновенное. Он рождается из тяги человека к гармонии, к возвышенному, к истинной любви. Само строительство их очищает душу, а вид прекрасного собора наполняет гордостью за творение человека, идущего путем познания. Храмы нужны для того, чтобы душа верующего, вошедшего под его своды, устремлялась ввысь, радуясь величию конечной цели человеческого бытия, а вовсе не затем, чтобы в стенах его лжесвидетельствующие о Господе собирали лепту с паствы, словно жадные мытари, ведающие, что им никогда не придется держать ответ перед Тем, чьим именем они творят свои поборы.

Я слушал затаив дыхание. Лекция о теологии рыцарей Храма начинала меня занимать куда как больше, чем я предполагал вначале.

— Неужели вам известен смысл Бытия? — проговорил я, демонстрируя полное замешательство.

— Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему! — бросил де Леварье. — Смысл Бытия в самом Бытие. И вот что я скажу: все в этом

мире от Бога. Бог создал Хаос и Бог создал Гармонию. Он же создал человека и Путь от Хаоса к Гармонии, который человеку нужно пройти, чтобы самому стать Творцом и тем самым слиться с Предвечным в силе и славе Его.

Нечто подобное я слышал когда-то от великого мастера боевых искусств Ю Сен Чу. И Путь, и предначертание человека, идущего по нему, и конечное слияние с Космосом, все это было мне знакомо. Но слышать от приора храмовников лекции по буддизму, пожалуй, в этом было что-то запредельное. Однако в подобной ситуации долг оперативного сотрудника Института велел мне не поддаваться на провокации и, более того, по возможности провоцировать самому.

— Но позвольте, мессир, — деланно возмутился я, — как же возможно предположить Хаос творением Господним? Не разумнее ли считать, что он порождение того, чье имя я бы даже не стал произносить в этих стенах.

— Дьявола? Сатаны? — Сальватор махнул рукой. — Снова бредни. Одни и те же нелепые бредни. Я не спрашиваю, откуда вы их набрались, ибо прекрасно знаю об этом сам. О чем вы говорите, мой друг? Откуда взялся этот ваш носитель предвечного зла? Его не было до часа Первого творения, а стало быть, он также часть Бога.

Но в Боге нет зла. Эрго, в нем не может быть чего-либо того, чего не было бы в Господе. Но Бог есть любовь. Откуда же взяться тому самому предвечному Злу, носитель коего вас так страшит? Есть Путь, и он не прост, ибо ничто в мире не совершенно, пока Путь не пройден. В чем же здесь вы видите зло? В том, что люди желают смерти друг друга, желают чужого богатства, чужой славы? Но все это людские желания, в них нет ничего такого, для чего понадобился бы Дьявол. Разве что для оправдания собственной слабости.

— Но грехопадение?.. — попытался было вставить я.

— Полноте, снова сказки. Пребывающему в покое тяжело сделать первый шаг. Но ведь для того и создан Путь, чтоб по нему идти. Состояние полного покоя присуще только смерти. Если желаете, вы можете наречь этот Путь Путем познания Добра и Зла. Но чем дальше я иду по нему, тем более убеждаюсь, что то, что мы называем Добром и Злом, не более чем наша собственная оценка тех или иных деяний. Возможно, когда-то и вы сами поймете это, — завершил он печально.

— Хорошо, — не унимался я, готовясь использовать свой резервный козырь. — Вы человек много более образованный, чем я, мне сложно спорить с вами. Но все же если, как вы утверждаете, те, кто говорит от имени Божьего, лжецы, от чьего имени говорите вы?

— Хороший вопрос, — усмехнулся храмовник, — очень хороший. Я вижу, мои слова попали на возделанную почву. Это меня весьма радует.

— И все же я не услышал на него ответа.

— Мы все здесь лишь ученики. Мы учимся слушать и претворять в жизнь услышанное. То, что я говорю, — лишь то, что я понял из донесшегося до меня, лишь то, что мне удалось выразить в словах. Тем самым речь моя ложна, как любая речь человеческая. Но в ней есть крупицы истины, и от того, кто слушает, зависит — извлечь их или же пройти мимо. — Он хотел еще что-то добавить, но в дверь тихо застучали.

— Прошу простить меня, — поклонился мессир де Леварье, — думаю, это не займет много времени.

Отсутствовал он минут пять, едва ли больше. Когда же вернулся вновь, он впервые с момента нашего знакомства улыбнулся и, разведя руками, сообщил:

— Увы, Вальтер, нам придется прервать нашу высокомудрую беседу. Полагаю, мы к ней еще вернемся и, вероятнее всего, довольно скоро. Пока же, прошу вас, ступайте за мной, для вас есть известие.

Глава 22

Хочешь попасть в Америку, поступай в ракетные войска.

Плакат на призывном пункте

Вопреки моему ожиданию, наш путь лежал еще глубже под землю.

— Не волнуйтесь, — напутствовал меня де Леварье, — вам ничего не угрожает. Сейчас вы увидите кое-что, что вряд ли видели прежде. И это лишь немногое из того, о чем бы вы могли узнать в этих стенах. Конечно, — мессир Сальватор сделал паузу, — будь вы одним из посвященных.

— Ваша честь, — начал я почтительно, — не скрою, меня давно интересует ваш благородный орден. После всего услышанного я глубоко потрясен, и мне трудно осмыслить сказанное за столь краткое время. Вероятно, вы правы, наступит день, и мы вернемся к нашей беседе, но сейчас мой долг — отыскать и вернуть ко двору императора девочку, ставшую заложницей козней враждующих сторон.

— Хорошо, — кивнул де Леварье, услышав примерно то, что ожидал. — Всему свое время. Пока же, — он толкнул дверцу, возникшую перед нами при свете факелов, — мы у цели.

Дверца распахнулась, и я удивленно округлил глаза, пытаясь сообразить, действительно ли я попал в тоннель подземки или же ви-

ной этому миражу все то же дурное освещение. Приору Лотарингскому мой ошарашенный вид доставил явное удовольствие.

— Не бойтесь, Вальтер, сия диковина — плод человеческого разума, а не происки Нечистого.

Понятное дело, бояться было нечего, в прежние времена мне доводилось ездить в метро, спускаться по эскалатору, даже пользоваться лифтом, правда, не всегда успешно. Отдаленный предок метрополитена являл собой небольшой возок почему-то на шести колесах, стоявший в деревянном желобе, заменявшем рельсы. Спереди и сзади от него отходили толстые канаты, заменявшие привычную упряжку, на кучерских козлах восседал человек, призванный следить за плавностью и бесперебойностью движения. Завидев нас, он спрыгнул со своего места, открывая дверцу перед приором.

— Влезайте, влезайте, — подтолкнул меня де Леварье. — Сейчас возница даст знак, чтобы включили механизм, и мы тронемся в путь. Заметьте, без всяких лошадей, одной лишь мощью человеческого разума, освоившего силу природы.

«Очевидно, водяную мельницу приспособили», — прикидывая, каким образом можно заставить двигаться это безлошадное устройство, решил я. Впрочем, я не мог назвать себя корифеем инженерного дела, и кто знает, может быть, изощренные умы наследников Архимеда придумали здесь иной способ двигать этот агрегат. Наконец возок дернулся и довольно плавно покатился по отполированному желобу.

Мы были в пути что-то около трех часов, все это время возок исправно стучал колесами на стыках, кое-где со скрипом поднимаясь вверх, не слишком быстро, но без остановок.

— О чем вы задумались, Вальтер? — обратив внимание на следы мысли на моем лице, поинтересовался мсье Сальватор.

— Да вот, — я сделал неопределенный жест рукой, — когда бы в башне вместо ступеней был колодец, да в том колодце поставить такой вот возок, к крыше его прикрепить трос, а к другому концу троса груз, весом в тот самый возок, полный людей, то подъем был бы значительно быстрее.

— В вашей идее есть много недочетов, которых бы вам с легкостью удалось избежать, знай вы то, что знаем мы, и все же, надо сказать, она весьма интересна. Вы далеко пойдете, мой дорогой, — немного подумав, согласился приор.

То, что в моей идее есть масса недочетов, я знал не хуже храмовника. Мне очень хотелось верить, что прежде, чем проверять ее на людях, местные инженеры проведут все же надлежащие исчисления. Однако же не мог я в самом деле набросать, так сказать, на колене досточтимому приору схему примитивного лифта.

Наконец подъем был завершен, и мы оказались на верхней площадке донжона, венчавшего одну из окрестных скал. Семибашенный замок Рош ле Сьон виднелся на горизонте, еле различимый в смутной осенней дымке.

— Ваша честь, — подозрительно глядя на меня, обратился к приору ждавший нас на башне рыцарь, — прикажете начинать?

— Пожалуй, — кивнул де Леварье. — Солнца достаточно?

— Вполне.

— Тогда не будем терять времени.

Рыцарь поклонился и сделал знак ожидавшим его приказа орденским сержантам. Те сноровисто, по всему видать, не в первый раз, начали устанавливать на деревянном помосте диковинное сооружение, отдаленно напоминавшее огромное пугало со свисающими вниз руками.

Среди мощных каменных блоков донжона этот странный прибор выглядел хрупкой детской игрушкой, но самым чудным в нем были свисающие с широких плеч руки, увешанные большими металлическими пластинами, начищенными до блеска. Установив его, сержанты поспешили скрыться в деревянной будке, пристроенной к возведенному монстру. Спустя еще пару минут диковинный плод инженерной мысли конвульсивно задергался, имитируя, должно быть, утреннюю гимнастику огородного пугала. Где-то вдали, в стороне, противоположной Рош ле Сьон, в ответ блеснул какой-то лучик, потом еще, и опять исчез, и снова блеснул, повторяя движение нашей хитрой установки.

«Господи, — я прикусил губу, чтобы не расхохотаться, — да это же гелиограф! Конечно, как я сразу не сообразил? Все замки ордена находятся на скалах, на вершинах холмов, на склонах гор так, чтобы с самой высокой точки одного была видна самая высокая точка другого. Отсюда при помощи таких установок, почти как по телефону, можно связаться с любым, даже самым отдаленным командорством ордена. Мы дали сигнал, его повторили на следующей башне, и так далее, пока сообщение не дойдет до адресата».

— Он подает какие-то сигналы? — наивно поинтересовался я у мсье Сальватора.

— Что-то вроде того, — поощряя мою любознательность, кивнул храмовник. — Когда мы были в подземелье, в одно из наших хозяйств на берегу Северного моря доставили известия об интересующем вас человеке. Я пригласил вас, чтоб вы могли получить эту новость, как говорится, из первых рук. Сейчас мы подаем знак, что готовы к приему сообщения. — Приор повернулся, ожидая ответного сигнала.

Деревянный рукомашец застыл, закончив свою речь.

— Погодите немного, сейчас начнется, — произнес он, вглядываясь в горизонт. — Пошло сообщение. Так, две недели тому назад

девочку, похожую по описанию на ту, о которой мы говорили, видели в Гронингене. Ее продали купцу ван Киркену. Это известный торговец живым товаром, — пояснил мсье Сальватор. — Интересно, удалось ли выяснить, куда он предполагал отплывать? Обычно дома он не засиживается. Лишние траты на прокорм рабов, да и к тому же не ровен час нагрянут крепкие молодцы вроде вас в поисках родных и любимых, тут и голову сложишь, глазом моргнуть не успеешь. Значит, вероятно, в тех же днях он и вышел в море. А вот, что-то еще передают. — Он вновь начал вглядываться в проблески дальнего семафора. — Корабль «Шарлемань» направлялся на остров Костаматис в Средиземном море. Это примерно полсотни лье на юго-восток от южной оконечности побережья Сицилии, — пояснил он. — Я много слышал об этом милом острове, но ни разу ничего хорошего. Что ж, — он повернулся спиной к дальнему замку, — похоже, это все, чем я вам сегодня могу быть полезен. По поводу же Шверина не беспокойтесь, мы примем надлежащие меры, чтобы отвадить наглых самозванцев прикрываться именем нашего ордена.

«Уж в этом-то я как раз не сомневаюсь. — Я склонился в благодарном поклоне. — Не удивлюсь даже, если негодяи закончат жизнь на электрическом стуле».

— Сейчас же, Вальтер, — напутствовал меня де Леварье, — вам время отправляться в путь, до Костаматиса дорога неблизкая. Ежели «Шарлемань» еще не прошел Геркулесовы столбы, быть может, мне удастся убедить великого магистра задержать его. Но я бы на это не надеялся. Отправляйтесь в Марсель, там вы всегда найдете корабль, идущий в нужном вам направлении. Перед отплытием наведайтесь в наше тамошнее командорство, если ван Киркена удастся перехватить, в нем об этом будут знать. В добрый путь, Вальтер.

Неблизок путь из Лотарингии в Марсель. Через всю Францию, через множество владений сеньоров крупных и мелких, вниз по полноводной Роне, затем к Средиземному морю. Нам повезло больше, чем обычным путникам, пускающимся в подобное странствие. Благосклонность ордена Храма позволила нам путешествовать с максимальными удобствами.

— Вот, — сокрушался Лис в начале маршрута, вспоминая об убытках, понесенных при обналичивании ганзейского векселя, — богословы хреновы! «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему», а сами захапали десять процентов ни за чих собачий! И, поди, в ус себе не дуют.

Но время шло, и мнение моего друга о «бессовестных живодерах» постепенно менялось к лучшему. Благоустроенные дороги, охраняемые рыцарскими разъездами, аккуратные постоялые дворы,

расторопная прислуга, не задающая лишних вопросов, весьма благотворно влияли на настроение Венедина.

— Ладно, — вздохнул он на подъезде к Марселю, — в общем-то они мужики ничего, делом заняты. Хоть понятно, куда деньги идут. — Он мечтательно вздохнул. — Еще бы ввести здесь правила дорожного движения, покрасить сержантам их моргенштерны* в черно-белую полоску да с этими дубинами поставить по обочинам, это ж сколько монет срубить можно! Один только знак «Скорость для повозок не более пяти миль в час» в эпоху повальной безграмотности мог бы кормить десяток рыцарей. А сколько их можно развесить! Э-эх! — вздохнул он. — Взяться некому, а мне некогда.

И вот мы прибыли в Марсель. Сведения, полученные в командорстве храмовников, не то чтобы радовали, но все же несколько обнадеживали. «Шарлемань» благополучно преодолел Гибралтар и теперь направлялся в сторону Сицилии. Увы, непреклонно суровый великий магистр ордена запретил использовать боевые корабли с золотыми флагами, украшенными знаками терний и розы, для решения дел мирских, а значит, наш путь лежал на неведомый остров Костаматис.

Невзирая на позднюю осень, погода в Марселе была солнечная, а уж для нас, привыкших в ноябре к холодным дождям и снегу, и вовсе жаркая. Правда, выросший в Кордове Ансельм утверждал, что это совсем не так и что не стоит верить обманчиво теплым дням, за ними следуют холодные ночи, но и обещанные «морозы» заставляли северян лишь накидывать поверх кольчуг теплые дорожные плащи.

Итак, погода в эти дни держалась прекрасная, однако порт, обычно до отказа забитый приплывающими и отплывающими кораблями, был почти пуст. Несколько судов стояло у пирса, очевидно, только приступив к разгрузке, еще пара, накрепко пришвартованные к причальным тумбам, меняли потрепанные недавним штормом снасти, на горизонте у входа в порт маячили контуры боевых кораблей, охранявших морские подступы к городу от неожиданных гостей, — и все. Как будто и не являлся Марсель одной из главных морских баз Европы.

— Не понял, — пробормотал Лис, созерцая акваторию бухты. — Вроде бы самый сезон для крестоносного туризма, куда все подевались? Эй, приятель, — Венедин окликнул моряка, вышагивающего по пристани с задумчивым выражением на лице, — расскажи-ка, будь добр, что здесь происходит, куда подевались корабли?

Бравый мореход посмотрел на Лиса пристально, куда как пристальнее, чем глядят обычно на человека, задающего дежурный

---

* Моргенштерн — утренняя звезда (*нем.*); шипастая булава на длинном древке.

уличный вопрос вроде «Как пройти?» или «Который час?», и произнес с сильным северным акцентом:

— Они ушла Сицилия. Император наступать Святой земля. Хороший фрахт.

— Дьявольщина! — выругался мой друг. — Переться в такую даль, чтобы узнать о том, что весь флот ломанулся к старине Фрицу.

— Нам надо торопиться, — вздохнул я. — Если корабли ушли на Сицилию, значит, Фридрих вот-вот выйдет в море. А может, уже вышел.

— Вот спасибо, подсказал! — огрызнулся Лис. — Что я по этому поводу должен делать? Просить небеса, чтобы они вернули императора к точке старта? Считай, что уже прошу. Дальше что? Мы как, через море вплавь отправимся?

— Вы есть господин Лис Венедин? — неожиданно проговорил стоявший поблизости моряк. — Вы не узнавать меня? Мы видеться весна Новгород, вы продавать мне два когга.

— Господи, час от часу не легче, — пробормотал мой друг. — А, ну конечно, как я мог забыть! Впрочем, было темно. — Лис хлопнул себя ладонью по лбу. — Вы мне тогда сразу чем-то приглянулись. Помнится, я изрядно скинул вам в цене.

— О да! — закивал польщенный Лисовской памятью фризландец. — Корабли в то время быть очень дороги, я выгодно их продать.

— Ну а здесь какими судьбами, дружище? — Венедин радостно хлопнул старого знакомца по плечу.

— Я привезти сюда корабль. — Судовладелец повернулся, указывая на одно из суденышек, покачивающихся возле пирса. — Здесь брать вино, плыть Яффа, там уже ждать. Если вам плыть Святой земля, я идти через неделя.

Лис страдальчески вздохнул, отворачиваясь, чтобы как-то скрыть терзавшую его тоску-печаль. Через каких-то семь дней корабль фризского купца выходил в море, еще пара-тройка недель, и он уже швартовался в Яффе, оттуда же до камеры перехода не больше дня пути, конечно, ежели двигаться в хорошем темпе. Глядишь, Рождество вполне можно было встречать дома. Пока же для нас существовал один-единственный подарок от Санта Клауса, и нам предстояло найти его, под какой бы елкой он ни был спрятан.

— Увы, приятель, — опережая Лиса, ответил я, — мы держим путь на Сицилию к императору. Причем весьма спешим и потому ищем корабль, способный выйти в этом направлении буквально сегодня-завтра.

— Сицилия? — удивленно покачал головой фризландец. — О нет. Сицилия нет, уже никто не плыть. Я идти Святой земля, император тоже идти туда. Все остальные плыть другой сторона. Только

вон «Святой Женевьева». Ее шкипер возьмет на любой фрахт. Ее уже месяц не выходить из порта. Никто не знать почему.

Мы с Лисом переглянулись.

— А что, — невозмутимо произнес Лис, выискивая взглядом названный фризским мореходом корабль, — красивое название, мне нравится.

«Святая Женевьева» покачивалась у стенки пирса, всем своим видом наводя уныние на постороннего зрителя. Рожденные бороздить моря корабли отчего-то начинают выглядеть все тоскливее и тоскливее, стоит им лишь чуть дольше обычного простоять без дела. Брошенные с борта на берег сходни — три широкие доски, скрепленные прибитыми поперек узкими планками, — покачивались в такт судну, подозрительно поскрипывали, вовсе не маня ступить на них. Несколько матросов, обветренных и просоленных на всех ветрах, со скучающим видом ловили с борта мелкую рыбешку, привлеченную выброшенными за борт объедками.

— Эй, любезные! — крикнул я, подъезжая к кораблю. — Могу ли я видеть капитана?

Матросы перевели унылые взгляды с поплавков на нашу троицу и, очевидно, сочтя нас достойной компанией для их начальства, начали почти синхронно кивать головами.

— Мэтр Теодор! — наконец перестав изображать китайского болванчика, крикнул один из них. — Тут к вам пришли!

С кормовой надстройки послышались шаги, и спустя мгновение мы увидели перед собой невысокого плотного человека в довольно скромном одеянии, но в дорогом плаще с прекрасной золотой фибулой на плече.

— Я Теодор Марно, капитан этого судна, — отрекомендовался он, ступая на сходни. — С кем имею честь?

— Я Вальдар Камдил сьер де Камварон. Это шевалье Серж де л'Арсо д'Орбиньяк. А это наш друг Ансельм. Мы были бы весьма признательны вам, капитан, когда бы вы доставили нас на остров Костаматис, что близ Сицилии.

— Костаматис? — переспросил капитан. — Туда мало кто ходит, во всяком случае, из честных людей. Такое плавание вам бы недешево обошлось. Да только все это пустые разговоры. Начальник порта отчего-то вцепился в меня, как акула в русалочью задницу, так что, похоже, мне до самой весны придется торчать здесь. — Он сделал еще шаг по направлению к нам, и тут доска под его ногой хрустнула и переломилась пополам. — Дьявольщина! — возмущенно вскрикнул Марно, проваливаясь сквозь сходни и едва успевая рас-

ставить локти, чтобы не плюхнуться в воду. Я бросился на помощь незадачливому мореплавателю.

— *Капитан.* — Голос Лиса в моей голове звучал почти испуганно. — *Оставь этого магеллана в покое. Ты лучше прислушайся. Ничего не слышишь?*

Я последовал совету друга и прислушался. Где-то неподалеку раздавались негромкие завывания и стоны.

— *Не оглядывайся! Если оно нас узнает, тогда кранты! А то еще может дать деру. Лови его потом!*

— *Так может, оно и к лучшему?*

— *Куда там!* — вздохнул Лис. — *Это же Горе-злосчастье! Бегать оно будет — с собаками не догонишь, а отвязаться не отвяжется. Лучше давай по-быстрому сообразим, за что оно тут зацепилось?*

Капитан меж тем ухватился за протянутую мной руку и начал выползать из пролома. Он уже показался из него более чем наполовину, когда вдруг роскошный плащ его зацепился за торчащую из доски острую щепу, раздалось громкое «хрясь!», и широкая дыра уродливым зевом разошлась по бархатной поверхности.

— *Фибула!* — без тени сомнения в голосе констатировал Лис. — *Рубь за сто даю! Я вспомнил, при Калке я видел точно такую же.* — Он смолк и, помолчав немного, выдал куда как более радостным тоном: — *Вальдар, знаешь, мне кажется, я придумал, шо с этим делать. Ты давай договаривайся за все про все, а я, когда надо, подхвачу.*

— Скажите, мэтр Теодор, если мне удастся уговорить начальника порта выпустить вас, могу я рассчитывать на ваше судно?

— Дьявольщина! — вновь выругался хозяин «Святой Женевьевы». — Только б убраться из этой дыры! Вам-то, понятно, вряд ли под силу самим нанять весь корабль, ну да черт с ним, все равно лучше, чем здесь торчать. Только вам ни за что не удастся его уговорить.

— Это уж наша забота, милейший капитан, — вмешался Лис. — А о цене мы с вами поговорим, когда у нас на руках будет разрешение на выход в море для вашего судна. Вы мне пока другое скажите: вот эта штуковина у вас на плече, во сколько вы ее оцениваете?

— Вы хотите ее купить? — недоуменно поглядел на моего друга мсье Марно.

— Ни в коем случае! — замотал головой Лис. — Я хочу ее у вас одолжить, но так, чтобы потом не вернуть.

— В каком смысле?

— В смысле — не вернуть никогда. Я дам вам, пожалуй, пять золотых в залог, а вы мне эту фибулу.

— Так вы хотите ее у меня купить?

— Ничуть.

— Так как же тогда?

— О Господи! — возмутился Лис. — Я вам даю пять золотых, вы мне — фибулу. Но она остается вашей вещью, вы понимаете? Вашей! Я вам просто ее не верну.

— Деньги, наверно, фальшивые? — находя разумное объяснение словам моего напарника, радостно выпалил Марно.

— Настоящие. Более настоящих просто не бывает. — Лис развязал висевший у пояса кошель и достал золотую монету. — Если не верите, смотрите сами.

Капитан опасливо принял монету из рук Венедина, покрутил в пальцах, попробовал на зуб, вернул ее хозяину, взял очередную и проделал с ней те же операции.

— Вы намереваетесь дать мне деньги сразу в обмен на фибулу, — понижая голос почти до шепота, уточнил он.

— Да, черт возьми! Если хотите, даже раньше. Я отсыплю вам деньги, вы отстегиваете фибулу.

— А! По рукам! — Марно протянул широкую как лопата ладонь. — Вы мне сразу понравились, по всему видать, честный человек. Гоните сюда десять золотых монет, и фибула ваша.

— Кровосос, — мрачно в пространство констатировал Лис. — Ладно, получай золото, но заметь, фибула не моя, а по-прежнему твоя.

— Да уж как пожелаете, — алчно поблескивая глазками, согласился капитан, ощупывая монеты. — Моя так моя.

— Начинайте готовить корабль к отплытию. Остальное уже наша забота.

— Ну и что ты намереваешься делать? — спросил я, когда мы отошли от корабля.

— У меня на родине это именуется — дача взятки должностному лицу, — явно удовлетворенный сделкой, изрек Лис. — Вероятно, здесь это деяние именуется так же.

— Думаешь презентовать ему фибулу?

— Конечно, — довольно кивнул Лис. — И Горе-злосчастье в придачу. Наверняка наш знакомец и сам пытался дать господину начальнику порта на лапу, но не с его счастьем. А сейчас он там, мы здесь, а начальник порта... ну, в общем, если ты мне покажешь чиновника, не берущего взятки, я на свои средства построю ему памятник вроде того мужика, у которого корабли между ног шныряли.

— Гулливера?

— Нет. Колосса Родосского.

С официальными делами было покончено в течение считанных минут. Документ, разрешающий «Святой Женевьеве» выход в море, перешел в наше полное распоряжение. Золотая фибула и сопут-

ствующее ей Горе-злосчастье стали неделимой собственностью королевского чиновника.

— О друзья мои! — радостно встретил нас у пирса изрядно повеселевший с момента расставания мсье Теодор. — Вам удалось уломать эту чертову каналью?

— Я не понял, а шо, блин, были какие-то сомнения? — возмутился Лис.

— Нет! Нет, что вы! Вы приносите мне удачу. Стоило вам уйти, нашелся еще один фрахтовщик на старушку «Женевьеву». Это купец, он плывет на Сицилию. Я не стал ему говорить о Костаматисе, — он заговорщицки понизил голос, — честные люди туда не плавают. Но я понимаю, что вам очень надо на остров. Давайте ведите скорее на борт ваш чертов груз, с утренним бризом мы выходим в море.

— Скорей бы, — вздохнул Лис. — И вот что, господин Теодор, на вашем месте в ближайшее время я не стал бы возвращаться в этот порт.

Глава 23

Если вы уж всерьез решили с кем-то разделаться, ничто не мешает вам быть с ним вежливее.

Уинстон Черчилль

«Святая Женевьева» шла вперед, давая семь узлов, раскачиваясь из стороны в сторону на радостно-синих волнах. Немного, но принимая во внимание, что латинские паруса, красовавшиеся на всех трех ее мачтах, позволяли идти довольно круто к ветру, можно было смириться и с этим.

— Костаматис. — Мэтр Теодор, принявший на себя роль любезного хозяина, охотно снабжал нас разнообразной информацией о тонкостях плавания в средиземноморских водах и всех имевшихся в них же диковинах. — Вернее, по-итальянски, Коста Матеус, носит свое имя в честь апостола Матфея, проповедовавшего там слово Божье морским разбойникам.

— Погоди, — встрепенулся Лис, услышав знакомое имя. — Матфей, это тот, который был сборщиком податей?

— Он самый.

— А, ну тогда понятно. — Лис состроил возвышенное выражение лица. — Кому же, как не ему, знать нравы разбойников.

— Простите? — Набожный, как и все суеверные люди, мсье Теодор укоризненно посмотрел на моего напарника.

— Господин д'Орбиньяк хотел сказать, — толкая Лиса локтем в бок, произнес я, — что во времена римского владычества разбой в ливантийских землях был делом столь обычным, что человеку странствующему приходилось сталкиваться с подобными душегубами сплошь и рядом.

— А, понимаю, — закивал мсье Марно. — Так вот, с тех пор пиратов на острове нет. Там сидит князь Матео VII, который именует себя прямым потомком того самого евангелиста Матфея.

— Обычное дело, — кивнул я. — Знавал я один род, который происходил прямо от Адама. Причем от первого брака.

— Так что ж там — тишь да гладь? — удивленно спросил Лис. — Отчего ж тогда туда не плавают честные люди?

— Да нет. — Капитан вздохнул. — Со времен Матфея пиратства на этом острове нет, все больше работорговля. Князь снаряжает корабли, которые шныряют и здесь, и в Ионическом море, и в Эгейском, и за Геркулесовыми столбами. Пристанет такой корабль ночью у какого-нибудь небольшого городка или рыбачьего селения, а поутру, почитай, все его жители в цепях. Тех, кто получше, с собой забирают, остальных же убивают или отпускают за выкуп. С того княжество и живет. Сюда же везут пленников и из Европы, и с Востока, так что всякий, кому нужны красавицы для услужения или же сильные парни, во всякий день может приплыть да подобрать товар себе по вкусу. Да, впрочем, что я вам рассказываю, — пожал плечами Марно, — вы-то и сами, поди, все это знаете. — Он перевел заговорщицкий взгляд с Лиса на меня. — Иначе чего вас туда понесло?

— Послушайте, почтеннейший, — попытался возразить я, оскорбленный предположением шкипера о нашей принадлежности к работорговле. Но не договорил, замерев с открытым ртом.

Прямо к нам от кормовой надстройки шел мужчина, одетый в добротный плащ из фламандского сукна и шляпу с маленькими круглыми полями. Все в его облике выдавало человека, привыкшего к дальним странствиям и вполне вольготно чувствующего себя на покачивающемся из стороны в сторону суденышке.

Лис, удивленный напавшим на меня столбняком, быстро перевел глаза туда, куда был направлен мой взор.

— Ба! — Он широко распахнул объятия. — Какие люди! Глазам своим не верю, неужто это в самом деле дражайший Карл из Риббека? Вы таки привели к нам подмогу от господина фон Нагеля?

— А, — вмешался владелец «Святой Женевьевы», — это мой второй фрахтовщик. Я вам о нем говорил, он направляется на Сицилию.

— Господа! Господа! — Немецкий торговец, на ходу теряя свое величие, ринулся нам навстречу, по дороге рушась на колени и пытаясь обхватить руками одновременно мои и Лисовские ноги. — Вы живы! Я так рад! Так рад! О Господи, какое счастье, вы живы!!! Я так виноват перед вами... Я так счастлив — вы живы! — в экстатическом состоянии нервного припадка причитал он, старательно пытаясь оторвать нам по штанине.

— Да ладно, — растерянно попятился Лис. — Ты шо елозишь, на ноги-то встань, неча палубу коленями протирать.

— Эй, Ансельм! — крикнул я. — Кубок с водой сюда! Быстро!

— Не встану-у!!! — орал купец. — Я так виноват, так виноват перед вами! Мне нет прощения! Но это все они. Они! Они грозились убить меня, сжечь мой дом, они обещали пустить меня по миру...

— Да кто они-то?

Расторопный Ансельм, до того зубривший текст очередного заклинания таинственной венедской школы, не заставляя себя долго ждать, примчался с полным кубком воды. Купец выхватил чашу из рук Лисовского ученика, и зубы его зацокали о край кубка.

— О-о, — чуть отдышавшись, вновь простонал наш старый знакомый. — Это люди графа Шверинского. Я был вынужден повиноваться им. — Он вновь впал в истерику, грозя залить судно горючими слезами и пустить его на дно, совсем как некогда пожарные в нью-йоркском порту фешенебельный лайнер «Нормандия».

— Так, светило частной торговли. — Лис подхватил скорчившегося на палубе купца под мышки и рывком поставил на ноги. — Нука, не рыдай, шо Ярославна на валу! Сейчас ты будешь говорить спокойно и связно. Причем, отметь себе, чем правдивее будет твоя речь, тем длиннее будет жизнь.

— Да-да, конечно, — согласно закивал Карл, вновь прикладываясь к предусмотрительно протянутому Ансельмом кубку, — здесь-то я могу наконец сказать всю правду. Здесь-то они меня не достанут! — Он погрозил кулаком невидимым обидчикам куда-то в сторону давно уже скрывшегося из виду берега Южной Франции. — Господа, — купец посмотрел на нас с нескрываемой мольбой в глазах, — я был бы счастлив предложить вам немного выпить.

— Да, хорошая мысль, — оживился Лис. — У нас, кстати, есть бутылка весьма славного винчика. Ансельм, подсуетись там, организуй выпить-закусить, надо же в конце концов спрыснуть этакую встречу.

— О-о, господа, я так рад! Так рад...

Дальнейший разговор протекал уже без лишних свидетелей, зато в присутствии бутылки «Жигондаса». Впрочем, с постепенным убыванием ее содержимого.

— О, славное вино, — с видом знатока смакуя напиток, произнес риббекский купец, — настоящий темный рубин. А какой аромат, — он принюхался, — спелые ягоды, слива, вишня и, пожалуй, ежевика. Что еще? Специи, мята и совсем чуть-чуть старого дуба. Прекрасный вкус и замечательное послевкусие.

— Да, — кивнул я, — рекомендуется к дичи, красному мясу и плесневелым сырам. Это все мы и без тебя знаем. Ты нам лучше поведай, как было дело тогда под Херсирком.

— Да что за резон мне теперь скрывать, это старая история, — начал он. — Я когда-то служил кнехтом в отряде одного шверинского рыцаря...

— Как звали? — немедля спросил я.

— Юсташ фон Зеедорф.

Не знаю, врал ли рассказчик или же говорил правду, но это имя я слышал и прежде. Лично видеться с ним не приходилось, но, помнится, гарнизоном одной из шверинских крепостей командовал некий Юсташ фон Зеедорф.

— Я был тогда еще совсем молод, — вздохнул купец, — покинул родные места, искал счастья на чужбине.

— Ближе к делу, — прервал скорбное повествование Лис. — Тоже мне, слепой Гомер! Байки о родословных ваших местных вельмож мы уже слышали.

— Да, конечно, — вздохнул торговец, кидая на моего друга укоризненный взгляд. — Но я как раз говорю по делу. Господин рыцарь в то время приблизил меня к себе, намеревался даже сделать знаменщиком, но однажды, — он замолчал, словно что-то обдумывая, затем махнул рукой, — эту тайну я не раскрыл даже отцу, но теперь — какой в ней прок? Господин Юсташ дал мне немалую сумму золотом и отправил в Фризландию купить коней для своего отряда. Я хорошо разбираюсь в лошадях...

— Мы тоже, — оборвал его Лис. — Не отвлекайся.

— Я был совсем молод, у меня была с собой куча денег: рыцарь не поскупился дать мне средств к существованию в дальнем краю. Я остановился в хорошей гостинице, пустился в кутеж, играл в кости, пил дорогие вина, а когда опомнился, денег почти не осталось.

Я решил не возвращаться обратно. Господин Юсташ был так добр ко мне, а я обманул его. — Он хлюпнул носом.

— Еще короче и еще ближе к делу, — недовольно поторопил его Лис.

— С тех пор прошел не один год, я скитался, порой без гроша в кармане, много пережил. Наконец вернулся домой, унаследовал отцовскую лавку, стал почтенным человеком, и тут... Вы позволите еще

вина? — Лис молча плеснул из бутыли в кубок. — Благодарю вас, господин Венедин. — Карл залпом осушил кубок, забывая и о цвете, и о вкусе, и о послевкусии. — Так вот, незадолго до вашего появления, в лавку зашел один человек. Я сразу узнал его, хотя не видел очень давно. Это был старший сын Зеедорфа, и у него была моя расписка, та самая, согласно которой я получил деньги на проклятых фризландских коней. Я был готов вернуть ему все до гроттена, но он пообещал объявить меня вором и предателем, обещал велеть своим людям сжечь мой дом и погубить всю мою семью. Он говорил, что отряд его отца был уничтожен и сам господин Юсташ убит из-за отсутствия этих самых лошадей.

— Убит?! — вмешался в разговор я. — В прошлом году он, кажется, был жив и здравствовал.

— В самом деле? — пожал плечами наш риббекский проводник. — Я уже лет пятнадцать как носа не казал в Шверин. Почем мне знать? Я был очень напуган. Тогда сын моего бывшего хозяина потребовал помочь ему заманить вас в ловушку. Он не предполагал, что старый барон нападет на вас, и велел мне самому придумать, как завести вас на тот чертов постоялый двор под Штраумбергом. А тут как раз такое дело: на площади в Риббеке я услышал, что на вас напали, что командира вашего эскорта зовут фон Нагель, и помчался к вам навстречу. Дальнейшее вам известно.

— Но как же вы надеялись повернуть колонну, если б не было волков?

— Тс! — Карл из Риббека приложил указательный палец к губам. — Этот самый молодой фон Зеедорф — он маг. Он должен был придать мне черты того рыцаря, фон Нагеля, а его самого похитить или убить на привале в городе. А я уже должен был довершить остальное: сославшись на депешу фон Зальца отправить рыцарей назад, а самому с еще парой тевтонцев увести вас с имперской дороги в Штраумберг. Вот такие-то вот дела.

— Что ж, толково, толково, — кивнул я.

— Но вы-то, вы-то как спаслись? — переходя с минорного тона на мажорный, спросил купец.

— Да шо спасаться-то? — Лис толкнул меня под столом ногой. — Уж не знаю, шо там эти шверинцы такого хитрого удумали, но мы проторчали пару дней на постоялом дворе в ожидании тебя с фон Нагелем ну и двинулись дальше, не век же там торчать.

— Да-а? — удивленно протянул купец. — И они вас не тронули?

— Да нет, — покачал головой Лис. — Ехали себе и ехали. Жаль только, Ропшу не довезли, помер бедняга в пути. — Я кинул было на Венедина удивленный взгляд, но тот, упредив мои вопросы, не за-

медлил появиться с объяснениями на канале связи: — *Капитан, ты ему веришь?*

— *Ну-у...*

— *Вот и я «ну-у...»Поет он, конечно, складно, но мне все это кажется больно подозрительным. Все-таки где Риббек, где Марсель. Чего его сюда понесло? Давай-ка я ему запущу «дурочку», а ты мне при случае подпоешь.*

— Да, — вздохнул я. — Как приключилась с ним лихорадка под Штраумбергом, так до последнего часа и не отпустила беднягу.

— О, — вздохнул Карл, — какое горе. Это, вероятно, то самое зелье, что подмешали нам за ужином. Поверьте, это страшные люди, они не знают сострадания и милосердия. После того дня я потерял сон и покой. Если они решат, что я слишком много знаю об этом деле, они непременно захотят убить меня. Я продал все и решил перебраться на Сицилию. Моя семья прибудет вслед за мной, как только я куплю дом.

— *Вот здесь он прокололся,* — услышал я в голове ликующий голос напарника. — *О каком деле идет речь? Мы ни о чем ему не сообщали. А неудачную попытку перехватить нас в пути вряд ли можно именовать «делом», сплошное мельтешение. Он знает явно больше, чем пытается нам показать.*

— *Ты думаешь, именно он и есть маг?*

— *Не знаю, не знаю, но выбор невелик.* А мы, тьфу-тьфу-тьфу, слава Богу, до Трира добрались, теток сдали с рук на руки, получили свой куш... Но тут Вальтера нелегкая дернула. *Капитан,* — быстрой скороговоркой застучало у меня в голове, — *срочно соображай, за что тебя дернула нелегкая, а то я еще не придумал.*

— Да, — вздохнул я тяжко, — было тут дело. Случилось. В корчме.

— Ага, — тут же подхватил Лис. — Все из-за этой сарацинской собаки.

— *Какая еще собака?*

— *Какая, какая — сарацинская.*

— *И что у меня с ней было?*

— *Откуда я знаю? Ты же виноват, вот сам и соображай! Может, у тебя к ним генетическая ненависть.*

— Э... это был один мусульманин, который шел к императору с тайным поручением...

— Да-да, Вальтер потребовал от него выпить за здоровье Папы Римского, а тот почему-то отказался. А Вальтер о-о-ого-о. — Лис назидательно поднял вверх указательный палец. — Ты еще не видал, каким он бывает в буйстве. В Новгороде, когда против него выставили медведя, он несчастного зверюгу в клочья порвал. *Капитан, пока я тут несу пургу, придумай, шо было дальше с несчастным сарацином.*

— А, — отмахнулся я. — Зарубил я этого неверного. К чертовой матери.

— Вот-вот, — поддержал мои слова Лис, — в баранье рагу покрошил. Император нас сначала под замок посадил, а потом интерес его замучил: что ж за сведения этот тайный агент вез? Вот и премся за сто верст киселя хлебать, чтобы отвезти его гарему последнее «прости», ну и по дороге разузнать, в чем, собственно говоря, дело было. Такая вот история, дружище.

— Да-а, — протянул риббекский купец, — вот ведь как бывает. Но я, господа, вижу перст судьбы в нашей встрече.

— Та, — хмыкнул Лис, — об чем речь! Все десять перстов и еще кое-какие части тела.

— Быть может, мне на роду написано не расставаться с вами. Быть может, в этом и есть мой жребий. — Он смерил нас с Лисом выразительно-умильным взглядом. — Я так счастлив, господа, так счастлив!

— Да чуть шо, обращайся. — Венедин похлопал нашего собеседника по плечу. — Только сейчас у нас тут сиеста образовалась, так что давай твое счастье перенесем на вечер. Как говорят французы, аревуар.

— Конечно, господа, конечно, — поспешил откланяться Карл из Риббека. — Однако за мной угощение.

— Нас не запугать! — вслед вышедшему купцу бросил Лис. — Эй, Ансельм! Приготовь-ка свой рог. В смысле, не свой, а единорога.

Вечернее пиршество потрясло всех присутствующих на борту своим размахом. Нас же оно повергло в изумление тем, что скрытно всовываемый Ансельмом в вина и яства волшебный рог оставался девственно белым, как в те блаженные времена, когда он украшал лоб диковинного животного.

— Шо-то я ничего не понимаю, — возмущался Лис. — Он шо же, не пытается нас отравить?! Это шо же получается, мы потеряли всякий интерес для заказчиков?

— Слава Богу, — резонно возражал я. — Не хватало еще устраивать боевые действия посреди моря. Тебе что, одного Джон Пол Джонса недостаточно?

— Не, Пол Джонс Полом Джонсом, но все-таки обидно. Тут, понимаешь, изводишь Европу своим присутствием, а благодарные потерпевшие жлобятся потратить на тебя толику яда. Я, можно сказать, оскорблен в лучших чувствах!

Утренний завтрак рассеял хмурое настроение моего друга. Рог, опущенный Ансельмом в первый же соус, посерел, словно основ-

ным ингредиентом предложенного нам блюда была свежая дорожная пыль.

— Во, блин, как! — обрадованно хмыкнул Лис. — Не пожалел-таки старина Карл пару черепиц с отчего дома для подкупа местного кока. Ну шо, Вальдар, сходим на камбуз, проведем среди этого работника гром-харча* разъяснительную работу?

— Успеется, — прерывая радужные надежды Лиса, явно изнывающего от тоски в часы вынужденного безделья, ответил я. — Ты мне лучше скажи, отчего это вдруг рог стал не черным, а серым?

— Да мало ли! — пожал плечами мой друг. — Может, кок чуть-чуть нам натрусил, а остальное припрятал на случай борьбы с вредителями полей и огородов.

Я скептически скривился.

— Маловероятно. Скорее другое. Яд будет понемногу подсыпаться в пищу ежедневно и внешне даст симптомы какой-либо распространенной болезни.

— И шо ты предлагаешь по этому поводу?

— Добросовестно «проболеть» до самого острова. Правда, придется изрядно попоститься: хлеб, яйца, рыба, пойманная лично, птица, тобою, Лис, сбитая. Но в общем-то до острова не так уж и далеко.

— Да, фигня. Пол-локтя по карте. Каких-то пару недель в пути. Если вдруг штиль не случится.

— В противном случае, — вздохнул я, — нам придется выкинуть нашего доброго друга Карла за борт вместе со всеми его слугами. А их у него, заметь, полтора десятка. Иначе он придумает какую-либо очередную каверзу, поди гадай — какую? К тому же не забывай, вполне возможно, что почтенный купец, так сказать, на досуге подрабатывает магом.

— А может, и нет, — хмыкнул Лис. — Это ведь только наши предположения. Может, кроме мордобития, в смысле, отравления, и никаких чудес.

— Проверить бы, да вот только как?

— Ансельм! — Венедин повернулся к ученику, в полном молчании тренирующемуся вдавливать взглядом гвозди в корабельную переборку. — Заканчивай фигней страдать, сходи лучше прощупай старину Карла на наличие магической сущности.

— Но вы...

— Мне нельзя. Вдруг война, а я уставший.

— Но позвольте, о великий! — взмолился ученик. — Как же я смогу его прощупать? Ведь стоит мне начать вычерчивать защит-

---

* Гром-харч — *от укр.* Громадянське харчування — Общепит.

ный круг и пентаграмму на корабельной палубе, как матросы, эти самые суеверные из всех представителей людского племени, попросту выкинут меня за борт! А ежели я попробую проникнуть сквозь его магический щит, предварительно не обезопасив себя, он испепелит меня в единый миг. Ведь если действительно граф Шверинский послал против вас мага, то он наверняка весьма могущественен. Куда мне с ним тягаться?

— А если по-другому? Скажем, дырку в стене проделать? — вяло предложил я. — Он ведь как раз по соседству живет, благо, кают «первого класса» на этом лайнере всего лишь две.

— Это будет душераздирающее зрелище! Три великовозрастных идиота будут по очереди торчать кверху задницей, припав глазом к дырке в стене, шо прыщавые подростки у окна женской бани. — При этих словах моего друга Ансельм густо покраснел.

— А что, о великий, в Венедии есть женские бани?

— Там даже стиптиз-шоу есть. Но ты этого никогда не увидишь. Особенно если будешь меня перебивать.

Устрашенный ученик быстро захлопнул рот, боясь поинтересоваться, что есть стриптиз-шоу и как это может быть лучше женской бани.

— Так вот, — продолжал Лис, — мы, как три малахольных идиота, будем торчать у дырки в стене и ждать, а не колданет ли наш дружаня Карл, скажем, себе на ужин какую-нибудь каку с маком. А если он вообще дальше «колдуй, баба, колдуй, дед, колдуй, серенький медведь» в магии не продвинулся, тогда что?

— Что ты предлагаешь? — пожал плечами я.

— Э-эх! — вздохнул Лис. — Не ко времени я отпустил японского городового. А то б мы ему враз устроили тень отца Гамлета в брудному простелядли. Против него-то он наверняка что-нибудь попытался предпринять.

Перед моим внутренним взором вновь всплыла картина пылающего замка Херсирк и почтительный самурай, смиренно испрашивающий у счастливого от близости Татьяны Викулишны Лиса права на свободу... «У талисмана одиннадцать слуг, — всплыли вдруг в памяти слова прилежного Ансельма, сдающего зачет по истории Черного дракона Шихуань-ди. — И стоит ему отпустить одного, он сейчас же находит на его место другого».

— Херсирк, — произнес я, поворачиваясь к Лису.

— В каком смысле? — Венедин непонимающе уставился на меня.

— Попробуй искренне, от души, так же, как ты вызывал японского городового, вызвать барона Херсирка.

— Ты шо, таки успел приложиться к завтраку? — Лис покрутил пальцем у виска. — Вот только его здесь и не хватало для полного

счастья. После нашей последней встречи, боюсь, общение с ним будет начисто лишено приятствия.

— Лис, — радостно вскочил я с места, — ты не понял. В тот момент, когда Санада улетучился на свою Акинаву, я готов держать пари, Херсирк стал слугой талисмана. Стало быть, он будет послушен, как пограничная овчарка. А черный волк-оборотень, да еще, возможно, и светящийся, это же как раз то, что нам нужно для наведения на старину Карла такого ужаса, что без магической защиты ему не обойтись. Если, конечно, он ею владеет.

— И вот тут мы будем смотреть в дырочку! — подхватил Лис. — Особый эффект ожидается, ежели наш суженый действительно из Риббека. Вот его порадует явление покойного сюзерена! Короче, собака Баскервилей сдохнет от зависти!

Дальнейшее плавание в лексиконе разведслужб носило наименование «шпиль». То есть состояние, когда обе стороны уже догадываются о замыслах друг друга и стараются провести соперника на его же действиях. Днем мы исправно страдали, мучимые неведомой хворью, в полночь же прикладывались к едва заметной дырочке, проделанной в перегородке между каютами, и наблюдали явление черного волка-оборотня перед несчастным риббекским купцом.

В первую ночь, когда гонимый торговец, погруженный в записи, услышал за спиной злобное рычание и, повернувшись, увидел дюймах в десяти от своего лица оскаленную волчью пасть с капающей с клыков слюной, он отпрянул в ужасе, крутанулся на месте и... исчез.

— Что и требовалось доказать, — подытожил увиденное Лис. — Локальный пробой пространственно-временного континуума. Возможно, гиперпереход. Так себе, средней руки высшая магия.

Потрясенный Ансельм приложился к освободившейся щелочке.

— О великий, — тихо произнес он, — волк лег на пол и смотрит в одну точку. Стало быть, он чует исчезнувшую из виду добычу. Да будет позволено мне предположить, что сей маг никуда не перешел. Он просто завернул вокруг себя пространство.

— М-да? — пристально глядя на Ансельма, бросил Лис. — Возможно, ты прав. Мне и в голову не пришло такое банальное решение. Фи, что за пошлость! Где школа?! Какой-то дрянной примитивизм. Ладно, время позднее, пора ложиться спать. А Херсирка... на рассвете отзовем. Пусть пока посторожит.

Спал я вполглаза, поэтому время от времени слышал волчий рык из-за стены, вероятно, уставший от неподвижности маг пытался сменить позу или же попросту развернуть пространство, в котором он находился, словно бабочка в коконе. На следующее утро мы «изнывали от мучительных болей», еле двигались по палубе, выползая подышать морским воздухом; старина же Карл еще бодрился, пыта-

ясь изобразить условно здоровый вид. Следующая ночь почти доконала его: он вышел на палубу много после полудня, и воспаленные глаза его свидетельствовали, что ночное соседство по-прежнему не давало купцу ни минуты роздыха.

— Крепкий парень, — уважительно глядя в спину шверинского наймита, констатировал Лис. — Храброе сердце, железные нервы, да и в голове кое-что имеется. Право, жаль приводить в полную негодность такой-то экспонат здешнего паноптикума. А что делать, придется.

Пытка Херсирком продолжалась все плавание. Плюнув на удобства, несчастный риббекский купец перебрался на палубу, но и там, когда поблизости никого не было, его настигал огромный черный зверь. Он ложился спать после рассвета, но первое, что видел, открыв глаза, был волк, стоящий над ним с ощеренной пастью. Он падал на убогий тюфяк среди своих слуг и матросов, надеясь отдохнуть в их окружении, и вновь видел его, неразличимого для других. Оборотень исчез лишь тогда, когда почтенный мэтр Марно сообщил, что к исходу следующего дня на горизонте появится Костаматис. Несчастный купец проспал чуть менее суток, когда же наконец выбрался на палубу, застал нас уже вполне готовых к высадке.

— Как ваше здоровье, друзья мои? — поинтересовался он, глядя на наши цветущие физиономии.

— Прекрасно! — широко улыбнулся Лис.

— Благодарю вас, Карл, — поправил я, — много лучше. А ваше? Последнее время вас что-то не было видно.

— Я тоже занедужил, — вздохнул маг. — Но теперь все позади.

— Мне радостно это слышать. Весьма жаль, что теперь придется расстаться. Возможно, мы встретимся на Сицилии? Хотя, если выяснится, что император уже выступил в Святую землю, придется отложить нашу встречу до лучших времен. — Я развел руками. — Увы, превратности военной судьбы.

— Как? — изумленно посмотрев на меня, спросил торговец. — Разве вы не идете на Сицилию? Вы же говорили — сарацин...

— Вот и я говорю, — подхватил Лис, — ну что бы стоило этому неверному псу жить на Сицилии? А то тащись бог весть куда только потому, что ему вздумалось поселиться посреди моря!

— Ты забываешь! — гневно осадил я друга. — Он не просто поселился посреди моря, он был приближенным князя Матеуса VII, а этот вельможа куда как более щедрый и добродушный, чем наш обожаемый император Фридрих.

— Вальтер, — укоризненно посмотрел на меня Лис. — Из того, что князь Матеус друг твоего детства, еще не следует, что его светлость лучше государя-императора. Как ты можешь судить об этом?

— А те два года, которые я провел здесь после вынужденного бегства из Дании, разве не дают мне права именовать князя Матеуса самым приятным из встреченных мною доселе вельмож?

— Господа! Господа! — перебил наш спор риббекский купец, сознающий, что добыча ускользает из его рук. — Я понимаю, что после того распроклятого случая на постоялом дворе мне не должно просить у вас протекции, но, может быть, я все-таки мог бы надеяться, что вы по своей доброте замолвите за меня князю словечко. Быть может, мне и не стоит искать убежища в Сицилии? Может, здесь, на острове, я найду себе приют? Уж тут-то они меня не сыщут!

— Ну, это к Вальтеру, — поспешил парировать просьбу мага Венедин.

Я пожал плечами.

— Да в общем-то никаких проблем. Мы с ним все же хоть и дальние, но родственники. Покончим со своими делами, а там, на пиру...

— Ну, после той истории, конечно, Матеус закатит пир.

— Ты имеешь в виду тот случай в лесу? — подозрительно спросил я.

— Ах да! Еще и случай в лесу! — махнул рукой Лис. — Как я мог забыть? Ну, тогда тем паче.

— Значит, я могу надеяться? — воспрянул духом Карл.

— Не то слово! — обнадежил его Лис. — Я б на твоем месте уже собирал вещи и думал, шо буду дарить князю. Оно знаешь, корни у него северные, но ствол его генеалогической елки уже лет двести торчит в этой восточной местности. Так что, сам понимаешь, без богатых даров лучше не суетиться.

— Конечно-конечно. Я уже сейчас же дам надлежащие распоряжения.

— Простите, господин рыцарь, — начал Ансельм, когда Карл из Риббека отправился самолично подыскивать подарки для князя, — неужели он не подозревает, что именно мы натравили на него волка-оборотня?

— Наверняка подозревает. Однако он не подозревает, что мы подозреваем, что он подозревает, будто Венедин маг. Поэтому он старается вести себя как можно менее подозрительно и просит у нас помощи, как любой другой купец в его положении.

— А-а-а, — протянул Лисовский ученик. — И что же мы будем дальше делать?

— Для начала попросим Лиса договориться с капитаном, чтобы «Святая Женевьева» ждала нашего возвращения в гавани и не вздумала куда-нибудь уйти, пока мы не окажемся на ее борту. А потом... Там видно будет.

Глава 24

Здравствуй, князь ты мой прекрасный.

Царевна-Лебедь

Мощная каракка*, сторожившая вход в гавань острова Костаматис, с таким радушием встретила «Святую Женевьеву», что невольно казалось, будто эта скромница — частая гостья у здешних берегов. Остроглазый Лис торчал у фальшборта в позе гончей, готовой к броску, выискивая взглядом надпись «Шарлемань» на бортах стоявших в бухте кораблей.

— Блин, ну что за непруха, — бормотал он, провожая взглядом каждое новое изученное им судно. — Капитан, может, они еще не пришли? Может, их штормом куда занесло или там мачта сломалась?

— Возможно. Но я бы на это не надеялся. У них была фора не меньше недели. Думаю, они уже ушли. Но давай сначала разберемся, что к чему. Быть может, Алена здесь, на берегу. Если что, выкупим и дело с концом.

— Выкупим, — недовольно бурчал Лис. — А на какие шиши, позвольте спросить? Старина Фриц, конечно, большой души человек, но денег на подобную операцию он забыл отстегнуть.

— Не жадничай. У нас свои есть.

— Были, — горестно вздыхал Венедин. — Наш добрый мэтр Марно изъявил столько прыти и неподдельного желания идти помогать императору на Сицилию, что пришлось того...

— Что ты с ним сделал? — ужаснулся я, оглядываясь кругом в поисках бездыханного капитана.

— Я сделал? Это он сделал! В общем, пришлось купить у него каравеллу. Так что, господин совладелец судоходной компании «Лис, Камдил и компаньоны», финансовый итог проходящего дня, мягко говоря, неутешителен. Если девочка действительно здесь, то выкупить ее мы сможем разве что в кредит. Как ты думаешь, местный банк кредитными операциями занимается?

— Маловероятно, — вздохнул я.

— Ну шо ж, тогда пошли по базару, поищем кое-какого товару. Ежели найдем, что-нибудь да удумаем.

---

* Каракка — большое военное судно XIII—XVI вв.

* * *

Невольничий рынок острова Костаматис был огромен. Сотни покрытых выгоревшими шатрами помостов оглашались громогласными зазывалами, выкрикивающими заученный, а вероятнее всего, унаследованный от далеких предков текст: «Самые прекрасные девушки! Самые сильные мужчины! Самые... Самые... Самые...»

Никакого отношения к выставленному товару эти возгласы не имели, но так было заведено, а нарушать вековые традиции в здешних местах было не принято.

— А вот поглядите! — кричали то справа, то слева. — Только полюбуйтесь! — норовили ухватить за рукав юркие приказчики, стоило хоть на фут отклониться от центральной линии прохода. — Полюбуйтесь на наш товар, это бесплатно.

Сказать по правде, на этом рынке было чем, вернее, кем, полюбоваться. Глаза разбегались от обилия красавец всех мастей, но нам было не до них. Оставив Ансельма на судне, мы велели ему наблюдать за почтеннейшим риббекским купцом, ждущим нашего призыва на княжеский пир, и теперь двигались в разношерстой многоголосой толпе, где тюрбаны гордых почитателей Пророка преспокойно соседствовали с украшенными изящными образками шляпами французов и германцев, колпаками византийцев и разномастными шевелюрами аборигенов. Забыв религиозную рознь, вековую вражду и тому подобные глупости, опьяненные торговым азартом, все эти люди торговались, присматривались к товару, трясли в воздухе тугими кошельками, в общем, с толком проводили время.

— Интересуетесь? — очевидно, заметив наши с Лисом ищущие взгляды, буквально из-под ног возник смуглый сухощавый паренек в шароварах и распахнутой шитой жилетке на голое тело.

— Да, любезный. — Лис положил на плечо самозваного менеджера руку. — Нам нужен товар, привезенный сюда на днях кораблем «Шарлемань». Серебряная монета, если ты отведешь нас туда, где он может быть выставлен.

— Да-да, конечно, — радостно закивал тот. — «Шарлемань» был здесь всего три дня назад.

— Вот видишь, — повернулся ко мне Лис. — «Шарлемань» здесь был целых три дня тому назад!

— О да! Вчера утром ушел обратно.

— Проклятие! — Лис подтолкнул аборигена в спину. — Давай, приятель, веди скорее, у тебя есть реальная возможность сегодня хорошо заработать.

— Сей миг! — Наш добровольный гид повернулся на пятках и устремился сквозь толпу, бойко расталкивая людей локтями и переругиваясь с кем-то на ходу на весьма странной смеси, пожалуй, всех языков народов Средиземноморского бассейна.

Идти пришлось долго. Мы пробивались вслед быстроногому туземцу, когда дорогу нам пересек оборванного вида субъект, явно спешивший покинуть то место, на котором находился минуту тому назад. Он сделал финт влево, вправо, рванулся вперед и рухнул наземь, получив удар между лопаток короткой толстой дубиной со свинцовым шаром на конце. Сваливший его мужчина, по виду вовсе не похожий на местного жителя, отмахнул полу куртки из буйволовой кожи и, сунув за пояс свое страшное оружие, стал деловито шарить в обносках бродяги. Наконец он удовлетворенно кивнул и достал из них вышитый арабесками кошель.

— Что это было? — спросил я у проводника, призывно дергающего за рукав.

— Ничего интересного, воришку поймали. Видать, неместный. У нас с этим строго.

— И что с ним сделают?

— С кошельком? Отдадут хозяину. Десятая часть тайной страже, а все остальное — хозяину.

— Да нет, — перебил я его, — с воришкой.

— С ним-то? — Выражение лица парня недвусмысленно свидетельствовало о крайнем удивлении моему интересу. — Как водится: свяжут и выкинут в море к акулам. Здесь всегда так делают, — видя мое изумление, заметил он. — Очень справедливый закон.

Наконец наш путь подошел к концу. Провожатый остановился у богатого строения, покрытого алым персидским шелком, расшитым золотым орнаментом, возле которого, как, в общем, и везде, горланили островитяне, наперебой расхваливающие выставленный товар.

— С вас монета, — выпалил парень, останавливаясь перед шатром и протягивая руку.

— Держи. — Лис сунул в раскрытую ладонь денарий. — Но погоди исчезать, ты еще можешь понадобиться.

— Всегда к вашим услугам! — расплываясь в улыбке, гордо произнес расторопный юнец. — Хоть до самого Рождества! Один золотой до заката солнца.

— По рукам, — кивнул Лис, оглядывая помост с полуобнаженными невольницами, ласкающими глаз своими гладкими телами, умащенными драгоценными благовонными маслами. — Слушай-ка, дружище, как бы узнать, здесь все или кого-то оставили про запас, так сказать, для ценных клиентов?

— Сей миг! — бойко кивнул юноша. — Я переговорю с хозяином. Это Абдулла Сен-Джеймс, один из самых почтенных купцов на рынке.

— Кто? — переспросил я, услышав столь диковинное для английского уха имя.

— Отец его, Уильям Сен-Джеймс, был начальником княжеской кавалерии, а мать мавританка, здесь же купленная. Жениться он на ней, конечно же, не стал, но когда умирал, кое-какие деньги оставил. Теперь-то сын вон как развернулся, — завершил наш экскурсовод, с неподдельной гордостью указывая на богатый выбор товара. — Так что, спрашивать у хозяина?

— Давай, малый, поторопись, — напутствовал его Лис. — Отрабатывай свое золото.

Парень ужом бросился за помост, спеша выполнить данное ему поручение.

— Ну что, Капитан, — хмуро заметил Лис, когда мы остались одни в толпе покупателей, — Алены здесь нет.

— Сам вижу. Хочется верить, что с ней не случилось чего-нибудь непоправимого. — Мне очень не хотелось называть вещи своими именами, я словно боялся, что слово оглашенное призовет из ниоткуда того, чьим именем оно является. «Не буди Лихо, пока спит тихо», — говорил обычно Лис. Уже и не знаю, когда там оно спало, но после нашего знакомства будить его оч-чень не хотелось.

— А могло, — жестко заметил Лис. — Девочка-то с норовом.

Я гневно посмотрел на него, не в силах противопоставить ничего другого.

— Господа! — вынырнувший из-под чьей-то подмышки малец радостно вцепился в наши руки. — Сеньор Абдулла ждет вас. Он предлагает вам пройти к нему. Я уверил его, что вы достойные люди и, вероятно, хорошие покупатели.

— Это уж точно, — кивнул Лис, — был бы только товар.

Сеньор Абдулла Сен-Джеймс ожидал нас в шатре позади своего роскошного помоста. По всему было видно, что он не являлся плодом страстной любви, а посему природе пришлось немало потрудиться, мешая в единый коктейль худшие черты английской и ливантийской породы. Бесцветно-голубые глаза и светлые волосы уроженца Альбиона соседствовали у него с горбатым восточным носом и крупными губами выходца из Персии.

— Бача* сказал, что вы меня искали? — произнес работорговец, ставя на чеканное серебряное блюдо чашу с шербетом. — Зачем я

---

* Бача — мальчик (*перс.*).

вам понадобился? — откидываясь на подушки и меряя нас оценивающим взглядом, спросил он.

— Почтеннейший монсеньор Абдулла, — начал Лис, вплетая в речь льстивые восточные обороты, — мы счастливы, что именно к вам, человеку, известному своей мудростью и благородным нравом, привел нас Господь в поисках той, чьи безутешные родители...

— Скоро полдень, господа, — прервал его «благодетельный» Абдулла, — и я отправлюсь спать, так что говорите быстрее, что вам нужно.

— Мы ищем девочку, — вмешался я, — она прибыла к вам позавчера на корабле «Шарлемань».

— Позавчера было много кораблей и много девочек. Как я могу упомнить всех?

— Все нам не нужны, только одна. Быть может, это освежит вашу память? — Лис достал из-за пояса кошель с десятком золотых монет.

— Жарко, господа, — пожаловался англоперс, — очевидно, солнце напекло ваши головы. Мои красавицы стоят не менее ста золотых монет каждая. Почему вы думаете, что за несколько жалких солидов я стану портить отношения с теми, кто поставляет мне столь превосходный товар. Если вы не видели ту, которую ищете, на помосте, стало быть, ее здесь нет. А была ли она, кто знает? — Он развел руками.

— И все же постарайтесь вспомнить, — снова заговорил я. — Это невысокая стройная девушка лет четырнадцати со светлыми волосами, с большими серыми глазами, очень приятной улыбкой и небольшой ямочкой на подбородке. У нее овальное, чуть заостренное книзу лицо, гордая осанка...

— Гордая осанка? — с ухмылкой на толстых губах повторил хозяин торжища. — Здесь не бывает таких.

— Вспомните получше, — с едва скрываемой угрозой произнес я. Не знаю, услышал ли эту угрозу торговец живым товаром, но, посмотрев на меня вскользь, он кинул небрежно:

— Назовите мне хотя бы одну причину, по которой я должен утруждать себя, вспоминая какую-то девчонку четырнадцати лет.

— Причину? — переспросил я, переходя с итальянского на английский. — Пожалуйста. Не так часто к вам заходят ближайшие родственники со стороны отца. Не так часто они просят вас о пустячной услуге, чтобы им в ней отказывать.

— Вы мой родственник? — со смешанным чувством недоумения и интереса в голосе спросил «монсеньор» Абдулла, тоже переходя на английский.

— Вне всякого сомнения, — отрезал я. — Вы сын английского рыцаря Сен-Джеймса, носившего имя, — я сделал небольшую пау-

зу, — Уильям. Меня же зовут Уолтер Сен-Джеймс. И я ваш двоюродный брат.

— Вы мой брат? — с интересом повторил работорговец. — Забавно. Чем вы можете подтвердить свои слова?

— Пожалуйста, — склонил голову я. — Есть у вас какие-либо вещи, помеченные родовым гербом Сен-Джеймсов?

— Есть. — Торговец запустил руку под подушку, на которой сидел, и извлек из-под нее плоскую шкатулку для хартий, украшенную гербовым щитом.

— Слушайте, — бросил я, отворачиваясь, чтобы не видеть ларца. — В золотом поле червленый лев с черным вооружением. На верхней лапе у него серебряный обрывок цепи и секира с черным обухом и червленым топорищем в нижней. История сего герба такова: в годы войны Стефана и Матильды, при осаде крепости Орчвик наш славный предок был взят в плен, однако ему удалось освободиться, убив стражника и, невзирая на многие раны, открыть ворота крепости. Вот о чем непреложно свидетельствуют эмблемы нашего герба.

Купец смотрел на меня ошарашенно. Похоже, ему и в голову не приходило, что эта раскрашенная картинка может что-то означать.

— Вы мой брат, — произнес он, еще раз окидывая меня удивленным взглядом. — Вот бы никогда не подумал. Ну что ж, мой долг помогать родственникам. В конце концов в основе всех моих богатств лежат золотые старого Билла Сен-Джеймса. — Монсеньор Абдулла открыл вытащенную шкатулку и начал рыться в записях. — Была такая. Альенор из Штраумберга. Хотя, вероятнее всего, она не Альенор и не из Штраумберга. Скорее какая-то славянская боярышня. Ее купили вчера...

— Кто? — возопили мы, едва не снося своим криком легкий шелковый шатер.

— Мы никогда не знаем имен покупателей. Они хранятся у смотрителя рынка. Но без указа князя он не назовет имена покупателей. Таков закон. Я же вам могу сказать лишь, что это была седьмая сделка за вчерашнее утро, причем от третьей до двенадцатой покупки совершал один человек. Это был евнух, судя по одежде и выговору, вероятнее всего, из Сирии.

— Быть может, ты знаешь корабль, на котором он приплыл? — бросил я, хватаясь за наименование корабля, как за соломинку.

— Нам это и подавно неизвестно, — покачал головой мой «кузен». — Об этом может знать смотритель порта. Но он тоже слова не скажет без веления князя. Пожалуй, это все, чем я могу вам помочь, дорогой мой братец.

Мы не стали оставаться у подобревшего вдруг Абдуллы на обед и, невзирая на полуденный зной, поспешили продолжить наше расследование.

— Ну, Капитан, я потрясен! — хмыкнул Лис, вышагивая за нашим проводником. — «Я не знал, что у меня есть огромная семья»... Огласи, пожалуйста, весь список твоих родственников, проживающих на этом веселеньком острове.

— Отстань! — отмахнулся я. — Самому противно, спасу нет.

— Не, но с Сен-Джеймсом ты это здорово сделал. Откуда ты, кстати, все про него знаешь?

— Это сейчас история герба, так сказать, его толкование, семейный секрет, а у нас — бери геральдический справочник и читай. Сен-Джеймсы род древний, о них много написано. Я даже этого Уильяма вспомнил, если что, могу еще песен напеть. Вот только тошно...

— Да-да, я помню, лианы твоих родословных джунглей переплетаются с самыми знатными родовыми кактусами мира и его окрестностей. Поведай-ка мне лучше, о твоя сиятельная светлость, с высот своего величества, как далеко простираются наши дальнейшие планы?

— Ну, к смотрителю рынка идти смысла не имеет, — начал я.

— Резонно, — заметил Венедин. — А уж если там все дневные сделки регистрируются, то и подавно смысла нет, в очереди не протолкаешься.

— Надо идти прямо к князю. В конце концов у нас имеется императорская грамота, дающая весьма широкие полномочия.

— Да, только не забывай, что теоретически невеста принца Людвига малой скоростью движется в Святую землю. Стало быть, распространяться о том, что мы ищем княжну Алену Мстиславишну, особо не рекомендуется.

— Мы ищем вздорную девчонку Альенор из Штраумберга, которая чем-то приглянулась императору. Насколько я понимаю, поставщики императорского гарема здесь весьма частые гости.

— Хорошо, поставщики поставщиками, но сам князь, как я помню, не является вассалом Фрица. Как же ты планируешь к нему попасть?

— Быть может, при помощи вновь вскрывшегося родства. Эй, малый! Давно умер мой любимый дядя Билли?

— Семь лет тому назад, монсеньор.

— А давно ли правит князь?

— Да уж лет десять.

— Ну что ж, — я улыбнулся, — пожалуй, явление Уолтера Сен-Джеймса с тайным известием его вполне может заинтересовать.

* * *

Остров Костаматис находился в той части Средиземного моря, которую без особого преувеличения можно было назвать райской. Солнечная погода держалась здесь почти круглый год, и бурная растительность, отчасти, видимо, коренная, отчасти завезенная из Рима, Эллады и благословенного Леванта, радуя глаз, покрывала всю поверхность острова, не занятую человеком для своих корыстных нужд.

Но даже там, где рука непоседливого хомо сапиенса оставила образцы своего мастерства, благоуханное зеленое буйство спешило приспособить творения архитектурного гения в качестве подставок и подпорок для молодой яркоцветной поросли. Не исключением из этого правила был и княжеский дворец, воздвигнутый на скале, подобно афинскому Парфенону, но теперь из-за обилия вьющихся растений с красно-золотыми цветами, змеями, взбирающимися вверх по белоснежным дорическим колоннам и свисающими яркими гирляндами с их мраморных капителей он более напоминал затерянный в индийских джунглях дворец из «Маугли».

Впрочем, вместо хвостатых бандерлогов, снующих взад и вперед по лианам, у ворот княжеского дворца нас встречали темнокожие атлеты в легких одеяниях, отдаленно напоминавших римские туники, но при этом в византийских шлемах-колпаках. Вооружены они были кривыми восточными мечами, заткнутыми за широкие золототканые кушаки, и бамбуковыми пиками. Заметив посетителей, островитяне, разморенные жарой, оживились и с чувством важности исполняемого ритуала скрестили свои удочки-переростки.

— Их светлость не принимает! — громогласно объявил один из стражников.

Я едва смерил бдительного цербера презрительным взглядом.

— Вызови начальника стражи, болван! Да побыстрее!

Я не большой любитель величать людей болванами без особой на то причины, и уж, во всяком случае, до личного знакомства. Но, увы, иная манера разговора с блюстителями княжеского покоя была чревата долгими невнятными объяснениями, на которые не было ни времени, ни сил. При таком стиле общения все сразу же становилось на свои места: коль уж человек подходит к стражнику и рявкает на него, заявляя, что он болван, да еще при этом требует начальника стражи, стало быть, такой человек имеет непреложное право именовать стражников болванами и требовать вызова аж самого... страшно сказать кого.

Реакция караульного на мои слова была стремительна и вполне адекватна. Он выхватил из-за витого кушака серебряный свисток и

издал пронзительную трель, вызывая искомого офицера. Тот не заставил себя долго ждать. Он примчался во главе еще десятка античных молодцев с пиками и, увидев нас, немедля гордо подбоченился, начиная беседу:

— Кто такие?

— Извольте стать, как подобает, — сквозь зубы процедил я, грозно сдвигая брови. — Я Уолтер Сен-Джеймс, и у меня срочное секретное послание к его светлости князю Матеусу, — я достал из сумы и потряс перед носом обалдевшего начальника караула мандатом с императорской печатью Фридриха. — Дело не терпит отлагательства! Поспеши доложить своему государю о нашем прибытии. Да не задерживайся по дороге, если не желаешь завтра заступить на пост вместо этих идиотов.

В голове грозного представителя младшего командного состава что-то громко перещелкнуло, и в глазах появился смутный проблеск осмысленности.

— Непременно, ваша честь! — выпалил он, спеша выполнить требуемое от него действие. — Сию минуту! Эй! — прикрикнул он на одного из своих солдат. — Проводи господ в бирюзовую залу. Да погляди, чтобы их угостили с дороги. А-а... Этот? — Начальник стражи ткнул пальцем в нашего проводника.

— Пойдет с нами! — резко кинул я.

— Да-да, конечно, — закивал головой неусыпный страж и тут же напустился на своего подчиненного. — Ну что стоишь, скотина?! Сказано было — отвести господ! Марш-марш!

Бирюзовая зала, куда привел нас стражник, именовалась так вовсе не из-за окраски стен, а из-за самой что ни на есть настоящей бирюзы, покрывавшей их тонко подобранными голубовато-зелеными панелями. Свет, проникавший через ажурные переплеты сложноарочных восточных окон, вырисовывал на этой поверхности загадочные орнаменты, напоминавшие мавританскую вязь.

— Хорошо он тут устроился, — оценивая богатство обстановки, констатировал Лис. — Чувствуется, что многотрудное дело коктейлизации общества приносит неслабые дивиденды.

Аромат цветов, казавшихся издали новогодней гирляндой, сладкий до умопомрачения, проникал во все щелочки залы, мешая дышать и дурманя голову.

— Не продохнуть, — пробормотал я.

— Во-во, — поддержал меня Лис. — Дерьмеца бы сюда совсем не помешало. Но это мы им быстро организуем, ежели они не ответят четко и однозначно, какая падла Алену прикупила.

Он, вероятно, хотел еще что-то сказать, но золоченые, в полтора человеческих роста двери, покрытые снизу доверху завитками

сплетающихся арабесок, распахнулись, и долгобородый мужчина в алом парчовом киладе*, опоясанном витым золотым шнурком, склонив покрытую алой же чалмой голову, произнес:

— Прошу следовать за мной, господа. Его светлость князь Матеус ждет вас.

— Господи, как они тут дышат, — едва слышно пробурчал я, следуя за нашим провожатым, разящим таким мощным благовонием, что все увивавшие дворцовые колонны цветы должны были увянуть от огорчения и досады, не в силах перебить эту чертову благовонь.

Князь и, по всему видать, его ближний двор ожидали «императорских посланцев», возлежа на низких, собранных из планок красного и черного дерева диванах в окружении рекламных представительниц здешнего бизнеса в миниатюрных одеяниях из полупрозрачного муслина. Бассейн посреди выложенной розовым мрамором залы наполнял помещение сладостной прохладой, а бивший в нем фонтан своим мелодичным журчанием навевал мысли спокойные и, я бы даже сказал, лирические.

— Вам следует преклонить колени перед князем, — на ухо прошептал наш бородатый проводник.

— А пыль под его тапками целовать не надо? — расслышав требования местного этикета, ласково осведомился Лис. — Так перетопчется. Тут люди императора пришли, а не хрен с бугра! Вальдар, передай-ка их светлости наш мандат. А то он, похоже, не совсем понял, кто к нему пришел. Заметь, — процедил он, — я пока говорю — пришел, а не вторгся.

Я преклонил перед князем одно колено, и Венедин нехотя последовал моему примеру. Выслушав зачитанный краснокафтанником мандат, князь благосклонно кивнул, повелевая гостям встать, и наконец отверз свои августейшие уста:

— Мне доложили, что вы, сударь, носите имя Уолтер Сен-Джеймс. Здесь же говорится о некоем Вальтере фон Ингваринген.

— Мой отец Ингвар Сен-Джеймс, брат вашего покорного слуги Уильяма Сен-Джеймса, покинул Британию после поражения короля Генриха II. Однако же в отличие от брата он не отправился в Святую землю, а нашел убежище во владениях Империи.

Князь Матеус кивнул, удовлетворенный услышанным объяснением.

— Хорошо, и что же просит у меня мой брат Фридрих?

— Тамбовский волк тебе брат, скотина надушенная, — склоняясь в поклоне, провозгласил Лис на своем «венедском» наречии.

---

* Килад — восточная одежда, прообраз халата.

— Что он говорит? — глядя на нашего провожатого, исполнявшего, видимо, при дворе роль толмача, поинтересовался брат «тамбовского волка». Вряд ли тому доводилось когда-либо слышать родной язык моего друга — до его возникновения оставалась еще не одна сотня лет. Я поспешил ответить на вопрос его светлости, дабы не конфузить почтенного переводчика.

— Мой спутник, происходящий из далекой Венедской земли, говорит, что вы своим великолепием и грозной мощью затмеваете всех вельмож, ранее им виданных. — На губах Матеуса появилась довольная улыбка.

— Так о чем хотел просить меня Фридрих?

— Его величество ищет девочку, некую Альенор из Штраумберга. Она была продана два дня тому назад в ваших владениях.

— Какая жалость! — лениво играя кудрями одной из девяностопроцентно обнаженных красавиц, промолвил владетель Костаматиса. — Увы, я ничем не могу помочь моему другу Фридриху. Разве отослать ему в подарок какую-нибудь другую. Или, скажем, десяток. А хочешь, забирай всех этих. Погляди, разве они не хороши?

— Вкус вашей светлости не знает равных в подлунном мире. — Я склонился в благодарном поклоне. — Но по какой-то странной прихоти его величеству нужна именно Альенор.

— Смешно. Прежде мой друг Фридрих никогда не был так привередлив. Скажите, мой милый Сен-Джеймс, чем, к примеру, эта девушка хуже той? Все они одинаковы.

— И все же, — вновь натаивал я, — такова воля государя. Я бы просил вас приказать смотрителям рынка и порта сообщить нам, кто и откуда приобрел ее и на каком корабле она была вывезена с острова.

— Вот еще! — хмыкнул «потомок апостола Матфея». — Еще прадед моего прадеда издал указ, запрещающий разглашать тайну нового обиталища тех, кто покидает мои владения. Так что я ничем не могу помочь императору. Но я обязательно подарю ему дюжину-другую красоток, чтоб в их объятиях он забыл об этой злосчастной девчонке. Ну что, — князь запустил руку под прозрачную занавесочку, прикрывающую грудь прекрасной одалиски, возлежащей у него на коленях, — поедешь на Сицилию к моему другу Фридриху? — и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Вы только посмотрите, какая прелестница! Она очень украсит имперский гарем. Ступайте и передайте его величеству мои сожаления и пожелания крепкого здоровья. Я не в силах ему помочь.

Однако я не хочу, чтобы племянник моего доброго Сен-Джеймса покидал эти гостеприимные земли опечаленным. Когда-то ваш дядя учил меня управляться с конем. В память о старике Уильяме я выполню любое ваше желание, ежели, конечно, это будет в моих силах.

— *Капитан, дай мне пас,* — умоляющим тоном произнес Лис на канале связи. — *Я хочу долбануть по этим воротам, пока есть чем долбить.*

— Счастье видеть столь достойного владыку уже само по себе есть награда, — поклонился я. — Мне не о чем вас просить, но мой друг...

— *У меня к нему тайное дело. Всех пусть гонит на фиг.*

— *А ты на него бросаться не будешь?*

— *Нет.*

— *Точно?*

— *Обещаю.*

— ...У моего друга есть к вам дело, о котором он хотел бы поговорить с вами наедине.

— Это большая тайна, — поспешил вставить Лис. — И она может быть для вас весьма полезна.

Князь Матеус обвел собравшихся в зале ленивым взглядом и скомандовал:

— Все прочь! Эй! — кивнул он переводчику. — Вызови стражу, пусть на всякий случай будет наготове. Ну и что за тайна? — пытливо глядя на Венедина, спросил князь, когда мы остались одни, не считая, разумеется, стражи и толмача.

— С нами на корабле, — заговорщицким тоном начал мой друг, — плывет один очень богатый купец. Оч-чень богатый.

— И что с того?

— Он входит в правление Ганзейского союза, — негромко добавил Лис, — и у него там, ясное дело, есть могущественные враги. Не всем в Ганзейском союзе нравится... ну, вы сами понимаете.

— Вы хотите продать мне его? — догадываясь о коварстве далекого северного гостя, улыбнулся Матеус.

— О нет! — взмахнул руками Лис. — Что вы! Но мы бы были очень вам благодарны, и нам бы были очень благодарны, если бы, скажем, этот почтенный купец погостил у вас до той поры, пока его родня не привезет вам достойный выкуп. А сумму выкупа вы можете назначить сами, поглядев на богатство его даров, ежели пригласите этого купца на ужин во дворец.

— Хорошо, — змеисто улыбнулся владетель Костаматиса. — Я пошлю за ним. Как называется корабль?

— «Святая Женевьева», ваше высочество, — склонился в поклоне Лис.

— Так, теперь главное — не столкнуться по дороге со стариком Карлом. Попросим, пожалуй, мальчишку показать нам красоты острова. А жаль! Очень хочется посмотреть, какие подарки наш «риббекский беженец» колданет для знакомства с князем.

— Что ты задумал, Лис? — поинтересовался я.

— Я задумал тут устроить такое шоу с цветомузыкой и спецэффектами, чтобы последний день Помпеи им показался рядовым учением по гражданской обороне. Надеюсь, Карл, когда его начнут хватать, не откажется нам в этом помочь. Думаю, утром, по результату полного консенсуса сторон, переговоры продолжать будет куда как сподручнее. Если, конечно, найдем с кем.

Перед заходом солнца, когда мы вернулись на «Святую Женевьеву», Ансельм встретил нас у трапа, явно изводясь от тщетного ожидания.

— О великий! Он ушел вместе со своими людьми. Его вызвали из дворца.

— Да, я знаю, — небрежно кивнул Венедин, поднимаясь на борт. — Эй, капитан! Почтеннейший господин Манро, вели выбирать якорь и ставить паруса. Мы выходим в море.

— Но-о, господин купец... — начал было шкипер.

— Он останется здесь. К тому же это мой корабль или нет?! — гневно осведомился мой напарник.

— Ваш, мсье, — склонился мэтр Теодор.

— Так вот, мы выходим из гавани и становимся на траверзе княжеского дворца, эдак кабельтовых в пяти от берега.

— Но ветер...

— Я знаю и без вас, что вечером ветер дует с моря на сушу, но это ваша забота. Извольте выполнять мой приказ.

Спустя часа два «Святая Женевьева» уже находилась на указанной Лисом позиции, и грозный Венедин, едва не приплясывая от нетерпения у фальшборта, бормотал, вглядываясь в ярко освещенный княжеский дворец:

— Ну шо они там тянут, блин?! Сколько можно?! Тут все уже, блин, готово. Пора начинать!

Словно повинуясь этому высокому указанию, дворец явственно вздрогнул, и одна из поддерживающих двускатную кровлю колонн переломилась пополам, точно сухая былинка.

— О! — удовлетворенно глядя на картину начинающегося разрушения, изрек Лис. — Пошла рубаха рваться!

Между тем из дворца один за другим вырывались золотистые шары молний, хищно ударил в ночное небо ярко-красный язык пламени и заплясал по цветущим гирляндам бешеный танец огненных саламандр. Ревущий смерч, едва не сорвав наш корабль с якорей, поднялся вдруг из воды и с нарастающим гулом направился к дворцовой скале.

— Хорошо пошел, — удовлетворенно констатировал Лис. — Жаль, здесь вулкана нет.

— Это ты уж как-то слишком, — попытался я урезонить друга.

— Ну ладно, уговорил, — снисходительно махнул рукой Венедин. — Хотя с потоками лавы был бы эффектнее.

Ансельм почтительно глядел на «о великого». Похоже, половину того, что сейчас происходило во дворце, все более обращавшемся в руины, он принимал за дело рук своего учителя. Уж во всяком случае, смерч — так точно. Между тем небо над скалой освещалось все новыми разрывами шаровых молний и заревом бушевавшего пожара.

— Ты знаешь, — тоном высокого ценителя сказал мой друг, — судя по оттенкам молний, мне кажется, у Матеуса тоже есть маг.

— Тебя это удивляет? — хмуро бросил я, созерцая картину разрушения архитектурного шедевра.

— Нет. Радует, — жестко отрезал Лис. — Я их... — Мне не удалось расслышать продолжения фразы. Дворцовая крыша, не имея больше возможности держаться на уцелевших колоннах, поехала в сторону и с невероятным грохотом рухнула вниз, вздымая вверх мириады огненных искр. — Вот теперь хорошо. — Лис отвернулся от догорающих развалин. — Мэтр Марно, на рассвете мы возвращаемся в гавань.

Стражи у чудом уцелевших дворцовых ворот не было. Толпа аборигенов суетилась вокруг дымящихся обломков, норовя вытянуть из развалин золотой шандал, кусочки бирюзы, а то и попросту неповрежденный оконный переплет. Среди мародеров порой встречались бросившие оружие стражники, прелестные одалиски с закопченными телами под обрывками муслина, торговцы, забывшие на время о своем нелегком промысле. Но самым желанным для нас был человек в алом парчовом киладе с длинной курчавой бородой. Во время ночной баталии он где-то потерял чалму и теперь наравне с остальными рылся в руинах, надеясь компенсировать эту тяжелую утрату.

— Эй! — Лис, подойдя сзади к согбенной фигуре царедворца, кольнул его кинжалом пониже спины. — Воздвигнись, разговор есть.

Долгобородый резко выпрямился и, увидев нас, испуганно прикрыл рот рукой.

— Узнал? Это хорошо, значит, и мы не ошиблись. — Венедин ласково положил вооруженную руку на плечо таким образом, что острый кончик кинжала фон Зальца уперся во впадину под подбородком. — Послушай, дружище, ваш, надеюсь, покойный князь вчера затруднился ответить на наш вполне, казалось бы, простой вопрос, и у него тут же случилась неприятность. Надеюсь, звезды не предсказывали тебе в самый кратчайший срок последовать за сюзереном?

— Нет, — едва слышно прохрипел приближенный князя Матеуса.

— Вот и славно, — кивнул Лис. — Тогда будь добр, помоги нам с нашим делом, а мы, в свою очередь, поможем тебе с твоим. Я так понимаю, — продолжал он, — у вас на острове произошло небольшое пресечение династии, так сказать, правящий домик рухнул. Но не беда, другой построите. На днях мы будем у императора, он умеет ценить преданных людей. Так что бросай копаться в мусоре, и давай начнем процесс возведения тебя на престол. Понимаешь, о чем я говорю?

Толмач кивнул, едва не напоровшись горлом на кинжал, по-прежнему приставленный под подбородком.

— Осторожнее, друг мой, и давай скорее покинем это ужасное место.

Что и говорить, когда хотел, Лис мог быть очень убедительным.

Спустя три часа «Святая Женевьева» покинула остров и, подняв паруса, легла на курс ост, направляясь в сторону Триполи. Именно здесь, в прилегавших к христианскому бастиону землях, могли отыскаться следы Алены Мстиславишны, увезенной с Костаматиса посланником грозного Алаэддина, потомка Старца Горы Хасана ибн Саббаха, державшего в страхе весь Восток и большую часть Европы.

Глава 25

Если вы испытываете недостаток во всем, кроме врагов, значит, вы на войне.

Закон Мерфи для военных действий

«Святая Женевьева» резво разрезала волну, продолжая наш грозный натиск на восток. Потянулись новые дни бесплодного ожидания, казавшиеся бесконечно долгими из-за вынужденного безделья. Лис то и дело взбирался на мачту, надеясь с марса* разглядеть на горизонте склоненные вперед мачты заветного самбука**. Но, увы, кроме отбившихся от основного каравана судов эскадры императора Фридриха, направлявшихся в Святую землю, нам не встречалось ничего. Разметанные в начале пути штормом, они на свой страх и риск добирались до конечной точки, надеясь там примкнуть к основным силам грозного монарха. Мы двигались все дальше и дальше, и наши надежды перехватить быстроходное судно исмаилитов таяли как дым.

---

* Марс — смотровая площадка на мачте.

** Самбук — быстроходное арабское судно с косыми парусами.

— А время-то идет, — раздраженно бормотал Венедин, спускаясь на палубу, когда закатное солнце стремительно обрушивалось в темневшие на глазах воды Средиземного моря. — Того и гляди Фридрих до Иерусалима добежит.

Я хмуро молчал, понимая, что встретить посреди моря быстроходный самбук нам позволит только чудо. Особо занятым казался только Ансельм. К его неописуемой радости, среди трофеев, доставшихся нам от риббекского купца, обнаружился пухлый фолиант под витиеватым названием «Искусство пустой руки, или же Золотой пояс магистров», начатый Карлом фон Зеедорфом мая первого дня 1209 года. К превеликому сожалению последующих исследователей, труд был еще и, увы, уже незавершен, но если не считать двух десятков чистых листов в конце книги, остальная ее часть, куда более объемистая, была исписана четким бисерным почерком, изрисована кабаллограммами и схемами, изображавшими человека, вписанного в круг и усеянного астрологическими символами.

— Недурно, недурно, — покровительственно кивнул головой Лис, перелистывая рукопись и убеждаясь, что, кроме названия, не в силах уразуметь ни единой строки. — Весьма поучительная брошюра для начинающих. Займись-ка на досуге. — Он протянул книгу своему ученику, и тот, вдохновенный высокой оценкой наставника, поспешил углубиться в фундаментальный труд покойного мастера.

Теперь он часами просиживал в каюте, делая пассы руками и бормоча что-то себе под нос. Он пробовал заниматься этим и на палубе, но после того, как по его повелению та начала стремительно обрастать волосами...

— Прекрати это безобразие! — заорал на него Венедин, едва не срываясь с мачты. — Ты что это себе позволяешь! — Словно повинуясь его крику, молодая поросль у ног практиканта исчезла без остатка. — Ну и что это было? — Лис, спустившись на палубу, опасливо подошел к Ансельму, как будто ожидая очередного приступа магического зуда у своего подопечного. — Что еще за средство для ращения волос изобрел несчастный Зеедорф?

— Я, — виновато начал без пяти минут бакалавр, — хотел создать своего двойника, так сказать, точное подобие...

— О! — восхитился Венедин. — И для этого ты выбрал деревянный настил? Оно, конечно, да, материал, близкий по структуре к оригиналу, но, друг мой, пора отказаться от этих дедовских технологий! Ты же не папа Карло, чтобы мальчиков из бревен извлекать. Дубли надо ваять на генетическом уровне. Ты спираль ДНК себе представляешь?

— Нет, — завороженно глядя на высокомудрого учителя, сознался Ансельм.

— Н-да, трудно нам с тобой придется. Ладно, учи пока, так сказать, традицию, серьезными вещами займемся, когда плотно освоишь азы. Но только чтоб никаких экспериментов на палубе! И никаких природных катаклизмов. Знаю я вас, школяров, чуть научитесь ураганы вызывать, тут же норовите соседские огороды снести.

Пристыженный горе-экспериментатор вновь вернулся в каюту и теперь лишь изредка появлялся оттуда вдохнуть свежего воздуха. Не знаю, насколько уж скрупулезно придерживался он Лисовского требования не трогать силы природы, но возникший близ Крита восточный ветер исправно следовал за нами до самого порта Триполи, наполняя паруса каравеллы.

Всегда отрадно после недель, проведенных на шаткой палубе каравеллы, ощутить под ногами земную твердь, отрадно посвятить неделю-другую утонченному безделью, созерцанию пестрой толпы и пространным рассказам о тревогах и опасностях, поджидавших нас на пути... но на все это катастрофически не было времени.

Бесцеремонно сбагрив на шумном трипольском базаре товары шверинского лжекупца и получив там информацию, что совсем недавно отсюда в Сирию ушел небольшой караван с русскими мехами, кордовскими кожами и тонкими французскими винами для Старца Горы, мы поспешили покинуть христианское княжество и направиться в Вади-эль-Джан — Долину Демонов, где в горной цитадели свил свое гадючье гнездо еще неведомый нам Алаэддин. Впрочем, похоже, кроме нас, никто не жаждал свести с ним знакомство.

Видя нашу спешку, медоточивый мсье Марно заверил господ судовладельцев, что прекраснейшим образом подождет их возвращения здесь, в порту, что все страхи, рассказываемые о Долине Демонов, не более чем пустые слухи и детские сказки и что он сам знает не менее дюжины тех, кто побывал в Вади-эль-Джане и преспокойно вернулся обратно.

— Какая-то неделя пути туда, неделя обратно, — утверждал шкипер, — ну, скажем, еще неделя в гостях у Алаэддина, так что, считай, со всеми неурядицами, через месяц мы сможем пуститься в обратный путь. Лично я не вижу никакого резона для себя вновь покупать у вас корабль.

— Хорошо, — радостно заверил его Лис, расплываясь в той самой улыбке, которая, подобно появлению «Летучего голландца» и огням святого Эльма, предвещала скоропостижные бедствия. — Значит, так, я, как хозяин каравеллы, приказываю вам вывести корабль из порта и, прорубив днище, возвращаться обратно на шлюпках.

— Но тогда «Женевьева» пойдет ко дну, — удивленно пробормотал хитроумный моряк.

— Да что вы говорите! Какое ценное наблюдение, — всплеснул руками Лис. — А я-то думал, что же с ней в этом случае произойдет? Так вот, мой дорогой мэтр Теодор, моя каравелла, хочу — плаваю, хочу — топлю. Не желаешь ее у меня покупать — не надо, останешься без корабля. Таким образом, у вас есть два выхода: либо идти со мной, либо сидеть здесь и дожидаться весны, пока корабли пойдут обратно в Европу. Однако вряд ли после такой зимовки у вас останется десяток-другой монет, чтобы купить себе рыбачий гакбот. Но воля ваша.

«Святая Женевьева» была продана нами ее прежнему владельцу, к немалому расстройству Лиса, с удержанием десяти монет за «амортизацию». Все же, если прибавить к этим деньгам золото, полученное после реализации товара покойного Карла из Риббека, у нас на руках оказалась сумма, вполне достаточная и для дальнейшего путешествия в Сирию, и, возможно, для выкупа хорошенькой простолюдинки, дочери кабатчика Альенор. Теперь нас ожидал путь, на котором знойная пустыня, полная свихнувшихся египетских кобр и перегревшихся на солнце скорпионов, была самой невинной частью ожидаемых проблем.

В тот день мы несколько часов кряду уходили от невесть откуда взявшегося отряда конников, который изо всех сил норовил навязать нам тесное знакомство. Легконогие арабчаки, несшие на спинах коренных обитателей сирийской пустыни, пожалуй, превосходили в скорости наших коней, так что нам приходилось постоянно менять направление движения, петляя среди каменистых холмов, покрытых чудом уцелевшей выжженной солнцем травой, и отстреливаясь на ходу.

Неизвестно, чем бы закончилась эта проклятая гонка, когда бы, пытаясь укрыться в обрывистой балке, очевидно, бывшей некогда руслом протекавшей здесь реки, мы не влетели в заросли экзотического местного растения, именуемого юккой. Терновник наших широт и кактусы мексиканских равнин — нежные оранжерейные растения по сравнению с этим исчадием шайтана. Достигающее порой человеческого роста, с широкими мечеобразными листьями, весьма твердыми и острыми по краю, как битое стекло, заканчивающимися прочнейшей иглой, они представляли достойную альтернативу схватке с полусотней головорезов.

Конечно, доспех хотя бы отчасти мог защитить нас от неприятностей, связанных с прорубанием вдоль этого русла, но его надо было еще достать и надеть. А это само по себе представляло немалую сложность, тем более учитывая, что даже сквозь кожаный мешок железо раскалилось до такой степени, что, казалось, еще немного, и на нем можно будет жарить яичницу. И все же мы пробивались сквозь колючие заросли, раздирая в клочья одежду, превраща-

ясь постепенно в сплошное кровавое месиво, и раздвигаемые щитами заросли треклятой юкки вновь смыкались за нашими спинами, любезно предлагая преследователям повторить только что проделанный беглецами маневр.

К нашей радости, желающих не нашлось. По всей видимости, пустынная таможня просто не подозревала, сколько золота находится в переметной суме на спине Лисовского андалузца. В противном случае, вероятнее всего, заросли были бы просто вырублены под корень, невзирая на все трудности этого предприятия.

Лишь к ночи мы выбрались из «укрытия». Покружив вокруг места исчезновения беглецов, всадники несолоно хлебавши убрались в одну им ведомую пещеру Али-Бабы, мы же поползли искать место для ночлега, где бы можно было без особого риска разложить костерок и зализать раны.

Аллах, видимо, в темноте не разглядевший, с кем имеет дело, вскоре сжалился над измученными путниками и в награду за дневные терзания послал нам вполне удобный грот, некогда выбитый срывавшимся вниз водяным потоком в толще песчаника. Кряхтя и охая, мы заползли в этот Богом посланный приют, завели туда коней и, едва оказав друг другу первую помощь, завалились спать, договорившись менять караул через каждые три часа, вернее, за время, достаточное для того, чтобы неспешно досчитать до одиннадцати тысяч.

— Вставай, Капитан, — тряс меня за плечо Лис, дежуривший последним. — Утро красит нежным цветом. Пора в дорогу.

Он был, несомненно, прав. Чтобы пройти как можно больше, выступать надо, едва лишь на востоке появлялся раскаленно-алый солнечный диск. Он был, несомненно, прав, но сил подняться не было никаких. Я открыл глаза, вдыхая утренний холод, чтобы скорее прийти в себя.

— Вода у нас есть?

— Да, — отозвался Лис, — немного. Я поставил ночью в яме водосборник, но на день пути этого не хватит. А уж лошадям-то и подавно. Надо поискать какой-нибудь оазис. Где-то здесь караванная тропа, значит, должна быть и вода.

— Верно, — кивнул я, с трудом поднимаясь на ноги. Лицо и руки, разодранные вчера, нестерпимо саднили, голова кружилась и зверски хотелось пить. Но тех жалких капель, что собрал за ночь мой друг в навощенную выделанную баранью шкуру, должно было едва хватить, чтобы пережить очередной день, экономя на каждом глотке. — Ансельма буди, — скомандовал я, чуть смачивая водой губы.

— Да ладно, пусть ребенок поспит еще пять минут, — махнул рукой Лис. — Давай лучше решим, что делать будем.

— Если вчера мы не слишком сбились с пути, то впереди, милях в тридцати, должен быть оазис. Вероятнее всего, караван делает там остановку. Это русло приведет нас прямо к цели. Надо попытаться за день дойти.

— Надо попытаться.

Мы с Лисом были довольно опытными путешественниками и, уж конечно, понимали, что пускаться в такое предприятие без знающего проводника — затея абсолютно сумасшедшая. Но ни в Триполи, ни в сирийских караван-сараях ни за какие деньги не нашлось храбреца, решившегося вести нас сквозь безжизненные скалы к Долине Демонов. Последний нанятый нами проводник, старый, высушенный солнцем бедуин, довел троицу «неверных безумцев» до очередного оазиса на полпути к Вади-эль-Джан и, ткнув пальцем в направлении, куда нам следовало идти дальше, сообщил, что сам шайтан не заставит его продолжать путь. Дальше мы двинулись одни, и все тот же шайтан был не в силах остановить нас.

— Будем надеяться, — прислушиваясь, продолжил я, — что встреч, подобных вчерашней, больше не предвидится.

— Хорошо бы, — согласился мой друг. — Второго такого рывка кони не выдержат, а мы не переживем.

Я продолжал прислушиваться: где-то вдали визгливо подвывал шакал, нервно вскрикивала, встречая солнце, какая-то пичуга, но был в этой утренней тишине еще один едва различимый звук — не то отдаленный скрип, не то шорох движущегося песка.

— Лис, — тихо скомандовал я, — давай-ка незаметно взгляни, как там дела наверху, а я сейчас растолкаю Ансельма и присоединюсь к тебе.

Подъем Лисовского ученика не затянулся. Быстро привыкший к тяготам странствий, юноша, едва заслышав шаги, подскочил на жесткой лежанке и, морщась от боли, начал укладывать свою походную «постель».

— Там! — в наше убежище ворвался Лис, явно потрясенный увиденным наверху. — Там такое!

— Какое? — всполошился я, немедля хватаясь за меч.

— Там ниндзя на верблюдах!!!

— Кто?! — переспросил я.

— Пошли, сам увидишь, — призывно махнул мне рукой Венедин. — Тем более шо прятаться нечего. Они нас, блин, еще ночью срисовали. По дыму, что ли?

Крикнув Ансельму приготовиться к схватке, я последовал за другом. Забыв о полученных вчера ссадинах и царапинах, мы выступили на свет из пещерной тьмы, готовясь принять, может, последний в своей жизни бой. Я впереди с «Отцом вдов» в руках, перекрывая

подход, Лис за моей спиной со своим ростовым луком, надеясь за оставшиеся жалкие секунды подстрелить хоть двух-трех особо буйных для окончательного успокоения его души на Небесах.

Увидев наш боевой порядок, незнакомцы спокойно, словно в замедленной съемке, подняли маленькие тугие луки и, не говоря ни слова, не произнося ни звука, начали накладывать на тетиву короткие камышовые стрелы.

— Капитан, — услышал я позади голос Лиса, — поведай мне, пока не поздно, хоть кто это такие?

Любознательность моего друга была явлением скорее нервным, чем вызванным вдруг проснувшейся любовью к этнографии народов Востока. Я смерил взглядом противников, облаченных в длинные черные одеяния, с лицами, закутанными в черные же бурнусы, на насмешливо улыбчивых дромадерах, переминавшихся с ноги на ногу с тем самым услышанным мной звуком. Невзирая на явное, да что там, на подавляющее численное превосходство, они, казалось, вовсе не торопились пускать в ход оружие, по виду вполне смертоносное.

— Это друзы, — трагическим шепотом пояснил я, — такое себе ответвление от общего исламского ствола.

— Да-а? И чем эта ветка для нас лучше, чем любая другая?

— А Бог его знает, — честно сознался я, поводя мечом из стороны в сторону. — Они какие-то жутко законспирированные. Помню только, что они очень не любят исмаилитов.

— Отрадно. Может, попытаешься им объяснить, что мы с ними тоже, как бы это так выразиться... — Как выразиться, Лис не нашел. Вернее, он выразился, но уже совсем на другую тему, поскольку в этот миг на голову ему шлепнулась изрядных размеров сельдь и, свалившись наземь, начала ожесточенно бить хвостом по стылому камню. Еще пара селедок упала передо мной, затем перед удивленно переглянувшимися верблюдами, а спустя полминуты настоящий сельдяной ливень обрушился на пустыню, словно кто-то в небесах подхватил в норвежских водах ни в чем не повинный рыболовецкий траулер и теперь старательно вытряхивал его содержимое на головы присутствующих.

— Чудо! — подняв очи в гору и немедля получая хвостом по бурнусу, прокричал один из друзов, вероятно, старший. — Знамение!

— Ансельм, прекрати немедля! — прячась под каменные своды, завопил Лис. — Ты что, сдурел?! Нас же сейчас рыбой завалит!

О боевых действиях было забыто начисто. Гордые дети пустыни, видевшие прежде рыбу разве что по великим праздникам, да и то в уже приготовленном виде, спешившись, собирали драгоценный подарок Аллаха, набирая его полные покрывала и явно не зная, что с ней делать дальше.

— Я только хотел, — оправдывался юноша, — вызвать град.

— Неуч! Ты что, слово «град» от слова «сельдь» отличить не можешь? — снимая нервное напряжение, возмущался Лис.

— О великий, — сокрушался его ученик, — я делал все по книге!

— Не ругай его, — вступился я за Ансельма, — очевидно, заклятие выдернуло где-нибудь на севере айсберг, чтобы превратить его в градины, ну и в придачу проплывавший мимо косяк сельди.

— А град тогда где? — не унимался Лис.

— Видать, по дороге испарился, — развел руками я.

Не знаю уж, как там уготованный для градобития айсберг, но распря растаяла без следа, и мы во главе груженного рыбой друзского обоза тронулись в путь к тому самому заветному оазису, где ждали нас вода и сытный ужин.

Вечером, утомленные дневным переходом и обильным ужином, обитатели зеленого островка в пустыне собрались в круг возле пылающего на каменной плите костра выслушать поучения стариков.

— Долг гостеприимства — одна из первейших заповедей друза, — воздевая ладони к небесам, говорил убеленный сединами глава общины, гостями которой мы были. — Лишь кровожадные ассасины, не знающие ни сострадания, ни чести, ни милосердия, лишены куска от нашей еды и места в наших сердцах. Никогда ни один друз не поднимет оружие против человека, покуда он действием своим не докажет, что черная злоба, подобно кобре, свила гнездо в его душе. — Мы с Лисом украдкой переглянулись, безмолвно благодаря Ансельма за его рыбный дождь, не давший продемонстрировать, какие ползучие гады скрывались порой в наших высокоблагородных сердцах. — Мы верим в то, во что верим, — продолжал мудрейший, — и нам нет дела до того, во что веруют другие, пока вера их чиста и рука не сеет смерть. Но страшный зверь таится в логове в землях наших отцов и дедов. Из грязной норы его во все края расползается ядовитое зловонное дыхание. Можем ли мы удивляться, что находятся смельчаки, готовые отсечь голову гнусной гадине? Можем ли мы отказать в помощи этим смельчакам? Нет! Иначе переполнится чаша терпения земных владык, и полчища, сметая все на своем пути, потекут через наши земли, чтобы сокрушить твердыню Долины Демонов.

— Твоя работа? — тихо поинтересовался Лис. — Экий митинг старикан развернул! Вся власть — Советам, фабрики — фабрикантам, дитям — мороженое, бабе — цветы.

— Да я-то всего и сказал, что ежели Алаэддин откажется отдавать нам Алену за выкуп, от силы через месяц здесь будет императорская армия.

* * *

Тонкий серебристый месяц кривой восточной саблей грозил правоверным с непроглядно-черных небес. Наши сопровождающие, едва различимые во тьме в своих черных же балахонах, в полном молчании мчались справа и слева вокруг нас, безмолвно указывая путь к вратам Долины Демонов.

— Вон за тем утесом, — вытянул руку вперед старший из наездников, — вход в ущелье, которое еще называют Кувшинным. Там очень узкая тропа меж скал, такая, что по ней, едва не касаясь каменных стен, может пройти всадник. Она упирается в башню более десяти человеческих ростов высотой. Иных путей в долину нет, разве что попытаться перевалить через горы. Но там капканы и каменные ловушки — любой неосторожный шаг вызывает лавину, к тому же склоны охраняют тысячи гашишимов, готовых не моргнув глазом отдать жизнь за правителя.

— Спасибо, ты нас очень утешил, — скривился Лис. — А какие-нибудь слабые места у этой хренотени есть?

Друз непонимающе уставился на моего друга.

— Ну, там, забытая тропа? Подземный ход?

— Нам о том ничего неведомо.

— А караван? Вы видели караван? — вмешался в разговор я.

— Сегодня днем наши разведчики видели его около этих мест. Но не решились атаковать — слишком сильная охрана, — пояснил он. — Более сотни верховых.

— Были ли там девушки?

— В этих караванах всегда есть девушки. Но мы не видели их. Лишь несколько паланкинов, в которых обычно путешествуют вельможи или же нежные прелестницы. Возможно, там была и та, которую вы ищете.

Немногословный проводник склонил голову, давая понять, что сообщил все, что знал.

— Спасибо вам, друзья, — кивнул я благодарно, — вы очень нас выручили.

— Да будет с вами Эль Хаким Беамрихи и пророк его Гамза. — С этими словами он развернул верблюда, остальные воины последовали его примеру, и спустя считанные мгновения весь отряд исчез из виду, словно его здесь никогда и не было.

— Ну хорошо, — Лис смерил взглядом громаду горного хребта, — вот мы и здесь. Шо дальше делать будем?

Я искренне пожал плечами.

— Ломиться через этот самый «кувшин» к воротам — дело малоперспективное. Думаю, следует затаиться и выждать, когда кто-либо

попытается войти в долину или же, наоборот, выйти из нее. Без «языка» здесь явно не обойтись.

— И сколько же мы будем тут ждать? — хмыкнул Лис.

— Надеюсь, недолго. Слишком большая агентурная сеть управляется из этого центра, стало быть, нужна регулярная связь.

— Пст! — раздалось позади нас, и мы резко повернулись, ожидая неведомой каверзы от здешних камней. — Эй! — заговорщицким тоном позвал некто, неразличимый среди безжизненных глыб. — Эти ушли?

— Не понял, — пробормотал мой напарник, пристально вглядываясь туда, откуда слышался голос. — Это я так перегрелся или здесь валуны имеют обыкновение болтать после заката?

— Эх-хе-хе, — раздалось из каменной толщи огорченное кряхтение. — Но эти точно ушли?

— Вне всякого сомнения.

— Тогда я появляюсь.

Словно по мановению волшебной палочки прямо посреди массивной каменной глыбы возникли два ярких, словно масляные плошки, глаза. Наши кони, возмущенно фыркая, попятились, а Лисовский андалузец, импульсивный, как и его хозяин, немедля встал на дыбы, как бы демонстрируя негодование по поводу невесть откуда взявшегося глазастого булыжника.

— Вы ведь Лис Венедин? — шевеля базальтовыми выступами, произнес наш неведомый собеседник. — А вы, стало быть, Вальтер фон Ингваринген.

— Да-а.

— Ну вот и отлично! — обрадовался горный отрог. — Я вас тут уже давно поджидаю. Очень хорошо, что мне вас так подробно описали.

— Кто описал-то?

— А почему вы нас ждете?

Два наших вопроса слились в один.

— Двоюродный брат моей любимой жены, — охотно ответил разговорчивый обломок скальной породы, — сообщил, что вы спасли жизнь их дорогой прабабушки. Он очень просил помочь вам. Ибо дело, которое вы затеяли, едва ли под силу даже такому великому магу, как вы, о несравненный Лис Венедин, и такому славному рыцарю, как вы, господин Вальтер. Я уже не говорю о безбородом мальчишке, который норовит спрятаться за вашей спиной.

— Он не норовит спрятаться! — вступился я за юного Ансельма. — Он прикрывает наш тыл.

— Ну, это как вам будет угодно, — снисходительно хмыкнул камень. — А сейчас, господа, если вы, конечно, пожелаете, я открою

вам путь сквозь эти горы. Путь, неведомый никому, кроме жителей Подземного мира.

Стоит ли говорить, что упрашивать нас глазастому доброжелателю не пришлось.

— Ну, стало быть, пошли, — прерывая поток наших благодарностей, изрек он, заскрипел, потягиваясь, выпрямился в полный рост и оказался на пару голов выше нас, сидящих в седлах. — Вон дорога. — Житель Подгорной страны вытянул массивную каменную руку в сторону, указывая путь. Мы повернули головы туда, куда была направлена его мощная длань, и застыли с открытыми ртами. Там, где минуту назад красовалась мрачная, почти отвесная скала, теперь вполне отчетливо виднелся ярко освещенный вход в пещеру. Даже не в пещеру, а в искусно сработанный туннель.

— Ох, как бы это не тролль был, — шепотом произнес Лис, искоса поглядывая на невесть откуда взявшегося проводника. — Ща сунемся в эту дыру, «сезам» захлопнется, и поминай, как нас звали.

Как ни тихо говорил мой друг, слух базальтового великана позволил ему не только расслышать, но и, что самое удивительное, понять слова Венедина.

— Ох-ха-ха-ха! — рассмеялся он, и наши кони опять занервничали, пытаясь оказаться подальше от чересчур мощного источника звука. — Какой же я тролль, я Каменный дэв. И в родстве с обитателями ваших холмов. Ну что, идем, могучие пехлеваны*, или утра ждать будем?

Мы не стали ждать утра.

— А правда, что вы на каком-то острове тролля в камень обратили?

— Было дело, — сознался Лис, следовавший за дэвом.

— А мага Кеукче у Трех скал с неба наземь сбросили тоже вы?

— И тут без нас не обошлось.

— Ну а прабабку моей жены в Санкт-Йоханесбурге из клетки с крестами освободили да домой отпустили...

— И это наша работа.

— Ай молодцы! — покачал головой дэв. — Прямо, жаль таких смельчаков на верную гибель вести.

— Ну, это еще бабушка надвое сказала, — возмутился Венедин.

— Да ты погоди-то ерепениться, — добродушно прервал его каменный хозяин чертога. — Храбрость храбростью, а иногда и головой думать надо. Просил меня мой родственничек помочь вам сквозь горные кручи пройти — отчего ж не помочь, для меня это услуга плевая. А вот от меня вам будет два подарка, поскольку дело ваше правое, да силы неравные. Вот это, — остановившись, он извлек от-

* Пехлеван — богатырь.

куда-то, едва ли не из собственного бока, небольшой предмет, напоминающий не то крупную пудреницу, не то плоский объектив фотоаппарата, — это глаз василиска. Чудовища, высиженного жабой из петушиного яйца. Только не вздумай сам в него смотреть! Кто посмотрит, враз окаменеет. А это, — в другой руке гиганта, словно из ниоткуда возник небольшой, не больше кошеля, мешочек, — прах птицы феникса. Стоит лишь щепотке его упасть на окаменевшее существо, и оно вновь обретет жизнь. Берите и ступайте. Когда все слуги и воины Алаэддина станут каменными, вам не составит труда найти вашу пропажу и вернуть ей жизнь. — Он еще раз посмотрел на нас, словно прощаясь, и добавил: — Коней можете оставить тут, за ними присмотрят. Когда они вам понадобятся, можете не сомневаться, вы немедленно найдете их целыми и здоровыми. А теперь ступайте. Отвалите вон тот камень и вылезайте, вы уже в Долине Демонов.

Не знаю, уж кому в голову пришло величать место, куда мы попали, Долиной Демонов. Каким-то чудом здесь радостно зеленела трава, уже освещенный рассветным солнцем ручей, весело прыгая по камням, спускался с горы в равнину, наполняя искусственный водоем, вокруг которого, блея на разные лады, толпились сотни белых, черных и черно-белых овец.

— Ну и шо тут такого демонического? — Выбравшийся наружу Лис смерил пасторальную картинку недоумевающим взглядом. — Где, блин, враги? Сплошные овцы, даже барана ни одного не видать. А, не, вон один бредет.

За холеной тонкорунной отарой действительно шел человек с длинным посохом в руках, в ослепительно белой бурке.

— Эй, любезнейший! — крикнул я на фарси. — Ответь нам, как пройти к дворцу шейха Алаэддина?

— К чему он вам? — пропуская мой вопрос мимо ушей, осведомился овечий пастырь.

— Але, чабан, тебе персидским языком говорят, шо нам нужен твой шейх. Ты шо, по-персидски не шурупаешь? — возмутился Венедин.

— Шейх не любит незваных гостей.

— Ты, главное, не беспокойся. Это уже наша забота. Посидим, выпьем, закусим, авось, полюбит.

— Лис, — окликнул его я, осматривая окрестность, — у нас гости.

— Вернее, хозяева, — в тон мне ответил напарник, глядя на полтора десятка приближающихся бородачей в белых одеяниях, подпоясанных красными кушаками с красными же остроконечными кол-

паками на головах. — Ансельм, держи суму! — Переметная сума, туго набитая золотом, отлетела в сторону, и в руках Лиса очутился его неизменный лук. — Ну шо, смертнички, покувыркаемся! — Пять стрел одна за другой покинули колчан Венедина, и пять стражей отары рухнули в траву, не добежав до нас.

Между тем бесчисленное овечье море, очевидно, вдоволь напившись, двинулось дальше, равнодушно обтекая невесть откуда взявшихся чужаков. Слуги Алаэддина были уже совсем близко. За спинами у них болтались колчаны, но они даже не предпринимали попытки послать стрелы в нашу сторону, на поясах висели сабли, но, похоже, и о них они забыли.

— Капитан, мне кажется, нас хотят взять живьем. — Лис отбросил свое излюбленное оружие и схватился за висевший на поясе кинжал фон Зальца. — Ну, это мы еще посмотрим!

Многосотенное блеющее море текло вокруг нас, и мы перемещались в нем подобно лодкам на пенистых волнах. Противники, вынужденные маневрировать среди этих ходячих клубков, не могли реализовать численного превосходства, и потому приближались к нам поодиночке, норовя схватить и удержать до подхода подкрепления. Лис крушил подступавших к нему исмаилитов, раздавая им мощные хуки, свинги и апперкоты, даже не прибегая к клинку кинжала и используя его в качестве кастета.

Мало кто из встреченных нами людей мог устоять против его пудовых кулаков, вылетающих, кажется, со всех сторон со скоростью курьерского поезда. Я тоже кое-что умел. И хотя обилие этих идиотских блеющих тварей не давало возможности размахнуться полуторараручным мечом, но зато у меня появился редкий шанс выяснить, действительно ли здешняя медицина достигла впечатляющих результатов в деле ремонта поломанных и вывихнутых конечностей. Каждую хватавшую меня руку ожидала эта печальная участь. За нашими спинами, замерев в оцепенении, словно оголенный провод под дождем, искрил Ансельм, в общем, веселье шло обычным чередом.

— Лис! — крикнул я, фиксируя очередное запястье и поворачиваясь на месте. — Они меня утомили, окаменяй их к чертовой матери!

— Не могу, Капитан, — кулак Лиса кистенем врезался в очередную переносицу, — у меня эта хрень в сапоге.

— Остановитесь! — послышался сбоку от нас властный голос, и схватка прекратилась, словно по хлопушке режиссера. Мы с удивлением вытаращились на стоявшего поодаль чабана, безапелляционно скомандовавшего прекратить бой. — Я Алаэддин!

Глава 26

По команде «стой» ту ногу, которая на земле, приставить к той, которая в воздухе, и застыть неподвижно.

Неизвестный прапорщик

Стражники, во всяком случае, те, кто еще сохранил возможность двигаться без посторонней помощи, отпрянули и замерли, влюбленными взглядами впиваясь в знатного овцевода.

— Ну да, — не преминул бросить Лис, явно огорченный вероломным отступлением противника. — А я тогда твой дядя из Магриба.

— У меня нет дяди в Магрибе. — Повелитель Долины Демонов удивленно воззрился на моего друга, который при всей универсальности своей внешности с большой натяжкой мог претендовать на роль магрибинца. Конечно, друзские одеяния придавали нам некий восточный колорит, но принять неведомых гостей за коренных левантийцев можно было лишь в кромешной тьме.

Я глядел на человека в бурке и никак не мог смириться с мыслью, что он и есть тот самый ужасающий монстр, которому опасливо предпочитают платить дань владыки Востока и Запада. Невольно мне вспомнился случай, о котором много говорили в Европе и, уж конечно же, в местах, где он произошел.

Не так давно в славном Хорезме, еще державшем тогда под пятой окрестные страны и народы, некий посол исмаилитов пировал с шахским визирем, не знаю уж, по какому поводу. Когда после обильных возлияний посла вдруг потянуло на откровенность, он заявил, что в ближнем окружении гостеприимного хозяина пять человек являются чистейшей воды ассасинами. Любопытствующий визирь поклялся, что не тронет слуг Старца Горы, если те откроются ему. Посол отдал приказ, и пятеро молодых людей, среди которых были конюх, телохранитель и виночерпий визиря, немедля выступили из собравшихся перед дворцом слуг. Визирь сдержал свое слово, но слух о том дошел до самого Хорезм-шаха, и он велел бросить всех пятерых живьем в огонь. Ассасины умирали с улыбкой на лицах, прославляя своего повелителя. А шах... очень скоро был вынужден отослать их кровожадному вождю скромную компенсацию. Десять тысяч золотых монет. За каждого убитого. Впрочем, это не сильно продлило его дни — спустя несколько месяцев гордый азиатский владыка погиб во время охоты, укушенный коброй в своем шатре.

И вот этот человек, лет тридцати пяти от силы, с внешностью невыразительной и тусклой, этот чабан и есть пресловутый Старец Горы? Я не мог в это поверить, но, похоже, у стражников сей факт не вызывал ни малейшего сомнения.

— Итак, мой дорогой дядя из Магриба, и вы, незнакомцы, что же вы хотите? Что ищете в моих владениях?

— Монсеньор, — справившись с первоначальным замешательством, начал я, — мы проникли в вашу благословенную долину, вовсе не ища случая причинить вам или кому-либо из ваших приближенных вреда. Суровая необходимость вынудила нас решиться на этот шаг.

— В это я верю, — кивнул Алаэддин. — Неверные собаки редко по своей воле попадают в Вади-аль-Джан. Так что же привело вас сюда?

— Мой друг, — я указал на Лиса, — ищет свою сестру, похищенную из отчего дома несколько месяцев назад. Все это время мы шли по следу похитителей и теперь, монсеньор, нам горько тревожить вас по столь незначительному поводу, но следы привели в ваши владения. Вчера девочка прибыла сюда, во всяком случае, так нам об этом известно.

— И что, она действительно так хороша собой, — внимательно глядя на гостей, произнес Старец Горы, — что вы, два воина и мальчишка, прикидывающийся магом, решились идти за ней сюда?

— Она сестра моего побратима и, — я указал на Ансельма, — невеста этого юноши.

— *Что ты несешь?!* — услышал я на канале связи возмущенный окрик Лиса. — *Какая сестра? Какая невеста?*

— *Отстань! Я объясняю начальству ситуацию максимально доступным для него способом.*

Услышав мои слова, Алаэддин молча хмыкнул, и я, ободренный этим молчанием, продолжил:

— Мы готовы дать за девушку большой выкуп...

— И ваши жизни, и ваше золото, — прервал мою речь невзрачный чабан, надменно опираясь на посох, — сейчас целиком принадлежат мне. Стоит поднять руку, и вы тут же погибнете...

— *Ну, у нас на этот случай тоже кое-что имеется,* — злорадно заверил меня Лис. — *Стоит мне поднять руку, и у этого животновода рука не поднимется махнуть на нас рукою.*

— *Погоди,* — прервал я воинственные речи моего друга, — *насколько я понимаю фигуры восточной речи, это всего лишь долгое вступление перед «но». Так что не будем лишать подсудимого его, возможно, последнего слова.*

— Ну, как скажешь, Капитан. А я бы посоревновался с ним в скорости выхватывания кольта.

— ...но я не стану делать этого. Я уважаю смелость. Я дам вам три задания, если вы справитесь с ними, я верну вам девочку живой и невредимой. А если нет — вы останетесь здесь и будете учить моих воинов тому диковинному бою, который я только что наблюдал. Ну что, согласны? Впрочем, выбора у вас особо нет.

— Согласны. — Я склонился в поклоне, и мои друзья последовали за мной. *— Во всяком случае, пока.*

— Что ж, вот вам первое задание: видите отару? В ней ровным счетом девятьсот девяносто девять овец. Гоните их на выпас да следите, чтобы ни одна не пропала. Если ж, не дай Аллах, горный волк полакомится одной из моих любимец или орел унесет ягненка с пастбища, вы навсегда останетесь в моих владениях.

— Ну, это служба, чай, не служба, — расплылся в улыбке Лис. — Только ты, вашство, позаботься, чтоб твои нукеры подальше держались. Потому как охранять мы их будем, шо называется, со страшной силой.

— Хорошо, — кивнул Алаэддин и сделал знак своим измочаленным стражникам следовать за ним. — Как, кстати, зовут вашу сестру?

— Альенор из Штраумберга, монсеньор, — поспешил ответить Лис.

— Я велю поселить ее отдельно от других. Остальное в ваших руках. Вечером пригоните овец сюда на водопой, и мы продолжим разговор.

— Ты что, действительно умеешь управляться с овцами? — промолвил я, когда мы наконец остались одни.

— Спятил?! Я их вообще представляю больше в разобранном состоянии. Овчина отдельно, шашлык отдельно. Но я же сказал — у нас в помощниках страшная сила.

Сам того не желая, Старец Горы дал нам целый день на отдых и ознакомление с местностью. Мы валялись в траве, плескались в горном ручье, пронзительно холодном, несмотря на жаркий зимний день, били влет всякую приближающуюся к отаре птицу крупнее голубя, и весь этот день наша «страшная сила» — черный с проседью огромный волк-оборотень — кружила вокруг отары, наводя на нее суеверный ужас и заставляя овец жаться друг к дружке. Горные волки, спустившиеся в долину ближе к вечеру, увидев Херсирка, осваивавшего мирную профессию овчарки, всей стаей примкнули к нему и не покидали вожака вплоть до самого вечера. Что и говорить, старик был в авторитете.

— Ну что ж, — произнеся наконец заветное число «девятьсот девяносто девять», покачал головой Алаэддин, — признаться, я удив-

лен, что гяурам удалось совладать с моей отарой, но слово есть слово. Вон там хижина, — он указал на лачугу близ водопоя, — ночуйте. Завтра я дам вам новое задание.

Ночь мы провели относительно спокойно. Лишь к утру Лис, обеспокоенный каким-то шорохом, доносившимся снаружи, высунул нос, чтобы выяснить, кто смеет тревожить наш сон. Картина, представшая его взору, не имела равных по своей нелепости. Сотни людей в белом одеянии, опоясанные красными кушаками, в полном безмолвии ползали на коленях вокруг овечьего загона, что-то выискивая в густой траве.

— Чего это они? — затряс меня он. — Капитан, ты только посмотри, шо деется! Алаэддиновское воинство обкурилось мухоморами и теперь играет в луноходы.

— Они что-то ищут, — собираясь с мыслями, изрек я.

— Ценное наблюдение, — похвалил меня Лис. — Например, что?

— Не знаю, — пожал плечами я, вглядываясь в белые спины, маневрирующие в сочной зелени травы. — Хотя нет, знаю. Это они тайный ход ищут, через который мы в долину попали.

— А, ну-ну. Флаг им в руки. Шоб Каменный дэв вот так вот, за полпирожка, каким-то душманам открыл тайну золотого ключика? Зуб даю — делов не будет. Пошли спать, Капитан, этот цирк еще надолго.

Утром гонец Старца Горы сообщил нам, что величайший из великих, царь царей и прочая галиматья, ожидает нас в крепости, чтобы дать очередное задание.

Честно говоря, крепость Алаэддина меня не впечатлила. То есть, конечно, да, были здесь и высокие стены, и башни по углам, и массивные ворота, но где уж было тягаться этой каменной коробке по продуманности и тщательности исполнения с такими гордыми красавицами, как, скажем, Сен-Жан-д'Арк или Крак де Шевелье! Впрочем, цитадель охраняли от нападений труднопроходимые горные хребты и мрачная слава хозяина.

Вышеупомянутый тридцатипятилетний «старец», облаченный уже в драгоценные шелковые одежды, поджидал нас во внутреннем дворе одной из башен. Здесь был накрыт богатый стол, вернее, ковер, уставленный десятками всевозможных яств, усердно предлагаемых нам любезным владыкой. Особой же гордостью его был изготовленный собственноручно овечий сыр, выставленный на серебряном чеканном блюде в самом центре «стола». Но что окончательно примирило меня с жизнью в этот час, так это тонкая чашечка китайского фарфора, наполненная горячим ароматным кофе. Моим любимым кофе, приправленным кардамоном, и по сей день почти недоступным в наших северных широтах. Я с наслаждением припал

губами к обжигающему напитку, чувствуя, как сами собой очищаются от мусора самые захламленные участки мозга.

— Ну что ж, — проговорил Алаэддин, когда с завтраком было покончено, — перейдем к вашему второму заданию?

— Так давно пора, — запихивая в рот изрядный кусок посыпанного корицей печенья, кивнул Лис. — Можно сразу два в один сеанс, чего мелочиться?

— Сначала управьтесь с одним, — усмехнулся радушный хозяин. И эта самая улыбка не предвещала ничего хорошего.

С вершины башни открывался вид на Долину Демонов, зеленую и радующую глаз обилием тенистых пальмовых рощ, ручьев, речушек и рукотворных озер.

— Все и вся здесь покорны мне, — обводя рукой открывшийся пейзаж, безапелляционно заявил Алаэддин. — Всякий живущий считает высшим счастьем повиноваться моей воле. Когда я велю слугам умереть, они с радостью спешат выполнить приказ. Воля моя священна, однако если вам все же удастся заставить моего подданного ослушаться моего приказа, я буду считать, что вы справились со вторым заданием.

— Начнем, пожалуй, — обводя взглядом площадку, на которой, кроме нас, находился лишь часовой-наблюдатель, хмыкнул Лис. — Чего лясы-то точить?

Алаэддин молча кивнул.

— Эй! — крикнул он солдату, заставляя того обратить свой взор на высокого повелителя. — Прыгай вниз!

— Стой, где стоишь! — рявкнул Лис, вытягивая вперед руку.

Исмаилит замер, как приваренный, на парапете, куда успел забраться после первого приказа.

— Ну что, почтеннейший, — Лис спрятал в сапог нечто, напоминающее размерами крупную пудреницу или плоский объектив фотоаппарата, — пусть так стоит или будут какие другие заявки? — Лис подошел к замершему ассасину и провел у того рукой перед глазами. — Ау, мил-человек! Отомри.

Уж не знаю, как воспринял несчастный слова моего друга, но отмер он в самом прямом смысле слова, как динозавр. Стоило праху феникса, зажатому между пальцами Венедина, коснуться лица стражника, как он птицей сиганул с парапета, устремляясь к земле с неведомым еще здесь ускорением свободного падения.

— М-да, — промолвил Лис, перегибаясь через парапет и мрачно созерцая результаты полета. — Рожденный ползать летать не может. Ну что, хозяин ласковый, — обратился он к Алаэддину, — справились мы с твоим заданием или еще кого полетать отправим?

— Справились, — через плечо бросил Старец Горы, начиная спуск по лестнице. — Завтра — третье.

— Да шо тянуть! — вслед ему крикнул мой друг, но шаги, раздававшиеся по винтовой лестнице, слышались все глуше и наконец совсем стихли. — Ну, завтра так завтра.

Сутки, проведенные нами в крепостной башне, не принесли каких-либо изменений. Молчаливая стража не выпускала нас из внутреннего дворика, но никоим образом не мешала передвижению внутри оного, аккуратно следя за тем, чтоб в урочное время нам была предоставлена очередная трапеза, а после наступления темноты — вполне уютная постель.

— Растем на глазах, — подытожил результаты дня Лис. — Вчера — хижина, сегодня — башня с сервисом и удобствами, так, глядишь, завтра-послезавтра высадим этого самого горного пенсионера из его палат.

Утро следующего дня отчасти подтвердило догадку моего друга. Посланный за нами вестник, уже не простой ассасин, а кто-то, судя по одежде, из ближнего окружения Алаэддина, сообщил, что правитель правоверных готов поведать нам третье задание. Теперь нас ждал запретный замок, начисто скрытый от глаз окружающих высокой стеной.

Увиденное нами за его воротами превосходило все ожидания. И если пейзаж Долины Демонов, открывавшийся с башни, тяжело было назвать зимним, то за этими стенами находилось истинное царство вечной весны. Сад, полный разнообразнейших экзотических растений, диковинных птиц с ярким оперением; сад, наполненный тихой ласковой музыкой, явившейся невесть откуда; сад, в котором ручьи текли вином и араком, а на их берегах обнаженные нимфы, одна прекраснее другой, извивались в обжигающем душу сладострастном танце; сад, где посреди ухоженных, словно нарисованных, полянок стояли огромные блюда с благоухающими яствами и сочными плодами; сад...

— Таков он, рай правоверных, — небрежно обводя увиденную картину рукой, пояснил сопровождавший нас вельможа, — но те, кто верно служит лучезарному повелителю, могут вкушать его сладость уже на земле. И поверьте мне, это еще далеко не все. — Он воздел ладони к небу и защелкал языком. — Вах!

Признаюсь честно, после дороги через пустыню, после морской качки, после скитаний по Европе подобная воистину фантастическая роскошь повергала в шок. Но, как я понимаю, именно на это и рассчитывал Алаэддин, и, стало быть, нам, словно некогда спутникам Одиссея, залившим уши воском, чтобы не слышать обольсти-

тельного пения сирен, следовало гордо ступать вперед, вот уж действительно, невзирая ни на что.

— Кхм... Ничего так себе приусадебный участок отгрохали, — сдавленным голосом выдавил Лис. — Интересно, какая же тогда у этого пенсионера дача?

Как и предполагалось, дача была под стать саду и огороду, но у нас уже был определенный иммунитет. За годы скитаний по временам и весям нам с Лисом доводилось видеть немало всевозможных дворцов, один лучше другого. Ансельма же можно было просто не брать в расчет. С первого шага, сделанного им по эту сторону стен запретного замка, ему так и не удалось закрыть рот от удивления.

— Шайтан их побери, — пробормотал Лис, шагая переливающейся всеми цветами радуги анфиладой дворцовых покоев. — Где ж они столько зеркал подобрали?

— Их в этих краях недавно начали производить. Обрати внимание, вместо полированного серебра — ртутно-свинцовая амальгама.

— Я обратил, — заверил меня Венедин. — Я обратил внимание, что с нашим глазом василиска здесь особо не разгуляешься. Если мы, конечно, не желаем стать памятниками себе.

— Ничего, попробуем обойтись без него.

Алаэддин поджидал нас в комнате, весьма богато обставленной, но среди остальных, не менее роскошных, теряющей изрядную долю своей прелести. Дав знак присаживаться вокруг «стола», он хлопнул в ладоши, и юные прелестницы, облаченные в газовые шальвары и полупрозрачные накидки, закрывающие их от макушки до живота, призывно покачивая бедрами, одна за другой начали вносить блюда с тонкими кушаньями и кувшины с дорогими винами. Последним было внесено блюдо, накрытое серебряной же полусферой. Оно было поставлено посреди ковра, но в отличие от остальных не открыто.

— Это и есть ваше третье задание, — ядовито улыбаясь, пояснил Старец Горы, указывая на него. — Но об этом позже. А сейчас восславим Аллаха за ту пищу, которую он послал нам.

Я удивленно посмотрел на Старца, собираясь напомнить, что нам не совсем пристало присоединять свой голос к его восхвалениям, но тут он продолжил:

— И лучшая благодарность ему — не пренебрегать его дарами. Угощайтесь, гости дорогие.

Когда наконец с трапезой было покончено, Алаэддин протянул руку к загадочному серебряному блюду и поднял закрывающую его полусферу. Под ней ровным счетом ничего не было, кроме, конечно же, самого блюда.

— Видите ли вы здесь что-нибудь? — осведомился хозяин, словно сомневаясь в результатах собственных наблюдений.

— Пусто, — немедля сознался Лис.

Я внимательно изучил предложенные нам предметы, но также не обнаружил на них ничего, стоящего внимания.

— Именно так, — кивнул Алаэддин. — Здесь ничего нет. Так вот вам третье испытание. Из этого ничего до завтрашнего утра сделайте мне нечто. Да такое, чтоб подобного не было при дворах земных владык.

— Всего-то? — хмыкнул Лис. — Это можно. Только давай, чур, уговор: если мы сегодня управимся, то ты сразу сестрицу мою и возвращаешь.

— Будь по-твоему, — кивнул исмаилит. — Но сначала — нечто из ничего.

— Капитан, этот умник решил удивить нас своим вопросом. Так мы удивим его своим ответом. Лично я предлагаю запустить хохму с голым королем. Ну, помнишь, там «только вы с вашим тонким вкусом», трали-вали три педали? Наверняка ж бабушка не читала ему в детстве сказок Андерсена на сон грядущий.

— Может выйти, а может — нет, — с сомнением бросил я. *— У меня есть другой вариант. Правда, он потребует кое-каких технических приспособлений.* Монсеньор, — начал я, — только вы с вашим ясным умом, блистающим во всех краях земли подобно солнцу, могли придумать это задание, делающее честь вашей мудрости. Конечно же, оно вовсе не так просто, как о том говорит мой друг. Вряд ли во всем мире найдется еще кто-либо, способный совершить то, о чем вы нас просите. Мы действительно в силах сделать это. Однако нам понадобятся кое-какие мелочи, например жаровня с углями, кальян, наилучший воск...

— Только не пытайтесь обмануть меня, подсунув на блюдо какую-то ерунду!

— Ну что вы, монсеньор, у нас и в мыслях этого не было. Мы просто желаем отсечь у ничего все лишнее.

После нескольких попыток моя затея увенчалась успехом. К полудню уже подостывшее блюдо с обрубком кальяновой трубки, торчащим из полусферы, было торжественно представлено пред ясные очи Алаэддина.

— Что это? — поинтересовался могущественный владыка Долины Демонов, принимая блюдо из моих рук.

— О великий, — начал я, склоняя голову.

— Э-э-э! Капитан, ты чего-то путаешь! «О великий» это я, а он просто банальный царь царей, — возмутился Лис.

— Не морочь голову. Пусть он тоже немного побудет «о великим». Хотя бы до тех пор, пока мы не выберемся из его владений.

— Ну разве что так.

— Наш дар, — продолжил я, — воистину достоин только вас, величайшего из земных владык, ибо он содержит частицу той субстанции, в которой позволительно сиять лишь звездам. Сей сосуд полон вакуума, — я поднял вверх указательный палец, — и это чистейший вакуум, который только может добыть человек в наше время.

— Ну-ка. — Старец Горы попробовал поднять крышку. Со школьной скамьи я помнил картинку из учебника физики, на которой пара упряжек фризских скакунов пытались разорвать две соединенные полусферы, «полные» вакуума. Им это не удалось. Куда уж было до них этому, пускай и маститому, чабану.

— Только ради Бога, — умоляюще попросил я, — не срывайте печати, мешающие вакууму вырваться наружу! Ибо ни одна башня, ни одна стена не устоит в вакуумном взрыве.

— *Он не знает, что такое взрыв,* — напомнил мне Лис.

— *Сомневаюсь. Порох сюда китайцы уже довезли.*

Выслушав меня, Алаэддин еще раз попытался поднять крышку, покрутил блюдо перед носом, ища подвоха, и, отставив нечто, полученное из ничего, в сторону, со вздохом произнес:

— Что ж, мои слова — слова Аллаха. Коли я обещал, обещание будет исполнено. — Он сделал знак ассасинам, несшим стражу в его покоях. — Пусть приведут девушек.

— Девушек? — переспросил я. — Но нам нужна только одна, Альенор из Штраумберга.

— Тише, — едва шевеля губами, прошептал Лис. — Остальные, наверно, премиальные.

Увы, мой напарник заблуждался. Дверь в комнату отворилась, и в нее, сопровождаемые заунывной мелодией стандартного арабского квартета, вплыли девять девушек одного роста, облаченных в просторные хабары из черной глянцевой тафты, закрывавшей все их тело с головы до ног, оставляя открытой лишь узкую полоску прорези для глаз. Все они мелко переступали в такт музыке, словно ведя какой-то танец, все они были сероглазы и все они, черт побери, в этом идиотском наряде были неотличимо похожи друг на друга. Я пригляделся получше, всматриваясь в глаза танцующих, надеясь узнать ясные очи юной княжны. Увы, зрачки девушек были сужены и глаза туманны, как октябрьское утро над Темзой.

— *Гашиш,* — прокомментировал увиденное Лис. — *Ну, урод, дай только я до тебя дотянусь.*

— Я обещал вам отдать девушку, если вы исполните три моих задания. Вы справились с ними. Теперь любая из них ваша. Какая, вам лучше знать. — Алаэддин щедрым жестом указал на танцующих. — Выбирайте. Но если вы попытаетесь окликнуть ту, которую ищете, не получите ни одной. И навсегда останетесь в Вади-эль-Джан.

— *Не боись, поиграем,* — обнадежил меня Венедин, поправляя кинжал фон Зальца, висевший на ремне. — *Быть того не может, шоб я этого басмача не уделал!* Вашство, — он отвесил Старцу Горы некую пародию на поклон, — ты б не мог скомандовать своему ансамблю песни и пляски повременить с выступлением. Шо они все крутятся? Думать мешают!

Алаэддин махнул рукой, музыка стихла, и девушки остановились.

— О! — довольно хмыкнул Венедин. — Это ж совсем другое дело. — Он гоголем расправил плечи и неспешным шагом двинулся мимо закутанного в черную тафту строя.

Я увидел то же, что увидел мой друг. Глаза седьмой по счету танцовщицы блеснули, и Лис, убрав ладонь с яблока серебристого кинжала магистра Тевтонского ордена, тут же положил ее на плечо полонянки.

— Тю, да вот же она!

— Вы уверены в этом? — медленно спросил Старец Горы.

— Как Бог свят!

— Ну что ж, тогда снимите покрывало.

Я вдохнул в грудь побольше воздуха, словно готовясь к прыжку. Впрочем, именно к нему я и готовился, и не угадай мой друг сейчас под непроницаемым покрывалом нашу маленькую принцессу — только самоличное вмешательство Аллаха со всем скопищем его пророков могло бы спасти Алаэддина от моих рук.

Длинный лоскут черной материи, сорванный Венедином, медленно упал на пол и... Лис распахнул объятия, спеша подхватить девушку, и, подбросив ее вверх, закружил по залу.

— Аленушка, радость моя! Вот мы и свиделись.

Я потер пальцем уголок глаза, вытирая непрошеную слезинку.

— Лис, Воледар, Ансельм! Откуда вы? Почему вас так долго не было? Отчего вы такие поцарапанные? — как ни в чем не бывало защебетала Алена Мстиславишна, спеша обвить руками шею «брата».

— Ну что ж, ступайте, — хмуро бросил Старец Горы, наблюдающий картину всеобщей радости. — Эй! — крикнул он одному из ассасинов. — Выведи гостей из дворца.

— Э-э-э! Почтеннейший! Шо за кидалово?! Из какого дворца? А из крепости? А из долины? — опомнился Лис.

— Вы пришли сюда, не спрашивая у меня дороги. И теперь вольны возвращаться тем же путем.

— Вот ты хитрый, это что-то! — возмутился Лис. — Может, та дорога уже быльем поросла. Может, мы вообще с неба свалились.

— Тем лучше, — пожал плечами повелитель Долины Демонов. — Все небо над вами, возвращайтесь туда. Впрочем, — вздохнул он, при-

обретая интерес к гостям, — я могу выпустить вас из своих владений. Но я видел у вас одну вещицу. Вчера. На башне. Я был бы рад иметь ее.

— *Ну, шо делать будем?* — спросил Лис. — *Признаться, этот свободный труженик Востока меня уже порядком притомил. Шантажист хренов!*

— *Нельзя отдавать подарок дэва. Без него они нас, конечно, выпустят из долины, но тут же догонят.*

— *Может...*

— Отдавайте, — донеслось до меня из-под каменных плит пола. Мы с напарником переглянулись. Похоже, он слышал то же самое. — Отдавайте, — еще раз явственно услышали мы. Но, как ни странно, только мы.

— Аллах с тобой, аксакал, — махнул рукой Лис. — Ты у нас все же Старец Горы, а старость нужно уважать. Так что держи мою штуковину, играйся, сколько тебе влезет. Ну и вспоминай нас при случае...

Но едва успел предмет, похожий то ли на крупную пудреницу, то ли на плоский объектив фотоаппарата, перекочевать в жадные руки Алаэддина, как пол у нас под ногами разверзся и мы, теряя равновесие, рухнули... прямо в предупредительно подставленные ладони Каменного дэва. И стоило нам оказаться в них, как плиты над головой сошлись, как будто и не размыкались никогда.

— Коварный, — похвалил Старца Горы наш спаситель. — Это хорошо, будет думать, что разделался с вами, и погони не снарядит.

— Дэв, родной, это ты, что ли?! — ошарашенный Лис, потирая ушибленную нижнюю конечность, уставился на нашего спасителя. — А какого ж беса мы тогда отдавали этот самый артефакт?

— Ну, кто его знает, куда бы он вас иначе засадил, — развел руками хозяин Подгорного царства. — А кроме того, ему же неизвестно, что это глаз василиска. И он обязательно захочет посмотреть, что там внутри. А порошка из праха феникса у него нет. Так что пусть ему, вам же, славные пехлеваны, пора бы и в дорогу, кони заждались.

Дорога от Долины Демонов была много легче, чем путь к ней. Во-первых, воодушевляло то, что нам все-таки удалось вырвать из бандитских лап Алену. Во-вторых, согревала мысль о том, что до вожделенной камеры перехода оставалось не более двухсот миль. Да и вообще, то, что эта несносная, не умолкающая ни на секунду своенравная девчонка, нежно любимая нами, опять была среди друзей, придавало силы нам и, казалось, нашим скакунам.

— Дядя Воледар! — барабанила меня по спине проказница, сидя на крупе Мавра, когда наш крошечный отряд, сопровождаемый проводниками друзами, несся в сторону Тиберийского озера. — А Ан-

сельм говорит, что Каменный дэв родственник тех, маленьких, мохнатых. Это правда?

— Чистейшей воды.

— Ой, а совсем не похож. Та-акой большой! А эти мохнатенькие, они вообще не виноваты, что меня стащили. Их противный риббекский купец каким-то страшным заклятием заставил. Они так плакали, когда меня ему отдавали!

— Все, отторговался купец.

— Да-а! А он меня солдатам шверинским отдал и велел куда-то везти. Я не знаю куда. К морю. Но трогать меня запретил, сказал, что так я дороже стою.

— Хоть на том спасибо.

— А потом меня другому купцу привезли. Когда он за меня деньги заплатил, я ему тут же сказала, кто я такая. Как он бегал, волосы на себе рвал! Сказал, что его хотят погубить, по миру пустить. Потом сел императору писать, но чего-то испугался, швырнул пергамент в очаг, а на следующее утро вышел в море, а нас-то на корабле и было всего человек двадцать. Но он меня берег, не обижал, я в его каюте жила. Он такой добрый был.

— Добрый. Аж до самого Костаматиса.

Похоже, девчонку, обрадованную освобождением, теперь не слишком волновали перипетии ее судьбы, воспринимаемые как необычайное и в общем-то благополучное приключение. Все обошлось, и слава Богу.

Не слава Богу началось несколько позже, когда, миновав границу друзских земель, у Тиберийского озера мы к ужасу своему обнаружили широкую равнину, покрытую исклеванными полураздетыми телами, кое-где уже обглоданными шакалами, но все же вполне сохранявшими возможность опознания.

— Оба-на, — тихо произнес Лис, увидев с очередного холма картину недавней сечи. — Ансельм, отъедь-ка с Аленой чуток в сторону, незачем ей на такое смотреть. Да будь осторожен, здесь могут таскаться банды мародеров.

— Мародерам тут уже делать нечего, — мрачно бросил я. — Но все же будем осторожны. Лис, съезди-ка разберись, что там произошло, а я тебя здесь прикрою. И Алену с Ансельмом тоже.

— Ничего не понимаю, — произнес Лис, возвращаясь. — Вон там, — он ткнул пальцем в груду трупов, — европейцы. Те вон — арабы. А те, которые ближе к нам, Капитан, ты, конечно, можешь смеяться, но это монголы. Может, ты мне объяснишь, кто тут с кем сражался?

Я молча покачал головой. Дальше мы ехали не разговаривая, пытаясь отогнать вновь и вновь встающий перед глазами призрак мерт-

вого поля. Начало темнеть, когда на глаза нам попался лесистый холм, вполне способный укрыть от посторонних глаз ночующих путников.

Мы медленно поднимались в гору по едва заметной тропе, кружившей меж странных сосен местной породы с пучками иголок на конце, ища место для ночлега, когда вдруг...

— Э-эй, добрые люди! Если вы уж так хотите оказаться под землей раньше времени, я очень вас прошу, воспользуйтесь лестницей, и не надо вламываться ко мне через крышу. Тем более верхом.

Глава 27

Я еще вернусь!

Джек Слейтер, последний герой боевика

Семь ступенек, вытоптанных в скальной породе, вели в малюсенькую комнатку, в которой с трудом поместилось наше милое общество.

— Добро пожаловать в Мегидо, почтенные путники. — Хозяин апартаментов, человек, которому в зависимости от освещения можно было дать и семьдесят, и сто двадцать, поднял руку, приветствуя ночных гостей. Остроносая светильня выхватывала из мрака то одну, то другую часть его морщинистого седобородого лица с удивительно молодыми насмешливыми глазами и, вероятно, уже намертво запечатленной на нем ироничной усмешкой. — Я не спрашиваю, куда вы держите путь, потому что в конечном итоге мы все держим путь в одно и то же место. Но если вы не слишком спешите в нем оказаться, пожалуй, вам не следует ехать дальше. И уж тем более ночью.

— Впереди нас может поджидать опасность? — насторожился я.

— Для большинства обитателей этих мест все опасности остались позади. Вся эта земля — один огромный некрополь.

— Дедуля, — усмехнулся Лис, — мы не боимся мертвецов. Поверьте мне, это самые спокойные из людей.

— Охотно вам верю, молодой человек, — кивнул житель некрополя, сам казавшийся ожившим мертвецом. — Но и вы мне поверьте, стоит проехать немного дальше, и вы так быстро присоединитесь к ним, что даже не успеете понять, как это произошло. Мегидо — слоеный пирог, вернее, головка сыра, изъеденная мышами. Вы сделаете один только маленький шаг и окажетесь так глубоко под землей, что в день Страшного суда сможете выбраться на поверхность только к самому его окончанию.

Честно говоря, после картины побоища, наблюдаемой сегодня утром, разговоры о покойниках весьма меня раздражали.

— Простите, досточтимый хозяин, мы не представились. Я рыцарь Вальтер фон Ингваринген, а это мои друзья...

— Мне бы следовало назвать себя, — грустно усмехнулся старик, выслушав наши имена, — но я так стар, что не помню, как меня именовали в детстве. Признаться, я даже не помню, было ли это детство. Порой я думаю, что даже Господь забыл, как меня нарекли, иначе с чего бы он так долго не призывал меня к себе. Для жителей этих мест я просто отшельник из Мегидо, но вы можете величать меня любым иным именем.

— Вы отшельник? — спросил я, ища на стенах атрибуты веры. — Христианин?

— Ой, не говорите глупостей! Думаете, Всевышнему есть дело до того, на каком языке с ним говоришь? Или вам кажется, что Он лучше услышит вас, если пять раз в день демонстрировать западу свою задницу? Хотя нет, вы-то как раз тычете в себя пальцами. Поверьте, я беседую с Ним безо всех этих ухищрений. И зелень этого холма Ему куда приятнее сумеречных громадин, возведенных во славу Его.

— Это Он вам сказал? — съязвил Лис.

— Ну да, — просто ответил отшельник из Мегидо. — Но вам бы, пожалуй, следовало уложить спать юных спутников, они совсем выбились из сил. К сожалению, мне нечего предложить вам на ужин, вся моя вечерняя трапеза — вот эта миска чечевичной похлебки. Увы, я слишком стар, чтобы бить птицу так метко, как в прежние годы, а силки сегодня оказались пустыми.

— Как, — удивился я, — разве вы употребляете в пищу мясо убитых животных?

— Быть может, я бы и стал есть мясо живых, но не с моими ногами их догонять.

— Но дух?..

— О Господи! Молодой человек, где вы набрались этих глупостей? Лучше сытым помышлять о Боге, чем голодным о еде. Однако мы заговорились, а дети уже спят. — Хозяин, кряхтя, поднялся с плоской каменной лежанки, накрытой звериными шкурами. — Увы, здесь мало места для пятерых. Тут и втроем-то не больно разляжешься. Но я по ночам все равно не сплю, так что, если пожелаете, я охотно скоротаю время с кем-нибудь из вас, беседуя о том о сем и охраняя коней.

— Лис, первые полночи твои, — скомандовал я, помогая старику выбраться на поверхность.

Прохлада заставляла отшельника кутаться в нелепое меховое одеяние, вероятно, с первого дня не имеющее сколь-нибудь определен-

ного покроя. Я тоже поглубже запахнулся в черное друзское покрывало, прекрасно защищающее от холода зимней левантийской ночи.

— А что, почтеннейший, — спросил я, усаживаясь на выступающий из земли камень у выпаса, — недавно здесь была битва?

— Ох уж эти битвы, — глядя на наших красавцев коней, вздохнул старец. — Здесь вечная битва, всегда и везде. Народы приходят и говорят: «Мы хозяева этой земли». Хозяева так хозяева, разве я спорю? Если они думают, что у земли может быть хозяин, что можно им объяснить? Пусть считают себя хозяевами солнечного света, лунной дорожки на волнах... Разве солнечному свету или лунной дорожке есть до этого дело? Они говорят «Хозяева!» — и я им не перечу. Пусть себе. Потом приходят другие и говорят, что это они хозяева, и начинается битва. И все они ложатся в нее и становятся частью земли. А это куда как больше, чем быть ее хозяином. Они уже не истлевшее мясо и не обветренные кости, они — этот лес, эта трава... Вот так-то, молодой человек. В этой земле вечная битва, — вновь повторил он. — В давние годы я слышал, что и последняя битва произойдет здесь, возле Мегидо. Ар Мегидо.

Я хотел еще что-то спросить о недавнем побоище, но промолчал. В сущности, что мог знать отшельник о хитросплетениях мировой политики и интригах земных владык. Все это было лишь прахом, который он попирал ногами, даже не задумываясь о нем.

Полночи мы провели в беседах, весьма поучительных для меня и, надеюсь, довольно приятных для отвыкшего от человеческого общения безымянного отшельника. Утром же нас ожидало жаркое из утки, подстреленной расторопным Лисом, и холодная ключевая вода из бившего неподалеку родника. Но главным трофеем Венедина была не несчастная птица, а красавец арабчак, пойманный им у водопоя. Судя по богатству сбруи, совсем недавно он принадлежал одному из местных военачальников, погибших в битве близ Тиверийского озера. Теперь же, потеряв седока, он бродил по округе, удивляясь своей свободе.

Но солнце уже поднималось все выше над линией горизонта, и нам следовало отправляться в путь.

— Счастливой дороги, добрые люди! — напутствовал нас старец из Мегидо. — Мне, право, жаль расставаться с вами, но у каждого свой путь. — Он замолчал, улыбаясь чему-то, ведомому ему одному. — Да, кстати, о дорогах: сегодня я разговаривал с Ним...

— И что? — спросил я, внутренне напрягаясь. При всем своем чудачестве старец отнюдь не напоминал умалишенного и, стало быть, его Собеседник...

— Да то же, что и всегда, — пожал плечами он. — Я слушаю, Он говорит. Затем мне в голову приходят слова, в которые я пытаюсь

облечь услышанное. Но уж понимать эти слова. — Он развел руками. — Быть может, вы сумеете? Как же это было? — Старец поскреб выбеленную временем макушку. — Ага, вот:

Черная лилия в залитом солнцем поле
Там, над скалой,
Где под камнями Красного моря
Кончается путь у одних,
У других начинается путь.

— В добрый путь вам, добрые люди. Рука Господня над вами.

— Капитан, ты что-нибудь понял? — спросил меня Лис, когда мы отъехали на приличное расстояние. — Белая армия, черный барон. Какие-то лилии, какое-то море, скалы, камни, поля. Бред полнейший!

— Вряд ли. Но, честно говоря, я и сам ничего не понял. Хотя Красное море здесь рядом.

— Ага, классная идея. Щас все бросим, поедем на Красное море. Не, Вальдар, девочку сдаем и домой.

— О великий, — подъехал к нам Лисовский ученик. — Я хотел вам рассказать, что в книге фон Зеедорфа есть упоминание о вашем талисмане.

— Ну и что он там пишет? — заинтересованно посмотрел на него Лис.

— Я, правда, еще не все смог прочитать, — печально вздохнул Ансельм. — Там много иносказаний, много зашифровано. Но вот что излагает покойный риббекский купец, ссылаясь на неизвестный мне трактат Монлюка «Бриллиант магической премудрости четырех сторон света»: со дня восшествия на престол Цинь Шихуань-ди и до самой его кончины ни один злодей, умышлявший против жизни императора, не смог добиться своей цели. Восемнадцать раз убийцы пытались поразить его стрелой, ядом или кинжалом, но сила Черного дракона, заключенного в талисмане, всякий раз спасала своего господина от гибели. В годы правления он открыл много заговоров против себя и нисходящими на него прозрениями повергал к своим стопам множество коварных врагов. Когда же пришел ему черед умереть, окруженному страхом и почитанием подданных, то двум сыновьям своим он отдал талисман и некий свиток, в котором описывал его чудесные свойства. Но тот самый сын, которому достался свиток, велел слугам похитить брата из дворца и заставить его отдать талисман. Однако у того нашлись верные люди в свите коварного брата, и он успел бежать в горы, где следы его затерялись. А вскоре, буквально через пару лет, рухнула и империя Цинь Шихуань-ди, подобно колоссу на глиняных ногах. С тех пор не было никаких известий о свитке, оставленном повелителем Поднебесной. Все

волшебные свойства Черного дракона Цинь Шихуань-ди неведомы никому. И только лишь о некоторых из них можно говорить уверенно, и они изложены в этой книге.

— Недурно, недурно, — похвалил соискателя степени бакалавра титулованный экзаменатор. — Но о защитных свойствах талисмана ты мне уже рассказывал. Что-нибудь новенькое есть?

Ансельм тяжело вздохнул.

— Я пока не смог прочесть, о великий, там все зашифровано.

— Ну елкин дрын! — возмутился Лис. — Учишь его, учишь, буквально ночи не спишь, а он какую-то простейшую шифровку Центру осилить не может.

— К центру! — хлопнул себя по лбу ученик. — Конечно, к центру. Как же я сразу не понял?! О великий, ваша проницательность не знает границ! Конечно же, все к центру, снос по пилигрину, тройная квота, осталось лишь исчислить шаг и градус сноса. Благодарю вас, Учитель! — Счастливый Ансельм повернул коня.

— Ты что-нибудь понимаешь? — ошарашенно глядя на меня, спросил Лис.

— Похоже, ты разгадал тайну шифра фон Зеедорфа, — с некоторым сомнением в голосе произнес я.

— Шо, серьезно? И как мне это удалось?

— Легко.

— Ну-ну, пусть трудится, родина его не забудет.

Мы ехали все дальше. Все ближе и ближе был заветный «центр вселенной», святой град Иерусалим. Ансельм, пытавшийся уделять время дешифровке рукописи фон Зеедорфа, был вынужден большую часть пути выслушивать милую болтовню маленькой принцессы, тешить ее своими рассказами и ярмарочными фокусами, на которые он был большой мастак.

— Ой, как это! — хлопая в ладоши, щебетала девушка, глядя, как бакалавр-недоучка магических наук, дунув на невесть откуда взявшееся в его руках яйцо, аккуратно поставил его на острый конец и преспокойно оставил стоять в таком положении.

— Тоже мне, чудо, — снисходительно глядя на веселую парочку, прокомментировал Лис. — Скорлупа пустая, а в остром конце яйца сквозь маленькую дырочку через соломинку вдут воск. Это даже я знаю.

— Но ты же у нас «о великий», — усмехнулся я.

— А, ладно, пусть детвора развлекается.

— Ансельм! — звонко изрекла Алена Мстиславишна, принимая комично-гордый вид. — Даю слово, что, когда я взойду на престол, сделаю тебя придворным магом.

— М-да, детвора, — поворачиваясь ко мне, негромко произнес Лис. — Ты, кажется, когда-то говорил, что принц Людвиг не престолонаследник?

— Говорил. И сейчас это утверждаю. Но, заметь, она ведь ни словом не обмолвилась о принце Людвиге. Она утверждает: «Когда *я* взойду на престол».

— Хорошая девочка, далеко пойдет.

— Вот в этом как раз я ни секунды не сомневаюсь. И, полагаю, Ансельм ей в этом весьма поможет.

Дорога к Иерусалиму путалась меж каменных холмов, огрызков скал, торчавших посреди равнин гнилыми зубами. Кое-где их слоистая красно-белая поверхность была покрыта тощей зеленой порослью, очевидно, вылезшей наружу после недавних ливней, и эта зелень была единственной отрадой в сыром душном безлюдье Святой земли.

До сих пор нам не попадались ни крепости, занятые крестоносцами, ни даже разрозненные отряды священного воинства. Изредка встречались христианские общины, спокойнейшим образом соседствующие с сарацинскими поселениями, словно и не бушевало вокруг никакой войны. Приют давали и те и другие. Христиане охотно помогали единоверцам, мусульман же вводило в явное недоумение наше друзское одеяние и доскональное (спасибо «Мастерлингу») знание местных диалектов. Конечно, только слепой не смог бы отличить нас от гордых жителей сирийских пустынь. И все же с друзами лучше не шутить. Наравне с законом гостеприимства у них чтился и закон кровной мести.

Очередную ночь мы провели в убогой хижине погонщика верблюдов, влачившего почти нищенское существование в чуждой для него неприветливой стране. Родом он был аж из самого Туркестана и волею судеб доживал здесь свои дни, проклиная забытую Аллахом участь. Позавтракав сухой лепешкой и запив ее водой, мы уже собрались уходить, когда жена погонщика, месившая в корыте глину, вдруг подняла крик, отчитывая босоногого мальца-сына:

— Как ты смеешь, Бейбарс! Немедленно положи стрелу на место. А вдруг господин Венедин увидит! Как не стыдно воровать?!

Лис, привлеченный шумом, выглянул из хижины:

— Что происходит, уважаемая?

— Простите, высокий господин, мой маленький сын, несмышленыш, вытянул стрелу из вашего колчана. Я повелела вернуть ее вам. Простите, высокий господин. — Она протянула обитательницу Лисовского колчана хозяину.

— Вот как, — поднял вверх брови мой друг, принимая из рук женщины оперенное древко. — Эй, малыш, сколько тебе лет?

— Уже скоро шесть, — гордо распрямляя плечи, ответил смуглолицый мальчик. — Но я уже воин.

— Тише, Бейбарс, тише, ну что ты раскричался.

Лис насмешливо глянул на меня.

— Вот ведь как бывает, Капитан, этот малец — Бейбарс. Ему почти шесть лет и он уже воин. И с этим ничего не поделаешь. — Он развязал висевший на поясе кошель и протянул взволнованной матери пару золотых монет. — На, накорми его. Воину нужно набираться сил. А это, — Венедин протянул стрелу просиявшему от радости Бейбарсу, — оставь себе. И вот еще что, — на ходу бросил Лис, вскакивая в седло андалузца, — когда ты вырастешь и станешь великим полководцем, помни, что и среди христианских рыцарей встречаются достойные люди.

— Обещаю вам, ага*, — срывающимся от радости голосом прокричал ему вслед мальчишка.

— А что, дядя Лис, этот малый и впрямь станет полководцем? — глядя сверху вниз со своего арабчака на ободранного сына погонщика верблюдов, счастливо сжимающего стрелу, спросила Алена Мстиславишна.

— Не совсем, — покачал головой мой напарник. — Пройдет не так много времени, и он станет не только полководцем, но и самым великим султаном со времен Саладина.

— Сын погонщика верблюдов? — переспросила девушка, наслышанная, очевидно, от Ансельма о чудесных свойствах «о великого».

— Основателем империи.

— Жаль, что не успела познакомиться с ним поближе, — задумчиво произнесла наша подопечная. — Но я его запомню.

До Иерусалима оставалось уже не более полутора дня пути, когда наконец мы встретили первый рыцарский отряд. Вернее было бы сказать, он нас встретил. В какой-то миг Ансельм напрягся, прямо посреди разговора, и сообщил, что за нами наблюдает множество вооруженных людей. И почти тут же из-за ближайших холмов с гиканьем и свистом вылетела и понеслась на нас, пытаясь охватить со всех сторон, легкая конница в чалмах, с круглыми щитами и тонкими пиками. Но тут меж восточных одеяний замелькали доспехи европейских рыцарей, а после того как на одном из щитов я разглядел червлено-серебряную шахматку графского рода фон Хонштайнов, у меня и вовсе отлегло от сердца. Передо мной был отряд имперских рыцарей, сопровождаемый сотней туркопилье**. Завидев черные бурнусы, они, вероятно, приняли четверку

---

* Ага — господин (*тюрк.*).

** Туркопилье — легкая восточная конница, союзная крестоносцам.

всадников за невесть откуда взявшихся гостей из сирийской пустыни и пожелали уточнить, что именно надо под стенами Вечного града друзским лазутчикам.

Я выхватил из-под своего покрывала грамоту с печатью императора Фридриха и начал размахивать ею в воздухе, крича во весь голос:

— Остановитесь! Мы люди императорской службы!

Очевидно, заслышав мой крик, нападающие остановили коней, и мы оказались окруженными со всех сторон десятками верховых, ожидающих приказа казнить или миловать. Немая сцена продолжалась минут пять, потом от рыцарской группы, стоявшей под знаменем фон Хонштайнов, отделился один из закованных в доспехи воинов и неспешным шагом пустил своего коня навстречу нам.

— Ну-ка, Капитан, ты у нас ходячий гербарий, в смысле, гербовник, расскажи-ка, что за Ланселота несет к нам в гости?

Я вгляделся в червленый щит всадника, на котором серебряный меч острием вверх проходил сквозь центр четырех сигнальных рожков, поставленных в косой крест.

— Н-не знаю. Похоже на польский герб Тромбы, но это не он. Там рожка было всего три и они обычно черные в золоте, а здесь серебро в червлени. Этот герб мне раньше видеть не доводилось.

Между тем рыцарь приближался все ближе, так что уже можно было разглядеть его глаза, видневшиеся в прорези шлема.

— Господи! — внезапно донеслась из-под стальной личины чистейшая русская речь с характерным северным выговором. — Да ведь это же Воледар Ингварович и Лис Венедин! И... никак, дочь князя Мстислава Киевского! Не сплю ли я?

— Ну, в общем-то это, конечно, мы, — не скрывая удивления, за всех нас ответил Лис. — А вы, с позволения сказать, кто такие будете? А то я вас в этом ведре не узнал.

— Ефимий я! Ефимий из Ольшаницы. Нешто не помните? Мы ж с вами вместе под Изборск ходили.

— Как же, — хлопнул я себя по лбу, — знаменщик князя Олега Изборского. А здесь-то какими судьбами? Разве руссы послали войско в крестовый поход?

— Знаменщик-то бывший, — печально вздохнул отважный юноша. — А из руссов здесь, пожалуй, один только я. Но это долгая история. Нынче я на службе императора Фридриха. Ну а вы-то куда путь держите?

— Так все к нему самому и телепаемся, — хмыкнул Лис. — Он уже, поди, нас заждался. Сидит небось в Иерусалиме в башне каменной да все в окошко выглядывает — не едем ли мы?

— В каком Иерусалиме?! — Даже искажающий звуки шлем не мог скрыть удивления в голосе нашего старого приятеля. — Император отступил из-под Иерусалима. Сейчас он в Яффе.

— Стало быть, там сарацины?

— Нет, — башня шлема повернулась слева направо, — там карезмины. Полторы недели назад они овладели городом, за один день вырезав более семи тысяч человек без разбора звания и веры. Наш отряд был выслан в передовой разъезд, теперь мы возвращаемся в ставку. Если желаете, мы сопроводим вас туда.

— Благодарю тебя, Ефимий, — поклонился я. — Будем рады. Вот только у меня к тебе большая просьба: ты никогда не видел этой девушки, не знаешь, как ее зовут и откуда она родом. Сейчас ее имя Альенор из Штраумберга и она считается младшей сестрой Венедина.

— Хорошо, — медленно произнес молодой рыцарь, — будь по-вашему. Я доложу графу о вас.

— А почему я считаюсь сестрой Венедина? — не преминула выяснить юная княжна, лишь только отъехал храбрый изборец.

— Потому что все полагают, — негромко ответил я, — что ты с женихом находишься в лагере императора и все время со своего приезда в Трир буквально не отставала от Фридриха ни на шаг. Если мы не успеем доставить тебя к нему до твоей собственной свадьбы, то и мы, и все, кто был участником нашего похода из Новгорода, исчезнем безо всякого следа.

Алена замолчала, глядя на меня пытливым взором.

— Умно, — наконец-то сказала она. — Пожалуй, я бы тоже так сделала.

Ночь застала нас на полпути к Яффе. Наконец-то мы могли чувствовать себя в относительной безопасности. Вдалеке перекликались выставленные часовые, конные разъезды объезжали округу в поисках возможного врага, ярко горели костры, кипело в котлах варево солдатской похлебки, ржали кони у коновязи, где-то поодаль слышался хохот отдыхающих воинов... В общем, ночь была тиха и прелестна.

— После того как Орда ушла из Руси, князья стали требовать Володимира Ильича на царство, — рассказывал Ефимий из Ольшаницы, или, как величали его здесь, Иохим фон Улфшанц. — Никому не хотелось признавать над собой власть недавнего сына боярского, коли тот не назовется царем. Уж как Володимир-то отпирался, а все уломали. Патриарх Константинопольский да митрополит Киевский в Москву, что в Украине Залесской, приезжали златой венец на голову Муромца возлагать. По городам и весям народ, почитай, две седмицы ликовал, покуда все меда да всю брагу не выпили.

А уж как празднества-то закончились, все и вовсе вкривь да вкось пошло. Всяк князь при царе первым быть желает, всяк силы копит да ближнего своего извести норовит. И каждый же в тот самый час за свою землю горло рвет: одни кричат — на Царьград идти надо, Олегову дань отымать, другие твердят — пора волжских булгар наказать, пошто Орду до нас допустили? Олег на ливонцев в поход кличет. Ярославскому князю угров подавай. У каждого своя правда, свой резон. Володимир Ильич извелся, с князьями споря да суд чиня, а им все не докучно, что псы злые из-за кости дерутся. Вот и мой-то, — вздохнул витязь. — Из-за полоцких-то земель спор при вас еще был?

— При нас.

— По закону земля эта Глебу Холмскому принадлежать должна была. Так и Володимир Ильич рассудил. Ну, князь Олег осерчал сильно, что не ему тестевы земли достались, да против Глеба козню задумал. У него после Калки большой татарский полон был. Вот он и отобрал из него три дюжины наилучших батыров, откормил, снарядил как след, пообещал им вернуть свободу, да еще и злата дать, коли они Глеба порешат. Те, понятное дело, согласились на сие злодейство с радостью. Подстерегли они молодого полоцкого князя, когда тот всего с пятью гриднями из града выехал, да тут же и набросились всей силой. Князь Глеб витязь славный был, и гридни его недаром хлеб свой ели, но силы все ж неравны оказались. Скольких уж они погубили, мне неведомо, только и сами головы сложили. А те из татаровей, кто жив остался, утекли к Изборску за обещанной наградой. Там их князь Олег и принял. Получили лиходеи свое злато с меча княжьего до последней крупинки.

Головы их князь Олег в мешок положил да к цареву двору привез: вот как, мол, знатно я вражьих сынов покарал за пролитие рюриковской крови, в награду за то полоцкий стол желаю. Да только мне про то злодейство знамо стало.

— Ну и ты... — усмехнулся Лис.

Ефимий вздохнул печально:

— Я при князе знаменщиком состоял, стяг его боевой в самую гущу сечи носил, ни на шаг от господина своего не отставал. Сказал бы кто: умри за князя своего! Умер бы, не сморгнув. А вот лиходейство такое стерпеть не мог.

Снял я с себя меч, которым меня Олег под Изборском перепоясал, положил перед ним на пол прямо там, в царевой палате, да и поведал как на духу, как дело обстояло. Князь в гневе норовил меня шестопером оглоушить, да Володимир Ильич под защиту взял. А князя Олега со двора прогнал и, уж конечно, Полоцк ему не отдал. А спустя месяц Олег на Полоцк силой пошел. И с ним ливонцы.

— Стало быть, перекинулся, — хлопнул себя по колену Лис. — Уму непостижимо! Это ж бред болезненный! Вдумайся, отвоевывать земли тестя с убийцами его дочери.

— К сожалению, уму постижимо, — мрачно изрек я. — Нрав у князя крутой, повиноваться кому-то, а уж тем более такой малости, как закон, ему не по силам. У него от этого все нутро выворачивает. А то, что некогда ему пришлось у Муромца подмоги просить, ему, князю Труворичу, внуку крестьянскому челом бить, он вовек забыть не сможет.

Ефимий из Ольшаницы посмотрел на меня невыразимо тоскливо, так, будто я затронул старую, но все еще ноющую рану.

— Не сможет. Как Полоцк в осаду сел, ему и от Мстислава Киевского, и от Святополка Туровского в подмогу полки подошли. Володимир Ильич же с новгородцами по Пскову и Изборску ударил да на Ригу и Ревель корабли послал. Нынче князь с женой и сыном в Юрьеве сидят под ливонской рукой, и княжества Изборского, стало быть, боле нет. До самой Ливонии земля новгородская.

— Ну а ты-то? — спросил я.

Наш собеседник усмехнулся.

— А, за книжной премудростью погнался. Володимир сына своего Илью от греха подальше в град Париж отослал языкам да наукам обучаться. Есть там такое место, где всякий люд латинской грамоте, да логике, да богословию, да разным законам учат. Сорбонной величают.

— Да, мы в курсе. У одного нашего знакомого так собаку звали.

— Ну так вот, — продолжал молодой рыцарь, — с Ильей-то еще десяток детей княжих и боярских поехало. Кто в Сорбонну, а кто за море, в Кембридж. А с ними и я. Да только в Париже мне совсем не понравилось. Против Новгорода или, скажем, Киева глухомань дикая! Грязно, вонь кругом, бань нет, дьяки все надутые, лопочут какие-то вокабулы латинские не пойми о чем... Тьфу! А тут как раз император в поход собрался. Я, стало быть, у Илюши соизволения испросил да и подался к Фридриху на Сицилию. Теперь вот воюю у графа Хонштайна. — Он вздохнул. — Ладно, государе-воеводы, час поздний, пора бы и на покой. Утро вечера мудренее.

Лагерь крестоносного воинства под Яффой напоминал муравейник в разгар рабочего дня. Все в нем двигалось, меж шатров сновали оруженосцы, плотники заготавливали впрок детали осадных башен, кузнецы оковывали железными листами бараньи лбы таранов, бесчисленные туркопилье выезжали из лагеря, отправляясь в дозор, арбалетчики оттачивали свое искусство на выставленных за полторас-

та шагов ростовых щитах... Армия жила своей обычной жизнью, готовясь к скорому походу.

Пергамент с императорской печатью служил идеальным пропуском. Вскоре мы, вновь приобретшие благодаря стараниям Ефимия европейский вид, стояли у огромного шатра с развевающимся золотым штандартом верховного главнокомандующего.

— Ваше величество, — слышалось изнутри, — как нам сообщили, граф Ибелин, заключивший союз с султаном Дамасска Анназиром Даудом, послал к Иерусалиму золотую казну, чтобы подкупить военачальников карезминов и склонить их выступить на стороне их коалиции.

— Я знал об этом еще неделю назад! Вернулся ли отряд Хонштайна?

— Должно быть, да. С ним...

— Никаких «должно быть»! Да или нет?

— Да, ваше величество. С ними прибыли рыцари Вальтер фон Ингваринген и Лис Венедин. Они ждут ваших приказаний у шатра.

— Прекрасно. Пусть войдут. А ты немедленно беги за Хонштайном.

— Но он только вернулся...

— Бе-гом!

Выскочивший из шатра вельможа кратко кивнул нам на хлопающий на ветру полог и умчался туда, где располагался на отдых отряд графа фон Хонштайна. Мы вошли, немного робея.

— Все благополучно? — едва удостоив нас вниманием, спросил император. И тут же наткнулся взглядом на стоявшую близ нас маленькую киевскую княжну. — Хорошо, господа рыцари, останьтесь здесь, я поговорю с вами попозже. А вами, фройлян, я крайне недоволен. Кто вам позволил выезжать из лагеря скрытно, да еще без сопровождения?

— Этого никогда больше не повторится, дядюшка, — кротко присела в низком поклоне принцесса. — Простите мне мою девичью глупость.

— Эй! — Отворачиваясь от девушки, Фридрих подозвал одного из оруженосцев, дежуривших при особе монарха. — Проводите принцессу к ее шатру.

— До вечера, дядюшка.

Мне было почти не видно лица государя, но краем глаза я заметил, что он был весьма доволен состоявшимся диалогом.

— Ваше величество. — В резиденцию буквально ворвался уже виденный нами некогда в Санкт-Йоханесбурге императорский референтарий. — Господь на нашей стороне! Карезмины дали согласие выступить против Орды вместе с нами.

Глава 28

Мертвые не потеют.

Реклама антиперспиранта

На красивых чувственных губах императора появилась усмешка, явно предвещавшая кому-то глобальные неприятности.

— Ну вот и отлично. Это означает, что в нашем распоряжении еще десять тысяч великолепных всадников, свирепых, неприхотливых и страстно желающих поквитаться с ордынцами за поругание своей родины. Это уже кое-что.

— Но государь, — тихо заметил один из вельмож, стоявших подле главнокомандующего, — можно ли забыть, что руки этих дикарей обагрены кровью тысяч христиан? Что многие из приближенных блаженнейшего патриарха Иерусалимского пали под их мечами? Ему самому едва удалось спастись.

— Прекраснейшим образом можно. Кстати, о патриархе. Я велел доставить его в лагерь. Надеюсь, он уже здесь?

— Как вы и велели, государь, — склонился в поклоне один из военачальников.

— Прекрасно. Вечером приведите его ко мне. Я желаю знать, что теперь он думает об отлучении, наложенном на меня этим недоумком Папой Григорием. Но это после. Сейчас для нас основное — Орда. Господа рыцари, — он резко повернулся к нам, — я знаю, вам уже доводилось встречаться на поле битвы с этим врагом. Даже удавалось его побеждать. Я хотел бы выслушать ваши соображения на этот счет.

— Ну что, Капитан, давай, — едва заметно подтолкнул меня Лис. — Лекции по военному делу — по твоей части.

Мое повествование о тактике и стратегии Золотой Орды выслушивалось в гробовом молчании, лишь изредка прерываемом замечаниями Лиса. Император внимательно следил за ходом моей мысли, иногда переспрашивая и уточняя некоторые моменты, делая знак писцам зафиксировать сказанное в специальной памятной книге. Дослушав меня, он благодарно кивнул и тут же обратился к военачальнику, недавно докладывавшему о прибытии патриарха Иерусалимского:

— Есть ли сообщения от ландграфа Тюрингского?

— Так точно, ваше величество. Его сиятельство отступил к Сен-Жан Д'Арку и сейчас готовит крепость к возможной осаде.

— Что Аль Кемаль?

— Ваш союзник уже выслал войска. Предположительно, к концу недели они должны соединиться с ландграфом Тюрингским.

— Хорошо. Есть новые сообщения об Орде?

— По слухам, в районе Тиверийского озера произошло сражение, в котором войска Анназира Дауда и графа Ибелина нанесли кочевникам сокрушительное поражение.

Мы с Лисом переглянулись.

— Простите, государь, — начал я, — мы с Венедином были на месте этого боя. Потери с обеих сторон не более полутора тысяч человек. Мне неведомо, насколько сильны войска графа Ибелина, но для Орды это ничтожная потеря. Слухи о сокрушительной победе изрядно преувеличены. Скорее всего со стороны Орды в сражении участвовал всего лишь передовой отряд, не более того.

— Прекрасно, — скороговоркой бросил Фридрих. — Значит, Орде щелкнули по носу. Это хорошо, злее будут. Они ударят по нашим врагам всеми силами, за это время Аль Кемаль соединится с нами, а тут еще и карезмины... Пожалуй, нам может удасться... Очень славно. Где, черт побери, Хонштайн?! Я уже битый час его ожидаю!

«Битый час» длился не более двадцати пяти минут, но стремительного, как полет стрелы, императора раздражало любое ожидание.

— Я здесь, ваше величество. — Воин в красно-белом нарамнике выступил из-за полы шатра.

— Входи, входи, друг мой. — Государь порывистым движением шагнул к пропыленному рыцарю и крепко обнял его за плечи. — Рад видеть тебя. Докладывай.

— Мы перехватили золотую казну графа Ибелина, которую он послал для подкупа в Иерусалим, — кланяясь императору, сообщил граф фон Хонштайн.

— Молодец! Настоящий герой! Я велю надзирателю своего гарема подарить тебе любую наложницу по твоему выбору. Нет, не одну, двух! Ступай, дружище, отдохни.

Я отвернулся, пытаясь отогнать невесть откуда всплывшую картину княжеского дворца острова Костаматис.

— Эй! — Фридрих, резко повернувшись на месте, окликнул своего референтария. — Ты слышал, теперь нам есть чем заплатить карезминам обещанную тобой сумму. Спасибо графу Ибелину. Представляю, как вытянется его рожа, когда он узнает, что мы заплатили карезминам его же золотом. Теперь наша задача — заставить Орду повернуть в Малую Азию, через Константинополь и Трапезунд на Рим.

— По-моему, император решил силком загнать Орду в Европу, — удивленно передал я.

— Ну, это к гадалке не ходить. Я только чего-то не врублюсь, на кой хрен ему это нужно?

— Быть может, он желает затормозить движение Орды в Киликийских горах и ударить ей в тыл...

— Конечно, — подхватил Лис. *— Шоб она летела до самой Италии. У тебя шо, со слухом проблемы, не слышал, что ли: Византия и Италия входят в программу шоп-тура, уготовленного стариной Фридрихом для Орды. Как говорится — галопом по Европам.*

Над лагерем заунывно завыла труба, заставляя всех бодрствующих прислушаться к подаваемому сигналу.

— Обед. — Император обвел глазами своих приближенных, собранных в шатре для военного совета. — Я жду вас после трапезы. А вы, — Фридрих повернулся ко мне и Лису, — сегодня обедаете со мной. Все, я не задерживаю вас, господа.

Трапеза в императорском шатре мало напоминала ту, в несказанно далеком Санкт-Йоханесбурге. Да и вообще, император нынешний не слишком походил на себя прежнего. Темные тени, залегшие под большими выразительными глазами, и жесткая складка у губ словно стерли античную красивость с его лица, придавая тому жесткое волевое выражение.

— Вам очень повезло, — усмехаясь, бросил он, жадно вгрызаясь в ножку жареной пулярки, поставленной перед нами на низком левантийском столике. — Если бы не стечение обстоятельств, мы бы уже давно были в Иерусалиме. Сначала жестокая лихорадка трепала сицилийский лагерь, затем, когда в ноябре мы наконец вышли в море, там разразился дикий шторм, заставивший нас вернуться обратно.

— Вернуться? — удивленно переспросил Лис, украдкой кидая на меня ошарашенный взгляд. — В конце осени вы вышли в море, а затем вновь вернулись в порт?

— Ну да, черт побери! — макая пшеничную лепешку в глиняную миску с благоухающим аравийскими пряностями соусом, зло бросил Фридрих. — И этот старый болван, именующий себя наместником апостола Петра, тут же поспешил отлучить от Церкви тот самый крестовый поход, на который его предшественники пытались меня подвигнуть полтора десятилетия перед тем. Этот чертов недоумок панически боится всякого, кто имеет свою голову на плечах. Он решил, что я намереваюсь зимовать в Италии и уж наверняка не премину поблагодарить его святейшество за неоценимую поддержку, которую оказывает он Лиге ломбардских городов, оспаривающей мои итальянские владения.

Я послал в Рим письмо, в котором объяснял причины моего возвращения и заверял его, что вовсе не планирую зимовать на Сицилии и, лишь только вновь соберу эскадру, выступлю в Святую землю. Это не возымело действия. Когда же я отправился сюда, этот ублюдок в тиаре объявил крестовый поход, равного которому не

было прежде, пиратским набегом, направленным на завоевание Иерусалимской короны. — Он замолчал, ожесточенно пережевывая очередной кусок мяса, исподволь наблюдая за нашей реакцией на его слова. — Да, я буду королем Иерусалимским. Я никогда не скрывал этого намерения. Теперь же благодаря браку с наследницей Иерусалимского трона я имею на то полное право. И настаиваю, что папский престол не волен распоряжаться престолами светскими, как о том говорит его святейшество. Восток нужен христианскому миру, да и в конце концов все это территория Римской империи и, стало быть, моя священная обязанность отвоевать наши исконные владения для моего народа.

При всем своем фарисействе слова Фридриха были не лишены известной логики. Его величеству можно было бы напомнить, что наряду со Священной Римской империей наличествует еще и Восточно-Римская, сиречь Византия, но, по правде говоря, после того погрома, который устроили благочестивые крестоносцы в Константинополе четверть века тому назад, тамошние монархи еще долго не могли всерьез претендовать на что-то, больше скромного подаяния.

— И вот я прибыл сюда, — продолжал император, — и со мной сорок тысяч хорошо подготовленных, отлично снаряженных, накормленных и напоенных воинов. Я заключил мирный договор с египетским султаном Аль Кемалем. За это меня наименовали прислужником Магомета. Прекрасно! Просто превосходно! По этому договору в руки христиан переходят Иерусалим, Вифлеем, вся Галилея. Надо быть абсолютным слепцом, чтобы не видеть тех выгод, которые дает нам такой союз.

Аль Кемаль еще в прошлый крестовый поход предлагал вернуть христианам эти земли в обмен на Дамиетту, но войсками командовал папский кардинал. Он не пожелал знаться с «нечестивым мусульманским псом», спесивый индюк. Что же вышло? Крестоносцы затратили столько сил на овладение ключом к Египту, что в результате не смогли двигаться дальше. Но и тогда преосвященный Пелагий отверг предложение Аль Кемаля. Результат: разгром армии и позорный мир.

Но все это ничему не научило эту тонзурную сволочь! Я заключаю договор, добиваюсь передачи христианам святых для каждого верующего мест, они же, вы только вдумайтесь, — Фридрих грохнул кулаком по столу, — отлучают от Церкви христианские святыни. Неизъяснима мудрость сия! Причем добро бы святые отцы так ненавидели магометан, что всякое сношение с ними почитали бы преступлением. Так нет же, они умудряются вовсю поддерживать графа Ибелина, заключившего союз с Анназиром Даудом, и проклинать меня. Ну ничего, нынче вечером я расспрошу патриарха Иеру-

салимского, что двигало его рукой, когда он подписывал мое отлучение. Вот уж действительно, что ни делается, все к лучшему. — Фридрих печально вздохнул, переводя дух. — Хотя, признаться, в первый час я был оглушен известием, что невесть откуда взявшиеся карезмины захватили Иерусалим. Этого я никак не ожидал. Впрочем, вы-то им как раз должны быть благодарны. Город был не более чем в дневном переходе от нас, когда пришли известия о приближении Орды. Не остановись я тогда, не пошли навстречу этой напасти войско ландграфа Тюрингского, мы были бы уже в Иерусалиме. А там...

Что должно было быть там, я прекрасно помнил. И все же благодарить карезминов мне отчего-то не хотелось.

— С девушкой все в порядке? — наконец отвлекаясь от своего монолога, бросил император. — Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

— В полном порядке, ваше величество.

— Прекрасно. — Он сделал знак приблизиться одному из ждущих у входа оруженосцев. — Отведи господ рыцарей к шатру, в котором содержатся их люди, да передай распоряжение фон Нагелю разместить их с подобающими званию удобствами.

Сопровождаемые императорским оруженосцем, мы шли через лагерь, радостно предвкушая встречу с боевыми товарищами.

— Дьявольщина! — невольно вырвалось у меня, когда на подходе к заветному шатру я разглядел плещущееся над ним знамя. — А скажи-ка, приятель, — я положил руку на плечо оруженосца, — верно ли, здесь живет Ульрих фон Нагель или же какой-то другой представитель этого рода?

Лис посмотрел на меня удивленно.

— В чем проблема, Капитан? Шо еще не так?

— Видишь золотую пряжку, процветшую пятью золотыми лилиями?

— Ну, вижу. Теперь буду знать, шо оно такое. В чем дело-то?

— Когда мы расставались с Ульрихом, он был прецептором Тевтонского ордена и, как все его рыцари, носил не собственный герб, а орденский крест.

— Два месяца назад герр Ульрих испросил у великого магистра фон Зальца позволения для себя снять орденское одеяние и разрешить его от данных обетов, — пояснил всезнающий императорский оруженосец.

— С чего бы вдруг? — спросил я, но юноша промолчал, словно пропустил вопрос мимо ушей.

В шатре нас ожидал горячий дружеский прием с громогласными воплями радости, увесистыми хлопками по плечам, незамысловатыми шуточками в изысканном казарменном духе и неизменными

возлияниями Бахусу за нашу удачу, за благополучное возвращение и скорейшую победу христианского оружия.

— И все же, — в самый разгар веселья спросил я, отхлебывая изрядный глоток вина из монастырских виноградников благочестивых отцов кармелитов, — чего это тебя вдруг дернуло выйти из ордена?

Ульрих прервал на полуслове какую-то пустую фразу, помрачнев, поставил на расстеленный посреди шатра ковер недопитый кубок и произнес не громко, но очень внятно:

— Господа, друзья мои... Впрочем, не знаю, имею ли я теперь право по-прежнему величать вас друзьями. За месяцы, прошедшие с вашего отъезда, произошло много такого. — Он замолчал и начал вновь: — Когда вы отправились на поиски ее высочества, император поручил мне охранять ваших спутников и среди них камерфрейлину госпожи Альенор, несравненную Татьяну Викулишну.

— Ну-у? — Лис начал медленно подниматься со своего места.

— *Сядь!* — скомандовал я по каналу связи.

— *Вот щас только его прибью и сяду.*

— Эта почтеннейшая девушка, которой место меж ангелов Господних, благосклонно приняла мои ухаживания и дала согласие стать дамой моего сердца...

— *Ща я, кажется, дам согласие стать кошмаром его морды!*

— *Сережа, я тебя очень прошу, не смей. Они люди этого мира и строят здесь свою жизнь, а не так, как мы — чужую.*

— Я понимаю ваши чувства, господин Венедин, и готов дать любое удовлетворение. Пеший и конный, копьями или мечом, днем или ночью, по вашему выбору.

Лис молча встал, обводя пустым взглядом шатер и его хозяина.

— Вальдар, пошли отсюда, душно здесь как-то. *Капитан, валить надо. Задолбало все. Как только армия начнет ломиться на Орду, теряемся и делаем ноги. Притомила меня эта не наша жизнь.*

Время шло, а мы по-прежнему оставались в лагере. Как правильно гласит безрадостная русская пословица: «Близок локоток, да не укусишь». Армии продолжали торчать на своих позициях, пережидая, когда наконец закончатся зарядившие зимние дожди. Душевная травма Лиса и наше общее чемоданное настроение заставляли держаться подальше от бурной стремнины жизни крестоносного лагеря. Иной раз Фридрих вызывал нас в ставку проконсультироваться по поводу Орды, иной раз вместе с отрядом графа Хонштайна мы участвовали в вылазках против мусульманских союзников Жана д'Ибелина и трижды — трижды! — видели вход в пещеру, где находилась заветная камера перехода.

Место это, именуемое здесь могилой Синедриона, еще совсем недавно было глухоманным уголком в окрестностях Иерусалима. Некогда грозной мощью пугала стоящая здесь над обрывистым склоном башня донжона, принадлежавшая сподвижнику первого иерусалимского короля Готфрида Буйонского, князю дель Поджио. Сейчас на ее месте красовались романтические руины, сохранившие часть зубчатой боевой галереи, с которой открывался потрясающий вид на арабские селения вокруг Иерусалимской крепости.

Еще совсем недавно редкий человек забредал в эти заросшие колючими кустарниками дебри. Нынче же дебрей не было и в помине. Лишь кое-где тянулась аккуратная терновая изгородь. Карезмины, отнюдь не дикари, какими их пытались представить вожди крестоносного воинства, в один момент оценили достоинства этой позиции, и теперь здесь вовсю кипела работа. Разбирались старые развалины, росли стены новой башни, а внизу, в глухом склепе могилы Синедриона, теперь располагался штаб одного из вельможных полководцев, едва ли не шахского рода.

Как бы то ни было, мы трижды сопровождали в эти места посланников императора и трижды наблюдали, как укрепляется позиция вокруг камеры перехода.

— Не, ну это полный дурдом! — ругался Лис. — Ща они тут нагородят стен, а потом и вовсе решат, что им наше дупло не нужно, забетонируют, и поминай, как звали! Тогда шо? В Хорезм переться?! Они сюда, мы туда — рокировка?

— Нет, — качал головой я. — Все произойдет здесь.

— И откуда такая уверенность? — горячился мой напарник. — Ты видишь, какую они тут стройку века развернули?

— Как бы тебе это так объяснить? — Я не находил слов для логичного истолкования своих эмоций. — Видишь ли... Ну, помнишь того старца из Мегидо?

— Помню. Дальше что?

— Помнишь, он говорил: «Черная лилия в залитом солнцем поле...»?

— Ну, была какая-то ботаника. Шо-то он поутру молол.

— Так вот, эта башня, то есть, конечно, не эта, а та, которая здесь раньше стояла, принадлежала роду дель Поджио.

— Обалдеть!

— Герб дель Поджио: диамантовая лилия в золотом поле.

— Ну, хорошо, — недоверчиво соглашался Лис. — Предположим, что диамантовая — это действительно черная. Ну а поле, залитое солнцем?

— Все дело в том, что в княжеских гербах золото обозначается не «ор», а «сол», то есть солнечный. Так что вот тебе, пожалуйста, «черная лилия в залитом солнцем поле там, над скалой».

— Ага, это ты ловко придумал. Значит, как только Красное море подступает к этим скалам, мы домой и отправимся. Отчего нет? Если ему не лень было когда-то расступиться перед заслуженным туристом всех времен и народов папашей Моисеем, шо ему стоит сейчас пробежать еще сотни две километров, ну и подняться еще метров эдак на пятьдесят ради двух таких классных парней. Ну шо, как тебе версия?

Да, с Красным морем пока ничего не выходило. Как ни крутись, оно продолжало оставаться на своем привычном месте, не делая заметных попыток помочь нашему делу.

А время шло, приближалась весна, и по лагерю уже вовсю носились упорные слухи о скором походе.

— Все, — заходя как-то вечером в шатер, резко произнес Лис. — Сегодня выступаем. Я только что от Хонштайна, он утверждает, что сегодня войска выдвигаются навстречу с карезминами в район Газы. Так шо у нас появляется реальный шанс добраться до камеры. Так, где Ансельм?

— Где ему быть? — пожал плечами я. — Либо, как всегда, у Алены, либо трактат изучает.

— У Алены, у Алены, — пробурчал Лис, укладывая в седельные сумки увесистые мешочки с монетами. — Последнее время он мало занимается. Я ему — сколько? — полтора месяца назад тайну шифра раскрыл! Ну и где результат? Эдак он до бакалавра не дослужится.

— Чего тебя вдруг так проняло? — бросил я через плечо, складывая вещи в объемистый тюк.

— Я уверен, что в талисмане должна быть пиротехника. Чтоб китайцы туда каких-нибудь петард не насовали? Такого же быть не может! Так шо чем теток развлекать, лучше б делом занялся. Ща вся толпа из Иерусалима свалит, в берлоге нашей останется человек десять, ну двадцать. Вот тут бы их и шугануть, да Ансельм в героилюбовники записался.

— Ты к нему несправедлив, — вступился я за юного мага. — На прошлой неделе он открыл, как источать воду из камня, на позапрошлой заращивал раны...

— Да хоть запасные руки-ноги приживлял! — не унимался Лис. — Согласись, иметь под рукой такую мощную магическую штуковину и ждать, когда какие-то ковбои освободят камеру перехода? В этом есть что-то неправильное.

Я был готов с этим согласиться, но в этот момент в наши апартаменты, запыхавшись, ворвался один из императорских оруженосцев.

— Государь, — еле переводя дыхание, начал он, — велел срочно препроводить вас в ставку.

— Ну что за срочность! — скривился Венедин. — В чем проблема? Не видишь, что ли, у нас парко-хозяйственная ночь.

— Срочно препроводить! — вновь выдохнул оруженосец.

— Ладно, — кивнул я, откладывая уже уложенный тюк. — Проведаем Фридриха напоследок.

Император ждал нас в шатре.

— Монголы, собравшись с силами, идут на нас, — без всякого вступления начал он.

— Это было ожидаемо, — ответил я. — Насколько я могу видеть, мы вполне готовы к их приходу.

— Я о другом, — прервал меня Фридрих. — От имени малолетнего Хулагу-хана войско ведет ваш старый знакомый Субедэй.

— Очень опасный полководец, — вздохнул я, вспоминая битву при Калке. — Стремительный, отважный, хорошо рассчитывающий силы.

— Да, я знаю. А еще я помню, что по его требованию на Руси вы были казнены. Но сейчас не об этом. Мне нужны переговоры с ним. Причем на выгодных условиях. Наше войско изрядно потреплет Орду на марше, не ввязываясь в сражение. Я думаю, это заставит монгольского полководца благосклонно принять предложение о перемирии и дальнейших переговорах. Но требуется еще что-то, что может окончательно перевесить чашу весов на нашу сторону.

— Вряд ли мы сможем помочь вам здесь советом, ваше величество, — с поклоном произнес я.

— Слава Богу, я не нуждаюсь ни в чьих советах! Этой самой пушинкой, которая, как здесь любят выражаться, переломит спину верблюду, будете вы. По его мнению, вы мертвы. Стало быть, ваше появление целыми и невредимыми должно ошеломить Субедэя. А ошеломить — значит победить.

— Но, ваше величество, — произнес я, стараясь говорить как можно убедительнее, — смею вам напомнить, что однажды Субедэй уже пытался нас обезглавить. Возможно, конечно, он будет ошеломлен, но вряд ли это помешает ему на этот раз довести свою затею до конца.

— Возможно, да, а возможно, нет. Во всяком случае, стоит рискнуть. Я пошлю с вами отряд Хонштайна, они защитят вас в случае чего. Отправляйтесь сейчас же, Хонштайн уже получил соответствующие указания. И запомните, мне нужны эти переговоры. Нужны во что бы то ни стало. Ступайте.

— Ну, вот и потерялись, — обреченно выдохнул Лис, выходя из штабного шатра и сталкиваясь возле него нос к носу с суровым рыцарем в красно-белом нарамнике. — Капитан, как ты себя ощущаешь в роли пушинки? Чувствуешь ли силу переломить спину верблюду?

— Да, — мрачно кинул я, — и шею кому-то поменьше.

— Что? — Лис крутанулся на месте. — Что ты сказал?

— Я сказал, что с удовольствием бы сломал шею, руки, ноги и кое-что еще...

— Стоп, стоп, стоп! Хватит только шеи. Капитан, ты гений, хотя и не без моей помощи.

Стоит ли говорить, что затея незаметно исчезнуть из расположения рыцарского отряда, вся задача которого — оберегать нас, любимых, была бы бесполезной тратой времени. К тому же весьма небезопасной, учитывая, какая суровая кара предусматривалась у Фридриха за дезертирство. Учитывая же, что за нашей спиной не более чем в двухчасовом переходе на соединение с войсками ландграфа Тюрингского, Аль Кемаля и карезминов шла и вся остальная императорская армия, идея эта становилась и вовсе абсурдной.

Впрочем, у Лиса уже созрел план предстоящей встречи, и он, как это всегда бывало с ним в часы очередного глобального озорства, похоже, начисто забыл о недавнем желании прорываться к камере сквозь ряды карезминов, распугивая их пиротехническими фокусами Черного дракона.

И вот наконец передовые туркопилье доложили, что впереди они столкнулись с монгольским разъездом.

— Чудесненько, — потер ладони Лис, расплываясь в хитрой улыбке. — А теперь, Ансельм, мне здесь нужен небольшой рыбный дождик. Такой мелкий, моросящий, без китов и акул. Что еще? Суровые нитки и котлы с водой.

— Что вы собираетесь делать, господин рыцарь? — строго и почти с укоризной изрек граф Хонштайн, наблюдая предуготовления моего напарника.

— Я собираюсь с некоторым опозданием поздравить своего приятеля Субедэя с английским праздником Хэллоуин. И вас, граф, я очень прошу мне в этом помочь. Да, вот еще что, пока я с татарами буду ворковать, держитесь рядом, но вперед не суйтесь. Действуйте по моему знаку.

— Но каким образом?

— Об этом я расскажу чуть позже. О! А вот уже и рыбка начала падать. Пока что прикажите ее собирать и бросать в котлы.

* * *

Шатер, в котором проходили переговоры, был полон народу. Кроме нас с Лисом и Субедэя, здесь находились еще человек двадцать, преимущественно из личной стражи монгольского полководца. Молча выслушав официальную часть нашей миссии, он долго, не размыкая губ, созерцал стоящих перед ним императорских посланцев, словно ища скрытый подвох в переданном нами предложении о личной встрече с Фридрихом. Субедэй обладал весьма цепкой памятью, и потому без труда узнал лица, виденные полгода тому назад близ Калки. Но, похоже, при всем желании он не мог вспомнить, кому они принадлежат. Десятки тысяч лиц промелькнули за это время перед его глазами, и эти два не слишком выделялись в их ряду.

— Мы встречались с вами прежде, — произнес он наконец, скорее утверждая, чем спрашивая.

На губах Венедина заиграла радостная улыбка.

— Конечно! Помните, в прошлом году на Калке вы упросили тамошнего царя Володимира Ильича казнить двух витязей? — При этих словах Лис начал неспешно разматывать обвивавший его шею черный друзский бурнус. — Так вот, это были мы. — Последний виток черной материи упал с Лисовской шеи.

Глаза Субедэя нереально расширились, и он помимо своей воли отступил на шаг. По горлу Лиса от кадыка в обе стороны к затылку шел глубокий косой шрам, наскоро прихваченный стежками суровой нитки.

— Спасибо дорогому Ильичу, что тела новые сыскали, — прочувственно, со слезой в голосе, изрек Лис. — А то ведь две седмицы так, без тел, глазами хлопали.

— Да, это правда. Мы здесь все мертвые, — подхватил я, демонстрируя свежий шрам на своей шее. Затем, вытащив из ножен кинжал, аккуратно примерил его к пластине доспеха на груди и с печальным вздохом вогнал клинок под сердце. Признаться, имперскому оружейнику было внове изготавливать кинжалы с клинком, убирающимся в рукоять, но игра стоила свеч. Ордынцы никогда не видали кинематографа, зато прекрасно представляли, какой эффект вызывает вошедшая в сердце сталь. Их широкие скулы свело судорогой, и Лис продолжал витийствовать в полном молчании:

— Да шо мудрить, — он простер руку в сторону сопровождающих нас воинов, — вон Ефимий из Ольшаницы, бывший знаменщик князя Изборского, тоже убит при Калке. Ефимка, покажи, куда тебя копьем ткнули. — Продемонстрированная рана на животе с выходом в районе позвоночника однозначно не оставляла человеку

шанса выжить. — Все тут мертвяки. Сами кого хотите спросите. Только вот, — Лис замялся, — тем, которые в шлемах, забрала лучше не поднимать. Им, до того как их оживили, звери лицо съели.

Субедэй был мужественным воином, но он никогда не смотрел фильмов ужасов. А Венедин между тем продолжал развлекаться от души.

— А то еще, если хотите, можете меня саблей рубануть. Мне не жалко.

Мощный удар тут же обрушился ему на плечо, заставляя Лиса упасть на колено. Но с тем же успехом меч субедэевского телохранителя мог пытаться рассечь кузнечную наковальню — Черный дракон надежно охранял своего хозяина от любых покушений.

— Хороший удар, — с видом знатока констатировал Лис. — Еще кто желает попробовать?

Очередной стражник потянул меч из ножен, но Субедэй сурово остановил его:

— Не надо. Передайте своему императору, что я согласен встретиться с ним. Завтра здесь же. — Он развернулся и вышел из шатра.

— И тогда Арагорн вывел из-под горы шоблу жмуров и устроил всем похохотать, — прокомментировал последнюю мизансцену Лис. — Ну что, граф, — небрежно кинул Лис суровому Хонштайну, все еще демонстрирующему рубец от плеча через грудь к бедру, — посылайте гонца в штаб за одалисками. Субедэй спекся и готов к употреблению.

— Отлично! — стремительно врываясь в штабной шатер, изрек Фридрих, возвращаясь с переговоров. — Монголы идут через Малую Азию. Мы поставляем им продовольствие и снабжаем проводниками. Прекрасное условие, оно позволяет нам и дальше навязывать им свою волю. Где мой командующий флотом? Где этот чертов венецианец?!

— Я здесь, ваше величество.

— Маурицио, как можно скорее отправь корабли в Италию и Константинополь. Необходимо срочно дать знать его святейшеству папе и патриарху Константинопольскому о грозящей им опасности и объяснить, что только я могу спасти их.

— Но, ваше величество, море еще штормит, корабли могут пойти на дно.

— Море имеет полное право штормить. Оставим Господу хотя бы возможность распоряжаться погодой. А корабли... Если мало одного, пошли десять. Десять в Рим и десять в Константинополь. Если даже одному из них удастся дойти до цели, имя Маурицио Отелло навеки останется в людской памяти, как имя спасителя Европы.

— *Это уж точно!* — услышал я на канале связи насмешливый голос Лиса. — *Именно как спасителя. И именно Европы.*

— Поспеши! Мы переломим хребет этим тварям Божьим, и клянусь своей короной, это будет самое богоугодное дело, которое я только могу измыслить.

Глава 29

Бог не имеет религии.

Махатма Ганди

Над Яффой вовсю гремели колокола, приветствуя входящую в гавань папскую галеру. Гремели, невзирая на отлучение, наложенное его святейшеством на крестовый поход и всех его участников.

Вчера в императорском шатре я был свидетелем занятной сцены, предшествующей этому набату.

— Они отказываются звонить, ваше величество, — разводя руками, докладывал референтарий. — Говорят, пока не снято отлучение...

— Пусть говорят все, что им взбредет в голову. Меня это не интересует. Они должны делать то, что я им велю.

— Но его святейшество...

— К черту его святейшество! Наловите мне пару дюжин доминиканцев, привяжите их руки к колокольным языкам да посыпьте площадки в звонницах раскаленным углем.

— Но, государь, не будет ли это слишком?

— Будет, если и в таком случае они откажутся звонить. Но вряд ли это произойдет.

Колокола гремели над Яффой. Император стоял на крепостной стене во главе роскошной свиты, внимательно следя за маневрами вызолоченного корабля под папским штандартом. И радостная улыбка смиренного сына Церкви, запечатленная на его губах, многократно отраженная, освещала лица приближенных.

— Ну вот ты и попался, — тихо произнес государь, глядя, как поднимаются вверх тяжелые галерные весла, как летят на берег швартовы и ровной шеренгой выстраивается вдоль борта отряд папской стражи. Он резко повернулся к стоявшему позади референтарию: — Есть ли сообщения от орденских магистров?

— С вашего позволения, государь, иониты и храмовники заявляют, что, как и прежде, полны решимости защищать интересы веры в Святой земле. Более того, они вполне уверены, что прибытие в Иерусалим первых лиц Церкви вдохновит христиан на новые подвиги во славу Божью. Намечающиеся же здесь переговоры помогут завершить нелепую распрю, позволяющую неверным считать, будто существует вражда между властью церковной и властью светской. Магистры прислали своих иерархов, чтобы те могли представить ордена во время переговоров.

— Прекрасно, — кивнул Фридрих. — Прибыл ли гонец от Аль Кемаля? Он обещал мне прислать в Иерусалим как минимум двух шейхов.

— Еще нет, ваше величество.

— Проклятие! Пошлите ему сообщение, пусть поспешит. Да, вот еще, я велел найти и доставить ко мне главу здешних иудеев. Вы нашли его?

— Увы, государь. Либо иудеи скрывают имя этого человека, либо же у них действительно нет единого первосвященника.

— Тогда найдите мне какого-нибудь Пророка, Учителя, Мессию, наконец! И не морочьте мне голову рассказами, что их тут нет. В этой земле пророки растут что грибы после дождя. Я вам приказываю, найдите мне такого человека. Найдите и разместите в Иерусалиме с не меньшим почетом, чем его святейшество.

— Ваше величество, — послышался за спиной императора голос одного из предводителей рыцарских отрядов, — но достойно ли будет собрать в едином месте с отцами христианской церкви и знатными шейхами нечестивых иудеев, распявших Господа нашего?

— Не городите чушь! Стали бы они распинать отпрыска своих царей? А кроме того, мне нет дела, во что они верят. В моей стране каждый имеет право отправляться на Небеса своим путем. Найдите мне человека, способного убедительно донести до остальных иудеев результаты предстоящих переговоров, или же я вас самих заставлю перейти в их веру. — Император кинул на своих приближенных взор, позволявший утверждать, что эти слова вовсе не являются пустой угрозой.

— Ваше величество! — К Фридриху, придерживая меч, подбежал молодой голубоглазый красавец с забранными в хвост светлыми волосами, тот самый Маурицио Отелло — венецианский наемник, поставленный государем во главе своего флота. — Его святейшество Папа Григорий IX высаживается на берег.

— По-твоему, я сам этого отсюда не вижу? — Фридрих обвел рукой панораму гавани, открывавшуюся с крепостной стены.

— Да... но, может быть... может, имеет смысл... он все еще Папа...

— И что с того? Он и кардиналом-то был не слишком хорош, а уж проживание в Ватикане и вовсе не пошло на пользу. Передайте ему, что я с радостью приму дорогого гостя в своем лагере. Эй! — Он подал знак стоящему позади оруженосцу. — Распорядись привести коней. Мы уезжаем.

Весенний Иерусалим представлял зрелище куда как более приятное для глаз, чем то, которое открывалось нашему взору во время зимних поездок. Разделенный на три сектора, он бурно строился, причем каждая из сторон, будь то архитекторы Аль Кемаля, высокоученые строители-карезмины или же зодчие, привезенные храмовниками, стремились во что бы то ни стало превзойти друг друга в красоте строящихся зданий и скорости их возведения.

Большим подспорьем в непрерывном строительстве, ведущемся здесь, служил Лис. Вернее, не столько сам Венедин, сколько его Черный дракон и сделанный Ансельмом перевод трофейной рукописи, открывавшей посвященным секрет феерически быстрого возведения Великой Китайской стены, дворца Цинь Шихуань-ди и его гигантской усыпальницы. Было довольно забавно глядеть, как взмывают вверх, а затем неспешно опускаются на заранее отведенное им место тяжелые каменные блоки. Сначала на это чудо сбегались посмотреть со всех концов города, но где же еще происходить чудесам, как не в Иерусалиме. К парящим в воздухе камням привыкли так же быстро, как в наши дни к подъемным кранам.

Слава великого мага Лиса Венедина и его достойного ученика Ансельма Кордовца росла с каждым днем. Но, увы, это отнюдь не решало нашей проблемы. Окрестности камеры перехода были заняты карезминами, и сама она все более и более приобретала вид неприступной крепости. Еще бы! Ведь сам наместник Хорезм-шаха избрал башню над высокой скалой, господствующей над округой, местом своей резиденции. Мы видели его несколько раз: поджарый, как горный барс, с лицом обветренным и мрачным, он не производил впечатления человека, готового по дружбе отозвать из крепости своих нукеров и запустить под нее, пусть даже союзного, мага.

— Он сын третьей жены Джелал эд-Дина, — рассказывал один из карезминов, с которым быстрому на знакомство Лису удалось разговориться на Шуке — шумном Иерусалимском базаре. — И один из лучших его полководцев. Субедэй никогда бы не сломил его отваги, если бы не Черный дракон. Он налетел на войско, пуская струи пламени из пасти и зловонный дым из ноздрей. Ни стрелы, ни чары не могли остановить его. Кони, обезумев, выносили нас из боя,

и войско бежало в панике от ужасного чудовища. Я был там. С тех пор минуло двенадцать лет, но как сейчас вижу эту черную тварь. И хотя ни разу в жизни ни один враг не заставлял меня дрогнуть, воспоминание об этом ужасающем страшилище, заставляет меня содрогаться до самого нутра.

— Не, ну ты представляешь! — возмущался Лис. — Этот самый ордынский маг со своим Черным драконом так наследил в Хорезме, что у них до сих пор при воспоминании о нем поджилки трясутся. А я таскаю талисман уже скоро год, и ни тебе в зуб ногой, как из него эту самую тварюку вытащить. Только подумай, шандарахни мы сейчас Черным драконом по ставке шахского наместника, и спокойно бы могли свалить отсюда еще месяца два назад.

— Слушай, может, их попробовать оттуда волком шугануть? — с сомнением в голосе предложил я.

Лис пожал плечами.

— Да ну, это как-то несерьезно. Ты шо, «Тысячу и одну ночь» не читал? Они его своими джиннами враз затопчут. У них же наверняка в ставке свои маги есть. Наедут на бедного Херсирка танком, а мне его и прикрыть нечем.

В разгар беседы в занимаемые нами апартаменты вошел Ансельм, явно довольный собой и миром вокруг.

— Ну?! И чем ты занимаешься, блин? — с места в карьер набросился на него Венедин. — Ты на бакалавра сдавать думаешь или как?

— Я, о великий, — моментально теряясь под гневным взором наставника, почти прошептал юноша, — я разработал новое заклинание. Оно позволяет сращивать камни в единое целое, так, словно это один камень. Полагаю, что для новой цитадели, которую строит государь...

— Ты мне глупостями баки не забивай! Тебе шо на дом задавали? Я шо-то до сих пор не слышу вразумительного рассказа на тему применения Черного дракона Цинь Шихуань-ди, так сказать, в быту и народном хозяйстве. Тебе зачем дополнительную литературу выдали, камни сращивать?

— Но, о великий, — растерянно лопотал Кордовец, — я же сам разработал новое заклинание.

— Не, ну тупой какой-то! Оставь камни в покое! Они миллион лет тут лежали и еще миллион пролежат. Ответь мне домашнее задание, а потом играй в свои кубики сколько тебе влезет. Вот, к примеру, ты знаешь, как выводить из талисмана образ Черного дракона?

— Конечно, — недоуменно произнес Ансельм. — Это проще простого. Точно так же, как, скажем, выводить образ змей из посоха Асклепия или же...

— Не, ну уникум, блин! — всплеснул руками Лис. — Вундеркинд хренов! Неразумное дитя каменных джунглей, ты что, смерти моей желаешь?

— Что вы, о великий! Как я могу?!

— Так шо ж ты раньше-то молчал?!

— Ну, я не думал... Ведь это же такая малость. Фата-моргана, фантом.

— Ага, мираж, стелс и МИГ-31. В общем, так, роднуля, ударная стройка феодализма побоку, хочешь быть бакалавром, изваяй мне этого самого Черного дракона. Да так, чтобы летал, искрил, дым пускал. Ну шоб, одним словом, все было чики-чики.

— Как? — ошеломленно переспросил Ансельм.

— Каком книзу, головой кверху. В общем, цели ясны, задачи определены. За работу. К утру управишься?

— Но, о великий, — едва ли не шепотом пробормотал молодой маг, — в трактате говорится о ручных крыльях наподобие тех, что воины-тени применяли в войне против айнов. А я, с вашего позволения, никогда и не слыхивал ни о воинах-тенях, ни об айнах.

— Ну неуч! Ну двоечник! — возмущенно начал Венедин. — Про ниндзюков ничего не слышал!

— Лис, — тихо произнес я, — у Кеукче был дельтаплан. А образ дракона он носил поверх него, как плащ.

Мои слова, кажется, заставили разбушевавшегося «о великого» сменить гнев на милость.

— Ладно, — со вздохом махнул он рукой. — Рановато нам, старикам, уходить на заслуженный отдых, ничего без нас сделать не можете. Так и быть, помогу тебе.

— Ты что, когда-нибудь строил дельтапланы? — спросил я, когда радостный Ансельм побежал экспроприировать с султанских складов десять отрезов первостатейного шелка «на нужды партии».

— Никогда в жизни, — честно сознался Лис. — Но это не важно. Во-первых, я видел, как они выглядят, а во-вторых, в детстве в пионерском лагере я целую смену ходил в авиамодельный кружок. Так шо не боись, все будет пучком — их тиозавры станут нашими тиозаврами.

Невзирая на гордые заверения Лиса, изваять летающий аппарат к утру не удалось. То, что вышло в результате его полуночных бдений, больше походило на гигантский шезлонг с ящиком для мелких вещей внизу.

— Это что? — недоуменно глядя на хитроумный плод инженерной мысли моего друга, наивно спросил я.

— А вот мы сейчас и узнаем, — с нескрываемой гордостью созерцая обтянутое цветастым шелком устройство, заявил Лис. — Ансельм, грузи в гондолу мешки с песком и гони коней вниз с холма.

Лисовский ученик поспешил приступить к выполнению полученного распоряжения.

— Это полетит? — для верности спросил я, с невольным холодком в крестцово-позвоночной зоне понимая, что если каким-то чудом Лисовское детище взлетит, то вслед за мешками с песком в гондоле окажемся мы. И тут уж не до шуток.

— Должно, — неуверенно пожал плечами Лис. — Вот видишь, это несущий планер, это стабилизаторы, вот это рулевые тяги. Так что мы сможем не просто парить в воздухе, аки птицы, но и управлять полетом.

Пока он говорил эти исторические слова, Ансельм завершил подготовку к запуску и сделал отмашку погонщикам, дежурившим у восьмерки горячих берберийских скакунов, где-то позаимствованных моим боевым другом для испытания «оружия возмездия».

Почувствовав на спинах болезненные укусы витых кожаных бичей, норовистые, почти дикие животные, гневно захрапев, рванулись вниз по склону. Бесценный экспонат авиационной выставки в Ле-Бурже, установленный на шасси, изготовленные из двухколесной арбы, понесся вслед за упряжкой, потрясая несущим планером, стабилизатором и проявляя при этом одну лишь, но явную тягу — уткнуться передком в грунт.

— Давай! — грозно скомандовал Лис, и Ансельм, восседавший на арбе, что есть сил рубанул тяжелым мечом по громоздкому узлу, крепящему аэроплан к шасси.

Крепежные тросы обмякли, и устрашающий агрегат, груженный восьмьюстами фунтами песка, отчего-то хлопая вздувшимся шелком крыльев, рванулся вдогонку скакунам, стремительно перегнал их и... треск и грохот возвестили о том, что первый европейский аппарат тяжелее воздуха достиг основания холма.

— Да уж, — почесал затылок Лис, печально глядя на сложившийся шезлонг. — На фоне общей тенденции к неуклонному росту встречаются еще определенные недоработки на местах. Надо было, пожалуй, ставить расчалки.

— Что ставить? — переспросил я.

— Ну, это такие штуковины. Ты не знаешь.

Наш плодотворный диалог был прерван весьма неожиданно.

— *База Европа-центр вызывает Джокеров. Джокер-1, ответьте мне.*

Лис удивленно посмотрел на меня.

— Шось у лиси здохло. Если они сейчас скажут, что вытащили тролля из пещеры и мы можем возвращаться обратно, ей-богу, я объявлю себя шейхом Лисом аль Вен-ед-Дином и возглавлю джихад против институтского начальства.

Я пропустил угрозу Лиса мимо ушей, тем более что в голове требовательно звучал знакомый голос диспетчера:

— *Ответьте Базе!*

— *Слушаю вас, сударыня.*

— *У вас там все нормально?*

— *Ну, так, в общих чертах.*

— *А почему вы до сих пор не вернулись?*

— *Видишь ли, тут есть определенные проблемы. Мы сейчас как раз работаем над этим,* — начал я осторожно.

— *Ну, как знаете. Только в правлении Института есть мнение, что вы намеренно затягиваете свое пребывание на побережье Средиземного моря, не имея на то никаких оснований. Так что, возможно, в этом году у вас возникнут осложнения с отпуском.*

— *Не, ну ты слышал!* — возмутился Лис. — *Ну есть на этом свете хоть какая-то справедливость! Слушай, роднуля, а ты б не могла нам кого-нибудь из руководства сюда притаранить? У нас тут есть отличное местечко для отдыха, буквально курортная зона. Зеленые лужайки, чистые ручейки, свежий горный воздух, потрясающая архитектура, обалденная флора и прелестная фауна. Ну, то есть рай земной, шоб я так жил. Вади-аль-Джан называется. Так ежели шо, мы в этот санаторий имени «Лампады Аладдина» можем бесплатную путевку выписать, так сказать, подарок от профсоюза.*

— *Я не распоряжаюсь отпусками. Я только передаю то, что слышала.*

— *База, милая,* — стараясь несколько скрасить впечатление от Лисовского монолога, вмешался я, — *а что, собственно, произошло? Чем обязаны, так сказать, визиту?*

— *Вы в Святую землю из Марселя отплывали?*

— *М-да. Но это же когда было! Еще осенью.*

— *Вот именно — осенью. С тех пор из порта не вышел ни один корабль, там случился пожар, на порт напали каталонские пираты, в складах появились огромные полчища крыс...*

— *Але, родная, а мы-то тут при чем? Мы что, по-твоему, крыс в Марсель завезли?* — перебил диспетчера Венедин.

— *...И застрял наш стационарный агент, который должен был отправиться в Святую землю.*

— *Я не понял,* — возмутился Лис, — *мы ему шо, няньки? Он не может добраться до какого-нибудь другого порта?*

— *Не может. Тамошний начальник порта посадил его в подземелье. Он, похоже, совсем с ума сошел.*

Я чувствительно толкнул Лиса в бок.

— Капитан, ты чего пинаешься? — Напарник удивленно смерил меня взглядом.

— Сережа, Горе-злосчастье.

— Чур тебя, чур! — замахал руками неустрашимый Венедин, быстро оглядываясь и прислушиваясь к окружающим звукам. — Не, вроде нету.

— Ты не понял! Золотая фибула мэтра Марно, капитана «Святой Женевьевы».

Лис хлопнул себя по лбу.

— Господи, я и забыл! *Короче, подруга, пусть твой стаци выбирается из подвала и, уж как хочет, отберет у начальника порта золотую фибулу. Она скорее всего должна быть у того на плече. Только не дай бог оставить ее себе! Пусть зашвырнет ее в море, в камин. Лучше в камин. И будет ему удача.*

— *Зачем?*

— *Девонька, за этой брошкой Горе-злосчастье таскается.*

— *Вы опять за свое!* — возмутилась диспетчер. — *Какое еще Горе-злосчастье?!*

— *Обыкновенное. Тебе шо, Марселя мало? Еще какие-то доказательства нужны?* — Лис, казалось, готов был разбушеваться не на шутку, но внимание его отвлек Ансельм, поднимающийся вверх по склону холма, с озадаченным видом вертя в руках деталь погибшего аэроплана. — *В общем, ладно, я все сказал. Отбой связи!* — громыхнул напоследок он, ступая навстречу ученику.

— О великий, — смиренно начал Ансельм. — Вы видели, оно рухнуло наземь и развалилось на куски!

— Да ну, не расстраивайся, всяко бывает. Значит, дерево было непросушенное, метизы некалиброванные, опять же, турецкая фурнитура. А ты шо думал, без манометра и осциллографа мы сразу ручные крылья забабахаем? Ты шо, в сказку попал?

— Но что же делать?..

— А шо делать? Дрова на костер, шелк, если целый остался, сверни. Ну а шо уж порвалось, отдай крестьянам на шаровары. И давай дуй на склады за новым материалом. Дальше ваять будем.

К нашему великому сожалению, ваяние затягивалось. Лисовские агрегаты от конструкции к конструкции становились все совершеннее, некоторым из них порой даже удавалось несколько минут удержаться в воздухе. Но все же о том, чтобы переносить на них сколь-нибудь весомый груз на сколь-нибудь дальнее расстояние, не

могло быть и речи — агрегаты зависали в небе подобно своеобразным воздушным якорям, не желая ни на дюйм двигаться с места.

Последние дни я мало видел Лиса. Занятый своим делом, он пропадал на холме Геват Рам, где располагался «летный парк». Меня же император, испытывающий в связи с наплывом высоких гостей острую нехватку в переводчиках, призвал дежурным толмачом в ставку. И вот наконец настал день, которого здесь ждали все.

С утра на улицах слышалось радостное шушуканье. Отпросившись у Фридриха, я примчался к венедскому ангару и застал в нем Лиса, скорбящего над остатками очередного летающего чуда века.

— Там сегодня начнется, — спрыгивая с коня, бросил я. — Приехал Папа Римский с кардиналами, здесь константинопольский и иерусалимский патриархи, какие-то муфтии, раввины, шейхи, кто их разберет...

Лис поднял на меня безрадостный взор.

— Патологоанатом. В чем прикол-то?

— Ты не понимаешь! — возмутился я. — Такого еще не было никогда. Сегодня они соберутся вместе.

— Капитан, — тяжко вздохнул Лис, — меня занимает другое. Я, видишь ли, вырос в десяти минутах ходьбы от полка истребительной авиации и с детства помню, что вот эти штуковины способны летать. И хоть убей, я не могу понять, почему они этого делать не желают.

— Может, попробовать его магической силой поддержать? Как Ансельм камни.

— Капитан, ну ты темный, как ни разу не учился! Сравнил шелк и камень.

— Шелк, конечно, значительно легче, — произнес я, не понимая, к чему клонит мой друг.

— О Господи! Ну это же элементарно: шелк не задерживает магическую энергию, ее в него невозможно упереть. Понимаешь, в чем тут собака порылась? А деревянные крылья ломаются в том месте, где ты прикладываешь поток магически заряженных электронов. Думаю вот каменные заказать.

Идея летать под собственной могильной плитой меня отчего-то не вдохновила.

— А может, — предложил я, — соорудить что-то вроде пары небольших монгольфьеров и закрепить их на крыльях?

— Я уже думал, — отмахнулся Лис. — Но ты вообрази себе: летит эдакий страхолюдный Черный дракон, а на крыльях у него воздушные шарики. Рубь за сто даю, карезмины с места не сдвинутся, их от хохота кондратий хватит. Ладно, — Венедин пнул ногой безжизненный остов летательного аппарата, — времени рассиживаться нет. Давай, Капитан, занимайся большой политикой, а я тут с Ан-

сельмом еще поиграю в братьев Олрайт. Будет что-то интересное, включай связь. — Он поднялся, собираясь уходить. Но вдруг, повернув ко мне лицо, спросил, словно чувствуя, что находится на пороге открытия: — Слушай, а если попробовать соорудить биплан? С четырьмя крыльями оно даже ужаснее получится!

Небольшая площадь перед храмом Гроба Господня была заполнена народом. Впрочем, сказать так означает не сказать ничего. Людей, собравшихся в этот час близ огромных ворот храма, казалось, могла свести вместе только неуемная фантазия Данте, подбирающего яркие персонажи для своей «Божественной комедии». Римский понтифик, косо взирающий на константинопольского патриарха; исламские шейхи, со скрытой ненавистью оглядывающие обоих неверных шакалов; некто в черном с кудрявыми локонами страсти, свисающими по обе стороны лица; и вокруг них монахи, дервиши, раввины, в общем, нечто невообразимое, сведенное вместе непреклонной волей императора Фридриха. Гомон и негромкая словесная перебранка слышались близ разверстых врат, норовя перейти в шумный скандал, но тут над площадью радостно взвыли медные боевые трубы, и на сооруженный здесь же деревянный помост неспешно поднялся сам император. Патрицианская тога с пурпурной каймой, надетая поверх золоченой кольчуги, и золотой венок триумфатора на голове придавали ему вид античного кесаря.

Высокое общество смолкло. Две сотни копейщиков в полном молчании промаршировали по площади и заняли места по ее периметру. Назревавший скандал затих, так и не начавшись. Над старым городом воцарилась тишина, так что стало слышно, как за стенами цитадели где-то близ геенны огненной* надрывно кричит ишак.

— Досточтимые прелаты, я очень рад видеть всех вас близ этих врат. Этой редкостной удаче я обязан тому почтению, которое к каждому из вас испытывают истинно верующие в известных мне землях. Вы все стойкие и искренние носители Божьего слова. Каждый из вас почитается за мудрость, коей порой так недостает нам, земным владыкам. Я был бы рад припасть к стопам каждого из вас, ибо глубокие знания ваши — кладезь Божественной истины.

Но, увы, разбросанные в разных землях, разделенные со времен падения башни Вавилона рогатками и рвами непонимания, мы, в своем жизненном пути не посвятившие долгих лет духовному поиску и познанию чистого истока, вынуждены в звериной злобе и диком неверии каждым шагом своим отрицать слово Божье, носите-

* Геенна огненная — овраг возле стен старого Иерусалима, служивший городской свалкой.

лем которого являетесь вы, почтенные прелаты. — Он затих, переводя дыхание и оценивая, какое впечатление оказывают его слова. — Мне горько. Мне горько и больно сознавать это, — вздохнул император. — Но трижды горько не сознавать то, — голос его загрохотал громовым раскатом, — что чистый живительный источник Веры, служить которой вы все присягали, ежедневно и ежечасно оскверняется черной завистью, глупой и нелепой враждой и мелкими страстишками слуг Божьих.

Но когда один из моих слуг проворуется или же не проявит должного усердия в исполнении своих обязанностей, мой мажордом спешит наказать его, будь то словом, плетью или же мечом. Что же остается делать мне, Господнему мажордому, когда я вижу, как слуги Божьи, забыв всякий стыд, чинят козни как друг против друга, так и против того, кому они клялись служить?

Я призван в этот мир, чтобы править, чтобы награждать усердных и карать нерадивых. И да дарует мне Господь силы свершить это с добротой и мудростью. А потому я собрал вас здесь, в этом священном для каждого из вас месте, в этом священном для каждого из вас граде. Здесь, где и по сей день видны стены Соломонова храма, здесь, где находится Гроб Спасителя нашего, здесь, где лошадь Пророка последний раз коснулась земли, вознося его на Небеса.

Я собрал вас, чтобы сказать, что чаша терпения людского переполнена. Переполнена не водой, но человеческой кровью. И я заклинаю вас, как мажордом Господень, заклинаю, ибо слова увещевания всегда должны предшествовать мечу возмездия, войдите в эти врата, забудьте свои распри, забудьте, что одни из вас величают Того, кому посвящен этот храм, Иешуа, другие Иисусом, третьи Исой. Протяните друг другу руки и дайте каждому из вас черпнуть от чистоты и мудрости другого. Да станет ваша мудрость и чистота единой, как един Господь.

Всевышний, сотворивший этот мир за семь дней, да будет вам примером на том пути, на коий вам нынче суждено ступить. Войдите в эти врата. Они затворятся за вами, и никто под страхом смерти не посмеет нарушить вашего священного уединения. Я сам стану следить за этим и сам буду заботиться о вашем хлебе насущном, как то и обязан делать мажордом.

Спустя же неделю, в начале седьмого дня мы вновь соберемся здесь, чтобы пиром, которого доселе не было видано на свете, отпраздновать час, когда чистые ручьи Вышней мудрости, подобно весенним потокам, сольются в единую прозрачную реку, способную утолить жажду всех страждущих Истины. Ступайте, — он простер руку в сторону храма — и да будет с вами милость Божья.

Копейщики, очевидно, ожидавшие этого сигнала, начали шаг за шагом сжимать полукруг, вытесняя отцов Церкви с площади.

— Прекрасно! — подперев рукой бок, кивнул Фридрих, когда площадь опустела и слушатели его вдохновенной речи оказались внутри храма. — Закрывайте ворота! Заваливайте их камнями! Да оставьте небольшую щель, чтоб можно было передавать еду. Референтарий!

— Я здесь, ваше величество.

— Записывай: в первый день еды отпустить, как военачальникам, по полной мере три раза в день, второй так же три раза, но уже три четверти от нормы. И каждый следующий день давать только половину от меры дня предыдущего.

— Будет исполнено, ваше величество. Но позвольте спросить, а ежели они вдруг все же не договорятся?

— Тем хуже для них, — пожал плечами Фридрих. — Будут сидеть взаперти, пока не найдут общий язык. А если кто-нибудь из них умрет, что ж, придется подыскать ему замену. И так до тех пор, пока они не скажут того, что я хочу услышать.

Я стоял в толпе рыцарей, понимая, что являюсь свидетелем события, по меньшей мере невообразимого где-либо еще. Пожалуй, ради этого действительно стоило задержаться, пусть даже и потеряв законно причитающийся отпуск. Сообщи мне сейчас Лис, что карезмины в спешном порядке бросили окрестности старой башни дель Поджио и мы можем в прогулочном темпе отправляться домой, я бы все равно задержался узнать, чем же закончится вся эта небывалая авантюра. Или же, кто знает, — великое деяние.

— Господин Вальтер фон Ингваринген?

Я резко повернулся. На человеке, знавшем меня по имени, поверх доспеха был надет белый льняной нарамник с алым крестом, слегка похожим на древнюю норманнскую руну.

— Мессир Сальватор де Леварье? — Я склонил голову, понимая, что поклониться в такой толпе мне не удастся. — Какими судьбами?

— Я представляю его преосвященное высочество магистра ордена Храма Девы Марии Горной при императоре. А вы? Я вижу, наша помощь пошла на пользу. Вы состоите при Фридрихе?

— Ну, я бы так не сказал. Я всего лишь толмач, не более того.

Де Леварье посмотрел на меня с улыбкой, в которой читалось явное недоверие.

— Конечно. Вот именно толмач нам и нужен. Мы были бы весьма вам обязаны, господин рыцарь, когда бы в память о той скромной услуге, которую орден как-то имел удовольствие вам оказать, вы бы, в свою очередь, помогли нам найти общий язык с императором. Вне лишних глаз.

Глава 30

И познаете истину, и истина сделает вас свободными.

Евангелие от Иоанна, 8, 32

Голос Лиса на канале связи был полон нескрываемого торжества.

— Капитан, оно полетело! Черт возьми, оно способно летать!

— Лис, — с укоризной произнес я, *— я передаю тебе эпохальное событие. Вполне возможно, с него начнется новый отсчет времени в этом мире, а ты ни на час не можешь оторваться от своих опытов.*

— Да Бог с ними, со всеми этими попами и отсчетами. Эка невидаль! Мы теперь сможем вернуться домой! Вот только надо с грузоподъемностью еще что-то придумать, а то оно больше центнера не берет.

Я тяжко вздохнул.

— Ну ладно, чего ты там раздышался, — усмехнулся Лис. *— Видел я твое шоу. Посмотрим еще, каких результатов этот знатный диетолог добьется. Попы народ упертый, к постам привычный, объявят себя мучениками за веру и Аллах акбар. Лови потом следующих энтузиастов, желающих принять участие в этом сабантуе. Я тебе другое скажу, ты заметил, что наша-то возле императора держалась? Кстати, единственная женщина, бывшая на площади. А вот Людвига там и в помине не было.*

— Ну, после того, как она сказала жениху, что высоко ценит воинскую доблесть и будет рада лично закрепить ему золотые рыцарские шпоры, он только и занят тем, что проводит время в верховой езде, упражнениях с оружием и управлении вверенным ему отрядом. Кстати, для шестнадцатилетнего юноши он все это делает вполне неплохо.

— Похвальное рвение. Я так прикидываю, лет через десять — пятнадцать Алене понадобится толковый полководец. Так что пусть тренируется, иначе она запросто сможет заменить его кем-нибудь другим.

Всю следующую неделю Иерусалим напоминал лагерь под Яффой. Вернее, несколько лагерей, соединенных в один. Восточные балахонистые одеяния мирно соседствовали с нарядами европейцев, многоязыкая речь, смешиваясь на улицах, постепенно начинала обретать черты единого целого. Уже не редкость было наблюдать на иерусалимском Шуке арабского торговца, вовсю спорящего с

тюрингским сержантом. Причем обе стороны, говоря по большей части на родном языке, умудрялись непостижимым образом понимать друг друга.

Я проводил время близ императора, принимавшего в своем наскоро выстроенном дворце все новых гостей, спешащих воочию увидеть происходящее в Вечном городе.

Город богател и расцветал на глазах. Голова шла кругом от обилия появлявшихся, казалось, ниоткуда лавок, от продававшихся на каждом углу золотых и серебряных украшений, от тончайших узорчатых тканей, от дурманящих запахов специй и изысканных восточных сладостей. Устав от столетних войн, люди заново учились жить рядом, и император Фридрих, которого регулярно видели то рядом с султаном Аль Кемалем, то прогуливающимся верхом вместе с наместником Хорезм-шаха, то ведущим ученые беседы с толкователями Талмуда, подавал тому личный пример. А на холме Геват Рам доблестный Лис Венедин с Ансельмом и десятком помощников самозабвенно трудились над созданием летающей основы для Черного дракона.

— Фигня какая-то получается, — жаловался вечером мой друг, когда я наконец-то возвращался из императорской ставки, — если рейки делать толстые, конструкция получается слишком тяжелой. Пробую делать тоньше — ломаются под грузом. Сюда бы трубчатый металлический каркас, да где ж его взять? Как ни бьюсь, полтораста килограммов — это потолок. Честно говоря, не знаю даже, что дальше предпринимать. Все, кажется, испробовал, результат один: нас с тобой вместе дракон не поднимет. — Он прикладывался к одной из приносимых от государя бутылок драгоценного «нектара», присланного его величеству султаном, неизменно кривился, на чем свет стоит ругая эти местные сиропы и заявляя, «шо без бураков делов не будет».

Чем больше поглощал он обманчиво легкое султанское зелье, тем ярче и пространнее становились его разговоры о том, что все здесь «беспонтовое», что его «вконец задолбала эта хреновая экзотика», что пора «вертаться до ридной хаты». Потом он начинал петь песни, читать стихи, причем постоянно требуя признать, что ничего подобного никакие соседние цивилизации создать просто не могли потому, что не могли никогда.

— Нет, ну ты послушай, — горячился он. — Ведь каково же сказано: «Там королевич мимоходом — мимоходом, ясно! — пленяет грозного царя». Он грозный там царь, а ему по фиг дым, с понтом под зонтом. А дальше вот: «Там в облаках перед народом через леса, через моря колдун несет богатыря».

— Точно. — Я хлопнул ладонью по столу, собранному Лисом из останков очередного рукокрылого аппарата.

— Ага, и тебя проняло! — Венедин погрозил указательным пальцем неведомо кому. — Потому как это классика, а тут фуфло.

— Так мы и сделаем! — не слушая друга, радостно выпалил я.

— Как это — так? Кто это — мы? Ты о чем? — Глаза Лиса начали принимать осмысленное выражение.

— Колдун несет богатыря. Полетите вы с Ансельмом. Как раз по дороге изобразите жуткий бой Руслана с головой.

— У тебя у самого бой с головой. Причем ты, похоже, побеждаешь. Ты шо же это думаешь, я тебя здесь одного оставлю? А то я твой почерк не знаю! Тебя ж без меня враз к смертной казни приговорят.

— Не надо меня оставлять, я тоже домой хочу. Сделаем все просто и без лишнего шума. Вы с Ансельмом летите к могиле Синедриона, распугиваете карезминов, а я привожу коней, не оставлять же их здесь на добрую память. Затем можно устроить последнюю гастроль с летающими по воздуху камнями, молниями, прочей показухой в таком же роде. Потом дракон исчезает, а Ансельм остается. Причем, заметь, не просто в качестве способного ученика знаменитого венедского мага, а победителя ужасающего дракона и, понятное дело, защитника союзных императору карезминов.

Лис посмотрел на меня с показным удивлением.

— А шо, ничего. Еще, конечно, не «о великий», но уже где-то так «о грандиозный». Ну шо, прямо сейчас и ломанемся?

— Слушай, — вздохнул я. — Завтра уже должны отцов Церкви на волю выпускать. А кроме того, я слышал во дворце, что если все нормально, то как раз завтра и свадьба Алены с Людвигом. Может, чуток задержимся? Опять же, какой смысл ночью лететь, чего доброго, с курса собьемся. Да и в потемках Черный дракон смотрится не так эффектно.

— Не, ну кому шо, а курци просо. Все бы тебе на свадьбах нажираться! В конце концов не тебя женят! — возмутился Лис, видимо, пропуская мимо ушей остальные мои доводы. — В конторе-то, поди, заждались! Мы уже год лишку здесь носимся.

— Учитывая темпоральные искривления Болховитинова-Роджерса, что-то около трех месяцев, — поправил я. — И то, если мы в красном секторе спирали Литмана.

— Ну ладно, Бог с тобой, — сжалился Венедин. — Будем считать это твоим последним желанием. Но учти, если эти «папы» и «мамы» завтра выползут из церкви и начнут тереть по ушам, что им еще нужно посовещаться в комиссиях, мы плюем на все с самой высокой здешней колокольни и наконец-таки делаем всем ручкой. Потому как прежде, чем они в третьем чтении утвердят текст своей капитуляции, рак на горе свистнет.

Я молча кивнул, надеясь на лучшее.

* * *

Утро следующего дня в Иерусалиме ожидали так, как, вероятно, не ожидали ни одно другое за всю его тысячелетнюю историю. Еще с ночи к воротам цитадели тянулись толпы зевак, надеющихся краем глаза увидеть предстоящее зрелище и услышать хоть единое слово из того, что должно было быть сказано нынче затворниками храма.

Мне с великим трудом удалось пробиться к воротам сквозь окружавшую недостроенную цитадель толпу. Провожаемый завистливыми взглядами, я предъявил охране пропуск с императорской печатью и был пропущен внутрь крепостных стен, где в узких улочках, оттесняемая многочисленной стражей, жалась к стенам кучка избранных, тех, кому в заветный час было позволено находиться близ императорской ложи. Караульный начальник, знавший меня в лицо, молча кивнул, указывая на узкий проход меж молчаливых шеренг копейщиков.

— Император уже прибыл?

— Да, совсем недавно. Вы еще ничего не пропустили.

Государь ждал урочного часа на том самом месте, откуда неделю назад провозглашал свою, вероятно, самую важную в жизни речь. Сейчас он был бледен, пальцы, лежавшие на эфесе привешенного к поясу меча, сжимались и разжимались так, словно грозный монарх никак не мог решить, выхватывать клинок из ножен или же повременить.

Я поклонился государю, но он, похоже, не заметил моего движения, как, возможно, и меня самого. В толпе придворных, также взволнованных, негромко и нервно переговаривающихся, я увидел Хонштайна, де Леварье, с которым на днях организовал его величеству приватную встречу, и, к немалой своей радости, изрядно повзрослевшую за последние дни принцессу Альенор, нашу маленькую Алену Мстиславишну.

Она по-прежнему оставалась единственной дамой, допущенной на церемонию, а ее будущий супруг принц Людвиг, пожалуй, единственным человеком, которого все происходящее здесь не волновало ни малейшим образом. Он глядел на свою суженую влюбленным, даже восхищенным взором так, будто именно она была главной действующей фигурой предстоящего церемониала, и, невзирая на разницу в возрасте, казался юным пажом близ гордой королевы. Альенор благосклонно улыбалась ему, изредка поворачивая к жениху свою очаровательную головку, но негромкие краткие реплики, которыми она обменивалась со всемогущим Фридрихом, похоже, занимали ее куда более, чем изящный вид стоявшего рядом принца. Император внимательно слушал девушку и порой улыбался, не разжимая губ.

Наконец настал обозначенный час, когда первый луч солнца, восходящего над Иерусалимом, коснулся запертых ворот храма. И тут же взвыла трубная медь, ударили гулкие литавры, и многотысячный рев ждущей внутри крепости и за ее стенами толпы единым оглушительным приветствием встретил четкую команду Фридриха:

— Отворите врата!

Несколько десятков полуобнаженных силачей, собранных во всех подвластных здешним монархам землях, принялись отваливать в сторону камни, вернее, скалы, которые заграждали вход в храм. Медленно разошлись в стороны огромные створки ворот. Ждавшие этого мига копейщики четким движением ударили древками о каменные плиты площади и подняли оружие на плечо, приветствуя отцов Церкви.

Они выходили по одному, по два, отвыкшие от дневного света, порядком исхудавшие, настороженные, но, по всему видать, довольные исходом дела. Над площадью висела напряженная тишина. Никто и никогда еще не проводил подобной церемонии, а потому, вероятно, никто не знал, кому следует говорить первым.

— Досточтимые святые отцы, — нарушая молчание, начал император громким, почти командным голосом. — С почтительным смирением и трепетом я жажду узреть ту вершину человеческой мудрости, которую подвиг вас достичь дух Господень. Мы все здесь ждем вашего слова.

Из молчаливой плеяды иерархов Веры не спеша, словно все еще сомневаясь в правильности своих действий, вышел седобородый старец, бывший архиепископ Афинский, а ныне Иерусалимский патриарх Иосиф. За время, предшествующее храмовому затворничеству, мне довольно часто приходилось видеть его в императорском лагере, куда он бежал, спасаясь от карезминов. Вероятно, именно этому «близкому знакомству» он и был обязан высокой роли докладчика.

— Сын мой, — начал церковный иерарх, — почитаемый всеми нами государь Священной Римской империи, покровитель Иерусалима, высокий защитник Рима и Константинополя. Дни и ночи, проведенные нами в храме Гроба Господня, увы, с неопровержимой ясностью показали, как глубоки еще пропасти, отделяющие верования друг от друга.

— Так, — тонкие, но весьма крепкие пальцы Фридриха сжались на рукояти меча. По-видимому, от патриарха Иосифа тоже не ускользнул этот жест, и он поспешил продолжить:

— Но мудрость и доброта Божья для всех нас едины, как един для всех нас свет солнца, а потому, собравшись в этом священном месте, мы приняли решение: каждый из нашей паствы будет волен

славить Господа так, как велит ему обычай, и никто не повинен мешать ему в этом. Здесь же, в Святом граде, а затем и в иных великих местах мы решили возвести новый храм, именуемый храм Многих Врат. Через врата эти каждый верующий сможет ступать своим путем, ибо там всякий путь ведет к Господу. — Он замолчал, выжидающе глядя на императора.

— Ну, слава Тебе, Всевышний, свершилось! — осеняя себя крестным знаменем, выдохнул Фридрих. — Быть посему.

Отряды сигнальщиков ждали этого жеста и этих слов. Едва смолкло их эхо, как над Иерусалимом загремели на разные лады колокола, в неурочный час завели свой заунывный напев муэдзины, и вопль радости пронесся над Вечным городом, вспугивая дремлющих на крышах голубей.

— Почтеннейшие святые отцы, — с нескрываемой радостью в голосе начал государь. — Сегодня во всех концах земли не найдется невежды, не разделяющего это ликование. И только слепец нынче не узрит того благостного света, коим озарили вы жизнь всех сущих в мире народов. Нынче же я разошлю гонцов во все концы, дабы оповестить земных владык о той великой радости, свидетелями которой мы стали.

Моя же радость и вовсе безмерна. Ибо сегодня, в этот великий день, я женю своего любимого сына Людвига на племяннице русского царя очаровательной принцессе Альенор. Сегодня все жители Иерусалима — мои гости, и да не будут они знать ни в чем отказа. Я нижайше прошу вас, ваше святейшество, и вас, досточтимый патриарх Константинопольский, свершить обряд таинства брака — первый обряд нового времени. И это будет тем более символично, что вместо обычных венчальных корон я дарую молодым венцы короля и королевы Иерусалимских.

— *Вот это да-а!* — восхитился Лис на канале связи. — *Вот это выход из-за печки! Это по крути! Где бы себе так сходить под венец?*

— *Сходить лучше в другое место,* — отозвался я. — *А насчет короны, по-моему, очень ловкий ход. Он отобрал у церковников право распоряжаться этой короной. К тому же у многих противников Фридриха претензии лично к нему, а вовсе не к его сыну. Так что на время руки у него будут развязаны, а управлять этими землями все равно будет он.*

— *В этом я как раз сильно сомневаюсь. Но, думаю, здешним управлением император будет доволен.*

— Отелло, готовь эскадру к выходу в море. Отряды тюрингцев и вестфальцев отправляем к Константинополю, да пошли вперед быс-

троходный корабль обнадежить моего дражайшего кузена императора Византии, что мы уже идем ему на помощь. От короля Армении Левона сообщение прибыло? — распоряжался император, повернувшись спиной к ликующей толпе.

— Да, ваше величество. Он обещает задержать Орду в горных ущельях, но просит прислать ему подмогу. Его сил не хватит.

— Прекрасно. Значит, так, отпиши от меня магистру ионитов депешу с просьбой направить королю Левону подмогу с Кипра. Как только тюрингцы прибудут в Константинополь, пусть выступают навстречу Орде. Мы с Аль Кемалем и карезминами ударим им в спину и запрем Субедэя в малоазиатской горловине. Да, вот еще что, де Леварье. Где де Леварье?

— Я слушаю вас, ваше величество.

— Вы обещали мне помощь ордена, она мне нужна. Я знаю, вы можете передавать сообщения с невероятной скоростью на огромные расстояния.

— Это так, ваше величество.

— Необходимо как можно скорее доставить известие моему доброму союзнику царю руссов Володимиру, я прошу его поддержать наш поход против Орды. Пусть подопрет Константинополь и короля Левона своими полками.

— Луна не успеет смениться, как царь Володимир узнает о вашей просьбе, — поклонился мсье Сальватор. — Вы можете и впредь рассчитывать на нашу поддержку. Это великая победа. Храм Множества Врат — нечто доселе небывалое. Вы сокрушили косность...

— И так, и не так, — меняясь в лице, вздохнул Фридрих. — Сегодня я одержал победу. Полагаю, храм действительно будет воздвигнут, однако время для него еще не настало. Слишком велико расстояние, отделяющее иудея от эллина, скифа от варвара и раба от свободного. Сегодня мы победили. Быть может, завтра все пойдет прахом, но этот шаг надо было сделать, иначе бы его пришлось делать кому-то другому, и одному Богу известно, удалось бы ему это. С этого же дня все будут знать, что такое возможно. И это главное.

А сейчас самое время позаботиться о свадьбе.

Государь в окружении свиты стремительным шагом прошествовал мимо, рассекая грудью жаркий левантийский воздух, спеша заняться неотложными делами. Я печально вздохнул, внутренне соглашаясь с правильностью его слов, повернулся и... буквально нос к носу столкнулся с Чурилой Олеговичем, киевским витязем, некогда командовавшим отрядом во время похода на Изборск.

— Валедар Ингварович? — ошарашенно глядя на меня, спросил он. — Вы ли это?

Я галантно поклонился богатырю в алом плаще и богатом доспехе с золотой гривной на груди. Поклонился не столько из вежливости, сколько лихорадочно соображая, что ответить старому знакомцу.

— К вашим услугам.

— Дык ведь... вас же казнили. У Калки. Я ж воочию... — Он протянул ко мне руки, чтобы убедиться, что я ему не грежусь.

— Эх, — вздохнул я безысходно, — было дело, казнили.

— Да как же ж... такое быть-то может?

— А вот может. Город здесь такой, постоянно кто-нибудь оживает.

— *Капитан,* — услышал я. — *Послушай боевого товарища. Валить тебе оттуда надо со скоростью необычайной. Свадьба побоку, я тебе, так и быть, дома налью. Иначе придется всей русской делегации объяснять технологию приживления голов. А не дай Бог, кто еще проэкспериментировать захочет! Так шо чмокни от меня Алену в щечку, пожелай успехов в боевой и политической подготовке и сваливай. Тем более что щас все напразднуются в зюзю, знать попрется в храм на церемонию, так что у камеры перехода ну максимум человек десять — двадцать останется. Другого такого случая до крестин со всеми звездинами и полумесяцинами может не представиться. Ну и, кроме того, народ скоро изрядно под градусом будет, так что, поди, потом пойми, приглючился име Черный дракон или действительно что-то такое по небу летало.*

— Прости, дружище, — вздохнул я, — как-нибудь потом поговорим. Меня тут Лис Венедин ждет.

— Как, и он?.. — Удивление в глазах храброго витязя сменилось полной растерянностью.

— А как же, — бросил я, спеша уйти, пока он не пришел в себя.

Огромный четырехкрылый дракон, черной молнии подобный, пикировал на башню карезминов, стоявшую над могилой Синедриона. Клубы дыма стелились вокруг него, и пламя, исторгаемое из пасти, превращало в песок камни, из которых была сложена твердыня. Стражники, те немногие, оставленные, как видно, в наказание, караулить в день свадьбы, с душераздирающими криками выскакивали из разрушаемой крепости и, закрыв руками голову, падали лицом ниц, стараясь хотя бы этим спастись от вида леденящей душу твари. Кто-то из них попробовал вскочить в седло, но не тут-то было. Обезумевшие лошади, привязанные к коновязи, вырвав ее с корнем, неслись подальше, подальше, подальше от *этого.*

«Пора», — самому себе скомандовал я, давая шпоры Мавру и ведя в поводу Лисовского андалузца и легконогую лошадку Ансель-

ма. Их пришлось довольно долго приучать к образу Черного дракона, прикармливая при этом всякими вкусностями.

— Эх, хороша была штука. — Лис похлопал стоявший у развалин башни летательный аппарат по плоскости крыла. — Жаль рушить, да что делать.

— Так может, оставите? — испытующе глядя на него, произнес Ансельм.

— Не время для аэропланов. Ну а если шо, все расчеты у тебя остались.

Ансельм кивнул, Венедин поднял руку, из пальца его сорвалась вполне всамделишная молния, и биплан вспыхнул ярким пламенем.

— Это как? — недоуменно спросил я, глядя на «о великого».

— А бес его знает, — тихо, так, чтобы не слышал Ансельм, пробормотал Лис. — Вот, подумал, оно и вышло. Может, я все время так мог?

— Учитель, — отводя завороженный взгляд от пламени, пожирающего ручные крылья, начал Ансельм, — а как же я? Вы же обещали сделать меня бакалавром!

— Роднуля! — Лис крепко обнял ученика и мягко толкнул его от себя. — Об чем речь? Если я сейчас спущусь с холма и начну втирать, что Ансельм Кордовец бакалавр магии, меня ж люди на смех поднимут. Зовись, уж так и быть, магистром. Ежели у кого вопросы возникнут, посылай сразу ко мне. А я уж так пошлю, вовек не дойдут.

— Но вы же исчезаете, — расстроенно шмыгнул носом новоиспеченный магистр.

— Фигня делов, — махнул рукой Лис. — Раскрою тебе великий секрет: ежели где шо убудет, так куда-то оно обязательно прибудет. Так шо даст Бог, свидимся. А это, — «о великий» вытянул из-под камизы талисман с Черным драконом, — на, носи. На память.

— Учитель! — задыхаясь от волнения, прошептал Кордовец. — Да как же?..

— Носи-носи, заслужил, — хлопнул его по плечу мой напарник.

Молодой маг с замиранием сердца принял из его рук волшебное сокровище.

— Да, вот еще, — встрепенулся он, отрывая от талисмана зачарованный взгляд. — Сегодня ночью мне удалось расшифровать в трактате Зеедорфа еще нечто очень важное.

— Например?

— У императора Цинь Шихуань-ди была многотысячная армия неуязвимых терракотовых воинов. По уверению фон Зеедорфа, она и по сей день ожидает приказа властелина Черного дракона. И с

этой армией хозяин талисмана по своему повелению может в единый миг перенестись в любое место, какое пожелает.

Лис обалдело посмотрел на нового повелителя Черного дракона.

— Ты хочешь сказать... В смысле, мы с самого начала могли сюда... — Он ткнул пальцем в темный зев пещеры. — Это правда?

— О да, конечно!

— Вальдар, пошли. Мы зажились в этом мире. — Он повернулся и, понурив плечи, зашагал к камере перехода. — От Калки!!!

— Ансельм, — позвал я будущего придворного мага иерусалимской королевы. — У меня к тебе две просьбы.

— Я готов. К вашим услугам, господин рыцарь.

— Благодарю. Запоминай, налет дракона на башню карезминов — прекрасный повод императору расторгнуть договор с Субедэем. Дракона последний раз видели у монголов, а Хорезм-шах нынче союзник Фридриха. Так что после этого вероломного нападения он может без зазрения совести прекратить поставки продовольствия в Орду.

— Но я не вхож к его величеству, — с сомнением в голосе начал Ансельм.

— Ерунда. Передай мои слова королеве Альенор. Она сама придумает, как довести их до императора. И вот еще что, — я тяжело вздохнул, — будь добр, дай знать графине Аделаиде Мекленбургской, что ты нагнал нас в Иерусалиме и испепелил своими молниями.

— Но для чего?

— Для чего? — повторил я, пожимая плечами. — Да как тебе сказать, нам уже все равно, а женщине будет приятно.

Эпилог

И все же конец мой — еще не конец,
Мой конец — это чье-то начало.

В. Высоцкий

— ...Ну, в общем, сидим мы в яме, сверху решетка, дерьма по уши, вонь, крысы, и тут припирается этот крендель хренов с самострелом...

Сергей Лисиченко, все еще в облачении доблестного Лиса Венедина — рыцаря и мага, — восседал за раскладным пиршественным столом, на котором красовался весь малый джентльменский набор наскоро собранного друзьями фуршета.

— Да вы пейте. — Мой напарник заботливо подхватил стоящую перед ним бутыль из-под шампанского, наполненную, как я знал, совершенно иным содержимым. Напиток этот, бывший предметом Лисовской гордости, именовался «Лисовым напием» и поражал употреблявшего его на месте не хуже венедских стрел. — Пейте, пейте, щас я колбаски дорежу.

По взглядам, которые мой друг бросал на симпатичную барышню из отдела материального обеспечения, очевидно, впервые посетившую подземелье лаборатории рыцарства, я вполне догадывался о его планах на сегодняшний вечер. В сущности, все звучавшие здесь страшные боевые рассказки были рассчитаны именно на нее.

— ...Ну и начинает он тереть нам по ушам, что мы замочили его брата. Поди ему растолкуй, что это не мы, а одна такая нежная хрупкая тетка. Вон, кстати, его любовница.

Я сидел, обложившись картами и путеводителями по Иерусалиму разных веков издания. Из головы моей не шло пророчество, осуществившееся только наполовину. Я усмехнулся, слушая Лисовскую версию истории несчастного Ропши, перевернул очередную страницу и...

— Сережа!!!

— Ну ладно, не тетка. Прекрасная дама. Уболтал. Но я вам скажу, как она Ропшиного братана по чайнику навернула, это что-то! У того весь кипяток из носика вытек.

— Лис, помолчи минуту. Помнишь старца из Мегидо? Предсказание?

— Ну, помню. А шо такое? Мы уехали, и Красное море тут же затопило Иерусалим?

— Оставь свои шуточки. Иди сюда. Вот, смотри, видишь. — Я ткнул пальцем в современный путеводитель по городу трех тысячелетий.

— Ну, карта. Шо я должен видеть?

— Сюда смотри. Вот могила Синедриона.

— Ну?

— А вот улица Красного моря. Камера перехода как раз под ней. Ты понял? Под *камнями* Красного моря!

— Точно! — Лис хлопнул по карте ладонью. — И про путь тогда все ясно. У нас он там заканчивался, а у Ансельма начинался.

— Дедуля говорил «у других», а не «у другого».

— Ладно, оставь, — махнул рукой Лис. — В конце концов там еще стража была. У них тоже могло что-нибудь начаться от эдакого зрелища. Лучше скажи, каким образом отшельник мог знать, что в XX веке в нашем мире на этом месте пройдет улица Красного моря?

— Ума не приложу, — покачал головой я.

— Веселитесь? — В комнату, или, вернее, в келейку, поступью светской, как Готский альманах, вошел представитель королевы в Институте, мой закадычный друг, XXIII герцог Бедфордский. — Это похвально. Надо же вам когда-то расслабиться хоть на часок-другой.

— Ты это о чем? — подозрительно начал я.

— Я только что с ученого совета. — Вельможный Джозеф Рассел поднял со стола стакан с «Лисовым напием», понюхал его и, скривившись, поставил обратно. — М-да... Так вот, у нас возникли большие проблемы в том мире, откуда вы только что вернулись. В Марселе, где вы умудрились наследить, плотно застрял ценный стационарный агент. Он в темнице, и его необходимо вытащить. Дело всего лишь на пару недель.

— Мы возвращаемся? — сдавленным голосом прохрипел Венедин.

— В ученом совете существует авторитетное мнение, что это будет оптимальный вариант, — кивнул Рассел. — Но решение еще не принято. Впрочем, я знаю, что может избавить вас от этой миссии.

— Что же?

— Криптобиологи на совете узнали, что вы вернулись. Теперь они в большом числе направляются сюда, собираясь причинить вам множественные увечья, несовместимые с дальнейшими командировками. Они очень любили своего тролля, так что спасти вас может только чудо.

— Тоже мне, проблема! — хмыкнул Лис, доставая из-под плаща знакомый мне кошель с прахом феникса. — Чудо — это буквально наше второе имя. Подавайте свою мумию тролля, ща мы из этой рыжей скотины будем делать человека.

Содержание

ТРЕХГЛАВЫЙ ОРЕЛ 5
ВСЕ ЛОРДЫ КАМЕЛОТА 369
КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ВОСВОЯСИ 731

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Свержин Владимир
КРУЖЕВО НОРНЫ
Трехглавый орел
Все лорды Камелота
Крестовый поход восвояси
Сборник

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: С.Б. Клещёв
Технический редактор Т.В. Сафаришвили
Младший редактор Е.А. Лазарева

Подписано в печать 18.10.07.
Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 41.
С.: Под Дозоры. Тираж 2 500 экз. Заказ № 4724236.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, 27/32
и электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Отпечатано на ОАО "Нижполиграф"
603006 Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Владимир Свержин — популярный отечественный фантаст, автор знаменитого приключенческо-иронического сериала о похождениях сотрудников Института Экспериментальной Истории Вальдара Камдила и его хитроумного напарника по прозвищу Лис, чья профессия — странствовать по параллельным реальностям и восстанавливать нарушенную историческую справедливость.

В эту книгу вошли три романа сериала — «Трехглавый орел», «Все лорды Камелота» и «Крестовый поход восвояси».

Альтернативная история Средневековья никогда еще не была такой забавной!

ISBN 978-5-17-047802-6